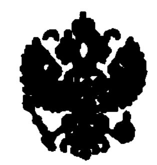
СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ВОЙНА И МИРЪ

Томъ III.



МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº, Пименовская ул., собствен. домъ.
1899.

ВОЙНА И МИРЪ

(1864—1869 года).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Съ конца 1811-го года началось усиленное вооруженіе и сосредоточеніе силъ западной Европы, и въ 1812 году силы эти—милліоны людей (считая тѣхъ, которые перевозили и кормили армію), двинулись съ запада на востокъ, къ границамъ Россіи, къ которымъ точно такъ же съ 1811-го года стягивались силы Россіи. — Двѣнадцатаго іюня силы западной Европы перешли границы Россіи, и началась война, т.-е. совершилось противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе. Милліоны людей совершали другъ противъ друга такое безчисленное количество злодѣяній, обмановъ, измѣнъ, воровства, поддѣлокъ и выпуска фальшивыхъ ассигнацій, грабежей, поджоговъ и убійствъ, котораго въ цѣлые вѣка не соберетъ лѣтопись всѣхъ судовъ міра, и на которые, въ этотъ періодъ времени, люди, совершавшіе ихъ, не смотрѣли какъ на преступленіе.

Что̀ произвело это необычайное событіе? Какія были причины его? Историки съ наивной увѣренностью говорятъ, что причина этого событія были: обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюденіе континентальной системы, власто-

любіе Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатовъ и т. п.

Слѣдовательно, стоило только Меттерниху, Румянцеву или Талейрану, между выходомъ и раутомъ, хорошенько постараться и написать поискуснѣе бумажку, или Наполеону написать къ Александру: Государь братъ мой, я соглашаюсь возвратить герцогство герцогу Ольденбургскому, и войны бы не было.

Понятно, что такимъ представлялось дѣло современникамъ. Понятно, что Наполеону казалось, что причиной войны были интриги Англіи (какъ онъ и говорилъ это на островѣ св. Елены); понятно, что членамъ англійской палаты казалось, что причиной войны было властолюбіе Наполеона; что принцу Ольденбургскому казалось, что причиной войны было совершонное противъ него насиліе; что купцамъ казалось, что причиной войны была континентальная система, разорявшая Европу; что старымъ солдатамъ и генераламъ казалось, что главной причиной была необходимость употребить ихъ въ дѣло; легитимистамъ того времени то, что необходимо было возстановить les bons principes, а дипломатамъ того времени то, что все произошло оттого, что союзъ Россіи съ Австріей въ 1809 году не былъ достаточно искусно скрытъ отъ Наполеона, и что неловко былъ написанъ memorandum за № 178. Понятно, что эти и еще безчисленное, безконечное количество причинъ, количество которыхъ зависитъ отъ безчисленнаго различія точекъ зрѣнія представлялось современникамъ; но для насъ—потомковъ, созерцающихъ во всемъ его объемѣ громадность совершившагося событія и вникающихъ въ его простой и страшный смыслъ, причины эти представляются недостаточными. Для насъ непонятно, чтобы милліоны

людей-христіанъ убивали и мучили другъ друга, потомъ, что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра, и герцогъ Ольденбургскій обиженъ. Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ самымъ фактомъ убійства и насилія; почему вслѣдствіе того, что герцогъ обиженъ, тысячи людей съ другого края Европы убивали и разоряли людей Смоленской и Московской губерній, и были убиваемы ими.

Для насъ—потомковъ не историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія, и потому съ незатемненнымъ здравымъ смысломъ созерцающихъ событіе, причины его представляются въ неисчислимомъ количествѣ. Чѣмъ больше мы углубляемся въ изысканіе причинъ, тѣмъ больше намъ ихъ открывается, и всякая отдѣльно взятая причина или цѣлый рядъ причинъ представляются намъ одинаково справедливыми сами по себѣ и одинаково ложными по своей ничтожности въ сравненіи съ громадностью событія, и одинаково ложными по недѣйствительности своей (безъ участія всѣхъ другихъ совпавшихъ причинъ) произвести совершившееся событіе. Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо, ежели бы онъ не захотѣлъ итти на службу и не захотѣлъ бы другой и третій и тысячный капралъ и солдатъ, на столько менѣе людей было бы въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть.

Ежели бы Наполеонъ не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы всѣ сержанты не пожелали поступить

на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть. Тоже не могло бы быть войны, ежели бы не было интригъ Англіи и не было бы принца Ольденбургскаго, и чувства оскорбленія въ Александрѣ, и не было бы самодержавной власти въ Россіи, и не было бы французской революціи и послѣдовавшихъ диктаторства и имперіи, и всего того, что произвело французскую революцію, и такъ далѣе. Безъ одной изъ этихъ причинъ ничего не могло бы быть. Стало-быть, причины эти всѣ—милліарды причинъ—совпали для того, чтобы произвести то, что̀ было. И слѣдовательно, ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться. Должны были милліоны людей, отрекшись отъ своихъ человѣческихъ чувствъ и своего разума, итти на востокъ съ запада и убивать себѣ подобныхъ, точно такъ же, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ съ востока на западъ шли толпы людей, убивая себѣ подобныхъ.

Дѣйствія Наполеона и Александра, отъ слова которыхъ зависѣло, казалось, чтобы событіе совершилось или не совершилось—были такъ же мало произвольны, какъ и дѣйствіе каждаго солдата, шедшаго въ походъ по жребію или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тѣхъ людей, отъ которыхъ, казалось, зависѣло событіе) была исполнена, необходимо было совпаденіе безчисленныхъ обстоятельствъ, безъ одного изъ которыхъ событіе не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы милліоны людей, въ рукахъ которыхъ была дѣйствительная сила, солдаты, которые стрѣляли, везли провіантъ и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичныхъ и слабыхъ людей, и были приведены къ

этому безчисленнымъ количествомъ сложныхъ, разнообразныхъ причинъ.

Фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій (то-есть тѣхъ, разумность которыхъ мы не понимаемъ). Чѣмъ болѣе мы стараемся разумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они становятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе.

Каждый человѣкъ живетъ для себя, пользуется свободой для достиженія своихъ личныхъ цѣлей и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ можетъ сейчасъ сдѣлать или не сдѣлать такое-то дѣйствіе; но какъ скоро онъ сдѣлаетъ его, такъ дѣйствіе это, совершонное въ извѣстный моментъ времени, становится невозвратимымъ и дѣлается достояніемъ исторіи, въ которой оно имѣетъ не свободное, а предопредѣленное значеніе.

Есть двѣ стороны жизни въ каждомъ человѣкѣ: жизнь личная, которая тѣмъ болѣе свободна, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, роевая, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы.

Человѣкъ сознательно живетъ для себя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія историческихъ общечеловѣческихъ цѣлей. Совершонный поступокъ невозвратимъ, и дѣйствіе его совпадая во времени съ милліонами дѣйствій другихъ людей, получаетъ историческое значеніе. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ большими людьми онъ связанъ, тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, тѣмъ очевиднѣе предопредѣленность и неизбѣжность каждаго его поступка.

„Сердце царево въ руцѣ Божіей“.

Царь—есть рабъ исторіи.

История, т. е. безсознательная, общая, роевая жизнь человѣчества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей.

Наполеонъ, несмотря на то, что ему болѣе, чѣмъ когда-нибудь, теперь, въ 1812 году, казалось, что отъ него зависѣло проливать или не проливать кровь своихъ народовъ (какъ въ послѣднемъ письмѣ писалъ ему Александръ), никогда болѣе какъ теперь не подлежалъ тѣмъ неизбѣжнымъ законамъ, которые заставляли его (дѣйствуя въ отношеніи себя, какъ ему казалось, по произволу) дѣлать для общаго дѣла, для исторіи то, что̀ должно было совершиться.

Люди запада двигались на востокъ для того, чтобы убивать другъ друга. И по закону совпаденія причинъ поддѣлались сами собою и совпали съ этимъ событіемъ тысячи мелкихъ причинъ для этого движенія и для войны: укоры за несоблюденіе континентальной системы, и герцогъ Ольденбургскій, и движеніе войскъ въ Пруссію, предпринятое (какъ казалось Наполеону) для того только, чтобы достигнуть вооруженнаго мира, и любовь и привычка французскаго императора къ войнѣ, совпавшая съ расположеніемъ его народа, увлеченіе грандіозностью приготовленій, и расходы по приготовленію, и потребность пріобрѣтенія такихъ выгодъ, которыя бы окупили эти расходы, и одурманивающія почести въ Дрезденѣ, и дипломатическіе переговоры, которые, по взгляду современниковъ, были ведены съ искреннимъ желаніемъ достиженія мира и которые только уязвляли самолюбіе той и другой стороны, и милліоны милліоновъ другихъ причинъ, поддѣлавшихся подъ имѣющее совершиться событіе, совпавшихъ съ нимъ.

Когда созрѣло яблоко и падаетъ, — отчего оно падаетъ?

Оттого ли, что тяготѣетъ къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стержень, оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелѣетъ, что вѣтеръ стрясетъ его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?

Ничто не причина. Все это только совпаденіе тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе. И тотъ ботаникъ, который найдетъ, что яблоко падаетъ оттого, что клѣтчатка разлагается и тому подобное, будетъ такъ же правъ, какъ и тотъ ребенокъ, стоящій внизу, который скажетъ, что яблоко упало оттого, что ему хотѣлось съѣсть его и что онъ молится объ этомъ. Такъ же правъ и неправъ будетъ тотъ, кто скажетъ, что Наполеонъ пошелъ въ Москву потому, что онъ захотѣлъ этого, и оттого погибъ, что Александръ захотѣлъ его погибели: какъ правъ и неправъ будетъ тотъ, кто скажетъ, что завалившаяся въ милліонъ пудовъ подкопанная гора упала оттого, что послѣдній работникъ ударилъ подъ нее послѣдній разъ киркою. Въ историческихъ событіяхъ такъ называемые великіе люди суть ярлыки, дающіе наименованіе событію, которые такъ же, какъ ярлыки, менѣе всего имѣютъ связи съ самымъ событіемъ.

Каждое дѣйствіе ихъ, кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ непроизвольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣчно.

II.

29-го мая Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена, гдѣ онъ пробылъ три недѣли, окруженный дворомъ, составленнымъ изъ принцевъ, герцоговъ, королей и даже одного императора. Наполеонъ предъ отъѣздомъ обласкалъ принцевъ, королей и

императора, которые того заслуживали, побранилъ королей и принцевъ, которыми онъ былъ недоволенъ, одарилъ своими собственными, т.-е. взятыми у другихъ королей, жемчугами и брилліантами императрицу австрійскую и, нѣжно обнявъ императрицу Марію-Луизу, какъ говоритъ его историкъ, оставилъ ее огорченною разлукой, которую она,—эта Марія-Луиза, считавшаяся его супругой, несмотря на то, что въ Парижѣ оставалась другая супруга,—казалось, не въ силахъ была перенести. Несмотря на то, что дипломаты еще твердо вѣрили въ возможность мира и усердно работали съ этою цѣлью, несмотря на то, что императоръ Наполеонъ самъ писалъ письмо императору Александру, называя его „государь братъ мой“, и искренно увѣряя, что онъ не желаетъ войны и что всегда будетъ любить и уважать его,—онъ ѣхалъ къ арміи и отдавалъ на каждой станціи новыя приказанія, имѣвшія цѣлью торопить движеніе арміи отъ запада къ востоку. Онъ ѣхалъ въ дорожной каретѣ, запряженной шестерикомъ, окруженной пажами, адъютантами и конвоемъ, по тракту: на Позенъ, Торнъ, Данцигъ и Кенигсбергъ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ тысячи людей съ трепетомъ и восторгомъ встрѣчали его.

Армія подвигалась съ запада на востокъ, и перемѣнныя шестерни несли его туда же. 10-го іюня онъ догналъ армію и ночевалъ въ Вильковисскомъ лѣсу, въ приготовленной для него квартирѣ, въ имѣніи польскаго графа.

На другой день Наполеонъ, обогнавъ армію, въ коляскѣ подъѣхалъ къ Нѣману, и съ тѣмъ, чтобъ осмотрѣть мѣстность переправы, переодѣлся въ польскій мундиръ и выѣхалъ на берегъ.

Увидавъ на той сторонѣ казаковъ и разстилавшіяся степи, въ серединѣ которыхъ была „священный городъ Москва“,

столица того подобнаго скиескому государства, куда ходилъ Александръ Македонскій,—Наполеонъ, неожиданно для всѣхъ и противно какъ стратегическимъ, такъ и дипломатическимъ соображеніямъ, приказалъ наступленіе, и на другой день войска его стали переходить Нѣманъ.

12-го числа рано утромъ онъ вышелъ изъ палатки, раскинутой въ этотъ день на крутомъ лѣвомъ берегу Нѣмана, и смотрѣлъ въ зрительную трубу на выплывающіе изъ Вильковисскаго лѣса потоки своихъ войскъ, разливающихся по тремъ мостамъ, наведеннымъ на Нѣманѣ. Войска знали о присутствіи императора, искали его глазами, и когда находили на горѣ предъ палаткой отдѣлившуюся отъ свиты фигуру въ сюртукѣ и шляпѣ, они кидали вверхъ шапки и кричали: „Да здравствуетъ императоръ!“ и одни за другими, не истощаясь, вытекали, все вытекали изъ огромнаго скрывавшаго ихъ доселѣ лѣса и, разстроясь, по тремъ мостамъ переходили на ту сторону. „Теперь будетъ намъ походъ! Императоръ?? О! когда онъ самъ возьмется, дѣло загорится! Ей-Богу... Вотъ онъ... Ура, императоръ!—Такъ вотъ онѣ, азіатскія степи... А вѣдь скверная страна. До свиданія, Боше. Я тебѣ припасу самый красивый дворецъ въ Москвѣ. До свиданія, всего хорошаго! Видѣлъ ты государя? Да здравствуетъ императоръ! Ежели меня сдѣлаютъ губернаторомъ въ Индіи, Герардъ, я тебя сдѣлаю министромъ Кашмира, это рѣшено... Да здравствуетъ императоръ! Ура! Ура! Ура! Подлецы казаки, какъ удираютъ! Да здравствуетъ императоръ! Ура! Вотъ онъ, видишь его? Я его два раза видѣлъ вотъ какъ тебя вижу. Маленькій капралъ... Я видѣлъ, какъ онъ навѣсилъ крестъ одному изъ стариковъ... Ура, императоръ!..“ говорили голоса старыхъ и молодыхъ людей. самыхъ разно-

образныхъ характеровъ и положеній въ обществѣ. На всѣхъ лицахъ этихъ людей было одно общее выраженіе радости о началѣ давно ожидаемаго похода и восторга и преданности къ человѣку въ сѣромъ сюртукѣ, стоявшему на горѣ.

13-го іюня Наполеону подали небольшую, чистокровную арабскую лошадь, и онъ сѣлъ и поѣхалъ галопомъ къ одному изъ мостовъ черезъ Нѣманъ, непрестанно оглушаемый восторженными криками, которые онъ очевидно переносилъ только потому, что нельзя было запретить имъ криками этими выражать свою любовь къ нему; но крики эти, сопутствующіе ему вездѣ, тяготили его и отвлекали его отъ военной заботы, охватившей его съ того времени, какъ онъ присоединился къ войску. Онъ проѣхалъ по одному изъ качавшихся на лодкахъ мостовъ на ту сторону, круто повернулъ влѣво и галопомъ поѣхалъ по направленію въ Ковно, предшествуемый замиравшими отъ счастія, восторженными гвардейскими конными егерями, которые, расчищая дорогу по войскамъ, скакали впереди его. Подъѣхавъ къ широкой рѣкѣ Вислѣ, онъ остановился подлѣ польскаго уланскаго полка, стоявшаго на берегу.

— Виватъ!—также восторженно кричали поляки, разстроивая фронтъ и давя другъ друга для того, чтобъ увидать его.

Наполеонъ осмотрѣлъ рѣку, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на бревно, лежавшее на берегу. По безсловесному знаку ему подали трубу, онъ положилъ ее на спину подбѣжавшаго счастливаго пажа, и сталъ смотрѣть на ту сторону. Потомъ онъ углубился въ разсматриваніе листа карты, разложеннаго между бревнами. Не поднимая головы, онъ сказалъ что-то, и двое его адъютантовъ поскакали къ польскимъ уланамъ.

— Что̀? Что̀ онъ сказалъ?—слышалось въ рядахъ польскихъ уланъ, когда одинъ адъютантъ подскакалъ къ нимъ.

Было приказано, отыскавъ бродъ, перейти на ту сторону. Польскій уланскій полковникъ, красивый старый человѣкъ, раскраснѣвшись и путаясь въ словахъ отъ волненія, спросилъ у адъютанта, позволено ли ему будетъ переплыть съ своими уланами рѣку, не отыскивая броду. Онъ съ очевиднымъ страхомъ за отказъ, какъ мальчикъ, который проситъ позволенія сѣсть на лошадь, просилъ, чтобъ ему позволили переплыть рѣку въ глазахъ императора. Адъютантъ сказалъ, что вѣроятно императоръ не будетъ недоволенъ этимъ излишнимъ усердіемъ.

Какъ только адъютантъ сказалъ это, старый усатый офицеръ съ счастливымъ лицомъ и блестящими глазами, поднявъ кверху саблю, прокричалъ: „виватъ!" и, скомандовавъ уланамъ итти за собой, далъ шпоры лошади и подскакалъ къ рѣкѣ. Онъ злобно толкнулъ замявшуюся подъ собой лошадь и бухнулся въ воду, направляясь вглубь къ быстринѣ теченія. Сотни улановъ поскакали за нимъ. Было холодно и жутко на серединѣ и на быстринѣ теченія. Уланы цѣплялись другъ за друга, сваливаясь съ лошадей. Лошади нѣкоторыя тонули, тонули и люди, остальные старались плыть кто на сѣдлѣ, кто держась за гриву. Они старались плыть впередъ на ту сторону и, несмотря на то, что за полверсты была переправа, гордились тѣмъ, что они плывутъ и тонутъ въ этой рѣкѣ подъ взглядами человѣка, сидѣвшаго на бревнѣ и даже не смотрѣвшаго на то, что̀ они дѣлали. Когда вернувшійся адъютантъ, выбравъ удобную минуту, позволилъ себѣ обратить вниманіе императора на преданность поляковъ къ его особѣ, маленькій человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ всталъ и, подозвавъ къ себѣ Бертье, сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по берегу, отдавая ему приказанія и изрѣдка недоволь-

но взглядывая на тонувшихъ уланъ, развлекавшихъ его вниманіе.

Для него было не ново убѣжденіе въ томъ, что присутствіе его на всѣхъ концахъ міра, отъ Африки до степей Московіи, одинаково поражаетъ и повергаетъ людей въ безуміе самозабвенія. Онъ велѣлъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ свою стоянку.

Человѣкъ 40 уланъ потонуло въ рѣкѣ, несмотря на высланныя на помощь лодки. Большинство прибилось назадъ къ этому берегу. Полковникъ и нѣсколько человѣкъ переплыли рѣку и съ трудомъ вылѣзли на тотъ берегъ. Но какъ только они вылѣзли въ обмокнувшемъ, со стекающими ручьями, платьѣ, они закричали: „Виватъ!" восторженно глядя на то мѣсто, гдѣ стоялъ Наполеонъ, но гдѣ его уже не было, и въ ту минуту считали себя счастливыми.

Ввечеру Наполеонъ между двумя распоряженіями,—одно о томъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить заготовленныя фальшивыя русскія ассигнаціи для ввоза въ Россію, и другое о томъ, чтобы разстрѣлять саксонца, въ перехваченномъ письмѣ котораго найдены свѣдѣнія о распоряженіяхъ по французской арміи,—сдѣлалъ третье распоряженіе о причисленіи бросившагося безъ нужды въ рѣку польскаго полковника къ когортѣ чести (légion d'honneur) которой Наполеонъ былъ самъ главою.

Quos vult perdere, dementat. (Кого захочетъ погубить, сперва лишитъ разсудка).

III.

Русскій императоръ между тѣмъ болѣе мѣсяца уже жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничего не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія

къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было. Колебанія о томъ, какой планъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагались, долженъ быть принятъ, еще болѣе усилились послѣ мѣсячнаго пребыванія императора въ главной квартирѣ. Въ трехъ арміяхъ былъ въ каждой отдѣльный главнокомандующій, но общаго начальника надъ всѣми арміями не было, и императоръ не принималъ на себя этого званія.

Чѣмъ дольше жилъ императоръ въ Вильнѣ, тѣмъ менѣе готовились къ войнѣ, уставши ожидать ея. Всѣ стремленія людей, окружавшихъ государя, казалось, были направлены только на то, чтобы заставлять государя, пріятно проводя время, забыть о предстоящей войнѣ.

Послѣ многихъ баловъ и праздниковъ у польскихъ магнатовъ, у придворныхъ и у самого государя, въ іюнѣ мѣсяцѣ одному изъ польскихъ генералъ-адъютантовъ государя пришла мысль дать обѣдъ и балъ государю отъ лица его генералъ-адъютантовъ. Мысль эта радостно была принята всѣми. Государь изъявилъ согласіе. Генералъ-адъютанты собрали по подпискѣ деньги. Особа, которая наиболѣе могла быть пріятна государю,—была приглашена быть хозяйкой бала. Графъ Бенигсенъ, помѣщикъ Виленской губерніи, предложилъ свой загородный домъ для этого праздника, и 13-го іюня былъ назначенъ балъ, обѣдъ, катанье на лодкахъ и фейерверкъ въ Закретѣ, загородномъ домѣ графа Бенигсена.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеономъ былъ отданъ приказъ о переходѣ черезъ Нѣманъ, и передовыя войска его, оттѣснивъ казаковъ, перешли черезъ русскую границу, Александръ проводилъ вечеръ на дачѣ Бенигсена— на балѣ, даваемомъ генералъ-адъютантами.

Былъ веселый, блестящій праздникъ; знатоки дѣла говорили, что рѣдко собиралось въ одномъ мѣстѣ столько красавицъ. Графиня Безухая въ числѣ другихъ русскихъ дамъ, пріѣхавшихъ за государемъ изъ Петербурга въ Вильну, была на этомъ балѣ, затемняя своею тяжелою, такъ-называемою русскою красотой утонченныхъ польскихъ дамъ. Она была замѣчена, и государь удостоилъ ее танца.

Борисъ Друбецкой, „холостякомъ", какъ онъ говорилъ, оставивъ свою жену въ Москвѣ, былъ также на этомъ балѣ и, хотя не генералъ-адъютантъ, былъ участникомъ на большую сумму въ подпискѣ для бала. Борисъ теперь былъ богатый человѣкъ, далеко ушедшій въ почестяхъ, уже не искавшій покровительства, но на равной ногѣ стоявшій съ высшими изъ своихъ сверстниковъ. Онъ встрѣтилъ Элленъ въ Вильнѣ, не видавъ ее давно, и не помнилъ о прежнемъ, но такъ какъ Элленъ пользовалась милостями очень важнаго лица, а Борисъ недавно былъ женатъ, то они сошлись старыми, добрыми друзьями.

Въ 12 часовъ ночи еще танцовали. Элленъ, не имѣвшая достойнаго кавалера, сама предложила мазурку Борису. Они сидѣли въ третьей парѣ. Борисъ хладнокровно поглядывая на блестящія, обнаженныя плечи Элленъ, выступавшія изъ темнаго газоваго съ золотомъ платья, разсказывалъ про старыхъ знакомыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно для самого себя и для другихъ, ни на секунду не переставалъ наблюдать государя, находившагося въ той же залѣ. Государь не танцовалъ; онъ стоялъ въ дверяхъ и останавливалъ то тѣхъ, то другихъ тѣми ласковыми словами, которыя онъ одинъ только умѣлъ говорить.

При началѣ мазурки, Борисъ видѣлъ, что генералъ-адъю-

тантъ Балашевъ, одно изъ ближайшихъ лицъ къ государю, подошелъ къ нему и не придворно остановился близко отъ государя, говорившаго съ польскою дамой. Поговоривъ съ дамой, государь взглянулъ вопросительно и, видно, понявъ, что Балашевъ поступилъ такъ только потому, что на это были важныя причины, слегка кивнулъ дамѣ и обратился къ Балашеву. Только что Балашевъ началъ говорить, какъ удивленіе выразилось на лицѣ государя. Онъ взялъ подъ руку Балашева и пошелъ съ нимъ черезъ залу, безсознательно для себя расчищая съ обѣихъ сторонъ сажени на три широкую дорогу сторонившихся предъ нимъ. Борисъ замѣтилъ взволнованное лицо Аракчеева, въ то время какъ государь пошелъ съ Балашевымъ. Аракчеевъ, изъ-подлобья глядя на государя и посапывая краснымъ носомъ, выдвинулся изъ толпы, какъ бы ожидая, что государь обратится къ нему. (Борисъ понялъ, что Аракчеевъ завидуетъ Балашеву и недоволенъ тѣмъ, что какая-то очевидно важная новость не черезъ него передана государю).

Но государь съ Балашевымъ прошли, не замѣчая Аракчеева, черезъ выходную дверь, въ освѣщенный садъ. Аракчеевъ, придерживая шпагу и злобно оглядываясь вокругъ себя, прошелъ шагахъ въ двадцати за ними.

Пока Борисъ продолжалъ дѣлать фигуры мазурки, его не переставала мучить мысль о томъ, какую новость привезъ Балашевъ и какимъ бы образомъ узнать ее прежде другихъ.

Въ фигурѣ, гдѣ ему надо было выбирать дамъ, шепнувъ Элленъ, что онъ хочетъ взять графиню Потоцкую, которая, кажется, вышла на балконъ, онъ, скользя ногами по паркету, выбѣжалъ въ выходную дверь въ садъ и, замѣтивъ входя-

щаго съ Балашевымъ на террассу государя, пріостановился: Государь съ Балашевымъ направлялись къ двери. Борисъ, заторопившись, какъ будто не успѣвъ отодвинуться, почтительно прижался къ притолкѣ и нагнулъ голову.

Государь съ волненіемъ лично-оскорбленнаго человѣка договаривалъ слѣдующія слова:

— Безъ объявленія войны вступить въ Россію! Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженнаго непріятеля не останется на моей землѣ,—сказалъ онъ. Какъ показалось Борису, государю пріятно было высказать эти слова: онъ былъ доволенъ формой выраженія своей мысли, но былъ недоволенъ тѣмъ, что Борисъ услыхалъ ихъ.

— Чтобы никто не зналъ! — прибавилъ государь, нахмурившись. Борисъ понялъ, что это относилось къ нему, и, закрывъ глаза, слегка наклонилъ голову. Государь опять вошелъ въ залу и еще около получаса пробылъ на балѣ.

Борисъ первый узналъ извѣстіе о переходѣ французскими войсками Нѣмана, и, благодаря этому, имѣлъ случай показать нѣкоторымъ важнымъ лицамъ, что многое, скрытое отъ другихъ, бываетъ ему извѣстно, и черезъ то имѣлъ случай подняться выше во мнѣніи этихъ особъ.

Неожиданное извѣстіе о переходѣ французами Нѣмана было особенно неожиданно послѣ мѣсяца несбывавшагося ожиданія, и на балѣ! Государь, въ первую минуту полученія извѣстія, подъ вліяніемъ возмущенія и оскорбленія, нашелъ то, сдѣлавшееся потомъ знаменитымъ, изреченіе, которое самому понравилось ему и выражало вполнѣ его чувства. Возвратившись домой съ бала, государь въ два часа ночи послалъ за секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать при-

казъ войскамъ и рескриптъ къ фельдмаршалу кн. Салтыкову, въ которомъ онъ непремѣнно требовалъ, чтобы были помѣщены слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ вооруженный французъ останется на русской землѣ.

На другой день было написано слѣдующее письмо къ Наполеону:

„Государь братъ мой! Вчера дошло до меня, что, несмотря на прямодушіе, съ которымъ соблюдалъ я мои обязательства въ отношеніи къ Вашему Императорскому Величеству, войска ваши перешли русскія границы, и только лишь теперь получилъ изъ Петербурга ноту, которою графъ Лористонъ извѣщаетъ меня, по поводу сего вторженія, что Ваше Величество считаете себя въ непріязненныхъ отношеніяхъ со мною съ того времени, какъ князь Куракинъ потребовалъ свои паспорты. Причины, на которыхъ герцогъ Бассано основывалъ свой отказъ выдать сіи паспорты, никогда не могли бы заставить меня предполагать, чтобы поступокъ моего посла послужилъ поводомъ къ нападенію. И въ дѣйствительности, онъ не имѣлъ на то отъ меня повелѣнія, какъ было объявлено имъ самимъ, и какъ только я узналъ о семъ, то немедленно выразилъ мое неудовольствіе князю Куракину, повелѣвъ ему исполнять попрежнему порученныя ему обязанности. Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь нашихъ подданныхъ изъ-за подобнаго недоразумѣнія, и ежели вы согласны вывести свои войска изъ русскихъ владѣній, то я оставлю безъ вниманія все происшедшее, и соглашеніе между нами будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ, я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не было возбуждено съ моей стороны. Ваше Вели-

чество еще имѣете возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны. Я... и пр.

Подлинное подписалъ: „Александръ".

IV.

13-го іюня, въ 2 часа ночи, государь, призвавъ къ себѣ Балышева и прочтя ему свое письмо къ Наполеону, приказалъ ему отвезти это письмо и лично передать французскому императору. Отправляя Балашева, государь вновь повторилъ ему слова о томъ, что онъ не помирится до тѣхъ поръ, пока останется хоть одинъ вооруженный непріятель на русской землѣ, и приказалъ непремѣнно передать эти слова Наполеону. Государь не написалъ этихъ словъ въ письмѣ къ Наполеону, потому что онъ чувствовалъ съ своимъ тактомъ, что слова эти неудобны для передачи въ ту минуту, какъ дѣлается послѣдняя попытка къ примиренію, но онъ непремѣнно приказалъ Балашеву передать ихъ лично Наполеону.

Выѣхавъ въ ночь съ 13-го на 14-е, Балашевъ, сопутствуемый трубачемъ и двумя казаками, къ разсвѣту пріѣхалъ въ деревню Рыконты на французскіе аванпосты по сю сторону Нѣмана. Онъ былъ остановленъ французскими кавалерійскими часовыми.

Французскій гусарскій унтеръ-офицеръ, въ малиновомъ мундирѣ и мохнатой шапкѣ, крикнулъ на подъѣзжавшаго Балашева, приказывая ему остановиться. Балашевъ не тотчасъ остановился, а продолжалъ шагомъ подвигаться по дорогѣ.

Унтеръ-офицеръ, нахмурившись и проворчавъ какое-то ругательство, надвинулся грудью лошади на Балашева, взялся за саблю и грубо крикнулъ на русскаго генерала, спрашивая его: глухъ ли онъ, что не слышитъ того, что̀ ему говорятъ?

Балашевъ назвалъ себя. Унтеръ-офицеръ послалъ солдата къ офицеру.

Не обращая на Балашева вниманія, унтеръ-офицеръ сталъ говорить съ товарищами о своемъ полковомъ дѣлѣ и не глядѣлъ на русскаго генерала.

Необычайно странно было Балашеву послѣ той близости къ высшей власти и могуществу, послѣ разговора три часа тому назадъ съ государемъ, и вообще привыкшему по своей службѣ къ почестямъ, видѣть тутъ, на русской землѣ, это враждебное, а главное — непочтительное отношеніе къ себѣ грубой силы.

Солнце только начинало подниматься изъ-за тучъ; въ воздухѣ было свѣжо и росисто. По дорогѣ изъ деревни выгоняли стадо. Въ поляхъ одинъ за однимъ, какъ пузырьки въ водѣ, вспрыскивали съ чувыканьемъ жаворонки.

Балашевъ оглядывался вокругъ себя, ожидая пріѣзда офицера изъ деревни. Русскіе казаки и трубачъ и французскіе гусары молча изрѣдка глядѣли другъ на друга.

Французскій гусарскій полковникъ, видимо, только что съ постели, выѣхалъ изъ деревни на красивой, сытой, сѣрой лошади, сопутствуемый двумя гусарами. На офицерѣ, на солдатахъ и на ихъ лошадяхъ былъ видъ довольства и щегольства.

Это было то первое время кампаніи, когда войска еще находились въ исправности, почти равной смотровой, мирной дѣятельности, только съ оттѣнкомъ нарядной воинственности въ одеждѣ и съ нравственнымъ оттѣнкомъ того веселья и предпріимчивости, которыя всегда сопутствуютъ началамъ кампаній.

Французскій полковникъ съ трудомъ удерживалъ зѣвоту,

но былъ учтивъ и, видимо, понималъ все значеніе Балашева. Онъ провелъ его мимо своихъ солдатъ за цѣпь и сообщилъ, что желаніе его быть представленнымъ императору будетъ, вѣроятно, тотчасъ же исполнено, такъ какъ императорская квартира, сколько онъ знаетъ, находится недалеко.

Они проѣхали деревню Рыконты мимо французскихъ гусарскихъ коновязей, часовыхъ и солдатъ, отдававшихъ честь своему полковнику и съ любопытствомъ осматривавшихъ русскій мундиръ, и выѣхали на другую сторону села. По словамъ полковника, въ двухъ километрахъ былъ начальникъ дивизіи, который приметъ Балашева и проводитъ его по назначенію.

Солнце уже поднялось и весело блестѣло на яркой зелени.

Только что они выѣхали за кормчу на гору, какъ на встрѣчу имъ изъ-подъ горы показалась кучка всадниковъ, впереди которой на вороной лошади, съ блестящею на солнцѣ сбруей ѣхалъ высокій ростомъ человѣкъ въ шляпѣ съ перьями, съ черными, завитыми по плечи, волосами, въ красной мантіи и съ длинными ногами, выпяченными впередъ, какъ ѣздятъ французы. Человѣкъ этотъ поѣхалъ галопомъ на встрѣчу Балашеву, блестя и развѣваясь на яркомъ іюньскомъ солнцѣ своими перьями, каменьями и золотыми галунами.

Балашевъ уже былъ на разстояніи двухъ лошадей отъ скачущаго ему на встрѣчу съ торжественно-театральнымъ лицомъ всадника въ браслетахъ, перьяхъ, ожерельяхъ и золотѣ, когда Юльнеръ, французскій полковникъ, почтительно прошепталъ: „Король неаполитанскій“. Дѣйствительно это былъ Мюратъ, называемый теперь неаполитанскимъ королемъ. Хотя и было совершенно непонятно, почему онъ былъ неаполитанскій король; но его называли такъ, и онъ самъ былъ

убѣжденъ въ этомъ, и потому имѣлъ болѣе торжественный и важный видъ, чѣмъ прежде. Онъ такъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ дѣйствительно неаполитанскій король, что когда, наканунѣ отъѣзда изъ Неаполя, во время его прогулки съ женою по улицамъ Неаполя, нѣсколько итальянцевъ прокричали ему: „да здравствуетъ король!“ онъ съ грустною улыбкой повернулся къ супругѣ и сказалъ: несчастные, они не знаютъ, что завтра я ихъ покидаю!

Но несмотря на то, что онъ твердо вѣрилъ въ то, что онъ былъ неаполитанскій король, и что онъ сожалѣлъ о горести своихъ покидаемыхъ имъ подданныхъ, въ послѣднее время, послѣ того какъ ему велѣно было опять поступить на службу, и особенно послѣ свиданія съ Наполеономъ въ Данцигѣ, когда августѣйшій шуринъ сказалъ ему: „Я васъ сдѣлалъ королемъ для того, чтобы вы царствовали не по-своему, а по-моему“, онъ весело принялся за знакомое ему дѣло и, какъ разъѣвшійся, но не зажирѣвшій конь, почуявъ себя въ упряжкѣ, заигралъ въ оглобляхъ и, разрядившись какъ можно пестрѣе и дороже, веселый и довольный, скакалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, по дорогамъ Польши.

Увидавъ русскаго генерала, онъ по-королевски, торжественно, откинулъ назадъ голову съ завитыми по плечи волосами и вопросительно поглядѣлъ на французскаго полковника. Полковникъ почтительно передалъ его величеству значеніе Балашева, фамилію котораго онъ не могъ выговорить.

— De Bal-macheve!—сказалъ король (своею рѣшительностью превозмогая трудность, представлявшуюся полковнику).—Очень пріятно познакомиться съ вами, генералъ,—прибавилъ онъ съ королевски-милостивымъ жестомъ. Какъ

только король началъ говорить громко и быстро, все королевское достоинство мгновенно оставило его, и онъ, самъ не замѣчая, перешелъ въ свойственный ему тонъ добродушной фамиліарности. Онъ положилъ свою руку на холку лошади Балашева.—Ну что, генералъ, кажется, война,—сказалъ онъ, какъ будто сожалѣя объ обстоятельствѣ, о которомъ онъ не могъ судить.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Балашевъ,—государь мой, императоръ русскій, не желаетъ ея, какъ ваше величество изволите видѣть,—говорилъ Балашевъ, во всѣхъ падежахъ употребляя *ваше величество*, съ неизбѣжною аффектаціей учащенія титула, обращаясь къ лицу, для котораго титулъ этотъ еще новость.

Лицо Мюрата сіяло глупымъ довольствомъ въ то время, какъ онъ слушалъ Балашева. Королевское званіе имѣетъ свои обязанности. Онъ чувствовалъ необходимость переговорить съ посланникомъ Александра о государственныхъ дѣлахъ, какъ король и союзникъ. Онъ слѣзъ съ лошади и, взявъ подъ руку Балашева и отойдя на нѣсколько шаговъ отъ почтительно-дожидавшейся свиты, сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ, стараясь говорить значительно. Онъ упомянулъ о томъ, что императоръ Наполеонъ оскорбленъ требованіями вывода войскъ изъ Пруссіи, въ особенности тогда, когда это требованіе сдѣлалось всѣмъ извѣстно и когда этимъ оскорблено достоинство Франціи. Балашевъ сказалъ, что въ требованіи этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго, потому что... Мюратъ перебилъ его.

— Такъ вы считаете зачинщикомъ не императора Александра?—сказалъ онъ неожиданно съ добродушно-глупою улыбкой.

Балашевъ сказалъ,—почему онъ дѣйствительно полагалъ, что начинатель войны былъ Наполеонъ.

— Ахъ, любезный генералъ,—опять перебилъ его Мюратъ,—я желаю отъ всей души, чтобъ императоры покончили дѣло между собой, и чтобы война, начатая не по моему желанію, окончилась какъ можно скорѣе,—сказалъ онъ тономъ разговора слугъ, которые желаютъ остаться добрыми друзьями, несмотря на ссору между господами. И онъ перешолъ къ разспросамъ о великомъ князѣ, о его здоровьѣ и о воспоминаніяхъ весело и забавно проведеннаго съ нимъ времени въ Неаполѣ. Потомъ вдругъ, какъ будто вспомнивъ о своемъ королевскомъ достоинствѣ, Мюратъ торжественно выпрямился, сталъ въ ту же позу, въ которой онъ стоялъ на коронаціи и, помахивая правою рукой, сказалъ:—Я васъ не задерживаю болѣе, генералъ: желаю успѣха вашему посольству,—и, развѣваясь красною, шитою мантіей и перьями и блестя драгоцѣнностями, онъ пошелъ къ свитѣ, почтительно ожидавшей его.

Балашевъ поѣхалъ дальше, по словамъ Мюрата предполагая весьма скоро быть представленнымъ самому Наполеону. Но, вмѣсто скорой встрѣчи съ Наполеономъ, часовые пѣхотнаго корпуса Даву опять такъ же задержали его у слѣдующаго селенія, какъ и въ передовой цѣпи, и вызванный адъютантъ командира корпуса проводилъ его въ деревню къ маршалу Даву.

V.

Даву былъ Аракчеевъ императора Наполеона—Аракчеевъ не трусъ, но столь же исправный, жестокій и не умѣющій выражать свою преданность иначе, какъ жестокостью.

Въ механизмѣ государственнаго организма нужны эти люди, какъ нужны волки въ организмѣ природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, какъ ни несообразно кажется ихъ присутствіе и близость къ главѣ правительства. Только этою необходимостью можно объяснить то, какъ могъ жестокій, лично выдергивающій усы гренадерамъ и не могшій, по слабости нервъ, переносить опасность, необразованный, непридворный Аракчеевъ держаться въ такой силѣ при рыцарски благородномъ и нѣжномъ характерѣ Александра.

Балашевъ засталъ маршала Даву въ сараѣ крестьянской избы, сидящаго на боченкѣ и занятаго письменными работами (онъ повѣрялъ счеты). Адъютантъ стоялъ подлѣ него. Возможно было найти лучшее помѣщеніе, но маршалъ Даву былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые нарочно ставятъ себя въ самыя мрачныя условія жизни для того, чтобъ имѣть право быть мрачными. Они для того же всегда поспѣшно и упорно заняты. „Гдѣ тутъ думать о счастливой сторонѣ человѣческой жизни, когда вы видите, я на бочкѣ сижу въ грязномъ сараѣ и работаю“, говорило выраженіе его лица. Главное удовольствіе и потребность этихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы, встрѣтивъ оживленіе жизни, бросить этому оживленію въ глаза свою мрачную, упорную дѣятельность. Это удовольствіе доставилъ себѣ Даву, когда къ нему ввели Балашева. Онъ еще болѣе углубился въ свою работу, когда вошелъ русскій генералъ и, взглянувъ черезъ очки на оживленное, подъ впечатлѣніемъ прекраснаго утра и бесѣды съ Мюратомъ, лицо Балашева, не всталъ, не пошевелился даже, а еще больше нахмурился и злобно усмѣхнулся.

Замѣтивъ на лицѣ Балашева произведенное этимъ пріемомъ

непріятное впечатлѣніе, Даву поднялъ голову и холодно спросилъ, что̀ ему нужно.

Предполагая, что такой пріемъ могъ быть сдѣланъ ему только потому, что Даву не знаетъ, что онъ генералъ-адъютантъ императора Александра и даже представитель его предъ Наполеономъ, Балашевъ поспѣшилъ сообщить свое званіе и значеніе. Въ противность ожиданія его, Даву, выслушавъ Балашева, сталъ еще суровѣе и грубѣе.

— Гдѣ же вашъ пакетъ?—сказалъ онъ.—Дайте мнѣ его, я пошлю императору.

Балашевъ сказалъ, что онъ имѣетъ приказаніе лично передать пакетъ самому императору.

— Приказанія вашего императора исполняются въ вашей арміи, а здѣсь,—сказалъ Даву,—вы должны дѣлать то, что̀ вамъ говорятъ.

И какъ будто для того, чтобъ еще больше дать почувствовать русскому генералу его зависимость отъ грубой силы, Даву послалъ адъютанта за дежурнымъ.

Балашевъ вынулъ пакетъ, заключавшій письмо государя, и положилъ его на столъ (столъ, состоявшій изъ двери, на которой торчали оторванныя петли, положенной на два боченка). Даву взялъ пакетъ и прочелъ надпись.

— Вы совершенно правы оказывать и не оказывать мнѣ уваженіе,—сказалъ Балашевъ.—Но позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю честь носить званіе генералъ-адъютанта его величества...

Даву взглянулъ на него молча, и нѣкоторое волненіе и смущеніе, выразившееся на лицѣ Балашева, видимо доставили ему удовольствіе.

— Вамъ будетъ оказано должное,—сказалъ онъ и, положивъ конвертъ въ карманъ, вышелъ изъ сарая.

Черезъ минуту вошелъ адъютантъ маршала, господинъ де-Кастре, и провелъ Балашева въ приготовленное для него помѣщеніе.

Балашевъ обѣдалъ въ этотъ день въ сараѣ съ маршаломъ на той же доскѣ на бочкахъ.

На другой день Даву выѣхалъ рано утромъ и, пригласивъ къ себѣ Балашева, внушительно сказалъ ему, что онъ проситъ его оставаться здѣсь, подвигаться вмѣстѣ съ багажемъ, ежели они будутъ имѣть на то приказанія, и не разговаривать ни съ кѣмъ, кромѣ господина де-Кастре.

Послѣ четырехдневнаго уединенія, скуки, сознанія подвластности и ничтожества, особенно ощутительнаго послѣ той среды могущества, въ которой онъ такъ недавно находился, послѣ нѣсколькихъ переходовъ вмѣстѣ съ багажемъ маршала и съ французскими войсками, занимавшими всю мѣстность, Балашевъ привезенъ былъ въ Вильну, занятую теперь французами, въ ту же заставу, изъ которой онъ выѣхалъ четыре дня тому назадъ.

На другой день императорскій камергеръ, графъ Тюренъ, пріѣхалъ къ Балашеву, и передалъ ему желаніе императора Наполеона удостоить его аудіенціи.

Четыре дня тому назадъ у того же дома, къ которому подвезли Балашева, стояли Преображенскаго полка часовые; теперь же стояли два французскихъ гренадера въ раскрытыхъ на груди синихъ мундирахъ и въ мохнатыхъ шапкахъ, конвой гусаровъ и уланъ и блестящая свита адъютантовъ, пажей и генераловъ, ожидавшихъ выхода Наполеона, вокругъ стоявшей у крыльца верховой лошади и его мамелюка Рустана. Наполеонъ принималъ Балашева въ томъ самомъ домѣ въ Вильнѣ, изъ котораго отправлялъ его Александръ.

VI.

Несмотря на привычку Балашева къ придворной торжественности, роскошь и пышность двора Наполеона поразили его.

Графъ Тюренъ ввелъ его въ большую пріемную, гдѣ дожидалось много генераловъ, камергеровъ и польскихъ магнатовъ, изъ которыхъ многихъ Балашевъ видалъ при дворѣ русскаго императора. Дюрокъ сказалъ, что императоръ Наполеонъ приметъ русскаго генерала предъ своею прогулкой.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія дежурный камергеръ вышелъ въ большую пріемную и, учтиво поклонившись Балашеву, пригласилъ его итти за собой.

Балашевъ вошелъ въ маленькую пріемную, изъ которой одна дверь вела въ кабинетъ, въ тотъ самый кабинетъ, изъ котораго отправлялъ его русскій императоръ. Балашевъ простоялъ минуты двѣ ожидая. За дверью послышались поспѣшные шаги. Быстро отворились обѣ половинки двери, все затихло, и изъ кабинета зазвучали другіе твердые, рѣшительные шаги: это былъ Наполеонъ. Онъ только что окончилъ свой туалетъ для верховой ѣзды. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, раскрытомъ надъ бѣлымъ жилетомъ, спускавшимся на круглый животъ, въ бѣлыхъ лосинахъ, обтягивавшихъ жирныя ляжки короткихъ ногъ, и въ ботфортахъ. Короткіе волоса его очевидно только что были причесаны, но одна прядь волосъ спускалась книзу надъ серединой широкаго лба. Бѣлая, пухлая шея его рѣзко выступала изъ-за чернаго воротника мундира; отъ него пахло одеколономъ. На моложавомъ, полномъ лицѣ его съ выступающимъ подбородкомъ было выраженіе милостиваго и величественнаго императорскаго привѣтствія.

Онъ вышелъ, быстро подрагивая на каждомъ шагу и откинувъ нѣсколько назадъ голову. Вся его потолстѣвшая короткая фигура съ широкими, толстыми плечами и невольно выставленнымъ впередъ животомъ и грудью имѣла тотъ представительный, осанистый видъ, который имѣютъ въ холѣ живущіе сорокалѣтніе люди. Кромѣ того, видно было, что онъ въ этотъ день находился въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

Онъ кивнулъ головою, отвѣчая на низкій и почтительный поклонъ Балашева и, подойдя къ нему, тотчасъ же сталъ говорить, какъ человѣкъ, дорожащій всякою минутой своего времени и не снисходящій до того, чтобы приготавливать свои рѣчи, а увѣренный въ томъ, что онъ всегда скажетъ хорошо и что̀ нужно сказать.

— Здравствуйте, генералъ! — сказалъ онъ. — Я получилъ письмо императора Александра, которое вы доставили, и очень радъ васъ видѣть. — Онъ взглянулъ въ лицо Балашева своими большими глазами и тотчасъ же сталъ смотрѣть мимо него.

Очевидно было, что его не интересовала нисколько личность Балашева. Видно было, что только то, что̀ происходило въ *его* душѣ, имѣло интересъ для него. Все, что было внѣ его, не имѣло для него значенія, потому что все въ мірѣ, какъ ему казалось, зависѣло только отъ его воли.

— Я не желаю и не желалъ войны, — сказалъ онъ, — но меня вынудили къ ней. Я и *теперь* (онъ сказалъ это слово съ удареніемъ) готовъ принять всѣ объясненія, которыя вы можете дать мнѣ. — И онъ ясно и коротко сталъ излагать причины своего неудовольствія противъ русскаго правительства.

Судя по умѣренно-спокойному и дружелюбному тону, съ которымъ говорилъ французскій императоръ, Балашевъ былъ

твердо убѣжденъ, что онъ желаетъ мира и намѣренъ вступить въ переговоры.

— Ваше величество! Императоръ, государь мой,—началъ Балашевъ давно приготовленную рѣчь, когда Наполеонъ, окончивъ свою рѣчь, вопросительно взглянулъ на русскаго посла; но взглядъ устремленныхъ на него глазъ императора смутилъ его. — „Вы смущены — оправьтесь“, какъ будто сказалъ Наполеонъ, съ чуть замѣтною улыбкой оглядывая мундиръ и шпагу Балашева. Балашевъ оправился и началъ говорить. Онъ сказалъ, что императоръ Александръ не считаетъ достаточною причиной для войны требованіе паспортовъ Куракинымъ, что Куракинъ поступилъ такъ по своему произволу и безъ согласія на то государя, что императоръ Александръ не желаетъ войны, и что съ Англіей нѣтъ никакихъ сношеній.

— *Еще* нѣтъ,—вставилъ Наполеонъ и, какъ-будто боясь отдаться своему чувству, нахмурился и слегка кивнулъ головой, давая этимъ чувствовать Балашеву, что онъ можетъ продолжать.

Высказавъ все, что ему было приказано, Балашевъ сказалъ, что императоръ Александръ желаетъ мира, но не приступитъ къ переговорамъ иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы... Тутъ Балашевъ замялся; онъ вспомнилъ тѣ слова, которыя императоръ Александръ не написалъ въ письмѣ, но которыя непремѣнно приказалъ вставить въ рескриптъ Салтыкову, и которыя приказалъ Балашеву передать Наполеону. Балашевъ помнилъ про эти слова: „пока ни одинъ вооруженный непріятель не останется на землѣ русской“, но какое-то сложное чувство удержало его. Онъ не могъ сказать этихъ словъ, хотя и хотѣлъ это сдѣлать. Онъ замялся и

сказалъ: съ условіемъ, чтобы французскія войска отступили за Нѣманъ.

Наполеонъ замѣтилъ смущеніе Балашева при высказываньи послѣднихъ словъ: лицо его дрогнуло, лѣвая икра ноги начала мѣрно дрожать. Не сходя съ мѣста, онъ голосомъ болѣе высокимъ и поспѣшнымъ, чѣмъ прежде, началъ говорить. Во время послѣдующей рѣчи Балашевъ, не разъ опуская глаза, невольно наблюдалъ дрожанье икры въ лѣвой ногѣ Наполеона, которое тѣмъ болѣе усиливалось, чѣмъ болѣе онъ возвышалъ голосъ.

— Я желаю мира не менѣе императора Александра,—началъ онъ.—Не я ли восемнадцать мѣсяцевъ дѣлаю все, чтобы получить его? Я восемнадцать мѣсяцевъ жду объясненій. Но для того, чтобы начать переговоры, чего же требуютъ отъ меня?—сказалъ онъ, нахмурившись и дѣлая энергически вопросительный жестъ своею маленькою, бѣлою и пухлою рукой.

— Отступленія войскъ за Нѣманъ, государь,—сказалъ Балашевъ.

— За Нѣманъ?—повторилъ Наполеонъ.—Такъ теперь вы хотите, чтобъ отступили за Нѣманъ,—только за Нѣманъ?—повторилъ Наполеонъ, прямо взглянувъ на Балашева.

Балашевъ почтительно наклонилъ голову.

Вмѣсто требованія четыре мѣсяца тому назадъ отступить изъ Помераніи, теперь требовали только отступить за Нѣманъ. Наполеонъ быстро повернулся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Вы говорите, что отъ меня требуютъ отступленія за Нѣманъ для начатія переговоровъ; но отъ меня требовали точно такъ же два мѣсяца тому назадъ отступленія за Одеръ и Вислу и, несмотря на то, вы согласны вести переговоры.

Онъ молча прошелъ отъ одного угла комнаты до другого

и опять остановился противъ Балашева. Балашевъ замѣтилъ, что лѣвая его нога дрожала еще быстрѣе, чѣмъ прежде и лицо его какъ-будто окаменѣло въ своемъ строгомъ выраженіи. Это дрожанье лѣвой икры Наполеонъ зналъ за собой. „Дрожаніе моей лѣвой икры есть великій признакъ“, говорилъ онъ впослѣдствіи.

— Такія предложенія, какъ то, чтобъ очистить Одеръ и Вислу, можно дѣлать принцу Баденскому, а не мнѣ,—совершенно неожиданно для себя почти вскрикнулъ Наполеонъ.— Ежели бы вы дали мнѣ Петербургъ и Москву, я бы не принялъ этихъ условій. Вы говорите: я началъ эту войну? А кто прежде пріѣхалъ къ арміи? — Императоръ Александръ, а не я. И вы предлагаете мнѣ переговоры тогда, какъ я издержалъ милліоны, тогда, какъ вы въ союзѣ съ Англіей и когда ваше положеніе дурно,—вы предлагаете мнѣ переговоры! А какая цѣль вашего союза съ Англіей? Что она дала вамъ?—говорилъ онъ поспѣшно, очевидно уже направляя свою рѣчь не къ тому, чтобы высказать выгоды заключенія мира и обсудить его возможность, а только къ тому, чтобы доказать и свою правоту, и свою силу, и чтобы доказать неправоту и ошибки Александра.

Вступленіе его рѣчи было сдѣлано очевидно съ цѣлью высказать выгоду своего положенія и показать, что, несмотря на то, онъ принимаетъ открытіе переговоровъ. Но онъ уже началъ говорить, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ менѣе онъ былъ въ состояніи управлять своею рѣчью.

Вся цѣль его рѣчи теперь уже очевидно была въ томъ, чтобы только возвысить себя и оскорбить Александра, то-есть именно сдѣлалъ то самое, чего онъ менѣе всего хотѣлъ при началѣ свиданія.

— Говорятъ, вы заключили миръ съ турками?

Балашевъ утвердительно наклонилъ голову.

— Миръ заключенъ...—началъ онъ. Но Наполеонъ не далъ ему говорить. Ему, видно, нужно было говорить одному самому, и онъ продолжалъ говорить съ тѣмъ краснорѣчіемъ и невоздержаніемъ раздраженности, къ которому такъ склонны балованные люди.

— Да, я знаю, вы заключили миръ съ турками, не получивъ Молдавіи и Валахіи. А я бы далъ вашему государю эти провинціи такъ же, какъ я далъ ему Финляндію. Да,—продолжалъ онъ,—я обѣщалъ и далъ бы императору Александру Молдавію и Валахію, а теперь онъ не будетъ имѣть этихъ прекрасныхъ провинцій. Онъ бы могъ однако присоединить ихъ къ своей имперіи, и въ одно царствованіе онъ бы расширилъ Россію отъ Ботническаго залива до устьевъ Дуная. Екатерина Великая не могла бы сдѣлать болѣе,—говорилъ Наполеонъ, все болѣе и болѣе разгораясь, ходя по комнатѣ и повторяя Балашеву почти тѣ же слова, которыя онъ говорилъ самому Александру въ Тильзитѣ.—Всѣмъ этимъ онъ былъ бы обязанъ моей дружбѣ. О, какое прекрасное царствованіе *могло бы* быть царствованіе императора Александра! О, какое прекрасное царствованіе!—повторилъ онъ нѣсколько разъ, остановился, досталъ золотую табакерку изъ кармана и жадно потянулъ изъ нея носомъ.

Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на Балашева и только что Балашевъ хотѣлъ замѣтить что-то, какъ онъ опять поспѣшно перебилъ его.

— Чего онъ могъ желать и искать такого, чего бы онъ не нашелъ въ моей дружбѣ?..—сказалъ Наполеонъ, съ недоумѣніемъ пожимая плечами.—Нѣтъ, онъ нашелъ лучшимъ

окружить себя моими врагами, и кѣмъ же? — продолжалъ онъ,—онъ призвалъ къ себѣ Штейновъ, Армфельдовъ, Бенигсеновъ, Винценгероде, Штейнъ,—прогнанный изъ своего отечества измѣнникъ, Армфельдъ—развратникъ и интриганъ, Винценгероде—бѣглый подданный Франціи, Бенигсенъ — нѣсколько болѣе военный чѣмъ другіе, но все-таки неспособный, который ничего не умѣлъ сдѣлать въ 1807 году, и который бы долженъ былъ возбуждать въ императорѣ Александрѣ ужасныя воспоминанія... Положимъ, ежели бы они были способны, можно бы ихъ употреблять,—продолжалъ Наполеонъ, едва успѣвая словомъ поспѣвать за безпрестанно-возникающими соображеніями, показывающими ему его правоту или силу (что̀ въ его понятіи было одно и то же); — но и того нѣтъ: они не годятся ни для войны, ни для мира! Барклай, говорятъ, дѣльнѣе ихъ всѣхъ; но я этого не скажу, судя по его первымъ движеніямъ. А они что̀ дѣлаютъ, что̀ дѣлаютъ всѣ эти придворные? Пфуль предлагаетъ, Армфельдъ споритъ, Бенигсенъ разсматриваетъ, а Барклай, призванный дѣйствовать, не знаетъ на что рѣшиться, и время проходитъ, ничего не принося. Одинъ Багратіонъ—военный человѣкъ. Онъ глупъ, но у него есть опытность, глазомѣръ и рѣшительность... И что̀ за роль играетъ вашъ молодой государь въ этой безобразной толпѣ? Они его компрометируютъ и на него сваливаютъ отвѣтственность всего совершающагося. Государь долженъ находиться при арміи только тогда, когда онъ—полководецъ,—сказалъ онъ, очевидно посылая эти слова прямо какъ вызовъ въ лицо государя. Наполеонъ зналъ, какъ желалъ императоръ Александръ быть полководцемъ.

— Уже недѣля, какъ началась кампанія, и вы не сумѣли

защитить Вильну. Вы разрѣзаны на-двое и прогнаны изъ польскихъ провинцій. Ваша армія ропщетъ.

— Напротивъ, ваше величество,—сказалъ Балашевъ, едва успѣвавшій запоминать то, что̀ говорилось ему, и съ трудомъ слѣдовавшій за этимъ фейерверкомъ словъ,—войска горятъ желаніемъ...

— Я все знаю, перебилъ его Наполеонъ,—я все знаю и знаю число вашихъ баталіоновъ такъ же вѣрно, какъ и моихъ. У васъ нѣтъ 200 тысячъ войска, а у меня втрое больше; даю вамъ честное слово,—сказалъ Наполеонъ, забывая, что это его честное слово никакъ не могло имѣть значенія,—даю вамъ честное слово, что у меня 530 тысячъ человѣкъ по сю сторону Вислы. Турки вамъ не помощь: они никуда не годятся и доказали это, замирившись съ вами. Шведы,—ихъ предопредѣленіе быть управляемыми сумасшедшими королями. Ихъ король былъ безумный, они перемѣнили его и взяли другого, — Бернадота, который тотчасъ же сошелъ съ ума, потому что сумасшедшій только, будучи шведомъ, можетъ заключать союзы съ Россіей.

Наполеонъ злобно усмѣхнулся и опять поднесъ къ носу табакерку.

На каждую изъ фразъ Наполеона Балашевъ хотѣлъ и имѣлъ что̀ возражать; безпрестанно онъ дѣлалъ движеніе человѣка, желавшаго сказать что-то; но Наполеонъ перебивалъ его. Противъ безумія шведовъ Балашевъ хотѣлъ сказать, что Швеція есть островъ, когда Россія за нее; но Наполеонъ сердито вскрикнулъ, чтобы заглушить его голосъ. Наполеонъ находился въ томъ состояніи раздраженія, въ которомъ нужно говорить, говорить и говорить только для того, чтобы самому себѣ доказать свою справедливость. Балашеву

становилось тяжело: онъ, какъ посолъ, боялся уронить свое достоинство и чувствовалъ необходимость возражать; но, какъ человѣкъ, онъ сжимался нравственно предъ забытьемъ безпричиннаго гнѣва, въ которомъ очевидно находился Наполеонъ. Онъ зналъ, что всѣ слова, сказанныя теперь Наполеономъ, не имѣютъ значенія, что онъ самъ, когда опомнится, устыдится ихъ. Балашевъ стоялъ, опустивъ глаза, глядя на движущіяся толстыя ноги Наполеона, и старался избѣгать его взгляда.

— Да что мнѣ эти ваши союзники?—говорилъ Наполеонъ.— У меня союзники—это поляки: ихъ 80 тысячъ, они дерутся, какъ львы. И ихъ будетъ 200 тысячъ.

И, вѣроятно, еще болѣе возмутившись тѣмъ, что, сказавъ это, онъ сказалъ очевидную неправду, и что Балашевъ въ той же, покорной своей судьбѣ, позѣ молча стоялъ предъ нимъ, онъ круто повернулся назадъ, подошелъ къ самому лицу Балашева и, дѣлая энергическіе и быстрые жесты своими бѣлыми руками, закричалъ почти:

— Знайте, что ежели вы поколеблете Пруссію противъ меня, знайте, что я сотру ее съ карты Европы, — сказалъ онъ съ блѣднымъ, искаженнымъ злобой лицомъ, энергическимъ жестомъ одной маленькой руки ударяя по другой. — Да, я заброшу васъ за Двину, за Днѣпръ и возстановлю противъ васъ ту преграду, которую Европа была преступна и слѣпа, что позволила разрушить. Да, вотъ что съ вами будетъ, вотъ что вы выиграли, удалившись отъ меня, — сказалъ онъ, и молча прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, вздрагивая своими толстыми плечами. Онъ положилъ въ жилетный карманъ табакерку, опять вынулъ ее, нѣсколько разъ приставлялъ ее къ носу и остановился противъ Балашева. Онъ помолчалъ, поглядѣлъ насмѣшливо прямо въ глаза Балашеву и

сказалъ тихимъ голосомъ:—А между тѣмъ какое прекрасное царствованіе *могъ бы имѣть* вашъ государь!

Балашевъ, чувствуя необходимость возражать, сказалъ, что со стороны Россіи дѣла не представляются въ такомъ мрачномъ видѣ. Наполеонъ молчалъ, продолжая насмѣшливо глядѣть на него и очевидно его не слушая. Балашевъ сказалъ, что въ Россіи ожидаютъ отъ войны всего хорошаго. Наполеонъ снисходительно кивнулъ головой, какъ бы говоря: „знаю, такъ говоритъ ваша обязанность, но вы сами въ это не вѣрите, вы убѣждены мною".

Въ концѣ рѣчи Балашева, Наполеонъ вынулъ опять табакерку, понюхалъ изъ нея и, какъ сигналъ, стукнулъ два раза ногой по полу. Дверь отворилась: почтительно изгибающійся камергеръ подалъ императору шляпу и перчатки, другой подалъ носовой платокъ. Наполеонъ, не глядя на нихъ, обратился къ Балашеву:

— Увѣрьте отъ моего имени императора Александра,— сказалъ онъ, взявъ шляпу, — что я ему преданъ по прежнему: я знаю его совершенно и весьма высоко цѣню его высокія качества. Не удерживаю васъ болѣе, генералъ! вы получите мое письмо къ императору.—И Наполеонъ пошелъ быстро къ двери. Изъ пріемной все бросилось впередъ и внизъ по лѣстницѣ.

VII.

Послѣ всего того, что̀ сказалъ ему Наполеонъ, послѣ этихъ взрывовъ гнѣва и послѣ послѣднихъ, сухо сказанныхъ словъ: „я не удерживаю васъ, генералъ; вы получите мое письмо", Балашевъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ уже не только не пожелаетъ его видѣть, но постарается не видать его—оскорб-

леннаго посла и, главное, свидѣтеля его непристойной горячности. Но, къ удивленію своему, Балашевъ черезъ Дюрока получилъ приглашеніе въ этотъ день къ столу императора.

На обѣдѣ были Бессьеръ, Коленкуръ и Бертье.

Наполеонъ встрѣтилъ Балашева съ веселымъ и ласковымъ видомъ. Не только не было въ немъ выраженія застѣнчивости или упрека себѣ за утреннюю вспышку, но онъ, напротивъ, старался ободрить Балашева. Видно было, что уже давно для Наполеона въ его убѣжденіи не существовало возможности ошибокъ и что въ его понятіи все то, что онъ дѣлалъ, было хорошо не потому, что оно сходилось съ представленіемъ того, что хорошо и дурно, но потому, что *онъ* дѣлалъ это.

Императоръ былъ очень веселъ послѣ своей верховой прогулки по Вильнѣ, въ которой толпы народа съ восторгомъ встрѣчали и провожали его. Во всѣхъ окнахъ улицъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, были выставлены ковры, знамена, вензеля его, и польскія дамы, привѣтствуя его, махали ему платками.

За обѣдомъ, посадивъ подлѣ себя Балашева, онъ обращался съ нимъ не только ласково, но обращался такъ, какъ будто онъ и Балашева считалъ въ числѣ своихъ придворныхъ, въ числѣ тѣхъ людей, которые сочувствовали его планамъ и должны были радоваться его успѣхамъ. Между прочимъ разговоромъ онъ заговорилъ о Москвѣ и сталъ спрашивать Балашева о русской столицѣ, не только какъ спрашиваетъ любознательный путешественникъ о новомъ мѣстѣ, которое онъ намѣревается посѣтить, но какъ бы съ убѣжденіемъ, что Балашевъ, какъ русскій, долженъ быть польщенъ этою любознательностью,

— Сколько жителей въ Москвѣ, сколько домовъ?—Правда ли, что Москву называютъ священною? Сколько церквей въ Москвѣ?—спрашивалъ онъ.

И на отвѣтъ, что церквей болѣе двухъ сотъ,—онъ сказалъ:

— Къ чему такая бездна церквей?

— Русскіе очень набожны,—отвѣчалъ Балашевъ.

— Впрочемъ, большое количество монастырей и церквей есть всегда признакъ отсталости народа,—сказалъ Наполеонъ, оглядываясь на Коленкура за оцѣнкой этого сужденія.

Балашевъ почтительно позволилъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ французскаго императора.

— У каждой страны свои нравы,—сказалъ онъ.

— Но уже нигдѣ въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго, — сказалъ Наполеонъ.

— Прошу извиненія у вашего величества,—сказалъ Балашевъ: — кромѣ Россіи есть еще Испанія, гдѣ также много церквей и монастырей.

Этотъ отвѣтъ Балашева, намекавшій на недавнее пораженіе французовъ въ Испаніи, былъ высоко оцѣненъ, по разсказамъ Балашева, при дворѣ императора Александра и очень мало былъ оцѣненъ теперь за обѣдомъ Наполеона и прошелъ незамѣтно.

По равнодушнымъ и недоумѣвающимъ лицамъ господъ маршаловъ видно было, что они недоумѣвали, въ чемъ тутъ состояла острота, на которую намекала интонація Балашева. „Ежели и была она, то мы не поняли ее, или она вовсе не остроумна",—говорили выраженія лицъ маршаловъ. Такъ мало былъ оцѣненъ этотъ отвѣтъ, что Наполеонъ даже рѣшительно не замѣтилъ его и наивно спросилъ Балашева о томъ, на какіе города идетъ отсюда прямая дорога къ Москвѣ.

Балашевъ, бывшій все время обѣда на-сторожѣ, отвѣчалъ, что какъ всякая дорога, по пословицѣ, ведетъ въ Римъ, такъ и всѣ дороги ведутъ въ Москву, что есть много дорогъ, и что въ числѣ этихъ разныхъ путей есть дорога на *Полтаву*, которую избралъ Карлъ XII,—сказалъ Балашевъ, невольно вспыхнувъ отъ удовольствія въ удачѣ этого отвѣта. Не успѣлъ Балашевъ досказать послѣднихъ словъ: „Полтава", какъ уже Коленкуръ заговорилъ о неудобствахъ дороги изъ Петербурга въ Москву и о своихъ Петербургскихъ воспоминаніяхъ.

Послѣ обѣда перешли пить кофе въ кабинетъ Наполеона, четыре дня тому назадъ бывшій кабинетомъ императора Александра. Наполеонъ сѣлъ, потрогивая кофе въ севрской чашкѣ, и указалъ на стулъ подлѣ себя Балашеву.

Есть въ человѣкѣ извѣстное послѣобѣденное расположеніе духа, которое сильнѣе всякихъ разумныхъ причинъ заставляетъ человѣка быть довольнымъ собой и считать всѣхъ своими друзьями. Наполеонъ находился въ этомъ расположеніи. Ему казалось, что онъ окруженъ людьми, обожающими его. Онъ былъ убѣжденъ, что и Балашевъ послѣ его обѣда былъ его другомъ и обожателемъ. Наполеонъ обратился къ нему съ пріятною и слегка насмѣшливою улыбкой.

— Это та же комната, какъ мнѣ говорили, въ которой жилъ императоръ Александръ. Странно, неправда ли, генералъ?—сказалъ онъ, очевидно не сомнѣваясь въ томъ, что это обращеніе не могло не быть пріятно его собесѣднику, такъ какъ оно доказывало превосходство его, Наполеона, надъ Александромъ.

Балашевъ ничего не могъ отвѣчать на это и молча наклонилъ голову.

— Да, въ этой комнатѣ, четыре дня тому назадъ совѣщались Винценгероде и Штейнъ,—съ тою же насмѣшливою, увѣренною улыбкой продолжалъ Наполеонъ.—Чего я не могу понять,—сказалъ онъ,—это того, что императоръ Александръ приблизилъ къ себѣ всѣхъ личныхъ моихъ непріятелей. Я этого не... понимаю. Онъ не подумалъ о томъ, что я могу сдѣлать то же?—съ вопросомъ обратился онъ къ Балашеву, и очевидно это воспоминаніе втолкнуло его опять въ тотъ слѣдъ утренняго гнѣва, который еще былъ свѣжъ въ немъ. — И пусть онъ знаетъ, что я это сдѣлаю,—сказалъ Наполеонъ, вставая и отталкивая рукой свою чашку.—Я выгоню изъ Германіи всѣхъ его родныхъ, виртембергскихъ, баденскихъ, веймарскихъ... да, я выгоню ихъ.—Пусть онъ готовитъ для нихъ убѣжище въ Россіи!

Балашевъ наклонилъ голову, видомъ своимъ показывая, что онъ желалъ бы откланяться, и слушаетъ только потому, что онъ не можетъ не слушать того, что̀ ему говорятъ. Наполеонъ не замѣчалъ этого выраженія; онъ обращался къ Балашеву не какъ къ послу своего врага, а какъ къ человѣку, который теперь вполнѣ преданъ ему и долженъ радоваться униженію своего бывшаго господина.

— И зачѣмъ императоръ Александръ принялъ начальство надъ войсками? Къ чему это? Война мое ремесло, а его дѣло царствовать, а не командовать войсками. Зачѣмъ онъ взялъ на себя такую отвѣтственность?

Наполеонъ опять взялъ табакерку, молча прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и вдругъ неожиданно подошелъ къ Балашеву и съ легкою улыбкой, такъ увѣренно, быстро и просто, какъ будто онъ дѣлалъ какое-нибудь не только важное, но и пріятное для Балашева дѣло, поднялъ руку къ лицу

сорокалѣтняго русскаго генерала и, взявъ его за ухо, слегка дернулъ, улыбнувшись однѣми губами.

Быть выдраннымъ за ухо императоромъ считалось величайшею честью и милостью при французскомъ дворѣ.

— Ну-съ, что жъ вы ничего не говорите, обожатель и придворный императора Александра?—сказалъ онъ, какъ будто смѣшно было быть въ его присутствіи чьимъ-нибудь придворнымъ и обожателемъ кромѣ его, Наполеона. — Готовы ли лошади для генерала?—прибавилъ онъ, слегка наклоняя голову въ отвѣтъ на поклонъ Балашева.—Дайте ему моихъ, ему *далеко ѣхать*...

Письмо, привезенное Балашевымъ, было послѣднее письмо Наполеона къ Александру. Всѣ подробности разговора были переданы русскому императору, и война началась.

VIII.

Послѣ свиданія своего въ Москвѣ съ Пьеромъ, князь Андрей уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ, какъ онъ сказалъ своимъ роднымъ, но въ сущности для того, чтобы встрѣтить тамъ князя Анатоля Курагина, котораго онъ считалъ необходимымъ встрѣтить. Курагина, о которомъ онъ освѣдомился, пріѣхавъ въ Петербургъ, уже тамъ не было. Пьеръ далъ знать своему шурину, что князь Андрей ѣдетъ за нимъ. Анатоль Курагинъ тотчасъ получилъ назначеніе отъ военнаго министра и уѣхалъ въ Молдавскую армію. Въ это же время въ Петербургѣ князь Андрей встрѣтилъ Кутузова, своего прежняго, всегда расположеннаго къ нему генерала, и Кутузовъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Молдавскую армію, куда старый генералъ назначался главнокомандующимъ. Князь

Андрей, получивъ назначеніе состоять при штабѣ главной квартиры, уѣхалъ въ Турцію.

Князь Андрей считалъ неудобнымъ писать къ Курагину и вызывать его. Не подавъ новаго повода къ дуэли, князь Андрей считалъ вызовъ съ своей стороны компрометирующимъ графиню Ростову, и потому онъ искалъ личной встрѣчи съ Курагинымъ, въ которой онъ намѣренъ былъ найти новый поводъ къ дуэли. Но въ Турецкой арміи ему также не удалось встрѣтить Курагина, который вскорѣ послѣ пріѣзда князя Андрея въ Турецкую армію вернулся въ Россію. Въ новой странѣ и въ новыхъ условіяхъ жизни, князю Андрею стало жить легче. Послѣ измѣны своей невѣсты, которая тѣмъ сильнѣе поразила его, чѣмъ старательнѣе онъ скрывалъ отъ всѣхъ произведенное на него дѣйствіе, для него были тяжелы тѣ условія жизни, въ которыхъ онъ былъ счастливъ, и еще тяжелѣе были свобода и независимость, которыми онъ такъ дорожилъ прежде. Онъ не только не думалъ тѣхъ прежнихъ мыслей, которыя въ первый разъ пришли ему, когда онъ глядѣлъ на небо на Аустерлицкомъ полѣ, которыя онъ любилъ развивать съ Пьеромъ и которыя наполняли его уединеніе въ Богучаровѣ, а потомъ въ Швейцаріи и Римѣ; но онъ даже боялся вспомнить объ этихъ мысляхъ, раскрывавшихъ безконечные и свѣтлые горизонты. Его интересовали теперь только самые ближайшіе, не связанные съ прежними, практическіе интересы, за которые онъ ухватывался съ тѣмъ бо̀льшею жадностью, чѣмъ закрытѣе были отъ него прежніе. Какъ будто тотъ безконечный удаляющійся сводъ неба, стоявшій прежде надъ нимъ, вдругъ превратился въ низкій, опредѣленный, давившій его сводъ, въ которомъ все было ясно, но ничего не было вѣчнаго и таинственнаго.

Изъ представлявшихся ему дѣятельностей, военная служба была самая простая и знакомая ему. Состоя въ должности дежурнаго генерала при штабѣ Кутузова, онъ упорно и усердно занимался дѣлами, удивляя Кутузова своею охотою къ работѣ и аккуратностью. Не найдя Курагина въ Турціи, князь Андрей не считалъ необходимымъ скакать за нимъ опять въ Россію, но при всемъ томъ онъ зналъ, что сколько бы ни прошло времени, онъ не могъ, встрѣтивъ Курагина, несмотря на все презрѣніе, которое онъ имѣлъ къ нему, несмотря на всѣ доказательства, которыя онъ дѣлалъ себѣ, что ему не стоитъ унижаться до столкновенія съ нимъ,—онъ зналъ, что, встрѣтивъ его, онъ не могъ не вызвать его, какъ не можетъ голодный человѣкъ не броситься на пищу. И это сознаніе того, что оскорбленіе еще не вымещено, что злоба не излита, а лежитъ на сердцѣ, отравляло то искусственное спокойствіе, которое въ видѣ озабоченно хлопотливой и нѣсколько честолюбивой и тщеславной дѣятельности устроилъ себѣ князь Андрей въ Турціи.

Въ 12-мъ году, когда до Букарешта (гдѣ два мѣсяца жилъ Кутузовъ, проводя дни и ночи у своей валашки) дошла вѣсть о войнѣ съ Наполеономъ, князь Андрей попросилъ у Кутузова перевода въ западную армію. Кутузовъ, которому уже надоѣлъ Болконскій своею дѣятельностью, служившею ему упрекомъ въ праздности, Кутузовъ весьма охотно отпустилъ его и далъ ему порученіе къ Барклаю-де-Толли.

Прежде чѣмъ ѣхать въ армію, находившуюся въ маѣ въ Дрисскомъ лагерѣ, князь Андрей заѣхалъ въ Лысыя Горы, которыя были на самой его дорогѣ, находясь въ трехъ верстахъ отъ Смоленскаго большака. Послѣдніе три года въ жизни князя Андрея было такъ много переворотовъ, такъ много онъ

передумалъ, перечувствовалъ, перевидѣлъ (онъ объѣхалъ и западъ и востокъ), что его странно и неожиданно поразило при въѣздѣ въ Лысыя Горы все точно то же, до малѣйшихъ подробностей точно то же теченіе жизни. Онъ какъ въ заколдованный, заснувшій зàмокъ въѣхалъ въ аллею и въ каменныя ворота Лысогорскаго дома. Та же степенность, та же чистота, та же тишина была въ этомъ домѣ, тѣ же мебели, тѣ же стѣны, тѣ же звуки, тотъ же запахъ и тѣ же робкія лица, только нѣсколько постарѣвшія. Княжна Марья была все та же робкая, некрасивая, старѣющаяся дѣвушка, въ страхѣ и вѣчныхъ нравственныхъ страданіяхъ, безъ пользы и радости проживающая лучшіе годы своей жизни. Бурьенъ была та же радостно-пользующаяся каждой минутой своей жизни и исполненная самыхъ для себя радостныхъ надеждъ, довольная собой, кокетливая дѣвушка. Она только стала увѣреннѣе, какъ показалось князю Андрею. Привезенный имъ изъ Швейцаріи воспитатель Десаль былъ одѣтъ въ сюртукъ русскаго покроя, коверкая языкъ говорилъ по-русски со слугами, но былъ все тотъ же, ограниченно-умный, образованный, добродѣтельный и педантическій воспитатель. Старый князь перемѣнился физически только тѣмъ, что сбоку рта у него сталъ замѣтенъ недостатокъ одного зуба; нравственно онъ былъ все такой же, какъ и прежде, только съ еще бóльшимъ озлобленіемъ и недовѣріемъ къ дѣйствительности того, чтò происходило въ мірѣ. Одинъ только Николушка выросъ, перемѣнился, разрумянился, обросъ курчавыми, темными волосами, и, самъ не зная того, смѣясь и веселясь, поднималъ верхнюю губку хорошенькаго ротика точно такъ же, какъ ее поднимала покойница маленькая княгиня. Онъ одинъ не слушался закона неизмѣнности въ этомъ заколдованномъ, спящемъ зàмкѣ. Но хотя

по внѣшности все оставалось по-старому, внутреннія отношенія всѣхъ этихъ лицъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ князь Андрей не видалъ ихъ. Члены семейства были раздѣлены на два лагеря, чуждые и враждебные между собой, которые сходились теперь только при немъ, для него измѣняя свой обычный образъ жизни. Къ одному принадлежали старый князь, Бурьенъ и архитекторъ, къ другому—княжна Марья, Десаль, Николушка и всѣ няньки и мамки.

Во время его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ всѣ домашніе обѣдали вмѣстѣ, но всѣмъ было неловко, и князь Андрей чувствовалъ, что онъ гость, для котораго дѣлаютъ исключеніе, что онъ стѣсняетъ всѣхъ своимъ присутствіемъ. Во время обѣда перваго дня князь Андрей, невольно чувствуя это, былъ молчаливъ, и старый князь, замѣтивъ неестественность его молчанія, тоже угрюмо замолчалъ и сейчасъ послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Когда ввечеру князь Андрей пришелъ къ нему и стараясь расшевелить его, сталъ разсказывать ему о кампаніи молодого князя Каменскаго, старый князь неожиданно началъ разговоръ съ нимъ о княжнѣ Марьѣ, осуждая ее за ея суевѣріе, за ея нелюбовь къ m-elle Бурьенъ, которая, по его словамъ, была одна истинно предана ему.

Старый князь говорилъ, что ежели онъ боленъ, то только отъ княжны Марьи; что она нарочно мучаетъ и раздражаетъ его; что она баловствомъ и глупыми рѣчами портитъ маленькаго князя Николая. Старый князь зналъ очень хорошо, что онъ мучаетъ свою дочь, что жизнь ея очень тяжела; но зналъ тоже, что онъ не можетъ не мучить ея и что она заслуживаетъ этого. „Почему же князь Андрей, который видитъ это, мнѣ ничего не говоритъ про сестру?“ думалъ старый князь. „Чтò же онъ думаетъ, что я злодѣй или

старый дуракъ, безъ причины отдалился отъ дочери и приблизилъ къ себѣ француженку? Онъ не понимаетъ, и потому надо объяснить ему, надо, чтобъ онъ выслушалъ", думалъ старый князь. И онъ сталъ объяснять причины, по которымъ онъ не могъ переносить безтолковаго характера дочери.

— Ежели вы спрашиваете меня,—сказалъ князь Андрей, не глядя на отца (онъ въ первый разъ въ жизни осуждалъ своего отца),—я не хотѣлъ говорить, — но ежели вы меня спрашиваете, то я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе насчетъ всего этого. Ежели есть недоразумѣнія и разладъ между вами и Машей, то я никакъ не могу винить ее, — я знаю, какъ она васъ любитъ и уважаетъ. Ежели ужъ вы спрашиваете меня,—продолжалъ князь Андрей, раздражаясь, потому что онъ всегда былъ готовъ на раздраженіе въ послѣднее время,—то я одно могу сказать: ежели есть недоразумѣнія, то причиной ихъ ничтожная женщина, которая бы не должна была быть подругой сестры.

Старикъ сначала остановившимися глазами смотрѣлъ на сына, и ненатурально открылъ улыбкой новый недостатокъ зуба, къ которому князь Андрей не могъ привыкнуть.

— Какая же подруга, голубчикъ? А? Ужъ переговорилъ! А?

— Батюшка, я не хотѣлъ быть судьей, — сказалъ князь Андрей желчнымъ и жесткимъ тономъ,—но вы вызвали меня, и я сказалъ и всегда скажу, что княжна Марья не виновата, а виноваты... виновата эта француженка...

— А, присудилъ!.. присудилъ!—сказалъ старикъ тихимъ голосомъ и, какъ показалось князю Андрею, съ смущеніемъ, но потомъ вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ:—Вонъ, вонъ! Чтобы духу твоего тутъ не было!..

Князь Андрей хотѣлъ тотчас ь же vѣхать, но княжна Марья

упросила его остаться еще день. Въ этотъ день князь Андрей не видался съ отцомъ, который не выходилъ и никого не пускалъ къ себѣ кромѣ m-elle Бурьенъ и Тихона, и спрашивалъ нѣсколько разъ о томъ, уѣхалъ ли его сынъ. На другой день предъ отъѣздомъ князь Андрей пошелъ на половину сына. Здоровый, по матери кудрявый мальчикъ сѣлъ ему на колѣни. Князь Андрей началъ сказывать ему сказку о Синей Бородѣ, но, не досказавъ, задумался. Онъ думалъ не объ этомъ хорошенькомъ мальчикѣ-сынѣ въ то время, какъ онъ его держалъ на колѣняхъ, а думалъ о себѣ. Онъ съ ужасомъ искалъ и не находилъ въ себѣ ни раскаянія въ томъ, что онъ раздражилъ отца, ни сожалѣнія о томъ, что онъ въ ссорѣ (въ первый разъ въ жизни) уѣзжаетъ отъ него. Главнѣе всего ему было то, что онъ искалъ и не находилъ той прежней нѣжности къ сыну, которую онъ надѣялся возбудить въ себѣ, приласкавъ мальчика и посадивъ его къ себѣ на колѣни.

— Ну, разсказывай же,—говорилъ сынъ. Князь Андрей, не отвѣчая ему, снялъ его съ колѣнъ и пошелъ изъ комнаты.

Какъ только князь Андрей оставилъ свои ежедневныя занятія, въ особенности какъ только онъ вступилъ въ прежнія условія жизни, въ которыхъ онъ былъ еще тогда, когда онъ былъ счастливъ, тоска жизни охватила его съ прежнею силой, и онъ спѣшилъ поскорѣе уйти отъ этихъ воспоминаній и найти поскорѣе какое-нибудь дѣло.

— Ты рѣшительно ѣдешь, Андрей?—сказала ему сестра.

— Слава Богу, что могу ѣхать,—сказалъ князь Андрей;— очень жалѣю, что ты не можешь.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—сказала княжна Марья.— Зачѣмъ ты это говоришь теперь, когда ты ѣдешь на эту

страшную войну, и онъ такъ старъ? M-elle Бурьенъ говорила, что онъ спрашивалъ про тебя...—Какъ только она начала говорить объ этомъ, губы ея задрожали и слезы закапали. Князь Андрей отвернулся отъ нея и сталъ ходить по комнатѣ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — сказалъ онъ. — И какъ подумаешь, что̀ и кто—какое ничтожество можетъ быть причиной несчастія людей!—сказалъ онъ со злобою, испугавшею княжну Марью.

Она поняла, что, говоря про людей, которыхъ онъ называлъ ничтожествомъ, онъ разумѣлъ не только m-elle Бурьенъ, дѣлавшую его несчастіе, но и того человѣка, который погубилъ его счастіе.

— Андрей, объ одномъ я прошу, я умоляю тебя, — сказала она, дотрогиваясь до его локтя, и сіяющими сквозь слезы глазами глядя на него. — Я понимаю тебя (княжна Марья опустила глаза). Не думай, что горе сдѣлали люди. Люди—орудіе Его.—Она взглянула немного повыше головы князя Андрея тѣмъ увѣреннымъ, привычнымъ взглядомъ, которымъ смотрятъ на знакомое мѣсто портрета.—Горе послано Имъ, а не людьми. Люди Его орудія; они не виноваты. Ежели тебѣ кажется, что кто-нибудь виноватъ передъ тобой,—забудь это и прости. Мы не имѣемъ права наказывать. И ты поймешь счастье прощать.

— Ежели бы я былъ женщина, я бы это дѣлалъ, Мари. Это добродѣтель женщины. Но мужчина не долженъ и не можетъ забывать и прощать,—сказалъ онъ, и хотя онъ до этой минуты не думалъ о Курагинѣ, вся невымещенная злоба вдругъ поднялась въ его сердцѣ. „Ежели княжна Марья уже уговариваетъ меня простить, то значитъ давно мнѣ надо было наказать“, подумалъ онъ. И, не отвѣчая болѣе княжнѣ

Марьѣ, онъ сталъ думать теперь о той радостной, злобной минутѣ, когда онъ встрѣтитъ Курагина, который (онъ зналъ) находится въ арміи.

Княжна Марья умоляла брата подождать еще день, говорила о томъ, что она знаетъ, какъ будетъ несчастливъ отецъ, ежели Андрей уѣдетъ, не помирившись съ нимъ; но князь Андрей отвѣчалъ, что онъ, вѣроятно, скоро пріѣдетъ опять изъ арміи, что непремѣнно напишетъ отцу и что теперь чѣмъ дольше оставаться, тѣмъ больше растравится этотъ раздоръ.

— Прощай, Андрей! Помни, что несчастія происходятъ отъ Бога и что люди никогда не бываютъ виноваты,—были послѣднія слова, которыя онъ слышалъ отъ сестры, когда прощался съ нею.

„Такъ это должно быть!—думалъ князь Андрей, выѣзжая изъ аллеи Лысогорскаго дома.—Она, жалкое невинное существо, остается на съѣденіе выжившему изъ ума старику. Старикъ чувствуетъ, что виноватъ, но не можетъ измѣнить себя. Мальчикъ мой растетъ и радуется жизни, въ которой онъ будетъ такимъ же, какъ и всѣ, обманутымъ или обманывающимъ. Я ѣду въ армію, зачѣмъ?—самъ не знаю; и желаю встрѣтить того человѣка, котораго презираю, для того, чтобы дать ему случай убить меня и посмѣяться надо мной!“ И прежде были все тѣ же условія жизни, но прежде они всѣ вязались между собою, а теперь все разсыпалось. Одни безсмысленныя явленія, безъ всякой связи, одно за другимъ представлялись князю Андрею.

IX.

Князь Андрей пріѣхалъ въ главную квартиру арміи въ концѣ іюня. Войска первой арміи, той, при которой нахо-

дился государь, были расположены въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы; войска второй арміи отступали, стремясь соединиться съ первой арміей, отъ которой,—какъ говорили,—они были отрѣзаны большими силами французовъ. Всѣ были недовольны общимъ ходомъ военныхъ дѣлъ въ русской арміи; но объ опасности нашествія въ русскія губерніи никто и не думалъ, никто и не предполагалъ, чтобы война могла быть перенесена далѣе западныхъ польскихъ губерній.

Князь Андрей нашелъ Барклая-де-Толли, къ которому онъ былъ назначенъ, на берегу Дриссы. Такъ какъ не было ни одного большого села или мѣстечка въ окрестностяхъ лагеря, то все огромное количество генераловъ и придворныхъ, бывшихъ при арміи, располагалось въ окружности десяти верстъ по лучшимъ домамъ деревень, по сю и по ту сторону рѣки. Барклай-де-Толли стоялъ въ 4-хъ верстахъ отъ государя. Онъ сухо и холодно принялъ Болконскаго, и сказалъ своимъ нѣмецкимъ выговоромъ, что онъ доложитъ о немъ государю для опредѣленія ему назначенія, а покамѣстъ проситъ его состоять при его штабѣ. Анатоля Курагина, котораго князь Андрей надѣялся найти въ арміи, не было здѣсь: онъ былъ въ Петербургѣ, и это извѣстіе было пріятно Болконскому. Интересъ центра производящейся огромной войны занялъ князя Андрея, и онъ радъ былъ на нѣкоторое время освободиться отъ раздраженія, которое производила въ немъ мысль о Курагинѣ. Въ продолженіе первыхъ четырехъ дней, во время которыхъ онъ не былъ никуда требуемъ, князь Андрей объѣздилъ весь укрѣпленный лагерь, и съ помощью своихъ знаній и разговоровъ съ свѣдущими людьми, старался составить себѣ о немъ опредѣленное понятіе. Но вопросъ о томъ, выгоденъ или невыгоденъ этотъ лагерь, остался нерѣшеннымъ

для князя Андрея. Онъ уже успѣлъ вывести изъ своего военнаго опыта то убѣжденіе, что въ военномъ дѣлѣ ничего не значатъ самые глубокомысленно-обдуманные планы (какъ онъ видѣлъ это въ Аустерлицкомъ походѣ), что все зависитъ отъ того, какъ отвѣчаютъ на неожиданныя и не могущія быть предвидѣнными дѣйствія непріятеля, что все зависитъ отъ того, какъ и кѣмъ ведется все дѣло. Для того, чтобы уяснить себѣ этотъ послѣдній вопросъ, князь Андрей, пользуясь своимъ положеніемъ и знакомствами, старался вникнуть въ характеръ управленія арміей, лицъ и партій, участвовавшихъ въономъ, и вывелъ для себя слѣдующее понятіе о положеніи дѣлъ.

Когда еще государь былъ въ Вильнѣ, армія была раздѣлена на-трое: 1-я армія находилась подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, 2-я — подъ начальствомъ Багратіона, 3-я — подъ начальствомъ Тормасова. Государь находился при первой арміи, но не въ качествѣ главнокомандующаго. Въ приказахъ было сказано, что государь будетъ—не командовать, а сказано только, что государь будетъ при арміи. Кромѣ того, при государѣ лично не было штаба главнокомандующаго, а былъ штабъ императорской главной квартиры. При немъ былъ начальникъ императорскаго штаба генералъ-квартирмейстеръ князь Волконскій, генералы, флигель-адъютанты, дипломатическіе чиновники и большое количество иностранцевъ, но не было штаба арміи. Кромѣ того, безъ должности при государѣ находились: Аракчеевъ, бывшій военный министръ, графъ Бенигсенъ, по чину старшій изъ генераловъ, великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, графъ Румянцевъ—канцлеръ, Штейнъ — бывшій прусскій министръ, Армфельдъ — шведскій генералъ, Пфуль—главный составитель плана кампаніи,

генералъ-адъютантъ Паулучи—сардинскій выходецъ, Вольцогенъ, и многіе другіе. Хотя эти лица и находились безъ военныхъ должностей при арміи, но, по своему положенію, имѣли вліяніе, и часто корпусный начальникъ и даже главнокомандующій не зналъ въ качествѣ чего спрашиваетъ или совѣтуетъ то или другое Бенигсенъ, или великій князь, или Аракчеевъ, или князь Волконскій, и не зналъ, отъ его ли лица или отъ государя истекаетъ такое-то приказаніе въ формѣ совѣта, и нужно или не нужно исполнять его. Но это была внѣшняя обстановка; существенный же смыслъ присутствія государя и всѣхъ этихъ лицъ съ придворной точки (а въ присутствіи государя всѣ дѣлаются придворными) всѣмъ былъ ясенъ. Онъ былъ слѣдующій: государь не бралъ на себя званія главнокомандующаго, но распоряжался всѣми арміями: люди, окружавшіе его, были его помощники. Аракчеевъ былъ вѣрный исполнитель — блюститель порядка и тѣлохранитель государя; Бенигсенъ былъ помѣщикъ Виленской губерніи, который какъ-будто былъ занятъ дѣломъ пріема государя, а въ сущности былъ хорошій генералъ, полезный для совѣта и для того, чтобъ имѣть его всегда наготовѣ на смѣну Барклая. Великій князь былъ тутъ потому, что ему это было угодно. Бывшій министръ Штейнъ былъ тутъ потому, что онъ былъ полезенъ для совѣта, и потому, что императоръ Александръ высоко цѣнилъ его личныя качества. Армфельдъ былъ злой ненавистникъ Наполеона и генералъ увѣренный въ себѣ, что̀ имѣло всегда вліяніе на Александра. Паулучи былъ тутъ потому, что онъ былъ смѣлъ и рѣшителенъ въ рѣчахъ. Генералъ-адъютанты были тутъ потому, что они вездѣ были, гдѣ государь, и наконецъ, главное,—Пфуль былъ тутъ потому, что онъ составилъ планъ войны противъ На-

полеона и, заставивъ Александра повѣрить въ цѣлесообразность этого плана, руководилъ всѣмъ дѣломъ войны. При Пфулѣ былъ Вольцогенъ, передававшій мысли Пфуля въ болѣе доступной формѣ, чѣмъ самъ Пфуль, рѣзкій, самоувѣренный до презрѣнія ко всему кабинетный теоретикъ.

Кромѣ этихъ поименованныхъ лицъ, русскихъ и иностранцевъ (въ особенности иностранцевъ, которые съ смѣлостью, свойственною людямъ въ дѣятельности среди чужой среды, каждый день предлагали новыя неожиданныя мысли), было еще много лицъ второстепенныхъ, находившихся при арміи потому, что тутъ были ихъ принципалы.

Въ числѣ всѣхъ мыслей и голосовъ въ этомъ огромномъ, безпокойномъ, блестящемъ и гордомъ мірѣ, князь Андрей видѣлъ слѣдующія болѣе рѣзкія подраздѣленія направленій и партій.

Первая партія была: Пфуль и его послѣдователи, теоретики войны, вѣрящіе въ то, что есть наука войны, и что въ этой наукѣ есть свои неизмѣнные законы, законы облическаго движенія, обхода, и т. п. Пфуль и послѣдователи его требовали отступленія вглубь страны, по точнымъ законамъ, предписаннымъ мнимою теоріей войны, и во всякомъ отступленіи отъ этой теоріи видѣли только варварство, необразованность или злонамѣренность. Къ этой партіи принадлежали нѣмецкіе принцы, Вольцогенъ, Винценгероде и другіе, преимущественно нѣмцы.

Вторая партія была противуположная первой. Какъ и всегда бываетъ, при одной крайности были представители другой крайности. Люди этой партіи были тѣ, которые съ Вильны требовали наступленія въ Польшу и свободы отъ всякихъ впередъ составленныхъ плановъ. Кромѣ того, что предста-

вители этой партіи были представители смѣлыхъ дѣйствій, они вмѣстѣ съ тѣмъ были и представителями національности, вслѣдствіе чего становились еще одностороннѣе въ спорѣ. Это были русскіе: Багратіонъ, начинавшій возвышаться Ермоловъ и другіе. Въ это время была распространена извѣстная шутка Ермолова, будто бы просившаго государя объ одной милости — производства его въ нѣмцы. Люди этой партіи говорили, вспоминая Суворова, что надо не думать, не накалывать иголками карту, а драться, бить непріятеля, не впускать его въ Россію и не давать унывать войску.

Къ третьей партіи, къ которой болѣе всего имѣлъ довѣрія государь, принадлажали придворные дѣлатели сдѣлокъ между обоими направленіями. Люди этой партіи, большею частью невоенные и къ которой принадлежалъ Аракчеевъ, думали и говорили, что̀ говорятъ обыкновенно люди, не имѣющіе убѣжденій, но желающіе казаться за таковыхъ. Они говорили, что безъ сомнѣнія война, особенно съ такимъ геніемъ какъ Бонапарте (его опять называли Бонапарте), требуетъ глубокомысленнѣйшихъ соображеній, глубокаго знанія науки, и въ этомъ дѣлѣ Пфуль геніаленъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать того, что теоретики часто односторонни и потому не надо вполнѣ довѣрять имъ, надо прислушиваться и къ тому, что̀ говорятъ противники Пфуля, и къ тому, что̀ говорятъ люди практическіе, опытные въ военномъ дѣлѣ, и изо всего взять среднее. Люди этой партіи настояли на томъ, чтобъ удержать Дрисскій лагерь по плану Пфуля, измѣнить движенія другихъ армій. Хотя этимъ образомъ дѣйствій не достигалась ни та, ни другая цѣль, но людямъ этой партіи казалось такъ лучше.

Четвертое направленіе было направленіе, котораго самымъ

виднымъ представителемъ былъ великій князь, наслѣдникъ-цесаревичъ, не могшій забыть своего Аустерлицкаго разочарованія, гдѣ онъ, какъ на смотръ, выѣхалъ предъ гвардіею въ каскѣ и колетѣ, разсчитывая молодецки раздавить французовъ и, попавъ неожиданно въ первую линію, насилу ушелъ въ общемъ смятеніи. Люди этой партіи имѣли въ своихъ сужденіяхъ и качество и недостатокъ искренности. Они боялись Наполеона, видѣли въ немъ силу, въ себѣ слабость, и прямо высказывали это. Они говорили: „ничего кромѣ горя, срама и погибели изъ всего этого не выйдетъ! Вотъ мы оставили Вильну, оставили Витебскъ, оставимъ и Дриссу. Одно, что̀ намъ остается умнаго сдѣлать, это заключить миръ и какъ можно скорѣе, пока не выгнали на́съ изъ Петербурга!“

Воззрѣніе это, сильно распространенное въ высшихъ сферахъ арміи, находило себѣ поддержку и въ Петербургѣ и въ канцлерѣ Румянцевѣ, по другимъ государственнымъ причинамъ стоявшимъ такъ же за миръ.

Пятые были приверженцы Барклая-де-Толли, не столько какъ человѣка, сколько какъ военнаго министра и главнокомандующаго. Они говорили: „какой онъ ни есть (всегда такъ начинали), но онъ честный, дѣльный человѣкъ, и лучше его нѣтъ. Дайте ему настоящую власть, потому что война не можетъ итти успѣшно безъ единства начальствованія, и онъ покажетъ то, что̀ онъ можетъ сдѣлать, какъ онъ показалъ себя въ Финляндіи. Ежели армія наша устроена и сильна и отступила до Дриссы, не понесши никакихъ пораженій, то мы обязаны этимъ только Барклаю. Ежели теперь замѣнятъ Барклая Бенигсеномъ, то все погибнетъ; потому что Бенигсенъ уже показалъ свою неспособность въ 1807 году“, говорили люди этой партіи.

Шестые, бенигсенисты, говорили напротивъ, что все-таки не было никого дѣльнѣе и опытнѣе Бенигсена, и какъ ни вертись, все-таки придешь къ нему. Пускай теперь дѣлаютъ ошибки, и люди этой партіи доказывали, что все наше отступленіе до Дриссы было постыднѣйшее пораженіе и безпрерывный рядъ ошибокъ. „Чѣмъ больше надѣлаютъ ошибокъ, говорили они, тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ скорѣе поймутъ, что такъ не можетъ итти. А нуженъ не какой-нибудь Барклай, а человѣкъ, какъ Бенигсенъ, который показалъ уже себя въ 1807-мъ году, которому отдалъ справедливость самъ Наполеонъ, и такой человѣкъ, за которымъ бы охотно признавали власть, а таковой есть только одинъ Бенигсенъ".

Седьмые — были лица, которыя всегда есть при государяхъ, въ особенности при молодыхъ, и которыхъ особенно много было при императорѣ Александрѣ, лица генераловъ и флигель-адъютантовъ, страстно преданные государю не какъ императору, но обожающіе его, какъ человѣка, искренно и безкорыстно, какъ его обожалъ Ростовъ въ 1805-мъ году, и видящіе въ немъ не только всѣ добродѣтели, но и всѣ качества человѣческія. Эти лица, хотя и восхищались скромностью государя, отказавшагося отъ командованія войсками, но осуждали эту излишнюю скромность, и желали только одного и настаивали на томъ, чтобъ обожаемый государь, оставивъ излишнее недовѣріе къ себѣ, объявилъ открыто, что онъ становится во главѣ войска, составилъ бы при себѣ штабъ-квартиру главнокомандующаго, и совѣтуясь, гдѣ нужно, съ опытными теоретиками и практиками, самъ бы велъ свои войска, которыхъ одно это довело бы до высшаго состоянія воодушевленія.

Восьмая, самая большая группа людей, которая по сво-

ему огромному количеству относилась къ другимъ какъ 99 къ 1-му, состояла изъ людей, не желавшихъ ни мира, ни войны, ни наступительныхъ движеній, ни оборонительнаго лагеря, ни при Дриссѣ, ни гдѣ бы то ни было, ни Барклая, ни государя, ни Пфуля, ни Бенигсена, но желающихъ только одного и самаго существеннаго: наибольшихъ для себя выгодъ и удовольствій. Въ той мутной водѣ перекрещивающихся и перепутывающихся интригъ, которыя кишѣли при главной квартирѣ государя, въ весьма многомъ можно было успѣть въ такомъ, что̀ немыслимо бы было въ другое время. Одинъ, не желая только терять своего выгоднаго положенія, нынче соглашался съ Пфулемъ, завтра съ противникомъ его, послѣзавтра утверждалъ, что не имѣетъ никакого мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, только для того, чтобъ избѣжать отвѣтственности и угодить государю. Другой, желающій пріобрѣсти выгоды, обращалъ на себя вниманіе государя, громко крича то самое, на что̀ намекнулъ государь наканунѣ, спорилъ и кричалъ въ совѣтѣ, ударяя себя въ грудь и вызывая несоглашающихся на дуэль и тѣмъ показывая, что онъ готовъ быть жертвою общей пользы. Третій просто выпрашивалъ себѣ, между двухъ совѣтовъ и въ отсутствіи враговъ, единовременное пособіе за свою вѣрную службу, зная, что теперь некогда будетъ отказать ему. Четвертый нечаянно все попадался на глаза государю, отягченный работой. Пятый для того, чтобы достигнуть давно желанной цѣли — обѣда у государя, ожесточенно доказывалъ правоту или неправоту вновь выступившаго мнѣнія и для этого приводилъ болѣе или менѣе сильныя и справедливыя доказательства.

Всѣ люди этой партіи ловили рубли, кресты, чины, и въ этомъ ловленіи слѣдили только за направленіемъ флюгера

царской милости, и только что замѣчали, что флюгеръ обратился въ одну сторону, какъ все это трутневое населеніе арміи начинало дуть въ ту же сторону, такъ что государю тѣмъ труднѣе было повернуть его въ другую. Среди неопредѣленности положенія, при угрожающей серьезной опасности, придававшей всему особенно тревожный характеръ, среди этого вихря интригъ, самолюбій, столкновеній различныхъ воззрѣній и чувствъ, при разноплеменности всѣхъ этихъ лицъ, эта восьмая, самая большая партія людей, занятыхъ личными интересами, придавала бо̀льшую запутанность и смутность общему дѣлу. Какой бы ни поднимался вопросъ, а ужъ рой трутней этихъ, не оттрубивъ еще надъ прежнею темой, перелеталъ на новую и своимъ жужжаніемъ заглушалъ и все болѣе затемнялъ искренніе спорящіе голоса.

Изъ всѣхъ этихъ партій, въ то самое время, какъ князь Андрей пріѣхалъ къ арміи, собралась еще одна, девятая партія, начинавшая поднимать свой голосъ. Это была партія людей старыхъ, разумныхъ, государственно-опытныхъ и умѣвшихъ, не раздѣляя ни одного изъ противорѣчащихъ мнѣній, отвлеченно посмотрѣть на все, что̀ дѣлается при штабѣ главной квартиры, и обдумать средства къ выходу изъ этой неопредѣленности, нерѣшительности, запутанности и слабости.

Люди этой партіи говорили и думали, что все дурное происходитъ преимущественно отъ присутствія государя съ военнымъ дворомъ при арміи, что въ армію принесена та неопредѣленная, условная и колеблющаяся шаткость отношеній, которая удобна при дворѣ, но вредна въ арміи; что государю нужно царствовать, а не управлять войскомъ, что единственный исходъ изъ этого положенія есть отъѣздъ государя съ

его дворомъ изъ арміи; что одно присутствіе государя парализируетъ 50 тысячъ войска, нужныхъ для обезпеченія его личной безопасности; что самый плохой, но независимый главнокомандующій будетъ лучше самаго лучшаго, но связаннаго присутствіемъ и властью государя.

Въ то самое время, какъ князь Андрей жилъ безъ дѣла при Дриссѣ, Шишковъ, государственный секретарь, бывшій однимъ изъ главныхъ представителей этой партіи, написалъ государю письмо, которое согласились подписать Балашевъ и Аракчеевъ. Въ письмѣ этомъ, пользуясь даннымъ ему отъ государя позволеніемъ разсуждать объ общемъ ходѣ дѣлъ, онъ почтительно и подъ предлогомъ необходимости для государя воодушевить къ войнѣ народъ въ столицѣ предлагалъ государю оставить войско.

Одушевленіе государемъ народа и воззваніе къ нему для защиты отечества — то самое (насколько оно произведено было личнымъ присутствіемъ государя въ Москвѣ) одушевленіе народа, которое было главною причиной торжества Россіи, было представлено государю и принято имъ, какъ предлогъ для оставленія арміи.

X.

Письмо это еще не было подано государю, когда Барклай за обѣдомъ передалъ Болконскому, что государю лично угодно видѣть князя Андрея для того, чтобы разспросить его о Турціи, и что князь Андрей имѣетъ явиться въ квартиру Бенигсена, въ шесть часовъ вечера.

Въ этотъ же день въ квартирѣ государя было получено извѣстіе о новомъ движеніи Наполеона, могущемъ быть опаснымъ для арміи, — извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся не-

справедливымъ. И въ это же утро полковникъ Мишо объѣзжалъ съ государемъ Дрисскія укрѣпленія и доказывалъ государю, что укрѣпленный лагерь этотъ, устроенный Пфулемъ и считавшійся до сихъ поръ верхомъ совершенства тактики, долженствующимъ погубить Наполеона,—что лагерь этотъ есть безсмыслица и погибель русской арміи.

Князь Андрей пріѣхалъ въ квартиру генерала Бенигсена, занимавшаго небольшой помѣщичій домъ на самомъ берегу рѣки. Ни Бенигсена, ни государя не было тамъ; но Чернышевъ, флигель-адъютантъ государя, принялъ Болконскаго и объявилъ ему, что государь поѣхалъ съ генераломъ Бенигсеномъ и съ маркизомъ Паулучи другой разъ въ нынѣшній день для объѣзда укрѣпленій Дрисскаго лагеря, въ удобности котораго начинали сильно сомнѣваться.

Чернышевъ сидѣлъ за книгой французскаго романа у окна первой комнаты. Комната эта вѣроятно прежде была залой; въ ней еще стоялъ органъ, на который навалены были какіе-то ковры, и въ одномъ углѣ стояла складная кроват адъютанта Бенигсена. Этотъ адъютантъ былъ тутъ. Онъ, видно замученный пирушкой или дѣломъ, сидѣлъ на свернутой постели и дремалъ. Изъ залы вели двѣ двери: одна прямо въ бывшую гостиную, другая направо въ кабинетъ. Изъ первой двери слышались голоса разговаривающихъ по-нѣмецки и изрѣдка по-французски. Тамъ, въ бывшей гостиной, были собраны, по желанію государя, не военный совѣтъ (государь любилъ неопредѣленность), но нѣкоторыя лица, которыхъ мнѣнія, въ предстоящихъ затрудненіяхъ, онъ желалъ знать. Это не былъ военный совѣтъ, но какъ бы совѣтъ избранныхъ для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, лично для государя. На этотъ полу-совѣтъ были приглашены

шведскій генералъ Армфельдъ, генералъ-адъютантъ Вольцогенъ, Винценгероде, котораго Наполеонъ называлъ бѣглымъ французскимъ подданнымъ, Мишо, Толь, вовсе не военный человѣкъ—графъ Штейнъ, и наконецъ самъ Пфуль, который, какъ слышалъ князь Андрей, былъ главною пружиной всего дѣла. Князь Андрей имѣлъ случай хорошо разсмотрѣть его, такъ какъ Пфуль вскорѣ послѣ него пріѣхалъ и прошелъ въ гостиную, остановившись на минуту поговорить съ Чернышевымъ.

Пфуль съ перваго взгляда, въ своемъ русскомъ генеральскомъ, дурно сшитомъ, мундирѣ, который нескладно, какъ на наряженномъ, сидѣлъ на немъ, показался князю Андрею какъ будто знакомымъ, хотя онъ никогда не видалъ его. Въ немъ былъ и Вейротеръ, и Макъ, и Шмидтъ, и много другихъ нѣмецкихъ теоретиковъ-генераловъ, которыхъ князю Андрею удалось видѣть въ 1805-мъ году; но онъ былъ типичнѣе всѣхъ ихъ. Такого нѣмца-теоретика, соединившаго въ себѣ все, что было въ тѣхъ нѣмцахъ, еще не видалъ никогда князь Андрей.

Пфуль былъ невысокъ ростомъ, очень худъ, но ширококостъ, грубаго, здороваго сложенія, съ широкимъ тазомъ и костлявыми лопатками. Лицо у него было очень морщинисто, съ глубоко вставленными глазами. Волоса его спереди у висковъ очевидно торопливо были приглажены щеткой, сзади же наивно торчали кисточками. Онъ, безпокойно и сердито оглядываясь, вошелъ въ комнату, какъ будто онъ всего боялся въ большой комнатѣ, куда онъ вошелъ. Онъ неловкимъ движеніемъ, придерживая шпагу, обратился къ Чернышеву, спрашивая по-нѣмецки, гдѣ государь. Ему, видно было, какъ можно скорѣе хотѣлось пройти комнаты, окончить поклоны

и привѣтствія и сѣсть за дѣло предъ картой, гдѣ онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ. Онъ поспѣшно кивалъ головой на слова Чернышева и иронически улыбался, слушая его слова о томъ, что государь осматриваетъ укрѣпленія, которыя онъ, самъ Пфуль, заложилъ по своей теоріи. Онъ что-то басисто и круто, какъ говорятъ самоувѣренные нѣмцы, проворчалъ про себя: „дурацкая голова...", или: „къ чорту все дѣло...", или: „ужъ изъ этого что-нибудь безобразное да выйдетъ". Князь Андрей не разслышалъ и хотѣлъ пройти, но Чернышевъ познакомилъ князя Андрея съ Пфулемъ, замѣтивъ, что князь Андрей пріѣхалъ изъ Турціи, гдѣ такъ счастливо кончена война. Пфуль чуть взглянулъ не столько на князя Андрея, сколько черезъ него и проговорилъ, смѣясь: „То-то должно быть была война по всѣмъ правиламъ тактики!" И, засмѣявшись презрительно, прошелъ въ комнату, изъ которой слышались голоса.

Видно Пфуль, уже всегда готовый на ироническое раздраженіе, нынче былъ особенно возбужденъ тѣмъ, что осмѣлились безъ него осматривать его лагерь и судить о немъ. Князь Андрей по одному короткому этому свиданію съ Пфулемъ, благодаря своимъ Аустерлицкимъ воспоминаніямъ, составилъ себѣ ясную характеристику этого человѣка. Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ безнадежно, неизмѣнно, до мученичества самоувѣренныхъ людей, которыми только бываютъ нѣмцы, и потому именно, что только нѣмцы бываютъ самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи—науки, т.-е. мнимаго знанія совершенной истины. Французъ бываетъ самоувѣренъ потому, что онъ почитаетъ себя лично, какъ умомъ, такъ и тѣломъ непреодолимо-обворожительнымъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Англичанинъ самоувѣренъ на томъ основаніи,

что онъ есть гражданинъ благоустроеннѣйшаго государства въ мірѣ и потому, какъ англичанинъ, знаетъ всегда, что̀ ему дѣлать нужно, и знаетъ, что все, что̀ онъ дѣлаетъ, какъ англичанинъ, несомнѣнно хорошо. Итальянецъ самоувѣренъ потому, что онъ взволнованъ и забываетъ легко и себя и другихъ. Русскій самоувѣренъ именно потому, что онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, потому что не вѣритъ, чтобы можно было вполнѣ знать что̀-нибудь. Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ, и тверже всѣхъ и противнѣе всѣхъ; потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину, науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина.—Таковъ очевидно былъ Пфуль. У него была наука — теорія облическаго движенія, выведенная имъ изъ исторіи войнъ Фридриха Великаго, и все, что̀ встрѣчалось ему въ новѣйшей военной исторіи, казалось ему безсмыслицею, варварствомъ, безобразнымъ столкновеніемъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано столько ошибокъ, что войны эти не могли быть названы войнами: они не подходили подъ теорію и не могли служить предметомъ науки.

Въ 1806 году Пфуль былъ одинъ изъ составителей плана войны, кончившейся Іеной и Ауерштетомъ; но въ исходѣ этой войны онъ не видѣлъ ни малѣйшаго доказательства неправильности своей теоріи. Напротивъ, сдѣланныя отступленія отъ его теоріи были, по его понятіямъ, единственною причиною всей неудачи, и онъ, съ свойственною ему радостною ироніей, говорилъ: „вѣдь я же говорилъ, что все дѣло пойдетъ къ чорту“. Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ теоретиковъ, которые такъ любятъ свою теорію, что забываютъ цѣль теоріи—приложеніе ея къ практикѣ; онъ изъ любви къ теоріи ненавидѣлъ всякую практику и знать ея не хотѣлъ. Онъ

даже радовался неуспѣху, потому что неуспѣхъ, происходившій отъ отступленія въ практикѣ отъ теоріи, доказывалъ ему только справедливость его теоріи.

Онъ сказалъ нѣсколько словъ съ княземъ Андреемъ и Чернышевымъ о настоящей войнѣ съ выраженіемъ человѣка, который знаетъ впередъ, что все будетъ скверно, и что онъ даже не недоволенъ этимъ. Торчавшія на затылкѣ непричесанныя кисточки волосъ и торопливо причесанные височки особенно краснорѣчиво говорили это.

Онъ прошелъ въ другую комнату, и оттуда тотчасъ же послышались басистые и ворчливые звуки его голоса.

XI.

Не успѣлъ князь Андрей проводить глазами Пфуля, какъ въ комнату поспѣшно вошелъ графъ Бенигсенъ и, кивнувъ головой Болконскому, не останавливаясь, прошелъ въ кабинетъ, отдавая какія-то приказанія своему адъютанту. Государь ѣхалъ за нимъ, и Бенигсенъ поспѣшилъ впередъ, чтобы приготовить кое-что и успѣть встрѣтить государя. Чернышевъ и князь Андрей вышли на крыльцо. Государь съ усталымъ видомъ слѣзалъ съ лошади. Маркизъ Паулучи что-то говорилъ государю. Государь, склонивъ голову налѣво, съ недовольнымъ видомъ слушалъ Паулучи, говорившаго съ особеннымъ жаромъ. Государь тронулся впередъ, видимо желая окончить разговоръ; но раскраснѣвшійся, взволнованный итальянецъ, забывая приличія, шелъ за нимъ, продолжая говорить.

— Что же касается того человѣка, который присовѣтовалъ лагерь при Дриссѣ,—говорилъ Паулучи въ то время, какъ государь, входя на ступеньки и замѣтивъ князя Андрея, вгля-

дывался въ незнакомое ему лицо, — что же касается, государь, — продолжалъ Паулучи съ отчаянностью, какъ будто не въ силахъ удержаться,—до того человѣка, который присовѣтовалъ лагерь при Дриссѣ, то съ нимъ, по моему мнѣнію, надо сдѣлать одно изъ двухъ: или въ желтый домъ, или на висѣлицу.

Не дослушавъ и какъ будто не слыхавъ словъ итальянца, государь, узнавъ Болконскаго, милостиво обратился къ нему.

— Очень радъ тебя видѣть, пройди туда, гдѣ они собрались, и подожди меня.—Государь прошелъ въ кабинетъ. За нимъ прошелъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, баронъ Штейнъ, и за ними затворились двери. Князь Андрей, пользуясь разрѣшеніемъ государя, прошелъ съ Паулучи, котораго онъ зналъ по Турціи, въ гостиную, гдѣ собрался совѣтъ.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій занималъ должность какъ бы начальника штаба государя. Волконскій вышелъ изъ кабинета, и принеся въ гостиную карты и расположивъ ихъ на столѣ, передалъ вопросы, на которые онъ желалъ слышать мнѣніе собранныхъ господъ. Дѣло было въ томъ, что въ ночь было получено извѣстіе (впослѣдствіе оказавшееся ложнымъ) о движеніи французовъ въ обходъ Дрисскаго лагеря.

Первый началъ говорить генералъ Армфельдъ, неожиданно, во избѣжаніе представившагося затрудненія, предложивъ совершенно новую, ничѣмъ (кромѣ какъ желаніемъ показать, что онъ тоже можетъ имѣть мнѣніе) необъяснимую позицію въ сторонѣ отъ петербургской и московской дорогъ, на которой, по его мнѣнію, армія должна была соединившись ожидать непріятеля. Видно было, что этотъ планъ давно былъ составленъ Армфельдомъ, и что онъ теперь изложилъ его не столько съ цѣлью отвѣчать на предлагаемые вопросы, на

которые планъ этотъ не отвѣчалъ, сколько съ цѣлью воспользоваться случаемъ высказать его. Это было одно изъ милліоновъ предложеній, которыя такъ же основательно, какъ и другія можно было дѣлать, не имѣя понятія о томъ, какой характеръ приметъ война. Нѣкоторые оспаривали его мнѣніе, нѣкоторые защищали его. Молодой полковникъ Толь горячѣе другихъ оспаривалъ мнѣніе шведскаго генерала и, во время спора, досталъ изъ бокового кармана исписанную тетрадь, которую онъ попросилъ позволенія прочесть. Въ пространно-составленной запискѣ Толь предлагалъ другой — совершенно противный и плану Армфельда и плану Пфуля— планъ кампаніи. Паулучи, возражая Толю, предложилъ планъ движенія впередъ и атаки, которая одна, по его словамъ, могла вывести насъ изъ неизвѣстности и западни (какъ онъ называлъ Дрисскій лагерь), въ которой мы находились. Во время этихъ споровъ Пфуль и его переводчикъ Вольцогенъ (его мостъ въ придворномъ отношеніи) молчали. Пфуль только презрительно фыркалъ и отворачивался, показывая, что онъ никогда не унизится до возраженія противъ того вздора, который онъ теперь слышитъ. Но когда князь Волконскій, руководившій преніями, вызвалъ его на изложеніе своего мнѣнія, онъ только сказалъ: „что же меня спрашивать? Генералъ Армфельдъ предложилъ прекрасную позицію съ открытымъ тыломъ. Или атака этого итальянскаго господина. Очень хорошо. Или отступленіе. Тоже хорошо. Что жъ меня спрашивать?“ сказалъ онъ. „Вѣдь вы сами знаете все лучше меня“. — Но когда Волконскій, нахмурившись, сказалъ, что онъ спрашиваетъ его мнѣніе отъ имени государя, то Пфуль всталъ и вдругъ одушевившись началъ говорить:

— Все испортили, все спутали, всѣ хотѣли знать лучше

меня, а теперь пришли ко мнѣ. Какъ поправить? Нечего поправлять. Надо исполнять въ точности по основаніямъ, изложеннымъ мною,—говорилъ онъ, стуча костлявыми пальцами по столу.—Въ чемъ затрудненіе? Вздоръ, дѣтскія игрушки. — Онъ подошелъ къ картѣ и сталъ быстро говорить, тыкая сухимъ пальцемъ по картѣ и доказывая, что никакая случайность не можетъ измѣнить цѣлесообразности Дрисскаго лагеря, что все предвидѣно, и что ежели непріятель дѣйствительно пойдетъ въ обходъ, то непріятель долженъ быть неминуемо уничтоженъ.

Паулучи, не знавшій по-нѣмецки, сталъ спрашивать его по-французски. Вольцогенъ подошелъ на помощь своему принципалу, плохо говорившему по-французски, и сталъ переводить его слова, едва поспѣвая за Пфулемъ, который быстро доказывалъ, что все, все, не только то, что̀ случилось, но все, что̀ только могло случиться, все было предвидѣно въ его планѣ, и что ежели теперь были затрудненія, то вся вина была только въ томъ, что не въ точности все исполнено. Онъ безпрестанно иронически смѣялся, доказывалъ и наконецъ презрительно бросилъ доказывать, какъ бросаетъ математикъ повѣрять различными способами разъ доказанную вѣрность задачи. Вольцогенъ замѣнилъ его, продолжая излагать по-французски его мысли и изрѣдка говоря Пфулю: не правда ли, ваше превосходительство? Пфуль, какъ въ бою разгоряченный человѣкъ, бьетъ по своимъ, сердито кричалъ на своего—и на Вольцогена.

— Ну да, что̀ еще тутъ объяснять? Паулучи и Мишо въ два голоса нападали на Вольцогена по-французски. Армфельдъ по-нѣмецки обращался къ Пфулю. Толь по-русски объяснялъ князю Волконскому. Князь Андрей молча слушалъ и наблюдалъ,

Изъ всѣхъ этихъ лицъ болѣе всѣхъ возбуждалъ участіе въ князѣ Андреѣ озлобленный, рѣшительный и безтолково-самоувѣренный Пфуль. Онъ одинъ изъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ лицъ очевидно ничего не желалъ для себя, ни къ кому не питалъ вражды, а только желалъ одного—приведенія въ дѣйствіе плана, составленнаго по теоріи, выведенной имъ годами трудовъ. Онъ былъ смѣшонъ, былъ непріятенъ своею ироничностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушалъ невольное уваженіе своею безпредѣльною преданностью идеѣ. Кромѣ того, во всѣхъ рѣчахъ всѣхъ говорившихъ была, за исключеніемъ Пфуля, одна общая черта, которой не было на военномъ совѣтѣ въ 1805-мъ году — это былъ теперь, хотя и скрываемый, но паническій страхъ предъ геніемъ Наполеона, страхъ, высказывавшійся въ каждомъ возраженіи. Предполагали для Наполеона все возможнымъ, ждали его со всѣхъ сторонъ, и его страшнымъ именемъ разрушали предположенія другъ друга. Одинъ Пфуль, казалось, и его, Наполеона, считалъ такимъ же варваромъ, какъ и всѣхъ оппонентовъ своей теоріи. Но кромѣ чувства уваженія, Пфуль внушалъ князю Андрею и чувство жалости. По тому тону, съ которымъ съ нимъ обращались придворные, по тому, что̀ позволилъ себѣ сказать Паулучи императору, но главное по нѣкоторой отчаянности выраженій самого Пфуля видно было, что другіе знали, и онъ самъ чувствовалъ, что паденіе его близко. И, несмотря на свою самоувѣренность и нѣмецкую ворчливую ироничность, онъ былъ жалокъ съ своими приглаженными волосами на височкахъ и торчавшими на затылкѣ кисточками. Онъ видимо, хотя и скрывалъ это подъ видомъ раздраженія и презрѣнія, былъ въ отчаяніи отъ того, что единственный теперь случай про-

вѣрить на огромномъ опытѣ и доказать всему міру вѣрность своей теоріи ускользалъ отъ него.

Пренія продолжались долго, и чѣмъ дольше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры, доходившіе до криковъ и личностей, и тѣмъ менѣе было возможно вывести какое-нибудь общее заключеніе изъ всего сказаннаго. Князь Андрей, слушая этотъ разноязычный говоръ и эти предположенія, планы и опроверженія и крики, только удивлялся тому, что̀ они всѣ говорили. Тѣ, давно и часто приходившія ему во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, и поэтому не можетъ быть никакого, такъ-называемаго военнаго генія, теперь получили для него совершенную очевидность истины. „Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская армія черезъ день и никто не можетъ знать, какая сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: „мы отрѣзаны!“ и побѣжитъ, а есть впереди веселый и смѣлый человѣкъ, который крикнетъ: „ура“, — отрядъ въ 5 тысячъ сто̀итъ 30-ти тысячъ, какъ подъ Шенграбеномъ, а иногда 50 тысячъ бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицомъ.—Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ. Армфельдъ говоритъ, что наша армія отрѣзана,

а Паулучи говоритъ, что мы поставили французскую армію между двухъ огней; Мишо говоритъ, что негодность Дрисскаго лагеря состоитъ въ томъ, что рѣка позади, а Пфуль говоритъ, что въ этомъ его сила. Толь предлагаетъ одинъ планъ, Армфельдъ предлагаетъ другой; и всѣ хороши, и всѣ дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится событіе. И отчего всѣ говорятъ: геній военный? Развѣ геній тотъ человѣкъ, который во-время умѣетъ велѣть подвезти сухари и итти тому направо, тому налѣво? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью, и массы подлецовъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя качества генія, ихъ называютъ геніями. Напротивъ, лучшіе генералы, которыхъ я зналъ— глупые или разсѣянные люди. Лучшій Багратіонъ — самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ. Не только генія и какихъ-нибудь особенныхъ качествъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ— любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, чтò онъ дѣлаетъ, очень важно (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ человѣкъ, полюбитъ кого нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, чтò справедливо и чтò нѣтъ. Понятно, что изстари еще для нихъ поддѣлали теорію геніевъ, потому что они—власть. Заслуга въ успѣхѣ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали, или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!“

Такъ думалъ князь Андрей, слушая толки, и очнулся только тогда, когда Паулучи позвалъ его и всѣ уже расходились.

На другой день на смотру государь спросилъ князя Андрея, гдѣ онъ желаетъ служить, и князь Андрей навѣки потерялъ себя въ придворномъ мірѣ, не попросивъ остаться при особѣ государя, а попросивъ позволенія служить въ арміи.

XII.

Ростовъ предъ открытіемъ кампаніи получилъ письмо отъ родителей, въ которомъ, кратко извѣщая его о болѣзни Наташи и о разрывѣ ея съ княземъ Андреемъ (разрывъ этотъ объяснили ему отказомъ Наташи), они опять просили его выйти въ отставку и пріѣхать домой. Николай, получивъ это письмо, и не попытался проситься въ отпускъ или отставку, а написалъ родителямъ, что очень жалѣетъ о болѣзни и разрывѣ Наташи съ ея женихомъ, и что онъ сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы исполнить ихъ желаніе. Сонѣ онъ писалъ отдѣльно.

„Обожаемый другъ души моей“,—писалъ онъ. „Ничто кромѣ „чести не могло бы удержать меня отъ возвращенія въ де„ревню. Но теперь, предъ открытіемъ кампаніи, я бы счелъ „себя безчестнымъ не только предъ всѣми товарищами, но „и предъ самимъ собою, ежели бы я предпочелъ свое сча„стіе своему долгу и любви къ отечеству. Но—это послѣд„няя разлука. Вѣрь, что тотчасъ послѣ войны, ежели я буду „живъ и все любимъ тобою, я брошу все и прилечу къ тебѣ, „чтобы прижать тебя ужъ навсегда къ моей пламенной груди“.

Дѣйствительно, только открытіе кампаніи задержало Ростова и помѣшало ему пріѣхать, — какъ онъ обѣщалъ, — и

жениться на Сонѣ. Отрадненская осень съ охотой и зима со святками и съ любовью Сони открыла ему перспективу тихихъ деревенскихъ радостей и спокойствія, которыхъ онъ не зналъ прежде и которыя теперь манили его къ себѣ. „Славная жена, дѣти, добрая стая гончихъ, лихія десять, двѣнадцать своръ борзыхъ, хозяйство, сосѣди, служба по выборамъ!“—думалъ онъ. Но теперь была кампанія, и надо было оставаться въ полку. А такъ какъ это надо было, то Николай Ростовъ по своему характеру былъ доволенъ и тою жизнью, которую онъ велъ въ полку, и сумѣлъ сдѣлать себѣ эту жизнь пріятною.

Пріѣхавъ изъ отпуска, радостно встрѣченный товарищами, Николай былъ посланъ за ремонтомъ, и изъ Малороссіи привелъ отличныхъ лошадей, которыя радовали его, и заслужили ему похвалы отъ начальства. Въ отсутствіе его онъ былъ произведенъ въ ротмистры, и когда полкъ былъ поставленъ на военное положеніе съ увеличеннымъ комплектомъ, онъ опять получилъ своей прежній эскадронъ.

Началась кампанія, полкъ былъ двинутъ въ Польшу, выдавалось двойное жалованье, прибыли новые офицеры, новые люди, лошади; и, главное, распространилось то возбужденно-веселое настроеніе, которое сопутствуетъ началу войны; и Ростовъ, сознавая свое выгодное положеніе въ полку, весь предался удовольствіямъ и интересамъ военной службы, хотя и зналъ, что рано или поздно придется ихъ покинуть.

Войска отступали отъ Вильны по разнымъ сложнымъ, государственнымъ, политическимъ и тактическимъ причинамъ. Каждый шагъ отступленія сопровождался сложною игрой интересовъ, умозаключеній и страстей въ главномъ штабѣ. Для гусаръ же Павлоградскаго полка, весь этотъ отступа-

тельный походъ, въ лучшую пору лѣта, съ достаточнымъ продовольствіемъ, былъ самымъ простымъ и веселымъ дѣломъ. Унывать, безпокоиться и интриговать могли только въ главной квартирѣ, а въ глубокой арміи и не спрашивали себя, куда, зачѣмъ идутъ. Если жалѣли, что отступаютъ, то только потому, что надо было выходить изъ обжитой квартиры, отъ хорошенькой панны. Ежели и приходило кому-нибудь въ голову, что дѣла плохи, то, какъ слѣдуетъ хорошему военному человѣку, тотъ, кому это приходило въ голову, старался быть веселымъ и не думать объ общемъ ходѣ дѣлъ, а думать о своемъ ближайшемъ дѣлѣ. Сначала весело стояли подлѣ Вильны, заводя знакомства съ польскими помѣщиками и ожидая и отбывая смотры государя и другихъ высшихъ командировъ. Потомъ пришелъ приказъ отступить къ Свенцянамъ и истреблять провіантъ, который нельзя было увезти. Свенцяны памятны были гусарамъ только потому, что это былъ *пьяный лагерь*, какъ прозвала вся армія стоянку у Свенцянъ, и потому, что въ Свенцянахъ много было жалобъ на войска за то, что они воспользовавшись приказаніемъ отбирать провіантъ, въ числѣ провіанта забирали лошадей, и экипажи, и ковры у польскихъ пановъ. Ростовъ помнилъ Свенцяны потому, что онъ въ первый день вступленія въ это мѣстечко смѣнилъ вахмистра и не могъ справиться съ перепившимися всѣми людьми эскадрона, которые безъ его вѣдома увезли пять бочекъ стараго пива. Отъ Свенцянъ отступали дальше и дальше до Дриссы, и опять отступили отъ Дриссы, уже приближаясь къ русскимъ границамъ.

13-го іюля Павлоградцамъ въ первый разъ пришлось быть въ серьезномъ дѣлѣ.

12-го іюля въ ночь, наканунѣ дѣла, была сильная буря

съ дождемъ и градомъ. Лѣто 1812 года было вообще замѣчательно бурями.

Павлоградскіе два эскадрона стояли биваками, среди выбитаго до тла скотомъ и лошадьми, уже выколосившагося ржаного поля. Дождь лилъ ливнемъ, и Ростовъ съ покровительствуемымъ имъ молодымъ офицеромъ Ильинымъ сидѣлъ подъ сгороженнымъ на скорую руку шалашикомъ. Офицеръ ихъ полка съ длинными усами, продолжавшимися отъ щекъ, ѣздившій въ штабъ и застигнутый дождемъ, зашелъ къ Ростову.

— Я, графъ, изъ штаба. Слышали подвигъ Раевскаго?— И офицеръ разсказалъ подробности Салтановскаго сраженія, слышанныя имъ въ штабѣ.

Ростовъ, пожимаясь шеей, за которую затекала вода, курилъ трубку и слушалъ невнимательно, изрѣдка поглядывая на молодого офицера, Ильина, который жался около него. Офицеръ этотъ, шестнадцати-лѣтній мальчикъ, недавно поступившій въ полкъ, былъ теперь въ отношеніи къ Николаю тѣмъ, чѣмъ былъ Николай въ отношеніи къ Денисову семь лѣтъ тому назадъ. Ильинъ старался во всемъ подражать Ростову, и какъ женщина былъ влюбленъ въ него.

Офицеръ съ двойными усами, Здржинскій, разсказывалъ напыщенно о томъ, какъ Салтановская плотина была Ѳермопилами русскихъ, какъ на этой плотинѣ былъ совершенъ генераломъ Раевскимъ поступокъ, достойный древности. Здржинскій разсказывалъ поступокъ Раевскаго, который вывелъ на плотину своихъ двухъ сыновей подъ страшный огонь и съ ними рядомъ пошелъ въ атаку. Ростовъ слушалъ разсказъ и не только ничего не говорилъ въ подтвержденіе восторга Здржинскаго, но напротивъ имѣлъ видъ человѣка,

который стыдится того, что̀ ему разсказывают, хотя и не намѣренъ возражать. Ростовъ послѣ Аустерлицкой и 1807 года кампаній зналъ по своему собственному опыту, что, разсказывая военныя происшествія, всегда врутъ, какъ и самъ онъ вралъ, разсказывая; во-вторыхъ, онъ имѣлъ на столько опытности, что зналъ, какъ все происходитъ на войнѣ совсѣмъ не такъ, какъ мы можемъ воображать и разсказывать. И потому ему не нравился разсказъ Здржинскаго, не нравился и самъ Здржинскій, который, съ своими усами отъ щекъ, по своей привычкѣ низко нагибался надъ лицомъ того, кому онъ разсказывалъ, и тѣснилъ его въ тѣсномъ шалашѣ. Ростовъ молча смотрѣлъ на него. „Во-первыхъ на плотинѣ, которую атаковали, должна была быть вѣрно такая путаница и тѣснота, что ежели Раевскій и вывелъ сыновей, то это ни на кого не могло подѣйствовать, кромѣ какъ человѣкъ на десять, которые были около самого его“, думалъ Ростовъ; „остальные и не могли видѣть, какъ и съ кѣмъ шелъ Раевскій по плотинѣ. Но и тѣ, которые видѣли это, не могли очень воодушевиться, потому что, что̀ имъ было за дѣло до нѣжныхъ родительскихъ чувствъ Раевскаго, когда тутъ дѣло шло о собственной шкурѣ? Потомъ отъ того, что возьмутъ или не возьмутъ Салтановскую плотину, не зависѣла судьба отечества, какъ намъ описываютъ это про Ѳермопилы. И, стало быть, зачѣмъ же было приносить такую жертву? И потомъ, зачѣмъ тутъ, на войнѣ, мѣшать своихъ дѣтей? Я бы не только Петю — брата не повелъ бы, но и Ильина даже, этого чужого мнѣ, но добраго мальчика, постарался бы поставить куда-нибудь подъ защиту“, продолжалъ думать Ростовъ, слушая Здржинскаго. Но онъ не сказалъ своихъ мыслей: онъ и на это уже имѣлъ свой опытъ. Онъ зналъ, что

этотъ разсказъ содѣйствовалъ къ прославленію нашего оружія, и потому надо было дѣлать видъ, что не сомнѣваешься въ немъ. Такъ онъ и дѣлалъ.

— Однако, мочи нѣтъ,—сказалъ Ильинъ, замѣчавшій, что Ростову не нравится разговоръ Здржинскаго. — И чулки, и рубашка, и подъ меня подтекло. Пойду искать пріюта. Кажется, дождикъ полегче. — Ильинъ вышелъ, и Здржинскій уѣхалъ.

Черезъ пять минутъ Ильинъ, шлепая по грязи, прибѣжалъ къ шалашу.

— Ура! Ростовъ, идемъ скорѣе. Нашелъ! Вотъ тутъ шаговъ двѣсти корчма, ужъ туда забрались наши. Хоть посушимся, и Марья Генриховна тамъ.

Марья Генриховна была жена полкового доктора, молодая хорошенькая нѣмка, на которой докторъ женился въ Польшѣ. Докторъ, или оттого, что не имѣлъ средствъ, или оттого, что не хотѣлъ первое время женитьбы разлучаться съ молодою женой, возилъ ее вездѣ за собой при гусарскомъ полку, и ревность доктора сдѣлалась обычнымъ предметомъ шутокъ между гусарскими офицерами.

Ростовъ накинулъ плащъ, крикнулъ за собой Лаврушку съ вещами, и пошелъ съ Ильинымъ, гдѣ раскатываясь по грязи, гдѣ прямо шлепая подъ утихавшимъ дождемъ, въ темнотѣ вечера, изрѣдка нарушаемой далекими молніями.

— Ростовъ, ты гдѣ?

— Здѣсь. Какова молнія!—переговаривались они.

XIII.

Въ корчмѣ, передъ которою стояла кибитка доктора, уже было человѣкъ пять офицеровъ. Марья Генриховна, полная

бѣлокурая нѣмочка въ кофточкѣ и ночномъ чепчикѣ, сидѣла въ переднемъ углу на широкой лавкѣ. Мужъ ея, докторъ, спалъ позади ея. Ростовъ съ Ильинымъ, встрѣченные веселыми восклицаніями и хохотомъ, вошли въ комнату.

— И! да у васъ какое веселье,—смѣясь сказалъ Ростовъ.

— А вы что зѣваете?

— Хороши! Такъ и течетъ съ нихъ! Гостиную нашу не замочите.

— Марьѣ Генриховнѣ платье не запачкать,—отвѣчали голоса.

Ростовъ съ Ильинымъ поспѣшили найти уголокъ, гдѣ бы они, не нарушая скромности Марьи Генриховны, могли бы перемѣнить мокрое платье. Они пошли было за перегородку, чтобы переодѣться; но въ маленькомъ чуланчикѣ, наполняя его весь, съ одною свѣчкой на пустомъ ящикѣ, сидѣли три офицера, играя въ карты, и ни за что не хотѣли уступить свое мѣсто. Марья Генриховна уступила на время свою юбку, чтобы употребить ее вмѣсто занавѣски, и за этою занавѣской Ростовъ и Ильинъ съ помощью Лаврушки, принесшаго вьюки, сняли мокрое и надѣли сухое платье.

Въ разломанной печкѣ разложили огонь. Достали доску и, утвердивъ ее на двухъ сѣдлахъ, покрыли попоной; достали самоварчикъ, погребецъ и полбутылки рому, и, попросивъ Марью Генриховну быть хозяйкой, всѣ столпились около нея. Кто предлагалъ ей чистый носовой платокъ, чтобъ обтирать прелестныя ручки, кто подъ ножки подкладывалъ ей венгерку, чтобы не было сыро, кто плащемъ завѣшивалъ окно, чтобы не дуло, кто обмахивалъ мухъ съ лица ея мужа, чтобъ онъ не проснулся.

— Оставьте его, — говорила Марья Генриховна, робко и

счастливо улыбаясь,—онъ и такъ спитъ хорошо послѣ безсонной ночи.

— Нельзя, Марья Генриховна, — отвѣчалъ офицеръ, — надо доктору прислужиться. Все можетъ быть и онъ меня пожалѣетъ, когда ногу или руку рѣзать станетъ.

Стакановъ было только три: вода была такая грязная, что нельзя было рѣшить, когда крѣпокъ или не крѣпокъ чай, и въ самоварѣ воды было только на шесть стакановъ; но тѣмъ пріятнѣе было поочереди и старшинству получать свой стаканъ изъ пухлыхъ съ короткими, не совсѣмъ чистыми ногтями ручекъ Марьи Генриховны. Всѣ офицеры, казалось, дѣйствительно были влюблены въ этотъ вечеръ въ Марью Генриховну. Даже тѣ офицеры, которые играли за перегородкой въ карты, скоро бросили игру и перешли къ самовару, подчиняясь общему настроенію ухаживанья за Марьей Генриховной. Марья Генриховна, видя себя окруженною такою блестящею и учтивою молодежью, сіяла счастьемъ, какъ она ни старалась скрывать этого и какъ ни очевидно робѣла при каждомъ сонномъ движеніи спавшаго за нею мужа.

Ложка была только одна, сахару было больше всего, но размѣшивать его не успѣвали, и потому было рѣшено, что она будетъ поочередно мѣшать сахаръ каждому. Ростовъ, получивъ свой стаканъ и подливъ въ него рому, попросилъ Марью Генриховну размѣшать.

— Да вѣдь вы безъ сахара?—сказала она, все улыбаясь, какъ будто все, что̀ ни говорила она, и все, что̀ ни говорили другіе, было очень смѣшно и имѣло еще другое значеніе.

— Да мнѣ не сахаръ, мнѣ только чтобъ вы помѣшали своею ручкой.

Марья Генриховна согласилась и стала искать ложку, которую уже захватилъ кто-то.

— Вы пальчикомъ, Марья Генриховна, — сказалъ Ростовъ,—еще пріятнѣе будетъ.

— Горячо, — сказала Марья Генриховна, краснѣя отъ удовольствія.

Ильинъ взялъ ведро съ водой и, капнувъ туда рому, пришелъ къ Марьѣ Генриховнѣ, прося помѣшать пальчикомъ.

— Это моя чашка,—говорилъ онъ.—Только вложите пальчикъ, все выпью.

Когда самоваръ весь выпили, Ростовъ взялъ карты и предложилъ играть въ короли съ Марьей Генриховной. Кинули жребій, кому составлять партію Марьи Генриховны. Правилами игры по предложенію Ростова было то, чтобы тотъ, кто будетъ королемъ, имѣлъ бы право поцѣловать ручку Марьи Генриховны, а чтобы тотъ, кто останется прохвостомъ, шелъ бы ставить новый самоваръ для доктора, когда онъ проснется.

— Ну, ежели Марья Генриховна будетъ королемъ?—спросилъ Ильинъ.

— Она и такъ королева! И приказанія ея—законъ.

Только что началась игра, какъ изъ-за Марьи Генриховны вдругъ поднялась спутанная голова доктора. Онъ давно уже не спалъ и прислушивался къ тому, чтò говорилось, и, видимо, не находилъ ничего веселаго, смѣшного или забавнаго во всемъ, чтò говорилось и дѣлалось. Лицо его было грустно и уныло. Онъ не поздоровался съ офицерами, почесался и попросилъ позволенія выйти, такъ какъ ему загораживали дорогу. Какъ только онъ вышелъ, всѣ офицеры разразились громкимъ хохотомъ, а Марья Генриховна до слезъ покрас-

кѣла и тѣмъ сдѣлалась еще привлекательнѣе на глаза всѣхъ офицеровъ. Вернувшись со двора, докторъ сказалъ женѣ (которая перестала уже такъ счастливо улыбаться и, испуганно ожидая приговора, смотрѣла на него), что дождь прошелъ, и что надо итти ночевать въ кибитку, а то все растащатъ.

— Да я вѣстового пошлю... двухъ!—сказалъ Ростовъ.—Полноте, докторъ.

— Я самъ стану на часы!—сказалъ Ильинъ.

— Нѣтъ, господа, вы выспались, а я двѣ ночи не спалъ,—сказалъ докторъ, и мрачно сѣлъ подлѣ жены, ожидая окончанія игры.

Глядя на мрачное лицо доктора, косившагося на свою жену, офицерамъ стало еще веселѣй, и многіе не могли удержаться отъ смѣха, которому они поспѣшно старались отыскивать благовидные предлоги. Когда докторъ ушелъ, уведя свою жену, и помѣстился съ нею въ кибиточку, офицеры улеглись въ корчмѣ, укрывшись мокрыми шинелями; но долго не спали, то переговариваясь, вспоминая испугъ доктора и веселье докторши, то выбѣгая на крыльцо и сообщая о томъ, что̀ дѣлалось въ кибиточкѣ. Нѣсколько разъ Ростовъ, завертываясь съ головой, хотѣлъ заснуть; но опять чье-нибудь замѣчаніе развлекало его, опять начинался разговоръ, и опять раздавался безпричинный, веселый дѣтскій хохотъ.

XIV.

Въ 3-мъ часу еще никто не заснулъ, какъ явился вахмистръ съ приказомъ выступать къ мѣстечку Островнѣ.

Все съ тѣмъ же говоромъ и хохотомъ офицеры поспѣшно

стали собираться; опять поставили самоваръ на грязной водѣ. Но Ростовъ, не дождавшись чаю, пошелъ къ эскадрону. Уже свѣтало; дождикъ перестадъ, тучи расходились. Было сыро и холодно, особенно въ не просохшемъ платьѣ. Выходя изъ корчмы, Ростовъ и Ильинъ оба въ сумеркахъ разсвѣта заглянули въ глянцовитую отъ дождя, кожаную докторскую кибитку, изъ-подъ фартука которой торчали ноги доктора и въ серединѣ которой виднѣлся на подушкѣ чепчикъ докторши и слышалось сонное дыханіе.

— Право, она очень мила! — сказалъ Ростовъ Ильину, выходившему съ нимъ.

— Прелесть какая женщина! — съ шестнадцатилѣтнею серьезностью отвѣчалъ Ильинъ.

Черезъ полчаса выстроенный эскадронъ стоялъ на дорогѣ. Послышалась команда: „Садись!“ — солдаты перекрестились и стали садиться. Ростовъ, выѣхавъ впередъ, скомандовалъ: „Маршъ!“ и, вытянувшись въ четыре человѣка, гусары, звуча шлепаньемъ копытъ по мокрой дорогѣ, бренчаньемъ сабель и тихимъ говоромъ, тронулись по большой, обсаженной березами дорогѣ, вслѣдъ за шедшею впереди пѣхотой и батареей.

Разорванныя сине-лиловыя тучи, краснѣя на восходѣ, быстро гнались вѣтромъ. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Ясно виднѣлась та курчавая травка, которая засѣдаетъ всегда по проселочнымъ дорогамъ, еще мокрая отъ вчерашняго дождя; висячія вѣтви березъ, тоже мокрыя, качались отъ вѣтра и роняли въ бокъ отъ себя свѣтлыя капли. Яснѣе и яснѣе обозначались лица солдатъ. Ростовъ ѣхалъ съ Ильинымъ, не отстававшимъ отъ него, стороной дороги, между двойнымъ рядомъ березъ.

Ростовъ въ кампаніи позволялъ себѣ вольность ѣздить не

на фронтовой лошади, а на казацкой. И знатокъ и охотникъ, онъ недавно досталъ себѣ лихую, донскую, крупную и добрую игреневую лошадь, на которой никто не обскакивалъ его. Ѣхать на этой лошади было для Ростова наслажденіе. Онъ думалъ о лошади, объ утрѣ, о докторшѣ, и ни разу не подумалъ о предстоящей опасности.

Прежде Ростовъ, идя въ дѣло, боялся; теперь онъ не испытывалъ ни малѣйшаго чувства страха. Не оттого онъ не боялся, что онъ привыкъ къ огню (къ опасности нельзя привыкнуть), но оттого, что онъ выучился управлять своею душою предъ опасностью. Онъ привыкъ, идя въ дѣло, думать обо всемъ, исключая того, что̀ казалось было бы интереснѣе всего другого — о предстоящей опасности. Сколько онъ ни старался, ни упрекалъ себя въ трусости, первое время своей службы онъ не могъ этого достигнуть; но съ годами теперь это сдѣлалось само собою. Онъ ѣхалъ теперь рядомъ съ Ильинымъ между березами, изрѣдка отрывая листья съ вѣтокъ, которыя попадались подъ руку, иногда дотрогиваясь ногой до паха лошади, иногда отдавая, не поворачиваясь, докуренную трубку ѣхавшему сзади гусару, съ такимъ спокойнымъ и беззаботнымъ видомъ, какъ будто онъ ѣхалъ кататься. Ему жалко было смотрѣть на взволнованное лицо Ильина, много и безпокойно говорившаго; онъ по опыту зналъ то мучительное состояніе ожиданія страха и смерти, въ которомъ находился корнетъ, и зналъ, что ничто кромѣ времени не поможетъ ему.

Только что солнце показалось на чистой полосѣ изъ-подъ тучи, какъ вѣтеръ стихъ, какъ будто онъ не смѣлъ портить этого прелестнаго послѣ грозы лѣтняго утра; капли еще падали, но уже отвѣсно—и все затихло. Солнце вышло со-

всѣмъ, показалось на горизонтѣ и исчезло въ узкой и длинной тучѣ, стоявшей надъ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ солнце еще свѣтлѣе показалось на верхнемъ краѣ тучи, разрывая ея края. Все засвѣтилось и заблестѣло. И вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ, какъ будто отвѣчая ему, раздались впереди выстрѣлы орудій.

Не успѣлъ еще Ростовъ обдумать и опредѣлить какъ далеки эти выстрѣлы, какъ отъ Витебска прискакалъ адъютантъ графа Остермана-Толстого съ приказаніемъ итти на рысяхъ по дорогѣ.

Эскадронъ объѣхалъ пѣхоту и батарею, также торопившуюся итти скорѣе, спустился подъ гору и, пройдя черезъ какую-то пустую безъ жителей деревню, опять поднялся на гору. Лошади стали взмыливаться, люди раскраснѣлись.

— Стой, равняйся!—послышалась впереди команда дивизіонера.

— Лѣвое плечо впередъ, шагомъ маршъ! — скомандовали впереди.

И гусары по линіи войскъ прошли на лѣвый флангъ позиціи, и стали позади нашихъ уланъ, стоявшихъ въ первой линіи. Справа стояла наша пѣхота густою колонной, — это были резервы; повыше ея на горѣ видны были на чистомъ-чистомъ воздухѣ, въ утреннемъ, косомъ и яркомъ освѣщеніи, на самомъ горизонтѣ, наши пушки. Впереди за лощиной видны были непріятельскія колонны и пушки. Въ лощинѣ слышна была наша цѣпь, уже вступившая въ дѣло и весело перещелкивающаяся съ непріятелемъ.

Ростову, какъ отъ звуковъ самой веселой музыки, стало весело на душѣ отъ этихъ звуковъ, давно уже не слышанныхъ. Трапъ-та-та-тапъ! хлопали то вдругъ, то быстро одинъ

за другимъ, нѣсколько выстрѣловъ. Опять замолкало все, и опять какъ будто трескались хлопушки, по которымъ ходилъ кто-то.

Гусары простояли около часу на одномъ мѣстѣ. Началась и канонада. Графъ Остерманъ съ свитой проѣхалъ сзади эскадрона; остановившись, поговорилъ съ командиромъ полка и отъѣхалъ къ пушкамъ на гору.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Остермана, у уланъ послышалась команда.

— Въ колонну, къ атакѣ стройся!—Пѣхота впереди ихъ вздвоила взводы, чтобы пропустить кавалерію. Уланы тронулись, колеблясь флюгерами пикъ, и на рысяхъ пошли подъ гору на французскую кавалерію, показавшуюся подъ горой влѣво.

Какъ только уланы сошли подъ гору, гусарамъ велѣно было подвинуться въ гору, въ прикрытіе къ батареѣ. Въ то время, какъ гусары становились на мѣсто уланъ, изъ цѣпи пролетѣли, визжа и свистя, далекія, не попадавшія пули.

Давно не слышанный этотъ звукъ еще радостнѣе и возбудительнѣе подѣйствовалъ на Ростова, чѣмъ прежніе звуки стрѣльбы. Онъ, выпрямившись, разглядывалъ поле сраженія, открывавшееся съ горы, и всею душой участвовалъ въ движеніи уланъ. Уланы близко налетѣли на французскихъ драгунъ, что-то спуталось тамъ въ дыму, и черезъ пять минутъ уланы понеслись назадъ не къ тому мѣсту, гдѣ они стояли, но лѣвѣе. Между ранжевыми уланами на рыжихъ лошадяхъ и позади ихъ большою кучей видны были синіе французскіе драгуны на сѣрыхъ лошадяхъ.

XV.

Ростовъ своимъ зоркимъ охотничьимъ глазомъ одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдующихъ нашихъ уланъ. Ближе, ближе подвигались разстроенными толпами уланы и французскіе драгуны, преслѣдующіе ихъ. Уже можно было видѣть, какъ эти, казавшіеся подъ горой маленькими, люди сталкивались, нагоняли другъ друга и махали руками или саблями.

Ростовъ какъ на травлю смотрѣлъ на то, что̀ дѣлалось предъ нимъ. Онъ чутьемъ чувствовалъ, что, ежели ударить теперь съ гусарами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ уже поздно. Онъ оглянулся вокругъ себя. Ротмистръ, стоя подлѣ него, точно такъ же не спускалъ глазъ съ кавалеріи внизу.

— Андрей Севастьянычъ, — сказалъ Ростовъ, — вѣдь мы ихъ сомнемъ...

— Лихая бы штука,—сказалъ ротмистръ,—а въ самомъ дѣлѣ...

Ростовъ не дослушавъ его, толкнулъ лошадь, выскакалъ впередъ эскадрона, и не успѣлъ онъ еще скомандовать движеніе, какъ весь эскадронъ, испытывавшій то же, что̀ и онъ, тронулся за нимъ. Ростовъ самъ не зналъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая. Онъ видѣлъ, что драгуны близко, что они скачутъ, разстроены; онъ зналъ, что они не выдержатъ, онъ зналъ, что была только одна минута, которая не воротится, ежели онъ упуститъ ее. Пули такъ возбудительно визжали и свистѣли вокругъ него, лошадь

такъ горячо просилась впередъ, что онъ не могъ выдержать. Онъ тронулъ лошадь, скомандовалъ и въ то же мгновеніе, услыхавъ за собой звукъ топота своего развернутаго эскадрона, на полныхъ рысяхъ сталъ спускаться къ драгунамъ подъ гору. Едва они сошли подъ гору, какъ невольно ихъ аллюръ рыси перешелъ въ галопъ, становившійся все быстрѣе и быстрѣе, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ своимъ уланамъ и скакавшимъ за ними французскимъ драгунамъ. Драгуны были близко. Передніе, увидавъ гусаръ, стали поворачивать назадъ, задніе пріостанавливаться. Съ чувствомъ, съ которымъ онъ несся наперерѣзъ волку, Ростовъ, выпустивъ во весь махъ своего донца, скакалъ наперерѣзъ разстроеннымъ рядамъ французскихъ драгунъ. Одинъ уланъ остановился, одинъ пѣшій припалъ къ землѣ, чтобъ его не раздавили, одна лошадь безъ сѣдока замѣшалась съ гусарами. Почти всѣ французскіе драгуны скакали назадъ. Ростовъ, выбравъ себѣ одного изъ нихъ на сѣрой лошади, пустился за нимъ. По дорогѣ онъ налетѣлъ на кустъ; добрая лошадь перенесла его черезъ него, и, едва справясь на сѣдлѣ, Николай увидалъ, что онъ черезъ нѣсколько мгновеній догонитъ того непріятеля, котораго онъ выбралъ своею цѣлью. Французъ этотъ, вѣроятно офицеръ по его мундиру, согнувшись скакалъ на своей сѣрой лошади, саблей подгоняя ее. Черезъ мгновенье лошадь Ростова ударила грудью въ задъ лошади офицера, чуть не сбила его съ ногъ, и въ то же мгновенье Ростовъ, самъ не зная зачѣмъ, поднялъ саблю и ударилъ ею по французу.

Въ то же мгновеніе, какъ онъ сдѣлалъ это, все оживленіе Ростова вдругъ исчезло. Офицеръ упалъ не столько отъ удара саблей, который только слегка разрѣзалъ ему руку

выше локтя, сколько отъ толчка лошади и отъ страха. Ростовъ, сдержавъ лошадь, отыскивалъ глазами своего врага, чтобъ увидать, кого онъ побѣдилъ. Драгунскій французскій офиц‘ръ одною ногой прыгалъ на землѣ, другою зацѣпился въ стремени. Онъ, испуганно щурясь, какъ будто ожидая всякую секунду новаго удара, сморщившись, съ выраженіемъ ужаса взглянулъ снизу вверхъ на Ростова. Лицо его, блѣдное и забрызганное грязью, бѣлокурое, молодое, съ дырочкой на подбородкѣ и свѣтлыми, голубыми глазами, было самое не для поля сраженія, не вражеское лицо, а самое простое, комнатное лицо. Еще прежде, чѣмъ Ростовъ рѣшилъ, что онъ съ нимъ будетъ дѣлать, офицеръ закричалъ: сдаюсь. Онъ торопясь хотѣлъ и не могъ выпутать изъ стремени ногу и, не спуская испуганныхъ голубыхъ глазъ, смотрѣлъ на Ростова. Подскочившіе гусары выпростали ему ногу и посадили его на сѣдло. Гусары съ разныхъ сторонъ возились съ драгунами: одинъ былъ раненъ, но съ лицомъ въ крови не давалъ своей лошади; другой, обнявъ гусара, сидѣлъ на крупѣ его лошади; третій взлѣзалъ, поддерживаемый гусаромъ, на его лошадь. Впереди бѣжала стрѣляя французская пѣхота. Гусары торопливо поскакали назадъ съ своими плѣнными. Ростовъ скакалъ назадъ съ другими, испытывая какое-то непріятное чувство, сжимавшее его сердце. Что-то неясное, запутанное, чего онъ никакъ не могъ объяснить себѣ, открылось ему взятіемъ въ плѣнъ этого офицера и тѣмъ ударомъ, который онъ нанесъ ему.

Графъ Остерманъ-Толстой встрѣтилъ возвращавшихся гусаръ, подозвалъ Ростова, благодарилъ его и сказалъ, что онъ представитъ государю о его молодецкомъ поступкѣ, и будетъ просить для него Георгіевскій крестъ. Когда Росто-

ва потребовали къ графу Остерману, онъ, вспомнивъ о томъ, что атака его была начата безъ приказанія, былъ вполнѣ убѣжденъ, что начальникъ требуетъ его для того, чтобы наказать за его самовольный поступокъ. Поэтому лестныя слова Остермана и обѣщаніе награды должны были тѣмъ радостнѣе поразить Ростова; но все то же непріятное, неясное чувство нравственно тошнило ему. — „Да, что̀ бишь меня мучаетъ?“ спросилъ онъ себя, отъѣзжая отъ генерала. „Ильинъ? Нѣтъ, онъ цѣлъ. Осрамился я чѣмъ-нибудь? Нѣтъ, все не то!“ Что-то другое мучило его какъ раскаяніе.—„Да, да, этотъ французскій офицеръ съ дырочкой. И я хорошо помню, какъ рука моя остановилась, когда я поднялъ ее“.

Ростовъ увидалъ отвозимыхъ плѣнныхъ и поскакалъ за ними, чтобы посмотрѣть своего француза съ дырочкой на подбородкѣ. Онъ въ своемъ странномъ мундирѣ сидѣлъ на заводной гусарской лошади и безпокойно оглядывался вокругъ себя. Рана на его рукѣ была почти не рана. Онъ притворно улыбнулся Ростову и помахалъ ему рукой, въ видѣ привѣтствія. Ростову все такъ же было неловко и чего-то совѣстно.

Весь этотъ и слѣдующій день друзья и товарищи Ростова замѣчали, что онъ не скученъ, не сердитъ, но молчаливъ, задумчивъ и сосредоточенъ. Онъ неохотно пилъ, старался оставаться одинъ и о чемъ-то думалъ.

Ростовъ все думалъ объ этомъ своемъ блестящемъ подвигѣ, который къ удивленію его, пріобрѣлъ ему Георгіевскій крестъ и даже сдѣлалъ ему репутацію храбреца, и никакъ не могъ понять чего-то. „Такъ они еще больше нашего боятся“, думалъ онъ. Такъ только-то и есть всего-то, что̀ называется геройствомъ? И развѣ я это дѣлалъ для отече-

ства? И въ чемъ онъ виноватъ съ своей дырочкой и голубыми глазами? А какъ онъ испугался! Онъ думалъ, что я убью его. За что жъ мнѣ убивать его? У меня рука дрогнула. А мнѣ дали Георгіевскій крестъ. Ничего, ничего не понимаю!"

Но пока Николай переработывалъ въ себѣ эти вопросы и все-таки не далъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что такъ смутило его, колесо счастья по службѣ, какъ это часто бываетъ, повернулось въ его пользу. Его выдвинули впередъ послѣ Островненскаго дѣла, дали ему баталіонъ гусаръ, и когда нужно было употребить храбраго офицера, давали ему порученія.

XVI.

Получивъ извѣстіе о болѣзни Наташи, графиня еще не совсѣмъ здоровая и слабая, съ Петей и со всѣмъ домомъ пріѣхала въ Москву, и все семейство Ростовыхъ перебралось отъ Марьи Дмитріевны въ свой домъ и совсѣмъ поселилось въ Москвѣ.

Болѣзнь Наташи была такъ серьезна, что къ счастію ея и къ счастію родныхъ мысль о всемъ томъ, что было причиной ея болѣзни, ея поступокъ и разрывъ съ женихомъ перешли на второй планъ. Она была такъ больна, что нельзя было думать о томъ, на сколько она была виновата во всемъ случившемся, тогда какъ она не ѣла, не спала, замѣтно худѣла, кашляла и была, какъ давали чувствовать доктора, въ опасности. Надо было думать только о томъ, чтобы пом..чь ей. Доктора ѣздили къ Наташѣ и отдѣльно и консиліумами, говорили много по-французски, и по-нѣмецки, и по-латыни, осуждали одинъ другого, прописывали самыя разнообразныя лѣ-

карства отъ всѣхъ имъ извѣстныхъ болѣзней; но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову та простая мысль, что имъ не можетъ быть извѣстна та болѣзнь, которою страдала Наташа, какъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь, которою одержимъ живой человѣкъ; ибо каждый живой человѣкъ имѣетъ свои особенности и всегда имѣетъ особенную и свою новую, сложную, неизвѣстную медицинѣ болѣзнь, не болѣзнь легкихъ, печени, кожи, сердца, нервовъ и т. д., записанную въ медицинѣ, но болѣзнь, состоящую изъ одного изъ безчисленныхъ соединеній страданій этихъ органовъ. Эта простая мысль не могла приходить докторамъ (такъ же какъ не можетъ колдуну въ голову притти мысль, что онъ не можетъ колдовать) потому, что ихъ дѣло жизни состояло въ томъ, чтобы лѣчить, потому, что за то они получали деньги, и потому что на это дѣло они потратили лучшіе годы своей жизни. Но главное—мысль эта не могла притти докторамъ потому, что они видѣли, что они несомнѣнно полезны, и были дѣйствительно полезны для всѣхъ домашнихъ Ростовыхъ. Они были полезны не потому, что заставляли проглатывать больную большею частью вредныя вещества (вредъ этотъ былъ мало чувствителенъ, потому что вредныя вещества давались въ маломъ количествѣ), но они полезны, необходимы, неизбѣжны были (причина—почему всегда есть и будутъ мнимые излѣчители, ворожеи, гомеопаты, алопаты), потому что они удовлетворяли нравственной потребности больной и людей, любящихъ больную. Они удовлетворяли той вѣчной человѣческой потребности надежды на облегченіе, потребности сочувствія и дѣятельности, которыя испытываетъ человѣкъ во время страданія. Они удовлетворяли той вѣчной человѣческой—въ ребенкѣ замѣтной въ самой первобытной формѣ

потребности потереть то мѣсто, которое ушиблено. Ребенокъ убьется и тотчасъ же бѣжитъ въ руки матери, няньки, для того чтобъ ему поцѣловали и потерли больное мѣсто, и ему дѣлается легче, когда больное мѣсто потрутъ или поцѣлуютъ. Ребенокъ не вѣритъ, чтобъ у сильнѣйшихъ и мудрѣйшихъ его не было средствъ помочь его боли. И надежда на облегченіе, и выраженіе сочувствія въ то время, какъ мать третъ его шишку, утѣшаютъ его. Доктора для Наташи были полезны тѣмъ, что они цѣловали и терли *бобо*, увѣряя, что сейчасъ пройдетъ, ежели кучеръ съѣздитъ въ Арбатскую аптеку и возьметъ на рубль семь гривенъ порошковъ и пилюль въ хорошенькой коробочкѣ и ежели порошки эти, непремѣнно черезъ два часа, никакъ не больше и не меньше, будетъ въ отварной водѣ принимать больная.

Что̀ же бы дѣлали Соня, графъ и графиня, какъ бы они смотрѣли, ничего не предпринимая, ежели бы не было этихъ пилюль по часамъ, питья тепленькаго, куриной котлетки и всѣхъ подробностей жизни, предписанныхъ докторомъ, соблюдать которыя составляло занятіе и утѣшеніе для окружающихъ? Какъ бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери, ежели бы онъ не зналъ, что ему стоила тысяча рублей болѣзнь Наташи, и что онъ не жалѣетъ еще тысячъ, чтобы сдѣлать ей пользу; ежели бы онъ не зналъ, что ежели она не поправится, онъ не пожалѣетъ и еще тысячъ и повезетъ ее за границу и тамъ сдѣлаетъ консиліумы; ежели бы онъ не имѣлъ возможности разсказывать подробности о томъ, какъ Метивье и Феллеръ не поняли, а Фризъ понялъ и Мудровъ еще лучше опредѣлилъ болѣзнь? Что̀ бы дѣлала графиня, ежели бы она не могла иногда ссориться съ больною Наташей за то, что она не вполнѣ соблюдала предписанія доктора?

— Этакъ никогда не выздоровѣешь,—говорила она, подъ досадой забывая свое горе,—ежели ты не будешь слушаться доктора и не во-время принимать лѣкарство! Вѣдь нельзя шутить этимъ, когда у тебя можетъ сдѣлаться пневмонія,—говорила графиня, и въ произношеніи этого непонятнаго не для нея одной слова, она уже находила большое утѣшеніе. Что бы дѣлала Соня, ежели бы у ней не было радостнаго сознанія того, что она первое время не раздѣвалась три ночи для того, чтобы быть на готовѣ исполнять въ точности всѣ предписанія доктора, и что она теперь не спитъ ночи для того, чтобы не пропустить часы, въ которые надо давать маловредныя пилюли изъ золотой коробочки? Даже самой Наташѣ, которая хотя и говорила, что никакія лѣкарства не вылѣчатъ ея и что все это глупости, и ей—было радостно видѣть, что для нея дѣлали такъ много пожертвованій, что ей надо было въ извѣстные часы принимать лѣкарства. И даже ей радостно было то, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показывать, что она не вѣритъ въ лѣченіе и не дорожитъ своею жизнью.

Докторъ ѣздилъ каждый день, щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и, не обращая вниманія на ея убитое лицо, шутилъ съ нею. Но за то, когда онъ выходилъ въ другую комнату, графиня поспѣшно выходила за нимъ, и онъ, принимая серьезный видъ и покачивая задумчиво головой, говорилъ, что хотя и есть опасность, онъ надѣется на дѣйствіе этого послѣдняго лѣкарства, и что надо ждать и посмотрѣть; что болѣзнь больше нравственная, но...

Графиня, стараясь скрыть этотъ поступокъ отъ себя и отъ доктора, всовывала ему въ руку золотой, и всякій разъ съ успокоеннымъ сердцемъ возвращалась къ больной.

Признаки болѣзни Наташи состояли въ томъ, что она мало ѣла, мало спала, кашляла и никогда не оживлялась. Доктора говорили, что больную нельзя оставлять безъ медицинской помощи, и поэтому въ душномъ воздухѣ держали ее въ городѣ. И лѣто 1812-го года Ростовы не уѣзжали въ деревню.

Несмотря на большое количество проглоченныхъ пилюль, капель и порошковъ изъ баночекъ и коробочекъ, изъ которыхъ мадамъ Шоссъ, охотница до этихъ вещицъ, собрала большую коллекцію, несмотря на отсутствіе привычной деревенской жизни, молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоемъ впечатлѣній прожитой жизни, оно перестало такою мучительною болью лежать ей на сердцѣ, начинало становиться прошедшимъ, и Наташа стала физически оправляться.

XVII.

Наташа была спокойнѣе, но не веселѣе. Она не только избѣгала всѣхъ внѣшнихъ условій радости: баловъ, катанья, концертовъ, театра; но она ни разу не смѣялась такъ, чтобы изъ-за смѣха ея не слышны были слезы. Она не могла пѣть. Какъ только начинала она смѣяться или пробовала одна сама съ собой пѣть, слезы душили ее: слезы раскаянія, слезы воспоминаній о томъ невозвратномъ, чистомъ времени; слезы досады, что такъ, задаромъ, погубила она свою молодую жизнь, которая могла бы быть такъ счастлива. Смѣхъ и пѣніе особенно казались ей кощунствомъ надъ ея горемъ. О кокетствѣ она и не думала; ей не приходилось даже воздерживаться. Она говорила и чувствовала, что въ это время всѣ мужчины были для нея совершенно то же, что̀ шутъ Настасья Ивановна. Внутренній стражъ твердо воспрещалъ ей всякую радость. Да и не было въ ней всѣхъ прежнихъ

интересовъ жизни изъ того дѣвичьяго, беззаботнаго, полнаго надеждъ склада жизни. Чаще и болѣзненнѣе всего она вспоминала осенніе мѣсяцы, охоту, дядюшку и святки, проведенные съ Николаемъ въ Отрадномъ. Что̀ бы она дала, чтобы возвратить хоть одинъ день изъ того времени! Но ужъ это навсегда было кончено. Предчувствіе не обманывало ея тогда, что то состояніе свободы и открытости для всѣхъ радостей никогда уже не возвратится больше. Но жить надо было.

Ей отрадно было думать, что она не лучше, какъ она прежде думала, а хуже и гораздо хуже всѣхъ, всѣхъ, кто только есть на свѣтѣ. Но этого мало было. Она знала это и спрашивала себя: „что̀ жъ дальше?“ А дальше ничего не было. Не было никакой радости въ жизни, а жизнь проходила. Наташа видимо старалась только никому не быть въ тягость и никому не мѣшать, но для себя ей ничего не нужно было. Она удалялась отъ всѣхъ домашнихъ, и только съ братомъ Петей ей было легко. Съ нимъ она любила бывать больше, чѣмъ съ другими; и иногда, когда бывала съ нимъ съ глазу на глазъ, смѣялась. Она почти не выѣзжала изъ дому и изъ пріѣзжавшихъ къ нимъ рада была только одному человѣку—Пьеру. Нельзя было нѣжнѣе, осторожнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезнѣе обращаться, чѣмъ обращался съ нею графъ Безухій. Наташа безсознательно чувствовала эту нѣжность обращенія, и потому находила большое удовольствіе въ его обществѣ. Но она не была даже благодарна ему за его нѣжность. Ничто хорошее со стороны Пьера не казалось ей усиліемъ. Пьеру, казалось, такъ естественно быть добрымъ со всѣми, что не было никакой заслуги въ его добротѣ. Иногда Наташа замѣчала смущеніе и неловкость Пьера въ ея присутствіи, въ особенности когда онъ хотѣлъ сдѣлать для

нея что-нибудь пріятное, или когда онъ боялся, чтобы что-нибудь въ разговорѣ не навело Наташу на тяжелыя воспоминанія. Она замѣчала это и приписывала это его общей добротѣ и застѣнчивости, которая, по ея понятіямъ, таковая же какъ съ нею должна была быть и со всѣми. Послѣ тѣхъ нечаянныхъ словъ о томъ, что ежели бы онъ былъ свободенъ, онъ на колѣняхъ бы просилъ ея руки и любви, сказанныхъ въ минуту такого сильнаго волненія для нея, Пьеръ никогда не говорилъ ничего о своихъ чувствахъ къ Наташѣ; и для нея было очевидно, что тѣ слова, тогда такъ утѣшившія ее, были сказаны, какъ говорятся всякія безсмысленныя слова, для утѣшенія плачущаго ребенка. Не оттого, что Пьеръ былъ женатый человѣкъ, но оттого, что Наташа чувствовала между собою и имъ въ высшей степени ту силу нравственной преграды, отсутствіе которой она чувствовала съ Курагинымъ, ей никогда въ голову не приходило, чтобъ изъ ея отношеній съ Пьеромъ могла выйти не только любовь съ ея или еще менѣе съ его стороны, но даже и тотъ родъ нѣжной, признающей себя, поэтической дружбы между мужчиной и женщиной, которой она знала нѣсколько примѣровъ.

Въ концѣ Петровскаго поста Аграфена Ивановна Бѣлова, Отрадненская сосѣдка Ростовыхъ, пріѣхала въ Москву поклониться московскимъ угодникамъ. Она предложила Наташѣ говѣть, и Наташа съ радостью ухватилась за эту мысль. Несмотря на запрещеніе докторовъ выходить рано утромъ, Наташа настояла на томъ, чтобы говѣть, и говѣть не такъ, какъ говѣли въ домѣ Ростовыхъ обыкновенно, то-есть отслушать на дому три службы, а чтобы говѣть такъ, какъ говѣла Аграфена Ивановна, то-есть всю недѣлю, не пропуская ни одной вечерни, обѣдни или заутрени.

Графинѣ понравилось это усердіе Наташи: она въ душѣ своей, послѣ безуспѣшнаго медицинскаго лѣченія, надѣялась, что молитва поможетъ ей больше лѣкарствъ, и хотя со страхомъ и скрывая отъ доктора, но согласилась на желаніе Наташи и поручила ее Бѣловой. Аграфена Ивановна въ три часа ночи приходила будить Наташу и большею частью находила ее уже не спящею. Наташа боялась проспать время заутрени. Поспѣшно умываясь и съ смиреніемъ одѣваясь въ самое дурное свое платье и старенькую мантилью, содрогаясь отъ свѣжести, Наташа выходила на пустынныя улицы, прозрачно освѣщенныя утреннею зарей. По совѣту Аграфены Ивановны, Наташа говѣла не въ своемъ приходѣ, а въ церкви, въ которой, по словамъ набожной Бѣловой, былъ священникъ весьма строгой и высокой жизни. Въ церкви всегда было мало народа; Наташа съ Бѣловой становились на привычное мѣсто предъ иконою Божіей Матери, вдѣланной въ задъ лѣваго клироса, и новое для Наташи чувство смиренія предъ великимъ, непостижимымъ, охватывало ее, когда она въ этотъ непривычный часъ утра, глядя на черный ликъ Божіей Матери, освѣщенный и свѣчами, горѣвшими предъ нимъ, и свѣтомъ утра, падавшимъ изъ окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась слѣдить, понимая ихъ. Когда она понимала ихъ, ея личное чувство съ своими оттѣнками присоединялось къ ея молитвѣ; когда она не понимала, ей еще сладостнѣе было думать, что желаніе понимать все есть гордость, что понимать всего нельзя, что надо только вѣрить и отдаваться Богу, который въ эти минуты — она чувствовала — управлялъ ея душою. Она крестилась, кланялась и когда не понимала, то только, ужасаясь предъ своею мерзостью, просила Бога простить ее за все, за все,

и помиловать. Молитвы, которымъ она больше всего отдавалась, были молитвы раскаянія. Возвращаясь домой въ ранній часъ утра, когда встрѣчались только каменьщики, шедшіе на работу, дворники, выметавшіе улицу, и въ домахъ еще всѣ спали, Наташа испытывала новое для нея чувство возможности исправленія себя отъ своихъ пороковъ и возможности новой, чистой жизни и счастья.

Въ продолженіе всей недѣли, въ которую она вела эту жизнь, чувство это росло съ каждымъ днемъ. И счастье пріобщиться или сообщиться, какъ радостно играя этимъ словомъ говорила ей Аграфена Ивановна, представлялось ей столь великимъ, что ей казалось, что она не доживетъ до этого блаженнаго воскресенья.

Но счастливый день наступилъ, и когда Наташа въ это памятное для нея воскресенье, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ вернулась отъ причастія, она въ первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ почувствовала себя спокойною и не тяготящеюся жизнью, которая ей предстояла.

Пріѣзжавшій въ этотъ день докторъ осмотрѣлъ Наташу и велѣлъ продолжать тѣ послѣдніе порошки, которые онъ прописалъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Непремѣнно продолжать утромъ и вечеромъ,—сказалъ онъ, видимо самъ добросовѣстно довольный своимъ успѣхомъ. — Только, пожалуйста, аккуратнѣе. Будьте покойны, графиня,—сказалъ шутливо докторъ, въ мякоть руки ловко подхватывая золотой, — скоро опять запоетъ и зарѣзвится. Очень, очень ей въ пользу послѣднее лѣкарство. Она очень посвѣжѣла.

Графиня посмотрѣла на ногти и поплевала, съ веселымъ лицомъ возвращаясь въ гостиную.

XVIII.

Въ началѣ іюля въ Москвѣ распространялись все болѣе и болѣе тревожные слухи о ходѣ войны; говорили о воззваніи государя къ народу, о пріѣздѣ самого государя изъ арміи въ Москву. И такъ какъ до 11-го іюля манифестъ и воззваніе не были получены, то о нихъ и о положеніи Россіи ходили преувеличенные слухи. Говорили, что государь уѣзжаетъ потому, что армія въ опасности, говорили, что Смоленскъ сданъ, что у Наполеона милліонъ войска, и что только чудо можетъ спасти Россію.

11-го іюля въ субботу былъ полученъ манифестъ, но еще не напечатанъ; и Пьеръ, бывшій у Ростовыхъ, обѣщалъ на другой день, въ воскресенье, пріѣхать обѣдать и привезти манифестъ и воззваніе, которые онъ достанетъ у графа Растопчина.

Въ это воскресенье Ростовы по обыкновенію поѣхали къ обѣднѣ въ домовую церковь Разумовскихъ. Былъ жаркій іюльскій день. Уже въ 10 часовъ, когда Ростовы выходили изъ кареты предъ церковью, въ жаркомъ воздухѣ, въ крикахъ разносчиковъ, въ яркихъ и свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ толпы, въ запыленныхъ листьяхъ деревъ бульвара, въ звукахъ музыки и бѣлыхъ панталонахъ прошедшаго на разводъ баталіона, въ громѣ мостовой и яркомъ блескѣ жаркаго солнца, было то лѣтнее томленіе, довольство и недовольство настоящимъ, которое особенно рѣзко чувствуется въ ясный жаркій день въ городѣ. Въ церкви Разумовскихъ была вся знать Московская, все знакомые Ростовыхъ (въ этотъ годъ, какъ бы ожидая чего-то, очень много богатыхъ семей, обыкновенно разъѣзжающихся по деревнямъ, остались въ городѣ).

Проходя подлѣ матери, позади ливрейнаго лакея, раздвигавшаго толпу, Наташа услыхала голосъ молодого человѣка, слишкомъ громкимъ шопотомъ говорившаго о ней:

— Это Ростова, та самая.

— Какъ похудѣла, а все-таки хороша!—Она слышала, или ей показалось, что были упомянуты имена Курагина и Болконскаго. Впрочемъ ей всегда это казалось. Ей всегда казалось, что всѣ, глядя на нее, только и думаютъ о томъ, что̀ съ ней случилось. Страдая и замирая въ душѣ, какъ всегда въ толпѣ, Наташа шла въ своемъ лиловомъ, шелковомъ, съ черными кружевами платьѣ такъ, какъ умѣютъ ходить женщины,—тѣмъ спокойнѣе и величавѣе, чѣмъ больнѣе и стыднѣе у ней было на душѣ. Она знала и не ошибалась, что она хороша, но это теперь не радовало ее, какъ прежде. Напротивъ, это мучило ее больше всего въ послѣднее время, и въ особенности въ этотъ яркій, жаркій лѣтній день въ городѣ. „Еще воскресенье, еще недѣля“, говорила она себѣ, — вспоминая какъ она была тутъ въ то воскресенье, „и все та же жизнь безъ жизни, и все тѣ же условія, въ которыхъ такъ легко бывало жить прежде. Хороша, молода и я знаю, что теперь добра, прежде я была дурная! а теперь я добра, я знаю“, думала она, „а такъ даромъ, ни для кого, проходятъ лучшіе, лучшіе годы“. Она стала подлѣ матери и перекинулась съ близко стоявшими знакомыми. Наташа по привычкѣ разсмотрѣла туалеты дамъ, осудила манеру держаться и неприличный способъ креститься рукой на маломъ пространствѣ одной близко стоявшей дамы, опять съ досадой подумала о томъ, что про нее судятъ, что и она судитъ, и вдругъ, услыхавъ звуки службы, ужаснулась своей мерзости, ужаснулась тому, что прежняя чистота опять потеряна ею.

Благообразный, чистый старичекъ служилъ съ тою кроткою торжественностью, которая такъ величаво, успокоительно дѣйствуетъ на души молящихся. Царскія двери затворились, медленно задернулась завѣса, таинственный, тихій голосъ произнесъ что-то оттуда. Непонятныя для нея самой слезы стояли въ груди Наташи, и радостное и томительное чувство волновало ее.

„Научи меня, что̀ мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть съ моей жизнью, какъ мнѣ исправиться навсегда, навсегда!..“ — думала она.

Дьяконъ вышелъ на амвонъ, выправилъ, широко отставивъ большой палецъ, свои длинные волосы изъ-подъ стихаря и, положивъ на груди крестъ, громко и торжественно сталъ читать слова молитвы:

— „Міромъ Господу помолимся“.

„Міромъ, всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, безъ вражды, а соединенные братскою любовью—будемъ молиться“,—думала Наташа.

— „О свышнемъ мірѣ и о спасеніи душъ нашихъ!“

„О мірѣ ангеловъ и душъ всѣхъ безтѣлесныхъ существъ, которые живутъ надъ нами“,—молилась Наташа.

Когда молились за воинство, она вспомнила брата и Денисова. Когда молились за плавающихъ и путешествующихъ, она вспомнила князя Андрея, и молилась за него, и молилась за то, чтобы Богъ простилъ ей то зло, которое она ему сдѣлала. Когда молились за любящихъ насъ, она молилась о своихъ домашнихъ, объ отцѣ, матери, Сонѣ,—въ первый разъ теперь понимая всю свою вину предъ ними и чувствуя всю силу своей любви къ нимъ. Когда молились о ненавидящихъ насъ, она придумывала себѣ враговъ и ненавидя-

щихъ, для того чтобы молиться за нихъ. Она причисляла къ врагамъ кредиторовъ и всѣхъ тѣхъ, которые имѣли дѣло съ ея отцомъ, и всякій разъ, при мысли о врагахъ и ненавидящихъ, она вспоминала Анатоля, сдѣлавшаго ей столько зла, и хотя онъ не былъ ненавидящій, она радостно молилась за него, какъ за врага. Только на молитвѣ она чувствовала себя въ силахъ ясно и спокойно вспоминать и о князѣ Андреѣ и объ Анатолѣ, какъ о людяхъ, къ которымъ чувства ея уничтожались въ сравненіи съ ея чувствомъ страха и благоговѣнія къ Богу. Когда молились за царскую фамилію и за синодъ, она особенно низко кланялась и крестилась, говоря себѣ, что ежели она не понимаетъ, она не можетъ сомнѣваться, и все-таки любитъ Правительствующій Синодъ и молится за него.

Окончивъ эктепью, дьяконъ перекрестилъ вокругъ груди орарь и произнесъ:

— „Сами себя и животъ нашъ Христу Богу предадимъ".

„Сами себя Богу предадимъ",—повторила въ своей душѣ Наташа. — „Боже мой, предаю себя Твоей волѣ", думала она. Ничего не хочу, не желаю; научи меня, что̀ мнѣ дѣлать, какъ употребить свою волю! Да возьми же меня, возьми меня!" — съ умиленнымъ нетерпѣніемъ въ душѣ говорила Наташа, не крестясь, опустивъ свои тонкія руки и какъ-будто ожидая, что вотъ вотъ невидимая сила возьметъ ее и избавитъ отъ себя, отъ своихъ сожалѣній, желаній, укоровъ, надеждъ и пороковъ.

Графиня нѣсколько разъ во время службы оглядывалась на умиленное, съ блестящими глазами, лицо своей дочери и молилась Богу о томъ, чтобъ Онъ помогъ ей.

Неожиданно, въ серединѣ и не въ порядкѣ службы, ко-

торый Наташа хорошо знала, дьячекъ вынесъ скамеечку, ту самую, на которой читались колѣнопреклоненныя молитвы въ Троицынъ день, и поставилъ ее предъ царскими дверьми. Священникъ вышелъ въ своей лиловой бархатной скуфьѣ, оправилъ волосы и съ усиліемъ сталъ на колѣна. Всѣ сдѣлали то же, и съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга. Это была молитва, только что полученная изъ Синода, молитва о спасеніи Россіи отъ вражескаго нашествія.

— „Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего",—началъ священникъ тѣмъ яснымъ, ненапыщеннымъ и кроткимъ голосомъ, которымъ читаютъ только одни духовные славянскіе чтецы, и который такъ неотразимо дѣйствуетъ на русское сердце.

„Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего! Призри нынѣ „въ милостяхъ и щедротахъ на смиренные люди Твоя, и „человѣколюбно услыши, и пощади, и помилуй насъ. Се врагъ, „смущаяй землю Твою и хотяй положити вселенную всю „пусту, возста на ны; се люди беззаконіи собрашася, еже „погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, „возлюбленную Твою Россію: осквернити храмы Твои, раско„пати алтари и поругатися Святынѣ нашей. Доколѣ, Господи, „доколѣ грѣшницы восхвалятся? Доколѣ употребити имать „законопреступный власть?

„Владыко Господи! Услыши насъ молящихся Тебѣ, укрѣпи „силою Твоею благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго вели„каго государя нашего императора Александра Павловича; „помяни правду Его и кротость, воздаждь Ему по благости „Его, ею же хранитъ ны, Твой возлюбленный Израиль. Бла„гослови Его совѣты, начинанія и дѣла; утверди всемогущею „Твоею десницею царство Его, и подаждь Ему побѣду на

„врага, яко же Моүсею на Амалика, Гедеону на Мадіама и „Давиду на Голіаөа. Сохрани воинство Его, положи лукъ „мѣдянъ мышцамъ во имя Твое ополчившихся, и препояши „ихъ силою на брань. Пріими оружіе и щитъ, и возстани „въ помощь нашу, да постыдятся и посрамятся мыслящіи „намъ злая, да будутъ предъ лицемъ вѣрнаго Ти воинства, „яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и ангелъ Твой сильный „да будетъ оскорбляяй и погоняяй ихъ; да пріидетъ имъ „сѣть, юже не свѣдаютъ, и ихъ ловитва, юже сокрыша, да „обыметъ ихъ; да падутъ предъ ногами рабовъ Твоихъ и „въ попраніе воемъ нашимъ да будутъ. Господи! Не изне-„можетъ у Тебѣ спасати во многихъ и въ малыхъ; Ты еси „Богъ, да не противозможетъ противу Тебѣ человѣкъ.

„Боже отецъ нашихъ! Помяни щедроты Твоя и милости, „яже отъ вѣка суть; не отвержи насъ отъ лица Твоего, ниже „возгнушайся недостоинствомъ нашимъ, но по велицѣй ми-„лости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ, презри без-„законія и грѣхи наша. Сердце чисто созижди въ насъ, и „духъ правъ обнови во утробѣ нашей, всѣхъ насъ укрѣпи „вѣрою въ Тя, утверди надеждою, одушеви истинною другъ „къ другу любовью, вооружи единодушіемъ на праведное „защищеніе одержанія, еже далъ еси намъ и отцемъ нашимъ, „да не вознесется жезлъ нечестивыхъ на жребій освященныхъ.

„Господи Боже нашъ, въ Него же вѣруемъ и на Него же „уповаемъ, не посрами насъ отъ чаянія милости Твоея, и „сотвори знаменіе во благо, яко да видятъ ненавидящіи насъ „и православную вѣру нашу, и посрамятся и погибнутъ; и „да увѣдятъ всѣ страны, яко имя Тебѣ Господь, и мы людіи „Твои. Яви намъ, Господи, нынѣ милость Твою и спасеніе „Твое даждь намъ; возвесели сердце рабовъ Твоихъ о ми-

„лости Твоей; порази враги наши и сокруши ихъ подъ нози „вѣрныхъ Твоихъ вскорѣ. Ты бо еси заступленіе, помощь и „побѣда уповающимъ на Тя, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу „и Сыну и Святому Духу и нынѣ, и присно, и во вѣки „вѣковъ. Аминь".

Въ томъ состояніи раскрытости душевной, въ которомъ находилась Наташа, эта молитва сильно подѣйствовала на нее. Она слушала каждое слово о побѣдѣ Моусея на Амалика, и Гедеона на Мадіама, и Давида на Голіаѳа, и о разореніи Іерусалима Твоего, и просила Бога съ тою нѣжностью и размягченностью, которою было переполнено ея сердце; но не понимала хорошенько, о чемъ она просила Бога въ этой молитвѣ. Она всею душой участвовала въ прошеніи о духѣ правомъ, объ укрѣпленіи сердца вѣрою, надеждою и о воодушевленіи ихъ любовью. Но она не могла молиться о попраніи подъ ноги враговъ своихъ, когда она за нѣсколько минутъ предъ этимъ только желала имѣть ихъ больше, чтобы любить ихъ, молиться за нихъ. Но она тоже не могла сомнѣваться въ правотѣ читаемой колѣнопреклонной молитвы. Она ощущала въ душѣ своей благоговѣйный и трепетный ужасъ предъ наказаніемъ, постигшимъ людей за ихъ грѣхи и въ особенности за свои грѣхи, и просила Бога о томъ, чтобъ Онъ простилъ ихъ всѣхъ и ее, и далъ бы имъ всѣмъ и ей спокойствіе и счастіе въ жизни. И ей казалось, что Богъ слышитъ ея молитву.

XIX.

Съ того дня какъ Пьеръ, уѣзжая отъ Ростовыхъ и вспоминая благодарный взглядъ Наташи, смотрѣлъ на комету, стоявшую на небѣ, и почувствовалъ, что для него откры-

лось что-то новое, — вѣчно мучившій его вопросъ о тщетѣ и безумности всего земного пересталъ представляться ему. Этотъ страшный вопросъ: зачѣмъ? къ чему? который прежде представлялся ему въ серединѣ всякаго занятія, теперь замѣнился для него не другимъ вопросомъ и не отвѣтомъ на прежній вопросъ, а представленіемъ *ея*. Слышалъ ли онъ или самъ велъ ничтожные разговоры, читалъ ли онъ или узнавалъ про подлость и безсмысленность людскую, онъ не ужасался какъ прежде, не спрашивалъ себя, изъ чего хлопочутъ люди, когда все такъ кратко и неизвѣстно, но вспоминалъ ее въ томъ видѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее последній разъ, и всѣ сомнѣнія его исчезали, не потому, что она отвѣчала на вопросы, которые представлялись ему, но потому, что представленіе о ней переносило его мгновенно въ другую, свѣтлую область душевной дѣятельности, въ которой не могло быть праваго или виноватаго, въ область красоты и любви, для которой стоило жить. Какая бы мерзость житейская ни представлялась ему, онъ говорилъ себѣ:

„Ну и пускай такой-то обокралъ государство и царя, а государство и царь воздаютъ ему почести; а она вчера улыбнулась мнѣ и просила пріѣхать, и я люблю ее, и никто никогда не узнаетъ этого“, думалъ онъ.

Пьеръ все такъ же ѣздилъ въ общество, такъ же много пилъ и велъ ту же праздную и разсѣянную жизнь, потому что кромѣ тѣхъ часовъ, которые онъ проводилъ у Ростовыхъ, надо было проводить и остальное время, и привычки и знакомства, сдѣланныя имъ въ Москвѣ, непреодолимо влекли его къ той жизни, которая захватила его. Но въ послѣднее время, когда съ театра войны приходили все болѣе и болѣе тревожные слухи, и когда здоровье Наташи стало попра-

вляться, и она перестала возбуждать въ немъ прежнее чувство бережливой жалости, имъ стало овладѣвать болѣе и болѣе непонятное для него безпокойство. Онъ чувствовалъ, что то положеніе, въ которомъ онъ находился, не могло продолжаться долго, что наступаетъ катастрофа, долженствующая измѣнить всю его жизнь, и съ нетерпѣніемъ отыскивалъ во всемъ признаки этой приближающейся катастрофы. Пьеру было открыто однимъ изъ братьевъ-масоновъ слѣдующее, выведенное изъ Апокалипсиса Іоанна Богослова, пророчество относительно Наполеона.

Въ Апокалипсисѣ, главѣ тринадцатой, стихѣ восемнадцатомъ сказано: „Здѣ мудрость есть; иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть и число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть“.

И той же главы въ стихѣ пятомъ: „И даны быша ему уста глаголюща велика и хульна; и дана бысть ему область творити мѣсяцъ четыре-десять два“.

Французскія буквы, подобно еврейскому числоизображенію, по которому первыми десятью буквами означаются единицы, а прочими десятки, имѣютъ слѣдующее значеніе:

a	b	c	d	e	f	g	h	i	k	l	m	n	o	p	q	r	s	t	u	v	w	x	y	z.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100	110	120	130	140	150	160

Написавъ по этой азбукѣ цифрами слова l'empereur Napoléon (императоръ Наполеонъ), выходитъ, что сумма этихъ чиселъ равна 666-ти и что поэтому Наполеонъ есть тотъ звѣрь, о которомъ предсказано въ Апокалипсисѣ. Кромѣ того, написавъ по этой же азбукѣ слова quarante deux (сорокъ два), т.-е. предѣлъ, который былъ положенъ звѣрю глаголати велика и хульна, сумма этихъ чиселъ, изображающихъ quarante deux, опять равна 666-ти, изъ чего выходитъ, что пре-

дѣлъ власти Наполеона наступилъ въ 1812-мъ году, въ которомъ французскому императору минуло 42 года. Предсказаніе это очень поразило Пьера, онъ часто задавалъ себѣ вопросъ о томъ, что̀ именно положитъ предѣлъ власти звѣря, т.-е. Наполеона, и на основаніи тѣхъ же изображеній словъ цифрами и вычисленіями старался найти отвѣтъ на занимавшій его вопросъ. Пьеръ написалъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ: L'empereur Alexandre? La nation Russe? (Императоръ Александръ? Русскій народъ?) Онъ счелъ буквы, но сумма цифръ выходила гораздо больше или меньше 666-ти. Одинъ разъ занимаясь этими вычисленіями, онъ написалъ свое имя Comte Pierre Besuhoff, сумма цифръ тоже далеко не вышла. Онъ, измѣнивъ ороографію, поставилъ z вмѣсто s, прибавилъ „de", прибавилъ article „le", и все не получалъ желаемаго результата. Тогда ему пришло въ голову, что ежели бы отвѣтъ на искомый вопросъ и заключался въ его имени, то въ отвѣтѣ непремѣнно была бы названа его національность. Онъ написалъ Le Russe Besuhof (Русскій Безуховъ) и, сочтя цифры, получилъ 671. Только 5 было лишнихъ; 5 означаетъ „е", то самое „е", которое было откинуто въ article предъ словомъ l'empereur. Откинувъ то̀чно такъ же, хотя и неправильно „е", Пьеръ получилъ искомый отвѣтъ l'Russe Besuhof, равное 666-ти. Открытіе это взволновало его. Какъ, какою связью, былъ онъ соединенъ съ тѣмъ великимъ событіемъ, которое было предсказано въ Апокалипсисѣ, онъ не зналъ; но онъ ни на минуту не усомнился въ этой связи. Его любовь къ Ростовой, антихристъ, нашествіе Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoléon и l'Russe Besuhof, все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго, ничтожнаго міра московскихъ привычекъ, въ

которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастію.

Пьеръ наканунѣ того воскресенья, въ которое читали молитву, обѣщалъ Ростовымъ привезти имъ отъ графа Растопчина, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, и воззваніе къ Россіи, и послѣднія извѣстія изъ арміи. Поутру, заѣхавъ къ графу Растопчину, Пьеръ у него засталъ только что пріѣхавшаго курьера изъ арміи. Курьеръ былъ одинъ изъ знакомыхъ Пьеру московскихъ бальныхъ танцоровъ.

— Ради Бога, не можете ли вы меня облегчить,—сказалъ курьеръ,—у меня полная сумка писемъ къ родителямъ.

Въ числѣ этихъ писемъ было письмо отъ Николая Ростова къ отцу. Пьеръ взялъ это письмо. Кромѣ того, графъ Растопчинъ далъ Пьеру воззваніе государя къ Москвѣ, только что отпечатанное, послѣдніе приказы по арміи и свою послѣднюю афишу. Просмотрѣвъ приказы по арміи, Пьеръ нашелъ въ одномъ изъ нихъ между извѣстіями о раненыхъ, убитыхъ и награжденныхъ имя Николая Ростова, награжденнаго Георгіемъ 4-й степени за оказанную храбрость въ Островненскомъ дѣлѣ, и въ томъ же приказѣ назначеніе князя Андрея Болконскаго командиромъ егерскаго полка. Хотя ему и не хотѣлось напоминать Ростовымъ о Болконскомъ, но Пьеръ не могъ воздержаться отъ желанія порадовать ихъ извѣстіемъ о награжденіи сына, и оставивъ у себя воззваніе, афишу и другіе приказы, съ тѣмъ, чтобы самому привезти ихъ къ обѣду, послалъ печатный приказъ и письмо къ Ростовымъ.

Разговоръ съ графомъ Растопчинымъ, его тонъ озабоченности и поспѣшности, встрѣча съ курьеромъ, беззаботно разсказывавшимъ о томъ, какъ дурно идутъ дѣла въ арміи,

слухи о найденныхъ въ Москвѣ шпіонахъ, о бумагѣ ходящей по Москвѣ, въ которой сказано, что Наполеонъ до осени обѣщаетъ быть въ обѣихъ русскихъ столицахъ, разговоръ объ ожидаемомъ на завтра пріѣздѣ государя—все это съ новою силой возбуждало въ Пьерѣ то чувство волненія и ожиданія, которое не оставляло его со времени появленія кометы и въ особенности съ начала войны.

Пьеру давно уже приходила мысль поступить въ военную службу, и онъ бы исполнилъ ее, ежели бы не мѣшала ему, во-первыхъ, принадлежность его къ тому масонскому обществу, съ которымъ онъ былъ связанъ клятвой и которое проповѣдывало вѣчный миръ и уничтоженіе войны, и во-вторыхъ, то, что ему, глядя на большое количество москвичей, надѣвшихъ мундиры и проповѣдывающихъ патріотизмъ, было почему-то совѣстно предпринять такой шагъ. Главная же причина, по которой онъ не приводилъ въ исполненіе своего намѣренія поступить въ военную службу, состояла въ томъ неясномъ представленіи, что онъ—l'Russe Besuhof, имѣющій значеніе звѣринаго числа 666, что его участіе въ великомъ дѣлѣ положенія предѣла власти *звѣрю*, глаголющему велика и хульна, опредѣлено предвѣчно, и что по этому ему не должно предпринимать ничего, и ждать того, что должно совершиться.

XX.

У Ростовыхъ, какъ и всегда по воскресеньямъ, обѣдалъ кое-кто изъ близкихъ знакомыхъ.

Пьеръ пріѣхалъ раньше, чтобы застать ихъ однихъ.

Пьеръ за этотъ годъ такъ потолстѣлъ, что онъ былъ бы уродливъ, ежели бы онъ не былъ такъ великъ ростомъ,

крупенѣ членами и не былъ такъ силёнъ, что очевидно легко носилъ свою толщину.

Онъ, пыхтя и что-то бормоча про себя, вошелъ на лѣстницу. Кучеръ его уже не спрашивалъ, дожидаться ли. Онъ зналъ, что когда графъ у Ростовыхъ, то до 12-го часу. Лакеи Ростовыхъ радостно бросились снимать съ него плащъ и принимать палку и шляпу. Пьеръ, по привычкѣ клубной, и палку и шляпу оставлялъ въ передней.

Первое лицо, которое онъ увидалъ у Ростовыхъ, была Наташа. Еще прежде, чѣмъ онъ увидалъ ее, онъ, снимая плащъ въ передней, услыхалъ ее. Она пѣла сольфеджи въ залѣ. Онъ зналъ, что она не пѣла со времени своей болѣзни, и потому звукъ ея голоса удивилъ и обрадовалъ его. Онъ тихо отворилъ дверь и увидалъ Наташу въ ея лиловомъ платьѣ, въ которомъ она была у обѣдни, прохаживающуюся по комнатѣ и поющую. Она шла задомъ къ нему, когда онъ отворилъ дверь, но когда она круто повернулась и увидала его толстое, удивленное лицо, она покраснѣла и быстро подошла къ нему.

— Я хочу попробовать опять пѣть,—сказала она.—Все-таки это занятіе,—прибавила она, какъ будто извиняясь.

— И прекрасно.

— Какъ я рада, что вы пріѣхали! Я нынче такъ счастлива!—сказала она съ тѣмъ прежнимъ оживленіемъ, котораго уже давно не видалъ въ ней Пьеръ. — Вы знаете, Николенька получилъ Георгіевскій крестъ. Я такъ горда за него.

— Какъ же, я прислалъ приказъ. Ну, я вамъ не хочу мѣшать,—прибавилъ онъ, и хотѣлъ пройти въ гостиную.

Наташа остановила его.

— Графъ! что, это дурно, что я пою?—сказала она, по-

краснѣвъ, но не спуская глазъ, вопросительно глядя на Пьера.

— Нѣтъ... Отчего же? Напротивъ... Но отчего вы меня спрашиваете?

— Я сама не знаю, — быстро отвѣчала Наташа, — но я ничего бы не хотѣла сдѣлать, что̀ бы вамъ не нравилось. Я вамъ вѣрю во всемъ. Вы не знаете, какъ вы для меня важны и какъ вы много для меня сдѣлали!...—Она говорила быстро и не замѣчая того, какъ Пьеръ покраснѣлъ при этихъ словахъ.—Я видѣла въ томъ же приказѣ: *онъ*, Болконскій (быстро шопотомъ проговорила она это слово), онъ въ Россіи и опять служитъ. Какъ вы думаете,—сказала она быстро, видимо торопясь говорить, потому что она боялась за свои силы,—проститъ онъ меня когда-нибудь? Не будетъ онъ имѣть противъ меня злого чувства? Какъ вы думаете? Какъ вы думаете?

— Я думаю...—сказалъ Пьеръ. — Ему нечего прощать... Ежели бы я былъ на его мѣстѣ...—По связи воспоминаній, Пьеръ мгновенно перенесся воображеніемъ къ тому времени, когда онъ, утѣшая ее,—сказалъ ей, что ежели бы онъ былъ не онъ, а лучшій человѣкъ въ мірѣ и свободенъ, то онъ на колѣняхъ просилъ бы ея руки, и то же чувство жалости, нѣжности, любви охватило его и тѣ же слова были у него на устахъ. Но она не дала ему времени сказать ихъ.

— Да вы — вы, — сказала она, съ восторгомъ произнося это слово *вы*,—другое дѣло. Добрѣе, великодушнѣе, лучше васъ я не знаю человѣка, и не можетъ быть. Ежели бы васъ не было тогда, да и теперь, я не знаю, что̀ бы было со мною, потому что...—Слезы вдругъ полились ей въ глаза; она повернулась, подняла ноты къ глазамъ, запѣла и пошла опять ходить по залѣ.

Въ это же время изъ гостиной выбѣжалъ Петя.

Петя былъ теперь красивый, румяный, пятнадцатилѣтній мальчикъ съ толстыми красными губами, похожій на Наташу. Онъ готовился въ университетъ, но въ послѣднее время, съ товарищемъ своимъ Оболенскимъ, тайно рѣшилъ, что пойдетъ въ гусары. Петя выскочилъ къ своему тезкѣ, чтобы переговорить о дѣлѣ. Онъ просилъ его узнать, примутъ ли его въ гусары. Пьеръ шелъ по гостиной, не слушая Петю. Петя дернулъ его за руку, чтобъ обратить на себя его вниманіе.

— Ну что мое дѣло, Петръ Кириллычъ, ради Бога! Одна надежда на васъ,—говорилъ Петя.

— Ахъ да, твое дѣло. Въ гусары-то? Скажу, скажу, нынче скажу все.

— Ну что̀, милый, ну что̀, достали манифестъ?—спросилъ старый графъ.—А графинюшка была у обѣдни у Разумовскихъ, молитву новую слышала. Очень хорошая, говоритъ.

— Досталъ,—отвѣчалъ Пьеръ.—Завтра государь будетъ... Необычайное дворянское собраніе и, говорятъ, по десяти съ тысячи наборъ. Да, поздравляю васъ.

— Да, да, слава Богу. Ну, а изъ арміи что̀?

— Наши опять отступили. Подъ Смоленскомъ уже, говорятъ,—отвѣчалъ Пьеръ.

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ графъ.—Гдѣ же манифестъ?

— Воззваніе! Ахъ,—да!—Пьеръ сталъ въ карманахъ искать бумагъ и не могъ найти ихъ. Продолжая охлопывать карманы, онъ поцѣловалъ руку у вошедшей графини и безпокойно оглядывался, очевидно ожидая Наташу, которая не пѣла больше, но и не приходила въ гостиную.

— Ей Богу, не знаю, куда я его дѣлъ,—сказалъ онъ.

— Ну, ужъ вѣчно растеряетъ все, — сказала графиня. Наташа вошла съ размягченнымъ, взволнованнымъ лицомъ и сѣла, молча глядя на Пьера. Какъ только она вошла въ комнату, лицо Пьера, до этого пасмурное, просіяло, и онъ, продолжая отыскивать бумаги, нѣсколько разъ взглядывалъ на нее.

— Ей-Богу, я съѣзжу, я дома забылъ. Непремѣнно...

— Ну, къ обѣду опоздаете.

— Ахъ, и кучеръ уѣхалъ.—Но Соня, пошедшая въ переднюю искать бумаги, нашла ихъ въ шляпѣ Пьера, куда онъ ихъ старательно заложилъ за подкладку. Пьеръ было хотѣлъ читать.

— Нѣтъ, послѣ обѣда, — сказалъ старый графъ, видимо въ этомъ чтеніи предвидѣвшій большое удовольствіе.

За обѣдомъ, за которымъ пили шампанское за здоровье новаго Георгіевскаго кавалера, Шиншинъ разсказывалъ городскія новости о болѣзни старой грузинской княгини, о томъ, что Метивье исчезъ изъ Москвы, и о томъ, что къ Растопчину привели какого-то нѣмца и объявили ему, что это шампиньонъ (такъ разсказывалъ самъ графъ Растопчинъ), и какъ графъ Растопчинъ велѣлъ шампиньона отпустить, сказавъ народу, что это не шампиньонъ, а просто старый грибъ нѣмецъ.

— Хватаютъ, хватаютъ,—сказалъ графъ,—я графинѣ и то говорю, чтобы поменьше говорила по-французски. Теперь не время.

— А слышали?—сказалъ Шиншинъ. — Князь Голицынъ русскаго учителя взялъ,—по-русски учится. — Становится опаснымъ говорить по-французски на улицахъ.

— Ну что жъ, графъ Петръ Кириллычъ, какъ ополченье-то собирать будутъ, и вамъ придется на коня? — сказалъ старый графъ, обращаясь къ Пьеру.

Пьеръ былъ молчаливъ и задумчивъ во все время этого обѣда. Онъ, какъ бы не понимая, посмотрѣлъ на графа при этомъ обращеніи.

— Да, да, на войну,—сказалъ онъ.—Нѣтъ! Какой я воинъ!—А впрочемъ все такъ странно; такъ странно! Да я самъ не понимаю. Я не знаю, я такъ далекъ отъ военныхъ вкусовъ, но въ теперешнія времена никто за себя отвѣчать не можетъ.

Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню, славившуюся мастерствомъ чтенія, читать.

„Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

„Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое наше отечество“, старательно читала Соня своимъ тоненькимъ голоскомъ. Графъ, закрывъ глаза, слушалъ, порывисто вздыхая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Наташа сидѣла, вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера. Пьеръ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и старался не оглядываться. Графиня неодобрительно и сердито покачивала головой противъ каждаго торжественнаго выраженія манифеста. Она во всѣхъ этихъ словахъ видѣла только то, что опасности, угрожающія ея сыну, еще не скоро прекратятся. Шиншинъ, сложивъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, очевидно приготовился насмѣхаться надъ тѣмъ, что первое представится для насмѣшки: надъ чтеніемъ Сони, надъ тѣмъ, что скажетъ графъ, даже надъ самымъ воззваніемъ, ежели не представится лучше предлога.

Прочтя объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, о надеждахъ, возлагаемыхъ государемъ на Москву, и въ особенности на знаменитое дворянство, Соня съ дрожаніемъ голоса, происходившимъ преимущественно отъ вниманія, съ которымъ ее слушали, прочла послѣднія слова: „Мы не умедлимъ сами „стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ „государства нашего мѣстахъ для совѣщанія, и руководство-„ванія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждаю-„щими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе „онаго, вездѣ гдѣ только появится. Да обратится погибель, „въ которую онъ мнитъ низринуть насъ, на главу его, и „освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя „Россіи!“

— Вотъ это такъ!—вскрикнулъ графъ, открывая мокрые глаза и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнія, какъ-будто къ носу ему подносили стклянку съ крѣпкою уксусною солью.—Только скажи государь, мы всѣмъ пожертвуемъ и ничего не пожалѣемъ.

Шиншинъ еще не успѣлъ сказать приготовленную имъ шутку на патріотизмъ графа, какъ Наташа вскочила съ своего мѣста и подбѣжала къ отцу.

— Что за прелесть этотъ папа!—проговорила она, цѣлуя его, и она опять взглянула на Пьера съ тѣмъ безсознательнымъ кокетствомъ, которое вернулось къ ней вмѣстѣ съ ея оживленіемъ.

— Вотъ такъ патріотка!—сказалъ Шиншинъ.

— Совсѣмъ не патріотка, а просто...—обиженно отвѣчала Наташа.—Вамъ все смѣшно, а это совсѣмъ не шутка...

— Какія шутки!—повторилъ графъ.—Только скажи онъ слово, мы всѣ пойдемъ... Мы не нѣмцы какіе-нибудь.

— А замѣтили вы,—сказалъ Пьеръ,—что сказано: „для совѣщанія“.

— Ну ужъ тамъ для чего бы ни было...

Въ это время Петя, на котораго никто не обращалъ вниманія, подошелъ къ отцу и, весь красный, ломающимся, то грубымъ, то тонкимъ голосомъ, сказалъ:

— Ну, теперь, папенька, я рѣшительно скажу — и маменька тоже, какъ хотите — я рѣшительно скажу, что вы пустите меня въ военную службу, потому что я не могу... вотъ и все...

Графиня съ ужасомъ подняла глаза къ небу, всплеснула руками и сердито обратилась къ мужу:

— Вотъ и договорился!—сказала она.

Но графъ въ ту же минуту оправился отъ волненія.

— Ну, ну,—сказалъ онъ.—Вотъ воинъ еще! Глупости-то оставь: учиться надо.

— Это не глупость, папенька. Оболенскій Ѳедя моложе меня и тоже идетъ, а главное,—все равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... Петя остановился, покраснѣлъ до поту и проговорилъ таки: — когда отечество въ опасности.

— Полно, полно, глупости...

— Да вѣдь вы сами сказали, что всѣмъ пожертвуемъ.

— Петя! Я тебѣ говорю, замолчи,—крикнулъ графъ оглядываясь на жену, которая поблѣднѣвъ смотрѣла остановившимися глазами на меньшого сына.

— Я вамъ говорю. Вотъ и Петръ Кирилловичъ вамъ скажетъ...

— Я тебѣ говорю—вздоръ, еще молоко не обсохло, а въ военную службу хочетъ! Ну, ну, я тебѣ говорю,—и графъ

взявъ съ собой бумаги, вѣроятно чтобъ еще разъ прочесть въ кабинетѣ предъ отдыхомъ, пошелъ изъ комнаты.

— Петръ Кирилловичъ, что жъ, пойдемъ покурить...

Пьеръ находился въ смущеніи и нерѣшительности. Непривычно блестящіе и оживленные глаза Наташи безпрестанно, больше чѣмъ ласково обращавшіеся на него, привели его въ это состояніе.

— Нѣтъ, я, кажется, домой поѣду...

— Какъ домой, да вы вечеръ у насъ хотѣли... И то рѣдко стали бывать. А эта моя... — сказалъ добродушно графъ, указывая на Наташу,—только при васъ и весела...

— Да, я забылъ... Мнѣ непремѣнно надо домой... Дѣла...— поспѣшно сказалъ Пьеръ.

— Ну такъ до свиданія,—сказалъ графъ, совсѣмъ уходя изъ комнаты.

— Отчего вы уѣзжаете? Отчего вы разстроены? Отчего?— спросила Пьера Наташа, вызывающе глядя ему въ глаза.

„Оттого, что я тебя люблю!" хотѣлъ онъ сказать, но онъ не сказалъ этого, до слезъ покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Оттого, что мнѣ лучше рѣже бывать у васъ... Оттого... нѣтъ, просто у меня дѣла...

— Отчего? нѣтъ, скажите,—рѣшительно начала было Наташа, и вдругъ замолчала. Они оба испуганно и смущенно смотрѣли другъ на друга. Онъ попытался усмѣхнуться, но не могъ: улыбка его выразила страданіе, и онъ молча поцѣловалъ ея руку и вышелъ.

Пьеръ рѣшилъ самъ съ собою не бывать больше у Ростовыхъ.

XXI.

Петя, послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа, ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ молчаливымъ и мрачнымъ съ заплаканными глазами.

На другой день пріѣхалъ государь. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ Ростовыхъ отпросились пойти поглядѣть царя. Въ это утро Петя долго одѣвался, причесывался и устраивалъ воротнички такъ, какъ у большихъ. Онъ хмурился предъ зеркаломъ, дѣлалъ жесты, пожималъ плечами и, наконецъ, никому не сказавши, надѣлъ фуражку и вышелъ изъ дома съ задняго крыльца, стараясь быть незамѣченнымъ. Петя рѣшился итти прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ государь и прямо объяснить какому-нибудь камергеру (Петѣ казалось, что государя всегда окружаютъ камергеры), что онъ, графъ Ростовъ, несмотря на свою молодость, желаетъ служить отечеству, что молодость не можетъ быть препятствіемъ для преданности, и что онъ готовъ... Петя, въ то время какъ онъ собирался, приготовилъ много прекрасныхъ словъ, которыя онъ скажетъ камергеру.

Петя разсчитывалъ на успѣхъ своего представленія государю именно потому, что онъ ребенокъ (Петя думалъ даже, какъ всѣ удивятся его молодости), а вмѣстѣ съ тѣмъ въ устройствѣ своихъ воротничковъ, въ прическѣ и въ степенной медлительной походкѣ, онъ хотѣлъ представить изъ себя стараго человѣка. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, чѣмъ больше онъ развлекался все прибывающимъ и прибывающимъ у Кремля народомъ, тѣмъ больше онъ забывалъ соблюденіе степенности

и медлительности, свойственныхъ взрослымъ людямъ. Подходя къ Кремлю, онъ уже сталъ заботиться о томъ, чтобъ его не затолкали, и рѣшительно, съ угрожающимъ видомъ, выставилъ по бокамъ локти. Но въ Троицкихъ воротахъ, несмотря на всю его рѣшительность, люди, которые, вѣроятно, не знали, съ какою патріотическою цѣлью онъ шелъ въ Кремль, такъ прижали его къ стѣнѣ, что онъ долженъ былъ покориться и остановиться, пока въ ворота съ гудящимъ подъ сводами звукомъ проѣзжали экипажи. Около Пети стояла баба съ лакеемъ, два купца и отставной солдатъ. Постоявъ нѣсколько времени въ воротахъ, Петя, не дождавшись того, чтобы всѣ экипажи проѣхали, прежде другихъ хотѣлъ тронуться дальше и началъ рѣшительно работать локтями, но баба, стоявшая противъ него, на которую онъ первую направилъ свои локти, сердито крикнула на него:

— Что, барчукъ, толкаешься, видишь всѣ стоятъ. Что жъ лѣзть-то!

— Такъ и всѣ полѣзутъ,—сказалъ лакей и, тоже начавъ работать локтями, затискалъ Петю въ вонючій уголъ воро́тъ.

Петя отеръ руками потъ, покрывавшій его лицо, и поправилъ размочившіеся отъ пота воротнички, которые онъ такъ хорошо, какъ у большихъ, устроилъ дома.

Петя чувствовалъ, что онъ имѣетъ непрезентабельный видъ, и боялся, что ежели такимъ онъ представится камергерамъ, то его не допустятъ до государя. Но оправиться и перейти въ другое мѣсто не было никакой возможности отъ тѣсноты. Одинъ изъ проѣзжающихъ генераловъ былъ знакомый Ростовыхъ. Петя хотѣлъ просить его помощи, но счелъ, что это было бы противно мужеству. Когда всѣ экипажи проѣхали, толпа хлынула и вынесла и Петю на площадь, которая

была вся занята народомъ. Не только по площади, но на откосахъ, на крышахъ, вездѣ былъ народъ. Только что Петя очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: „Ура! ура! ура!“ Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала и слезы текли у нея изъ глазъ.

— Отецъ, ангелъ, батюшка!—приговаривала она, отирая пальцами слезы.

— Ура!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ; но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснулъ зубы и звѣрски выкативъ глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича: „ура!“ какъ будто онъ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту, но съ боковъ его лѣзли точно такія же звѣрскія лица съ такими же криками: „ура!“

„Такъ вотъ что̀ такое государь!—думалъ Петя.—Нѣтъ, нельзя мнѣ самому ему подать прошеніе, это слишкомъ смѣло!“ Несмотря на то, онъ все такъ же отчаянно пробивался впередъ, и изъ-за спинъ переднихъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ (спереди полицейскіе отталкивали надвинувшихся слишкомъ близко къ шествію: государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ), и Петя

неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ, и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ потертой синей рясѣ — вѣроятно дьячекъ, одною рукой держалъ его подъ мышку, другою охрапялъ отъ напиравшей толпы.

— Барченка задавили!—говорилъ дьячекъ.—Что жъ такъ!.. легче... задавили, задавили!

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разравнялась, и дьячекъ вывелъ Петю блѣднаго и не дышащаго къ царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю, и вдругъ вся толпа обратилась къ нему, и уже вокругъ него произошла давка. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали ему, разстегивали его сюртучекъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли кого-то тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Этакъ до смерти раздавить можно. Что жъ это? Душегубство дѣлать! вишь сердечный, какъ скатерть, бѣлый сталъ,—говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо, боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидать долженствующаго пройти назадъ государя. Петя уже не думалъ теперь о подачѣ прошенія. Уже только ему увидать бы его, и то онъ считалъ бы себя счастливымъ!

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ — соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками, толпа пораспространилась; появились покрикивающіе продавцы квасу, пряниковъ, мака, до котораго былъ особенно охотникъ Петя, и

послышались обыкновенные разговоры. Одна купчиха показывала свою разорванную шаль и сообщала, какъ дорого она была куплена; другая говорила, что нынче всѣ шелковыя матеріи дороги стали. Дьячекъ, спаситель Пети, разговаривалъ съ чиновникомъ о томъ, кто и кто служитъ нынче съ преосвященнымъ. Дьячекъ нѣсколько разъ повторялъ слово *соборне*, котораго не понималъ Петя. Два молодыхъ мѣщанина шутили съ дворовыми дѣвушками, грызущими орѣхи. Всѣ эти разговоры, въ особенности шуточки съ дѣвушками, для Пети, въ его возрастѣ, имѣвшія особенную привлекательность, всѣ эти разговоры теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи — пушкѣ, все такъ же волнуясь при мысли о государѣ и о своей любви къ нему. Совпаденіе чувства боли и страха, когда его сдавили съ чувствомъ восторга еще болѣе усилило въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной — смотрѣть, какъ стрѣляютъ. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячекъ, взявшій подъ свое покровительство барченка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ, вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. „Ура! ура!“ опять закричала толпа.

— Который, который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему; всѣ были

слишкомъ увлечены, и Петя выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, котораго онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на немъ весь свой восторгъ, хотя это былъ не государь, закричалъ „ура!“ неистовымъ голосомъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Толпа побѣжала за государемъ, проводила его до дворца и стала расходиться. Было уже поздно, а Петя ничего не ѣлъ, и потъ лилъ съ него градомъ; но онъ не уходилъ домой, и вмѣстѣ съ уменьшившеюся, но еще довольно большою толпой стоялъ предъ дворцомъ во время обѣда государя, глядя въ окна дворца, ожидая еще чего-то и завидуя одинаково и сановникамъ, подъѣзжавшимъ къ крыльцу, къ обѣду государя, и камеръ-лакеямъ, служившимъ за столомъ и мелькавшимъ въ окнахъ.

За обѣдомъ государя Валуевъ сказалъ, оглянувшись въ окно:

— Народъ все еще надѣется увидать ваше величество.

Обѣдъ уже кончился, государь всталъ, доѣдая бисквитъ, и вышелъ на балконъ. Народъ, съ Петей въ серединѣ, бросился къ балкону.

— Ангелъ, батюшка! Ура! Отецъ!.. — кричалъ народъ и съ нимъ Петя; и опять бабы и нѣкоторые мужчины послабѣе, въ томъ числѣ и Петя, заплакали отъ счастія. Довольно большой обломокъ бисквита, который держалъ въ рукѣ государь, отломившись упалъ на перилы балкона, съ перилъ на землю. Ближе всѣхъ стоявшій кучеръ въ поддевкѣ бросился къ этому кусочку бисквита, и схватилъ его. Нѣкоторые изъ толпы бросились къ кучеру. Замѣтивъ это, государь велѣлъ подать себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать

бисквиты съ балкона. Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленнымъ еще болѣе возбуждала его, онъ бросился на бисквиты. Онъ не зналъ зачѣмъ, но нужно было взять одинъ бисквитъ изъ рукъ царя и нужно было не поддаться. Онъ бросился и сбилъ съ ногъ старушку, ловившую бисквитъ. Но старушка не считала себя побѣжденною, хотя и лежала на землѣ (старушка ловила бисквиты и не попадала руками). Петя колѣнкой отбилъ ея руку, схватилъ бисквитъ, и какъ будто боясь опоздать, опять закричалъ: „ура!“ ужс охриплымъ голосомъ.

Государь ушелъ, и послѣ этого большая часть народа стала расходиться.

— Вотъ я говорилъ, что еще подождать,—такъ и вышло,—съ разныхъ сторонъ радостно говорили въ народѣ.

Какъ ни счастливъ былъ Петя, но ему все-таки грустно было итти домой и знать, что все наслажденіе этого дня кончилось. Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу Оболенскому, которому было пятнадцать лѣтъ и который тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день, хотя и не совсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреевичъ поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснѣе.

XXII.

15-го числа, утромъ, на третій день послѣ этого, у Слободскаго дворца стояло безчисленное количество экипажей. Залы были полны. Въ первой — были дворяне въ мундирахъ, во второй—купцы съ медалями, въ бородахъ и синихъ

кафтанахъ. По залѣ дворянскаго собранія шелъ гулъ и движеніе. У одного большого стола, подъ портретомъ государя, сидѣли, на стульяхъ съ высокими спинками, важнѣйшіе вельможи, но большинство дворянъ ходило по залѣ.

Всѣ дворяне, тѣ самые, которыхъ каждый день видалъ Пьеръ то въ клубѣ, то въ ихъ домахъ,—всѣ были въ мундирахъ, кто въ Екатерининскихъ, кто въ Павловскихъ, кто въ новыхъ Александровскихъ, кто въ общемъ дворянскомъ, и этотъ общій характеръ мундира придавалъ что-то странное и фантастическое этимъ старымъ и молодымъ, самымъ разнообразнымъ и знакомымъ лицамъ. Особенно поразительны были старики, подслѣповатые, беззубые, плѣшивые, оплывшіе желтымъ жиромъ или сморщенные, худые. Они большею частью сидѣли на мѣстахъ и молчали, и ежели ходили и говорили, то пристраивались къ кому-нибудь помоложе. Такъ же какъ на лицахъ толпы, которую на площади видѣлъ Петя, на всѣхъ этихъ лицахъ была поразительна черта противоположности между общимъ ожиданіемъ чего-то торжественнаго, и между обыкновеннымъ, вчерашнимъ — бостонною партіей, Петрушки-повара, здоровья Зинаиды Дмитріевны и т. п.

Пьеръ, съ ранняго утра уже стянутый въ неловкомъ, сдѣлавшимся ему узкимъ, дворянскомъ мундирѣ, былъ въ залахъ. Онъ былъ въ волненіи; необыкновенное собраніе не только дворянства, но и купечества—сословій, états généraux—вызвало въ немъ цѣлый рядъ давно оставленныхъ, но глубоко врѣзавшихся въ его душѣ мыслей о Contrat social и французской революціи. Замѣченныя имъ въ воззваніи слова, что государь прибудетъ въ столицу *для совѣщанія* съ своимъ народомъ, утверждали его въ этомъ взглядѣ. И онъ, пола-

гая, что въ этомъ смыслѣ приближается что-то важное, то, чего онъ ждалъ давно, ходилъ, присматривался, прислушивался къ говору, но нигдѣ не находилъ выраженія тѣхъ мыслей, которыя занимали его.

Былъ прочтенъ манифестъ государя, вызвавшій восторгъ, и потомъ всѣ разбрелись, разговаривая. Кромѣ обычныхъ интересовъ, Пьеръ слышалъ толки о томъ, гдѣ стоять предводителямъ въ то время, какъ пойдетъ государь, когда дать балъ государю, раздѣлиться ли по уѣздамъ или всею губерніей... и т. д.; но какъ скоро дѣло касалось войны и того, для чего было собрано дворянство, толки были нерѣшительны и неопредѣленны. Всѣ больше желали слушать, чѣмъ говорить.

Одинъ мужчина среднихъ лѣтъ, мужественный, красивый, въ отставномъ морскомъ мундирѣ, говорилъ въ одной изъ залъ, и около него столпились. Пьеръ подошелъ къ образовавшемуся кружку около говоруна и сталъ прислушиваться. Графъ Илья Андреевичъ въ своемъ Екатерининскомъ, воеводскомъ кафтанѣ, ходившій съ пріятною улыбкой между толпой, со всѣми знакомый, подошелъ тоже къ этой группѣ и сталъ слушать съ своею доброю улыбкой, какъ онъ всегда слушалъ, въ знакъ согласія съ говорившимъ, одобрительно кивая головой. Отставной морякъ говорилъ очень смѣло (это видно было по выраженію лицъ его слушавшихъ) и по тому, что извѣстные Пьеру за самыхъ покорныхъ и тихихъ людей неодобрительно отходили отъ него или противорѣчили. Пьеръ протолкался въ середину кружка, прислушался и убѣдился, что говорившій дѣйствительно былъ либералъ, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ думалъ Пьеръ. Морякъ говорилъ тѣмъ особенно звучнымъ, пѣвучимъ, дворянскимъ барито-

номъ, съ пріятнымъ грассированіемъ и сокращеніемъ согласныхъ, тѣмъ голосомъ, которымъ покрикиваютъ: „чеаекъ, трубку!“ и тому подобное. Онъ говорилъ съ привычкой разгула и власти въ голосѣ.

— Что жъ, что Смоляне предлбжили ополченцевъ госу'а'ю? Развѣ намъ Смоляне указъ? Ежели буародное дворянство Московской губерніи найдетъ нужнымъ, оно можетъ выказать свою преданность государю императору другими средствами. Развѣ мы забыли ополченіе въ седьмомъ году! Только что нажились кутейники да воры грабители...

Графъ Илья Андреевичъ, сладко улыбаясь, одобрительно кивалъ головой.

— И что̀ же, развѣ наши ополченцы составили пользу для государства? Никакой! только разорили наши хозяйства. Лучше еще наборъ... а то вернется къ вамъ ни солдатъ, ни мужикъ, и только одинъ развратъ. Дворяне не жалѣютъ своего живота, мы сами поголовно пойдемъ, возьмемъ еще рекрутъ и всѣмъ намъ только кличъ кликни госу'ай (онъ такъ выговаривалъ государь), мы всѣ умремъ за него, — прибавилъ ораторъ одушевляясь.

Илья Андреевичъ проглатывалъ слюни отъ удовольствія и толкалъ Пьера, но Пьеру захотѣлось также говорить. Онъ выдвинулся впередъ, чувствуя себя одушевленнымъ, самъ не зная еще чѣмъ и самъ не зная еще, что̀ онъ скажетъ. Онъ только что открылъ ротъ, чтобы говорить, какъ одинъ сенаторъ, совершенно безъ зубовъ, съ умнымъ и сердитымъ лицомъ, стоявшій близко отъ оратора, перебилъ Пьера. Съ видимою привычкой вести пренія и держать вопросы, онъ заговорилъ тихо, но слышно:

— Я полагаю, милостивый государь,—шамкая беззубымъ

ртомъ,— сказалъ сенаторъ,—что мы призваны сюда не для того, чтобъ обсуждать, что̀ удобнѣе для государства въ настоящую минуту—наборъ или ополченіе. Мы призваны для того, чтобъ отвѣчать на то воззваніе, которымъ на́съ удостоилъ государь императоръ. А судить о томъ, что̀ удобнѣе—наборъ или ополченіе, мы предоставимъ судить высшей власти...

Пьеръ вдругъ нашелъ исходъ своему одушевленію. Онъ ожесточился противъ сенатора, вносящаго эту правильность и узкость воззрѣній въ предстоящія занятія дворянства. Пьеръ выступилъ впередъ и остановилъ его. Онъ самъ не зналъ, что̀ онъ будетъ говорить, но началъ оживленно, изрѣдка прорываясь французскими словами и книжно выражаясь порусски.

— Извините меня, ваше превосходительство,—началъ онъ (Пьеръ былъ хорошо знакомъ съ этимъ сенаторомъ, но считалъ здѣсь необходимымъ обращаться къ нему офиціально) хотя я не согласенъ съ господиномъ... (Пьеръ запнулся. Ему хотѣлось сказать mon très honorable préopinant) съ господиномъ... котораго я не имѣю чести знать; но я полагаю, что сословіе дворянства, кромѣ выраженія своего сочувствія и восторга, призвано также для того, чтобъ и обсудить тѣ мѣры, которыми мы можемъ помочь отечеству. Я полагаю,—говорилъ онъ воодушевляясь,—что государь былъ бы самъ недоволенъ, ежели бы онъ нашелъ въ насъ только владѣльцевъ мужиковъ, которыхъ мы отдаемъ ему и бр... Мясо для пушекъ, перевелъ онъ съ французскаго,—которое мы изъ себя дѣлаемъ, но не нашелъ бы въ насъ со... со... совѣта.

Многіе поотошли отъ кружка, замѣтивъ презрительную улыбку сенатора и то, что Пьеръ говоритъ вольно; только

Илья Андреевичъ былъ доволенъ рѣчью Пьера, какъ онъ былъ доволенъ рѣчью моряка, сенатора и вообще всегда тою рѣчью, которую онъ послѣднюю слышалъ.

— Я полагаю, что прежде чѣмъ обсуждать эти вопросы,— продолжалъ Пьеръ,—мы должны спросить у государя, почтительнѣйше просить его величество комюникировать намъ, сколько у насъ войска, въ какомъ положеніи находятся наши войска и арміи, и тогда...

Но Пьеръ не успѣлъ договорить этихъ словъ, какъ съ трехъ сторонъ вдругъ напали на него. Сильнѣе всѣхъ напалъ на него давно знакомый ему, всегда хорошо расположенный къ нему игрокъ въ бостонъ, Степанъ Степановичъ Адраксинъ. Степанъ Степановичъ былъ въ мундирѣ, и отъ мундира ли или отъ другихъ причинъ, Пьеръ увидалъ передъ собой совсѣмъ другого человѣка. Степанъ Степановичъ, съ вдругъ проявившеюся старческою злобой на лицѣ, закричалъ на Пьера:

— Во-первыхъ, доложу вамъ, что мы не имѣемъ права спрашивать объ этомъ государя, а во-вторыхъ, ежели бы было такое право у россійскаго дворянства, то государь не можетъ намъ отвѣтить. Войска движутся сообразно съ движеніями непріятеля—войска убываютъ и прибываютъ...

Другой голосъ человѣка средняго роста, лѣтъ сорока, котораго Пьеръ въ прежнія времена видалъ у цыганъ и зналъ за нехорошаго игрока въ карты, и который, тоже измѣненный въ мундирѣ, придвинулся къ Пьеру, перебилъ Адраксина.

— Да и не время разсуждать, — говорилъ голосъ этого дворянина,—а нужно дѣйствовать: война въ Россіи. Врагъ нашъ идетъ, чтобы погубить Россію, чтобы поругать могилы

нашихъ отцовъ, чтобъ увести женъ, дѣтей.—Дворянинъ ударилъ себя въ грудь.—Мы всѣ встанемъ, всѣ поголовно пойдемъ, всѣ за царя батюшку!—кричалъ онъ, выкатывая кровью налившіеся глаза. Нѣсколько одобряющихъ голосовъ послышалось изъ толпы.—Мы—русскіе и не пожалѣемъ крови своей для защиты вѣры, престола и отечества. А бредни надо оставить, ежели мы сыны отечества. Мы покажемъ Европѣ, какъ Россія возстаетъ за Россію,—кричалъ дворянинъ.

Пьеръ хотѣлъ возражать, но не могъ сказать ни слова. Онъ чувствовалъ, что звукъ его словъ, независимо отъ того, какую они заключали мысль, былъ менѣе слышенъ, чѣмъ звукъ словъ оживленнаго дворянина.

Илья Андреевичъ одобривалъ сзади кружка; нѣкоторые бойко поворачивались плечомъ къ оратору при концѣ фразы и говорили:

— Вотъ такъ, такъ! Это такъ!

Пьеръ хотѣлъ сказать, что онъ не прочь ни отъ пожертвованій, ни деньгами, ни мужиками, ни собой, но что надо бы знать состояніе дѣлъ, чтобы помогать ему; но онъ не могъ говорить. Много голосовъ кричало и говорило вмѣстѣ, такъ что Илья Андреевичъ не успѣвалъ кивать всѣмъ; и группа увеличивалась, распадалась, опять сходилась и двинулась вся, гудя говоромъ, въ большую залу, къ большому столу. Пьеру не только не удавалось говорить, но его грубо перебивали, отталкивали, отворачивались отъ него, какъ отъ общаго врага. Это не оттого происходило, что недовольны были смысломъ его рѣчи, ее и забыли послѣ большого количества рѣчей, послѣдовавшихъ за ней,—но для одушевленія толпы нужно было имѣть ощутительный предметъ любви и ощутительный предметъ ненависти. Пьеръ сдѣлался этимъ послѣднимъ.

Много ораторовъ говорило послѣ оживленнаго дворянина, и всѣ говорили въ томъ же тонѣ. Многіе говорили прекрасно и оригинально.

Издатель *Русскаго Вѣстника,* Глинка, котораго узнали („писатель, писатель!“ послышалось въ толпѣ), сказалъ, что адъ должно отражать адомъ, что онъ видѣлъ ребенка, улыбающагося при блескѣ молніи и при раскатахъ грома, но что мы не будемъ этимъ ребенкомъ.

— Да, да, при раскатахъ грома!—повторили одобрительно въ заднихъ рядахъ.

Толпа подошла къ большому столу, у котораго въ мундирахъ, въ лентахъ, сѣдые, плѣшивые, сидѣли семидесятилѣтніе вельможи-старики, которыхъ всѣхъ почти, по домамъ съ шутами или въ клубахъ за бостономъ, видалъ Пьеръ. Толпа подошла къ столу, не переставая гудѣть. Одинъ за другимъ, и иногда два вмѣстѣ, прижатые сзади къ высокимъ спинкамъ стульевъ налегающею толпой, говорили ораторы. Стоявшіе сзади замѣчали, чего не досказалъ говорившій ораторъ и торопились сказать это пропущенное. Другіе, въ этомъ жарѣ и тѣснотѣ, шарили въ своей головѣ, не найдется ли какая мысль, и торопились говорить ее. Знакомые Пьеру старички-вельможи сидѣли и оглядывались то на того, то на другого, и выраженіе большей части изъ нихъ говорило только, что имъ очень жарко. Пьеръ однако чувствовалъ себя взволнованнымъ, и общее чувство желанія показать, что намъ все ни почемъ, выражавшееся больше въ звукахъ и въ выраженіяхъ лицъ, чѣмъ въ смыслѣ рѣчей, сообщалось и ему. Онъ не отрекся отъ своихъ мыслей, но чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ и желалъ оправдаться.

— Я сказалъ только, что намъ удобнѣе было бы дѣлать

пожертвованія, когда мы будемъ знать въ чомъ нужда,—стараясь перекричать другіе голоса; проговорилъ онъ.

Одинъ ближайшій старичекъ оглянулся на него, но тотчасъ былъ отвлеченъ крикомъ, начавшимся на другой сторонѣ стола.

— Да, Москва будетъ сдана! Она будетъ искупительницей!—кричалъ одинъ.

— Онъ врагъ человѣчества!—кричалъ другой.—Позвольте мнѣ говорить... Господа, вы меня давите!..

XXIII.

Въ это время быстрыми шагами предъ разступившеюся толпой дворянъ, въ генеральскомъ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо, съ своимъ высунутымъ подбородкомъ и быстрыми глазами, вошелъ графъ Растопчинъ.

— Государь императоръ сейчасъ будетъ,—ска алъ Растопчинъ,—я только что оттуда. Я полагаю, что въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, судить много нечего. Государь удостоилъ собрать насъ и купечество,—сказалъ графъ Растопчинъ.—Оттуда польются милліоны (онъ указалъ на залу купцовъ), а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя... Это меньшее, что̀ мы можемъ сдѣлать!

Начались совѣщанія между одними вельможами, сидѣвшими за столомъ. Все совѣщаніе прошло больше, чѣмъ тихо. Оно даже казалось грустно, когда, послѣ всего прежняго шума, по одиночкѣ были слышны старые голоса, говорившіе одинъ: „согласенъ“, другой для разнообразія: „и я того же мнѣнія“, и т. д.

Было велѣно секретарю писать постановленіе московскаго

дворянства о томъ, что москвичи подобно смолянамъ, жертвуютъ по 10 человѣкъ съ 1000 и полное обмундированіе. Господа засѣдавшіе встали, какъ бы облегченные, загремѣли стульями, и пошли по залѣ разминать ноги, забирая коекого подъ руку и разговаривая.

— Государь! Государь!—вдругъ разнеслось по заламъ, и вся толпа бросилась къ выходу.

По широкому ходу, между стѣной дворянъ, государь прошелъ въ залу. На всѣхъ лицахъ выражалось почтительное и испуганное любопытство. Пьеръ стоялъ довольно далеко и не могъ вполнѣ разслышать рѣчи государя. Онъ понялъ только по тому, что̀ онъ слышалъ, что государь говорилъ объ опасности, въ которой находилось государство и о надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на московское дворянство. Государю отвѣчалъ другой голосъ, сообщавшій о только что состоявшемся постановленіи дворянства.

— Господа!—сказалъ дрогну̀вшій голосъ государя; толпа зашелестила и опять затихла, и Пьеръ ясно услыхалъ столь пріятно-человѣческій и тронутый голосъ государя, который говорилъ:—„Никогда я не сомнѣвался въ усердіи русскаго „дворянства. Но въ этотъ день оно превзошло мои ожида„нія. Благодарю васъ отъ лица отечества. Господа, будемъ „дѣйствовать,—время всего дороже...“

Государь замолчалъ, толпа стала тѣсниться вокругъ него, и со всѣхъ сторонъ слышались восторженныя восклицанія.

— Да, всего дороже... царское слово,—рыдая говорилъ сзади голосъ Ильи Андреевича, ничего не слышавшаго, но все понимавшаго по-своему.

Изъ залы дворянства государь прошелъ въ залу купечества. Онъ пробылъ тамъ около десяти минутъ. Пьеръ въ

числѣ другихъ увидалъ государя, выходящаго изъ залы купечества со слезами умиленія на глазахъ. Какъ потомъ узнали, государь только что началъ рѣчь купцамъ, какъ слезы брызнули изъ его глазъ, и онъ дрожащимъ голосомъ договорилъ ее. Когда Пьеръ увидалъ государя, онъ выходилъ, сопутствуемый двумя купцами. Одинъ былъ знакомъ Пьеру: толстый откупщикъ, другой—голова, съ худымъ, узкобородымъ желтымъ лицомъ. Оба они плакали. У худого стояли слезы, но толстый откупщикъ рыдалъ какъ ребенокъ и все твердилъ:

— И жизнь и имущество возьми, ваше величество!

Пьеръ не чувствовалъ въ эту минуту уже ничего, кромѣ желанія показать, что все ему ни почемъ, и что онъ всѣмъ готовъ жертвовать. Какъ упрекъ ему представлялась его рѣчь съ конституціоннымъ направленіемъ: онъ искалъ случая загладить это. Узнавъ, что графъ Мамоновъ жертвуетъ полкъ, Безухій тутъ же объявилъ графу Растопчину, что онъ отдаетъ 1000 человѣкъ и ихъ содержаніе.

Старикъ Ростовъ безъ слезъ не могъ разсказать женѣ того, что̀ было, и тутъ же согласился на просьбу Пети и самъ поѣхалъ записывать его.

На другой день государь уѣхалъ. Всѣ собранные дворяне сняли мундиры, опять размѣстились по домамъ и клубамъ, и покряхтывая отдавали приказанія управляющимъ объ ополченіи и удивлялись тому, что̀ они сдѣлали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Наполеонъ началъ войну съ Россіей потому, что онъ не могъ не пріѣхать въ Дрезденъ, не могъ не отуманиться почестями, не могъ не надѣть польскаго мундира, не поддаться предпріимчивому впечатлѣнію іюньскаго утра, не могъ воздержаться отъ вспышки гнѣва въ присутствіи Куракина и потомъ Балашева.

Александръ отказывался отъ всѣхъ переговоровъ потому, что онъ лично чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Барклай-де-Толли старался наилучшимъ образомъ управлять арміей, для того, чтобы исполнить свой долгъ и заслужить славу великаго полководца. Ростовъ поскакалъ въ атаку на французовъ потому, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакаться по ровному полю. И такъ точно, вслѣдствіе своихъ личныхъ свойствъ, привычекъ, условій и цѣлей, дѣйствовали всѣ тѣ неперечислимыя лица, участники этой войны. Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, разсуждали, полагая, что они знаютъ то, что̀ они дѣлаютъ, и что дѣлаютъ для себя, а всѣ были непроизвольными орудіями исторіи и производили скрытую отъ нихъ, но понятную для насъ работу. Такова неизмѣнная судьба всѣхъ практиче-

скихъ дѣятелей, и тѣмъ не свободнѣе, чѣмъ выше они стоятъ въ людской іерархіи.

Теперь дѣятели 1812 года давно сошли съ своихъ мѣстъ, ихъ личные интересы исчезли безслѣдно, и одни историческіе результаты того времени передъ нами.

Но допустимъ, что *должны* были люди Европы, подъ предводительствомъ Наполеона, зайти въ глубь Россіи и тамъ погибнуть, и вся противорѣчащая сама себѣ, безсмысленная, жестокая дѣятельность людей—участниковъ этой войны становится для насъ понятною.

Провидѣніе заставляло всѣхъ этихъ людей, стремясь къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, содѣйствовать исполненію одного огромнаго результата, о которомъ ни одинъ человѣкъ (ни Наполеонъ, ни Александръ, ни еще менѣе кто-либо изъ участниковъ войны) не имѣлъ ни малѣйшаго чаянія.

Теперь намъ ясно, что̀ было въ 1812 году причиной погибели французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной погибели французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему походу вглубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ русскомъ народѣ. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что̀ теперь кажется очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800-тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами, русской арміей; *не только никто не предвидѣлъ* этого, но всѣ усилія *со стороны русскихъ* были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что̀ одно могло спасти

Россію, и *со стороны французовъ*, несмотря на опытность и такъ называемый военный геній Наполеона, были устремлены всѣ усилія къ тому, чтобы растянуться въ концѣ лѣта до Москвы, т. е. сдѣлать то самое, что̀ должно было погубить ихъ.

Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812 г. авторы-французы очень любятъ говорить о томъ, какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобные доводы, доказывающіе, что тогда уже будто понята была опасность кампаніи; а авторы-русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ Скиѳской войны заманиванья Наполеона въ глубь Россіи и приписываютъ этотъ планъ кто Пфулю, кто какому-то французу, кто Толю, кто самому императору Александру, указывая на записки, на проекты и письма, въ которыхъ дѣйствительно находятся намеки на этотъ образъ дѣйствій. Но всѣ эти намеки на предвидѣніе того, что̀ случилось, какъ со стороны французовъ, такъ и со стороны русскихъ, выставляются теперь только потому, что событіе оправдало ихъ. Ежели бы событіе не совершилось, то намеки эти были бы забыты, какъ забыты теперь тысячи и милліоны противоположныхъ намековъ и предположеній, бывшихъ въ ходу тогда, но оказавшихся несправедливыми и потому забытыхъ. Объ исходѣ каждаго совершающагося событія всегда бываетъ столько предположеній, что, чѣмъ бы оно ни кончилось, всегда найдутся люди, которые скажутъ: „я тогда еще сказалъ, что это такъ будетъ“, забывая совсѣмъ, что въ числѣ безчисленныхъ предположеній были дѣлаемы и совершенно противоположныя.

Предположенія о сознаніи Наполеономъ опасности растяженія линіи и со стороны русскихъ—о завлеченіи непріятеля въ глубь Россіи принадлежатъ очевидно къ этому разряду, и историки только съ большой натяжкой могутъ приписывать такія соображенія Наполеону и такіе планы русскимъ военачальникамъ. Всѣ факты совершенно противорѣчатъ такимъ предположеніямъ. Не только во все время войны со стороны русскихъ не было желанія заманить французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію, и не только Наполеонъ не боялся растяженія своей линіи, но онъ радовался, какъ торжеству, каждому своему шагу впередъ, и очень лѣниво, не такъ, какъ въ прежнія свои кампаніи, искалъ сраженія.

При самомъ началѣ кампаніи, арміи наши разрѣзаны, и единственная цѣль, къ которой мы стремимся, состоитъ въ томъ, чтобы соединить ихъ, хотя и для того, чтобы отступать и завлекать непріятеля въ глубь страны, въ соединеніи армій не представляется выгодъ. Императоръ находится при арміи для воодушевленія ея въ отстаиваньи каждаго шага русской земли, а не для отступленія. Устраивается громадный Дрисскій лагерь по плану Пфуля, и не предполагается отступать далѣе. Государь дѣлаетъ упреки главнокомандующимъ за каждый шагъ отступленія. Не только сожженіе Москвы, но и допущеніе непріятеля до Смоленска не можетъ даже представиться воображенію императора, и когда арміи соединяются, то государь негодуетъ за то, что Смоленскъ взятъ и сожженъ, и не дано передъ стѣнами его генеральнаго сраженія.

Такъ думаетъ государь, но русскіе военачальники и всѣ русскіе люди еще болѣе негодуютъ при мысли о томъ, что наши отступаютъ въ глубь страны.

Наполеонъ, разрѣзавъ арміи, движется въ глубь страны и упускаетъ нѣсколько случаевъ сраженія. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ въ Смоленскѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы ему итти дальше, хотя, какъ мы теперь видимъ, это движеніе впередъ для него очевидно пагубно.

Факты говорятъ очевидно, что ни Наполеонъ не предвидѣлъ опасности въ движеніи на Москву, ни Александръ и русскіе военачальники не думали тогда о заманиваніи Наполеона, а думали о противномъ. Завлеченіе Наполеона въ глубь страны произошло не по чьему-нибудь плану (никто и не вѣрилъ въ возможность этого), а произошло отъ сложнѣйшей игры интригъ, цѣлей, желаній людей-участниковъ войны, не угадывавшихъ того, что должно быть, и того, что было единственнымъ спасеніемъ Россіи. Все происходитъ нечаянно. Арміи разрѣзаны при началѣ кампаніи. Мы стараемся соединить ихъ съ очевидной цѣлью дать сраженіе и удержать наступленіе непріятеля, но въ этомъ стремленіи къ соединенію, избѣгая сраженій съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, и невольно отходя, подъ острымъ угломъ, мы заводимъ французовъ до Смоленска. Но мало того сказать, что мы отходимъ подъ острымъ угломъ, потому что французы двигаются между обѣими арміями—уголъ этотъ дѣлается еще острѣе, и мы дальше уходимъ, потому что Барклай-де-Толли, непопулярный нѣмецъ, ненавистенъ Багратіону (имѣющему стать подъ его начальство), и Багратіонъ, командуя 2-й арміей, старается какъ можно дольше не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду. Багратіонъ долго не присоединяется (хотя въ этомъ главная цѣль всѣхъ начальствующихъ лицъ) потому, что ему кажется, что онъ на этомъ маршѣ ставитъ въ опасность свою армію, и что выгоднѣе всего для

него отступить лѣвѣе и южнѣе, безпокоя съ фланга и тыла непріятеля и комплектуя свою армію въ Украйнѣ. А кажется это и придумано имъ потому, что ему не хочется подчиниться ненавистному и младшему чиномъ нѣмцу-Барклаю.

Императоръ находится при арміи, чтобы воодушевлять ее, а присутствіе его и незнаніе на что рѣшиться и огромное количество совѣтниковъ и плановъ уничтожаютъ энергію дѣйствій 1-й арміи, и армія отступаетъ.

Въ Дрисскомъ лагерѣ предположено остановиться; но неожиданно Паулучи, мѣтящій въ главнокомандующіе, своей энергіей дѣйствуетъ на Александра, и весь планъ Пфуля бросается; и все дѣло поручается Барклаю. Но такъ какъ Барклай не внушаетъ довѣрія, власть его ограничиваютъ. Арміи раздроблены, нѣтъ единства, начальства. Барклай непопуляренъ; но изъ этой путаницы, раздробленія и непопулярности нѣмца-главнокомандующаго съ одной стороны вытекаетъ нерѣшительность и избѣжаніе сраженія (отъ котораго нельзя было бы удержаться, ежели бы арміи были вмѣстѣ и не Барклай былъ бы начальникомъ); съ другой стороны все бо̀льшее и бо̀льшее негодованіе противъ нѣмцевъ и возбужденіе патріотическаго духа.

Наконецъ государь уѣзжаетъ изъ арміи, и какъ единственный и удобнѣйшій предлогъ для его отъѣзда избирается мысль, что ему надо воодушевить народъ въ столицахъ для возбужденія народной войны. И эта поѣздка государя въ Москву утрояетъ силы русскаго войска.

Государь уѣзжаетъ изъ арміи для того, чтобы не стѣснять единство власти главнокомандующаго, и надѣется, что будутъ приняты болѣе рѣшительныя мѣры; но положеніе начальства армій еще болѣе путается и ослабѣваетъ. Бенигсенъ, вели-

кій князь и рой генералъ-адъютантовъ остаются при арміи съ тѣмъ, чтобы слѣдить за дѣйствіями главнокомандующаго и возбуждать его къ энергіи, и Барклай, еще менѣе чувствуя себя свободнымъ подъ глазами всѣхъ этихъ *глазъ государевыхъ*, дѣлается еще осторожнѣе для рѣшительныхъ дѣйствій и избѣгаетъ сраженія.

Барклай стоитъ за осторожность. Цесаревичъ намекаетъ на измѣну и требуетъ генеральнаго сраженія. Любомирскій, Бронницкій, Влоцкій и тому подобные такъ раздуваютъ весь этотъ шумъ, что Барклай, подъ предлогомъ доставленія бумагъ государю, отсылаетъ поляковъ генералъ-адъютантовъ въ Петербургъ и входитъ въ открытую борьбу съ Бенигсономъ и великимъ княземъ.

Въ Смоленскѣ наконецъ, какъ ни не желалъ того Багратіонъ, соединяются арміи.

Багратіонъ въ каретѣ подъѣзжаетъ къ дому, занимаемому Барклаемъ. Барклай надѣваетъ шарфъ, выходитъ навстрѣчу и рапортуетъ старшему чиномъ Багратіону. Багратіонъ, въ борьбѣ великодушія, несмотря на старшинство чина, подчиняется Барклаю; но подчинившись, еще меньше соглашается съ нимъ. Багратіонъ лично, по приказанію государя, доноситъ ему. Онъ пишетъ Аракчееву: „воля государя моего, я никакъ вмѣстѣ съ *министромъ* (Барклаемъ) не могу. Ради Бога, пошлите меня куда-нибудь хотя полкомъ командовать, а здѣсь быть не могу; и вся главная квартира нѣмцами наполнена, такъ что русскому жить невозможно, и толку никакого нѣтъ. Я думалъ, истинно служу государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу“. Рой Бронницкихъ, Винцегероде и тому подобныхъ, еще больше отравляетъ сношенія главнокомандующихъ, и

выходитъ еще меньше единства. Собираются атаковать французовъ передъ Смоленскомъ. Посылается генералъ для осмотра позиціи. Генералъ этотъ, ненавидя Барклая, ѣдетъ къ пріятелю, корпусному командиру, и, просидѣвъ у него день, возвращается къ Барклаю и осуждаетъ по всѣмъ пунктамъ поле сраженія, котораго онъ не видалъ.

Пока происходятъ споры и интриги о будущемъ полѣ сраженія, пока мы отыскиваемъ французовъ, ошибившись въ ихъ мѣстѣ нахожденія, французы натыкаются на дивизію Невѣровскаго и подходятъ къ самымъ стѣнамъ Смоленска.

Надо принять неожиданное сраженіе въ Смоленскѣ, чтобы спасти свои сообщенія. Сраженіе дается. Убиваются тысячи съ той и съ другой стороны.

Смоленскъ оставляется вопреки волѣ государя и всего народа. Но Смоленскъ сожженъ самими жителями, обманутыми своимъ губернаторомъ, и разоренные жители, показывая примѣръ другимъ русскимъ, ѣдутъ въ Москву, думая только о своихъ потеряхъ и разжигая ненависть къ врагу. Наполеонъ идетъ дальше, мы отступаемъ, и достигается то самое, что должно было побѣдить Наполеона.

II.

На другой день послѣ отъѣзда сына, князь Николай Андреевичъ позвалъ къ себѣ княжну Марью.

— Ну что, довольна теперь? — сказалъ онъ ей, — поссорила съ сыномъ! Довольна? Тебѣ только и нужно было! Довольна?.. Мнѣ это больно, больно. Я старъ и слабъ, и тебѣ этого хотѣлось. Ну, радуйся, радуйся...— И послѣ этого княжна Марья въ продолженіе недѣли не видала своего отца. Онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ кабинета.

Къ удивленію своему, княжна Марья замѣтила, что за это время болѣзни, старый князь такъ же не допускалъ къ себѣ и m-elle Бурьенъ. Одинъ Тихонъ ходилъ за нимъ.

Чрезъ недѣлю князь вышелъ и началъ опять прежнюю жизнь, съ особенною дѣятельностью занимаясь постройками и садами и прекративъ всѣ прежнія отношенія съ m-elle Бурьенъ. Видъ его и холодный тонъ съ княжной Марьей какъ будто говорили ей: „вотъ видишь, ты выдумала на меня, налгала князю Андрею про отношенія мои къ этой француженкѣ и поссорила меня съ нимъ; а ты видишь, что мнѣ не нужны ни ты, ни француженка".

Одну половину дня княжна Марья проводила у Николушки, слѣдя за его уроками, сама давала ему уроки русскаго языка и музыки, и разговаривала съ Десалемъ; другую часть дня она проводила съ книгами, старухой-няней и съ Божьими людьми, которые иногда съ задняго крыльца приходили къ ней.

О войнѣ княжна Марья думала такъ, какъ думаютъ о войнѣ женщины. Она боялась за брата, который былъ тамъ, ужасалась, не понимая ея, предъ людской жестокостью, заставлявшею ихъ убивать другъ друга, но не понимала значенія этой войны, казавшейся ей такою же, какъ и всѣ прежнія войны. Она не понимала значенія этой войны, несмотря на то, что Десаль, ея постоянный собесѣдникъ, страстно интересовавшійся ходомъ войны, старался ей растолковать свои соображенія, и несмотря на то, что приходившіе къ ней Божьи люди всѣ по своему съ ужасомъ говорили о народныхъ слухахъ про нашествіе антихриста, и несмотря на то, что Жюли, теперь княгиня Друбецкая, опять вступившая съ ней въ переписку, писала ей изъ Москвы патріотическія письма.

„Я вамъ пишу по-русски, мой добрый другъ“, писала Жюли, „потому что я имѣю ненависть ко всѣмъ францу-„замъ, равно и къ языку ихъ, который я не могу слышать „говорить... Мы въ Москвѣ всѣ восторжены черезъ энту-„зіазмъ къ нашему обожаемому императору.

„Бѣдный мужъ мой переноситъ труды и голодъ въ жидов-„скихъ корчмахъ; но новости, которыя я имѣю, еще болѣе „воодушевляютъ меня.

„Вы слышали вѣрно о героическомъ подвигѣ Раевскаго, „обнявшаго двухъ сыновей и сказавшаго: „погибну съ ними, „но не поколеблемся!“ И дѣйствительно, хотя непріятель „былъ вдвое сильнѣе насъ, мы не колебнулись. Мы прово-„димъ время какъ можемъ; но на войнѣ, какъ на войнѣ. „Княжна Алина и Софи сидятъ со мною цѣлые дни, и мы, „несчастныя вдовы живыхъ мужей, за корпіей дѣлаемъ пре-„красные разговоры; только васъ, мой другъ, не достаетъ...“ и т. д.

Преимущественно не понимала княжна Марья всего значенія этой войны потому, что старый князь никогда не говорилъ про нее, не признавалъ ея и смѣялся за обѣдомъ надъ Десалемъ, говорившимъ объ этой войнѣ. Тонъ князя былъ такъ спокоенъ и увѣренъ, что княжна Марья не разсуждая вѣрила ему.

Весь іюль мѣсяцъ старый князь былъ чрезвычайно дѣятеленъ и даже оживленъ. Онъ заложилъ еще новый садъ и новый корпусъ, строеніе для дворовыхъ. Одно, что безпокоило княжну Марью, было то, что онъ мало спалъ и, измѣнивъ свою привычку спать въ кабинетѣ, каждый день мѣнялъ мѣсто своихъ ночлеговъ. То онъ приказывалъ разбить свою походную кровать въ галлереѣ, то онъ оставался на диванѣ

или въ вольтеровскомъ креслѣ въ гостиной и дремалъ не раздѣваясь, между тѣмъ какъ не m-elle Бурьенъ, а мальчикъ Петрушка читалъ ему, то онъ ночевалъ въ столовой.

Перваго августа было получено второе письмо отъ князя Андрея. Въ первомъ письмѣ, полученномъ вскорѣ послѣ его отъѣзда, князь Андрей просилъ съ покорностью прощенія у своего отца за то, что онъ позволилъ себѣ сказать ему, и просилъ его возвратить ему свою милость. На это письмо старый князь отвѣчалъ ему ласковымъ письмомъ, и послѣ этого письма отдалилъ отъ себя француженку. Второе письмо князя Андрея, писанное изъ-подъ Витебска послѣ того, какъ французы заняли его, состояло изъ краткаго описанія всей кампаніи съ планомъ, нарисованнымъ въ письмѣ, и изъ соображеній о дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи. Въ письмѣ этомъ князь Андрей представлялъ отцу неудобства его положенія вблизи отъ театра войны, на самой линіи движенія войскъ, и совѣтовалъ ѣхать въ Москву.

За обѣдомъ въ этотъ день, на слова Десаля, говорившаго о томъ, что, какъ слышно, французы уже вступили въ Витебскъ, старый князь вспомнилъ о письмѣ князя Андрея.

— Получилъ отъ князя Андрея нынче, — сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ.—Не читала?

— Нѣтъ, батюшка, — испуганно отвѣчала княжна. Она не могла читать письма, про полученіе котораго она даже не слышала.

— Онъ пишетъ про войну про эту, — сказалъ князь съ тою, сдѣлавшеюся ему привычною, презрительною улыбкой, съ которою онъ говорилъ всегда про настоящую войну.

— Должно быть очень интересно, — сказалъ Десаль. — Князь въ состояніи знать...

— Ахъ, очень интересно!—сказала m-elle Бурьенъ.

— Подите принесите мнѣ,—обратился старый князь къ m-elle Бурьенъ.—Вы знаете, на маленькомъ столѣ подъ прессъ-папье.

M-elle Бурьенъ радостно вскочила.

— Ахъ нѣтъ, — нахмурившись крикнулъ онъ.—Поди ты, Михаилъ Иванычъ!

Михаилъ Иванычъ всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Но только что онъ вышелъ, старый князь, безпокойно оглядываясь, бросилъ салфетку и пошелъ самъ.

— Ничего не умѣютъ, все перепутаютъ.

Пока онъ ходилъ, княжна Марья, Десаль, m-elle Бурьенъ и даже Николушка молча переглядывались. Старый князь вернулся поспѣшнымъ шагомъ, сопутствуемый Михаиломъ Иванычемъ, съ письмомъ и планомъ, которые онъ, никому не давая читать во время обѣда, положилъ подлѣ себя.

Перейдя въ гостиную, онъ передалъ письмо княжнѣ Марьѣ и, разложивъ предъ собою планъ новой постройки, на который онъ устремилъ глаза, приказалъ ей читать вслухъ. Прочтя письмо, княжна Марья вопросительно взглянула на отца. Онъ смотрѣлъ на планъ, очевидно погруженный въ свои мысли.

— Чтò вы объ этомъ думаете, князь? — позволилъ себѣ Десаль обратиться съ вопросомъ.

— *Я? я?*...—какъ бы непріятно пробуждаясь, сказалъ князь, не спуская глазъ съ плана постройки.

— Весьма можетъ быть, что театръ войны такъ приблизится къ намъ...

— Ха-ха-ха! Театръ войны!—сказалъ князь.—Я говорилъ и говорю, что театръ войны есть Польша, и дальше Нѣмана никогда не проникнетъ непріятель.

Десаль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на князя, говорившаго

о Нѣманѣ, когда непріятель былъ уже у Днѣпра; но княжна Марья, забывшая географическое положеніе Нѣмана, думала, что то, что̀ ея отецъ говоритъ, правда.

— При ростепели снѣговъ потонутъ въ болотахъ Польши. Они только могутъ не видѣть,—проговорилъ князь, видимо думая о кампаніи 1807-го года, бывшей, какъ ему казалось, такъ недавно. — Бенигсенъ долженъ былъ раньше вступить въ Пруссію, дѣло приняло бы другой оборотъ...

— Но, князь,—робко сказалъ Десаль,—въ письмѣ говорится о Витебскѣ...

— А, въ письмѣ? Да...—недовольно проговорилъ князь.— Да... да... — Лицо его приняло вдругъ мрачное выраженіе. Онъ помолчалъ.—Да, онъ пишетъ, французы разбиты, при какой это рѣкѣ?

Десаль опустилъ глаза.

— Князь ничего про это не пишетъ,—тихо сказалъ онъ.

— А развѣ не пишетъ? Ну, я самъ не выдумалъ же.— Всѣ долго молчали.

— Да... да... Ну, Михайла Иванычъ, — вдругъ сказалъ онъ, приподнявъ голову и указывая на планъ постройки,— разскажи, какъ ты это хочешь передѣлать...

Михаилъ Ива́нычъ подошелъ къ плану, и князь, поговоривъ съ нимъ о планѣ новой постройки, сердито взглянувъ на княжну Марью и Десаля, ушелъ къ себѣ.

Княжна Марья видѣла смущенный и удивленный взглядъ Десаля, устремленный на ея отца, замѣтила его молчаніе и была поражена тѣмъ, что ея отецъ забылъ письмо сына на столѣ въ гостиной; но она боялась не только говорить и разспрашивать Десаля о причинѣ его смущенія и молчанія, но боялась и думать объ этомъ.

Ввечеру Михаилъ Иванычъ, присланный отъ князя, пришелъ къ княжнѣ Марьѣ за письмомъ князя Андрея, которое забыто было въ гостиной. Княжна Марья подала письмо. Хотя ей это и непріятно было, она позволила себѣ спросить у Михаила Иваныча, чтò дѣлаетъ ея отецъ.

— Все хлопочутъ,—съ почтительно-насмѣшливою улыбкой, которая заставила поблѣднѣть княжну Марью, сказалъ Михаилъ Иванычъ.—Очень безпокоятся насчетъ новаго корпуса. Читали немножко, а теперь,—понизивъ голосъ, сказалъ Михаилъ Иванычъ, — у бюро, должно, завѣщаніемъ занялись. (Въ послѣднее время одно изъ любимыхъ занятій князя было занятіе надъ бумагами, которыя должны были остаться послѣ его смерти, и которыя онъ называлъ завѣщаніемъ).

— А Алпатыча посылаютъ въ Смоленскъ?—спросила княжна Марья.

— Какъ же-съ, онъ уже давно ждетъ.

III.

Когда Михаилъ Иванычъ вернулся съ письмомъ въ кабинетъ, князь въ очкахъ, съ абажуромъ на глазахъ и на свѣчахъ, сидѣлъ у открытаго бюро, съ бумагами въ далеко отставленной рукѣ, и въ нѣсколько торжественной позѣ читалъ свои бумаги (ремарки, какъ онъ называлъ), которыя должны были быть доставлены государю послѣ его смерти.

Когда Михаилъ Иванычъ вошелъ, у него на глазахъ стояли слезы воспоминаній о томъ времени, когда онъ писалъ то, чтò читалъ теперь. Онъ взялъ изъ рукъ Михаила Иваныча письмо, пòложилъ въ карманъ, уложилъ бумаги и позвалъ уже давно дожидавшагося Алпатыча.

На листочкѣ бумаги у него было записано то, что нужно было въ Смоленскѣ, и онъ, ходя по комнатѣ мимо дожидавшагося у двери Алпатыча, сталъ отдавать приказанія.

— Первое, бумаги почтовой, слышишь, восемь дестей, вотъ по образцу; золото-обрѣзной... образчикъ, чтобы непремѣнно по немъ было; лаку, сургучу — по запискѣ Михаила Иваныча.

Онъ походилъ по комнатѣ и заглянулъ въ памятную записку.

— Потомъ губернатору лично письмо отдать о записи.

Потомъ были нужны задвижки къ дверямъ новой постройки, непремѣнно такого фасона, который выдумалъ самъ князь. Потомъ ящикъ переплетный надо было заказать для укладки завѣщанія.

Отдача приказаній Алпатычу продолжалась болѣе двухъ часовъ. Князь все не отпускалъ его. Онъ сѣлъ, задумался и, закрывъ глаза, задремалъ. Алпатычъ пошевелился.

— Ну, ступай, ступай; ежели что нужно, я пришлю.

Алпатычъ вышелъ. Князь подошелъ опять къ бюро, заглянувъ въ него, потрогалъ рукою свои бумаги, опять заперъ и сѣлъ къ столу писать письмо губернатору.

Уже было поздно, когда онъ всталъ, запечатавъ письмо. Ему хотѣлось спать, но онъ зналъ, что не заснетъ, и что самыя дурныя мысли приходятъ ему въ постели. Онъ кликнулъ Тихона, и пошелъ съ нимъ по комнатамъ, чтобы сказать ему, гдѣ стлать постель на нынѣшнюю ночь. Онъ ходилъ, примѣривая каждый уголокъ.

Вездѣ ему казалось нехорошо, но хуже всего былъ привычный диванъ въ кабинетѣ. Диванъ этотъ былъ страшенъ ему, вѣроятно по тяжелымъ мыслямъ, которыя онъ переду-

малъ, лежа на немъ. Нигдѣ не было хорошо, но все-таки лучше всѣхъ былъ уголокъ въ диванной за фортепіано: онъ никогда еще не спалъ тутъ.

Тихонъ принесъ съ офиціантомъ постель и сталъ уставлять.

— Не такъ, не такъ!—закричалъ князь и самъ подвинулъ на четверть подальше отъ угла и потомъ опять поближе.

„Ну, наконецъ все передѣлалъ, теперь отдохну“, подумалъ князь, и предоставилъ Тихону раздѣвать себя.

Досадливо морщась отъ усилій, которыя нужно было дѣлать, чтобы снять кафтанъ и панталоны, князь раздѣлся, тяжело опустился на кровать и какъ будто задумался, презрительно глядя на свои желтыя изсохшія ноги. Онъ не задумался, а онъ медлилъ предъ предстоявшимъ ему трудомъ поднять эти ноги и передвинуться на кровати. „Охъ, какъ тяжело! Охъ, хоть бы поскорѣе кончились эти труды, и вы бы отпустили меня!“ думалъ онъ. Онъ сдѣлалъ, поджавъ губы, въ двадцати-тысячный разъ это усиліе, и легъ. Но едва онъ легъ, какъ вдругъ вся постель равномѣрно заходила подъ нимъ впередъ и назадъ, какъ будто тяжело дыша и толкаясь. Это бывало съ нимъ почти каждую ночь. Онъ открылъ закрывшіеся было глаза.

— „Нѣтъ спокоя, проклятые!“ проворчалъ онъ съ гнѣвомъ на кого-то.—„Да, да, еще что-то важное было, очень что-то важное я приберегъ себѣ на ночь въ постели. Задвижки? Нѣтъ, про это сказалъ. Нѣтъ, что-то такое, что-то въ гостиной было. Княжна Марья что-то врала. Десаль что-то— дуракъ этотъ—говорилъ. Въ карманѣ что-то—не вспомню“.

— Тишка! о чемъ за обѣдомъ говорили?

— О князѣ Михайлѣ...

— Молчи, молчи.—Князь захлопалъ рукой по столу.—Да, знаю, письмо князя Андрея. Княжна Марья читала. Десаль что-то про Витебскъ говорилъ. Теперь прочту.

Онъ велѣлъ достать письмо изъ кармана и придвинуть къ кровати столикъ съ лимонадомъ и витушкой-восковой свѣчкой, и, надѣвъ очки, сталъ читать. Тутъ только, въ тишинѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ изъ-подъ зеленаго колпака, онъ, прочтя письмо, въ первый разъ на мгновеніе понялъ его значеніе.

„Французы въ Витебскѣ, черезъ четыре перехода они могутъ быть у Смоленска; можетъ, они уже тамъ".

— Тишка!—Тихонъ вскочилъ.—Нѣтъ не надо, не надо!—прокричалъ онъ.

Онъ спряталъ письмо подъ подсвѣчникъ и закрылъ глаза. И ему представился Дунай, свѣтлый полдень, камыши, русскій лагерь, и онъ входитъ, онъ, молодой генералъ, безъ одной морщины на лицѣ, бодрый, веселый, румяный, въ росписной шатеръ Потемкина, и жгучее чувство зависти къ любимцу, столь же сильное, какъ и тогда, волнуетъ его. И онъ вспоминаетъ всѣ тѣ слова, которыя сказаны были тогда при первомъ свиданіи съ Потемкинымъ. И ему представляется полная съ желтизною въ жирномъ лицѣ, невысокая, толстая женщина — матушка-императрица, ея улыбки, слова, когда она въ первый разъ, обласкавъ, приняла его, и вспоминается ея же лицо на катафалкѣ, и то столкновеніе съ Зубовымъ, которое было тогда при ея гробѣ за право подходить къ ея рукѣ.

„Ахъ, скорѣе, скорѣе вернуться къ тому времени и чтобы теперешнее все кончилось поскорѣе, поскорѣе, чтобы оставили они меня въ покоѣ!"

IV.

Лысыя Горы, имѣнье князя Николая Андреевича Болконскаго, находились въ 60-ти верстахъ отъ Смоленска, позади его, и въ трехъ верстахъ отъ Московской дороги.

Въ тотъ же вечеръ, какъ князь отдавалъ приказанія Алпатычу, Десаль потребовалъ у княжны Марьи свиданія, сообщилъ ей, что такъ какъ князь не совсѣмъ здоровъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ для своей безопасности, а по письму князя Андрея видно, что пребываніе въ Лысыхъ Горахъ не безопасно, то онъ почтительно совѣтуетъ ей самой написать съ Алпатычемъ письмо къ начальнику губерніи въ Смоленскъ съ просьбой увѣдомить ее о положеніи дѣлъ и о мѣрѣ опасности, которой подвергаются Лысыя Горы. Десаль написалъ для княжны Марьи письмо къ губернатору, которое она подписала, и письмо это было отдано Алпатычу съ приказаніемъ подать его губернатору, и въ случаѣ опасности, возвратиться какъ можно скорѣе.

Получивъ всѣ приказанія, Алпатычъ, провожаемый домашними, въ бѣлой пуховой шляпѣ (княжескій подарокъ), съ палкой, такъ же какъ князь, вышелъ садиться въ кожаную кибиточку, заложенную тройкой сытыхъ саврасыхъ.

Колокольчикъ былъ подвязанъ, и бубенчики заложены бумажками. Князь никому не позволялъ въ Лысыхъ Горахъ ѣздить съ колокольчикомъ. Но Алпатычъ любилъ колокольчики и бубенчики въ дальней дорогѣ. Придворные Алпатыча, земскій конторщикъ, кухарка черная, бѣлая, двѣ старухи, мальчикъ-казачекъ, кучера и разные дворовые провожали его.

Дочь укладывала за спину и подъ него ситцевыя пуховыя

подушки. Свояченица-старушка тайкомъ сунула узелокъ. Одинъ изъ кучеровъ подсадилъ его подъ руку.

— Ну, ну, бабьи сборы! Бабы, бабы!—пыхтя проговорилъ скороговоркой Алпатычъ, точно такъ, какъ говорилъ князь, и сѣлъ въ кибитку. Отдавъ послѣднія приказанія о работахъ земскому и въ этомъ ужъ не подражая князю, Алпатычъ снялъ съ лысой головы шляпу и перекрестился троекратно.

— Вы, ежели что... вы вернитесь, Яковъ Алпатычъ; ради Христа, насъ пожалѣй,—прокричала ему жена, намекавшая на слухи о войнѣ и непріятелѣ.

— Бабы, бабы, бабьи сборы!—проговорилъ Алпатычъ про себя, и поѣхалъ, оглядывая вокругъ себя поля, гдѣ съ пожелтѣвшею рожью, гдѣ съ густымъ еще зеленымъ овсомъ, гдѣ еще черныя, которыя только начинали двоить. Алпатычъ ѣхалъ, любуясь на рѣдкостный урожай ярового въ нынѣшнемъ году, приглядываясь къ полоскамъ ржаныхъ полей, на которыхъ кое-гдѣ начинали зажинать, и дѣлалъ свои хозяйственныя соображенія о посѣвѣ и уборкѣ, и о томъ, не забыто ли какое княжеское приказаніе.

Два раза покормивъ дорогой, къ вечеру, 4-го августа, Алпатычъ пріѣхалъ въ городъ.

По дорогѣ Алпатычъ встрѣчалъ и обгонялъ обозы и войска. Подъѣзжая къ Смоленску, онъ слышалъ дальніе выстрѣлы, но звуки не поразили его. Сильнѣе всего поразило его то, что, приближаясь къ Смоленску, онъ видѣлъ прекрасное поле овса, которое какіе-то солдаты косили очевидно на кормъ и по которому стояли лагеремъ: это обстоятельство поразило Алпатыча, но онъ скоро забылъ его, думая о своемъ дѣлѣ.

Всѣ интересы жизни Алпатыча уже болѣе тридцати лѣтъ были ограничены одною волей князя, и онъ никогда не вы-

ходилъ изъ этого круга. Все, что не касалось до исполненія приказаній князя, не только не интересовало его, но не существовало для Алпатыча.

Алпатычъ, пріѣхавъ вечеромъ 4-го августа въ Смоленскъ, остановился за Днѣпромъ въ Гаченскомъ предмѣстьи, на постояломъ дворѣ у дворника Ѳерапонтова, у котораго онъ уже тридцать лѣтъ имѣлъ привычку останавливаться. Ѳерапонтовъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, съ легкой руки Алпатыча купивъ рощу у князя, началъ торговать, и теперь имѣлъ домъ, постоялый дворъ и мучную лавку въ губерніи. Ѳерапонтовъ былъ толстый, черный, красный, сорокалѣтній мужикъ, съ толстыми губами, съ толстою шишкой-носомъ, такими же шишками надъ черными, нахмуренными бровями и толстымъ брюхомъ.

Ѳерапонтовъ, въ жилетѣ, въ ситцевой рубахѣ, стоялъ у лавки, выходившей на улицу. Увидавъ Алпатыча, онъ подошелъ къ нему.

— Добро пожаловать, Яковъ Алпатычъ. Народъ изъ города, а ты въ городъ,—сказалъ хозяинъ.

— Что жъ такъ, изъ города?—сказалъ Алпатычъ.

— И я говорю, народъ глупъ. Все француза боятся.

— Бабьи толки, бабьи толки!—проговорилъ Алпатычъ.

— Такъ-то и я сужу, Яковъ Алпатычъ. Я говорю, приказъ есть, что не пустятъ его, значитъ вѣрно. Да мужики по три рубля съ подводы просятъ—креста на нихъ нѣтъ!—Яковъ Алпатычъ невнимательно слушалъ. Онъ потребовалъ самоваръ и сѣна лошадямъ и, напившись чаю, легъ спать.

Всю ночь мимо постоялаго двора двигались на улицѣ войска. На другой день Алпатычъ надѣлъ камзолъ, который онъ надѣвалъ только въ городѣ, и пошелъ по дѣламъ. Утро было солнечное, а съ восьми часовъ было уже жарко. „Дорогой

день для уборки хлѣба“, какъ думалъ Алпатычъ. За городомъ съ ранняго утра слышались выстрѣлы.

Съ восьми часовъ къ ружейнымъ выстрѣламъ присоединилась пушечная пальба. На улицахъ было много народу, куда-то спѣшащаго, много солдатъ, но такъ же, какъ и всегда ѣздили извозчики, купцы стояли у лавокъ, и въ церквахъ шла служба. Алпатычъ прошелъ въ лавки, въ присутственныя мѣста, на почту и къ губернатору. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ лавкахъ, на почтѣ, всѣ говорили о войскѣ, о непріятелѣ, который уже напалъ на городъ; всѣ спрашивали другъ друга, что̀ дѣлать, и всѣ старались успокоивать другъ друга.

У дома губернатора Алпатычъ нашелъ большое количество народа, казаковъ и дорожный экипажъ, принадлежавшій губернатору. На крыльцѣ Яковъ Алпатычъ встрѣтилъ двухъ господъ-дворянъ, изъ которыхъ одного онъ зналъ. Знакомый ему дворянинъ, бывшій исправникъ, говорилъ съ жаромъ.

— Вѣдь это не шутки шутить,—говорилъ онъ.—Хорошо кто одинъ. Одна голова и бѣдна такъ одна, а то вѣдь 13 человѣкъ семьи, да все имущество... Довели, что пропадать всѣмъ, что жъ это за начальство послѣ этого?.. Эхъ, перевѣшалъ бы разбойниковъ...

— Да ну, будетъ,—говорилъ другой.

— А мнѣ что̀ за дѣло, пускай слышитъ! Что̀ жъ, мы не собаки,—сказалъ бывшій исправникъ и, оглянувшись, увидалъ Алпатыча.

— А, Яковъ Алпатычъ, ты зачѣмъ?

— По приказанію его сіятельства, къ господину губернатору,—отвѣчалъ Алпатычъ, гордо поднимая голову и закладывая руку за пазуху, что̀ онъ дѣлалъ всегда, когда упоми-

валъ о князѣ...—Изволили приказать освѣдомиться о положеніи дѣлъ,—сказалъ онъ.

— Да вотъ и узнавай,—прокричалъ помѣщикъ,—довели, что ни подводъ, ничего!.. Вотъ она, слышишь?—сказалъ онъ указывая на ту сторону, откуда слышались выстрѣлы.

— Довели, что погибать всѣмъ... разбойники!—опять проговорилъ онъ и сошелъ съ крыльца.

Алпатычъ покачалъ головой и пошелъ на лѣстницу. Въ пріемной были купцы, женщины, чиновники, молча переглядывавшіеся между собой. Дверь кабинета отворилась, всѣ встали съ мѣстъ и подвинулись впередъ. Изъ двери выбѣжалъ чиновникъ, поговорилъ что-то съ купцомъ, кликнулъ за собой толстаго чиновника съ крестомъ на шеѣ и скрылся опять въ дверь, видимо избѣгая всѣхъ обращенныхъ къ нему взглядовъ и вопросовъ. Алпатычъ продвинулся впередъ и при слѣдующемъ выходѣ чиновника, заложивъ руку за застегнутый сюртукъ, обратился къ чиновнику, подавая ему два письма.

— Господину барону Ашу отъ генерала-аншефа князя Болконскаго,—провозгласилъ онъ такъ торжественно и значительно, что чиновникъ обратился къ нему и взялъ его письмо. Черезъ нѣсколько минутъ губернаторъ принялъ Алпатыча и поспѣшно сказалъ ему:

— Доложи князю и княжнѣ, что мнѣ ничего неизвѣстно было; я поступалъ по высшимъ приказаніямъ—вотъ...

Онъ далъ бумагу Алпатычу.

— А впрочемъ, такъ какъ князь нездоровъ, мой совѣтъ имъ ѣхать въ Москву. Я самъ сейчасъ ѣду. Доложи...—Но губернаторъ не договорилъ; въ дверь вбѣжалъ запыленный и запотѣлый офицеръ, и началъ что-то говорить по-французски. На лицѣ губернатора изобразился ужасъ,

— Иди,—сказалъ онъ, кивнувъ головой Алпатычу, и сталъ что-то спрашивать у офицера. Жадные, испуганные, безпомощные взгляды обратились на Алпатыча, когда онъ вышелъ изъ кабинета губернатора. Невольно прислушиваясь теперь къ близкимъ и все усиливавшимся выстрѣламъ, Алпатычъ поспѣшилъ на постоялый дворъ. Бумага, которую далъ губернаторъ Алпатычу, была слѣдующая:

„Увѣряю васъ, что городу Смоленску не предстоитъ еще „ни малѣйшей опасности, и невѣроятно, чтобъ оный ею „угрожаемъ былъ. Я съ одной, а князь Багратіонъ съ дру„гой стороны, идемъ на соединеніе предъ Смоленскомъ, ко„торое совершится 22-го числа, и обѣ арміи совокупными „силами станутъ оборонять соотечественниковъ своихъ ввѣ„ренной вамъ губерніи, пока усилія ихъ удалятъ отъ нихъ „враговъ отечества, или пока не истребится въ храбрыхъ „ихъ рядахъ до послѣдняго воина. Вы видите изъ сего, что „вы имѣете совершенное право успокоить жителей Смолен„ска, ибо кто защищаемъ двумя столь храбрыми войсками, „тотъ можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ ихъ“. (Предписаніе Барклая-де-Толли Смоленскому гражданскому губернатору, барону Ашу, 1812-го года).

Народъ безпокойно сновалъ по улицамъ.

Наложенные верхомъ воза съ домашнею посудой, стульями, шкапчиками, то и дѣло выѣзжали изъ воротъ домовъ и ѣхали по улицамъ. Въ домѣ сосѣднемъ съ домомъ Ѳерапонтова стояли повозки, и прощаясь выли и приговаривали бабы. Дворняшка-собака лая вертѣлась предъ заложенными лошадьми.

Алпатычъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, чѣмъ онъ ходилъ обыкновенно, вошелъ во дворъ и прямо пошелъ подъ сарай къ своимъ лошадямъ и повозкѣ. Кучеръ спалъ; онъ разбу-

дилъ его, велѣлъ закладывать и вошелъ въ сѣни. Въ хозяйской горницѣ слышался дѣтскій плачъ, надрывающіяся рыданія женщины и гнѣвный, хриплый крикъ Ѳерапонтова. Кухарка, какъ испуганная курица, встрепыхалась въ сѣняхъ, какъ только вошелъ Алпатычъ.

— До смерти убилъ—хозяйку убилъ!.. Такъ билъ, такъ волочилъ!..

— За что?—спросилъ Алпатычъ.

— Ѣхать просилась. Дѣло женское! Увези ты, говоритъ, меня, не погуби ты меня съ малыми дѣтьми; народъ, говоритъ, весь уѣхалъ, что, говоритъ, мы-то? Какъ началъ бить... Такъ билъ, такъ волочилъ!

Алпатычъ какъ бы одобрительно кивнулъ головой на эти слова и, не желая болѣе ничего знать, подошелъ къ противоположной хозяйской двери горницы, въ которой оставались его покупки.

— Злодѣй ты, губитель,—прокричала въ это время худая, блѣдная женщина съ ребенкомъ на рукахъ и съ сорваннымъ съ головы платкомъ, вырываясь изъ дверей и сбѣгая по лѣстницѣ на дворъ. Ѳерапонтовъ вышелъ за ней и, увидавъ Алпатыча, оправилъ жилетъ, волосы, зѣвнулъ и вошелъ въ горницу за Алпатычемъ.

— Аль ужъ ѣхать хочешь?—спросилъ онъ.

Не отвѣчая на вопросъ, не оглядываясь на хозяина и перебирая свои покупки, Алпатычъ спросилъ сколько за постой слѣдовало хозяину.

— Сочтемъ! Что жъ, у губернатора былъ?—спросилъ Ѳерапонтовъ.—Какое рѣшеніе вышло?

Алпатычъ отвѣчалъ, что губернаторъ ничего рѣшительно не сказалъ ему.

— По нашему дѣлу развѣ увеземся?—сказалъ Ѳерапонтовъ.—Дай до Дорогобужа по 7 рублей за подводу. И я говорю: креста на нихъ нѣтъ!—сказалъ онъ.

— Селивановъ, тотъ угодилъ въ четвергъ, продалъ муку въ армію по девяти рублей за куль. Что же, чай пить будете?—прибавилъ онъ. Пока закладывали лошадей, Алпатычъ съ Ѳерапонтовымъ напились чаю и разговорились о цѣнѣ хлѣбовъ, объ урожаѣ и благопріятной погодѣ для уборки.

— Однако затихать стала,—сказалъ Ѳерапонтовъ, выпивъ три чашки чая и поднимаясь,—должно, наша взяла. Сказано, не пустятъ. Значитъ сила... А намѣсь, сказывали, Матвѣй Иванычъ Платовъ ихъ въ рѣку Марину загналъ, тысячъ осьмнадцать что ли въ одинъ день потопилъ.

Алпатычъ собралъ свои покупки, передалъ ихъ вошедшему кучеру, разсчелся съ хозяиномъ. Въ воротахъ прозвучалъ звукъ колесъ, копытъ и бубенчиковъ выѣзжавшей кибиточки.

Было уже далеко за полдень, половина улицы была въ тѣни, другая была ярко освѣщена солнцемъ. Алпатычъ взглянулъ въ окно и пошелъ къ двери. Вдругъ—послышался странный звукъ дальняго свиста и удара, и вслѣдъ за тѣмъ раздался сливающійся гулъ пушечной пальбы, отъ которой задрожали стекла.

Алпатычъ вышелъ на улицу; по улицѣ пробѣжали два человѣка къ мосту. Съ разныхъ сторонъ слышались свисты, удары ядеръ и лопанье гранатъ, падавшихъ въ городѣ. Но звуки эти почти не слышны были и не обращали вниманія жителей въ сравненіи съ звуками пальбы, слышными за городомъ. Это было бомбардированіе, которое въ 5-мъ часу приказалъ открыть Наполеонъ по городу изъ 130-ти орудій.

Народъ первое время не понималъ значенія этого бомбардированія.

Звуки падавшихъ гранатъ и ядеръ возбуждали сначала только любопытство. Жена Ѳерапонтова, не перестававшая до этого выть подъ сараемъ, умолкла и съ ребенкомъ на рукахъ вышла къ воротамъ, молча приглядываясь къ народу и прислушиваясь къ звукамъ.

Къ воротамъ вышли кухарка и лавочникъ. Всѣ съ веселымъ любопытствомъ старались увидать проносившіеся надъ ихъ головами снаряды. Изъ-за угла вышло нѣсколько человѣкъ людей, оживленно разговаривая.

— То-то сила!—говорилъ одинъ, и крышку и потолокъ такъ въ щепки и разбило.—Какъ свинья и землю-то взрыло,—сказалъ другой.

— Вотъ такъ важно, вотъ такъ подбодрилъ!—смѣясь сказалъ онъ.

— Спасибо отскочилъ, а то бы она тебя смазала.

Народъ обратился къ этимъ людямъ. Они пріостановились и разсказывали, какъ подлѣ самихъ ихъ ядро попало въ домъ. Между тѣмъ другіе снаряды, то съ быстрымъ, мрачнымъ свистомъ—ядра, то съ пріятнымъ посвистываніемъ—гранаты, не переставали перелетать черезъ головы народа; но ни одинъ снарядъ не падалъ близко, всѣ переносило. Алпатычъ садился въ кибитку. Хозяинъ стоялъ въ воротахъ.

— Чего не видала!—крикнулъ онъ на кухарку, которая съ засученными рукавами, въ красной юбкѣ, раскачиваясь голыми локтями, подошла къ углу послушать то, что разсказывали.

— Вотъ чуда-то,—приговаривала она, но услыхавъ голосъ хозяина, она вернулась, обдергивая подоткнутую юбку.

Опять, но очень близко этотъ разъ, засвистѣло что-то,

какъ сверху внизъ летящая птичка, блеснулъ огонь посерединѣ улицы, выстрѣлило что-то, и застлало дымомъ улицу.

— Злодѣй, что жъ ты это дѣлаешь?—прокричалъ хозяинъ, подбѣгая къ кухаркѣ.

Въ то же мгновеніе съ разныхъ сторонъ жалобно завыли женщины, испуганно заплакалъ ребенокъ, и молча столпился народъ съ блѣдными лицами около кухарки. Изъ этой толпы слышнѣе всѣхъ слышались стоны и приговоры кухарки.

— Ой-о-охъ, голубчики мои! Голубчики мои бѣлые! Не дайте умереть! Голубчики мои бѣлые!..

Черезъ пять минутъ никого не оставалось на улицѣ. Кухарку съ бедромъ, разбитымъ гранатнымъ осколкомъ, снесли въ кухню. Алпатычъ, его кучеръ, Ѳерапонтова жена съ дѣтьми, дворникъ сидѣли въ подвалѣ, прислушиваясь. Гулъ орудій, свистъ снарядовъ и жалостный стонъ кухарки, преобладавшій надъ всѣми звуками, не умолкали ни на мгновеніе. Хозяйка то укачивала и уговаривала ребенка, то жалостнымъ шопотомъ спрашивала у всѣхъ входившихъ въ подвалъ, гдѣ былъ ея хозяинъ, оставшійся на улицѣ. Вошедшій въ подвалъ лавочникъ сказалъ ей, что хозяинъ пошелъ съ народомъ въ соборъ, гдѣ поднимали Смоленскую чудотворную икону.

Къ сумеркамъ канонада стала стихать. Алпатычъ вышелъ изъ подвала и остановился въ дверяхъ.

Прежде ясное вечернее небо все было застлано дымомъ. И сквозь этотъ дымъ странно свѣтилъ молодой высоко стоящій серпъ мѣсяца. Послѣ замолкшаго прежняго страшнаго гула орудій, надъ городомъ казалась тишина, прерываемая только какъ бы распространеннымъ по всему городу шелестомъ шаговъ, стоновъ, дальнихъ криковъ и треска пожаровъ. Стоны кухарки теперь затихли. Съ двухъ сторонъ

поднимались и расходились черные клубы дыма отъ пожаровъ. На улицѣ не рядами, а какъ муравьи изъ разоренной кочки, въ разныхъ мундирахъ, и въ разныхъ направленіяхъ, проходили и пробѣгали солдаты. Въ глазахъ Алпатыча нѣсколько изъ нихъ забѣжали на дворъ Ѳерапонтова. Алпатычъ вышелъ къ воротамъ. Какой-то полкъ, тѣснясь и спѣша, запрудилъ улицу идя назадъ.

— Сдаютъ городъ; уѣзжайте, уѣзжайте,—сказалъ ему замѣтившій его фигуру офицеръ и тутъ же обратился съ крикомъ къ солдатамъ:

— Я вамъ дамъ по дворамъ бѣгать!—крикнулъ онъ.

Алпатычъ вернулся въ избу и, кликнувъ кучера, велѣлъ ему выѣзжать. Вслѣдъ за Алпатычемъ и за кучеромъ вышли и всѣ домочадцы Ѳерапонтова. Увидавъ дымъ и даже огни пожаровъ, виднѣвшіеся теперь въ начинавшихся сумеркахъ, бабы, до тѣхъ поръ молчавшія, вдругъ заголосили глядя на пожары. Какъ бы вторя имъ, послышались такіе же плачи на другихъ концахъ улицы. Алпатычъ съ кучеромъ трясущимися руками расправлялъ запутавшіяся вожжи и постромки лошадей подъ навѣсомъ.

Когда Алпатычъ выѣзжалъ изъ воротъ, онъ увидалъ, какъ въ отпертой лавкѣ Ѳерапонтова человѣкъ десять солдатъ съ громкимъ говоромъ насыпали мѣшки и ранцы пшеничною мукой и подсолнухами. Въ то же время, возвращаясь съ улицы, въ лавку вошелъ Ѳерапонтовъ. Увидавъ солдатъ, онъ хотѣлъ крикнуть что-то, но вдругъ остановился, и схватившись за волоса, захохоталъ рыдающимъ хохотомъ.

— Тащи все, ребята! Не доставайся дьяволамъ,—закричалъ онъ, самъ хватая мѣшки и выкидывая ихъ на улицу. Нѣкоторые солдаты, испугавшись, выбѣжали, нѣкото-

рые продолжали насыпать. Увидавъ Алпатыча, Ѳерапонтовъ обратился къ нему.

— Рѣшилась! Россея! — крикнулъ онъ. — Алпатычъ! рѣшилась! Самъ запалю. Рѣшилась...—Ѳерапонтовъ побѣжалъ на дворъ.

По улицѣ, запружая ее всю, непрерывно шли солдаты, такъ что Алпатычъ не могъ проѣхать, и долженъ былъ дожидаться. Хозяйка Ѳерапонтова съ дѣтьми сидѣла также на телѣгѣ, ожидая того, чтобы можно было выѣхать.

Была уже совсѣмъ ночь. На небѣ были звѣзды и свѣтился изрѣдка застилаемый дымомъ молодой мѣсяцъ. На спускѣ къ Днѣпру, повозки Алпатыча и хозяйки, медленно двигавшіяся въ рядахъ солдатъ и другихъ экипажей, должны были остановиться. Недалеко отъ перекрестка, у котораго остановились повозки, въ переулкѣ горѣли домъ и лавки. Пожаръ уже догоралъ. Пламя то замирало и терялось въ черномъ дымѣ, то вдругъ вспыхивало ярко, до странности отчетливо освѣщая лица столпившихся людей, стоявшихъ на перекресткѣ. Передъ пожаромъ мелькали черныя фигуры людей, и изъ-за неумолкаемаго треска огня, слышались говоръ и крики. Алпатычъ, слѣзшій съ повозки, видя, что повозку его еще не скоро пропустятъ, вернулся въ переулокъ посмотрѣть пожаръ. Солдаты шныряли безпрестанно взадъ и впередъ мимо пожара, и Алпатычъ видѣлъ какъ два солдата и съ ними какой-то человѣкъ во фризовой шинели тащили изъ пожара черезъ улицу на сосѣдній дворъ горѣвшія бревна; другіе несли охапки сѣна.

Алпатычъ подошелъ къ большой толпѣ людей, стоявшихъ противъ горѣвшаго полнымъ огнемъ высокаго амбара. Стѣны были всѣ въ огнѣ, задняя завалилась, крыша тесовая обру-

шилась, балки пылали. Очевидно толпа ожидала той минуты, когда завалится крыша. Этого же ожидалъ Алпатычъ.

— Алпатычъ!—вдругъ окликнулъ старика чей-то знакомый голосъ.

— Батюшка, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Алпатычъ мгновенно узнавъ голосъ своего молодого князя.

Князь Андрей, въ плащѣ, верхомъ на вороной лошади стоялъ за толпой и смотрѣлъ на Алпатыча.

— Ты какъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Ваше... ваше сіятельство,—проговорилъ Алпатычъ, и зарыдалъ...—Ваше, ваше... или ужъ пропали мы? Отецъ!..

— Какъ ты здѣсь!—повторилъ князь Андрей.

Пламя ярко вспыхнуло въ эту минуту и освѣтило Алпатычу блѣдное и изнуренное лицо его молодого барина. Алпатычъ разсказалъ, какъ онъ былъ посланъ и какъ насилу могъ уѣхать.

— Что же, ваше сіятельство, или мы пропали?—спросилъ онъ опять.

Князь Андрей, не отвѣчая, досталъ записную книжку, и, приподнявъ колѣно, сталъ писать карандашомъ на вырванномъ листѣ. Онъ писалъ сестрѣ:

„Смоленскъ сдаютъ“,—писалъ онъ, „Лысыя Горы будутъ „заняты непріятелемъ черезъ недѣлю. Уѣзжайте сейчасъ въ „Москву. Отвѣчай мнѣ тотчасъ, когда вы выѣдете, приславъ „нарочнаго въ Усвяжъ“.

Написавъ и передавъ листокъ Алпатычу, онъ на словахъ передалъ ему, какъ распорядиться отъѣздомъ князя, княжны и сына съ учителемъ, и какъ и куда отвѣтить ему тотчасъ же. Еще не успѣлъ онъ окончить эти приказанія, какъ верховой штабный начальникъ, сопутствуемый свитой, подскакалъ къ нему.

— Вы, полковникъ? — кричалъ штабный начальникъ съ нѣмецкимъ акцентомъ, знакомымъ князю Андрею голосомъ.—Въ вашемъ присутствіи зажигаютъ дома, а вы стоите? Что это значитъ такое? Вы отвѣтите,—кричалъ Бергъ, который былъ теперь помощникомъ начальника штаба помощника начальника штаба начальника лѣваго фланга пѣхотныхъ войскъ первой арміи, — мѣсто весьма пріятное и на виду, какъ говорилъ Бергъ.

Князь Андрей посмотрѣлъ на него и не отвѣчая продолжалъ, обращаясь къ Алпатычу:

— Такъ скажи, что до десятаго числа жду отвѣта, а ежели десятаго не получу извѣстія, что всѣ уѣхали, я самъ долженъ буду все бросить и уѣхать въ Лысыя Горы.

— Я, князь, только потому говорю, — сказалъ Бергъ, узнавъ князя Андрея,—что я долженъ исполнять приказанія, потому что я всегда точно исполняю... Вы меня пожалуйста извините,—въ чемъ-то оправдывался Бергъ.

Что-то затрещало въ огнѣ. Огонь притихъ на мгновенье: черные клубы дыма повалили изъ-подъ крыши. Еще страшно затрещало что-то въ огнѣ, и завалилось что-то огромное.

— Урруру! вторя завалившемуся потолку амбара, изъ котораго несло запахомъ лепешекъ отъ сгорѣвшаго хлѣба, заревѣла толпа. Пламя вспыхнуло и освѣтило оживленно радостныя и измученныя лица людей, стоявшихъ вокругъ пожара.

Человѣкъ въ фризовой шинели, поднявъ кверху руки, кричалъ:

— Важно! пошла драть! Ребята, важно!..

— Это самъ хозяинъ,—послышались голоса.

— Такъ такъ, — сказалъ князь Андрей, обращаясь къ

Алпатычу, все передай, какъ я тебѣ говорилъ.—И, ни слова не отвѣчая Бергу, замолкшему подлѣ него, онъ тронулъ лошадь и поѣхалъ въ переулокъ.

V.

Отъ Смоленска войска продолжали отступать. Непріятель шелъ вслѣдъ за ними. 10-го августа полкъ, которымъ командовалъ князь Андрей, проходилъ по большой дорогѣ, мимо проспекта, ведущаго въ Лысыя Горы. Жара и засуха стояли болѣе трехъ недѣль. Каждый день по небу ходили курчавыя облака, изрѣдка заслоняя солнце; но къ вечеру опять расчищало, и солнце садилось въ буровато-красную мглу. Только сильная роса ночью освѣжала землю. Остававшіеся на корню хлѣба сгорали и высыпались. Болота пересохли. Скотина ревѣла отъ голода, не находя корма по сожженнымъ солнцемъ лугамъ. Только по ночамъ и въ лѣсахъ, пока еще держалась роса, была прохлада. Но по дорогѣ, по большой дорогѣ, по которой шли войска, даже и ночью, даже и по лѣсамъ не было этой прохлады. Роса незамѣтна была на песочной пыли дороги, встолченной больше чѣмъ на четверть аршина. Какъ только разсвѣтало, начиналось движеніе. Обозы, артиллерія беззвучно шли по ступицу, а пѣхота по щиколку въ мягкой, душной, неостывшей за ночь, жаркой пыли. Одна часть этой песочной пыли мѣсилась ногами и колесами, другая—поднималась и стояла облакомъ надъ войскомъ, влипая въ глаза, въ волоса, въ уши, въ ноздри, и главное—въ легкія людямъ и животнымъ, двигавшимся по этой дорогѣ. Чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ выше поднималось облако пыли, и сквозь эту тонкую, жаркую пыль, на солнце, не закрытое облаками, можно было смотрѣть простымъ глазомъ.

Солнце представлялось большимъ багровымъ шаромъ. Вѣтра не было, и люди задыхались въ этой неподвижной атмосферѣ. Люди шли, обвязавши носы и рты платками. Приходя къ деревнѣ, все бросалось къ колодцамъ. Дрались за воду, и выпивали ее до грязи.

Князь Андрей командовалъ полкомъ, и устройство полка, благосостояніе его людей, необходимость полученія и отдачи приказаній занимали его. Пожаръ Смоленска и оставленіе его были эпохой для князя Андрея. Новое чувство озлобленія противъ врага заставляло его забывать свое горе. Онъ весь былъ преданъ дѣламъ своего полка, онъ былъ заботливъ о своихъ людяхъ и офицерахъ и ласковъ съ ними. Въ полку, его называли *нашъ князь*, имъ гордились и его любили. Но добръ и кротокъ онъ былъ только съ своими полковыми, съ Тимохинымъ и т. п., съ людьми совершенно новыми и въ чужой средѣ, съ людьми, которые не могли знать и понимать его прошедшаго; но какъ только онъ сталкивался съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ прежнихъ, изъ штабныхъ, онъ тотчасъ опять ощетинивался: дѣлался злобенъ, насмѣшливъ и презрителенъ. Все, что̀ связывало его воспоминаніе съ прошедшимъ, отталкивало его, и потому онъ старался въ отношеніяхъ этого прежняго міра только не быть несправедливымъ и исполнять свой долгъ.

Правда, все въ темномъ, въ мрачномъ свѣтѣ представлялось князю Андрею — особенно послѣ того, какъ оставили Смоленскъ (который по его понятіямъ можно и должно было защищать) 6-го августа, и послѣ того какъ отецъ больной долженъ былъ бѣжать въ Москву и бросить на расхищеніе столь любимыя, обстроенныя и имъ населенныя Лысыя Горы; но несмотря на то, благодаря полку, князь Андрей могъ

думать о другомъ, совершенно независимомъ отъ общихъ вопросовъ, предметѣ—о своемъ полку. 10-го августа колонна, въ которой былъ его полкъ, поравнялась съ Лысыми Горами. Князь Андрей два дня тому назадъ получилъ извѣстіе, что его отецъ, сынъ и сестра уѣхали въ Москву. Хотя князю Андрею и нечего было дѣлать въ Лысыхъ Горахъ, онъ, съ свойственнымъ ему желаніемъ растравить свое горе, рѣшилъ, что онъ долженъ заѣхать въ Лысыя Горы.

Онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и съ перехода поѣхалъ верхомъ въ отцовскую деревню, въ которой онъ родился и провелъ свое дѣтство. Проѣзжая мимо пруда, на которомъ всегда десятки бабъ, переговариваясь, били вальками и полоскали свое бѣлье, князь Андрей замѣтилъ, что на прудѣ никого не было, и оторванный плотикъ, до половины залитый водой, бокомъ плавалъ по серединѣ пруда. Князь Андрей подъѣхалъ къ сторожкѣ. У каменныхъ воротъ въѣзда никого не было, и дверь была отперта. Дорожки сада уже заросли, и телята и лошади ходили по англійскому парку. Князь Андрей подъѣхалъ къ оранжереѣ: стекла были разбиты, и деревья въ кадкахъ нѣкоторыя повалены, нѣкоторыя засохли. Онъ окликнулъ Тараса-садовника. Никто не откликнулся. Обогнувъ оранжерею на выставку, онъ увидалъ, что тесовый рѣзной заборъ весь изломанъ, и фрукты сливъ обдерганы съ вѣтками. Старый мужикъ (князь Андрей видалъ его у воротъ въ дѣтствѣ) сидѣлъ и плелъ лапоть на зеленой скамейкѣ.

Онъ былъ глухъ и не услыхалъ подъѣзда князя Андрея. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, на которой любилъ сиживать старый князь, и около него было развѣшано лычко на сучкахъ обломанной и засохшей магноліи.

Князь Андрей подъѣхалъ къ дому. Нѣсколько липъ въ старомъ саду были срублены, одна пѣгая съ жеребенкомъ лошадь ходила предъ самымъ домомъ между розанами. Домъ былъ заколоченъ ставнями. Одно окно внизу было открыто. Дворовый мальчикъ, увидавъ князя Андрея, вбѣжалъ въ домъ.

Алпатычъ, уславъ семью, одинъ оставался въ Лысыхъ Горахъ; онъ сидѣлъ дома и читалъ Житія. Узнавъ о пріѣздѣ князя Андрея, онъ, съ очками на носу, застегиваясь, вышелъ изъ дома, поспѣшно подошелъ къ князю и, ничего не говоря, заплакалъ, цѣлуя князя Андрея въ колѣнку.

Потомъ онъ отвернулся съ сердцемъ на свою слабость и сталъ докладывать ему о положеніи дѣлъ. Все цѣнное и дорогое было отвезено въ Богучарово. Хлѣбъ, до 100 четвертей, тоже былъ вывезенъ, сѣно и яровой, необыкновенный, какъ говорилъ Алпатычъ, урожай нынѣшняго года зеленымъ взятъ и скошенъ—войсками. Мужики разорены, нѣкоторые ушли тоже въ Богучарово, малая часть остается.

Князь Андрей, не дослушавъ его, спросилъ:

— Когда уѣхали отецъ и сестра? разумѣя, когда уѣхали въ Москву. Алпатычъ отвѣчалъ, полагая, что спрашиваютъ объ отъѣздѣ въ Богучарово, что уѣхали 7-го, и опять распространился о дѣлахъ хозяйства, спрашивая распоряженій.

— Прикажете ли отпускать подъ росписку командамъ овесъ? У насъ еще 600 четвертей осталось, — спрашивалъ Алпатычъ.

„Что отвѣчать ему!“—думалъ князь Андрей, глядя на лоснѣющуюся на солнцѣ плѣшивую голову старика, и въ выраженіи лица его читая сознаніе того, что онъ самъ понимаетъ несвоевременность этихъ вопросовъ, но спрашиваетъ только такъ, чтобы заглушить и свое горе.

— Да, отпускай,—сказалъ онъ.

— Ежели изволили замѣтить безпорядки въ саду,—говорилъ Алпатычъ, то невозможно было предотвратить: три полка проходили и ночевали, въ особенности драгуны. Я выписалъ чинъ и званіе командира для подачи прошенія.

— Ну чтò жъ ты будешь дѣлать? Останешься, ежели непріятель займетъ?—спросилъ его князь Андрей.

Алпатычъ, повернувъ свое лицо къ князю Андрею, посмотрѣлъ на него; и вдругъ, торжественнымъ жестомъ, поднялъ руку кверху:

— Онъ мой покровитель, да будетъ воля Его!—проговорилъ онъ.

Толпа мужиковъ и дворовыхъ шла по лугу, съ открытыми головами, приближаясь къ князю Андрею.

— Ну прощай! — сказалъ князь Андрей, нагибаясь къ Алпатычу.—Уѣзжай самъ, увози чтò можешь, и народу вели уходить въ Рязанскую или въ Подмосковную.—Алпатычъ прижался къ его ногѣ и зарыдалъ. Князь Андрей осторожно отодвинулъ его и, тронувъ лошадь, галопомъ поѣхалъ внизъ по аллеѣ.

На выставкѣ все такъ же безучастно, какъ муха на лицѣ дорогого мертвеца, сидѣлъ старикъ и стукалъ по колодкѣ лаптя, и двѣ дѣвочки со сливами въ подолахъ, которыя онѣ нарвали съ оранжерейныхъ деревьевъ, бѣжали оттуда и наткнулись на князя Андрея. Увидавъ молодого барина, старшая дѣвочка, съ выразившимся на лицѣ испугомъ, схватила за руку свою меньшую товарку, и съ ней вмѣстѣ спряталась за березу, не успѣвъ подобрать разсыпавшіяся зеленыя сливы.

Князь Андрей испуганно поспѣшно отвернулся отъ нихъ,

боясь дать замѣтить имъ, что онъ ихъ видѣлъ. Ему жалко стало эту хорошенькую испуганную дѣвочку. Онъ боялся взглянуть на нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему этого неопреодолимо хотѣлось. Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда онъ, глядя на этихъ дѣвочекъ, понялъ существованіе другихъ, совершенно чуждыхъ ему и столь же законныхъ человѣческихъ интересовъ, какъ и тѣ, которые занимали его. Эти дѣвочки очевидно страстно желали одного—унести и доѣсть эти зеленыя сливы, и не быть пойманными, и князь Андрей желалъ съ ними вмѣстѣ успѣха ихъ предпріятію. Онъ не могъ удержаться, чтобы не взглянуть на нихъ еще разъ. Полагая себя уже въ безопасности, онѣ выскочили изъ засады, и что-то пища тоненькими голосками, придерживая подолы, весело и быстро бѣжали по травѣ луга своими загорѣлыми босыми ноженками.

Князь Андрей освѣжился немного, выѣхавъ изъ района пыли большой дороги, по которой двигались войска. Но недалеко за Лысыми Горами, онъ въѣхалъ опять на дорогу и догналъ свой полкъ на привалѣ, у плотины небольшого пруда. Былъ 2-й часъ послѣ полудня. Солнце, красный шаръ въ пыли, невыносимо пекло и жгло спину сквозь черный сюртукъ. Пыль, все такая же, неподвижно стояла надъ говоромъ гудѣвшими, остановившимися войсками. Вѣтру не было. Въ проѣздъ по плотинѣ на князя Андрея пахнуло тиной и свѣжестью пруда. Ему захотѣлось въ воду—какая бы грязная она ни была. Онъ оглянулся на прудъ, съ котораго неслись крики и хохотъ. Небольшой мутный съ зеленью прудъ видимо поднялся четверти на двѣ, заливая плотину, потому что онъ былъ полонъ человѣческими, солдатскими, голыми, барахтающимися въ немъ бѣлыми тѣлами, съ кирпично-крас-

ными руками, лицами и шеями. Все это голое, бѣлое, человѣческое мясо, съ хохотомъ и гикомъ, барахталось въ этой грязной лужѣ, какъ караси, набитые въ лейку. Весельемъ отзывалось это барахтанье, и оттого оно особенно было грустно.

Одинъ молодой бѣлокурый солдатъ — еще князь Андрей зналъ его—3-й роты, съ ремешкомъ подъ икрой, крестясь, отступалъ назадъ, чтобы хорошенько разбѣжаться и бултыхнуться въ воду; другой черный, всегда лохматый, унтеръ-офицеръ, по поясъ въ водѣ, подергивая счастливо-мускулистымъ станомъ, радостно фыркалъ, поливая себѣ голову черными по кисти руками. Слышалось шлепанье другъ по другу, и визгъ, и уханье.

На берегахъ, на плотинѣ, въ прудѣ, вездѣ было бѣлое, здоровое мускулистое мясо. Офицеръ Тимохинъ, съ краснымъ носикомъ, обтирался полотенцемъ на плотинѣ, и застыдился, увидавъ князя, однако рѣшился обратиться къ нему.

— То-то хорошо, ваше сіятельство, вы бы изволили!— сказалъ онъ.

— Грязно,—сказалъ князь Андрей, поморщившись.

— Мы сейчасъ очистимъ вамъ.—И Тимохинъ, еще неодѣтый, побѣжалъ очищать.

— Князь хочетъ.

— Какой? Нашъ князь?—заговорили голоса, и всѣ заторопились такъ, что насилу князь Андрей успѣлъ ихъ успокоить. Онъ придумалъ лучше облиться въ сараѣ.

„Мясо, тѣло, chair à canon!“—думалъ онъ, глядя и на свое голое тѣло, и вздрагивалъ не столько отъ холода, сколько отъ самому ему непонятнаго отвращенія и ужаса при видѣ этого огромнаго количества тѣлъ, полоскавшихся въ грязномъ прудѣ.

7-го августа князь Багратіонъ въ своей стоянкѣ Михайловкѣ на Смоленской дорогѣ писалъ слѣдующее:

„Милостивый государь графъ Алексѣй Андреевичъ.

(Онъ писалъ Аракчееву, но зналъ, что письмо его будетъ прочтено государемъ, и потому, насколько онъ былъ къ тому способенъ, обдумывалъ каждое свое слово).

„Я думаю, что министръ уже рапортовалъ объ оставленіи „непріятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армія въ „отчаяніи, что самое важное мѣсто понапрасну бросили. Я, „съ моей стороны, просилъ лично его убѣдительнѣйшимъ „образомъ, наконецъ и писалъ; но ничто его не согласило. „Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ та„комъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять по„ловину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ „дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я удержалъ съ „15-ю тысячами болѣе 35-ти часовъ и билъ ихъ, но онъ не „хотѣлъ остаться и 14-ти часовъ. Это стыдно, и пятно арміи „нашей, а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не „должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика, — не„правда; можетъ быть, около 4-хъ тысячъ, не болѣе, но и „того нѣтъ; хотя бы и десять, какъ быть, война! Но за то „непріятель потерялъ бездну...

„Чтò стоило еще оставаться два дня? По крайней мѣрѣ, „они бы сами ушли; ибо не имѣли воды напоить людей и ло„шадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но вдругъ „прислалъ диспозицію, что онъ въ ночь уходитъ. Такимъ „образомъ воевать не можемъ и мы можемъ непріятеля скоро „привести въ Москву...

„Слухъ носится, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, „Боже сохрани! послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ

„сумасбродныхъ отступленій — мириться; вы поставите всю „Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ носить мундиръ. Ежели ужъ такъ пошло—надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ...

„Надо командовать одному, а не двумъ. Вашъ министръ, „можетъ, хорошій по министерству; но генералъ не то что „плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я, право, съ ума схожу отъ досады; простите мнѣ, что „дерзко пишу. Видно, что тотъ не любитъ государя и желаетъ „гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміею министру. Итакъ я пишу вамъ правду: „готовьте ополченіе. Ибо министръ самымъ мастерскимъ об„разомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подо„зрѣніе подаетъ всей арміи господинъ флигель - адъютантъ „Вольцогенъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, „и онъ совѣтуетъ все министру. Я не токмо учтивъ противъ „него, но повинуюсь какъ капралъ, хотя и старѣе его. Это „больно; но, любя моего благодѣтеля и государя—повинуюсь. „Только жаль государя, что ввѣряетъ такимъ славную ар„мію. Вообразите, что нашею ретирадою мы потеряли людей „отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15-ти тысячъ; а „ежели бы наступали, того бы не было. Скажите ради Бога, „что наша Россія — мать наша — скажетъ, что такъ стра„шимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдаемъ „сволочамъ и вселяемъ въ каждаго подданнаго ненависть и „посрамленіе? Чего трусить и кого бояться? Я не виноватъ, „что министръ нерѣшимъ, трусъ, безтолковъ, медлителенъ и „всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно, „и ругаютъ его на смерть.. “

VI.

Въ числѣ безчисленныхъ подраздѣленій, которыя можно сдѣлать въ явленіяхъ жизни, можно подраздѣлить ихъ всѣ на такія, въ которыхъ преобладаетъ содержаніе, другія—въ которыхъ преобладаетъ форма. Къ числу таковыхъ, въ противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, въ особенности салонную. Эта жизнь неизмѣнна.

Съ 1805 г. мы мирились и ссорились съ Бонапартомъ, мы дѣлали конституціи и раздѣлывали ихъ, а салонъ Анны Павловны и салонъ Элenъ были точно такіе же, какіе они были одинъ семь лѣтъ, другой пять лѣтъ тому назадъ. Точно такъ же у Анны Павловны говорили съ недоумѣніемъ объ успѣхахъ Бонапарта и видѣли какъ въ его успѣхахъ, такъ и въ потаканіи ему европейскихъ государей, злостный заговоръ, имѣющій единственною цѣлью непріятность и безпокойство того придворнаго кружка, котораго представительницей была Анна Павловна. Точно такъ же у Элenъ, которую самъ Румянцевъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ и считалъ замѣчательно умною женщиной, точно такъ же, какъ въ 1808, такъ и въ 1812 году съ восторгомъ говорили о великой націи и великомъ человѣкѣ, и съ сожалѣніемъ смотрѣли на разрывъ съ Франціей, который, по мнѣнію людей, собиравшихся въ салонѣ Элenъ, долженъ былъ кончиться миромъ.

Въ послѣднее время, послѣ пріѣзда государя изъ арміи, произошло нѣкоторое волненіе въ этихъ противоположныхъ кружкахъ-салонахъ и произведены были нѣкоторыя демонстраціи другъ противъ друга, но направленіе кружковъ осталось то же. Въ кружокъ Анны Павловны принимались изъ

французовъ только закоренѣлые легитимисты, и здѣсь выражалась патріотическая мысль о томъ, что не надо ѣздить во французскій театръ, и что содержаніе труппы стóитъ столько же, сколько содержаніе цѣлаго корпуса. За военными событіями слѣдилось жадно, и распускались самые выгодные для нашей арміи слухи. Въ кружкѣ Эленъ, Румянцевскомъ, французскомъ, опровергались слухи о жестокости врага и войны, и обсуживались всѣ попытки Наполеона къ примиренію. Въ этомъ кружкѣ упрекали тѣхъ, кто присовѣтывалъ слишкомъ поспѣшныя распоряженія о томъ, чтобы приготавливаться къ отъѣзду въ Казань придворнымъ и женскимъ учебнымъ заведеніямъ, находящимся подъ покровительствомъ императрицы-матери. Вообще все дѣло войны представлялось въ салонѣ Эленъ пустыми демонстраціями, которыя весьма скоро кончатся миромъ, и царствовало мнѣніе Билибина, бывшаго теперь въ Петербургѣ домашнимъ у Эленъ (всякій умный человѣкъ долженъ былъ быть у нея), что не порохъ, а тѣ, кто его выдумали, рѣшаетъ дѣло. Въ этомъ кружкѣ иронически и весьма умно, хотя весьма осторожно, осмѣивали московскій восторгъ, извѣстіе о которомъ прибыло вмѣстѣ съ государемъ въ Петербургъ.

Въ кружкѣ Анны Павловны, напротивъ, восхищались этими восторгами и говорили о нихъ, какъ говоритъ Плутархъ о древнихъ. Князь Василій, занимавшій все тѣ же важныя должности, составлялъ звено соединенія между двумя кружками. Онъ ѣздилъ къ „своей доброй пріятельницѣ“ Аннѣ Павловнѣ и ѣздилъ „въ дипломатическій салонъ своей дочери“, и часто, при безпрестанныхъ переѣздахъ изъ одного лагеря въ другой, путался и говорилъ у Эленъ, то, что надо было говорить у Анны Павловны, и наоборотъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда государя, князь Василій разговорился у Анны Павловны о дѣлахъ войны, жестоко осуждая Барклая-де-Толли и находясь въ нерѣшительности, кого бы назначить главнокомандующимъ. Одинъ изъ гостей, извѣстный подъ именемъ „человѣка съ большими достоинствами", разсказавъ о томъ, что онъ видѣлъ нынче выбраннаго начальникомъ петербургскаго ополченія Кутузова, засѣдающаго въ казенной палатѣ для пріема ратниковъ, позволилъ себѣ осторожно выразить предположеніе о томъ, что Кутузовъ былъ бы тотъ человѣкъ, который удовлетворилъ бы всѣмъ требованіямъ.

Анна Павловна грустно улыбнулась и замѣтила, что Кутузовъ, кромѣ непріятностей ничего не дѣлалъ государю.

— Я говорилъ и говорилъ въ дворянскомъ собраніи,— перебилъ князь Василій,— но меня не послушали. Я говорилъ, что избраніе его въ начальники ополченія не понравится государю. Они меня не послушали.

— Все какая-то манія фрондировать,—продолжалъ онъ.— И предъ кѣмъ? И все отъ того, что мы хотимъ обезьянничать глупымъ московскимъ восторгамъ,—сказалъ князь Василій, спутавшись на минуту, и забывъ то, что у Эленъ надо было подсмѣиваться надъ московскими восторгами, а у Анны Павловны восхищаться ими. Но онъ тотчасъ же поправился.— Ну, прилично ли графу Кутузову, самому старому генералу въ Россіи, засѣдать въ палатѣ! И онъ останется ни при чемъ! Развѣ возможно назначить главнокомандующимъ человѣка, который не можетъ верхомъ сѣсть, засыпаетъ на совѣтѣ, человѣка самыхъ дурныхъ нравовъ! Хорошо онъ себя рекомендовалъ въ Букарештѣ! Я уже не говорю о его качествахъ какъ генерала, но развѣ можно въ такую минуту на-

значать человѣка дряхлаго и слѣпого, просто слѣпого? Хорошъ будетъ генералъ слѣпой! Онъ ничего не видитъ. Въ жмурки играть... ровно ничего не видитъ!

Никто не возражалъ на это.

24-го іюля это было совершенно справедливо. Но 29 іюля Кутузову пожаловано княжеское достоинство. Княжеское достоинство могло означать и то, что отъ него хотѣли отдѣлаться, и потому сужденіе князя Василія продолжало быть справедливо, хотя онъ и не торопился его высказывать теперь. Но 8-го августа былъ собранъ комитетъ изъ генералъ-фельдмаршала Салтыкова, Аракчеева, Вязьмитинова, Лопухина и Кочубея, для обсужденія дѣлъ войны. Комитетъ рѣшилъ, что неудачи происходили отъ разноначалій и, несмотря на то, что лица, составлявшія комитетъ, знали нерасположеніе государя къ Кутузову, комитетъ послѣ короткаго совѣщанія предложилъ назначить Кутузова главнокомандующимъ. И въ тотъ же день Кутузовъ былъ назначенъ полномочнымъ главнокомандующимъ армій и всего края, занимаемаго войсками.

9-го августа князь Василій встрѣтился опять у Анны Павловны съ человѣкомъ „съ большими достоинствами“. Человѣкъ „съ большими достоинствами“ ухаживалъ за Анной Павловной по случаю желанія назначенія попечителемъ женскаго учебнаго заведенія. Князь Василій вошелъ въ комнату съ видомъ счастливаго побѣдителя, человѣка достигшаго цѣли своихъ желаній.

— Ну-съ. Вы знаете великую новость? Кутузовъ—фельдмаршалъ! Всѣ разногласія кончены. Я такъ счастливъ, такъ радъ!—говорилъ князь Василій.—Наконецъ, вотъ это человѣкъ! — проговорилъ онъ значительно и строго оглядывая всѣхъ находившихся въ гостиной. Человѣкъ „съ большими

достоинствами", несмотря на свое желаніе получить мѣсто, не могъ удержаться, чтобы не напомнить князю Василію его прежнее сужденіе. (Это было неучтиво и предъ княземъ Василіемъ въ гостиной Анны Павловны и предъ Анной Павловной, которая также радостно приняла эту вѣсть; но онъ не могъ удержаться).

— Но говорятъ онъ слѣпъ, князь? — сказалъ онъ, напоминая князю Василію его же слова.

— Э, вздоръ, онъ достаточно видитъ—повѣрьте,—сказалъ князь Василій своимъ басистымъ, быстрымъ голосомъ съ покашливаніемъ, тѣмъ голосомъ и съ тѣмъ покашливаніемъ, которымъ онъ разрѣшалъ всѣ трудности. — Достаточно видитъ, — повторилъ онъ. — И чему *я* радъ, — продолжалъ онъ,—это тому, что государь далъ ему полную власть надъ всѣми арміями, надъ всѣмъ краемъ, власть, которой никогда не было ни у какого главнокомандующаго. Это другой самодержецъ,—заключилъ онъ съ побѣдоносною улыбкой.

— Дай Богъ, дай Богъ,—сказала Анна Павловна.—Человѣкъ „съ большими достоинствами", еще новичекъ въ придворномъ обществѣ, желая польстить Аннѣ Павловнѣ, выгораживая ея прежнее мнѣніе изъ этого сужденія, сказалъ:

— Говорятъ, что государь неохотно передалъ эту власть Кутузову. Говорятъ, что онъ покраснѣлъ, какъ барышня, которой бы прочли Жоконду, въ то время какъ говорилъ ему: „государь и отечество награждаютъ васъ этою честью".

— Можетъ-быть, сердце здѣсь не участвовало, — сказала Анна Павловна.

— О, нѣтъ, нѣтъ, — горячо заступился князь Василій.— Теперь уже онъ не могъ никому уступить Кутузова. По мнѣнію князя Василія, не только Кутузовъ былъ самъ хорошъ, но

и всѣ обожали его.—Нѣтъ, это не можетъ быть, потому что государь такъ умѣлъ прежде цѣнить его,—сказалъ онъ.

— Дай Богъ только, чтобы князь Кутузовъ, — сказала Анна Павловна,—взялъ дѣйствительную власть и не позволялъ бы *никому* вставлять себѣ палки въ колеса.

Князь Василій тотчасъ понялъ, кто былъ этотъ *никому*. Онъ шепотомъ сказалъ:

— Я вѣрно знаю, что Кутузовъ, какъ непремѣнное условіе, выговорилъ, чтобы наслѣдникъ цесаревичъ не былъ при арміи. Вы знаете, что онъ сказалъ государю?—И князь Василій повторилъ слова, будто бы сказанныя Кутузовымъ государю: „Я не могу наказать его, ежели онъ сдѣлаетъ дурно, и наградить, ежели онъ сдѣлаетъ хорошо". О! это умнѣйшій человѣкъ, князь Кутузовъ, я его давно знаю.

— Говорятъ даже,—сказалъ человѣкъ „съ большими достоинствами", не имѣвшій еще придворнаго такта,—что свѣтлѣйшій непремѣннымъ условіемъ поставилъ, чтобы самъ государь не пріѣзжалъ къ арміи.

Какъ только онъ сказалъ это, въ одно мгновеніе князь Василій и Анна Павловна отвернулись отъ него, и грустно, со вздохомъ о его наивности, посмотрѣли другъ на друга.

VII.

Въ то время, какъ это происходило въ Петербургѣ, французы уже прошли Смоленскъ и все ближе и ближе подвигались къ Москвѣ. Историкъ Наполеона Тьеръ такъ же, какъ и другіе историки Наполеона, говоритъ, стараясь оправдать своего героя, что Наполеонъ былъ привлеченъ къ стѣнамъ Москвы невольно. Онъ правъ, какъ и правы всѣ историки,

ищущіе объясненія событій историческихъ въ волѣ одного человѣка; онъ правъ такъ же, какъ и русскіе историки, утверждающіе, что Наполеонъ былъ привлеченъ къ Москвѣ искусствомъ русскихъ полководцевъ. Здѣсь, кромѣ закона ретроспективности (возвратности), представляющаго все прошедшее приготовленіемъ къ совершившемуся факту, есть еще взаимность, путающая все дѣло. Хорошій игрокъ, проигравшій въ шахматы, искренно убѣжденъ, что его проигрышъ произошелъ отъ его ошибки, и онъ отыскиваетъ эту ошибку въ началѣ своей игры, но забываетъ, что въ каждомъ его шагѣ, въ продолженіи всей игры, были такія же ошибки, что ни одинъ его ходъ не былъ совершененъ. Ошибка, на которую онъ обращаетъ вниманіе замѣтна ему только потому, что противникъ воспользовался ею. На сколько же сложнѣе этого игра войны, происходящая въ извѣстныхъ условіяхъ времени, гдѣ не одна воля руководитъ безжизненными машинами, а гдѣ все вытекаетъ изъ безчисленнаго столкновенія различныхъ произволовъ?

Послѣ Смоленска Наполеонъ искалъ сраженія за Дорогобужемъ у Вязьмы, потомъ у Царева-Займища; но выходило, что по безчисленному столкновенію обстоятельствъ до Бородина, въ 112 верстахъ отъ Москвы, русскіе не могли принять сраженія. Отъ Вязьмы было сдѣлано распоряженіе Наполеономъ для движенія прямо на Москву.

„Москва, азіатская столица этой великой имперіи, священный городъ народовъ Александра, Москва съ своими безчисленными церквами въ формѣ китайскихъ пагодъ!“ Эта Москва не давала покоя воображенію Наполеона. На переходѣ изъ Вязьмы къ Цареву-Займищу, Наполеонъ верхомъ ѣхалъ на своемъ соловомъ энглизированномъ иноходчикѣ, сопут-

ствуемый гвардіей, карауломъ, пажами и адъютантами. Начальникъ штаба Бертье отсталъ для того, чтобы допросить взятаго кавалеріей русскаго плѣннаго. Онъ галопомъ, сопутствуемый переводчикомъ Лелормомъ-Дидевилемъ, догналъ Наполеона и съ веселымъ лицомъ остановилъ лошадь.

— Ну?—сказалъ Наполеонъ.

— Платовскій казакъ говоритъ, что корпусъ Платова соединяется съ большою арміей, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Очень смѣтливъ и болтливъ.

Наполеонъ улыбнулся, велѣлъ дать этому казаку лошадь и привести его къ себѣ. Онъ самъ желалъ поговорить съ нимъ. Нѣсколько адъютантовъ поскакало, и черезъ часъ крѣпостной человѣкъ Денисова, уступленный имъ Ростову, Лаврушка въ деньщицкой курткѣ, на французскомъ кавалерійскомъ сѣдлѣ, съ плутовскимъ и пьянымъ, веселымъ лицомъ, подъѣхалъ къ Наполеону. Наполеонъ велѣлъ ему ѣхать рядомъ съ собой и началъ спрашивать:

— Вы, казакъ?

— Казакъ-съ, ваше благородіе.

„Казакъ, не знавшій, въ какомъ обществѣ онъ находился, потому что простота Наполеона не имѣла ничего такого, что бы могло обличить для восточнаго воображенія присутствіе государя, разговаривалъ съ чрезвычайною фамиліарностью объ обстоятельствахъ настоящей войны“, говоритъ Тьеръ, разсказывая этотъ эпизодъ. Дѣйствительно, Лаврушка, напившійся наканунѣ пьянымъ и оставившій барина безъ обѣда, былъ высѣченъ наканунѣ и отправленъ въ деревню за курами, гдѣ онъ увлекся мародерствомъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами. Лаврушка былъ одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, наглыхъ лакеевъ, видавшихъ всякіе виды, которые считаютъ долгомъ

все дѣлать съ подлостью и хитростью, которые готовы сослужить всякую службу своему барину, и которые хитро угадываютъ барскія дурныя мысли, въ особенности тщеславіе и мелочность.

Попавъ въ общество Наполеона, котораго личность онъ очень хорошо и легко призналъ, Лаврушка нисколько не смутился и только старался отъ всей души заслужить новымъ господамъ.

Онъ очень хорошо зналъ, что это самъ Наполеонъ, и присутствіе Наполеона не могло смутить его больше, чѣмъ присутствіе Ростова или вахмистра съ розгами, потому что не было ничего у него чего бы не могъ лишить его ни вахмистръ, ни Наполеонъ.

Онъ вралъ все, что̀ толковалось между деньщиками. Многое изъ этого была правда. Но когда Наполеонъ спросилъ его, какъ же думаютъ русскіе, побѣдятъ они Бонапарта или нѣтъ, Лаврушка прищурился и задумался.

Онъ увидалъ тутъ тонкую хитрость, какъ всегда во всемъ видятъ хитрость люди подобные Лаврушкѣ, насупился и помолчалъ.

— Оно значитъ, коль быть сраженію, — сказалъ онъ задумчиво, и въ скорости, то ваша возьметъ. Это такъ точно. Ну а коли пройдетъ три дня, а послѣ того самого числа, ну тогда, значитъ, это самое сраженіе въ оттяжку пойдетъ.

Наполеону перевели это такъ: „ежели сраженіе будетъ дано раньше трехъ дней, то французы выиграютъ его, но ежели позже, то Богъ знаетъ, что̀ можетъ изъ этого выйти“, улыбаясь передалъ Лелормъ-Дидевиль. Наполеонъ не улыбнулся, хотя онъ, видимо, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и велѣлъ повторить себѣ эти слова.

Лаврушка замѣтилъ это и, чтобы развеселить его, сказалъ, притворяясь, что не знаетъ, кто онъ.

— Знаемъ, у васъ есть Бонапартъ, онъ всѣхъ въ мірѣ побилъ, ну да объ насъ другая статья...—сказалъ онъ, самъ не зная, какъ и отчего подъ конецъ проскочилъ въ его словахъ хвастливый патріотизмъ. Переводчикъ передалъ эти слова Наполеону безъ окончанія, и Бонапартъ улыбнулся. „Молодой казакъ заставилъ улыбнуться своего могущественнаго собесѣдника“, говоритъ Тьеръ. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ молча, Наполеонъ обратился къ Бертье и сказалъ, что онъ хочетъ испытать дѣйствіе, которое произведетъ „на это дитя Дона извѣстіе о томъ, что человѣкъ, съ которымъ говоритъ это дитя Дона“, есть самъ императоръ, тотъ самый императоръ, который написалъ на пирамидахъ безсмертно-побѣдоносное имя.

Извѣстіе было передано.

Лаврушка (понявъ, что это дѣлалось, чтобъ озадачить его, и что Наполеонъ думаетъ, что онъ испугается), чтобъ угодить новымъ господамъ, тотчасъ же притворился изумленнымъ, ошеломленнымъ, выпучилъ глаза и сдѣлалъ такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сѣчь. „Едва,— говоритъ Тьеръ,—какъ только переводчикъ Наполеона сказалъ это казаку, казакъ, охваченный какимъ-то остолбенѣніемъ, не произнесъ болѣе ни одного слова и продолжалъ ѣхать, не спуская глазъ съ завоевателя, имя котораго достигло до него черезъ степи Востока. Вся его разговорчивость внезапно пропала и замѣнилась наивнымъ и молчаливымъ чувствомъ восторга. Наполеонъ, наградивъ казака, приказалъ дать ему свободу, какъ птицѣ, которую возвращаютъ ея роднымъ полямъ“.

Наполеонъ поѣхалъ дальше, мечтая о той Москвѣ, которая

такъ занимала его воображеніе, а птица, возвращенная роднымъ полямъ, поскакала на аванпосты, придумывая впередъ все то, чего не было и что онъ будетъ разсказывать у своихъ. Того же, что дѣйствительно съ нимъ было, онъ не хотѣлъ разсказывать именно потому, что это казалось ему недостойнымъ разсказа. Онъ выѣхалъ къ казакамъ, разспросилъ гдѣ былъ полкъ, состоявшій въ отрядѣ Платова, и къ вечеру же нашелъ своего барина, Николая Ростова, стоявшаго въ Янковѣ, и только что сѣвшаго верхомъ, чтобы съ Ильинымъ сдѣлать прогулку по окрестнымъ деревнямъ. Онъ далъ другую лошадь Лаврушкѣ и взялъ его съ собой.

VIII.

Княжна Марья не была въ Москвѣ и внѣ опасности, какъ думалъ князь Андрей.

Послѣ возвращенія Алпатыча изъ Смоленска, старый князь какъ бы вдругъ опомнился отъ сна. Онъ велѣлъ собрать изъ деревень ополченцевъ, вооружить ихъ, и написалъ главнокомандующему письмо, въ которомъ извѣщалъ его о принятомъ имъ намѣреніи оставаться въ Лысыхъ Горахъ до послѣдней крайности и защищаться, предоставляя на его разсмотрѣніе принять или не принять мѣры для защиты Лысыхъ Горъ, въ которыхъ будетъ взятъ въ плѣнъ или убитъ одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ генераловъ, и объявилъ домашнимъ, что онъ остается въ Лысыхъ Горахъ.

Но, оставаясь самъ въ Лысыхъ Горахъ, князь распорядился объ отправкѣ княжны и Десаля съ маленькимъ княземъ въ Богучарово, а оттуда въ Москву. Княжна Марья, испуганная лихорадочною, безсонною дѣятельностью отца, замѣнившею его прежнюю опущенность, не могла рѣшиться

оставить его одного, и въ первый разъ въ жизни позволила себѣ не повиноваться ему. Она отказалась ѣхать, и на нее обрушилась страшная гроза гнѣва князя. Онъ напоминалъ ей все, въ чемъ онъ былъ несправедливъ противъ нея. Стараясь обвинить ее, онъ сказалъ ей, что она измучила его, что она поссорила его съ сыномъ, имѣла противъ него гадкія подозрѣнія, что она задачей своей жизни поставила отравлять его жизнь, и выгналъ ее изъ своего кабинета, сказавъ ей, что, ежели она не уѣдетъ, ему все равно. Онъ сказалъ, что знать не хочетъ о ея существованіи, но впередъ предупреждаетъ ее, чтобъ она не смѣла попадаться ему на глаза. То, что онъ, вопреки опасеній княжны Марьи, не велѣлъ насильно увезти ее, а только не приказалъ ей показываться на глаза, обрадовало княжну Марью. Она знала, что это доказывало то, что въ самой тайнѣ души своей онъ былъ радъ, что она оставалась дома и не уѣхала.

На другой день послѣ отъѣзда Николушки, старый князь утромъ одѣлся въ полный мундиръ и собрался ѣхать къ главнокомандующему. Коляска уже была подана. Княжна Марья видѣла, какъ онъ, въ мундирѣ и всѣхъ орденахъ, вышелъ изъ дома и пошелъ въ садъ сдѣлать смотръ вооруженнымъ мужикамъ и дворовымъ. Княжна Марья сидѣла у окна, прислушиваясь къ его голосу, раздававшемуся изъ сада. Вдругъ изъ аллеи выбѣжало нѣсколько людей съ испуганными лицами.

Княжна Марья выбѣжала на крыльцо, на цвѣточную дорожку и въ аллею. Навстрѣчу ей подвигалась большая толпа ополченцевъ и дворовыхъ, и въ серединѣ этой толпы нѣсколько людей подъ руки волокли маленькаго старичка въ мундирѣ и орденахъ. Княжна Марья подбѣжала къ нему,

и въ игрѣ мелкими кругами свѣта, падавшаго сквозь тѣнь липовой аллеи, не могла дать себѣ отчета въ томъ, какая перемѣна произошла въ его лицѣ. Одно, что̀ она увидала, было то, что прежнее строгое и рѣшительное выраженіе его лица замѣнилось выраженіемъ робости и покорности. Увидавъ дочь, онъ зашевелилъ безсильными губами и захрипѣлъ. Нельзя было понять, чего онъ хотѣлъ. Его подняли на руки, отнесли въ кабинетъ и положили на тотъ диванъ, котораго онъ такъ боялся послѣднее время.

Привезенный докторъ въ ту же ночь пустилъ кровь и объявилъ, что у князя ударъ правой стороны.

Въ Лысыхъ Горахъ оставаться становилось болѣе и болѣе опаснымъ, и на другой день послѣ удара, князя повезли въ Богучарово. Докторъ поѣхалъ съ нимъ.

Когда они пріѣхали въ Богучарово, Десаль съ маленькимъ княземъ уже уѣхали въ Москву.

Все въ томъ же положеніи, не хуже и не лучше, разбитый параличомъ, старый князь три недѣли лежалъ въ Богучаровѣ въ новомъ, построенномъ княземъ Андреемъ, домѣ. Старый князь былъ въ безпамятствѣ; онъ лежалъ какъ изуродованный трупъ. Онъ, не переставая, бормоталъ что то, дергаясь бровями и губами, и нельзя было знать, понималъ онъ или нѣтъ то, что̀ его окружало. Одно можно было знать навѣрное—это то, что онъ страдалъ и чувствовалъ потребность еще выразить что-то. Но что̀ это было, этого никто не могъ понять: былъ ли это какой-нибудь капризъ больного и полусумасшедшаго, относилось ли это до общаго хода дѣлъ, или относилось это до семейныхъ обстоятельствъ?

Докторъ говорилъ, что выражаемое имъ безпокойство ничего не значило, что оно имѣло физическія причины; но кня-

жна Марья думала (и то, что ея присутствіе всегда усиливало его безпокойство, подтверждало ея предположеніе), думала, что онъ что-то хотѣлъ сказать ей.

Онъ очевидно страдалъ и физически, и нравственно.

Надежды на исцѣленіе не было. Везти его было нельзя. И что̀ бы было, ежели бы онъ умеръ дорогой? „Не лучше ли было бы конецъ, совсѣмъ конецъ!" иногда думала княжна Марья. Она день и ночь, почти безъ сна, слѣдила за нимъ и, страшно сказать, она часто слѣдила за нимъ, не съ надеждой найти признаки облегченія, но слѣдила, часто *желая* найти признаки приближенія къ концу.

Какъ ни странно было княжнѣ сознавать въ себѣ это чувство, но оно было въ ней. И что̀ было еще ужаснѣе для княжны Марьи, это было то, что со времени болѣзни ея отца (даже едва ли не раньше, не тогда ли, когда она, ожидая чего-то, осталась съ нимъ), въ ней проснулись всѣ заснувшія въ ней, забытыя личныя желанія и надежды. То, что̀ годами не приходило ей въ голову—мысли о свободной жизни безъ страха отца, даже мысли о возможности любви и семейнаго счастія, какъ искушенія дьявола, безпрестанно носились въ ея воображеніи. Какъ ни отстраняла она отъ себя, безпрестанно ей приходили въ голову вопросы о томъ, какъ она теперь, послѣ *того*, устроитъ свою жизнь. Это были искушенія дьявола, и княжна Марья знала это. Она знала, что единственное орудіе противъ *него* были молитвы и она пыталась молиться. Она становилась въ положеніе молитвы, смотрѣла на образа, читала слова молитвы, но не могла молиться. Она чувствовала, что теперь ее охватилъ другой міръ житейской, трудной и свободной дѣятельности, совершенно противоположной тому нравственному міру, въ который она

была заключена прежде, и въ которомъ лучшее утѣшеніе было—молитва. Она не могла молиться и не могла плакать, и житейская забота охватила ее.

Оставаться въ Богучаровѣ становилось опаснымъ. Со всѣхъ сторонъ слышно было о приближающихся французахъ, и въ одной деревнѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, была разграблена усадьба французскими мародерами.

Докторъ настаивалъ на томъ, что надо везти князя дальше; предводитель прислалъ чиновника къ княжнѣ Марьѣ, уговаривая ее уѣзжать какъ можно скорѣе; исправникъ, пріѣхавъ въ Богучарово, настаивалъ на томъ же, говоря, что въ сорока верстахъ французы, что по деревнямъ ходятъ французскія прокламаціи, и что ежели княжна не уѣдетъ съ отцомъ до 15-го, то онъ ни за что не отвѣчаетъ.

Княжна 15-го рѣшилась ѣхать. Заботы приготовленій, отдача приказаній, за которыми всѣ обращались къ ней, цѣлый день занимали ее. Ночь съ 14 на 15 она провела какъ обыкновенно, не раздѣваясь, въ сосѣдней отъ той комнаты, въ которой лежалъ князь. Нѣсколько разъ, просыпаясь, она слышала его кряхтѣнье, бормотанье, скрипъ кровати, и шаги Тихона и доктора, ворочавшихъ его. Нѣсколько разъ она прислушивалась у двери, и ей казалось, что онъ нынче бормоталъ громче обыкновеннаго и чаще ворочался. Она не могла спать, и нѣсколько разъ подходила къ двери, прислушиваясь, желая войти и не рѣшаясь этого сдѣлать. Хотя онъ и не говорилъ, но княжна Марья видѣла, знала, какъ непріятно было ему всякое выраженіе страха за него. Она замѣчала, какъ недовольно онъ отвертывался отъ ея взгляда, иногда невольно и упорно на него устремленнаго. Она знала, что ея приходъ ночью, въ необычное время, раздражитъ его.

Но никогда ей такъ жалко не было, такъ страшно не было потерять его. Она вспоминала всю свою жизнь съ нимъ, и въ каждомъ словѣ, поступкѣ его она находила выраженіе его любви къ ней. Изрѣдка между этими воспоминаніями врывались въ ея воображеніе искушенія дьявола, мысли о томъ, что̀ будетъ послѣ его смерти и какъ устроится ея новая свободная жизнь. Но съ отвращеніемъ отгоняла она эти мысли. Къ утру онъ затихъ, и она заснула.

Она проснулась поздно. Та искренность, которая бываетъ при пробужденіи, показала ей ясно то, что̀ болѣе всего въ болѣзни отца занимало ее. Она проснулась, прислушалась къ тому, что̀ было за дверью и, услыхавъ его кряхтѣнье, со вздохомъ сказала себѣ, что было все то же.

— Да чему же быть? Чего же я хотѣла? Я хочу его смерти,—вскрикнула она съ отвращеніемъ къ себѣ самой.

Она одѣлась, умылась, прочла молитвы и вышла на крыльцо. Къ крыльцу поданы были безъ лошадей экипажи, въ которые укладывали вещи.

Утро было теплое и сѣрое. Княжна Марья остановилась на крыльцѣ, не переставая ужасаться предъ своею душевною мерзостью и стараясь привести въ порядокъ свои мысли, прежде чѣмъ войти къ нему.

Докторъ сошелъ съ лѣстницы и подошелъ къ ней.

— Ему получше нынче, — сказалъ докторъ. — Я васъ искалъ. Можно кое-что понять изъ того, что̀ онъ говоритъ, голова посвѣжѣе. Пойдемте. Онъ зоветъ васъ...

Сердце княжны Марьи такъ сильно забилось при этомъ извѣстіи, что она, поблѣднѣвъ, прислонилась къ двери, чтобы не упасть. Увидать его, говорить съ нимъ, подпасть подъ его взглядъ теперь, когда вся душа княжны Марьи была

переполнена этихъ страшныхъ преступныхъ искушенiй—было мучительно-радостно и ужасно.

— Пойдемте,—сказалъ докторъ.

Княжна Марья вошла къ отцу и подошла къ кровати; онъ лежалъ высоко на спинѣ, съ своими маленькими, костлявыми, покрытыми лиловыми узловатыми жилками руками, на одѣялѣ, съ уставленнымъ прямо лѣвымъ глазомъ и скосившимся правымъ глазомъ, съ неподвижными бровями и губами. Онъ весь былъ такой худенькiй, маленькiй и жалкiй. Лицо его, казалось, ссохлось или растаяло, измельчало чертами. Княжна Марья подошла и поцѣловала его руку. Лѣвая рука сжала ея руку такъ, что видно было, что онъ уже давно ждалъ ее. Онъ задергалъ ея руку, и брови и губы его сердито зашевелились.

Она испуганно глядѣла на него, стараясь угадать, чего онъ хотѣлъ отъ нея. Когда она, перемѣня положенiе, подвинулась, такъ что лѣвый глазъ видѣлъ ея лицо, онъ успокоился, на нѣсколько секундъ не спуская съ нея глаза. Потомъ губы и языкъ его зашевелились, послышались звуки, и онъ сталъ говорить, робко и умоляюще глядя на нее, видимо боясь, что она не пойметъ его.

Княжна Марья, напрягая всѣ силы вниманiя, смотрѣла на него. Комическiй трудъ, съ которымъ онъ ворочалъ языкомъ, заставлялъ княжну Марью опускать глаза и съ трудомъ подавлять поднимавшiяся въ ея горлѣ рыданiя. Онъ сказалъ что-то, по нѣскольку разъ повторяя свои слова. Княжна Марья не могла понять ихъ; но она старалась угадать то, чтò онъ говорилъ, и повторяла вопросительно сказанныя имъ слова.

— Гага—бои... бои...—повторилъ онъ нѣсколько разъ... Никакъ нельзя было понять этихъ словъ. Докторъ думалъ,

что онъ угадалъ и, повторяя его слова, спросилъ: *княжна боится?* Онъ отрицательно покачалъ головой и опять повторилъ то же...

— *Душа, душа болитъ* — разгадала и сказала княжна Марья. Онъ утвердительно замычалъ, взялъ ея руку и сталъ прижимать ее къ различнымъ частямъ своей груди, какъ будто отыскивая настоящее для нея мѣсто.

— Все мысли! о тебѣ... мысли...—потомъ выговорилъ онъ гораздо лучше и понятнѣе, чѣмъ прежде, теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что его понимаютъ. Княжна Марья прижалась головою къ его рукѣ, стараясь скрыть свои рыданія и слезы.

Онъ рукой двигалъ по ея волосамъ.

— Я тебя звалъ всю ночь...—выговорилъ онъ.

— Ежели бы я знала...—сквозь слезы сказала она.—Я боялась войти.

Онъ пожалъ ея руку.

— Не спала ты?

— Нѣтъ, я не спала,—сказала княжна Марья, отрицательно покачавъ головой. Невольно подчиняясь отцу, она теперь такъ же, какъ онъ говорилъ, старалась говорить больше знаками, и какъ будто то же съ трудомъ ворочая язы..ъ.

— Душенька—... или:—дружокъ...Княжна Марья не могла разобрать; но навѣрное, по выраженію его взгляда, сказано было нѣжное, ласкающее слово, котораго онъ никогда не говорилъ.—Зачѣмъ не пришла?

„А я желала, желала его смерти!“ думала княжна Марья. Онъ помолчалъ.

— Спасибо тебѣ... дочь, дружокъ...за все, за все... прости... спасибо... прости... спасибо!...—И слезы текли изъ его глазъ.—Позовите Андрюшу,—вдругъ сказалъ онъ, и что-то дѣтски-

робкое и недовѣрчивое выразилось въ его лицѣ при этомъ спросѣ. Онъ какъ будто самъ зналъ, что спросъ его не имѣетъ смысла. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось княжнѣ Марьѣ.

— Я отъ него получила письмо, — отвѣчала княжна Марья. Онъ, съ удивленіемъ и робостью, смотрѣлъ на нее.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ въ арміи, батюшка, въ Смоленскѣ.

Онъ долго молчалъ, закрывъ глаза; потомъ утвердительно, какъ бы въ отвѣтъ на свои сомнѣнія и въ подтвержденіе того, что онъ теперь все понялъ и вспомнилъ, кивнувъ головой и открылъ глаза.

— Да,—сказалъ онъ явственно и тихо.—Погибла Россія! Погубили!—И онъ опять зарыдалъ, и слезы потекли у него изъ глазъ. Княжна Марья не могла болѣе удерживаться и плакала тоже, глядя на его лицо.

Онъ опять закрылъ глаза. Рыданія его прекратились. Онъ сдѣлалъ знакъ рукой къ глазамъ; и Тихонъ, понявъ его, отеръ ему слезы.

Потомъ онъ открылъ глаза и сказалъ что-то, чего долго никто не могъ понять, и наконецъ понялъ и передалъ одинъ Тихонъ. Княжна Марья отыскивала смыслъ его словъ въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ говорилъ за минуту предъ этимъ. То она думала, что онъ говоритъ о Россіи, то о князѣ Андреѣ, то о ней, о внукѣ, то о своей смерти. И отъ этого она не могла угадать его словъ:

— Надѣнь твое бѣлое платье, я люблю его,—говорилъ онъ. Понявъ эти слова, княжна Марья зарыдала еще громче, и докторъ, взявъ ее подъ руку, вывелъ ее изъ комнаты на террасу, уговаривая ее успокоиться и заняться приготовленіями къ отъѣзду. Послѣ того, какъ княжна Марья вышла

отъ князя, онъ опять заговорилъ о сынѣ, о войнѣ, о государѣ, задергалъ сердито бровями, сталъ возвышать хриплый голосъ, и съ нимъ сдѣлался второй и послѣдній ударъ.

Княжна Марья остановилась на террассѣ. День разгулялся; было солнечно и жарко. Она не могла ничего понимать, ни о чемъ думать и ничего чувствовать, кромѣ своей страстной любви къ отцу, любви, которой, ей казалось, она не знала до этой минуты. Она выбѣжала въ садъ, и рыдая побѣжала внизъ къ пруду, по молодымъ, засаженнымъ княземъ Андреемъ, липовымъ дорожкамъ.

— Да... я... я... я желала его смерти! Да, я желала, чтобы скорѣе кончилось... Я хотѣла успокоиться... А что̀ жъ будетъ со мной? На что̀ мое спокойствіе, когда его не будетъ!—бормотала вслухъ княжна Марья, быстрыми шагами ходя по саду и руками давя грудь, изъ которой судорожно вырывались рыданія. Обойдя по саду кругъ, который привелъ ее опять къ дому, она увидала идущихъ къ ней навстрѣчу m-elle Бурьенъ (которая оставалась въ Богучаровѣ, и не хотѣла оттуда уѣхать) и незнакомаго мужчину. Это былъ предводитель уѣзда, самъ пріѣхавшій къ княжнѣ съ тѣмъ, чтобы представить ей всю необходимость скораго отъѣзда. Княжна Марья слушала и не понимала его; она ввела его въ домъ, предложила ему завтракать и сѣла съ нимъ. Потомъ, извинившись предъ предводителемъ, она подошла къ двери стараго князя. Докторъ съ встревоженнымъ лицомъ вышелъ къ ней и сказалъ, что нельзя.

— Идите, княжна, идите, идите!

Княжна Марья пошла опять въ садъ и подъ горой у пруда въ томъ мѣстѣ, гдѣ никто не могъ видѣть, сѣла на траву. Она не знала, какъ долго она пробыла тамъ. Чьи-то бѣгу-

щіе женскіе шаги по дорожкѣ заставили ее очнуться. Она поднялась и увидала, что Дуняша, ея горничная, очевидно бѣжавшая за нею, вдругъ, какъ бы испугавшись вида своей барышни, остановилась.

— Пожалуйте, княжна... князь...—сказала Дуняша сорвавшимся голосомъ.

— Сейчасъ, иду, иду,—поспѣшно заговорила княжна, не давая времени Дуняшѣ договорить ей то, что̀ она имѣла сказать, и, стараясь не видѣть Дуняши, побѣжала къ дому.

— Княжна, воля Божья совершается, вы должны быть на все готовы,—сказалъ предводитель, встрѣчая ее у входной двери.

— Оставьте меня; это неправда,—злобно крикнула она на него. Докторъ хотѣлъ остановить ее. Она оттолкнула его и подбѣжала къ двери.—И къ чему эти люди съ испуганными лицами останавливаютъ меня? Мнѣ никого не нужно! И что̀ они тутъ дѣлаютъ!—Она отворила дверь, и яркій дневной свѣтъ въ этой прежде полутемной комнатѣ ужаснулъ ее. Въ комнатѣ были женщины и няня. Онѣ всѣ отстранились отъ кровати, давая ей дорогу. Онъ лежалъ все такъ же на кровати; но строгій видъ его спокойнаго лица остановилъ княжну Марью на порогѣ комнаты.

„Нѣтъ, онъ не умеръ, это не можетъ быть!“ сказала себѣ княжна Марья, подошла къ нему и, преодолѣвая ужасъ, охватившій ее, прижала къ щекѣ его свои губы. Но она тотчасъ же отстранилась отъ него. Мгновенно вся сила нѣжности къ нему, которую она чувствовала въ себѣ, исчезла, и замѣнилась чувствомъ ужаса къ тому, что̀ было предъ нею. „Нѣтъ, нѣтъ его больше! Его нѣтъ, а есть тутъ же, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, что-то чуждое и

враждебное, какая-то страшная, ужасающая и отталкивающая тайна!“ И закрывъ лицо руками, княжна Марья упала на руки доктора, поддержавшаго ее.

Въ присутствіи Тихона и доктора, женщины обмыли то, чтò былъ онъ, повязали платкомъ голову, чтобы не закостенѣлъ открытый ротъ, и связали другимъ платкомъ расходившіяся ноги. Потомъ они одѣли въ мундиръ съ орденами и положили на столъ маленькое ссохшееся тѣло. Богъ знаетъ, кто и когда позаботился объ этомъ, но все сдѣлалось какъ бы само собой. Къ ночи кругомъ гроба горѣли свѣчи, на гробу былъ покровъ, на полу былъ посыпанъ можжевельникъ, подъ мертвую ссохшуюся голову была положена печатная молитва, а въ углу сидѣлъ дьячокъ, читая псалтырь.

Какъ лошади шарахаются, толпятся и фыркаютъ надъ мертвою лошадью, такъ въ гостиной вокругъ гроба толпился народъ чужой и свой—предводитель, и староста, и бабы, и всѣ съ остановившимися глазами, испуганные, крестились и кланялись, и цѣловали холодную и закоченѣвшую руку стараго князя.

IX.

Богучарово было всегда, до поселенія въ немъ князя Андрея, заглазное имѣнье, и мужики богучаровскіе имѣли совсѣмъ другой характеръ отъ Лысо-Горскихъ. Они отличались отъ нихъ и говоромъ, и одеждой, и нравами. Они назывались степными. Старый князь хвалилъ ихъ за ихъ сносливость къ работѣ, когда они пріѣзжали въ Лысыя Горы подсоблять уборкѣ или копать пруды и канавы, но не любилъ ихъ за ихъ дикость.

Послѣднее пребываніе въ Богучаровѣ князя Андрея съ его нововведеніями—больницами, школами и облегченіемъ оброка,—не смягчило ихъ нравовъ, а напротивъ усилило въ нихъ тѣ черты характера, которыя старый князь называлъ дикостью. Между ними всегда ходили какіе-нибудь неясные толки то о перечисленіи ихъ всѣхъ въ казаки, то о новой вѣрѣ, въ которую ихъ обратятъ, то о царскихъ листахъ какихъ-то, то о присягѣ Павлу Петровичу въ 1797 году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господа отняли), то объ имѣющемъ черезъ семь лѣтъ воцариться Петрѣ Өеодоровичѣ, при которомъ все будетъ вольно и такъ будетъ просто, что ничего не будетъ. Слухи о войнѣ и Бонапартѣ и его нашествіи соединились для нихъ съ такими же неясными представленіями объ антихристѣ, концѣ свѣта и чистой волѣ.

Въ окрестности Богучарова были все большія села, казенныя и оброчныя помѣщичьи. Живущихъ въ этой мѣстности помѣщиковъ было очень мало; очень мало было также дворовыхъ и грамотныхъ, и въ жизни крестьянъ этой мѣстности были замѣтнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, тѣ таинственныя струи народной русской жизни, причины и значеніе которыхъ бываютъ необъяснимы для современниковъ. Одно изъ такихъ явленій было, проявившееся лѣтъ двадцать тому назадъ, движеніе между крестьянами этой мѣстности къ переселенію на какія-то теплыя рѣки. Сотни крестьянъ, въ томъ числѣ и Богучаровскіе, стали вдругъ распродавать свой скотъ и уѣзжать съ семействами куда-то на юго-востокъ. Какъ птицы летятъ куда-то за моря, стремились эти люди съ женами и дѣтьми туда, на юго-востокъ, гдѣ никто изъ нихъ не былъ. Они поднимались караванами, поодиночкѣ выкупа-

лись, бѣжали и ѣхали, и шли туда, на теплыя рѣки. Многіе были наказаны, сосланы въ Сибирь, многіе съ холода и голода умерли на дорогѣ, многіе вернулись сами, и движеніе затихло само собой такъ же, какъ оно и началось безъ очевидной причины. Но подводныя струи не переставали течь въ этомъ народѣ и собирались для какой-то новой силы, имѣющей проявиться такъ же странно, неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто, естественно и сильно. Теперь, въ 1812 году, для человѣка близко жившаго съ народомъ, замѣтно было, что эти подводныя струи производили сильную работу и были близки къ проявленію.

Алпатычъ, пріѣхавъ въ Богучарово нѣсколько времени предъ кончиной стараго князя, замѣтилъ, что между народомъ происходило волненіе, и что противно тому, что̀ происходило въ полосѣ Лысыхъ Горъ на шестидесяти-верстномъ радіусѣ, гдѣ всѣ крестьяне уходили (предоставляя казакамъ разорять свои деревни), въ полосѣ степной, въ Богучаровской, крестьяне, какъ слышно было, имѣли сношенія съ французами, получали какія-то бумаги, ходившія между ними, и оставались на мѣстахъ. Онъ зналъ черезъ преданныхъ ему дворовыхъ людей, что ѣздившій на дняхъ съ казенною подводой мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни изъ которыхъ выходятъ жители, но что французы ихъ не трогаютъ. Онъ зналъ, что другой мужикъ вчера привезъ даже изъ села Вислоухова—гдѣ стояли французы — бумагу отъ генерала французскаго, въ которой жителямъ объявлялось, что имъ не будетъ сдѣлано никакого вреда, и за все, что̀ у нихъ возьмутъ, заплатятъ, если они останутся. Въ доказательство того, мужикъ привезъ въ Вислоухово сто рублей

ассигнаціями (онъ не зналъ, что они были фальшивыя), выданные ему впередъ за сѣно.

Наконецъ, важнѣе всего, Алпатычъ зналъ, что въ тотъ самый день, какъ онъ приказалъ старостѣ собрать подводы для вывоза обоза княжны изъ Богучарова, поутру была на деревнѣ сходка, на которой положено было не вывозиться и ждать. А между тѣмъ время не терпѣло. Предводитель, въ день смерти князя, 15-го августа, настаивалъ у княжны Марьи на томъ, чтобъ она уѣхала въ тотъ же день, такъ какъ становилось опасно. Онъ говорилъ, что послѣ 16-го онъ не отвѣчаетъ ни за что̀. Въ день же смерти князя онъ уѣхалъ вечеромъ, но обѣщалъ пріѣхать на похороны на другой день. Но на другой день онъ не могъ пріѣхать, такъ какъ, по полученнымъ имъ самимъ извѣстіямъ, французы неожиданно подвинулись, и онъ только успѣлъ увезти изъ своего имѣнія свое семейство и все цѣнное.

Лѣтъ тридцать Богучаровымъ управлялъ староста Дронъ, котораго старый князь звалъ Дронушкой.

Дронъ былъ одинъ изъ тѣхъ крѣпкихъ физически и нравственно мужиковъ, которые, какъ только войдутъ въ года, обрастутъ бородой, такъ не измѣняясь живутъ до 60-ти— 70 лѣтъ, безъ одного сѣдого волоса или недостатка зуба, такіе же прямые и сильные въ шестьдесятъ лѣтъ, какъ и въ тридцать.

Дронъ, вскорѣ послѣ переселенія на теплыя рѣки, въ которомъ онъ участвовалъ, какъ и другіе, былъ сдѣланъ старостой-бурмистромъ въ Богучаровѣ, и съ тѣхъ поръ 23 года безупречно пробылъ въ этой должности. Мужики боялись его больше чѣмъ барина. Господа и старый князь, и молодой, и управляющій, уважали его и въ шутку называли ми-

нистромъ. Во все время своей службы Дронъ ни разу не былъ ни пьянъ, ни боленъ; никогда, ни послѣ безсонныхъ ночей, ни послѣ какихъ бы то ни было трудовъ, не выказывалъ ни малѣйшей усталости, и не зная грамотѣ, никогда не забывалъ ни одного счета денегъ и пудовъ муки по огромнымъ обозамъ, которые онъ продавалъ, и ни одной копны ужина хлѣба на каждой десятинѣ Богучаровскихъ полей.

Этого-то Дрона Алпатычъ, пріѣхавшій изъ разоренныхъ Лысыхъ Горъ, призвалъ къ себѣ въ день похоронъ князя и приказалъ ему приготовить 12 лошадей подъ экипажи княжны и 18 подводъ подъ обозъ, который долженъ былъ быть поднятъ изъ Богучарова. Хотя мужики и были оброчные, исполненіе приказанія этого не могло встрѣтить затрудненія, по мнѣнію Алпатыча, такъ какъ въ Богучаровѣ было 230 тяголъ и мужики были зажиточные. Но староста Дронъ, выслушавъ приказаніе, молча опустилъ глаза. Алпатычъ назвалъ ему мужиковъ, которыхъ онъ зналъ, и съ которыхъ онъ приказывалъ взять подводы.

Дронъ отвѣчалъ, что лошади у этихъ мужиковъ въ извозѣ. Алпатычъ назвалъ другихъ мужиковъ. И у этихъ, по словамъ Дрона, лошадей не было: однѣ были подъ казенными подводами, другія безсильны, у третьихъ подохли лошади отъ безкормицины. Лошадей, по мнѣнію Дрона, нельзя было собрать не только подъ обозъ, но и подъ экипажи.

Алпатычъ внимательно посмотрѣлъ на Дрона и нахмурился. Какъ Дронъ былъ образцовымъ старостой-мужикомъ, такъ и Алпатычъ не даромъ управлялъ двадцать лѣтъ имѣніями князя и былъ образцовымъ управляющимъ. Онъ въ высшей степени способенъ былъ понимать чутьемъ потребности и инстинкты народа, съ которымъ имѣлъ дѣло, и потому онъ

былъ превосходнымъ управляющимъ. Взглянувъ на Дрона, онъ тотчасъ понялъ, что отвѣты Дрона не были выраженіемъ мысли Дрона, но выраженіемъ того общаго настроенія Богучаровскаго міра, которымъ староста уже былъ захваченъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что нажившійся и ненавидимый міромъ Дронъ долженъ былъ колебаться между двумя лагерями—господскимъ и крестьянскимъ. Это колебаніе онъ замѣтилъ въ его взглядѣ, и потому Алпатычъ, нахмурившись, придвинулся къ Дрону.

— Ты, Дронушка, слушай!—сказалъ онъ.—Ты мнѣ пустого не говори. Его сіятельство князь Андрей Николаевичъ сами мнѣ приказали, чтобы весь народъ отправить и съ непріятелемъ не оставаться, и царскій на то приказъ есть. А кто остается, тотъ царю измѣнникъ. Слышишь!

— Слушаю,—отвѣчалъ Дронъ, не поднимая глазъ.

Алпатычъ не удовлстворился этимъ отвѣтомъ.

— Эй, Дронъ, худо будетъ!—сказалъ Алпатычъ, покачавъ головой.

— Власть ваша!—сказалъ Дронъ печально.

— Эй, Дронъ, оставь!—повторилъ Алпатычъ, вынимая руку изъ-за пазухи и торжественнымъ жестомъ указывая ею на полъ подъ ноги Дрона.—Я не то что тебя насквозь, я подъ тобой на три аршина все насквозь вижу,—сказалъ онъ, вглядываясь въ полъ подъ ноги Дрона.

Дронъ смутился, бѣгло взглянулъ на Алпатыча, и опять опустилъ глаза.

— Ты вздоръ-то оставь, и народу скажи, чтобы собирались изъ домовъ итти въ Москву и готовили подводы завтра къ утру подъ княжнинъ обозъ, да самъ на сходку не ходи. Слышишь?

Дронъ вдругъ упалъ въ ноги.

— Яковъ Алпатычъ, уволь! Возьми отъ меня ключи, уволь ради Христа.

— Оставь!— сказалъ Алпатычъ строго.— Подъ тобой насквозь на три аршина вижу,—повторилъ онъ, зная, что его мастерство ходить за пчелами, знаніе того, когда сѣять овесъ, и то, что онъ двадцать лѣтъ умѣлъ угодить старому князю, давно пріобрѣли ему славу колдуна, и что способность видѣть на три аршина подъ человѣкомъ приписывается колдунамъ.

Дронъ всталъ и хотѣлъ что-то сказать, но Алпатычъ перебилъ его.

— Чтò вы это вздумали? А?.. Чтò жъ вы думаете? А?

— Чтò мнѣ съ народомъ дѣлать?—сказалъ Дронъ.—Взбуровило совсѣмъ. Я и то имъ говорю...

— То-то говорю,—сказалъ Алпатычъ.—Пьютъ?—коротко спросилъ онъ.

— Весь взбуровился, Яковъ Алпатычъ: другую бочку привезли.

— Такъ ты слушай. Я къ исправнику поѣду, а ты народу повѣсти, и чтобъ они это бросили и чтобы подводы были.

— Слушаю,—отвѣчалъ Дронъ.

Больше Яковъ Алпатычъ не настаивалъ. Онъ долго управлялъ народомъ и зналъ, что главное средство для того, чтобы люди повиновались, состоитъ въ томъ, чтобы не показывать имъ сомнѣнія въ томъ, что они могутъ не повиноваться. Добившись отъ Дрона покорнаго „слушаю-съ“, Яковъ Алпатычъ удовлетворился этимъ, хотя онъ не только сомнѣвался, но почти былъ увѣренъ въ томъ, что подводы безъ помощи воинской команды не будутъ доставлены.

И дѣйствительно, къ вечеру подводы не были собраны. На деревнѣ у кабака была опять сходка, и на сходкѣ положено было угнать лошадей въ лѣсъ и не выдавать подводъ. Ничего не говоря объ этомъ княжнѣ, Алпатычъ велѣлъ сложить съ пришедшихъ изъ Лысыхъ Горъ свою собственную кладь и приготовить этихъ лошадей подъ кареты княжны, а самъ поѣхалъ къ начальству.

X.

Послѣ похоронъ отца, княжна Марья заперлась въ своей комнатѣ и никого не впускала къ себѣ. Къ двери подошла дѣвушка сказать, что Алпатычъ пришелъ спросить приказанія объ отъѣздѣ. (Это было еще до разговора Алпатыча съ Дрономъ.) Княжна Марья приподнялась съ дивана, на которомъ она лежала и сквозь затворенную дверь проговорила, что она никуда и никогда не поѣдетъ, и проситъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ.

Окна комнаты, въ которой лежала княжна Марья, были на западъ. Она лежала на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ, и перебирая пальцами пуговицы на кожаной подушкѣ, видѣла только эту подушку, и неясныя мысли ея были сосредоточены на одномъ: она думала о невозвратимости смерти и о той своей душевной мерзости, которой она не знала до сихъ поръ, и которая выказалась во время болѣзни ея отца. Она хотѣла, но не смѣла молиться, не смѣла въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ она находилась, обращаться къ Богу. Она долго лежала въ этомъ положеніи.

Солнце зашло на другую сторону дома, и косыми вечерними лучами, въ открытыя окна, освѣтило комнату и часть сафьянной подушки, на которую смотрѣла княжна Марья.

Ходъ мыслей ея вдругъ пріостановился. Она безсознательно приподнялась, оправила волоса, встала и подошла къ окну, невольно вдыхая въ себя прохладу яснаго, но вѣтрянаго вечера.

„Да, теперь тебѣ удобно любоваться вечеромъ! Его ужъ нѣтъ, и никто тебѣ не помѣшаетъ“,—сказала она себѣ, и, опустившись на стулъ, она упала головой на подоконникъ.

Кто-то нѣжнымъ и тихимъ голосомъ назвалъ ее со стороны сада и поцѣловалъ въ голову. Она оглянулась. Это была m-elle Бурьенъ, въ черномъ платьѣ и плерезахъ. Она тихо подошла къ княжнѣ Марьѣ, со вздохомъ поцѣловала ее и тотчасъ же заплакала. Княжна Марья оглянулась на нее. Всѣ прежнія столкновенія съ нею, ревность къ ней, вспомнились княжнѣ Марьѣ; вспомнилось и то, какъ *онъ* послѣднее время измѣнился къ m-elle Бурьенъ, не могъ ее видѣть, и стало-быть, какъ несправедливы были тѣ упреки, которые княжна Марья въ душѣ своей дѣлала ей. „Да и мнѣ ли, мнѣ ли, желавшей его смерти, осуждать кого-нибудь“,—подумала она.

Княжнѣ Марьѣ живо представилось положеніе m-elle Бурьенъ, въ послѣднее время отдаленной отъ ея общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ зависящей отъ нея и живущей въ чужомъ домѣ. И ей стало жалко ея. Она кротко-вопросительно посмотрѣла на нее и протянула ей руку. M-elle Бурьенъ тотчасъ заплакала, стала цѣловать ея руку и говорить о горѣ, постигшемъ княжну, дѣлая себя участницею этого горя. Она говорила о томъ, что единственное утѣшеніе въ ея горѣ есть то, что княжна позволила ей раздѣлить его съ нею. Она говорила, что всѣ бывшія недоразумѣнія должны уничтожиться предъ великимъ горемъ, что она чувствуетъ себя чистою

предъ всѣми, и что *она* оттуда видитъ ея любовь и благодарность. Княжна слушала ее, не понимая ея словъ, но изрѣдка взглядывая на нее и вслушиваясь въ звуки ея голоса.

— Ваше положеніе вдвойнѣ ужасно, милая княжна,—помолчавъ немного сказала m-elle Бурьенъ.—Я понимаю, что вы не могли и не можете думать о себѣ; но я моею любовью къ вамъ обязана это сдѣлать... Алпатычъ былъ у васъ? Говорилъ онъ съ вами объ отъѣздѣ?—спросила она.

Княжна Марья не отвѣчала. Она не понимала, куда и кто долженъ былъ ѣхать. „Развѣ можно было что-нибудь предпринимать теперь, думать о чемъ-нибудь? Развѣ не все равно?“ Она не отвѣчала.

— Вы знаете ли, милая княжна,—сказала m-elle Бурьенъ,—знаете ли, что мы въ опасности, что мы окружены французами; ѣхать теперь опасно. Ежели мы поѣдемъ, мы почти навѣрное попадемся въ плѣнъ, и Богъ знаетъ...

Княжна Марья смотрѣла на свою подругу, не понимая того, что̀ она говорила.

— Ахъ, ежели бы кто зналъ, какъ мнѣ все, все равно теперь,—сказала она.—Разумѣется, я ни за что не желала бы уѣхать отъ *него*...—Алпатычъ мнѣ говорилъ что-то объ отъѣздѣ... Поговорите съ нимъ, я ничего, ничего не могу и не хочу...

— Я говорила съ нимъ. Онъ надѣется, что мы успѣемъ уѣхать завтра; но я думаю, что теперь лучше бы было остаться здѣсь,—сказала m-elle Бурьенъ.—Потому что, согласитесь, княжна, попасть въ руки солдатъ или бунтующихъ мужиковъ на дорогѣ—было бы ужасно.—M-elle Бурьенъ достала изъ ридикюля объявленіе (не на русской обыкновенной бумагѣ) французскаго генерала Рамо о томъ, чтобы жители не покидали своихъ домовъ, что имъ оказано будетъ долж-

ное покровительство французскими властями, и подала его княжнѣ.

— Я думаю, что лучше обратиться къ этому генералу,— сказала m-elle Бурьенъ,—и я увѣрена, что вамъ будетъ оказано должное уваженіе.

Княжна Марья читала бумагу, и сухія рыданія задергали ея лицо.

— Черезъ кого вы получили это?—сказала она.

— Вѣроятно узнали, что я француженка по имени,—краснѣя сказала m-elle Бурьенъ.

Княжна Марья съ бумагой въ рукѣ встала отъ окна, и съ блѣднымъ лицомъ вышла изъ комнаты и пошла въ бывшій кабинетъ князя Андрея.

— Дуняша, позовите ко мнѣ Алпатыча, Дронушку, кого-нибудь!—сказала княжна Марья,—и скажите Амальѣ Карловнѣ, чтобъ она не входила ко мнѣ,—прибавила она, услыхавъ голосъ m-elle Бурьенъ.—Поскорѣе ѣхать! Ѣхать скорѣе!—говорила княжна Марья, ужасаясь мысли о томъ, что она могла остаться во власти французовъ.

„Чтобы князь Андрей зналъ, что она во власти французовъ! Чтобъ она, дочь князя Николая Андреевича Болконскаго, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодѣяніями!“ Эта мысль приводила ее въ ужасъ, заставляла ее содрогаться, краснѣть и чувствовать еще неиспытанные ею припадки злобы и гордости. Все, что только было тяжелаго и, главное, оскорбительнаго въ ея положеніи, живо представлялось ей. „Они, французы, поселятся въ этомъ домѣ; господинъ генералъ Рамо займетъ кабинетъ князя Андрея; будутъ для забавы перебирать и читать его письма и бумаги. M-elle Бурьенъ

будетъ принимать его съ почестями въ Богучаровѣ. Мнѣ дадутъ комнату изъ милости; солдаты разорятъ свѣжую могилу отца, чтобы снять съ него кресты и звѣзды; они мнѣ будутъ разсказывать о побѣдахъ надъ русскими, будутъ притворно выражать сочувствіе моему горю...“ думала княжна Марья не своими мыслями, но чувствуя себя обязанною думать за себя мыслями своего отца и брата. Для нея лично было все равно гдѣ бы ни оставаться и что̀ бы съ ней ни было, но она чувствовала себя вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей своего покойнаго отца и князя Андрея. Она невольно думала ихъ мыслями и чувствовала ихъ чувствами. Что̀ бы они сказали, что̀ бы они сдѣлали теперь, то самое она чувствовала необходимымъ сдѣлать. Она пошла въ кабинетъ князя Андрея и, стараясь проникнуться его мыслями, обдумывала свое положеніе.

Требованія жизни, которыя она считала уничтоженными со смертью отца, вдругъ съ новою, еще неизвѣстною силою возникли предъ княжной Марьей и охватили ее.

Взволнованная, красная, она ходила по комнатѣ, требуя къ себѣ то Алпатыча, то Михаила Ивановича, то Тихона, то Дрона. Дуняша, няня и всѣ дѣвушки ничего не могли сказать о томъ, въ какой мѣрѣ справедливо было то, что̀ объявила m-elle Бурьенъ. Алпатыча не было дома: онъ уѣхалъ къ начальству. Призванный Михаилъ Иванычъ—архитекторъ, явившійся къ княжнѣ Марьѣ съ заспанными глазами, ничего не могъ сказать ей. Онъ точно съ тою же улыбкой согласія, съ которою онъ привыкъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ отвѣчать, не выражая своего мнѣнія, на обращенія стараго князя, отвѣчалъ на вопросы княжны Марьи, такъ что ничего опредѣленнаго нельзя было вывести изъ его отвѣтовъ. Призванный старый камердинеръ Тихонъ, съ опавшимъ и осунув-

шимся лицомъ, носившимъ на себѣ отпечатокъ неизлѣчимаго горя, отвѣчалъ „слушаю-съ“ на всѣ вопросы княжны Марьи и едва удерживался отъ рыданій, глядя на нее.

Наконецъ вошелъ въ комнату староста Дронъ и, низко поклонившись княжнѣ, остановился у притолки.

Княжна Марья прошлась по комнатѣ и остановилась противъ него.

— Дронушка,—сказала княжна Марья, видѣвшая въ немъ несомнѣннаго друга, того самаго Дронушку, который изъ своей ежегодной поѣздки на ярмарку въ Вязьму привозилъ ей всякій разъ и съ улыбкой подавалъ свои особенные пряники.—Дронушка, теперь, послѣ нашего несчастія...—начала она, и замолчала, не въ силахъ говорить дальше.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ,—со вздохомъ сказалъ онъ. Они помолчали.

— Дронушка, Алпатычъ куда-то уѣхалъ, мнѣ не къ кому обратиться. Правду ли мнѣ говорятъ, что мнѣ и уѣхать нельзя?

— Отчего же тебѣ не ѣхать, ваше сіятельство, ѣхать можно,—сказалъ Дронъ.

— Мнѣ сказали, что опасно отъ непріятеля. Голубчикъ, я ничего не могу, ничего не понимаю, со мной никого нѣтъ. Я непремѣнно хочу ѣхать ночью или завтра рано утромъ.— Дронъ молчалъ. Онъ исподлобья взглянулъ на княжну Марью.

— Лошадей нѣтъ,—сказалъ онъ,—я и Яковъ Алпатычу говорилъ.

— Отчего же нѣтъ?—сказала княжна.

— Все отъ Божьяго наказанія,—сказалъ Дронъ.—Какія лошади были, подъ войска разобрали, а какія подохли: нынче годъ такой. Не то лошадей кормить, а какъ бы самимъ съ

голоду не помереть! И такъ по три дня не ѣвши сидятъ. Нѣтъ ничего, разорили въ конецъ.

Княжна Марья внимательно слушала то, что̀ онъ говорилъ ей.

— Мужики разорены? У нихъ хлѣба нѣтъ?—спросила она.

— Голодною смертью помираютъ,—сказалъ Дронъ,—не то что подводы.

— Да отчего же ты не сказалъ, Дронушка? Развѣ нельзя помочь? Я все сдѣлаю, что̀ могу...—Княжнѣ Марьѣ странно было думать, что теперь, въ такую минуту, когда такое горе наполняло ея душу, могли быть люди богатые и бѣдные и что могли богатые не помочь бѣднымъ. Она смутно знала и слышала, что бываетъ господскій хлѣбъ и что его даютъ мужикамъ. Она знала тоже, что ни братъ, ни отецъ ея не отказали бы въ нуждѣ мужикамъ; она только боялась ошибиться какъ-нибудь въ словахъ насчетъ этой раздачи мужикамъ хлѣба, которымъ она хотѣла распорядиться. Она была рада тому, что ей представился предлогъ заботы, такой, для которой ей не совѣстно было забыть свое горе. Она стала разспрашивать Дронушку подробности о нуждахъ мужиковъ и о томъ, что̀ есть господскаго въ Богучаровѣ.

— Вѣдь у насъ есть хлѣбъ господскій, братнинъ?—спросила она.

— Господскій хлѣбъ весь цѣлъ,—съ гордостью сказалъ Дронъ,—нашъ князь не приказывалъ продавать.

— Выдай его мужикамъ, выдай все, что̀ имъ нужно: я тебѣ именемъ брата разрѣшаю,—сказала княжна Марья.

Дронъ ничего не отвѣтилъ и глубоко вздохнулъ.

— Ты раздай имъ этотъ хлѣбъ, ежели его довольно будетъ для нихъ. Все раздай. Я тебѣ приказываю именемъ

брата, и скажи имъ: что̀ наше, то и ихнее. Мы ничего не пожалѣемъ для нихъ. Такъ имъ скажи.

Дронъ пристально смотрѣлъ на княжну въ то время, какъ она говорила.

— Уволь ты меня, матушка, ради Бога, вели отъ меня ключи принять, — сказалъ онъ. — Служилъ 23 года, худого не дѣлалъ, уволь, ради Бога.

Княжна Марья не понимала, чего онъ хотѣлъ отъ нея и отчего онъ просилъ уволить себя. Она отвѣчала ему, что она никогда не сомнѣвалась въ его преданности, и что она все готова сдѣлать для него и для мужиковъ.

XI.

Черезъ часъ послѣ этого Дуняша пришла къ княжнѣ съ извѣстіемъ, что пришелъ Дронъ и всѣ мужики по приказанію княжны собрались у амбара, желая переговорить съ госпожею.

— Да я никогда не звала ихъ, — сказала княжна Марья; — я только сказала Дронушкѣ, чтобы раздать имъ хлѣба.

— Только ради Бога, княжна-матушка, прикажите ихъ прогнать и не ходите къ нимъ. Все обманъ одинъ, — говорила Дуняша: — а Яковъ Алпатычъ пріѣдутъ, и поѣдемъ... а вы не извольте...

— Какой же обманъ? — удивленно спросила княжна.

— Да ужъ я знаю, только послушайте меня, ради Бога. Вотъ и няню хоть спросите. Говорятъ, не согласны уѣзжать по вашему приказанію.

— Ты что-нибудь не то говоришь. Да я никогда не приказывала уѣзжать..., — сказала княжна Марья. — Позови Дронушку.

Пришедшій Дронъ подтвердилъ слова Дуняши: мужики пришли по приказанію княжны.

— Да я никогда не звала ихъ, — сказала княжна. — Ты вѣрно не такъ передалъ имъ. Я только сказала, чтобы ты имъ отдалъ хлѣбъ.

Дронъ, не отвѣчая, вздохнулъ.

— Если прикажете,—они уйдутъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду къ нимъ,—сказала княжна Марья.

Несмотря на отговариванье Дуняши и няни, княжна Марья вышла на крыльцо. Дронушка, Дуняша, няня и Михаилъ Иванычъ шли за нею.

„Они вѣроятно думаютъ, что я предлагаю имъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобъ они остались на своихъ мѣстахъ, и сама уѣду, бросивъ ихъ на произволъ французовъ", думала княжна Марья. „Я имъ буду обѣщать мѣсячину въ подмосковной квартирѣ; я увѣрена, что братъ Андрей еще больше бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ", думала она, подходя въ сумеркахъ къ толпѣ, стоявшей на выгонѣ у амбара.

Толпа скучиваясь зашевелилась, и быстро снялись шляпы. Княжна Марья, опустивъ глаза и путаясь ногами въ платьѣ, близко подошла къ нимъ. Столько разнообразныхъ старыхъ и молодыхъ глазъ было устремлено на нее, и столько было разныхъ лицъ, что княжна Марья не видала ни одного лица и, чувствуя необходимость говорить вдругъ со всѣми, не знала какъ быть. Но опять сознаніе того, что она—представительница отца и брата, придало ей силы, и она смѣло начала свою рѣчь.

— Я очень рада, что вы пришли,—начала княжна Марья, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце.—Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила вой-

на. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко... потому что... Я вамъ отдаю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобъ у васъ не было нужды. А ежели вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я, напротивъ, прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и домы и хлѣба.

Княжна остановилась. Въ толпѣ только слышались вздохи.

— Я не отъ себя дѣлаю это,—продолжала княжна:—я это дѣлаю именемъ покойнаго отца, который былъ вамъ хорошимъ бариномъ, и за брата, и за его сына.

Она опять остановилась. Никто не прерывалъ ея молчанія.

— Горе наше общее, и будемъ дѣлить все пополамъ. Все что̀ мое, то ваше,—сказала она, оглядывая лица, стоявшія предъ нею.

Всѣ глаза смотрѣли на нее съ одинаковымъ выраженіемъ, значенія котораго она не могла понять. Было ли это любопытство, преданность, благодарность, или испугъ и недовѣріе, но выраженіе на всѣхъ лицахъ было одинаковое.

— Много довольны вашими милостями, только брать намъ господскій хлѣбъ не приходится,—сказалъ голосъ сзади.

— Да отчего же; — сказала княжна. Никто не отвѣтилъ, и княжна Марья, оглядываясь по толпѣ, замѣчала, что теперь всѣ глаза, съ которыми она встрѣчалась, тотчасъ же опускались.

— Да отчего же вы не хотите?—спросила она опять.

Никто не отвѣчалъ.

Княжнѣ Марьѣ становилось тяжело отъ этого молчанья; она старалась уловить чей-нибудь взглядъ.

— Отчего вы не говорите? — обратилась княжна къ старому старику, который, облокотившись на палку, стоялъ предъ ней.—Скажи, ежели ты думаешь, что еще что-нибудь нужно. Я все сдѣлаю, — сказала она, уловивъ его взглядъ. Но онъ, какъ будто разсердившись за это, опустилъ совсѣмъ голову и проговорилъ:

— Чего соглашаться-то, не нужно намъ хлѣба.

— Что́-жъ намъ все бросить-то? Несогласны. Несогласны... Нѣтъ нашего согласія. Мы тебя жалѣемъ, и нашего согласія нѣтъ. Поѣзжай сама, одна...— раздалось въ толпѣ съ разныхъ сторонъ. И опять на всѣхъ лицахъ этой толпы показалось одно и то же выраженіе, и теперь это было уже навѣрное не выраженіе любопытства и благодарности, а выраженіе озлобленной рѣшительности.

— Да вы не поняли вѣрно, — съ грустною улыбкой сказала княжна Марья. — Отчего вы не хотите ѣхать? Я обѣщаю поселить васъ, кормить. А здѣсь непріятель разоритъ васъ...—Но голосъ ея заглушали голоса толпы.

— Нѣтъ нашего согласія, пускай разоряетъ! Не беремъ твоего хлѣба, нѣтъ согласія нашего!

Княжна Марья старалась уловить опять чей-нибудь взглядъ изъ толпы, но ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на нее; глаза очевидно избѣгали ея. Ей стало странно и неловко.

— Вишь, научила, ловко, за ней въ крѣпость поди. Дома разори, да въ кабалу и ступай. Какъ же? Я хлѣбъ, молъ, отдамъ!—слышались голоса въ толпѣ.

Княжна Марья, опустивъ голову, вышла изъ круга и по-

шла въ домъ. Повторивъ Дрону приказанiе о томъ, чтобы завтра были лошади для отъѣзда, она ушла въ свою комнату и осталась одна съ своими мыслями.

XII.

Долго эту ночь княжна Марья сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ говора мужиковъ, доносившагося съ деревни, но она не думала о нихъ. Она чувствовала, что, сколько бы она ни думала о нихъ, она не могла бы понять ихъ. Она думала все объ одномъ— о своемъ горѣ, которое теперь, послѣ перерыва, произведеннаго заботами о настоящемъ, уже сдѣлалось для нея прошедшимъ. Она теперь уже могла вспоминать, могла плакать и могла молиться. Съ заходомъ солнца вѣтеръ затихъ. Ночь была тихая и свѣжая. Въ 12-мъ часу голоса стали затихать; пропѣлъ пѣтухъ; изъ-за липъ стала выходить полная луна; поднялся свѣжiй, бѣлый туманъ-роса, и надъ деревней и надъ домомъ воцарилась тишина.

Одна за другою представлялись ей картины близкаго прошедшаго—болѣзни и послѣднихъ минутъ отца. И съ грустною радостью она теперь останавливалась на этихъ образахъ, отгоняя отъ себя съ ужасомъ только одно послѣднее представленiе его смерти, которое — она чувствовала — она была не въ силахъ созерцать даже въ своемъ воображенiи въ этотъ тихiй и таинственный часъ ночи. И картины эти представлялись ей съ такою ясностью и съ такими подробностями, что онѣ казались ей то дѣйствительностью, то прошедшимъ, то будущимъ.

То ей живо представлялась та минута, когда съ нимъ сдѣлался ударъ и его изъ сада въ Лысыхъ Горахъ волокли подъ

руки, и онъ бормоталъ что-то безсильнымъ языкомъ, дергалъ сѣдыми бровями, и безпокойно и робко смотрѣлъ на нее.

„Онъ и тогда хотѣлъ сказать мнѣ то, что̀ онъ сказалъ мнѣ въ день своей смерти“, думала она.—„Онъ всегда думалъ то, что̀ онъ сказалъ мнѣ“. И вотъ ей со всѣми подробностями вспомнилась та ночь въ Лысыхъ Горахъ, наканунѣ сдѣлавшагося съ нимъ удара, когда княжна Марья, предчувствуя бѣду, противъ его воли осталась съ нимъ. Она не спала, и ночью на цыпочкахъ сошла внизъ и, подойдя къ двери въ цвѣточную, въ которой въ эту ночь ночевалъ ея отецъ, прислушалась къ его голосу. Онъ измученнымъ, усталымъ голосомъ говорилъ съ Тихономъ. Онъ говорилъ что-то про Крымъ, про теплыя ночи, про императрицу. Ему видно хотѣлось поговорить. „И отчего онъ не позвалъ меня? Отчего онъ не позволилъ быть мнѣ тутъ на мѣстѣ Тихона!“ думала тогда и теперь княжна Марья. „Ужъ онъ не выскажетъ никогда никому теперь всего того, что̀ было въ его душѣ. Ужъ никогда не вернется для него и для меня эта минута, когда бы онъ говорилъ все, что̀ ему хотѣлось высказать, а я, а не Тихонъ, слушала бы и понимала его. Отчего я не вошла тогда въ комнату?“ думала она. „Можетъ-быть, онъ тогда же бы сказалъ мнѣ то, что̀ онъ сказалъ въ день смерти. Онъ и тогда въ разговорѣ съ Тихономъ два раза спросилъ про меня. Ему хотѣлось меня видѣть, а я стояла тутъ, за дверью. Ему было грустно, тяжело говорить съ Тихономъ, который не понималъ его. Помню, какъ онъ заговорилъ съ нимъ про Лизу какъ живую, — онъ забылъ, что она умерла, и Тихонъ напомнилъ ему, что ея ужъ нѣтъ, и онъ закричалъ: „дуракъ“. Ему тяжело было. Я слышала изъ-за двери, какъ онъ, кряхтя, легъ на кровать и

громко прокричалъ: „Богъ мой!“ Отчего я не взошла тогда? Чтò жъ бы онъ сдѣлалъ мнѣ? Чтò бы я потеряла? А можетъ-быть, тогда же онъ утѣшился бы, онъ сказалъ бы мнѣ это слово“. И княжна Марья вслухъ произнесла то ласкательное слово, которое онъ сказалъ ей въ день смерти. „Ду-ше-нь-ка!“ повторила княжна Марья это слово и зарыдала облегчающими душу слезами. Она видѣла теперь предъ собою его лицо. И не то лицо, которое она знала съ тѣхъ поръ какъ себя помнила и которое она всегда видѣла издалека; а то лицо, робкое и слабое, которое она въ послѣднiй день, пригибаясь къ его рту, чтобы слышать то, чтò онъ говорилъ, въ первый разъ разсмотрѣла вблизи со всѣми его морщинами и подробностями.

„Душенька“, повторила она.

„Чтò онъ думалъ, когда сказалъ это слово? Чтò онъ думаетъ теперь?“ вдругъ пришелъ ей вопросъ, и въ отвѣтъ на это, она увидала его предъ собой съ тѣмъ выраженiемъ лица, которое у него было въ гробу на обвязанномъ бѣлымъ платкомъ лицѣ. И тотъ ужасъ, который охватилъ ее тогда, когда она прикоснулась къ нему и убѣдилась, что это не только не былъ онъ, но что-то таинственное и отталкивающее, охватилъ ее и теперь. Она хотѣла думать о другомъ, хотѣла молиться и ничего не могла сдѣлать. Она большими, открытыми глазами смотрѣла на лунный свѣтъ и тѣни, всякую секунду ждала увидать его мертвое лицо, и чувствовала, что тишина, стоявшая надъ домомъ и въ домѣ, заковывала ее.

— Дуняша!—прошептала она.—Дуняша!—вскрикнула она дикимъ голосомъ, и вырвавшись изъ тишины, побѣжала къ дѣвичьей, навстрѣчу бѣгущимъ къ ней нянѣ и дѣвушкамъ.

XIII.

17-го августа Ростовъ и Ильинъ, сопутствуемые только-что вернувшимся изъ плѣна Лаврушкой и вѣстовымъ гусаромъ, изъ своей стоянки Янково, въ 15-ти верстахъ отъ Богучарова, поѣхали кататься верхами—попробовать новую купленную Ильинымъ лошадь и разузнать, нѣтъ ли въ деревняхъ сѣна.

Богучарово находилось послѣдніе три дня между двумя непріятельскими арміями, такъ что такъ же легко могъ зайти туда русскій арріергардъ, какъ и французскій авангардъ, и потому Ростовъ, какъ заботливый эскадронный командиръ, желалъ прежде французовъ воспользоваться тѣмъ провіантомъ, который оставался въ Богучаровѣ.

Ростовъ и Ильинъ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дорогой въ Богучарово, въ княжеское имѣніе съ усадьбой, гдѣ они надѣялись найти большую дворню и хорошенькихъ дѣвушекъ, они то разспрашивали Лаврушку о Наполеонѣ и смѣялись его разсказамъ, то перегонялись, пробуя лошадь Ильина.

Ростовъ и не зналъ и не думалъ, что эта деревня, въ которую онъ ѣхалъ, была имѣнье того самаго Болконскаго который былъ женихомъ его сестры.

Ростовъ съ Ильинымъ въ послѣдній разъ выпустили на перегонку лошадей въ изволокъ предъ Богучаровымъ, и Ростовъ, перегнавшій Ильина, первый вскакалъ въ улицу деревни Богучарова.

— Ты впередъ взялъ,—говорилъ раскраснѣвшійся Ильинъ.

— Да, все впередъ, и на лугу впередъ, и тутъ,—отвѣчалъ Ростовъ, поглаживая рукой своего взмылившагося донца.

— А я на французской, ваше сіятельство, — сзади говорилъ Лаврушка, называя французскою свою упряжную клячу,—перегналъ бы, да только срамить не хотѣлъ.

Они шагомъ подъѣхали къ амбару, у котораго стояла большая толпа мужиковъ.

Нѣкоторые мужики сняли шапки, нѣкоторые, не снимая шапокъ, смотрѣли на подъѣхавшихъ. Два старые, длинные мужика, съ сморщенными лицами и рѣдкими бородами, вышли изъ кабака, и съ улыбками, качаясь и распѣвая какую-то нескладную пѣсню, подошли къ офицерамъ.

— Молодцы!—сказалъ смѣясь Ростовъ.—Что, сѣно есть?

— И одинакіе какіе....—сказалъ Ильинъ.

— Развесс.....о.....оо.....олая бе....сѣ....бе....е....сѣ....—распѣвалъ мужикъ съ счастливою улыбкой.

Одинъ мужикъ вышелъ изъ толпы и подошелъ къ Ростову.

— Вы изъ какихъ будете? — спросилъ онъ.

— Французы,—отвѣчалъ смѣючись Ильинъ.—Вотъ и Наполеонъ самъ,—сказалъ онъ, указывая на Лаврушку.

— Стало-быть, русскіе будете?—переспросилъ мужикъ.

— А много вашей силы тутъ? — спросилъ другой небольшой мужикъ, подходя къ нимъ.

— Много, много,—отвѣчалъ Ростовъ.—Да вы что жъ собрались тутъ?—прибавилъ онъ,—праздникъ что ль?

— Старички собрались, по мірскому дѣлу,—отвѣчалъ мужикъ, отходя отъ него.

Въ это время по дорогѣ отъ барскаго дома показались двѣ женщины и человѣкъ въ бѣлой шляпѣ, шедшіе къ офицерамъ.

— Въ розовомъ моя, чуръ не отбивать!—сказалъ Ильинъ, замѣтивъ рѣшительно подбѣгающую къ нему Дуняшу.

— Наша будетъ!—подмигнувъ сказалъ Ильину Лаврушка.

— Что, моя красавица, нужно?—сказалъ Ильинъ, улыбаясь.

— Княжна приказала спросить, какого вы полка и какъ ваша фамилія.

— Это графъ Ростовъ, эскадронный командиръ, а я вашъ покорный слуга.

— Бе.....сѣ.....ѣ.....ду.....шка!...—распѣвалъ пьяный мужикъ, счастливо улыбаясь и глядя на Ильина, разговаривающаго съ дѣвушкой. Вслѣдъ за Дуняшей подошелъ къ Ростову Алпатычъ, еще издали снявъ свою шляпу.

— Осмѣлюсь безпокоить, ваше благородіе,—сказалъ онъ съ почтительностью, но съ относительнымъ пренебреженіемъ къ юности этого офицера и заложивъ руку за пазуху.—Моя госпожа, дочь скончавшагося сего 15-го числа генералъ-аншефа князя Николая Андреевича Болконскаго, находясь въ затрудненіи по случаю невѣжества этихъ лицъ,—онъ указалъ на мужиковъ,—проситъ васъ пожаловать... не угодно ли будетъ,—съ грустною улыбкой сказалъ Алпатычъ,—отъѣхать нѣсколько, а то не такъ удобно при... — Алпатычъ указалъ на двухъ мужиковъ, которые сзади такъ и носились около него, какъ слѣпни около лошади.

— А!... Алпатычъ... А! Яковъ Алпатычъ!.. Важно! прости ради Христа! Важно! А?..—говорили мужики, радостно улыбаясь ему.

Ростовъ посмотрѣлъ на пьяныхъ мужиковъ и улыбнулся.

— Или можетъ это утѣшаетъ ваше сіятельство?—сказалъ Яковъ Алпатычъ съ степеннымъ видомъ, не заложенною за пазуху рукой указывая на стариковъ.

— Нѣтъ, тутъ утѣшенья мало,—сказалъ Ростовъ и отъѣхалъ.—Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что грубый народъ здѣшній не желаетъ выпустить госпожу изъ имѣнья и угрожаетъ отпрячь лошадей, такъ что съ утра все уложено, и ея сіятельство не могутъ выѣхать.

— Не можетъ быть?—вскрикнулъ Ростовъ.

— Имѣю честь докладывать вамъ сущую правду,—повторилъ Алпатычъ.

Ростовъ слѣзъ съ лошади и, передавъ ее вѣстовому, пошолъ съ Алпатычемъ къ дому, разспрашивая его о подробностяхъ дѣла. Дѣйствительно, вчерашнее предложеніе княжны мужикамъ хлѣба, ея объясненіе съ Дрономъ и съ сходкою, такъ испортили дѣло, что Дронъ окончательно сдалъ ключи, присоединился къ мужикамъ и не являлся по требованію Алпатыча, и что поутру, когда княжна велѣла закладывать, чтобъ ѣхать, мужики вышли большой толпой къ амбару и выслали сказать, что они не выпустятъ княжны изъ деревни, что есть приказъ, чтобы не вывозиться, и они выпрягутъ лошадей. Алпатычъ выходилъ къ нимъ, усовѣщивая ихъ, но ему отвѣчали (больше всѣхъ говорилъ Карпъ, Дронъ не показывался изъ толпы), что княжну нельзя выпустить, что на то приказъ есть, а что княжна пускай остается, и они по старому будутъ служить ей и во всемъ повиноваться.

Въ ту минуту, когда Ростовъ и Ильинъ проскакали по дорогѣ, княжна Марья, несмотря на отговариванье Алпатыча, няни и дѣвушекъ, велѣла закладывать и хотѣла ѣхать; но увидавъ проскакавшихъ кавалеристовъ, ихъ приняли за французовъ, кучера разбѣжались, и въ домѣ поднялся плачъ женщинъ.

— Батюшка! отецъ родной! Богъ тебя послалъ,—говорили

умиленные голоса въ то время, какъ Ростовъ проходилъ черезъ переднюю.

Княжна Марья, потерянная и безсильная, сидѣла въ залѣ въ то время, какъ къ ней ввели Ростова. Она не понимала, кто онъ, и зачѣмъ онъ, и что̀ съ нею будетъ. Увидавъ его русское лицо и по входу е о и первымъ сказаннымъ словамъ признавъ его за человѣка своего круга, она взглянула на него своимъ глубокимъ и лучистымъ взглядомъ и начала говорить обрывавшимся и дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Ростову тотчасъ же представилось что-то романическое въ этой встрѣчѣ. „Беззащитная, убитая горемъ дѣвушка, одна, оставленная на произволъ грубыхъ бунтующихъ мужиковъ! И какая-то странная судьба натолкнула меня сюда!“ думалъ Ростовъ, слушая ее и глядя на нее.—„И какая кротость, благородство въ ея чертахъ и въ выраженіи!“ — думалъ онъ, слушая ея робкій разсказъ.

Когда она заговорила о томъ, что все это случилось на другой день послѣ похоронъ отца, ея голосъ задрожалъ. Она отвернулась и потомъ, какъ бы боясь, чтобы Ростовъ не принялъ ея слова за желаніе разжалобить его, вопросительно-испуганно взглянула на него. У Ростова слезы стояли въ глазахъ. Княжна Марья замѣтила это и благодарно посмотрѣла на Ростова тѣмъ своимъ лучистымъ взглядомъ, который заставлялъ забывать некрасивость ея лица.

— Не могу выразить, княжна, какъ я счастливъ тѣмъ, что я случайно заѣхалъ сюда и буду въ состояніи показать вамъ свою готовность,—сказалъ Ростовъ, вставая.—Извольте ѣхать, и я отвѣчаю вамъ своею честью, что ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ сдѣлать вамъ непріятность, ежели вы мнѣ только позволите конвоировать васъ,—и, почтительно покло-

нившись, какъ кланяются дамамъ царской крови, онъ направился къ двери.

Почтительностью своего тона Ростовъ какъ будто показывалъ, что, несмотря на то, что онъ за счастье бы счелъ свое знакомство съ нею, онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ ея несчастія для сближенія съ нею.

Княжна Марья поняла и оцѣнила этотъ тонъ.

— Я очень, очень благодарна вамъ,—сказала ему княжна по-французски,—но надѣюсь, что все это было только недоразумѣнье, и что никто не виноватъ въ томъ. — Княжна вдругъ заплакала.—Извините меня,—сказала она.

Ростовъ, нахмурившись, еще разъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты.

XIV.

— Ну, что̀, мила? Нѣтъ, братъ, розовая моя прелесть, и Дуняшей зовутъ...—Но, взглянувъ въ лицо Ростова, Ильинъ замолкъ. Онъ видѣлъ, что его герой и командиръ находился совсѣмъ въ другомъ строѣ мыслей.

Ростовъ злобно оглянулся на Ильина и не отвѣчая ему, быстрыми шагами направился къ деревнѣ.

— Я имъ покажу, я имъ задамъ, разбойникамъ, — говорилъ онъ про себя.

Алпатычъ плывущимъ шагомъ, чтобы только не бѣжать, рысью едва догналъ Ростова.

— Какое рѣшеніе изволили принять? — сказалъ онъ, догнавъ его. Ростовъ остановился и, сжавъ кулаки, вдругъ грозно подвинулся на Алпатыча.

— Рѣшеніе? Какое рѣшеніе? Старый хрычъ! — крикнулъ онъ на него. — Ты чего смотрѣлъ? А? Мужики бунтуютъ,

а ты не умѣешь справиться? Ты самъ измѣнникъ. Знаю я васъ, шкуру спущу со всѣхъ...—И какъ будто боясь растратить понапрасну запасъ своей горячности, онъ оставилъ Алпатыча и быстро пошелъ впередъ. Алпатычъ, подавивъ чувство оскорбленія, плывущимъ шагомъ поспѣвалъ за Ростовымъ и продолжалъ сообщать ему свои соображенія. Онъ говорилъ, что мужики находились въ закоснѣлости, что въ настоящую минуту было неблагоразумно *противуборствовать* имъ, не имѣя военной команды, что не лучше ли бы было послать прежде за командой.

— Я имъ дамъ воинскую команду... Я ихъ попротивуборствую, — безсмысленно приговаривалъ Николай, задыхаясь отъ неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу. Не соображая того, что̀ будетъ дѣлать, безсознательно быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ онъ подвигался къ толпѣ. И чѣмъ ближе онъ подвигался къ ней, тѣмъ больше чувствовалъ Алпатычъ, что неблагоразумный поступокъ его можетъ произвести хорошіе результаты. То же чувствовали и мужики толпы, глядя на его быструю и твердую походку и рѣшительное нахмуренное лицо.

Послѣ того, какъ гусары въѣхали въ деревню и Ростовъ прошелъ къ княжнѣ, въ толпѣ произошло замѣшательство и раздоръ. Нѣкоторые мужики стали говорить, что эти пріѣхавшіе были русскіе, и какъ бы они не обидѣлись тѣмъ, что не выпускаютъ барышню. Дронъ былъ того же мнѣнія; но какъ только онъ выразилъ его, такъ Карпъ и другіе мужики напали на бывшаго старосту.

— Ты міръ-то поѣдомъ ѣлъ сколько годовъ?—кричалъ на него Карпъ. — Тебѣ все одно! Ты кубышку выроешь, увезешь, тебѣ что̀,—разори наши дома, али нѣтъ?

— Сказано, порядокъ чтобъ былъ, не ѣзди никто изъ домовъ, чтобы ни синь пороха не вывозить — вотъ она и вся!—кричалъ другой.

— Очередь на твоего сына была, а ты небось гладуха своего пожалѣлъ, — вдругъ быстро заговорилъ маленькій старичекъ, нападая на Дрона, — а моего Ваньку забрилъ. Эхъ, умирать будемъ!

— То-то умирать будемъ!

— Я отъ міру не отказчикъ,—говорилъ Дронъ.

— То-то не отказчикъ, брюхо отростилъ!..

Два длинные мужика говорили свое. Какъ только Ростовъ, сопутствуемый Ильинымъ, Лаврушкой и Алпатычемъ, подошелъ къ толпѣ, Карпъ, заложивъ пальцы за кушакъ, слегка улыбаясь, вышелъ впередъ. Дронъ, напротивъ, зашелъ въ задніе ряды, и толпа сдвинулась плотнѣе.

— Ѳй! кто у васъ староста тутъ? — крикнулъ Ростовъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ толпѣ.

— Староста-то? На что̀ вамъ?..—спросилъ Карпъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ него и голова мотнулась на бокъ отъ сильнаго удара.

— Шапки долой, измѣнники! — крикнулъ полнокровный голосъ Ростова.—Гдѣ староста?—неистовымъ голосомъ кричалъ онъ.

— Старосту, старосту кличетъ... Дронъ Захарычъ, васъ,— послышались кое-гдѣ торопливо-покорные голоса, и шапки стали сниматься съ головъ.

— Намъ бунтовать нельзя, мы порядки блюдемъ, — проговорилъ Карпъ, и нѣсколько голосовъ сзади въ то же мгновеніе заговорили вдругъ:

— Какъ старички порѣшили, много васъ начальства.

— Разговаривать?.. Бунтъ!.. Разбойники! Измѣнники!— безсмысленно, не своимъ голосомъ завопилъ Ростовъ, хватая за воротъ Карпа. — Вяжи его, вяжи! — кричалъ онъ, хотя некому было вязать его кромѣ Лаврушки и Алпатыча.

Лаврушка однако подбѣжалъ къ Карпу и схватилъ его сзади за руки.

— Прикажете нашихъ изъ-подъ горы кликнуть? — крикнулъ онъ.

Алпатычъ обратился къ мужикамъ, вызывая двоихъ по именамъ, чтобы вязать Карпа. Мужики покорно вышли изъ толпы и стали распоясываться.

— Староста гдѣ?—кричалъ Ростовъ.

Дронъ, съ нахмуреннымъ и блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ толпы.

— Ты староста? Вязать, Лаврушка, — кричалъ Ростовъ, какъ будто и это приказаніе не могло встрѣтить препятствій. И дѣйствительно еще два мужика стали вязать Дрона, который, какъ бы помогая имъ, снялъ съ себя кушакъ и подалъ имъ.

— А вы всѣ, слушайте меня,—Ростовъ обратился къ мужикамъ: — сейчасъ маршъ по домамъ, и чтобы голоса вашего я не слыхалъ.

— Что̀ жъ, мы никакой обиды не сдѣлали. Мы только, значитъ, по глупости. Только вздоръ надѣлали... Я же сказывалъ, что непорядки, послышались голоса, упрекавшіе другъ друга.

— Вотъ я же вамъ говорилъ,—сказалъ Алпатычъ, вступая въ свои права.—Нехорошо, ребята.

— Глупость наша, Яковъ Алпатычъ,—отвѣчали голоса, и толпа тотчасъ же стала расходиться и разсыпаться по деревнѣ.

Связанныхъ двухъ мужиковъ повели на барскій дворъ. Два пьяные мужика шли за ними.

— Эхъ, посмотрю я на тебя!—говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Карпу.

— Развѣ можно такъ съ господами говорить? Ты думалъ что? Дуракъ,—подтвердилъ другой,—право дуракъ.

Черезъ два часа подводы стояли на дворѣ Богучаровскаго дома. Мужики оживленно выносили и укладывали на подводы господскія вещи, и Дронъ, по желанію княжны Марьи выпущенный изъ рундука, куда его заперли, стоя на дворѣ, распоряжался мужиками.

— Ты ея такъ дурно не клади,—говорилъ одинъ изъ мужиковъ, высокій человѣкъ съ круглымъ, улыбающимся лицомъ, принимая изъ рукъ горничной шкатулку. — Она вѣдь тоже денегъ стòитъ. Чтò же ты ее такъ-то вотъ бросишь или подъ веревку, а она и потрется. Я такъ не люблю. А чтобы все честно, по закону было. Вотъ такъ-то, подъ рогожку, да сѣнцомъ прикрой, вотъ и важно.

— Ишь книгъ-то, книгъ,—сказалъ другой мужикъ выносившій библіотечные шкапы князя Андрея.—Ты не цѣпляй! А грузно, ребята, книги здоровыя!

— Да, писали не гуляли!—значительно подмигнувъ, сказалъ высокій круглолицый мужикъ, указывая на лексиконы, лежавшіе сверху.

Ростовъ, не желая навязывать свое знакомство княжнѣ, не пошелъ къ ней, а остался на деревнѣ, ожидая ея выѣзда. Дождавшись выѣзда экипажей княжны Марьи изъ дома, Ростовъ сѣлъ верхомъ, и до пути, занятаго нашими войсками,

въ двѣнадцати верстахъ отъ Богучарова, верхомъ провожалъ ее. Въ Янковѣ, на постояломъ дворѣ, онъ простился съ нею почтительно, въ первый разъ позволивъ себѣ поцѣловать ея руку.

— Какъ вамъ не совѣстно,—краснѣя отвѣчалъ онъ княжнѣ Марьѣ на выраженіе благодарности за ея спасенье (какъ она называла его поступокъ):—каждый становой сдѣлалъ бы то же. Если бы намъ только приходилось воевать съ мужиками, мы бы не допустили такъ далеко непріятеля,—говорилъ онъ, стыдясь чего-то и стараясь перемѣнить разговоръ. — Я счастливъ только, что имѣлъ случай познакомиться съ вами. Прощайте, княжна, желаю вамъ счастія и утѣшенія и желаю встрѣтиться съ вами при болѣе счастливыхъ условіяхъ. Ежели вы не хотите заставить краснѣть меня, пожалуйста не благодарите.

Но княжна, если не благодарила болѣе словами, благодарила его всѣмъ выраженіемъ своего сіявшаго благодарностью и нѣжностью лица. Она не могла вѣрить ему, что ей не за что̀ благодарить его. Напротивъ, для нея несомнѣнно было то, что, ежели бы его не было, то она навѣрное должна была бы погибнуть и отъ бунтовщиковъ, и отъ французовъ; что *онъ* для того, чтобы спасти ее, подвергалъ себя самымъ очевиднымъ и страшнымъ опасностямъ; и еще несомнѣннѣе было то, что онъ былъ человѣкъ съ высокою и благородною душой, который умѣлъ понять ея положеніе и горе. Его добрые и честные глаза съ выступившими на нихъ слезами въ то время, какъ она сама, заплакавъ, говорила съ нимъ о своей потерѣ, не выходили изъ ея воображенія.

Когда она простилась съ нимъ и осталась одна, княжна Марья вдругъ почувствовала въ глазахъ слезы, и тутъ ужъ

не въ первый разъ ей представился странный вопросъ: любитъ ли она его?

По дорогѣ дальше къ Москвѣ, несмотря на то, что положеніе княжны было не радостно, Дуняша, ѣхавшая съ ней въ каретѣ, не разъ замѣчала, что княжна, высунувшись въ окно кареты, чему-то радостно и грустно улыбалась.

„Ну чтò же, ежели бы я и полюбила его?“—думала княжна Марья.

Какъ ни стыдно ей было признаться себѣ, что она первая полюбила человѣка, который, можетъ-быть, никогда не полюбитъ ея, она утѣшала себя мыслью, что никто никогда не узнаетъ этого и что она не будетъ виновата, ежели будетъ до конца жизни, никому не говоря о томъ, любить того, котораго она любила въ первый и въ послѣдній разъ.

Иногда она вспоминала его взгляды, его участіе, его слова, и ей казалось счастье не невозможнымъ. И тогда-то Дуняша замѣчала, что она, улыбаясь, глядѣла въ окно кареты.

„И надо было ему пріѣхать въ Богучарово, и въ эту самую минуту!“ думала княжна Марья.—„И надо было его сестрѣ отказать князю Андрею!“ И во всемъ этомъ княжна Марья видѣла волю Провидѣнья.

Впечатлѣніе, произведенное на Ростова княжной Марьей, было очень пріятное. Когда онъ вспоминалъ про нее, ему становилось весело, и когда товарищи, узнавъ о бывшемъ съ нимъ приключеніи въ Богучаровѣ, шутили ему, что онъ, поѣхавъ за сѣномъ, подцѣпилъ одну изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи, Ростовъ сердился. Онъ сердился именно потому, что мысль о женитьбѣ на пріятной для него, кроткой княжнѣ Марьѣ съ огромнымъ состояніемъ, не разъ противъ его воли приходила ему въ голову. Для себя лично

Николай не могъ желать жены лучше княжны Марьи: женитьба на ней сдѣлала бы счастье графини, его матери, и поправила бы дѣла его отца; и даже—Николай чувствовалъ это—сдѣлала бы счастье княжны Марьи.

Но Соня? И данное слово? И отъ этого-то Ростовъ сердился, когда ему шутили о княжнѣ Болконской.

XV.

Принявъ командованье надъ арміями, Кутузовъ вспомнилъ о князѣ Андреѣ и послалъ ему приказаніе прибыть въ главную квартиру.

Князь Андрей пріѣхалъ въ Царево-Займище въ тотъ самый день и въ то самое время дня, когда Кутузовъ дѣлалъ первый смотръ войскамъ. Князь Андрей остановился въ деревнѣ у дома священника, у котораго стоялъ экипажъ главнокомандующаго, и сѣлъ на лавочкѣ у воротъ, ожидая свѣтлѣйшаго, какъ всѣ называли теперь Кутузова. На полѣ за деревней слышны были то звуки полковой музыки, то ревъ огромнаго количества голосовъ, кричавшихъ: „ура!“ новому главнокомандующему. Тутъ же у воротъ, шагахъ въ 10-ти отъ князя Андрея, пользуясь отсутствіемъ князя и прекрасною погодой, стояли два деньщика, курьеръ и дворецкій. Черноватый, обросшій усами и бакенбардами, маленькій гусарскій подполковникъ подъѣхалъ къ воротамъ и, взглянувъ на князя Андрея, спросилъ здѣсь ли стоитъ свѣтлѣйшій и скоро ли онъ будетъ?

Князь Андрей сказалъ, что онъ не принадлежитъ къ штабу свѣтлѣйшаго и тоже пріѣзжій. Гусарскій подполковникъ обратился къ нарядному деньщику, и деньщикъ главнокомандующаго сказалъ ему съ тою особенною презрительностью,

съ которою говорятъ деньщики главнокомандующихъ съ офицерами:

— Чтò свѣтлѣйшій? Должно быть сейчасъ будетъ. Вамъ чтò?

Гусарскій подполковникъ усмѣхнулся въ усы на тонъ деньщика, слѣзъ съ лошади, отдалъ ее вѣстовому и подошелъ къ Болконскому, слегка поклонившись ему. Болконскій посторонился на лавкѣ. Гусарскій подполковникъ сѣлъ подлѣ него.

— Тоже дожидаетесь главнокомандующаго? — заговорилъ гусарскій подполковникъ.—Говог'ятъ всѣмъ доступенъ, слава Богу! А то съ колбасниками бѣда! Не даг'омъ Ег'моловъ въ нѣмцы пг'осился. Тепег'ь авось и г'усскимъ говог'ить можно будетъ. А то чог'тъ знаетъ чтò дѣлали. Все отступали—все отступали. Вы дѣлали походъ?—спросилъ онъ.

— Имѣлъ удовольствіе, — отвѣчалъ князь Андрей, — не только участвовать въ отступленіи, но и потерять въ этомъ отступленіи все, чтò имѣлъ дорогого, не говоря объ имѣньяхъ и родномъ домѣ... отца, который умеръ съ горя. Я Смоленскій.

— А?... Вы князь Болконскій? Очень г'адъ познакомиться: подполковникъ Денисовъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Васьки,—сказалъ Денисовъ, пожимая руку князя Андрея и съ особенно-добрымъ вниманіемъ вглядываясь въ лицо Болконскаго.—Да, я слышалъ,—сказалъ онъ съ сочувствіемъ и, помолчавъ немного, продолжалъ:—вотъ и скиөская война. Это все хог'ошо, только не для тѣхъ, кто своими боками отдувается. А, вы князь Андг'ей Болконскій? — Онъ покачалъ головой. — Очень г'адъ, князь, очень г'адъ познакомиться,—прибавилъ онъ опять съ грустной улыбкой, пожимая ему руку.

Князь Андрей зналъ Денисова по разсказамъ Наташи о

ея первомъ женихѣ. Это воспоминаніе и сладко и больно перенесло его теперь къ тѣмъ болѣзненнымъ ощущеніямъ, о которыхъ онъ послѣднее время давно уже не думалъ, но которыя все-таки были въ его душѣ. Въ послѣднее время столько другихъ и такихъ серьезныхъ впечатлѣній, какъ оставленіе Смоленска, его пріѣздъ въ Лысыя Горы, недавнее извѣстіе о смерти отца,—столько ощущеній было испытано имъ, что эти воспоминанія уже давно не приходили ему и, когда пришли, далеко не подѣйствовали на него съ прежнею силой. И для Денисова тотъ рядъ воспоминаній, которыя вызвало имя Болконскаго, было далекое, поэтическое прошедшее, когда онъ, послѣ ужина и пѣнія Наташи, самъ не зная какъ, сдѣлалъ предложеніе пятнадцати-лѣтней дѣвочкѣ. Онъ улыбнулся воспоминаніямъ того времени и своей любви къ Наташѣ, и тотчасъ же перешелъ къ тому, что страстно и исключительно теперь занимало его. Это былъ планъ кампаніи, который онъ придумалъ, служа во время отступленія на аванпостахъ. Онъ представлялъ этотъ планъ Барклаю-де-Толли, и теперь намѣренъ былъ представить его Кутузову. Планъ основывался на томъ, что операціонная линія французовъ слишкомъ растянута и что вмѣсто того или вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать съ фронта, загораживая дорогу французамъ, нужно было дѣйствовать на ихъ сообщенія. Онъ началъ разъяснять свой планъ князю Андрею.

— Они не могутъ удег'жать всей этой линіи. Это невозможно, я отвѣчаю, что пг'ог'ву ихъ; дайте мнѣ 500 человѣкъ, я г'азог'ву ихъ, это вѣг'но! Одна система — паг'тизанская.

Денисовъ всталъ и, дѣлая жесты, излагалъ свой планъ Болконскому. Въ срединѣ его изложенія крики арміи, болѣе нескладные, болѣе распространенные и сливающіеся съ му-

зыкой и пѣснями, послышались на мѣстѣ смотра. На деревнѣ послышался топотъ и крики.

— Самъ ѣдетъ,—крикнулъ казакъ, стоявшій у воротъ,—ѣдетъ!—Болконскій и Денисовъ подвинулись къ воротамъ, у которыхъ стояла кучка солдатъ (почетный караулъ) и увидали подвигавшагося по улицѣ Кутузова, верхомъ на невысокой гнѣдой лошадкѣ. Огромная свита генераловъ ѣхала за нимъ. Барклай ѣхалъ почти рядомъ; толпа офицеровъ бѣжала за ними и вокругъ нихъ и кричала „ура!"

Впередъ его во дворъ проскакали адъютанты. Кутузовъ, нетерпѣливо подталкивая свою лошадь, плывшую иноходью подъ его тяжестью, и безпрестанно кивая головой, прикладывалъ руку къ бѣлой кавалергардской (съ краснымъ околышемъ и безъ козырька) фуражкѣ, которая была на немъ. Подъѣхавъ къ почетному караулу молодцовъ-гренадеровъ, большею частью кавалеровъ, отдававшихъ ему честь, онъ съ минуту молча, внимательно, посмотрѣлъ на нихъ начальническимъ упорнымъ взглядомъ и обернулся къ толпѣ генераловъ и офицеровъ, стоявшихъ вокругъ него. Лицо его вдругъ приняло тонкое выраженіе; онъ вздернулъ плечами съ жестомъ недоумѣнія.

— И съ такими молодцами все отступать и отступать!—сказалъ онъ.—Ну, до свиданья, генералъ,—прибавилъ онъ и тронулъ лошадь въ ворота мимо князя Андрея и Денисова.

— Ура! ура! ура!—кричали сзади его.

Съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ его князь Андрей, Кутузовъ еще потолстѣлъ, обрюзгъ и оплылъ жиромъ. Но знакомые ему бѣлый глазъ и рана, и выраженіе усталости въ его лицѣ и фигурѣ были тѣ же. Онъ былъ одѣтъ въ мундирный сюртукъ (плеть на тонкомъ ремнѣ висѣла черезъ

плечо) и въ бѣлой кавалергардской фуражкѣ. Онъ тяжело расплываясь и раскачиваясь, сидѣлъ на своей бодрой лошадкѣ.

— Фю.... фю.... фю.... — засвисталъ онъ чуть слышно, въѣзжая на дворъ. На лицѣ его выражалась радость успокоенія человѣка, намѣревающагося отдохнуть послѣ представительства. Онъ вынулъ лѣвую ногу изъ стремени, повалившись всѣмъ тѣломъ и поморщившись отъ усилія, съ трудомъ занесъ ее на сѣдло, облокотился колѣнкой, крякнулъ и спустился на руки къ казакамъ и адъютантамъ, поддерживавшимъ его.

Онъ оправился, оглянулся своими сощуренными глазами и, взглянувъ на князя Андрея, видимо не узнавъ его, зашагалъ своею ныряющей походкой къ крыльцу.

— Фю.... фю.... фю,—просвисталъ онъ, и опять оглянулся на князя Андрея. Впечатлѣніе лица князя Андрея только послѣ нѣсколькихъ секундъ (какъ это часто бываетъ у стариковъ) связалось съ воспоминаніемъ о его личности.

— А, здравствуй, князь, здравствуй, голубчикъ, пойдемъ... — устало проговорилъ онъ, оглядываясь, и тяжело вошелъ на скрипящее подъ его тяжестью крыльцо. Онъ разстегнулся и сѣлъ на лавочку, стоявшую на крыльцѣ.

— Ну, что̀ отецъ?

— Вчера получилъ извѣстіе о его кончинѣ,—коротко сказалъ князь Андрей.

Кутузовъ испуганно-открытыми глазами посмотрѣлъ на князя Андрея, потомъ снялъ фуражку и перекрестился: „Царство ему небесное! Да будетъ воля Божія надъ всѣми нами!“ Онъ тяжело, всею грудью, вздохнулъ и помолчалъ. „Я его глубоко любилъ и уважалъ, и сочувствую тебѣ всею душой“. Онъ обнялъ князя Андрея, прижалъ его къ своей

жирной груди и долго не отпускалъ отъ себя. Когда онъ отпустилъ его, князь Андрей увидалъ, что расплывшіяся губы Кутузова дрожали, и на глазахъ были слезы. Онъ вздохнулъ и взялся обѣими руками за лавку, чтобы встать.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ, поговоримъ,—сказалъ онъ; но въ это время Денисовъ, такъ же мало робѣвшій передъ начальствомъ, какъ и передъ непріятелемъ, несмотря на то, что адъютанты у крыльца сердитымъ шопотомъ останавливали его, смѣло, стуча шпорами по ступенькамъ, вошелъ на крыльцо. Кутузовъ, оставивъ руки упертыми на лавку, недовольно смотрѣлъ на Денисова. Денисовъ, назвавъ себя, объявилъ, что имѣетъ сообщить его свѣтлости дѣло большой важности для блага отечества. Кутузовъ усталымъ взглядомъ сталъ смотрѣть на Денисова и досадливымъ жестомъ, принявъ руки и сложивъ ихъ на животѣ, повторилъ: „Для блага отечества? Ну что̀ такое? Говори“. Денисовъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка (такъ странно было видѣть краску на этомъ усатомъ, старомъ и пьяномъ лицѣ), и смѣло началъ излагать свой планъ разрѣзанія операціонной линіи непріятеля между Смоленскомъ и Вязьмой. Денисовъ жилъ въ этихъ краяхъ и зналъ хорошо мѣстность. Планъ его казался несомнѣнно хорошимъ въ особенности по той силѣ убѣжденія, которая была въ его словахъ. Кутузовъ смотрѣлъ себѣ на ноги и изрѣдка оглядывался на дворъ сосѣдней избы, какъ-будто онъ ждалъ чего-то непріятнаго оттуда. Изъ избы, на которую онъ смотрѣлъ, дѣйствительно во время рѣчи Денисова показался генералъ съ портфелемъ подъ мышкой.

— Что̀? — въ серединѣ изложенія Денисова проговорилъ Кутузовъ,—уже готовы?

— Готовъ, ваша свѣтлость,—сказалъ генералъ. Кутузовъ

покачалъ головой, какъ бы говоря: „какъ это все успѣть одному человѣку“, и продолжалъ слушать Денисова.

— Даю честное, благог'одное слово г'усскаго офицера,—говорилъ Денисовъ,—что я г'азог'ву сообщенія Наполеона.

— Тебѣ Кириллъ Андреевичъ Денисовъ, оберъ-интендантъ, какъ приходится?—перебилъ его Кутузовъ.

— Дядя г'одной, ваша свѣтлость.

— О! пріятели были,—весело сказалъ Кутузовъ.—Хорошо, хорошо, голубчикъ, оставайся тутъ при штабѣ, завтра поговоримъ.—Кивнувъ головой Денисову, онъ отвернулся и протянулъ руку къ бумагамъ, которыя принесъ ему Коновницынъ.

— Не угодно ли вашей свѣтлости пожаловать въ комнаты,—недовольнымъ голосомъ сказалъ дежурный генералъ: — необходимо разсмотрѣть планы и подписать нѣкоторыя бумаги.—Вышедшій изъ двери адъютантъ доложилъ, что въ квартирѣ все было готово. Но Кутузову видимо хотѣлось войти въ комнаты уже свободнымъ. Онъ поморщился...

— Нѣтъ, вели подать, голубчикъ, сюда столикъ, я тутъ посмотрю,—сказалъ онъ. — Ты не уходи,—прибавилъ онъ, обращаясь къ князю Андрею. Князь Андрей остался на крыльцѣ, слушая дежурнаго генерала.

Во время доклада, за входною дверью князь Андрей слышалъ женское шептанье и хрустѣніе женскаго шелковаго платья. Нѣсколько разъ, взглянувъ по тому направленію, онъ замѣчалъ за дверью, въ розовомъ платьѣ и лиловомъ шелковомъ платкѣ на головѣ, полную, румяную и красивую женщину съ блюдомъ, которая очевидно ожидала входа главнокомандующаго. Адъютантъ Кутузова шопотомъ объяснилъ князю Андрею, что это была хозяйка дома, попадья, которая намѣревалась подать хлѣбъ-соль его свѣтлости. Мужъ ея

встрѣтилъ свѣтлѣйшаго съ крестомъ въ церкви, а она дома... „Очень хорошенькая“,—прибавилъ адъютантъ съ улыбкой. Кутузовъ оглянулся на эти слова. Кутузовъ слушалъ докладъ дежурнаго генерала (главнымъ предметомъ котораго была критика позиціи при Царевѣ-Займищѣ) такъ же, какъ онъ слушалъ Денисова, такъ же, какъ онъ слушалъ семь лѣтъ тому назадъ пренія Аустерлицкаго военнаго совѣта. Онъ очевидно слушалъ только оттого, что у него были уши, которыя, несмотря на то, что въ одномъ изъ нихъ былъ морской канатъ, не могли не слышать; но очевидно было, что ничто изъ того, что̀ могъ сказать ему дежурный генералъ, не могло не только удивить или заинтересовать его, но что онъ зналъ впередъ все, что̀ ему скажутъ, и слушалъ все это только потому, что надо прослушать, какъ надо прослушать поющійся молебенъ. Все, что̀ говорилъ Денисовъ, было дѣльно и умно. То, что̀ говорилъ дежурный генералъ, было еще дѣльнѣе и умнѣе, но очевидно было, что Кутузовъ презиралъ и знаніе и умъ, и зналъ что-то другое, что̀ должно было рѣшить дѣло,—что̀-то другое, независимое отъ ума и знанія. Князь Андрей внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица главнокомандующаго, и единственное выраженіе, которое онъ могъ замѣтить въ немъ, было выраженіе скуки, любопытства къ тому, что̀ такое означалъ женскій шопотъ за дверью, и желанія соблюсти приличіе. Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ, но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ (потому что онъ и не старался выказывать ихъ), а онъ презиралъ ихъ чѣмъ-то другимъ. Онъ презиралъ ихъ своею старостью, своею опытностью жизни. Одно распоряженіе, которое отъ себя въ этотъ

докладъ сдѣлалъ Кутузовъ, относилось до мародерства русскихъ войскъ. Дежурный генералъ въ концѣ доклада представилъ свѣтлѣйшему къ подписи бумагу о взысканіи съ армейскихъ начальниковъ по прошенію помѣщика за скошенный зеленый овесъ.

Кутузовъ зачмокалъ губами и закачалъ головой, выслушавъ это дѣло.

— Въ печку... въ огонь! И разъ навсегда тебѣ говорю, голубчикъ,—сказалъ онъ,—всѣ эти дѣла въ огонь. Пускай косятъ хлѣба и жгутъ дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Безъ этого нельзя. Дрова рубятъ—щепки летятъ.—Онъ взглянулъ еще разъ на бумагу.—О, аккуратность нѣмецкая!—проговорилъ онъ, качая головой.

XVI.

— Ну, теперь все,—сказалъ Кутузовъ, подписывая послѣднюю бумагу и, тяжело поднявшись и расправляя складки своей бѣлой, пухлой шеи, съ повеселѣвшимъ лицомъ направился къ двери.

Попадья, съ бросившеюся кровью въ лицо, схватилась за блюдо, которое, несмотря на то, что она такъ долго приготовлялась, она все-таки не успѣла подать во-время. И съ низкимъ поклономъ она поднесла его Кутузову.

Глаза Кутузова прищурились; онъ улыбнулся, взялъ рукой ее за подбородокъ и сказалъ:

— И красавица какая! Спасибо, голубушка.

Онъ досталъ изъ кармана шароваръ нѣсколько золотыхъ и положилъ ей на блюдо. „Ну что, какъ живешь?"—сказалъ Кутузовъ, направляясь къ отведенной для него комнатѣ.

Попадья, улыбаясь ямочками на румяномъ лицѣ, прошла за нимъ въ горницу. Адъютантъ вышелъ къ князю Андрею на крыльцо и приглашалъ его завтракать; черезъ полчаса князя Андрея позвали опять къ Кутузову. Кутузовъ лежалъ на креслѣ въ томъ же растегнутомъ сюртукѣ. Онъ держалъ въ рукѣ французскую книгу и при входѣ князя Андрея, заложивъ ее ножомъ, свернулъ. Это были Les chevaliers du Cygne, сочиненіе madame de Genlis, какъ увидалъ князь Андрей по оберткѣ.

— Ну, садись, садись тутъ, поговоримъ,—сказалъ Кутузовъ.—Грустно, очень грустно. Но помни, дружокъ, что я тебѣ отецъ, другой отецъ... Князь Андрей разсказалъ Кутузову все, что онъ зналъ о кончинѣ своего отца, и о томъ, что онъ видѣлъ въ Лысыхъ Горахъ, проѣзжая черезъ нихъ.

— До чего... до чего довели! — проговорилъ вдругъ Кутузовъ взволнованнымъ голосомъ, очевидно ясно представивъ себѣ, изъ разсказа князя Андрея, положеніе, въ которомъ находилась Россія.

— Дай срокъ, дай срокъ, — прибавилъ онъ съ злобнымъ выраженіемъ лица и, очевидно не желая продолжать этого волновавшаго его разговора, сказалъ: — Я тебя вызвалъ, чтобы оставить при себѣ.

— Благодарю вашу свѣтлость,—отвѣчалъ князь Андрей, но я боюсь, что не гожусь больше для штабовъ, — сказалъ онъ съ улыбкой, которую Кутузовъ замѣтилъ. Кутузовъ вопросительно посмотрѣлъ на него.—А главное, — прибавилъ князь Андрей, я привыкъ къ полку, полюбилъ офицеровъ, и люди меня, кажется, полюбили. Мнѣ бы жалко было оставить полкъ. Ежели я отказываюсь отъ чести быть при васъ, то повѣрьте...

Умное, доброе и вмѣстѣ съ тѣмъ тонко-насмѣшливое выраженіе свѣтилось на пухломъ лицѣ Кутузова. Онъ перебилъ Болконскаго.

— Жалѣю, ты бы мнѣ нуженъ былъ; но ты правъ, ты правъ. Намъ не сюда люди нужны. Совѣтчиковъ всегда много, а людей нѣтъ. Не такіе бы полки были если бы всѣ совѣтчики служили тамъ въ полкахъ, какъ ты. Я тебя съ Аустерлица помню. Помню, помню, съ знаменемъ помню,— сказалъ Кутузовъ, и радостная краска бросилась въ лицо князя Андрея при этомъ воспоминаніи. Кутузовъ притянулъ его за руку, подставляя ему щеку, и опять князь Андрей на глазахъ старика увидалъ слезы. Хотя князь Андрей и зналъ, что Кутузовъ былъ слабъ на слезы, и что онъ особенно ласкаетъ его и жалѣетъ вслѣдствіе желанія выказать сочувствіе къ его потерѣ, но князю Андрею и радостно и лестно было это воспоминаніе объ Аустерлицѣ.

— Иди съ Богомъ своей дорогой. Я знаю, твоя дорога— это дорога чести.—Онъ помолчалъ.—Я жалѣлъ объ тебѣ въ Букарештѣ: мнѣ послать надо было. — И, перемѣнивъ разговоръ, Кутузовъ началъ говорить о Турецкой войнѣ и о заключенномъ мирѣ.—Да, не мало упрекали меня,—сказалъ Кутузовъ, и за войну и за миръ... а все пришло во-время. „Все приходитъ во время для того, кто умѣетъ ждать“,—сказалъ онъ французскую поговорку. А и тамъ совѣтчиковъ не меньше было, чѣмъ здѣсь...—продолжалъ онъ, возвращаясь къ совѣтчикамъ, которые видимо занимали его. Охъ, совѣтчики, совѣтчики!—сказалъ онъ, если бы всѣхъ слушать, мы бы тамъ въ Турціи и мира не заключили, да и войны бы не кончили. Все поскорѣе, а скорое на долгое выходитъ. Если бы Каменскій не умеръ, онъ бы пропалъ. Онъ съ тридцатью

тысячами штурмовалъ крѣпости. Взять крѣпость не трудно, трудно кампанію выиграть. А для этого не нужно штурмовать и атаковать, а нужно *терпѣніе и время*. Каменскій на Рущукъ солдатъ послалъ, а я ихъ однихъ (терпѣніе и время) посылалъ и взялъ больше крѣпостей, чѣмъ Каменскій, и лошадиное мясо турокъ ѣсть заставилъ. — Онъ покачалъ головой. — И французы тоже будутъ. Вѣрь моему слову,— воодушевляясь проговорилъ Кутузовъ, ударяя себя въ грудь: — будутъ у меня лошадиное мясо ѣсть.—И опять глаза его залоснились слезами.

— Однако должно же будетъ принять сраженіе?—сказалъ князь Андрей.

— Должно будетъ, если всѣ этого захотятъ, нечего дѣлать... А вѣрь, голубчикъ. Нѣтъ сильнѣе тѣхъ двухъ воиновъ, *терпѣніе и время;* тѣ все сдѣлаютъ, да совѣтчики этимъ ухомъ не слышатъ, вотъ чтò плохо! Одни хотятъ, другіе не хотятъ. Что жъ дѣлать? — спросилъ онъ, видимо ожидая отвѣта.—Да чтò ты велишь дѣлать?—повторилъ онъ, и глаза его блестѣли глубокимъ, умнымъ выраженіемъ.—Я тебѣ скажу, чтò дѣлать,—проговорилъ онъ, такъ какъ князь Андрей все-таки не отвѣчалъ.—Я тебѣ скажу, чтò дѣлать, и чтò я дѣлаю. „Въ нерѣшительности", мой милый,—онъ помолчалъ,—„воздерживайся",—выговорилъ онъ съ разстановкой эту французскую пословицу.—Ну, прощай, дружокъ; помни, что я всей душой несу съ тобой твою потерю и что я тебѣ не свѣтлѣйшій, не князь и не главнокомандующій, а я тебѣ отецъ. Ежели чтò нужно, прямо ко мнѣ. Прощай, голубчикъ!—Онъ опять обнялъ и поцѣловалъ его. И еще князь Андрей не успѣлъ вытти въ дверь, какъ Кутузовъ успокоительно вздохнулъ и взялся опять за неконченный романъ мадамъ Жанлисъ Les chevaliers du Cygne.

Какъ и отчего это случилось, князь Андрей не могъ бы никакъ объяснить; но послѣ этого свиданія съ Кутузовымъ онъ вернулся къ своему полку успокоенный насчетъ общаго хода дѣлъ и насчетъ того, кому оно ввѣрено было. Чѣмъ больше онъ видѣлъ отсутствіе всего личнаго въ этомъ старикѣ, въ которомъ оставались какъ будто однѣ привычки страстей и вмѣсто ума (группирующаго событія и дѣлающаго выводы) одна способность спокойнаго созерцанія хода событій, тѣмъ болѣе онъ былъ спокоенъ за то, что все будетъ такъ, какъ должно быть. „У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ", думалъ князь Андрей, „но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ. Онъ понимаетъ, что есть что-то сильнѣе и значительнѣе его воли,—это неизбѣжный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе, и въ виду этого значенія умѣетъ отрекаться отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое. „А главное", думалъ князь Андрей, „почему вѣришь ему, это то, что онъ русскій, несмотря на романъ Жанлисъ и французскія поговорки, это то, что голосъ его задрожалъ, когда онъ сказалъ: „до чего довели!" и что онъ захлипалъ, говоря о томъ, что онъ „заставитъ ихъ ѣсть лошадиное мясо". На этомъ же чувствѣ, которое болѣе или менѣе смутно испытывали всѣ, и основано было то единомысліе и общее одобреніе, которое сопутствовало народному, противному придворнымъ соображеніямъ, избранію Кутузова въ главнокомандующіе.

XVII.

Послѣ отъѣзда государя изъ Москвы, московская жизнь потекла прежнимъ обычнымъ порядкомъ, и теченіе этой жизни было такъ обычно, что трудно было вспомнить о бывшихъ дняхъ патріотическаго восторга и увлеченія, и трудно было вѣрить, что дѣйствительно Россія въ опасности и что члены англійскаго клуба суть вмѣстѣ съ тѣмъ и сыны отечества, готовые для него на всякую жертву. Одно, что напоминало о бывшемъ во время пребыванія государя въ Москвѣ общемъ восторженно-патріотическомъ настроеніи, было требованіе пожертвованій людьми и деньгами, которыя, какъ скоро они были сдѣланы, облеклись въ законную, офиціальную форму и казались неизбѣжны.

Съ приближеніемъ непріятеля къ Москвѣ, взглядъ москвичей на свое положеніе не только не сдѣлался серьезнѣе, но напротивъ еще легкомысленнѣе, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые видятъ приближающуюся большую опасность. При приближеніи опасности, всегда два голоса одинаково сильно говорятъ въ душѣ человѣка: одинъ весьма разумно говоритъ о томъ, чтобы человѣкъ обдумалъ самое свойство опасности и средства для избавленія отъ нея; другой еще разумнѣе говоритъ, что слишкомъ тяжело и мучительно думать объ опасности, тогда какъ предвидѣть все и спастись отъ общаго хода дѣла не во власти человѣка, и потому лучше отвернуться отъ тяжелаго до тѣхъ поръ, пока оно не наступило, и думать о пріятномъ. Въ одиночествѣ человѣкъ большею частью отдается первому голосу, въ обществѣ напротивъ—второму. Такъ было и теперь съ жителями Москвы. Давно такъ не веселились въ Москвѣ, какъ этотъ годъ.

Растопчинскія афишки съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карпушки Чигирина, *который, бывъ въ ратникахъ и выпивъ лишній крючекъ на тычкѣ, услыхалъ, будто Бонапартъ хочетъ итти на Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и заговорилъ подъ орломъ собравшемуся народу*, читались и обсуживались наравнѣ съ послѣднимъ буриме Василія Львовича Пушкина.

Въ клубѣ, въ угловой комнатѣ, собирались читать эти афиши, и нѣкоторымъ нравилось, какъ Карпушка подтруниваль надъ французами, говоря, что они *отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются*, *отъ щей задохнутся, что они все карлики, и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ*. Нѣкоторые не одобряли этого тона и говорили, что это пошло и глупо. Разсказывали о томъ, что французовъ и даже всѣхъ иностранцевъ Ростопчинъ выслалъ изъ Москвы, что между ними шпіоны и агенты Наполеона; но разсказывали это преимущественно для того, чтобы при этомъ случаѣ передать остроумныя слова, сказанныя Растопчинымъ при ихъ отправленіи. Иностранцевъ отправляли на баркѣ въ Нижній, и Растопчинъ сказалъ имъ: войдите сами въ себя (т.-е. будьте скрытны), войдите въ барку и постарайтесь, чтобы эта барка не сдѣлалась для васъ баркой Харона. Разсказывали, что уже выслали изъ Москвы всѣ присутственныя мѣста и тутъ же прибавляли шутку Шиншина, что за это одно Москва должна быть благодарна Наполеону. Разсказывали, что Мамонову его полкъ будетъ стоить 800 тысячъ, что̀ Безухій еще больше затратилъ на своихъ ратниковъ, но что лучше всего въ поступкѣ Безухова, это то, что онъ самъ одѣнется въ мундиръ и поѣдетъ верхомъ передъ полкомъ и ничего

не будетъ брать за мѣста съ тѣхъ, которые будутъ смотрѣть на него.

— Вы никому не дѣлаете милости,—сказала Жюли Друбецкая, собирая и прижимая кучку нащипанной корпіи тонкими пальцами, покрытыми кольцами.

Жюли собиралась на другой день уѣзжать изъ Москвы и дѣлала прощальный вечеръ.

— Безухій est ridicule *), но онъ такъ добръ, такъ милъ. Что за удовольствіе быть такъ caustique? **)

— Штрафъ!—сказалъ молодой человѣкъ въ ополченскомъ мундирѣ, котораго Жюли называла: „мой рыцарь", и который съ нею вмѣстѣ ѣхалъ въ Нижній.

Въ обществѣ Жюли, какъ и во многихъ обществахъ Москвы, было положено говорить только по-русски, и тѣ, которые ошибались, говоря французскія слова, платили штрафъ въ пользу комитета пожертвованій.

— Другой штрафъ за галлицизмъ,—сказалъ русскій писатель, бывшій въ гостиной.—„Удовольствіе быть" не по-русски.

— Вы никому не дѣлаете милости,—продолжала Жюли къ ополченцу, не обращая вниманія на замѣчаніе сочинителя.

— За caustique виновата,—сказала она, и плачу́, но за удовольствіе сказать вамъ правду я готова еще заплатить; за галлицизмы не отвѣчаю,—обратилась она къ сочинителю:—у меня нѣтъ ни денегъ, ни времени, какъ у князя Голицына, взять учителя и учиться по-русски.

— А вотъ и онъ,—сказала Жюли.—Quand on... Нѣтъ, нѣтъ,—обратилась она къ ополченцу, не поймаете. Когда го-

*) Смѣшонъ

**) Злоязыченъ.

ворятъ про солнце, видятъ его лучи,—сказала хозяйка, любезно улыбаясь Пьеру. Мы только говорили о васъ, съ свойственной свѣтскимъ женщинамъ свободой лжи,—сказала Жюли.—Мы говорили, что вашъ полкъ вѣрно будетъ лучше Мамоновскаго.

— Ахъ, не говорите мнѣ про мой полкъ,—отвѣчалъ Пьеръ, цѣлуя руку хозяйки и садясь подлѣ нея. Онъ мнѣ такъ надоѣлъ.

— Вы вѣдь вѣрно сами будете командовать имъ?—сказала Жюли, хитро и насмѣшливо переглянувшись съ ополченцемъ.

Ополченецъ въ присутствіи Пьера не былъ уже такъ злоязыченъ, и въ лицѣ его выразилось недоумѣнье къ тому, что̀ означала улыбка Жюли. Несмотря на свою разсѣянность и добродушіе, личность Пьера прекращала тотчасъ же всякія попытки на насмѣшку въ его присутствіи.

— Нѣтъ,—смѣясь отвѣчалъ Пьеръ, оглядывая свое большое, толстое тѣло. Въ меня слишкомъ легко попасть французамъ, да и я боюсь, что не взлѣзу на лошадь.

Въ числѣ перебираемыхъ лицъ для предмета разговора, общество Жюли попало на Ростовыхъ.

— Очень, говорятъ, плохи дѣла ихъ,—сказала Жюли. И онъ такъ безтолковъ—самъ графъ. Разумовскіе хотѣли купить его домъ и подмосковную, и все это тянется. Онъ дорожится.

— Нѣтъ, кажется, на дняхъ состоится продажа,—сказалъ кто-то.—Хотя теперь и безумно покупать что-нибудь въ Москвѣ.

— Отчего?—сказала Жюли.—Неужели вы думаете, что есть опасность для Москвы?

— Отчего же вы ѣдете?

— Я? Вотъ странно. Я ѣду потому, ну потому, что всѣ ѣдутъ, и потомъ я не Іоанна д'Аркъ и не амазонка.

— Ну, да, да. Дайте мнѣ еще тряпочекъ.

— Ежели онъ сумѣетъ повести дѣла, онъ можетъ заплатить всѣ долги,—продолжалъ ополченецъ про Ростова.

— Добрый старикъ, но очень плохъ. И зачѣмъ они живутъ тутъ такъ долго? Они давно хотѣли ѣхать въ деревню. Натали, кажется, здорова теперь?—хитро улыбаясь спросила Жюли у Пьера.

— Они ждутъ меньшого сына,—сказалъ Пьеръ. Онъ поступилъ въ казаки Оболенскаго и поѣхалъ въ Бѣлую Церковь. Тамъ формируется полкъ. А теперь они перевели его въ мой полкъ и ждутъ каждый день. Графъ давно хотѣлъ ѣхать, но графиня ни за что не согласна выѣхать изъ Москвы, пока не пріѣдетъ сынъ.

— Я ихъ третьяго дня видѣла у Архаровыхъ. Натали опять похорошѣла и повеселѣла. Она пѣла одинъ романсъ. Какъ все легко проходитъ у нѣкоторыхъ людей!

— Что проходитъ?—недовольно спросилъ Пьеръ.—Жюли улыбнулась.

— Вы знаете, графъ, что такіе рыцари, какъ вы, бываютъ только въ романахъ мадамъ Сюзà.

— Какой рыцарь? Отчего?—краснѣя, спросилъ Пьеръ.

— Ну, полноте, милый графъ, c'est la fable de tout Moscou. Je vous admire, ma parole d'honneur *).

— Штрафъ! Штрафъ!—сказалъ ополченецъ.

— Ну, хорошо. Нельзя говорить, какъ скучно!

— Qu'est ce qui est la fable de tout Moscou? **),—вставая, сказалъ сердито Пьеръ.

---

*) Это вся Москва знаетъ. Я вами восхищаюсь, честное слово.

**) Что знаетъ вся Москва?

— Полноте, графъ. Вы знаете!

— Ничего не знаю,—сказалъ Пьеръ.

— Я знаю, что вы дружны были съ Натали, и потому... Нѣтъ, я всегда дружнѣе съ Вѣрой. Эта милая Вѣра.

— Нѣтъ, сударыня,—продолжалъ Пьеръ недовольнымъ тономъ. Я вовсе не взялъ на себя роль рыцаря Ростовой, но я уже почти мѣсяцъ не былъ у нихъ. Но я не понимаю жестокость...

— Qui s'excuse—s'accuse *),—улыбаясь и махая корпіей, говорила Жюли, и, чтобъ за ней осталось послѣднее слово, сейчасъ же перемѣнила разговоръ.—Каково, я нынче узнала: бѣдная Мари Болконская пріѣхала вчера въ Москву. Вы слышали, она потеряла отца?

— Неужели! Гдѣ она? Я бы очень желалъ увидать ее,—сказалъ Пьеръ.

— Я вчера провела съ ней вечеръ. Она нынче или завтра утромъ ѣдетъ въ подмосковную съ племянникомъ.

— Ну что она, какъ?—сказалъ Пьеръ.

— Ничего, грустна. Но знаете, кто ее спасъ? Это цѣлый романъ. Николай Ростовъ. Ее окружили, хотѣли убить, ранили ея людей. Онъ бросился и спасъ ее...

— Еще романъ,—сказалъ ополченецъ.—Рѣшительно, это общее бѣгство сдѣлано, чтобы всѣ старыя невѣсты шли замужъ. Катишь одна, княжна Болконская другая.

— Вы знаете, что я въ самомъ дѣлѣ думаю, что она un petit peu amoureuse du jeune homme **).

— Штрафъ! Штрафъ! Штрафъ!

— Но какъ же это по-русски сказать?

*) Кто извиняется, тотъ самъ себя обвиняетъ.

**) Немножечко влюблена въ этого молодого человѣка.

XVIII.

Когда Пьеръ вернулся домой, ему подали двѣ принесенныя въ этотъ день афиши Растопчина.

Въ первой говорилось о томъ, что слухъ, будто графомъ Растопчинымъ запрещенъ выѣздъ изъ Москвы несправедливъ, и что напротивъ графъ Растопчинъ радъ, что изъ Москвы уѣзжаютъ барыни и купеческія жены. „Меньше страху, меньше новостей", говорилось въ афишѣ, „но я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ". Эти слова въ первый разъ ясно показали Пьеру, что французы будутъ въ Москвѣ. Во второй афишѣ говорилось, что главная квартира наша въ Вязьмѣ, что графъ Витгенштейнъ побѣдилъ французовъ, но что такъ какъ многіе жители желаютъ вооружиться, то для нихъ есть приготовленное въ арсеналѣ оружіе: сабли, пистолеты, ружья, которые жители могутъ получать по дешевой цѣнѣ. Тонъ афишъ былъ уже не такой шутливый, какъ въ прежнихъ Чигиринскихъ разговорахъ. Пьеръ задумался надъ этими афишами. Очевидно, та страшная грозовая туча, которую онъ призывалъ всѣми силами своей души, и которая вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала въ немъ невольный ужасъ, очевидно, туча эта приближалась.

„Поступить въ военную службу и ѣхать въ армію или дождаться?" въ сотый разъ задавалъ себѣ Пьеръ этотъ вопросъ. Онъ взялъ колоду картъ, лежавшихъ у него на столѣ, и сталъ дѣлать пасьянсъ.

— Ежели выйдетъ этотъ пасьянсъ,—говорилъ онъ самъ себѣ, смѣшавъ колоду, держа ее въ рукѣ и глядя вверхъ,—ежели выйдетъ, то значитъ... что̀ значитъ?.. Онъ не успѣлъ

рѣшить, что̀ значитъ, какъ за дверью кабинета послышался голосъ старшей княжны, спрашивающей, можно ли войти.

— Тогда будетъ значить, что я долженъ ѣхать въ армію,— договорилъ себѣ Пьеръ. — Войдите, войдите, — прибавилъ онъ, обращаясь къ княжнѣ.

(Одна старшая княжна, съ длинной таліей и окаменѣлымъ лицомъ, продолжала жить въ домѣ Пьера; двѣ меньшія вышли замужъ).

— Простите, кузенъ, что я пришла къ вамъ,—сказала она укоризненно-взволнованнымъ голосомъ.—Вѣдь надо наконецъ на что-нибудь рѣшиться. Что̀ жъ это будетъ такое? Всѣ выѣхали изъ Москвы, и народъ бунтуетъ. Что̀ жъ мы остаемся?

— Напротивъ, все кажется благополучно, кузина,—сказалъ Пьеръ съ той привычкой шутливости, которую Пьеръ, всегда конфузно переносившій свою роль благодѣтеля передъ княжною, усвоилъ себѣ въ отношеніи къ ней.

— Да, это благополучно... хорошо благополучіе! Мнѣ нынче Варвара Ивановна поразсказала, какъ войска наши отличаются. Ужъ точно можно чести приписать. Да и народъ совсѣмъ взбунтовался, слушать перестаютъ; дѣвка моя, и та грубить стала. Этакъ скоро и насъ бить станутъ. По улицамъ ходить нельзя. А главное, нынче—завтра французы будутъ, что жъ намъ ждать? Я объ одномъ прошу, кузенъ,—сказала княжна,—прикажите свезти меня въ Петербургъ: какая я ни есть, а я подъ Бонапартовской властью жить не могу.

— Да полноте, ma cousine, откуда вы почерпаете ваши свѣдѣнія? Напротивъ...

— Я вашему Наполеону не покорюсь. Другіе какъ хотятъ... Ежели вы не хотите этого сдѣлать...

— Да я сдѣлаю, я сейчасъ прикажу.

Княжнѣ, видимо, досадно было, что не на кого было сердиться. Она, что-то шепча, присѣла на стулъ.

— Но вамъ это неправильно доносятъ,—сказалъ Пьеръ.—Въ городѣ все тихо, и опасности никакой нѣтъ. Вотъ я сейчасъ читалъ...—Пьеръ показалъ княжнѣ афишки.—Графъ пишетъ, что онъ жизнью отвѣчаетъ, что непріятель не будетъ въ Москвѣ.

— Ахъ, этотъ вашъ графъ,—съ злобой заговорила княжна,—это лицемѣръ, злодѣй, который самъ настроилъ народъ бунтовать. Развѣ не онъ писалъ въ этихъ дурацкихъ афишахъ, что какой бы тамъ ни былъ, тащи его за хохолъ на съѣзжую (и какъ глупо)! Кто возьметъ, говоритъ, тому и честь и слава. Вотъ и долюбезничался. Варвара Ивановна говорила, что чуть не убилъ народъ ее за то, что она по-французски заговорила...

— Да вѣдь это такъ... Вы все къ сердцу очень принимаете,—сказалъ Пьеръ, и сталъ раскладывать пасьянсъ.

Несмотря на то, что пасьянсъ сошелся, Пьеръ не поѣхалъ въ армію, а остался въ опустѣвшей Москвѣ все въ той же тревогѣ, нерѣшимости, въ страхѣ и вмѣстѣ въ радости ожидая чего-то ужаснаго.

На другой день княжна къ вечеру уѣхала, и къ Пьеру пріѣхалъ его главноуправляющій съ извѣстіемъ, что требуемыхъ имъ денегъ для обмундированія полка нельзя достать, ежели не продать одно имѣніе. Главноуправляющій вообще представлялъ Пьеру, что всѣ эти затѣи полка должны были разорить его. Пьеръ съ трудомъ скрывалъ улыбку, слушая слова управляющаго.

— Ну, продайте,—говорилъ онъ.—Что жъ дѣлать, я не могу отказаться теперь!

Чѣмъ хуже было положеніе всякихъ дѣлъ, и въ особенности его дѣлъ, тѣмъ Пьеру было пріятнѣе, тѣмъ очевиднѣе было, что катастрофа, которой онъ ждалъ, приближается. Уже никого почти изъ знакомыхъ Пьера не было въ городѣ. Жюли уѣхала, княжна Марья уѣхала. Изъ близкихъ знакомыхъ одни Ростовы оставались; но къ нимъ Пьеръ не ѣздилъ.

Въ этотъ день Пьеръ, для того, чтобы развлечься, поѣхалъ въ село Воронцово смотрѣть большой воздушный шаръ, который строился Леппихомъ для погибели врага, и пробный шаръ, который долженъ былъ быть пущенъ завтра. Шаръ этотъ былъ еще не готовъ; но, какъ узналъ Пьеръ, онъ строился по желанію государя. Государь писалъ графу Растопчину объ этомъ шарѣ слѣдующее:

„Только что Леппихъ будетъ готовъ, составьте экипажъ для его лодки, изъ надежныхъ и толковыхъ людей, и пошлите курьера къ генералу Кутузову, чтобы предупредить его. Я сообщалъ ему объ этомъ. Внушите, пожалуйста, Леппиху, чтобы онъ обратилъ хорошенько вниманіе на то мѣсто, куда онъ спустится въ первый разъ, чтобы не ошибиться и не попасть въ руки врага. Необходимо, чтобы онъ соображалъ свои движенія съ движеніями главнокомандующаго".

Возвращаясь домой изъ Воронцова и проѣзжая по болотной площади, Пьеръ увидалъ толпу у Лобнаго мѣста, остановился и слѣзъ съ дрожекъ. Это была экзекуція французскаго повара, обвиненнаго въ шпіонствѣ. Экзекуція только что кончилась, и палачъ отвязывалъ отъ кобылы жалостно стонавшаго толстаго человѣка съ рыжими бакенбардами, въ синихъ чулкахъ и зеленомъ камзолѣ. Другой преступникъ, худенькій и блѣдный, стоялъ тутъ же. Оба, судя по лицамъ,

были французы. Съ испуганно-болѣзненнымъ видомъ, подобнымъ тому, который имѣлъ худой французъ, Пьеръ протолкался сквозь толпу.

— Чтò это? Кто? За чтò?—спрашивалъ онъ. Но вниманіе толпы,—чиновниковъ, мѣщанъ, купцовъ, мужиковъ, женщинъ въ салопахъ и шубкахъ, — такъ было жадно сосредоточено на то, чтò происходило на Лобномъ мѣстѣ, что никто не отвѣчалъ ему. Толстый человѣкъ поднялся, нахмурившись пожалъ плечами, и очевидно желая выразить твердость, сталъ, не глядя вокругъ себя, надѣвать камзолъ; но вдругъ губы его задрожали, и онъ заплакалъ, самъ сердясь на себя, какъ плачутъ взрослые сангвиническіе люди. Толпа громко заговорила, какъ показалось Пьеру для того, чтобы заглушить въ самой себѣ чувство жалости.

— Поваръ чей-то княжескій...

— Что, мусью, видно русскій соусъ киселъ французу пришелся... оскомину набилъ,—сказалъ сморщенный приказный, стоявшій подлѣ Пьера, въ то время какъ французъ заплакалъ. Приказный оглянулся вокругъ себя, видимо, ожидая оцѣнки своей шутки. Нѣкоторые засмѣялись, нѣкоторые испуганно продолжали смотрѣть на палача, который раздѣвалъ другого.

Пьеръ засопѣлъ носомъ, сморщился и быстро повернувшись пошелъ назадъ къ дрожкамъ, не переставая что-то бормотать про себя въ то время, какъ онъ шелъ и садился. Въ продолженіе дороги онъ нѣсколько разъ вздрагивалъ и вскрикивалъ такъ громко, что кучеръ спрашивалъ его:

— Что прикажете?

— Куда же ты ѣдешь?—крикнулъ Пьеръ на кучера, выѣзжавшаго на Лубянку.

— Къ главнокомандующему приказали,—отвѣчалъ кучеръ.

— Дуракъ! скотина!—закричалъ Пьеръ, что̀ рѣдко съ нимъ случалось, ругая своего кучера.—Домой я велѣлъ; и скорѣй ступай, болванъ. Еще нынче надо выѣхать,—про себя проговорилъ Пьеръ.

Пьеръ, при видѣ наказаннаго француза и толпы, окружавшей Лобное мѣсто, такъ окончательно рѣшилъ, что не можетъ долѣе оставаться въ Москвѣ и ѣдетъ нынче же въ армію, что ему казалось, что онъ или сказалъ объ этомъ кучеру, или что кучеръ самъ долженъ былъ знать это.

Пріѣхавъ домой, Пьеръ отдалъ приказаніе своему всезнающему, всеумѣющему, извѣстному всей Москвѣ, кучеру Евстафьичу о томъ, что онъ въ ночь ѣдетъ въ Можайскъ къ войску, и чтобы туда были высланы его верховыя лошади. Все это не могло быть сдѣлано въ тотъ же день, и потому, по представленію Евстафьича, Пьеръ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до другого дня съ тѣмъ, чтобы дать время подставамъ выѣхать на дорогу.

24-го числа прояснѣло послѣ дурной погоды, и въ этотъ день послѣ обѣда Пьеръ выѣхалъ изъ Москвы. Ночью, перемѣняя лошадей въ Перхушковѣ, Пьеръ узналъ, что въ этотъ вечеръ было большое сраженіе. Разсказывали, что здѣсь, въ Перхушковѣ земля дрожала отъ выстрѣловъ. На вопросы Пьера о томъ, кто побѣдилъ, никто не могъ дать ему отвѣта. (Это было сраженіе 24-го числа при Шевардинѣ). На разсвѣтѣ Пьеръ подъѣзжалъ къ Можайску.

Всѣ дома Можайска были заняты постоемъ войскъ, и на постояломъ дворѣ, на которомъ Пьера встрѣтили его берейторъ и кучеръ, въ горницахъ не было мѣста: все было полно офицерами.

Въ Можайскѣ и за Можайскомъ вездѣ стояли и шли войска. Казаки, пѣшіе, конные солдаты, фуры, ящики, пушки виднѣлись со всѣхъ сторонъ. Пьеръ торопился скорѣе ѣхать впередъ, и чѣмъ дальше онъ отъѣзжалъ отъ Москвы, и чѣмъ глубже погружался въ это море войскъ, тѣмъ больше имъ овладѣвала тревога безпокойства и неиспытанное еще имъ новое радостное чувство. Это было чувство, подобное тому, которое онъ испытывалъ и въ Слободскомъ дворцѣ во время пріѣзда государя, чувство необходимости предпринять что-то и пожертвовать чѣмъ-то. Онъ испытывалъ теперь пріятное чувство сознанія того, что все то, что̀ составляетъ счастіе людей: удобства жизни, богатство, даже самая жизнь, есть вздоръ, который пріятно откинуть въ сравненіи съ чѣмъ-то... Съ чѣмъ, Пьеръ не могъ себѣ дать отчета, да и не старался уяснить себѣ, для кого и для чего онъ находитъ особенную прелесть пожертвовать всѣмъ. Его не занимало то, для чего онъ хочетъ жертвовать, но самое жертвованіе составляло для него новое радостное чувство.

XIX.

24-го было сраженіе при Шевардинскомъ редутѣ, 25-го не было пущено ни одного выстрѣла ни съ той, ни съ другой стороны, 26-го произошло Бородинское сраженіе.

Для чего и какъ были даны и приняты сраженія при Шевардинѣ и при Бородинѣ? Для чего было дано Бородинское сраженіе? Ни для французовъ, ни для русскихъ оно не имѣло ни малѣйшаго смысла. Результатомъ ближайшимъ было и должно было быть—для русскихъ то, что мы приблизились къ погибели Москвы (чего мы боялись больше всего

въ мірѣ), а для французовъ то, что они приблизились къ погибели всей арміи (чего они тоже боялись больше всего въ мірѣ). Результатъ этотъ былъ тогда же совершенно очевиденъ, а между тѣмъ Наполеонъ далъ, а Кутузовъ принялъ это сраженіе

Ежели бы полководцы руководились разумными причинами, казалось, какъ ясно должно было быть для Наполеона, что, зайдя за двѣ тысячи верстъ и принимая сраженіе съ вѣроятной случайностью—потери ¼ арміи, онъ шелъ на вѣрную погибель; и столь же ясно бы должно было казаться Кутузову, что, принимая сраженіе и тоже рискуя потерять четверть арміи, онъ навѣрное теряетъ Москву. Для Кутузова это было математически ясно, какъ ясно то, что ежели въ шашкахъ у меня меньше одной шашкой и я буду мѣняться, я навѣрное проиграю, и потому не долженъ мѣняться.

Когда у противника 16 шашекъ, а у меня 14, то я только на одну восьмую слабѣе его; а когда я промѣняюсь 13-ю шашками, то онъ будетъ втрое сильнѣе меня.

До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія какъ одинъ къ двумъ, т.-е. до сраженія 100 тысячъ къ 120-ти, а послѣ сраженія 50 къ 100. А вмѣстѣ съ тѣмъ умный и опытный Кутузовъ принялъ сраженіе. Наполеонъ же, геніальный полководецъ, какъ его называютъ, далъ сраженіе, теряя четверть арміи и еще болѣе растягивая свою линію. Ежели скажутъ, что занявъ Москву, онъ думалъ какъ занятіемъ Вѣны кончить кампанію, то противъ этого есть много доказательствъ. Сами историки Наполеона разсказываютъ, что еще отъ Смоленска онъ хотѣлъ остановиться, зналъ опасность своего растянутаго положенія, и зналъ, что

занятіе Москвы не будетъ концомъ кампаніи, потому что отъ Смоленска онъ видѣлъ, въ какомъ положеніи оставлялись ему русскіе города, и не получалъ ни одного отвѣта на свои неоднократныя заявленія о желаніи вести переговоры.

Давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили непроизвольно и безсмысленно. А историки подъ совершившіеся факты уже потомъ подвели хитро сплетенныя доказательства, предвидѣнія и геніальности полководцевъ, которые изъ всѣхъ непроизвольныхъ орудій міровыхъ событій были самыми рабскими и непроизвольными дѣятелями.

Древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла.

На другой вопросъ: какъ даны были Бородинское и предшествующее ему Шевардинское сраженія? существуетъ точно такъ же весьма опредѣленное и всѣмъ извѣстное, совершенно ложное представленіе. Всѣ историки описываютъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

Русская армія, будто бы, въ отступленіи своемъ отъ Смоленска, отыскивала себѣ наилучшую позицію для генеральнаго сраженія, и таковая позиція была найдена, будто бы, у Бородина.

Русскіе, будто бы, укрѣпили впередъ эту позицію, влѣво отъ дороги (изъ Москвы въ Смоленскъ), подъ прямымъ почти угломъ къ ней, отъ Бородина къ Утицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошло сраженіе.

Впереди этой позиціи, будто бы, былъ выставленъ для наблюденія за непріятелемъ укрѣпленный передовой постъ на

Шевардинскомъ курганѣ. 24-го, будто бы, Наполеонъ атаковалъ передовой постъ и взялъ его; 26-го же атаковалъ всю русскую армію, стоявшую на позиціи на Бородинскомъ полѣ.

Такъ говорится въ исторіяхъ, и все это совершенно несправедливо, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто захочетъ вникнуть въ сущность дѣла.

Русскіе не отыскивали лучшей позиціи; а напротивъ въ отступленіи своемъ прошли много позицій, которыя были лучше Бородинской. Они не остановились ни на одной изъ этихъ позицій: и потому, что Кутузовъ не хотѣлъ принять позицію, избранную не имъ, и потому, что требованіе народнаго сраженія еще не достаточно сильно высказалось, и потому, что не подошелъ еще Милорадовичъ съ ополченіемъ, и еще по другимъ причинамъ, которыя неисчислимы. Фактъ тотъ,— что прежнія позиціи были сильнѣе, и что Бородинская позиція (та, на которой дано сраженіе) не только не сильна, но вовсе не есть почему-нибудь позиція болѣе, чѣмъ всякое другое мѣсто въ Россійской имперіи, на которое, гадая, указать бы булавкой на картѣ.

Русскіе не только не укрѣпляли позицію Бородинскаго поля влѣво подъ прямымъ угломъ отъ дороги (то-есть, мѣсто на которомъ произошло сраженіе), но и никогда до 25-го августа 1812 года не думали о томъ, чтобы сраженіе могло произойти на этомъ мѣстѣ. Этому служитъ доказательствомъ во-первыхъ, то, что не только 25-го не были на этомъ мѣстѣ укрѣпленія, но что начатыя 25-го числа, и 26-го они не были кончены; во-вторыхъ, положеніе Шевардинскаго редута: Шевардинскій редутъ, впереди той позиціи, на которой принято сраженіе, не имѣетъ никакого смысла. Для чего

былъ сильнѣе всѣхъ другихъ пунктовъ укрѣпленъ этотъ редутъ? И для чего, защищая его до 24-го числа до поздней ночи, были истощены всѣ усилія и потеряно шесть тысячъ человѣкъ? Для наблюденія за непріятелемъ достаточно было казачьяго разъѣзда. Въ-третьихъ, доказательствомъ того, что позиція, на которой произошло сраженіе, не была предвидѣна, и что Шевардинскій редутъ не былъ передовымъ пунктомъ этой позиціи, служитъ то, что Барклай-де-Толли и Багратіонъ, до 25-го числа, находились въ убѣжденіи, что Шевардинскій редутъ есть *лѣвый* флангъ позиціи, и что самъ Кутузовъ въ донесеніи своемъ, писанномъ съ горяча послѣ сраженія, называетъ Шевардинскій редутъ *лѣвымъ* флангомъ позиціи. Уже гораздо послѣ, когда писались на просторѣ донесенія о Бородинскомъ сраженіи, было (вѣроятно для оправданія ошибокъ главнокомандующаго, имѣющаго быть непогрѣшимымъ) выдумано то несправедливое и странное показаніе, будто Шевардинскій редутъ служилъ *передовымъ* постомъ (тогда какъ это былъ только укрѣпленный пунктъ лѣваго фланга), и будто Бородинское сраженіе было принято нами на укрѣпленной и впередъ избранной позиціи, тогда какъ оно произошло на совершенно неожиданномъ и почти неукрѣпленномъ мѣстѣ.

Дѣло же очевидно было такъ: позиція была избрана по рѣкѣ Колочѣ, пересѣкающей большую дорогу не подъ прямымъ, а подъ острымъ угломъ, такъ что лѣвый флангъ былъ въ Шевардинѣ, правый около селенія Новаго и центръ въ Бородинѣ, при сліяніи рѣкъ Колочи и Войны. Позиція эта, подъ прикрытіемъ рѣки Колочи, для арміи, имѣющей цѣлью остановить непріятеля, движущагося по Смоленской дорогѣ къ Москвѣ, очевидна для всякаго, кто посмотритъ

на Бородинское поле, забывъ о томъ, какъ произошло сраженіе.

Наполеонъ, выѣхавъ 24-го къ Валуеву, не увидалъ (какъ говорится въ исторіяхъ) позицію русскихъ отъ Утицы къ Бородину (онъ не могъ увидать эту позицію, потому что ея не было), и не увидалъ передовой постъ русской арміи, а наткнулся въ преслѣдованіи русскаго арьергарда на лѣвый флангъ позиціи русскихъ, на Шевардинскій редутъ, и неожиданно для русскихъ перевелъ войска черезъ Колочу. И русскіе, не успѣвъ вступить въ генеральное сраженіе, отступили своимъ лѣвымъ крыломъ изъ позиціи, которую они намѣревались занять и заняли новую позицію, которая была не предвидѣна и не укрѣплена. Перейдя на лѣвую сторону Колочи, влѣво отъ дороги, Наполеонъ передвинулъ все будущее сраженіе справа налѣво (со стороны русскихъ), и перенесъ его въ поле между Утицей, Семеновскимъ и Бородинымъ (въ это поле, не имѣющее въ себѣ ничего болѣе выгоднаго для позиціи, чѣмъ всякое другое поле въ Россіи) и на этомъ полѣ произошло все сраженіе 26-го числа. Въ грубой формѣ планъ предполагаемаго сраженія и происшедшаго сраженія будетъ слѣдующій. (См. слѣд. стр.).

Ежели бы Наполеонъ не выѣхалъ вечеромъ 24-го числа на Колочу, и не велѣлъ бы тотчасъ же вечеромъ атаковать редутъ, а началъ бы атаку на другой день утромъ, то никто бы не усомнился въ томъ, что Шевардинскій редутъ былъ лѣвый флангъ нашей позиціи; и сраженіе произошло бы такъ, какъ мы его ожидали. Въ такомъ случаѣ, мы вѣроятно еще упорнѣе бы защищали Шевардинскій редутъ, нашъ лѣвый флангъ; атаковали бы Наполеона въ центрѣ или справа, и 24-го произошло бы генеральное сраженіе на той позиціи,

которая была укрѣплена и предвидѣна. Но такъ какъ атака на нашъ лѣвый флангъ произошла вечеромъ, вслѣдъ за отступленіемъ нашего аррьергарда, т.-е. непосредственно послѣ сраженія при Гридневой и такъ какъ русскіе военачальники не хотѣли и не успѣли начать тогда же 24 вечеромъ генеральнаго сраженія, то первое и главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія было проиграно еще 24-го числа, и очевидно вело къ проигрышу и того, которое было дано 26 числа.

Послѣ потери Шевардинскаго редута, къ утру 25 числа, мы оказались безъ позиціи на лѣвомъ флангѣ и были поставлены въ необходимость отогнуть наше лѣвое крыло и поспѣшно укрѣплять его, гдѣ ни попало.

Но мало того, что 26-го августа русскія войска стояли только подъ защитой слабыхъ, неконченныхъ укрѣпленій, невыгода этого положенія увеличилась еще тѣмъ, что русскіе военачальники, не признавъ вполнѣ совершившагося факта (потери позиціи на лѣвомъ флангѣ и перенесенія всего будущаго поля сраженія справа налѣво), оставались въ своей растянутой позиціи отъ села Новаго до Утицы, и вслѣдствіе того должны были передвигать свои войска во время сраженія справа налѣво. Такимъ образомъ во все время сраженія русскіе имѣли противъ всей французской арміи, направленной на наше лѣвое крыло, вдвое слабѣйшія силы.

(Дѣйствія Понятовскаго противъ Утицы и Уварова на правомъ флангѣ французовъ составляли отдѣльныя отъ хода сраженія дѣйствія). И такъ Бородинское сраженіе произошло совсѣмъ не такъ, какъ (стараясь скрыть ошибки нашихъ военачальниковъ и вслѣдствіе того умаляя славу русскаго войска и народа) описываютъ его. Бородинское сраженіе не произошло на избранной и укрѣпленной позиціи съ нѣсколько

только слабѣйшими со стороны русскихъ силами, а Бородинское сраженіе вслѣдствіе потери Шевардинскаго редута, принято было русскими на открытой, почти не укрѣпленной мѣстности съ вдвое слабѣйшими силами противъ французовъ, т.-е. въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ не только немыслимо было драться десять часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немыслимо было удержать въ продолженіе трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства.

XX.

25-го утромъ Пьеръ выѣзжалъ изъ Можайска. На спускѣ съ огромной крутой и кривой горы, ведущей изъ города мимо стоящаго на горѣ направо собора, въ которомъ шла служба и благовѣстили, Пьеръ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ пѣшкомъ. За нимъ спускался на горѣ какой-то конный полкъ съ пѣсенниками впереди. На встрѣчу ему поднимался поѣздъ телѣгъ съ ранеными во вчерашнемъ дѣлѣ. Возчики-мужики, крича на лошадей и хлеща ихъ кнутами, перебѣгали съ одной стороны на другую. Телѣги, на которыхъ лежали и сидѣли по три и по четыре солдата раненыхъ, прыгали по набросаннымъ въ видѣ мостовой камнямъ на крутомъ подъемѣ. Раненые, обвязанные тряпками, блѣдные, съ поджатыми губами и нахмуренными бровями, держась за грядки, прыгали и толкались въ телѣгахъ. Всѣ почти съ наивнымъ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли на бѣлую шляпу и зеленый фракъ Пьера.

Кучеръ Пьера сердито кричалъ на обозъ раненыхъ, чтобъ они держали къ одной. Кавалерійскій полкъ, съ пѣснями спускаясь съ горы, надвинулся на дрожки Пьера и стѣснилъ

дорогу. Пьеръ остановился, прижавшись къ краю скопанной въ горѣ дороги. Изъ-за откоса горы солнце не доставало въ углубленіе дороги, тутъ было холодно, сыро; надъ головой Пьера было яркое августовское утро, и весело разносился трезвонъ. Одна подвода съ ранеными остановилась у края дороги подлѣ самаго Пьера. Возчикъ въ лаптяхъ, запыхавшись, подбѣжалъ къ своей телѣгѣ, подсунулъ камень подъ заднія, не шиненыя колеса и сталъ оправлять шлею на своей ставшей лошаденкѣ.

Одинъ раненый, старый солдатъ съ подвязанною рукой, шедшій за телѣгой, взялся за нее здоровою рукою и оглянулся на Пьера.

— Чтò жъ, землячекъ, тутъ положатъ насъ что ль? Али до Москвы?—сказалъ онъ.

Пьеръ такъ задумался, что не разслышалъ вопроса. Онъ смотрѣлъ то на кавалерійскій полкъ, повстрѣчавшійся теперь съ поѣздомъ раненыхъ, то на ту телѣгу, у которой онъ стоялъ и на которой сидѣли двое раненыхъ и лежалъ одинъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ на телѣгѣ солдатъ былъ вѣроятно раненъ въ щеку. Вся голова его была обвязана тряпками, и одна щека раздулась съ дѣтскую голову. Ротъ и носъ у него были на сторону. Этотъ солдатъ глядѣлъ на соборъ и крестился. Другой молодой мальчикъ, рекрутъ, бѣлокурый и бѣлый, какъ бы совершенно безъ крови въ тонкомъ лицѣ, съ остановившеюся доброю улыбкой смотрѣлъ на Пьера; третій лежалъ ничкомъ, и лица его не было видно. Кавалеристы-пѣсенники проходили надъ самою телѣгой.

— Ахъ запропала...—да ежова голова...

— Да на чужой сторонѣ живучи...—выдѣлывали они плясовую солдатскую пѣсню. Какъ бы вторя имъ, но въ дру-

гомъ родѣ веселья, перебивались въ вышинѣ металлическіе звуки трезвона. И, еще въ другомъ родѣ веселья, обливали вершину противоположнаго откоса жаркіе лучи солнца. Но подъ откосомъ, у телѣги съ ранеными, подлѣ запыхавшейся лошаденки, у которой стоялъ Пьеръ, было сыро, пасмурно и грустно.

Солдатъ съ распухшею щекой сердито глядѣлъ на пѣсенниковъ-кавалеристовъ.

— Охъ, щегольки!—проговорилъ онъ укоризненно.

— Нынче не то, что солдатъ, а и мужичковъ видалъ! Мужичковъ, и тѣхъ гонятъ,—сказалъ съ грустною улыбкой солдатъ, стоявшій за телѣгой и обращаясь къ Пьеру.—Нынче не разбираютъ... Всѣмъ народомъ навалиться хотятъ, одно слово Москва. Одинъ конецъ сдѣлать хотятъ.—Несмотря на неясность словъ солдата, Пьеръ понялъ все то, что̀ онъ хотѣлъ сказать, и одобрительно кивнулъ головой.

Дорога расчистилась, и Пьеръ сошелъ подъ гору и поѣхалъ дальше.

Пьеръ ѣхалъ, оглядываясь по обѣ стороны дороги, отыскивая знакомыя лица и вездѣ встрѣчая только незнакомыя военныя лица разныхъ родовъ войскъ, одинаково съ удивленіемъ смотрѣвшія на его бѣлую шляпу и зеленый фракъ.

Проѣхавъ версты четыре, онъ встрѣтилъ перваго знакомаго и радостно обратился къ нему. Знакомый этотъ былъ одинъ изъ начальствующихъ докторовъ въ арміи. Онъ въ бричкѣ ѣхалъ на встрѣчу Пьеру, сидя рядомъ съ молодымъ докторомъ и, узнавъ Пьера, остановилъ своего казака, сидѣвшаго на козлахъ вмѣсто кучера.

— Графъ! Ваше сіятельство, вы какъ тутъ?—спросилъ докторъ.

— Да вотъ хотѣлось посмотрѣть...

— Да, да, будетъ что посмотрѣть...

Пьеръ слѣзъ и, остановившись, разговорился съ докторомъ, объясняя ему свое намѣреніе участвовать въ сраженіи.

Докторъ посовѣтовалъ Безухому прямо обратиться къ свѣтлѣйшему.

— Что же вамъ Богъ знаетъ гдѣ находиться во время сраженія, въ безызвѣстности,—сказалъ онъ, переглянувшись съ своимъ молодымъ товарищемъ,—а свѣтлѣйшій все-таки знаетъ васъ, и приметъ милостиво. Такъ, батюшка, и сдѣлайте,—сказалъ докторъ.

Докторъ казался усталымъ и спѣшащимъ.

— Такъ вы думаете...—А я еще хотѣлъ спросить васъ, гдѣ же самая позиція?—сказалъ Пьеръ.

— Позиція? — сказалъ докторъ, — ужъ это не по моей части. Проѣдете Татаринову, тамъ что-то много копаютъ. Тамъ на курганъ войдите: оттуда видно, — сказалъ докторъ.

— И видно оттуда?..—Ежели бы вы...

Но докторъ перебилъ его и пододвинулся къ бричкѣ.

— Я бы васъ проводилъ, да ей-Богу—вотъ (докторъ показалъ на горло), скачу къ корпусному командиру. Вѣдь у насъ какъ?.. вы знаете, графъ, завтра сраженіе; на сто тысячъ войска малымъ числомъ 20 тысячъ раненыхъ считать надо; а у насъ ни носилокъ, ни коекъ, ни фельдшеровъ, ни лѣкарей на шесть тысячъ нѣтъ. 10 тысячъ телѣгъ есть, да вѣдь нужно и другое; какъ хочешь, такъ и дѣлай.

Та странная мысль, что изъ числа тѣхъ тысячъ людей живыхъ, здоровыхъ, молодыхъ и старыхъ, которые съ веселымъ удивленіемъ смотрѣли на его шляпу, было навѣрное

20 тысячъ обреченныхъ на раны и смерть (можетъ-быть, тѣ самые, которыхъ онъ видѣлъ) поразила Пьера.

„Они, можетъ-быть, умрутъ завтра, зачѣмъ они думаютъ о чемъ-нибудь другомъ кромѣ смерти?“ И ему вдругъ по какой-то тайной связи мыслей живо представился спускъ съ Можайской горы, телѣги съ ранеными, трезвонъ, косые лучи солнца и пѣсня кавалеристовъ.

„Кавалеристы идутъ на сраженіе и встрѣчаютъ раненыхъ, и ни на минуту не задумываются надъ тѣмъ, что̀ ихъ ждетъ, а идутъ мимо и подмигиваютъ раненымъ. А изъ этихъ всѣхъ, 20 тысячъ обречены на смерть, а они удивляются на мою шляпу! Странно!“ думалъ Пьеръ, направляясь дальше къ Татариновой.

У помѣщичьяго дома, на лѣвой сторонѣ дороги, стояли экипажи, фургоны, толпы деньщиковъ и часовые. Тутъ стоялъ свѣтлѣйшій. Но въ то время, какъ пріѣхалъ Пьеръ, его не было, и почти никого не было изъ штабныхъ. Всѣ были на молебствіи. Пьеръ поѣхалъ впередъ къ Горкамъ.

Въѣхавъ на гору и выѣхавъ въ небольшую улицу деревни, Пьеръ увидалъ въ первый разъ мужиковъ-ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и въ бѣлыхъ рубашкахъ, которые съ громкимъ говоромъ и хохотомъ, оживленные и потные, что-то работали направо отъ дороги, на огромномъ курганѣ, обросшемъ травою.

Одни изъ нихъ копали лопатами гору, другіе возили по доскамъ землю въ тачкахъ, третьи стояли, ничего не дѣлая.

Два офицера стояли на курганѣ, распоряжаясь ими. Увидавъ этихъ мужиковъ, очевидно забавляющихся еще своимъ новымъ военнымъ положеніемъ, Пьеръ опять вспомнилъ раненыхъ солдатъ въ Можайскѣ, и ему понятно стало то, что̀

хотѣлъ выразить солдатъ, говорившій о томъ, что *всѣмъ народомъ навалиться хотятъ*. Видъ этихъ работающихъ на полѣ сраженія бородатыхъ мужиковъ съ ихъ странными неуклюжими сапогами, съ ихъ потными шеями и кое у кого растегнутыми косыми воротами рубахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись загорѣлыя кости ключицъ, подѣйствовалъ на Пьера сильнѣе всего того, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ до сихъ поръ о торжественности и значительности настоящей минуты.

XXI.

Пьеръ вышелъ изъ экипажа и мимо работающихъ ополченцевъ взошелъ на тотъ курганъ, съ котораго, какъ сказалъ ему докторъ, было видно поле сраженія.

Было часовъ 11 утра. Солнце стояло нѣсколько влѣво и сзади Пьера и ярко освѣщало, сквозь чистый, рѣдкій воздухъ, огромную, амфитеатромъ по поднимающейся мѣстности открывшуюся предъ нимъ панораму.

Вверхъ и влѣво по этому амфитеатру, разрѣзывая его, вилась большая Смоленская дорога, шедшая черезъ село съ бѣлою церковью, лежавшее въ 500-хъ шагахъ впереди кургана и ниже его (это было Бородино). Дорога переходила подъ деревней черезъ мостъ и черезъ спуски и подъемы, вилась все выше и выше къ виднѣвшемуся верстъ за шесть селенію Валуеву (въ немъ стоялъ теперь Наполеонъ). За Валуевымъ дорога скрывалась въ желтѣвшемъ лѣсу на горизонтѣ. Въ лѣсу этомъ, березовомъ и еловомъ, вправо отъ направленія дороги, блестѣлъ на солнцѣ дальній крестъ и колокольня Колоцкаго монастыря. По всей этой синей дали, вправо и влѣво отъ лѣса и дороги, въ разныхъ мѣстахъ

виднѣлись дымящіеся костры и неопредѣленныя массы войскъ нашихъ и непріятельскихъ. Направо, по теченію рѣкъ Колочи и Москвы, мѣстность была ущелиста и гориста. Между ущельями ихъ вдали виднѣлись деревни Беззубово, Захарьино. Налѣво мѣстность была ровнѣе, были поля съ хлѣбомъ и виднѣлась одна дымящаяся, сожженная деревня — Семеновская.

Все что̀ видѣлъ Пьеръ направо и налѣво, было такъ неопредѣленно, что ни лѣвая, ни правая сторона поля не удовлетворяла вполнѣ его представленію. Вездѣ было не поле сраженія, которое онъ ожидалъ видѣть, а поля, поляны, войска, лѣса, дымы костровъ, деревни, курганы, ручьи; и сколько ни разбиралъ Пьеръ, онъ въ этой живой мѣстности не могъ найти позиціи и не могъ даже отличить нашихъ войскъ отъ непріятельскихъ.

„Надо спросить у знающаго“, подумалъ онъ, и обратился къ офицеру, съ любопытствомъ смотрѣвшему на его невоенную, огромную фигуру.

— Позвольте спросить,—обратился Пьеръ къ офицеру,— это какая деревня впереди?

— Бурдино или какъ?—сказалъ офицеръ, съ вопросомъ обращаясь къ своему товарищу.

— Бородино,—поправляя отвѣчалъ другой.

Офицеръ, видимо довольный случаемъ поговорить, подвинулся къ Пьеру.

— Тамъ наши?—спросилъ Пьеръ.

— Да, а вонъ подальше и французы,—сказалъ офицеръ.— Вонъ они,—вонъ видны.

— Гдѣ? гдѣ?—спросилъ Пьеръ.

— Простымъ глазомъ видно. Да вотъ! Офицеръ показалъ

рукой на дымы, виднѣвшіеся влѣво за рѣкой, и на лицѣ его показалось то строгое и серьезное выраженіе, которое Пьеръ видѣлъ на многихъ лицахъ, встрѣчавшихся ему.

— Ахъ, это французы! А тамъ?... Пьеръ показалъ влѣво на курганъ, около котораго виднѣлись войска.

— Это наши.

— Ахъ, наши! А тамъ?... Пьеръ показалъ на другой, далекій курганъ съ большимъ деревомъ подлѣ деревни, виднѣвшейся въ ущельѣ, у которой тоже дымились костры и чернѣлось что-то.

— Это опять *онъ*,—сказалъ офицеръ (это былъ Шевардинскій редутъ).—Вчера было наше, а теперь *его*.

— Такъ какъ же наша позиція?

— Позиція?—сказалъ офицеръ съ улыбкой удовольствія,—я это могу разсказать вамъ ясно, потому что я почти всѣ укрѣпленія наши строилъ. Вотъ, видите ли центръ нашъ въ Бородинѣ, вотъ тутъ. Онъ указалъ на деревню съ бѣлою церковью, бывшею впереди. Тутъ переправа черезъ Колочу. Вотъ тутъ, видите, гдѣ еще въ низочкѣ ряды скошеннаго сѣна лежатъ, вотъ тутъ и мостъ. Это нашъ центръ. Правый флангъ нашъ вонъ гдѣ (онъ указалъ круто направо, далеко въ ущелье), тамъ Москва-рѣка, а тамъ мы три редута построили очень сильные. Лѣвый флангъ...—тутъ офицеръ остановился.—Видите ли, это трудно вамъ объяснить... Вчера лѣвый флангъ нашъ былъ вонъ тамъ, въ Шевардинѣ, вонъ видите, гдѣ дубъ; а теперь мы отнесли назадъ лѣвое крыло, теперь вонъ-вонъ, видите деревню и дымъ?—это Семеновское, да вотъ здѣсь,—онъ указалъ на курганъ Раевскаго.—Только врядъ ли будетъ тутъ сраженіе. Что *онъ* перевелъ сюда войска, это обманъ; *онъ* вѣрно обой-

детъ справа отъ Москвы. Ну, да гдѣ бы ни было, многихъ завтра не досчитаемся!—сказалъ офицеръ.

Старый унтеръ-офицеръ, подошедшій къ офицеру во время его разсказа, молча ожидалъ конца рѣчи своего начальника; но въ этомъ мѣстѣ онъ, очевидно недовольный словами офицера, перебилъ его.

— За турами ѣхать надо,—сказалъ онъ строго.

Офицеръ какъ будто смутился, какъ будто онъ понялъ, что можно думать о томъ, сколь многихъ не досчитаются завтра, но не слѣдуетъ говорить объ этомъ.

— Ну, да посылай третью роту опять,—поспѣшно сказалъ офицеръ.

— А вы кто же, не изъ докторовъ?

— Нѣтъ, я такъ,—отвѣчалъ Пьеръ. И Пьеръ пошелъ подъ гору опять мимо ополченцевъ.

— Ахъ, проклятые!—проговорилъ слѣдовавшій за нимъ офицеръ, зажимая носъ и пробѣгая мимо работающихъ.

— Вотъ они!.. Несутъ, идутъ... Вотъ она... сейчасъ войдутъ...—послышались вдругъ голоса, и офицеры, солдаты и ополченцы побѣжали впередъ по дорогѣ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота съ снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе.

Обгоняя Пьера, безъ шапокъ бѣжали на встрѣчу идущимъ солдаты и ополченцы.

— Матушку несутъ! Заступницу... Иверскую!...

— Смоленскую матушку,—поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали, на-

встрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичекъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ черным ликомъ въ окладѣ икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Одинъ плѣшивый генералъ съ Георгіемъ на шеѣ стоялъ прямо за спиной священника и, не крестясь (очевидно нѣмецъ), терпѣливо дожидался конца молебна, который онъ считалъ нужнымъ выслушать вѣроятно для возбужденія патріотизма русскаго народа. Другой генералъ стоялъ въ воинственной позѣ и потряхивалъ рукой передъ грудью, оглядываясь вокругъ себя. Между этимъ чиновнымъ кружкомъ Пьеръ, стоявшій въ толпѣ мужиковъ, узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; но онъ не смотрѣлъ на нихъ; все вниманіе его было поглощено серьезнымъ выраженіемъ лицъ въ этой толпѣ солдатъ и ополченцевъ, однообразно-жадно смотрѣвшихъ на икону. Какъ только уставшіе дьячки (пѣвшіе двадцатый молебенъ) начинали лѣниво и привычно пѣть: „Спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Бо-

городице", и священникъ и дьяконъ подхватывали: „яко вси по Бозѣ къ тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству", на всѣхъ лицахъ, вспыхивало опять то же выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, которое онъ видѣлъ подъ горой въ Можайскѣ и урывками на многихъ и многихъ лицахъ, встрѣченныхъ имъ въ это утро; и чаще опускались головы, встряхивались волоса и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа окружавшая икону, вдругъ раскрылась и надавила Пьера. Кто-то, вѣроятно очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которою предъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ, возвращаясь къ Татариновой, подошелъ къ молебну. Пьеръ тотчасъ же узналъ Кутузова по его особенной, отличавшейся отъ всѣхъ фигурѣ.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ съ сутуловатою спиной, съ открытою бѣлою головой, и съ вытекшимъ, бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ, своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ, и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ былъ Бенигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣна, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая

голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ и съ дѣтски наивнымъ вытягиваніемъ губъ приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, тотчасъ, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

XXII.

Покачиваясь отъ давки, охватившей его, Пьеръ оглядывался вокругъ себя.

— Графъ Петръ Кириллычъ! Вы какъ здѣсь? — сказалъ чей-то голосъ. Пьеръ оглянулся.

Борисъ Друбецкой, обчищая рукой колѣнки, которыя онъ запачкалъ (вѣроятно тоже прикладываясь къ иконѣ), улыбаясь подходилъ къ Пьеру. Борисъ былъ одѣтъ элегантно, съ оттѣнкомъ походной воинственности. На немъ былъ длинный сюртукъ и плеть черезъ плечо, такъ же какъ у Кутузова.

Кутузовъ между тѣмъ подошелъ къ деревнѣ и сѣлъ въ тѣни ближайшаго дома на лавку, которую бѣгомъ принесъ одинъ казакъ, а другой поспѣшно покрылъ коврикомъ. Огромная, блестящая свита окружила главнокомандующаго.

Икона тронулась дальше, сопутствуемая толпой. Пьеръ шагахъ въ тридцати отъ Кутузова остановился, разговаривая съ Борисомъ.

Пьеръ объяснилъ свое намѣреніе участвовать въ сраженіи и осмотрѣть позицію.

— Вотъ какъ сдѣлайте, — сказалъ Борисъ. — Я васъ буду угощать лагеремъ. Лучше всего вы увидите все оттуда, гдѣ будетъ графъ Бенигсенъ. Я вѣдь при немъ состою. Я ему доложу. А если хотите объѣхать позицію, то поѣдемте съ

нами: мы сейчасъ ѣдемъ на лѣвый флангъ. А потомъ вернемся и милости прошу у меня ночевать, и партію составимъ. Вы вѣдь знакомы съ Дмитріемъ Сергѣичемъ? Онъ вотъ тутъ стоитъ,—онъ указалъ третій домъ въ Горкахъ.

— Но мнѣ бы хотѣлось видѣть правый флангъ: говорятъ, онъ очень силенъ,—сказалъ Пьеръ.—Я бы хотѣлъ проѣхать отъ Москвы-рѣки и всю позицію.

— Ну, это послѣ можете, а главный—лѣвый флангъ...

— Да, да. А гдѣ полкъ князя Болконскаго, не можете вы указать мнѣ?—спросилъ Пьеръ.

— Андрея Николаевича? мы мимо проѣдемъ, я васъ проведу къ нему.

— Что жъ лѣвый флангъ?—спросилъ Пьеръ.

— По правдѣ вамъ сказать, между нами, лѣвый флангъ нашъ Богъ знаетъ въ какомъ положеніи,—сказалъ Борисъ, довѣрчиво понижая голосъ;—графъ Бенигсенъ совсѣмъ не то предполагалъ. Онъ предполагалъ укрѣпить вонъ тотъ курганъ, совсѣмъ не такъ... но — Борисъ пожалъ плечами.—Свѣтлѣйшій не захотѣлъ, или ему наговорили. Вѣдь...— И Борисъ не договорилъ, потому что въ это время къ Пьеру подошелъ Кайсаровъ, адъютантъ Кутузова. — А, Паисій Сергѣичъ,—сказалъ Борисъ съ свободною улыбкой, обращаясь къ Кайсарову.—А я вотъ стараюсь объяснить графу позицію.—Удивительно! какъ могъ свѣтлѣйшій такъ вѣрно угадать замыслы французовъ.

— Вы про лѣвый флангъ?—сказалъ Кайсаровъ.

— Да, да, именно. Лѣвый флангъ нашъ теперь очень, очень силенъ.

Несмотря на то, что Кутузовъ выгонялъ всѣхъ лишнихъ изъ штаба, Борисъ послѣ перемѣнъ, произведенныхъ Куту-

зовымъ, сумѣлъ удержаться при главной квартирѣ. Борисъ пристроился къ графу Бенигсену. Графъ Бенигсенъ, какъ и всѣ люди, при которыхъ находился Борисъ, считалъ молодого князя Друбецкого неоцѣненнымъ человѣкомъ.

Въ начальствованіи арміей были двѣ рѣзкія, опредѣленныя партіи: партія Кутузова и партія Бенигсена, начальника штаба. Борисъ находился при этой послѣдней партіи, и никто такъ, какъ онъ, не умѣлъ, воздавая раболѣпно уваженіе Кутузову, давать чувствовать, что старикъ плохъ, и что все дѣло ведется Бенигсеномъ. Теперь наступила рѣшительная минута сраженія, которая должна была или уничтожить Кутузова и передать власть Бенигсену, или, ежели бы даже Кутузовъ выигралъ сраженіе, дать почувствовать, что все сдѣлано Бенигсеномъ. Во всякомъ случаѣ, за завтрашній день должны были быть розданы большія награды и выдвинуты впередъ новые люди. И вслѣдствіе этого, Борисъ находился въ раздраженномъ оживленіи весь этотъ день.

За Кайсаровымъ къ Пьеру еще подошли другіе изъ его знакомыхъ, и онъ не успѣвалъ отвѣчать на разспросы о Москвѣ, которыми они засыпали его, и не успѣвалъ выслушивать разсказовъ, которые ему дѣлали. На всѣхъ лицахъ выражались оживленіе и тревога. Но Пьеру казалось, что причина возбужденія, выражавшагося на нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, лежала больше въ вопросахъ личнаго успѣха, и у него не выходило изъ головы то другое выраженіе возбужденія, которое онъ видѣлъ на другихъ лицахъ и которое говорило о вопросахъ не личныхъ, а общихъ, вопросахъ жизни и смерти. Кутузовъ замѣтилъ фигуру Пьера и группу, собравшуюся около него.

— Позовите его ко мнѣ,—сказалъ Кутузовъ. Адъютантъ

передалъ желаніе свѣтлѣйшаго, и Пьеръ направился къ скамейкѣ. Но еще прежде него къ Кутузову подошелъ рядовой ополченецъ. Это былъ Долоховъ.

— Этотъ какъ тутъ?—спросилъ Пьеръ.

— Это такая бестія, вездѣ пролѣзетъ!—отвѣчали Пьеру.— Вѣдь онъ разжалованъ. Теперь ему выскочить надо. Какіе-то проекты подавалъ и въ цѣпь непріятельскую ночью лазилъ... но молодецъ...

Пьеръ, снявъ шляпу, почтительно наклонился предъ Кутузовымъ.

— Я рѣшилъ, что ежели я доложу вашей свѣтлости, вы можете прогнать меня или сказать, что вамъ извѣстно то, что̀ я докладываю, и тогда меня не убудетъ... говорилъ Долоховъ.

— Такъ, такъ.

— А ежели я правъ, то я принесу пользу отечеству, для котораго я готовъ умереть.

— Такъ... Такъ...

— И ежели вашей свѣтлости понадобится человѣкъ, который бы не жалѣлъ своей шкуры, то извольте вспомнить обо мнѣ... Можетъ-быть, я пригожусь вашей свѣтлости.

— Такъ... такъ...—повторилъ Кутузовъ, смѣющимся, суживающимся глазомъ глядя на Пьера.

Въ это время Борисъ, съ своею придворною ловкостью, выдвинулся рядомъ съ Пьеромъ въ близость начальства и съ самымъ естественнымъ видомъ и не громко, какъ бы продолжая начатый разговоръ, сказалъ Пьеру:

— Ополченцы, тѣ прямо надѣли чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы приготовиться къ смерти. Какое геройство, графъ!

Борисъ сказалъ это Пьеру очевидно для того, чтобы быть услышаннымъ свѣтлѣйшимъ. Онъ зналъ, что Кутузовъ обратитъ вниманіе на эти слова, и дѣйствительно свѣтлѣйшій обратился къ нему.

— Ты что̀ говоришь про ополченье?—сказалъ онъ Борису.

— Они, ваша свѣтлость, готовясь къ завтрашнему дню, къ смерти, надѣли бѣлыя рубахи.

— А!.. Чудесный, безподобный народъ,—сказалъ Кутузовъ и, закрывъ глаза, покачалъ головой.—Безподобный народъ!—повторилъ онъ со вздохомъ.

— Хотите пороху понюхать?—сказалъ онъ Пьеру.—Да, пріятный запахъ. Имѣю честь быть обожателемъ супруги вашей, здорова она? Мой привалъ къ вашимъ услугамъ.—И, какъ это часто бываетъ съ старыми людьми, Кутузовъ сталъ разсѣянно оглядываться, какъ будто забывавъ все, что̀ ему нужно было сказать или сдѣлать.

Очевидно вспомнивъ то, что̀ онъ искалъ, онъ подманилъ къ себѣ Андрея Сергѣевича Кайсарова, брата своего адъютанта.

— Какъ, какъ, какъ стихи-то Марина, какъ стихи, какъ? Что на Геракова написалъ: „Будешь въ корпусѣ учитель...“ Скажи, скажи,— заговорилъ Кутузовъ, очевидно собираясь посмѣяться. Кайсаровъ прочелъ... Кутузовъ, улыбаясь, кивалъ головой въ тактъ стиховъ.

Когда Пьеръ отошелъ отъ Кутузова, Долоховъ, подвинувшись къ нему, взялъ его за руку.

— Очень радъ встрѣтить васъ здѣсь, графъ,— сказалъ онъ ему громко и не стѣсняясь присутствіемъ посторонних, съ особенною рѣшительностью и торжественностью.— Наканунѣ дня, въ который Богъ знаетъ кому изъ насъ суждено

остаться въ живыхъ, я радъ случаю сказать вамъ, что я жалѣю о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя были между нами, и желалъ бы, чтобы вы не имѣли противъ меня ничего. Прошу васъ простить меня.

Пьеръ улыбаясь глядѣлъ на Долохова, не зная, что сказать ему. Долоховъ со слезами, выступившими ему на глаза, обнялъ и поцѣловалъ Пьера.

Борисъ что-то сказалъ своему генералу, и графъ Бенигсенъ обратился къ Пьеру и предложилъ ѣхать съ собою вмѣстѣ по линіи.

— Вамъ это будетъ интересно,—сказалъ онъ.

— Да, очень интересно,—сказалъ Пьеръ.

Черезъ полчаса Кутузовъ уѣхалъ въ Татаринову, и Бенигсенъ, со свитой, въ числѣ которой былъ и Пьеръ, поѣхалъ по линіи.

XXIII.

Бенигсенъ отъ Горокъ спустился по большой дорогѣ къ мосту, на который Пьеру указывалъ офицеръ съ кургана, какъ на центръ позиціи, и у котораго на берегу лежали ряды скошенной пахнувшей сѣномъ травы. Черезъ мостъ они проѣхали въ село Бородино, оттуда повернули влѣво, и мимо огромнаго количества войскъ и пушекъ выѣхали къ высокому кургану, на которомъ копали землю ополченцы. Это былъ редутъ, еще не имѣвшій названія, потомъ получившій названіе редута Раевскаго или курганной батареи.

Пьеръ не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ редутъ. Онъ не зналъ, что это мѣсто будетъ для него памятнѣе всѣхъ мѣстъ Бородинскаго поля. Потомъ они поѣхали черезъ оврагъ къ Семеновскому, въ которомъ солдаты растаскивали

послѣднія бревна избъ и овиновъ. Потомъ подъ гору и въ гору, они проѣхали впередъ черезъ поломанную, выбитую какъ градомъ рожь, по вновь проложенной артиллеріей по колчамъ пашни дорогѣ на флеши *), тоже тогда еще копаемыя.

Бенигсенъ остановился на флешахъ и сталъ смотрѣть впередъ на Шевардинскій редутъ (бывшій вчера еще нашимъ), на которомъ виднѣлось нѣсколько всадниковъ. Офицеры говорили, что тамъ былъ Наполеонъ или Мюратъ. И всѣ жадно смотрѣли на эту кучку всадниковъ. Пьеръ тоже смотрѣлъ туда, стараясь угадать, который изъ этихъ чуть виднѣвшихся людей былъ Наполеонъ. Наконецъ всадники съѣхали съ кургана и скрылись.

Бенигсенъ обратился къ подошедшему къ нему генералу и сталъ пояснять все положеніе нашихъ войскъ. Пьеръ слушалъ слова Бенигсена, напрягая всѣ свои умственныя силы къ тому, чтобъ понять сущность предстоящаго сраженія, но съ огорченіемъ чувствовалъ, что умственныя способности его для этого были недостаточны. Онъ ничего не понималъ. Бенигсенъ пересталъ говорить и, замѣтивъ фигуру прислушивавшагося Пьера, сказалъ, вдругъ обращаясь къ нему:

— Вамъ, я думаю, не интересно?

— Ахъ, напротивъ, очень интересно, — повторилъ Пьеръ не совсѣмъ правдиво.

Съ флешъ они поѣхали еще лѣвѣе дорогою, вьющеюся по частому, невысокому, березовому лѣсу. Въ срединѣ этого лѣса выскочилъ предъ ними на дорогу коричневый съ бѣлыми ногами заяцъ, и, испуганный топотомъ большого количества лошадей, такъ растерялся, что долго прыгалъ по

*) Родъ укрѣпленія.

дорогѣ впереди ихъ, возбуждая общее вниманіе и смѣхъ, и только когда въ нѣсколько голосовъ крикнули на него, бросился въ сторону и скрылся въ чащу. Проѣхавъ версты двѣ по лѣсу, они выѣхали на поляну, на которой стояли войска корпуса Тучкова, долженствовавшаго защищать лѣвый флангъ.

Здѣсь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, Бенигсенъ много и горячо говорилъ и сдѣлалъ, какъ казалось Пьеру, важное въ военномъ отношеніи распоряженіе. Впереди расположенія войскъ Тучкова находилось возвышеніе. Это возвышеніе не было занято войсками. Бенигсенъ громко критиковалъ эту ошибку, говоря, что было безумно оставить незанятою командущую мѣстностью высоту и поставить войско подъ нею. Нѣкоторые генералы выражали то же мнѣніе. Одинъ въ особенности съ воинскою горячностью говорилъ о томъ, что ихъ поставили тутъ на убой. Бенигсенъ приказалъ своимъ именемъ передвинуть войска на высоту.

Распоряженіе это на лѣвомъ флангѣ еще болѣе заставило Пьера усомниться въ его способности понять военное дѣло. Слушая Бенигсена и генераловъ, осуждавшихъ положеніе войскъ подъ горою, Пьеръ вполнѣ понималъ ихъ и раздѣлялъ ихъ мнѣніе; но именно вслѣдствіе этого онъ не могъ понять, какимъ образомъ могъ тотъ, кто поставилъ ихъ тутъ подъ горою, сдѣлать такую очевидную и грубую ошибку.

Пьеръ не зналъ того, что войска эти были поставлены не для защиты позиціи, какъ думалъ Бенигсенъ, а были поставлены въ скрытое мѣсто для засады, т.-е. для того, чтобы быть незамѣченными и вдругъ ударить на подвигавшагося непріятеля. Бенигсенъ не зналъ этого и передвинулъ войска впередъ по особеннымъ соображеніямъ, не сказавъ объ этомъ главнокомандующему.

XXIV.

Князь Андрей, въ этотъ ясный августовскій вечеръ 25-го числа, лежалъ, облокотившись на руку, въ разломанномъ сараѣ деревни Князькова, на краю расположенія своего полка. Въ отверстіе сломанной стѣны онъ смотрѣлъ на шедшую вдоль по забору полосу тридцатилѣтнихъ березъ съ обрубленными нижними сучьями, на пашню съ разбитыми на ней копнами овса и на кустарникъ, по которому виднѣлись дымы костровъ—солдатскихъ кухонь.

Какъ ни тѣсна, и никому не нужна, и ни тяжка теперь казалась князю Андрею его жизнь, онъ такъ же, какъ и семь лѣтъ тому назадъ въ Аустерлицѣ, наканунѣ сраженія чувствовалъ себя взволнованнымъ и раздраженнымъ.

Приказанія на завтрашнее сраженіе были отданы и получены имъ. Дѣлать ему было больше нечего. Но мысли самыя простыя, ясныя и потому страшныя мысли не оставляли его въ покоѣ. Онъ зналъ, что завтрашнее сраженіе должно было быть самое страшное изо всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, и возможность смерти, въ первый разъ въ его жизни безъ всякаго отношенія къ житейскому, безъ соображеній о томъ, какъ она подѣйствуетъ на другихъ, а только по отношенію къ нему самому, къ его душѣ, съ живостью, почти съ достовѣрностью, просто и ужасно, представилась ему. И съ высоты этого представленія все, что̀ прежде мучило и занимало его, вдругъ освѣтилось холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ, безъ тѣней, безъ перспективы, безъ различія очертаній. Вся жизнь представилась ему волшебнымъ фонаремъ, въ который онъ долго смотрѣлъ сквозь стекло и при искусственномъ освѣщеніи. Теперь же онъ уви-

далъ вдругъ безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, эти дурно намалеванныя картины.—„Да, да, вотъ они, тѣ волновавшіе и восхищавшіе и мучившіе меня ложные образы", говорилъ онъ себѣ, перебирая въ своемъ воображеніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя теперь на нихъ при этомъ холодномъ, бѣломъ свѣтѣ дня — ясной мысли о смерти. „Вотъ они, эти грубо намалеванныя фигуры, которыя представлялись чѣмъ-то прекраснымъ и таинственнымъ. Слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, самое отечество, — какъ велики казались мнѣ эти картины, какого глубокого смысла казались онѣ исполненными! И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ бѣломъ свѣтѣ того утра, которое я чувствую, поднимается для меня". Три главныя горя его жизни въ особенности останавливали его вниманіе. Его любовь къ женщинѣ, смерть его отца и французское нашествіе, захватившее половину Россіи.—„Любовь!.. Эта дѣвочка, мнѣ казавшаяся преисполненною таинственныхъ силъ. Какъ же я любилъ ее! я дѣлалъ поэтическіе планы о любви, о счастіи съ нею. — О милый мальчикъ!" съ злостью вслухъ проговорилъ онъ. „Какъ же! я вѣрилъ въ какую-то идеальную любовь, которая должна была мнѣ сохранить ея вѣрность за цѣлый годъ моего отсутствія! Какъ нѣжный голубокъ басни, она должна была зачахнуть въ разлукѣ со мной.—А все это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко!"

„Отецъ тоже строилъ въ Лысыхъ Горахъ и думалъ, что это его мѣсто, его земля, его воздухъ, его мужики; а пришелъ Наполеонъ и, не зная объ его существованіи, какъ щепку съ дороги, столкнулъ его, и развалились его Лысыя Горы, и вся его жизнь. А княжна Марья говоритъ, что это

испытаніе, посланное свыше. Для чего же испытаніе, когда его уже нѣтъ и не будетъ? никогда больше не будетъ! Его нѣтъ! Такъ кому же это испытаніе? Отечество, погибель Москвы! А завтра меня убьетъ—и не французъ даже, а свой, какъ вчера разрядилъ солдатъ ружье около моего уха, и придутъ французы, возьмутъ меня за ноги и за голову и швырнутъ въ яму, чтобъ я не вонялъ имъ подъ носомъ, и сложатся новыя условія жизни, которыя будутъ такъ же привычны для другихъ, и я не буду знать про нихъ, и меня не будетъ".

Онъ поглядѣлъ на полосу березъ съ ихъ неподвижною желтизной, зеленью и бѣлою корою, блестящихъ на солнцѣ. „Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня бы не было". Онъ живо представилъ себѣ отсутствіе себя въ этой жизни. И эти березы съ ихъ свѣтомъ и тѣнью, и эти курчавыя облака, и этотъ дымъ костровъ, все вокругъ преобразилось для него и показалось чѣмъ-то страшнымъ и угрожающимъ. Морозъ пробѣжалъ по его спинѣ. Быстро вставъ, онъ вышелъ изъ сарая и сталъ ходить.

За сараемъ послышались голоса.

— Кто тамъ?—окликнулъ князь Андрей.

Красноносый капитанъ Тимохинъ, бывшій ротный командиръ Долохова, теперь, за убылью офицеровъ, баталіонный командиръ, робко вошелъ въ сарай. За нимъ вошли адъютантъ и казначей полка.

Князь Андрей поспѣшно всталъ, выслушалъ то, что по службѣ имѣли передать ему офицеры, передалъ имъ еще нѣкоторыя приказанія и сбирался отпустить ихъ, когда изъ-за сарая послышался знакомый, пришепетывающій голосъ.

— Ахъ, чортъ возьми! — сказалъ голосъ человѣка, стукнувшагося обо что-то.

Князь Андрей, выглянувъ изъ сарая, увидалъ подходящаго къ нему Пьера, который споткнулся на лежавшую жердь и чуть не упалъ. Князю Андрею вообще непріятно было видѣть людей изъ своего міра, въ особенности же Пьера, который напоминалъ ему всѣ тѣ тяжелыя минуты, которыя онъ пережилъ въ послѣдній пріѣздъ въ Москву.

— А, вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Какими судьбами? Вотъ не ждалъ.

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, въ глазахъ его и выраженіи всего лица была больше чѣмъ сухость — была враждебность, которую тотчасъ же замѣтилъ Пьеръ. Онъ подходилъ къ сараю въ самомъ оживленномъ состояніи духа, но увидавъ выраженіе лица князя Андрея, онъ почувствовалъ себя стѣсненнымъ и неловкимъ.

— Я пріѣхалъ... такъ... знаете... пріѣхалъ... мнѣ интересно, — сказалъ Пьеръ, уже столько разъ въ этотъ день безсмысленно повторявшій это слово „интересно".—Я хотѣлъ видѣть сраженіе.

— Да, да, а братья-масоны что̀ говорятъ о войнѣ? Какъ предотвратить ее?—сказалъ князь Андрей насмѣшливо.—Ну, что Москва? Что мои? Пріѣхали ли наконецъ въ Москву?—спросилъ онъ серьезно.

— Пріѣхали. Жюли Друбецкая говорила мнѣ. Я поѣхалъ къ нимъ и не засталъ. Они уѣхали въ подмосковную.

XXV.

Офицеры хотѣли откланяться, но князь Андрей, какъ будто не желая оставаться съ глазу на глазъ съ своимъ другомъ,

предложилъ имъ посидѣть и напиться чаю. Подали скамейки и чай. Офицеры не безъ удивленія смотрѣли на толстую громадную фигуру Пьера и слушали его разсказы о Москвѣ и о расположеніи нашихъ войскъ, которыя ему удалось объѣздить. Князь Андрей молчалъ, и лицо его такъ было непріятно, что Пьеръ обращался болѣе къ добродушному баталіонному командиру Тимохину, чѣмъ къ Болконскому.

— Такъ ты понялъ все расположеніе войскъ?—перебилъ его князь Андрей.

— Да, т.-е. какъ? — сказалъ Пьеръ. — Какъ не военный человѣкъ, я не могу сказать, чтобы вполнѣ, но все-таки понялъ общее расположеніе.

— Ну такъ ты больше знаешь, чѣмъ кто бы то ни было,— сказалъ князь Андрей.

— А!—сказалъ Пьеръ съ недоумѣніемъ, черезъ очки глядя на князя Андрея.—Ну какъ вы скажете насчетъ назначенія Кутузова?—сказалъ онъ.

— Я очень радъ былъ этому назначенію, вотъ все, что я знаю,—сказалъ князь Андрей.

— Ну, а скажите, какое ваше мнѣніе насчетъ Барклая-де-Толли? Въ Москвѣ Богъ знаетъ что говорили про него. Какъ вы судите о немъ?

— Спроси вотъ у нихъ,—сказалъ князь Андрей, указывая на офицеровъ.

Пьеръ съ снисходительно-вопросительною улыбкой, съ которою невольно всѣ обращались къ Тимохину, посмотрѣлъ на него.

— Свѣтъ увидали, ваше сіятельство, какъ свѣтлѣйшій поступилъ,—робко и безпрестанно оглядываясь на своего полкового командира,—сказалъ Тимохинъ.

— Отчего же такъ?—спросилъ Пьеръ.

— Да вотъ бы хоть насчетъ дровъ или кормовъ, доложу вамъ. Вѣдь мы отъ Свѣнцянъ отступали, не смѣй хворостины тронуть или сѣнца тамъ, или что̀. Вѣдь мы уходимъ, *ему* достается, не такъ ли, ваше сіятельство?—обратился онъ къ своему князю,—а ты не смѣй. Въ нашемъ полку подъ судъ двухъ офицеровъ отдали за этакія дѣла. Ну, какъ свѣтлѣйшій поступилъ, такъ насчетъ этого просто стало. Свѣтъ увидали...

— Такъ отчего же онъ запрещалъ?

Тимохинъ сконфуженно оглядывался, не понимая, какъ и что̀ отвѣчать на такой вопросъ. Пьеръ съ тѣмъ же вопросомъ обратился къ князю Андрею.

— А чтобы не разорять край, который мы оставляли непріятелю,—злобно-насмѣшливо сказалъ князь Андрей.—Это очень основательно: нельзя позволять грабить край и пріучаться войскамъ къ мародерству. Ну и въ Смоленскѣ онъ тоже правильно разсудилъ, что французы могутъ обойти насъ, и что у нихъ больше силъ. Но онъ не могъ понять того,—вдругъ какъ бы вырвавшимся тонкимъ голосомъ закричалъ князь Андрей,—но онъ не могъ понять, что мы въ первый разъ дрались тамъ за Русскую землю, что въ войскахъ былъ такой духъ, какого никогда я не видалъ, что мы два дня сряду отбивали французовъ, и что этотъ успѣхъ удесятерялъ наши силы. Онъ велѣлъ отступать, и всѣ усилія и потери пропали даромъ. Онъ не думалъ объ измѣнѣ, онъ старался все сдѣлать какъ можно лучше, онъ все обдумалъ; но отъ этого-то онъ и не годится. Онъ не годится теперь именно потому, что онъ все обдумываетъ очень основательно и аккуратно, какъ и слѣдуетъ всякому нѣмцу. Какъ бы тебѣ сказать... Ну, у отца твоего нѣмецъ-лакей, и онъ прекрасный лакей, и удовлетворитъ всѣмъ его нуждамъ лучше тебя, и

пускай онъ служитъ; но ежели отецъ при смерти боленъ, ты прогонишь лакея и своими непривычными, неловкими руками станешь ходить за отцомъ, и лучше успокоишь его, чѣмъ искусный, но чужой человѣкъ. Такъ и сдѣлали съ Барклаемъ. Пока Россія была здорова, ей могъ служить чужой и былъ прекрасный министръ, но какъ только она въ опасности, нуженъ свой, родной человѣкъ. А у васъ въ клубѣ выдумали, что онъ измѣнникъ! Тѣмъ, что его оклеветали измѣнникомъ, сдѣлаютъ только то, что потомъ, устыдившись своего ложнаго нареканія, изъ измѣнниковъ сдѣлаютъ вдругъ героемъ или геніемъ, что̀ еще будетъ несправедливѣе. Онъ честный и аккуратный нѣмецъ...

— Однако, говорятъ, онъ искусный полководецъ, — сказалъ Пьеръ.

— Я не понимаю, что̀ такое значитъ искусный полководецъ,—съ насмѣшкой сказалъ князь Андрей.

— Искусный полководецъ,—сказалъ Пьеръ,—ну тотъ, который предвидѣлъ всѣ случайности... ну, угадалъ мысли противника.

— Да это невозможно, — сказалъ князь Андрей, какъ будто про давно рѣшенное дѣло.

Пьеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Однако,—сказалъ онъ,—вѣдь говорятъ же, что война подобна шахматной игрѣ.

— Да,—сказалъ князь Андрей,—только съ тою маленькою разницей, что въ шахматахъ надъ каждымъ шагомъ ты можешь думать сколько угодно, что ты тамъ внѣ условій времени, и еще съ тою разницей, что конь всегда сильнѣе пѣшки, и двѣ пѣшки всегда сильнѣе одной, а на войнѣ одинъ баталіонъ иногда сильнѣе дивизіи, а иногда слабѣе роты. Отно-

сительная сила войскъ никому не можетъ быть извѣстна. Повѣрь мнѣ,—сказалъ онъ,—что ежели бы что̀ зависѣло отъ распоряженій штабовъ, то я бы былъ тамъ и дѣлалъ бы распоряженія, а вмѣсто того я имѣю честь служить здѣсь, въ полку, вотъ съ этими господами, и считаю, что отъ насъ дѣйствительно будетъ зависѣть завтрашній день, а не отъ нихъ... Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ,—онъ указалъ на Тимохина,—въ каждомъ солдатѣ.

Князь Андрей взглянулъ на Тимохина, который испуганно и недоумѣвая смотрѣлъ на своего командира. Въ противность своей прежней сдержанной молчаливости, князь Андрей казался теперь взволнованнымъ. Онъ видимо не могъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя неожиданно приходили ему.

— Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшилъ его выиграть. Отчего мы подъ Аустерлицемъ проиграли сраженіе? У насъ потеря была почти равная съ французами; но мы сказали себѣ очень рано, что мы проиграли сраженіе и проиграли. А сказали мы это потому, что намъ тамъ не зачѣмъ было драться: поскорѣе хотѣлось уйти съ поля сраженія. „Проиграли—ну такъ бѣжать!“ мы и побѣжали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, Богъ знаетъ, что̀ бы было. А завтра мы этого не скажемъ. Ты говоришь: наша позиція, лѣвый флангъ слабъ, правый флангъ растянутъ,—продолжалъ онъ, все это вздоръ, ничего этого нѣтъ. А что̀ намъ предстоитъ завтра? сто милліоновъ самыхъ разнообразныхъ слу-

чайностей, которыя будутъ рѣшаться мгновенно тѣмъ, что побѣжали или побѣгутъ они или наши, что убьютъ того, убьютъ другого; а то, что̀ дѣлается теперь,—все это забава. Дѣло въ томъ, что не только тѣ, съ кѣмъ ты ѣздилъ по позиціи, не только не содѣйствуетъ общему ходу дѣлъ, но мѣшаютъ ему. Они заняты только своими маленькими интересами.

— Въ такую минуту?—укоризненно сказалъ Пьеръ.

— *Въ такую минуту*, — повторилъ князь Андрей; — для нихъ это только такая минута, въ которую можно подкопаться подъ врага и получить лишній крестикъ или ленточку. Для меня на завтра вотъ что: сто-тысячное русское и сто-тысячное французское войско сошлись драться, и фактъ въ томъ, что эти 200 тысячъ дерутся, и кто будетъ злѣй драться и себя меньше жалѣть, тотъ побѣдитъ. И хочешь, я тебѣ скажу, что, что̀ бы тамъ ни было, что̀ бы ни путали тамъ вверху, мы выиграемъ сраженіе завтра. Завтра, что̀ бы тамъ ни было, мы выиграемъ сраженіе!

— Вотъ, ваше сіятельство, правда, правда истинная, — проговорилъ Тимохинъ, — что̀ себя жалѣть теперь! Солдаты въ моемъ баталіонѣ, повѣрите ли, не стали водку пить: не такой день, говорятъ.—Всѣ помолчали.

Офицеры поднялись. Князь Андрей вышелъ съ ними за сарай, отдавая послѣднія приказанія адъютанту. Когда офицеры ушли, Пьеръ подошелъ къ князю Андрею и только что хотѣлъ начать разговоръ, какъ по дорогѣ недалеко отъ сарая застучали копыта трехъ лошадей и, взглянувъ по этому направленію, князь Андрей узналъ Вольцогена съ Клаузевицомъ, сопутствуемыхъ казакомъ. Они близко проѣхали, продолжая разговаривать, и Пьеръ съ Андреемъ невольно услыхали слѣдующія фразы:

— Война должна быть перенесена въ пространство. Я не могу достаточно нахвалиться такимъ воззрѣніемъ на дѣло,— говорилъ одинъ по-нѣмецки.

— О да,—сказалъ другой голосъ,—такъ какъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ослабить непріятеля, то нельзя принимать во вниманіе потери частныхъ лицъ.

— О да,—подтвердилъ первый голосъ.

— „Перенести въ пространство“,—новторилъ, злобно фыркая носомъ, князь Андрей, когда они проѣхали.—„Въ пространствѣ-то“ у меня остался отецъ и сынъ, и сестра въ Лысыхъ Горахъ. Ему это все равно. Вотъ оно то, что̀ я тебѣ говорилъ — эти господа нѣмцы завтра не выиграютъ сраженія, а только нагадятъ, сколько ихъ силъ будетъ, потому что въ его нѣмецкой головѣ только разсужденія, не стоящія выѣденнаго яйца, а въ сердцѣ нѣтъ того, что̀ одно только и нужно на завтра, то, что̀ есть въ Тимохинѣ. Они всю Европу отдали *ему* и пріѣхали насъ учить — славные учители,—опять взвизгнулъ его голосъ.

— Такъ вы думаете, что завтрашнее сраженіе будетъ выиграно?—сказалъ Пьеръ.

— Да, да,—разсѣянно сказалъ князь Андрей.—Одно, что бы я сдѣлалъ, ежели бы имѣлъ власть,—началъ онъ опять,— я не бралъ бы плѣнныхъ. Что̀ такое плѣнные? Это рыцарство. Французы разорили мой домъ и идутъ разорять Москву, оскорбили и оскорбляютъ меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники всѣ по моимъ понятіямъ. И такъ же думаетъ Тимохинъ и вся армія. Надо ихъ казнить. Ежели они враги мои, то не могутъ быть друзьями, какъ бы они тамъ ни разговаривали въ Тильзитѣ.

— Да, да,—проговорилъ Пьеръ, блестящими глазами глядя

на князя Андрея,—я совершенно, совершенно согласенъ съ вами!

Тотъ вопросъ, который съ Можайской горы и во весь этотъ день тревожилъ Пьера, теперь представился ему совершенно яснымъ и вполнѣ разрѣшеннымъ. Онъ понялъ теперь весь смыслъ и все значеніе этой войны и предстоящаго сраженія. Все, что онъ видѣлъ въ этотъ день, всѣ значительныя, строгія выраженія лицъ, которыя онъ мелькомъ видѣлъ, освѣтились для него новымъ свѣтомъ. Онъ понялъ ту скрытую, какъ говорится въ физикѣ, теплоту патріотизма, которая была во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ и которая объясняла ему то, зачѣмъ всѣ эти люди спокойно и какъ будто легкомысленно готовились къ смерти.

— Не брать плѣнныхъ,—продолжалъ князь Андрей.—Это одно измѣнило бы всю войну и сдѣлало бы ее менѣе жестокою. А то мы играли въ войну,—вотъ что скверно, мы великодушничаемъ и т. п. Это великодушничанье и чувствительность — въ родѣ великодушія и чувствительности барыни, съ которою дѣлается дурнота, когда она видитъ убиваемаго теленка: она такъ добра, что не можетъ видѣть кровь, но она съ аппетитомъ кушаетъ этого теленка подъ соусомъ. Намъ толкуютъ о правахъ войны, о рыцарствѣ, о парламентерствѣ, щадить несчастныхъ и т. д. Все вздоръ. Я видѣлъ въ 1805-мъ году рыцарство, парламентерство; насъ надули, мы надули. Грабятъ чужіе дома, пускаютъ фальшивыя ассигнаціи, да хуже всего, убиваютъ моихъ дѣтей, моего отца, и говорятъ о правилахъ войны и великодушіи къ врагамъ. Не брать плѣнныхъ, а убивать и итти на смерть! Кто дошелъ до этого такъ, какъ я, тѣми же страданіями...

Князь Андрей, думавшій, что ему было все равно, возь-

мутъ ли или не возьмутъ Москву такъ, какъ взяли Смоленскъ, внезапно остановился въ своей рѣчи отъ неожиданной судороги, схватившей его за горло. Онъ прошелся нѣсколько разъ молча, но глаза его лихорадочно блестѣли, и губа дрожала, когда онъ опять сталъ говорить:

— Ежели бы не было великодушничанья на войнѣ, то мы шли бы только тогда, когда стòитъ того итти на вѣрную смерть, какъ теперь. Тогда не было бы войны за то, что Павелъ Иванычъ обидѣлъ Михаила Иваныча. А ежели война какъ теперь, такъ война. И тогда интенсивность войскъ была бы не та, какъ теперь. Тогда бы всѣ эти вестфальцы и гессенцы, которыхъ ведетъ Наполеонъ, не пошли бы за нимъ въ Россію, и мы бы не ходили драться въ Австрію и въ Пруссію, сами не зная зачѣмъ. Война не любезность, а самое гадкое дѣло въ жизни и надо понимать это, и не играть въ войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Все въ этомъ: откинуть ложь; и война такъ война, а не игрушка. А то война—это любимая забава праздныхъ и легкомысленныхъ людей... Военное сословіе самое почетное. А чтò такое война, чтò нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы военнаго общества? Цѣль войны — убійство, орудія войны — шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей, ограбленіе ихъ или воровство для продовольствія арміи; обманъ и ложь, называемые военными хитростями; нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т.-е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство. И несмотря на то, это—высшее сословіе, почитаемое всѣми. Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ бòльшую награду... Сойдутся, какъ завтра, на убійство другъ

друга, перебьютъ, перекалѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много людей (которыхъ число еще прибавляютъ) и провозглашаютъ побѣду, полагая, что тѣмъ больше побито людей, тѣмъ больше заслуга. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ! — тонкимъ писклйвымъ голосомъ прокричалъ князь Андрей.—Ахъ, душа моя, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить. Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А не годится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла... Ну, да не долго!—прибавилъ онъ.—Однако ты спишь, да и мнѣ пора, поѣзжай въ Горки,—вдругъ сказалъ князь Андрей.

— О нѣтъ!—отвѣчалъ Пьеръ, испуганно-соболѣзнующими глазами глядя на князя Андрея.

— Поѣзжай, поѣзжай, предъ сраженіемъ нужно выспаться,—повторилъ князь Андрей. Онъ быстро подошелъ къ Пьеру, обнялъ его и поцѣловалъ. — Прощай, ступай!—прокричалъ онъ.—Увидимся ли, нѣтъ...—и онъ, поспѣшно повернувшись, ушелъ въ сарай.

Было уже темно, и Пьеръ не могъ разобрать того выраженія, которое было на лицѣ князя Андрея, было ли оно злобно или нѣжно.

Пьеръ постоялъ нѣсколько времени молча, раздумывая, пойти ли за нимъ или ѣхать домой. „Нѣтъ, ему не нужно!“ рѣшилъ самъ собой Пьеръ, „и я знаю, что это наше последнее свиданіе“. Онъ тяжело вздохнулъ и поѣхалъ назадъ въ Горки.

Князь Андрей, вернувшись въ сарай, легъ на коверъ, но не могъ спать.

Онъ закрылъ глаза. Одни образы смѣнялись другими. На

одномъ онъ долго, радостно остановился. Онъ живо вспомнилъ одинъ вечеръ въ Петербургѣ. Наташа съ оживленнымъ, взволнованнымъ лицомъ разсказывала ему, какъ она въ прошлое лѣто, ходя за грибами, заблудилась въ большомъ лѣсу. Она несвязно описывала ему и глушь лѣса, и свои чувства, и разговоры съ пчельникомъ, котораго она встрѣтила, и всякую минуту перерываясь въ своемъ разсказѣ, говорила: „нѣтъ, не могу, я не такъ разсказываю; нѣтъ, вы не понимаете“, несмотря на то, что князь Андрей успокоивалъ ее, говоря, что онъ понимаетъ, и дѣйствительно понималъ все, что̀ она хотѣла сказать. Наташа была недовольна своими словами,— она чувствовала, что не выходило то страстно-поэтическое ощущеніе, которое она испытала въ этотъ день и которое она хотѣла выворотить наружу. „Это такая прелесть былъ этотъ старикъ, и темно такъ въ лѣсу... и такіе добрые у него... нѣтъ, я не умѣю разсказать“, говорила она, краснѣя и волнуясь.—Князь Андрей улыбнулся теперь тою же радостною улыбкой, которою онъ улыбался тогда, глядя ей въ глаза. „Я понималъ ее“, думалъ князь Андрей. „Не только понималъ, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, эту-то душу ея, которую какъ будто связывало тѣло, эту-то душу я и любилъ въ ней... такъ сильно, такъ счастливо любилъ“... И вдругъ онъ вспомнилъ о томъ, чѣмъ кончилась его любовь. „*Ему* ничего этого не нужно было. *Онъ* ничего этого не видѣлъ и не понималъ. Онъ видѣлъ въ ней хорошенькую и *свѣженькую* дѣвочку, съ которою онъ не удостоилъ связать свою судьбу. А я?... И до сихъ поръ онъ живъ и веселъ“.

Князь Андрей, какъ будто кто-нибудь обжегъ его, вскочилъ и сталъ опять ходить предъ сараемъ.

XXVI.

25-го августа, наканунѣ Бородинскаго сраженія, префектъ дворца императора французовъ, г. де-Боссе, и полковникъ Фабвье пріѣхали, первый изъ Парижа, второй изъ Мадрида, къ императору Наполеону въ его стоянку у Валуева.

Переодѣвшись въ придворный мундиръ, г. де-Боссе приказалъ нести впереди себя привезенную имъ императору посылку и вошелъ въ первое отдѣленіе палатки Наполеона, гдѣ, переговариваясь съ окружившими его адъютантами Наполеона, занялся раскупориваніемъ ящика.

Фабвье, не входя въ палатку, остановился, разговорясь съ знакомыми генералами, у входа въ нее.

Императоръ Наполеонъ еще не выходилъ изъ своей спальни и оканчивалъ свой туалетъ. Онъ, пофыркивая и покряхтывая, поворачивался то толстою спиной, то обросшею жирною грудью подъ щетку, которою камердинеръ растиралъ его тѣло. Другой камердинеръ, придерживая пальцемъ стклянку, брызгалъ одеколономъ на выхоленное тѣло императора съ такимъ выраженіемъ, которое говорило, что онъ одинъ могъ знать, сколько и куда надо брызнуть одеколона. Короткіе волосы Наполеона были мокры и спутаны на лобъ. Но лицо его, хотя опухшее и желтое, выражало физическое удовольствіе. „Ну валяй, ну крѣпче...“ приговаривалъ онъ, пожимаясь и покряхтывая, растиравшему камердинеру. Адъютантъ, вошедшій въ спальню съ тѣмъ, чтобы доложить императору о томъ, сколько было во вчерашнемъ дѣлѣ взято плѣнныхъ, передавъ то, что̀ нужно было, стоялъ у двери, ожидая позволенія уйти. Наполеонъ, сморщась, взглянулъ исподлобья на адъютанта.

— Нѣтъ плѣнныхъ,—повторилъ онъ слова адъютанта.— Они заставляютъ насъ истреблять ихъ. Тѣмъ хуже для русской арміи,—сказалъ онъ.—Валяй крѣпче, валяй...—проговорилъ онъ, горбатясь и подставляя свои жирныя плечи.— Хорошо. Пускай войдетъ де-Боссе и Фабвье тоже,—сказалъ онъ адъютанту, кивнувъ головой.

— Слушаю, государь,—и адъютантъ исчезъ въ дверь палатки.

Два камердинера быстро одѣли его величество, и онъ, въ гвардейскомъ синемъ мундирѣ, твердыми быстрыми шагами вышелъ въ пріемную.

Боссе въ это время торопился руками, устанавливая привезенный имъ подарокъ отъ императрицы на двухъ стульяхъ, прямо предъ входомъ императора. Но императоръ такъ неожиданно скоро одѣлся и вышелъ, что онъ не успѣлъ вполнѣ приготовить сюрпризъ.

Наполеонъ тотчасъ замѣтилъ то, что̀ они дѣлали, и догадался, что они были не готовы. Онъ не захотѣлъ лишить ихъ удовольствія сдѣлать ему сюрпризъ. Онъ притворился, что не видитъ господина Боссе, и подозвалъ къ себѣ Фабвье. Наполеонъ слушалъ, строго нахмурившись и молча, то, что̀ говорилъ Фабвье о храбрости и преданности его войскъ, дравшихся при Саламанкѣ, на другомъ концѣ Европы, и имѣвшихъ только одну мысль — быть достойными своего императора, и одинъ страхъ—не угодить ему. Результатъ сраженія былъ печальный. Наполеонъ дѣлалъ ироническія замѣчанія во время разсказа Фабвье, какъ будто онъ и не предполагалъ, чтобы дѣло могло итти иначе въ его отсутствіе.

— Я долженъ поправить это въ Москвѣ,—сказалъ Наполеонъ.—До свиданья,—прибавилъ онъ и подозвалъ де-Боссе,

который въ это время уже успѣлъ приготовить сюрпризъ, уставивъ что-то на стульяхъ, и накрылъ что-то покрываломъ.

Де-Боссе низко поклонился тѣмъ придворнымъ французскимъ поклономъ, которымъ умѣли кланяться только старые слуги Бурбоновъ, и подошелъ, подавая конвертъ.

Наполеонъ весело обратился къ нему и подралъ его за ухо.

— Вы поспѣшили, очень радъ. Ну, что̀ говоритъ Парижъ?— сказалъ онъ, вдругъ измѣняя свое прежде строгое выраженіе на самое ласковое.

— Государь, весь Парижъ сожалѣетъ о вашемъ отсутствіи, какъ и должно,—отвѣтилъ де-Боссе. Но хотя Наполеонъ зналъ, что Боссе долженъ сказать это или тому подобное, хотя онъ въ свои ясныя минуты зналъ, что это все было неправда, ему пріятно это было слышать отъ де-Боссе. Онъ опять удостоилъ его прикосновенія за ухо.

— Очень сожалѣю, что заставилъ васъ проѣхаться такъ далеко,—сказалъ онъ.

— Я ожидалъ найти васъ, государь, по крайней мѣрѣ у воротъ Москвы,—сказалъ Боссе.

Наполеонъ улыбнулся и, разсѣянно поднявъ голову, оглянулся направо. Адъютантъ плывущимъ шагомъ подошелъ съ золотою табакеркой и подставилъ ее. Наполеонъ взялъ ее.

— Да, хорошо случилось для васъ,—сказалъ онъ, приставляя раскрытую табакерку къ носу:—вы любите путешествовать, черезъ три дня вы увидите Москву. Вы вѣрно не ждали увидать азіатскую столицу. Вы сдѣлаете пріятное путешествіе.

Боссе поклонился съ благодарностью за эту внимательность къ его (неизвѣстной ему до сей поры) склонности путешествовать.

— А! это что? — сказалъ Наполеонъ, замѣтивъ, что всѣ придворные смотрѣли на что-то покрытое покрываломъ. Боссе съ придворною ловкостью, не показывая спины, сдѣлалъ въ полуоборотъ два шага назадъ и въ одно и то же время сдернулъ покрывало и проговорилъ:

— Подарокъ вашему величеству отъ императрицы.

Это былъ яркими красками написанный Жераромъ портретъ мальчика, рожденнаго отъ Наполеона и дочери австрійскаго императора, котораго почему-то всѣ называли королемъ Рима.

Весьма красивый, курчавый мальчикъ, со взглядомъ похожимъ на взглядъ Христа въ Сикстинской мадоннѣ, изображенъ былъ играющимъ въ бильбоке. Шаръ представлялъ земной шаръ, а палочка въ другой рукѣ изображала скипетръ.

Хотя не совсѣмъ ясно было, что именно хотѣлъ выразить живописецъ, представивъ, такъ-называемаго, короля Рима протыкающимъ земной шаръ палочкой, но аллегорія эта, такъ же, какъ и всѣмъ видѣвшимъ картину въ Парижѣ, такъ и Наполеону очевидно показалась ясною и весьма понравилась.

— Римскій король! — сказалъ онъ, граціознымъ жестомъ руки указывая на портретъ. — Чудесно! — Съ свойственною итальянцамъ способностью измѣнять произвольно выраженіе лица, онъ подошелъ къ портрету и сдѣлалъ видъ задумчивой нѣжности. Онъ чувствовалъ что то, что онъ скажетъ и сдѣлаетъ теперь, есть исторія. И ему казалось, что лучшее, что онъ можетъ сдѣлать теперь, это то, чтобъ онъ съ своимъ величіемъ, вслѣдствіе котораго сынъ его въ бильбоке игралъ земнымъ шаромъ, чтобъ онъ выказалъ, въ противоположность этого величія, самую простую отеческую нѣжность. Глаза его отуманились, онъ подвинулся, оглянулся на

стулъ (стулъ подскочилъ подъ него) и сѣлъ на него противъ портрета. Одинъ жестъ его, и всѣ на цыпочкахъ вышли, предоставляя самому себѣ и его чувству великаго человѣка.

Посидѣвъ нѣсколько времени и дотронувшись, самъ не зная для чего, до шероховатости блика портрета, онъ всталъ и опять позвалъ Боссе и дежурнаго. Онъ приказалъ вынести портретъ предъ палатку, чтобы не лишить старую гвардію, стоявшую около его палатки, счастья видѣть римскаго короля, сына и наслѣдника ихъ обожаемаго государя.

Какъ онъ и ожидалъ, въ то время, какъ онъ завтракалъ съ господиномъ Боссе, удостоившимся этой чести, предъ палаткой слышались восторженные клики сбѣжавшихся къ портрету офицеровъ и солдатъ старой гвардіи.

— Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ римскій король!—слышались восторженные голоса.

Послѣ завтрака Наполеонъ, въ присутствіи Боссе, продиктовалъ свой приказъ по арміи.

— Коротко и энергично!—проговорилъ Наполеонъ, когда онъ прочелъ самъ написанную сразу безъ поправокъ прокламацію. Въ приказѣ было:

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. „Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!“

— Подъ Москвою,—повторилъ Наполеонъ и, пригласивъ

къ своей прогулкѣ господина Боссе, любившаго путешествовать; онъ вышелъ изъ палатки къ осѣдланнымъ лошадямъ.

— Вы слишкомъ добры, ваше величество,—сказалъ Боссе на приглашеніе сопутствовать императору: ему хотѣлось спать, и онъ не умѣлъ и боялся ѣздить верхомъ.

Но Наполеонъ кивнулъ головой путешественнику, и Боссе долженъ былъ ѣхать. Когда Наполеонъ вышелъ изъ палатки, крики гвардейцевъ предъ портретомъ его сына еще болѣе усилились. Наполеонъ нахмурился.

— Снимите его,—сказалъ онъ, граціозно-величественнымъ жестомъ указывая на портретъ.—Ему еще рано видѣть поле сраженія.

Боссе, закрывъ глаза и склонивъ голову, глубоко вздохнулъ, этимъ жестомъ показывая, какъ онъ умѣлъ цѣнить и понимать слова императора.

XXVII.

Весь этотъ день 25-го августа, какъ говорятъ его историки, Наполеонъ провелъ на конѣ, осматривая мѣстность, обсуживая планы, представляемые ему его маршалами, и отдавая лично приказанія своимъ генераламъ.

Первоначальная линія расположенія русскихъ войскъ, по Колочѣ, была переломлена и часть этой линіи, именно лѣвый флангъ русскихъ, вслѣдствіе взятія Шевардинскаго редута 24-го числа, была отнесена назадъ. Эта часть линіи была не укрѣплена, не защищена болѣе рѣкою, и передъ нею одною было болѣе открытое и ровное мѣсто. Очевидно было для всякаго военнаго и не военнаго, что эту часть линіи и должно было атаковать французамъ. Казалось, что для этого не нужно было много соображеній, не нужно было

такой заботливости и хлопотливости императора и его маршаловъ, и вовсе не нужно той особенной высшей способности, называемой геніальностью, которую такъ любятъ приписывать Наполеону; но историки, впослѣдствіи описывавшіе это событіе, и люди, тогда окружавшіе Наполеона, и онъ самъ думали иначе.

Наполеонъ ѣздилъ по полю, глубокомысленно вглядывался въ мѣстность, самъ съ собой одобрительно или недовѣрчиво качалъ головой и, не сообщая окружавшимъ его генераламъ того глубокомысленнаго хода, который руководилъ его рѣшеньями, передавалъ имъ только окончательные выводы въ формѣ приказаній. Выслушавъ предложенія Даву, называемаго герцогомъ Экмюльскимъ, о томъ, чтобы обойти лѣвый флангъ русскихъ, Наполеонъ сказалъ, что этого не нужно дѣлать, не объясняя, почему этого не нужно было дѣлать. На предложеніе же генерала Компана (который долженъ былъ атаковать флеши), провести свою дивизію лѣсомъ, Наполеонъ изъявилъ свое согласіе, несмотря на то, что такъ называемый герцогъ Эльхингенскій, т.-е. Ней, позволилъ себѣ замѣтить, что движеніе по лѣсу опасно и можетъ разстроить дивизію.

Осмотрѣвъ мѣстность противъ Шевардинскаго редута, Наполеонъ подумалъ нѣсколько времени молча, и указалъ на мѣста, на которыхъ должны были быть устроены къ завтрему двѣ батареи для дѣйствія противъ русскихъ укрѣпленій, и мѣста, гдѣ рядомъ съ ними должна была выстроиться полевая артиллерія.

Отдавъ эти и другія приказанія, онъ вернулся въ свою ставку, и подъ его диктовку была написана диспозиція сраженія.

Диспозиція эта, про которую съ восторгомъ говорятъ французскіе историки и съ глубокимъ уваженіемъ другіе историки, была слѣдующая:

„Съ разсвѣтомъ двѣ новыя батареи, устроенныя въ ночи, на равнинѣ, занимаемой принцемъ Экмюльскимъ, откроютъ огонь по двумъ противостоящимъ батареямъ непріятельскимъ.

„Въ это же время начальникъ артиллеріи 1-го корпуса, генералъ Пернетти, съ 30-ю орудіями дивизіи Компана и всѣми гаубицами дивизіи Дессè и Фріана, двинется впередъ, откроетъ огонь и засыплетъ гранатами непріятельскую батарею, противъ которой будутъ дѣйствовать:

24 орудія гвардейской артиллеріи,
30 орудій дивизіи Компана
и 8 орудій дивизій Фріана и Дессè.

Всего... 62 орудія.

„Начальникъ артиллеріи 3-го корпуса, генералъ Фуше, поставитъ двѣ гаубицы 3-го и 8-го корпусовъ, всего 16, по флангамъ батареи, которая назначена обстрѣливать лѣвое укрѣпленіе, что̀ составитъ противъ него вообще 40 орудій.

„Генералъ Сорбье долженъ быть готовъ, по первому приказанію, вынестись со всѣми гаубицами гвардейской артиллеріи противъ одного, либо другого укрѣпленія.

„Въ продолженіе канонады князь Понятовскій направится на деревню, въ лѣсъ, и обойдетъ непріятельскую позицію.

„Генералъ Компанъ двинется черезъ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ.

„По вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны приказанія соотвѣтственно дѣйствіямъ непріятеля.

„Канонада на лѣвомъ флангѣ начнется, какъ только будетъ услышана канонада праваго крыла. Стрѣлки дивизіи Морана и дивизій вице-короля откроютъ сильный огонь, увидя начало атаки праваго крыла.

„Вице-король завладѣетъ деревней *) и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Жерара, которыя, подъ его предводительствомъ, направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками арміи.

„Все это должно быть исполнено въ порядкѣ (le tout se fera avec ordre et méthode), сохраняя по возможности войска въ резервѣ.

„Въ императорскомъ лагерѣ, близъ Можайска, 6-го сентября, 1812 года".

Диспозиція эта, весьма неясно и спутанно написанная, ежели позволить себѣ безъ религіознаго ужаса къ геніальности Наполеона относиться къ распоряженіямъ его, заключала въ себѣ четыре пункта—четыре распоряженія. Ни одно изъ этихъ распоряженій не могло быть и не было исполнено.

Въ диспозиціи сказано, первое, *чтобы устроенныя на выбранномъ Наполеономъ мѣстѣ батареи съ имѣющими выравняться съ ними орудіями Пернетти и Фуше, всего 102 орудія, открыли огонь и засыпали русскіе флеши и редутъ снарядами.* Это не могло быть сдѣлано, такъ какъ, съ назначенныхъ Наполеономъ мѣстъ, снаряды не долетали до русскихъ работъ, и эти 102 орудія стрѣляли по пустому до тѣхъ поръ, пока ближайшій начальникъ, противно приказанію Наполеона, не выдвинулъ ихъ впередъ.

*) Бородинымъ.

Второе распоряженіе состояло въ томъ, чтобы *Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, обошелъ лѣвое крыло русскихъ*. Это не могло быть и не было сдѣлано, потому что Понятовскій, направясь на деревню въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ загораживающаго ему дорогу Тучкова, и не могъ обойти и не обошелъ русскую позицію.

Третье распоряженіе: *Генералъ Компанъ двинется въ лѣсъ, чтобы овладѣть первымъ укрѣпленіемъ*. Дивизія Компана не овладѣла первымъ укрѣпленіемъ, а была отбита, потому что, выходя изъ лѣса, она должна была строиться подъ картечнымъ огнемъ, чего не зналъ Наполеонъ.

Четвертое: *Вице-король овладѣетъ деревнею* (Бородинымъ) *и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ съ дивизіями Морана и Фріана* (о которыхъ не сказано куда и когда они будутъ двигаться), *которыя подъ его предводительствомъ направятся къ редуту и войдутъ въ линію съ прочими войсками*.

Сколько можно понять если не изъ безтолковаго періода этого, то изъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣланы были вице-королемъ исполнить данныя ему приказанія: онъ долженъ былъ двинуться черезъ Бородино слѣва на редутъ, дивизіи же Морана и Фріана должны были двинуться одновременно съ фронта.

Все это такъ же, какъ и другіе пункты диспозиціи, не было и не могло быть исполнено. Пройдя Бородино, вице-король былъ отбитъ на Колочѣ и не могъ пройти дальше; дивизіи же Морана и Фріана не взяли редутъ, а были отбиты, и редутъ въ концѣ сраженія уже былъ захваченъ кавалеріей (вѣроятно, непредвидѣнное дѣло для Наполеона и неслыханное). Итакъ, ни одно изъ распоряженій диспозиціи не было

и не могло быть исполнено. Но въ диспозиціи сказано: что, по вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны приказанія, соотвѣтственныя дѣйствіямъ непріятеля, и потому могло бы казаться, что во время сраженія будутъ сдѣланы Наполеономъ всѣ нужныя распоряженія, но этого не было, и не могло быть, потому что во все время сраженія Наполеонъ находился такъ далеко отъ него, что (какъ это и оказалось впослѣдствіи) ходъ сраженія ему не могъ быть извѣстенъ, и ни одно распоряженіе его во время сраженія не могло быть исполнено.

XXVIII.

Многіе историки говорятъ, что Бородинское сраженіе не выиграно французами, потому что у Наполеона былъ насморкъ, что ежели бы у него не было насморка, то распоряженія его до и во время сраженія были бы еще геніальнѣе, и Россія бы погибла, и обликъ міра измѣнился бы. Для историковъ, признающихъ то, что Россія образовалась по волѣ одного человѣка—Петра Великаго, и Франція изъ республики сложилась въ имперію, и французскія войска пошли въ Россію по волѣ одного человѣка—Наполеона, такое разсужденіе, что Россія осталась могущественна, потому что у Наполеона былъ большой насморкъ 26-го числа, такое разсужденіе для такихъ историковъ неизбѣжно-послѣдовательно.

Ежели отъ воли Наполеона зависѣло дать или не дать Бородинское сраженіе и отъ его воли зависѣло сдѣлать такое или другое распоряженіе, то очевидно, что насморкъ, имѣвшій вліяніе на проявленіе его воли, могъ быть причиной спасенія Россіи, и что поэтому тотъ камердинеръ, который забылъ подать Наполеону 24-го числа непромокаемые сапоги,

былъ спасителемъ Россіи. На этомъ пути мысли выводъ этотъ несомнѣненъ; такъ же несомнѣненъ, какъ тотъ выводъ, который, шутя (самъ не зная надъ чѣмъ), дѣлалъ Вольтеръ, говоря, что Варѳоломеевская ночь произошла отъ разстройства желудка Карла IX. Но для людей, не допускающихъ того, чтобы Россія образовалась по волѣ одного человѣка Петра I, и чтобы французская имперія сложилась и война съ Россіей началась по волѣ одного человѣка—Наполеона, разсужденіе это не только представляется невѣрнымъ, неразумнымъ, но и противнымъ всему существу человѣческому. На вопросъ о томъ, что̀ составляетъ причину историческихъ событій, представляется другой отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ мировыхъ событій предопредѣленъ свыше, зависитъ отъ совпаденія всѣхъ произволовъ людей, участвующихъ въ этихъ событіяхъ, и что вліяніе Наполеоновъ на ходъ этихъ событій есть только внѣшнее и фиктивное.

Какъ ни странно кажется съ перваго взгляда предположеніе того, что Варѳоломеевская ночь, приказанье на которую отдано Карломъ IX, произошла не по его волѣ, а что ему только казалось, что онъ велѣлъ это сдѣлать, и что Бородинское побоище 80-ти тысячъ человѣкъ произошло не по волѣ Наполеона (несмотря на то, что онъ отдавалъ приказанія о началѣ и ходѣ сраженія), а что ему казалось только, что онъ это велѣлъ,—какъ ни странно кажется это предположеніе, но человѣческое достоинство, говорящее мнѣ, что всякій изъ насъ ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ, велитъ допустить это рѣшеніе вопроса, и историческія изслѣдованія обильно подтверждаютъ это предположеніе.

Въ Бородинскомъ сраженіи Наполеонъ ни въ кого не стрѣ-

лялъ и никого не убилъ. Все это дѣлали солдаты. Стало быть, не онъ убивалъ людей.

Солдаты французской арміи шли убивать другъ друга въ Бородинскомъ сраженіи не вслѣдствіе приказанія Наполеона, но по собственному желанію. Вся армія,—французы, итальянцы, нѣмцы, поляки—голодные, оборванные и измученные походомъ, въ виду арміи, загораживавшей отъ нихъ Москву, чувствовали, что le vin est tiré et qu'il faut le boire. Ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ теперь драться съ русскими, они бы его убили и пошли бы драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо.

Когда они слушали приказъ Наполеона, представлявшаго имъ за ихъ увѣчья и смерть въ утѣшеніе слова потомства о томъ, что и они были въ битвѣ подъ Москвою, они кричали: „Vive l'Empereur!" точно такъ же, какъ они кричали „Vive l'Empereur", при видѣ изображенія мальчика, протыкающаго земной шаръ палочкой отъ бильбоке, точно такъ же, какъ бы они кричали „Vive l'Empereur" при всякой безсмыслицѣ, которую бы имъ сказали. Имъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ кричать: „Vive l'Empereur" и итти драться, чтобы найти пищу и отдыхъ побѣдителей въ Москвѣ. Стало быть, не вслѣдствіе приказанія Наполеона они убивали себѣ подобныхъ.

И не Наполеонъ распоряжался ходомъ сраженія, потому что изъ диспозиціи его ничего не было исполнено, и во время сраженія онъ не зналъ про то, чтò происходило впереди его. Стало быть, и то, какимъ образомъ эти люди убивали другъ друга, происходило не по волѣ Наполеона, а шло независимо отъ него, по волѣ сотенъ тысячъ людей, участвовавшихъ въ общемъ дѣлѣ. Наполеону *казалось только,* что все дѣло

происходило по волѣ его. И потому вопросъ о томъ, былъ ли или не былъ у Наполеона насморкъ, не имѣетъ для исторіи бо̀льшаго интереса, чѣмъ вопросъ о насморкѣ послѣдняго фурштадтскаго солдата.

Тѣмъ болѣе 26-го августа насморкъ Наполеона не имѣлъ значенія, что показанія писателей о томъ, будто насморкъ Наполеона былъ причиной его (не такъ хорошо составленной, какъ прежнія) диспозиціи и распоряженій во время сраженій, не столько хорошихъ, какъ прежнія,—совершенно несправедливы.

Выписанная здѣсь диспозиція нисколько не была хуже, а даже лучше всѣхъ прежнихъ диспозицій, по которымъ выигрывались сраженія. Мнимыя распоряженія во время сраженія были тоже не хуже прежнихъ, а точно такія же, какъ и всегда. Но диспозиція и распоряженія эти кажутся только хуже прежнихъ потому, что Бородинское сраженіе было первое, которое не выигралъ Наполеонъ. Всѣ самыя прекрасныя и глубокомысленныя диспозиціи и распоряженія кажутся очень дурными, и каждый ученый-военный съ значительнымъ видомъ критикуетъ ихъ, когда сраженіе по нимъ не выиграно, и самыя плохія диспозиціи и распоряженія кажутся очень хорошими, и серьезные люди въ цѣлыхъ томахъ доказываютъ достоинства плохихъ распоряженій, когда по нимъ выиграно сраженіе.

Диспозиція, составленная Вейротеромъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, была образецъ совершенства въ сочиненіяхъ этого рода, но ее все-таки осудили, осудили за ея совершенство, за слишкомъ большую подробность.

Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло представителя власти такъ же хорошо и еще лучше, чѣмъ

въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ, не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны, спокойно и достойно исполнялъ свою роль кажущагося начальствованья.

XXIX.

Вернувшись послѣ второй озабоченной поѣздки по линіи, Наполеонъ сказалъ:

— Шахматы поставлены, игра начнется завтра.

Велѣвъ подать себѣ пуншу и призвавъ Боссе, онъ началъ съ нимъ разговоръ о Парижѣ, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, которыя онъ намѣренъ былъ сдѣлать въ придворномъ штатѣ императрицы, удивляя префекта своею памятливостью ко всѣмъ мелкимъ подробностямъ придворныхъ отношеній.

Онъ интересовался пустяками, шутилъ о любви къ путешествіямъ Боссе и небрежно болталъ — такъ, какъ это дѣлаетъ знаменитый, увѣренный и знающій свое дѣло операторъ, въ то время какъ онъ засучиваетъ рукава и надѣваетъ фартукъ, а больного привязываютъ къ койкѣ. — „Дѣло все въ моихъ рукахъ и въ головѣ, ясно и опредѣленно. Когда надо будетъ приступить къ дѣлу, я сдѣлаю его какъ никто другой, а теперь могу шутить, и чѣмъ больше я шучу и спокоенъ, тѣмъ больше вы должны быть увѣрены, спокойны и удивлены моему генію“.

Окончивъ свой второй стаканъ пунша, Наполеонъ пошелъ отдохнуть предъ серьезнымъ дѣломъ, которое, какъ ему казалось, предстояло ему на завтра.

Онъ такъ интересовался этимъ предстоящимъ ему дѣломъ,

что не могъ спать и, несмотря на усилившійся отъ вечерней сырости насморкъ, въ три часа ночи, громко сморкаясь, вышелъ въ большое отдѣленіе палатки. Онъ спросилъ о томъ, не ушли ли русскіе? Ему отвѣчали, что непріятельскіе огни все на тѣхъ же мѣстахъ. Онъ одобрительно кивнулъ головой.

Дежурный адъютантъ вошелъ въ палатку.

— Ну, Раппъ, какъ вы думаете: хороши ли будутъ нынче наши дѣла?—обратился онъ къ нему.

— Безъ всякаго сомнѣнія, государь!—отвѣчалъ Раппъ.

Наполеонъ посмотрѣлъ на него.

— Вы помните ли, государь, тѣ слова, которыя вы изволили сказать мнѣ въ Смоленскѣ, — сказалъ Раппъ: — вино откупорено—надо его выпить.

Наполеонъ нахмурился и долго молча сидѣлъ, опустивъ голову на руку.

— Бѣдная армія!—сказалъ онъ вдругъ.—Она очень уменьшилась по пути отъ Смоленска. Судьба просто распутница, Раппъ. Я всегда это говорилъ и теперь начинаю это испытывать. Но гвардія, Раппъ, гвардія цѣла? — вопросительно сказалъ онъ.

— Да, государь,—отвѣчалъ Раппъ.

Наполеонъ взялъ пастильку, положилъ ее въ ротъ и посмотрѣлъ на часы. Спать ему не хотѣлось, до утра было еще далеко; а чтобъ убить время, распоряженій никакихъ нельзя уже было дѣлать, потому что всѣ были сдѣланы и приводились теперь въ исполненіе.

— Роздали ли сухари и рисъ гвардейцамъ?—строго спросилъ Наполеонъ.

— Да, государь.

— А рисъ?

Раппъ отвѣчалъ, что онъ передалъ приказанья государя о рисѣ, но Наполеонъ недовольно покачалъ головой, какъ будто онъ не вѣрилъ, чтобы приказаніе его было исполнено. Слуга вошелъ съ пуншемъ. Наполеонъ велѣлъ подать другой стаканъ Раппу и молча отпивалъ глотки изъ своего.

— У меня нѣтъ ни вкуса, ни обонянія, — сказалъ онъ, принюхиваясь къ стакану. — Этотъ насморкъ надоѣлъ мнѣ. Они толкуютъ про медицину. Какая медицина, когда они не могутъ вылѣчить насморка? Корвизаръ далъ мнѣ эти пастильки, но онѣ ничего не помогаютъ. Чтò они могутъ лѣчить? Лѣчить нельзя. Наше тѣло есть машина для жизни. Оно для этого устроено, въ этомъ состоитъ его природа. Оставьте въ немъ жизнь въ покоѣ, пускай она сама защищается: она больше сдѣлаетъ, чѣмъ вы будете пичкать тѣло лѣкарствами. Наше тѣло подобно часамъ, которые должны итти извѣстное время; часовщикъ не можетъ открыть ихъ, и только ощупью и съ завязанными глазами онъ можетъ управлять ими. Да, наше тѣло есть машина для жизни и только. И какъ будто вступивъ на путь опредѣленій, которыя любилъ Наполеонъ, онъ вдругъ неожиданно сдѣлалъ новое опредѣленіе. Вы знаете ли, Раппъ, чтò такое военное искусство? — спросилъ онъ. — Искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Вотъ и все.

Раппъ ничего не отвѣтилъ.

— Завтра мы будемъ имѣть дѣло съ Кутузовымъ, — сказалъ Наполеонъ. — Посмотримъ! Помните, въ Браунау онъ командовалъ арміей, и ни разу въ три недѣли не сѣлъ на лошадь, чтобъ осмотрѣть укрѣпленія. Посмотримъ!

Онъ поглядѣлъ на часы. Было еще только 4 часа. Спать

не хотѣлось, пуншъ былъ допитъ, и дѣлать все-таки было нечего. Онъ всталъ, прошелся взадъ и впередъ, надѣлъ теплый сюртукъ и шляпу, и вышелъ изъ палатки. Ночь была темная и сырая, чуть слышная сырость падала сверху. Костры неярко горѣли вблизи, во французской гвардіи, и далеко сквозь дымъ блестѣли по русской линіи. Вездѣ было тихо, и ясно слышались шорохъ и топотъ начавшагося уже движенія французскихъ войскъ для занятія позиціи.

Наполеонъ прошелся предъ палаткой, посмотрѣлъ на огни, прислушался къ топоту и, проходя мимо высокаго гвардейца въ мохнатой шапкѣ, стоявшаго часовымъ у его палатки, и какъ черный столбъ вытянувшагося при появленіи императора, остановился противъ него.

— Съ котораго года въ службѣ? — спросилъ онъ съ тою привычною аффектаціей грубой и ласковой воинственности, съ которою онъ всегда обращался съ солдатами. Солдатъ отвѣчалъ ему.

— А! изъ стариковъ! Получили рисъ въ полкъ?

— Получили, ваше величество.

Наполеонъ кивнулъ головой и отошелъ отъ него.

Въ половинѣ шестого Наполеонъ верхомъ ѣхалъ къ деревнѣ Шевардину.

Начинало свѣтать, небо расчистило, только одна туча лежала на востокѣ. Покинутые костры догорали въ слабомъ свѣтѣ утра.

Вправо раздался густой одинокій пушечный выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воз-

духъ; четвертый, пятый раздались близко и торжественно гдѣ-то справа.

Еще не отзвучали первые выстрѣлы, какъ раздались еще другіе, еще и еще, сливаясь и перебивая одинъ другой.

Наполеонъ подъѣхалъ со свитой къ Шевардинскому редуту и слѣзъ съ лошади. Игра началась.

XXX.

Вернувшись отъ князя Андрея въ Горки, Пьеръ, приказавъ берейтору приготовить лошадей и рано утромъ разбудить его, тотчасъ же заснулъ за перегородкой, въ уголкѣ, который Борисъ уступилъ ему.

Когда Пьеръ совсѣмъ очнулся на другое утро, въ избѣ уже никого не было. Стекла дребезжали въ маленькихъ окнахъ. Берейторъ стоялъ, расталкивая его.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство, ваше сіятельство...— упорно, не глядя на Пьера и, видимо, потерявъ надежду разбудить его, раскачивая его за плечо, приговаривалъ берейторъ.

— Что, началось? Пора?—заговорилъ Пьеръ, проснувшись.

— Изволите слышать пальбу,—сказалъ берейторъ, отставной солдатъ:—уже всѣ господа повышли, сами свѣтлѣйшіе давно проѣхали.

Пьеръ поспѣшно одѣлся и выбѣжалъ на крыльцо. На дворѣ было ясно, свѣжо, росисто и весело. Солнце, только что вырвавшись изъ-за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами черезъ крыши противоположной улицы на покрытую росой пыль дороги, на стѣны домовъ, на окна забора и на лошадей Пьера, стояв-

шихъ у избы. Гулъ пушекъ яснѣе слышался на дворѣ. По улицѣ прорысилъ адъютантъ съ казакомъ.

— Пора, графъ, пора!—прокричалъ адъютантъ.

Приказавъ вести за собой лошадь, Пьеръ пошелъ по улицѣ къ кургану, съ котораго онъ вчера смотрѣлъ на поле сраженія. На курганѣ этомъ была толпа военныхъ и слышался французскій говоръ штабныхъ и виднѣлась сѣдая голова Кутузова, съ его бѣлою съ краснымъ околышемъ фуражкой и сѣдымъ затылкомъ, утонувшимъ въ плечи. Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу впередъ по большой дорогѣ.

Войдя по ступенькамъ входа на курганъ, Пьеръ взглянулъ впереди себя и замеръ отъ восхищенья предъ красотою зрѣлища. Это была та же панорама, которою онъ любовался вчера съ этого кургана; но теперь вся эта мѣстность была покрыта войсками и дымами выстрѣловъ, и косые лучи яркаго солнца, поднимавшагося сзади лѣвѣе Пьера, кидали на нее, въ чистомъ утреннемъ воздухѣ, пронизывающій съ золотымъ и розовымъ оттѣнкомъ свѣтъ и темныя, длинныя тѣни. Дальніе лѣса, заканчивающіе панораму, точно высѣченные изъ какого-то драгоцѣннаго желто-зеленаго камня, виднѣлись своею изогнутою чертой вершинъ на горизонтѣ, и между ними за Валуевымъ прорѣзывалась большая Смоленская дорога, вся покрытая войсками. Ближе блестѣли золотыя поля и перелѣски. Вездѣ, спереди, справа и слѣва, виднѣлись войска. Все это было оживленно, величественно и неожиданно, но то, что̀ болѣе всего поразило Пьера—это былъ видъ самаго поля сраженія, Бородина и лощины надъ Колочею по обѣимъ сторонамъ ея.

Надъ Колочею, въ Бородинѣ и по обѣимъ сторонамъ его, особенно влѣво, тамъ, гдѣ въ болотистыхъ берегахъ Война

впадаетъ въ Колочу, стоялъ туманъ, который таетъ, расплывается и просвѣчиваетъ при выходѣ яркаго солнца и волшебно окрашиваетъ и очерчиваетъ все виднѣющееся сквозь него. Къ этому туману присоединялся дымъ выстрѣловъ, и по этому туману и дыму вездѣ блестѣли молніи утренняго свѣта, то по водѣ, то по росѣ, то по штыкамъ войскъ, толпившихся по берегамъ и въ Бородинѣ. Сквозь туманъ этотъ виднѣлась бѣлая церковь, кое-гдѣ крыши избъ Бородина, кое-гдѣ сплошныя массы солдатъ, кое-гдѣ зеленые ящики, пушки. И все это двигалось или казалось движущимся, потому что туманъ и дымъ тянулись по всему этому пространству. Какъ въ этой мѣстности низовъ около Бородина, покрытыхъ туманомъ, такъ и внѣ его, выше и особенно лѣвѣе по всей линіи, по лѣсамъ, по полямъ въ низахъ, на вершинахъ возвышеній, зарождались безпрестанно сами собой изъ ничего пушечные, то одинокіе, то гуртовые, то рѣдкіе, то частые клубы дымовъ, которые, распухая, разрастаясь, клубясь, сливаясь, виднѣлись по всему этому пространству.

Эти дымы выстрѣловъ, и, странно сказать, звуки ихъ производили главную красоту зрѣлища.

„*Пуффъ!*“ — вдругъ виднѣлся круглый, плотный, играющій лиловымъ, сѣрымъ и молочно-бѣлымъ цвѣтами дымъ, и „*бумнъ!*“—раздавался черезъ секунду звукъ этого дыма.

„Пуфъ-пуфъ“, — поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь, и „бумъ-бумъ“—подтверждали звуки то, что̀ видѣлъ глазъ.

Пьеръ оглядывался на первый дымъ, который онъ оставилъ округлымъ, плотнымъ мячикомъ, и уже на мѣстѣ его были шары дыма, тянущагося въ сторону, и пуфъ... (съ остановкой) пуфъ-пуфъ — зарождались еще три, еще четыре, и на

каждой съ тѣми разстановками бумъ... бумъ-бумъ-бумъ— отвѣчали красивые, твердые, вѣрные звуки. Казалось, то что дымы эти бѣжали, то что они стояли и мимо нихъ бѣжали лѣса, поля и блестящіе штыки. Съ лѣвой стороны по полямъ и кустамъ безпрестанно зарождались эти большіе дымы съ своими торжественными отголосками, и ближе еще по низамъ и лѣсамъ вспыхивали маленькіе, не успѣвавшіе округляться дымки ружей, и точно такъ же давали свои маленькіе отголоски. Трахъ-та-та-тахъ—трещали ружья хотя и часто, но неправильно и бѣдно въ сравненіи съ орудійными выстрѣлами.

Пьеру захотѣлось быть тамъ, гдѣ были эти дымы, эти блестящіе штыки, это движенье, эти звуки. Онъ оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы свѣрить свое впечатлѣніе съ другими. Всѣ точно такъ же, какъ и онъ, и, какъ ему казалось, съ тѣмъ же чувствомъ смотрѣли впередъ на поле сраженія. На всѣхъ лицахъ свѣтилась теперь та *скрытая теплота* чувства, которое Пьеръ замѣчалъ вчера и которое онъ понялъ совершенно послѣ своего разговора съ княземъ Андреемъ.

— Поѣзжай, голубчикъ, поѣзжай, Христосъ съ тобой,— говорилъ Кутузовъ, не спуская глазъ съ поля сраженія, генералу, стоявшему подлѣ него.

Выслушавъ приказаніе, генералъ этотъ прошелъ мимо Пьера, къ сходу съ кургана.

— Къ переправкѣ! — холодно и строго сказалъ генералъ въ отвѣтъ на вопросъ одного изъ штабныхъ, куда онъ ѣдетъ.

„И я, и я“, подумалъ Пьеръ и пошелъ по направленію за генераломъ.

Генералъ садился на лошадь, которую подалъ ему казакъ. Пьеръ подошелъ къ своему берейтору, державшему лошадей,

Спросивъ, которая посмирнѣе, Пьеръ влѣзъ на лошадь, схватился за гриву, прижалъ каблуки вывернутыхъ ногъ къ животу лошади и, чувствуя, что очки его спадаютъ и что онъ не въ силахъ отнять рукъ отъ гривы и поводьевъ, поскакалъ за генераломъ, возбуждая улыбки штабныхъ, съ кургана смотрѣвшихъ на него.

XXXI.

Генералъ, за которымъ скакалъ Пьеръ, спустившись подъ гору, круто повернулъ влѣво, и Пьеръ, потерявъ его изъ вида, вскакалъ въ ряды пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ впереди его. Онъ пытался выѣхать изъ нихъ то впередъ, то влѣво, то вправо; но вездѣ были солдаты, съ одинаково озабоченными лицами, занятыми какимъ-то невиднымъ, но очевидно важнымъ дѣломъ. Всѣ съ одинаково недовольно-вопросительнымъ взглядомъ смотрѣли на этого толстаго человѣка въ бѣлой шляпѣ, неизвѣстно для чего топчущаго ихъ своею лошадью.

— Чего ѣздить посреди баталіона! — крикнулъ на него одинъ. Другой толкнулъ прикладомъ его лошадь, и Пьеръ, прижавшись къ лукѣ и едва удерживая шарахнувшуюся лошадь, выскакалъ впередъ солдатъ, гдѣ было просторно.

Впереди его былъ мостъ, а у моста, отрѣляя, стояли другіе солдаты. Пьеръ подъѣхалъ къ нимъ. Самъ того не зная, Пьеръ заѣхалъ къ мосту черезъ Колочу, который былъ между Горками и Бородинымъ и который въ первомъ дѣйствіи сраженія (занявъ Бородино) атаковали французы. Пьеръ видѣлъ, что впереди его былъ мостъ, и что съ обѣихъ сторонъ моста и на томъ лугу, въ рядахъ лежащаго сѣна, которые онъ замѣтилъ вчера, въ дыму что-то дѣлали солдаты, но, несмотря на неумолкающую стрѣльбу, происходившую въ этомъ мѣстѣ,

онъ никакъ не думалъ, что тутъ-то и было поле сраженія. Онъ не слыхалъ звуковъ пуль, визжавшихъ со всѣхъ сторонъ, и снарядовъ, перелетавшихъ черезъ него, не видалъ непріятеля, бывшаго на той сторонѣ рѣки, и долго не видалъ убитыхъ и раненыхъ, хотя многіе падали недалеко отъ него. Съ улыбкой, не сходившею съ его лица, онъ оглядывался вокругъ себя.

— Что ѣздитъ этотъ предъ линіей?—опять крикнулъ на него кто-то.

— Влѣво, вправо возьми!—кричали ему.

Пьеръ взялъ вправо и неожиданно съѣхался съ знакомымъ ему адъютантомъ генерала Раевскаго. Адъютантъ этотъ сердито взглянулъ на Пьера, очевидно собираясь тоже крикнуть на него, но, узнавъ его, кивнулъ ему головой.

— Вы какъ тутъ?—проговорилъ онъ и поскакалъ дальше.

Пьеръ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ и безъ дѣла, боясь опять помѣшать кому-нибудь, поскакалъ за адъютантомъ.

— Это здѣсь что же? Можно мнѣ съ вами?—спрашивалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ адъютантъ и, подскакавъ къ толстому полковнику, стоявшему на лугу, что-то передалъ ему и тогда уже обратился къ Пьеру:

— Вы зачѣмъ сюда попали, графъ?—сказалъ онъ ему съ улыбкой.—Все любопытствуете?

— Да, да,—сказалъ Пьеръ. Но адъютантъ, повернувъ лошадь, ѣхалъ дальше.

— Здѣсь-то, слава Богу,—сказалъ адъютантъ;—но на лѣвомъ флангѣ, у Багратіона, ужасная жарня идетъ.

— Неужели?—спросилъ Пьеръ.—Это гдѣ же?

— Да вотъ поѣдемте со мной на курганъ, отъ насъ видно. А у насъ на батареѣ еще сносно,—сказалъ адъютантъ.— Что жъ, ѣдете?

— Да, я съ вами,—сказалъ Пьеръ, глядя вокругъ себя и отыскивая глазами своего берейтора. Тутъ только въ первый разъ Пьеръ увидалъ раненыхъ, бредущихъ пѣшкомъ и несомыхъ на носилкахъ. На томъ самомъ лужкѣ съ пахучими рядами сѣна, по которому онъ проѣзжалъ вчера, поперекъ рядовъ, неловко подвернувъ голову, неподвижно лежалъ одинъ солдатъ съ свалившимся киверомъ.—А этого отчего не подняли?—началъ было Пьеръ; но, увидавъ строгое лицо адъютанта, оглянувшагося въ ту же сторону, онъ замолчалъ.

Пьеръ не нашелъ своего берейтора и вмѣстѣ съ адъютантомъ низомъ поѣхалъ по лощинѣ къ кургану Раевскаго. Лошадь Пьера отставала отъ адъютанта и равномѣрно встряхивала его.

— Вы, видно, не привыкли верхомъ ѣздить, графъ?—спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, ничего, но что-то она прыгаетъ очень,—съ недоумѣніемъ сказалъ Пьеръ.

— Э-э!.. да она ранена, — сказалъ адъютантъ, — правая передняя, выше колѣна. Пуля, должно-быть. Поздравляю, графъ,—сказалъ онъ,—вы окрещены теперь огнемъ.

Проѣхавъ въ дыму по шестому корпусу, позади артиллеріи, которая, выдвинутая впередъ, стрѣляла, оглушая своими выстрѣлами, они пріѣхали къ небольшому лѣсу. Въ лѣсу было прохладно, тихо и пахло осенью. Пьеръ и адъютантъ слѣзли съ лошадей и пѣшкомъ вошли на гору.

— Здѣсь генералъ? — спросилъ адъютантъ, подходя къ кургану.

— Сейчасъ были, поѣхали сюда,—указывая вправо, отвѣчали ему.

Адъютантъ оглянулся на Пьера, какъ бы не зная, что ему теперь съ нимъ дѣлать.

— Не безпокойтесь, — сказалъ Пьеръ.—Я пойду на курганъ, можно?

— Да, пойдите, оттуда все видно и не такъ опасно, а я заѣду за вами.

Пьеръ пошелъ на батарею, и адъютантъ поѣхалъ дальше. Больше они не видались, и уже гораздо послѣ Пьеръ узналъ, что этому адъютанту въ этотъ день оторвало руку.

Курганъ, на который вошелъ Пьеръ, былъ то знаменитое (потомъ извѣстное у русскихъ подъ именемъ курганной батареи или батареи Раевскаго, а у французовъ подъ именемъ „большого редута", „рокового редута", „центральнаго редута") мѣсто, вокругъ котораго положены десятки тысячъ людей, и которое французы считали важнѣйшимъ пунктомъ позиціи.

Редутъ этотъ состоялъ изъ кургана, на которомъ съ трехъ сторонъ были выкопаны канавы. Въ окопанномъ канавами мѣстѣ стояли десять стрѣлявшихъ пушекъ, высунутыхъ въ отверстіе валовъ.

Въ линію съ курганомъ стояли съ обѣихъ сторонъ пушки, тоже безпрестанно стрѣлявшія. Немного позади пушекъ стояли пѣхотныя войска. Входя на этотъ курганъ, Пьеръ никакъ не думалъ, что это окопанное небольшими канавами мѣсто, на которомъ стояло и стрѣляло нѣсколько пушекъ, было самое важное мѣсто въ сраженіи.

Пьеру, напротивъ, казалось, что это мѣсто (именно потому, что онъ находился на немъ) было одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ сраженія.

Войдя на курганъ, Пьеръ сѣлъ въ концѣ канавы, окружающей батарею, и съ безсознательно-радостною улыбкой смотрѣлъ на то, что̀ дѣлалось вокругъ него. Изрѣдка Пьеръ все съ тою же улыбкой вставалъ и, стараясь не помѣшать солдатамъ, заряжавшимъ и накатывавшимъ орудія, безпрестанно пробѣгавшимъ мимо него съ сумками и зарядами, прохаживался по батареѣ. Пушки съ этой батареи безпрестанно одна за другою стрѣляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховымъ дымомъ.

Въ противоположность той жутости, которая чувствовалась между пѣхотными солдатами прикрытія, здѣсь на батареѣ, гдѣ небольшое количество людей занятыхъ дѣломъ было ограничено, отдѣлено отъ другихъ канавой,—здѣсь чувствовалось одинаковое и общее всѣмъ, какъ бы семейное, оживленіе.

Появленіе невоенной фигуры Пьера въ бѣлой шляпѣ сначала непріятно поразило этихъ людей. Солдаты, проходя мимо него, удивленно и даже испуганно косились на его фигуру. Старшій артиллерійскій офицеръ, высокій съ длинными ногами, рябой человѣкъ, какъ-будто для того, чтобы посмотрѣть на дѣйствіе крайняго орудія, подошелъ къ Пьеру и любопытно посмотрѣлъ на него.

Молоденькій, круглолицый офицерикъ, еще совершенный ребенокъ, очевидно только-что выпущенный изъ корпуса, распоряжаясь весьма старательно порученными ему двумя пушками, строго обратился къ Пьеру:

— Господинъ, позвольте васъ попросить съ дороги,—сказалъ онъ ему,—здѣсь нельзя.

Солдаты неодобрительно покачивали головами, глядя на Пьера. Но когда всѣ убѣдились, что этотъ человѣкъ въ бѣ-

лой шляпѣ не только не дѣлалъ ничего дурного, но, или смирно сидѣлъ на откосѣ вала, или съ робкою улыбкой, учтиво сторонясь предъ солдатами, прохаживался по батареѣ подъ выстрѣлами такъ же спокойно, какъ и по бульвару, тогда понемногу чувство недоброжелательнаго недоумѣнія къ нему стало переходить въ ласковое и шутливое участіе, подобное тому, которое солдаты имѣютъ къ своимъ животнымъ, собакамъ, пѣтухамъ, козламъ, и вообще животнымъ, живущимъ при воинскихъ командахъ. Солдаты эти сейчасъ же мысленно приняли Пьера въ свою семью, присвоили себѣ и дали ему прозвище: „нашъ баринъ"—прозвали его, и про него ласково смѣялись между собой.

Одно ядро взрыло землю въ двухъ шагахъ отъ Пьера. Онъ, обчищая взбрызнутую ядромъ землю съ платья, съ улыбкой оглянулся вокругъ себя.

— И какъ это вы не боитесь, баринъ, право!—обратился къ Пьеру краснорожій широкій солдатъ, оскаливая крѣпкіе бѣлые зубы.

— А ты развѣ боишься?—спросилъ Пьеръ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ солдатъ. Вѣдь она не помилуетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ. Нельзя не бояться,—сказалъ онъ смѣясь.

Нѣсколько солдатъ съ веселыми и ласковыми лицами остановились подлѣ Пьера. Они какъ-будто не ожидали того, чтобъ онъ говорилъ какъ всѣ, и это открытіе обрадовало ихъ.

— Наше дѣло солдатское. А вотъ баринъ, такъ удивител[illegible]. Вотъ такъ баринъ!

— По мѣстамъ!—крикнулъ молоденькій офицеръ на собравшихся вокругъ Пьера солдатъ. Молоденькій офицеръ этотъ, видимо, исполнялъ свою должность въ первый или во второй

разъ, и потому съ особенною отчетливостью и форменностью обращался и съ солдатами и съ начальникомъ.

Перекатная пальба пушекъ и ружей усиливалась по всему полю, въ особенности влѣво, тамъ, гдѣ были флеши Багратіона, но изъ-за дыма выстрѣловъ, съ того мѣста, гдѣ былъ Пьеръ, нельзя было почти ничего видѣть. Притомъ, наблюденія за тѣмъ какъ бы семейнымъ (отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ) кружкомъ людей, находившихся на батареѣ, поглощали все вниманіе Пьера. Первое его безсознательно-радостное возбужденіе, произведенное видомъ и звуками поля сраженія, замѣнилось теперь, въ особенности послѣ вида этого одиноко-лежащаго солдата на лугу, другимъ чувствомъ. Сидя теперь на откосѣ канавы, онъ наблюдалъ окружавшія его лица.

Къ десяти часамъ уже человѣкъ двадцать унесли съ батареи; два орудія были разбиты, и чаще и чаще на батарею попадали снаряды, и залетали, жужжа и свистя, дальнія пули. Но люди, бывшіе на батареѣ, какъ-будто не замѣчали этого: со всѣхъ сторонъ слышался веселый говоръ и шутки.

— Чиненка! — кричалъ солдатъ на приближающуюся, летѣвшую со свистомъ гранату,—не сюда! Къ пѣхотнымъ!— съ хохотомъ прибавлялъ другой, замѣтивъ, что граната перелетѣла и попала въ ряды прикрытія.

— Чтò, знакомая? — смѣялся другой солдатъ на присѣвшаго мужика подъ пролетѣвшимъ ядромъ.

Нѣсколько солдатъ собрались у вала, разглядывая то, что дѣлалось впереди.

— И цѣпь сняли, видишь, назадъ прошли,—говорили они, указывая черезъ валъ.

— Свое дѣло гляди,—крикнулъ на нихъ старый унтеръ-

офицеръ.—Назадъ прошли, значитъ назади дѣло есть. — И унтеръ-офицеръ, взявъ за плечо одного изъ солдатъ, толкнулъ его колѣнкой. Послышался хохотъ.

— Къ пятому орудію, накатывай! — кричали съ одной стороны.

— Разомъ, дружнѣе, по-бурлацки! — слышались веселые крики перемѣнявшихъ пушку.

— Ай, нашему барину чуть шляпу не сбила,—показывая зубы, смѣялся на Пьера красноражій шутникъ. — Эхъ, нескладная, — укоризненно прибавилъ онъ на ядро, попавшее въ колесо и ногу человѣка.—Ну, вы, лисицы!—смѣялся другой на изгибающихся ополченцевъ, входившихъ на батарею за раненымъ.—Аль не вкусна каша? Ахъ, вороны, заколянились! — кричали на ополченцевъ, замявшихся предъ солдатомъ съ оторванною ногой.—Тое-кое, малый, — передразнивали мужиковъ.—Страсть не любятъ!

Пьеръ замѣчалъ, какъ послѣ каждаго попавшаго ядра, послѣ каждой потери, все болѣе и болѣе разгоралось общее оживленіе.

Какъ изъ придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, свѣтлѣе и свѣтлѣе вспыхивали на лицахъ всѣхъ этихъ людей (какъ бы въ отпоръ совершающагося) молніи скрытаго, разгорающагося огня.

Пьеръ не смотрѣлъ впередъ на поле сраженія и не интересовался знать о томъ, что̀ тамъ дѣлалось: онъ весь былъ поглощенъ въ созерцаніе этого, все болѣе и болѣе разгорающагося огня, который точно такъ же (онъ чувствовалъ) разгорался и въ его душѣ.

Въ десять часовъ пѣхотные солдаты, бывшіе впереди батареи въ кустахъ и по рѣчкѣ Каменкѣ, отступили. Съ батареи

видно было, какъ они пробѣгали назадъ мимо нея, неся на ружьяхъ раненыхъ. Какой-то генералъ со свитой вошелъ на курганъ и, поговоривъ съ полковникомъ, сердито посмотрѣвъ на Пьера, сошелъ опять внизъ, приказавъ прикрытію пѣхоты, стоявшему позади батареи, лечь, чтобы менѣе подвергаться выстрѣламъ. Вслѣдъ за этимъ въ рядахъ пѣхоты, правѣе батареи, послышался барабанъ, командные крики, и съ батареи видно было, какъ ряды пѣхоты двинулись впередъ.

Пьеръ смотрѣлъ черезъ валъ. Одно лицо особенно бросилось ему въ глаза. Это былъ офицеръ, который съ блѣднымъ, молодымъ лицомъ шелъ задомъ, неся опущенную шпагу, и безпокойно оглядывался.

Ряды пѣхотныхъ солдатъ скрылись въ дыму, послышался ихъ протяжный крикъ и частая стрѣльба ружей. Черезъ нѣсколько минутъ толпы раненыхъ и носилокъ прошли оттуда. На батарею еще чаще стали попадать снаряды. Нѣсколько человѣкъ лежали неубранные. Около пушекъ хлопотливѣе и оживленнѣе двигались солдаты. Никто уже не обращалъ вниманія на Пьера. Раза два на него сердито крикнули за то, что онъ былъ на дорогѣ. Старшій офицеръ съ нахмуреннымъ лицомъ, большими, быстрыми шагами переходилъ отъ одного орудія къ другому. Молоденькій офицерикъ, еще больше разрумянившись, еще старательнѣе командовалъ солдатами. Солдаты подавали заряды, поворачивались, заряжали и дѣлали свое дѣло съ напряженнымъ щегольствомъ. Они на ходу подпрыгивали какъ на пружинахъ.

Грозовая туча надвинулась, и ярко во всѣхъ лицахъ горѣлъ тотъ огонь, за разгораніемъ котораго слѣдилъ Пьеръ. Онъ стоялъ подлѣ старшаго офицера. Молоденькій офицерикъ подбѣжалъ, съ рукой къ киверу, къ старшему.

— Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь, прикажете ли продолжать огонь?—спросилъ онъ.

— Картечь! — не отвѣчая крикнулъ старшій офицеръ, смотрѣвшій черезъ валъ.

Вдругъ что-то случилось; офицерикъ ахнулъ и свернувшись сѣлъ на землю, какъ на лету подстрѣленная птица. Все сдѣлалось странно, неясно и пасмурно въ глазахъ Пьера.

Одно за другимъ свистѣли ядра и бились въ брустверъ, въ солдатъ, въ пушки. Пьеръ, прежде не слыхавшій этихъ звуковъ, теперь только слышалъ одни эти звуки. Сбоку батареи, справа, съ крикомъ „ура“ бѣжали солдаты не впередъ, а назадъ, какъ показалось Пьеру.

Ядро ударило въ самый край вала, предъ которымъ стоялъ Пьеръ, ссыпало землю, и въ глазахъ его мелькнулъ черный мячикъ, и въ то же мгновенье шлепнуло во что-то. Ополченцы, вошедшіе было на батарею, побѣжали назадъ.

— Всѣ картечью!—кричалъ офицеръ.

Унтеръ-офицеръ подбѣжалъ къ старшему офицеру и испуганнымъ шопотомъ (какъ за обѣдомъ докладываетъ дворецкій хозяину, что нѣтъ больше требуемаго вина) сказалъ, что зарядовъ больше не было.

— Разбойники, что̀ дѣлаютъ!—закричалъ офицеръ, оборачиваясь къ Пьеру. Лицо старшаго офицера было красно и потно, нахмуренные глаза блестѣли.—Бѣги къ резервамъ, приводи ящики!—крикнулъ онъ, сердито обходя взглядомъ Пьера, и обращаясь къ своему солдату.

— Я пойду,—сказалъ Пьеръ. Офицеръ, не отвѣчая ему, большими шагами пошелъ въ другую сторону.

— Не стрѣлять... Выжидай!—кричалъ онъ.

Солдатъ, которому приказано было итти за зарядами, столкнулся съ Пьеромъ.

— Эхъ, баринъ, не мѣсто тебѣ тутъ, — сказалъ онъ и побѣжалъ внизъ.

Пьеръ побѣжалъ за солдатомъ, обходя то мѣсто, на которомъ сидѣлъ молоденькій офицерикъ.

Одно, другое, третье ядро пролетало надъ нимъ, ударялось впереди, съ боковъ, сзади. Пьеръ сбѣжалъ внизъ. „Куда я?" вдругъ вспомнилъ онъ, уже подбѣгая къ зеленымъ ящикамъ. Онъ остановился въ нерѣшительности, итти ему назадъ или впередъ. Вдругъ страшный толчокъ откинулъ его назадъ, на землю. Въ то же мгновенье блескъ большого огня освѣтилъ его, и въ то же мгновенье раздался оглушающій зазвенѣвшій въ ушахъ громъ, трескъ и свистъ.

Пьеръ, очнувшись, сидѣлъ на заду, опираясь руками о землю; ящика, около котораго онъ былъ, не было; только валялись зеленыя, обожженыя доски и тряпки на выжженной травѣ, и лошадь, трепля обломками оглобель, проскакала отъ него, а другая такъ же, какъ и самъ Пьеръ, лежала на землѣ и пронзительно, протяжно визжала.

XXXII.

Пьеръ, не помня себя отъ страха, вскочилъ и побѣжалъ назадъ на батарею, какъ на единственное убѣжище отъ всѣхъ ужасовъ, окружавшихъ его.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ окопъ, онъ замѣтилъ, что на батареѣ выстрѣловъ не слышно было, но какіе-то люди что-то дѣлали тамъ. Пьеръ не успѣлъ понять того, какіе это были люди. Онъ увидѣлъ старшаго полковника, задомъ къ нему лежащаго на валу, какъ будто разсматривающ-

щаго что-то внизу, и видѣлъ одного замѣченнаго имъ солдата, который, порываясь впередъ отъ людей, державшихъ его за руку, кричалъ: „братцы!“ и видѣлъ еще что-то странное.

Но онъ не успѣлъ еще сообразить того, что полковникъ былъ убитъ, что кричавшій „братцы“ былъ плѣнный, что въ глазахъ его былъ заколонъ штыкомъ въ спину другой солдатъ. Едва онъ вбѣжалъ въ окопъ, какъ худощавый, желтый, съ потнымъ лицомъ человѣкъ, въ синемъ мундирѣ, со шпагой въ рукѣ, набѣжалъ на него, крича что-то. Пьеръ, инстинктивно обороняясь отъ толчка, такъ какъ они не видавъ разбѣжались другъ противъ друга, выставилъ руки и схватилъ этого человѣка (это былъ французскій офицеръ) одною рукой за плечо, другою за горло. Офицеръ, выпустивъ шпагу, схватилъ Пьера за шиворотъ.

Нѣсколько секундъ они оба испуганными глазами смотрѣли на чуждыя другъ другу лица, и оба были въ недоумѣніи о томъ, что̀ они сдѣлали и что̀ имъ дѣлать. „Я ли взятъ въ плѣнъ, или онъ взятъ въ плѣнъ мною?“ думалъ каждый изъ нихъ. Но очевидно французскій офицеръ болѣе склонялся къ мысли, что въ плѣнъ взятъ онъ, потому что сильная рука Пьера, движимая невольнымъ страхомъ, все крѣпче и крѣпче сжимала его горло. Французъ что-то хотѣлъ сказать, какъ вдругъ надъ самой головой ихъ низко и страшно просвистѣло ядро, и Пьеру показалось, что голова французскаго офицера оторвана: такъ быстро онъ согнулъ ее.

Пьеръ тоже нагнулъ голову и опустилъ руки. Не думая болѣе о томъ, кто кого взялъ въ плѣнъ, французъ побѣжалъ назадъ на батарею, а Пьеръ подъ гору, спотыкаясь на убитыхъ и раненыхъ, которые, казалось ему, ловятъ его за ноги. Но не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ на встрѣчу ему пока-

зались плотныя толпы бѣгущихъ русскихъ солдатъ, которые, падая, спотыкаясь и крича, весело и бурно бѣжали на батарею. (Это была та атака, которую себѣ приписывалъ Ермоловъ, говоря, что только его храбрости и счастью возможно было сдѣлать этотъ подвигъ, и та атака, въ которой онъ будто бы кидалъ на курганъ Георгіевскіе кресты, бывшіе у него въ карманѣ.)

Французы, занявшіе батарею, побѣжали. Наши войска съ криками ура, такъ далеко за батарею прогнали французовъ, что трудно было остановить ихъ.

Съ батареи свезли плѣнныхъ, въ томъ числѣ раненаго французскаго генерала, котораго окружили офицеры. Толпы раненыхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ Пьеру, русскихъ и французовъ, съ изуродованными страданіемъ лицами, шли, ползли и на носилкахъ неслись съ батареи. Пьеръ вошелъ на курганъ, гдѣ онъ провелъ болѣе часа времени, и изъ того семейнаго кружка, который принялъ его къ себѣ, онъ не нашелъ никого. Много было тутъ мертвыхъ, незнакомыхъ ему. Но нѣкоторыхъ онъ узналъ. Молоденькій офицерикъ сидѣлъ, все такъ же свернувшись у края вала, въ лужѣ крови. Краснорожій солдатъ еще дергался, но его не убирали.

Пьеръ побѣжалъ внизъ.

„Нѣтъ, теперь они оставятъ это, теперь они ужаснутся того, что̀ они сдѣлали!“ думалъ Пьеръ, безцѣльно направляясь за толпами носилокъ, двигавшихся съ поля сраженія.

Но солнце, застилаемое дымомъ, стояло еще высоко, и впереди, и въ особенности налѣво у Семеновскаго, кипѣло что-то въ дыму, и гулъ выстрѣловъ, стрѣльба и канонада не только не ослабѣвали, но и усиливались до отчаянности, какъ человѣкъ, который, надрываясь, кричитъ изъ послѣднихъ силъ.

XXXIII.

Главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія произошло на пространствѣ 1000 саженъ между Бородинымъ и флешами Багратіона. (Внѣ этого пространства, съ одной стороны была сдѣлана русскими въ половинѣ дня демонстрація кавалеріей Уварова, съ другой стороны за Утицей было столкновеніе Понятовскаго съ Тучковымъ; но это были два отдѣльныя и слабыя дѣйствія въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ происходило въ серединѣ поля сраженія.) На полѣ между Бородинымъ и флешами, у лѣса, на открытомъ и видномъ съ обѣихъ сторонъ протяженіи, произошло главное дѣйствіе сраженія, самымъ простымъ, безхитростнымъ образомъ.

Сраженіе началось канонадой съ обѣихъ сторонъ изъ нѣсколькихъ сотенъ орудій.

Потомъ, когда дымъ застлалъ все поле, въ этомъ дыму двинулись (со стороны французовъ) справа двѣ дивизіи Дессе и Компана на флеши и слѣва полки вице-короля на Бородино.

Отъ Шевардинскаго редута, на которомъ стоялъ Наполеонъ, флеши находились на разстояніи версты, а Бородино болѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ разстоянія по прямой линіи, и потому Наполеонъ не могъ видѣть того, что̀ происходило тамъ, тѣмъ болѣе, что дымъ, сливаясь съ туманомъ, скрывалъ всю мѣстность. Солдаты дивизіи Дессе, направленные на флеши, были видны только до тѣхъ поръ, пока они не спустились подъ оврагъ, отдѣлявшій ихъ отъ флешъ. Какъ скоро они спустились въ оврагъ, дымъ выстрѣловъ орудійныхъ и ружейныхъ на флешахъ сталъ такъ густъ, что застлалъ весь подъемъ той стороны оврага. Сквозь дымъ мель-

кало тамъ что-то черное, вѣроятно люди, и иногда блескъ штыковъ. Но двигались ли они или стояли, были ли это французы или русскіе, нельзя было видѣть съ Шевардинскаго редута.

Солнце взошло свѣтло и било косыми лучами прямо въ лицо Наполеона, смотрѣвшаго изъ-подъ руки на флеши. Дымъ стлался предъ флешами, и то казалось, что дымъ двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда изъ-за выстрѣловъ крики людей, но нельзя было знать, что̀ они тамъ дѣлали.

Наполеонъ, стоя на курганѣ, смотрѣлъ въ трубу, и въ маленькій кругъ трубы онъ видѣлъ дымъ и людей, иногда своихъ, иногда русскихъ; но гдѣ было то, что̀ онъ видѣлъ, онъ не зналъ, когда смотрѣлъ опять простымъ глазомъ.

Онъ сошелъ съ кургана и сталъ взадъ и впередъ ходить предъ нимъ.

Изрѣдка онъ останавливался, прислушивался къ выстрѣламъ и вглядывался въ поле сраженія.

Не только съ того мѣста внизу, гдѣ онъ стоялъ, не только съ кургана, на которомъ стояли теперь нѣкоторые его генералы, но и съ самыхъ флешей, на которыхъ находились теперь вмѣстѣ и попеременно то русскіе, то французскіе мертвые, раненые и живые, испуганные или обезумѣвшіе солдаты, нельзя было понять того, что̀ дѣлалось на этомъ мѣстѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ на этомъ мѣстѣ, среди неумолкающей стрѣльбы, ружейной и пушечной, то появлялись одни русскіе, то одни французскіе, то пѣхотные, то кавалерійскіе солдаты; появлялись, падали, стрѣляли, сталкивались, не зная, что̀ дѣлать другъ съ другомъ, кричали и бѣжали назадъ.

Съ поля сраженія безпрестанно прискакивали къ Наполе-

ону его посланные адъютанты и ординарцы его маршаловъ съ докладами о ходѣ дѣла; но всѣ эти доклады были ложны: и потому, что въ жáру сраженія невозможно сказать, чтò происходитъ въ данную минуту, и потому, что многіе адъютанты не доѣзжали до настоящаго мѣста сраженія, а передавали то, чтò они слышали отъ другихъ, и еще потому, что пока проѣзжалъ адъютантъ тѣ двѣ-три версты, которыя отдѣляли его отъ Наполеона, обстоятельства измѣнялись, и извѣстіе, которое онъ везъ, уже становилось невѣрно. Такъ, отъ вице-короля прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Бородино занято и мостъ на Колочѣ въ рукахъ французовъ. Адъютантъ спрашивалъ у Наполеона, прикажетъ ли онъ переходить войскамъ? Наполеонъ приказалъ выстроиться на той сторонѣ и ждать; но не только въ то время, какъ Наполеонъ отдавалъ это приказаніе, но даже когда адъютантъ только что отъѣхалъ отъ Бородина, мостъ уже былъ отбитъ и сожженъ русскими, въ той самой схваткѣ, въ которой участвовалъ Пьеръ въ самомъ началѣ сраженія.

Прискакавшій съ флешъ, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ адъютантъ донесъ Наполеону, что атака отбита, и что Компанъ раненъ и Даву убитъ, а между тѣмъ флеши были заняты другою частью войскъ въ то время, какъ адъютанту говорили, что французы были отбиты, и Даву былъ живъ и только слегка контуженъ. Соображаясь съ таковыми необходимо-ложными донесеніями, Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполняемы.

Маршалы и генералы, находившіеся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ поля сраженія, но такъ же, какъ и Наполеонъ, не участвовавшіе въ самомъ сраженіи и только изрѣдка

заѣзжавшіе подъ огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, дѣлали свои распоряженія и отдавали свои приказанія о томъ, куда и откуда стрѣлять, и куда скакать коннымъ и куда бѣжать пѣшимъ солдатамъ. Но даже и ихъ распоряженія, точно такъ же, какъ распоряженія Наполеона, въ самой малой степени и рѣдко приводились въ исполненіе. Большею частью выходило противное тому, что они приказывали. Солдаты, которымъ велѣно было итти впередъ, попавъ подъ картечный выстрѣлъ, бѣжали назадъ; солдаты, которымъ велѣно было стоять на мѣстѣ, вдругъ, видя противъ себя неожиданно показавшихся русскихъ, иногда бѣжали назадъ, иногда бросались впередъ, и конница скакала безъ приказанія догонять бѣгущихъ русскихъ. Такъ два полка кавалеріи поскакали черезъ Семеновскій оврагъ, и только что выѣхали на гору, повернулись и во весь духъ поскакали назадъ. Такъ же двигались и пѣхотные солдаты, иногда забѣгая совсѣмъ не туда, куда имъ велѣно было. Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ—стрѣлять, когда конныхъ — топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона. Они не боялись взысканія за неисполненіе приказанія или за самовольное распоряженіе, потому что въ сраженіи дѣло касается самаго дорогого для человѣка—собственной жизни, и иногда кажется, что спасеніе заключается въ бѣгствѣ назадъ, иногда въ бѣгствѣ впередъ, и сообразно съ настроеніемъ минуты поступали эти люди, находившіеся въ самомъ пылу сраженія. Въ сущности же всѣ эти движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ. Всѣ ихъ набѣганія

и наскакиванія другъ на друга почти не производили имъ вреда, а вредъ, смерть и увѣчья наносили ядра и пули, летавшія вездѣ по тому пространству, по которому метались эти люди. Какъ только эти люди выходили изъ того пространства, по которому летали ядра и пули, такъ ихъ тотчасъ же стоявшіе сзади начальники формировали, подчиняли дисциплинѣ, и подъ вліяніемъ этой дисциплины вводили опять въ область огня, въ которой они опять (подъ вліяніемъ страха смерти) теряли дисциплину и метались по случайному настроенію толпы.

XXXIV.

Генералы Наполеона, Даву, Ней и Мюратъ, находившіеся въ близости этой области огня и даже иногда заѣзжавшіе въ нее, нѣсколько разъ вводили въ эту область огня стройныя и огромныя массы войскъ. Но противно тому, что неизмѣнно совершалось во всѣхъ прежнихъ сраженіяхъ, вмѣсто ожидаемаго извѣстія о бѣгствѣ непріятеля, стройныя массы войскъ возвращались *оттуда* разстроенными, испуганными толпами. Они вновь устраивали ихъ, но людей все становилось меньше. Въ половинѣ дня Мюратъ послалъ къ Наполеону своего адъютанта съ требованіемъ подкрѣпленія.

Наполеонъ сидѣлъ подъ курганомъ и пилъ пуншъ, когда къ нему прискакалъ адъютантъ Мюрата съ увѣреніями, что русскіе будутъ разбиты, ежели его величество дастъ еще дивизію.

— Подкрѣпленія?—сказалъ Наполеонъ съ строгимъ удивленіемъ, какъ бы не понимая его словъ, и глядя на красиваго мальчика-адъютанта съ длинными завитыми, черными волосами (такъ же, какъ носилъ волоса Мюратъ). „Подкрѣп-

ленія!“ подумалъ Наполеонъ. „Какого они просятъ подкрѣпленія, когда у нихъ въ рукахъ половина арміи, направленной на слабое, неукрѣпленное крыло русскихъ!“

— Скажите Неаполитанскому королю,—строго сказалъ Наполеонъ,—что еще нѣтъ полдня, и что я еще недостаточно ясно вижу положеніе шахматъ на своей доскѣ. Ступайте.

Красивый мальчикъ-адъютантъ съ длинными волосами, не отпуская руки отъ шляпы, тяжело вздохнувъ, поскакалъ опять туда, гдѣ убивали людей.

Наполеонъ всталъ и, подозвавъ Коленкура и Бертье, сталъ разговаривать съ ними о дѣлахъ, не касающихся сраженія.

Въ серединѣ разговора, который началъ занимать Наполеона, глаза Бертье обратились на генерала со свитой, который на потной лошади скакалъ къ кургану. Это былъ Бельяръ. Онъ, слѣзши съ лошади, быстрыми шагами подошелъ къ императору и смѣло, громкимъ голосомъ, сталъ доказывать необходимость подкрѣпленій. Онъ клялся честью, что русскіе погибли, ежели императоръ дастъ еще дивизію.

Наполеонъ вздернулъ плечами и, ничего не отвѣтивъ, продолжалъ свою прогулку. Бельяръ, громко и оживленно сталъ говорить съ генералами свиты, окружившими его.

— Вы очень пылки, Бельяръ,—сказалъ Наполеонъ, опять подходя къ подъѣхавшему генералу. — Легко ошибиться въ пылу огня. Поѣзжайте и посмотрите, и тогда пріѣзжайте ко мнѣ.

Не успѣлъ Бельяръ скрыться изъ вида, какъ съ другой стороны прискакалъ новый посланный съ поля сраженія.

— Ну, чего вамъ?—сказалъ Наполеонъ тономъ человѣка, раздраженнаго безпрестанными помѣхами.

— Государь, принцъ...—началъ адъютантъ.

— Проситъ подкрѣпленія?—съ гнѣвнымъ жестомъ прогово-

рилъ Наполеонъ. Адъютантъ утвердительно наклонилъ голову и сталъ докладывать; но императоръ отвернулся отъ него, сдѣлавъ два шага, остановился, вернулся назадъ и подозвалъ Бертье.—Надо дать резервы, — сказалъ онъ, слегка разводя руками.—Кого послать туда, какъ вы думаете?— обратился онъ къ Бертье, къ этому „гусенку, котораго : сдѣлалъ орломъ“, какъ онъ впослѣдствіи называлъ его.

— Государь, послать дивизію Клапареда,—сказалъ Бертье, помнившій наизусть всѣ дивизіи, полки и баталіоны.

Наполеонъ утвердительно кивнулъ головой.

Адъютантъ поскакалъ къ дивизіи Клапареда. И чрезъ нѣсколько минутъ молодая гвардія, стоявшая позади кургана, тронулась съ своего мѣста. Наполеонъ молча смотрѣлъ по этому направленію.

— Нѣтъ,—обратился онъ вдругъ къ Бертье,—я не могу послать Клапареда. Пошлите дивизію Фріана,—сказалъ онъ.

Хотя не было никакого преимущества въ томъ, чтобы вмѣсто Клапареда посылать дивизію Фріана, и даже было очевидное неудобство и замедленіе въ томъ, чтобъ остановить теперь Клапареда и посылать Фріана, но приказаніе было съ точностью исполнено. Наполеонъ не видѣлъ того, что онъ въ отношеніи своихъ войскъ игралъ роль доктора, который мѣшаетъ своими лѣкарствами, — роль, которую онъ такъ вѣрно понималъ и осуждалъ.

Дивизія Фріана такъ же, какъ и другія, скрылась въ дыму поля сраженія. Съ разныхъ сторонъ продолжали прискакивать адъютанты, и всѣ, какъ бы сговорившись, говорили одно и то же. Всѣ просили подкрѣпленій, всѣ говорили, что русскіе держатся на своихъ мѣстахъ и производятъ адскій огонь, отъ котораго таетъ французское войско.

Наполеонъ сидѣлъ въ задумчивости на складномъ стулѣ. Проголодавшійся съ утра господинъ де-Боссе, любившій путешествовать, подошелъ къ императору и осмѣлился почтительно предложить его величеству позавтракать.

— Я надѣюсь, что теперь уже я могу поздравить ваше величество съ побѣдой,—сказалъ онъ.

Наполеонъ молча отрицательно покачалъ головой. Полагая, что отрицаніе относится къ побѣдѣ, а не къ завтраку, господинъ де-Боссе позволилъ себѣ игриво-почтительно замѣтить, что нѣтъ въ мірѣ причинъ, которыя могли бы помѣшать завтракать, когда можно это сдѣлать.

— Убирайтесь къ.....—вдругъ мрачно сказалъ Наполеонъ и отвернулся. Блаженная улыбка сожалѣнія, раскаянія и восторга просіяла на лицѣ господина Боссе, и онъ плывущимъ шагомъ отошелъ къ другимъ генераламъ.

Наполеонъ испытывалъ тяжелое чувство, подобное тому, которое испытываетъ всегда счастливый игрокъ, безумно кидавшій свои деньги, всегда выигрывавшій, и вдругъ именно тогда, когда онъ разсчиталъ всѣ случайности игры, чувствующій, что чѣмъ болѣе обдуманъ его ходъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ проигрываетъ.

Войска были тѣ же, генералы тѣ же, тѣ же были приготовленія, та же диспозиція, та же прокламація, короткая и энергическая, онъ самъ былъ тотъ же,—онъ это зналъ, онъ зналъ, что онъ былъ даже гораздо опытнѣе и искуснѣе теперь, чѣмъ онъ былъ прежде; даже врагъ былъ тотъ же, какъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ; но страшный размахъ руки падалъ волшебно-безсильно.

Всѣ тѣ прежніе пріемы, бывало неизмѣнно увѣнчиваемые успѣхомъ: и сосредоточеніе батарей на одинъ пунктъ, и атака

резервовъ для прорванія линіи, и атака кавалеріи „желѣзныхъ людей", всѣ эти пріемы были уже употреблены, и не только не было побѣды, но со всѣхъ сторонъ приходили одни и тѣ же извѣстія объ убитыхъ и раненыхъ генералахъ, о необходимости подкрѣпленій, о невозможности сбить русскихъ и о разстройствѣ войскъ.

Прежде, послѣ двухъ-трехъ распоряженій, двухъ-трехъ фразъ, скакали съ поздравленіями и веселыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя трофеями корпуса плѣнныхъ, „связки непріятельскихъ орловъ и знаменъ", и пушки, и обозы, и Мюратъ просилъ только позволенія пускать кавалерію для забранія обозовъ. Такъ было подъ Лоди, Маренго, Арколемъ, Іеной, Аустерлицемъ, Ваграмомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Теперь же что-то странное происходило съ его войсками.

Несмотря на извѣстіе о взятіи флешей, Наполеонъ видѣлъ, что это было не то, совсѣмъ не то, что̀ было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что то же чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ его окружающіе люди, опытные въ дѣлѣ сраженій. Всѣ лица были печальны, всѣ глаза избѣгали другъ друга. Только одинъ Боссе могъ не понимать значенія того, что̀ совершалось. Наполеонъ же послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, — что̀ значило, въ продолженіе 8-ми часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было почти проигранное сраженіе, и что малѣйшая случайность могла теперь — на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе, — погубить его и его войска.

Когда онъ перебиралъ въ воображеніи всю эту странную русскую кампанію, въ которой не было выиграно ни одного

сраженія, въ которой въ два мѣсяца не взято ни знаменъ, ни пушекъ, ни корпусовъ войскъ, когда глядѣлъ на скрытно-печальныя лица окружающихъ и слушалъ донесенія о томъ, что русскіе все стоятъ, — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому въ сновидѣніяхъ, охватывало его, и ему приходили въ голову всѣ несчастныя случайности, могущія погубить его. Русскіе могли напасть на его лѣвое крыло, могли разорвать его середину, шальное ядро могло убить его самого. Все это было возможно. Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное количество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да, это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой погибели охватываетъ безпомощнаго человѣка.

Извѣстіе о томъ, что русскіе атакуютъ лѣвый флангъ французской арміи, возбудило въ Наполеонѣ этотъ ужасъ. Онъ молча сидѣлъ подъ курганомъ на складномъ стулѣ, опустивъ голову и положивъ локти на колѣна. Бертье подошелъ къ нему и предложилъ проѣхаться по линіи, чтобъ убѣдиться, въ какомъ положеніи находилось дѣло.

— Что̀? Что̀ вы говорите?—сказалъ Наполеонъ.—Да, велите подать мнѣ лошадь.

Онъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ Семеновскому.

Въ медленно-расходившемся пороховомъ дымѣ, по всему тому пространству, по которому ѣхалъ Наполеонъ, въ лужахъ крови лежали лошади и люди по одиночкѣ и кучами,

Подобнаго ужаса, такого количества убитыхъ на такомъ маломъ пространствѣ, никогда не видали еще и Наполеонъ и никто изъ его генераловъ. Гулъ орудій, не перестававшій десять часовъ сряду и измучившій ухо, придавалъ особенную значительность зрѣлищу (какъ музыка при живыхъ картинахъ). Наполеонъ выѣхалъ на высоту Семеновскаго и сквозь дымъ увидалъ ряды людей въ мундирахъ цвѣтовъ, непривычныхъ для его глаза. Это были русскіе.

Русскіе плотными рядами стояли позади Семеновскаго и кургана, и ихъ орудія, не переставая, гудѣли и дымили по ихъ линіи. Сраженія уже не было. Было продолжавшееся убійство, которое ни къ чему не могло повести ни русскихъ, ни французовъ. Наполеонъ остановилъ лошадь и впалъ опять въ ту задумчивость, изъ которой вывелъ его Бертье; онъ не могъ остановить того дѣла, которое дѣлалось предъ нимъ и вокругъ него, и которое считалось руководимымъ имъ и зависящимъ отъ него, и дѣло это ему въ первый разъ, вслѣдствіе неуспѣха, представлялось ненужнымъ и ужаснымъ.

Одинъ изъ генераловъ, подъѣхавшихъ къ Наполеону, позволилъ себѣ предложить ему ввести въ дѣло старую гвардію. Ней и Бертье, стоявшіе подлѣ Наполеона, переглянулись между собой и презрительно улыбались на безсмысленное предложеніе этого генерала.

Наполеонъ опустилъ голову и долго молчалъ.

— За 3,500 верстъ отъ Франціи я не дамъ разгромить свою гвардію,—сказалъ онъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ назадъ къ Шевардину.

XXXV.

Кутузовъ сидѣлъ, понуривъ сѣдую голову и опустившись тяжелымъ тѣломъ, на покрытой ковромъ лавкѣ, на томъ

самомъ мѣстѣ, на которомъ утромъ его видѣлъ Пьеръ. Онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, чтò предлагали ему.

„Да, да, сдѣлайте это", отвѣчалъ онъ на различныя предложенія. — „Да, да, съѣзди, голубчикъ, посмотри", обращался онъ то къ тому, то къ другому изъ приближенныхъ; или: „Нѣтъ, не надо, лучше подождемъ", говорилъ онъ. Онъ выслушивалъ привозимыя ему донесенія, отдавалъ приказанія, когда это требовалось подчиненными; но, выслушивая донесенія, онъ, казалось, не интересовался смысломъ словъ того, чтò ему говорили, а что-то другое въ выраженіи лицъ, въ тонѣ рѣчи доносившихъ интересовало его. Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ, и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся съ смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этою силой и руководилъ ею, насколько это было въ его власти.

Общее выраженіе лица Кутузова было сосредоточенное, спокойное вниманіе и напряженіе, едва превозмогавшее усталость слабаго и стараго тѣла.

Въ 11 часовъ утра ему привезли извѣстіе о томъ, что занятыя французами флеши были опять отбиты, но что князь Багратіонъ раненъ. Кутузовъ ахнулъ и покачалъ головой.

— Поѣзжай къ князю Петру Ивановичу и подробно узнай, чтò и какъ, — сказалъ онъ одному изъ адъютантовъ, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ принцу Виртембергскому, стоявшему позади его;

— Не угодно ли будетъ вашему высочеству принять командованье 1-ю арміей!

Вскорѣ послѣ отъѣзда принца, такъ скоро, что онъ еще не могъ доѣхать до Семеновскаго, адъютантъ принца вернулся отъ него и доложилъ свѣтлѣйшему, что принцъ проситъ войскъ.

Кутузовъ поморщился и послалъ Дохтурову приказаніе принять командованіе 1-ою арміей, а принца, безъ котораго, какъ онъ сказалъ, онъ не можетъ обойтись въ эти важныя минуты, просилъ вернуться къ себѣ. Когда привезено было извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Мюрата, и штабные поздравляли Кутузова, онъ улыбнулся.

— Подождите, господа,—сказалъ онъ.—Сраженіе выиграно, и въ плѣненіи Мюрата нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но лучше подождать радоваться. — Однако онъ послалъ адъютанта проѣхать по войскамъ съ этимъ извѣстіемъ.

Когда съ лѣваго фланга прискакалъ Щербининъ съ донесеніемъ о занятіи французами флешей и Семеновскаго, Кутузовъ, по звукамъ поля сраженія и по лицу Щербинина угадавъ, что извѣстія были нехорошія, всталъ, какъ бы разминая ноги, и, взявъ подъ руку Щербинина, отвелъ его въ сторону.

— Съѣзди, голубчикъ,—сказалъ онъ Ермолову,—посмотри, нельзя ли что̀ сдѣлать.

Кутузовъ былъ въ Горкахъ, въ центрѣ позиціи русскаго войска. Направленная Наполеономъ атака на нашъ лѣвый флангъ была нѣсколько разъ отбиваема. Въ центрѣ французы не подвинулись далѣе Бородина. Съ лѣваго фланга кавалерія Уварова заставила бѣжать французовъ.

Въ третьемъ часу атаки французовъ прекратились. На

всѣхъ лицахъ пріѣзжавшихъ съ поля сраженія, и на тѣхъ, которыя стояли вокругъ него, Кутузовъ читалъ выраженіе напряженности, дошедшей до высшей степени. Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня сверхъ ожиданія. Но физическія силы оставляли старика. Нѣсколько разъ голова его низко опускалась, какъ бы падая, и онъ задремывалъ. Ему подали обѣдать.

Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, тотъ самый, который, проѣзжая мимо князя Андрея, говорилъ, что войну надо „перенести въ пространство", и котораго такъ ненавидѣлъ Багратіонъ, во время обѣда подъѣхалъ къ Кутузову. Вольцогенъ пріѣхалъ отъ Барклая съ донесеніемъ о ходѣ дѣлъ на лѣвомъ флангѣ. Благоразумный Барклай-де-Толли, видя толпы отбѣгающихъ раненыхъ и разстроенные зады арміи, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, рѣшилъ, что сраженіе проиграно, и съ этимъ извѣстіемъ прислалъ къ главнокомандующему своего любимца.

Кутузовъ съ трудомъ жевалъ жареную курицу и сузившимися, повеселѣвшими глазами взглянулъ на Вольцогена.

Вольцогенъ, небрежно разминая ноги, съ полупрезрительною улыбкой на губахъ, подошелъ къ Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Вольцогенъ обращался съ свѣтлѣйшимъ съ нѣкоторою аффектированною небрежностью, имѣющею цѣлью показать, что онъ, какъ высоко образованный военный, предоставляетъ русскимъ дѣлать кумира изъ этого стараго, безполезнаго человѣка, а самъ знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. „Старый господинъ (какъ называли Кутузова въ своемъ кругу нѣмцы), покойно устраивается", подумалъ Вольцогенъ, и, строго взглянувъ на тарелки, стоявшія передъ Кутузовымъ, началъ до-

кладывать старому господину положенія дѣлъ на лѣвомъ флангѣ, такъ, какъ приказалъ ему Барклай и какъ онъ самъ его видѣлъ и понялъ.

— Всѣ пункты нашей позиціи въ рукахъ непріятеля, и отбить нечѣмъ, потому что войскъ нѣтъ; они бѣгутъ, и нѣтъ возможности остановить ихъ,—докладывалъ онъ.

Кутузовъ, остановившись жевать, удивленно, какъ будто не понимая того, что̀ ему говорили, уставился на Вольцогена. Вольцогенъ, замѣтивъ волненіе „стараго господина", съ улыбкой сказалъ:

— Я не считалъ себя въ правѣ скрыть отъ вашей свѣтлости того, что̀ я видѣлъ... Войска въ полномъ разстройствѣ...

— Вы видѣли? Вы видѣли?..—нахмурившись закричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена.—Какъ вы... какъ вы смѣете!..—дѣлая угрожающіе жесты трясущимися руками и захлебываясь, закричалъ онъ.—Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мнѣ*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня генералу Барклаю, что его свѣдѣнія несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, главнокомандующему, лучше, чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ выразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его.

— Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое непремѣнное намѣреніе атаковать непріятеля, — строго сказалъ Кутузовъ. Всѣ молчали, и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала.—Отбиты

вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ, и завтра погонимъ его изъ священной земли русской,—сказалъ Кутузовъ, крестясь; и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь „на это самодурство стараго господина“.

— Да, вотъ онъ, мой герой,—сказалъ Кутузовъ къ полному, красивому, черноволосому генералу, который въ это время входилъ на курганъ. Это былъ Раевскій, проведшій весь день на главномъ пунктѣ Бородинскаго поля.

Раевскій доносилъ, что войска твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, и что французы не смѣютъ атаковать болѣе.

Выслушавъ его, Кутузовъ по-французски сказалъ:

— Вы, стало-быть, не думаете, *какъ другіе*, что мы должны отступить?

— Напротивъ, ваша свѣтлость, въ нерѣшительныхъ дѣлахъ остается побѣдителемъ всегда упорный, — отвѣчалъ Раевскій,—и мое мнѣніе...

— Кайсаровъ!—крикнулъ Кутузовъ своего адъютанта.— Садись, пиши приказъ на завтрашній день. А ты, — обратился онъ къ другому, — поѣзжай по линіи и объяви, что завтра мы атакуемъ.

Пока шелъ разговоръ съ Раевскимъ и диктовался приказъ, Вольцогенъ вернулся отъ Барклая, и доложилъ, что генералъ Барклай-де-Толли желалъ бы имѣть письменное подтвержденіе того приказа, который отдавалъ фельдмаршалъ.

Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ, который весьма основательно, для избѣжанія личной отвѣтственности, желалъ имѣть бывшій главнокомандующій.

И по неопредѣлимой, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на завтрашній день передались одновременно во всѣ концы войска.

Далеко не самыя слова, не самый приказъ передавались въ послѣдней цѣпи этой связи. Даже ничего не было похожаго въ тѣхъ разсказахъ, которые передавали другъ другу на разныхъ концахъ арміи, на то, что̀ сказалъ Кутузовъ, но смыслъ его словъ сообщился повсюду, потому что то, что̀ сказалъ Кутузовъ, вытекало не изъ хитрыхъ соображеній, а изъ чувства, которое лежало въ душѣ главнокомандующаго, такъ же, какъ и въ душѣ каждаго русскаго человѣка.

И узнавъ то, что на завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись.

XXXVI.

Полкъ князя Андрея былъ въ резервахъ, которые до 2-го часа стояли позади Семеновскаго въ бездѣйствіи, подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи. Во второмъ часу полкъ, потерявшій уже болѣе 200 человѣкъ, былъ двинутъ впередъ на стоптанное овсяное поле, на тотъ промежутокъ между Семеновскимъ и курганною батареей, на которомъ въ этотъ день были побиты тысячи людей и на который во второмъ часу дня былъ направленъ и усиленно-сосредоточенный огонь изъ нѣсколькихъ сотъ непріятельскихъ орудій.

Не сходя съ этого мѣста и не выпустивъ ни одного заряда, полкъ потерялъ здѣсь еще третью часть своихъ лю-

дей. Спереди и въ особенности съ правой стороны, въ нерасходившемся дыму бубухали пушки, и изъ таинственной области дыма, застилавшей всю мѣстность впереди, не переставая, съ шипящимъ быстрымъ свистомъ, вылетали ядра и медлительно-свистѣвшія гранаты. Иногда, какъ бы давая отдыхъ, проходило четверть часа, во время которыхъ всѣ ядра и гранаты перелетали, но иногда въ продолженіе минуты нѣсколько человѣкъ вырывало изъ полка, и безпрестанно оттаскивали убитыхъ и уносили раненыхъ.

Съ каждымъ новымъ ударомъ все меньше и меньше случайностей жизни оставалось для тѣхъ, которые еще не были убиты. Полкъ стоялъ въ баталіонныхъ колоннахъ на разстояніи трехсотъ шаговъ, но, несмотря на то, всѣ люди полка находились подъ вліяніемъ одного и того же настроенія. Всѣ люди полка одинаково были молчаливы и мрачны. Рѣдко слышался между рядами говоръ, но говоръ этотъ замолкалъ всякій разъ, какъ слышался попавшій ударъ и крикъ: носилки! Большую часть времени люди полка, по приказанію начальства, сидѣли на землѣ. Кто, снявъ киверъ, старательно распускалъ и опять собиралъ сборки; кто сухою глиной, распорошивъ ее въ ладоняхъ, начищалъ штыкъ; кто разминалъ ремень и перетягивалъ пряжку перевязи; кто старательно расправлялъ и перегибалъ по новому подвертки и переобувался. Нѣкоторые строили домики изъ калмыжекъ пашни, или плели плетеночки изъ соломы жнивья. Всѣ казались вполнѣ погружены въ эти занятія. Когда ранило и убивало людей, когда тянулись носилки, когда наши возвращались назадъ, когда виднѣлись сквозь дымъ большія массы непріятелей, никто не обращалъ никакого вниманія на эти обстоятельства. Когда же впередъ проѣзжала артиллерія,

кавалерія, виднѣлись движенія нашей пѣхоты, одобрительныя замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ. Но самое большое вниманіе заслуживали событія совершенно посторонція, не имѣвшія никакого отношенія къ сраженію. Какъ будто вниманіе этихъ нравственно-измученныхъ людей отдыхало на этихъ обычныхъ, житейскихъ событіяхъ. Батарея артиллеріи прошла предъ фронтомъ полка. Въ одномъ изъ артиллерійскихъ ящиковъ пристяжная заступила постромку. — „Эй, пристяжную-то!.. Выправь! Упадетъ... Эхъ, не видятъ!..“ по всему полку одинаково кричали изъ рядовъ. Въ другой разъ общее вниманіе обратила небольшая коричневая собаченка съ твердо-поднятымъ хвостомъ, которая, Богъ знаетъ откуда взявшись, озабоченною рысцою выбѣжала предъ ряды, и вдругъ отъ близко ударившаго ядра взвизгнула и, поджавъ хвостъ, бросилась въ сторону. По всему полку раздались гоготанье и взвизги. Но развлеченія такого рода продолжались минуты, а люди уже болѣе восьми часовъ стояли безъ ѣды и безъ дѣла подъ непроходящимъ ужасомъ смерти, и блѣдныя и нахмуренныя лица все болѣе блѣднѣли и хмурились.

Князь Андрей, точно такъ же, какъ и всѣ люди полка, нахмуренный и блѣдный, ходилъ взадъ и впередъ по лугу подлѣ овсянаго поля отъ одной межи до другой, заложивъ назадъ руки и опустивъ голову. Дѣлать и приказывать ему нечего было. Все дѣлалось само собою. Убитыхъ оттаскивали за фронтъ, раненыхъ относили, ряды смыкались. Ежели отбѣгали солдаты, то они тотчасъ же поспѣшно возвращались. Сначала князь Андрей, считая своею обязанностью возбуждать мужество солдатъ и показывать имъ примѣръ, прохаживался по рядамъ; но потомъ онъ убѣдился, что ему

нечему и нечѣмъ учить ихъ: Всѣ силы его души, точно такъ же, какъ и каждаго солдата, были безсознательно направлены на то, чтобъ удержаться только отъ созерцанія ужаса того положенія, въ которомъ они были. Онъ ходилъ по лугу, волоча ноги, шаршавя траву и наблюдая пыль, которая покрывала его сапоги; то онъ шагалъ большими шагами, стараясь попадать въ слѣды, оставленные косцами по лугу, то онъ, считая свои шаги, дѣлалъ разсчеты, сколько разъ онъ долженъ пройти отъ межи до межи, чтобы сдѣлать версту, то ошмурыгивалъ цвѣтки полыни, растущіе на межѣ, и растиралъ эти цвѣтки въ ладоняхъ и принюхивался къ душисто-горькому, крѣпкому запаху. Изо всей вчерашней работы мысли не оставалось ничего. Онъ ни о чемъ не думалъ. Онъ прислушивался усталымъ слухомъ все къ тѣмъ же звукамъ, различая свистѣнье полетовъ отъ гула выстрѣловъ, посматривалъ на приглядѣвшіяся лица людей 1-го баталіона и ждалъ. „Вотъ она... эта опять къ намъ!“ думалъ онъ, прислушиваясь къ приближавшемуся свисту чего-то изъ закрытой области дыма. „Одна, другая! Еще! Попало...“ Онъ остановился и поглядѣлъ на ряды. „Нѣтъ, перенесло. А вотъ это попало“. — И онъ опять принимался ходить, стараясь дѣлать большіе шаги, чтобы въ шестнадцать шаговъ дойти до межи.

Свистъ и ударъ! Въ пяти шагахъ отъ него взрыло сухую землю и скрылось ядро. Невольный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ опять поглядѣлъ на ряды. Вѣроятно вырвало многихъ, большая толпа собралась у 2-го баталіона.

— Г. адъютантъ, — прокричалъ онъ, — прикажите, чтобы не толпились.—Адъютантъ, исполнивъ приказаніе, подходилъ къ князю Андрею. Съ другой стороны подъѣхалъ верхомъ камандиръ баталіона.

— Берегись! — послышался испуганный крикъ солдатъ, и какъ свистящая на быстромъ полетѣ, присѣдающая на землю птичка, въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея, подлѣ лошади баталіоннаго командира, негромко шлепнулась граната. Лошадь первая, не спрашивая того, хорошо или дурно было выказывать страхъ, фыркнула, взвилась, чуть не сронивъ майора, и отскакала въ сторону. Ужасъ лошади сообщился людямъ.

— Ложись! — крикнулъ голосъ адъютанта, прилегшаго къ землѣ. Князь Андрей стоялъ въ нерѣшительности. Граната какъ волчокъ дымясь вертѣлась между нимъ и лежащимъ адъютантомъ, на краю пашни и луга, подлѣ куста полыни.

„Неужели это смерть“, думалъ князь Андрей, совершенно новымъ, завистливымъ взглядомъ глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющуюся отъ вертящагося чернаго мячика. „Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздухъ...“ Онъ думалъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ помнилъ о томъ, что на него смотрятъ.

— Стыдно, господинъ офицеръ! — сказалъ онъ адъютанту, — какой... — Онъ не договорилъ. Въ одно и то же время послышался взрывъ, свистъ осколковъ какъ бы разбитой рамы, душный запахъ пороха, и князь Андрей рванулся въ сторону и, поднявъ кверху руку, упалъ на грудь.

Нѣсколько офицеровъ подбѣжало къ нему. Съ правой стороны живота расходилось по травѣ большое пятно крови.

Вызванные ополченцы съ носилками остановились позади офицеровъ. Князь Андрей лежалъ на груди, опустившись лицомъ до травы и, тяжело всхрипывая, дышалъ.

— Ну, что стали, подходи!

Мужики подошли и взяли его за плечи и ноги, но онъ

жалобно застоналъ, и мужики, переглянувшись, опять опустили его.

— Берись, клади, все одно!—крикнулъ чей-то голосъ. Его другой разъ взяли за плечи и положили на носилки.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Что жъ это?... Животъ!.. Это конецъ! Ахъ, Боже мой!—слышались голоса между офицерами. — На волосокъ мимо уха прожужжала,—говорилъ адъютантъ. Мужики, приладивши носилки на плечахъ, поспѣшно тронулись по протоптанной ими дорожкѣ къ перевязочному пункту.

— Въ ногу идите!.. Э!.. мужичье!—крикнулъ офицеръ, за плечи останавливая неровно шедшихъ и трясущихъ носилки мужиковъ.

— Подлаживай, что ль, Хведоръ, а Хведоръ,—говорилъ передній мужикъ.

— Вотъ такъ, важно,—радостно сказалъ задній, попавъ въ ногу.

— Ваше сіятельство? А? князь?—дрожащимъ голосомъ сказалъ подбѣжавшій Тимохинъ, заглядывая въ носилки.

Князь Андрей открылъ глаза и посмотрѣлъ изъ-за носилокъ, въ которыя глубоко ушла его голова, на того, кто говорилъ, и опять опустилъ вѣки.

Ополченцы принесли князя Андрея къ лѣсу, гдѣ стояли фуры и гдѣ былъ перевязочный пунктъ. Перевязочный пунктъ состоялъ изъ трехъ раскинутыхъ, съ завороченными полами, палатокъ на краю березника. Въ березникѣ стояли фуры и лошади. Лошади въ хребтугахъ ѣли овесъ, и воробьи слетали къ нимъ и подбирали просыпанныя зерна. Воронья, чуя кровь, нетерпѣливо каркая, перелетали на березахъ

Вокругъ палатокъ, больше чѣмъ на двѣ десятины мѣста, лежали, сидѣли, стояли окрававленные люди въ различныхъ одеждахъ. Вокругъ раненыхъ, съ унылыми и внимательными лицами, стояли толпы солдатъ-носильщиковъ, которыхъ тщетно отгоняли отъ этого мѣста распоряжавшіеся порядкомъ офицеры. Не слушая офицеровъ, солдаты стояли опираясь на носилки, и пристально, какъ будто пытаясь понять трудное значеніе зрѣлища, смотрѣли на то, что̀ дѣлалось предъ ними. Изъ палатокъ слышались то громкіе, злые вопли, то жалобныя стенанія. Изрѣдка выбѣгали оттуда фельдшера за водой и указывали на тѣхъ, которыхъ надо было вносить. Раненые ожидая у палатки своей очереди, хрипѣли, стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки. Нѣкоторые бредили. Князя Андрея, какъ полкового командира, шагая чрезъ неперевязанныхъ раненыхъ, принесли ближе къ одной изъ палатокъ и остановились, ожидая приказанія. Князь Андрей открылъ глаза и долго не могъ понять того, что̀ дѣлалось вокругъ него. Лугъ, полынь, пашни, черный крутящійся мячикъ и его страстный порывъ любви къ жизни вспомнились ему. Въ двухъ шагахъ отъ него, громко говоря, и обращая на себя общее вниманіе, стоялъ, опершись на сукъ и съ обвязанною головой, высокій, красивый, черноволосый унтеръ-офицеръ. Онъ былъ раненъ въ голову и ногу пулями. Вокругъ него, жадно слушая его рѣчь, собралась толпа раненыхъ и носильщиковъ.

— Мы его оттеда какъ долбонули, такъ все побросалъ, самого короля забрали!—блестя черными разгоряченными глазами и оглядываясь вокругъ себя, кричалъ солдатъ. — Подойди только въ тотъ самый разъ лезервы, его бъ, братецъ ты мой, званія не осталось, потому вѣрно тебѣ говорю...

Князь Андрей, такъ же, какъ и всѣ окружавшіе разсказчика, блестящимъ взглядомъ смотрѣлъ на него и испытывалъ утѣшительное чувство. „Но развѣ не все равно теперь?“ подумалъ онъ. „А что̀ будетъ тамъ и что̀ такое было здѣсь? Отчего мнѣ такъ жалко было разставаться съ жизнью? Что̀ то было въ этой жизни, чего я не понималъ и не понимаю“.

XXXVII.

Одинъ изъ докторовъ, въ окровавленномъ фартукѣ и съ окровавленными, небольшими руками, въ одной изъ которыхъ онъ между мизинцемъ и большимъ пальцемъ (чтобъ не запачкать ея), держалъ сигару, вышелъ изъ палатки. Докторъ этотъ поднялъ голову и сталъ смотрѣть по сторонамъ, но выше раненыхъ. Онъ очевидно хотѣлъ отдохнуть немного. Поводивъ нѣсколько времени головой вправо и влѣво, онъ вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Ну, сейчасъ,—сказалъ онъ на слова фельдшера, указывавшаго ему на князя Андрея, и велѣлъ нести его въ палатку.

Въ толпѣ ожидавшихъ раненыхъ поднялся ропотъ.

— Видно и на томъ свѣтѣ господамъ однимъ жить,—проговорилъ одинъ.

Князя Андрея внесли и положили на только-что очистившійся столъ, съ котораго фельдшеръ споласкивалъ что-то. Князь Андрей не могъ разобрать въ отдѣльности того, что̀ было въ палаткѣ. Жалобные стоны съ разныхъ сторонъ, мучительная боль бедра, живота и спины развлекали его. Все, что̀ онъ видѣлъ вокругъ себя, слилось для него въ одно общее впечатлѣніе обнаженнаго, окровавленнаго человѣческаго тѣла, которое, казалось, наполняло всю низкую палатку,

какъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ этотъ жаркій, августовскій день, это же тѣло наполняло грязный прудъ по Смоленской дорогѣ. Да, это было то самое тѣло, то самое „мясо для пушекъ“, видъ котораго еще тогда, какъ бы предсказывая теперешнее, возбудилъ въ немъ ужасъ.

Въ палаткѣ было три стола. Два были заняты, на третій положили князя Андрея. Нѣсколько времени его оставили одного, и онъ невольно увидалъ то, что̀ дѣлалось на другихъ двухъ столахъ. На ближнемъ столѣ сидѣлъ татаринъ, вѣроятно казакъ, судя по мундиру, брошенному подлѣ. Четверо солдатъ держали его. Докторъ въ очкахъ что-то рѣзалъ въ его коричневой, мускулистой спинѣ.

— Ухъ, ухъ, ухъ!...— какъ будто хрюкалъ татаринъ, и вдругъ, поднявъ кверху свое скуластое, черное, курносое лицо, оскаливъ бѣлые зубы, начиналъ рваться, дергаться и визжать, пронзительно звенящимъ, протяжнымъ визгомъ. На другомъ столѣ, около котораго толпилось много народа, на спинѣ лежалъ большой, полный человѣкъ съ закинутою назадъ головой (вьющіеся волосы, ихъ цвѣтъ и форма головы показались странно-знакомы князю Андрею). Нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ навалились на грудь этому человѣку и держали его. Бѣлая, большая, полная нога быстро и часто, не переставая, дергалась лихорадочными трепетаніями. Человѣкъ этотъ судорожно рыдалъ и захлебывался. Два доктора молча—одинъ былъ блѣденъ и дрожалъ—что-то дѣлали надъ другою, красною ногой этого человѣка. Управившись съ татариномъ, на котораго накинули шинель, докторъ, въ очкахъ, обтирая руки, подошелъ къ князю Андрею.

Онъ взглянулъ въ лицо князя Андрея и поспѣшно отвернулся.

— Раздѣть! что̀ стойте?—крикнулъ онъ сердито на фельдшеровъ.

Самое первое далекое дѣтство вспомнилось князю Андрею, когда фельдшеръ торопившимися засученными руками разстегивалъ ему пуговицы и снималъ съ него платье. Докторъ низко нагнулся надъ раной, ощупалъ ее и тяжело вздохнулъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя Андрея потерять сознаніе. Когда онъ очнулся, разбитыя кости бедра были вынуты, клоки мяса отрѣзаны, и рана перевязана. Ему прыскали въ лицо водою. Какъ только князь Андрей открылъ глаза, докторъ нагнулся надъ нимъ, молча поцѣловалъ его въ губы и поспѣшно отошелъ.

Послѣ перенесеннаго страданія, князь Андрей чувствовалъ блаженство, давно не испытанное имъ. Всѣ лучшія, счастливѣйшія минуты въ его жизни, въ особенности самое дальнее дѣтство, когда его раздѣвали и клали въ кроватку, когда няня, убаюкивая, пѣла надъ нимъ, когда, зарывшись головой въ подушки, онъ чувствовалъ себя счастливымъ однимъ со знаніемъ жизни, представлялись его воображенію, даже не какъ прошедшее, а какъ дѣйствительность.

Около того раненаго, очертанія головы котораго казались знакомыми князю Андрею, суетились доктора; его поднимали, успокоивали.

— Покажите мнѣ... Ооооо! о! ооооо!—слышался его прерываемый рыданіями, испуганный и покорившійся страданію стонъ. Слушая эти стоны, князь Андрей хотѣлъ плакать. Отъ того ли, что онъ безъ славы умиралъ, отъ того ли, что жалко ему было разставаться съ жизнью, отъ этихъ ли не возвратимыхъ дѣтскихъ воспоминаній, отъ того ли, что онъ страдалъ, что другіе страдали и такъ жалостно предъ нимъ

стоналъ этотъ человѣкъ, но ему хотѣлось плакать дѣтскими, добрыми, почти радостными слезами.

Раненому показали въ сапогѣ съ запекшеюся кровью отрѣзанную ногу.

— О! Ооооо! — зарыдалъ онъ какъ женщина. Докторъ, стоявшій передъ раненымъ, загораживая его лицо, отошелъ.

— Боже мой! Что̀ это? зачѣмъ онъ здѣсь?—сказалъ себѣ князь Андрей.

Въ несчастномъ, рыдающемъ, обезсилѣвшемъ человѣкѣ, которому только что отняли ногу, онъ узналъ Анатоля Курагина. Анатоля держали на рукахъ и предлагали ему воду, въ стаканѣ, края котораго онъ не могъ поймать дрожащими, распухшими губами. Анатоль тяжело всхлипывалъ. „Да, это онъ; да, этотъ человѣкъ чѣмъ-то близко и тяжело связанъ со мною“, думалъ князь Андрей, не понимая еще ясно того, что̀ было предъ нимъ. „Въ чемъ состоитъ связь этого человѣка съ моимъ дѣтствомъ, съ моею жизнью?“ спрашивалъ онъ себя, не находя отвѣта. И вдругъ новое, неожиданное воспоминаніе отъ міра дѣтскаго, чистаго и любовнаго представилось князю Андрею. Онъ вспомнилъ Наташу такою, какою онъ видѣлъ ее въ первый разъ на балѣ 1810 года, съ тонкою шеей и тонкими руками, съ готовымъ на восторгъ, испуганнымъ, счастливымъ лицомъ, и любовь и нѣжность къ ней еще живѣе и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, проснулись въ его душѣ. Онъ вспомнилъ теперь ту связь, которая существовала между нимъ и этимъ человѣкомъ, сквозь слезы, наполнявшіе распухшіе глаза, мутно смотрѣвшимъ на него. Князь Андрей вспомнилъ все, и восторженная жалость и любовь къ этому человѣку наполнили его счастливое сердце.

Князь Андрей не могъ удержаться болѣе и заплакалъ

нѣжными, любовными слезами надъ людьми, надъ собой и надъ ихъ и своими заблужденіями.

„Состраданіе, любовь къ братьямъ, къ любящимъ, любовь къ ненавидящимъ насъ, любовь къ врагамъ, да, та любовь, которую проповѣдывалъ Богъ на землѣ, которой меня учила княжна Марья и которой я не понималъ; вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что̀ еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ. Но теперь уже поздно. Я знаю это!“

XXXVIII.

Страшный видъ поля сраженія, покрытаго трупами и ранеными, въ соединеніи съ тяжестью головы и съ извѣстіями объ убитыхъ и раненыхъ двадцати знакомыхъ генералахъ и съ сознаніемъ безсильности своей прежде сильной руки произвели неожиданное впечатлѣніе на Наполеона, который обыкновенно любилъ разсматривать убитыхъ и раненыхъ, испытывая тѣмъ свою душевную силу (какъ онъ думалъ). Въ этотъ день, ужасный видъ поля сраженія побѣдилъ ту душевную силу, въ которой онъ полагалъ свою заслугу и величіе. Онъ поспѣшно уѣхалъ съ поля сраженія и возвратился къ Шевардинскому кургану. Желтый, опухлый, тяжелый, съ мутными глазами, краснымъ носомъ и охриплымъ голосомъ, онъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, невольно прислушиваясь къ звукамъ пальбы и не поднимая глазъ. Онъ съ болѣзненною тоской ожидалъ конца того дѣла, которому онъ считалъ себя причастнымъ, но котораго онъ не могъ остановить. Личное человѣческое чувство на короткое мгновеніе взяло верхъ надъ тѣмъ искусственнымъ призракомъ жизни, которому онъ служилъ такъ долго. Онъ на себя переносилъ тѣ страданія и ту смерть, которыя онъ видѣлъ на полѣ сраженія. Тяжесть головы и

груди напоминала ему о возможности и для него страданій и смерти. Онъ въ эту минуту не хотѣлъ для себя ни Москвы, ни побѣды, ни славы. (Какой нужно было ему еще славы?) Одно, чего онъ желалъ теперь,—отдыха, спокойствія и свободы. Но когда онъ былъ на Семеновской высотѣ, начальникъ артиллеріи предложилъ ему выставить нѣсколько батарей на эти высоты для того, чтобы усилить огонь по столпившимся предъ Князьковымъ русскимъ войскамъ. Наполеонъ согласился и приказалъ привезти ему извѣстіе о томъ, какое дѣйствіе произведутъ эти батареи.

Адъютантъ пріѣхалъ сказать, что по приказанію императора 200 орудій направлены на русскихъ, но что русскіе все такъ же стоятъ.

— Нашъ огонь рядами вырываетъ ихъ, а они стоятъ,—сказалъ адъютантъ.

— Имъ еще хочется!... — сказалъ Наполеонъ охриплымъ голосомъ.

— Государь?—повторилъ неразслышавшій адъютантъ.

— Еще хочется,—нахмурившись, прохрипѣлъ Наполеонъ осиплымъ голосомъ,—ну такъ задайте же имъ.

И безъ его приказанія дѣлалось то, чего онъ не хотѣлъ, и онъ распорядился только потому, что думалъ, что отъ него ждали приказанія. И онъ опять перенесся въ свой прежній искусственный міръ призраковъ какого-то величія, и опять (какъ та лошадь, ходящая на покатомъ колесѣ привода, воображаетъ себѣ, что она что-то дѣлаетъ для себя), онъ покорно сталъ исполнять ту жестокую, печальную и тяжелую, нечеловѣческую роль, которая ему была предназначена.

И не на одинъ только этотъ часъ и день были помрачены умъ и совѣсть этого человѣка, тяжеле всѣхъ другихъ участ-

никовъ этого дѣла носившаго на себѣ всю тяжесть совершавшагося; но и никогда, до конца жизни своей, не могъ понимать онъ ни добра, ни красоты, ни истины, ни значенія своихъ поступковъ, которые были слишкомъ противоположны добру и правдѣ, слишкомъ далеки отъ всего человѣческаго для того, чтобы онъ могъ понимать ихъ значеніе. Онъ не могъ отречься отъ своихъ поступковъ, восхваляемыхъ половиной свѣта, и потому долженъ былъ отречься отъ правды и добра и всего человѣческаго.

Не въ одинъ только этотъ день, объѣзжая поле сраженія, уложенное мертвыми и изувѣченными людьми (какъ онъ думалъ по его волѣ) онъ, глядя на этихъ людей, считалъ, сколько приходится русскихъ на одного француза, и, обманывая себя, находилъ причины радоваться, что на одного француза приходилось пять русскихъ. Не въ одинъ только этотъ день онъ писалъ въ письмѣ въ Парижъ, что поле сраженія было великолѣпно, потому что на немъ было 50 тысячъ труповъ; но и на островѣ св. Елены, въ тиши уединенія, гдѣ онъ говорилъ, что онъ намѣренъ посвятить свои досуги изложенію великихъ дѣлъ, которыя онъ сдѣлалъ, онъ писалъ:

„Русская война должна бы была быть самая популярная въ новѣйшія времена; это была война здраваго смысла и настоящихъ выгодъ, война спокойствія и безопасности всѣхъ; она была чисто миролюбивая и консервативная.

„Это было для великой цѣли, для конца случайностей и для начала спокойствія. Новый горизонтъ, новые труды открывались бы, полныя благосостоянія и благоденствія всѣхъ. Система европейская была основана, вопросъ заключался бы уже только въ ея учрежденіи.

„Удовлетворенный въ этихъ великихъ вопросахъ и вездѣ

спокойный, я бы тоже имѣлъ свой *конгрессъ* и свой *священный союзъ*. Это мысли, которыя у меня украли. Въ этомъ собраніи великихъ государей мы обсуживали бы наши интересы семейно и считались бы съ народами, какъ писецъ съ хозяиномъ.

„Европа дѣйствительно скоро составила бы такимъ образомъ одинъ и тотъ же народъ, и всякій, путешествуя гдѣ бы то ни было, находился бы всегда въ общей родинѣ.

„Я бы выговорилъ, чтобы всѣ рѣки были судоходны для всѣхъ, чтобы море было общее, чтобы постоянныя, большія арміи были уменьшены единственно до гвардіи государей.

„Возвратясь во Францію, на родину, великую, сильную, великолѣпную, спокойную, славную, я провозгласилъ бы границы ея неизмѣнными; всякую будущую войну *защитительной;* всякое новое распространеніе — антинаціональнымъ; я присоединилъ бы своего сына къ имперіи; мое *диктаторство* кончилось бы, и началось бы его конституціонное правленіе...

„Парижъ былъ бы столицей міра, и французы предметомъ зависти всѣхъ націй!...

„Потомъ мои досуги и послѣдніе дни были бы посвящены, въ обществѣ императрицы и во время царственнаго воспитыванія моего сына, на то, чтобы мало-по-малу посѣщать, какъ настоящая деревенская чета, на собственныхъ лошадяхъ, всѣ уголки государства, принимая жалобы, устраняя несправедливости, разсѣвая во всѣ стороны и вездѣ зданія и благодѣянія“.

Онъ, предназначенный Провидѣніемъ на печальную, несвободную роль палача народовъ, увѣрялъ себя, что цѣль его поступковъ была благо народовъ и что онъ могъ руководить судьбами милліоновъ и путемъ власти дѣлать благодѣянія!

„Изъ 400.000 человѣкъ,—писалъ онъ дальше о руской

войнѣ,—которые перешли Вислу, половина была австрійцы, пруссаки, саксонцы, поляки, баварцы, виртембергцы, мекленбургцы, испанцы, итальянцы и неаполитанцы. Императорская армія, собственно сказать, была на треть составлена изъ голландцевъ, бельгійцевъ, жителей береговъ Рейна, пьемонтцевъ, швейцарцевъ, женевцевъ, тосканцевъ, римлянъ, жителей 32-й военной дивизіи, Бремена, Гамбурга и т. д., въ ней едва ли было 140.000 человѣкъ, говорящихъ по-французски.

„Русская экспедиція стоила собственно Франціи менѣе 50,000 человѣкъ; русская армія въ отступленіи изъ Вильны въ Москву въ различныхъ сраженіяхъ потеряла въ четыре раза болѣе, чѣмъ французская армія; пожаръ Москвы стоилъ жизни 100.000 русскихъ, умершихъ отъ холода и нищеты въ лѣсахъ; наконецъ, во время своего перехода отъ Москвы къ Одеру, русская армія тоже пострадала отъ суровости времени года; по приходѣ въ Вильну, она состояла только изъ 50.000 людей, а въ Калишѣ менѣе 18.000“.

Онъ воображалъ себѣ, что по его волѣ произошла война съ Россіей, и ужасъ совершившагося не поражалъ его душу. Онъ смѣло принималъ на себя всю отвѣтственность событія, и его помраченный умъ видѣлъ оправданіе въ томъ, что въ числѣ сотенъ тысячъ погибшихъ людей было меньше французовъ, чѣмъ гессенцевъ и баварцевъ.

XXXIX.

Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ лежало жертвами въ разныхъ положеніяхъ и мундирахъ на поляхъ и лугахъ, принадлежавшихъ господамъ Давыдовымъ и казеннымъ крестьянамъ, на тѣхъ поляхъ и лугахъ, на которыхъ сотни лѣтъ одновременно сбирали урожаи и пасли скотъ крестьяне де-

ревень Бородина, Горокъ, Шевардина и Семеновскаго. На перевязочныхъ пунктахъ, на десятину мѣста, трава и земля были пропитаны кровью. Толпы раненыхъ и нераненыхъ разныхъ командъ людей, съ испуганными лицами, съ одной стороны брели назадъ къ Можайску, съ другой стороны назадъ къ Валуеву. Другія толпы, измученныя и голодныя, ведомыя начальниками, шли впередъ. Третьи стояли на мѣстахъ и продолжали стрѣлять.

Надъ всѣмъ полемъ, прежде столь весело-красивымъ, съ его блестками штыковъ и дымами въ утреннемъ солнцѣ, стояла теперь мгла сырости и дыма, и пахло странною кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ, на раненыхъ, на испуганныхъ и на изнуренныхъ, и на сомнѣвающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: „довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что̀ вы дѣлаете?“

Измученнымъ, безъ пищи и безъ отдыха, людямъ той и другой стороны начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебанье, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: „зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте кого хотите, дѣлайте, что̀ хотите, а я не хочу больше!“ Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли всѣ эти люди ужаснуться того, что̀ они дѣлали, бросить все́ и побѣжать куда попало.

Но хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ своего поступка, хотя они рады бы были перестать, какая-то непонятная таинственная сила еще продолжала руководить ими, и запотѣлые, въ порохѣ и крови, оставшіеся,

по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь отъ усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили; и ядра такъ же быстро и жестоко перелетали съ обѣихъ сторонъ и расплюскивали человѣческое тѣло, и продолжало совершаться то страшное дѣло, которое совершается не по волѣ людей, а по волѣ Того, Кто руководитъ людьми и мірами.

Тотъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады русской арміи, сказалъ бы, что французамъ стóитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и русская армія исчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на зады французовъ, сказалъ бы, что русскимъ стóитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и французы погибли. Но ни французы, ни русскіе не дѣлали этого усилія, и пламя сраженія медленно догорало.

Русскіе не дѣлали этого усилія потому, что не они атаковали французовъ. Въ началѣ сраженія они только стояли по дорогѣ въ Москву, загораживая ее, и точно такъ же они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели бы даже цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы сбить французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что всѣ войска русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей въ сраженіи, и русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли ПОЛОВИНУ своего войска.

Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ пятнадцатилѣтнихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ сознаніемъ того, что они завладѣли частью поля сраженія, что они потеряли только одну четверть лю-

дей и что у нихъ еще есть двадцатитысячная, нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе. Французамъ, атаковавшимъ русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока русскіе, точно такъ же, какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но французы не сдѣлали этого усилія. Нѣкоторые историки говорятъ, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардію для того, чтобы сраженіе было выиграно. Говорить о томъ, чтò бы было, если бы Наполеонъ далъ свою гвардію, все равно что говорить о томъ, чтò бы было, если бъ осенью сдѣлалась весна. Этого не могло быть. Не Наполеонъ не далъ своей гвардіи, потому что онъ не захотѣлъ этого, но этого нельзя было сдѣлать. Всѣ генералы, офицеры, солдаты французской арміи знали, что этого нельзя было сдѣлать, потому что упадшій духъ войска не позволялъ этого.

Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то похожее на сновидѣнье чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса предъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ ПОЛОВИНУ войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравствен-

номъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, такъ же какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ, раны. Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой, Смоленской дорогѣ, погибель пятисотъ тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Для человѣческаго ума непонятна абсолютная непрерывность движенія. Человѣку становятся понятны законы какого бы то ни было движенія только тогда, когда онъ разсматриваетъ произвольно взятыя единицы этого движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого-то произвольнаго дѣленія непрерывнаго движенія на прерывныя единицы проистекаетъ большая часть человѣческихъ заблужденій.

Извѣстенъ такъ называемый софизмъ древнихъ, состоящій въ томъ, что Ахиллесъ никогда не догонитъ впереди идущую черепаху, несмотря на то, что Ахиллесъ идетъ въ десять разъ скорѣе черепахи: какъ только Ахиллесъ пройдетъ пространство, отдѣляющее его отъ черепахи, черепаха пройдетъ впереди его одну десятую этого пространства: Ахиллесъ пройдетъ эту десятую, черепаха пройдетъ одну сотую и т. д., до безконечности. Задача эта представлялась древнимъ неразрѣшимою. Безсмысленность рѣшенія (что Ахиллесъ никогда не догонитъ черепаху) вытекала изъ того только, что произвольно были допущены прерывныя единицы движенія,

тогда какъ движеніе и Ахиллеса и черепахи совершалось непрерывно.

Принимая все болѣе и болѣе мелкія единицы движенія, мы только приближаемся къ рѣшенію вопроса, но никогда не достигаемъ его. Только допустивъ безконечно-малую величину и восходящую отъ нея прогрессію до одной десятой, и взявъ сумму этой геометрической прогрессіи, мы достигаемъ рѣшенія вопроса. Новая отрасль математики, достигнувъ искусства обращаться съ безконечно-малыми величинами, и въ другихъ болѣе сложныхъ вопросахъ движенія даетъ теперь отвѣты на вопросы, казавшіеся неразрѣшимыми.

Эта новая, неизвѣстная древнимъ, отрасль математики, при разсмотрѣніи вопросовъ движенія, допуская безконечно-малыя величины, т.-е. такія, при которыхъ возстановляется главное условіе движенія (абсолютная непрерывность) тѣмъ самымъ исправляетъ ту неизбѣжную ошибку, которую умъ человѣческій не можетъ не дѣлать, разсматривая вмѣсто непрерывнаго движенія отдѣльныя единицы движенія.

Въ отысканіи законовъ историческаго движенія происходитъ совершенно то же.

Движеніе человѣчества, вытекая изъ безчисленнаго количества людскихъ произволовъ, совершается непрерывно.

Постиженіе законовъ этого движенія есть цѣль исторіи. Но для того, чтобы постигнуть законы непрерывнаго движенія суммы всѣхъ произволовъ людей, умъ человѣческій допускаетъ произвольныя, прерывныя единицы. Первый пріемъ исторіи состоитъ въ томъ, чтобы, взявъ произвольный рядъ непрерывныхъ событій, разсматривать его отдѣльно отъ другихъ, тогда какъ нѣтъ и не можетъ быть начала никакого событія, а всегда одно событіе непрерывно вытекаетъ изъ

другого. Второй пріемъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица.

Историческая наука въ движеніи своемъ постоянно принимаетъ все меньшія и меньшія единицы для разсмотрѣнія, и этимъ путемъ стремится приблизиться къ истинѣ. Но какъ ни мелки единицы, которыя принимаетъ исторія, мы чувствуемъ, что допущеніе единицы, отдѣленной отъ другой, допущеніе *начала* какого-нибудь явленія и допущеніе того, что произволы всѣхъ людей выражаются въ дѣйствіяхъ одного историческаго лица, ложны сами въ себѣ.

Всякій выводъ исторіи, безъ малѣйшаго усилія со стороны критики, распадается какъ прахъ, ничего не оставляя за собой, только вслѣдствіе того, что критика избираетъ за предметъ наблюденія большую или меньшую прерывную единицу, на что она всегда имѣетъ право, такъ какъ взятая историческая единица всегда произвольна.

Только допустивъ безконечно-малую единицу для наблюденія — диференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно-малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи.

Первые 15 лѣтъ XIX столѣтія въ Европѣ представляютъ необыкновенное движеніе милліоновъ людей. Люди оставляютъ свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны Европы въ другую, грабятъ, убиваютъ одинъ другого, тор-

жествуютъ и отчаиваются, и весь ходъ жизни на нѣсколько лѣтъ измѣняется и представляетъ усиленное движеніе, которое сначала идетъ возрастая, потомъ ослабѣвая. Какая причина этого движенія или по какимъ законамъ происходило оно? спрашиваетъ умъ человѣческій.

Историки, отвѣчая на этотъ вопросъ, излагаютъ намъ дѣянія и рѣчи нѣсколькихъ десятковъ людей въ одномъ изъ зданій города Парижа, называя эти дѣянія и рѣчи словомъ революція; потомъ даютъ подробную біографію Наполеона и нѣкоторыхъ сочувственныхъ и враждебныхъ ему лицъ, разсказываютъ о вліяніи однихъ изъ этихъ лицъ на другія и говорятъ: вотъ отчего произошло это движеніе, и вотъ законы его.

Но умъ человѣческій не только отказывается вѣрить въ это объясненіе, но прямо говоритъ, что пріемъ объясненія не вѣренъ, потому что при этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго. Сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію и Наполеона, и только сумма этихъ произволовъ терпѣла ихъ и уничтожила.

Но всякій разъ, когда были завоеванія, были завоеватели; всякій разъ, когда дѣлались перевороты въ государствѣ, были великіе люди, говоритъ исторія. Дѣйствительно, всякій разъ, когда являлись завоеватели, были и войны, отвѣчаетъ умъ человѣческій, но это не доказываетъ, чтобы завоеватели были причинами войнъ, и чтобы возможно было найти законы войны въ личной дѣятельности одного человѣка. Всякій разъ, когда я, глядя на свои часы, вижу, что стрѣлка подошла къ 10, я слышу, что въ сосѣдней церкви начинается благовѣстъ; но изъ того, что всякій разъ, что̀ стрѣлка приходитъ на 10 часовъ тогда, какъ начинается благовѣстъ, я не имѣю права

заключить, что положеніе стрѣлки есть причина движенія колоколовъ.

Всякій разъ, какъ я вижу движеніе паровоза, я слышу звукъ свиста, вижу открытіе клапана и движеніе колесъ; но изъ этого я не имѣю права заключить, что свистъ и движеніе колесъ суть причины движенія паровоза.

Крестьяне говорятъ, что поздней весной дуетъ холодный вѣтеръ, потому что почка дуба развертывается, и дѣйствительно всякую весну дуетъ холодный вѣтеръ, когда развертывается дубъ. Но хотя причина дующаго при развертываньи дуба холоднаго вѣтра мнѣ неизвѣстна, я не могу согласиться съ крестьянами въ томъ, что причина холоднаго вѣтра есть развертыванье почки дуба потому только, что сила вѣтра находится внѣ вліяній почки. Я вижу только совпаденіе тѣхъ условій, которыя бываютъ во всякомъ жизненномъ явленіи, и вижу, что, сколько бы и какъ бы подробно я ни наблюдалъ стрѣлку часовъ, клапанъ и колеса паровоза и почку дуба, я не узнаю причины благовѣста, движенія паровоза и весенняго вѣтра. Для этого я долженъ измѣнить совершенно свою точку наблюденія и изучать законы движенія пара, колокола и вѣтра. То же должна сдѣлать исторія. И попытки этого уже были сдѣланы.

Для изученія законовъ исторіи мы должны измѣнить совершенно предметъ наблюденія, оставить въ покоѣ царей, министровъ и генераловъ, а изучать однородные, безконечно малые элементы, которые руководятъ массами. Никто не можетъ сказать, насколько дано человѣку достигнуть этимъ путемъ пониманія законовъ исторіи; но очевидно, что на этомъ пути только лежитъ возможность уловленія историческихъ законовъ: и что на этомъ пути не положено еще умомъ

человѣческимъ одной милліонной доли тѣхъ усилій, которыя положены историками на описаніе дѣяній различныхъ царей, полководцевъ и министровъ и на изложеніе своихъ соображеній по случаю этихъ дѣяній.

II.

Силы двунадесяти языковъ Европы ворвались въ Россію. Русское войско и населеніе отступаютъ, избѣгая столкновенія до Смоленска и отъ Смоленска до Бородина. Французское войско съ постоянно увеличивающеюся силой стремительности несется къ Москвѣ, къ цѣли своего движенія. Сила стремительности его, приближаясь къ цѣли, увеличивается подобно увеличенію быстроты падающаго тѣла, по мѣрѣ приближенія его къ землѣ. Назади тысячи верстъ, голодной, враждебной страны; впереди десятки верстъ, отдѣляющія отъ цѣли. Это чувствуетъ всякій солдатъ Наполеоновской арміи, и нашествіе надвигается само собой, по одной силѣ стремительности.

Въ русскомъ войскѣ, по мѣрѣ отступленія, все болѣе и болѣе разгорается духъ озлобленія противъ врага: отступая назадъ, оно сосредоточивается и нарастаетъ. Подъ Бородинымъ происходитъ столкновеніе. Ни то ни другое войско не распадается, но русское войско непосредственно послѣ столкновенія отступаетъ такъ же необходимо, какъ необходимо откатывается шаръ, столкнувшись съ другимъ, съ бо́льшей стремительностью несущимся на него шаромъ; и такъ же необходимо (хотя и потерявшій всю свою силу въ столкновеніи) стремительно разбѣжавшійся шаръ нашествія прокатывается еще нѣкоторое пространство.

Русскіе отступаютъ за 120 верстъ—за Москву, французы доходятъ до Москвы и тамъ останавливаются. Въ продолженіе

пяти недѣль послѣ этого нѣтъ ни одного сраженія. Французы не двигаются. Подобно смертельно раненому звѣрю, который, истекая кровью, зализываетъ свои раны, они пять недѣль остаются въ Москвѣ, ничего не предпринимая, и вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ: бросаются на Калужскую дорогу (и послѣ побѣды, такъ какъ опять поле сраженія осталось за ними подъ Мало-Ярославцомъ), не вступая ни въ одно серьезное сраженіе, бѣгутъ еще быстрѣе назадъ въ Смоленскъ, за Смоленскъ, за Вильну, за Березину и далѣе.

Въ вечеръ 26-го августа и Кутузовъ и вся русская армія были увѣрены, что Бородинское сраженіе выиграно. Кутузовъ такъ и писалъ государю. Кутузовъ приказалъ готовиться на новый бой, чтобы добить непріятеля не потому, чтобы онъ хотѣлъ кого-нибудь обманывать, но потому, что онъ зналъ, что врагъ побѣжденъ, такъ же какъ зналъ это каждый изъ участниковъ сраженія.

Но въ тотъ же вечеръ и на другой день стали, одно за другимъ, приходить извѣстія о потеряхъ неслыханныхъ, о потерѣ половины арміи, и новое сраженіе оказалось физически невозможнымъ.

Нельзя было давать сраженіе, когда еще не собраны были свѣдѣнія, не убраны раненые, не пополнены снаряды, не сочтены убитые, не назначены новые начальники на мѣста убитыхъ, не наѣлись и не выспались люди. А вмѣстѣ съ тѣмъ сейчасъ же послѣ сраженія на другое утро французское войско (по той стремительной силѣ движенія, увеличеннаго теперь какъ бы въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній) уже надвигалось само собой на русское войско. Кутузовъ хотѣлъ атаковать на другой день, и вся армія хотѣла этого. Но для того, чтобы атаковать, не достаточно желанія сдѣ

лать это; нужно, чтобы была возможность это сдѣлать, а возможности этой не было. Нельзя было не отступить на одинъ переходъ, потомъ точно такъ же нельзя было не отступить на другой и на третій переходъ, и наконецъ 1-го сентября, когда армія подошла къ Москвѣ, несмотря на всю силу поднявшагося чувства въ рядахъ войска, сила вещей требовала того, чтобы войска эти шли за Москву. И войска отступили еще на одинъ, на послѣдній переходъ и отдали Москву непріятелю.

Для тѣхъ людей, которые привыкли думать, что планы войнъ и сраженій составляются полководцами такимъ же образомъ, какъ каждый изъ насъ, сидя въ своемъ кабинетѣ надъ картой, дѣлаетъ соображенія о томъ, какъ и какъ бы онъ распорядился въ такомъ-то и такомъ-то сраженіи, представляются вопросы, почему Кутузовъ, при отступленіи, не поступилъ такъ-то и такъ-то, почему онъ не занялъ позиціи прежде Филей, почему онъ не отступилъ сразу на Калужскую дорогу, оставивъ Москву, и т. д. Люди, привыкшіе такъ думать, забываютъ или не знаютъ тѣхъ неизбѣжныхъ условій, въ которыхъ всегда происходитъ дѣятельность всякаго главнокомандующаго. Дѣятельность полководца не имѣетъ ни малѣйшаго подобія съ тою дѣятельностью, которую мы воображаемъ себѣ, сидя свободно въ кабинетѣ, разбирая какую-нибудь кампанію на картѣ съ извѣстнымъ количествомъ войска, съ той и другой стороны, и въ извѣстной мѣстности и начиная наши соображенія съ какого-нибудь извѣстнаго момента. Главнокомандующій никогда не бываетъ въ тѣхъ условіяхъ *начала* какого-нибудь событія, въ которыхъ мы всегда разсматриваемъ событіе. Главнокомандующій всегда находится въ срединѣ движущагося ряда событій и такъ, что никогда, ни въ какую минуту, онъ не бываетъ въ состояніи обдумать все

значеніе совершающагося событія. Событіе незамѣтно, мгновеніе за мгновеніемъ, вырѣзается въ свое значеніе, и въ каждый моментъ этого послѣдовательнаго, непрерывнаго вырѣзыванія событія главнокомандующій находится въ центрѣ сложнѣйшей игры интригъ, заботъ, зависимости, власти, проектовъ, совѣтовъ, угрозъ, обмановъ, находится постоянно въ необходимости отвѣчать на безчисленное количество предлагаемыхъ ему, всегда противорѣчащихъ одинъ другому, вопросовъ.

Намъ пресерьезно говорятъ ученые военные, что Кутузовъ еще гораздо прежде Филей долженъ былъ двинуть войска на Калужскую дорогу, что даже кто-то предлагалъ таковой проектъ. Но передъ главнокомандующимъ, особенно въ трудную минуту, бываетъ не одинъ проектъ, а всегда десятки одновременно. И каждый изъ этихъ проектовъ, основанныхъ на стратегіи и тактикѣ, противорѣчитъ одинъ другому. Дѣло главнокомандующаго, казалось бы, состоитъ только въ томъ, чтобы выбрать одинъ изъ этихъ проектовъ. Но и этого онъ не можетъ сдѣлать. Событія и время не ждутъ. Ему предлагаютъ, положимъ, 28 числа перейти на Калужскую дорогу, но въ это время прискакиваетъ адъютантъ отъ Милорадовича и спрашиваетъ, завязывать ли сейчасъ дѣло съ французами или отступить. Ему надо сейчасъ, сію минуту, отдать приказаніе. А приказаніе отступить сбиваетъ насъ съ поворота на Калужскую дорогу. И вслѣдъ за адъютантомъ интендантъ спрашиваетъ, куда везти провіантъ, а начальникъ госпиталей,—куда везти раненыхъ; а курьеръ изъ Петербурга привозитъ письмо государя, не допускающее возможности оставить Москву, а соперникъ главнокомандующаго, тотъ, кто подкапывается подъ него (такіе всегда есть—и не одинъ, а нѣсколько) предлагаетъ новый проектъ, діаметрально-противо-

положный плану выхода на Калужскую дорогу; а силы самого главнокомандующаго требуютъ сна и подкрѣпленія; а обойденный наградой почтенный генералъ приходитъ жаловаться, а жители умоляютъ о защитѣ, посланный офицеръ для осмотра мѣстности пріѣзжаетъ и доноситъ совершенно противоположное тому, чтò говорилъ передъ нимъ посланный офицеръ; а лазутчикъ, плѣнный и дѣлавшій рекогносцировку генералъ—всѣ описываютъ различно положеніе непріятельской арміи. Люди, привыкшіе не понимать или забывать эти необходимыя условія дѣятельности всякаго главнокомандующаго, представляютъ намъ, напримѣръ, положеніе войскъ въ Филяхъ и при этомъ предполагаютъ, что главнокомандующій могъ 1-го сентября совершенно свободно разрѣшать вопросъ объ оставленіи или защитѣ Москвы, тогда какъ при положеніи русской арміи въ 5 верстахъ отъ Москвы вопроса этого не могло быть. Когда же рѣшился этотъ вопросъ? И подъ Дриссой, и подъ Смоленскомъ, и ощутительнѣе всего 24-го подъ Шевардинымъ, 26-го подъ Бородинымъ, и въ каждый день, и часъ, и минуту отступленія отъ Бородина до Филей.

III.

Русскія войска, отступивъ отъ Бородина, стояли у Филей. Ермоловъ, ѣздившій для осмотра позиціи, подъѣхалъ къ фельдмаршалу.

— Драться на этой позиціи нѣтъ возможности,—сказалъ онъ. Кутузовъ удивленно посмотрѣлъ на него и заставилъ его повторить сказанныя слова. Когда онъ проговорилъ, Кутузовъ протянулъ ему руку.

— Дай-ка руку,—сказалъ онъ и, повернувъ ее такъ, чтобъ ощупать его пульсъ, онъ сказалъ:—Ты нездоровъ, голубчикъ,

Подумай, что ты говоришь.—Кутузовъ еще не могъ понять того, чтобы возможно было отступить за Москву безъ сраженія.

Кутузовъ на Поклонной горѣ, въ шести верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на лавку на краю дороги. Огромная толпа генераловъ собралась вокругъ него. Графъ Растопчинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, присоединился къ нимъ. Все это блестящее общество, разбившись на нѣсколько кружковъ, говорило между собой о выгодахъ и невыгодахъ позиціи, о положеніи войскъ, о предполагаемыхъ планахъ, о состояніи Москвы, вообще о вопросахъ военныхъ. Всѣ чувствовали, что хоть и не были призваны на то, что хотя это не было такъ названо, но что это былъ военный совѣтъ. Разговоры всѣ держались въ области общихъ вопросовъ. Ежели кто и сообщалъ или узнавалъ личныя новости, то про это говорилось шопотомъ, и тотчасъ переходили опять къ общимъ вопросамъ: ни шутокъ, ни смѣха, ни улыбокъ даже не было замѣтно между всѣми этими людьми. Всѣ, очевидно, съ усиліемъ старались держаться на высотѣ положенія. И всѣ группы, разговаривая между собой, старались держаться въ близости главнокомандующаго (лавка котораго составляла центръ въ этихъ кружкахъ) и говорили такъ, чтобъ онъ могъ ихъ слышать. Главнокомандующій слушалъ и иногда переспрашивалъ то, что говорили вокругъ него, но самъ не вступалъ въ разговоръ и не выражалъ никакого мнѣнія. Большею частью, послушавъ разговоръ какого-нибудь кружка, онъ съ видомъ разочарованія—какъ будто совсѣмъ не о томъ они говорили, что онъ желалъ знать,—отворачивался. Одни говорили о выбранной позиціи, критикуя не столько самую позицію, сколько умственныя способности тѣхъ, которые ее выбрали; другіе доказывали, что ошибка была сдѣлана прежде, что надо

было принять сраженіе еще третьяго дня; третьи говорили о битвѣ при Саламанкѣ, про которую разсказывалъ только что пріѣхавшій французъ Кросаръ, въ испанскомъ мундирѣ. (Французъ этотъ вмѣстѣ съ однимъ изъ нѣмецкихъ принцевъ, служившихъ въ русской арміи, разбиралъ осаду Сарагоссы, предвидя возможность такъ же защищать Москву.) Въ четвертомъ кружкѣ графъ Растопчинъ говорилъ о томъ, что онъ съ московскою дружиной готовъ погибнуть подъ стѣнами столицы, но что все-таки онъ не можетъ не сожалѣть о той неизвѣстности, въ которой онъ былъ оставленъ, и что ежели бы онъ это зналъ прежде, было бы другое... Пятые, выказывая глубину своихъ стратегическихъ соображеній, говорили о томъ направленіи, которое должны будутъ принять войска. Шестые говорили совершенную безсмыслицу. Лицо Кутузова становилось все озабоченнѣе и печальнѣе. Изъ всѣхъ разговоровъ этихъ Кутузовъ видѣлъ одно: защищать Москву не было *никакой физической возможности* въ полномъ значеніи этихъ словъ, т.-е. до такой степени не было возможности, что ежели бы какой-нибудь безумный главнокомандующій отдалъ приказъ о дачѣ сраженія, то произошла бы путаница, и сраженія все-таки бы не было; не было бы потому, что всѣ высшіе начальники не только признавали эту позицію невозможною, но въ разговорахъ своихъ обсуждали только то, чтò произойдетъ послѣ несомнѣннаго оставленія этой позиціи. Какъ же могли начальники вести свои войска на поле сраженія, которое они считали невозможнымъ? Низшіе начальники, даже солдаты (которые тоже разсуждаютъ) также признавали позицію невозможною, и потому не могли итти драться съ увѣренностью пораженія. Ежели Бенигсонъ настаивалъ на защитѣ этой позиціи, и другіе еще обсуждали

ее, то вопросъ этотъ уже не имѣлъ значенія самъ по себѣ, а имѣлъ значеніе только, какъ предлогъ для спора и интриги. Это понималъ Кутузовъ.

Бенигсенъ, выбравъ позицію, горячо выставляя свой русскій патріотизмъ (котораго не могъ, не морщась, выслушивать Кутузовъ), настаивалъ на защитѣ Москвы. Кутузовъ ясно какъ день видѣлъ цѣль Бенигсена: въ случаѣ неудачи защиты—свалить вину на Кутузова, доведшаго войско безъ сраженія до Воробьевыхъ горъ, а въ случаѣ успѣха—себѣ приписать его; въ случаѣ же отказа—очистить себя въ преступленіи оставленія Москвы. Но этотъ вопросъ интриги не занималъ теперь стараго человѣка. Одинъ страшный вопросъ занималъ его. И на вопросъ этотъ онъ ни отъ кого не слышалъ отвѣта. Вопросъ состоялъ для него теперь только въ томъ: „неужели это я допустилъ до Москвы Наполеона и когда же я это сдѣлалъ? Когда это рѣшилось? Неужели вчера, когда я послалъ къ Платову приказъ отступить, или третьяго дня вечеромъ, когда я задремалъ и приказалъ Бенигсену распорядиться? Или еще прежде?.. но когда, когда же рѣшилось это страшное дѣло? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказаніе“. Отдать это страшное приказаніе казалось ему одно и то же, что̀ отказаться отъ командованія арміей. А мало того, что онъ любилъ власть, привыкъ къ ней (почетъ, отдаваемый князю Прозоровскому, при которомъ онъ состоялъ въ Турціи, дразнилъ его), онъ былъ убѣжденъ, что ему было предназначено спасеніе Россіи, и потому только, противъ воли государя и по волѣ народа, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ одинъ въ этихъ трудныхъ условіяхъ могъ держаться во главѣ арміи, что онъ

одинъ во всемъ мірѣ былъ въ состояніи безъ ужаса знать своимъ противникомъ непобѣдимаго Наполеона; и онъ ужасался мысли о томъ приказаніи, которое онъ долженъ былъ отдать. Но надо было рѣшить что-нибудь, надо было прекратить эти разговоры вокругъ него, которые начинали принимать слишкомъ свободный характеръ.

Онъ подозвалъ къ себѣ старшихъ генераловъ.

— Хороша ли, плоха ли моя голова, а положиться больше не на кого, какъ на нее,—сказалъ онъ, вставая съ лавки, и поѣхалъ въ Фили, гдѣ стояли его экипажи.

IV.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Савостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но

Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что деньщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голою головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ

выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— *Священную древнюю столицу Россіи!*—вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. — Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло францу-

зовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые ли чувствомъ потребности жертвы предъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣла, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что̀ дѣлалось предъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длиннополымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ затѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его: Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, на-

ивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хотя бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только оттого, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля...—Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы сбираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть мнѣ платить за перебитые горшки,—сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ не громкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: „Когда же, когда же наконецъ рѣшилось то, что

оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что̀ рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ.“

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру;—этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость, — сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать какъ турки,—не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу!—будутъ и они, только бы!..

V.

Въ противуположность Кутузову, въ то же время, въ событіи еще болѣе важнѣйшемъ, чѣмъ отступленіе арміи безъ боя,—въ оставленіи Москвы и сожженіи ея, Растопчинъ, представляющійся намъ руководителемъ этого событія, дѣйствовалъ совершенно иначе.

— Событіе это—оставленіе Москвы и сожженіе ея—было такъ же неизбѣжно, какъ и отступленіе войскъ безъ боя за Москву, послѣ Бородинскаго сраженія.

Каждый русскій человѣкъ, не на основаніи умозаключеній, а на основаніи того чувства, которое лежитъ въ насъ и лежало въ нашихъ отцахъ, могъ бы предсказать то, что̀ совершилось.

Начиная отъ Смоленска, во всѣхъ городахъ и деревняхъ русской земли, безъ участія графа Растопчина и его афишъ, происходило то же самое, что̀ произошло въ Москвѣ. Народъ съ беспечностью ждалъ непріятеля, не бунтовалъ, не волновался, никого не раздиралъ на куски, а спокойно ждалъ своей судьбы, чувствуя въ себѣ силы въ самую труд-

ную минуту найти то, что̀ должно было сдѣлать. И какъ только непріятель подходилъ, богатѣйшіе элементы населенія уходили, оставляя свое имущество; бѣднѣйшіе оставались и зажигали и истребляли то, что̀ оставалось.

Сознаніе того, что это такъ будетъ и всегда такъ будетъ, лежало и лежитъ въ душѣ русскаго человѣка. И сознаніе это, и болѣе того, предчувствіе того, что Москва будетъ взята, лежало въ русскомъ, московскомъ обществѣ 12-го года. Тѣ, которые стали выѣзжать изъ Москвы еще въ іюлѣ и началѣ августа, показали, что они ждали этого. Тѣ, которые выѣзжали съ тѣмъ, что̀ они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, дѣйствовали такъ вслѣдствіе того скрытаго (latent) патріотизма, который выражается не фразами, не убійствомъ дѣтей для спасенія отечества и т. п. неестественными дѣйствіями, а которое выражается незамѣтно, просто, органически и потому производитъ всегда самые сильные результаты.

„Стыдно бѣжать отъ опасности; только трусы бѣгутъ изъ Москвы", говорили имъ. Растопчинъ въ своихъ афишкахъ внушалъ имъ, что уѣзжать изъ Москвы было позорно. Имъ совѣстно было получать наименованіе трусовъ, совѣстно было ѣхать, но они все-таки ѣхали, зная, что такъ надо было. Зачѣмъ они ѣхали? Нельзя предположить, чтобы Растопчинъ напугалъ ихъ ужасами, которые производилъ Наполеонъ въ покоренныхъ земляхъ. Уѣзжали и первые уѣхали богатые, образованные люди, знавшіе очень хорошо, что Вѣна и Берлинъ остались цѣлы, и что тамъ, во время занятій ихъ Наполеономъ, весело проводили время жители съ обворожительными французами, которыхъ такъ любили тогда русскіе мужчины и въ особенности дамы.

Они ѣхали потому, что для русскихъ людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будетъ подъ управленіемъ французовъ въ Москвѣ. Подъ управленіемъ французовъ нельзя было быть: это было хуже всего. Они уѣзжали и до Бородинскаго сраженія и еще быстрѣе послѣ Бородинскаго сраженія, не взирая на воззванія къ защитѣ, несмотря на заявленія главнокомандующаго Москвы о намѣреніи его поднять Иверскую и итти драться, и на воздушные шары, которые должны были погубить французовъ, и несмотря на весь тотъ вздоръ, о которомъ писалъ Растопчинъ въ своихъ афишахъ. Они знали, что войско должно драться, и ежели оно не можетъ, то съ барышнями и дворовыми людьми нельзя итти на Три Горы воевать съ Наполеономъ, а что надо уѣзжать, какъ ни жалко оставлять на погибель свое имущество. Они уѣзжали и не думали о величественномъ значеніи этой громадной, богатой столицы, оставленной жителями и очевидно сожженной (не разрушить, не сжечь пустые дома не въ духѣ русскаго народа); они уѣзжали каждый для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, только вслѣдствіе того, что они уѣхали, и совершилось то величественное событіе, которое навсегда останется лучшей славой русскаго народа. Та барыня, которая еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ своими арапами и шутихами, поднималась изъ Москвы въ саратовскую деревню, съ смутнымъ сознаніемъ того, что она Бонапарту не слуга и со страхомъ, чтобы ее не остановили по приказанію графа Растопчина, дѣлала просто и истинно то великое дѣло, которое спасло Россію. Графъ же Растопчинъ, который то стыдилъ тѣхъ, которые уѣзжали, то вывозилъ присутственныя мѣста, то выдавалъ никуда негодное оружіе пьяному сброду, то поднималъ образа, то запрещалъ Августину вывозить мощи

и иконы, то захватывалъ всѣ частныя подводы, бывшія въ Москвѣ, то на 136 подводахъ увозилъ дѣлаемый Лепихомъ воздушный шаръ, то намекалъ на то, что онъ сожжетъ Москву, то разсказывалъ, какъ онъ сжегъ свой домъ и написалъ прокламацію французамъ, гдѣ торжественно упрекалъ ихъ, что они разорили его дѣтскій пріютъ; то принималъ славу сожженія Москвы, то отрекался отъ нея, то приказывалъ народу ловить всѣхъ шпіоновъ и приводить къ нему, то упрекалъ за это народъ, то высылалъ всѣхъ французовъ изъ Москвы, то оставлялъ въ городѣ г-жу Оберъ-Шальме, составлявшую центръ всего французскаго московскаго населенія, а безъ особой вины приказывалъ схватить и увезти въ ссылку стараго почтеннаго почтдиректора Ключарева; то сбиралъ народъ на Три Горы, чтобы драться съ французами, то чтобы отдѣлаться отъ этого народа, отдавалъ ему на убійство человѣка, и самъ уѣзжалъ въ заднія ворота, то говорилъ, что онъ не переживетъ насчастія Москвы, то писалъ въ альбомы по-французски стихи о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ *),—этотъ человѣкъ не понималъ значенія совершающагося событія, а хотѣлъ только что-то сдѣлать самъ, удивить кого-то, что-то совершить патріотически-геройское, и какъ мальчикъ рѣзвился надъ величавымъ и неизбѣжнымъ событіемъ оставленія и сожженія Москвы и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать теченіе громаднаго, уносившаго его вмѣстѣ съ собой, народнаго потока.

---

*) Je suis né Tartare. Je voulus être Romain. Les Français m'appelèrent barbare. Les Russes—Georges Dandin. Т. е. Я родился татариномъ. Я хотѣлъ быть римляниномъ. Французы называли меня варваромъ, Русскіе—Жоржемъ Данденомъ.

VI.

Эленъ, возвратившись вмѣстѣ съ Дворомъ изъ Вильны въ Петербургъ, находилась въ затруднительномъ положеніи.

Въ Петербургѣ Эленъ пользовалась особымъ покровительствомъ вельможи, занимавшаго одну изъ высшихъ должностей въ государствѣ. Въ Вильнѣ же она сблизилась съ молодымъ иностраннымъ принцемъ. Когда она возвратилась въ Петербургъ, принцъ и вельможа были оба въ Петербургѣ, оба заявляли свои права, и для Эленъ представилась новая еще въ ея карьерѣ задача: сохранить свою близость отношеній съ обоими, не оскорбивъ ни одного.

То, чтò показалось бы труднымъ и даже невозможнымъ для другой женщины, ни разу не заставило задуматься графиню Безухову, не даромъ видно пользовавшуюся репутаціей умнѣйшей женщины. Ежели бы она стала скрывать свои поступки, выпутываться хитростью изъ неловкаго положенія, она бы этимъ самымъ испортила свое дѣло, сознавъ себя виноватою; но Эленъ, напротивъ, сразу, какъ истинно великій человѣкъ, который можетъ все то, чтò хочетъ, поставила себя въ положеніе правоты, въ которую она искренно вѣрила, а всѣхъ другихъ—въ положеніе виноватости.

Въ первый разъ какъ молодое иностранное лицо позволило себѣ дѣлать ей упреки, она, гордо поднявъ свою красивую голову и въ полуоборотъ повернувшись къ нему, твердо сказала:

— Вотъ эгоизмъ и жестокость мужчинъ! Я ничего лучшаго и не ожидала. Женщина приноситъ себя въ жертву вамъ; она страдаетъ, и вотъ ей награда. Ваше высочество, какое

имѣете вы право требовать отъ меня отчета въ моихъ привязанностяхъ и дружескихъ чувствахъ? Это человѣкъ, бывшій для меня больше, чѣмъ отцомъ.

Лицо хотѣло что-то сказать. Элепъ перебила его.

— Ну да,—сказала она, можетъ быть, чувства, которыя онъ питаетъ ко мнѣ, не совсѣмъ отеческія; но вѣдь изъ-за этого не слѣдуетъ же мнѣ отказывать ему отъ моего дома. Я не мужчина, чтобы платить неблагодарностью. Да будетъ извѣстно вашему высочеству, что въ моихъ задушевныхъ чувствахъ я отдаю отчетъ только Богу и моей совѣсти,—кончила она, дотрогиваясь рукой до высоко поднявшейся красивой груди, и взглядывала на небо.

— Но выслушайте меня, ради Бога.

— Женитесь на мнѣ, и я буду вашею рабою.

— Но это невозможно.

— Вы не удостоиваете снизойти до брака со мною, вы...—заплакавъ сказала Эленъ.

Лицо стало утѣшать ее; Эленъ же сквозь слезы говорила (какъ бы забывшись), что ничто не можетъ мѣшать ей выйти замужъ, что есть примѣры (тогда еще мало было примѣровъ, но она назвала Наполеона и другихъ высокихъ особъ), что она никогда не была женою своего мужа, что она была принесена въ жертву.

— Но законы, религія...—уже сдаваясь, говорило лицо.

— Законы, религія... На что̀ бы они были выдуманы, ежели бы они не могли сдѣлать этого?—сказала Эленъ.

Важное лицо было удивлено тѣмъ, что такое простое разсужденіе могло не приходить ему въ голову, и обратилось за совѣтомъ къ святымъ братьямъ общества Іисусова, съ которыми оно находилось въ близкихъ отношеніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого на одномъ изъ обворожительныхъ праздниковъ, который давала Эленъ на своей дачѣ, на Каменномъ Острову, ей былъ представленъ немолодой, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и черными, блестящими глазами, обворожительный г-нъ Жоберъ, „коротнополый іезуитъ“, который долго въ саду, при свѣтѣ иллюминаціи и при звукахъ музыки, бесѣдовалъ съ Эленъ о любви къ Богу, къ Христу, къ сердцу Божіей Мàтери, и объ утѣшеніяхъ, доставляемыхъ въ этой и въ будущей жизни единою истинною, католическою религіей. Эленъ была тронута, и нѣсколько разъ у нея и у господина Жобера въ глазахъ стояли слезы и дрожалъ голосъ. Танецъ, на который кавалеръ пришелъ звать Эленъ, разстроилъ ея бесѣду съ ея будущимъ „блюстителемъ совѣсти“, но на другой день господинъ Жоберъ пришелъ одинъ вечеромъ къ Эленъ, и съ того времени часто сталъ бывать у нея.

Въ одинъ день онъ сводилъ графиню въ католическій храмъ, гдѣ она стала на колѣни предъ алтаремъ, къ которому она была подведена. Немолодой, обворожительный французъ положилъ ей на голову руки, и, какъ она сама потомъ разсказывала, она почувствовала что-то въ родѣ дуновенія свѣжаго вѣтра, которое сошло ей въ душу. Ей объяснили, что это была „благодать“.

Потомъ ей привели долгополаго аббата; онъ исповѣдывалъ ее и отпустилъ ей грѣхи ея. На другой день ей принесли ящикъ, въ которомъ было причастіе, и оставили его ей на дому для употребленія. Послѣ нѣсколькихъ дней Эленъ, къ удовольствію своему, узнала, что она теперь вступила въ истинную, католическую церковь, и что на-дняхъ самъ папа узнаетъ о ней и пришлетъ ей какую-то бумагу.

Все, что̀ дѣлалось за это время вокругъ нея и съ нею, все это вниманіе, обращенное на нее столькими умными людьми и выражающееся въ такихъ пріятныхъ, утонченныхъ формахъ, и голубиная чистота, въ которой она теперь находилась (она носила все это время бѣлыя платья съ бѣлыми лентами),—все это доставляло ей удовольствіе; но изъ-за этого удовольствія она ни на минуту не упускала своей цѣли. И какъ всегда бываетъ, что въ дѣлѣ хитрости глупый человѣкъ проводитъ болѣе умныхъ, она, понявъ, что цѣль всѣхъ этихъ словъ и хлопотъ состояла преимущественно въ томъ, чтобы, обративъ ее въ католичество, взять съ нея денегъ въ пользу іезуитскихъ учрежденій (о чемъ ей дѣлали намеки), Элен, прежде, чѣмъ давать деньги, настаивала на томъ, чтобы надъ нею произвели тѣ различныя операціи, которыя бы освободили ее отъ мужа. Въ ея понятіяхъ значеніе всякой религіи состояло только въ томъ, чтобы при удовлетвореніи человѣческихъ желаній соблюдать извѣстныя приличія. И съ этою цѣлью она, въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ духовникомъ, настоятельно потребовала отъ него отвѣта на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ ея бракъ связываетъ ее.

Они сидѣли въ гостиной у окна. Были сумерки. Изъ окна пахло цвѣтами. Элен была въ бѣломъ платьѣ, просвѣчивающемъ на груди и плечахъ. Аббатъ, хорошо откормленный, съ пухлою, гладко бритою бородой, пріятнымъ крѣпкимъ ртомъ и бѣлыми руками, сложенными кротко на колѣняхъ, сидѣлъ близко къ Элен и, съ тонкою улыбкой на губахъ, мирно восхищеннымъ ея красотою взглядомъ, смотрѣлъ изрѣдка на ея лицо и излагалъ свой взглядъ на занимавшій ихъ вопросъ. Элен, безпокойно улыбаясь, глядѣла на его

вьющіеся волоса, гладко выбритыя, чернѣющіяся, полныя щеки и всякую минуту ждала новаго оборота разговора. Но аббатъ, хотя очевидно и наслаждаясь красотой своей собесѣдницы, былъ увлеченъ мастерствомъ своего дѣла.

Ходъ разсужденія руководителя совѣсти былъ слѣдующій: въ невѣдѣніи значенія того, что̀ вы предпринимали, вы дали обѣтъ брачной вѣрности человѣку, который, съ своей стороны, вступивъ въ бракъ и не вѣря въ религіозное значеніе брака, совершилъ кощунство. Бракъ этотъ не имѣлъ двоякаго значенія, которое долженъ онъ имѣть. Но, несмотря на то, обѣтъ вашъ связывалъ васъ. Вы отступили отъ него. Что̀ вы совершили этимъ? Грѣхъ простительный или грѣхъ смертный? Грѣхъ простительный, потому что вы безъ дурного умысла совершили поступокъ. Ежели вы теперь, съ цѣлью имѣть дѣтей, вступили бы въ новый бракъ, то грѣхъ вашъ могъ бы быть прощенъ. Но вопросъ опять распадается на двое: первое...

— Но я думаю,—сказала вдругъ соскучившаяся Эленъ, съ своею обворожительною улыбкой, — что я, вступивъ въ истинную религію, не могу быть связана тѣмъ, что̀ наложила на меня ложная религія.

Блюститель совѣсти былъ изумленъ этимъ постановленіемъ предъ нимъ съ такою простотою Колумбова яйца. Онъ восхищенъ былъ неожиданною быстротой успѣховъ своей ученицы, но не могъ отказаться отъ своего умственнаго, трудами построеннаго, зданія аргументовъ.

— Поймемъ же другъ друга, графиня,—сказалъ онъ съ улыбкой и сталъ опровергать разсужденія своей духовной дочери.

VII.

Эленъ понимала, что дѣло было очень просто и легко съ духовной точки зрѣнія, но что ея руководители дѣлали затрудненія только потому, что они опасались, какимъ образомъ свѣтская власть посмотритъ на это дѣло.

И вслѣдствіе этого Эленъ рѣшила, что надо было въ обществѣ подготовить это дѣло. Она вызвала ревность старика-вельможи и сказала ему то же, что̀ первому искателю, т.-е. поставила вопросъ такъ, что единственное средство получить права на нее состояло въ томъ, чтобы жениться на ней. Старое важное лицо первую минуту было такъ же поражено этимъ предложеніемъ выйти замужъ отъ живого мужа, какъ и первое молодое лицо; но непоколебимая увѣренность Эленъ въ томъ, что это такъ же просто и естественно, какъ и выходъ дѣвушки замужъ, подѣйствовала и на него. Ежели бы замѣтны были хоть малѣйшіе признаки колебанія, стыда или скрытности въ самой Эленъ, то дѣло бы ея, несомнѣнно, было проиграно; но не только не было этихъ признаковъ скрытности и стыда, но, напротивъ, она съ простотою и добродушною наивностью разсказывала своимъ близкимъ друзьямъ (а это былъ весь Петербургъ), что ей сдѣлали предложеніе и принцъ и вельможа, и что она любитъ обоихъ и боится огорчить того и другого.

По Петербургу мгновенно распространился слухъ не о томъ, что Эленъ хочетъ развестись съ своимъ мужемъ (ежели бы распространился этотъ слухъ, очень многіе возстали бы противъ такого незаконнаго намѣренія), но прямо распространился слухъ о томъ, что несчастная, интересная Эленъ находится въ недоумѣньи о томъ, за кого изъ двухъ ей выйти

замужъ. Вопросъ уже не состоялъ въ томъ, въ какой степени это возможно, а только въ томъ, какая партія выгоднѣе, и какъ дворъ посмотритъ на это. Были дѣйствительно нѣкоторые закоснѣлые люди, не умѣвшіе подняться на высоту вопроса и видѣвшіе въ этомъ замыслѣ поруганіе таинства брака; но такихъ было мало, и они молчали, большинство же интересовалось вопросами о счастіи, которое постигло Элень, и какой выборъ лучше. О томъ же, хорошо ли или дурно выходить отъ живого мужа замужъ, не говорили, потому что вопросъ этотъ очевидно былъ уже рѣшенный для людей поумнѣе насъ съ вами (какъ говорили) и усомниться въ правильности рѣшенія вопроса значило рисковать выказать свою глупость и неумѣнье жить въ свѣтѣ.

Одна только Марья Дмитріевна Ахросимова, пріѣзжавшая въ это лѣто въ Петербургъ для свиданія съ однимъ изъ своихъ сыновей, позволила себѣ прямо выразить свое противное общественному мнѣніе. Встрѣтивъ Элень на балѣ, Марья Дмитріевна остановила ее посрединѣ залы и, при общемъ молчаніи, своимъ грубымъ голосомъ сказала ей:

— У васъ тутъ отъ живого мужа замужъ выходить стали. Ты, можетъ, думаешь, что ты это новенькое выдумала? Упредили, матушка. Ужъ давно выдумано. Во всѣхъ... такъ-то дѣлаютъ.—И съ этими словами Марья Дмитріевна съ привычнымъ, грознымъ жестомъ, засучивая свои широкіе рукава и строго оглядываясь, прошла черезъ комнату.

На Марью Дмитріевну, хотя и боялись ея, смотрѣли въ Петербургѣ какъ на шутиху, и потому изъ словъ, сказанныхъ ею, замѣтили только грубое слово и шопотомъ повторяли его другъ другу, предполагая, что въ этомъ словѣ заключалась вся соль сказаннаго.

Князь Василій, послѣднее время особенно часто забывавшій то, что̀ онъ говорилъ, и повторявшій по сотнѣ разъ одно и то же, говорилъ всякій разъ, когда ему случалось видѣть свою дочь:

— Эленъ, мнѣ надо тебѣ кое-что сказать,—говорилъ онъ ей, отводя ее въ сторону и дергая внизъ за руку.—Я прослышалъ о нѣкоторыхъ видахъ относительно... ты знаешь. Ну, такъ, милое дитя мое, ты знаешь, что сердце отца твоего радуется тому, что ты... Ты столько терпѣла... Но, милое дитя... Поступай, какъ велитъ тебѣ сердце. Вотъ весь мой совѣтъ.—И, скрывая всегда одинаковое волненіе, онъ прижималъ свою щеку къ щекѣ дочери и отходилъ.

Билибинъ, не утратившій репутаціи умнѣйшаго человѣка и бывшій безкорыстнымъ другомъ Эленъ,—однимъ изъ тѣхъ друзей, которые бываютъ всегда у блестящихъ женщинъ, друзей-мужчинъ, никогда не могущихъ перейти въ роль влюбленныхъ, Билибинъ однажды въ „маленькомъ интимномъ кружкѣ“ высказалъ своему другу Эленъ взглядъ свой на все это дѣло.

— Послушайте, Билибинъ (Эленъ такихъ друзей, какъ Билибинъ, всегда называла по фамиліи),—и она дотронулась своею бѣлою въ кольцахъ рукой до рукава его фрака,—скажите мнѣ, какъ бы сказали вы сестрѣ, что̀ мнѣ дѣлать? Котораго изъ двухъ?

Билибинъ собралъ кожу надъ бровями и съ улыбкой на губахъ задумался.

— Вы меня не захватите врасплохъ, вы знаете,—сказалъ онъ,—какъ истинный другъ, я долго обдумывалъ ваше дѣло. Вотъ видите: если выйти за принца (это былъ молодой человѣкъ),—онъ загнулъ палецъ,—то вы навсегда лишаетесь

возможности быть женою другого, и вдобавокъ дворъ будетъ недоволенъ. (Вы знаете, вѣдь тутъ замѣшано родство.) А если выйти за стараго графа, то вы составите счастіе послѣднихъ дней его, и потомъ, какъ вдова вельможи... принцъ уже не дѣлаетъ неравнаго брака, женясь на вдовѣ вельможи...—и Билибинъ распустилъ кожу.

— Вотъ истинный другъ! — сказала просіявшая Эленъ, еще разъ дотрогиваясь рукой до рукава Билибина.—Но вѣдь я люблю того и другого, и не хотѣла бы огорчать никого. Для счастія обоихъ я готова бы пожертвовать жизнью, — сказала она.

Билибинъ пожалъ плечами, выражая, что такому горю даже и онъ пособить уже не можетъ.

„Молодецъ-женщина! Вотъ что называется ребромъ поставить вопросъ. Она хотѣла бы быть женою всѣхъ троихъ въ одно и то же время“, подумалъ Билибинъ.

— Но скажите, какъ мужъ вашъ посмотритъ на это дѣло?—сказалъ онъ, вслѣдствіе твердости своей репутаціи не боясь уронить себя такимъ наивнымъ вопросомъ. — Согласится ли онъ?

— Ахъ, онъ меня такъ любитъ!—сказала Эленъ, которой почему-то казалось, что Пьеръ тоже ее любилъ. — Онъ на все для меня готовъ.

Билибинъ подобралъ кожу, чтобъ обозначить готовящійся mot.

— Даже и на разводъ,—сказалъ онъ. Эленъ засмѣялась.

Въ числѣ людей, которые позволяли себѣ сомнѣваться въ законности предпринимаемаго брака, была мать Эленъ, княгиня Курагина. Она постоянно мучилась завистью къ своей дочери, и теперь, когда предметъ зависти былъ самый близкій

сердцу княгини, она не могла примириться съ этою мыслью. Она совѣтовалась съ русскимъ священникомъ о томъ, въ какой мѣрѣ возможенъ разводъ и вступленіе въ бракъ при живомъ мужѣ, и священникъ сказалъ ей, что это невозможно, и, къ радости ея, указалъ ей на евангельскій текстъ, въ которомъ (священнику казалось) прямо отвергается возможность вступленія въ бракъ отъ живого мужа.

Вооруженная этими аргументами, казавшимися ей неопровержимыми, княгиня рано утромъ, чтобы застать ее одну, поѣхала къ своей дочери.

Выслушавъ возраженія своей матери, Эленъ кротко и насмѣшливо улыбнулась.

— Да вѣдь прямо сказано: кто женится на разводной женѣ...—сказала старая княгиня.

— Ахъ, маменька, не говорите глупостей. Вы ничего не понимаете. Въ моемъ положеніи есть обязанности,—заговорила Эленъ, переводя разговоръ на французскій съ русскаго языка, на которомъ ей всегда казалась какая-то неясность въ ея дѣлѣ.

— Но, мой другъ...

— Ахъ, маменька, какъ вы не понимаете, что святой отецъ, имѣющій власть отпущеній...

Въ это время дама-компаньонка, жившая у Эленъ, вошла къ ней доложить, что его высочество въ залѣ и желаетъ ее видѣть.

— Нѣтъ, скажите ему, что я не хочу его видѣть, что онъ меня взбѣсилъ, потому что не сдержалъ слова.

— Графиня, на всякій грѣхъ есть прощеніе! — сказалъ входя молодой бѣлокурый человѣкъ съ длиннымъ лицомъ и носомъ.

Старая княгиня почтительно встала и присѣла. Вошедшій молодой человѣкъ не обратилъ на нее вниманія. Княгиня кивнула головой дочери и поплыла къ двери.

„Нѣтъ, она права“, думала старая княгиня, всѣ убѣжденія которой разрушились предъ появленіемъ его высочества. „Она права; но какъ это мы въ нашу невозвратную молодость не знали этого? А это такъ было просто“, думала, садясь въ карету, старая княгиня.

Въ началѣ августа дѣло Элень совершенно опредѣлилось, и она написала своему мужу (который ее очень любилъ, какъ она думала) письмо, въ которомъ извѣщала его о своемъ намѣреніи выйти замужъ за NN, и о томъ, что она вступила въ единую истинную религію, и что она проситъ его исполнить всѣ тѣ необходимыя для развода формальности, о которыхъ передастъ ему податель сего письма.

„Затѣмъ молю Бога, да будете вы, мой другъ, подъ святымъ и сильнымъ Его покровомъ. Другъ вашъ Элень“.

Это письмо было привезено въ домъ Пьера въ то время, какъ онъ находился на Бородинскомъ полѣ.

VIII.

Во второй разъ, уже въ концѣ Бородинскаго сраженія, сбѣжавъ съ батареи Раевскаго, Пьеръ съ толпами солдатъ направился по оврагу къ Князькову, дошелъ до перевязочнаго пункта и, увидавъ кровь и услыхавъ крики и стоны, поспѣшно пошелъ дальше, замѣшавшись въ толпы солдатъ.

Одно, чего желалъ теперь Пьеръ всѣми силами своей души, было то, чтобы выйти поскорѣе изъ тѣхъ страшныхъ впечатлѣній, въ которыхъ онъ жилъ этотъ день, вернуться

къ обычнымъ условіямъ жизни и заснуть спокойно въ комнатѣ на своей постели. Только въ обычныхъ условіяхъ жизни онъ чувствовалъ, что будетъ въ состояніи понять самого себя и все то, что̀ онъ видѣлъ и испыталъ. Но этихъ обычныхъ условій жизни нигдѣ не было.

Хотя ядра и пули не свистали здѣсь по дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ, но со всѣхъ сторонъ было то же, что̀ было тамъ на полѣ сраженія. Тѣ же были страдающія, измученныя и иногда странно-равнодушныя лица, та же кровь, тѣ же солдатскія шинели, тѣ же звуки стрѣльбы, хотя и отдаленной, но все еще наводящей ужасъ; кромѣ того, была духота и пыль.

Пройдя версты три по большой Можайской дорогѣ, Пьеръ сѣлъ на краю ея.

Сумерки спустились на землю, и гулъ орудій затихъ. Пьеръ, облокотившись на руку, легъ и лежалъ такъ долго, глядя на продвигавшіяся мимо него въ темнотѣ тѣни. Безпрестанно ему казалось, что съ страшнымъ свистомъ налетало на него ядро; онъ вздрагивалъ и приподнимался. Онъ не помнилъ, сколько времени онъ пробылъ тутъ. Въ серединѣ ночи трое солдатъ, притащивъ сучьевъ, помѣстились подлѣ него и стали разводить огонь.

Солдаты, покосившись на Пьера, развели огонь, поставили на него котелокъ, накрошили въ него сухарей и положили сала. Пріятный запахъ съѣстного и жирнаго яства слился съ запахомъ дыма. Пьеръ приподнялся и вздохнулъ. Солдаты (ихъ было трое) ѣли, не обращая вниманія на Пьера, и разговаривали между собой.

— Да ты изъ какихъ будешь?—вдругъ обратился къ Пьеру одинъ изъ солдатъ, очевидно подъ этимъ вопросомъ подра-

зумѣвая то, чтò и думалъ Пьеръ, именно: ежели ты ѣсть хочешь, мы дадимъ, только скажи, честный ли ты человѣкъ.

— Я? я?...—сказалъ Пьеръ, чувствуя необходимость умалить какъ можно свое общественное положеніе, съ тѣмъ чтобы быть ближе и понятливѣе для солдатъ.—Я по настоящему ополченный офицеръ, только моей дружины тутъ нѣтъ; я пріѣзжалъ на сраженіе и потерялъ своихъ.

— Вишь ты!—сказалъ одинъ изъ солдатъ.

Другой солдатъ покачалъ головой.

— Чтò жъ, поѣшь, коли хочешь, кавардачку! — сказалъ первый и подалъ Пьеру, облизавъ ее, деревянную ложку.

Пьеръ подсѣлъ къ огню и сталъ ѣсть кавардачокъ, то кушанье, которое было въ котелкѣ и которое ему казалось самымъ вкуснымъ изъ всѣхъ кушаній, которыя онъ когдалибо ѣлъ. Въ то время какъ онъ жадно, нагнувшись надъ котелкомъ, забирая большія ложки, пережевывалъ одну за другою, и лицо его было видно въ свѣтѣ огня, солдаты молча смотрѣли на него.

— Тебѣ куды надо-то? Ты скажи!—спросилъ опять одинъ изъ нихъ.

— Мнѣ въ Можайскъ.

— Ты, стало, баринъ?

— Да.

— А какъ звать?

— Петръ Кирилловичъ.

— Ну, Петръ Кирилловичъ, пойдемъ, мы тебя отведемъ. Въ совершенной темнотѣ солдаты вмѣстѣ съ Пьеромъ пошли къ Можайску.

Уже пѣтухи пѣли, когда они дошли до Можайска, и стали подниматься на крутую городскую гору. Пьеръ шелъ вмѣстѣ

съ солдатами, совершенно забывъ, что его постоялый дворъ былъ внизу подъ горою и что онъ уже прошелъ его. Онъ бы не вспомнилъ этого (въ такомъ онъ находился состояніи потерянности), ежели бы съ нимъ не столкнулся на половинѣ горы его берейторъ, ходившій его отыскивать по городу и возвращавшійся назадъ къ своему постоялому двору. Берейторъ узналъ Пьера по его шляпѣ, бѣлѣвшей въ темнотѣ.

— Ваше сіятельство,—проговорилъ онъ,—а ужъ мы отчаялись. Чтò жъ вы пѣшкомъ? Куда же вы, пожалуйте!

— Ахъ, да,—сказалъ Пьеръ.

Солдаты пріостановились.

— Ну что, нашелъ своихъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ну, прощавай! Петръ Кирилловичъ, кажись? Прощавай, Петръ Кирилловичъ!—сказали другіе голоса.

— Прощайте, — сказалъ Пьеръ и направился съ своимъ берейторомъ къ постоялому двору.

„Надо дать имъ!“ подумалъ Пьеръ, взявшись за карманъ. „Нѣтъ, не надо“, сказалъ ему какой-то голосъ.

Въ горницахъ постоялаго двора не было мѣста: всѣ были заняты. Пьеръ прошелъ на дворъ и, укрывшись съ головой, легъ въ свою коляску.

IX.

Едва Пьеръ прилегъ головой на подушку, какъ онъ почувствовалъ, что засыпаетъ; но вдругъ съ ясностью почти дѣйствительности послышались бумъ-бумъ-бумъ выстрѣловъ, послышались стоны, крики, шлепанье снарядовъ, запахло кровью и порохомъ, и чувство ужаса, страха смерти охватило его. Онъ испуганно открылъ глаза и поднялъ голову изъ-подъ шинели. Все было тихо на дворѣ. Только въ воро-

тахъ, разговаривая съ дворникомъ и шлепая по грязи, шелъ какой-то деньщикъ. Надъ головой Пьера, подъ темною изнанкою тесоваго навѣса, встрепенулись голубки отъ движенія, которое онъ сдѣлалъ, приподнимаясь. По всему двору былъ разлитъ тотъ мирный, радостный для Пьера въ эту минуту, крѣпкій запахъ постоялаго двора, запахъ сѣна, навоза и дегтя. Между двумя черными навѣсами виднѣлось чистое, звѣздное небо.

„Слава Богу, что этого нѣтъ больше", подумалъ Пьеръ, опять закрываясь съ головой. „О, какъ ужасенъ страхъ и какъ позорно я отдался ему! А они... *они* все время до конца были тверды, спокойны"... подумалъ онъ. *Они* въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были на батареѣ, и тѣ, которые кормили его, и тѣ, которые молились на икону. *Они*—эти странные, невѣдомые ему доселѣ люди, *они* ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ всѣхъ другихъ людей.

„Солдатомъ быть, просто солдатомъ!" думалъ Пьеръ засыпая. Войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что̀ дѣлаетъ ихъ такими. Но какъ скинуть съ себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внѣшняго человѣка? Одно время я могъ быть этимъ. Я могъ бѣжать отъ отца, какъ я хотѣлъ. Я могъ еще послѣ дуэли съ Долоховымъ быть посланъ солдатомъ". — И въ воображеніи Пьера мелькнулъ обѣдъ въ клубѣ, на которомъ онъ вызвалъ Долохова, и благодѣтель въ Торжкѣ. И вотъ Пьеру представляется торжественная столовая ложа. Ложа эта происходитъ въ Англійскомъ клубѣ. И кто-то знакомый, близкій, дорогой, сидитъ въ концѣ стола. Да, это онъ! Это благодѣтель. „Да, вѣдь онъ умеръ?" подумалъ Пьеръ. „Да, умеръ; но я не зналъ, что онъ живъ. И какъ мнѣ жаль, что онъ

умеръ, и какъ я радъ, что онъ живъ опять!“ Съ одной стороны стола сидѣли Анатоль, Долоховъ, Несвицкій, Денисовъ и другіе такіе же (категорія этихъ людей такъ же ясно была во снѣ опредѣлена въ душѣ Пьера, какъ и категорія тѣхъ людей, которыхъ онъ называлъ *они*), и эти люди, Анатоль, Долоховъ, громко кричали, пѣли; но изъ-за ихъ крика слышенъ былъ голосъ благодѣтеля, неумолкаемо говорившій, и звукъ его словъ былъ такъ же значителенъ и непрерывенъ, какъ гулъ поля сраженья, но онъ былъ пріятенъ и утѣшителенъ. Пьеръ не понималъ того, что̀ говорилъ благодѣтель, но онъ зналъ (категорія мыслей такъ же ясна была во снѣ), что благодѣтель говорилъ о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. И *они* со всѣхъ сторонъ, съ своими простыми, добрыми, твердыми лицами, окружали благодѣтеля. Но они хотя и были добры, они не смотрѣли на Пьера, не знали его. Пьеръ захотѣлъ обратить на себя ихъ вниманіе и сказать. Онъ привсталъ, но въ то же мгновеніе ноги его похолодѣли и обнажились.

Ему стало стыдно, и онъ рукой закрылъ свои ноги, съ которыхъ дѣйствительно свалилась шинель. На мгновеніе Пьеръ, поправляя шинель, открылъ глаза и увидалъ тѣ же навѣсы, столбы, дворъ, но все это было теперь синевато, свѣтло и подернуто блестками росы или мороза.

„Разсвѣтаетъ“, подумалъ Пьеръ. „Но это не то. Мнѣ надо дослушать и понять слова благодѣтеля“. Онъ опять укрылся шинелью, но ни столовой ложи, ни благодѣтеля уже не было. Были только мысли, ясно выражаемыя словами, мысли, которыя кто-то говорилъ или самъ передумывалъ Пьеръ.

Пьеръ, вспоминая потомъ эти мысли, несмотря на то, что онѣ были вызваны впечатлѣніями этого дня, былъ убѣжденъ,

что кто-то внѣ его говорилъ ихъ ему. Никогда, какъ ему казалось, онъ на яву не былъ въ состояніи такъ думать и выражать свои мысли.

„Наитруднѣйшее дѣло есть подчиненіе свободы человѣка закономъ Бога", говорилъ голосъ. „Простота есть покорность Богу; отъ Него не уйдешь. И *они* просты. *Они* не говорятъ, но дѣлаютъ. Сказанное слово серебряное, а не сказанное—золотое. Ничѣмъ не можетъ владѣть человѣкъ, пока онъ боится смерти. А кто не боится ея, тому принадлежитъ все. Ежели бы не было страданія, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самого. Самое трудное (продолжалъ во снѣ думать или слышать Пьеръ) состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть соединять въ душѣ своей значеніе всего. Все соединить?" сказалъ себѣ Пьеръ. „Нѣтъ, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* всѣ эти мысли, вотъ что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо*", съ внутреннимъ восторгомъ повторилъ себѣ Пьеръ, чувствуя, что этими именно и только этими словами выражается то, что онъ хочетъ выразить, и разрѣшается весь мучащій его вопросъ.

— Да, сопрягать надо, пора сопрягать.

— Запрягать надо, пора запрягать, ваше сіятельство! Ваше сіятельство,—повторилъ какой-то голосъ, — запрягать надо, пора запрягать...

Это былъ голосъ берейтора, будившаго Пьера. Солнце било прямо въ лицо Пьера. Онъ взглянулъ на грязный постоялый дворъ, въ серединѣ котораго у колодца солдаты поили худыхъ лошадей и съ котораго въ ворота выѣзжали подводы. Пьеръ съ отвращеніемъ отвернулся и, закрывъ глаза, поспѣшно повалился опять на сидѣнье коляски. „Нѣтъ, я не хочу этого, не хочу этого видѣть и понимать, я хочу понять

то, что̀ открывалось мнѣ во время сна. Еще одна секунда— и я все понялъ бы. Да, что̀ же мнѣ дѣлать? Сопрягать, но какъ сопрягать все?“ И Пьеръ съ ужасомъ почувствовалъ, что все значеніе того, что̀ онъ видѣлъ и думалъ во снѣ, было разрушено.

Берейторъ, кучеръ и дворникъ разсказывали Пьеру, что пріѣзжалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что французы подвинулись подъ Можайскъ, и что наши уходятъ.

Пьеръ всталъ и, велѣвъ закладывать и догонять себя, пошелъ пѣшкомъ чрезъ городъ.

Войска выходили и оставляли около десяти тысячъ раненыхъ. Раненые эти виднѣлись въ дворахъ и въ окнахъ домовъ и толпились на улицахъ. На улицахъ около телѣгъ, которыя должны были увозить раненыхъ, слышны были крики. ругательства и удары. Пьеръ отдалъ догнавшую его коляску знакомому раненому генералу и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ до Москвы. Дорогой Пьеръ узналъ про смерть своего шурина и про смерть князя Андрея.

X.

30-го числа Пьеръ вернулся въ Москву. Почти у заставы ему встрѣтился юдъютантъ графа Растопчина.

— А мы васъ вездѣ ищемъ,—сказалъ адъютантъ.—Графу васъ непремѣнно нужно видѣть. Онъ проситъ васъ сейчасъ же пріѣхать къ нему по очень важному дѣлу. Пьеръ, не заѣзжая домой, взялъ извозчика и поѣхалъ къ главнокомандующему.

Графъ Растопчинъ только въ это утро пріѣхалъ въ городъ съ своей загородной дачи въ Сокольникахъ. Прихожая и пріемная въ домѣ графа были полны чиновниковъ, явив-

шихся по требованію его или за приказаніями. Васильчиковъ и Платовъ уже видѣлись съ графомъ и объяснили ему, что защищать Москву невозможно и что она будетъ сдана. Извѣстія эти хотя и скрывались отъ жителей, но чиновники, начальники различныхъ управленій знали, что Москва будетъ въ рукахъ непріятеля, такъ же какъ зналъ это и графъ Растопчинъ; и всѣ они, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, пришли къ главнокомандующему съ вопросомъ, какъ имъ поступать съ ввѣренными имъ частями.

Въ то время, какъ Пьеръ входилъ въ пріемную, курьеръ, пріѣзжавшій изъ арміи, выходилъ отъ графа.

Курьеръ безнадежно махнулъ рукой на вопросы, съ которыми обратились къ нему, и прошелъ черезъ залу.

Дожидаясь въ пріемной, Пьеръ усталыми глазами оглядывалъ различныхъ, старыхъ и молодыхъ, военныхъ и статскихъ, важныхъ и неважныхъ чиновниковъ, бывшихъ въ комнатѣ. Всѣ казались недовольными и безпокойными. Пьеръ подошелъ къ одной группѣ чиновниковъ, въ которой одинъ былъ его знакомый. Поздоровавшись съ Пьеромъ, они продолжали свой разговоръ.

— Какъ выслать да опять вернуть, бѣды не будетъ; а въ такомъ положеніи ни за что нельзя отвѣчать.

— Да вѣдь вотъ, онъ пишетъ,—говорилъ другой, указывая на печатную бумагу, которую онъ держалъ въ рукѣ.

— Это другое дѣло. Для народа это нужно, — сказалъ первый.

— Что это?—спросилъ Пьеръ.

— А вотъ новая афиша.—Пьеръ взялъ ее въ руки и сталъ читать:

„Свѣтлѣйшій князь, чтобы скорѣй соединиться съ войсками,

„которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на „крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. „Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ съ снарядами, и „свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови „защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, „братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста за„крыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ зло„дѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ, надобно „молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ. Я кличъ кликну „дня за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ то„поромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-трой„чатки: французъ не тяжеле снопа ржаного. Завтра, послѣ „обѣда, я поднимаю Иверскую въ Екатерииенскую гошпи„таль, къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ: они скорѣе выздо„ровѣютъ; и я теперь здоровъ: у меня болѣлъ глазъ, а те„перь смотрю въ оба".

— А мнѣ говорили военные люди,—сказалъ Пьеръ,—что въ городѣ никакъ нельзя сражаться и что позиція...

— Ну да, про то-то мы и говоримъ,—сказалъ первый чиновникъ.

— А что̀ это значитъ: у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба?—сказалъ Пьеръ.

— У графа былъ ячмень,—сказалъ адъютантъ улыбаясь,— и онъ очень безпокоился, когда я ему сказалъ, что приходилъ народъ спрашивать, что̀ съ нимъ.—А что, графъ?—сказалъ вдругъ адъютантъ, съ улыбкой обращаясь къ Пьеру:— мы слышали, что у васъ семейныя тревоги, что будто графиня, ваша супруга...

— Я ничего не слыхалъ,—равнодушно сказалъ Пьеръ.— А что̀ вы слышали?

— Нѣтъ, знаете, вѣдь часто выдумываютъ. Я говорю, что̀ слышалъ.

— Что̀ же вы слышали?

— Да говорятъ,—опять съ тою же улыбкой сказалъ адъютантъ,—что графиня, ваша жена, собирается за границу. Вѣроятно вздоръ...

— Можетъ-быть,—сказалъ Пьеръ, разсѣянно оглядываясь вокругъ себя.—А это кто?—спросилъ онъ, указывая на невысокаго стараго человѣка въ чистой, синей чуйкѣ, съ бѣлою, какъ снѣгъ, большою бородой, такими же бровями и румянымъ лицомъ.

— Это? Это купецъ одинъ, т.-е. онъ трактирщикъ Верещагинъ. Вы слышали, можетъ-быть, эту исторію, о прокламаціи.

— Ахъ, такъ это Верещагинъ!—сказалъ Пьеръ, вглядываясь въ твердое и спокойное лицо стараго купца и отыскивая въ немъ выраженіе измѣнничества.

— Это не онъ самый. Это отецъ того, который написалъ прокламацію,— сказалъ адъютантъ.— Тотъ молодой сидитъ въ ямѣ, и ему, кажется, плохо будетъ.

Одинъ старичокъ въ звѣздѣ и другой чиновникъ-нѣмецъ, съ крестомъ на шеѣ, подошли къ разговаривающимъ.

— Видите ли,—разсказывалъ адъютантъ,—это запутанная исторія. Явилась тогда, мѣсяца два тому назадъ, эта прокламація. Графу донесли. Онъ приказалъ разслѣдовать. Вотъ Гаврило Иванычъ розыскивалъ, прокламація эта побывала ровно въ 63 рукахъ. Пріѣдемъ къ одному: вы отъ кого имѣете?— Отъ того-то. Онъ ѣдетъ къ тому: вы отъ кого? и т. д. добрались до Верещагина... недоученный купчикъ, знаете, купчикъ-голубчикъ,—улыбаясь сказалъ адъютантъ.—Спрашива-

ютъ у него: ты отъ кого имѣешь? И главное, что мы знаемъ, отъ кого онъ имѣетъ. Ему больше не отъ кого имѣть, какъ отъ почтдиректора. Но ужъ видно тамъ между ними стачка была. Говоритъ: ни отъ кого, я самъ сочинилъ. И грозили и просили, сталъ на томъ: самъ сочинилъ. Такъ и доложили. Графъ велѣлъ призвать его.—„Отъ кого у тебя прокламація?“ — „Самъ сочинилъ“. Ну, вы знаете графа! — съ гордою и веселою улыбкой сказалъ адъютантъ. — Онъ ужасно вспылилъ, да и подумайте: этакая наглость, ложь и упорство!..

— А! графу нужно было, чтобъ онъ указалъ на Ключарева, понимаю!—сказалъ Пьеръ.

— Совсѣмъ не нужно,—испуганно сказалъ адъютантъ.— За Ключаревымъ и безъ этого были грѣшки, за что онъ и сосланъ. Но дѣло въ томъ, что графъ очень былъ возмущенъ.—„Какъ же ты могъ сочинить?“—говоритъ графъ. Взялъ со стола Гамбургскую газету. „Вотъ она. Ты не сочинилъ, а перевелъ и перевелъ-то скверно, потому что ты и по-французски, дуракъ, не знаешь“. Что же вы думаете?—„Нѣтъ,— говоритъ,—я никакихъ газетъ не читалъ, я сочинилъ“.— „А коли такъ, то ты измѣнникъ, и я тебя предамъ суду, и тебя повѣсятъ. Говори, отъ кого получилъ?“—„Я никакихъ газетъ не видалъ, а сочинилъ“. — Такъ и осталось. Графъ и отца призывалъ: стоитъ на своемъ. И отдали подъ судъ, и приговорили, кажется, къ каторжной работѣ. Теперь отецъ пришелъ просить за него. Но дрянной мальчишка! Знаете, этакой купеческій сынишка, франтикъ, соблазнитель, слушалъ гдѣ-то лекціи и ужъ думаетъ, что ему чортъ не братъ. Вѣдь это какой молодчикъ! У отца его трактиръ тутъ у Каменнаго моста, такъ въ трактирѣ, знаете, большой образъ Бога

Вседержителя и представленъ въ одной рукѣ скипетръ, въ другой держава; такъ онъ взялъ этотъ образъ домой на нѣсколько дней и что же сдѣлалъ! Нашелъ мерзавца-живописца...

XI.

Въ серединѣ этого новаго разсказа, Пьера позвали къ главнокомандующему.

Пьеръ вошелъ въ кабинетъ графа Растопчина. Растопчинъ, сморщившись, потиралъ лобъ и глаза рукой въ то время, какъ вошелъ Пьеръ. Невысокій человѣкъ говорилъ что-то и, какъ только вошелъ Пьеръ, замолчалъ и вышелъ.

— А, здравствуйте, воинъ великій!—сказалъ Растопчинъ, какъ только вышелъ этотъ человѣкъ. — Слышали про ваши достославные подвиги. Но не въ томъ дѣло. Между нами, мой милый, вы масонъ?—сказалъ графъ Растопчинъ строгимъ тономъ, какъ будто было что-то дурное въ этомъ, но что онъ намѣренъ былъ простить. Пьеръ молчалъ.—Мнѣ, любезнѣйшій, все хорошо извѣстно; но я знаю, что есть масоны и масоны, и надѣюсь, что вы не принадлежите къ тѣмъ, которые подъ видомъ спасенья рода человѣческаго хотятъ погубить Россію.

— Да, я масонъ,—отвѣчалъ Пьеръ.

— Ну, вотъ видите ли, мой милый. Вамъ, я думаю, не безызвѣстно, что господа Сперанскій и Магницкій отправлены куда слѣдуетъ; то же сдѣлано съ господиномъ Ключаревымъ, то же и съ другими, которые подъ видомъ сооруженія храма Соломона старались разрушить храмъ своего отечества. Вы можете понимать, что на это есть причины и что я не могъ бы сослать здѣшняго почтдиректора, ежели бы онъ не былъ

вредный человѣкъ. Теперь мнѣ извѣстно, что вы послали ему свой экипажъ для подъема изъ города и даже, что вы приняли отъ него бумаги для храненія. Я васъ люблю и не желаю вамъ зла, и какъ вы вдвое моложе меня, то я, какъ отецъ, совѣтую вамъ прекратить всякое сношеніе съ такого рода людьми и самому уѣзжать отсюда какъ можно скорѣе.

— Но въ чемъ же, графъ, вина Ключарева?— спросилъ Пьеръ.

— Это мое дѣло знать, и не ваше меня спрашивать!— вскрикнулъ Растопчинъ.

— Ежели его обвиняютъ въ томъ, что онъ распространялъ прокламаціи Наполеона, то вѣдь это не доказано,—сказалъ Пьеръ (не глядя на Растопчина), и Верещагина...

— Въ томъ-то и дѣло!—вдругъ нахмурившись, перебивая Пьера, еще громче прежняго вскрикнулъ Растопчинъ.—Верещагинъ измѣнникъ и предатель, который получитъ заслуженную казнь,—сказалъ Растопчинъ съ тѣмъ жаромъ злобы, съ которымъ говорятъ люди при воспоминаніи объ оскорбленіи.— Но я не призвалъ васъ для того, чтобъ обсуждать мои дѣла, а для того, чтобы дать вамъ совѣтъ или приказанье, ежели вы этого хотите. Прошу васъ прекратить сношенія съ такими господами, какъ Ключаревъ, и ѣхать отсюда. А я дурь выбью, въ комъ бы она ни была.—И вѣроятно спохватившись, что онъ какъ будто кричалъ на Безухова, который еще ни въ чемъ не былъ виноватъ, онъ прибавилъ, дружески взявъ за руку Пьера:—Мы наканунѣ общественнаго бѣдствія, и мнѣ некогда быть любезнымъ со всѣми, у которыхъ есть до меня дѣло. Голова иногда кругомъ идетъ. И такъ, любезнѣйшій, что вы предпринимаете, вы лично?

— Да ничего,—отвѣчалъ Пьеръ, все не поднимая глазъ и не измѣняя выраженія задумчиваго лица.

Графъ нахмурился.

— Я вамъ дамъ дружескій совѣтъ. Выбирайтесь скорѣе, вотъ что̀ я вамъ скажу. Блаженъ, кто умѣетъ слушаться. Прощайте, мой милый. Ахъ, да,—прокричалъ онъ ему изъ двери,—правда ли, что графиня попалась въ лапки святыхъ отцовъ общества Іисуса?

Пьеръ ничего не отвѣтилъ и, нахмуренный и сердитый, какимъ его никогда не видали, вышелъ отъ Растопчина.

Когда онъ пріѣхалъ домой, уже смеркалось. Человѣкъ восемь разныхъ людей побывало у него въ этотъ вечеръ. Секретарь комитета, полковникъ его баталіона, управляющій, дворецкій и разные просители. У всѣхъ были дѣла до Пьера, которыя онъ долженъ былъ разрѣшить. Пьеръ ничего не понималъ, не интересовался этими дѣлами и давалъ на всѣ вопросы только такіе отвѣты, которые бы освободили его отъ этихъ людей. Наконецъ, оставшись одинъ, онъ распечаталъ и прочелъ письмо жены.

„*Они* — солдаты на батареѣ, князь Андрей убитъ... старикъ... Простота есть покорность Богу. Страдать надо... значеніе всего... сопрягать надо... жена идетъ замужъ... Забыть и понять надо...“ И онъ, подойдя къ постели, не раздѣваясь, повалился на нее и тотчасъ же заснулъ.

Когда онъ проснулся на другой день утромъ, дворецкій пришелъ доложить, что отъ графа Растопчина пришелъ нарочно посланный полицейскій чиновникъ—узнать, уѣхалъ ли или уѣзжаетъ ли графъ Безухій.

Человѣкъ десять разныхъ людей, имѣющихъ дѣло до Пьера, ждали его въ гостиной. Пьеръ поспѣшно одѣлся и вмѣсто того, чтобъ итти къ тѣмъ, которые ожидали его, онъ пошелъ на заднее крыльцо и оттуда вышелъ въ ворота.

Съ тѣхъ поръ и до конца Московскаго разоренія, никто изъ домашнихъ Безуховыхъ, несмотря на всѣ поиски, не видалъ больше Пьера и не зналъ, гдѣ онъ находился.

XII.

Ростовы до 1-го сентября, т.-е. до кануна вступленія непріятеля въ Москву, оставались въ городѣ.

Послѣ поступленія Пети въ полкъ казаковъ Оболенскаго и отъѣзда его въ Бѣлую Церковь, гдѣ формировался этотъ полкъ, на графиню нашелъ страхъ. Мысль о томъ, что оба ея сына находятся на войнѣ, что оба они ушли изъ-подъ ея крыла, что нынче или завтра каждый изъ нихъ, а можетъ быть и оба вмѣстѣ, какъ три сына одной ея знакомой, могутъ быть убиты, въ первый разъ теперь въ это лѣто съ жестокою ясностью пришла ей въ голову. Она пыталась вытребовать къ себѣ Николая, хотѣла сама ѣхать къ Петѣ, опредѣлить его куда-нибудь въ Петербургѣ, но и то и другое оказывалось невозможнымъ. Петя не могъ быть возвращенъ иначе какъ вмѣстѣ съ полкомъ или посредствомъ перевода въ другой дѣйствующій полкъ. Николай находился гдѣ-то въ арміи и послѣ своего послѣдняго письма, въ которомъ подробно описывалъ свою встрѣчу съ княжной Марьей, не давалъ о себѣ слуха. Графиня не спала ночей и, когда засыпала, видѣла во снѣ убитыхъ сыновей. Послѣ многихъ совѣтовъ и переговоровъ, графъ придумалъ наконецъ средство для успокоенія графини. Онъ перевелъ Петю изъ полка

Оболенскаго въ полкъ Безухова, который формировался подъ Москвою. Хотя Петя и оставался въ военной службѣ, но при этомъ переводѣ графиня имѣла утѣшеніе видѣть хотя одного сына у себя подъ крылышкомъ и надѣялась устроить своего Петю такъ, чтобы больше не выпускать его и записывать всегда въ такія мѣста службы, гдѣ бы онъ никакъ не могъ попасть въ сраженіе. Пока одинъ Николай былъ въ опасности, графинѣ казалось (и она даже каялась въ этомъ), что она любитъ старшаго больше всѣхъ остальныхъ дѣтей; но когда меньшой, шалунъ, дурно учившійся, все ломавшій въ домѣ и всѣмъ надоѣвшій Петя, этотъ курносый Петя, съ своими веселыми черными глазами, свѣжимъ румянцемъ и чуть пробивающимся пушкомъ на щекахъ, попалъ туда, къ этимъ большимъ, страшнымъ, жестокимъ мужчинамъ, которые тамъ *что-то* сражаются и что-то въ этомъ находятъ радостнаго: тогда матери показалось, что его-то она любила больше, гораздо больше всѣхъ своихъ дѣтей. Чѣмъ ближе подходило то время, когда долженъ былъ вернуться въ Москву ожидаемый Петя, тѣмъ болѣе увеличивалось безпокойство графини. Она думала уже, что никогда не дождется этого счастія. Присутствіе не только Сони, но и любимой Наташи, даже мужа, раздражало графиню. „Что̀ мнѣ за дѣло до нихъ, мнѣ никого не нужно, кромѣ Пети!“ думала она.

Въ послѣднихъ числахъ августа Ростовы получили второе письмо отъ Николая. Онъ писалъ изъ Воронежской губерніи, куда онъ былъ посланъ за лошадьми. Письмо это не успокоило графиню. Зная одного сына внѣ опасности, она еще сильнѣе стала тревожиться за Петю.

Несмотря на то, что уже съ 20-го числа августа почти всѣ знакомые Ростовыхъ повыѣхали изъ Москвы, несмотря

на то, что всѣ уговаривали графиню уѣзжать какъ можно скорѣе, она ничего не хотѣла слышать объ отъѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не вернется ея сокровище, обожаемый Петя. 28-го августа пріѣхалъ Петя. Болѣзненно-страстная нѣжность, съ которою мать встрѣтила его, не понравилась шестнадцатилѣтнему офицеру. Несмотря на то, что мать скрыла отъ него свое намѣренье не выпускать его теперь изъ-подъ своего крылышка, Петя понялъ ея замыслы, и инстинктивно боясь того, чтобы съ матерью не разнѣжничаться, не обабиться (такъ онъ думалъ самъ съ собой), онъ холодно обошелся съ нею, избѣгалъ ея, и во время своего пребыванія въ Москвѣ, исключительно держался общества Наташи, къ которой всегда имѣлъ особенную, почти влюбленную, братскую нѣжность.

По обычной безпечности графа, 28-го августа ничто еще не было готово для отъѣзда, и ожидаемыя изъ Рязанской и Московской деревень подводы для подъема изъ дома всего имущества пришли только 30-го.

Съ 28-го по 31-е августа вся Москва была въ хлопотахъ и движеніи. Каждый день въ Дорогомиловскую заставу ввозили и развозили въ Москвѣ тысячи раненыхъ въ Бородинскомъ сраженіи, и тысячи подводъ, съ жителями и имуществомъ, выѣзжали въ другія заставы. Несмотря на афишки Растопчина, или независимо отъ нихъ, или вслѣдствіе ихъ, самыя противорѣчащія и странныя новости передавались по городу. Кто говорилъ о томъ, что не велѣно никому выѣзжать; кто, напротивъ, разсказывалъ, что подняли всѣ иконы изъ церквей и что всѣхъ высылаютъ насильно; кто говорилъ, что было еще сраженіе послѣ Бородинскаго, въ которомъ разбиты французы; кто говорилъ напротивъ, что все русское войско уничтожено; кто говорилъ о Московскомъ ополченіи,

которое пойдетъ, съ духовенствомъ впереди, на Три Горы; то потихоньку разсказывалъ, что Августину не велѣно выѣзжать, что пойманы измѣнники, что мужики бунтуютъ и грабятъ тѣхъ, кто выѣзжаетъ, и т. п. и т. п. Но это только говорили, а въ сущности и тѣ, которые ѣхали, и тѣ, которые оставались (несмотря на то, что еще не было совѣта въ Филяхъ, на которомъ рѣшено было оставить Москву)— всѣ чувствовали, хотя и не выказывали этого, что Москва непремѣнно будетъ сдана и что надо какъ можно скорѣе убираться самимъ и спасать свое имущество. Чувствовалось, что все вдругъ должно разорваться и измѣниться, но до 1-го числа ничто еще не измѣнялось. Какъ преступникъ, котораго ведутъ на казнь, знаетъ, что вотъ-вотъ онъ долженъ погибнуть, но все еще приглядывается вокругъ себя и поправляетъ дурно надѣтую шапку, такъ и Москва невольно продолжала свою обычную жизнь, хотя знала, что близко то время погибели, когда разорвутся всѣ тѣ условныя отношенія жизни, которымъ привыкли покоряться.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней, предшествовавшихъ плѣненію Москвы, все семейство Ростовыхъ находилось въ различныхъ житейскихъ хлопотахъ. Глава семейства, графъ Илья Андреевичъ, безпрестанно ѣздилъ по городу, собирая со всѣхъ сторонъ ходившіе слухи, и дома дѣлалъ общія поверхностныя и торопливыя распоряженія о приготовленіяхъ къ отъѣзду.

Графиня слѣдила за уборкой вещей, всѣмъ была недовольна и ходила за безпрестанно убѣгавшимъ отъ нея Петей, ревнуя его къ Наташѣ, съ которою онъ проводилъ все время. Соня одна распоряжалась практической стороной дѣла: укладываньемъ вещей. Но Соня была особенно грустна и молча-

лива все это послѣднее время. Письмо Николая, въ которомъ онъ упоминалъ о княжнѣ Марьѣ, вызвало въ ея присутствіи радостныя разсужденія графини о томъ, какъ во встрѣчѣ княжны Марьи съ Николаемъ она видѣла Промыслъ Божій.

— Я никогда не радовалась тогда, — сказала графиня, когда Болконскій былъ женихомъ Наташи, а я всегда желала, и у меня есть предчувствіе, что Николенька женится на княжнѣ. И какъ бы это хорошо было!

Соня чувствовала, что это было правда, что единственная возможность поправленія дѣлъ Ростовыхъ была женитьба на богатой, и что княжна была хорошая партія. Но ей было это очень горько. Несмотря на свое горе, или можетъ быть именно вслѣдствіе своего горя, она на себя взяла всѣ трудныя заботы распоряжений объ уборкѣ и укладкѣ вещей, и цѣлые дни была занята. Графъ и графиня обращались къ ней, когда имъ что-нибудь нужно было приказывать. Петя и Наташа, напротивъ, не только не помогали родителямъ, но большею частью всѣмъ въ домѣ надоѣдали и мѣшали. И цѣлый день почти слышны были въ домѣ ихъ бѣготня, крики и безпричинный хохотъ. Они смѣялись и радовались вовсе не оттого, что была причина ихъ смѣху; но имъ на душѣ было радостно и весело, и потому все, что ни случалось, было для нихъ причиной радости и смѣха. Петѣ было весело отъ того, что, уѣхавъ изъ дома мальчикомъ, онъ вернулся (какъ ему говорили всѣ) молодцомъ-мужчиной; весело было отъ того, что онъ дома, отъ того, что онъ изъ Бѣлой Церкви, гдѣ не скоро была надежда попасть въ сраженіе, попалъ въ Москву, гдѣ на-дняхъ будутъ драться, и главное, весело отъ того, что Наташа, настроенію духа которой онъ всегда покорялся, была весела. Наташа же была весела по-

тому, что она слишкомъ долго была грустна, и теперь ничто не напоминало ей причины ея грусти, и она была здорова. Еще она была весела потому, что былъ человѣкъ, который ею восхищался (восхищеніе другихъ была та мазь колесъ, которая была необходима для того, чтобъ ея машина совершенно свободно двигалась), и Петя восхищался ею. Главное же, веселы они были потому, что война была подъ Москвой, что будутъ сражаться у заставы, что раздаютъ оружіе, что всѣ бѣгутъ, уѣзжаютъ куда-то, что вообще происходитъ что то необычайное, что̀ всегда радостно для человѣка, въ особенности для молодого.

XIII.

31 го августа, въ субботу, въ домѣ Ростовыхъ все казалось перевернутымъ вверхъ дномъ. Всѣ двери были растворены, вся мебель вынесена или переставлена, зеркала, картины сняты. Въ комнатахъ стояли сундуки, валялось сѣно, оберточная бумага и веревки. Мужики и дворовые, выносившіе вещи, тяжелыми шагами ходили по паркету. На дворѣ тѣснились мужицкія телѣги, нѣкоторыя уже уложенныя верхомъ и увязанныя, нѣкоторыя еще пустыя.

Голоса и шаги огромной дворни и пріѣхавшихъ съ подводами мужиковъ звучали, перекликиваясь на дворѣ и въ домѣ. Графъ съ утра выѣхалъ куда-то. Графиня, у которой разболѣлась голова отъ суеты и шума, лежала въ новой диванной съ уксусными повязками на головѣ. Пети не было дома (онъ пошелъ къ товарищу, съ которымъ намѣревался изъ ополченцевъ перейти въ дѣйствующую армію). Соня присутствовала въ залѣ при укладкѣ хрусталя и фарфора. Наташа сидѣла въ своей разоренной комнатѣ на полу между разбро-

санными платьями, лентами, шарфами и, неподвижно глядя на полъ, держала въ рукахъ старое бальное платье, то самое (уже старое по модѣ) платье, въ которомъ она въ первый разъ была на петербургскомъ балѣ.

Наташѣ совѣстно было ничего не дѣлать въ домѣ тогда, какъ всѣ были такъ заняты, и она нѣсколько разъ съ утра еще пробовала приняться за дѣло, но душа ея не лежала къ этому дѣлу; а она не могла и не умѣла дѣлать что-нибудь не отъ всей души, не изо всѣхъ своихъ силъ. Она постояла надъ Соней при укладкѣ фарфора, хотѣла помочь, но тотчасъ бросила и пошла къ себѣ укладывать свои вещи. Сначала ее веселило то, что она раздавала свои платья и ленты горничнымъ, но потомъ, когда остальное все-таки надо было укладывать, ей это показалось скучнымъ.

— Дуняша, ты уложишь, голубушка? Да? Да?

И когда Дуняша охотно обѣщалась ей все сдѣлать, Наташа сѣла на полъ, взяла въ руки старое бальное платье и задумалась совсѣмъ не о томъ, что̀ бы должно было занимать ее теперь. Изъ задумчивости, въ которой находилась Наташа, вывелъ ее говоръ дѣвушекъ въ сосѣдней дѣвичьей и звуки ихъ поспѣшныхъ шаговъ изъ дѣвичьей на заднее крыльцо. Наташа встала и посмотрѣла въ окно. На улицѣ остановился огромный поѣздъ раненыхъ.

Дѣвушки, лакеи, ключница, няня, повара, кучера, форейторы, поваренки стояли у воротъ, глядя на раненыхъ.

Наташа, накинувъ бѣлый носовой платокъ на волосы и придерживая его обѣими руками за кончики, вышла на улицу.

Бывшая ключница, старушка Мавра Кузьминична, отдѣлилась отъ толпы, стоявшей у воротъ, и подойдя къ телѣгѣ, на которой была рогожная кибиточка, разговаривала

съ лежавшимъ въ этой телѣгѣ молодымъ, блѣднымъ офицеромъ. Наташа подвинулась на нѣсколько шаговъ и робко остановилась, продолжая придерживать свой платокъ и слушая то, чтò говорила ключница.

— Чтò жъ у васъ значитъ никого и нѣтъ въ Москвѣ?— говорила Мавра Кузьминична. — Вамъ бы покойнѣе гдѣ на квартирѣ... Вотъ бы хоть къ намъ. Господа уѣзжаютъ.

— Не знаю, позволятъ ли,—слабымъ голосомъ сказалъ офицеръ.—Вотъ начальникъ... спросите,—и онъ указалъ на толстаго маіора, который возвращался назадъ по улицѣ по ряду телѣгъ.

Наташа испуганными глазами заглянула въ лицо раненаго офицера и тотчасъ же пошла на встрѣчу майору.

— Можно раненымъ у насъ въ домѣ остановиться?—спросила она.

Майоръ съ улыбкой приложилъ руку къ козырьку.

— Кого вамъ угодно, мамзель?—сказалъ онъ, съуживая глаза и улыбаясь.

Наташа спокойно повторила свой вопросъ, и лицо и вся манера ея, несмотря на то, что она продолжала держать свой платокъ за кончики, были такъ серьезны, что майоръ пересталъ улыбаться, и, сначала задумавшись, какъ бы спрашивая себя въ какой степени это можно, отвѣтилъ ей утвердительно.

— О да, отчего жъ, можно,—сказалъ онъ.

Наташа слегка наклонила голову и быстрыми шагами вернулась къ Маврѣ Кузьминичнѣ, стоявшей надъ офицеромъ и съ жалобнымъ участіемъ разговаривавшей съ нимъ.

— Можно, онъ сказалъ, можно!—шопотомъ сказала Наташа.

Офицеръ въ кибиточкѣ завернулъ во дворъ Ростовыхъ, и десятки телѣгъ съ ранеными стали, по приглашеніямъ городскихъ жителей, заворачивать въ дворы и подъѣзжать къ подъѣздамъ домовъ Поварской улицы. Наташѣ, видимо, понравились эти, внѣ обычныхъ условій жизни, отношенія съ новыми людьми. Она вмѣстѣ съ Маврой Кузьминичной старалась заворотить на свой дворъ какъ можно больше раненыхъ.

— Надо все-таки папашѣ доложить,—сказала Мавра Кузьминична.

— Ничего, ничего, развѣ не все равно! На одинъ день мы въ гостиную перейдемъ. Можно всю нашу половину имъ отдать.

— Ну, ужъ вы, барышня, придумаете! Да хоть и въ флигеля, въ холостую, къ нянюшкѣ, и то спросить надо.

— Ну, я спрошу.

Наташа побѣжала въ домъ и на цыпочкахъ вошла въ полуотворенную дверь диванной, изъ которой пахло уксусомъ и гофманскими каплями.

— Вы спите, мама?

— Ахъ, какой сонъ! — сказала, пробуждаясь, только-что задремавшая графиня.

— Мама, голубчикъ,—сказала Наташа, становясь на колѣни предъ матерью и близко приставляя свое лицо къ ея лицу. — Виновата, простите, никогда не буду, я васъ разбудила. Меня Мавра Кузьминична послала, тутъ раненыхъ привезли, офицеровъ, позволите? А имъ некуда дѣваться; я знаю, что вы позволите...—говорила она быстро, не переводя духа.

— Какіе офицеры? Кого привезли? ничего не понимаю,—сказала графиня.

Наташа засмѣялась, графиня тоже слабо улыбалась.

— Я знала, что вы позволите... такъ я такъ и скажу.— И Наташа, поцѣловавъ мать, встала и пошла къ двери.

Въ залѣ она встрѣтила отца, съ дурными извѣстіями возвратившагося домой.

— Досидѣлись мы!—съ невольною досадой сказалъ графъ:— и клубъ закрытъ, и полиція выходитъ.

— Папа, ничего, что я раненыхъ пригласила въ домъ?— сказала ему Наташа.

— Разумѣется, ничего,—разсѣянно сказалъ графъ.—Не въ томъ дѣло, а теперь прошу, чтобы пустяками не заниматься, а помогать укладывать и ѣхать, ѣхать завтра...— И графъ передалъ дворецкому и людямъ то же приказаніе. За обѣдомъ вернувшійся Петя разсказывалъ свои новости.

Онъ говорилъ, что нынче народъ разбиралъ оружіе въ Кремлѣ, что въ афишѣ Растопчина хотя и сказано, что онъ кличъ кликнетъ дня за два, но что уже сдѣлано распоряженіе навѣрное о томъ, чтобы завтра весь народъ шелъ на Три Горы съ оружіемъ, и что тамъ будетъ большое сраженіе.

Графиня съ робкимъ ужасомъ посматривала на веселое, разгоряченное лицо своего сына въ то время, какъ онъ говорилъ это. Она знала, что ежели она скажетъ слово о томъ, что она проситъ Петю не ходить на это сраженіе (она знала, что онъ радуется этому предстоящему сраженію), то онъ скажетъ что-нибудь о мужчинахъ, о чести, объ отечествѣ,— что-нибудь такое безсмысленное, мужское, упрямое, противъ чего нельзя возражать, и дѣло будетъ испорчено, и поэтому, надѣясь устроить такъ, чтобъ уѣхать до этого и взять съ собой Петю, какъ защитника и покровителя, она ничего не сказала

Петѣ, а послѣ обѣда призвала графа и со слезами умоляла его увезти ее скорѣе, въ эту же ночь, если возможно. Съ женскою, невольною хитростью любви, она, до сихъ поръ выказывавшая совершенное безстрашіе, говорила, что она умретъ отъ страха, ежели не уѣдутъ нынче ночью. Она, не притворяясь, боялась теперь всего.

XIV.

Мадамъ Шоссъ, ходившая къ своей дочери, еще болѣе увеличила страхъ графини разсказами о томъ, чтò она видѣла на Мясницкой улицѣ въ питейной конторѣ. Возвращаясь по улицѣ, она не могла пройти домой отъ пьяной толпы народа, бушевавшей у конторы. Она взяла извозчика и объѣхала переулкомъ домой, и извозчикъ разсказывалъ ей, что народъ разбивалъ бочки въ питейной конторѣ, что такъ велѣно.

Послѣ обѣда всѣ домашніе Ростовыхъ съ восторженною поспѣшностью принялись за дѣло укладки вещей и приготовленій къ отъѣзду. Старый графъ, вдругъ принявшись за дѣло, все послѣ обѣда не переставая ходилъ со двора въ домъ и обратно, безтолково крича на торопящихся людей и еще болѣе торопя ихъ. Петя распоряжался на дворѣ. Соня не знала, чтò дѣлать подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ приказаній графа, и совсѣмъ терялась. Люди, крича, споря и шумя, бѣгали по комнатамъ и двору. Наташа, съ свойственною ей во всемъ страстностью, вдругъ тоже принялась за дѣло. Сначала вмѣшательство ея въ дѣло укладыванія было встрѣчено съ недовѣріемъ. Отъ нея все ждали шутки и не хотѣли слушаться ея; но она съ упорствомъ и страстностью требовала себѣ покорности, сердилась, чуть не плакала, что ея не

слушаютъ и наконецъ добилась того, что въ нее повѣрили. Первый подвигъ ея, стоившій ей огромныхъ усилій и давшій ей власть, была укладка ковровъ. У графа въ домѣ были дорогіе гобелены и персидскіе ковры. Когда Наташа взялась за дѣло, въ залѣ стояли два ящика открытые: одинъ почти дòверху уложенный фарфоромъ, другой съ коврами. Фарфора было еще много наставлено на столахъ и еще все несли изъ кладовой. Надо было начинать новый, третій ящикъ, и за нимъ пошли люди.

— Соня, постой, да мы все такъ уложимъ, — сказала Наташа.

— Нельзя, барышня, ужъ пробовали,—сказалъ буфетчикъ.

— Нѣтъ, постой, пожалуйста.—И Наташа начала доставать изъ ящика завернутыя въ бумагу блюда и тарелки.

— Блюда надо сюда въ ковры,—сказала она.

— Да еще и ковры-то дай Богъ на три ящика разложить,— сказалъ буфетчикъ.

— Да постой, пожалуйста.—И Наташа быстро, ловко начала разбирать.—Это не надо, — говорила она про кіевскія тарелки;—это, да это въ ковры,—говорила она про саксонскія блюда.

— Да оставь, Наташа, ну полно, мы уложимъ,—съ упрекомъ говорила Соня.

— Эхъ, барышня! — говорилъ дворецкій. Но Наташа не сдалась, выкинула всѣ вещи и быстро начала опять укладывать, рѣшая, что плохіе домашніе ковры и лишнюю посуду не надо совсѣмъ брать. Когда все было вынуто, начали опять укладывать. И дѣйствительно, выкинувъ почти все дешевое, то, чтò не стоило брать съ собой, все цѣнное уложили въ два ящика. Не закрывалась только крышка ковернаго ящика.

Можно было вынуть немного вещей, но Наташа хотѣла настоять на своемъ. Она укладывала, перекладывала, нажимала, заставляла буфетчика и Петю, котораго она увлекла за собой въ дѣло укладыванья, нажимать крышку и сама дѣлала отчаянныя усилія.

— Да полно, Наташа,—говорила ей Соня.—Я вижу, ты права, да вынь одинъ верхній.

— Не хочу!—кричала Наташа, одною рукой придерживая распустившіеся волосы по потному лицу, другою надавливая ковры. — Да жми же, Петька, жми! Васильичъ, нажимай!— кричала она. Ковры нажались, и крышка закрылась. Наташа, хлопая въ ладоши, завизжала отъ радости, и слезы брызнули у ней изъ глазъ. Но это продолжалось секунду. Тотчасъ же она принялась за другое дѣло, и уже ей вполнѣ вѣрили, и графъ не сердился, когда ему говорили, что Наталья Ильинична отмѣнила его приказанье, и дворовые приходили къ Наташѣ спрашивать: увязывать или нѣтъ подводу, и довольно ли она наложена? Дѣло спорилось, благодаря распоряженіямъ Наташи: оставлялись ненужныя вещи и укладывались самымъ тѣснымъ образомъ самыя дорогія.

Но какъ ни хлопотали всѣ люди, къ поздней ночи еще не все могло быть уложено. Графиня заснула, и графъ, отложивъ отъѣздъ до утра, пошелъ спать.

Соня, Наташа спали не раздѣваясь въ диванной.

Въ эту ночь еще новаго раненаго провозили черезъ Поварскую, и Мавра Кузьминична, стоявшая у воротъ, заворотила его къ Ростовымъ. Раненый этотъ, по соображеніямъ Мавры Кузьминичны, былъ очень значительный человѣкъ. Его везли въ коляскѣ, совершенно закрытой фартукомъ и съ спущеннымъ верхомъ. На козлахъ вмѣстѣ съ извозчикомъ

сидѣлъ старикъ, почтенный камердинеръ. Сзади въ повозкѣ ѣхали докторъ и два солдата.

— Пожалуйте къ намъ, пожалуйте. Господа уѣзжаютъ, весь домъ пустой,—сказала старушка, обращаясь къ старому слугѣ.

— Да что,—отвѣчалъ камердинеръ, вздыхая,—и довезти не чаемъ! У насъ и свой домъ въ Москвѣ, да далеко. да и не живетъ никто.

— Къ намъ милости просимъ, у нашихъ господъ всего много, пожалуйте, — говорила Мавра Кузьминична.—А что, очень нездоровы?—прибавила она.

Камердинеръ махнулъ рукой.

— Не чаемъ довезти! У доктора спросить надо.—И камердинеръ сошелъ съ козелъ и подошелъ къ повозкѣ.

— Хорошо,—сказалъ докторъ.

Камердинеръ подошелъ опять къ коляскѣ, заглянулъ въ нее, покачалъ головой, велѣлъ кучеру заворачивать на дворъ и остановился подлѣ Мавры Кузьминичны.

— Господи Іисусе Христе!—проговорила она.

Мавра Кузьминична предлагала внести раненаго въ домъ.

— Господа ничего не скажутъ...—говорила она. Но надо было избѣжать подъема на лѣстницу, и потому раненаго внесли во флигель и положили въ бывшей комнатѣ мадамъ Шоссъ. Раненый этотъ былъ князь Андрей Болконскій.

XV.

Наступилъ послѣдній день Москвы. Была ясная, веселая осенняя погода. Было воскресенье. Какъ и въ обыкновенныя воскресенья, благовѣстили къ обѣднѣ во всѣхъ церквахъ. Никто, казалось, еще не могъ понять того, что ожидаетъ Москву.

Только два указателя состоянія общества выражали то положеніе, въ которомъ была Москва: чернь, т.-е. сословіе бѣдныхъ людей, и цѣны на предметы. Фабричные, дворовые и мужики огромною толпой, въ которую замѣшались чиновники, семинаристы, дворяне, въ этотъ день рано утромъ вышли на Три Горы. Постоявъ тамъ и не дождавшись Растопчина и убѣдившись въ томъ, что Москва будетъ сдана, эта толпа разсыпалась по Москвѣ, по питейнымъ домамъ и трактирамъ. Цѣны въ этотъ день тоже указывали на положеніе дѣлъ. Цѣны на оружіе, на золото, на телѣги и лошадей все шли возвышаясь, а цѣны на бумажки и на городскія вещи все шли уменьшаясь, такъ что въ серединѣ дня были случаи, что дорогіе товары, какъ сукна, извозчики вывозили изъ-полу, а за мужицкую лошадь платили 500 рублей, мебель же, зеркала, бронзы отдавали даромъ.

Въ степенномъ и старомъ домѣ Ростовыхъ распаденіе прежнихъ условій жизни выразилось очень слабо. Въ отношеніи людей было только то, что въ ночь пропало три человѣка изъ огромной дворни; но ничего не было украдено, и въ отношеніи цѣнъ вещей оказалось то, что 30 подводъ, пришедшія изъ деревень, были огромное богатство, которому многіе завидовали и за которыя Ростовымъ предлагали огромныя деньги. Мало того, что за эти подводы предлагали огромныя деньги, съ вечера и рано утромъ 1-го сентября на дворъ къ Ростовымъ приходили посланные деньщики и слуги отъ раненыхъ офицеровъ и притаскивались сами раненые, помѣщенные у Ростовыхъ и въ сосѣднихъ домахъ, и умоляли людей Ростовыхъ похлопотать о томъ, чтобъ имъ дали подводъ для выѣзда изъ Москвы. Дворецкій, къ которому обращались съ такими просьбами, хотя и жалѣлъ раненыхъ, рѣшительно

отказывалъ, говоря, что онъ даже и не посмѣетъ доложить о томъ графу. Какъ ни жалки были остающіеся раненые, было очевидно, что отдай одну подводу, не было причины не отдать другой, отдай всѣ — нужно отдать и свои экипажи. Тридцать подводъ не могли спасти всѣхъ раненыхъ, а въ общемъ бѣдствіи нельзя было не думать о себѣ и своей семьѣ. Такъ думалъ дворецкій за своего барина.

Проснувшись утромъ 1-го числа, графъ Илья Андреевичъ потихоньку вышелъ изъ спальни, чтобы не разбудить къ утру только что заснувшую графиню, и въ своемъ лиловомъ, шелковомъ халатѣ вышелъ на крыльцо. Подводы увязанныя стояли на дворѣ. У крыльца стояли экипажи. Дворецкій стоялъ у подъѣзда, разговаривая съ старикомъ-деньщикомъ и съ молодымъ, блѣднымъ офицеромъ съ подвязанною рукой. Дворецкій, увидавъ графа, сдѣлалъ офицеру и деньщику значительный и строгій знакъ, чтобъ они удалились.

— Ну что, все готово, Васильичъ?—сказалъ графъ, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и деньщика и кивая имъ головой. (Графъ любилъ новыя лица.)

— Хоть сейчасъ запрягать, ваше сіятельство.

— Ну и славно, вотъ графиня проснется, и съ Богомъ! Вы что господа? — обратился онъ къ офицеру.—У меня въ домѣ?—Офицеръ придвинулся ближе. Блѣдное лицо его вспыхнуло вдругъ яркою краской.

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ... ради Бога... гдѣ-нибудь пріютиться на вашихъ подводахъ. Здѣсь у меня ничего съ собой нѣтъ... Мнѣ на возу все равно...—Еще не успѣлъ договорить офицеръ, какъ деньщикъ съ тою же просьбой для своего господина обратился къ графу.

— Ахъ! да, да, да, — поспѣшно заговорилъ графъ. — Я

очень, очень радъ. Васильичъ, ты распоряись, ну, тамъ очистить одну или двѣ телѣги, ну, тамъ... что же... что нужно...—какими-то неопредѣленными выраженіями, что-то приказывая, сказалъ графъ. Но въ то же мгновеніе горячее выраженіе благодарности офицера уже закрѣпило то, что онъ приказывалъ. Графъ оглянулся вокругъ себя: на дворѣ, въ воротахъ, въ окнѣ флигеля виднѣлись раненые и деньщики. Всѣ они смотрѣли на графа и подвигались къ крыльцу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ галлерею: тамъ какъ прикажете насчетъ картинъ? — сказалъ дворецкій. И графъ вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ домъ, повторяя свое приказаніе о томъ, чтобы не отказывать раненымъ, которые просятся ѣхать.

— Ну, что же, можно сложить что-нибудь, — прибавилъ онъ тихимъ таинственнымъ голосомъ, какъ будто боясь, чтобы кто-нибудь его не услыхалъ.

Въ 9 часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимоѳеевна, бывшая ея горничная, исполнявшая въ отношеніи графини должность шефа жандармовъ, пришла доложить своей бывшей барышнѣ, что Марья Карловна очень обижены и что барышнинымъ лѣтнимъ платьямъ нельзя остаться здѣсь. На разспросы графини, почему мадамъ Шоссъ обижена, открылось, что ея сундукъ сняли съ подводы и всѣ подводы развязываютъ, добро снимаютъ и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ по своей простотѣ приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что̀ это, мой другъ, я слышу, вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, дружокъ, я вотъ что̀ хотѣлъ тебѣ сказать... графинюшка... ко мнѣ приходилъ офицеръ, просятъ, чтобы дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь это все дѣло наживное, а каково имъ оставаться, подумай!... Право, у насъ

на дворѣ, сами мы ихъ зазвали, офицеры тутъ есть... Знаешь, думаю, право, дружокъ мой, вотъ... пускай ихъ свезутъ... куда же торопиться?..—Графъ робко сказалъ это, какъ онъ всегда говорилъ, когда дѣло шло о деньгахъ. Графиня же привыкла уже къ этому тону, всегда предшествовавшему дѣлу, разорявшему дѣтей, какъ какая-нибудь постройка галлереи, оранжереи, устройство домашняго театра или музыки, и привыкла и долгомъ считала всегда противоборствовать тому, чтò выражалось этимъ робкимъ тономъ.

Она приняла свой покорно-плачевный видъ и сказала мужу:

— Послушай, графъ, ты довелъ до того, что за домъ ничего не даютъ, а теперь и все наше — *дѣтское* состояніе погубить хочешь. Вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на 100 тысячъ добра. Я, мой другъ, несогласна и несогласна. Воля твоя! На раненыхъ есть правительство. Они знаютъ. Посмотри, вонъ напротивъ, у Лопухиныхъ, еще третьяго дня все дочиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ. Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты.

— Папа, о чемъ вы это? — сказала ему Наташа, вслѣдъ за нимъ вошедшая въ комнату матери.

— Ни о чемъ! Тебѣ чтò за дѣло! — сердито проговорилъ графъ.

— Нѣтъ, я слышала,—сказала Наташа.—Отчего жъ маменька не хочетъ?

— Тебѣ чтò за дѣло!—крикнулъ графъ. Наташа отошла къ окну и задумалась.

— Папенька, Бергъ къ намъ пріѣхалъ, — сказала она, глядя въ окно.

XVI.

Бергъ, зять Ростовыхъ, былъ уже полковникъ съ Владиміромъ и Анной на шеѣ и занималъ все то же покойное и пріятное мѣсто помощника начальника штаба, помощника перваго отдѣленія начальника штаба втораго корпуса.

Онъ 1-го сентября пріѣхалъ изъ арміи въ Москву.

Ему въ Москвѣ нечего было дѣлать; но онъ замѣтилъ, что всѣ изъ арміи просились въ Москву, и что-то тамъ дѣлали. Онъ счелъ тоже нужнымъ отпроситься для домашнихъ и семейныхъ дѣлъ.

Бергъ, въ своихъ аккуратныхъ дрожечкахъ на парѣ сытыхъ саврасенькихъ, точно такихъ, какія были у одного князя, подъѣхалъ къ дому своего тестя. Онъ внимательно посмотрѣлъ во дворъ на подводы, и, входя на крыльцо, вынулъ чистый носовой платокъ и завязалъ узелъ.

Изъ передней Бергъ плывущимъ, нетерпѣливымъ шагомъ вбѣжалъ въ гостиную и, обнявъ графа, поцѣловалъ ручки у Наташи и Сони, и поспѣшно спросилъ о здоровьѣ мамаши.

— Какое теперь здоровье? Ну, разсказывай же, — сказалъ графъ,—что войска? Отступаютъ, или будетъ еще сраженіе?

— Одинъ предвѣчный Богъ, папаша,— сказалъ Бергъ,— можетъ рѣшить судьбы отечества. Армія горитъ духомъ геройства, и теперь вожди, такъ сказать, собрались на совѣщаніе. Что будетъ, неизвѣстно. Но я вамъ скажу вообще, папаша, такого геройскаго духа, истинно-древняго мужества россійскихъ войскъ, которое они—оно,—поправился онъ,— показали или выказали въ этой битвѣ 26-го числа, нѣтъ никакихъ словъ достойныхъ, чтобъ ихъ описать... Я вамъ

скажу, папаша (онъ ударилъ себя въ грудь такъ же, какъ ударялъ себя одинъ разсказывавшій при немъ генералъ, хотя нѣсколько поздно, потому что ударить себя въ грудь надо было при словѣ: „россійское войско“), — я вамъ скажу откровенно, что мы, начальники, не только не должны были подгонять солдатъ или что-нибудь такое, но мы насилу могли удерживать эти, эти... да, мужественные и древніе подвиги,— сказалъ онъ скороговоркой. — Генералъ Барклай-де-Толли жертвовалъ жизнью своею вездѣ впереди войска, я вамъ скажу. Нашъ же корпусъ былъ поставленъ на скатѣ горы. Можете себѣ представить! — И тутъ Бергъ разсказалъ все, что̀ онъ запомнилъ изъ разныхъ слышанныхъ за это время разсказовъ. Наташа, не спуская взгляда, который смущалъ Берга, какъ-будто отыскивая на его лицѣ рѣшеніе какого-то вопроса, смотрѣла на него.

— Такое геройство вообще, каковое выказали россійскіе воины, нельзя представить и достойно восхвалять! — сказалъ Бергъ, оглядываясь на Наташу и какъ бы желая ее задобрить, улыбаясь ей въ отвѣтъ на ея упорный взглядъ...— „Россія не въ Москвѣ, она въ сердцахъ ея сыновъ!“ Такъ, папаша? — сказалъ Бергъ. Въ это время изъ диванной, съ усталымъ и недовольнымъ видомъ, вышла графиня. Бергъ поспѣшно вскочилъ, поцѣловалъ ручку графини, освѣдомился о ея здоровьѣ, и, выражая свое сочувствіе покачиваніемъ головы, остановился подлѣ нея.

— Да, мамаша, я вамъ истинно скажу, тяжелыя и грустныя времена для всякаго русскаго. Но зачѣмъ же такъ безпокоиться? Вы еще успѣете уѣхать...

— Я не понимаю, что̀ дѣлаютъ люди,—сказала графиня, обращаясь къ мужу,—мнѣ сейчасъ сказали, что еще ничего

не готово. Вѣдь надо же кому-нибудь распорядиться. Вотъ и пожалѣешь о Митенькѣ. Это конца не будетъ.

Графъ хотѣлъ что-то сказать, но, видимо, воздержался. Онъ всталъ съ своего стула и пошелъ къ двери.

Бергъ въ это время какъ бы для того, чтобы высморкаться, досталъ платокъ и, глядя на узелокъ, задумался, грустно и значительно покачивая головой.

— А у меня къ вамъ, папаша, большая просьба, — сказалъ онъ.

— Гм?..— сказалъ графъ, останавливаясь.

— Ѣду я сейчасъ мимо Юсупова дома,— смѣясь сказалъ Бергъ.—Управляющій, мнѣ знакомый, выбѣжалъ и проситъ, не купите ли что-нибудь. Я зашелъ, знаете, изъ любопытства, и тамъ одна шифоньерочка и туалетъ. Вы знаете, какъ Вѣрушка этого желала и какъ мы спорили объ этомъ (Бергъ невольно перешелъ въ тонъ радости о своей благоустроенности, когда онъ началъ говорить про шифоньерку и туалетъ). И такая прелесть!—выдвигается, и съ аглицкимъ секретомъ, знаете? А Вѣрочкѣ давно хотѣлось. Такъ мнѣ хочется ей сюрпризъ сдѣлать. Я видѣлъ у васъ такъ много этихъ мужиковъ на дворѣ. Дайте мнѣ одного, пожалуйста, я ему хорошенько заплачу и...

Графъ сморщился и заперхалъ.

— У графини просите, а я не распоряжаюсь.

— Ежели затруднительно, пожалуйста не надо, — сказалъ Бергъ.—Мнѣ для Вѣрушки только очень бы хотѣлось.

— Ахъ, убирайтесь вы всѣ къ чорту, къ чорту, къ чорту и къ чорту!..—закричалъ старый графъ.— Голова кругомъ идетъ.—И онъ вышелъ изъ комнаты.

Графиня заплакала.

— Да, да, маменька, очень тяжелыя времена! — сказалъ Бергъ.

Наташа вышла вмѣстѣ съ отцомъ и, какъ будто съ трудомъ соображая что-то, сначала пошла за нимъ, а потомъ побѣжала внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все такъ же стояли заложенныя подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ влѣзалъ офицеръ, поддерживаемый деньщикомъ.

— Ты знаешь за что̀?—спросилъ Петя Наташу. (Наташа поняла, что Петя разумѣлъ, за что поссорились отецъ съ матерью). Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ, — сказалъ Петя. — Мнѣ Васильичъ сказалъ. По-моему...

— По моему,—вдругъ закричала почти Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ, — по моему это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю. Развѣ мы нѣмцы какіе-нибудь?.. Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабѣть и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

Бергъ сидѣлъ подлѣ графини и родственно-почтительно утѣшалъ ее. Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость! Это мерзость! — закричала она.— Это не можетъ быть, чтобы вы приказали.

Бергъ и графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣли на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя, посмотрите, чтò на дворѣ!—закричала она,—они остаются!..

— Чтò съ тобой? Кто они? Чтò тебѣ надо?

— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька; это ни на что не похоже... Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну чтò намъ то, что мы увеземъ, вы посмотрите только, чтò на дворѣ... Маменька!.. Это не можетъ быть!..

Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, увидала ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывался на нее, и съ растеряннымъ видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите! Развѣ я мѣшаю кому-нибудь?—сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка, простите меня.

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Другъ мой, ты распорядись какъ надо... Я вѣдь не знаю этого,—сказала она, виновато опуская глаза.

— Яйца... яйца курицу учатъ...—сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

— Папенька, маменька! Можно распорядиться?.. Можно?..—спрашивала Наташа.—Мы все-таки возьмемъ все самое нужное,—говорила Наташа.

Графъ утвердительно кивнулъ ей головой, и Наташа тѣмъ

быстрымъ бѣгомъ, которымъ она бѣгивала въ горѣлки, побѣжала по залѣ въ переднюю и по лѣстницѣ на дворъ.

Люди собрались около Наташи и до тѣхъ поръ не могли повѣрить тому странному приказанію, которое она передавала, пока самъ графъ именемъ своей жены не подтвердилъ приказанія о томъ, чтобъ отдавать всѣ подводы подъ раненыхъ, а сундуки сносить въ кладовыя. Понявъ приказаніе, люди съ радостью и хлопотливостью принялись за новое дѣло. Прислугѣ теперь это не только не казалось страннымъ, но, напротивъ, казалось, что это не могло быть иначе, точно такъ же, какъ за четверть часа предъ этимъ никому не только не казалось страннымъ, что оставляютъ раненыхъ, а берутъ вещи, но казалось, что не могло быть иначе.

Всѣ домашніе, какъ бы выплачивая за то, что они раньше не взялись за это, принялись съ хлопотливостью за новое дѣло размѣщенія раненыхъ. Раненые повыползли изъ своихъ комнатъ и съ радостными, блѣдными лицами окружили подводы. Въ сосѣднихъ домахъ тоже разнесся слухъ, что есть подводы, и на дворъ къ Ростовымъ стали приходить раненые изъ другихъ домовъ. Многіе изъ раненыхъ просили не снимать вещей и только посадить ихъ сверху. Но разъ начавшееся дѣло свалки вещей уже не могло остановиться. Было все равно—оставлять все или половину. На дворѣ лежали неубранные сундуки съ посудой, съ бронзой, съ картинами, зеркалами, которыя такъ старательно укладывали въ прошлую ночь, и все искали и находили возможность сложить то и то, и отдать еще и еще подводы.

— Четверыхъ еще можно взять, — говорилъ управляющій,—я свою повозку отдаю, а то куда же ихъ?

— Да отдайте мою гардеробную, — говорила графиня. — Дуняша со мной сядетъ въ карету.

Отдали еще и гардеробную повозку и отправили ее за ранеными черезъ два дома. Всѣ домашніе и прислуга были весело оживлены. Наташа находилась въ восторженно-счастливомъ оживленіи, котораго она давно не испытывала.

— Куда же его привязать?—говорили люди, прилаживая сундукъ къ узкой запяткѣ кареты,— надо хоть одну подводу оставить.

— Да съ чѣмъ онъ?—спрашивала Наташа.

— Съ книгами графскими.

— Оставьте. Васильичъ уберетъ. Это не нужно.

Въ бричкѣ все было полно людей; сомнѣвались о томъ, куда сядетъ Петръ Ильичъ.

— Онъ на козлы. Вѣдь ты на козлы, Петя? — кричала Наташа.

Соня не переставая хлопотала тоже; но цѣль хлопотъ ея была противоположна цѣли Наташи. Она убирала тѣ вещи, которыя должны были остаться, записывала ихъ, по желанію графини, и старалась захватить съ собой какъ можно больше.

XVII.

Во 2-мъ часу заложенные и уложенные четыре экипажа Ростовыхъ стояли у подъѣзда. Подводы съ ранеными, одна за другою, съѣзжали со двора.

Коляска, въ которой везли князя Андрея, проѣзжая мимо крыльца, обратила на себя вниманіе Сони, устраивавшей вмѣстѣ съ дѣвушкой сидѣнье для графини въ ея огромной высокой каретѣ, стоявшей у подъѣзда.

— Это чья же коляска?—спросила Соня, высунувшись въ окно кареты.

— А вы развѣ не знали, барышня?—отвѣчала горничная.— Князь раненый: онъ у насъ ночевалъ и тоже съ нами ѣдутъ.

— Да кто это? какъ фамилія?

— Самый нашъ женихъ бывшій. Князь Болконскій!—вздыхая отвѣчала горничная.—Говорятъ, при смерти.

Соня выскочила изъ кареты и побѣжала къ графинѣ. Графиня, уже одѣтая по-дорожному, въ шали и шляпѣ, усталая, ходила по гостиной, ожидая домашнихъ съ тѣмъ, чтобы посидѣть съ закрытыми дверями и помолиться предъ отъѣздомъ. Наташи не было въ комнатѣ.

— Маменька,—сказала Соня,—князь Андрей здѣсь, раненый при смерти. Онъ ѣдетъ съ нами.

Графиня испуганно открыла глаза и, схвативъ за руку Соню, оглянулась.

— Наташа?—проговорила она.

И для Сони и для графини извѣстіе это имѣло въ первую минуту только одно значеніе. Они знали свою Наташу, и ужасъ о томъ, что̀ будетъ съ нею при этомъ извѣстіи, заглушалъ для нихъ всякое сочувствіе къ человѣку, котораго онѣ обѣ любили.

— Наташа не знаетъ еще; но онъ ѣдетъ съ нами,—сказала Соня.

— Ты говоришь,—при смерти?

Соня кивнула головой.

Графиня обняла Соню и заплакала.

„Пути Господни неисповѣдимы!“ думала она, чувствуя, что во всемъ, что̀ дѣлалось теперь, начинала выступать скрывавшаяся прежде отъ взгляда людей Всемогущая Рука.

— Ну, мама, все готово. О чемъ вы?...—спросила съ оживленнымъ лицомъ Наташа, вбѣгая въ комнату.

— Ни о чемъ,—сказала графиня.—Готово, такъ поѣдемъ.— И графиня нагнулась къ своему ридикюлю, чтобы скрыть разстроенное лицо. Соня обняла Наташу и поцѣловала ее. Наташа вопросительно взглянула на нее.

— Что̀ ты? Что̀ такое случилось?

— Ничего... нѣтъ...

— Очень дурное для меня?... Что̀ такое? — спрашивала чуткая Наташа.

Соня вздохнула и ничего не отвѣчала. Графъ, Петя, мадамъ Шоссъ, Мавра Кузьминична, Васильичъ вошли въ гостиную и, затворивъ двери, всѣ сѣли и, молча, не глядя другъ на друга, посидѣли нѣсколько секундъ.

Графъ первый всталъ и, громко вздохнувъ, сталъ креститься на образъ. Всѣ сдѣлали то же. Потомъ графъ сталъ обнимать Мавру Кузьминичну и Васильича, которые оставались въ Москвѣ, и въ то время, какъ они ловили его руку и цѣловали его въ плечо, слегка трепалъ ихъ по спинѣ, приговаривая что-то неясное, ласково-успокоительное. Графиня ушла въ образную, и Соня нашла ее тамъ на колѣняхъ предъ разрозненно по стѣнѣ оставшимися образами. (Самые дорогіе по семейнымъ преданіямъ образа везлись съ собою.)

На крыльцѣ и на дворѣ уѣзжавшіе люди, съ кинжалами и саблями, которыми ихъ вооружилъ Петя, съ заправленными панталонами въ сапоги и туго перепоясанные ремнями и кушаками, прощались съ тѣми, которые оставались.

Какъ и всегда при отъѣздахъ, многое было забыто и не такъ уложено, и довольно долго два гайдука стояли съ обѣихъ сторонъ отворенной дверцы и ступенекъ кареты, готовясь

подсадить графиню, въ то время какъ бѣгали дѣвушки съ подушками, узелками изъ дому въ кареты и коляску и бричку и обратно.

— Вѣкъ свой все перезабудутъ! — говорила графиня. — Вѣдь ты знаешь, что я не могу такъ сидѣть.—И Дуняша, стиснувъ зубы и не отвѣчая, съ выраженіемъ упрека на лицѣ, бросилась въ карету передѣлывать сидѣнье.

— Ахъ народъ этотъ!—говорилъ графъ, покачивая головой.

Старый кучеръ Ефимъ, съ которымъ однимъ только рѣшалась ѣздить графиня, сидя высоко на своихъ козлахъ, даже не оглядывался на то, что̀ дѣлалось позади его. Онъ тридцатилѣтнимъ опытомъ зналъ, что не скоро еще ему скажутъ: „съ Богомъ!“ и что когда скажутъ, то еще два раза остановятъ его и пошлютъ за забытыми вещами, и уже послѣ этого еще разъ остановятъ, и графиня сама высунется къ нему въ окно и попроситъ его Христомъ Богомъ ѣхать осторожнѣе на спускахъ. Онъ зналъ это и потому терпѣливѣе своихъ лошадей (въ особенности лѣваго рыжаго Сокола, который билъ ногой и, пережевывая, перебиралъ удила) ожидалъ того, что̀ будетъ. Наконецъ всѣ усѣлись; ступеньки собрались и закинулись въ карету, дверка захлопнулась, послали за шкатулкой, графиня высунулась и сказала, что̀ должно. Тогда Ефимъ медленно снялъ шляпу съ своей головы и сталъ креститься. Форейторъ и всѣ люди сдѣлали то же.

— Съ Богомъ!—сказалъ Ефимъ, надѣвъ шляпу,—вытягивай! Форейторъ тронулъ. Правый дышловой влегъ въ хомутъ, хрустнули высокія рессоры, и качнулся кузовъ. Лакей на ходу вскочилъ на козлы. Встряхнуло карету при выѣздѣ со двора на тряскую мостовую, такъ же встряхнуло другіе экипажи,

и поѣздъ тронулся вверхъ по улицѣ. Въ каретахъ, коляскѣ и бричкѣ всѣ крестились на церковь, которая была напротивъ. Оставшіеся въ Москвѣ люди шли по обоимъ бокамъ экипажей, провожая ихъ.

Наташа рѣдко испытывала столь радостное чувство, какъ то, которое она испытывала теперь, сидя въ каретѣ подлѣ графини и глядя на медленно подвигавшіяся мимо нея стѣны оставляемой, встревоженной Москвы. Она изрѣдка высовывалась въ окно кареты и глядѣла назадъ и впередъ на длинный поѣздъ раненыхъ, предшествующій имъ. Почти впереди всѣхъ виднѣлся ей закрытый верхъ коляски князя Андрея. Она не знала, кто былъ въ ней, и всякій разъ, соображая область своего обоза, отыскивала глазами эту коляску. Она знала, что она была впереди всѣхъ.

Въ Кудринѣ, изъ Никитской, отъ Прѣсни, отъ Подновинскаго съѣхалось нѣсколько такихъ же поѣздовъ, какъ былъ поѣздъ Ростовыхъ, и по Садовой уже въ два ряда ѣхали экипажи и подводы.

Объѣзжая Сухареву башню, Наташа, любопытно и быстро осматривавшая народъ ѣдущій и идущій, вдругъ радостно и удивленно вскрикнула:

— Батюшка! Мама, Соня, посмотрите, это онъ!

— Кто? кто?

— Смотрите, ей-Богу, Безухій! — говорила Наташа, высовываясь въ окно кареты и глядя на высокаго толстаго человѣка въ кучерскомъ кафтанѣ, очевидно наряженнаго барина по походкѣ и осанкѣ, который рядомъ съ желтымъ, безбородымъ старичкомъ въ фризовой шинели подошелъ подъ арку Сухаревой башни.

— Ей-Богу, Безухій, въ кафтанѣ, съ какимъ-то старымъ

мальчикомъ. Ей-Богу,—говорила Наташа,—смотрите, смотрите!

— Да нѣтъ, это не онъ. Можно ли такія глупости!

— Мама,—кричала Наташа,—я вамъ голову дамъ на отсѣченіе, что это онъ. Я васъ увѣряю. Постой, постой! — кричала она кучеру; но кучеръ не могъ остановиться, потому что изъ Мѣщанской выѣхали еще подводы и экипажи, и на Ростовыхъ кричали, чтобъ они трогались и не задерживали другихъ.

Дѣйствительно, хотя уже гораздо дальше, чѣмъ прежде, всѣ Ростовы увидали Пьера или человѣка, необыкновенно похожаго на Пьера, въ кучерскомъ кафтанѣ, шедшаго по улицѣ съ нагнутою головой и серьезнымъ лицомъ, подлѣ маленькаго безбородаго старичка, имѣвшаго видъ лакея. Старичокъ этотъ замѣтилъ высунувшееся на него лицо изъ кареты и, почтительно дотронувшись до локтя Пьера, что-то сказалъ ему, указывая на карету. Пьеръ долго не могъ понять того, что̀ онъ говорилъ: такъ онъ, видимо, погруженъ былъ въ свои мысли. Наконецъ, когда онъ понялъ его, посмотрѣлъ по указанію, и, узнавъ Наташу въ ту же секунду, отдаваясь первому впечатлѣнію, быстро направился къ каретѣ. Но пройдя шаговъ десять, онъ, видимо, вспомнивъ что-то, остановился.

Высунувшееся изъ кареты лицо Наташи сіяло насмѣшливою лаской.

— Петръ Кириллычъ, идите же! Вѣдь мы узнали! Это удивительно! — кричала она, протягивая ему руку. — Какъ это вы? Зачѣмъ вы такъ?

Пьеръ взялъ протянутую руку и на ходу (такъ какъ карета продолжала двигаться) неловко поцѣловалъ ее.

— Чтò съ вами, графъ?—спросила удивленнымъ и соболѣзнующимъ голосомъ графиня.

— Чтò? Чтò? Зачѣмъ? Не спрашивайте у меня,—сказалъ Пьеръ и оглянулся на Наташу, сіяющій радостный взглядъ которой (онъ чувствовалъ это, не глядя на нее) обдавалъ его своею прелестью.

— Чтò же вы, или въ Москвѣ останетесь?—Пьеръ помолчалъ.

— Въ Москвѣ? — сказалъ онъ вопросительно. — Да, въ Москвѣ. Прощайте.

— Ахъ, желала бы я быть мужчиной, я бы непремѣннó осталась съ вами. Ахъ, какъ это хорошо!—сказала Наташа.—Мама, позвольте, я останусь.—Пьеръ разсѣянно посмотрѣлъ на Наташу и что-то хотѣлъ сказать, но графиня перебила его.

— Вы были на сраженіи, мы слышали?

— Да, я былъ,—отвѣчалъ Пьеръ.—Завтра будетъ опять сраженіе...—началъ было онъ, но Наташа перебила его:

— Да чтò же съ вами, графъ? Вы на себя не похожи...

— Ахъ, не спрашивайте, не спрашивайте меня, я ничего самъ не знаю. Завтра... Да нѣтъ! Прощайте, прощайте,—проговорилъ онъ,—ужасное время!—И, отставъ отъ кареты, онъ отошелъ на тротуаръ.

Наташа долго еще высовывалась изъ окна, сіяя на него ласковою и немного насмѣшливою, радостною улыбкой.

XVIII.

Пьеръ, со времени исчезновенія своего изъ дома, уже второй день жилъ на пустой квартирѣ покойнаго Баздѣева. Вотъ какъ это случилось.

Проснувшись на другой день послѣ своего возвращенія въ Москву и свиданія съ графомъ Растопчинымъ, Пьеръ долго не могъ понять того, гдѣ онъ находился и чего отъ него хотѣли. Когда ему, между именами прочихъ лицъ, дожидавшихся его въ пріемной, доложили, что его дожидается еще французъ, привезшій письмо отъ графини Елены Васильевны, на него нашло вдругъ то чувство спутанности и безнадежности, которому онъ способенъ былъ поддаваться. Ему вдругъ представилось, что все теперь кончено, все смѣшалось, все разрушилось, что нѣтъ ни праваго, ни виноватаго, что впереди ничего не будетъ, и что выхода изъ этого положенія нѣтъ никакого. Онъ, неестественно улыбаясь и что-то бормоча, то садился на диванъ въ безпомощной позѣ, то вставалъ, подходилъ къ двери и заглядывалъ въ щелку въ пріемную, то махая руками, возвращался назадъ и брался за книгу. Дворецкій въ другой разъ пришелъ доложить Пьеру, что французъ, привезшій отъ графини письмо, очень желаетъ видѣть его хоть на минутку, и что приходили отъ вдовы І. А. Баздѣева просить принять книги, такъ какъ сама г-жа Баздѣева уѣхала въ деревню.

— Ахъ, да, сейчасъ, подожди... Или нѣтъ, да нѣтъ, поди скажи, что сейчасъ приду,—сказалъ Пьеръ дворецкому.

Но какъ только вышелъ дворецкій, Пьеръ взялъ шляпу, лежавшую на столѣ, и вышелъ въ заднюю дверь изъ кабинета. Въ корридорѣ никого не было. Пьеръ прошелъ во всю длину корридора до лѣстницы и, морщась и растирая лобъ обѣими руками, спустился до первой площадки. Швейцаръ стоялъ у парадной двери. Съ площадки, на которую спустился Пьеръ, другая лѣстница вела къ заднему ходу. Пьеръ пошелъ по ней и вышелъ на дворъ. Никто не видалъ его

Но на улицѣ, какъ только онъ вышелъ въ ворота, кучера, стоявшіе съ экипажами, и дворникъ увидали барина и сняли предъ нимъ шапки. Почувствовавъ на себѣ устремленные взгляды, Пьеръ поступилъ какъ страусъ, который прячетъ голову въ кустъ, съ тѣмъ, чтобъ его не видали: онъ опустилъ голову и, прибавивъ шагу, пошелъ по улицѣ.

Изъ всѣхъ дѣлъ, предстоящихъ Пьеру въ это утро, дѣло разборки книгъ и бумагъ Іосифа Алексѣевича показалось ему самымъ нужнымъ.

Онъ взялъ перваго попавшагося ему извозчика и велѣлъ ему ѣхать на Патріаршіе пруды, гдѣ былъ домъ вдовы Баздѣева.

Безпрестанно оглядываясь на двигавшіеся со всѣхъ сторонъ обозы выѣзжавшихъ изъ Москвы и оправляясь своимъ тучнымъ тѣломъ, чтобы не соскользнуть съ дребезжавшихъ старыхъ дрожекъ, Пьеръ, испытывая радостное чувство подобное тому, которое испытываетъ мальчикъ убѣжавшій изъ школы, разговорился съ извозчикомъ.

Извозчикъ разсказалъ ему, что нынѣшній день разбираютъ въ Кремлѣ оружіе, и что на завтрашній, народъ выгоняютъ весь за Трехгорную заставу, и что тамъ будетъ большое сраженіе.

Пріѣхавъ на Патріаршіе пруды, Пьеръ отыскалъ домъ Баздѣева, въ которомъ онъ давно не бывалъ. Онъ подошелъ къ калиткѣ. Герасимъ, тотъ самый желтый безбородый старичокъ, котораго Пьеръ видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ въ Торжкѣ съ Іосифомъ Алексѣевичемъ, вышелъ на его стукъ.

— Дома?—спросилъ Пьеръ.

— По обстоятельствамъ нынѣшнимъ, Софья Даниловна

съ дѣтьми уѣхали въ Торжковскую деревню, ваше сіятельство.

— Я все-таки войду, мнѣ надо книги разобрать,—сказалъ Пьеръ.

— Пожалуйте, милости просимъ, братецъ покойника,—царство небесное,—Макаръ Алексѣевичъ, остались, да какъ изволите знать, они въ слабости,—сказалъ старый слуга.

Макаръ Алексѣевичъ былъ, какъ зналъ Пьеръ, полусумасшедшій, пившій запоемъ, братъ Іосифа Алексѣевича.

— Да, да, знаю. Пойдемъ, пойдемъ...—сказалъ Пьеръ и вошелъ въ домъ. Высокій, плѣшивый старый человѣкъ въ халатѣ, съ краснымъ носомъ, въ калошахъ на босу ногу, стоялъ въ передней; увидавъ Пьера, онъ сердито пробормоталъ что-то и ушелъ въ корридоръ.

— Большого ума были, а теперь, какъ изволите видѣть, ослабѣли,—сказалъ Герасимъ.—Въ кабинетъ угодно?—Пьеръ кивнулъ головой. — Кабинетъ какъ былъ запечатанъ, такъ и остался. Софья Даниловна приказывали, ежели отъ васъ придутъ, то отпустить книги.

Пьеръ вошелъ въ тотъ самый мрачный кабинетъ, въ который онъ еще при жизни благодѣтеля входилъ съ такимъ трепетомъ. Кабинетъ этотъ, теперь запыленный и нетронутый со времени кончины Іосифа Алексѣевича, былъ еще мрачнѣе.

Герасимъ открылъ одинъ ставень и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Пьеръ обошелъ кабинетъ, подошелъ къ шкафу, въ которомъ лежали рукописи, и досталъ одну изъ важнѣйшихъ когда-то святынь ордена. Это были подлинные шотландскіе акты съ примѣчаніями и объясненіями благодѣтеля. Онъ сѣлъ за письменный запыленный столъ и положилъ

предъ собой рукописи, раскрывалъ, закрывалъ ихъ и, наконецъ, отодвинувъ ихъ отъ себя, облокотившись головой на руки, задумался.

Нѣсколько разъ Герасимъ осторожно заглядывалъ въ кабинетъ и видѣлъ, что Пьеръ сидѣлъ въ томъ же положеніи. Прошло болѣе двухъ часовъ. Герасимъ позволилъ себѣ пошумѣть въ дверяхъ, чтобъ обратить на себя вниманіе Пьера. Пьеръ не слышалъ его.

— Извозчика отпустить прикажете?

— Ахъ да, — очнувшись сказалъ Пьеръ, поспѣшно вставая.—Послушай,—сказалъ онъ, взявъ Герасима за пуговицу сюртука и сверху внизъ блестящими, влажными, восторженными глазами глядя на старичка. — Послушай, ты знаешь, что завтра будетъ сраженіе...

— Сказывали,—отвѣчалъ Герасимъ.

— Я прошу тебя никому не говорить, кто я. И сдѣлай, что̀ я скажу.

— Слушаю-съ,—сказалъ Герасимъ.—Кушать прикажете?

— Нѣтъ, но мнѣ другое нужно. Мнѣ нужно крестьянское платье и пистолетъ,—сказалъ Пьеръ, неожиданно покраснѣвъ.

— Слушаю-съ,—подумавъ сказалъ Герасимъ.

Весь остатокъ этого дня Пьеръ провелъ одинъ въ кабинетѣ благодѣтеля, безпокойно шагая изъ одного угла въ другой, какъ слышалъ Герасимъ, и что-то самъ съ собой разговаривая, и ночевалъ на приготовленной ему тутъ же постели.

Герасимъ съ привычкой слуги, видавшаго много странныхъ вещей на своемъ вѣку, принялъ переселеніе Пьера безъ удивленія и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что ему было кому услуживать. Онъ въ тотъ же вечеръ, не спрашивая даже и самого себя, для чего это было нужно, досталъ Пьеру

кафтанъ и шапку и обѣщалъ на другой день пріобрѣсти требуемый пистолетъ. Макаръ Алексѣевичъ въ этотъ вечеръ два раза, шлепая своими калошами, подходилъ къ двери и останавливался, заискивающе глядя на Пьера. Но какъ только Пьеръ оборачивался къ нему, онъ стыдливо и сердито запахивалъ свой халатъ и поспѣшно удалялся. Въ то время какъ Пьеръ въ кучерскомъ кафтанѣ, пріобрѣтенномъ и выпаренномъ для него Герасимомъ, ходилъ съ нимъ покупать пистолетъ у Сухаревой башни, онъ встрѣтилъ Ростовыхъ.

XIX.

1-го сентября въ ночь отданъ приказъ Кутузова объ отступленіи русскихъ войскъ черезъ Москву на Рязанскую дорогу.

Первыя войска двинулись въ ночь. Войска, шедшія ночью, не торопились и двигались медленно и степенно; но на разсвѣтѣ, двигавшіяся войска, подходя къ Дорогомиловскому мосту, увидали впереди себя на другой сторонѣ тѣснящіяся, спѣшащія по мосту и на той сторонѣ поднимающіяся и запружающія улицы и переулки, и позади себя напирающія, безконечныя массы войскъ. И безпричинная поспѣшность и тревога овладѣли войсками. Все бросилось впередъ къ мосту, на мостъ, въ броды и въ лодки. Кутузовъ велѣлъ обвезти себя задними улицами на ту сторону Москвы.

Къ 10-ти часамъ утра 2-го сентября, въ Дорогомиловскомъ предмѣстьи оставались на просторѣ одни войска арьергарда. Армія была уже на той сторонѣ Москвы и за Москвою.

Въ это же время, въ 10 часовъ утра, 2-го сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывшееся предъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26-го августа и по 2-е сентября, отъ Бородинскаго сра-

женія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной, когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ, когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній, пахучій воздухъ, когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпрестанно пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2-го сентября въ 10 часовъ утра была такая погода. Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами, и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, какъ звѣздами, своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣлимымъ признакамъ, по которымъ на дальнемъ разстояніи безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ и чувствовалъ какъ бы дыханіе этого большого красиваго тѣла. Всякій русскій человѣкъ, глядя на Москву, чувствуетъ, что она мать; всякій иностранецъ, глядя на нее и не зная ея материнскаго значенія, долженъ чувствовать женственный характеръ этого города, и Наполеонъ чувствовалъ его.

— Вотъ онъ наконецъ этотъ знаменитый азіатскій городъ съ своими безчисленными церквами, эта священная Москва!

Давно пора!—сказалъ Наполеонъ и, слѣзши съ лошади, велѣлъ разложить предъ собою планъ этой Москвы и подозвалъ переводчика Лелормъ Дидевиля.

„Городъ, занятый непріятелемъ, подобенъ дѣвушкѣ, потерявшей невинность“, думалъ онъ (какъ онъ и говорилъ это Тучкову въ Смоленскѣ). И съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на лежавшую предъ нимъ, невиданную еще имъ, восточную красавицу. Ему странно было самому, что, наконецъ, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

„Но развѣ могло быть иначе?“ подумалъ онъ. „Вотъ она эта столица; она лежитъ у моихъ ногъ, ожидáя судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и чтò думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ!“ думалъ онъ о своихъ войскахъ. „Вотъ она—награда для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ“, думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска. „Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица царей. Но мое милосердіе всегда готово снизойти къ побѣжденнымъ. Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ. Но нѣтъ, это неправда, что я въ Москвѣ“, вдругъ приходило ему въ голову. „Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми куполами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма я напишу великія слова справедливости и милосердія... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное зна-

ченіе того, что совершалось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ). Съ высотъ Кремля,—да, это Кремль, да, я дамъ имъ законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью понимать имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хотѣлъ и не хочу войны, что я велъ войну только съ ложною политикой ихъ Двора, что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счастіемъ войны для униженія уважаемаго государя. „Бояре,—скажу я имъ,—я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ“. Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я въ Москвѣ? Да, вотъ она!“

— Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ, — обратился онъ къ свитѣ. Генералъ съ блестящею свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ на Поклонной горѣ, ожидая депутацію. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Тотъ тонъ великодушія, въ которомъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ Москвѣ Наполеонъ, увлекъ его самого. Онъ въ воображеніи своемъ назначалъ дни собраній во дворцѣ царей, гдѣ должны были сходиться русскіе вельможи съ вельможами французскаго императора. Онъ назначалъ мысленно губернатора, такого, который бы сумѣлъ привлечь къ себѣ населеніе. Узнавъ о томъ, что въ Москвѣ много богоугодныхъ

заведеній, онъ въ воображеніи своемъ рѣшалъ, что всѣ эти заведенія будутъ осыпаны его милостями. Онъ думалъ, что какъ въ Африкѣ надо было сидѣть въ бурнусѣ въ мечети, такъ въ Москвѣ надо было быть милостивымъ какъ цари. И чтобъ окончательно тронуть сердца русскихъ, онъ, какъ и каждый французъ, не могущій себѣ вообразить ничего чувствительнаго безъ воспоминанія *о своей милой, своей нѣжной, своей бѣдной матери*, онъ рѣшилъ, что на всѣхъ этихъ заведеніяхъ онъ велитъ написать большими буквами: „Учрежденіе, посвященное моей милой матери". Нѣтъ, просто: „Домъ моей матери", рѣшилъ онъ самъ съ собою. „Но неужели я въ Москвѣ? Да, вотъ она, передо мной; но что́ же такъ долго не является депутація города?" думалъ онъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе), пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ то страшное, называемое французами смѣшнымъ, (ridicule) положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что́ бы то ни стало, собрать хоть какую-нибудь депутацію, другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— А все-таки надо сказать ему...—говорили господа свиты.—Но господа... Положеніе было тѣмъ тяжеле, что импера-

торъ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ предъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Но неловко... Невозможно! — пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое страшное слово: le redicule...

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и своимъ актерскимъ чутьемъ чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву—въ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

XX.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, какъ пустъ бываетъ домирающій, обезматочившій улей.

Въ обезматочившемъ ульѣ уже нѣтъ жизни, но на поверхностный взглядъ онъ кажется такимъ же живымъ, какъ и другіе.

Такъ же весело, въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца, вьются пчелы вокругъ обезматочившаго улья, какъ и вокругъ другихъ живыхъ ульевъ; такъ же издалека пахнетъ отъ него медомъ, такъ же влетаютъ и вылетаютъ изъ него пчелы. Но стóитъ приглядѣться къ нему, чтобы понять, что въ ульѣ этомъ уже нѣтъ жизни. Не такъ, какъ въ живыхъ ульяхъ, летаютъ пчелы, не тотъ запахъ, не тотъ звукъ поражаютъ пчеловода. На стукъ пчеловода въ стѣнку больного улья, вмѣсто прежняго, мгновеннаго, дружнаго отвѣта, шипѣнья десятковъ тысячъ пчелъ, грозно поджимающихъ задъ и быстрымъ боемъ крыльевъ производящихъ этотъ воздушный жизненный звукъ, ему отвѣчаютъ разрозненныя жужжанія, гулко раздающіяся въ разныхъ мѣстахъ пустого улья. Изъ летка не пахнетъ, какъ прежде, спиртовымъ, душистымъ запахомъ меда и яда, не несетъ оттуда тепломъ полноты, а съ запахомъ меда сливается запахъ пустоты и гнили. У летка нѣтъ больше готовящихся на погибель для защиты, поднявшихъ кверху зады, трубящихъ тревогу стражей. Нѣтъ больше того ровнаго и тихаго звука, трепетанья труда, подобнаго звуку кипѣнья, а слышится нескладный, разрозненный шумъ безпорядка. Въ улей изъ улья робко и увертливо влетаютъ и вылетаютъ черныя, продолговатыя, смазанныя медомъ пчелы-грабительницы; онѣ не жалятъ, а ускользаютъ отъ опасности. Прежде только съ ношами влетали, а вылетали пустыя пчелы, теперь вылетаютъ съ ношами. Пчеловодъ открываетъ нижнюю колодезню и вглядывается въ нижнюю часть улья. Вмѣсто прежде висѣвшихъ до уза (нижняго дна) черныхъ, усмиренныхъ трудомъ плетей сочныхъ пчелъ, держащихъ за ноги другъ друга и съ непрерывнымъ шопотомъ труда тянущихъ вощину, сонныя, ссохшіяся пчелы

въ разныя стороны бредутъ разсѣянно по дну и стѣнкамъ улья. Вмѣсто чисто залѣпленнаго клеемъ и сметеннаго вѣерами крыльевъ пола, на днѣ лежатъ крошки вощинъ, испражненія пчелъ, полумертвыя, чуть шевелящія ножками, и совершенно мертвыя, неприбранныя пчелы.

Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья. Вмѣсто сплошныхъ рядовъ пчелъ, облѣпившихъ всѣ промежутки сотовъ и грѣющихъ дѣтву, онъ видитъ искусную, сложную работу сотовъ, но уже не въ томъ видѣ дѣвственности, въ которомъ она бывала прежде. Все запущено и загажено; грабительницы, черныя пчелы, шныряютъ быстро и украдисто по работамъ; свои пчелы, ссохшіяся, короткія, вялыя, какъ будто старыя, медленно бродятъ, никому не мѣшая, ничего не желая и потерявъ сознаніе жизни. Трутни, шершни, шмели, бабочки безтолково стучатся на лету о стѣнки улья. Кое-гдѣ между вощинами съ мертвыми дѣтьми и медомъ изрѣдка слышится съ разныхъ сторонъ сердитое брюзжаніе; гдѣ-нибудь двѣ пчелы, по старой привычкѣ и памяти, очищая гнѣздо улья, старательно сверхъ силъ тащатъ прочь мертвую пчелу или шмеля, сами не зная, для чего онѣ это дѣлаютъ. Въ другомъ углу другія двѣ старыя пчелы лѣниво дерутся, или чистятся, или кормятъ одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно онѣ это дѣлаютъ. Въ третьемъ мѣстѣ толпа пчелъ, давя другъ друга, нападаетъ на какую-нибудь жертву и бьетъ и душитъ ее. И ослабѣвшая или убитая пчела медленно, легко, какъ пухъ, спадаетъ сверху въ кучу труповъ. Пчеловодъ разворачиваетъ двѣ среднія вощины, чтобы видѣть гнѣздо. Вмѣсто прежнихъ сплошныхъ, черныхъ круговъ тысячъ пчелъ, сидящихъ спинка съ спинкой и блюдущихъ высшія тайны род-

ного дѣла, онъ видитъ сотни унылыхъ, полуживыхъ и заснувшихъ остововъ пчелъ. Онѣ почти всѣ умерли, сами не зная этого, сидя на святынѣ, которую онѣ блюли и которой уже нѣтъ больше. Отъ нихъ пахнетъ гнилью и смертью. Только нѣкоторыя изъ нихъ шевелятся, поднимаются, вяло летятъ и садятся на руку врагу, не въ силахъ умереть жаля его; остальныя, мертвыя, какъ рыбья чешуя, легко сыплются внизъ. Пчеловодъ закрываетъ колодезню, отмѣчаетъ мѣломъ колодку и, выбравъ время, выламываетъ и выжигаетъ ее.

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій, — депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что̀ они дѣлали.

Когда Наполеону съ должною осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и, отвернувшись, продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ,—сказалъ онъ. Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

„Москва пуста. Какое невѣроятное событіе!“ говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Не удалась развязка театральнаго представленія!

XXI.

Русскія войска проходили черезъ Москву съ двухъ часовъ ночи и до двухъ часовъ дня и увлекали за собой послѣднихъ уѣзжавшихъ жителей и раненыхъ.

Самая большая давка во время движенія войскъ происходила на мостахъ Каменномъ, Москворѣцкомъ и Яузскомъ.

Въ то время какъ, раздвоившись вокругъ Кремля, войска сперлись на Москворѣцкомъ и Каменномъ мостахъ, огромное число солдатъ, пользуясь остановкой и тѣснотой, возвращались назадъ отъ мостовъ, и украдчиво и молчаливо прошныривали мимо Василія Блаженнаго и подъ Боровицкія ворота назадъ въ гору къ Красной площади, на которой по какому-то чутью они чувствовали, что можно брать безъ труда чужое. Такая же толпа людей, какъ на дешевыхъ товарахъ, наполняла Гостиный дворъ во всѣхъ его ходахъ и переходахъ. Но не было ласково-притворныхъ, заманивающихъ голосовъ гостинодворцевъ, не было разносчиковъ и пестрой, женской толпы покупателей, — одни были мундиры и шинели солдатъ безъ ружей, молчаливо съ ношами выходившихъ и безъ ноши входившихъ въ ряды. Купцы и сидѣльцы (ихъ было мало), какъ потерянные, ходили между солдатами, отпирали и запирали свои лавки, и сами съ молодцами куда-то выносили свои товары. На площади у Гостинаго двора стояли барабанщики и били сборъ. Но звукъ барабана заставлялъ солдатъ-грабителей не сбѣгаться на зовъ, какъ прежде, а напротивъ заставлялъ ихъ отбѣгать дальше отъ барабана. Между солдатами, по лавкамъ и проходамъ, виднѣлись люди въ сѣрыхъ кафтанахъ и съ бритыми головами. Два офицера, одинъ въ шарфѣ по мундиру на худой,

темно-сѣрой лошади, другой въ шинели, пѣшкомъ, стояли у угла Ильинки и о чемъ-то говорили. Третій офицеръ подскакалъ къ нимъ.

— Генералъ приказалъ, во что̀ бы то ни стало, сейчасъ выгнать всѣхъ. Что̀ жъ, это ни на что̀ не похоже! Половина людей разбѣжалась.

— Ты куда?... Вы куда?...—крикнулъ онъ на трехъ пѣхотныхъ солдатъ, которые безъ ружей, подобравъ полы шинелей, проскользнули мимо него въ ряды.—Стой, каналья!

— Да, вотъ извольте ихъ собрать,—отвѣчалъ другой офицеръ.—Ихъ не соберешь; надо итти скорѣе, чтобы послѣдніе не ушли, вотъ и все!

— Какъ же итти?—тамъ стали, сперлися на мосту и не двигаются. Или цѣпь поставить, чтобы послѣдніе не разбѣжались.

— Да подите же туда! Гони жъ ихъ вонъ, — крикнулъ старшій офицеръ.

Офицеръ въ шарфѣ слѣзъ съ лошади, кликнулъ барабанщика и вошелъ съ нимъ вмѣстѣ подъ арки. Нѣсколько солдатъ бросилось бѣжать толпой. Купецъ съ красными прыщами по щекамъ около носа, съ спокойно-непоколебимымъ выраженіемъ разсчета на сытомъ лицѣ, поспѣшно и щеголевато, размахивая руками, подошелъ къ офицеру.

— Ваше благородіе, — сказалъ онъ, — сдѣлайте милость, защитите. Намъ не разсчетъ, пустякъ какой ни на есть; мы съ нашимъ удовольствіемъ! Пожалуйте, сукна сейчасъ вынесу, для благороднаго человѣка хоть два куска, съ нашимъ удовольствіемъ! Потому мы чувствуемъ, а это что̀ жъ, одинъ разбой! Пожалуйте! Караулъ что ли бы приставили, хоть запереть дали бы...

Нѣсколько купцовъ столпилось около офицера.

— Э, попусту брехать-то,—сказалъ одинъ изъ нихъ худощавый, съ строгимъ лицомъ.—Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Бери, чтò кому любо! — И онъ энергическимъ жестомъ махнулъ рукой и бокомъ повернулся къ офицеру.

— Тебѣ, Иванъ Сидорычъ, хорошо говорить, — сердито заговорилъ первый купецъ. — Вы пожалуйте, ваше благородіе.

— Чтò говорить, — крикнулъ худощавый, — у меня тутъ въ трехъ лавкахъ на 100 тысячъ товару. Развѣ убережешь, когда войско ушло. Эхъ, народъ, Божью власть не руками скласть.

— Пожалуйте, ваше благородіе,—говорилъ первый купецъ кланяясь. Офицеръ стоялъ въ недоумѣньи, и на лицѣ его видна была нерѣшимость.

— Да мнѣ чтò за дѣло!—крикнулъ онъ вдругъ и пошелъ быстрыми шагами впередъ по ряду. Въ одной отпертой лавкѣ слышались удары и ругательства, и въ то время какъ офицеръ подходилъ къ ней, изъ двери выскочилъ вытолкнутый человѣкъ въ сѣромъ армякѣ и съ бритою головой.

Человѣкъ этотъ, согнувшись, проскочилъ мимо купцовъ и офицера. Офицеръ напустился на солдатъ, бывшихъ въ лавкѣ. Но въ это время страшные крики огромной толпы послышались на Москворѣцкомъ мосту, и офицеръ выбѣжалъ на площадь.

— Чтò такое? Чтò такое?—спрашивалъ онъ, но товарищъ его уже скакалъ по направленію къ крикамъ, мимо Василія Блаженнаго. Офицеръ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ за нимъ. Когда онъ подъѣхалъ къ мосту, онъ увидалъ снятыя съ передковъ двѣ пушки, пѣхоту, идущую по мосту, нѣсколько

поваленныхъ телѣгъ, нѣсколько испуганныхъ лицъ и смѣющіяся лица солдатъ. Подлѣ пушекъ стояла одна повозка, запряженная парой. За повозкой сзади колесъ жались четыре борзыя собаки въ ошейникахъ. На повозкѣ была гора вещей и на самомъ верху, рядомъ съ дѣтскимъ кверху ножками перевернутымъ стульчикомъ, сидѣла баба, пронзительно и отчаянно визжавшая. Товарищи разсказывали офицеру, что крикъ толпы и визги бабы произошли оттого, что наѣхавшій на эту толпу генералъ Ермоловъ, узнавъ, что солдаты разбредаются по лавкамъ, а толпы жителей запружаютъ мостъ, приказалъ снять орудія съ передковъ и сдѣлать примѣръ, что онъ будетъ стрѣлять по мосту. Толпа, валя повозки, давя другъ друга, отчаянно крича и тѣснясь, расчистила мостъ, и войска двинулись впередъ.

XXII.

Въ самомъ городѣ между тѣмъ было пусто. По улицамъ никого почти не было. Ворота и лавки всѣ были заперты; кое-гдѣ около кабаковъ слышались одинокіе крики или пьяное пѣніе. Никто не ѣздилъ по улицамъ, и рѣдко слышались шаги пѣшеходовъ. На Поварской было совершенно тихо и пустынно. На огромномъ дворѣ дома Ростовыхъ валялись объѣдки сѣна, пометъ съѣхавшаго обоза и не было видно ни одного человѣка. Въ оставшемся со всѣмъ своимъ добромъ домѣ Ростовыхъ два человѣка были въ большой гостиной. Это были дворникъ Игнатъ и казачокъ Мишка, внукъ Васильича, оставшійся въ Москвѣ съ дѣдомъ. Мишка, открывъ клавикорды, игралъ на нихъ однимъ пальцемъ. Дворникъ, подбоченившись и радостно улыбаясь, стоялъ предъ большимъ зеркаломъ,

— Вотъ ловко-то! А? Дядюшка Игнатъ!—говорилъ мальчикъ, вдругъ начиная хлопать обѣими руками по клавишамъ.

— Ишь ты!—отвѣчалъ Игнатъ, дивуясь на то, какъ все болѣе и болѣе улыбалось его лицо въ зеркалѣ.

— Безсовѣстные! Право безсовѣстные!—заговорилъ сзади ихъ голосъ тихо вошедшей Мавры Кузьминичны.—Эка толсторожій, зубы-то скалитъ. На это васъ взять! Тамъ все не прибрано, Васильичъ съ ногъ сбился. Дай срокъ!

Игнатъ, поправляя поясокъ, переставъ улыбаться и покорно опустивъ глаза, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Тетенька, я полегоньку,—сказалъ мальчикъ.

— Я-те дамъ полегоньку. Пострѣленокъ!—крикнула Мавра Кузьминична, замахиваясь на него рукой.—Иди, дѣду самоваръ ставь.

Мавра Кузьминична, смахнувъ пыль, закрыла клавикорды и, тяжело вздохнувъ, вышла изъ гостиной и заперла входную дверь.

Выйдя на дворъ, Мавра Кузьминична задумалась о томъ, куда ей итти теперь: пить ли чай къ Васильичу во флигель, или въ кладовую прибрать то, чтò еще не было прибрано.

Въ тихой улицѣ послышались быстрые шаги. Шаги остановились у калитки, щеколда стала стучать подъ рукой, старавшеюся отпереть ее.

Мавра Кузьминична подошла къ калиткѣ.

— Кого надо?

— Графа, графа Илью Андреевича Ростова.

— Да вы кто?

— Я офицеръ. Мнѣ бы видѣть нужно,— сказалъ русскій пріятный и барскій голосъ.

Мавра Кузьминична отперла калитку. И на дворъ вошелъ

лѣтъ восемнадцати круглолицый офицеръ, типомъ лица похожій на Ростовыхъ.

— Уѣхали, батюшка. Вчерашняго числа въ вечерни изволили уѣхать,—ласково сказала Мавра Кузьминична.

Молодой офицеръ, стоя въ калиткѣ, какъ бы въ нерѣшительности войти или не войти ему, пощелкалъ языкомъ.

— Ахъ, какая досада!—проговорилъ онъ.—Мнѣ бы вчера... Ахъ, какъ жалко!..

Мавра Кузьминична между тѣмъ внимательно и сочувственно разглядывала знакомыя ей черты Ростовской породы въ лицѣ молодого человѣка, и изорванную шинель, и стоптанные сапоги, которые были на немъ.

— Вамъ зачѣмъ же графа надо было?—спросила она.

— Да ужъ... что̀ дѣлать!—съ досадой проговорилъ офицеръ и взялся за калитку, какъ бы намѣреваясь уйти. Онъ опять остановился въ нерѣшительности.

— Видите ли?—вдругъ сказалъ онъ.—Я родственникъ графу, и онъ всегда очень добръ былъ ко мнѣ. Такъ вотъ, видите ли (онъ съ доброю и веселою улыбкой смотрѣлъ на свой плащъ и сапоги), и обносился, и денегъ ничего нѣтъ; такъ я хотѣлъ попросить графа...

Мавра Кузьминична не дала договорить ему.

— Вы минутку бы повременили, батюшка. Одную минутучку,—сказала она. И какъ только офицеръ отпустилъ руку отъ калитки, Мавра Кузьминична повернулась и быстрымъ, старушечьимъ шагомъ пошла на задній дворъ къ своему флигелю.

Въ то время какъ Мавра Кузьминична бѣгала къ себѣ, офицеръ, опустивъ голову и глядя на свои прорванные сапоги, слегка улыбаясь, прохаживался по двору. „Какъ жалко,

я не засталъ дядюшку. А славная старушка! Куда она побѣжала? И какъ бы мнѣ узнать, какими улицами мнѣ ближе догнать полкъ, который теперь долженъ подходить къ Рогожской?“ думалъ въ это время молодой офицеръ. Мавра Кузьминична, съ испуганнымъ и вмѣстѣ рѣшительнымъ лицомъ, неся въ рукахъ свернутый клѣтчатый платочекъ, вышла изъ-за угла. Не доходя нѣсколько шаговъ, она, развернувъ платокъ, вынула изъ него бѣлую двадцатипятирублевую ассигнацію и поспѣшно отдала ее офицеру.

— Были бы ихъ сіятельство дома, извѣстно бы, они бы точно по родственному, а вотъ можетъ... теперича...—Мавра Кузьминична заробѣла и смѣшалась. Но офицеръ, не отказываясь и не торопясь, взялъ бумажку и поблагодарилъ Мавру Кузьминичну.—Какъ бы графъ дома были,—извиняясь все говорила Мавра Кузьминична.—Христосъ съ вами, батюшка, Спаси васъ Богъ,—говорила Мавра Кузьминична, кланяясь и провожая его. Офицеръ, какъ бы смѣясь надъ собою, улыбаясь и покачивая головой, почти рысью побѣжалъ по пустымъ улицамъ догонять свой полкъ къ Яузскому мосту.

А Мавра Кузьминична еще долго съ мокрыми глазами стояла предъ затворенною калиткой, задумчиво покачивая головой и чувствуя неожиданный приливъ материнской нѣжности и жалости къ неизвѣстному ей офицерику.

XXIII.

Въ недостроенномъ домѣ на Варваркѣ, внизу котораго былъ питейный домъ, слышались пьяные крики и пѣсни. На лавкахъ у столовъ, въ небольшой, грязной комнатѣ сидѣло человѣкъ десять фабричныхъ. Всѣ они, пьяные, потные,

съ мутными глазами, напруживаясь и широко разѣвая рты, пѣли какую-то пѣсню. Они пѣли врозь, съ трудомъ, съ усиліемъ, очевидно не для того, что имъ хотѣлось пѣть, но для того только, чтобы доказать, что они пьяны и гуляютъ. Одинъ изъ нихъ, высокій, бѣлокурый малый въ чистой, синей чуйкѣ стоялъ надъ ними. Лицо его съ тонкимъ прямымъ носомъ было бы красиво, ежели бы не тонкія, поджатыя, безпрестанно движущіяся губы и мутные, и нахмуренные, неподвижные глаза. Онъ стоялъ надъ тѣми, которые пѣли, и, видимо, воображая себѣ что-то, торжественно и угловато размахивалъ надъ ихъ головами засученною по локоть бѣлою рукой, грязные пальцы которой онъ неестественно старался растопыривать. Рукавъ его чуйки безпрестанно спускался, и малый старательно лѣвою рукой опять засучивалъ его, какъ будто что-то особенно было важное въ томъ, чтобъ эта бѣлая, жилистая, махавшая рука была непремѣнно голая. Въ серединѣ пѣсни въ сѣняхъ и на крыльцѣ послышались крики драки и удары. Высокій малый махнулъ рукой.

— Шабашъ! — крикнулъ онъ повелительно. — Драка, ребята! — и онъ, не переставая засучивать рукавъ, вышелъ на крыльцо.

Фабричные пошли за нимъ. Фабричные, пившіе въ кабакѣ въ это утро подъ предводительствомъ высокаго малаго, принесли цѣловальнику кожи съ фабрики, и за это имъ было дано вино. Кузнецы изъ сосѣднихъ кузень, услыхавъ гульбу въ кабакѣ и полагая, что кабакъ разбитъ силой, хотѣли ворваться въ него. На крыльцѣ завязалась драка.

Цѣловальникъ въ дверяхъ дрался съ кузнецомъ, и въ то время какъ выходили фабричные, кузнецъ оторвался отъ цѣловальника и упалъ лицомъ на мостовую.

Другой кузнецъ рвался въ дверь, грудью наваливаясь на цѣловальника.

Малый съ засученнымъ рукавомъ на ходу еще ударилъ въ лицо рвавшагося въ дверь кузнеца и дико закричалъ:

— Ребята! нашихъ бьютъ!

Въ это время первый кузнецъ поднялся съ земли и, расцарапывая кровь на разбитомъ лицѣ, закричалъ плачущимъ голосомъ:

— Караулъ! Убили!.. Человѣка убили! Братцы!..

— Ой, батюшки, убили до смерти, убили человѣка!—завизжала баба, вышедшая изъ сосѣднихъ воротъ. Толпа народа собралась около окровавленнаго кузнеца.

— Мало ты народъ-то грабилъ, рубахи снималъ,—сказалъ чей-то голосъ, обращаясь къ цѣловальнику,—что̀ жъ ты человѣка убилъ? Разбойникъ!

Высокій малый, стоя на крыльцѣ, мутными глазами водилъ то на цѣловальника, то на кузнецовъ, какъ бы соображая, съ кѣмъ теперь слѣдуетъ драться.

— Душегубъ!—вдругъ крикнулъ онъ на цѣловальника.— Вяжи его, ребята!

— Какъ же, связалъ одного такого-то!—крикнулъ цѣловальникъ, отмахнувшись отъ набросившихся на него людей и, сорвавъ съ себя шапку, онъ бросилъ ее на землю. Какъ будто дѣйствіе это имѣло какое-то таинственно-угрожающее значеніе, фабричные, обступившіе цѣловальника, остановились въ нерѣшительности.

— Порядокъ-то я, братъ, знаю очень прекрасно. Я до частнаго дойду. Ты думаешь, не найду? Разбойничать-то нонче никому не велятъ!—прокричалъ цѣловальникъ, поднимая шапку.

— И пойдемъ, ишь ты! И пойдемъ... ишь ты,—повторяли другъ за другомъ цѣловальникъ и высокій малый, и оба вмѣстѣ двинулись впередъ по улицѣ. Окрававленный кузнецъ шелъ рядомъ съ ними. Фабричные и посторонній народъ съ говоромъ и крикомъ шли за ними.

У угла Маросейки, противъ большого съ запертыми ставнями дома, на которомъ была вывѣска сапожнаго мастера, стояли съ унылыми лицами человѣкъ двадцать сапожниковъ, худыхъ, истомленныхъ людей, въ халатахъ и оборванныхъ чуйкахъ.

— Онъ народъ разочти какъ слѣдуетъ!—говорилъ худой мастеровой съ жидкою бородой и нахмуренными бровями.— А что жъ онъ нашу кровь сосалъ, да и квитъ. Онъ насъ водилъ, водилъ всю недѣлю. А теперь довелъ до послѣдняго конца, а самъ уѣхалъ.

Увидавъ народъ и окровавленнаго человѣка, говорившій мастеровой замолчалъ, и всѣ сапожники съ поспѣшнымъ любопытствомъ присоединились къ двигающейся толпѣ.

— Куда идетъ народъ-то?

— Извѣстно куда, къ начальству идетъ.

— Что жъ, али взаправду наша не взяла сила?

— А ты думалъ какъ! Гляди-ко, что народъ говоритъ.

Слышались вопросы и отвѣты. Цѣловальникъ, воспользовавшись увеличеніемъ толпы, отсталъ отъ народа и вернулся къ своему кабаку.

Высокій малый, не замѣчая исчезновенія своего врага, цѣловальника, размахивая оголенною рукой, не переставалъ говорить, обращая тѣмъ на себя общее вниманіе. На него-то преимущественно жался народъ, предполагая отъ него получить разрѣшеніе занимавшихъ всѣхъ вопросовъ.

— Онъ покажи порядокъ, законъ покажи, на то начальство поставлено! Такъ ли я говорю, православные? — говорилъ высокій малый, чуть замѣтно улыбаясь.

— Онъ думаетъ и начальства нѣтъ? Развѣ безъ начальства можно? А то грабить-то мало ли ихъ.

— Чтò пустое говорить! — отзывались въ толпѣ. — Какъ же, такъ и бросятъ Москву-то! Тебѣ на смѣхъ сказали, а ты и повѣрилъ. Мало ли войсковъ нашихъ идетъ. Такъ его и пустили! На то начальство. Вонъ послушай, чтò народъ-то баетъ, — говорили, указывая на высокаго малаго.

У стѣны Китай-города другая небольшая кучка людей окружала человѣка въ фризовой шинели, держащаго въ рукахъ бумагу.

— Указъ, указъ читаютъ! Указъ читаютъ, — послышалось въ толпѣ, и народъ хлынулъ къ чтецу.

Человѣкъ въ фризовой шинели читалъ афишку отъ 31-го августа. Когда толпа окружила его, онъ какъ бы смутился, но на требованіе высокаго малаго, протѣснившагося до него, онъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ началъ читать афишку сначала.

„Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю", читалъ онъ (свѣтлѣющему! — торжественно улыбаясь ртомъ и хмуря брови, повторилъ высокій малый), „чтобы съ нимъ переговорить, „дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; ста„немъ и мы изъ нихъ духъ..." продолжалъ чтецъ и остановился (видалъ? — побѣдоносно прокричалъ малый. Онъ тебѣ всю дистанцію развяжетъ...), „искоренять и этихъ гостей „къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся „за дѣло, сдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ".

Послѣднія слова были прочтены чтецомъ въ совершенномъ

молчаніи. Высокій малый грустно опустилъ голову. Очевидно было, что никто не понялъ этихъ послѣднихъ словъ. Въ особенности слова: „я пріѣду завтра къ обѣду“, видимо, даже огорчили и чтеца и слушателей. Пониманіе народа было настроено на высокій ладъ, а это было слишкомъ просто и ненужно-понятно; это было то самое, что̀ каждый изъ нихъ могъ бы сказать и что̀ поэтому не могъ говорить указъ, исходящій отъ высшей власти.

Всѣ стояли въ унылом молчаніи. Высокій малый водилъ губами и пошатывался.

— У него спросить бы!.. Это самъ и есть?.. Какъ же успросилъ! А то что̀ жъ... Онъ укажетъ...—вдругъ послышалось въ заднихъ рядахъ толпы, и общее вниманіе обратилось на выѣзжавшія на площадь дрожки полицеймейстера, сопутствуемаго двумя конными драгунами.

Полицеймейстеръ, ѣздившій въ это утро по приказанію графа сжигать барки и, по случаю этого порученія, выручившій большую сумму денегъ, находившуюся у него въ эту минуту въ карманѣ, увидавъ двинувшуюся къ нему толпу людей, приказалъ кучеру остановиться.

— Что̀ за народъ?—крикнулъ онъ на людей, разрозненно и робко приближавшихся къ дрожкамъ. — Что̀ за народъ? Я васъ спрашиваю? — повторилъ полицеймейстеръ, не получавшій отвѣта.

— Они, ваше благородіе,—сказалъ приказный въ фризовой шинели, — они, ваше высокородіе, по объявленію сіятельнѣйшаго графа, не щадя живота, желали послужить, а не то чтобы бунтъ какой, какъ сказано отъ сіятельнѣйшаго графа...

— Графъ не уѣхалъ, онъ здѣсь, и о васъ распоряженіе будетъ,—сказалъ полицеймейстеръ. — Пошелъ! — сказалъ

онъ кучеру. Толпа остановилась, скучиваясь около тѣхъ, которые слышали то, что̀ сказало начальство, и глядя на отъѣзжающія дрожки.

Полицеймейстеръ въ это время испуганно оглянулся, что-то сказалъ кучеру, и лошади его поѣхали быстрѣе...

— Обманъ, ребята! Веди къ самому! — крикнулъ голосъ высокаго малаго.—Не пущай, ребята! Пущай отчетъ подастъ! Держи!— закричали голоса, и народъ бѣгомъ бросился за дрожками.

Толпа за полицеймейстеромъ съ шумнымъ говоромъ направилась на Лубянку.

— Что̀ жъ, господа да купцы повыѣхали, а мы за то и пропадемъ. Что̀ жъ, мы собаки, что ль?—слышалось чаще въ толпѣ.

XXIV.

Вечеромъ 1-го сентября, послѣ своего свиданія съ Кутузовымъ, графъ Растопчинъ, огорченный и оскорбленный тѣмъ, что его не пригласили на военный совѣтъ, что Кутузовъ не обращалъ никакого вниманія на его предложеніе принять участіе въ защитѣ столицы, и удивленный новымъ открывшимся ему въ лагерѣ взглядомъ, при которомъ вопросъ о спокойствіи столицы и о патріотическомъ ея настроеніи оказывался не только второстепеннымъ, но совершенно ненужнымъ и ничтожнымъ,—огорченный, оскорбленный и удивленный всѣмъ этимъ, графъ Растопчинъ вернулся въ Москву. Поужинавъ, графъ, не раздѣваясь, прилегъ на канапе и въ 1-мъ часу былъ разбуженъ курьеромъ, который привезъ ему письмо отъ Кутузова. Въ письмѣ говорилось, что такъ какъ войска отступаютъ на Рязанскую дорогу за Москву, то не угодно ли графу выслать полицейскихъ чиновниковъ для

проведенія войскъ черезъ городъ. Извѣстіе это не было новостью для Растопчина. Не только со вчерашняго свиданія съ Кутузовымъ на Поклонной горѣ, но и съ самаго Бородинскаго сраженія, когда всѣ пріѣзжавшіе въ Москву генералы въ одинъ голосъ говорили, что нельзя дать еще сраженія, и когда съ разрѣшенія графа каждую ночь уже вывозили казенное имущество, и жители до половины повыѣхали, графъ Растопчинъ зналъ, что Москва будетъ оставлена; но тѣмъ не менѣе извѣстіе это, сообщенное въ формѣ простой записки съ приказаніемъ отъ Кутузова и полученное ночью, во время перваго сна, удивило и раздражило графа.

Впослѣдствіи, объясняя свою дѣятельность за это время, графъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ нѣсколько разъ писалъ, что у него тогда были двѣ важныя цѣли: „сохранить спокойствіе въ Москвѣ и выпроводить изъ нея жителей“. Если допустить эту двоякую цѣль, всякое дѣйствіе Растопчина оказывается безукоризненнымъ. Для чего не вывезена Московская святыня, оружіе, патроны, порохъ, запасы хлѣба, для чего тысячи жителей обмануты тѣмъ, что Москву не сдадутъ, и разорены?—Для того, чтобы соблюсти спокойствіе въ столицѣ, отвѣчаетъ объясненіе графа Растопчина. Для чего вывозились кипы ненужныхъ бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ и шаръ Лепиха и другіе предметы?—Для того, чтобы оставить городъ пустымъ, отвѣчаетъ объясненіе графа Растопчина. Стóитъ только допустить, что что-нибудь угрожало народному спокойствію, и всякое дѣйствіе становится оправданнымъ.

Всѣ ужасы террора основывались только на заботѣ о народномъ спокойствіи.

На чемъ же основывался страхъ графа Растопчина о на-

родномъ спокойствіи въ Москвѣ въ 1812 году? Какая причина была предполагать въ городѣ склонность къ возмущенію? Жители уѣзжали, войска, отступая, наполняли Москву. Почему долженъ былъ вслѣдствіе этого бунтовать народъ?

Не только въ Москвѣ, но во всей Россіи при вступленіи непріятеля не произошло ничего похожаго на возмущеніе. 1-го и 2-го сентября болѣе десяти тысячъ людей оставалось въ Москвѣ, и кромѣ толпы, собравшейся на дворѣ главнокомандующаго и привлеченной имъ самимъ, ничего не было. Очевидно, что еще менѣе надо было ожидать волненія въ народѣ, ежели бы, послѣ Бородинскаго сраженія, когда оставленіе Москвы стало очевидно, или по крайней мѣрѣ вѣроятно, ежели бы тогда, вмѣсто того, чтобы волновать народъ раздачей оружія и афишами, Растопчинъ принялъ мѣры къ вывозу всей святыни, пороху, зарядовъ и денегъ и прямо объявилъ бы народу, что городъ оставляется.

Растопчинъ, пылкій, сангвиническій человѣкъ, всегда вращавшійся въ высшихъ кругахъ администраціи, хотя и съ патріотическимъ чувствомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ онъ думалъ управлять. Съ самаго начала вступленія непріятеля въ Смоленскъ Растопчинъ въ воображеніи своемъ составилъ для себя роль руководителя народнаго чувства—сердца Россіи. Ему не только казалось (какъ это кажется каждому администратору), что онъ управлялъ внѣшними дѣйствіями жителей Москвы, но ему казалось, что онъ руководилъ ихъ настроеніемъ, посредствомъ своихъ воззваній и афишъ, писанныхъ тѣмъ ерническимъ языкомъ, который въ своей средѣ презираетъ народъ и котораго онъ не понимаетъ, когда слышитъ его сверху. Красивая роль руководителя народнаго чувства такъ

понравилась Растопчину, онъ такъ сжился съ нею, что необходимость выйти изъ этой роли, необходимость оставленія Москвы безъ всякаго героическаго эффекта застала его врасплохъ, и онъ вдругъ потерялъ изъ-подъ ногъ почву, на которой стоялъ, и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Онъ хотя и зналъ, но не вѣрилъ всею душою до послѣдней минуты въ оставленіе Москвы и ничего не дѣлалъ съ этою цѣлью. Жители выѣзжали противъ его желанія. Ежели вывозили присутственныя мѣста, то только по требованію чиновниковъ, съ которыми неохотно соглашался графъ. Самъ же онъ былъ занятъ только тою ролью, которую онъ для себя сдѣлалъ. Какъ это часто бываетъ съ людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ, онъ зналъ уже давно, что Москву оставятъ, но зналъ только по разсужденію, но всею душой не вѣрилъ въ это, не перенесся воображеніемъ въ это новое положеніе.

Вся дѣятельность его, старательная и энергическая (насколько она была полезна и отражалась на народѣ, это другой вопросъ), вся дѣятельность его была направлена только на то, чтобы возбудить въ жителяхъ то чувство, которое онъ самъ испытывалъ, — патріотическую ненависть къ французамъ и увѣренность въ себѣ.

Но когда событіе принимало свои настоящіе, историческіе размѣры, когда оказалось недостаточнымъ только словами выражать свою ненависть къ французамъ, когда нельзя было даже сраженіемъ выразить эту ненависть, когда увѣренность въ себѣ оказалась безполезною по отношенію къ одному вопросу Москвы, когда все населеніе, какъ одинъ человѣкъ, бросая свое имущество, потекло вонъ изъ Москвы, показывая этимъ отрицательнымъ дѣйствіемъ всю силу своего на-

роднаго чувства,—тогда роль, выбранная Растопчинымъ, оказалась вдругъ безсмысленною. Онъ почувствовалъ себя вдругъ одинокимъ, слабымъ и смѣшнымъ, безъ почвы подъ ногами.

Получивъ, пробужденный отъ сна, холодную и повелительную записку отъ Кутузова, Растопчинъ почувствовалъ себя тѣмъ болѣе раздраженнымъ, чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ себя виновнымъ. Въ Москвѣ оставалось все то, что̀ именно было поручено ему, все то казенное, что̀ ему должно было вывезти. Вывезти все не было возможности.

„Кто же виноватъ въ этомъ, кто допустилъ до этого?“ думалъ онъ. „Разумѣется, не я. У меня все было готово, я держалъ Москву вотъ какъ! И вотъ до чего они довели дѣло! Мерзавцы, измѣнники!“ думалъ онъ, не опредѣляя хорошенько того, кто были эти мерзавцы и измѣнники, но чувствуя необходимость ненавидѣть этихъ кого-то измѣнниковъ, которые были виноваты въ томъ фальшивомъ и смѣшномъ положеніи, въ которомъ онъ находился.

Всю эту ночь графъ Растопчинъ отдавалъ приказанія, за которыми со всѣхъ сторонъ Москвы пріѣзжали къ нему. Приближенные никогда не видали графа столь мрачнымъ и раздраженнымъ.

— Ваше сіятельство, изъ вотчиннаго департамента пришли, отъ директора за приказаніями... Изъ консисторіи, изъ сената, изъ университета, изъ воспитательнаго дома, викарный прислалъ... спрашиваетъ... О пожарной командѣ какъ прикажете? Изъ острога смотритель... изъ желтаго дома смотритель“... всю ночь не переставая докладывали графу.

На всѣ эти вопросы графъ давалъ короткіе и сердитые отвѣты, показывавшіе, что приказанія его теперь не нужны,

что все старательно подготовленное имъ дѣло теперь испорчено кѣмъ-то, и что этотъ кто-то будетъ нести всю отвѣтственность за все то, что̀ произойдетъ теперь.

— Ну, скажи ты этому болвану, отвѣчалъ онъ на запросъ отъ вотчиннаго департамента,—чтобъ онъ оставался караулить свои бумаги. Ну, что̀ ты спрашиваешь вздоръ о пожарной камандѣ? Есть лошади, пускай ѣдутъ во Владиміръ. Не французамъ оставлять.

— Ваше сіятельство, пріѣхалъ надзиратель изъ сумасшедшаго дома, какъ прикажете!

— Какъ прикажу? Пускай ѣдутъ всѣ, вотъ и все... А сумасшедшихъ выпустить въ городѣ. Когда у насъ сумасшедшіе арміями командуютъ, такъ этимъ и Богъ велѣлъ.

На вопросъ о колодникахъ, которые сидѣли въ ямѣ, графъ сердито крикнулъ на смотрителя:

— Что̀ жъ, тебѣ два баталіона конвоя дать, котораго нѣтъ? Пустить ихъ, и все!

— Ваше сіятельство, есть политическіе, Мѣшковъ, Верещагинъ.

— Верещагинъ! Онъ еще не повѣшенъ?—крикнулъ Растопчинъ.—Привести его ко мнѣ.

XXV.

Къ 9-ти часамъ утра, когда войска уже двинулись черезъ Москву, никто больше не приходилъ спрашивать распоряженій графа. Всѣ, кто могъ ѣхать, ѣхали сами собой; тѣ, кто оставались, рѣшали сами съ собой, что̀ имъ надо было дѣлать.

Графъ велѣлъ подавать лошадей, чтобъ ѣхать въ Сокольпод

ники и, нахмуренный, желтый и молчаливый, сложивъ руки, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ.

Каждому администратору въ спокойное, не бурное время кажется, что только его усиліями движется все ему подвѣдомственное народонаселеніе, и въ этомъ сознаніи своей необходимости каждый администраторъ чувствуетъ главную награду за свои труды и усилія. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока историческое море спокойно, правителю-администратору, съ своею утлою лодочкой упирающемуся шестомъ въ корабль народа и самому двигающемуся, должно казаться, что его усиліями двигается корабль, въ который онъ упирается. Но стóитъ подняться бурѣ, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда уже заблужденіе невозможно. Корабль идетъ своимъ громадныъ, независимымъ ходомъ, шестъ не достаетъ до двинувшагося корабля, и правитель вдругъ изъ положенія властителя, источника силы, переходитъ въ ничтожнаго, безполезнаго и слабаго человѣка.

Растопчинъ чувствовалъ это, и это-то раздражало его.

Полицеймейстеръ, котораго остановила толпа, вмѣстѣ съ адъютантомъ, который пришелъ доложить, что лошади готовы, вошли къ графу. Оба были блѣдны, и полицеймейстеръ, передавъ объ исполненіи своего порученія, сообщилъ, что на дворѣ графа стояла огромная толпа народа, желавшая его видѣть.

Растопчинъ, ни слова не отвѣчая, всталъ и быстрыми шагами направился въ свою роскошную, свѣтлую гостиную, подошелъ къ двери балкона, взялся за ручку, оставилъ ее и перешелъ къ окну, изъ котораго виднѣе была вся толпа. Высокій малый стоялъ въ переднихъ рядахъ и съ строгимъ лицомъ, размахивая рукой, говорилъ что-то. Окровавленный

кузнецъ съ мрачнымъ видомъ стоялъ подлѣ него. Сквозь закрытыя окна слышенъ былъ гулъ голосовъ.

— Готовъ экипажъ?—сказалъ Растопчинъ, отходя отъ окна.

— Готовъ, ваше сіятельство, сказалъ адъютантъ.

Растопчинъ опять подошелъ къ двери балкона.

— Да чего они хотятъ?—спросилъ онъ у полицеймейстера.

— Ваше сіятельство, они говорятъ, что собрались итти на французовъ по вашему приказанію, про измѣну что-то кричали. Но буйная толпа, ваше сіятельство. Я насилу уѣхалъ. Ваше сіятельство, осмѣлюсь предложить...

— Извольте итти, я безъ васъ знаю, что̀ дѣлать!—сердито крикнулъ Растопчинъ. Онъ стоялъ у двери балкона, глядя на толпу. „Вотъ что̀ они сдѣлали съ Россіей! Вотъ что̀ они сдѣлали со мной!“ думалъ Растопчинъ, чувствуя поднимающійся въ своей душѣ неудержимый гнѣвъ противъ кого-то того, кому можно было приписать причину всего случившагося. Какъ это часто бываетъ съ горячими людьми, гнѣвъ уже владѣлъ имъ, но онъ искалъ еще для него предмета. „Вотъ она, эта народная толпа, эти подонки народонаселенія“, думалъ онъ, глядя на толпу, „чернь, которую они подняли своею глупостью! Имъ нужна жертва“, пришло ему въ голову, глядя на размахивающаго рукой высокаго малаго. И потому самому это пришло ему въ голову, что ему самому нужна была эта жертва, этотъ предметъ для своего гнѣва.

— Готовъ экипажъ?—въ другой разъ спросилъ онъ.

— Готовъ, ваше сіятельство. Что̀ прикажете насчетъ Верещагина? Онъ ждетъ у крыльца,—отвѣчалъ адъютантъ.

— А!—вскрикнулъ Растопчинъ, какъ пораженный какимъ-то неожиданнымъ воспоминаніемъ.

И, быстро отворивъ дверь, онъ вышелъ рѣшительными шагами на балконъ. Говоръ вдругъ умолкъ, шапки и картузы снялись, и всѣ глаза поднялись къ вышедшему графу.

— Здравствуйте, ребята!—сказалъ графъ быстро и громко.—Спасибо, что пришли. Я сейчасъ выйду къ вамъ, но прежде всего намъ надо управиться съ злодѣемъ. Намъ надо наказать злодѣя, отъ котораго погибла Москва. Подождите меня!—И графъ такъ же быстро вернулся въ покои, крѣпко хлопнувъ дверью.

По толпѣ пробѣжалъ одобрительный ропотъ удовольствія. „Онъ, значитъ, злодѣевъ управитъ усѣхъ! А ты говоришь французъ... онъ тебѣ всѣ порядки укажетъ!" говорили люди, какъ будто упрекая другъ друга въ своемъ маловѣріи.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ парадныхъ дверей поспѣшно вышелъ офицеръ, приказалъ что-то, и драгуны вытянулись. Толпа отъ балкона жадно подвинулась къ крыльцу. Выйдя гнѣвно-быстрыми шагами на крыльцо, Растопчинъ поспѣшно оглянулся вокругъ себя, какъ бы отыскивая кого-то.

— Гдѣ онъ?—сказалъ графъ, и въ ту же минуту, какъ онъ сказалъ это, онъ увидалъ изъ-за угла дома выходившаго между двухъ драгунъ молодого человѣка съ длинною тонкою шеей, съ головой, до половины выбритою и заросшею. Молодой человѣкъ этотъ былъ одѣтъ въ когда-то щегольской, крытый синимъ сукномъ, потертый лисій тулупчикъ и въ грязныя посконныя арестантскія шаровары, засунутыя въ нечищенные, стоптанные тонкіе сапоги. На тонкихъ, слабыхъ ногахъ тяжело висѣли кандалы, затруднявшіе нерѣшительную походку молодого человѣка.

— А!—сказалъ Растопчинъ, поспѣшно отворачивая свой взглядъ отъ молодого человѣка въ лисьемъ тулупчикѣ и

указывая на нижнюю ступеньку крыльца. „Поставьте его сюда!“ Молодой человѣкъ, бренча кандалами, тяжело переступилъ на указываемую ступеньку, придержавъ пальцемъ нажимавшій воротникъ тулупчика, повернулъ два раза длинною шеей и, вздохнувъ, покорнымъ жестомъ сложилъ предъ животомъ тонкія, нерабочія руки.

Нѣсколько секундъ, пока молодой человѣкъ устанавливался на ступенькѣ, продолжалось молчаніе. Только въ заднихъ рядахъ сдавливающихся къ одному мѣсту людей слышались кряхтѣнье, стоны, толчки и топотъ переставляемыхъ ногъ.

Растопчинъ, ожидая того, чтобъ онъ остановился на указанномъ мѣстѣ, хмурясь потиралъ рукою лицо.

— Ребята!—сказалъ Растопчинъ металлически-звонкимъ голосомъ,—этотъ человѣкъ, Верещагинъ,—тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ предъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое съ безнадежнымъ выраженіемъ, изуродованное бритою головой, молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Растопчинъ не смотрѣлъ на него. На длинной тонкой шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ, и вдругъ покраснѣло лицо.

Всѣ глаза были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу и, какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочелъ на лицахъ людей, онъ печально и робко улыбнулся и, опять опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему царю и отечеству, онъ передался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго и отъ него погибаетъ Москва,—говорилъ Растопчинъ ровнымъ, рѣзкимъ голосомъ; но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той же покорной позѣ. Какъ будто взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ почти, обращаясь къ народу:— своимъ судомъ расправляйтесь съ нимъ! отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго и страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ переднихъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что̀ происходило предъ ними, всѣ съ испуганно-широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!.. Пускай погибнетъ измѣнникъ и не срамитъ имя русскаго!—закричалъ Растопчинъ.—Руби! Я приказываю!—Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Растопчина, толпа застонала и надвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!..—проговорилъ среди опять наступившей минутной тишины робкій и вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.—Графъ, одинъ Богъ надъ нами...—сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ, и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица. Онъ не договорилъ того, что̀ хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю!..—прокричалъ Растопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ!—крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ вынимая саблю.

Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу и, добѣжавъ до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и шатая поднесла къ самымъ ступенямъ крыльца. Высокій малый, съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица и съ остановившеюся поднятою рукой, стоялъ рядомъ съ Верещагинымъ.

— Руби!—прошепталъ почти офицеръ драгунамъ, и одинъ изъ солдатъ вдругъ съ исказившимся злобой лицомъ ударилъ Верещагина тупымъ палашомъ по головѣ.

„А!"—коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испуганно оглядываясь и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ сдѣлано. Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ.

„О Господи!" послышалось чье-то печальное восклицаніе.

Но вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верещагина, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли, и этотъ крикъ погубилъ его. Та натянутая до высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. Преступленіе было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ревомъ толпы. Какъ послѣдній седьмой валъ, разбивающій корабли, взмыла изъ заднихъ рядовъ эта послѣдняя неудержимая волна, донеслась до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударившій драгунъ хотѣлъ повторить свой ударъ. Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслонясь руками, бросился къ народу. Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею Верещагина и, съ дикимъ крикомъ, съ нимъ вмѣстѣ, упалъ подъ ноги навалившагося ревущаго народа.

Одни били и рвали Верещагина, другіе высокаго малаго. И крики задавленныхъ людей и тѣхъ, которые старались спасти высокаго малаго, только возбуждали ярость толпы. Долго драгуны не могли освободить окровавленнаго, до полусмерти избитаго фабричнаго. И долго, несмотря на всю горячечную поспѣшность, съ которою толпа старалась довершить разъ начатое дѣло, тѣ люди, которые били, душили и рвали Верещагина, не могли убить его; но толпа давила ихъ со всѣхъ сторонъ, съ ними въ серединѣ, какъ одна масса, колыхалась изъ стороны въ сторону и не давала имъ возможности ни добить, ни бросить его.

„Топоромъ-то, бей что ли?.. задавили... Измѣнщикъ, Христа продалъ!.. живъ... живущъ... по дѣломъ вору мука. Запоромъ-то!.. Али живъ?"

Только когда уже перестала бороться жертва и вскрики ея замѣнились равномѣрнымъ протяжнымъ хрипѣньемъ, толпа стала торопливо перемѣщаться около лежащаго окровавленнаго трупа. Каждый подходилъ, взглядывалъ на то, что̀ было сдѣлано, и съ ужасомъ, упрекомъ и удивленіемъ тѣснился назадъ.

„О Господи, народъ-то что̀ звѣрь, гдѣ же живому быть!" слышалось въ толпѣ. „И малый-то молодой... должно изъ купцовъ, то-то народъ... сказываютъ не тотъ... какже не тотъ... О Господи!.. Другого избили, говорятъ, чуть живъ... Эхъ народъ... Кто грѣха не боится..." говорили теперь тѣ же люди, съ болѣзненно-жалостнымъ выраженіемъ глядя на мертвое тѣло съ посинѣвшимъ, измазаннымъ кровью и пылью лицомъ и съ разрубленною, длинною, тонкою шеей.

Полицейскій старательный чиновникъ, найдя неприличнымъ присутствіе трупа на дворѣ его сіятельства, приказалъ дра-

гунамъ вытащить тѣло на улицу. Два драгуна взялись за изуродованныя ноги и поволокли тѣло. Окровавленная, измазанная въ пыли, мертвая, бритая голова на длинной шеѣ, подворачиваясь, волочилась по землѣ. Народъ жался прочь отъ трупа.

Въ то время какъ Верещагинъ упалъ, и толпа съ дикимъ ревомъ стѣснилась и заколыхалась надъ нимъ, Растопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ и вмѣсто того, чтобъ итти къ заднему крыльцу, у котораго ждали его лошади, онъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, опустивъ голову, быстрыми шагами пошелъ по корридору, ведущему въ комнаты нижняго этажа. Лицо графа было блѣдно, и онъ не могъ остановить трясущуюся какъ въ лихорадкѣ нижнюю челюсть.

— Ваше сіятельство, сюда... куда изволите?.. сюда пожалуйте,—проговорилъ сзади его дрожащій, испуганный голосъ. Графъ Растопчинъ не въ силахъ былъ ничего отвѣчать, и, послушно повернувшись, пошелъ туда, куда ему указывали. У задняго крыльца стояла коляска. Далекій гулъ ревущей толпы слышался и здѣсь. Графъ Растопчинъ торопливо сѣлъ въ коляску и велѣлъ ѣхать въ свой загородный домъ въ Сокольникахъ. Выѣхавъ на Мясницкую и не слыша больше криковъ толпы, графъ сталъ раскаиваться. Онъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ теперь волненіе и испугъ, которые онъ выказалъ предъ своими подчиненными.—„Народная толпа страшна, она отвратительна“, думалъ онъ по-французски. „Они какъ волки: ихъ ничѣмъ не удовлетворишь, кромѣ мяса“. „Графъ! одинъ Богъ надъ нами!“ вдругъ вспомнились ему слова Верещагина, и непріятное чувство холода пробѣжало по спинѣ графа Растопчина. Но чувство это было мгновенно, и графъ Растопчинъ презрительно улыбнулся самъ надъ собой. „У меня были другія обязанности“, подумалъ

онъ. „Много другихъ жертвъ погибло и гибнетъ для общественнаго блага", и онъ сталъ думать о тѣхъ общихъ обязанностяхъ, которыя онъ имѣлъ въ отношеніи своего семейства, своей (порученной ему) столицы и о самомъ себѣ—не какъ о Ѳедорѣ Васильевичѣ Растопчинѣ (онъ полагалъ, что Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ жертвуетъ собою для bien publique), но о себѣ, какъ о главнокомандующемъ, о представителѣ власти и уполномоченномъ царя.—„Ежели бы я былъ только Ѳедоръ Васильевичъ, планъ моего поведенія былъ бы совсѣмъ иначе начертанъ; но я долженъ былъ сохранить и жизнь, и достоинство главнокомандующаго".

Слегка покачиваясь на мягкихъ рессорахъ экипажа и не слыша болѣе страшныхъ звуковъ толпы, Растопчинъ физически успокоился, и, какъ это всегда бываетъ, одновременно съ физическимъ успокоеніемъ умъ поддѣлалъ для него и причины нравственнаго успокоенія. Мысль, успокоившая Растопчина, была не новая. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, никогда ни одинъ человѣкъ не совершилъ преступленія надъ себѣ подобнымъ, не успокоивая себя этою самой мыслью. Мысль эта есть—предполагаемое общественное благо другихъ людей.

Для человѣка, не одержимаго страстью, благо это никогда неизвѣстно; но человѣкъ, совершающій это преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо. И Растопчинъ теперь зналъ это.

Онъ не только въ разсужденіяхъ своихъ не упрекалъ себя въ сдѣланномъ имъ поступкѣ, но находилъ причины самодовольства въ томъ, что онъ такъ удачно умѣлъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ наказать преступника и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить толпу.

„Верещагинъ былъ судимъ и приговоренъ къ смертной казни“, думалъ Растопчинъ (хотя Верещагинъ сенатомъ былъ только приговоренъ къ каторжной работѣ). Онъ былъ предатель и измѣнникъ; я не могъ оставить его безнаказаннымъ, и потомъ я однимъ камнемъ дѣлалъ два удара: я для успокоенія отдавалъ жертву народу и казнилъ злодѣя“.

Пріѣхавъ въ свой загородный домъ и занявшись домашними распоряженіями, графъ совершенно успокоился.

Черезъ полчаса графъ ѣхалъ на быстрыхъ лошадяхъ черезъ Сокольничье поле, уже не вспоминая о томъ, что̀ было, и думая и соображая только о томъ, что̀ будетъ. Онъ ѣхалъ теперь къ Яузскому мосту, гдѣ ему сказали, былъ Кутузовъ. Графъ Растопчинъ готовилъ въ своемъ воображеніи тѣ гнѣвные и колкіе упреки, которые онъ выскажетъ Кутузову за его обманъ. Онъ дастъ почувствовать этой старой придворной лисицѣ, что отвѣтственность за всѣ несчастія, имѣющія произойти отъ оставленія столицы, отъ погибели Россіи (какъ думалъ Растопчинъ), ляжетъ на одну его, выжившую изъ ума, старую голову. Обдумывая впередъ то, что̀ онъ скажетъ ему, Растопчинъ гнѣвно поворачивался въ коляскѣ и сердито оглядывался по сторонамъ.

Сокольничье поле было пустынно. Только въ концѣ его, у богадѣльни и желтаго дома, виднѣлись кучки людей въ бѣлыхъ одеждахъ и нѣсколько такихъ же людей, которые по одиночкѣ шли по полю, что-то крича и размахивая руками.

Одинъ изъ нихъ бѣжалъ наперерѣзъ коляскѣ графа Растопчина. И самъ графъ Растопчинъ, и его кучеръ, и драгуны—всѣ смотрѣли, съ смутнымъ чувствомъ ужаса и любопытства, на этихъ выпущенныхъ сумасшедшихъ и въ особенности на того, который подбѣгалъ къ нимъ.

Шатаясь на своихъ длинныхъ, худыхъ ногахъ, въ развѣвающемся халатѣ, сумасшедшій этотъ стремительно бѣжалъ, не спуская глазъ съ Растопчина, крича ему что-то хриплымъ голосомъ и дѣлая знаки, чтобъ онъ остановился. Обросшее неровными клочками бороды, сумрачное и торжественное лицо сумасшедшаго было худо и желто. Черные агатовые зрачки его бѣгали низко и тревожно по шафранно-желтымъ бѣлкамъ.

— Стой! Остановись, я говорю!—вскрикивалъ онъ пронзительно и опять что-то, задыхаясь, кричалъ съ внушительными интонаціями и жестами.

Онъ поравнялся съ коляской и бѣжалъ съ нею рядомъ.

— Трижды убили меня, трижды воскресалъ изъ мертвыхъ. Они побили каменьями, распяли меня... Я воскресну... воскресну... воскресну. Растерзали мое тѣло. Царствіе Божіе разрушится... Трижды разрушу и трижды воздвигну его!—кричалъ онъ, все возвышая и возвышая голосъ. Графъ Растопчинъ вдругъ поблѣднѣлъ, такъ, какъ онъ поблѣднѣлъ тогда, когда толпа бросилась на Верещагина. Онъ отвернулся.— Пош... пошелъ скорѣе! — крикнулъ онъ на кучера дрожащимъ голосомъ.

Коляска помчалась во всѣ ноги лошадей; но долго еще позади себя графъ Растопчинъ слышалъ отдаляющійся безумный, отчаянный крикъ, а предъ глазами видѣлъ одно удивленно-испуганное, окровавленное лицо измѣнника въ мѣховомъ тулупчикѣ.

Какъ ни свѣжо было это воспоминаніе, Растопчинъ чувствовалъ теперь, что оно глубоко, до крови, врѣзалось въ его сердце. Онъ ясно чувствовалъ теперь, что кровавый слѣдъ этого воспоминанія никогда не заживетъ, но что, на-

противъ, чѣмъ дальше, тѣмъ злѣе, мучительнѣе будетъ жить до конца жизни это страшное воспоминаніе въ его сердцѣ. Онъ слышалъ, ему казалось теперь, звуки своихъ словъ: „Руби его, вы головой отвѣтите мнѣ!“—„Зачѣмъ я сказалъ эти слова? Какъ-то нечаянно сказалъ... Я могъ не сказать ихъ (думалъ онъ): тогда *ничего* бы не было“. Онъ видѣлъ испуганное и потомъ вдругъ ожесточившееся лицо ударившаго драгуна, и взглядъ молчаливаго, робкаго упрека, который бросилъ на него этотъ мальчикъ въ лисьемъ тулупѣ... „Но я не для себя сдѣлалъ это. Я долженъ былъ поступить такъ“, „чернь“, „измѣнникъ...“ „общественное благо“, думалъ онъ.

У Яузскаго моста все еще тѣснилось войско. Было жарко. Кутузовъ, нахмуренный, унылый, сидѣлъ на лавкѣ около моста, и плетью игралъ по песку, когда съ шумомъ подскакала къ нему коляска. Человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ шляпѣ съ плюмажемъ, съ бѣгающими, не то гнѣвными, не то испуганными глазами, подошелъ къ Кутузову и сталъ по-французски говорить ему что-то. Это былъ графъ Растопчинъ. Онъ говорилъ Кутузову, что явился сюда, потому что Москвы и столицы нѣтъ больше, а есть одна армія.—Было бы другое, ежели бы ваша свѣтлость не сказали мнѣ, что вы не сдадите Москвы, не давши еще сраженія: всего этого не было бы!—сказалъ онъ.

Кутузовъ глядѣлъ на Растопчина и, какъ будто не понимая значенія обращенныхъ къ нему словъ, старательно усиливался прочесть что-то особенное, написанное въ эту минуту на лицѣ говорившаго съ нимъ человѣка. Растопчинъ, смутившись, замолчалъ. Кутузовъ слегка покачалъ головой и, не спуская испытующаго взгляда съ лица Растопчина, тихо проговорилъ:

— Да, я не отдамъ Москвы, не давъ сраженія.

Думалъ ли Кутузовъ совершенно о другомъ, говоря эти слова, или нарочно, зная ихъ безсмысленность, сказалъ ихъ, но графъ Растопчинъ ничего не отвѣтилъ и поспѣшно отошелъ отъ Кутузова. И—странное дѣло!—главнокомандующій Москвы, гордый графъ Растопчинъ, взявъ въ руки нагайку, подошелъ къ мосту и сталъ съ крикомъ разгонять столпившіяся повозки.

XXVI.

Въ 4-мъ часу пополудни, войска Мюрата вступали въ Москву. Впереди ѣхалъ отрядъ Виртембергскихъ гусаръ, позади съ большою свитой ѣхалъ верхомъ самъ Неаполитанскій король.

Около середины Арбата, близъ Николы Явленнаго, Мюратъ остановился, ожидая извѣстія отъ передового отряда о томъ, въ какомъ положеніи находилась городская крѣпость, „*le Kremlin*“.

Вокругъ Мюрата собралась небольшая кучка людей изъ остававшихся въ Москвѣ жителей. Всѣ съ робкимъ недоумѣніемъ смотрѣли на страннаго, изукрашеннаго перьями и золотомъ, длинноволосаго начальника.

— Что жъ, это самъ что ли царь ихній? Ничево,—слышались тихіе голоса.

Переводчикъ подъѣхалъ къ кучкѣ народа.

— Шапку-то сними... шапку - то,—заговорили въ толпѣ, обращаясь другъ къ другу. Переводчикъ обратился къ одному старому дворнику и спросилъ, далеко ли до Кремля? Дворникъ, прислушиваясь съ недоумѣніемъ къ чуждому ему польскому акценту и не признавая звуки говора переводчика за

русскую рѣчь, не понималъ, что̀ ему говорили, и прятался за другихъ.

Мюратъ подвинулся къ переводчику и велѣлъ спросить, гдѣ русскія войска. Одинъ изъ русскихъ людей понялъ, чего у него спрашивали, и нѣсколько голосовъ вдругъ стали отвѣчать переводчику. Французскій офицеръ изъ передового отряда подъѣхалъ къ Мюрату и доложилъ, что ворота въ крѣпость задѣланы и что, вѣроятно, тамъ засада.

— Хорошо,—сказалъ Мюратъ, и, обратившись къ одному изъ господъ своей свиты, приказалъ выдвинуть четыре легкихъ орудія и обстрѣлять ворота.

Артиллерія на рысяхъ выѣхала изъ-за колонны, шедшей за Мюратомъ, и поѣхала по Арбату. Спустившись до конца Воздвиженки, артиллерія остановилась и выстроилась на площади. Нѣсколько французскихъ офицеровъ распоряжались пушками, разстанавливая ихъ, и смотрѣли въ Кремль въ зрительную трубу.

Въ Кремлѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ, и этотъ звонъ смущалъ французовъ. Они предполагали, что это былъ призывъ къ оружію. Нѣсколько человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ побѣжали къ Кутафьевскимъ воротамъ. Въ воротахъ лежали бревна и тесовые щиты. Два ружейные выстрѣла раздались изъ-подъ воротъ, какъ только офицеръ съ командой сталъ подбѣгать къ нимъ. Генералъ, стоявшій у пушекъ, крикнулъ офицеру командныя слова, и офицеръ съ солдатами побѣжалъ назадъ.

Послышалось еще три выстрѣла изъ воротъ.

Одинъ выстрѣлъ задѣлъ въ ногу французскаго солдата, и странный крикъ немногихъ голосовъ послышался изъ-за щитовъ. На лицахъ французскихъ генерала, офицеровъ и

солдатъ, одновременно, какъ по командѣ, прежнее выраженіе веселости и спокойствія измѣнилось упорнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ готовности на борьбу и страданія. Для нихъ всѣхъ, начиная отъ маршала и до послѣдняго солдата, это мѣсто было не Воздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкія ворота, а эта была новая мѣстность новаго поля, вѣроятно, кровопролитнаго сраженія. И всѣ приготовились къ этому сраженію. Крики изъ воротъ затихли. Орудія были выдвинуты. Артиллеристы сдули нагорѣвшіе пальники. Офицеръ скомандовалъ: „пали!" и два свистящіе звука жестяновъ раздались одинъ за другимъ. Картечныя пули затрещали по камню воротъ, бревнамъ и щитамъ, и два облака дыма заколебались на площади.

Нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ затихли перекаты выстрѣловъ по каменному Кремлю, странный звукъ послышался надъ головами французовъ. Огромная стая галокъ поднялась надъ стѣнами и, каркая и шумя тысячами крылъ, закружилась въ воздухѣ. Вмѣстѣ съ этимъ звукомъ раздался человѣческій одинокій крикъ въ воротахъ, изъ-за дыма появилась фигура человѣка безъ шапки и въ кафтанѣ. Держа ружье, онъ цѣлился въ французовъ. „Пали!" повторилъ артиллерійскій офицеръ, и въ одно и то же время раздались одинъ ружейный и два орудійныхъ выстрѣла. Дымъ опять закрылъ ворота.

За щитами больше ничего не шевелилось, и пѣхотные французскіе солдаты съ офицерами пошли къ воротамъ. Въ воротахъ лежало три раненыхъ и четыре убитыхъ человѣка. Два человѣка въ кафтанахъ убѣгали низомъ вдоль стѣнъ къ Знаменкѣ.

— Уберите это,—сказалъ офицеръ, указывая на бревна

и трупы, и французы, добивъ раненыхъ, перебросили трупы внизъ за ограду. Кто были эти люди, никто не зналъ. „Уберите это“, только сказано было про нихъ, и ихъ выбросили и прибрали потомъ, чтобъ они не воняли. Одинъ Тьеръ посвятилъ ихъ памяти нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ: „эти несчастные заняли священную крѣпость, овладѣли ружьями арсенала и стрѣляли въ французовъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ изрубили саблями, и очистили Кремль отъ ихъ присутствія“.

Мюрату было доложено, что путь расчищенъ. Французы вошли въ ворота и стали размѣщаться лагеремъ на Сенатской площади. Солдаты выкидывали стулья изъ оконъ Сената на площадь и раскладывали огни.

Другіе отряды проходили черезъ Кремль и размѣщались по Маросейкѣ, Лубянкѣ, Покровкѣ. Третьи еще размѣщались по Воздвиженкѣ, Знаменкѣ, Никольской, Тверской. Вездѣ, не находя хозяевъ, французы размѣщались не какъ въ городѣ на квартирахъ, а какъ въ лагерѣ, который расположенъ въ городѣ.

Хотя и оборванные, голодные, измученные и уменьшенные до 1/3 части своей прежней численности, французскіе солдаты, вступили въ Москву еще въ стройномъ порядкѣ. Это было измученное, истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты этого войска не разошлись по квартирамъ. Какъ только люди полковъ стали расходиться по пустымъ и богатымъ домамъ, такъ навсегда уничтожилось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами. Когда, черезъ пять недѣль, тѣ же самые люди вышли изъ Москвы, они уже не составляли болѣе войска. Это была толпа мародеровъ, изъ которыхъ каждый везъ или несъ съ

собой кучу вещей, которыя ему казались цѣнны и нужны. Цѣль каждаго изъ этихъ людей при выходѣ изъ Москвы не состояла, какъ прежде, въ томъ, чтобы завоевать, а только въ томъ, чтобъ удержать пріобрѣтенное. Подобно той обезьянѣ, которая, запустивъ руку въ узкое горло кувшина и захвативъ горсть орѣховъ, не разжимаетъ кулака, чтобы не потерять схваченнаго, и этимъ губитъ себя, французы, при выходѣ изъ Москвы, очевидно должны были погибнуть вслѣдствіе того, что они тащили съ собой награбленное, но бросить это награбленное имъ было такъ же невозможно, какъ невозможно обезьянѣ разжать горсть съ орѣхами. Черезъ десять минутъ послѣ вступленія каждаго французскаго полка въ какой-нибудь кварталъ Москвы не оставалось ни одного солдата и офицера. Въ окнахъ домовъ видны были люди въ шинеляхъ и штиблетахъ, смѣясь прохаживающіеся по комнатамъ; въ погребахъ, въ подвалахъ такіе же люди хозяйничали съ провизіей; на дворахъ такіе же люди отпирали и отбивали ворота сараевъ и конюшень; въ кухняхъ раскладывали огни, съ засученными руками пекли, мѣсили и варили, пугали, смѣшили и ласкали женщинъ и дѣтей. И этихъ людей вездѣ, и по лавкамъ и по домамъ, было много, но войска уже не было.

Въ тотъ же день приказъ за приказомъ отдавались французскими начальниками о томъ, чтобы запретить войскамъ расходиться по городу, строго запретить насилія жителей и мародерство, о томъ, чтобы нынче же вечеромъ сдѣлать общую перекличку; но, несмотря ни на какія мѣры, люди, прежде составлявшіе войско, расплывались по богатому, обильному удобствами и запасами, пустому городу. Какъ голодное стадо идетъ кучей по голому полю, но тотчасъ же неудержимо

разбредается, какъ только нападетъ на богатыя пастбища, такъ же неудержимо разбредалось и войско по богатому городу.

Жителей въ Москвѣ не было, и солдаты, какъ вода въ песокъ, всачивались въ нее и неудержимою звѣздой расплывались во всѣ стороны отъ Кремля, въ который они вошли прежде всего. Солдаты кавалеристы, входя въ оставленный со всѣмъ добромъ купеческій домъ и находя стойла не только для своихъ лошадей, но и лишнія, все-таки шли рядомъ занимать другой домъ, который имъ казался лучше. Многіе занимали нѣсколько домовъ, надписывая мѣломъ, кѣмъ онъ занятъ, и спорили и даже дрались съ другими командами. Не успѣвъ еще помѣститься, солдаты бѣжали на улицу осматривать городъ, и по слуху о томъ, что все брошено, стремились туда, гдѣ можно было забрать даромъ цѣнныя вещи. Начальники ходили останавливать солдатъ, и сами вовлекались невольно въ тѣ же дѣйствія. Въ Каретномъ ряду оставались лавки съ экипажами, и генералы толпились тамъ, выбирая коляски и кареты. Остававшіеся жители приглашали къ себѣ начальниковъ, надѣясь тѣмъ обезпечиться отъ грабежа. Богатствъ было пропасть, и конца имъ не видно было; вездѣ кругомъ того мѣста, которое заняли французы, были еще неизвѣданныя, незанятыя мѣста, въ которыхъ, какъ казалось французамъ, было еще больше богатствъ. И Москва все дальше и дальше всасывала ихъ въ себя. Точно такъ, какъ вслѣдствіе того, что нальется вода на сухую землю, исчезаетъ вода и сухая земля, точно такъ же вслѣдствіе того, что голодное войско вошло въ обильный, пустой городъ, уничтожилось войско и уничтожился обильный городъ; и сдѣлалась грязь, сдѣлались пожары и мародерство.

Французы приписывали пожаръ Москвы au patriotisme féroce de Rostopchine *); русскіе — изувѣрству французовъ. Въ сущности же, причинъ пожара Москвы въ томъ смыслѣ, чтобы отнести пожаръ этотъ на отвѣтственность одного или нѣсколькихъ лицъ, такихъ причинъ не было и не могло быть. Москва сгорѣла вслѣдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорѣть, независимо отъ того, имѣются ли или не имѣются въ городѣ 130 плохихъ пожарныхъ трубъ. Москва должна была сгорѣть вслѣдствіе того, что изъ нея выѣхали жители и такъ же неизбѣжно, какъ должна загорѣться куча стружекъ, на которую въ продолженіе нѣсколькихъ дней будутъ сыпаться искры огня. Деревянный городъ, въ которомъ, при жителяхъ-владѣльцахъ домовъ и при полиціи, бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорѣть, когда въ немъ нѣтъ жителей, а живутъ войска, курящія трубки, раскладывающія костры на Сенатской площади изъ Сенатскихъ стульевъ и варящія себѣ ѣсть два раза въ день. Стóитъ въ мирное время войскамъ расположиться на квартирахъ по деревнямъ въ извѣстной мѣстности, и количество пожаровъ въ этой мѣстности тотчасъ увеличивается. Въ какой же степени должна увеличиться вѣроятность пожаровъ въ пустомъ, деревянномъ городѣ, въ которомъ расположится чужое войско? Le patriotisme féroce de Rostopchine и изувѣрство французовъ тутъ ни въ чемъ не виноваты. Москва загорѣлась отъ трубокъ, отъ кухонь, отъ костровъ, отъ неряшливости непріятельскихъ солдатъ, жителей—не хозяевъ домовъ. Ежели и были поджоги (чтò весьма сомнительно,

---

*) Дикому патріотизму Растопчина.

потому что поджигать никому не было никакой причины, а во всякомъ случаѣ хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, такъ какъ безъ поджоговъ было бы то же самое.

Какъ ни лестно было французамъ обвинять звѣрство Растопчина, и русскимъ обвинять злодѣя Бонапарта или потомъ влагать героическій факелъ въ руки своего народа, нельзя не видѣть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгорѣть, какъ должна сгорѣть каждая деревня, фабрика, всякій домъ, изъ котораго выйдутъ хозяева, и въ который пустятъ хозяйничать и варить себѣ кашу чужихъ людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не тѣми жителями, которые оставались въ ней, а тѣми, которые выѣхали изъ нея. Москва, занятая непріятелемъ, не осталась цѣла какъ Берлинъ, Вѣна и другіе города только вслѣдствіе того, что жители ея не поднесли хлѣбъ-соль и ключи французамъ, а выѣхали изъ нея.

XXVII.

Расходившееся звѣздой по Москвѣ всачиваніе французовъ, въ день 2-го сентября, только къ вечеру достигло квартала, въ которомъ жилъ теперь Пьеръ.

Пьеръ находился, послѣ двухъ послѣднихъ уединенно и необычайно проведенныхъ дней, въ состояніи близкомъ къ сумасшествію. Всѣмъ существомъ его овладѣла одна неотвязная мысль. Онъ самъ не зналъ, какъ и когда, но мысль эта овладѣла имъ теперь такъ, что онъ ничего не помнилъ изъ прошедшаго, ничего не понималъ изъ настоящаго, и все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, происходило предъ нимъ какъ во снѣ.

Пьеръ ушелъ изъ своего дома только для того, чтобъ избавиться отъ сложной путаницы требованій жизни, охватившей его и которую онъ, въ тогдашнемъ состояніи, не въ силахъ былъ распутать. Онъ поѣхалъ на квартиру Іосифа Алексѣевича подъ предлогомъ разбора книгъ и бумагъ покойнаго только потому, что онъ искалъ успокоенія отъ жизненной тревоги, а съ воспоминаніемъ объ Іосифѣ Алексѣевичѣ связывался въ его душѣ міръ вѣчныхъ, спокойныхъ и торжественныхъ мыслей, совершенно противоположныхъ тревожной путаницѣ, въ которую онъ чувствовалъ себя втягиваемымъ. Онъ искалъ тихаго убѣжища, и дѣйствительно нашелъ его въ кабинетѣ Іосифа Алексѣевича. Когда онъ, въ мертвой тишинѣ кабинета, сѣлъ облокотившись на руки надъ запылейнымъ письменнымъ столомъ покойника, въ его воображеніи спокойно и значительно, одно за другимъ, стали представляться воспоминанія послѣднихъ дней, въ особенности Бородинскаго сраженія и того непреодолимаго для него ощущенія своей ничтожности и лживости въ сравненіи съ правдой, простотой и силой того разряда людей, которые отпечатались у него въ душѣ подъ названіемъ: *они*. Когда Герасимъ разбудилъ его отъ его задумчивости, Пьеру пришла мысль о томъ, что онъ приметъ участіе въ предполагаемой,— какъ онъ это зналъ,—народной защитѣ Москвы. И съ этою цѣлью онъ тотчасъ же попросилъ Герасима достать ему кафтанъ и пистолетъ и объявилъ ему свое намѣреніе, скрывая свое имя, остаться въ домѣ Іосифа Алексѣевича. Потомъ въ продолженіе перваго уединенно и праздно проведеннаго дня (Пьеръ нѣсколько разъ пытался и не могъ остановить своего вниманія на мосонскихъ рукописяхъ), ему нѣсколько разъ смутно представлялась и прежде приходившая мысль о каба-

листическомъ значеніи своего имени въ связи съ именемъ Бонапарта; но мысль эта о томъ, что ему, l'Russe Besuhof, предназначено положить предѣлъ власти *звѣря*, приходила ему еще только какъ одно изъ мечтаній, которыя безпричинно и безслѣдно пробѣгаютъ въ воображеніи.

Когда, купивъ кафтанъ (съ цѣлью только участвовать въ народной защитѣ Москвы), Пьеръ встрѣтилъ Ростовыхъ, и Наташа сказала ему: „Вы остаетесь? Ахъ какъ это хорошо!“ въ головѣ его мелькнула мысль, что дѣйствительно хорошо бы было, даже ежели бы и взяли Москву, ему остаться въ ней и исполнить то, что ему предопредѣлено.

На другой день онъ, съ одною мыслью не жалѣть себя и не отставать ни въ чемъ отъ *нихъ*, ходилъ за Трехгорную заставу. Но когда онъ вернулся домой, убѣдившись, что Москву защищать не будутъ, онъ вдругъ почувствовалъ что то, что ему прежде представлялось только возможностью, теперь сдѣлалось необходимостью и неизбѣжностью. Онъ долженъ былъ, скрывая имя свое, остаться въ Москвѣ, встрѣтить Наполеона и убить его, съ тѣмъ, чтобъ или погибнуть, или прекратить несчастіе всей Европы, происходившее, по мнѣнію Пьера, отъ одного Наполеона.

Пьеръ зналъ всѣ подробности покушенія нѣмецкаго студента на жизнь Бонапарта, въ Вѣнѣ, въ 1809 году и зналъ то, что студентъ этотъ былъ разстрѣленъ. И та опасность, которой онъ подвергалъ свою жизнь при исполненіи своего намѣренія, еще сильнѣе возбуждала его.

Два одинаково сильныя чувства неотразимо привлекали Пьера къ его намѣренію. Первое было чувство потребности жертвы и страданія при сознаніи общаго несчастія, то чувство, вслѣдствіе котораго онъ 25-го поѣхалъ въ Можайскъ

и заѣхалъ въ самый пылъ сраженія, теперь убѣжалъ изъ своего дома и, вмѣсто привычной роскоши и удобствъ жизни, спалъ не раздѣваясь на жесткомъ диванѣ и ѣлъ одну пищу съ Герасимомъ; другое было то неопредѣленное, исключительно русское чувство презрѣнія ко всему условному, искусственному, человѣческому, ко всему тому, что̀ считается большинствомъ людей высшимъ благомъ міра. Въ первый разъ Пьеръ испыталъ это странное и обаятельное чувство въ Слободскомъ дворцѣ, когда онъ вдругъ почувствовалъ, что и богатство, и власть, и жизнь, все то, что̀ съ такимъ стараніемъ устраиваютъ и берегутъ люди, все это, ежели и сто̀итъ чего-нибудь, то только по тому наслажденію, съ которымъ все это можно бросить.

Это было то чувство, вслѣдствіе котораго охотникъ-рекрутъ пропиваетъ послѣднюю копѣйку, запившій человѣкъ перебиваетъ зеркала и стекла безъ всякой видимой причины и зная, что это будетъ сто̀ить ему его послѣднихъ денегъ; то чувство, вслѣдствіе котораго человѣкъ, совершая (въ пошломъ смыслѣ) безумныя дѣла, какъ бы пробуетъ свою личную власть и силу, заявляя присутствіе высшаго, стоящаго внѣ человѣческихъ условій, суда надъ жизнью.

Съ самаго того дня, какъ Пьеръ въ первый разъ испыталъ это чувство въ Слободскомъ дворцѣ, онъ непрестанно находился подъ его вліяніемъ, но теперь только нашелъ ему полное удовлетвореніе. Кромѣ того, въ настоящую минуту, Пьера поддерживало въ его намѣреніи и лишало возможности отречься отъ него то, что̀ уже было сдѣлано имъ на этомъ пути. И его бѣгство изъ дому, и его кафтанъ, и пистолетъ, и его заявленіе Ростовымъ, что онъ остается въ Москвѣ,— все потеряло бы не только смыслъ, но все это было бы про-

зрѣнію и смѣшно (къ чему Пьеръ былъ чувствителенъ), ежели бы онъ послѣ всего этого, такъ же какъ и другіе, уѣхалъ изъ Москвы.

Физическое состояніе Пьера, какъ и всегда это бываетъ, совпадало съ нравственнымъ. Непривычная, грубая пища, водка, которую онъ пилъ эти дни, отсутствіе вина и сигаръ, грязное, неперемѣненное бѣлье, на половину безсонныя двѣ ночи, проведенныя на короткомъ диванѣ, безъ постели, все это поддерживало Пьера въ состояніи раздраженія, близкомъ къ помѣшательству.

Былъ уже 2-й часъ послѣ полудня. Французы уже вступили въ Москву. Пьеръ зналъ это, но, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, перебирая всѣ его малѣйшія, будущія подробности. Пьеръ въ своихъ мечтаніяхъ не представлялъ себѣ живо ни самаго процесса нанесенія удара, ни смерти Наполеона, но съ необыкновенною яркостью и съ грустнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ свою погибель и свое геройское мужество.

„Да, одинъ за всѣхъ, я долженъ совершить или погибнуть!—думалъ онъ. — Да, я подойду... и потомъ вдругъ... Пистолетомъ или кинжаломъ! — думалъ Пьеръ. — Впрочемъ, все равно. Не я, а Рука Провидѣнія казнитъ тебя... скажу я (думалъ Пьеръ слова, которыя онъ произнесетъ, убивая Наполеона). Ну что жъ, берите, казните меня“, говорилъ дальше самъ себѣ Пьеръ, съ грустнымъ, но твердымъ выраженіемъ на лицѣ, опуская голову.

Въ то время какъ Пьеръ, стоя по срединѣ комнаты, разсуждалъ съ собою такимъ образомъ, дверь кабинета отворилась, и на порогѣ показалась совершенно измѣнившаяся фигура всегда прежде робкаго Макара Алексѣевича.

Халатъ его былъ распахнутъ. Лицо было красно и безобразно. Онъ, очевидно, былъ пьянъ. Увидавъ Пьера, онъ смутился въ первую минуту, но замѣтивъ смущеніе и на лицѣ Пьера, онъ тотчасъ ободрился и шатающимися, тонкими ногами вышелъ на середину комнаты.

— Они оробѣли, — сказалъ онъ хриплымъ, довѣрчивымъ голосомъ.—Я говорю: не сдамся, я говорю... такъ ли, господинъ?—Онъ задумался и вдругъ, увидавъ пистолетъ на столѣ, неожиданно быстро схватилъ. его и выбѣжалъ въ корридоръ.

Герасимъ и дворникъ, шедшіе слѣдомъ за Макаромъ Алексѣичемъ, остановили его въ сѣняхъ и стали отнимать пистолетъ. Пьеръ, выйдя въ корридоръ, съ жалостью и отвращеніемъ смотрѣлъ на этого полусумасшедшаго старика. Макаръ Алексѣичъ, морщась отъ усилій, удерживалъ пистолетъ и кричалъ хриплымъ голосомъ, видимо себѣ воображая что-то торжественное.

— Къ оружію! На абордажъ! Врешь, не отнимешь! — кричалъ онъ.

— Будетъ, пожалуйста, будетъ. Сдѣлайте милость, пожалуйста, оставьте. Ну, пожалуйста, баринъ...—говорилъ Герасимъ, осторожно за локти стараясь поворотить Макара Алексѣича къ двери.

— Ты кто? Бонапартъ!..—кричалъ Макаръ Алексѣичъ.

— Это не хорошо, сударь. Вы пожалуйте въ комнаты, вы отдохните. Пожалуйте пистолетикъ.

— Прочь, рабъ презрѣнный! Не прикасайся! Видѣлъ?— кричалъ Макаръ Алексѣичъ, потрясая пистолетомъ. — На абордажъ!

— Берись,—шепнулъ Герасимъ дворнику.

Макара Алексѣича схватили за руки и потащили къ двери.

Сѣни наполнились безобразными звуками возни и пьяными, хрипящими звуками запыхавшагося голоса.

Вдругъ новый, пронзительный, женскій крикъ раздался отъ крыльца, и кухарка вбѣжала въ сѣни.

— Они! Батюшки родимые!.. Ей-Богу, они. Четверо, конные!..—кричала она.

Герасимъ и дворникъ выпустили изъ рукъ Макара Алексѣича, и въ затихшемъ корридорѣ ясно послышался стукъ нѣсколькихъ рукъ въ входную дверь.

XXVIII.

Пьеръ, рѣшившій самъ съ собою, что ему, до исполненія своего намѣренія, не надо было открывать ни своего званія, ни знанія французскаго языка, стоялъ въ полуоткрытыхъ дверяхъ корридора, намѣреваясь тотчасъ же скрыться, какъ скоро войдутъ французы. Но французы вошли, и Пьеръ все не отходилъ отъ двери: непреодолимое любопытство удерживало его.

Ихъ было двое. Одинъ—офицеръ, высокій, бравый и красивый мужчина, другой—очевидно, солдатъ или деньщикъ, приземистый, худой, загорѣлый человѣкъ съ ввалившимися щеками и тупымъ выраженіемъ лица. Офицеръ, опираясь на палку и прихрамывая, шелъ впереди. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, офицеръ, какъ бы рѣшивъ самъ съ собою, что квартира эта хороша, остановился, обернулся назадъ къ стоявшимъ въ дверяхъ солдатамъ и громкимъ начальническимъ голосомъ крикнулъ имъ, чтобъ они вводили лошадей. Окончивъ это дѣло, офицеръ молодецкимъ жестомъ, высоко поднявъ локоть руки, расправилъ усы и дотронулся рукой до шляпы,

— Почтеніе всей компаніи,—весело проговорилъ онъ, улыбаясь и оглядываясь вокругъ себя.

Никто ничего не отвѣчалъ.

— Вы хозяинъ?—обратился офицеръ къ Герасиму.

Герасимъ испуганно-вопросительно смотрѣлъ на офицера.

— Квартиръ, квартиръ,—сказалъ офицеръ, сверху внизъ, съ снисходительною и добродушною улыбкой, глядя на маленькаго человѣка.—Французы—добрые ребята, чортъ возьми, не будемъ ссориться, старикъ,—прибавилъ онъ, трепля по плечу испуганнаго и молчаливаго Герасима.— Что жъ, неужели и тутъ никто не говоритъ по-французски?—прибавилъ онъ, оглядываясь кругомъ и встрѣчаясь глазами съ Пьеромъ. Пьеръ отстранился отъ двери.

Офицеръ опять обратился къ Герасиму. Онъ требовалъ, чтобы Герасимъ показалъ ему комнаты въ домѣ.

— Баринъ нѣту—не понимай... моя вашъ...—говорилъ Герасимъ, стараясь сдѣлать свои слова понятнѣе тѣмъ, что онъ ихъ говорилъ на выворотъ.

Французскій офицеръ, улыбаясь, развелъ руками предъ носомъ Герасима, давая чувствовать, что и онъ не понимаетъ его, и, прихрамывая, пошелъ къ двери, у которой стоялъ Пьеръ. Пьеръ хотѣлъ отойти, чтобы скрыться отъ него, но въ это самое время онъ увидалъ изъ отворившейся двери кухни высунувшагося Макара Алексѣича съ пистолетомъ въ рукахъ. Съ хитростью безумнаго, Макаръ Алексѣичъ оглядѣлъ француза и, приподнявъ пистолетъ, прицѣлился.

— На абордажъ!!!...—закричалъ пьяный, нажимая спускъ пистолета. Французскій офицеръ обернулся на крикъ, и въ то же мгновеніе Пьеръ бросился на пьянаго. Въ то время какъ Пьеръ схватилъ и приподнялъ пистолетъ, Макаръ

Алексѣичъ попалъ наконецъ пальцемъ на спускъ, и раздался оглушившій и обдавшій всѣхъ пороховымъ дымомъ выстрѣлъ. Французъ поблѣднѣлъ и бросился назадъ къ двери.

Забывшій свое намѣреніе не открывать своего знанія французскаго языка, Пьеръ, вырвавъ пистолетъ и бросивъ его, подбѣжалъ къ офицеру и по-французски заговорилъ съ нимъ:

— Вы не ранены?—сказалъ онъ.

— Кажется, нѣтъ,—отвѣчалъ офицеръ, ощупывая себя;—но на этотъ разъ я счастливо отдѣлался,—прибавилъ онъ, указывая на отбившуюся штукатурку въ стѣнѣ.—Кто этотъ человѣкъ? — строго взглянувъ на Пьера, сказалъ офицеръ.

— Ахъ, я право въ отчаяніи отъ того, что̀ случилось,—быстро говорилъ Пьеръ, совершенно забывъ свою роль.—Это несчастный сумасшедшій, который не зналъ, что̀ дѣлалъ.

Офицеръ подошелъ къ Макару Алексѣичу и схватилъ его за̀ воротъ.

Макаръ Алексѣичъ, распустивъ губы, какъ бы засыпая, качался прислонившись къ стѣнѣ.

— Разбойникъ, ты мнѣ поплатишься за это! — сказалъ французъ, отнимая руку. — Нашъ братъ милостивъ послѣ побѣды, но мы не прощаемъ измѣнникамъ,—прибавилъ онъ съ мрачною торжественностью въ лицѣ и съ красивымъ энергическимъ жестомъ.

Пьеръ продолжалъ по-французски уговаривать офицера не взыскивать съ этого пьянаго, безумнаго человѣка. Французъ молча слушалъ, не измѣняя мрачнаго вида и вдругъ съ улыбкой обратился къ Пьеру. Онъ нѣсколько секундъ молча посмотрѣлъ на него. Красивое лицо его приняло трагически-нѣжное выраженіе, и онъ протянулъ руку.

— Вы спасли мнѣ жизнь. Вы французъ, — сказалъ онъ.

Для француза выводъ этотъ былъ несомнѣненъ. Совершить великое дѣло могъ только французъ, а спасеніе жизни его, мосье Рамбаля, капитана 13-го легкаго полка, было, безъ сомнѣнія самымъ великимъ дѣломъ.

Но какъ ни несомнѣненъ былъ этотъ выводъ и основанное на немъ убѣжденіе офицера, Пьеръ счелъ нужнымъ разочаровать его.

— Я русскій,—быстро сказалъ Пьеръ.

— Ти-ти-ти, разсказывайте это другимъ,—сказалъ французъ, махая пальцемъ себѣ предъ носомъ и улыбаясь.—Сейчасъ вы мнѣ все это разскажете, — сказалъ онъ. — Очень пріятно встрѣтить соотечественника. Ну! что̀ же намъ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Пьеру уже, какъ къ своему брату. Ежели бы Пьеръ даже не былъ французъ, получивъ разъ это высшее на свѣтѣ наименованіе, не могъ же онъ отречься отъ него, говорило выраженіе лица и тонъ французскаго офицера. На послѣдній вопросъ Пьеръ еще разъ объяснилъ, кто былъ Макаръ Алексѣичъ, объяснилъ, что предъ самымъ ихъ приходомъ, этотъ пьяный, безумный человѣкъ утащилъ заряженный пистолетъ, который не успѣли отнять у него, и просилъ оставить его поступокъ безъ наказанія.

Французъ выставилъ грудь и сдѣлалъ царскій жестъ рукой.

— Вы спасли мнѣ жизнь. Вы французъ. Вы хотите, чтобъ я простилъ его? Я прощаю его. Увести этого человѣка,—быстро и энергично проговорилъ французскій офицеръ, взявъ подъ руку произведеннаго имъ за спасеніе его жизни во французы Пьера и пошелъ съ нимъ въ комнату.

Солдаты, бывшіе на дворѣ, услыхавъ выстрѣлъ, вошли

въ сѣни, спрашивая, что случилось, и изъявляя готовность наказать виновныхъ; но офицеръ строго остановилъ ихъ.

— Когда будетъ нужно, васъ позовутъ, — сказалъ онъ. Солдаты вышли. Деньщикъ, успѣвшій между тѣмъ побывать въ кухнѣ, подошелъ къ офицеру.

— Капитанъ, у нихъ въ кухнѣ есть супъ и жареная баранина,—сказалъ онъ.—Прикажете принести?

— Да, и вино,—сказалъ капитанъ.

XXIX.

Когда французскій офицеръ вмѣстѣ съ Пьеромъ вошли въ комнаты, Пьеръ счелъ своимъ долгомъ опять увѣрить капитана, что онъ былъ не французъ, и хотѣлъ уйти, но французскій офицеръ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ былъ до такой степени учтивъ, любезенъ, добродушенъ и истинно благодаренъ за спасеніе своей жизни, что Пьеръ не имѣлъ духа отказать ему и присѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ залѣ, въ первой комнатѣ, въ которую они вошли. На утвержденіе Пьера, что онъ не французъ, капитанъ, очевидно не понимая, какъ можно было отказываться отъ такого лестнаго званія, пожалъ плечами и сказалъ, что ежели онъ непремѣнно хочетъ слыть за русскаго, то пускай это такъ будетъ, но что онъ все-таки, несмотря на то, все такъ же навѣки связанъ съ нимъ чувствомъ благодарности за спасеніе жизни.

Ежели бы этотъ человѣкъ былъ одаренъ хоть сколько-нибудь способностью понимать чувства другихъ и догадывался бы объ ощущеніяхъ Пьера, Пьеръ вѣроятно ушелъ бы отъ него; но оживленная непроницаемость этого человѣка ко всему тому, что не было онъ самъ, побѣдила Пьера.

— Французъ или русскій князь инкогнито,—сказалъ фран-

цузъ, оглядѣвъ хотя и грязное, но тонкое бѣлье Пьера и перстень на его рукѣ.—Я обязанъ вамъ жизнью, я предлагаю вамъ дружбу. Французъ никогда не забываетъ ни оскорбленія, ни услуги. Я предлагаю вамъ мою дружбу. Вотъ все, что̀ я могу вамъ сказать.

Въ звукахъ голоса, въ выраженіи лица, въ жестахъ этого офицера было столько добродушія и благородства (во французскомъ смыслѣ), что Пьеръ, отвѣчая безсознательною улыбкой на улыбку француза, пожалъ протянутую руку.

— Капитанъ Рамбаль, 13-го легкаго полка, кавалеръ почетнаго легіона за дѣло 7-го сентября,—отрекомендовался онъ съ самодовольною, неудержимою улыбкой, которая морщила его губы подъ усами.—Будете ли вы такъ добры сказать мнѣ теперь, съ кѣмъ я имѣю честь разговаривать такъ пріятно, вмѣсто того, чтобы быть на перевязочномъ пунктѣ съ пулей этого сумасшедшаго въ тѣлѣ?

Пьеръ отвѣчалъ, что не можетъ сказать своего имени, и, покраснѣвъ, началъ было, пытаясь выдумывать имя, говорить о причинахъ, по которымъ онъ не можетъ сказать этого, но французъ поспѣшно перебилъ его.

— Полноте, пожалуйста!—сказалъ онъ.—Я понимаю ваши причины, вы офицеръ... штабъ-офицеръ можетъ-быть. Вы служили противъ насъ.—Это не мое дѣло. Я обязанъ вамъ жизнью. Мнѣ этого довольно и я весь къ вашимъ услугамъ. Вы дворянинъ?—прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ вопроса. Пьеръ наклонилъ голову.—Ваше имя, я больше ничего не спрашиваю. Господинъ Пьеръ, вы сказали? Прекрасно. Это все, что̀ мнѣ нужно.

Когда принесены были баранина, яичница, самоваръ, водка и вино изъ русскаго погреба, которое съ собой привезли французы, Рамбаль попросилъ Пьера принять участіе

въ этомъ обѣдѣ и тотчасъ же самъ, жадно и быстро, какъ здоровый и голодный человѣкъ, принялся ѣсть, быстро пережевывая своими сильными зубами, безпрестанно причмокивая и приговаривая: чудесно, превосходно! Лицо его раскраснѣлось и покрылось пóтомъ. Пьеръ былъ голоденъ и съ удовольствіемъ принялъ участіе въ обѣдѣ. Морель, деньщикъ, принесъ кастрюлю съ теплою водою и поставилъ въ нее бутылку краснаго вина. Кромѣ того, онъ принесъ бутылку съ квасомъ, которую онъ для пробы взялъ въ кухнѣ. Напитокъ этотъ былъ уже извѣстенъ французамъ и получилъ названіе. Они называли квасъ „свиной лимонадъ“ (limonade de cochon), и Морель хвалилъ этотъ лимонадъ, который онъ нашелъ въ кухнѣ. Но такъ какъ у капитана было вино, добытое при переходѣ черезъ Москву, то онъ предоставилъ квасъ Морелю и взялся за бутылку бордо. Онъ завернулъ бутылку по горлышко въ салфетку и налилъ себѣ и Пьеру вина. Утоленный голодъ и вино еще болѣе оживили капитана, и онъ, не переставая, разговаривалъ во время обѣда.

— Да, мой любезный господинъ Пьеръ, я обязанъ поставить за васъ хорошую свѣчку за то, что вы спасли меня отъ этого бѣшенаго. Съ меня, видите ли, довольно тѣхъ пуль, которыя у меня въ тѣлѣ. Вотъ одна получена подъ Ваграмомъ (онъ указалъ на бокъ), другая подъ Смоленскомъ (онъ показалъ шрамъ на щекѣ), а эта нога, вы видите, которая не хочетъ двигаться,—это я нажилъ при большомъ сраженіи 7-го подъ Москвою. О! это было чудесно! Надо было видѣть, это былъ потопъ огня. Задали вы намъ трудную работу, можете похвалиться. И, честное слово, несмотря на эту простуду, которую я тамъ схватилъ, я былъ бы готовъ начать все снова. Жалѣю тѣхъ, которые не видали этого.

— Я былъ тамъ,—сказалъ Пьеръ.

— Ба, въ самомъ дѣлѣ?—продолжалъ французъ.—Тѣмъ лучше. Вы лихіе враги, надо признаться. Хорошо держался большой редутъ, клянусь своею трубкой. И дорого же вы заставили насъ поплатиться. Я тамъ три раза былъ, это вѣрно, какъ то, что вы меня видите. Три раза мы были на пушкахъ, три раза насъ опрокидывали, какъ карточныхъ солдатиковъ. Это было красиво, господинъ Пьеръ! Ваши гренадеры были великолѣпны, ей-Богу. Я видѣлъ, какъ ихъ ряды шесть разъ смыкались, и какъ они выступали точно на парадъ. Чудный народъ! Нашъ Неаполитанскій король, который въ этихъ дѣлахъ собаку съѣлъ, кричалъ имъ: браво!—Га, га, такъ вы нашъ братъ, солдатъ!—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, господинъ Пьеръ. Страшны въ сраженіяхъ, любезны съ красавицами, таковы французы, господинъ Пьеръ. Не правда ли?

До такой степени капитанъ былъ наивно и добродушно веселъ и цѣленъ и доволенъ собой, что Пьеръ чуть-чуть самъ не подмигнулъ, весело глядя на него. Вѣроятно, слова „любезны съ женщинами“ навели капитана на мысль о положеніи Москвы.

— Кстати, скажите, пожалуйста, правда ли, что всѣ женщины уѣхали изъ Москвы? Странная мысль, чего онѣ боялись?

— Развѣ французскія дамы не уѣхали бы изъ Парижа, если бы русскіе вошли въ него?—сказалъ Пьеръ.

— Ха-ха-ха... Французъ весело, сангвинически расхохотался, трепля по плечу Пьера.—А, вотъ сказалъ штуку!—проговорилъ онъ.—Парижъ... Но вѣдь то Парижъ... Парижъ...

— Парижъ—столица міра...—сказалъ Пьеръ, доканчивая его рѣчь.

Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера. Онъ имѣлъ привычку въ серединѣ разговора остановиться и поглядѣть пристально смѣющимися, ласковыми глазами.

— Ну, если бъ вы мнѣ не сказали, что вы русскій, я бы побился объ закладъ, что вы парижанинъ. Въ васъ что-то есть, это что-то...—и, сказавъ этотъ комплиментъ, онъ опять молча посмотрѣлъ.

— Я былъ въ Парижѣ, я провелъ тамъ цѣлые годы, — сказалъ Пьеръ.

— О, это видно. Парижъ!... Человѣкъ, который не знаетъ Парижъ, дикарь. Парижанина узнаешь за двѣ мили. Парижъ— это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары... и, замѣтивъ, что заключеніе слабѣе предыдущаго, онъ поспѣшно прибавилъ:—во всемъ мірѣ есть только одинъ Парижъ. Вы были въ Парижѣ и остались русскимъ. Ну, что же, я васъ за то не менѣе уважаю.

Подъ вліяніемъ выпитаго вина и послѣ дней, проведенныхъ въ уединеніи съ своими мрачными мыслями, Пьеръ испытывалъ невольное удовольствіе въ разговорѣ съ этимъ веселымъ и добродушнымъ человѣкомъ.

— Но воротимся къ вашимъ дамамъ; говорятъ, что онѣ очень красивы. Что за дурацкая мысль поѣхать зарыться въ степи, когда французская армія въ Москвѣ! Онѣ пропустили чудесный случай. Ваши мужики, я понимаю, но вы— люди образованные, должны бы были знать насъ лучше этого. Мы брали Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Неаполь, Римъ, Варшаву — всѣ столицы міра. Насъ боятся, но насъ любятъ. Не вредно знать насъ поближе. И потомъ императоръ... началъ онъ, но Пьеръ перебилъ его.

— Императоръ, — повторилъ Пьеръ, и лицо его вдругъ

приняло грустное и сконфуженное выраженіе.—Развѣ императоръ?...

— Императоръ? Это великодушіе, милосердіе, справедливость, порядокъ, геній—вотъ что̀ такое императоръ. Это, я, Рамбаль, говорю вамъ. Увѣряю васъ, я былъ его врагомъ тому назадъ восемь лѣтъ. Мой отецъ былъ графъ и эмигрантъ. Но онъ побѣдилъ меня, этотъ человѣкъ. Онъ завладѣлъ мною. Я не могъ устоять предъ зрѣлищемъ величія и славы, которымъ онъ покрывалъ Францію. Когда я понялъ, чего онъ хотѣлъ, когда я увидалъ, что онъ готовитъ для насъ ложе изъ лавровъ, я сказалъ себѣ: вотъ государь, и я отдался ему. И вотъ! О да, мой милый, это самый великій человѣкъ прошедшихъ и будущихъ вѣковъ.

— Что, онъ въ Москвѣ? — замявшись и съ преступнымъ лицомъ сказалъ Пьеръ.

Французъ посмотрѣлъ на преступное лицо Пьера и усмѣхнулся.

— Нѣтъ, онъ сдѣлаетъ свой въѣздъ завтра, — сказалъ онъ и продолжалъ свои разсказы.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ крикомъ нѣсколькихъ голосовъ у воротъ и приходомъ Мореля, который пришелъ объявить капитану, что пріѣхали Виртембергскіе гусары и хотятъ ставить лошадей на тотъ же дворъ, на которомъ стояли лошади капитана. Затрудненіе происходило преимущественно оттого, что гусары не понимали того, что̀ имъ говорили.

Капитанъ велѣлъ позвать къ себѣ старшаго унтеръ-офицера и строгимъ голосомъ спросилъ у него, къ какому полку онъ принадлежитъ, кто ихъ начальникъ, и на какомъ основаніи онъ позволяетъ себѣ занимать квартиру, которая уже занята. На первые два вопроса нѣмецъ, плохо понимавшій

по-французски, назвалъ свой полкъ и своего начальника, но на послѣдній вопросъ онъ, не понявъ его, вставляя ломаныя французскія слова въ нѣмецкую рѣчь, отвѣчалъ, что онъ квартиргеръ полка и что ему велѣно отъ начальника занимать всѣ дома подъ рядъ. Пьеръ, знавшій по-нѣмецки, перевелъ капитану то, что̀ говорилъ нѣмецъ, и отвѣтъ капитана передалъ по-нѣмецки Виртембергскому гусару. Понявъ то, что̀ ему говорили, нѣмецъ сдался и увелъ своихъ людей. Капитанъ вышелъ на крыльцо, громкимъ голосомъ отдавая какія-то приказанія.

Когда онъ вернулся назадъ въ комнату, Пьеръ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде, опустивъ руки на голову. Лицо его выражало страданіе. Онъ дѣйствительно страдалъ въ эту минуту. Когда капитанъ вышелъ и Пьеръ остался одинъ, онъ вдругъ опомнился и сознałъ то положеніе, въ которомъ находился. Не то, что Москва была взята, и не то, что эти счастливые побѣдители хозяйничали въ ней и покровительствовали ему, какъ ни тяжело чувствовалъ это Пьеръ, не это мучило его въ настоящую минуту. Его мучило сознаніе своей слабости. Нѣсколько стакановъ выпитаго вина, разговоръ съ этимъ добродушнымъ человѣкомъ уничтожили сосредоточенно-мрачное расположеніе духа, въ которомъ жилъ Пьеръ эти послѣдніе дни и которое было необходимо для исполненія его намѣренія. Пистолетъ и кинжалъ и армякъ были готовы, Наполеонъ въѣзжалъ завтра. Пьеръ точно такъ же считалъ полезнымъ и достойнымъ убить злодѣя; но онъ чувствовалъ, что теперь онъ не сдѣлаетъ этого. Почему? онъ не зналъ, но предчувствовалъ какъ будто, что онъ не исполнитъ своего намѣренія. Онъ боролся противъ сознанія своей слабости, но смутно чувствовалъ, что ему не одолѣть

ея, что прежній мрачный строй мыслей о мщеніи, убійствѣ и самопожертвованіи разлетѣлся какъ прахъ при прикосновеніи перваго человѣка.

Капитанъ, слегка прихрамывая и насвистывая что-то, вошелъ въ комнату.

Забавлявшая прежде Пьера болтовня француза теперь показалась ему противна. И насвистываемая пѣсенка, и походка, и жестъ покручиванья усовъ,—все казалось теперь оскорбительнымъ Пьеру.

„Я сейчасъ уйду, я ни слова больше не скажу съ нимъ“, думалъ Пьеръ. Онъ думалъ это, а между тѣмъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ. Какое-то странное чувство слабости приковало его къ своему мѣсту: онъ хотѣлъ и не могъ встать и уйти.

Капитанъ, напротивъ, казался очень веселъ. Онъ прошелся раза два по комнатѣ. Глаза его блестѣли, и усы слегка подергивались, какъ будто онъ улыбался самъ съ собой какой-то забавной выдумкѣ.

— Прелестенъ полковникъ этихъ Виртембергцевъ! — сказалъ онъ вдругъ.—Онъ нѣмецъ, но славный малый, несмотря на это. Но нѣмецъ.

Онъ сѣлъ противъ Пьера.

— Кстати, вы, стало-быть, знаете по-нѣмецки?

Пьеръ смотрѣлъ на него молча.

— Какъ по-нѣмецки „убѣжище“?

— Убѣжище? — повторилъ Пьеръ.—Убѣжище по-нѣмецки Unterkunft.

— Какъ вы говорите? — недовѣрчиво и быстро переспросилъ капитанъ.

— Unterkunft,—повторилъ Пьеръ.

— Onterkoff, — сказалъ капитанъ и нѣсколько секундъ смѣющимися глазами смотрѣлъ на Пьера. — Экіе дурни эти нѣмцы. Не правда ли, г-нъ Пьеръ?—заключилъ онъ.

— Ну, еще бутылочку этого московскаго бордо, не правда ли? Морель согрѣетъ намъ еще бутылочку. Морель!—весело крикнулъ капитанъ.

Морель подалъ свѣчи и бутылку вина. Капитанъ посмотрѣлъ на Пьера при освѣщеніи, и его, видимо, поразило разстроенное лицо его собесѣдника. Рамбаль съ искреннимъ огорченіемъ и участіемъ въ лицѣ подошелъ къ Пьеру и нагнулся надъ нимъ.

— Что же это, мы грустны? — сказалъ онъ, трогая Пьера за руку.—Можетъ, я огорчилъ васъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣете ли вы что-нибудь противъ меня?—переспрашивалъ онъ.— Можетъ быть, ваша грусть относится къ положенію дѣлъ?..

Пьеръ ничего не отвѣчалъ, но ласково смотрѣлъ въ глаза французу. Это выраженіе участія было пріятно ему.

— Честное слово, не говоря уже про то, чѣмъ я вамъ обязанъ, я чувствую къ вамъ дружбу. Не могу ли я сдѣлать для васъ что-нибудь? Располагайте мною. Это на жизнь и на смерть. Я говорю вамъ это, кладя руку на сердце,—сказалъ онъ, ударяя себя въ грудь.

— Благодарю,—сказалъ Пьеръ. Капитанъ посмотрѣлъ пристально на Пьера, такъ же какъ онъ смотрѣлъ, когда узналъ, какъ убѣжище называлось по-нѣмецки, и лицо его вдругъ просіяло.

— А, въ такомъ случаѣ, пью за нашу дружбу! — весело крикнулъ онъ, наливая два стакана вина. Пьеръ взялъ налитой стаканъ и выпилъ его. Рамбаль выпилъ свой, пожалъ

еще разъ руку Пьера и въ задумчиво-меланхолической позѣ облокотился на столъ.

— Да, мой другъ, вотъ прихоти судьбы!—началъ онъ.—Кто сказалъ бы мнѣ, что я буду солдатомъ и капитаномъ драгуновъ на службѣ у Бонапарта, какъ мы его бывало называли. Однакоже, вотъ я въ Москвѣ съ нимъ. Надо вамъ сказать, мой милый,—продолжалъ онъ грустнымъ и мѣрнымъ голосомъ человѣка, который сбирается разсказывать длинную исторію,—что имя наше одно изъ самыхъ древнихъ во Франціи.

И съ легкою и наивною откровенностью француза капитанъ разсказалъ Пьеру исторію своихъ предковъ, свое дѣтство, отрочество и возмужалость, всѣ свои родственныя, имущественныя и семейныя отношенія. „Моя бѣдная мать" играла, разумѣется, важную роль въ этомъ разсказѣ.

— Но все это есть только обстановка жизни, сущность же ея—это любовь. Любовь! Не правда ли, г. Пьеръ?—сказалъ онъ оживляясь.—Еще стаканчикъ.

Пьеръ опять выпилъ и налилъ себѣ третій.

— О женщины, женщины!—и капитанъ, замаслившимися глазами глядя на Пьера, началъ говорить о любви и о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Ихъ было очень много, чему легко было повѣрить, глядя на самодовольное, красивое лицо офицера и на восторженное оживленіе, съ которымъ онъ говорилъ о женщинахъ. Несмотря на то, что всѣ любовныя исторіи Рамбаля имѣли тотъ характеръ пакостности, въ которомъ французы видятъ исключительную прелесть и поэзію любви, капитанъ разсказывалъ свои исторіи съ такимъ искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ одинъ испыталъ и позналъ всѣ прелести любви, и такъ заманчиво описывалъ женщинъ, что Пьеръ съ любопытствомъ слушалъ его.

Очевидно было, что l'amour (любовь), которую такъ любилъ французъ, была не та низшаго и простого рода любовь, которую Пьеръ испытывалъ когда-то къ своей женѣ, ни та раздуваемая имъ самимъ романтическая любовь, которую онъ испытывалъ къ Наташѣ (оба рода этой любви Рамбаль одинаково презиралъ,—одна была „любовь бурлацкая“, другая „любовь дурней“; l'amour, которой поклонялся французъ, заключалась преимущественно въ неестественности отношеній къ женщинѣ и въ комбинаціи уродливостей, которыя придавали главную прелесть чувству).

Такъ, капитанъ разсказалъ трогательную исторію своей любви къ одной обворожительной 35-ти лѣтней маркизѣ и въ то же время къ прелестному, невинному, 17-ти лѣтнему ребенку, дочери обворожительной маркизы. Борьба великодушія между матерью и дочерью, окончившаяся тѣмъ, что мать, жертвуя собой, предложила свою дочь въ жены своему любовнику, еще и теперь, хотя уже давно прошедшее воспоминаніе, волновала капитана. Потомъ онъ разсказалъ одинъ эпизодъ, въ которомъ мужъ игралъ роль любовника, а онъ (любовникъ) роль мужа, и нѣсколько комическихъ эпизодовъ изъ воспоминаній о Германіи, гдѣ asile значитъ Unterkunft, „гдѣ мужья ѣдятъ капустный супъ“, и гдѣ „молодыя дѣвушки слишкомъ бѣлокуры“.

Наконецъ послѣдній эпизодъ въ Польшѣ, еще свѣжій въ памяти капитана, который онъ разсказывалъ съ быстрыми жестами и разгорѣвшимся лицомъ, состоялъ въ томъ, что онъ спасъ жизнь одному поляку (вообще въ разсказахъ капитана эпизодъ спасенія жизни встрѣчался безпрестанно), и полякъ этотъ ввѣрилъ ему свою обворожительную жену, „парижанку сердцемъ“, въ то время, какъ самъ поступилъ

во французскую службу. Капитанъ былъ счастливъ, обворожительная полька хотѣла бѣжать съ нимъ; но, движимый великодушіемъ, капитанъ возвратилъ мужу жену, при этомъ сказавъ ему: „Я спасъ вашу жизнь и спасаю вашу честь“. Повторивъ эти слова, капитанъ протеръ глаза и встряхнулся, какъ бы отгоняя отъ себя охватившую его слабость при этомъ трогательномъ воспоминаніи.

Слушая разсказы капитана, какъ это часто бываетъ въ позднюю вечернюю пору и подъ вліяніемъ вина, Пьеръ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что̀ говорилъ капитанъ, понималъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдилъ за рядомъ личныхъ воспоминаній, вдругъ почему-то представшихъ его воображенію. Когда онъ слушалъ эти разсказы любви, его собственная любовь къ Наташѣ вдругъ неожиданно вспоминалась ему и, перебирая въ своемъ воображеніи картины этой любви, онъ мысленно сравнивалъ ихъ съ разсказами Рамбаля. Слѣдя за разсказомъ о борьбѣ долга съ любовью, Пьеръ видѣлъ предъ собою всѣ малѣйшія подробности своей послѣдней встрѣчи съ предметомъ своей любви у Сухаревой башни. Тогда эта встрѣча не произвела на него вліянія; онъ даже ни разу не вспомнилъ о ней. Но теперь ему казалось, что встрѣча эта имѣла что-то очень значительное и поэтическое.

„Петръ Кириллычъ, идите сюда, я узнала“,—слышалъ онъ теперь сказанныя ею слова, видѣлъ предъ собой ея глаза, улыбку, дорожный чепчикъ, выбившуюся прядь волосъ... и что-то трогательное, умиляющее представлялось ему во всемъ этомъ.

Окончивъ свой разсказъ объ обворожительной полькѣ, капитанъ обратился къ Пьеру съ вопросомъ, испытывалъ ли онъ подобное чувство самопожертвованія для любви и зависти къ законному мужу.

Вызванный этимъ вопросомъ, Пьеръ поднялъ голову и почувствовалъ необходимость высказать занимавшія его мысли; онъ сталъ объяснять, какъ онъ нѣсколько иначе понимаетъ любовь къ женщинѣ. Онъ сказалъ, что онъ во всю свою жизнь любилъ и любитъ только одну женщину, и что и эта женщина никогда не можетъ принадлежать ему.

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ капитанъ.

Потомъ Пьеръ объяснилъ, что онъ любилъ эту женщину съ самыхъ юныхъ лѣтъ; но не смѣлъ думать о ней, потому что она была слишкомъ молода, а онъ былъ незаконный сынъ безъ имени. Потомъ же, когда онъ получилъ имя и богатство, онъ не смѣлъ думать о ней, потому что слишкомъ любилъ ее, слишкомъ высоко ставилъ ее надъ всѣмъ міромъ и потому тѣмъ болѣе надъ самимъ собою. Дойдя до этого мѣста своего разсказа, Пьеръ обратился къ капитану съ вопросомъ: понимаетъ ли онъ это?

Капитанъ сдѣлалъ жестъ, выражающій то, что ежели бы онъ не понималъ, то онъ все-таки проситъ продолжать.

— Платоническая любовь, облака...—пробормоталъ онъ. Выпитое ли вино, или потребность откровенности, или мысль, что этотъ человѣкъ не знаетъ и не узнаетъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ его исторіи, или все вмѣстѣ — развязало языкъ Пьеру. И онъ шамкающимъ ртомъ и масляными глазами, глядя куда-то вдаль, разсказалъ всю свою исторію: и свою женитьбу, и исторію любви Наташи къ его лучшему другу, и ея измѣну, и всѣ свои несложныя отношенія къ ней. Вызываемый вопросами Рамбаля, онъ разсказалъ и то, что скрывалъ сначала,—свое положеніе въ свѣтѣ, и даже открылъ ему свое имя.

Болѣе всего изъ разсказа Пьера поразило капитана то,

что Пьеръ былъ очень богатъ, что онъ имѣлъ два дворца въ Москвѣ и что онъ бросилъ все и не уѣхалъ изъ Москвы, а остался въ городѣ, скрывая свое имя и званіе.

Уже поздно ночью они вмѣстѣ вышли на улицу. Ночь была теплая и свѣтлая. Налѣво отъ дома свѣтлѣло зарево перваго начавшагося въ Москвѣ, на Петровкѣ, пожара. Направо стоялъ высоко молодой серпъ мѣсяца, и въ противоположной отъ мѣсяца сторонѣ висѣла та свѣтлая комета, которая связывалась въ душѣ Пьера съ его любовью. У воротъ стояли Герасимъ, кухарка и два француза. Слышны были ихъ смѣхъ и разговоръ на непонятномъ другъ для друга языкѣ. Они смотрѣли на зарево, видиѣвшееся въ городѣ.

Ничего страшнаго не было въ небольшомъ отдаленномъ пожарѣ въ огромномъ городѣ.

Глядя на высокое звѣздное небо, на мѣсяцъ, на комету и на зарево, Пьеръ испытывалъ радостное умиленіе. „Ну, вотъ какъ хорошо, чего еще надобно?“ подумалъ онъ. И вдругъ, когда онъ вспомнилъ свое намѣреніе, голова его закружилась, съ нимъ сдѣлалось дурно, такъ что онъ прислонился къ забору, чтобы не упасть.

Не простившись съ своимъ новымъ другомъ, Пьеръ не твердыми шагами отошелъ отъ воротъ и, вернувшись въ свою комнату, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

XXX.

На зарево перваго занявшагося 2-го сентября пожара, съ разныхъ дорогъ и съ разными чувствами, смотрѣли убѣгавшіе и уѣзжавшіе жители и отступавшія войска.

Поѣздъ Ростовыхъ въ эту ночь стоялъ въ Мытищахъ,

въ 20 верстахъ отъ Москвы. 1-го сентября они выѣхали такъ поздно, дорога такъ была загромождена повозками и войсками, столько вещей было забыто, за которыми были посылаемы люди, что въ эту ночь было рѣшено ночевать въ пяти верстахъ за Москвою. На другое утро проснулись поздно и опять было столько остановокъ, что доѣхали только до Большихъ Мытищъ. Въ 10 часовъ господа Ростовы и раненые, ѣхавшіе съ ними, всѣ размѣстились по дворамъ и избамъ большого села. Люди, кучера Ростовыхъ и деньщики раненыхъ, убравъ господъ, поужинали, задали корму лошадямъ и вышли на крыльцо.

Въ сосѣдней избѣ лежалъ раненый адъютантъ Раевскаго, съ разбитою кистью руки, и страшная боль, которую онъ чувствовалъ, заставляла его жалобно не переставая стонать, и стоны эти страшно звучали въ осенней темнотѣ ночи. Въ первую ночь адъютантъ этотъ ночевалъ на томъ же дворѣ, на которомъ стояли Ростовы. Графиня говорила, что она не могла сомкнуть глазъ отъ этого стона, и въ Мытищахъ перешла въ худшую избу только для того, чтобы быть подальше отъ этого раненаго.

Одинъ изъ людей въ темнотѣ ночи, изъ-за высокаго кузова стоявшей у подъѣзда кареты, замѣтилъ другое, небольшое зарево пожара. Одно зарево давно уже видно было, и всѣ знали, что это горѣли Малыя Мытищи, зажженныя Мамоновскими казаками.

— А вѣдь это, братцы, другой пожаръ, — сказалъ деньщикъ. Всѣ обратили вниманіе на зарево.

— Да вѣдь сказывали, Малыя Мытищи Мамоновскіе казаки зажгли. Онѣ! Нѣтъ, это не Мытищи, это далѣ. Глянь-ко, точно въ Москвѣ.—Двое изъ людей сошли съ крыльца, зашли

за карету и присѣли на подножку.—Это лѣвѣй! Какъ же, Мытищи вонъ гдѣ, а это вовсе въ другой сторонѣ.—Нѣсколько людей присоединились къ первымъ.—Вишь полыхаетъ,—сказалъ одинъ,—это, господа, въ Москвѣ пожаръ: либо въ Сущевской, либо въ Рогожской.—Никто не отвѣтилъ на это замѣчаніе. И довольно долго всѣ эти люди молча смотрѣли на далекое разгоравшееся пламя новаго пожара.

Старикъ, графскій камердинеръ (какъ его называли), Данило Терентьичъ подошелъ къ толпѣ и крикнулъ Мишку.

— Ты чего не видалъ, шалава... Графъ спроситъ, а никого нѣтъ; иди, платье собери.

— Да я только за водой бѣжалъ,—сказалъ Мишка.

— А вы какъ думаете, Данило Терентьичъ, вѣдь это будто въ Москвѣ зарево?—сказалъ одинъ изъ лакеевъ.

Данило Терентьичъ ничего не отвѣчалъ, и долго опять всѣ молчали. Зарево расходилось и колыхалось дальше и дальше.

— Помилуй Богъ!.. вѣтеръ, да сушь...—опять сказалъ голосъ.

— Глядь-ко, какъ пошло. О, Господи! ажъ галки видно. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

— Потушатъ, небось.

— Кому тушить-то?—послышался голосъ Данилы Терентьича, молчавшаго до сихъ поръ. Голосъ его былъ спокоенъ и медлителенъ.—Москва и есть, братцы,—сказалъ онъ,—она матушка бѣлока...—голосъ его оборвался, и онъ вдругъ старчески всхлипнулъ. И какъ будто только этого ждали всѣ, чтобы понять то значеніе, которое имѣло для нихъ это виднѣвшееся зарево. Послышались вздохи, слова молитвы и всхлипываніе стараго графскаго камердинера.

XXXI.

Камердинеръ, вернувшись, доложилъ графу, что горитъ Москва. Графъ надѣлъ халатъ и вышелъ посмотрѣть. Съ нимъ вмѣстѣ вышла и не раздѣвавшаяся еще Соня и мадамъ Шоссъ. Наташа и графиня однѣ оставались въ комнатѣ. (Пети не было больше съ семействомъ: онъ пошелъ впередъ со своимъ полкомъ, шедшимъ къ Троицѣ.)

Графиня заплакала, услыхавши вѣсть о пожарѣ Москвы. Наташа, блѣдная, съ остановившимися глазами, сидѣвшая подъ образами на лавкѣ (на томъ самомъ мѣстѣ, на которое она сѣла пріѣхавши), не обратила никакого вниманія на слова отца. Она прислушивалась къ неумолкаемому стону адъютанта, слышному черезъ три дома.

— Ахъ, какой ужасъ!—сказала, со двора возвратившись иззябшая и испуганная Соня. — Я думаю, вся Москва сгоритъ, ужасное зарево! Наташа, посмотри, теперь отсюда изъ окошка видно, — сказала она сестрѣ, видимо, желая чѣмъ-нибудь развлечь ее. Но Наташа посмотрѣла на нее, какъ бы не понимая того, что̀ у ней спрашивали, и опять уставилась глазами въ уголъ печи. Наташа находилась въ этомъ состояніи столбняка съ нынѣшняго утра, съ того самого времени, какъ Соня, къ удивленію и досадѣ графини, непонятно для чего, нашла нужнымъ объявить Наташѣ о ранѣ князя Андрея и объ его присутствіи съ ними въ поѣздѣ. Графиня разсердилась на Соню, какъ она рѣдко сердилась. Соня плакала и просила прощенья и теперь, какъ бы стараясь загладить свою вину, не переставая, ухаживала за сестрой.—Посмотри, Наташа, какъ ужасно горитъ,—сказала Соня.

— Что̀ горитъ?—спросила Наташа.—Ахъ, да, Москва.— И какъ бы для того, чтобы не обидѣть Соню отказомъ и отдѣлаться отъ нея, она подвинула голову къ окну, поглядѣла такъ, что очевидно не могла ничего видѣть, и опять сѣла въ свое прежнее положеніе.

— Да ты не видѣла?

— Нѣтъ, право, я видѣла, — умоляющимъ о спокойствіи голосомъ сказала она.

И графинѣ, и Сонѣ понятно было, что Москва, пожаръ Москвы, что̀ бы то ни было, конечно, не могло имѣть значенія для Наташи.

Графъ опять пошелъ за перегородку и легъ. Графиня подошла къ Наташѣ, дотронулась перевернутою рукой до ея головы, какъ это она дѣлала, когда дочь ея бывала больна, потомъ дотронулась до ея лба губами, какъ бы для того, чтобъ узнать, есть ли жаръ, и поцѣловала ее.

— Ты озябла? Ты вся дрожишь? Ты бы ложилась,—сказала она.

— Ложиться? Да, хорошо, я лягу. Я сейчасъ лягу,—сказала Наташа.

Съ тѣхъ поръ, какъ Наташѣ въ нынѣшнее утро сказали о томъ, что князь Андрей тяжело раненъ и ѣдетъ съ ними, она только въ первую минуту много спрашивала о томъ, куда? какъ? опасно ли онъ раненъ? и можно ли ей видѣть его? Но послѣ того, какъ ей сказали, что видѣть его ей нельзя, что онъ раненъ тяжело, но что жизнь его не въ опасности, она, очевидно, не повѣривъ тому, что̀ ей говорили, но убѣдившись, что, сколько бы она ни говорила, ей будутъ отвѣчать одно и то же, перестала спрашивать и говорить. Всю дорогу съ большими глазами, которые такъ

знала и которыхъ выраженія такъ боялась графиня, Наташа сидѣла неподвижно въ углу кареты, и такъ же сидѣла теперь на лавкѣ, на которую сѣла. Что-то она задумывала, что-то она рѣшала или уже рѣшила въ своемъ умѣ теперь — это знала графиня, но что̀ это такое было, она не знала, и это-то страшило и мучило ее.

— Наташа, раздѣнься, голубушка, ложись на мою постель. (Только графинѣ одной была постлана постель на кровати; мадамъ Шоссъ и обѣ барышни должны были спать на полу на сѣнѣ.)

— Нѣтъ, мама, *я* лягу тутъ, на полу,—сердито сказала Наташа, подошла къ окну и отворила его. Стоны адъютанта послышались изъ открытаго окна явственнѣе. Она высунула голову въ сырой воздухъ ночи, и графиня видѣла, какъ тонкая шея тряслась отъ рыданій и билась о раму. Наташа знала, что стоналъ не князь Андрей. Она знала, что князь Андрей лежалъ въ той же связи, гдѣ они были, въ другой избѣ черезъ сѣни; но этотъ страшный неумолкавшій стонъ заставилъ зарыдать ее. Графиня переглянулась съ Соней.

— Ложись, голубушка, ложись, дружочекъ,—сказала графиня, слегка дотрогиваясь рукой до плеча Наташи. — Ну, ложись же.

— Ахъ, да... Я сейчасъ, сейчасъ лягу,—сказала Наташа, поспѣшно раздѣваясь и обрывая завязки юбокъ. Скинувъ платье и надѣвъ кофту, она, подвернувъ ноги, сѣла на приготовленную на полу постель и, перекинувъ черезъ плечо напередъ свою недлинную тонкую косу, стала переплетать ее. Тонкіе, длинные привычные пальцы быстро, ловко разбирали, плели, завязывали косу. Голова Наташи привычнымъ жестомъ поворачивалась то въ одну, то въ другую

сторону, но глаза, лихорадочно открытые, неподвижно смотрѣли прямо. Когда ночной костюмъ былъ оконченъ, Наташа тихо опустилась на простыню, постланную на сѣно съ края отъ двери.

— Наташа, ты въ середину лягъ,—сказала Соня.

— Я тутъ,—проговорила Наташа.—Да ложитесь же,—прибавила она съ досадой. И она зарылась лицомъ въ подушку.

Графиня, мадамъ Шоссъ и Соня поспѣшно раздѣлись и легли. Одна лампадка осталась въ комнатѣ. Но на дворѣ свѣтило отъ пожара Малыхъ Мытищъ за двѣ версты, и гудѣли ночные крики народа въ кабакѣ, который разбили Мамоновскіе казаки наперекоскѣ, на улицѣ, и все слышался неумолкаемый стонъ адъютанта.

Долго прислушивалась Наташа къ внутреннимъ и внѣшнимъ звукамъ, доносившимся до нея, и не шевелилась. Она слышала сначала молитву и вздохи матери, трещаніе подъ ней ея кровати, знакомый съ свистомъ храпъ мадамъ Шоссъ, тихое дыханіе Сони. Потомъ графиня окликнула Наташу. Наташа не отвѣчала ей.

— Кажется, спитъ, мама,—тихо отвѣчала Соня. Графиня, помолчавъ немного, оклинула еще, но уже никто ей не откликнулся.

Скоро послѣ этого Наташа услышала ровное дыханіе матери. Наташа не шевелилась, несмотря на то, что ея маленькая босая нога, вывернувшись изъ-подъ одѣяла, зябла на голомъ полу.

Какъ бы празднуя побѣду надъ всѣми, въ щели закричалъ сверчокъ. Пропѣлъ пѣтухъ далеко, откликнулся близкій. Въ кабакѣ затихли крики, только слышался тотъ же стонъ адъютанта. Наташа приподнялась.

— Соня? ты спишь? Мама? — прошептала она. Никто не отвѣтилъ. Наташа медленно и осторожно встала, перекрестилась и ступила осторожно, узкою и гибкою босою ступней, на грязный холодный полъ. Скрипнули половицы. Она, быстро перебирая ногами, пробѣжала какъ котенокъ нѣсколько шаговъ и взялась за холодную скобку двери.

Ей казалось, что-то тяжелое, равномѣрно ударяя, стучитъ во всѣ стѣны избы: это билось ея замиравшее отъ страха, отъ ужаса и любви разрывающееся сердце.

Она отворила дверь, перешагнула порогъ и ступила на сырую, холодную землю сѣней. Обхватившій холодъ освѣжилъ ее. Она ощупала босою ногой спящаго человѣка, перешагнула черезъ него и отворила дверь въ избу, гдѣ лежалъ князь Андрей. Въ избѣ этой было темно. Въ заднемъ углу у кровати, на которой лежало что-то, на лавкѣ стояла нагорѣвшая большимъ грибомъ сальная свѣчка.

Наташа съ утра еще, когда ей сказали про рану и присутствіе князя Андрея, рѣшила, что она должна видѣть его. Она не знала, для чего это должно было, но она знала, что свиданіе будетъ мучительно, и тѣмъ болѣе она была убѣждена, что оно было необходимо.

Весь день она жила только надеждой того, что ночью она увидитъ его. Но теперь, когда наступила эта минута, на нее нашелъ ужасъ того, что̀ она увидитъ. Какъ онъ былъ изуродованъ? Что̀ оставалось отъ него? Такой ли онъ былъ, какой былъ этотъ неумолкавшій стонъ адъютанта? Да, онъ весь такой. Онъ былъ въ ея воображеніи олицетвореніе этого ужаснаго стона. Когда она увидала неясную массу въ углу и приняла его поднятыя подъ одѣяломъ колѣна за его плечи, она представила себѣ какое-то ужасное тѣло и въ ужасѣ

остановилась. Но непреодолимая сила влекла ее впередъ. Она осторожно ступила одинъ шагъ, другой и очутилась на серединѣ небольшой загроможденной избы. Въ избѣ подъ образами лежалъ на лавкахъ другой человѣкъ (это былъ Тимохинъ) и на полу лежали еще два какіе-то человѣка (это были докторъ и камердинеръ).

Камердинеръ приподнялся и прошепталъ что-то. Тимохинъ, страдая отъ боли въ раненой ногѣ, не спалъ и во всѣ глаза смотрѣлъ на странное явленіе дѣвушки въ бѣлой рубашкѣ, кофтѣ и ночномъ чепчикѣ. Сонныя и испуганныя слова камердинера: „чего вамъ, зачѣмъ?" только заставили скорѣе Наташу подойти къ тому, что̀ лежало въ углу. Какъ ни страшно непохоже на человѣка было это тѣло, она должна была его видѣть. Она миновала камердинера, нагорѣвшій грибъ свѣчки свалился, и она ясно увидала лежащаго съ выпростанными руками на одѣялѣ князя Андрея такого, какимъ она его всегда видѣла.

Онъ былъ такой же, какъ всегда; но воспаленный цвѣтъ его лица, блестящіе глаза, устремленные восторженно на нее, а въ особенности нѣжная дѣтская шея, выступавшая изъ отложеннаго воротника рубашки, давали ему особый невинный, ребяческій видъ, котораго однако она никогда не видала въ князѣ Андреѣ. Она подошла къ нему и быстрымъ, гибкимъ, молодымъ движеніемъ стала на колѣни.

Онъ улыбнулся и протянулъ ей руку.

XXXII.

Для князя Андрея прошло семь дней съ того времени, какъ онъ очнулся на перевязочномъ пунктѣ Бородинскаго поля. Все это время онъ находился почти въ постоянномъ

безпамятствѣ. Горячечное состояніе и воспаленіе кишекъ, которыя были повреждены, по мнѣнію доктора, ѣхавшаго съ раненымъ, должны были унести его. Но на 7-й день онъ съ удовольствіемъ съѣлъ ломоть хлѣба съ чаемъ, и докторъ замѣтилъ, что общій жаръ уменьшился. Князь Андрей поутру пришелъ въ сознаніе. Первую ночь послѣ выѣзда изъ Москвы было довольно тепло, и князь Андрей былъ оставленъ для ночлега въ коляскѣ; но въ Мытищахъ раненый самъ потребовалъ, чтобъ его вынесли и чтобъ ему дали чаю. Боль, причиненная ему переноской въ избу, заставила князя Андрея громко стонать и потерять опять сознаніе. Когда его уложили на походной кровати, онъ долго лежалъ съ закрытыми глазами безъ движенія. Потомъ онъ открылъ ихъ и тихо прошепталъ: „Что же чаю?“ Памятливость эта къ мелкимъ подробностямъ жизни поразила доктора. Онъ пощупалъ пульсъ и къ удивленію и неудовольствію своему замѣтилъ, что пульсъ билъ лучше. Къ неудовольствію своему это замѣтилъ докторъ потому, что онъ по опыту своему былъ убѣжденъ, что жить князь Андрей не можетъ, и что ежели онъ не умретъ теперь, онъ только съ бóльшими страданіями умретъ нѣсколько времени послѣ. Съ княземъ Андреемъ везли присоединившагося къ нимъ въ Москвѣ майора его полка Тимохина съ краснымъ носикомъ, раненаго въ ногу въ томъ же Бородинскомъ сраженіи. При нихъ ѣхалъ докторъ, камердинеръ князя, его кучеръ и два деньщика.

Князю Андрею дали чаю. Онъ жадно пилъ, лихорадочными глазами глядя впередъ себя на дверь, какъ бы стараясь что-то понять и припомнить.

— Не хочу больше. Тимохинъ тутъ?—спросилъ онъ. Тимохинъ подползъ къ нему по лавкѣ.

— Я здѣсь, ваше сіятельство.

— Какъ рана?

— Моя то-еъ? Ничего. Вотъ вы-то?—Князь Андрей опять задумался, какъ будто припоминая что-то.

— Нельзя ли достать книгу?—сказалъ онъ.

— Какую книгу?

— Евангеліе! У меня нѣтъ.—Докторъ обѣщался достать, и сталъ разспрашивать князя о томъ, что̀ онъ чувствуетъ. Князь Андрей неохотно, но разумно отвѣтилъ на всѣ вопросы доктора и потомъ сказалъ, что ему надо бы подложить валикъ, а то неловко и очень больно. Докторъ и камердинеръ подняли шинель, которою онъ былъ накрытъ, и морщась отъ тяжкаго запаха гнилого мяса, распространявшагося отъ раны, стали разсматривать это страшное мѣсто. Докторъ чѣмъ-то очень остался недоволенъ, что-то иначе передѣлалъ, перевернулъ раненаго такъ, что тотъ опять застоналъ и, отъ боли во время поворачиванія, опять потерялъ сознаніе и сталъ бредить. Онъ все говорилъ о томъ, чтобъ ему достали поскорѣе эту книгу и подложили бы ее туда.

— И что̀ это вамъ сто̀итъ!—говорилъ онъ.— У меня ея нѣтъ—достаньте пожалуйста, подложите на минуточку,—говорилъ онъ жалкимъ голосомъ.

Докторъ вышелъ въ сѣни, чтобъ умыть руки.

— Ахъ, безсовѣстные, право,—говорилъ докторъ камердинеру, лившему ему воду на руки.— Только на минуту не досмотрѣлъ. Вѣдь это какая боль, что я удивляюсь, какъ онъ терпитъ.

— Мы, кажется, подложили, Господи Іисусе Христе,—говорилъ камердинеръ.

Въ первый разъ князь Андрей понялъ, гдѣ онъ былъ и что̀ съ нимъ было, и вспомнилъ то, что онъ былъ раненъ, и какъ въ ту минуту, когда коляска остановилась въ Мытищахъ, онъ попросился въ избу. Спутавшись опять отъ боли, онъ опомнился другой разъ въ избѣ, когда пилъ чай, и тутъ опять, повторивъ въ своемъ воспоминаніи все, что̀ съ нимъ было, онъ живѣе всего представилъ себѣ ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда, при видѣ страданій нелюбимаго имъ человѣка, ему пришли эти новыя, сулившія ему счастіе мысли. И мысли эти, хотя и неясно и неопредѣленно, теперь опять овладѣли его душой. Онъ вспомнилъ, что у него было теперь новое счастіе, и что это счастіе имѣло что-то такое общее съ Евангеліемъ. Потому-то онъ попросилъ Евангеліе. Но дурное положеніе, которое дали его ранѣ, и новое переворачиванье опять смѣшали его мысли, и онъ въ третій разъ очнулся къ жизни уже въ совершенной тишинѣ ночи. Всѣ спали вокругъ него. Сверчокъ кричалъ черезъ сѣни, на улицѣ кто-то кричалъ и пѣлъ, тараканы шелестили по столу, по образамъ и по стѣнамъ, толстая муха билась у него по изголовью и около сальной свѣчи, горѣвшей большимъ грибомъ и стоявшей подлѣ него.

Душа его была не въ нормальномъ состояніи. Здоровый человѣкъ обыкновенно мыслитъ, ощущаетъ и вспоминаетъ одновременно о безчисленномъ количествѣ предметовъ, но имѣетъ власть и силу, избравъ одинъ рядъ мыслей или явленій, на этомъ рядѣ явленій остановить все свое вниманіе. Здоровый человѣкъ въ минуту глубочайшаго размышленія отрывается, чтобы сказать учтивое слово вошедшему человѣку, и опять возвращается къ своимъ мыслямъ. Душа же князя Андрея была не въ нормальномъ состояніи въ

этомъ отношеніи. Всѣ силы его души были дѣятельнѣе, яснѣе чѣмъ когда-нибудь, но онѣ дѣйствовали внѣ его воли. Самыя разнообразныя мысли и представленія одновременно владѣли имъ. Иногда мысль его вдругъ начинала работать, и съ такою силой, ясностью и глубиною, съ какою никогда она не была въ силахъ дѣйствовать въ здоровомъ состояніи; но вдругъ, посрединѣ своей работы, она обрывалась, замѣнялась какимъ-нибудь неожиданнымъ представленіемъ, и не было силъ возвратиться къ ней.

— „Да, мнѣ открылось новое счастіе, неотъемлемое отъ человѣка", думалъ онъ, лежа въ полутемной тихой избѣ и глядя впередъ лихорадочно-раскрытыми, остановившимися глазами. „Счастіе, находящееся внѣ матеріальныхъ силъ, внѣ матеріальныхъ внѣшнихъ вліяній на человѣка, счастіе одной души, счастіе любви! Понять его можетъ всякій человѣкъ, но сознать и предписать его могъ только одинъ Богъ. Но какъ же Богъ предписалъ этотъ законъ? Почему сынъ?.." И вдругъ ходъ мыслей этихъ оборвался, и князь Андрей услыхалъ (не зная въ бреду или въ дѣйствительности онъ слышитъ это), услыхалъ какой-то тихій шепчущій голосъ, неумолкаемо въ тактъ твердившій: „И пити-пити-пити" и потомъ „и ти-ти", и опять „и пити-пити-пити", и опять „и ти-ти". Вмѣстѣ съ этимъ, подъ звукъ этой шепчущей музыки, князь Андрей чувствовалъ, что надъ лицомъ его, надъ самою серединой, воздвигалось какое-то странное воздушное зданіе изъ тонкихъ иголокъ или лучинокъ. Онъ чувствовалъ (хотя это и тяжело ему было), что ему надо было старательно держать равновѣсіе, для того чтобы воздвигавшееся зданіе это не завалилось; но оно все-таки завалилось и опять медленно воздвигалось при звукахъ равно-

мѣрно шепчущей музыки. „Тянется! тянется! растягивается и все тянется“, говорилъ себѣ князь Андрей. Вмѣстѣ съ прислушиваньемъ къ шопоту и съ ощущеніемъ этого тянущагося и воздвигающагося зданія изъ иголокъ, князь Андрей видѣлъ урывками и красный окруженный свѣтъ свѣчки и слышалъ шуршанье тараканов и шуршанье мухи, бившейся на подушкѣ и на лицѣ его. И всякій разъ, какъ муха прикасалась къ его лицу, она производила жгучее ощущеніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ его удивляло то, что, ударяясь въ самую область воздвигавшагося на лицѣ его зданія, муха не разрушала его. Но, кромѣ этого, было еще одно важное. Это было бѣлое у двери, это была статуя сфинкса, которая тоже давила его.

— „Но, можетъ быть, это моя рубашка на столѣ“, думалъ князь Андрей, „а это мои ноги, а это дверь, но отчего же все тянется и двигается и пити-пити-пити и ти-ти—и пити-пити-пити... — „Довольно, перестань пожалуйста, оставь“, тяжело просилъ кого-то князь Андрей. И вдругъ опять выплывала мысль и чувство съ необыкновенною ясностью и силой.

„Да, любовь (думалъ онъ опять съ совершенною ясностью), но не та любовь, которая любитъ за что-нибудь, для чего-нибудь, или почему-нибудь, но та любовь, которую я испыталъ въ первый разъ, когда, умирая, я увидалъ своего врага и все-таки полюбилъ его. Я испыталъ то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство.—Любить ближнихъ, любить враговъ своихъ. Все любить—любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ. Любить человѣка дорогого можно человѣческою любовью; но только врага

можно любить божескою. И отъ этого-то я испыталъ такую радость, когда я почувствовалъ, что люблю того человѣка. Что съ нимъ? Живъ ли онъ?... Любя человѣческою любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти; но божеская любовь не можетъ измѣниться. Ничто, ни смерть, ничто не можетъ разрушить ее. Она есть сущность души. А какъ много людей я ненавидѣлъ въ своей жизни. И изъ всѣхъ людей никого больше не любилъ я и не ненавидѣлъ, какъ ее". И онъ живо представилъ себѣ Наташу не такъ, какъ онъ представлялъ себѣ ее прежде, съ одною ея прелестью, радостною для себя; но въ первый разъ представилъ себѣ ея душу. И онъ понялъ ея чувство, ея страданія, стыдъ, раскаяніе. Онъ теперь въ первый разъ понялъ всю жестокость своего отказа, видѣлъ жестокость своего разрыва съ нею. Ежели бы мнѣ было возможно только еще одинъ разъ увидать ее. Одинъ разъ, глядя въ эти глаза, сказать...

И пити-пити-пити и ти-ти, и пити-пити — бумъ, — ударилась муха... И вниманіе его вдругъ перенеслось въ другой міръ дѣйствительности и бреда, въ которомъ что-то происходило особенное. Все такъ же въ этомъ мірѣ все воздвигалось, не разрушаясь, зданіе, все такъ же тянулось что-то, такъ же съ краснымъ кругомъ горѣла свѣчка, та же рубашка-сфинксъ лежала у двери; но, кромѣ всего этого, что-то скрипнуло, пахнуло свѣжимъ вѣтромъ, и новый бѣлый сфинксъ, стоячій явился предъ дверью. И въ головѣ этого сфинкса было блѣдное лицо и блестящіе глаза той самой Наташи, о которой онъ сейчасъ думалъ.

„О, какъ тяжелъ этотъ не перестающій бредъ!" подумалъ князь Андрей, стараясь изгнать это лицо изъ своего воображенія. Но лицо это стояло предъ нимъ съ силою дѣйстви-

тельности, и лицо это приближалось. Князь Андрей хотѣлъ вернуться къ прежнему міру чистой мысли, но онъ не могъ, и бредъ втягивалъ его въ свою область. Тихій шепчущій голосъ продолжалъ свой мѣрный лепетъ, что-то давило, тянулось, и странное лицо стояло предъ нимъ. Князь Андрей собралъ всѣ свои силы, чтобъ опомниться; онъ пошевелился, и вдругъ въ ушахъ его зазвенѣло, въ глазахъ помутилось, и онъ, какъ человѣкъ окунувшійся въ воду, потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся, Наташа, та самая живая Наташа, которую изъ всѣхъ людей въ мірѣ ему болѣе всего хотѣлось любить тою новою, чистою, божескою любовью, которая была теперь открыта ему, стояла предъ нимъ на колѣняхъ. Онъ понялъ, что это была живая, настоящая Наташа, и не удивился, но тихо обрадовался. Наташа, стоя на колѣняхъ, испуганно, но прикованно (она не могла двинуться) глядѣла на него, удерживая рыданія. Лицо ея было блѣдно и неподвижно. Только въ нижней части его трепетало что-то.

Князь Андрей облегчительно вздохнулъ, улыбнулся и протянулъ руку.

— Вы?—сказалъ онъ.—Какъ счастливо!

Наташа быстрымъ, но осторожнымъ движеніемъ подвинулась къ нему на колѣняхъ и, взявъ осторожно его руку, нагнулась надъ ней лицомъ и стала цѣловать ее, чуть дотрогиваясь губами.

— Простите!—сказала она шопотомъ, поднявъ голову и взглядывая на него.—Простите меня!

— Я васъ люблю,—сказалъ князь Андрей.

— Простите...

— Что простить?—спросилъ князь Андрей.

— Простите меня за то, что я сдѣ...лала,—чуть слышнымъ, прерывнымъ шопотомъ проговорила Наташа, и чаще стала, чуть дотрогиваясь губами, цѣловать руку.

— Я люблю тебя больше, лучше, чѣмъ прежде,—сказалъ князь Андрей, поднимая рукой ея лицо, такъ чтобъ онъ могъ глядѣть въ ея глаза.

Глаза эти, налитые счастливыми слезами, робко-сострадательно и радостно-любовно смотрѣли на него. Худое и блѣдное лицо Наташи съ распухшими губами было болѣе чѣмъ некрасиво,—оно было страшно. Но князь Андрей не видалъ этого лица, онъ видѣлъ сіяющіе глаза, которые были прекрасны. Сзади ихъ послышался говоръ.

Петръ камердинеръ, теперь совсѣмъ очнувшійся отъ сна, разбудилъ доктора. Тимохинъ, не спавшій все время отъ боли въ ногѣ, давно уже видѣлъ все, что̀ дѣлалось, и старательно закрывая простыней свое неодѣтое тѣло, ежился на лавкѣ.

— Это что̀ такое?—сказалъ докторъ, приподнявшись съ своего ложа.—Извольте итти, сударыня.

Въ это же время въ дверь стучалась дѣвушка, посланная графиней, хватившейся дочери.

Какъ сомнамбулка, которую разбудили въ серединѣ ея сна, Наташа вышла изъ комнаты и, вернувшись въ свою избу, рыдая упала на свою постель.

Съ этого дня, во время всего дальнѣйшаго путешествія Ростовыхъ, на всѣхъ отдыхахъ и ночлегахъ, Наташа не отходила отъ раненаго Болконскаго, и докторъ долженъ былъ признаться, что онъ не ожидалъ отъ дѣвицы ни такой твердости, ни такого искусства ходить за раненымъ.

Какъ ни страшна казалась для графини мысль, что князь Андрей могъ (весьма вѣроятно по словамъ доктора) умереть во время дороги на рукахъ ея дочери, она не могла противиться Наташѣ. Хотя вслѣдствіе теперь установившагося сближенія между раненымъ княземъ Андреемъ и Наташей и приходило въ голову, что, въ случаѣ выздоровленія, прежнія отношенія жениха и невѣсты будутъ возобновлены, никто, еще менѣе Наташа и князь Андрей, не говорилъ объ этомъ; нерѣшенный, висящій вопросъ жизни или смерти, не только надъ Болконскимъ, но надъ всею Россіей, заслонялъ всѣ другія предположенія.

XXXIII.

Пьеръ проснулся 3-го сентября поздно. Голова его болѣла, платье, въ которомъ онъ спалъ не раздѣваясь, тяготило его тѣло, и на душѣ было смутное сознаніе чего-то постыднаго, совершоннаго наканунѣ; это постыдное былъ вчерашній разговоръ съ капитаномъ Рамбалемъ.

Часы показывали 11, но на дворѣ казалось особенно пасмурно. Пьеръ всталъ, протеръ глаза и, увидавъ пистолетъ съ вырѣзнымъ ложемъ, который Герасимъ положилъ опять на письменный столъ, Пьеръ вспомнилъ то, гдѣ онъ находился и что̀ ему предстояло именно въ нынѣшній день.

— Ужъ не опоздалъ ли я?—подумалъ Пьеръ. Нѣтъ, вѣроятно *онъ* сдѣлаетъ свой въѣздъ въ Москву не ранѣе 12-ти. Пьеръ не позволялъ себѣ размышлять о томъ, что̀ ему предстояло, но торопился поскорѣе дѣйствовать.

Оправивъ на себѣ платье, Пьеръ взялъ въ руки пистолетъ и сбирался уже итти. Но тутъ ему въ первый разъ пришла мысль о томъ, какимъ образомъ, не въ рукѣ же,

по улицѣ нести ему это оружіе. Даже и подъ широкимъ кафтаномъ трудно было спрятать большой пистолетъ. Ни за поясомъ, ни подъ мышкой нельзя было помѣстить его незамѣтно. Кромѣ того, пистолетъ былъ разряженъ, а Пьеръ не успѣлъ зарядить его. „Все равно кинжалъ", сказалъ себѣ Пьеръ, хотя онъ не разъ, обсуживая исполненіе своего намѣренія, рѣшалъ самъ съ собою, что главная ошибка студента въ 1809 году состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ убить Наполеона кинжаломъ. Но, какъ будто главная цѣль Пьера состояла не въ томъ, чтобъ исполнить задуманное дѣло, а въ томъ, чтобы показать самому себѣ, что онъ не отрекается отъ своего намѣренія и дѣлаетъ все для исполненія его, Пьеръ поспѣшно взялъ купленный имъ у Сухаревой башни, вмѣстѣ съ пистолетомъ, тупой зазубренный кинжалъ въ зеленыхъ ножнахъ и спряталъ его подъ жилетъ.

Подпоясавъ кафтанъ и надвинувъ шапку, Пьеръ, стараясь не шумѣть и не встрѣтить капитана, прошелъ по корридору и вышелъ на улицу.

Тотъ пожаръ, на который такъ равнодушно смотрѣлъ онъ наканунѣ вечеромъ, за ночь значительно увеличился. Москва горѣла уже съ разныхъ сторонъ. Горѣли въ одно и то же время Каретный рядъ, Замоскворѣчье, Гостиный дворъ, Поварская, барки на Москвѣ-рѣкѣ и дровяной рынокъ у Дорогомиловскаго моста.

Путь Пьера лежалъ черезъ переулки на Поварскую и оттуда на Арбатъ къ Николѣ Явленному, у котораго онъ въ воображеніи своемъ давно опредѣлилъ мѣсто, на которомъ должно быть совершено его дѣло. У большей части домовъ были заперты ворота и ставни. Улицы и переулки были пустынны, въ воздухѣ пахло гарью и дымомъ. Изрѣд-

ка встрѣчались русскіе съ безпокойно-робкими лицами и французы съ не городскимъ лагернымъ видомъ, шедшіе по серединамъ улицъ. И тѣ и другіе съ удивленіемъ смотрѣли на Пьера. Кромѣ большого роста и толщины, кромѣ страннаго, мрачно-сосредоточеннаго и страдальческаго выраженія лица и всей фигуры, русскіе присматривались къ Пьеру потому, что не понимали, къ какому сословію могъ принадлежать этотъ человѣкъ. Французы же съ удивленіемъ провожали его глазами въ особенности потому, что Пьеръ, противно всѣмъ другимъ русскимъ, испуганно и любопытно смотрѣвшимъ на французовъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. У воротъ одного дома три француза, толковавшіе что-то не понимавшимъ ихъ русскимъ людямъ, остановили Пьера, спрашивая, не знаетъ ли онъ по-французски.

Пьеръ отрицательно покачалъ головой и пошелъ дальше. Въ другомъ переулкѣ на него крикнулъ часовой, стоявшій у зеленаго ящика, и Пьеръ только на повторенный грозный крикъ и звукъ ружья, взятаго часовымъ на руку, понялъ, что онъ долженъ былъ обойти другою стороной улицы. Онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ вокругъ себя. Онъ, какъ что-то страшное и чуждое ему, съ поспѣшностью и ужасомъ несъ въ себѣ свое намѣреніе, боясь—наученный опытомъ прошлой ночи—какъ-нибудь растерять его. Но Пьеру не суждено было донести въ цѣлости свое настроеніе до того мѣста, куда онъ направлялся. Кромѣ того, ежели бы онъ и не былъ ничѣмъ задержанъ на пути, намѣреніе его не могло быть исполнено уже потому, что Наполеонъ тому назадъ болѣе 4-хъ часовъ проѣхалъ изъ Дорогомиловскаго предмѣстья черезъ Арбатъ въ Кремль, и теперь въ самомъ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ въ царскомъ кабинетѣ

Кремлевскаго дворца и отдавалъ подробныя обстоятельныя приказанія о мѣрахъ, которыя должны были быть приняты немедленно для тушенія пожара, предупрежденія мародерства и успокоенія жителей. Но Пьеръ не зналъ этого, онъ, весь поглощенный предстоящимъ, мучился, какъ мучаются люди, упрямо предпринявшіе дѣло невозможное—не по трудностямъ, но по несвойственности дѣла съ своею природой; онъ мучился страхомъ того, что онъ ослабѣетъ въ рѣшительную минуту и, вслѣдствіе того, потеряетъ уваженіе къ себѣ.

Онъ хотя ничего не видѣлъ и не слышалъ вокругъ себя, но инстинктомъ соображалъ дорогу и не ошибался переулками, выводившими его на Поварскую.

По мѣрѣ того, какъ Пьеръ приближался къ Поварской, дымъ становился сильнѣе и сильнѣе, становилось даже тепло отъ огня пожара. Изрѣдка взвивались огненные языки изъ-за крышъ домовъ. Больше народа встрѣчалось на улицахъ, и народъ этотъ былъ тревожнѣе. Но Пьеръ хотя и чувствовалъ, что что-то такое необыкновенное творилось вокругъ него, не отдавалъ себѣ отчета о томъ, что онъ подходилъ къ пожару. Проходя по тропинкѣ, шедшей по большому незастроенному мѣсту, примыкавшему одною стороной къ Поварской, другою къ садамъ дома князя Грузинскаго, Пьеръ вдругъ услыхалъ подлѣ самого себя отчаянный плачъ женщины. Онъ остановился, какъ бы пробудившись отъ сна, и поднялъ голову.

Въ сторонѣ отъ тропинки, на засохшей пыльной травѣ, были свалены кучей домашніе пожитки: перины, самоваръ, образа и сундуки. На землѣ, подлѣ сундуковъ, сидѣла немолодая, худая женщина, съ длинными высунувшимися верхними зубами, одѣтая въ черный салопъ и чепчикъ. Женщ-

на эта, качаясь и приговаривая что-то, надрываясь, плакала. Двѣ дѣвочки, отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, одѣтыя въ грязныя коротенькія платьица и салопчики, съ выраженіемъ недоумѣнія на блѣдныхъ, испуганныхъ лицахъ, смотрѣли на мать. Меньшой мальчикъ, лѣтъ семи, въ чуйкѣ и въ чужомъ огромномъ картузѣ, плакалъ на рукахъ старухи-няньки. Босоногая, грязная дѣвка сидѣла на сундукѣ и, распустивъ бѣлесую косу, обдергивала опаленные волосы, принюхиваясь къ нимъ. Мужъ, невысокій сутуловатый человѣкъ, въ вицъ-мундирѣ съ колесообразными бакенбардочками и гладкими височками, виднѣвшимися изъ-подъ прямо надѣтаго картуза, съ неподвижнымъ лицомъ раздвигалъ сундуки, поставленные одинъ на другомъ, и вытаскивалъ изъ-подъ нихъ какія-то одѣянія.

Женщина почти бросилась къ ногамъ Пьера, когда она увидала его.

— Батюшки родимые, христіане православные, спасите, помогите, голубчикъ!.. кто-нибудь помогите,—выговаривала она сквозь рыданія.—Дѣвочку!.. Дочь!.. Дочь мою меньшую оставили!.. Сгорѣла! Ооо! Для того я тебя лелѣ... Ооо!

— Полно, Марья Николаевна, — тихимъ голосомъ обратился мужъ къ женѣ, очевидно для того только, чтобъ оправдаться предъ постороннимъ человѣкомъ.—Должно, сестрица унесла, а то больше гдѣ же быть!—прибавилъ онъ.

— Истуканъ, злодѣй!—злобно закричала женщина, вдругъ прекративъ плачъ.—Сердца въ тебѣ нѣтъ, свое дѣтище не жалѣешь. Другой бы изъ огня досталъ. А это истуканъ, а не человѣкъ, не отецъ. Вы благородный человѣкъ,—скороговоркой, всхлипывая, обратилась женщина къ Пьеру.—Загорѣлось рядомъ,—бросило къ намъ. Дѣвка закричала: горимъ!

Бросились собирать. Въ чемъ были, въ томъ и выскочили... Вотъ что захватили... Божье благословенье да приданую постель, а то все пропало. Хвать дѣтей, Катеньки нѣтъ. Ооо! О Господи!..—и опять она зарыдала.—Дитятко мое милое, сгорѣло! сгорѣло!

— Да гдѣ же, гдѣ же она осталась?—сказалъ Пьеръ. По выраженію оживившагося лица его женщина поняла, что этотъ человѣкъ могъ помочь ей.

— Батюшка! Отецъ!—закричала она, хватая его за ноги.—Благодѣтель, хоть сердце мое успокой... Аниска, иди, мерзкая, проводи,—крикнула она на дѣвку, сердито раскрывая ротъ и этимъ движеніемъ еще больше выказывая свои длинные зубы.

— Проводи, проводи, я... я... сдѣлаю я,—запыхавшимся голосомъ, поспѣшно сказалъ Пьеръ.

Грязная дѣвка вышла изъ-за сундука, прибрала косу и, вздохнувъ, пошла тупыми, босыми ногами впередъ по тропинкѣ. Пьеръ какъ бы вдругъ очнулся къ жизни послѣ тяжелаго обморока. Онъ выше поднялъ голову, глаза его засвѣтились блескомъ жизни, и онъ быстрыми шагами пошелъ за дѣвкой, обогналъ ее и вышелъ на Поварскую. Вся улица была застлана тучей чернаго дыма. Языки пламени кое-гдѣ вырывались изъ этой тучи. Народъ большою толпой тѣснился предъ пожаромъ. Въ серединѣ улицы стоялъ французскій генералъ и говорилъ что-то окружающимъ его. Пьеръ, сопутствуемый дѣвкой, подошелъ было къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ генералъ; но французскіе солдаты остановили его.

— Тутъ не проходятъ!—крикнулъ ему голосъ.

— Сюда, дяденька,—крикнула дѣвка: — мы переулкомъ черезъ Никулиныхъ пройдемъ.

Пьеръ повернулся назадъ и пошелъ, изрѣдка подпрыгивая, чтобы поспѣвать за нею. Дѣвка перебѣжала улицу, повернула налѣво въ переулокъ и, пройдя три дома, завернула направо въ ворота.

— Вотъ тутъ сейчасъ,—сказала дѣвка и, пробѣжавъ дворъ, она отворила калитку въ тесовомъ заборѣ и, остановившись, указала Пьеру на небольшой деревянный флигель, горѣвшій свѣтло и жарко. Одна сторона его обрушилась, другая горѣла, и пламя ярко выбивалось изъ-подъ отверстій оконъ и изъ-подъ крыши.

Когда Пьеръ вошелъ въ калитку, его обдало жаромъ, и онъ невольно остановился.

— Который, который вашъ домъ?—спросилъ онъ.

— О-о-охъ!—завыла дѣвка, указывая на флигель.—Онъ самый, она самая наша фатера была. Сгорѣла ты, наше сокровище, Катечка, барышня моя ненаглядная, о-охъ!—завыла Аниска при видѣ пожара, почувствовавши необходимость выказать и свои чувства.

Пьеръ сунулся къ флигелю, но жаръ былъ такъ силенъ, что онъ невольно описалъ дугу вокругъ флигеля и очутился подлѣ большого дома, который еще горѣлъ только съ одной стороны, съ крыши, и около котораго кишѣла толпа французовъ. Пьеръ сначала не понялъ, что̀ дѣлали эти французы, таскавшіе что-то; но, увидавъ предъ собою француза, который билъ тупымъ тесакомъ мужика, отнимая у него лисью шубу, Пьеръ понялъ смутно, что тутъ грабили, но ему некогда было останавливаться на этой мысли.

Звукъ треска и гула заваливающихся стѣнъ и потолковъ, свиста и шипѣнья пламени и оживленныхъ криковъ народа, видъ колеблющихся, то насупливающихся густыхъ черныхъ,

то взмывающихъ, свѣтлѣющихъ облаковъ дыма съ блестками искръ и гдѣ сплошнаго, сноповиднаго, краснаго, гдѣ чешуйчато-золотого, перебирающагося по стѣнамъ пламени, ощущеніе жара и дыма и быстроты движенія произвели на Пьера свое обычное возбуждающее дѣйствіе пожаровъ. Дѣйствіе это было въ особенности сильно на Пьера потому, что Пьеръ вдругъ, при видѣ этого пожара, почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ тяготившихъ его мыслей. Онъ чувствовалъ себя молодымъ, веселымъ, ловкимъ и рѣшительнымъ. Онъ обѣжалъ флигелекъ со стороны дома и хотѣлъ уже бѣжать въ ту часть его, которая еще стояла, когда надъ самою головой его послышался крикъ нѣсколькихъ голосовъ и вслѣдъ затѣмъ трескъ и звонъ чего-то тяжелаго, упавшаго подлѣ него.

Пьеръ оглянулся и увидалъ въ окнахъ дома французовъ, выкинувшихъ ящикъ комода, наполненный какими-то металлическими вещами. Другіе французскіе солдаты, стоявшіе внизу, подошли къ ящику.

— Этому что̀ еще надо?—крикнулъ одинъ изъ французовъ на Пьера.

— Ребенка въ этомъ домѣ. Не видали ли вы ребенка?—сказалъ Пьеръ.

— Этотъ что̀ еще толкуетъ? Убирайся къ чорту!—послышались голоса, и одинъ изъ солдатъ, видимо, боясь, чтобы Пьеръ не вздумалъ отнимать у нихъ серебро и бронзы, которыя были въ ящикѣ, угрожающе надвинулся на него.

— Ребенокъ?—закричалъ сверху французъ,—и я слышалъ что-то пищало въ саду. Можетъ-быть, малый своего парнишку ищетъ, надо вѣдь быть человѣчнымъ. Мы всѣ люди...

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ?—спрашивалъ Пьеръ.

— Сюда, сюда!—кричалъ ему французъ изъ окна, показывая на садъ, бывшій за домомъ.—Погодите я сейчасъ сойду.— И дѣйствительно, черезъ минуту французъ, черноглазый малый съ какимъ-то пятномъ на щекѣ, въ одной рубашкѣ, выскочилъ изъ окна нижняго этажа и, хлопнувъ Пьера по плечу, побѣжалъ съ нимъ въ садъ.—Эй, вы живѣе!—крикнулъ онъ своимъ товарищамъ,—припекать начинаетъ.

Выбѣжавъ за домъ на усыпанную пескомъ дорожку, французъ дернулъ за руку Пьера и указалъ ему на кругъ. Подъ скамейкой лежала трехлѣтняя дѣвочка въ розовомъ платьицѣ.

— Вотъ вашъ ребенокъ. А, дѣвочка, тѣмъ лучше,—сказалъ французъ.—До свиданія, толстякъ. Что жъ, надо быть человѣчнымъ. Всѣ мы смертны,—и французъ съ пятномъ на щекѣ побѣжалъ назадъ къ своимъ товарищамъ.

Пьеръ, задыхаясь отъ радости, подбѣжалъ къ дѣвочкѣ и хотѣлъ взять ее на руки. Но, увидавъ чужого человѣка, золотушно-болѣзненная, похожая на мать, непріятная на видъ, дѣвочка закричала и бросилась бѣжать. Пьеръ, однако, схватилъ ее и поднялъ на руки; она завизжала отчаянно-злобнымъ голосомъ и своими маленькими ручонками стала отрывать отъ себя руки Пьера и сопливымъ ртомъ кусать ихъ. Пьера охватило чувство ужаса и гадливости, подобное тому, которое онъ испытывалъ при прикосновеніи къ какому-нибудь маленькому животному. Но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не бросить ребенка, и побѣжалъ съ нимъ назадъ къ большому дому. Но пройти уже нельзя было назадъ тою же дорогой: дѣвки Аниски уже не было, и Пьеръ съ чувствомъ жалости и отвращенія, прижимая къ себѣ какъ можно нѣжнѣе страдальчески всхлипывавшую и мокрую дѣвочку, побѣжалъ черезъ садъ искать другого выхода.

XXXIV.

Когда Пьеръ, обѣжавъ дворами и переулками, вышелъ назадъ съ своей ношей къ саду Грузинскаго, на углу Поварской, онъ въ первую минуту не узналъ того мѣста, съ котораго онъ пошелъ за ребенкомъ: такъ оно было загромождено народомъ и вытащенными изъ домовъ пожитками. Кромѣ русскихъ семей съ своимъ добромъ, спасавшихся здѣсь отъ пожара, тутъ же было и нѣсколько французскихъ солдатъ въ различныхъ одѣніяхъ. Пьеръ не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ спѣшилъ найти семейство чиновника съ тѣмъ, чтобъ отдать дочь матери и итти опять спасать еще кого-то. Пьеру казалось, что ему что-то еще многое и поскорѣе нужно сдѣлать. Разогрѣвшись отъ жара и бѣготни, Пьеръ еще сильнѣе въ эту минуту испытывалъ то чувство молодости, оживленія и рѣшительности, которое охватило его въ то время, какъ онъ побѣжалъ спасать ребенка. Дѣвочка затихла теперь, и, держась ручонками за кафтанъ Пьера, сидѣла на его рукѣ и, какъ дикій звѣрокъ, оглядывалась вокругъ себя. Пьеръ изрѣдка поглядывалъ на нее и слегка улыбался. Ему казалось, что онъ видѣлъ что-то трогательно-невинное въ этомъ испуганномъ и болѣзненномъ личикѣ.

На прежнемъ мѣстѣ ни чиновника, ни его жены уже не было. Пьеръ быстрыми шагами ходилъ между народомъ, оглядывая разныя лица, попадавшіяся ему. Невольно онъ замѣтилъ грузинское или армянское семейство, состоявшее изъ красиваго, съ восточнымъ типомъ лица, очень стараго человѣка, одѣтаго въ новый, крытый тулупъ и новые сапоги, изъ старухи такого же типа и молодой женщины. Очень мо-

лодая женщина эта показалась Пьеру совершенствомъ восточной красоты, съ ея рѣзкими, дугою очерченными, черными бровями и длиннымъ, необыкновенно нѣжно румянымъ и красивымъ лицомъ безъ всякаго выраженія. Среди раскиданныхъ пожитковъ, въ толпѣ, на площади она, въ своемъ богатомъ атласномъ салопѣ и ярко лиловомъ платкѣ, накрывавшемъ ея голову, напоминала нѣжное тепличное растеніе, выброшенное на снѣгъ. Она сидѣла на узлахъ нѣсколько позади старухи и неподвижно-большими, черными, продолговатыми, съ длинными рѣсницами, глазами смотрѣла въ землю. Видимо, она знала свою красоту и боялась за нее. Лицо это поразило Пьера, и онъ, въ своей поспѣшности, проходя вдоль забора, нѣсколько разъ оглянулся на нее. Дойдя до забора и все-таки не найдя тѣхъ, кого ему было нужно, Пьеръ остановился, оглядываясь.

Фигура Пьера съ ребенкомъ на рукахъ теперь была болѣе замѣчательна, чѣмъ прежде, и около него собралось нѣсколько человѣкъ русскихъ, мужчинъ и женщинъ.

— Или потерялъ кого, милый человѣкъ? Сами вы изъ благородныхъ, что ли? Чей ребенокъ-то?—спрашивали у него.

Пьеръ отвѣчалъ, что ребенокъ принадлежалъ женщинѣ въ черномъ салопѣ, которая сидѣла съ дѣтьми на этомъ мѣстѣ, и спрашивалъ, не знаетъ ли кто ее и куда она перешла.

— Вѣдь это Анферовы должны быть, — сказалъ старый дьяконъ, обращаясь къ рябой бабѣ.—Господи помилуй, Господи помилуй,—прибавилъ онъ привычнымъ басомъ.

— Гдѣ Анферовы?—сказала баба. Анферовы еще съ утра уѣхали. А это либо Марьи Николаевны, либо Ивановы.

— Онъ говоритъ женщина, а Марья Николаевна—барыня, сказалъ дворовый человѣкъ.

— Да вы знаете ее, зубы длинные, худая,—говорилъ Пьеръ.

— И есть Марья Николаевна. Они ушли въ садъ, какъ тутъ волки-то эти налетѣли, — сказала баба, указывая на французскихъ солдатъ.

— О, Господи помилуй,—прибавилъ опять дьяконъ.

— Вы пройдите вотъ туда-то, они тамъ. Она и есть. Все убивалась, плакала,—сказала опять баба.—Она и есть. Вотъ сюда-то.

Но Пьеръ не слушалъ бабы. Онъ уже нѣсколько секундъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на то, что̀ дѣлалось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Онъ смотрѣлъ на армянское семейство и двухъ французскихъ солдатъ, подошедшихъ къ армянамъ. Одинъ изъ этихъ солдатъ маленькій, вертлявый человѣчекъ, былъ одѣтъ въ синюю шинель, подпоясанную веревкой. На головѣ его былъ колпакъ и ноги были босыя. Другой, который особенно поразилъ Пьера, былъ длинный, сутуловатый, бѣлокурый, худой человѣкъ съ медлительными движеніями и идіотическимъ выраженіемъ лица. Этотъ былъ одѣтъ въ фризовый капотъ, въ синіе штаны и большіе, рваные ботфорты. Маленькій французъ, безъ сапогъ, въ синей шинели, подойдя къ армянамъ, тотчасъ же, сказавъ что-то, взялся за ноги старика, и старикъ тотчасъ же поспѣшно сталъ снимать сапоги. Другой въ капотѣ остановился противъ красавицы армянки и молча, неподвижно, держа руки въ карманахъ, смотрѣлъ на нее.

— Возьми, возьми ребенка,—проговорилъ Пьеръ, подавая дѣвочку и повелительно и поспѣшно обращаясь къ бабѣ.—Ты отдай имъ, отдай!—закричалъ онъ почти на бабу, сажая закричавшую дѣвочку на землю, и опять оглянулся на французовъ и на армянское семейство. Старикъ уже сидѣлъ бо-

сой. Маленькій французъ снялъ съ него послѣдній сапогъ и похлопывалъ сапогами одинъ о другой. Старикъ, всхлипывая, говорилъ что-то, но Пьеръ только мелькомъ видѣлъ это; все вниманіе его было обращено на француза въ капотѣ, который въ это время, медлительно раскачиваясь, подвинулся къ молодой женщинѣ и, вынувъ руки изъ кармановъ, взялся за ея шею.

Красавица армянка продолжала сидѣть въ томъ же неподвижномъ положеніи съ опущенными длинными рѣсницами и какъ будто не видала и не чувствовала того, что̀ дѣлалъ съ нею солдатъ.

Пока Пьеръ пробѣжалъ тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли его отъ французовъ, длинный мародеръ въ капотѣ уже рвалъ съ шеи армянки ожерелье, которое было на ней, и молодая женщина, хватаясь руками за шею, кричала пронзительнымъ голосомъ.

— Оставьте эту женщину!—бѣшеннымъ голосомъ прохрипѣлъ Пьеръ, схватывая длиннаго сутуловатаго солдата за плечи и отбрасывая его. Солдатъ упалъ, приподнялся и побѣжалъ прочь. Но товарищъ его, бросивъ сапоги, вынулъ тесакъ и грозно надвинулся на Пьера.

— Эй! Глупости-то оставь!—крикнулъ онъ.

Пьеръ былъ въ томъ восторгѣ бѣшенства, въ которомъ онъ ничего не помнилъ и въ которомъ силы его удесятерялись. Онъ бросился на босого француза, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ вынуть свой тесакъ, уже сбилъ его съ ногъ и молотилъ по немъ кулаками. Послышался одобрительный крикъ окружавшей толпы, и въ то же время изъ-за угла показался конный разъѣздъ французскихъ уланъ. Уланы рысью подъѣхали къ Пьеру и французы окружили ихъ. Пьеръ

ничего не помнилъ изъ того, что̀ было дальше. Онъ помнилъ, что онъ билъ кого-то, его били, и что подъ конецъ онъ почувствовалъ, что руки его связаны, что толпа французскихъ солдатъ стоитъ вокругъ него и обыскиваетъ его платье.

— Лейтенантъ, у него кинжалъ!—были первыя слова, которыя понялъ Пьеръ.

— А, оружіе!—сказалъ офицеръ и обратился къ босому солдату, который былъ взятъ съ Пьеромъ.

— Хорошо, хорошо, на военномъ судѣ все разскажешь,— сказалъ офицеръ. И вслѣдъ затѣмъ повернулся къ Пьеру:— по-французски знаешь?

Пьеръ оглядывался вокругъ себя налившимися кровью глазами и не отвѣчалъ. Вѣроятно лицо его показалось очень страшно, потому что офицеръ что-то шопотомъ сказалъ, и еще четыре улана отдѣлились отъ команды и стали по обѣимъ сторонамъ Пьера.

— Говорите ли по-французски?—повторилъ ему вопросъ офицеръ, держась вдали отъ него.—Позовите переводчика. Изъ-за рядовъ выѣхалъ маленькій человѣчекъ въ штатскомъ русскомъ платьѣ. Пьеръ по одѣянію и говору его тотчасъ же узналъ въ немъ француза изъ одного московскаго магазина.

— Онъ не похожъ на простолюдина, — сказалъ переводчикъ, оглядѣвъ Пьера.

— О, о, онъ очень похожъ на поджигателя, — сказалъ офицеръ.—Спросите его, кто онъ?—прибавилъ онъ.

— Ти кто?—спросилъ переводчикъ.—Ти должно отвѣчать начальство,—сказалъ онъ.

— Я не скажу вамъ, кто я. Я вашъ плѣнный. Уведите меня,—вдругъ по-французски сказалъ Пьеръ.

— А! А!—проговорилъ офицеръ нахмурившись. — Ну, маршъ!

Около уланъ собралась толпа. Ближе всѣхъ къ Пьеру стояла рябая баба съ дѣвочкою; когда объѣздъ тронулся, она подвинулась впередъ.

— Куда же это ведутъ тебя, голубчикъ ты мой?—сказала она. — Дѣвочку-то, дѣвочку-то куда я дѣну, коли она не ихняя!—говорила баба.

— Чего ей нужно этой женщинѣ?—спросилъ французъ.

Пьеръ былъ какъ пьяный. Восторженное состояніе его еще усилилось при видѣ дѣвочки, которую онъ спасъ.

— Чего ей нужно?—проговорилъ онъ.—Она несетъ дочь мою, которую я только что спасъ отъ пламени, — проговорилъ онъ.—Прощай!—и онъ, самъ не зная, какъ вырвалась у него эта безцѣльная ложь, рѣшительнымъ, торжественнымъ шагомъ пошелъ между французами.

Разъѣздъ французовъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые были посланы по распоряженію Дюронеля по разнымъ улицамъ Москвы для пресѣченія мародерства и въ особенности для поимки поджигателей, которые, по общему, въ тотъ день проявившемуся, мнѣнію у французовъ высшихъ чиновъ, были причиною пожаровъ. Объѣхавъ нѣсколько улицъ, разъѣздъ забралъ еще человѣкъ пять подозрительныхъ русскихъ, одного лавочника, двухъ семинаристовъ, мужика и двороваго человѣка и нѣсколько мародеровъ. Но изъ всѣхъ подозрительныхъ людей подозрительнѣе всѣхъ казался Пьеръ.

Когда ихъ всѣхъ привели на ночлегъ въ большой домъ на Зубовскомъ валу, въ которомъ была учреждена гауптвахта, то Пьера подъ строгимъ карауломъ помѣстили отдѣльно.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ВОЙНА И МИРЪ.

Томъ IV.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., собствен. домъ.

1899.

ВОЙНА И МИРЪ

(1864—1869 года).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Петербургѣ, въ это время въ высшихъ кругахъ, съ большимъ жаромъ, чѣмъ когда-нибудь, шла сложная борьба партій Румянцева, французовъ, Маріи Ѳеодоровны, цесаревича и другихъ, заглушаемая, какъ всегда, трубеніемъ придворныхъ трутней. Но спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отраженіями жизни, петербургская жизнь шла по-старому; и изъ-за хода этой жизни надо было дѣлать большія усилія, чтобы сознавать опасность и то трудное положеніе, въ которомъ находился русскій народъ. Тѣ же были выходы, балы, тотъ же французскій театръ, тѣ же интересы дворовъ, тѣ же интересы службы и интриги. Только въ самыхъ высшихъ кругахъ дѣлались усилія для того, чтобы напоминать трудность настоящаго положенія. Разсказывалось шопотомъ о томъ, какъ противоположно одна другой поступили въ столь трудныхъ обстоятельствахъ обѣ императрицы. Императрица Марія Ѳеодоровна, озабоченная благосостояніемъ подвѣдомственныхъ ей богоугодныхъ и воспитательныхъ учрежденій, сдѣлала распоряженіе объ отправкѣ всѣхъ институтовъ въ Казань, и вещи этихъ заведеній

уже были уложены. Императрица же Елизавета Алексѣевна на вопросъ о томъ, какія ей угодно сдѣлать распоряженія, со свойственнымъ ей русскимъ патріотизмомъ изволила отвѣтить, что о государственныхъ учрежденіяхъ она не можетъ дѣлать распоряженій, такъ какъ это касается государя; о томъ же, что лично зависитъ отъ нея, она изволила сказать, что она послѣдняя выѣдетъ изъ Петербурга.

У Анны Павловны 26-го августа, въ самый день Бородинскаго сраженія, былъ вечеръ, цвѣткомъ котораго должно было быть чтеніе письма преосвященнаго, написаннаго при посылкѣ государю образа преподобнаго угодника Сергія. Письмо это почиталось образцомъ патріотическаго духовнаго краснорѣчія. Прочесть его долженъ былъ самъ князь Василій, славившійся своимъ искусствомъ чтенія. (Онъ же читывалъ и у императрицы.) Искусство чтенія считалось въ томъ, чтобы громко, пѣвуче, между отчаяннымъ завываніемъ и нѣжнымъ ропотомъ переливать слова совершенно независимо отъ ихъ значенія, такъ что совершенно случайно на одно слово попадало завываніе, на другія — ропотъ. Чтеніе это, какъ и всѣ вечера Анны Павловны, имѣло политическое значеніе. На этомъ вечерѣ должно было быть нѣсколько важныхъ лицъ, которыхъ надо было устыдить за ихъ поѣздки во французскій театръ и воодушевить къ патріотическому настроенію. Уже довольно много собралось народа, но Анна Павловна еще не видѣла въ гостиной всѣхъ тѣхъ, кого нужно было, и потому, не приступая еще къ чтенію, заводила общіе разговоры.

Новостью дня въ этотъ день въ Петербургѣ была болѣзнь графини Безуховой. Графиня нѣсколько дней тому назадъ неожиданно заболѣла, пропустила нѣсколько собраній, кото-

рыхъ она была украшеніемъ, и слышно было, что она никого не принимаетъ и что вмѣсто знаменитыхъ петербургскихъ докторовъ, обыкновенно лѣчившихъ ее, она ввѣрилась какому-то итальянскому доктору, лѣчившему ее какимъ-то новымъ и необыкновеннымъ способомъ.

Всѣ очень хорошо знали, что болѣзнь прелестной графини происходила отъ неудобства выходить замужъ сразу за двухъ мужей и что лѣченіе итальянца состояло въ устраненіи этого неудобства; но въ присутствіи Анны Павловны не только никто не смѣлъ думать объ этомъ, но какъ будто никто и не зналъ этого.

— Говорятъ, что бѣдная графиня очень плоха. Докторъ сказалъ, что это грудная жаба.

— Жаба? О, это ужасная болѣзнь.

— Говорятъ, что соперники примирились, благодаря жабѣ... Слово angine (жаба) повторялось съ большимъ удовольствіемъ.

— Старый графъ очень трогателенъ, говорятъ. Онъ заплакалъ, какъ дитя, когда докторъ сказалъ, что случай опасный.

— О, это была бы большая потеря. Такая прелестная женщина!

— Вы говорите про бѣдную графиню, — сказала подходя Анна Павловна, — я посылала узнавать о ея здоровьѣ. Мнѣ сказали, что ей немного лучше. О, безъ сомнѣнія, это прелестнѣйшая женщина въ мірѣ, — сказала Анна Павловна съ улыбкой надъ своею восторженностью. — Мы принадлежимъ къ различнымъ лагерямъ, но это не мѣшаетъ мнѣ уважать ее по ея заслугамъ. Она такъ несчастна! — прибавила Анна Павловна.

Полагая, что этими словами Анна Павловна слегка приподнимала завѣсу тайны надъ болѣзнью графини, одинъ неосторожный молодой человѣкъ позволилъ себѣ выразить удивленіе тому, что не призваны извѣстные врачи, а лѣчить графиню шарлатанъ, который можетъ дать опасныя средства.

— Ваши свѣдѣнія могутъ быть вѣрнѣе моихъ, — вдругъ ядовито напустилась Анна Павловна на неопытнаго молодого человѣка.—Но я изъ хорошихъ источниковъ знаю, что этотъ докторъ очень ученый и искусный человѣкъ. Это лейбъ-медикъ королевы испанской.—И такимъ образомъ, уничтоживъ молодого человѣка, Анна Павловна обратилась къ Билибину, который въ другомъ кружкѣ, подобравъ кожу и видимо сбираясь распустить ее, чтобы сказать un mot, говорилъ объ австрійцахъ.

— Я нахожу, что это прелестно!—говорилъ онъ про дипломатическую бумагу, при которой отосланы были въ Вѣну австрійскія знамена, взятыя Витгенштейномъ, „героемъ Петрополя" (какъ его называли въ Петербургѣ).

— Какъ, какъ это?—обратилась къ нему Анна Павловна, возбуждая молчаніе для услышанья mot, которое она уже знала.

И Билибинъ повторилъ слѣдующія подлинныя слова дипломатической депеши, имъ составленной:

„Императоръ отсылаетъ австрійскія знамена, — сказалъ Билибинъ,—дружескія и заблудшіяся знамена, которыя онъ нашелъ внѣ настоящей дороги", докончилъ Билибинъ распуская кожу.

— Прелестно, прелестно!—сказалъ князь Василій.

— Это можетъ быть по дорогѣ въ Варшаву, — громко и неожиданно сказалъ князь Ипполитъ. Всѣ оглянулись на

него, не понимая того, чтò онъ хотѣлъ сказать этимъ. Князь Ипполитъ тоже съ веселымъ удивленіемъ оглядывался вокругъ себя. Онъ такъ же, какъ и другіе, не понималъ того, чтò значили сказанныя имъ слова. Онъ во время своей дипломатической карьеры не разъ замѣчалъ, что такимъ образомъ сказанныя вдругъ слова оказывались очень остроумны, и онъ на всякій случай сказалъ эти слова, первыя пришедшія ему на языкъ. „Можетъ, выйдетъ очень хорошо,—думалъ онъ,—а ежели не выйдетъ, они тамъ сумѣютъ это устроить“. Дѣйствительно, въ то время, какъ воцарилось неловкое молчаніе, вошло то недостаточно патріотическое лицо, котораго ждала для обращенія Анна Павловна, и она, улыбаясь и погрозивъ пальцемъ Ипполиту, пригласила князя Василія къ столу и, поднеся ему двѣ свѣчи и рукопись, попросила его начать. Все замолкло.

— Всемилостивѣйшій государь императоръ!—строго провозгласилъ князь Василій и оглянулъ публику, какъ будто спрашивая, не имѣетъ ли кто сказать что-нибудь противъ этого. Но никто ничего не сказалъ. — „Первопрестольный градъ Москва, Новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа *„своего“*,—вдругъ ударилъ онъ на словѣ *своего*, — „яко мать во объятія усердныхъ сыновъ своихъ, и сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый!“ Князь Василій плачущимъ голосомъ произнесъ эти послѣднія слова.

Билибинъ разсматривалъ внимательно свои ногти, и многіе, видимо, робѣли, какъ бы спрашивая, въ чемъ же они виноваты? Анна Павловна шопотомъ повторяла уже впередъ, как старушка молитву причастія: „пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ...“ прошептала она.

Князь Василій продолжалъ:

„Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обносить на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Сей образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болѣзную, что слабѣющія мои силы препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія вашего величества“.

— Какая сила! Какой слогъ!—послышались похвалы чтецу и сочинителю. Воодушевленные этой рѣчью гости Анны Павловны долго еще говорили о положеніи отечества и дѣлали различныя предположенія объ исходѣ сраженія, которое на-дняхъ должно было быть дано.

— Вы увидите,—сказала Анна Павловна, — что завтра, въ день рожденія государя, мы получимъ извѣстіе. У меня есть хорошее предчувствіе.

II.

Предчувствіе Анны Павловны дѣйствительно оправдалось. На другой день, во время молебствія во дворцѣ по случаю дня рожденія государя, князь Волконскій былъ вызванъ изъ церкви и получилъ конвертъ отъ князя Кутузова. Это было донесеніе Кутузова, писанное въ день сраженія изъ Татариновой. Кутузовъ писалъ, что русскіе не отступили ни на шагъ, что французы потеряли гораздо болѣе нашего, что онъ доноситъ второпяхъ съ поля сраженія, не успѣвъ еще собрать послѣднихъ свѣдѣній. Стало-быть, это была побѣда,

И тотчасъ же, не выходя изъ храма, была воздана Творцу благодарность за Его помощь и за побѣду.

Предчувствіе Анны Павловны оправдалось, и въ городѣ все утро царствовало радостно-праздничное настроеніе духа. Всѣ признавали побѣду совершонною, и нѣкоторые уже говорили о плѣненіи самого Наполеона, о низложеніи его и избраніи новой главы для Франціи.

Вдали отъ дѣла и среди условій придворной жизни весьма трудно, чтобы событія отражались во всей ихъ полнотѣ и силѣ. Невольно событія общія группируются около какого-нибудь частнаго случая. Такъ, теперь главная радость придворныхъ заключалась столько же въ томъ, что мы побѣдили, сколько и въ томъ, что извѣстіе объ этой побѣдѣ пришлось именно въ день рожденія государя. Это было какъ удавшійся сюрпризъ. Въ извѣстіи Кутузова сказано было тоже о потеряхъ русскихъ, и въ числѣ ихъ названы были Тучковъ, Багратіонъ, Кутайсовъ. Тоже и печальная сторона событія невольно, въ здѣшнемъ, петербургскомъ мірѣ, сгруппировалась около одного событія — смерти Кутайсова. Его всѣ знали, государь любилъ его, онъ былъ молодъ и интересенъ. Въ этотъ день всѣ встрѣчались со словами:

— Какъ удивительно случилось. Въ самый молебенъ. А какая потеря—Кутайсовъ! Ахъ, какъ жаль!

— Что̀ я вамъ говорилъ про Кутузова?—говорилъ теперь князь Василій съ гордостью пророка. — Я говорилъ всегда, что онъ одинъ способенъ побѣдить Наполеона.

Но на другой день не получалось извѣстія изъ арміи, и общій голосъ сталъ тревоженъ. Придворные страдали за страданія неизвѣстности, въ которой находился государь.

— Каково положеніе государя!—говорили придворные, и

уже не превозносили какъ третьяго дня, а теперь осуждали Кутузова, бывшаго причиной безпокойства государя. Князь Василій въ этотъ день уже не хвастался болѣе своимъ protégé Кутузовымъ, а хранилъ молчаніе, когда рѣчь заходила о главнокомандующемъ. Кромѣ того, къ вечеру этого дня, какъ будто все соединилось для того, чтобы повергнуть въ тревогу и безпокойство петербургскихъ жителей: присоединилась еще одна страшная новость. Графиня Елена Безухая скоропостижно умерла отъ этой страшной болѣзни, которую такъ пріятно было выговаривать. Офиціально въ большихъ обществахъ всѣ говорили, что графиня Безухая умерла отъ страшнаго припадка грудной жабы, но въ интимныхъ кружкахъ разсказывали подробности о томъ, какъ лейбъ-медикъ королевы испанской предписалъ Элен небольшія дозы какого-то лѣкарства, для произведенія извѣстнаго дѣйствія; но какъ Элен, мучимая тѣмъ, что старый графъ подозрѣвалъ ее, и тѣмъ, что мужъ, которому она писала (этотъ несчастный развратный Пьеръ), не отвѣчалъ ей, вдругъ приняла огромную дозу выписаннаго ей лѣкарства и умерла въ мученіяхъ, прежде чѣмъ могли подать помощь. Разсказывали, что князь Василій и старый графъ взялись было за итальянца, но итальянецъ показалъ такія записки отъ несчастной покойницы, что его тотчасъ же отпустили.

Общій разговоръ сосредоточился около трехъ печальныхъ событій: неизвѣстности государя, погибели Кутайсова и смерти Элен.

На третій день послѣ донесенія Кутузова, въ Петербургъ пріѣхалъ помѣщикъ изъ Москвы, и по всему городу распространилось извѣстіе о сдачѣ Москвы французамъ. Это было

ужасно! Каково было положеніе государя! Кутузовъ былъ измѣнникъ, и князь Василій во время „визитовъ соболѣзнованія“, которые ему дѣлали по случаю смерти его дочери, говорилъ о прежде восхваляемомъ имъ Кутузовѣ (ему простительно было въ печали забыть то, что̀ онъ говорилъ прежде), онъ говорилъ, что нельзя было ожидать ничего другого отъ слѣпого и развратнаго старика.

— Я удивляюсь только, какъ можно было поручить такому человѣку судьбу Россіи.

Пока извѣстіе это было еще неофиціально, въ немъ можно было еще сомнѣваться, но на другой день пришло отъ графа Растопчина слѣдующее донесеніе.

„Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для препровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и вашей имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміей. Я все вывозъ, мнѣ остается плакать объ участи моего отечества“.

Получивъ это донесеніе, государь послалъ съ княземъ Волконскимъ слѣдующій рескриптъ Кутузову:

„Князь Михаилъ Ларіоновичъ! Съ 29-го августа не имѣю я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1-го сентября получилъ я черезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміей оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело на меня это извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-

адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положенiи армiи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь печальной рѣшимости".

III.

Девять дней послѣ оставленiя Москвы, въ Петербургъ прiѣхалъ посланный отъ Кутузова съ офицiальнымъ извѣстiемъ объ оставленiи Москвы. Посланный этотъ былъ французъ Мишо, не знавшiй по-русски, впрочемъ, „хотя иностранецъ, но русскiй всѣмъ сердцемъ и всею душою", какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо, который никогда не видалъ Москвы до кампанiи и который не зналъ по-русски, чувствовалъ себя все-таки растроганнымъ, когда онъ явился предъ нашимъ всемилостивѣйшимъ повелителемъ (какъ онъ писалъ) съ извѣстiемъ о пожарѣ Москвы, „пламя которой освѣщало его путь".

Хотя источникъ печали г-на Мишо и долженъ былъ быть другой, чѣмъ тотъ, изъ котораго вытекало горе русскихъ людей,—Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ государя, что государь тотчасъ же спросилъ у него: „Какiя извѣстiя привезли вы мнѣ? Грустныя, полковникъ?"

— Очень грустныя, ваше величество, — отвѣчалъ Мишо, со вздохомъ опуская глаза:—оставленiе Москвы.

— Неужели предали мою древнюю столицу безъ битвы?— вдругъ вспыхнувъ, быстро проговорилъ государь.

Мишо почтительно передалъ то, что̀ ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драть-

ся не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ — потерять армію и Москву, или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— Вступилъ ли непріятель въ городъ?—спросилъ онъ.

— Да, ваше величество, и въ настоящую минуту Москва обращена въ пепелъ. Я оставилъ ее, объятую пламенемъ,— рѣшительно сказалъ Мишо; но, взглянувъ на государя, Мишо ужаснулся тому, что̀ онъ сдѣлалъ. Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные голубые глаза мгновенно увлажнились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самого себя за свою слабость. И, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо:

— Я вижу, полковникъ, по всему, что̀ происходитъ,—сказалъ онъ, — что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ... Я готовъ покориться во всемъ Его волѣ; но скажите мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію, покидавшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили ли вы въ ней упадка духа?

Увидавъ успокоеніе своего всемилостивѣйшаго повелителя, Мишо тоже успокоился, но на прямой существенный вопросъ государя, требовавшій и прямого отвѣта, онъ не успѣлъ еще приготовить отвѣта.

— Государь, позволите ли вы мнѣ говорить откровенно, какъ подобаетъ честному воину? — сказалъ онъ, чтобы выиграть время.

— Полковникъ, я всегда этого требую,—сказалъ государь.— Не скрывайте ничего, я непремѣнно хочу знать всю истину.

— Государь! — сказалъ Мишо съ тонкою, чуть замѣтною улыбкой на губахъ, успѣвъ приготовить свой отвѣтъ въ фор-

мѣ легкой и почтительной игры словъ.—Государь! Я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ, отчаянномъ страхѣ.

— Какъ такъ?—строго нахмурившись, перебилъ государь.—Мои русскіе могутъ ли пасть духомъ отъ неудачъ?... Никогда!...—Этого только и ждалъ Мишо для вставленія своей игры словъ.

— Государь,—сказалъ онъ съ почтительною игривостью выраженія,—они боятся только того, чтобы ваше величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ снова сражаться,—говорилъ уполномоченный русскаго народа,—и доказать вашему величеству жертвой своей жизни, насколько они вамъ преданы!...

— А!—успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ, сказалъ государь, ударяя по плечу Мишо.—Вы меня успокоиваете, полковникъ.

Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Ну, такъ возвращайтесь къ арміи,—сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и съ ласковымъ и величественнымъ жестомъ обращаясь къ Мишо;—скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ добрымъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что, когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, я самъ стану во главѣ своихъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ, и истощу такимъ образомъ послѣднія средства моего государства. Этихъ средствъ больше, нежели думаютъ мои враги,—говорилъ государь, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Но если бы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ,—сказалъ онъ, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу,—чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ моихъ пред-

ковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моихъ рукахъ, я отпущу бороду до сихъ поръ (государь показалъ рукой на половину груди) и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ моей родины и моего дорогого народа, жертвы котораго я умѣю цѣнить!..—Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ вглубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, онъ большими шагами вернулся къ Мишо и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо государя раскраснѣлось, и глаза горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Полковникъ Мишо, не забудьте того, что̀ я вамъ сказалъ здѣсь; можетъ-быть, мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ... Наполеонъ или я,—сказалъ государь, дотрогиваясь до груди.—Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ меня больше не обманетъ...—И государь, нахмурившись, замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ государя, Мишо, „хотя иностранецъ, но русскій сердцемъ и душою“, почувствовалъ себя въ эту торжественную минуту восхищеннымъ всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ услышалъ (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Государь! — сказалъ онъ, — ваше величество подписываете въ эту минуту славу своего народа и спасеніе Европы!

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

IV.

Въ то время, какъ Россія была до половины завоевана, и жители Москвы бѣжали въ дальнія губерніи, и ополченіе за ополченіемъ поднималось на защиту отечества, невольно представляется намъ, не жившимъ въ то время, что всѣ русскіе люди, отъ мала до велика, были заняты только тѣмъ, чтобы жертвовать собою, спасать отечество или плакать надъ его погибелью. Разсказы, описанія того времени всѣ безъ исключенія говорятъ только о самопожертвованіи, любви къ отечеству, отчаяніи, горѣ и геройствѣ русскихъ. Въ дѣйствительности же это такъ не было. Намъ кажется это только такъ потому, что мы видимъ изъ прошедшаго одинъ общій историческій интересъ того времени и не видимъ всѣхъ тѣхъ личныхъ, человѣческихъ интересовъ, которые были у людей. А между тѣмъ въ дѣйствительности тѣ личные интересы настоящаго въ такой степени значительнѣе общихъ интересовъ, что изъ-за нихъ никогда не чувствуется (вовсе не замѣтенъ даже) интересъ общій. Большая часть людей того времени не обращала никакого вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководилась только личными интересами настоящаго. И эти-то люди были самыми полезными дѣятелями того времени.

Тѣ же, которые пытались понять общій ходъ дѣлъ и съ самопожертвованіемъ и геройствомъ хотѣли участвовать въ немъ, были самые безполезные члены общества; они видѣли все навыворотъ, и все, что они дѣлали для пользы, оказывалось безполезнымъ вздоромъ, какъ полки Пьера, Мамонова, грабившіе русскія деревни, какъ корпія, щипанная барынями и никогда не доходившая до раненыхъ, и т. п. Даже тѣ, которые, любя поумничать и выразить свои чувства,

толковали о настоящемъ положеніи Россіи, невольно носили въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ или притворства и лжи, или безполезнаго осужденія и злобы на людей, обвиняемыхъ за то, въ чемъ никто не могъ быть виноватъ. Въ историческихъ событіяхъ очевиднѣе всего запрещеніе вкушенія плода древа познанія. Только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія. Ежели онъ пытается понять его, онъ поражается безплодностью.

Значеніе совершавшагося тогда въ Россіи событія тѣмъ незамѣтнѣе было, чѣмъ ближе было въ немъ участіе человѣка. Въ Петербургѣ и губерніяхъ, отдаленныхъ отъ Москвы, дамы и мужчины въ ополченскихъ мундирахъ оплакивали Россію и столицу и говорили о самопожертвованіи и т. п.; но въ арміи, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москвѣ, и, глядя на ея пожарище, никто не клялся отмстить французамъ, а думали о слѣдующей трети жалованья, о слѣдующей стоянкѣ, о Матрешкѣ-маркитанткѣ, и тому подобное...

Николай Ростовъ безъ всякой цѣли самопожертвованія, а случайно, такъ какъ война застала его на службѣ, принималъ близкое и продолжительное участіе въ защитѣ отечества и потому безъ отчаянія и мрачныхъ умозаключеній смотрѣлъ на то, что̀ совершалось тогда въ Россіи. Ежели бы у него спросили, что̀ онъ думаетъ о теперешнемъ положеніи Россіи, онъ бы сказалъ, что ему думать нечего, что на то есть Кутузовъ и другіе, а что онъ слышалъ, что комплектуютъ полки и что, должно быть, драться еще долго будутъ, и что при теперешнихъ обстоятельствахъ ему немудрено года чрезъ два получить полкъ.

По тому, что онъ такъ смотрѣлъ на дѣло, онъ не только безъ сокрушенія о томъ, что лишается участія въ послѣдней борьбѣ, принялъ извѣстіе о назначеніи его въ командировку за ремонтомъ для дивизіи въ Воронежъ, но и съ величайшимъ удовольствіемъ, которое онъ не скрывалъ и которое весьма хорошо понимали его товарищи.

За нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія, Николай получилъ деньги, бумаги и, пославъ впередъ гусаръ, на почтовыхъ поѣхалъ въ Воронежъ.

Только тотъ, кто испыталъ это, то-есть пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, не переставая, въ атмосферѣ военной боевой жизни, можетъ понять то наслажденіе, которое испытывалъ Николай, когда онъ выбрался изъ того района, до котораго достигали войска своими фуражировками, подвозами провіанта, гошпиталями; когда онъ, безъ солдатъ, фуръ, грязныхъ слѣдовъ присутствія лагеря, увидалъ деревни съ мужиками и бабами, помѣщичьи дома, поля съ пасущимся скотомъ, станціонные дома съ заснувшими смотрителями, онъ почувствовалъ такую радость, какъ будто въ первый разъ все это видѣлъ. Въ особенности то, что̀ долго удивляло и радовало его, это были женщины, молодыя, здоровыя, за каждою изъ которыхъ не было десятка ухаживающихъ офицеровъ, и женщины, которыя рады и польщены были тѣмъ, что проѣзжій офицеръ шутитъ съ ними.

Въ самомъ веселомъ расположеніи духа Николай ночью пріѣхалъ въ Воронежъ въ гостиницу, заказалъ все то, чего онъ долго лишенъ былъ въ арміи, и на другой день, чисто-на-чисто выбрившись и надѣвъ давно не надѣванную парадную форму, поѣхалъ являться къ начальству.

Начальникъ ополченія былъ статскій генералъ, старый че-

ловѣкъ, который, видимо, забавлялся своимъ военнымъ званіемъ и чиномъ. Онъ сердито (думая, что въ этомъ военное свойство) принялъ Николая и значительно, какъ бы имѣя на то право и какъ бы обсуживая общій ходъ дѣла, одобряя и не одобряя, разспрашивалъ его. Николай былъ такъ веселъ, что ему только забавно было это.

Отъ начальника ополченія онъ поѣхалъ къ губернатору. Губернаторъ былъ маленькій, живой человѣкъ, весьма ласковый и простой. Онъ указалъ Николаю на тѣ заводы, въ которыхъ онъ могъ достать лошадей, рекомендовалъ ему барышника въ городѣ и помѣщика за 20 верстъ отъ города, у которыхъ были лучшія лошади, и обѣщалъ всякое содѣйствіе.

— Вы графа Ильи Андреевича сынъ? Моя жена очень дружна была съ вашею матушкой. По четвергамъ у меня собираются; нынче четвергъ, милости прошу ко мнѣ запросто,— сказалъ губернаторъ, отпуская его.

Прямо отъ губернатора Николай взялъ перекладную и, посадивъ съ собою вахмистра, поскакалъ за 20 верстъ на заводъ къ помѣщику. Все, въ это первое время пребыванія его въ Воронежѣ, было для Николая весело и легко и все, какъ это бываетъ, когда человѣкъ самъ хорошо расположенъ, все ладилось и спорилось.

Помѣщикъ, къ которому пріѣхалъ Николай, былъ старый кавалеристъ-холостякъ, лошадиный знатокъ, охотникъ, владѣтель коверной, столѣтней запеканки, стараго венгерскаго и чудныхъ лошадей.

Николай въ два слова купилъ за 6 тысячъ 17 жеребцовъ на подборъ (какъ онъ говорилъ) для казоваго конца своего ремонта. Пообѣдавъ и выпивъ немножко лишняго венгерскаго, Ростовъ, расцѣловавшись съ помѣщикомъ, съ которымъ

онъ уже сошелся на „ты", по отвратительной дорогѣ, въ самомъ веселомъ расположенiи духа, поскакалъ назадъ, безпрестанно погоняя ямщика съ тѣмъ, чтобы поспѣть на вечеръ къ губернатору.

Переодѣвшись, надушившись и обливъ голову холодною водой, Николай хотя нѣсколько поздно, но съ готовою фразой: „лучше поздно, чѣмъ никогда", явился къ губернатору.

Это былъ не балъ, и не сказано было, что будутъ танцовать; но всѣ знали, что Катерина Петровна будетъ играть на клавикордахъ вальсы и экосезы, и что будутъ танцовать, и всѣ, разсчитывая на это, съѣхались по-бальному.

Губернская жизнь въ 1812 году была точно такая же, какъ и всегда, только съ тою разницею, что въ городѣ было оживленнѣе по случаю прибытія многихъ богатыхъ семей изъ Москвы, и что, какъ и во всемъ, что̀ происходило въ то время въ Россіи, замѣтна была какая-то особенная размашистость—море по колѣно, трынъ-трава все въ жизни, да еще въ томъ, что тотъ пошлый разговоръ, который необходимъ между людьми и который прежде велся о погодѣ и объ общихъ знакомыхъ, теперь велся о Москвѣ, о войскѣ и Наполеонѣ.

Общество, собранное у губернатора, было лучшее общество Воронежа.

Дамъ было очень много, было нѣсколько московскихъ знакомыхъ Николая; но мужчинъ не было никого, кто бы сколько-нибудь могъ соперничать съ Георгіевскимъ кавалеромъ ремонтеромъ-гусаромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ и благовоспитаннымъ графомъ Ростовымъ. Въ числѣ мужчинъ былъ одинъ плѣнный итальянецъ — офицеръ французской арміи, и Николай чувствовалъ, что присутствіе этого плѣннаго еще болѣе возвышало значеніе его — русскаго героя. Это былъ

какъ будто трофей. Николай чувствовалъ это, и ему казалось, что всѣ такъ же смотрѣли на итальянца, и Николай обласкалъ этого офицера съ достоинствомъ и воздержностью.

Какъ только вошелъ Николай въ своей гусарской формѣ, распространяя вокругъ себя запахъ духовъ и вина, и самъ сказалъ и слышалъ нѣсколько разъ сказанныя ему слова: „лучше поздно, чѣмъ никогда", его обступили; всѣ взгляды обратились на него, и онъ сразу почувствовалъ, что вступилъ въ подобающее ему въ губерніи и всегда пріятное, но теперь послѣ долгаго лишенія опьянившее его удовольствіемъ, положеніе всеобщаго любимца. Не только на станціяхъ, постоялыхъ дворахъ и въ коверной помѣщика были льстившіяся его вниманіемъ служанки; но здѣсь, на вечерѣ губернатора, было (какъ показалось Николаю) неисчерпаемое количество молоденькихъ дамъ и хорошенькихъ дѣвицъ, которыя съ нетерпѣніемъ только ждали того, чтобы Николай обратилъ на нихъ вниманіе. Дамы и дѣвицы кокетничали съ нимъ, и старики съ перваго дня уже захлопотали о томъ, какъ бы женить и остепенить этого молодца-повѣсу гусара. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была сама жена губернатора, которая приняла Ростова, какъ близкаго родственника, и называла его „Николай" и „ты".

Катерина Петровна дѣйствительно стала играть вальсы и экосезы, и начались танцы, въ которыхъ Николай еще болѣе плѣнилъ своею ловкостью все губернское общество. Онъ удивилъ даже всѣхъ своею особенною, развязною манерой въ танцахъ. Николай самъ былъ нѣсколько удивленъ своею манерой танцовать въ этотъ вечеръ. Онъ никогда такъ не танцовалъ въ Москвѣ и счелъ бы даже неприличіемъ, дурнымъ тономъ такую слишкомъ развязную манеру танца; но здѣсь онъ чув-

ствовалъ потребность удивить ихъ всѣхъ чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, чѣмъ-нибудь такимъ, что они должны были принять за обыкновенное въ столицахъ, но неизвѣстное еще имъ въ провинціи.

Во весь вечеръ Николай обращалъ больше всего вниманія на голубоглазую, полную и миловидную блондинку, жену одного изъ губернскихъ чиновниковъ. Съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ развеселившихся молодыхъ людей, что чужія жены сотворены для нихъ, Ростовъ не отходилъ отъ этой дамы и дружески, нѣсколько заговорщически, обращался съ ея мужемъ, какъ будто они, хотя не говорили этого, но знали, какъ славно они сойдутся, то-есть Николай съ женой этого мужа. Мужъ, однако, казалось, не раздѣлялъ этого убѣжденія и старался мрачно обращаться съ Ростовымъ. Но добродушная наивность Николая была такъ безгранична, что иногда мужъ невольно поддавался веселому настроенію духа Николая. Къ концу вечера однако, по мѣрѣ того, какъ лицо жены становилось все румянѣе и оживленнѣе, лицо ея мужа становилось все грустнѣе и солиднѣе, какъ будто доля оживленія была одна на обоихъ, и по мѣрѣ того, какъ она увеличивалась въ женѣ, она уменьшалась въ мужѣ.

V.

Николай, съ несходящею улыбкой на лицѣ, нѣсколько изогнувшись на креслѣ, сидѣлъ, близко наклоняясь надъ блондинкой и говоря ей миѳологическіе комплименты.

Перемѣняя бойко положеніе ногъ въ натянутыхъ рейтузахъ, распространяя отъ себя запахъ духовъ и любуясь и своею дамой, и собою, и красивыми формами своихъ ногъ

подъ натянутыми чикчирами, Николай говорилъ блондинкѣ, что онъ хочетъ здѣсь, въ Воронежѣ, похитить одну даму.

— Какую же?

— Прелестную, божественную. Глаза у ней (Николай посмотрѣлъ на собесѣдницу) голубые, ротъ—кораллы, бѣлизна...—онъ глядѣлъ на плечи,—станъ—Діаны...

Мужъ подошелъ къ нимъ и мрачно спросилъ у жены, о чемъ она говоритъ.

— А! Никита Иванычъ,—сказалъ Николай, учтиво вставая. И, какъ бы желая, чтобы Никита Иванычъ принялъ участіе въ его шуткахъ, онъ началъ и ему сообщать свое намѣреніе похитить одну блондинку.

Мужъ улыбался угрюмо, жена весело. Добрая губернаторша съ неодобрительнымъ видомъ подошла къ нимъ.

— Анна Игнатьевна хочетъ тебя видѣть, Николай,—сказала она, такимъ голосомъ выговаривая слова—Анна Игнатьевна, что Ростову сейчасъ стало понятно, что Анна Игнатьевна очень важная дама.—Пойдемъ, Николай. Вѣдь ты позволилъ такъ называть тебя.

— О, да, тетушка. Кто-жъ это?

— Анна Игнатьевна Мальвинцева. Она слышала о тебѣ отъ своей племянницы, какъ ты спасъ ее... Угадаешь?...

— Мало ли я ихъ тамъ спасалъ!—сказалъ Николай.

— Ея племянницу, княжну Болконскую. Она здѣсь въ Воронежѣ съ теткой. Ого, какъ покраснѣлъ! Что, или?..

— И не думалъ, полноте, тетушка.

— Ну, хорошо, хорошо. О! какой ты!

Губернаторша подводила его къ высокой и очень толстой старухѣ въ голубомъ токѣ, только что кончившей свою карточную партію съ самыми важными лицами въ городѣ. Это

была Мальвинцева, тетка княжны Марьи по матери, богатая бездѣтная вдова, жившая всегда въ Воронежѣ. Она стояла, разсчитываясь за карты, когда Ростовъ подошелъ къ ней. Она строго и важно прищурилась, взглянула на него и продолжала бранить генерала, выигравшаго у нея.

— Очень рада, мой милый,—сказала она, протянувъ ему руку.—Милости прошу ко мнѣ.

Поговоривъ о княжнѣ Марьѣ и покойникѣ ея отцѣ, котораго, видимо, не любила Мальвинцева, и разспросивъ о томъ, что Николай зналъ о князѣ Андреѣ, который тоже, видимо, не пользовался ея милостями, важная старуха отпустила его, повторивъ приглашеніе быть у нея.

Николай обѣщалъ и опять покраснѣлъ, когда откланивался Мальвинцевой. При упоминаніи о княжнѣ Марьѣ Ростовъ испытывалъ непонятное для него самого чувство застѣнчивости, даже страха.

Отходя отъ Мальвинцевой, Ростовъ хотѣлъ вернуться къ танцамъ, но маленькая губернаторша положила свою пухленькую ручку на рукавъ Николая и, сказавъ, что ей нужно поговорить съ нимъ, повела его въ диванную, изъ которой бывшіе въ ней вышли тотчасъ же, чтобы не мѣшать губернаторшѣ.

— Знаешь, мой другъ,—сказала губернаторша съ серьезнымъ выраженіемъ маленькаго, добраго лица, — вотъ это тебѣ точно партія; хочешь, я тебя сосватаю.

— Кого, тетушка?—спросилъ Николай.

— Княжну сосватаю. Катерина Петровна говоритъ, что Лили, а по-моему нѣтъ,—княжна. Хочешь? я увѣрена, твоя матушка благодарить будетъ. Право, какая дѣвушка, прелесть! И она совсѣмъ не такъ дурна.

— Совсѣмъ нѣтъ,—какъ бы обидѣвшись, сказалъ Николай.—Я, тетушка, какъ слѣдуетъ солдату, никуда не напрашиваюсь и ни отъ чего не отказываюсь, — сказалъ Ростовъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подумать о томъ, что̀ онъ говоритъ.

— Такъ помни же, это не шутка.

— Какая шутка!

— Да, да,—какъ бы сама съ собою говоря, сказала губернаторша. — А вотъ что̀, мой милый, между прочимъ. Ты слишкомъ ухаживаешь за той, за бѣлокурою. Мужъ уже жалокъ, право...

— Ахъ, нѣтъ, мы съ нимъ друзья,—въ простотѣ душевной сказалъ Николай: ему и въ голову не приходило, чтобы такое веселое для него препровожденіе времени могло бы быть для кого-нибудь не весело.

„Что̀ я за глупость сказалъ однако губернаторшѣ!“ вдругъ за ужиномъ вспомнилось Николаю. „Она точно сватать начнетъ, а Соня?...“ И, прощаясь съ губернаторшей, когда она, улыбаясь, еще разъ сказала ему: „Ну, такъ помни же“, онъ отвелъ ее въ сторону.

— Но вотъ что̀, по правдѣ вамъ сказать, тетушка...

— Что̀, что̀, мой другъ; пойдемъ вотъ тутъ сядемъ.

Николай вдругъ почувствовалъ желаніе и необходимость разсказать всѣ свои задушевныя мысли (такія, которыя не разсказалъ бы и матери, сестрѣ, другу) этой почти чужой женщинѣ. Николаю потомъ, когда онъ вспомнилъ объ этомъ порывѣ ничѣмъ невызванной, необъяснимой откровенности, которая имѣла, однако, для него очень важныя послѣдствія, казалось (какъ это и всегда кажется людямъ), что такъ, глупый стихъ нашелъ; а между тѣмъ этотъ порывъ откро-

венности, вмѣстѣ съ другими мелкими событіями, имѣлъ для него и для всей семьи его огромныя послѣдствія.

— Вотъ что̀, тетушка. Маменька меня давно женить хочетъ на богатой; но мнѣ мысль одна эта противна жениться изъ-за денегъ.

— О, да, понимаю,—сказала губернаторша.

— Но княжна Болконская это другое дѣло; во-первыхъ, я вамъ правду скажу, она мнѣ очень нравится, она по сердцу мнѣ, и потомъ, послѣ того какъ я ее встрѣтилъ въ такомъ положеніи, такъ странно, мнѣ часто въ голову приходило: это судьба. Особенно подумайте: маменька давно объ этомъ думала, но прежде мнѣ ея не случалось встрѣчать, какъ-то все такъ случалось—не встрѣчались. И въ то время, когда моя сестра Наташа была невѣстой ея брата, вѣдь тогда мнѣ бы нельзя было думать жениться на ней. Надо же, чтобъ я ее встрѣтилъ именно тогда, когда Наташина свадьба разстроилась, ну и потомъ все... Да вотъ что̀. Я никому не говорилъ и не скажу. А вамъ только.

Губернаторша пожала его благодарно за локоть.

— Вы знаете Софи, кузину? Я люблю ее, и обѣщалъ жениться и женюсь на ней... Поэтому вы видите, что про это не можетъ быть рѣчи,—нескладно и краснѣя говорилъ Николай.

— Дружокъ мой, какъ же ты судишь? Да вѣдь у Софи ничего нѣтъ, а ты самъ говорилъ, что дѣла твоего папа очень плохи. А твоя мать? Это убьетъ ее, — разъ. Потомъ Софи, ежели она дѣвушка съ сердцемъ,—какая жизнь для нея будетъ? Мать въ отчаяніи, дѣла разстроены... Нѣтъ, другъ мой, ты и Софи должны понять это.

Николай молчалъ. Ему пріятно быть слышать эти выводы.

— Все-таки, тетушка, этого не можетъ быть, — со вздо-

хомъ сказалъ онъ, помолчавъ немного.—Да пойдетъ ли еще за меня княжна? и опять она теперь въ трауръ; развѣ можно объ этомъ думать?

— Да развѣ ты думаешь, что я тебя сейчасъ и женю? На все есть манера,—сказала губернаторша.

— Какая вы сваха, тетушка...—сказалъ Николай, цѣлуя ея пухлую ручку.

VI.

Пріѣхавъ въ Москву послѣ своей встрѣчи съ Ростовымъ, княжна Марья нашла тамъ своего племянника съ гувернеромъ и письмо отъ князя Андрея, который предписывалъ имъ ихъ маршрутъ въ Воронежъ, къ тетушкѣ Мальвинцевой. Заботы о переѣздѣ, безпокойство о братѣ, устройство жизни въ новомъ домѣ, новыя лица, воспитаніе племянника, — все это заглушило въ душѣ княжны Марьи то чувство какъ будто искушенія, которое мучило ее во время болѣзни и послѣ кончины ея отца, и въ особенности послѣ встрѣчи съ Ростовымъ. Она была печальна. Впечатлѣніе потери отца, соединявшееся въ ея душѣ съ погибелью Россіи, теперь, послѣ мѣсяца, прошедшаго съ тѣхъ поръ въ условіяхъ покойной жизни, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось ей. Она была тревожна: мысль объ опасностяхъ, которымъ подвергался ея братъ,—единственный близкій человѣкъ, оставшійся у нея, мучила ее безпрестанно. Она была озабочена воспитаніемъ племянника, для котораго она чувствовала себя постоянно неспособною; но въ глубинѣ души ея было согласіе съ самой собою, вытекавшее изъ сознанія того, что она задавила въ себѣ поднявшіяся было, связанныя съ появленіемъ Ростова, личныя мечтанія и надежды.

Когда на другой день послѣ своего вечера губернаторша пріѣхала къ Мальвинцевой и, переговоривъ съ теткой о своихъ планахъ (сдѣлавъ оговорку о томъ, что хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ нельзя и думать о формальномъ сватовствѣ, все-таки можно свести молодыхъ людей, дать имъ узнать другъ друга), и когда, получивъ одобреніе тетки, губернаторша при княжнѣ Марьѣ заговорила о Ростовѣ, хваля его и разсказывая, какъ онъ покраснѣлъ при упоминаніи о княжнѣ, княжна Марья испытывала не радостное, но болѣзненное чувство: внутреннее согласіе ея не существовало болѣе, и опять поднялись желанія, сомнѣнія, упреки и надежды.

Въ тѣ два дня, которые прошли со времени этого извѣстія и до посѣщенія Ростова, княжна Марья, не переставая думала о томъ, какъ ей должно держать себя въ отношеніи Ростова. То она рѣшила, что она не выйдетъ въ гостиную, когда онъ пріѣдетъ къ теткѣ, что ей, въ ея глубокомъ траурѣ, неприлично принимать гостей; то она думала, что это будетъ грубо послѣ того, что̀ онъ сдѣлалъ для нея; то ей приходило въ голову, что ея тетка и губернаторша имѣютъ какіе-то виды на нее и Ростова (ихъ взгляды и слова иногда, казалось, подтверждали это предположеніе); то она говорила себѣ, что только она съ своею порочностью могла думать это про нихъ: не могли онѣ не помнить, что въ ея положеніи, когда еще она не сняла плерезы, такое сватовство было бы оскорбительно и ей и памяти ея отца. Предполагая, что она выйдетъ къ нему, княжна Марья придумывала тѣ слова, которыя онъ скажетъ ей и которыя она скажетъ ему, и то слова эти казались ей незаслуженно-холодными, то имѣющими слишкомъ большое значеніе. Больше же всего она при свиданіи

съ нимъ боялась за смущеніе, которое, она чувствовала, должно было овладѣть ею и выдать ее, какъ скоро она его увидитъ.

Но когда, въ воскресенье послѣ обѣдни, лакей доложилъ въ гостиной, что пріѣхалъ графъ Ростовъ, княжна не выказала смущенія; только легкій румянецъ выступилъ ей на щеки, и глаза освѣтились новымъ, лучистымъ свѣтомъ.

— Вы его видѣли, тетушка?—сказала княжна Марья спокойнымъ голосомъ, сама не зная, какъ это она могла быть такъ наружно спокойна и естественна.

Когда Ростовъ вошелъ въ комнату, княжна опустила на мгновенье голову, какъ бы предоставляя время гостю поздороваться съ теткой, и потомъ, въ самое то время, какъ Николай обратился къ ней, она подняла голову и блестящими глазами встрѣтила его взглядъ. Полнымъ достоинства и граціи движеніемъ она съ радостною улыбкой приподнялась, протянула ему свою тонкую, нѣжную руку и заговорила голосомъ, въ которомъ въ первый разъ звучали новые женскіе, грудные звуки. М-elle Бурьенъ, бывшая въ гостиной, съ недоумѣвающимъ удивленіемъ смотрѣла на княжну Марью. Самая искусная кокетка, она сама не могла бы лучше маневрировать при встрѣчѣ съ человѣкомъ, которому надо было понравиться.

„Или ей черное такъ къ лицу, или дѣйствительно она такъ похорошѣла, и я не замѣтила. И главное—этотъ тактъ и грація!“ думала m-elle Бурьенъ.

Ежели бы княжна Марья въ состояніи была думать въ эту минуту, она еще болѣе чѣмъ m-lle Бурьенъ удивилась бы перемѣнѣ, происшедшей въ ней. Съ той минуты, какъ она увидѣла это милое, любимое лицо, какая-то новая сила жизни овладѣла ею и заставляла ее помимо ея воли говорить

и дѣйствовать. Лицо ея, съ того времени, какъ вошелъ Ростовъ, вдругъ преобразилось. Какъ вдругъ, когда зажигается свѣтъ внутри расписного и рѣзного фонаря, съ неожиданною поражающею красотой выступаетъ на стѣнкахъ та сложная, искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и безсмысленною, такъ вдругъ преобразилось лицо княжны Марьи. Въ первый разъ вся та чистая, духовная, внутренняя работа, которою она жила до сихъ поръ, выступила наружу. Вся ея внутренняя, недовольная собой работа, ея страданія, стремленія къ добру, покорность, любовь, самопожертвованіе,—все это свѣтилось теперь въ этихъ лучистыхъ глазахъ, въ тонкой улыбкѣ, въ каждой чертѣ ея нѣжнаго лица.

Ростовъ увидалъ все это такъ же ясно, какъ будто онъ зналъ всю ея жизнь. Онъ чувствовалъ, что существо, бывшее предъ нимъ, было совсѣмъ другое, лучшее, чѣмъ всѣ тѣ, которыя онъ встрѣчалъ до сихъ поръ, и лучшее, главное, чѣмъ онъ самъ.

Разговоръ былъ самый простой и незначительный. Они говорили о войнѣ, невольно, какъ всѣ, преувеличивая свою печаль объ этомъ событіи, говорили о послѣдней встрѣчѣ, при чемъ Николай старался отклонить разговоръ на другой предметъ, говорили о доброй губернаторшѣ, о родныхъ Николая и княжны Марьи.

Княжна Марья не говорила о братѣ, отвлекая разговоръ на другой предметъ, какъ только тетка ея заговаривала объ Андреѣ. Видно было, что о несчастіяхъ Россіи она могла говорить притворно, но братъ ея былъ предметъ слишкомъ близкій ея сердцу, и она не хотѣла и не могла слегка говорить о немъ. Николай замѣтилъ это, какъ онъ вообще съ несвойственною ему проницательною наблюдательностью

замѣчалъ всѣ оттѣнки характера княжны Марьи, которые всѣ только подтверждали его убѣжденіе, что она была совсѣмъ особенное и необыкновенное существо. Николай, точно такъ же, какъ и княжна Марья, краснѣлъ и смущался, когда ему говорили про княжну и даже когда онъ думалъ о ней, но въ ея присутствіи чувствовалъ себя совершенно свободнымъ и говорилъ совсѣмъ не то, что̀ онъ приготавливалъ, а то, что̀ мгновенно и всегда кстати приходило ему въ голову.

Во время короткаго визита Николая, какъ и всегда, гдѣ есть дѣти, въ минуту молчанія Николай прибѣгъ къ маленькому сыну князя Андрея, лаская его и спрашивая, хочетъ ли онъ быть гусаромъ? Онъ взялъ на руки мальчика, весело сталъ вертѣть его и оглянулся на княжну Марью. Умиленный, счастливый и робкій взглядъ слѣдилъ за любимымъ ею мальчикомъ на рукахъ любимаго человѣка. Николай замѣтилъ и этотъ взглядъ и, какъ бы понявъ его значеніе, покраснѣлъ отъ удовольствія и добродушно-весело сталъ цѣловать мальчика.

Княжна Марья не выѣзжала по случаю траура, а Николай не считалъ приличнымъ бывать у нихъ; но губернаторша все-таки продолжала свое дѣло сватовства и, передавъ Николаю то лестное, что̀ сказала про него княжна Марья и обратно, настаивала на томъ, чтобы Ростовъ объяснился съ княжной Марьей. Для этого объясненія она устроила свиданье между молодыми людьми у архіерея предъ обѣдней.

Хотя Ростовъ и сказалъ губернаторшѣ, что онъ не будетъ имѣть никакого объясненія съ княжной Марьей, но онъ обѣщался пріѣхать.

Какъ въ Тильзитѣ Ростовъ не позволилъ себѣ усомниться въ томъ, хорошо ли то, что̀ признано всѣми хорошимъ, точно

такъ же и теперь, послѣ короткой, но искренней борьбы между попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиреннымъ подчиненіемъ обстоятельствамъ, онъ выбралъ послѣднее и предоставилъ себя той власти, которая его (онъ это чувствовалъ) непреодолимо влекла куда-то. Онъ зналъ, что, обѣщавъ Сонѣ, высказать свои чувства княжнѣ Марьѣ, было бы то, что̀ онъ называлъ подлость. И онъ зналъ, что подлости никогда не сдѣлаетъ. Но онъ зналъ тоже (и не то, что зналъ, а въ глубинѣ души чувствовалъ), что, отдаваясь теперь во власть обстоятельствъ и людей, руководившихъ имъ, онъ не только не дѣлаетъ ничего дурного, но дѣлаетъ что-то очень, очень важное, такое важное, чего онъ еще никогда не дѣлалъ въ жизни.

Послѣ его свиданья съ княжной Марьей, хотя образъ жизни его наружно оставался тотъ же, но всѣ прежнія удовольствія потеряли для него свою прелесть, и онъ часто думалъ о княжнѣ Марьѣ; но онъ никогда не думалъ о ней такъ, какъ онъ безъ исключенія думалъ о всѣхъ барышняхъ, встрѣчавшихся ему въ свѣтѣ, не такъ, какъ онъ долго и когда-то съ восторгомъ думалъ о Сонѣ. О всѣхъ барышняхъ, какъ и почти всякій честный молодой человѣкъ, онъ думалъ какъ о будущей женѣ, примѣривалъ въ своемъ воображеніи къ нимъ всѣ условія супружеской жизни — бѣлый капотъ, жена за самоваромъ, женина карета, ребятишки, мама и папа, ихъ отношенія съ ней и т. д., и т. д.; и эти представленія будущаго доставляли ему удовольствіе; но когда онъ думалъ о княжнѣ Марьѣ, на которой его сватали, онъ никогда не могъ ничего представить себѣ изъ будущей супружеской жизни. Ежели онъ и пытался, то все выходило нескладно и фальшиво. Ему только становилось жутко.

VII.

Страшное извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, о нашихъ потеряхъ убитыми и ранеными, а еще болѣе страшное извѣстіе о потерѣ Москвы были получены въ Воронежѣ въ половинѣ сентября. Княжна Марья, узнавъ только изъ газетъ о ранѣ брата и не имѣя о немъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, собралась ѣхать отыскивать князя Андрея, какъ слышалъ Николай (самъ же онъ не видалъ ея).

Получивъ извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи и объ оставленіи Москвы, Ростовъ не то чтобы испытывалъ отчаяніе, злобу или месть и тому подобныя чувства, но ему вдругъ все стало скучно, досадно въ Воронежѣ, все какъ-то совѣстно и неловко. Ему казались притворными всѣ разговоры, которые онъ слышалъ; онъ не зналъ, какъ судить про все это, и чувствовалъ, что только въ полку все ему опять станетъ ясно. Онъ торопился окончаніемъ покупки лошадей, и часто несправедливо приходилъ въ горячность съ своимъ слугой и вахмистромъ.

Нѣсколько дней предъ отъѣздомъ Ростова въ соборѣ было назначено молебствіе по случаю побѣды, одержанной русскими войсками, и Николай поѣхалъ къ обѣднѣ. Онъ сталъ нѣсколько позади губернатора и съ служебною степенностью, размышляя о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, выстоялъ службу. Когда молебствіе кончилось, губернаторша подозвала его къ себѣ.

— Ты видѣлъ княжну? — сказала она, головой указывая на даму въ черномъ, стоявшую за клиросомъ.

Николай тотчасъ же узналъ княжну Марью не столько по профилю ея, который виднѣлся изъ-подъ шляпы, сколько по

тому чувству осторожности, страха и жалости, которое тотчасъ же охватило его. Княжна Марья, очевидно погруженная въ свои мысли, дѣлала послѣдніе кресты предъ выходомъ изъ церкви.

Николай съ удивленіемъ смотрѣлъ на ея лицо. Это было то же лицо, которое онъ видѣлъ прежде, то же было въ немъ общее выраженіе тонкой, внутренней, духовной работы; но теперь оно было совершенно иначе освѣщено. Трогательное выраженіе печали, мольбы и надежды было на немъ. Какъ и прежде бывало съ Николаемъ въ ея присутствіи, онъ, не дожидаясь совѣта губернаторши подойти къ ней, не спрашивая себя, хорошо ли, прилично ли или нѣтъ будетъ его обращеніе къ ней здѣсь въ церкви, подошелъ къ ней и сказалъ, что онъ слышалъ объ ея горѣ, и всею душой соболѣзнуетъ ему. Едва только она услыхала его голосъ, какъ вдругъ яркій свѣтъ загорѣлся въ ея лицѣ, освѣщая въ одно и то же время и печаль ея и радость.

— Я одно хотѣлъ вамъ сказать, княжна, — сказалъ Ростовъ, — это то, что ежели бы князь Андрей Николаевичъ не былъ бы живъ, то, какъ полковой командиръ, въ газетахъ это сейчасъ было бы объявлено.

Княжна смотрѣла на него, не понимая его словъ, но радуясь выраженію сочувствующаго состраданія, которое было въ его лицѣ.

— И я столько примѣровъ знаю, что рана осколкомъ (въ газетахъ сказано гранатой) бываетъ или смертельна сейчасъ же или, напротивъ, очень легкая, — говорилъ Николай.— Надо надѣяться на лучшее, и я увѣренъ...

Княжна Марья перебила его.

— О, это было бы такъ ужа...—начала она и, не дого-

ворив, отъ волненія, граціознымъ движеніемъ (какъ и все, что она дѣлала при немъ) наклонивъ голову и благодарно взглянувъ на него, пошла за теткой.

Вечеромъ этого дня Николай никуда не поѣхалъ въ гости и остался дома съ тѣмъ, чтобы покончить нѣкоторые счеты съ продавцами лошадей. Когда онъ покончилъ дѣла, было уже поздно, чтобы ѣхать куда-нибудь, но было еще рано, чтобы ложиться спать, и Николай долго одинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая свою жизнь, что съ нимъ рѣдко случалось.

Княжна Марья произвела на него пріятное впечатлѣніе подъ Смоленскомъ. То, что онъ встрѣтилъ ее тогда въ такихъ особенныхъ условіяхъ, и то, что именно на нее одно время его мать указывала ему какъ на богатую партію, сдѣлали то, что онъ обратилъ на нее особенное вниманіе. Въ Воронежѣ, во время его посѣщенія, впечатлѣніе это было не только пріятное, но сильное. Николай былъ пораженъ тою особенною, нравственною красотой, которую онъ въ этотъ разъ замѣтилъ въ ней. Однако онъ собирался уѣзжать и ему въ голову не приходило пожалѣть о томъ, что, уѣзжая изъ Воронежа, онъ лишается случая видѣть княжну. Но нынѣшняя встрѣча съ княжной Марьей въ церкви (Николай чувствовалъ это) засѣла ему глубже въ сердцѣ, чѣмъ онъ это предвидѣлъ, и глубже, чѣмъ онъ желалъ для своего спокойствія. Это блѣдное, тонкое, печальное лицо, этотъ лучистый взглядъ, эти тихія, граціозныя движенія и главное—эта глубокая и нѣжная печаль, выражавшаяся во всѣхъ чертахъ ея, тревожили его и требовали его участія. Въ мужчинахъ Ростовъ терпѣть не могъ видѣть выраженіе высшей, духовной жизни (оттого онъ не любилъ князя Андрея), онъ презритель-

но называлъ это философіей, мечтательностью; но въ княжнѣ Марьѣ именно въ этой печали, выказывавшей всю глубину этого чуждаго для Николая духовнаго міра, онъ чувствовалъ неотразимую привлекательность.

„Чудная должна быть дѣвушка! Вотъ именно ангелъ!" говорилъ онъ самъ съ собою. „Отчего я не свободенъ, отчего я поторопился съ Соней?" И невольно ему представилось сравненіе между двумя: бѣдность въ одной и богатство въ другой тѣхъ духовныхъ даровъ, которыхъ не имѣлъ Николай и которые потому онъ такъ высоко цѣнилъ. Онъ попробовалъ себѣ представить, чтò бы было, еслибъ онъ былъ свободенъ. Какимъ образомъ онъ сдѣлалъ бы ей предложеніе, и она стала бы его женою? Нѣтъ, онъ не могъ себѣ представить этого. Ему дѣлалось жутко, и никакіе ясные образы не представлялись ему. Съ Соней онъ давно уже составилъ себѣ будущую картину, и все это было просто и ясно, именно потому, что все это было выдумано, и онъ зналъ все, чтò было въ Сонѣ; но съ княжной Марьей нельзя было себѣ представить будущей жизни, потому что онъ не понималъ ея, а только любилъ.

Мечтанія о Сонѣ имѣли въ себѣ что-то веселое, игрушечное. Но думать о княжнѣ Марьѣ всегда было трудно и немного страшно.

„Какъ она молилась!" вспомнилъ онъ. „Видно было, что вся душа ея была въ молитвѣ. Да, это та молитва, которая сдвигаетъ горы, и я увѣренъ, что молитва ея будетъ исполнена. Отчего я не молюсь о томъ, чтò мнѣ нужно?" вспомнилъ онъ. „Чтò мнѣ нужно? Свободы, развязки съ Соней. Она правду говорила", вспомнилъ онъ слова губернаторши,— кромѣ несчастія, ничего не будетъ изъ того, что я женюсь

на ней. Путаница, горе маменьки... дѣла... путаница, страшная путаница! Да я и не люблю ея. Да, не такъ люблю, какъ надо. Боже мой! выведи меня изъ этого ужаснаго, безвыходнаго положенія!“ началъ онъ вдругъ молиться. „Да, молитва сдвинетъ гору, но надо вѣрить и не такъ молиться, какъ мы дѣтьми молились съ Наташей о томъ, чтобы снѣгъ сдѣлался сахаромъ, и выбѣгали на дворъ пробовать, дѣлается ли изъ снѣга сахаръ. Нѣтъ, но я не о пустякахъ молюсь теперь“,— сказалъ онъ, ставя въ уголъ трубку и, сложивъ руку, становясь предъ образомъ. И, умиленный воспоминаніемъ о княжнѣ Марьѣ, онъ началъ молиться такъ, какъ онъ давно не молился. Слезы у него были на глазахъ и въ горлѣ, когда въ дверь вошелъ Лаврушка съ какими-то бумагами.

— Дуракъ! что лѣзешь, когда тебя не спрашиваютъ,—сказалъ Николай, быстро перемѣняя положеніе.

— Отъ губернатора,—заспаннымъ голосомъ сказалъ Лаврушка,—кульеръ пріѣхалъ, письмо вамъ.

— Ну, хорошо, спасибо, ступай!

Николай взялъ два письма. Одно было отъ матери, другое отъ Сони. Онъ узналъ ихъ по почеркамъ и распечаталъ первое письмо Сони. Не успѣлъ онъ прочесть нѣсколькихъ строкъ, какъ лицо его поблѣднѣло, и глаза его испуганно и радостно раскрылись.

— Нѣтъ, это не можетъ быть!—проговорилъ онъ вслухъ. Не въ силахъ сидѣть на мѣстѣ, онъ съ письмомъ въ рукахъ, читая его, сталъ ходить по комнатѣ. Онъ пробѣжалъ письмо, потомъ прочелъ его разъ, другой, и, поднявъ плечи и разведя руками, онъ остановился посреди комнаты съ открытымъ ртомъ и остановившимися глазами. То, о чемъ онъ только что молился съ увѣренностью, что Богъ исполнитъ его молитву,

было исполнено; но Николай былъ удивленъ этимъ такъ, какъ будто это было что-то необыкновенное и какъ будто онъ никогда не ожидалъ этого, и какъ будто именно то, что это такъ быстро совершилось, доказывало то, что это происходило не отъ Бога, котораго онъ просилъ, а отъ обыкновенной случайности.

Тотъ, казавшійся неразрѣшимымъ узелъ, который связывалъ свободу Ростову, былъ разрѣшенъ этимъ неожиданнымъ (какъ казалось Николаю), ничѣмъ не вызваннымъ письмомъ Сони. Она писала, что послѣднія несчастныя обстоятельства, потеря почти всего имущества Ростовыхъ въ Москвѣ, и не разъ высказываемыя желанія графини о томъ, чтобы Николай женился на княжнѣ Болконской, и его молчаніе и холодность за послѣднее время, все это вмѣстѣ заставило ее рѣшиться отречься отъ его обѣщаній и дать ему полную свободу.

„Мнѣ слишкомъ тяжело было думать, что я могу быть причиной горя и раздора въ семействѣ, которое меня облагодѣтельствовало“,—писала она,—„и любовь моя имѣетъ одною цѣлью счастіе тѣхъ, кого я люблю; и потому я умоляю васъ, Nicolas, считать себя свободнымъ и знать, что, несмотря ни на что̀, никто сильнѣе не можетъ васъ любить, какъ ваша Соня“.

Оба письма были изъ Троицы. Другое письмо было отъ графини. Въ письмѣ этомъ описывались послѣдніе дни въ Москвѣ, выѣздъ, пожаръ и погибель всего состоянія. Въ письмѣ этомъ между прочимъ графиня писала о томъ, что князь Андрей въ числѣ раненыхъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Положеніе его было очень опасное, но теперь докторъ говоритъ, что есть больше надежды. Соня и Наташа какъ сидѣлки ухаживаютъ за нимъ.

Съ этимъ письмомъ на другой день Николай поѣхалъ къ

княжнѣ Марьѣ. Ни Николай, ни княжна Марья ни слова не сказали о томъ, что̀ могли означать слова: „Наташа ухаживаетъ за нимъ“, но, благодаря этому письму, Николай вдругъ сблизился съ княжной въ почти родственныя отношенія.

На другой день Ростовъ проводилъ княжну Марью въ Ярославль и черезъ нѣсколько дней самъ уѣхалъ въ полкъ.

VIII.

Письмо Сони къ Николаю, бывшее осуществленіемъ его молитвы, было написано изъ Троицы. Вотъ чѣмъ оно было вызвано. Мысль о женитьбѣ Николая на богатой невѣстѣ все больше и больше занимала старую графиню. Она знала, что Соня была главнымъ препятствіемъ для этого. И жизнь Сони послѣднее время, въ особенности послѣ письма Николая, описывавшаго свою встрѣчу въ Богучаровѣ съ княжной Марьей, становилась тяжеле и тяжеле въ домѣ графини. Графиня не пропускала ни одного случая для оскорбительнаго или жестокаго намека Сонѣ.

Но нѣсколько дней предъ выѣздомъ изъ Москвы, растроганная и взволнованная всѣмъ тѣмъ, что̀ происходило, графиня, призвавъ къ себѣ Соню, вмѣсто упрековъ и требованій, со слезами обратилась къ ней съ мольбою о томъ, чтобъ она, пожертвовавъ собою, отплатила бы за все, что̀ было для нея сдѣлано, тѣмъ, чтобы разорвала свои связи съ Николаемъ.

— Я не буду покойна до тѣхъ поръ, пока ты мнѣ не дашь этого обѣщанія.

Соня разрыдалась истерически, отвѣчала сквозь рыданія, что она сдѣлаетъ все, что она на все готова, но не дала прямого обѣщанія, и въ душѣ своей не могла рѣшиться на то, чего отъ нея требовали. Надо было жертвовать собой

для счастія семьи, которая вскормила и воспитала ее. Жертвовать собою для счастія другихъ было привычкой Сони. Ея положеніе въ домѣ было таково, что только на пути жертвованья она могла выказывать свои достоинства, и она привыкла и любила жертвовать собою. Но прежде, во всѣхъ дѣйствіяхъ самопожертвованья, она съ радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этимъ самымъ возвышаетъ себѣ цѣну въ глазахъ себя и другихъ и становится болѣе достойною Николая, котораго она любила больше всего въ жизни; но теперь жертва ея должна была состоять въ томъ, чтобъ отказаться отъ того, что̀ для нея составляло всю награду жертвы, весь смыслъ жизни. И въ первый разъ въ жизни она почувствовала горечь къ тѣмъ людямъ, которые облагодѣтельствовали ее для того, чтобы больнѣе замучить; почувствовала зависть къ Наташѣ, никогда не испытывавшей ничего подобнаго, никогда не нуждавшейся въ жертвахъ и заставлявшей другихъ жертвовать себѣ и все-таки всѣми любимой. И въ первый разъ Соня почувствовала, какъ изъ ея тихой, чистой любви къ Николаю, вдругъ начинало выростать страстное чувство, которое стояло выше и правилъ, и добродѣтели, и религіи; и подъ вліяніемъ этого чувства, Соня, невольно выученная своею зависимою жизнью скрытности, въ общихъ неопредѣленныхъ словахъ отвѣтивъ графинѣ, избѣгала съ ней разговоровъ и рѣшилась ждать свиданія съ Николаемъ съ тѣмъ, чтобы въ этомъ свиданіи не освободить, но, напротивъ, навсегда связать себя съ нимъ.

Хлопоты и ужасъ послѣднихъ дней пребыванія Ростовыхъ въ Москвѣ заглушили въ Сонѣ тяготившія ее мрачныя мысли. Она рада была находить спасеніе отъ нихъ въ практической дѣятельности. Но когда она узнала о присутствіи въ ихъ

домѣ князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала къ нему и къ Наташѣ, радостное и суевѣрное чувство того, что Богъ не хочетъ того, чтобъ она была разлучена съ Николаемъ, охватило ее. Она знала, что Наташа любила одного князя Андрея и не переставала любить его. Она знала, что теперь сведенные вмѣстѣ, при такихъ страшныхъ условіяхъ, они снова полюбятъ другъ друга, и что тогда Николаю вслѣдствіе родства, которое будетъ между ними, нельзя будетъ жениться на княжнѣ Марьѣ. Несмотря на весь ужасъ всего происходившаго въ послѣдніе дни и во время первыхъ дней путешествія, это чувство, это сознаніе вмѣшательства Провидѣнія въ ея личныя дѣла радовало Соню.

Въ Троицкой Лаврѣ Ростовы сдѣлали первую дневку въ своемъ путешествіи.

Въ гостиницѣ Лавры Ростовымъ были отведены три большія комнаты, изъ которыхъ одну занималъ князь Андрей. Раненому было въ этотъ день гораздо лучше. Наташа сидѣла съ нимъ. Въ сосѣдней комнатѣ сидѣли графъ и графиня, почтительно бесѣдуя съ настоятелемъ, посѣтившимъ своихъ давнишнихъ знакомыхъ и вкладчиковъ. Соня сидѣла тутъ же, и ее мучило любопытство о томъ, о чемъ говорили князь Андрей съ Наташей. Она изъ-за двери слушала звуки ихъ голосовъ. Дверь комнаты князя Андрея отворилась. Наташа съ взволнованнымъ лицомъ вышла оттуда и, не замѣчая приподнявшагося ей на встрѣчу и взявшагося за широкій рукавъ правой руки монаха, подошла къ Сонѣ и взяла ее за руку.

— Наташа, что ты? Поди сюда,—сказала графиня.

Наташа подошла подъ благословенье, и настоятель посовѣтовалъ обратиться за помощью къ Богу и Его угоднику.

Тотчасъ послѣ ухода настоятеля Наташа взяла за руку свою подругу и пошла съ ней въ пустую комнату.

— Соня, да? онъ будетъ живъ?—сказала она.—Соня, какъ я счастлива и какъ я несчастна! Соня, голубчикъ,—все постарому. Только бы онъ былъ живъ. Онъ не можетъ... потому, что, потому... что...—и Наташа расплакалась.

— Такъ! Я знала это! Слава Богу,—проговорила Соня.— Онъ будетъ живъ.

Соня была взволнована не меньше своей подруги, и ея страхомъ и горемъ, и своими личными, никому не высказанными мыслями. Она, рыдая, цѣловала, утѣшала Наташу. „Только бы онъ былъ живъ!" думала она. Поплакавъ, поговоривъ и отеревъ слезы, обѣ подруги подошли къ двери князя Андрея. Наташа, осторожно отворивъ двери, заглянула въ комнату. Соня рядомъ съ ней стояла у полуотворенной двери.

Князь Андрей лежалъ высоко на трехъ подушкахъ. Блѣдное лицо его было покойно, глаза закрыты, и видно было, какъ онъ ровно дышалъ.

— Ахъ, Наташа!—вдругъ почти вскрикнула Соня, хватаясь за руку своей кузины и отступая отъ двери.

— Что, что?—спросила Наташа.

— Это то, то вотъ...—сказала Соня съ блѣднымъ лицомъ и дрожащими губами.

Наташа тихо затворила дверь и отошла съ Соней къ окну, не понимая еще того, что ей говорили.

— Помнишь ты,—съ испуганнымъ и торжественнымъ лицомъ говорила Соня.—Помнишь, когда я за тебя въ зеркало смотрѣла... Въ Отрадномъ, на святкахъ... Помнишь, что я видѣла?..

— Да, да,—широко раскрывая глаза, сказала Наташа,

смутно вспоминая, что тогда Соня сказала что-то о князѣ Андреѣ, котораго она видѣла лежащимъ.

— Помнишь?—продолжала Соня.—Я видѣла тогда и сказала всѣмъ, и тебѣ, и Дуняшѣ. Я видѣла, что онъ лежитъ на постели,—говорила она, при каждой подробности дѣлая жестъ рукою съ поднятымъ пальцемъ,—и что онъ закрылъ глаза, и что онъ покрытъ именно розовымъ одѣяломъ, и что онъ сложилъ руки,—говорила Соня, убѣждаясь, по мѣрѣ того, какъ она описывала видѣнныя ею сейчасъ подробности, что эти самыя подробности она *видѣла* тогда. Тогда она ничего не видѣла, но разсказала, что видѣла то, что̀ ей пришло въ голову; но то, что̀ она придумала тогда, представлялось ей столь же дѣйствительнымъ, какъ и всякое другое воспоминаніе. То, что̀ она тогда сказала, что онъ оглянулся на нее и улыбнулся и былъ покрытъ чѣмъ-то краснымъ, она не только помнила, но твердо была убѣждена, что еще тогда она сказала и видѣла, что онъ былъ покрытъ розовымъ, именно розовымъ одѣяломъ, и что глаза его были закрыты.

— Да, да, именно розовымъ,—сказала Наташа, которая тоже теперь, казалось, помнила, что было сказано розовымъ, и въ этомъ самомъ видѣла главную необычайность и таинственность предсказанія.

— Но что̀ же это значитъ?—задумчиво сказала Наташа.

— Ахъ, я не знаю, какъ все это необычайно!—сказала Соня, хватаясь за голову.

Черезъ нѣсколько минутъ князь Андрей позвонилъ, и Наташа вошла къ нему; а Соня, испытывая рѣдко испытанное ею волненіе и умиленіе, осталась у окна, обдумывая всю необычайность случившагося.

Въ этотъ день былъ случай отправить письма въ армію, и графиня писала письмо сыну.

— Соня,—сказала графиня, поднимая голову отъ письма, когда племянница проходила мимо нея.—Соня, ты не напишешь Николенькѣ?—сказала графиня тихимъ дрогнувшимъ голосомъ, и во взглядѣ ея усталыхъ, смотрѣвшихъ черезъ очки, глазъ Соня прочла все, что̀ разумѣла графиня подъ этими словами. Въ этомъ взглядѣ выражались и мольба, и страхъ отказа, и стыдъ за то, что надо было просить, и готовность на непримиримую ненависть въ случаѣ отказа.

Соня подошла къ графинѣ и, ставъ на колѣни, цѣловала ея руку.

— Я напишу, маменька,—сказала она.

Соня была размягчена, взволнована и умилена всѣмъ тѣмъ, что̀ происходило въ этотъ день, въ особенности тѣмъ таинственнымъ совершеніемъ гаданья, которое она сейчасъ видѣла. Теперь, когда она знала, что по случаю возобновленія отношеній Наташи съ княземъ Андреемъ, Николай не могъ жениться на княжнѣ Марьѣ, она съ радостью почувствовала возвращеніе того настроенія самопожертвованія, въ которомъ она любила и привыкла жить. И со слезами на глазахъ и съ радостью сознанія совершенія великодушнаго поступка она, нѣсколько разъ прерываясь отъ слезъ, которыя отуманивали ея бархатные черные глаза, написала то трогательное письмо, полученіе котораго такъ поразило Николая.

IX.

На гауптвахтѣ, куда былъ отведенъ Пьеръ, офицеръ и солдаты, взявшіе его, обращались съ нимъ враждебно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уважительно. Еще чувствовалось въ ихъ

отношеніяхъ къ нему и сомнѣніе о томъ, кто онъ такой (не очень ли важный человѣкъ), и враждебность вслѣдствіе еще свѣжей ихъ личной борьбы съ нимъ.

Но когда, въ утро другого дня, пришла смѣна, то Пьеръ почувствовалъ, что для новаго караула — для офицеровъ и солдатъ — онъ уже не имѣлъ того смысла, который имѣлъ для тѣхъ, которые его взяли. И дѣйствительно, въ этомъ большомъ, толстомъ человѣкѣ въ мужицкомъ кафтанѣ, караульные другого дня уже не видѣли того живого человѣка, который такъ отчаянно дрался съ мародеромъ и съ конвойными солдатами и сказалъ торжественную фразу о спасеніи ребенка, а видѣли только 17-го изъ содержащихся зачѣмъ-то по приказанію высшаго начальства взятыхъ русскихъ. Ежели и было что-нибудь особенное въ Пьерѣ, то только его не робкій, сосредоточенно-задумчивый видъ, и французскій языкъ, на которомъ онъ удивительно для французовъ хорошо изъяснялся. Несмотря на то, въ тотъ же день Пьера соединили съ другими взятыми подозрительными людьми, такъ какъ отдѣльная комната, которую онъ занималъ, понадобилась офицеру.

Всѣ русскіе, содержавшіеся съ Пьеромъ, были люди самаго низкаго званія. И всѣ они, узнавъ въ Пьерѣ барина, чуждались его тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ по-французски. Пьеръ съ грустью слышалъ надъ собою насмѣшки.

На другой день вечеромъ Пьеръ узналъ, что всѣ эти содержащіеся (и, вѣроятно, онъ въ томъ же числѣ) должны были быть судимы за поджигательство. На третій день Пьера водили съ другими въ какой-то домъ, гдѣ сидѣли французскій генералъ съ бѣлыми усами, два полковника и другіе французы съ шарфами на рукахъ. Пьеру, наравнѣ съ дру-

гими, дѣлали съ той, мнимо превышающею человѣческія слабости, точностью и опредѣлительностью, съ которою обыкновенно обращаются съ подсудимыми, вопросы о томъ, кто онъ? гдѣ онъ былъ? съ какою цѣлью? и т. п.

Вопросы эти, оставляя въ сторонѣ сущность жизненнаго дѣла и исключая возможность раскрытія этой сущности, какъ и всѣ вопросы, дѣлаемые на судахъ, имѣли цѣлью только подставленіе того желобка, по которому судящіе желали, чтобы потекли отвѣты подсудимаго и привели его къ желаемой цѣли, т.-е. къ обвиненію. Какъ только онъ начиналъ говорить что-нибудь такое, что̀ не удовлетворяло цѣли обвиненія, такъ принимали желобокъ, и вода могла течь куда ей угодно. Кромѣ того Пьеръ испыталъ то же, что̀ во всѣхъ судахъ испытываетъ подсудимый: недоумѣніе, для чего дѣлали ему всѣ эти вопросы. Ему чувствовалось, что только изъ снисходительности или какъ бы изъ учтивости употреблялась эта уловка подставляемаго желобка. Онъ зналъ, что находился во власти этихъ людей, что только власть привела его сюда, что только власть давала имъ право требовать отвѣты на вопросы, что единственная цѣль этого собранія состояла въ томъ, чтобъ обвинить его. И поэтому, такъ какъ была власть и было желаніе обвинить, то не нужно было и уловки вопросовъ и суда. Очевидно было, что всѣ отвѣты должны были привести къ виновности. На вопросъ, что̀ онъ дѣлалъ, когда его взяли, Пьеръ отвѣчалъ съ нѣкоторою трагичностью, что онъ несъ къ родителямъ ребенка, „спасеннаго имъ отъ пламени“. Для чего онъ дрался съ мародеромъ? Пьеръ отвѣчалъ, что онъ защищалъ женщину, что защита оскорбляемой женщины есть обязанность каждаго человѣка, что... Его остановили: это не шло

къ дѣлу. Для чего онъ былъ на дворѣ загорѣвшагося дома, на которомъ его видѣли свидѣтели? Онъ отвѣчалъ, что шелъ посмотрѣть, что̀ дѣлалось въ Москвѣ. Его опять остановили: у него не спрашивали куда онъ шелъ, а для чего онъ находился подлѣ пожара. Кто онъ? повторили ему первый вопросъ, на который онъ сказалъ, что не хочетъ отвѣчать. Опять онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать этого.

— Запишите, это нехорошо. Очень нехорошо, — строго сказалъ ему генералъ съ бѣлыми усами и краснымъ румянымъ лицомъ.

На четвертый день пожары начались на Зубовскомъ валу.

Пьера съ 13-ю другими отвели на Крымскій бродъ въ каретный сарай купеческаго дома. Проходя по улицамъ, Пьеръ задыхался отъ дыма, который, казалось, стоялъ надъ всѣмъ городомъ. Съ разныхъ сторонъ виднѣлись пожары. Пьеръ тогда еще не понималъ значенія сожженной Москвы и съ ужасомъ смотрѣлъ на эти пожары.

Въ каретномъ сараѣ одного дома у Крымскаго брода Пьеръ пробылъ еще четыре дня и во время этихъ дней изъ разговора французскихъ солдатъ узналъ, что всѣ, содержащіеся здѣсь, ожидали съ каждымъ днемъ рѣшенія маршала. Какого маршала, Пьеръ не могъ узнать отъ солдатъ. Для солдата очевидно маршалъ представлялся высшимъ и нѣсколько таинственнымъ звеномъ власти.

Эти первые дни до 8-го сентября, дня, въ который плѣнныхъ повели на вторичный допросъ, были самые тяжелые для Пьера.

X.

8-го сентября въ сарай къ плѣннымъ вошелъ очень важный офицеръ, судя по почтительности, съ которою съ нимъ

обращались караульные. Офицеръ этотъ, вѣроятно штабный, со спискомъ въ рукахъ, сдѣлалъ перекличку всѣмъ русскимъ, назвавъ Пьера: „тѣмъ, который не хочетъ назвать своего имени". И равнодушно и лѣниво оглядѣвъ всѣхъ плѣнныхъ, онъ приказалъ караульному офицеру прилично одѣть и прибрать ихъ, прежде чѣмъ вести къ маршалу. Черезъ часъ прибыла рота солдатъ, и Пьера съ другими 13-ю повели на Дѣвичье поле. День былъ ясный, солнечный послѣ дождя, и воздухъ былъ необыкновенно чистъ. Дымъ не стлался низомъ, какъ въ тотъ день, когда Пьера вывели изъ гауптвахты Зубовскаго вала; дымъ поднимался столбами въ чистомъ воздухѣ. Огня пожаровъ нигдѣ не было видно, но со всѣхъ сторонъ поднимались столбы дыма, и вся Москва, все, что только могъ видѣть Пьеръ, было одно пожарище. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись пустыри, съ печами и трубами, и изрѣдка обгорѣлыя стѣны каменныхъ домовъ. Пьеръ приглядывался къ пожарищамъ и не узнавалъ знакомыхъ кварталовъ города. Кое-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія церкви. Кремль, неразрушенный, бѣлѣлъ издалека съ своими башнями и Иваномъ Великимъ. Вблизи весело блестѣлъ куполъ Новодѣвичьяго монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовѣстъ. Благовѣстъ этотъ напомнилъ Пьеру, что было воскресенье и праздникъ Рождества Богородицы. Но, казалось, некому было праздновать этотъ праздникъ: вездѣ было разоренье пожарища, и изъ русскаго народа встрѣчались только изрѣдка оборванные, испуганные люди, которые прятались при видѣ французовъ.

Очевидно, русское гнѣздо было разорено и уничтожено; но за уничтоженіемъ этого русскаго порядка жизни Пьеръ безсознательно чувствовалъ, что надъ этимъ разореннымъ гнѣздомъ установился свой, совсѣмъ другой, но твердый фран-

цузскій порядокъ. Онъ чувствовалъ это по виду тѣхъ, бодро и весело, правильными рядами, шедшихъ солдатъ, которые конвоировали его съ другими преступниками; онъ чувствовалъ это по виду какого-то важнаго французскаго чиновника въ парной коляскѣ, управляемой солдатомъ, проѣхавшаго ему на встрѣчу. Онъ это чувствовалъ по веселымъ звукамъ полковой музыки, доносившимся съ лѣвой стороны поля, и въ особенности онъ чувствовалъ и понималъ это по тому списку, который, перекликая плѣнныхъ, прочелъ нынче утромъ пріѣзжавшій французскій офицеръ. Пьеръ былъ взятъ одними солдатами, отведенъ въ одно, въ другое мѣсто съ десятками другихъ людей; казалось, они могли бы забыть про него, смѣшать его съ другими. Но нѣтъ: отвѣты его, данные на допросѣ, вернулись къ нему въ формѣ наименованія его: „тѣмъ, который не хочетъ назвать своего имени". И подъ этимъ названіемъ, которое страшно было Пьеру, его теперь вели куда-то, съ несомнѣнною увѣренностью, написанною на ихъ лицахъ, что всѣ остальные плѣнные и онъ были тѣ самые, которыхъ нужно, и что ихъ ведутъ туда, куда нужно. Пьеръ чувствовалъ себя ничтожною щепкой, попавшею въ колеса неизвѣстной ему, но правильно дѣйствующей машины.

Пьера съ другими преступниками привели на правую сторону Дѣвичьяго поля недалеко отъ монастыря, къ большому бѣлому дому съ огромнымъ садомъ. Это былъ домъ князя Щербатова, въ которомъ Пьеръ часто прежде бывалъ у хозяина и въ которомъ теперь, какъ онъ узналъ изъ разговора солдатъ, стоялъ маршалъ герцогъ Экмюльскій.

Ихъ подвели къ крыльцу и по одному стали вводить въ домъ. Пьера ввели шестымъ. Черезъ стеклянную галлерею,

сѣни, переднюю, знакомыя Пьеру, его ввели въ длинный низкій кабинетъ, у дверей котораго стоялъ адъютантъ.

Даву сидѣлъ на концѣ комнаты надъ столомъ, съ очками на носу. Пьеръ близко подошелъ къ нему. Даву, не поднимая глазъ, видимо, справлялся съ какою-то бумагой, лежавшею передъ нимъ. Не поднимая же глазъ, онъ тихо спросилъ: —Кто вы такой?

Пьеръ молчалъ оттого, что не въ силахъ былъ выговорить слова. Даву для Пьера не былъ просто французскій генералъ, —для Пьера Даву былъ извѣстный своею жестокостью человѣкъ. Глядя на холодное лицо Даву, который, какъ строгій учитель, соглашался до времени имѣть терпѣніе и ждать отвѣта, Пьеръ чувствовалъ, что всякая секунда промедленія могла стоить ему жизни; но онъ не зналъ, что сказать. Сказать то же, что онъ говорилъ на первомъ допросѣ, онъ не рѣшался; открыть свое званіе и положеніе было и опасно и стыдно. Пьеръ молчалъ. Но прежде, чѣмъ Пьеръ успѣлъ на что-нибудь рѣшиться, Даву приподнялъ голову, приподнялъ очки на лобъ, прищурилъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера.

— Я знаю этого человѣка, — мѣрнымъ, холоднымъ голосомъ, очевидно разсчитаннымъ для того, чтобъ испугать Пьера, сказалъ онъ. Холодъ, пробѣжавшій прежде по спинѣ Пьера, охватилъ его голову какъ тисками.

— Вы не могли меня знать, генералъ, я никогда не видѣлъ васъ.

— Это русскій шпіонъ, — перебилъ его Даву, обращаясь къ другому генералу, бывшему въ комнатѣ и котораго не замѣтилъ Пьеръ. И Даву отвернулся. Съ неожиданнымъ раскатомъ въ голосѣ, Пьеръ вдругъ быстро заговорилъ:

— Нѣтъ, ваше высочество, — сказалъ онъ, неожиданно вспомнивъ, что Даву былъ герцогъ.—Нѣтъ, ваше высочество, вы не могли меня знать. Я офицеръ ополченія, и я не выѣзжалъ изъ Москвы.

— Ваше имя?—повторилъ Даву.

— Безухій.

— Чтò мнѣ докажетъ, что вы не лжете?

— Ваше высочество!—вскрикнулъ Пьеръ не обиженнымъ, но умоляющимъ голосомъ.

Даву поднялъ глаза и пристально посмотрѣлъ на Пьера. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга и этотъ взглядъ спасъ Пьера. Въ этомъ взглядѣ, помимо всѣхъ условій войны и суда, между этими двумя людьми установились человѣческія отношенія. Обá они въ эту одну минуту смутно перечувствовали безчисленное количество вещей и поняли, что они оба дѣти человѣчества, что они братья.

Въ первомъ взглядѣ на Даву, приподнявшаго только голову отъ своего списка, гдѣ людскія дѣла и жизнь назывались нумерами, Пьеръ былъ только обстоятельство; и, не взявъ на совѣсть дурного поступка, Даву застрѣлилъ бы его; но теперь уже онъ видѣлъ въ немъ человѣка. Онъ задумался на мгновеніе.

— Чтò мнѣ докажетъ, чтò вы не лжете?—сказалъ Даву холодно.

Пьеръ вспомнилъ Рамбаля и назвалъ его полкъ и фамилію и улицу, на которой былъ домъ.

— Вы не то, чтò вы говорите,—опять сказалъ Даву.

Пьеръ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ сталъ приводить доказательства справедливости своего показанія.

Но въ это время вошелъ адъютантъ и что-то доложилъ Даву.

Даву вдругъ просіялъ при извѣстіи, сообщенномъ адъютантомъ, и сталъ застегиваться. Онъ, видимо, совсѣмъ забылъ Пьера.

Когда адъютантъ напомнилъ ему о плѣнномъ, онъ, нахмурившись, кивнулъ въ сторону Пьера и сказалъ, чтобъ его вели. Но куда должны были его вести, Пьеръ не зналъ: назадъ въ балаганъ или на приготовленное мѣсто казни, которое, проходя по Дѣвичьему полю, ему показывали товарищи.

Онъ обернулъ голову и видѣлъ, что адъютантъ переспрашивалъ что-то.

— Да, разумѣется!—сказалъ Даву, но что̀ „да", Пьеръ не зналъ.

Пьеръ не помнилъ, какъ, долго ли онъ шелъ и куда. Онъ, въ состояніи совершеннаго безсмыслія и отупленія, ничего не видя вокругъ себя, передвигалъ ногами вмѣстѣ съ другими до тѣхъ поръ, пока всѣ остановились, и онъ остановился.

Одна мысль за все это время была въ головѣ Пьера. Это была мысль о томъ: кто, кто же наконецъ приговорилъ его къ казни? Это были не тѣ люди, которые допрашивали его въ комиссіи: изъ нихъ ни одинъ не хотѣлъ и очевидно не могъ этого сдѣлать. Это былъ не Даву, который такъ человѣчески посмотрѣлъ на него. Еще бы одна минута, и Даву понялъ бы, что они дѣлаютъ дурно, но этой минутѣ помѣшалъ адъютантъ, который вошелъ. И адъютантъ этотъ очевидно не хотѣлъ ничего худого, но онъ могъ бы не войти. Кто же это наконецъ казнилъ, убивалъ, лишалъ жизни его— Пьера со всѣми его воспоминаніями, стремленіями, надеждами, мыслями? Кто дѣлалъ это? И Пьеръ чувствовалъ, что это былъ никто.

Это былъ порядокъ, складъ обстоятельствъ.

Порядокъ какой-то убивалъ его—Пьера, лишалъ его жизни, всего, уничтожалъ его.

XI.

Отъ дома князя Щербатова плѣнныхъ повели прямо внизъ по Дѣвичьему полю, лѣвѣе Дѣвичьяго монастыря, и подвели къ огороду, на которомъ стоялъ столбъ. За столбомъ была вырыта большая яма съ свѣже выкопанною землей, и около ямы и столба полукругомъ стояла большая толпа народа. Толпа состояла изъ малаго числа русскихъ и большого числа Наполеоновскихъ войскъ внѣ строя: нѣмцевъ, итальянцевъ, и французовъ въ разнородныхъ мундирахъ. Справа и слѣва столба стояли фронты французскихъ войскъ въ синихъ мундирахъ съ красными эполетами, въ штиблетахъ и киверахъ.

Преступниковъ разставили по извѣстному порядку, который былъ въ спискѣ (Пьеръ стоялъ шестымъ), и подвели къ столбу. Нѣсколько барабановъ вдругъ ударили съ двухъ сторонъ, и Пьеръ почувствовалъ, что съ этимъ звукомъ какъ будто оторвалась часть его души. Онъ потерялъ способность думать и соображать. Онъ только могъ видѣть и слышать. И только одно желаніе было у него,—желаніе, чтобы поскорѣе сдѣлалось что-то страшное, что̀ должно было быть сдѣлано. Пьеръ оглядывался на своихъ товарищей и разсматривалъ ихъ.

Два человѣка съ края были бритые острожные. Одинъ высокій, худой; другой черный, мохнатый, мускулистый съ приплюснутымъ носомъ. Третій былъ дворовый, лѣтъ 45-ти, съ сѣдѣющими волосами и полнымъ, хорошо откормлен-

нымъ тѣломъ. Четвертый былъ мужикъ очень красивый съ окладистою, русою бородой и черными глазами. Пятый былъ фабричный, желтый, худой малый, лѣтъ 18-ти, въ халатѣ.

Пьеръ слышалъ, что французы совѣщались, какъ стрѣлять, по одному или по два. „По два", холодно-спокойно отвѣчалъ старшій офицеръ. Сдѣлалось передвиженіе въ рядахъ солдатъ, и замѣтно было, что всѣ торопились, и торопились не такъ, какъ торопятся, чтобы сдѣлать понятное для всѣхъ дѣло, но такъ, какъ торопятся, чтобы окончить необходимое, но непріятное и непостижимое дѣло.

Чиновникъ-французъ въ шарфѣ подошелъ къ правой сторонѣ шеренги преступниковъ и прочелъ по-русски и по-французски приговоръ.

Потомъ двѣ пары французовъ подошли къ преступникамъ и взяли, по указанію офицера, двухъ острожныхъ, стоявшихъ съ края. Острожные, подойдя къ столбу, остановились и, пока принесли мѣшки, молча смотрѣли вокругъ себя, какъ смотритъ подбитый звѣрь на подходящаго охотника. Одинъ все крестился, другой чесалъ спину и дѣлалъ губами движеніе, подобное улыбкѣ. Солдаты, торопясь руками, стали завязывать имъ глаза, надѣвать мѣшки и привязывать къ столбу.

12-ть человѣкъ стрѣлковъ съ ружьями мѣрнымъ, твердымъ шагомъ вышли изъ-за рядовъ и остановились въ 8-ми шагахъ отъ столба. Пьеръ отвернулся, чтобы не видать того, что будетъ. Вдругъ послышался трескъ и грохотъ, показавшіеся Пьеру громче самыхъ страшныхъ ударовъ грома, и онъ оглянулся. Былъ дымъ, и французы съ блѣдными лицами и дрожащими руками что-то дѣлали у ямы. Повели другихъ

двухъ. Такъ же, такими же глазами, и эти двое смотрѣли на всѣхъ, тщетно одними глазами, молча, прося защиты и, видимо, не понимая и не вѣря тому, что̀ будетъ. Они не могли вѣрить, потому что они одни знали, что̀ такое была для нихъ ихъ жизнь, и потому не понимали и не вѣрили, чтобы можно было отнять ее.

Пьеръ хотѣлъ не смотрѣть и опять отвернулся; но опять какъ будто ужасный взрывъ поразилъ его слухъ, и вмѣстѣ съ этими звуками онъ увидалъ дымъ, чью-то кровь и блѣдныя испуганныя лица французовъ, опять что-то дѣлавшихъ у столба, дрожащими руками толкая другъ друга. Пьеръ, тяжело дыша, оглядывался вокругъ себя, какъ будто спрашивая: что̀ это такое? Тотъ же вопросъ былъ и во всѣхъ взглядахъ, которые встрѣчались со взглядомъ Пьера.

На всѣхъ лицахъ русскихъ, на лицахъ французскихъ солдатъ, офицеровъ, всѣхъ безъ исключенія, онъ читалъ такой же испугъ, ужасъ и борьбу, какіе были въ его сердцѣ. „Да кто же это дѣлаетъ наконецъ? Они всѣ страдаютъ такъ же, какъ и я. Кто же? Кто же?“ на секунду блеснуло въ душѣ Пьера.

— Стрѣлки 86-го впередъ!—прокричалъ кто-то. Повели пятаго, стоявшаго рядомъ съ Пьеромъ—одного. Пьеръ не понялъ того, что онъ спасенъ, что онъ и всѣ остальные были приведены сюда только для присутствія при казни. Онъ со все возраставшимъ ужасомъ, не ощущая ни радости, ни успокоенія, смотрѣлъ на то, что̀ дѣлалось. Пятый былъ фабричный въ халатѣ. Только что до него дотронулись, какъ онъ въ ужасѣ отпрыгнулъ и схватился за Пьера (Пьеръ вздрогнулъ и оторвался отъ него). Фабричный не могъ итти. Его тащили подъмышки и онъ что-то кричалъ. Когда его

подвели къ столбу, онъ вдругъ замолкъ. Онъ какъ будто вдругъ что-то понялъ. То ли онъ понялъ, что напрасно кричать, или то, что невозможно, чтобъ его убили люди, но онъ сталъ у столба, ожидая повязки вмѣстѣ съ другими, и какъ подстрѣленный звѣрь оглядываясь вокругъ себя блестящими глазами.

Пьеръ уже не могъ взять на себя отвернуться и закрыть глаза. Любопытство и волненіе его и всей толпы при этомъ пятомъ убійствѣ дошло до высшей степени. Такъ же, какъ и другіе, этотъ пятый казался спокоенъ: онъ запахивалъ халатъ и почесывалъ одной босою ногой о другую.

Когда ему стали завязывать глаза, онъ поправилъ самъ узелъ на затылкѣ, который рѣзалъ ему; потомъ, когда прислонили его къ окровавленному столбу, онъ завалился назадъ и, такъ какъ ему въ этомъ положеніи было неловко, онъ поправился и, ровно поставивъ ноги, покойно прислонился. Пьеръ не сводилъ съ него глазъ, не упуская ни малѣйшаго движенія.

Должно быть, послышалась команда, должно быть, послѣ команды раздались выстрѣлы 8-ми ружей. Но Пьеръ, сколько онъ ни старался вспомнить потомъ, не слыхалъ ни малѣйшаго звука отъ выстрѣловъ. Онъ видѣлъ только, какъ почему-то вдругъ опустился на веревкахъ фабричный, какъ показалась кровь въ двухъ мѣстахъ, и какъ самыя веревки, отъ тяжести повисшаго тѣла, распустились, и фабричный, неестественно опустивъ голову и подвернувъ ногу, сѣлъ. Пьеръ подбѣжалъ къ столбу. Никто не удерживалъ его. Вокругъ фабричнаго что-то дѣлали испуганные, блѣдные люди. У одного стараго усатаго француза тряслась нижняя челюсть, когда онъ отвязывалъ веревки. Тѣло спустилось. Сол-

даты неловко и торопливо потащили его за столбъ и стали сталкивать въ яму.

Всѣ, очевидно, несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скорѣе скрыть слѣды своего преступленія.

Пьеръ заглянулъ въ яму и увидѣлъ, что фабричный лежалъ тамъ колѣнями кверху, близко къ головѣ, одно плечо выше другого. И это плечо судорожно, равномѣрно опускалось и поднималось. Но уже лопатины земли сыпались на все тѣло. Одинъ изъ солдатъ сердито, злобно и болѣзненно крикнулъ на Пьера, чтобъ онъ вернулся. Но Пьеръ не понялъ его и стоялъ у столба, и никто не оттонялъ его.

Когда уже яма была вся засыпана, послышалась команда. Пьера отвели на его мѣсто, и французскія войска, стоявшія фронтами по обѣимъ сторонамъ столба, сдѣлали полуоборотъ и стали проходить мѣрнымъ шагомъ мимо столба. 24 человѣка стрѣлковъ съ разряженными ружьями, стоявшіе въ срединѣ круга, примыкали бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ, въ то время какъ роты проходили мимо нихъ.

Пьеръ смотрѣлъ теперь безсмысленными глазами на этихъ стрѣлковъ, которые попарно выбѣгали изъ круга. Всѣ, кромѣ одного, присоединились къ ротамъ. Молодой солдатъ съ мертво-блѣднымъ лицомъ, въ киверѣ, свалившемся назадъ, спустивъ ружье, все еще стоялъ противъ ямы на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ стрѣлялъ. Онъ какъ пьяный шатался, дѣлая то впередъ, то назадъ нѣсколько шаговъ, чтобы поддержать свое падающее тѣло. Старый солдатъ, унтеръ-офицеръ, выбѣжалъ изъ рядовъ и, схвативъ за плечо молодого солдата, втащилъ его въ роту. Толпа русскихъ и французовъ стала расходиться. Всѣ шли молча съ опущенными головами.

— Это научитъ ихъ поджигать,—сказалъ кто-то изъ французовъ. Пьеръ оглянулся на говорившаго и увидалъ, что это былъ солдатъ, который хотѣлъ утѣшиться чѣмъ-нибудь въ томъ, что было сдѣлано, но не могъ. Не договоривъ начатаго, онъ махнулъ рукою и пошелъ прочь.

XII.

Послѣ казни, Пьера отдѣлили отъ другихъ подсудимыхъ и оставили одного въ небольшой, разоренной и загаженной церкви.

Предъ вечеромъ караульный унтеръ-офицеръ съ двумя солдатами вошелъ въ церковь и объявилъ Пьеру, что онъ прощенъ и поступаетъ теперь въ бараки военноплѣнныхъ. Не понимая того, что ему говорили, Пьеръ всталъ и пошелъ съ солдатами. Его привели къ построеннымъ вверху поля изъ обгорѣлыхъ досокъ, бревенъ и тесу балаганамъ и ввели въ одинъ изъ нихъ. Въ темнотѣ человѣкъ двадцать различныхъ людей окружили Пьера. Пьеръ смотрѣлъ на нихъ, не понимая, кто такіе эти люди, зачѣмъ они и чего хотятъ отъ него. Онъ слышалъ слова, которыя ему говорили, но не дѣлалъ изъ нихъ никакого вывода и приложенія: не понималъ ихъ значенія. Онъ самъ отвѣчалъ на то, что у него спрашивали, но не соображалъ того, кто слушаетъ его и какъ поймутъ его отвѣтъ. Онъ смотрѣлъ на лица и фигуры, и всѣ онѣ казались ему одинаково безсмысленны.

Съ той минуты, какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство, совершонное людьми, не хотѣвшими этого дѣлать, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все

завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ прежде, но никогда съ такою силой какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь—не въ его власти.

Вокругъ него въ темнотѣ стояли люди: вѣрно что-то ихъ очень занимало въ немъ. Ему разсказывали что-то, разспрашивали о чемъ-то, потомъ повели куда-то, и онъ, наконецъ, очутился въ углу балагана рядомъ съ какими-то людьми, переговаривавшимися съ разныхъ сторонъ, смѣявшимися.

— И вотъ, братцы мои... тотъ самый принцъ, *который* (съ особеннымъ удареніемъ на словѣ который)...—говорилъ чей-то голосъ въ противоположномъ углу балагана.

Молча и неподвижно сидя у стѣны на соломѣ, Пьеръ то открывалъ, то закрывалъ глаза. Но только что онъ закрывалъ глаза, онъ видѣлъ предъ собой то же страшное, въ особенности страшное своей простотой, лицо фабричнаго и еще болѣе страшныя своимъ безпокойствомъ лица невольныхъ убійцъ. И онъ опять открывалъ глаза и безсмысленно смотрѣлъ въ темнотѣ вокругъ себя.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ, согнувшись, какой-то маленькій человѣкъ, присутствіе котораго Пьеръ замѣтилъ сначала по

крѣпкому запаху пота, который отдѣлялся отъ него при всякомъ его движеніи. Человѣкъ этотъ что-то дѣлалъ въ темнотѣ съ своими ногами и, несмотря на то, что Пьеръ не видалъ его лица, онъ чувствовалъ, что человѣкъ этотъ безпрестанно взглядывалъ на него. Присмотрѣвшись въ темнотѣ, Пьеръ понялъ, что человѣкъ этотъ разувался. И то, какимъ образомъ онъ это дѣлалъ, заинтересовало Пьера.

Размотавъ бечевки, которыми была завязана одна нога, онъ аккуратно свернулъ бечевки, и тотчасъ принялся за другую ногу, взглядывая на Пьера. Пока одна рука вѣшала бечевку, другая уже принималась разматывать другую ногу. Такимъ образомъ аккуратно, круглыми, спорыми, безъ замедленія слѣдовавшими одно за другимъ движеніями, разувшись, человѣкъ развѣсилъ свою обувь на колышки, вбитые у него надъ головами, досталъ ножикъ, обрѣзалъ что-то, сложилъ ножикъ, положилъ подъ изголовье и, получше усѣвшись, обнялъ свои поднятыя колѣни обѣими руками и прямо уставился на Пьера. Пьеру чувствовалось что-то пріятное, успокоительное и круглое въ этихъ спорыхъ движеніяхъ, въ этомъ благоустроенномъ въ углу его хозяйствѣ, въ запахѣ даже этого человѣка, и онъ, не спуская глазъ смотрѣлъ на него.

— А много вы нужды увидали, баринъ? А? — сказалъ вдругъ маленькій человѣкъ. И такое выраженіе ласки и простоты было въ пѣвучемъ голосѣ человѣка, что Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но у него задрожала челюсть, и онъ почувствовалъ слезы. Маленькій человѣкъ въ ту же секунду, не давая Пьеру времени выказать свое смущеніе, заговорилъ тѣмъ же пріятнымъ голосомъ.

— Э, соколикъ, не тужи,—сказалъ онъ съ тою нѣжно-

пѣвучею лаской, съ которою говорятъ старыя русскія бабы.—Не тужи, дружокъ: часъ терпѣть, а вѣкъ жить! Вотъ такъ-то, милый мой. А живемъ тутъ, слава Богу, обиды нѣтъ. Тоже люди и худые и добрые есть,—сказалъ онъ и, еще говоря, гибкимъ движеніемъ перегнулся на колѣни, всталъ и, прокашливаясь, пошелъ куда-то.

— Ишь, шельма, пришла!—услыхалъ Пьеръ въ концѣ балагана тотъ же ласковый голосъ.—Пришла, шельма, помнитъ! Ну-ну, буде.—И солдатъ, отталкивая отъ себя собачонку, прыгавшую къ нему, вернулся къ своему мѣсту и сѣлъ. Въ рукахъ у него было что-то завернуто въ тряпкѣ.

— Вотъ, покушайте, баринъ,—сказалъ онъ, опять возвращаясь къ прежнему почтительному тону и развертывая и подавая Пьеру нѣсколько печеныхъ картошекъ.—Въ обѣдѣ похлебка была. А картошки важнѣющія!

Пьеръ не ѣлъ цѣлый день, и запахъ картофеля показался ему необыкновенно пріятнымъ. Онъ поблагодарилъ солдата и сталъ ѣсть.

— Что̀ жъ такъ-то?—улыбаясь сказалъ солдатъ и взялъ одну изъ картошекъ.—А ты вотъ какъ.—Онъ досталъ опять складной ножикъ, разрѣзалъ на своей ладони картошку на равныя двѣ половины, посыпалъ соли изъ тряпки и поднесъ Пьеру.

— Картошки важнѣющія,—повторилъ онъ.—Ты покушай вотъ такъ-то.

Пьеру казалось, что онъ никогда не ѣлъ кушанья вкуснѣе этого.

— Нѣтъ, мнѣ все ничего,—сказалъ Пьеръ,—но за что̀ они разстрѣляли этихъ несчастныхъ!.. Послѣдній лѣтъ двадцати.

— Тс.., тц...—сказалъ маленькій человѣкъ.—Грѣха-то, грѣха-то...—быстро прибавилъ онъ и, какъ будто слова его всегда были готовы во рту его и нечаянно вылетали изъ него, онъ продолжалъ:—Чтò жъ это, баринъ, вы такъ въ Москвѣ-то остались?

— Я не думалъ, что они такъ скоро придутъ. Я нечаянно остался,— сказалъ Пьеръ.

— Да какъ же они взяли тебя, соколикъ, изъ дома твоего?

— Нѣтъ, я пошолъ на пожаръ, а тутъ они схватили меня, судили за поджигателя.

— Гдѣ судъ, тамъ и неправда,—вставилъ маленькій человѣкъ.

— А ты давно здѣсь?—спросилъ Пьеръ, дожевывая последнюю картошку.

— Я то? Въ то воскресенье меня взяли изъ гошпиталя въ Москвѣ.

— Ты кто же, солдатъ?

— Солдаты Апшеронскаго полка. Отъ лихорадки умиралъ. Намъ и не сказали ничего. Нашихъ человѣкъ двадцать лежало. И не думали, не гадали.

— Чтò жъ, тебѣ скучно здѣсь?—спросилъ Пьеръ.

— Какъ не скучно, соколикъ. Меня Платономъ звать; Каратаевы прозвищо,—прибавилъ онъ, видимо, съ тѣмъ, чтобъ облегчить Пьеру обращеніе къ нему.—Соколикомъ на службѣ прозвали. Какъ не скучать, соколикъ! Москва—она городамъ мать. Какъ не скучать на это смотрѣть. Да червь капусту гложе, а самъ прежде того пропадае: такъ-то старички говаривали,—прибавилъ онъ быстро.

— Какъ, какъ это ты сказалъ?—спросилъ Пьеръ.

— Я-то?—спросилъ Каратаевъ.—Я говорю не нашимъ

умомъ, а Божьимъ судомъ,—сказалъ онъ, думая, что повторяетъ сказанное. И тотчасъ же продолжалъ:—Какъ же у васъ, баринъ, и вотчины есть? И домъ есть? Стало-быть, полная чаша! И хозяйка есть? А старики-родители живы?—спрашивалъ онъ, и хотя Пьеръ не видѣлъ въ темнотѣ, но чувствовалъ, что у солдата морщились губы сдержанною улыбкой ласки въ то время, какъ онъ спрашивалъ это. Онъ, видимо былъ огорченъ тѣмъ, что у Пьера не было родителей, въ особенности матери.

— Жена для совѣта, теща для привѣта, а нѣтъ милѣй родной матушки!—сказалъ онъ.—Ну, а дѣтки есть?—продолжалъ онъ спрашивать. Отрицательный отвѣтъ Пьера опять, видимо, огорчилъ его, и онъ поспѣшилъ прибавить:—Что жъ, люди молодые, еще дастъ Богъ будутъ. Только бы въ совѣтѣ жить...

— Да теперь все равно,—невольно сказалъ Пьеръ.

— Эхъ, милый человѣкъ ты,—возразилъ Платонъ.—Отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся.—Онъ усѣлся получше, прокашлялся, видимо, приготовляясь къ длинному разсказу.—Такъ-то, другъ мой любезный, жилъ я еще дома,—началъ онъ.—Вотчина у насъ богатая, земли много, хорошо живутъ мужики, и нашъ домъ—слава тебѣ Богу. Самъ-семь батюшка косить выходилъ. Жили хорошо. Христьяне настоящіе были. Случись...—и Платонъ Каратаевъ разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ онъ поѣхалъ въ чужую рощу за лѣсомъ и попался сторожу, какъ его сѣкли, судили и отдали въ солдаты.—Что жъ, соколикъ,—говорилъ онъ измѣняющимся отъ улыбки голосомъ,—думали горе, анъ радость. Брату бы итти, кабы не мой грѣхъ. А у брата меньшого самъ-пять ребятъ, а у меня, гляди, одна солдатка осталась,

Была дѣвочка, да еще до солдатства Богъ прибралъ. Пришелъ я на побывку, скажу я тебѣ. Гляжу—лучше прежняго живутъ. Животовъ полонъ дворъ, бабы дома, два брата на заработкахъ. Одинъ Михайло, меньшой, дома. Батюшка и говоритъ, всѣ дѣтки равны: какой палецъ не укуси, все больно. А кабы не Платона тогда забрили, Михайлѣ бы итти. Позвалъ насъ всѣхъ—вѣришь—поставилъ предъ образа. Михайло, говоритъ, поди сюда, кланяйся ему въ ноги, и ты, баба, кланяйся, и внучата кланяйтесь. Поняли, говоритъ. Такъ-то, другъ мой любезный. Рокъ головы ищетъ. А мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно. Наше счастіе, дружокъ, какъ вода въ бреднѣ: тянешь—надулось, а вытащишь—ничего нѣту. Такъ-то. — И Платонъ пересѣлъ на своей соломѣ.

Помолчавъ нѣсколько времени, Платонъ всталъ.

— Чтò жъ, я чай, спать хочешь?—сказалъ онъ и быстро началъ креститься, приговаривая:

— Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ, Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ, Никола угодникъ! Фрола и Лавра, Господи Іисусъ Христосъ, помилуй и спаси насъ!—заключилъ онъ, поклонился въ землю, всталъ, вздохнулъ и сѣлъ на свою солому. — Вотъ такъ-то. Положи, Боже, камушкомъ, подними калачикомъ, — проговорилъ онъ и легъ натягивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читалъ?—спросилъ Пьеръ.

— Ась?—проговорилъ Платонъ (онъ было уже заснулъ).— Читалъ чтò? Богу молился. А ты развѣ не молишься?

— Нѣтъ, я молюсь,—сказалъ Пьеръ.—Но чтò ты говорилъ: Фрола и Лавра?

— А какъ же,—быстро отвѣчалъ Платонъ, — лошадиный

праздникъ. И скота жалѣть надо, — сказалъ Каратаевъ. — Вишь, шельма, свернулась. Угрѣлась, сукина дочь,—сказалъ онъ, ощупавъ собаку у своихъ ногъ, и, повернувшись опять, тотчасъ же заснулъ.

Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачъ и крики, и сквозь щели балагана виднѣлся огонь; но въ балаганѣ было тихо и темно. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнью Платона, лежавшаго подлѣ него, и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новою красотой, на какихъ-то новыхъ и незыблемыхъ основахъ, двигался въ его душѣ.

XIII.

Въ балаганѣ, въ который поступилъ Пьеръ и въ которомъ онъ пробылъ четыре недѣли, было 23 человѣка плѣнныхъ солдатъ, три офицера и два чиновника.

Всѣ они потомъ какъ въ туманѣ представлялись Пьеру, но Платонъ Каратаевъ остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго. Когда на другой день, на разсвѣтѣ, Пьеръ увидалъ своего сосѣда, первое впечатлѣніе чего-то круглаго подтвердилось вполнѣ: вся фигура Платона въ его подпоясанной веревкою французской шинели, въ фуражкѣ и лаптяхъ, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которыя онъ носилъ какъ бы всегда собираясь обнять что-то, были круглыя; пріятная улыбка и большіе каріе нѣжные глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя

по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. Онъ самъ не зналъ и никакъ не могъ опредѣлить, сколько ему было лѣтъ; но зубы его, ярко-бѣлые и крѣпкіе, которые всѣ выказывались своими двумя полукругами, когда онъ смѣялся (что онъ часто дѣлалъ), были всѣ хороши и цѣлы; ни одного сѣдого волоса не было въ его бородѣ и волосахъ, и все тѣло его имѣло видъ гибкости и въ особенности твердости и сносливости.

Лицо его, несмотря на мелкія круглыя морщинки, имѣло выраженіе невинности и юности; голосъ у него былъ пріятный и пѣвучій. Но главная особенность его рѣчи состояла въ непосредственности и спорости. Онъ, видимо, никогда не думалъ о томъ, что̀ онъ сказалъ и что̀ онъ скажетъ; и отъ этого въ быстротѣ и вѣрности его интонацій была особенная неотразимая убѣдительность.

Физическія силы его и поворотливость были таковы первое время плѣна, что казалось, что онъ не понималъ, что̀ такое усталость и болѣзнь. Каждый день утромъ и вечеромъ онъ, ложась, говорилъ: „положи, Господи, камушкомъ, подними калачикомъ“; поутру вставая, всегда одинаково, пожимая плечами, говорилъ: „легъ—свернулся, всталъ—встряхнулся“. И дѣйствительно, стоило ему лечь, чтобы тотчасъ же заснуть камнемъ, и стоило встряхнуться, чтобы тотчасъ же, безъ секунды промедленія, взяться за какое-нибудь дѣло, какъ дѣти, вставши, берутся за игрушки. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, тачалъ сапоги. Онъ всегда былъ занятъ и только по ночамъ позволялъ себѣ разговоры, которые онъ любилъ, и пѣсни. Онъ пѣлъ пѣсни не такъ, какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ, но пѣлъ, какъ

поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было также необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные и лицо его при этомъ бывало очень серьезно.

Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, онъ, видимо, отбросилъ отъ себя все напущенное на него чуждое, солдатское, и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому, народному складу.

— Солдатъ въ отпуску—рубаха изъ портокъ,—говаривалъ онъ. Онъ неохотно говорилъ про свое солдатское время, хотя не жаловался и часто повторялъ, что онъ всю службу ни разу битъ не былъ. Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и видимо, дорогихъ ему воспоминаній „христіанскаго", какъ онъ выговаривалъ крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ, большею частью неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ вдругъ значеніе глубокой мудрости, когда они сказаны кстати.

Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но и то и другое было справедливо. Онъ любилъ говорить и говорилъ хорошо, украшая свою рѣчь ласкательными и пословицами, которыя, Пьеру казалось, онъ самъ выдумывалъ; но главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки, которыя разсказывалъ по-

Экипажи ея состояли изъ огромной княжеской кареты, въ которой она пріѣхала въ Воронежъ, брички и повозки. Съ ней ѣхали M-elle Бурьенъ, Николушка съ гувернеромъ, старая няня, три дѣвушки, Тихонъ, молодой лакей и гайдукъ, котораго тетка отпустила съ нею.

Ѣхать обыкновеннымъ путемъ на Москву нельзя было и думать, и потому окольный путь, который должна была сдѣлать княжна Марья на Липецкъ, Рязань, Владиміръ, Шую, былъ очень длиненъ, по неимѣнію вездѣ почтовыхъ лошадей очень труденъ и, около Рязани, гдѣ (какъ говорили) показывались французы, даже опасенъ.

Во время этого труднаго путешествія, M-elle Бурьенъ, Десаль и прислуга княжны Марьи были удивлены ея твердостью духа и дѣятельностью. Она позже всѣхъ ложилась, раньше всѣхъ вставала, и никакія затрудненія не могли остановить ее. Благодаря ея дѣятельности и энергіи, возбуждавшихъ ея спутниковъ, къ концу второй недѣли они подъѣзжали къ Ярославлю.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Воронежѣ, княжна Марья испытала лучшее счастіе въ своей жизни. Любовь ея къ Ростову уже не мучила, не волновала ея. Любовь эта наполняла всю ея душу, сдѣлалась нераздѣльною частью ея самой, и она не боролась болѣе противъ нея. Въ послѣднее время княжна Марья убѣдилась — хотя она никогда ясно словами опредѣленно не говорила себѣ этого — убѣдилась, что она была любима и любила. Въ этомъ она убѣдилась въ послѣднее свое свиданіе съ Николаемъ, когда онъ пріѣхалъ ей объявить о томъ, что ея братъ былъ съ Ростовыми. Николай ни однимъ словомъ не намекнулъ на то, что теперь (въ случаѣ выздоровленія князя Андрея) прежнія отношенія

между нимъ и Наташей могли возобновиться, но княжна Марья видѣла по его лицу, что онъ зналъ и думалъ это. И, несмотря на то, его отношенія къ ней — осторожныя, нѣжныя и любовныя, не только не измѣнились, но онъ казалось, радовался тому, что теперь родство между нимъ и княжной Марьей позволяло ему свободнѣе выражать ей свою дружбу-любовь, какъ иногда думала княжна Марья. Княжна Марья знала, что она любила въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и чувствовала, что она любима, и была счастлива, спокойна въ этомъ отношеніи.

Но это счастіе одной стороны душевной не только не мѣшало ей во всей силѣ чувствовать горе о братѣ, но, напротивъ, это душевное спокойствіе, въ одномъ отношеніи, давало ей бо́льшую возможность отдаваться вполнѣ своему чувству къ брату. Чувство это было такъ сильно въ первую минуту выѣзда изъ Воронежа, что провожавшіе ее были увѣрены, глядя на ея измученное, отчаянное лицо, что она непремѣнно заболѣетъ дорогой; но именно трудности и заботы путешествія, за которыя съ такою дѣятельностью взялась княжна Марья, спасли ее на время отъ ея горя и придали ей силы.

Какъ и всегда это бываетъ во время путешествія, княжна Марья думала только объ одномъ путешествіи, забывая о томъ, что́ было его цѣлью. Но, подъѣзжая къ Ярославлю, когда открылось опять то, что́ могло предстоять ей и уже не черезъ много дней, а нынче вечеромъ, волненіе княжны Марьи дошло до крайнихъ предѣловъ.

Когда посланный впередъ гайдукъ, чтобы узнать въ Ярославлѣ, гдѣ стоятъ Ростовы и въ какомъ положеніи находится князь Андрей, встрѣтилъ у заставы большую въѣзжав-

шую карету, онъ ужаснулся, увидавъ страшно-блѣдное лицо княжны, которое высунулось ему изъ окна.

— Все узналъ, ваше сіятельство: Ростовскіе стоятъ на площади, въ домѣ купца Бронникова. Недалече, надъ самой надъ Волгой,—сказалъ гайдукъ.

Княжна Марья испуганно-вопросительно смотрѣла въ его лицо, не понимая, почему онъ не отвѣчалъ на главный вопросъ: что братъ? M-elle Бурьенъ сдѣлала этотъ вопросъ за княжну.

— Что князь?—спросила она.

— Ихъ сіятельство съ ними въ томъ же домѣ стоятъ.

„Стало быть, онъ живъ,—подумала княжна и тихо спросила: „Чтò онъ?“

— Люди сказываютъ: все въ томъ же положеніи.

Чтò значило все въ томъ же положеніи, княжна не стала спрашивать, и, мелькомъ только, незамѣтно взглянувъ на семилѣтняго Николушку, сидѣвшаго передъ нею и радовавшагося на городъ, опустила голову и не поднимала ея до тѣхъ поръ, пока тяжелая карета, гремя, трясясь и колыхаясь, не остановилась гдѣ-то. Загремѣли откидываемыя подножки.

Отворились дверцы. Слѣва была вода — рѣка большая, справа — крыльцо; на крыльцѣ были люди, прислуга и какая-то румяная, съ большой черной косой, дѣвушка, которая непріятно-притворно улыбалась, какъ показалось княжнѣ Марьѣ (это была Соня). Княжна взбѣжала по лѣстницѣ, притворно улыбавшаяся дѣвушка сказала: сюда, сюда! и княжна очутилась въ передней передъ старой женщиной съ восточнымъ типомъ лица, которая съ растроганнымъ выраженіемъ быстро шла ей на встрѣчу. Это была

старая графиня. Она обняла княжну Марью и стала цѣловать ее.

— Дитя мое,—проговорила она,— я васъ люблю и знаю давно.

Несмотря на все свое волненіе, княжна Марья поняла, что это была графиня и что надо было ей сказать что-нибудь. Она, сама не зная какъ, проговорила какія-то учтивыя французскія слова, въ томъ же тонѣ, въ которомъ были тѣ, которыя ей говорили, и спросила: чтò онъ?

— Докторъ говоритъ, что нѣтъ опасности,—сказала графиня, но въ то же время, какъ она говорила это, она со вздохомъ подняла глаза кверху, и въ этомъ жестѣ было выраженіе, противорѣчащее ея словамъ.

— Гдѣ онъ? Можно его видѣть, можно?—спросила княжна.

— Сейчасъ, княжна, сейчасъ, мой дружокъ. Это его сынъ? — сказала она, обращаясь къ Николушкѣ, который входилъ съ Десалемъ.—Мы всѣ помѣстимся, домъ большой. О, какой прелестный мальчикъ!

Графиня ввела княжну въ гостиную. Соня разговаривала съ m-elle Бурьенъ. Графиня ласкала мальчика. Старый графъ вошелъ въ комнату, привѣтствуя княжну. Старый графъ чрезвычайно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его въ послѣдній разъ видѣла княжна. Тогда онъ былъ бойкій, веселый, самоувѣренный старичокъ, теперь онъ казался жалкимъ, затеряннымъ человѣкомъ. Онъ, говоря съ княжной, безпрестанно оглядывался, какъ бы спрашивая у всѣхъ, то ли онъ дѣлаетъ, чтò надобно. Послѣ разоренія Москвы и его имѣнія, выбитый изъ привычной колеи, онъ, видимо, потерялъ сознаніе своего значенія и чувствовалъ, что ему уже нѣтъ мѣста въ жизни.

Несмотря на одно желаніе—поскорѣе увидать брата—и на досаду за то, что въ эту минуту, когда ей одного хочется—увидать его — ее занимаютъ и притворно хвалятъ ея племянника, княжна замѣчала все, что̀ дѣлалось вокругъ нея и чувствовала необходимость на время подчиниться этому новому порядку, въ который она вступала. Она знала, что все это необходимо, и ей было это трудно, но она не досадовала на нихъ.

— Это моя племянница, — сказалъ графъ, представляя Соню,—вы не знаете ее, княжна?

Княжна повернулась къ ней и, стараясь затушить поднявшееся въ ея душѣ враждебное чувство къ этой дѣвушкѣ, поцѣловала ее. Но ей становилось тяжело оттого, что настроеніе всѣхъ окружающихъ было такъ далеко отъ того, что̀ было въ ея душѣ.

— Гдѣ онъ?—спросила она еще разъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Онъ внизу, Наташа съ нимъ, — отвѣчала Соня краснѣя.—Пошли узнать. Вы, я думаю, устали, княжна?

У княжны выступили на глаза слезы досады. Она отвернулась и хотѣла опять спросить у графини, гдѣ пройти къ нему, какъ въ дверяхъ послышались легкіе, стремительные, какъ будто веселые шаги. Княжна оглянулась и увидала почти вбѣгающую Наташу, ту Наташу, которая въ то давнишнее свиданіе въ Москвѣ такъ не понравилась ей.

Но не успѣла княжна взглянуть на лицо этой Наташи, какъ она поняла, что это былъ ея искренній товарищъ по горю и потому ея другъ. Она бросилась ей навстрѣчу и, обнявъ ее, заплакала на ея плечѣ.

Какъ только Наташа, сидѣвшая у изголовья князя Андрея, узнала о пріѣздѣ княжны Марьи, она тихо вышла изъ

его комнаты тѣми быстрыми, какъ показалось княжнѣ Марьѣ, какъ будто веселыми шагами и побѣжала къ ней.

На взволнованномъ лицѣ ея, когда она вбѣжала въ комнату, было только одно выраженіе—выраженіе любви, безпредѣльной любви къ нему, къ ней, ко всему тому, что было близко любимому человѣку,—выраженіе жалости, страданія за другихъ и страстнаго желанія отдать себя всю для того, чтобы помочь имъ. Видно было, что въ эту минуту ни одной мысли о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ нему не было въ душѣ Наташи.

Чуткая княжна Марья съ перваго взгляда на лицо Наташи поняла все это, и съ горестнымъ наслажденіемъ плакала на ея плечѣ.

— Пойдемте, пойдемте къ нему, Мари,—проговорила Наташа, отводя ее въ другую комнату.

Княжна Марья подняла лицо, отерла глаза и обратилась къ Наташѣ. Она чувствовала, что отъ нея она все пойметъ и узнаетъ.

— Что...—начала она вопросъ, но вдругъ остановилась. Она почувствовала, что словами нельзя ни спросить, ни отвѣтить. Лицо и глаза Наташи должны были сказать все яснѣе и глубже.

Наташа смотрѣла на нее, но, казалось, была въ страхѣ и сомнѣніи—сказать или не сказать все то, что она знала; она какъ будто почувствовала, что передъ этими лучистыми глазами, проникавшими въ самую глубь ея сердца, нельзя не сказать всю, всю истину, какою она ее видѣла. Губа Наташи вдругъ дрогнула, уродливыя морщины образовались вокругъ ея рта, и она, зарыдавъ, закрыла лицо руками.

Княжна Марья поняла все.

Но она все-таки надѣялась и спросила словами, въ которыя она не вѣрила:

— Но какъ его рана? Вообще въ какомъ онъ положеніи?

— Вы, вы... увидите это,—только могла сказать Наташа.

Онѣ посидѣли нѣсколько времени внизу подлѣ его комнаты съ тѣмъ, чтобы перестать плакать и войти къ нему съ спокойными лицами.—Какъ шла вся болѣзнь? Давно ли ему было хуже? Когда *это* случилось?—спрашивала княжна Марья.

Наташа разсказывала, что первое время была опасность отъ горячечнаго состоянія и страданія, но у Троицы это прошло, и докторъ боялся одного — антонова огня. Но и эта опасность миновалась. Когда пріѣхали въ Ярославль, рана стала гноиться (Наташа знала все, что̀ касалось нагноенія и т. п.), и докторъ говорилъ, что нагноеніе можетъ пойти правильно. Сдѣлалась лихорадка. Докторъ говорилъ, что лихорадка эта не такъ опасна. Но два дня тому назадъ, начала Наташа, вдругъ *это* сдѣлалось... Она удержала рыданія. — Я не знаю отчего, но вы увидите, какой онъ сталъ.

— Ослабѣлъ? похудѣлъ?..—спрашивала княжна.

— Нѣтъ, не то, но хуже. Вы увидите. Ахъ, Мари, онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ, не можетъ жить, потому что...

XV.

Когда Наташа привычнымъ движеніемъ отворила его дверь, пропуская впередъ себя княжну, княжна Марья чувствовала уже въ горлѣ своемъ готовыя рыданія. Сколько она ни готовилась, ни старалась успокоиться, она знала, что не въ силахъ будетъ безъ слезъ увидать его.

Княжна Марья понимала то, что̀ Наташа разумѣла словами: *съ нимъ случилось это дня два тому назадъ*. Она понимала, что это означало то, что онъ вдругъ смягчился, и что смягченіе, умиленіе эти были признаками смерти. Она, подходя къ двери, уже видѣла въ воображеніи своемъ то лицо Андрюши, которое она знала въ дѣтствѣ,—нѣжное, кроткое, умиленное, которое такъ рѣдко бывало у него и потому такъ сильно всегда на нее дѣйствовало. Она знала, что онъ скажетъ ей тихія, нѣжныя слова какъ тѣ, которыя сказалъ ей отецъ передъ смертью, и что она не вынесетъ этого и разрыдается надъ нимъ. Но рано ли, поздно ли, это должно было быть, и она вошла въ комнату. Рыданья все ближе и ближе подступали ей къ горлу въ то время, какъ она своими близорукими глазами яснѣе и яснѣе различала его форму и отыскивала его черты, и вотъ она увидала его лицо и встрѣтилась съ нимъ взглядомъ.

Онъ лежалъ на диванѣ, обложенный подушками, въ мѣховомъ бѣличьемъ халатѣ. Онъ былъ худъ и блѣденъ. Одна худая, прозрачно-бѣлая рука его держала платокъ, другою онъ, тихими движеніями пальцевъ, трогалъ тонкіе отросшіе усы. Глаза его смотрѣли на входившихъ.

Увидавъ его лицо и встрѣтившись съ нимъ взглядомъ, княжна Марья вдругъ умѣрила быстроту своего шага и почувствовала, что слезы вдругъ пересохли и рыданія остановились. Уловивъ выраженіе его лица и взгляда, она вдругъ оробѣла и почувствовала себя виноватою.

„Да въ чемъ же я виновата?—спросила она себя. — Въ томъ, что живешь и думаешь о живомъ, а я?..“ отвѣчалъ его холодный, строгій взглядъ.

Въ глубокомъ, не изъ себя, а въ себя смотрѣвшемъ взгля-

дѣ была почти враждебность, когда онъ медленно оглянулъ сестру и Наташу.

Онъ поцѣловался съ сестрой рука въ руку, по ихъ привычкѣ.

— Здравствуй, Мари, какъ это ты добралась?—сказалъ онъ голосомъ, такимъ же ровнымъ и чуждымъ, какимъ былъ его взглядъ. Ежели бы онъ завизжалъ отчаяннымъ крикомъ, то этотъ крикъ менѣе бы ужаснулъ княжну Марью, чѣмъ звукъ этого голоса.

— И Николушку привезла?—сказалъ онъ такъ же ровно и медленно и съ очевиднымъ усиліемъ воспоминанья.

— Какъ твое здоровье теперь?—говорила княжна Марья, сама удивляясь тому, что̀ она говорила.

— Это, мой другъ, у доктора спрашивать надо,—сказалъ онъ и, видимо, сдѣлавъ еще усиліе, чтобы быть ласковымъ, онъ сказалъ однимъ ртомъ (видно было, что онъ вовсе не думалъ того, что̀ говорилъ):

— Благодарю, мой другъ, что пріѣхала.

Княжна Марья пожала его руку. Онъ чуть замѣтно поморщился отъ пожатія ея руки. Онъ молчалъ, и она не знала, что̀ говорить. Она поняла то, что̀ случилось съ нимъ за два дня. Въ словахъ, въ тонѣ его, въ особенности во взглядѣ этомъ — холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ — чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірского. Онъ, видимо, съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живого не потому, что онъ былъ лишенъ силы пониманья, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что̀ поглощало его всего.

— Да, вотъ какъ странно судьба свела насъ! — сказалъ онъ, прерывая молчаніе и указывая на Наташу.—Она все ходитъ за мной.

Княжна Марья слушала и не понимала того, что̀ онъ говорилъ. Онъ, чуткій, нѣжный князь Андрей, какъ могъ онъ говорить это при той, которую онъ любилъ и которая его любила! Ежели бы онъ думалъ жить, то не такимъ холодно-оскорбительнымъ тономъ онъ сказалъ бы это. Ежели бы онъ не зналъ, что умретъ, то какъ же ему не жалко было ея, какъ онъ могъ при ней говорить это! Одно объясненіе только могло быть этому, это то, что ему было все равно, и все равно оттого, что что-то другое, важнѣйшее, было открыто ему.

Разговоръ былъ холодный, несвязный и прерывался каждую минуту.

— Мари проѣхала черезъ Рязань,—сказала Наташа.— Князь Андрей не замѣтилъ, что она называла его сестру Мари. А Наташа, при немъ назвавъ ее такъ, въ первый разъ сама это замѣтила.

— Ну что̀ же?—сказалъ онъ.

— Ей разсказывали, что Москва вся сгорѣла, совершенно, что будто бы...

Наташа остановилась: нельзя было говорить. Онъ очевидно дѣлалъ усилія, чтобы слушать, и все-таки не могъ.

— Да, сгорѣла, говорятъ,—сказалъ онъ. Это очень жалко,—и онъ сталъ смотрѣть впередъ, пальцами разсѣянно расправляя усы.

— А ты встрѣтилась, Мари, съ графомъ Николаемъ?— сказалъ вдругъ князь Андрей, видимо желая сдѣлать имъ пріятное.—Онъ писалъ сюда, что ты ему очень полюбилась,—

продолжалъ онъ просто, спокойно, видимо не въ силахъ понимать всего того сложнаго значенія, которое имѣли его слова для живыхъ людей.—Ежели бы ты его полюбила тоже, то было бы очень хорошо... чтобъ вы женились,—прибавилъ онъ нѣсколько скорѣе, какъ бы обрадованный словами, которыя онъ долго искалъ и нашелъ наконецъ. Княжна Марья слышала его слова, но они не имѣли для нея никакого другого значенія, кромѣ того, что они доказывали то, какъ страшно далекъ онъ былъ теперь отъ всего живого.

— Что обо мнѣ говорить!—сказала она спокойно и взглянула на Наташу. Наташа, чувствуя на себѣ ея взглядъ, не смотрѣла на нее. Опять всѣ молчали.

— Андрей, ты хоч...—вдругъ сказала княжна Марья содрогнувшимся голосомъ, — ты хочешь видѣть Николушку? Онъ все время вспоминалъ о тебѣ.

Князь Андрей чуть замѣтно улыбнулся въ первый разъ, но княжна Марья, такъ знавшая его лицо, съ ужасомъ поняла, что это была улыбка не радости, не нѣжности къ сыну, но тихой, кроткой насмѣшки надъ тѣмъ, что княжна Марья употребляла по ея мнѣнію послѣднее средство для приведенія его въ чувство.

— Да, я очень радъ Николушкѣ. Онъ здоровъ?

Когда привели къ князю Андрею Николушку, испуганно смотрѣвшаго на отца, но не плакавшаго, потому что никто не плакалъ, князь Андрей поцѣловалъ его и, очевидно, не зналъ, что говорить съ нимъ.

Когда Николушку уводили, княжна Марья подошла еще разъ къ брату, поцѣловала его и, не въ силахъ удерживаться болѣе, заплакала.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Ты о Николушкѣ?—спросилъ онъ.

Княжна Марья, плача, утвердительно нагнула голову.— Мари, ты знаешь Еван...—но онъ вдругъ замолчалъ.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Не надо плакать здѣсь,—сказалъ онъ, тѣмъ же холоднымъ взглядомъ глядя на нее.

Когда княжна Марья заплакала, онъ понялъ, что она плакала о томъ, что Николушка останется безъ отца. Съ большимъ усиліемъ надъ собой онъ постарался вернуться назадъ въ жизнь и перенесся на ихъ точку зрѣнія.

— „Да, имъ это должно казаться жалко!—подумалъ онъ. А какъ это просто!“

„Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ“, сказалъ онъ самъ себѣ и хотѣлъ то же сказать княжнѣ; „но нѣтъ, они поймутъ это по своему, они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ—всѣ наши, всѣ эти мысли— которыя кажутся намъ такъ важны, что они — *не нужны*. Мы не можемъ понимать другъ друга!—и онъ замолчалъ.

Маленькому сыну князя Андрея было семь лѣтъ. Онъ едва умѣлъ читать—онъ ничего не зналъ. Онъ многое пережилъ послѣ этого дня, пріобрѣтая знанія, наблюдательность, опытность; но ежели бы онъ владѣлъ тогда всѣми этими послѣ пріобрѣтенными способностями, онъ не могъ бы лучше, глубже понять все значеніе той сцены, которую онъ видѣлъ между отцомъ, княжной Марьей и Наташей, чѣмъ онъ ее понялъ теперь. Онъ все понялъ и, не плача, вышелъ изъ

комнаты, молча подошелъ къ Наташѣ, вышедшей за нимъ, застѣнчиво взглянулъ на нее задумчивыми прекрасными глазами: приподнятая румяная верхняя губа его дрогнула, онъ прислонился къ ней головой и заплакалъ.

Съ этого дня онъ избѣгалъ Десаля, избѣгалъ ласкавшую его графиню и либо сидѣлъ одинъ, либо робко подходилъ къ княжнѣ Марьѣ и къ Наташѣ, которую онъ, казалось, полюбилъ еще болѣе своей тетки, и тихо и застѣнчиво ласкался къ нимъ.

Княжна Марья, выйдя отъ князя Андрея, поняла вполнѣ все то, что̀ сказало ей лицо Наташи. Она не говорила больше съ Наташей о надеждѣ на спасеніе его жизни. Она чередовалась съ нею у его дивана и не плакала больше, но безпрестанно молилась, обращаясь душою къ тому Вѣчному Непостижимому, Котораго присутствіе такъ ощутительно было теперь надъ умиравшимъ человѣкомъ.

XVI.

Князь Андрей не только зналъ, что онъ умретъ, но онъ чувствовалъ, что онъ умираетъ, что онъ уже умеръ наполовину. Онъ испытывалъ сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной и странной легкости бытія. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того, что̀ предстояло ему. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать въ продолженіе всей своей жизни, теперь для него было близкое и—по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ — почти понятное и ощущаемое . . . .

. . . .

Прежде онъ боялся конца. Онъ два раза испыталъ это

страшно-мучительное чувство страха смерти, конца, и теперь уже не понималъ его.

Первый разъ онъ испыталъ это чувство тогда, когда граната волчкомъ вертѣлась передъ нимъ, и онъ смотрѣлъ на жнивье, на кусты, на небо и зналъ, что передъ нимъ была смерть. Когда онъ очнулся послѣ раны и въ душѣ его, мгновенно, какъ бы освобожденный отъ удерживавшаго его гнета жизни, распустился этотъ цвѣтокъ любви вѣчной, свободной, не зависящей отъ этой жизни, онъ уже не боялся смерти и не думалъ о ней.

Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и полубреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви, значило никого не любить, значило не жить этою земною жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая безъ любви стоитъ между жизнью и смертью. Когда онъ, это первое время, вспоминалъ о томъ, что ему надо было умереть, онъ говорилъ себѣ: ну что жъ, тѣмъ лучше.

Но послѣ той ночи въ Мытищахъ, когда въ полубреду передъ нимъ явилась та, которую онъ желалъ, и когда онъ, прижавъ къ своимъ губамъ ея руку, заплакалъ тихими, радостными слезами, любовь къ одной женщинѣ незамѣтно закралась въ его сердце и опять привязала его къ жизни. И радостныя, и тревожныя мысли стали приходить ему. Вспоминая ту минуту на перевязочномъ пунктѣ, когда онъ уви-

далъ Курагина, онъ теперь не могъ возвратиться къ тому чувству: его мучилъ вопросъ о томъ, живъ ли онъ? И онъ не смѣлъ спросить этого.

Болѣзнь его шла своимъ физическимъ порядкомъ, но то, что̀ Наташа называла: *это сдѣлалось съ нимъ,* случилось съ нимъ два дня передъ пріѣздомъ княжны Марьи. Это была та послѣдняя, нравственная борьба между жизнью и смертью, въ которой смерть одержала побѣду. Это было неожиданное сознаніе того, что онъ еще дорожилъ жизнью, представлявшейся ему въ любви къ Наташѣ, и послѣдній, покоренный припадокъ ужаса передъ невѣдомымъ.

Это было вечеромъ. Онъ былъ, какъ обыкновенно послѣ обѣда, въ легкомъ, лихорадочномъ состояніи, и мысли его были чрезвычайно ясны. Соня сидѣла у стола. Онъ задремалъ. Вдругъ ощущеніе счастія охватило его.

— „А, это она вошла!“—подумалъ онъ.

Дѣйствительно, на мѣстѣ Сони сидѣла только что неслышными шагами вошедшая Наташа.

Съ тѣхъ поръ, какъ она стала ходить за нимъ, онъ всегда испытывалъ это физическое ощущеніе ея близости. Она сидѣла на креслѣ, бокомъ къ нему, заслоняя собой отъ него свѣтъ свѣчи, и вязала чулокъ. (Она выучилась вязать чулки съ тѣхъ поръ, какъ разъ князь Андрей сказалъ ей, что никто такъ не умѣетъ ходить за больными, какъ старыя няни, которыя вяжутъ чулки, и что въ вязаніи чулка есть что-то успокоительное.) Тонкіе пальцы ея быстро перебирали изрѣдка сталкивающіяся спицы, и задумчивый профиль ея опущеннаго лица былъ ясно виденъ ему. Она сдѣлала движеніе,—клубокъ скатился съ ея колѣнъ. Она вздрогнула, оглянулась на него и, заслоняя свѣчу ру-

кой, осторожнымъ, гибкимъ и точнымъ движеніемъ изогнулась, подняла клубокъ и сѣла въ прежнее положеніе.

Онъ смотрѣлъ на нее, не шевелясь, и видѣлъ, что ей нужно было послѣ своего движенія вздохнуть во всю грудь, но она не рѣшалась этого сдѣлать и осторожно переводила дыханіе.

Въ Троицкой лаврѣ они говорили о прошедшемъ, и онъ сказалъ ей, что, ежели бы онъ былъ живъ, онъ благодарилъ бы вѣчнаго Бога за свою рану, которая свела его опять съ нею; но съ тѣхъ поръ они никогда не говорили о будущемъ.

„Могло или не могло это быть?“ думалъ онъ теперь, глядя на нее и прислушиваясь къ легкому стальному звуку спицъ. Неужели только за тѣмъ такъ странно свела меня съ нею судьба, чтобы мнѣ умереть?...—Неужели мнѣ открылась истина жизни только для того, чтобы я жилъ во лжи? Я люблю ее больше всего въ мірѣ. Но что́ же дѣлать мнѣ, ежели я люблю ее?—сказалъ онъ, и онъ вдругъ невольно застоналъ по привычкѣ, которую онъ пріобрѣлъ во время своихъ страданій.

Услыхавъ этотъ звукъ, Наташа положила чулокъ, перегнулась ближе къ нему, и вдругъ, замѣтивъ его свѣтящіеся глаза, подошла къ нему легкимъ шагомъ и нагнулась.

— Вы не спите?

— Нѣтъ, я давно смотрю на васъ; я почувствовалъ, когда вы вошли. Никто, какъ вы, не даетъ мнѣ той мягкой тишины... того свѣта. Мнѣ такъ и хочется плакать отъ радости.

Наташа ближе придвинулась къ нему. Лицо ея сіяло восторженной радостью.

— Наташа, я слишкомъ люблю васъ! Больше всего на свѣтѣ.

— А я?—Она отвернулась на мгновеніе.—Отчего же слишкомъ?—сказала она.

— Отчего же слишкомъ?.. Ну, какъ вы думаете, какъ вы чувствуете по душѣ, по всей душѣ, буду я живъ? Какъ вамъ кажется?

— Я увѣрена, я увѣрена!—почти вскрикнула Наташа, страстнымъ движеніемъ взявъ его за обѣ руки.

Онъ помолчалъ.

— Какъ бы хорошо! И, взявъ ея руку, онъ поцѣловалъ ее.

Наташа была счастлива и взволнована; и тотчасъ же она вспомнила, что этого нельзя, что ему нужно спокойствіе.

— Однако вы не спали,—сказала она, подавляя свою радость.—Постарайтесь заснуть... пожалуйста.

Онъ выпустилъ, пожавъ, ея руку, и она перешла къ свѣчѣ и опять сѣла въ прежнее положеніе. Два раза она оглянулась на него, глаза его свѣтились ей на встрѣчу. Она задала себѣ урокъ на чулкѣ и сказала себѣ, что до тѣхъ поръ она не оглянется, пока не кончитъ его.

Дѣйствительно, скоро послѣ этого онъ закрылъ глаза и заснулъ. Онъ спалъ не долго и вдругъ въ холодномъ поту тревожно проснулся.

Засыпая онъ думалъ все о томъ же, о чемъ онъ думалъ все это время—о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней.

„Любовь? Чтò такое любовь?“ думалъ онъ.

„Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, чтò я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существуетъ только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ, и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источ-

нику“. Мысли эти показались ему утѣшительны. Но это были только мысли. Чего-то недоставало въ нихъ, что-то было односторонне-личное, умственное — не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ въ той же комнатѣ, въ которой онъ лежалъ въ дѣйствительности, но что онъ не раненъ, а здоровъ. Много разныхъ лицъ, ничтожныхъ, равнодушныхъ, являются передъ княземъ Андреемъ. Онъ говоритъ съ ними, споритъ о чемъ-то ненужномъ. Они собираются ѣхать куда-то. Князь Андрей смутно припоминаетъ, что все это ничтожно и что у него есть другія важнѣйшія заботы, но онъ продолжаетъ говорить, удивляя ихъ, какія-то пустыя, остроумныя слова. Понемногу, незамѣтно, всѣ эти лица начинаютъ исчезать, и все замѣняется однимъ вопросомъ о затворенной двери. Онъ встаетъ и идетъ къ двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Отъ того, что онъ успѣетъ или не успѣетъ запереть ее, зависитъ *все*. Онъ идетъ, спѣшитъ, ноги его не двигаются, и онъ знаетъ, что не успѣетъ запереть дверь, но все-таки болѣзненно напрягаетъ всѣ свои силы. И мучительный страхъ охватываетъ его. И этотъ страхъ есть страхъ смерти: за дверью стоитъ *оно*. Но въ то же время, какъ онъ безсильно-неловко подползаетъ къ двери, это что-то ужасное съ другой стороны уже, надавливая, ломится въ нее. Что-то не человѣческое — смерть — ломится въ дверь, и надо удержать ее. Онъ ухватывается за дверь, напрягаетъ послѣднія усилія — запереть уже нельзя — хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и надавливаемая ужаснымъ дверь отворяется и опять затворяется.

Еще разъ *оно* надавило оттуда. Послѣднія, сверхъестест-

венныя усилія тщетны, и обѣ половинки отворились беззвучно. *Оно* вошло, и оно есть *смерть*. И князь Андрей умеръ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе какъ онъ умеръ, онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проснулся.

„Да, это была смерть. Я умеръ—я проснулся. Да, смерть— пробужденіе“, вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывавшая до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ его душевнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его.

Когда онъ, очнувшись въ холодномъ поту, зашевелился на диванѣ, Наташа подошла къ нему и спросила, что̀ съ нимъ. Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ее, посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Это-то было то, что̀ случилось съ нимъ за два дня до пріѣзда княжны Марьи. Съ этого же дня, какъ говорилъ докторъ, изнурительная лихорадка приняла дурной характеръ, но Наташа не интересовалась тѣмъ, что̀ говорилъ докторъ: она видѣла эти страшные, болѣе для нея несомнѣнные, нравственные признаки.

Съ этого дня началось для князя Андрея вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ сна—пробужденіе отъ жизни. И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему болѣе медленно, чѣмъ пробужденіе отъ сна относительно продолжительности сновидѣнія.

Ничего не было страшнаго и рѣзкаго въ этомъ, относительно медленномъ пробужденіи.

Послѣдніе дни и часы его прошли обыкновенно и просто. И княжна Марья и Наташа, не отходившія отъ него, чув-

ствовали это. Онѣ не плакали, не содрогались и послѣднее время, сами чувствуя это, ходили уже не за нимъ (его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ), а за самымъ близкимъ воспоминаніемъ о немъ—за его тѣломъ. Чувства обѣихъ были такъ сильны, что на нихъ не дѣйствовала внѣшняя, страшная сторона смерти, и онѣ не находили нужнымъ растравлять свое горе. Онѣ не плакали ни при немъ, ни безъ него, но и никогда не говорили про него между собою. Онѣ чувствовали, что не могли выразить словами того, чтò онѣ понимали.

Онѣ обѣ видѣли, какъ онъ глубже и глубже, медленно и спокойно, опускался отъ нихъ куда-то туда, и обѣ знали, что это такъ должно быть, и что это хорошо.

Его исповѣдывали, причастили; всѣ приходили къ нему прощаться. Когда ему привели сына, онъ приложилъ къ нему свои губы и отвернулся не потому, чтобы ему было тяжело и жалко (княжна Марья и Наташа понимали это), но только потому, что онъ полагалъ, что это все, чтò отъ него требовали; но когда ему сказали, чтобы онъ благословилъ его, онъ исполнилъ требуемое и оглянулся, какъ будто спрашивая, не нужно ли еще что-нибудь сдѣлать.

Когда происходили послѣднія содроганія тѣла, оставляемаго духомъ, княжна Марья и Наташа были тутъ.

— Кончилось?!—сказала княжна Марья послѣ того, какъ тѣло его уже нѣсколько минутъ, неподвижно, холодѣя, лежало передъ ними. Наташа подошла, взглянула въ мертвые глаза и поспѣшила закрыть ихъ. Она закрыла ихъ и не поцѣловала ихъ, а приложилась къ тому, чтò было ближайшимъ воспоминаніемъ о немъ.

„Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь?..“

Когда одѣтое, обмытое тѣло лежало въ гробу на столѣ, всѣ подходили къ нему прощаться и всѣ плакали.

Николушка плакалъ отъ страдальческаго недоумѣнія, разрывавшаго его сердце. Графиня и Соня плакали отъ жалости къ Наташѣ и о томъ, что его нѣтъ больше. Старый графъ плакалъ о томъ, что скоро, онъ чувствовалъ, и ему предстояло сдѣлать тотъ же страшный шагъ.

Наташа и княжна Марья плакали тоже теперь, но онѣ плакали не отъ своего личнаго горя,—онѣ плакали отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простого и торжественнаго таинства смерти, совершившагося предъ ними.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій. Но потребность отыскивать причины вложена въ душу человѣка. И человѣческій умъ, не вникнувши въ безчисленность и сложность условій явленій, изъ которыхъ каждое отдѣльно можетъ представляться причиною, хватается за первое, самое понятное сближеніе и говоритъ: вотъ причина. Въ историческихъ событіяхъ (гдѣ предметомъ наблюденія суть дѣйствія людей) самымъ первобытнымъ сближеніемъ представляется воля боговъ, потомъ воля тѣхъ людей, которые стоятъ на самомъ видномъ историческомъ мѣстѣ,— историческихъ героевъ. Но стóитъ только вникнуть въ сущность каждаго историческаго событія, т.-е. въ дѣятельность всей массы людей, участвовавшихъ въ событіи, чтобы убѣдиться, что воля историческаго героя не только не руководитъ дѣйствіями массъ, но сама постоянно руководима. Казалось бы, все равно понимать значеніе историческаго событія такъ или иначе. Но между человѣкомъ, который говоритъ, что народы Запада пошли на Востокъ, потому что Наполеонъ захотѣлъ этого, и человѣкомъ, который говоритъ, что

это совершилось, потому что должно было совершиться, существуетъ то же различіе, которое существовало между людьми, утверждавшими, что земля стоитъ твердо и планеты движутся вокругъ нея, и тѣми, которые говорили, что они не знаютъ на чемъ держится земля, но знаютъ, что есть законы, управляющіе движеніемъ и ея и другихъ планетъ. Причинъ историческаго событія нѣтъ и не можетъ быть, кромѣ единственной причины всѣхъ причинъ. Но есть законы, управляющіе событіями, отчасти неизвѣстные, отчасти нащупываемые нами. Открытіе этихъ законовъ возможно только тогда, когда мы вполнѣ отрѣшимся отъ отысканія причинъ въ волѣ одного человѣка, точно такъ же, какъ открытіе законовъ движенія планетъ стало возможно только тогда, когда люди отрѣшились отъ представленія утвержденности земли.

Послѣ Бородинскаго сраженія, занятія непріятелемъ Москвы и сожженія ея, важнѣйшимъ эпизодомъ войны 1812 г. историки признаютъ движеніе русской арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу и къ Тарутинскому лагерю,— такъ называемый фланговый маршъ за Красной Пахрой. Историки приписываютъ славу этого геніальнаго подвига различнымъ лицамъ и спорятъ о томъ, кому собственно она принадлежитъ. Даже иностранные, даже французскіе историки признаютъ геніальность русскихъ полководцевъ, говоря объ этомъ фланговомъ маршѣ. Но почему военные писатели, а за ними и всѣ полагаютъ, что этотъ фланговый маршъ есть весьма глубокомысленное изобрѣтеніе какого-нибудь одного лица, спасшее Россію и погубившее Наполеона, — весьма трудно понять. Во-первыхъ, трудно понять, въ чемъ состо-

ять глубокомысліе и геніальность этого движенія, ибо для того, чтобы догадаться, что самое лучшее положеніе арміи (когда ея не атакуютъ) находится тамъ, гдѣ больше продовольствія, не нужно большого умственнаго напряженія. И каждый, даже глупый тринадцатилѣтній мальчикъ, безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 г. самое выгодное положеніе арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ. И такъ нельзя понять, во-первыхъ, какими умозаключеніями доходятъ историки до того, чтобы видѣть что-то глубокомысленное въ этомъ маневрѣ. Во-вторыхъ, еще труднѣе понять, въ чемъ именно историки видятъ спасительность этого маневра для русскихъ и пагубность его для французовъ; ибо фланговый маршъ этотъ, при другихъ предшествующихъ, сопутствовавшихъ и послѣдовавшихъ обстоятельствахъ, могъ быть пагубнымъ для русскаго и спасительнымъ для французскаго войска. Если съ того времени, какъ совершилось это движеніе, положеніе русскаго войска стало улучшаться, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы это движеніе было тому причиною.

Этотъ фланговый маршъ не только не могъ бы принести какія-нибудь выгоды, но могъ бы погубить русскую армію, ежели бы при томъ не было совпаденія другихъ условій. Чтò бы было, если бы не сгорѣла Москва? Если бы Мюратъ не потерялъ изъ виду русскихъ? Если бы Наполеонъ не находился въ бездѣйствіи? Если бы подъ Красной Пахрой русская армія, по совѣту Бенигсена и Барклая, дала бы сраженіе? Чтò бы было, если бы французы атаковали русскихъ, когда они шли за Пахрой? Чтò бы было, если бы впослѣдствіи Наполеонъ, подойдя къ Тарутину, атаковалъ бы русскихъ хотя бы съ одной десятой долей той энергіи, съ ко-

торой онъ атаковалъ въ Смоленскѣ? Что бы было, если бы французы пошли на Петербургъ?.. При всѣхъ этихъ предположеніяхъ спасительность фланговаго марша могла перейти въ пагубность.

Въ-третьихъ, и самое непонятное, состоитъ въ томъ, что люди, изучающіе исторію, умышленно не хотятъ видѣть того, что фланговый маршъ нельзя приписывать никакому одному человѣку, что никто никогда его не предвидѣлъ, что маневръ этотъ точно такъ же, какъ и отступленіе въ Филяхъ, въ настоящемъ никогда никому не представлялся въ его цѣльности, а шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ, мгновеніе за мгновеніемъ, вытекалъ изъ безчисленнаго количества самыхъ разнообразныхъ условій и только тогда представился во всей цѣльности, когда онъ совершился и сталъ прошедшимъ.

На совѣтѣ въ Филяхъ у русскаго начальства преобладающею мыслью было само собой разумѣвшееся отступленіе по прямому направленію назадъ, т.-е. по Нижегородской дорогѣ. Доказательствами тому служитъ то, что большинство голосовъ на совѣтѣ было подано въ этомъ смыслѣ и, главное, извѣстный разговоръ послѣ совѣта главнокомандующаго съ Ланскимъ, завѣдывавшимъ провіантскою частью. Ланской донесъ главнокомандующему, что продовольствіе для арміи собрано преимущественно по Окѣ, въ Тульской и Казанской губерніяхъ, и что, въ случаѣ отступленія на Нижній, запасы провіанта будутъ отдѣлены отъ арміи большою рѣкою Окой, черезъ которую перевозъ въ первозимье бываетъ невозможенъ. Это былъ первый признакъ необходимости уклоненія отъ прежде представлявшагося самымъ естественнымъ прямого направленія на Нижній. Армія подержалась южнѣе, по Разанской

дорогѣ, и ближе къ запасамъ. Впослѣдствіи бездѣйствіе французовъ, потерявшихъ даже изъ виду русскую армію, заботы о защитѣ Тульскаго завода и, главное—выгоды приближенія къ своимъ запасамъ, заставили армію отклониться еще южнѣе, на Тульскую дорогу. Перейдя отчаяннымъ движеніемъ за Пахрой на Тульскую дорогу, военноначальники русской арміи думали оставаться у Подольска, и не было мысли о Тарутинской позиціи; но безчисленное количество обстоятельствъ и появленіе опять французскихъ войскъ, прежде потерявшихъ изъ виду русскихъ, и проекты сраженія и, главное—обиліе провіанта въ Калугѣ, заставили нашу армію еще болѣе отклониться къ югу и перейти въ середину путей своего продовольствія, съ Тульской на Калужскую дорогу, къ Тарутину. Точно такъ же, какъ нельзя отвѣчать на тотъ вопросъ, когда оставлена была Москва, нельзя отвѣчать и на то, когда именно и кѣмъ рѣшено было перейти къ Тарутину. Только тогда, когда войска пришли уже къ Тарутину вслѣдствіе безчисленныхъ, диференціальныхъ силъ, тогда только стали люди увѣрять себя, что они этого хотѣли и давно предвидѣли.

II.

Знаменитый фланговый маршъ состоялъ только въ томъ, что русское войско, отступая все прямо назадъ по обратному направленію наступленія, послѣ того какъ наступленіе французовъ прекратилось, отклонилось отъ принятаго сначала прямого направленія и, не видя за собой преслѣдованія, естественно подалось въ ту сторону, куда его влекло обиліе продовольствія.

Если бы представить себѣ не геніальныхъ полководцевъ

во главѣ русской арміи, но просто одну армію безъ начальниковъ, то и эта армія не могла бы сдѣлать ничего другого, кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше продовольствія и край былъ обильнѣе.

Передвиженіе это съ Нижегородской на Рязанскую, Тульскую и Калужскую дороги было до такой степени естественно, что въ этомъ самомъ направленіи отбѣгали мародеры русской арміи, и что въ этомъ самомъ направленіи требовалось изъ Петербурга, чтобы Кутузовъ перевелъ свою армію. Въ Тарутинѣ Кутузовъ получилъ почти выговоръ отъ государя за то, что онъ отвелъ армію на Рязанскую дорогу, и ему указывалось то самое положеніе противъ Калуги, въ которомъ онъ уже находился въ то время, какъ получилъ письмо государя.

Откатывавшійся по направленію толчка, даннаго ему во время всей кампаніи и въ Бородинскомъ сраженіи, шаръ русскаго войска, при уничтоженіи силы толчка и не получая новыхъ толчковъ, принялъ то положеніе, которое было ему естественно.

Заслуга Кутузова не состояла въ какомъ-нибудь геніальномъ, какъ это называютъ, стратегическомъ маневрѣ, а въ томъ, что онъ одинъ понималъ значеніе совершавшагося событія. Онъ одинъ понималъ уже тогда значеніе бездѣйствія французской арміи, онъ одинъ продолжалъ утверждать, что Бородинское сраженіе была побѣда; онъ одинъ—тотъ, который, казалось бы, по своему положенію главнокомандующаго, долженъ былъ быть вызываемъ къ наступленію—онъ одинъ всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы удержать русскую армію отъ безполезныхъ сраженій.

Подбитый звѣрь подъ Бородинымъ лежалъ тамъ гдѣ-то,

гдѣ его оставилъ отбѣжавшій охотникъ; нò живъ ли, силенъ ли онъ былъ, или онъ только притаился, охотникъ не зналъ этого. Вдругъ послышался стонъ этого звѣря.

Стонъ этого раненаго звѣря французской арміи, обличитель ея погибели, была присылка Лористона въ лагерь Кутузова съ просьбой о мирѣ.

Наполеонъ съ своею увѣренностью въ томъ, что не то хорошо, чтò хорошо, а то, что ему пришло въ голову, написалъ Кутузову слова, первыя пришедшія ему въ голову и не имѣющія никакого смысла.

„Князь Кутузовъ", писалъ онъ, „посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ, для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу вашу свѣтлость вѣрить всему, чтò онъ вамъ скажетъ, *особенно когда станетъ выражать вамъ чувства уваженія и особеннаго почтенія, питаемыя мною къ вамъ съ давняго времени.* Засимъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ своимъ священнымъ кровомъ.

„Москва, 30 октября 1812.

„Наполеонъ".

„Я бы былъ проклятъ потомствомъ, если бы меня сочли за перваго зачинщика какой бы то ни было сдѣлки: *такова воля нашего народа*", отвѣчалъ Кутузовъ и продолжалъ употреблять всѣ свои силы на то, чтобъ удерживать войска отъ наступленія.

Въ мѣсяцъ грабежа французскаго войска въ Москвѣ и спокойной стоянки русскаго войска подъ Тарутинымъ, совершилось измѣненіе въ отношеніи силы обоихъ войскъ (духа и численности), вслѣдствіе котораго преимущество силы оказалось на сторонѣ русскихъ. Несмотря на то, что положеніе

французскаго войска и его численность были неизвѣстны русскимъ, какъ скоро измѣнилось отношеніе, необходимость наступленія тотчасъ же выразилась въ безчисленномъ количествѣ признаковъ. Признаками этими были: и присылка Лористона, и изобиліе провіанта въ Тарутинѣ, и свѣдѣнія, приходившія со всѣхъ сторонъ о бездѣйствіи и безпорядкѣ французовъ, и комплектованіе нашихъ полковъ рекрутами, и хорошая погода, и продолжительный отдыхъ русскихъ солдатъ, и обыкновенно возникающее въ войскахъ вслѣдствіе отдыха нетерпѣніе исполнять то дѣло, для котораго всѣ собраны, и любопытство о томъ, что̀ дѣлалось во французской арміи, такъ давно потерянной изъ виду, и смѣлость, съ которою теперь шныряли русскіе аванпосты около стоявшихъ въ Тарутинѣ французовъ, и извѣстія о легкихъ побѣдахъ надъ французами мужиковъ и партизановъ, и зависть, возбуждаемая этимъ, и чувство мести, лежавшее въ душѣ каждаго человѣка до тѣхъ поръ, пока французы были въ Москвѣ, и (главное) неясное, но возникшее въ душѣ каждаго солдата сознаніе того, что отношеніе силы измѣнилось теперь, и преимущество находится на нашей сторонѣ. Существенное отношеніе силъ измѣнилось, и наступленіе стало необходимымъ. И тотчасъ же, такъ же вѣрно, какъ начинаютъ бить и играть въ часахъ куранты, когда стрѣлка совершила полный кругъ, въ высшихъ сферахъ, соотвѣтственно существенному измѣненію силъ, отразилось усиленное движеніе, шипѣніе и игра курантовъ.

III.

Русская армія управлялась Кутузовымъ съ его штабомъ и государемъ изъ Петербурга. Въ Петербургѣ, еще до получе-

нія извѣстія объ оставленіи Москвы, былъ составленъ подробный планъ всей войны и присланъ Кутузову для руководства. Несмотря на то, что планъ этотъ было составленъ въ предположеніи того, что Москва еще въ нашихъ рукахъ, планъ этотъ былъ одобренъ штабомъ и принятъ къ исполненію. Кутузовъ писалъ только, что дальнія диверсіи всегда трудно исполнимы. И, для разрѣшенія встрѣчавшихся трудностей, присылались новыя наставленія и лица, долженствовавшія слѣдить за его дѣйствіями и доносить о нихъ.

Кромѣ того, теперь въ русской арміи преобразовался весь штабъ. Замѣщались мѣста убитаго Багратіона и обиженнаго, удалившагося Барклая. Весьма серьезно обдумывали, что̀ будетъ лучше: А. помѣстить на мѣсто В., а Б. на мѣсто Д. или, напротивъ, Д. на мѣсто А. и т. д., какъ будто что-нибудь, кромѣ удовольствія А. и Б., могло зависѣть отъ этого.

Въ штабѣ арміи, по случаю враждебности Кутузова съ своимъ начальникомъ штаба, Бенигсеномъ, и присутствія довѣренныхъ лицъ государя и этихъ перемѣщеній, шла болѣе чѣмъ обыкновенно сложная игра партій: А. подкапывался подъ Б., Д. подъ С. и т. д., во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. При всѣхъ этихъ подкапываніяхъ, предметомъ интригъ большею частью было то военное дѣло, которымъ думали руководить всѣ эти люди, но это военное дѣло шло независимо отъ нихъ, именно такъ, какъ оно должно было итти, т.-е. никогда не совпадая съ тѣмъ, что̀ придумывали люди, а вытекая изъ сущности отношенія массъ. Всѣ эти придумыванья, скрещиваясь, перепутываясь, представляли въ высшихъ сферахъ только вѣрное отраженіе того, что̀ должно было совершиться.

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ!“ писалъ государь отъ 2-го

октября, въ письмѣ, полученномъ послѣ Тарутинскаго сраженія. „Съ 2-го сентября Москва въ рукахъ непріятельскихъ. Послѣдніе ваши рапорты отъ 20-го; и въ теченіе всего сего времени, не только что ничего не предпринято для дѣйствія противу непріятеля и освобожденія первопрестольной столицы, но даже, по послѣднимъ рапортамъ вашимъ, вы еще отступили назадъ. Серпуховъ уже занятъ отрядомъ непріятельскимъ, и Тула, съ знаменитымъ и столь для арміи необходимымъ своимъ заводомъ, въ опасности. По рапортамъ отъ генерала Винценгероде, вижу я, что непріятельскій 10,000-й корпусъ подвигается къ Петербургской дорогѣ. Другой, въ нѣсколькихъ тысячахъ, также подается къ Дмитрову. Третій подвинулся впередъ по Владимірской дорогѣ. Четвертый, довольно значительный, стоитъ между Рузою и Можайскомъ. Наполеонъ же самъ по 25-е число находился въ Москвѣ. По всѣмъ симъ свѣдѣніямъ, когда непріятель сильными отрядами раздробилъ свои силы, когда Наполеонъ еще въ Москвѣ самъ, съ своею гвардіей, возможно ли, чтобы силы непріятельскія, находящіяся передъ вами, были значительны и не позволяли вамъ дѣйствовать наступательно? Съ вѣроятностью, напротивъ того, можно полагать, что онъ васъ преслѣдуетъ отрядами или, по крайней мѣрѣ, корпусомъ, гораздо слабѣе арміи, вамъ ввѣренной. Казалось, что пользуясь сими обстоятельствами, могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ значительную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ нашихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значи-

тельный корпусъ на Петербургъ для угрожанія сей столицѣ, въ которой не могло остаться много войска, ибо съ ввѣренною вамъ арміею, дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью, вы имѣете всѣ средства отвратить сіе новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы. Вы имѣли опыты моей готовности васъ награждать. Сія готовность не ослабнетъ во мнѣ, но я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего усердія, твердости и успѣховъ, которые умъ вашъ, воинскіе таланты ваши и храбрость войскъ, вами предводительствуемыхъ, намъ предвѣщаютъ".

Но въ то время, какъ письмо это, доказывающее то, что существенное отношеніе силъ уже отражалось и въ Петербургѣ, было въ дорогѣ, Кутузовъ не могъ уже удержать командуемую имъ армію отъ наступленія, и сраженіе уже было дано.

2-го октября казакъ Шаповаловъ, находясь въ разъѣздѣ, убилъ изъ ружья одного и подстрѣлилъ другого зайца. Гоняясь за подстрѣленнымъ зайцемъ, Шаповаловъ забрелъ далеко въ лѣсъ и наткнулся на лѣвый флангъ арміи Мюрата, стоящій безъ всякихъ предосторожностей. Казакъ, смѣясь, разсказалъ товарищамъ, какъ онъ чуть не попался французамъ. Хорунжій, услыхавъ этотъ разсказъ, сообщилъ его командиру.

Казака призвали, разспросили; казачіе командиры хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отбить лошадей, но одинъ изъ начальниковъ, знакомый съ высшими чинами арміи, сообщилъ этотъ фактъ штабному генералу. Въ послѣднее время въ штабѣ арміи положеніе было въ высшей степени натянутое. Ермоловъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, придя

къ Бенигсену, умолялъ его употребить свое вліяніе на главнокомандующаго для того, чтобы сдѣлано было наступленіе.

— Ежели бы я не зналъ васъ, я подумалъ бы, что вы не хотите того, о чемъ вы просите. Стóитъ мнѣ посовѣтывать одно, чтобы свѣтлѣйшій навѣрное сдѣлалъ противоположное,—отвѣчалъ Бенигсенъ.

Извѣстіе казаковъ, подтвержденное посланными разъѣздами, доказало окончательную зрѣлость событія. Натянутая струна соскочила, и зашипѣли часы, и заиграли куранты. Несмотря на всю свою мнимую власть, на свой умъ, опытность, знаніе людей, Кутузовъ, принявъ во вниманіе записку Бенигсена, посылавшаго лично донесеніе государю, выражаемое всѣми генералами одно и то же желаніе, предполагаемое имъ желаніе государя и свѣдѣніе казаковъ, уже не могъ удержать неизбѣжнаго движенія и отдалъ приказаніе на то, что̀ онъ считалъ безполезнымъ и вреднымъ — благословилъ совершившійся фактъ.

IV.

Записка, поданная Бенигсеномъ и свѣдѣнія казаковъ о незакрытомъ лѣвомъ флангѣ французовъ были только послѣдніе признаки необходимости отдать приказаніе о наступленіи, и наступленіе было назначено на 5 октября.

4-го числа утромъ Кутузовъ подписалъ диспозицію. Толь прочелъ ее Ермолову, предлагая ему заняться дальнѣйшими распоряженіями.

— Хорошо, хорошо, мнѣ теперь некогда,—сказалъ Ермоловъ и вышелъ изъ избы. Диспозиція, составленная Толемъ, была очень хорошая. Такъ же, какъ и въ Аустерлицкой диспозиціи, было написано, хотя и не по-нѣмецки:

„Первая колонна идетъ туда-то и туда-то, вторая колонна идетъ туда-то и туда-то“ и т д. И всѣ эти колонны на бумагѣ приходили въ назначенное время въ свое мѣсто и уничтожали непріятеля. Все было, какъ и во всѣхъ диспозиціяхъ, прекрасно придумано, и, какъ и по всѣмъ диспозиціямъ, ни одна колонна не пришла въ свое время и на свое мѣсто.

Когда диспозиція была готова въ должномъ количествѣ экземпляровъ, былъ призванъ офицеръ и посланъ къ Ермолову, чтобы передать ему бумаги для исполненія. Молодой кавалергардскій офицеръ, ординарецъ Кутузова, довольный важностью даннаго ему порученія, отправился на квартиру Ермолова.

— Уѣхали,—отвѣчалъ деньщикъ Ермолова. Кавалергардскій офицеръ пошелъ къ генералу, у котораго часто бывалъ Ермоловъ.

— Нѣтъ, и генерала нѣтъ.

Кавалергардскій офицеръ, сѣвъ верхомъ, поѣхалъ къ другому.

— Нѣтъ, уѣхали.

„Какъ бы мнѣ не отвѣчать за промедленіе! Вотъ досада!“ думалъ офицеръ. Онъ объѣздилъ весь лагерь. Кто говорилъ, что видѣли, какъ Ермоловъ проѣхалъ съ другими генералами куда-то; кто говорилъ, что онъ вѣрно опять дома. Офицеръ, не обѣдая, искалъ до 6-ти часовъ вечера. Нигдѣ Ермолова не было, и никто не зналъ, гдѣ онъ былъ. Офицеръ наскоро перекусилъ у товарища и поѣхалъ опять въ авангардъ къ Милорадовичу. Милорадовича не было тоже дома, но тутъ ему сказали, что Милорадовичъ на балу у генерала Кикина, что должно быть и Ермоловъ тамъ.

— Да гдѣ же это?

— А вонъ въ Ечкинѣ,—сказалъ казачій офицеръ, указывая на далекій помѣщичій домъ.

— Да какъ же тамъ, за цѣпью!

— Выслали два полка нашихъ въ цѣпь, тамъ нынче такой кутежъ идетъ, бѣда! Двѣ музыки, три хора пѣсенниковъ.

Офицеръ поѣхалъ за цѣпь къ Ечкину. Издалека еще, подъѣзжая къ дому, онъ услыхалъ дружные, веселые звуки плясовой солдатской пѣсни.

— „Во-олузяхъ... во-олузяхъ!..“ — съ присвистомъ и съ торбаномъ слышалось ему, изрѣдка заглушаемое крикомъ голосовъ. Офицеру и весело стало на душѣ отъ этихъ звуковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно за то, что онъ виноватъ, такъ долго не передавъ важнаго, порученнаго ему приказанія. Былъ уже 9-й часъ. Онъ слѣзъ съ лошади и вошелъ на крыльцо большого, сохранившагося въ цѣлости помѣщичьяго дома, находившагося между русскихъ и французовъ. Въ буфетѣ и въ передней суетились лакеи съ винами и яствами. Подъ окнами стояли пѣсенники. Офицера ввели въ дверь, и онъ увидалъ вдругъ всѣхъ вмѣстѣ важнѣйшихъ генераловъ арміи, въ томъ числѣ и большую, замѣтную фигуру Ермолова. Всѣ генералы были въ разстегнутыхъ сюртукахъ, съ красными, оживленными лицами и громко смѣялись, стоя полукругомъ. Въ серединѣ залы, красивый, невысокій генералъ, съ краснымъ лицомъ бойко и ловко выдѣлывалъ трепака.

— Ха-ха-ха! Ай-да Николай Ивановичъ! ха-ха-ха!..

Офицеръ чувствовалъ, что, входя въ эту минуту съ важнымъ приказаніемъ, онъ дѣлается вдвойнѣ виноватъ, и онъ хотѣлъ подождать; но одинъ изъ генераловъ увидалъ его и,

узнавъ зачѣмъ онъ, сказалъ Ермолову. Ермоловъ съ нахмуреннымъ лицомъ вышелъ къ офицеру и, выслушавъ, взялъ отъ него бумагу, ничего не сказавъ ему.

— Ты думаешь, это онъ нечаянно уѣхалъ?—сказалъ въ этотъ вечеръ штабный товарищъ кавалергардскому офицеру про Ермолова.—Это штуки, это все нарочно. Коновницына подкатить. Посмотри, завтра каша какая будетъ!

V.

На другой день, рано утромъ, дряхлый Кутузовъ велѣлъ разбудить себя, помолился Богу, одѣлся и съ непріятнымъ сознаніемъ того, что онъ долженъ руководить сраженіемъ, которое онъ не одобрялъ, сѣлъ въ коляску и выѣхалъ изъ Леташевки, 5 верстъ позади Тарутина, къ тому мѣсту, гдѣ должны были быть собраны наступающія колонны. Кутузовъ ѣхалъ, засыпая и просыпаясь и прислушиваясь, нѣтъ ли справа выстрѣловъ, не начиналось ли дѣло. Но все еще было тихо. Только начинался разсвѣтъ сырого и пасмурнаго осенняго дня. Подъѣзжая къ Тарутину, Кутузовъ замѣтилъ кавалеристовъ, ведшихъ на водопой лошадей черезъ дорогу, по которой ѣхала коляска. Кутузовъ присмотрѣлся къ нимъ остановилъ коляску и спросилъ, какого полка. Кавалеристы были изъ той колонны, которая должна была быть уже далеко впереди въ засадѣ. „Ошибка, можетъ быть", подумалъ старый главнокомандующій. Но проѣхавъ еще дальше, Кутузовъ увидалъ пѣхотные полки, ружья въ козлахъ, солдатъ за кашей и съ дровами, въ подштанникахъ. Позвали офицера. Офицеръ доложилъ, что никакого приказанія о выступленіи не было.

„Какъ не бы...—началъ Кутузовъ, но тотчасъ же замол-

чалъ и приказалъ позвать къ себѣ старшаго офицера. Вылѣзши изъ коляски, опустивъ голову и тяжело дыша, молча ожидая, онъ ходилъ взадъ и впередъ. Когда явился потребованный офицеръ генеральнаго штаба Эйхенъ, Кутузовъ побагровѣлъ не отъ того, что этотъ офицеръ былъ виною ошибки, но отъ того, что онъ былъ достойный предметъ для выраженія гнѣва. И трясясь, задыхаясь, старый человѣкъ, придя въ то состояніе бѣшенства, въ которое онъ въ состояніи былъ приходить, когда валялся по землѣ отъ гнѣва, онъ напустился на Эйхена, угрожая руками, крича и ругаясь площадными словами. Другой подвернувшійся капитанъ Брозинъ, ни въ чемъ не виноватый, потерпѣлъ ту же участь.

— Это что̀ за каналья еще? Разстрѣлять! Мерзавцы! — хрипло кричалъ онъ, махая руками и шатаясь. Онъ испытывалъ физическое страданіе. Онъ, главнокомандующій, свѣтлѣйшій, котораго всѣ увѣряютъ, что никто никогда не имѣлъ въ Россіи такой власти, какъ онъ, онъ поставленъ въ это положеніе—поднятъ на смѣхъ передъ всей арміей. „Напрасно такъ хлопоталъ молиться о нынѣшнемъ днѣ, напрасно не спалъ ночь и все обдумывалъ!“ думалъ онъ о самомъ себѣ. „Когда былъ мальчишкой-офицеромъ, никто̀ бы не смѣлъ такъ насмѣяться надо мной... А теперь!“ Онъ испытывалъ физическое страданіе, какъ отъ тѣлеснаго наказанія, и не могъ не выражать его гнѣвными и страдальческими криками; но скоро силы его ослабѣли, и онъ, оглядываясь, чувствуя, что онъ много наговорилъ не хорошаго, сѣлъ въ коляску и молча уѣхалъ назадъ.

Излившійся гнѣвъ уже не возвращался болѣе, и Кутузовъ, слабо мигая глазами, выслушивалъ оправданія и слова защиты (Ермоловъ самъ не являлся къ нему до другого дня)

и настоянія Бенигсена, Коновницына и Толя о томъ, чтобы то же неудавшееся движеніе сдѣлать на другой день. И Кутузовъ долженъ былъ опять согласиться.

VI.

На другой день войска съ вечера собрались въ назначенныхъ мѣстахъ и ночью выступили. Была осенняя ночь съ черно-лиловатыми тучами, но безъ дождя. Земля была влажна, но грязи не было, и войска шли безъ шума, только слабо слышно было изрѣдка бренчаніе артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанія. Таинственность предпріятія увеличивала его привлекательность. Люди шли весело. Нѣкоторыя колонны остановились, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ, полагая, что они пришли туда, куда надо было; нѣкоторыя (большинство) колонны шли цѣлую ночь и, очевидно, зашли не туда, куда имъ надо было.

Графъ Орловъ-Денисовъ съ казаками (самый незначительный отрядъ изъ всѣхъ другихъ) одинъ попалъ на свое мѣсто и въ свое время. Отрядъ этотъ остановился у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ деревни Стромиловой въ Дмитровское.

Передъ зарею, задремавшаго графа Орлова разбудили. Привели перебѣжчика изъ французскаго лагеря. Это былъ польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго. Унтеръ-офицеръ этотъ по-польски объяснилъ, что онъ перебѣжалъ потому, что его обидѣли по службѣ, что ему давно бы пора быть офицеромъ, что онъ храбрѣе всѣхъ, и потому бросилъ ихъ и хочетъ ихъ наказать. Онъ говорилъ, что Мюратъ по-

чуетъ въ верстѣ отъ нихъ и что, ежели ему дадутъ сто человѣкъ конвою, онъ живьемъ возьметъ его. Графъ Орловъ-Денисовъ посовѣтовался съ своими товарищами. Предложеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказаться. Всѣ вызывались ѣхать, всѣ совѣтовали попытаться. Послѣ многихъ споровъ и соображеній, генералъ-маіоръ Грековъ съ двумя казачьими полками рѣшился ѣхать съ унтеръ-офицеромъ.

— Ну, помни же,—сказалъ графъ Орловъ-Денисовъ унтеръ-офицеру, отпуская его:—въ случаѣ ты совралъ, я тебя велю повѣсить, какъ собаку, а правда—сто червонцевъ.

Унтеръ-офицеръ, съ рѣшительнымъ видомъ, не отвѣчалъ на эти слова, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ съ быстро собравшимся Грековымъ. Они скрылись въ лѣсу. Графъ Орловъ, пожимаясь отъ свѣжести начинавшаго брезжить утра, взволнованный тѣмъ, что̀ имъ затѣяно на свою отвѣтственность, проводивъ Грекова, вышелъ изъ лѣса и сталъ оглядывать непріятельскій лагерь, виднѣвшійся теперь обманчиво въ свѣтѣ начинавшагося утра и догоравшихъ костровъ. Справа отъ графа Орлова-Денисова, по открытому склону, должны были показаться наши колонны. Графъ Орловъ глядѣлъ туда; но, несмотря на то, что издалека онѣ были бы замѣтны, колоннъ этихъ не было видно. Во французскомъ лагерѣ, какъ показалось графу Орлову-Денисову, и особенно по словамъ его очень зо̀ркаго адъютанта, начинали шевелиться.

— Ахъ, право поздно,—сказалъ графъ Орловъ, поглядѣвъ на лагерь. Ему вдругъ, какъ это часто бываетъ, послѣ того какъ человѣка, которому мы повѣримъ, нѣтъ больше передъ глазами, ему вдругъ совершенно ясно и очевидно стало, что унтеръ-офицеръ этотъ обманщикъ, что онъ навралъ и только испортитъ все дѣло атаки отсутствіемъ этихъ двухъ полковъ,

которые онъ заведетъ Богъ знаетъ куда. Можно ли изъ такой массы войскъ выхватить главнокомандующаго!

— Право онъ вретъ, этотъ шельма,—сказалъ графъ.

— Можно воротить,—сказалъ одинъ изъ свиты, который почувствовалъ такъ же, какъ и графъ Орловъ-Денисовъ, недовѣріе предпріятію, когда посмотрѣлъ на лагерь.

— А? Право?... какъ вы думаете, или оставить? Или нѣтъ?

— Прикажете воротить?

— Воротить, воротить!—вдругъ рѣшительно сказалъ графъ Орловъ, глядя на часы,—поздно будетъ: совсѣмъ свѣтло.

И адъютантъ поскакалъ лѣсомъ за Грековымъ. Когда Грековъ вернулся, графъ Орловъ-Денисовъ, взволнованный и этой отмѣненной попыткой и тщетнымъ ожиданіемъ пѣхотныхъ колоннъ, которыя все не показывались, и близостью непріятеля (всѣ люди его отряда испытывали то же), рѣшилъ наступать.

Шопотомъ прокомандовалъ онъ: садись! Распредѣлились, перекрестились... Съ Богомъ.

— Ура-а-а-а!—зашумѣло по лѣсу, и одна сотня за другой, какъ изъ мѣшка высыпаясь, полетѣли весело казаки съ своими дротиками наперевѣсъ, черезъ ручей къ лагерю.

Одинъ отчаянный, испуганный крикъ перваго увидавшаго казаковъ француза, и все, что было въ лагерѣ, неодѣтое, спросонокъ бросило пушки, ружья, лошадей и побѣжало куда попало.

Ежели бы казаки преслѣдовали французовъ, не обращая вниманія на то, что было позади и вокругъ нихъ, они взяли бы и Мюрата и все что тутъ было. Начальники и хотѣли этого. Но нельзя было сдвинуть съ мѣста казаковъ,

когда они добрались до добычи и плѣнныхъ. Команды никто не слушалъ. Взято было тутъ же 1500 человѣкъ плѣнныхъ, 38 орудій, знамена, и что̀ важнѣе всего для казаковъ—лошади, сѣдла, одѣяла и различные предметы. Со всѣмъ этимъ надо было обойтись, прибрать къ рукамъ плѣнныхъ, пушки, подѣлить добычу, покричать, даже подраться между собой: всѣмъ этимъ занялись казаки.

Французы, не преслѣдуемые болѣе, стали опоминаться, собрались командами и принялись стрѣлять. Орловъ-Денисовъ ожидалъ все колонны и не наступалъ дальше.

Между тѣмъ по диспозиціи: die erste Colonne marschirt и т. д., пѣхотныя войска опоздавшихъ колоннъ, которыми командовалъ Бенигсенъ и управлялъ Толь, выступили какъ слѣдуетъ и, какъ всегда бываетъ, пришли куда-то, но не туда, куда имъ было назначено. Какъ и всегда бываетъ, люди, вышедшіе весело, стали останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы, двинулись куда-то назадъ. Проскакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили, что совсѣмъ не туда и опоздали, кого-то бранили и т. д., и наконецъ, всѣ махнули рукой и пошли только съ тѣмъ, чтобы итти куда-нибудь.— „Куда-нибудь да придемъ!“ И дѣйствительно пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали такъ, что пришли безъ всякой пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли. Толь, который въ этомъ сраженіи игралъ роль Вейротера въ Аустерлицкомъ, старательно скакалъ изъ мѣста въ мѣсто, и вездѣ находилъ все навыворотъ. Такъ, онъ наскакалъ на корпусъ Баговута въ лѣсу, когда уже было совсѣмъ свѣтло, а корпусъ этотъ давно уже долженъ былъ быть тамъ, съ Орловымъ-Денисовымъ. Взволнованный и огор-

ченный неудачей и полагая, что кто-нибудь долженъ быть виноватъ въ этомъ, Толь подскакалъ къ корпусному командиру и строго сталъ упрекать его, говоря, что за это разстрѣлять слѣдуетъ. Баговутъ, старый, боевой, спокойный генералъ, тоже измученный всѣми остановками, путаницей, противорѣчіями, къ удивленію всѣхъ, совершенно противно своему характеру, пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ непріятныхъ вещей Толю.

— Я уроковъ принимать ни отъ кого не хочу, а умирать съ своими солдатами умѣю не хуже другого,—сказалъ онъ и съ одной дивизіей пошелъ впередъ.

Выйдя на поле подъ французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговутъ, не соображая того, полезно или безполезно его вступленіе въ дѣло, теперь, и съ одной дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы. Опасность, ядра, пули были то самое, что ему было нужно въ его гнѣвномъ настроеніи. Одна изъ первыхъ пуль убила его, слѣдующія пули убили многихъ солдатъ. И дивизія его постояла нѣсколько времени безъ пользы подъ огнемъ.

VII.

Между тѣмъ съ фронта другая колонна должна была напасть на французовъ, но при этой колоннѣ былъ Кутузовъ. Онъ зналъ хорошо, что ничего кромѣ путаницы не выйдетъ изъ этого противъ его воли начатаго сраженія и, насколько то было въ его власти, удерживалъ войска. Онъ не двигался.

Кутузовъ молча ѣхалъ на своей сѣренькой лошадкѣ, лѣниво отвѣчая на предложенія атаковать.

— У васъ все на языкѣ атаковать, а не видите, что мы

не умѣемъ дѣлать сложныхъ маневровъ,—сказалъ онъ Милорадовичу, просившемуся впередъ.

— Не умѣли утромъ взять живьемъ Мюрата и притти во время на мѣсто: теперь нечего дѣлать!—отвѣчалъ онъ другому.

Когда Кутузову доложили, что въ тылу французовъ, гдѣ по донесеніямъ казаковъ прежде никого не было, теперь было два батальона поляковъ, онъ покосился назадъ на Ермолова (онъ съ нимъ не говорилъ еще со вчерашняго дня).

— Вотъ просятъ наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступишь къ дѣлу, ничего не готово, и предупрежденный непріятель беретъ свои мѣры.

Ермоловъ прищурилъ глаза и слегка улыбнулся, услыхавъ эти слова. Онъ понялъ, что для него гроза прошла, и что Кутузовъ ограничится этимъ намекомъ.

— Это онъ на мой счетъ забавляется,—тихо сказалъ Ермоловъ, толкнувъ колѣнкой Раевскаго, стоявшаго подлѣ него.

Вскорѣ послѣ этого Ермоловъ выдвинулся впередъ къ Кутузову и почтительно доложилъ:

— Время не упущено, ваша свѣтлость, непріятель не ушелъ. Если прикажете наступать? А то гвардія и дыма не увидитъ.

Кутузовъ ничего не сказалъ, но когда ему донесли, что войска Мюрата отступаютъ, онъ приказалъ наступленье; но черезъ каждые сто шаговъ останавливался на три четверти часа.

Все сраженье состояло только въ томъ, что̀ сдѣлали казаки Орлова-Денисова; остальныя войска лишь напрасно потеряли нѣсколько сотъ людей.

Вслѣдствіе этого сраженія Кутузовъ получилъ алмазный

знакъ, Бенигсенъ тоже алмазы и сто тысячъ рублей, другіе по чинамъ соотвѣтственно получили тоже много пріятнаго, и послѣ этого сраженія сдѣланы еще новыя перемѣщенія въ штабѣ.

„Вотъ какъ *у насъ всегда* дѣлается, все навыворотъ!“ говорили послѣ Тарутинскаго сраженія русскіе офицеры и генералы, точно такъ же, какъ и говорятъ теперь, давая чувствовать, что кто-то тамъ глупый дѣлаетъ такъ навыворотъ, а мы бы не такъ сдѣлали. Но люди, говорящіе такъ, или не знаютъ дѣла, про которое говорятъ, или умышленно обманываютъ себя. Всякое сраженіе—Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое, всякое совершается не такъ, какъ предполагали его распорядители. Это есть существенное условіе.

Безчисленное количество свободныхъ силъ (ибо нигдѣ человѣкъ не бываетъ свободнѣе, какъ во время сраженія, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти) вліяетъ на направленіе сраженія, и это направленіе никогда не можетъ быть извѣстно впередъ и никогда не совпадаетъ съ направленіемъ какой-нибудь одной силы.

Ежели многія, одновременно и разнообразно направленныя, силы дѣйствуютъ на какое-нибудь тѣло, то направленіе движенія этого тѣла не можетъ совпадать ни съ одной изъ силъ; а будетъ всегда среднее, кратчайшее направленіе, то, что̀ въ механикѣ выражается діагональю параллелограма силъ.

Ежели въ описаніяхъ историковъ, въ особенности французскихъ, мы находимъ, что у нихъ войны и сраженія исполняются по впередъ опредѣленному плану, то единственный выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ этого, состоитъ въ томъ, что описанія эти не вѣрны.

Тарутинское сраженіе очевидно не достигло той цѣли, ко-

торую имѣлъ въ виду Толь: по порядку ввести по диспозиціи въ дѣло войска, и той, которую могъ имѣть графъ Орловъ,— взять въ плѣнъ Мюрата, или цѣли истребленія мгновенно всего корпуса, которую могли имѣть Бенигсенъ и другія лица, или цѣли офицера, желавшаго попасть въ дѣло и отличиться, или казака, который хотѣлъ пріобрѣсти больше добычи, чѣмъ онъ пріобрѣлъ и т. д. Но если цѣлью было то, что дѣйствительно совершилось, и то, что для всѣхъ русскихъ людей тогда было общимъ желаніемъ (изгнаніе французовъ изъ Россіи и истребленіе ихъ арміи), то будетъ совершенно ясно, что Тарутинское сраженіе, именно вслѣдствіе его несообразностей, было то самое, что̀ было нужно въ тотъ періодъ кампаніи. Трудно и невозможно придумать какой-нибудь исходъ этого сраженія, болѣе цѣлесообразный, чѣмъ тотъ, который оно имѣло. При самомъ маломъ напряженіи, при величайшей путаницѣ и при самой ничтожной потерѣ были пріобрѣтены самые большіе результаты во всю кампанію, былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію, была обличена слабость французовъ и былъ данъ тотъ толчокъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства.

VIII.

Наполеонъ вступаетъ въ Москву послѣ блестящей побѣды de la Moskowa; сомнѣнія въ побѣдѣ не можетъ быть, такъ какъ поле сраженія остается за французами. Русскіе отступаютъ и отдаютъ столицу. Москва, наполненная провіантомъ, оружіемъ, снарядами и несмѣтными богатствами, въ рукахъ Наполеона. Русское войско, вдвое слабѣйшее французскаго, въ продолженіе мѣсяца не дѣлаетъ ни одной попытки напа-

денія. Положеніе Наполеона самое блестящее. Для того, чтобы двойными силами навалиться на остатки русской арміи и истребить ее, для того, чтобы выговорить выгодный миръ или, въ случаѣ отказа, сдѣлать угрожающее движеніе на Петербургъ, для того, чтобы даже, въ случаѣ неудачи, вернуться въ Смоленскъ или въ Вильну или оставаться въ Москвѣ, для того, однимъ словомъ, чтобы удержать то блестящее положеніе, въ которомъ находилось въ то время французское войско, казалось бы не нужно особенной геніальности. Для этого нужно было сдѣлать самое простое и легкое: не допустить войска до грабежа, заготовить зимнія одежды, которыхъ достало бы въ Москвѣ на всю армію, и правильно собрать находившійся въ Москвѣ болѣе чѣмъ на полгода (по показанію французскихъ историковъ) провіантъ всему войску. Наполеонъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ, имѣвшій власть управлять арміею, какъ утверждаютъ историки, ничего не сдѣлалъ этого.

Онъ не только не сдѣлалъ ничего этого, но, напротивъ, употребилъ свою власть на то, чтобы изъ всѣхъ представлявшихся ему путей дѣятельности выбрать то, что̀ было глупѣе и пагубнѣе всего. Изъ всего, что̀ могъ сдѣлать Наполеонъ: зимовать въ Москвѣ, итти въ Петербургъ, итти на Нижній-Новгородъ, итти назадъ, сѣвернѣе или южнѣе, тѣмъ путемъ, которымъ пошелъ потомъ Кутузовъ, ну что̀ бы ни придумать, глупѣе и пагубнѣе того, что̀ сдѣлалъ Наполеонъ, т. е. оставаться до октября въ Москвѣ, предоставляя войскамъ грабить городъ, потомъ колеблясь оставить гарнизонъ, выйти изъ Москвы, подойти къ Кутузову, не начать сраженія, пойти вправо, дойти до Малаго Ярославца, опять не испытавъ случайности пробиться, пойти не по той дорогѣ,

по которой пошелъ Кутузовъ, а пойти назадъ на Можайскъ по разоренной Смоленской дорогѣ,—глупѣе этого, пагубнѣе для войска ничего нельзя было придумать, какъ то и показали послѣдствія. Пускай самые искусные стратегики придумаютъ, представивъ себѣ, что цѣль Наполеона состояла въ томъ, чтобы погубить свою армію, придумаютъ другой рядъ дѣйствій, который бы съ такой же несомнѣнностью и независимостью отъ всего того, что̀ бы ни предприняли русскія войска, погубилъ бы такъ совершенно всю французскую армію, какъ то, что сдѣлалъ Наполеонъ.

Геніальный Наполеонъ сдѣлалъ это. Но сказать, что Наполеонъ погубилъ свою армію потому, что онъ хотѣлъ этого или потому, что онъ былъ очень глупъ, было бы точно такъ же несправедливо, какъ сказать, что Наполеонъ довелъ свои войска до Москвы потому, что онъ хотѣлъ этого, и потому что онъ былъ очень уменъ и геніаленъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ личная дѣятельность его, не имѣвшая больше силы, чѣмъ личная дѣятельность каждаго солдата, только совпадала съ тѣми законами, по которымъ совершалось явленіе.

Совершенно ложно (только потому, что послѣдствія не оправдали дѣятельности Наполеона) представляютъ намъ историки силы Наполеона ослабѣвшими въ Москвѣ. Онъ точно такъ же, какъ и прежде, какъ и послѣ въ 13-мъ году, употреблялъ все свое умѣнье и силы на то, чтобы сдѣлать наилучшее для себя и своей арміи. Дѣятельность Наполеона за это время не менѣе изумительна, чѣмъ въ Египтѣ, въ Италіи, въ Австріи и въ Пруссіи. Мы не знаемъ вѣрно о томъ, въ какой степени была дѣйствительно геніальность Наполеона въ Египтѣ, гдѣ 40 вѣковъ смотрѣли на его величіе, потому что

эти всѣ великіе подвиги описаны намъ только французами. Мы не можемъ вѣрно судить о его геніальности въ Австріи и Пруссіи, такъ какъ свѣдѣнія о его дѣятельности тамъ должны черпать изъ французскихъ и нѣмецкихъ источниковъ; а непостижимая сдача въ плѣнъ корпусовъ безъ сраженій и крѣпостей безъ осады должна склонять нѣмцевъ къ признанію геніальности какъ къ единственному объясненію той войны, которая велась въ Германіи. Но намъ признавать его геніальность, чтобы скрыть свой стыдъ, слава Богу нѣтъ причины. Мы заплатили за то, чтобы имѣть право просто и прямо смотрѣть на дѣло, и мы не уступимъ этого права.

Дѣятельность его въ Москвѣ такъ же изумительна и геніальна, какъ и вездѣ. Приказанія за приказаніями и планы за планами исходятъ изъ него со времени его вступленія въ Москву и до выхода изъ нея. Отсутствіе жителей и депутаціи и самый пожаръ Москвы не смущаютъ его. Онъ не упускаетъ изъ виду ни блага своей арміи, ни дѣйствія непріятеля, ни блага народовъ Россіи, ни управленія дѣлами Парижа, ни дипломатическихъ соображеній о предстоящихъ условіяхъ мира.

IX.

Въ военномъ отношеніи, тотчасъ по вступленіи въ Москву, Наполеонъ строго приказываетъ генералу Себастіани слѣдить за движеніями русской арміи, разсылаетъ корпуса по разнымъ дорогамъ и Мюрату приказываетъ найти Кутузова. Потомъ онъ старательно распоряжается объ укрѣпленіи Кремля; потомъ дѣлаетъ геніальный планъ будущей кампаніи, по всей картѣ Россіи. Въ отношеніи дипломатическомъ, Наполеонъ призываетъ къ себѣ ограбленнаго и оборваннаго

капитана Яковлева, не знающаго какъ выбраться изъ Москвы, подробно излагаетъ ему всю свою политику и свое великодушіе и, написавъ письмо къ императору Александру, въ которомъ онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить своему другу и брату, что Растопчинъ дурно распорядился въ Москвѣ, онъ отправляетъ Яковлева въ Петербургъ. Изложивъ такъ же подробно свои виды и великодушіе передъ Тутолминымъ, онъ и этого старичка отправляетъ въ Петербургъ для переговоровъ.

Въ отношеніи юридическомъ, тотчасъ же послѣ пожаровъ, велѣно найти виновныхъ и казнить ихъ. И злодѣй Растопчинъ наказанъ тѣмъ, что велѣно сжечь его дома.

Въ отношеніи административномъ, Москвѣ дарована конституція. Учрежденъ муниципалитетъ и обнародовано слѣдующее:

„Жители Москвы!“

„Несчастія ваши жестоки, но его величество императоръ и король хочетъ прекратить теченіе оныхъ. Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленіе. Строгія мѣры взяты, чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность. Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ муниципалитетъ или градское правленіе. Оное будетъ пещись о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить черезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но, исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки“.

„Городовая полиція учреждена по прежнему положенію,

а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ комиссаровъ или полицеймейстеровъ и 20 комиссаровъ или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки. Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ беспрепятственно отправляется божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемыя несчастію. Сіи суть средства, которыя правительство употребило, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли, ежели можно, ваши несчастія, которыя претерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіяся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ. Солдаты и жители, какой бы вы націи ни были! Возстановите публичное довѣріе, источникъ счастія государства, живите какъ братья, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ"*.

Въ отношеніи продовольствія войска, Наполеонъ предписалъ всѣмъ войскамъ поочередно ходить въ Москву à la maraude для заготовленія себѣ провіанта, такъ чтобы таким образомъ армія была обезпечена на будущее время,

* Война и миръ.

Въ отношеніи религіозномъ, Наполеонъ приказалъ привести назадъ поповъ и возобновить служеніе въ церквахъ.

Въ торговомъ отношени и для продовольствія арміи, было развѣшано вездѣ слѣдующее:

Провозглашеніе.

„Вы, спокойные московскіе жители, мастеровые и рабочіе люди, которыхъ несчастія удалили изъ города, и вы, разсѣянные земледѣльцы, которыхъ неосновательный страхъ еще задерживаетъ въ поляхъ, слушайте! Тишина возвращается въ сію столицу, и порядокъ въ ней возстановляется. Ваши земляки выходятъ смѣло изъ своихъ убѣжищъ, видя, что ихъ уважаютъ. Всякое насильствіе, учиненное противъ нихъ и ихъ собственности, немедленно наказывается. Е. в. императоръ и король ихъ покровительствуетъ и между вами никого не почитаетъ за своихъ непріятелей, кромѣ тѣхъ, кои ослушиваются его повелѣній. Онъ хочетъ прекратить ваши несчастія и возвратить васъ вашимъ дворамъ и вашимъ семействамъ. Соотвѣтствуйте же его благотворительнымъ намѣреніямъ и приходите къ намъ безъ всякой опасности. Жители! Возвращайтесь съ довѣріемъ въ ваши жилища: вы скоро найдете способы удовлетворить вашимъ нуждамъ! Ремесленники и трудолюбивые мастеровые! Приходите обратно къ вашимъ рукодѣліямъ: домы, лавки, охранительные караулы васъ ожидаютъ, а за вашу работу получите должную вамъ плату! И вы, наконецъ, крестьяне, выходите изъ лѣсовъ, гдѣ отъ ужаса скрылись, возвращайтесь безъ страха въ ваши избы, въ точномъ увѣреніи, что найдете защищеніе. Лабазы учреждены въ городѣ, куда крестьяне могутъ привозить излишніе свои запасы и земельныя растенія. Правительство

приняю слѣдующія мѣры, чтобъ обезпечить имъ свободную продажу: 1) Считая отъ сего числа, крестьяне, земледѣльцы и живущіе въ окрестностяхъ Москвы могутъ безъ всякой опасности привозить въ городъ свои припасы, какого бы рода они ни были, въ два назначенные лабаза, т.-е. на Моховую и въ Охотный рядъ. 2) Оныя продовольствія будутъ покупаться у нихъ по такой цѣнѣ, на какую покупатель и продавецъ согласятся между собою; но ежели продавецъ не получитъ требуемую имъ справедливую цѣну, то продавецъ воленъ будетъ повезти ихъ обратно въ свою деревню, въ чемъ никто ему ни подъ какимъ видомъ препятствовать не можетъ. 3) Каждое воскресенье и среда назначены еженедѣльно для большихъ торговыхъ дней; почему достаточное число войскъ будетъ разставлено, по вторникамъ и субботамъ, на всѣхъ большихъ дорогахъ, въ такомъ разстояніи отъ города, чтобъ защищать тѣ обозы. 4) Таковыя же мѣры будутъ взяты, чтобъ на возвратномъ пути крестьянамъ съ ихъ повозками и лошадьми не послѣдовали препятствія. 5) Немедленно средства употреблены будутъ для возстановленія обыкновенныхъ торговъ. Жители города и деревень, и вы, работники и мастеровые, какой бы вы націи ни были! Васъ вызываютъ исполнять отеческія намѣренія е. в. императора и короля и способствовать съ нимъ къ общему благополучію. Несите къ его стопамъ почтеніе и довѣріе и не медлите соединиться съ нами!“

Въ отношеніи поднятія духа войска и народа, безпрестанно дѣлались смотры, раздавались награды. Императоръ разъѣзжалъ верхомъ по улицамъ и утѣшалъ жителей; и, несмотря на всю озабоченность государственными дѣлами, самъ посѣтилъ учрежденные по его приказанію театры,

Въ отношеніи благотворительности, лучшей доблести вѣн-

ценосцевъ, Наполеонъ дѣлалъ тоже все, что отъ него зависѣло. На богоугодныхъ заведеніяхъ онъ велѣлъ надписать Maison de ma mère, соединяя этимъ актомъ нѣжное сыновнее чувство съ величіемъ добродѣтели монарха. Онъ посѣтилъ Воспитательный домъ и, давъ облюбызать свои бѣлыя руки спасеннымъ имъ сиротамъ, милостиво бесѣдовалъ съ Тутолминымъ. Потомъ, по краснорѣчивому изложенію Тьера, онъ велѣлъ раздать жалованье своимъ войскамъ русскими, сдѣланными имъ, фальшивыми деньгами.

„Возвышая употребленіе этихъ мѣръ дѣйствіемъ, достойнымъ его и французской арміи, онъ приказалъ раздать пособія погорѣвшимъ. Но такъ какъ съѣстные припасы были слишкомъ дороги для того, чтобы давать ихъ людямъ чужой земли и по большей части враждебно расположеннымъ, Наполеонъ счелъ лучшимъ дать имъ денегъ, чтобъ они добывали себѣ продовольствіе на сторонѣ; и онъ приказалъ одѣлять ихъ бумажными рублями."

Въ отношеніи дисциплины арміи, безпрестанно выдавались приказы о строгихъ взысканіяхъ за неисполненіе долга службы и о прекращеніи грабежа.

X.

Но, странное дѣло, всѣ эти распоряженія, заботы и планы, бывшіе вовсе не хуже другихъ издаваемыхъ въ подобныхъ же случаяхъ, не затрогивали сущности дѣла, а какъ стрѣлки циферблата въ часахъ, отдѣленнаго отъ механизма, вертѣлись произвольно и безцѣльно, не захватывая колесъ.

Въ военномъ отношеніи, геніальный планъ кампаніи, про который Тьеръ говоритъ: „Геній его никогда не изобрѣталъ ничего болѣе глубокаго, болѣе искуснаго и болѣе удивитель-

наго*, и относительно котораго Тьеръ, вступая въ полемику съ г-мъ Феномъ, доказываетъ, что составленіе этого геніальнаго плана должно быть отнесено не къ 4-му, а къ 15-му октября, — планъ этотъ никогда не былъ и не могъ быть исполненъ, потому что ничего не имѣлъ близкаго къ дѣйствительности. Укрѣпленіе Кремля, для котораго надо было срыть la Mosquée (такъ Наполеонъ назвалъ церковь Василія Блаженнаго), оказалось совершенно безполезнымъ. Подведеніе минъ подъ Кремлемъ только содѣйствовало исполненію желанія императора при выходѣ изъ Москвы, чтобы Кремль былъ взорванъ, т.-е. чтобы былъ побитъ тотъ полъ, о который убился ребенокъ. Преслѣдованіе русской арміи, которое такъ озабочивало Наполеона, представило неслыханное явленіе. Французскіе военачальники потерял русскую армію, и только, по словамъ ' кажется, тоже геніальности Мюрата удал лавку, эту 60-ти тысячную русскую ар

Въ дипломатическомъ отношеніи, всѣ о своемъ великодушіи и справедливости, нымъ, и передъ Яковлевымъ, озабоченны пріобрѣтеніемъ шинели и повозки, ока Александръ не принялъ этихъ пословъ ихъ посольство.

Въ отношеніи юридическомъ, послѣ к жигателей сгорѣла другая половина Мос

Въ отношеніи административномъ, учре тета не остановило грабежа и принесло которымъ лицамъ, участвовавшимъ въ это и, подъ предлогомъ соблюденія порядка, или сохранявшимъ свое отъ грабежа.

Въ отношеніи религіозномъ, такъ легко устроенное дѣло въ Египтѣ посредствомъ посѣщенія мечети, здѣсь не принесло никакихъ результатовъ. Два или три священника, найденные въ Москвѣ, попробовали исполнить волю Наполеона, но одного изъ нихъ по щекамъ прибилъ французскій солдатъ во время службы, а про другого доносилъ слѣдующее французскій чиновникъ: „Священникъ, котораго я нашелъ и пригласилъ начать служить обѣдни, вычистилъ и заперъ церковь. Въ ту же ночь пришли опять ломать двери и замки, рвать книги и производить другіе безпорядки“.

Въ торговомъ отношеніи, на провозглашеніе трудолюбивымъ ремесленникамъ и всѣмъ крестьянамъ не послѣдовало никакого отвѣта. Трудолюбивыхъ ремесленниковъ не было, а крестьяне ловили тѣхъ комиссаровъ, которые слишкомъ далеко заѣзжали съ этимъ провозглашеніемъ, и убивали ихъ.

Въ отношеніи увеселеній народа и войска театрами, дѣло точно такъ же не удалось. Учрежденные въ Кремлѣ и въ домѣ Познякова театры тотчасъ же закрылись потому, что ограбили актрисъ и актеровъ.

Благотворительность, и та не принесла желаемыхъ результатовъ. Фальшивыя ассигнаціи и нефальшивыя наполняли Москву и не имѣли цѣны. Для французовъ, собиравшихъ добычу, нужно было только золото. Не только фальшивыя ассигнаціи, которыя Наполеонъ такъ милостиво раздавалъ несчастнымъ, не имѣли цѣны, но серебро отдавалось ниже своей стоимости за золото.

Но самое поразительное явленіе недѣйствительности высшихъ распоряженій въ то время было стараніе Наполеона остановить грабежи и возстановить дисциплину.

Вотъ что доносили чины арміи.

„Грабежи продолжаются въ городѣ, несмотря на повелѣніе прекратить ихъ. Порядокъ еще не возстановленъ, и нѣтъ ни одного купца, отправляющаго торговлю законнымъ образомъ. Только маркитанты позволяютъ себѣ продавать, да и то награбленныя вещи“.

„Часть моего округа продолжаетъ подвергаться грабежу солдатъ 3-го корпуса, которые не довольствуются тѣмъ, что отнимаютъ скудное достояніе несчастныхъ жителей, попрятавшихся въ подвалы, но еще и съ жестокостью бьютъ ихъ саблями, какъ я самъ много разъ видѣлъ“.

„Ничего новаго, только что солдаты позволяютъ себѣ грабить и воровать. 9-го октября“.

„Воровство и грабежъ продолжаются. Существуетъ шайка воровъ въ нашемъ уѣздѣ, которую надо будетъ остановить сильными мѣрами. 11-го октября“.

„Императоръ чрезвычайно недоволенъ, что, несмотря на строгія повелѣнія остановить грабежъ, только и видны отряды гвардейскихъ мародеровъ, возвращающіеся въ Кремль.— Въ старой гвардіи безпорядки и грабежъ сильнѣе, нежели когда-либо, возобновились вчера, въ послѣднюю ночь и сегодня. Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ, что отборные солдаты, назначенные охранять его особу, долженствующіе подавать примѣръ подчиненности, до такой степени простираютъ ослушаніе, что разбиваютъ погреба и магазины, заготовленные для арміи. Другіе унизились до того, что не слушали часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, ругали ихъ и били“.

„Оберъ-церемоніймейстеръ дворца сильно жалуется,—писалъ губернаторъ,—на то, что, несмотря на всѣ запрещенія, солдаты продолжаютъ ходить на часъ во всѣхъ дворахъ и подъ окнами императора“.

Войско это, какъ распущенное стадо, топча подъ ногами тотъ кормъ, который могъ бы спасти его отъ голодной смерти, распадалось и гибло съ каждымъ днемъ лишняго пребыванія въ Москвѣ.

Но оно не двигалось.

Оно побѣжало только тогда, когда его вдругъ охватилъ паническій страхъ, произведенный перехватами обозовъ по Смоленской дорогѣ и Тарутинскимъ сраженіемъ. Это же самое извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи, неожиданно на смотру полученное Наполеономъ, вызвало въ немъ желаніе наказать русскихъ, какъ говоритъ Тьеръ, и онъ отдалъ приказаніе о выступленіи, котораго требовало все войско.

Убѣгая изъ Москвы, люди этого войска захватили съ собой все, что было награблено. Наполеонъ тоже увозилъ съ собой свой собственный trésor. Увидавъ обозъ, загромождавшій армію, Наполеонъ ужаснулся (какъ говоритъ Тьеръ). Но онъ, съ своей опытностью войны, не велѣлъ сжечь всѣ лишнія повозки, какъ онъ это сдѣлалъ съ повозками маршала, подходя къ Москвѣ; онъ посмотрѣлъ на эти коляски и кареты, въ которыхъ ѣхали солдаты, и сказалъ, что это очень хорошо, что экипажи эти употребятся для провіанта, больныхъ и раненыхъ.

Положеніе всего войска было подобно положенію раненаго животнаго, чувствующаго свою погибель и не знающаго, что оно дѣлаетъ. Изучать искусные маневры и цѣли Наполеона и его войска, со времени вступленія въ Москву и до уничтоженія этого войска, все равно, что изучать значеніе предсмертныхъ прыжковъ и судорогъ смертельно раненаго животнаго. Очень часто раненое животное, заслышавъ шорохъ, бросается на выстрѣлъ на охотника, бѣжитъ впередъ,

назадъ и само ускоряетъ свой конецъ. То же самое дѣлалъ Наполеонъ подъ давленіемъ всего его войска. Шорохъ Тарутинскаго сраженія спугнулъ звѣря, и онъ бросился впередъ на выстрѣлъ, добѣжалъ до охотника, вернулся опять назадъ, и, наконецъ, какъ всякій звѣрь, побѣжалъ назадъ, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому слѣду.

Наполеонъ, представляющійся намъ руководителемъ всего этого движенія (какъ дикимъ представлялась фигура, вырѣзанная на носу корабля силою, руководящею корабль), Наполеонъ во все это время своей дѣятельности былъ подобенъ ребенку, который, держась за тесемочки, привязанныя внутри кареты, воображаетъ, что онъ правитъ.

XI.

6-го октября, рано утромъ, Пьеръ вышелъ изъ балагана и, вернувшись назадъ, остановился у двери, играя съ длинной, на короткихъ, кривыхъ ножкахъ, лиловой собаченкой, вертѣвшейся около него. Собаченка эта жила у нихъ въ балаганѣ, ночуя съ Каратаевымъ, но иногда ходила куда-то въ городъ и опять возвращалась. Она, вѣроятно, никогда никому не принадлежала, и теперь она была ничья и не имѣла никакого названья. Французы звали ее Азоръ, солдатъ-сказочникъ звалъ ее Фемгалкой, Каратаевъ и другіе звали ее Сѣрый, иногда Вислый. Непринадлежаніе ея никому и отсутствіе имени и даже породы, даже опредѣленнаго цвѣта, казалось, нисколько не затрудняло лиловую собаченку. Пушной хвостъ панашемъ твердо и кругло стоялъ кверху, кривыя ноги служили ей такъ хорошо, что часто она, какъ бы пренебрегая употребленіемъ всѣхъ четырехъ ногъ, под-

нимая граціозно одну заднюю, и очень ловко и скоро бѣжала на трехъ лапахъ. Все для нея было предметомъ удовольствія. То, взвизгивая отъ радости, она валялась на спинѣ, то грѣлась на солнцѣ съ задумчивымъ и значительнымъ видомъ, то рѣзвилась, играя съ щепкой или соломенкой.

Одѣяніе Пьера теперь состояло изъ грязной продранной рубашки, единственномъ остаткѣ его прежняго платья, солдатскихъ портокъ, завязанныхъ для тепла веревочками на щиколкахъ по совѣту Каратаева, изъ кафтана и мужицкой шапки. Пьеръ очень измѣнился физически въ это время. Онъ не казался уже толстъ, хотя и имѣлъ все тотъ же видъ крупности и силы, наслѣдственной въ ихъ породѣ. Борода и усы обросли нижнюю часть лица; отросшіе, спутанные волосы на головѣ, наполненные вшами, курчавились теперь шапкою. Выраженіе глазъ было твердое, спокойное и оживленно-готовое, такое, какого никогда не имѣлъ прежде взглядъ Пьера. Прежняя его распущенность, выражавшаяся и во взглядѣ, замѣнилась теперь энергической, готовой на дѣятельность и отпоръ, подобранностью. Ноги его были босыя.

Пьеръ смотрѣлъ то внизъ по полю, по которому въ нынѣшнее утро разъѣздились повозки и верховые, то вдаль за рѣку, то на собаченку, притворявшуюся, что она не на шутку хочетъ укусить его, то на свои босыя ноги, которыя онъ съ удовольствіемъ переставлялъ въ различныя положенія, пошевеливая грязными, толстыми, большими пальцами. И всякій разъ, какъ онъ взглядывалъ на свои босыя ноги, на лицѣ его пробѣгала улыбка оживленія самодовольства. Видъ этихъ босыхъ ногъ напоминалъ ему все то, что онъ

пережилъ и понялъ за это время, и воспоминаніе это было ему пріятно.

Погода уже нѣсколько дней стояла тихая, ясная съ легкими заморозками по утрамъ—такъ называемое бабье лѣто.

Въ воздухѣ, на солнцѣ, было тепло, и тепло это съ крѣпительной свѣжестью утренняго заморозка, еще чувствовавшагося въ воздухѣ, было особенно пріятно.

На всемъ, и на дальнихъ, и на ближнихъ предметахъ, лежалъ тотъ волшебно-хрустальный блескъ, который бываетъ только въ эту пору осени. Вдалекѣ виднѣлись Воробьевы горы, съ деревнею, церковью и большимъ бѣлымъ домомъ. И оголенныя деревья, и песокъ, и камни, и крыши домовъ, зеленый шпиль церкви, и углы дальняго бѣлаго дома,—все это неестественно-отчетливо, тончайшими линіями вырѣзалось въ прозрачномъ воздухѣ. Вблизи виднѣлись знакомыя развалины полуобгорѣлаго барскаго дома, занимаемаго французами, съ темно-зелеными еще кустами сирени, росшими по оградѣ. И даже этотъ разваленный и загаженный домъ, отталкивающій своимъ безобразіемъ въ пасмурную погоду, теперь, въ яркомъ, неподвижномъ блескѣ, казался чѣмъ-то успокоительно-прекраснымъ.

Французскій капралъ, по домашнему разстегнутый, въ колпакѣ, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, вышелъ изъ-за угла балагана и, дружески подмигнувъ, подошелъ къ Пьеру.

— Каково солнце, а, господинъ Кириллъ? (такъ звали Пьера всѣ французы). Точно весна.—И капралъ прислонился къ двери и предложилъ Пьеру трубку, несмотря на то, что всегда онъ ее предлагалъ и всегда Пьеръ отказывался.

— Въ такую бы погоду итти въ походъ...—началъ онъ.

Пьеръ разспросилъ его, что̀ слышно о выступленіи, и кап-

ралъ разсказывалъ, что почти всѣ войска выступаютъ, и что нынче долженъ быть приказъ и о плѣнныхъ. Въ балаганѣ, въ которомъ былъ Пьеръ, одинъ изъ солдатъ, Соколовъ, былъ при смерти боленъ, и Пьеръ сказалъ капралу, что надо распорядиться этимъ солдатомъ. Капралъ сказалъ, что Пьеръ можетъ быть спокоенъ, что на это есть подвижной и постоянный гошпитали, и что о больныхъ будетъ распоряженіе, и что вообще все, что̀ только можетъ случиться, все предвидѣно начальствомъ.

— И потомъ, господинъ Кириллъ, вамъ сто̀итъ сказать слово капитану; вы знаете... Это такой... ничего не забываетъ. Скажите капитану, когда онъ будетъ дѣлать обходъ, онъ все для васъ сдѣлаетъ...

Капитанъ, про котораго говорилъ капралъ, почасту и подолгу бесѣдовалъ съ Пьеромъ и оказывалъ ему всякаго рода снисхожденія.

— Видишь ли S.-Thomas, сказалъ онъ мнѣ намедни, Кириллъ—это человѣкъ образованный, говоритъ по-французски; это русскій баринъ, съ которымъ случилось несчастіе, но это̀ — человѣкъ. Онъ знаетъ толкъ... Если ему что̀ нужно и онъ меня попроситъ, отказа нѣтъ. Когда учился кой-чему, видишь ли, то любишь просвѣщеніе и людей благовоспитанныхъ. Это я про васъ говорю, господинъ Кириллъ. Намедни, если бы не вы, то худо бы кончилось.

И, поболтавъ еще нѣсколько времени, капралъ ушелъ. (Дѣло, случившееся намедни, о которомъ упоминалъ капралъ, была драка между плѣнными и французами, въ которой Пьеру удалось усмирить своихъ товарищей). Нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ слушали разговоръ Пьера съ капраломъ и тотчасъ же стали спрашивать, что̀ онъ сказалъ. Въ то время

какъ Пьеръ разсказывалъ своимъ товарищамъ то, что капралъ сказалъ о выступленіи, къ двери балагана подошелъ худощавый, желтый и оборванный французскій солдатъ. Быстрымъ и робкимъ движеніемъ, приподнявъ пальцы ко лбу въ знакъ поклона, онъ обратился къ Пьеру и спросилъ его, въ этомъ ли балаганѣ солдатъ Платошъ, которому онъ отдалъ шить рубаху.

Съ недѣлю тому назадъ французы получили сапожный товаръ и полотно, и роздали шить сапоги и рубахи плѣннымъ солдатамъ.

— Готово, готово, соколикъ!—сказалъ Каратаевъ, выходя съ аккуратно сложенной рубахой.

Каратаевъ, по случаю тепла и для удобства работы, былъ въ однихъ порткахъ и въ черной какъ земля продранной рубашкѣ. Волоса его, какъ это дѣлаютъ мастеровые, были обвязаны мочалкой, и круглое лицо его казалось еще круглѣе и миловиднѣе.

— Уговорецъ — дѣлу родной братецъ. Какъ сказалъ: къ пятницѣ, такъ и сдѣлалъ,—говорилъ Платонъ, улыбаясь и развертывая сшитую имъ рубашку.

Французъ безпокойно оглянулся и, какъ будто преодолѣвъ сомнѣніе, быстро скинулъ мундиръ и надѣлъ рубаху. Подъ мундиромъ на французѣ не было рубахи, а на голое, желтое, худое тѣло былъ надѣтъ длинный, засаленный, шелковый съ цвѣточками жилетъ. Французъ, видимо, боялся, чтобы плѣнные, смотрѣвшіе на него, не засмѣялись, и поспѣшно сунулъ голову въ рубашку. Никто изъ плѣнныхъ не сказалъ ни слова.

— Вишь, въ самый разъ, — приговаривалъ Платонъ, обдергивая рубаху. Французъ, просунувъ голову и руки, не

поднимая глазъ, оглядывалъ на себѣ рубашку и разсматривалъ швовъ.

— Что жъ, соколикъ, вѣдь это не швальня, и струмента настоящаго нѣтъ; а сказано: безъ снасти и вша не убьешь,— говорилъ Платонъ, кругло улыбаясь и видимо самъ радуясь на свою работу.

— Хорошо, хорошо, спасибо; но полотна должно остаться,— сказалъ французъ.

— Она еще ладнѣе будетъ, какъ ты на тѣло-то надѣнешь,—говорилъ Каратаевъ, продолжая радоваться на свое произведеніе.—Вотъ тебѣ и хорошо и пріятно будетъ...

— Спасибо, спасибо, любезный. Остатокъ... остатокъ...?— повторилъ французъ, улыбаясь, и, доставъ ассигнацію, далъ Каратаеву.—Остатокъ-то давай.

Пьеръ видѣлъ, что Платонъ не хотѣлъ понимать того, что̀ говорилъ французъ, и, не вмѣшиваясь, смотрѣлъ на нихъ. Каратаевъ поблагодарилъ за деньги и продолжалъ любоваться своею работой. Французъ настаивалъ на остаткахъ и попросилъ Пьера перевести то, что̀ онъ говорилъ.

— На что̀ же ему остатки-то?—сказалъ Каратаевъ.—Намъ подверточки-то важныя бы вышли. Ну, да Богъ съ нимъ.— И Каратаевъ съ вдругъ измѣнившимся, грустнымъ лицомъ досталъ изъ-за пазухи сверточекъ обрѣзковъ и, не глядя на него, подалъ французу.—Эхъ-ма!—проговорилъ Каратаевъ и пошелъ назадъ. Французъ поглядѣлъ на полотно, задумался, взглянулъ вопросительно на Пьера, и какъ будто взглядъ Пьера что-то сказалъ ему.

— Платошъ, а Платошъ!—вдругъ покраснѣвъ, крикнулъ французъ писклывымъ голосомъ.—Возьмите себѣ,—сказалъ онъ, подавая обрѣзки, повернулся и ушелъ.

— Вотъ поди ты,—сказалъ Каратаевъ, покачивая головой.—Говорятъ нехристи, а тоже душа есть. То-то старички говаривали: потная рука торовата, сухая неподатлива. Самъ голый, а вотъ отдалъ же.—Каратаевъ, задумчиво улыбаясь и глядя на обрѣзки, помолчалъ нѣсколько времени.—А подверточки, дружокъ, важнѣйшія выдутъ,—сказалъ онъ и вернулся въ балаганъ.

XII.

Прошло четыре недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ былъ въ плѣну. Несмотря на то, что французы предлагали перевести его изъ солдатскаго балагана въ офицерскій, онъ остался въ томъ балаганѣ, въ который поступилъ съ перваго дня.

Въ разоренной и сожженной Москвѣ Пьеръ испыталъ почти крайніе предѣлы лишеній, которыя можетъ переносить человѣкъ; но, благодаря своему сильному сложенію и здоровью, котораго онъ не сознавалъ до сихъ поръ, и въ особенности благодаря тому, что эти лишенія подходили такъ незамѣтно, что нельзя было сказать, когда они начались, онъ переносилъ не только легко, но и радостно свое положеніе. И именно въ это самое время онъ получилъ то спокойствіе и довольство собой, къ которымъ онъ тщетно стремился прежде. Онъ долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ этого успокоенія, согласія съ самимъ собою, того, что̀ такъ поразило его въ солдатахъ въ Бородинскомъ сраженіи, — онъ искалъ этого въ филантропіи, въ масонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романической любви къ Наташѣ; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки

всѣ обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что̀ онъ понялъ въ Каратаевѣ. Тѣ страшныя минуты, которыя онъ пережилъ во время казни, какъ будто смыли навсегда изъ его воображенія и воспоминанія тревожныя мысли и чувства, прежде казавшіяся ему важными. Ему не приходило и мысли ни о Россіи, ни о войнѣ, ни о политикѣ, ни о Наполеонѣ. Ему очевидно было, что все это не касалось его, что онъ не призванъ былъ и потому не могъ судить обо всемъ этомъ. „Россіи да лѣту—союзу нѣту",—повторялъ онъ слова Каратаева, и эти слова странно успокоивали его. Ему казалось теперь непонятнымъ и даже смѣшнымъ его намѣреніе убить Наполеона, и его вычисленія о кабалистическомъ числѣ и звѣрѣ Апокалипсиса. Озлобленіе его противъ жены и тревога о томъ, чтобы не было посрамлено его имя, теперь казались ему не только ничтожны, но забавны. Что̀ ему было за дѣло до того, что эта женщина вела тамъ гдѣ-то ту жизнь, которая ей нравилась? Кому, въ особенности ему, какое дѣло было до того, что узнаютъ или не узнаютъ, что имя ихъ плѣннаго было графъ Безухій?

Теперь онъ часто вспоминалъ свой разговоръ съ княземъ Андреемъ и вполнѣ соглашался съ нимъ, только нѣсколько иначе понимая мысль князя Андрея. Князь Андрей думалъ и говорилъ, что счастіе бываетъ только отрицательное, но онъ говорилъ это съ оттѣнкомъ горечи и ироніи. Какъ будто, говоря это, онъ высказывалъ другую мысль — о томъ, что всѣ вложенныя въ насъ стремленія къ счастію положительному вложены только для того, чтобы, не удовлетворяя, мучить насъ. Но Пьеръ безъ всякой задней мысли признавалъ

справедливость этого. Отсутствіе страданій, удовлетвореніе потребностей и вслѣдствіе того свобода выбора занятій, т.-е. образа жизни, представлялись теперь Пьеру несомнѣннымъ и высшимъ счастьемъ человѣка. Здѣсь, теперь только, въ первый разъ Пьеръ вполнѣ оцѣнилъ наслажденіе ѣды, когда хотѣлось ѣсть, питья, когда хотѣлось пить, сна, когда хотѣлось спать, тепла, когда было холодно, разговора съ человѣкомъ, когда хотѣлось говорить и послушать человѣческій голосъ. Удовлетвореніе потребностей—хорошая пища, чистота, свобода — теперь, когда онъ былъ лишенъ всего этого, казались Пьеру совершеннымъ счастьемъ, а выборъ занятія, т.-е. жизнь, теперь, когда выборъ этотъ былъ такъ ограниченъ, казались ему такимъ легкимъ дѣломъ, что онъ забывалъ то, что избытокъ удобствъ жизни уничтожаетъ все счастье удовлетворенія потребностей, а большая свобода выбора занятій, та свобода, которую ему въ жизни давали образованіе, богатство, положеніе въ свѣтѣ, что эта-то свобода и дѣлаетъ выборъ занятій неразрѣшимо-труднымъ и уничтожаетъ самую потребность и возможность занятія.

Всѣ мечтанія Пьера теперь стремились къ тому времени, когда онъ будетъ свободенъ. А, между тѣмъ, впослѣдствіи и во всю свою жизнь Пьеръ съ восторгомъ думалъ и говорилъ объ этомъ мѣсяцѣ плѣна, о тѣхъ невозвратимыхъ, сильныхъ и радостныхъ ощущеніяхъ и, главное, о томъ полномъ, душевномъ спокойствіи, о совершенной внутренней свободѣ, которыя онъ испытывалъ только въ это время.

Когда онъ въ первый день, вставъ рано утромъ, вышелъ на зарѣ изъ балагана и увидалъ сначала темные купола, кресты Новодѣвичьяго монастыря, увидалъ морозную росу на пыльной травѣ, увидалъ холмы Воробьевыхъ горъ и из-

вивающійся надъ рѣкою и скрывающійся въ лиловой дали лѣсистый берегъ, когда ощутилъ прикосновеніе свѣжаго воздуха и услыхалъ звуки летѣвшихъ изъ Москвы черезъ поле галокъ и когда потомъ вдругъ брызнуло свѣтомъ съ востока и торжественно выплылъ край солнца изъ-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и рѣка, все заиграло въ радостномъ свѣтѣ, — Пьеръ почувствовалъ новое, неиспытанное имъ чувство радости и крѣпости жизни.

И чувство это не только не покидало его во все время плѣна, но, напротивъ, возрастало въ немъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности его положенія.

Чувство это—готовности на все, нравственной подобранности, еще болѣе поддерживалось въ Пьерѣ тѣмъ высокимъ мнѣніемъ, которое, вскорѣ по его вступленіи въ балаганъ, установилось о немъ между его товарищами. Пьеръ съ своимъ знаніемъ языковъ, съ тѣмъ уваженіемъ, которое ему оказывали французы, съ своей простотой, отдававшій все, что у него просили (онъ получалъ офицерскіе три рубля въ недѣлю), съ своей силой, которую онъ показалъ солдатамъ, вдавливая гвозди въ стѣну балагана, съ кротостью, которую онъ выказывалъ въ обращеніи съ товарищами, съ своей непонятной для нихъ способностью сидѣть неподвижно и, ничего не дѣлая, думать, представлялся солдатамъ нѣсколько таинственнымъ и высшимъ существомъ. Тѣ самыя свойства его, которыя въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде, были для него если не вредны, то стѣснительны,— его сила, пренебреженіе къ удобствамъ жизни, разсѣянность, простота,—здѣсь, между этими людьми, давали ему положеніе почти героя. И Пьеръ чувствовалъ, что этотъ взглядъ обязывалъ его.

XIII.

Въ ночь съ 6-го на 7-е октября началось движеніе выступавшихъ французовъ: ломались кухни, балаганы, укладывались повозки, и двигались войска и обозы.

Въ семь часовъ утра конвой французовъ, въ походной формѣ, въ киверахъ, съ ружьями, ранцами и огромными мѣшками, стоялъ передъ балаганами, и французскій, оживленный говоръ, пересыпанный ругательствами, перекатывался по всей линіи.

Въ балаганѣ всѣ были готовы, одѣты, подпоясаны, обуты и ждали только приказанія выходить. Больной солдатъ Соколовъ, блѣдный, худой, съ синими кругами вокругъ глазъ, одинъ, не обутый и не одѣтый, сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и выкатившимися отъ худобы глазами вопросительно смотрѣлъ на не обращавшихъ на него вниманія товарищей, и не громко и равномѣрно стоналъ. Видимо не столько страданія — онъ былъ боленъ кровавымъ поносомъ, — сколько страхъ и горе оставаться одному заставляли его стонать.

Пьеръ, обутый въ башмаки, сшитые для него Каратаевымъ изъ цибика, который принесъ французъ для подшивки себѣ подошвъ, подпоясанный веревкою, подошелъ къ больному и присѣлъ передъ нимъ на корточки.

— Что жъ, Соколовъ, они вѣдь не совсѣмъ уходятъ! У нихъ тутъ гошпиталь. Можетъ, тебѣ еще лучше нашего будетъ, — сказалъ Пьеръ.

— О, Господи! О, смерть моя! О, Господи! — громче застоналъ солдатъ.

— Да я сейчасъ еще спрошу ихъ, — сказалъ Пьеръ и, поднявшись, пошелъ къ двери балагана. Въ то время, какъ

Пьеръ подходилъ къ двери, снаружи подходилъ съ двумя солдатами тотъ капралъ, который вчера угощалъ Пьера трубкой. И капралъ и солдаты были въ походной формѣ, въ ранцахъ и киверахъ съ застегнутыми чешуями, измѣнявшими ихъ знакомыя лица.

Капралъ шелъ къ двери съ тѣмъ, чтобы по приказанію начальства затворить ее. Передъ выпускомъ надо было пересчитать плѣнныхъ.

— Капралъ, чтò сдѣлаютъ съ больнымъ?..—началъ Пьеръ; но въ ту минуту, какъ онъ говорилъ это, онъ усумнился, тотъ ли это знакомый его капралъ или другой неизвѣстный человѣкъ: такъ не похожъ былъ на себя капралъ въ эту минуту. Кромѣ того, въ ту минуту, какъ Пьеръ говорилъ это, съ двухъ сторонъ вдругъ послышался трескъ барабановъ. Капралъ нахмурился на слова Пьера и, проговоривъ безсмысленное ругательство, захлопнулъ дверь. Въ балаганѣ стало полутемно; съ двухъ сторонъ рѣзко трещали барабаны, заглушая стоны больного.

— Вотъ оно!.. Опять оно! — сказалъ себѣ Пьеръ, и невольный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Въ измѣненномъ лицѣ капрала, въ звукѣ его голоса, въ возбуждающемъ и заглушающемъ трескѣ барабановъ, Пьеръ узналъ ту таинственную, безучастную силу, которая заставляла людей противъ своей воли умерщвлять себѣ подобныхъ, ту силу, дѣйствіе которой онъ видѣлъ во время казни. Бояться, стараться избѣгать этой силы, обращаться съ просьбами или увѣщаніями къ людямъ, которые служили орудіями ея, было безполезно. Это зналъ теперь Пьеръ. Надо было ждать и терпѣть. Пьеръ не подошелъ больше къ больному и не оглянулся на него. Онъ, молча, нахмурившись, стоялъ у двери балагана.

Когда двери балагана отворились, и плѣнные, какъ стадо барановъ, давя другъ друга, затѣснились въ выходѣ, Пьеръ пробился впередъ ихъ и подошелъ къ тому самому капитану, который, по увѣренію капрала, готовъ былъ все сдѣлать для Пьера. Капитанъ тоже былъ въ походной формѣ, и изъ холоднаго лица его смотрѣло то же „оно“, которое Пьеръ узналъ въ словахъ капрала и въ трескѣ барабановъ.

— Проходите, проходите, — приговаривалъ капитанъ, строго хмурясь и глядя на толпившихся мимо него плѣнныхъ. Пьеръ зналъ, что его попытка будетъ напрасна, но подошелъ къ нему.

— Ну, что̀ еще? — холодно оглянувшись, какъ бы не узнавъ, сказалъ офицеръ. Пьеръ сказалъ про больного.

— Онъ сможетъ итти, чортъ возьми!—сказалъ капитанъ.— Проходите, проходите,— продолжалъ онъ приговаривать, не глядя на Пьера.

— Да нѣтъ же, онъ умираетъ...—началъ было Пьеръ.

— Идите же къ... — злобно нахмурившись, крикнулъ капитанъ.

Драмъ-да-да-дамъ, дамъ-дамъ, трещали барабаны, и Пьеръ понялъ, что таинственная сила уже вполнѣ овладѣла этими людьми и что теперь говорить еще что-нибудь было безполезно.

Плѣнныхъ офицеровъ отдѣлили отъ солдатъ, и велѣли имъ итти впереди. Офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ Пьеръ, было человѣкъ 30, солдатъ человѣкъ 300.

Плѣнные офицеры, выпущенные изъ другихъ балагановъ, были всѣ чужіе, были гораздо лучше одѣты, чѣмъ Пьеръ, и смотрѣли на него въ его обуви съ недовѣрчивостью и отчужденностью. Недалеко отъ Пьера шелъ, видимо, пользую-

щійся общимъ уваженіемъ своихъ товарищей плѣнныхъ, толстый майоръ въ казанскомъ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, съ пухлымъ, желтымъ, сердитымъ лицомъ. Онъ одну руку съ кисетомъ держалъ за пазухой, другою опирался на чубукъ. Майоръ, пыхтя и отдуваясь, ворчалъ и сердился на всѣхъ за то, что ему казалось, что его толкаютъ и что всѣ торопятся, когда торопиться некуда, всѣ чему-то удивляются, когда ни въ чемъ ничего нѣтъ удивительнаго. Другой, маленькій, худой офицеръ со всѣми заговаривалъ, дѣлая предположенія о томъ, куда ихъ ведутъ теперь и какъ далеко они успѣютъ пройти нынѣшній день. Чиновникъ въ валеныхъ сапогахъ и комиссаріатской формѣ забѣгалъ съ разныхъ сторонъ и высматривалъ сгорѣвшую Москву, громко сообщая свои наблюденія о томъ, что̀ сгорѣло и какая была та или эта виднѣвшаяся часть Москвы. Третій офицеръ польскаго происхожденія по акценту, спорилъ съ комиссаріатскимъ чиновникомъ, доказывая ему, что онъ ошибался въ опредѣленіи кварталовъ Москвы.

— О чемъ спорите?—сердито говорилъ майоръ.—Николы ли, Власа ли, все одно; видите, все сгорѣло, ну и конецъ... Что толкаетесь-то, развѣ дороги мало,—обратился онъ сердито къ шедшему сзади и вовсе не толкавшему его.

— Ай, ай, ай, что̀ надѣлали!—слышались, однако, то съ той, то съ другой стороны голоса плѣнныхъ, оглядывающихъ пожарища.—И Замоскворѣчье-то, и Зубово, и въ Кремлѣ-то... Смотрите, половины нѣтъ. Да, я вамъ говорилъ, что все Замоскворѣчье, вонъ такъ и есть.

— Ну, знаете, что̀ сгорѣло, ну, о чемъ же толковать!—говорилъ майоръ.

Проходя черезъ Хамовники (одинъ изъ немногихъ, не сго-

рѣвшихъ кварталовъ Москвы) мимо церкви, вся толпа плѣнныхъ вдругъ пожалась къ одной сторонѣ, и послышались восклицанія ужаса и омерзенія.

— Ишь мерзавцы! То-то нехристи! Да, мертвый, мертвый, и есть... Вымазали чѣмъ-то.

Пьеръ тоже подвинулся къ церкви, у которой было то, что̀ вызывало восклицанія, и смутно увидалъ что-то, прислоненное къ оградѣ церкви. Изъ словъ товарищей, видѣвшихъ лучше его, онъ узналъ, что это что-то былъ трупъ человѣка, поставленный стоймя у ограды и вымазанный въ лицѣ сажей.

— Идите, чортъ возьми! Идите, тридцать тысячъ дьяволовъ!..—послышались ругательства конвойныхъ, и французскіе солдаты съ новымъ озлобленіемъ разогнали тесаками толпу плѣнныхъ, смотрѣвшихъ на мертваго человѣка.

XIV.

По переулкамъ Хамовниковъ плѣнные шли одни съ своимъ конвоемъ и повозками и фурами, принадлежавшими конвойнымъ и ѣхавшими сзади; но, выйдя къ провіантскимъ магазинамъ, они попали въ середину огромнаго, тѣсно двигавшагося артиллерійскаго обоза, перемѣшаннаго съ частными повозками.

У самаго моста всѣ остановились, дожидаясь того, чтобы продвинулись ѣхавшіе впереди. Съ моста плѣннымъ открылись сзади и впереди безконечные ряды другихъ двигавшихся обозовъ. Направо, тамъ, гдѣ загибалась Калужская дорога мимо Нескучнаго, пропадая вдали, тянулись безконечные ряды войскъ и обозовъ. Это были вышедшіе прежде всѣхъ

войска корпуса Богарне; назади, по набережной и черезъ Каменный мостъ, тянулись войска и обозы Нея.

Войска Даву, къ которымъ принадлежали плѣнные, шли черезъ Крымскій бродъ и уже отчасти вступали въ Калужскую улицу. Но обозы такъ растянулись, что послѣдніе обозы Богарне еще не вышли изъ Москвы въ Калужскую улицу, а голова войскъ Нея уже выходила изъ Большой Ордынки.

Пройдя Крымскій бродъ, плѣнные двигались по нѣсколько шаговъ и останавливались, и опять двигались, и со всѣхъ сторонъ экипажи и люди все больше и больше стѣснялись. Пройдя болѣе часа тѣ нѣсколько сотъ шаговъ, которые отдѣляютъ мостъ отъ Калужской улицы и дойдя до площади, гдѣ сходятся замоскворѣцкія улицы съ Калужскою, плѣнные, сжатые въ кучу, остановились и нѣсколько часовъ простояли на этомъ перекресткѣ. Со всѣхъ сторонъ слышался неумолкаемый, какъ шумъ моря, грохотъ колесъ, и топотъ ногъ, и неумолкаемые, сердитые крики и ругательства. Пьеръ стоялъ прижатый къ стѣнѣ обгорѣлаго дома, слушая этотъ звукъ, сливавшійся въ его воображеніи съ звуками барабана.

Нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, чтобы лучше видѣть, влѣзли на стѣну обгорѣлаго дома, подлѣ котораго стоялъ Пьеръ.

— Народу-то! Эка народу!.. И на пушкахъ-то навалили! Смотри мѣха...—говорили они.—Вишь, стервецы, награбили... Вонъ у того-то сзади, на телѣгѣ... Вѣдь это—съ иконы, ей Богу!.. Это нѣмцы, должно быть. И нашъ мужикъ, ей Богу!.. Ахъ, подлецы!.. Вишь навьючился-то, насилу идетъ! Вотъ-те на, дрожки и тѣ захватили!.. Вишь усѣлся на сундукахъ-то. Батюшки!.. Подрались!..

— Такъ его по мордѣ-то, по мордѣ!.. Этакъ до вечера

не дождешься. Гляди, глядите... а это вѣрно самого Наполеона. Видишь, лошади-то какія! въ вензеляхъ съ короной. Это домъ складной. Уронилъ мѣшокъ, не видитъ. Опять подрались... Женщина съ ребеночкомъ и недурна. Да, какъ же, такъ тебя и пропустятъ... Смотрите и конца нѣтъ. Дѣвки русскія, ей-Богу дѣвки. Въ коляскахъ вѣдь какъ покойно усѣлись.

Опять волна общаго любопытства, какъ и около церкви въ Хамовникахъ, надвинула всѣхъ плѣнныхъ къ дорогѣ и Пьеръ, благодаря своему росту, черезъ головы другихъ увидалъ то, что̀ такъ привлекло любопытство плѣнныхъ. Въ трехъ коляскахъ, замѣшавшихся между зарядными ящиками, ѣхали, тѣсно сидя другъ на другѣ, разряженныя въ яркихъ цвѣтахъ, нарумяненныя, что-то кричащія пискливыми голосами женщины.

Съ той минуты какъ Пьеръ сознаeлъ появленіе таинственной силы, ничто не казалось ему странно или страшно: ни трупъ, вымазанный для забавы сажей, ни эти женщины, спѣшившія куда-то, ни пожарища Москвы. Все, что̀ видѣлъ теперь Пьеръ, не производило на него почти никакого впечатлѣнія, какъ будто душа его, готовясь къ трудной борьбѣ, отказывалась принимать впечатлѣнія, которыя могли ослабить ее.

Поѣздъ женщинъ проѣхалъ. За нимъ тянулись опять телѣги, солдаты, фуры, солдаты, палубы, кареты, солдаты, ящики, солдаты, изрѣдка женщины.

Пьеръ не видалъ людей отдѣльно, а видѣлъ движеніе ихъ.

Всѣ эти люди, лошади какъ будто гнались какой-то невидимою силой. Всѣ они, въ продолженіе часа, во время котораго ихъ наблюдалъ Пьеръ, выплывали изъ разныхъ улицъ

съ однимъ и тѣмъ же желаніемъ скорѣе пройти; всѣ они, одинаково сталкиваясь съ другими, начинали сердиться, драться; оскаливались бѣлые зубы, хмурились брови, перебрасывались все одни и тѣ же ругательства, и на всѣхъ лицахъ было одно и то же молодечески-рѣшительное и жестоко-холодное выраженіе, которое поутру поразило Пьера, при звукѣ барабана, на лицѣ капрала.

Уже передъ вечеромъ конвойный начальникъ собралъ свою команду и съ крикомъ и спорами втѣснился въ обозы, и плѣнные, окруженные со всѣхъ сторонъ, вышли на Калужскую дорогу.

Шли очень скоро, не отдыхая и остановились только когда уже солнце стало садиться. Обозы надвинулись одни на другихъ, и люди стали готовиться къ ночлегу. Всѣ казались сердиты и недовольны. Долго съ разныхъ сторонъ слышались ругательства, злобные крики и драки. Карета, ѣхавшая сзади конвойныхъ, надвинулась на повозку конвойныхъ и пробила ее дышломъ. Нѣсколько солдатъ съ разныхъ сторонъ сбѣжались къ повозкѣ; одни били по головамъ лошадей, запряженныхъ въ каретѣ, сворачивая ихъ, другіе дрались между собой, и Пьеръ видѣлъ, что одного нѣмца тяжело ранили тесакомъ въ голову.

Казалось, всѣ эти люди испытывали теперь, когда остановились посреди поля въ холодныхъ сумеркахъ осенняго вечера, одно и то же чувство непріятнаго пробужденья отъ охватившей всѣхъ при выходѣ поспѣшности и стремительнаго куда-то движенія. Остановившись, всѣ какъ будто поняли, что неизвѣстно еще куда идутъ и что на этомъ движеніи много будетъ тяжелаго и труднаго.

Съ плѣнными на этомъ привалѣ конвойные обращались

еще хуже, чѣмъ при выступленіи. На этомъ привалѣ въ первый разъ мясная пища плѣнныхъ была выдана кониною.

Отъ офицеровъ до послѣдняго солдата было замѣтно въ каждомъ какъ будто личное озлобленіе противъ каждаго изъ плѣнныхъ, такъ неожиданно замѣнившее прежде дружелюбныя отношенія.

Озлобленіе это еще болѣе усилилось, когда при пересчитываньи плѣнныхъ оказалось, что во время суеты выхода изъ Москвы одинъ русскій солдатъ, притворявшійся больнымъ отъ живота, бѣжалъ. Пьеръ видѣлъ, какъ французъ избилъ русскаго солдата за то, что тотъ отошелъ далеко отъ дороги, и слышалъ какъ капитанъ, его пріятель, выговаривалъ унтеръ-офицеру за побѣгъ русскаго солдата и угрожалъ ему судомъ. На отговорку унтеръ-офицера о томъ, что солдатъ былъ боленъ и не могъ итти, офицеръ сказалъ, что велѣно пристрѣливать тѣхъ, кто будетъ отставать. Пьеръ чувствовалъ, что та роковая сила, которая смяла его во время казни и которая была незамѣтна во время плѣна, теперь опять овладѣла его существованіемъ. Ему было страшно; но онъ чувствовалъ, какъ по мѣрѣ усилій, которыя дѣлала роковая сила, чтобы раздавить его, въ душѣ его выростала и крѣпла независимая отъ нея сила жизни.

Пьеръ поужиналъ похлебкою изъ ржаной муки съ лошадинымъ мясомъ, и поговорилъ съ товарищами.

Ни Пьеръ и никто изъ товарищей его не говорили ни о томъ, чтò они видѣли въ Москвѣ, ни о грубости обращенія французовъ, ни о томъ распоряженіи пристрѣливать, которое было объявлено имъ: всѣ были, какъ бы въ отпоръ ухудшающемуся положенію, особенно оживлены и веселы. Говорили о личныхъ воспоминаніяхъ, о смѣшныхъ сценахъ,

видѣнныхъ во время похода, и заминали разговоры о настоящемъ положеніи.

Солнце давно сѣло. Яркія звѣзды зажглись кое-гдѣ по небу; красное, подобное пожару, зарево встающаго полнаго мѣсяца разлилось по краю неба, и огромный, красный шаръ удивительно колебался въ сѣроватой мглѣ. Становилось свѣтло. Вечеръ уже кончился, но ночь еще не начиналась. Пьеръ всталъ отъ своихъ новыхъ товарищей и пошелъ между костровъ на другую сторону дороги, гдѣ ему сказали,—стояли плѣнные солдаты. Ему хотѣлось поговорить съ ними. На дорогѣ французскій часовой остановилъ его и велѣлъ воротиться.

Пьеръ вернулся, но не къ костру, къ товарищамъ, а къ отпряженной повозкѣ, у которой никого не было. Онъ, поджавъ ноги и опустивъ голову, сѣлъ на холодную землю у колеса повозки и долго неподвижно сидѣлъ, думая. Прошло болѣе часа. Никто не тревожилъ Пьера. Вдругъ онъ захохоталъ своимъ толстымъ, добродушнымъ смѣхомъ такъ громко, что съ разныхъ сторонъ съ удивленіемъ оглянулись люди на этотъ странный, очевидно-одинокій смѣхъ.

— Ха-ха-ха!—смѣялся Пьеръ. И онъ проговорилъ вслухъ самъ съ собою:—Не пустилъ меня солдатъ. Поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня. Кого меня? Меня? Меня — мою безсмертную душу! Ха-ха-ха!... Ха-ха-ха!...— смѣялся онъ съ выступившими на глаза слезами.

Какой-то человѣкъ всталъ и подошелъ посмотрѣть, о чемъ одинъ смѣется этотъ странный, большой человѣкъ. Пьеръ перестал смѣяться, всталъ, отошелъ подальше отъ любопытнаго и оглянулся вокругъ себя.

Прежде громко шумѣвшій трескомъ костровъ и говоромъ

людей, огромный, нескончаемый бивакъ затихалъ; красные огни костровъ потухали и блѣднѣли. Высоко въ свѣтломъ небѣ стоялъ полный мѣсяцъ. Лѣса и поля, невидные прежде внѣ расположенія лагеря, открывались теперь вдали. И еще дальше этихъ лѣсовъ и полей виднѣлась свѣтлая, колеблющаяся, зовущая въ себя безконечная даль. Пьеръ взглянулъ въ небо, вглубь уходящихъ, играющихъ звѣздъ. „И все это мое, и все это во мнѣ, и все это я!“ думалъ Пьеръ. „И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками!“ Онъ улыбнулся и пошелъ укладываться спать къ своимъ товарищамъ.

XV.

Въ первыхъ числахъ октября къ Кутузову пріѣзжалъ еще парламентеръ съ письмомъ отъ Наполеона и предложеніемъ мира, обманчиво означеннымъ изъ Москвы, тогда какъ Наполеонъ уже былъ недалеко впереди Кутузова, на старой Калужской дорогѣ. Кутузовъ отвѣчалъ на это письмо такъ же, какъ на первое, присланное съ Лористономъ: онъ сказалъ, что о мирѣ рѣчи быть не можетъ.

Вскорѣ послѣ этого изъ партизанскаго отряда Дорохова, ходившаго налѣво отъ Тарутина, получено донесеніе о томъ, что въ Ѳоминскомъ показались войска, что войска эти состоятъ изъ дивизіи Брусье, и что дивизія эта, отдѣленная отъ другихъ войскъ, легко можетъ быть истреблена. Солдаты и офицеры опять требовали дѣятельности. Штабные генералы, возбужденные воспоминаніемъ о легкости побѣды подъ Тарутинымъ, настаивали у Кутузова объ исполненіи предложенія Дорохова. Кутузовъ не считалъ нужнымъ никакого наступленія. Вышло среднее,—то, что̀ должно было со-

вершиться; посланъ былъ въ Ѳоминское небольшой отрядъ, который долженъ былъ атаковать Брусье.

По странной случайности, это назначеніе—самое трудное и самое важное, какъ оказалось впослѣдствіи, получилъ Дохтуровъ; тотъ самый, скромный, маленькій Дохтуровъ, котораго никто не описывалъ намъ составляющимъ планы сраженій, летающимъ предъ полками, кидающимъ кресты на батареи и т. п., котораго считали и называли нерѣшительнымъ и непроницательнымъ, но тотъ самый Дохтуровъ, котораго, во время всѣхъ войнъ русскихъ съ французами съ Аустерлица и до 13-го года, мы находимъ начальствующимъ вездѣ, гдѣ только положеніе трудно. Въ Аустерлицѣ онъ остается послѣднимъ у плотины Аугеста, собирая полки, спасая что̀ можно, когда все бѣжитъ и гибнетъ, и ни одного генерала нѣтъ въ арьергардѣ. Онъ, больной въ лихорадкѣ, идетъ въ Смоленскъ съ 20-ю тысячами защищать городъ противъ всей Наполеоновской арміи. Въ Смоленскѣ, едва задремалъ онъ на Малаховскихъ воротахъ, въ пароксизмѣ лихорадки, его будитъ канонада по Смоленску, и Смоленскъ держится цѣлый день. Въ Бородинскомъ сраженіи, когда убитъ Багратіонъ и войска нашего лѣваго фланга перебиты въ пропорціи 9 къ 1, и вся сила французской артиллеріи направлена туда, посылается никто другой, а именно нерѣшительный и непроницательный Дохтуровъ, и Кутузовъ торопится поправить свою ошибку, когда онъ послалъ было туда другого. И маленькій, тихонькій Дохтуровъ ѣдетъ туда, и Бородино—лучшая слава русскаго войска. И много героевъ описано намъ въ стихахъ и прозѣ, но о Дохтуровѣ почти ни слова.

Опять Дохтурова посылаютъ туда въ Ѳоминское и оттуда въ Малый Ярославецъ въ то мѣсто, гдѣ было послѣднее

сраженіе съ французами, и въ то мѣсто, съ котораго очевидно уже начинается погибель французовъ, и опять много геніевъ и героевъ описываютъ намъ въ этотъ періодъ кампаніи, но о Дохтуровѣ ни слова, или очень мало, или сомнительно. Это-то умолчаніе о Дохтуровѣ очевиднѣе всего доказываетъ его достоинства.

Естественно, что для человѣка, не понимающаго хода машины, при видѣ ея дѣйствія, кажется, что важнѣйшая часть этой машины есть та щепка, которая случайно попала въ нее и, мѣшая ея ходу, треплется въ ней. Человѣкъ, не знающій устройства машины, не можетъ понять того, что не эта портящая и мѣшающая дѣлу щепка, а та маленькая, передаточная шестерня, которая неслышно вертится, есть одна изъ существеннѣйшихъ частей машины.

10-го октября, въ тотъ самый день, какъ Дохтуровъ прошелъ половину дороги до Ѳоминскаго и остановился въ деревнѣ Аристовѣ, приготавливаясь въ точности исполнить отданное приказаніе, все французское войско, въ своемъ судорожномъ движеніи дойдя до позиціи Мюрата, какъ казалось для того, чтобы дать сраженіе, вдругъ безъ причины повернуло влѣво на новую Калужскую дорогу и стало входить въ Ѳоминское, въ которомъ прежде стоялъ одинъ Брусье. У Дохтурова подъ командою въ это время были, кромѣ Дорохова, два небольшіе отряда Фигнера и Сеславина.

Вечеромъ 11-го октября Сеславинъ пріѣхалъ въ Аристово къ начальству съ пойманнымъ плѣннымъ французскимъ гвардейцемъ. Плѣнный говорилъ, что войска, вошедшія нынче въ Ѳоминское, составляли авангардъ всей большой арміи, что Наполеонъ былъ тутъ же, что армія вся уже 5-й день вышла изъ Москвы. Въ тотъ же вечеръ дворовый человѣкъ,

пришедшій изъ Боровска, разсказалъ, какъ онъ видѣлъ вступленіе огромнаго войска въ городъ. Казаки изъ отряда Дорохова доносили, что они видѣли французскую гвардію, шедшую по дорогѣ къ Боровску. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій стало очевидно, что тамъ, гдѣ думали найти одну дивизію, теперь была вся армія французовъ, шедшая изъ Москвы по неожиданному направленію—по старой Калужской дорогѣ. Дохтуровъ ничего не хотѣлъ предпринимать, такъ какъ ему не ясно было теперь, въ чемъ состоитъ его обязанность. Ему велѣно было атаковать Ѳоминское. Но въ Ѳоминскомъ прежде былъ одинъ Брусье, теперь была вся французская армія. Ермоловъ хотѣлъ поступить по своему усмотрѣнію, но Дохтуровъ настаивалъ на томъ, что ему нужно имѣть приказаніе отъ свѣтлѣйшаго. Рѣшено было послать донесеніе въ штабъ.

Для этого избранъ толковый офицеръ, Болховитиновъ, который, кромѣ письменнаго донесенія, долженъ былъ на словахъ разсказать все дѣло. Въ 12-мъ часу ночи Болховитиновъ, получивъ конвертъ и словесное приказаніе, поскакалъ, сопутствуемый казакомъ, съ запасными лошадьми въ главный штабъ.

XVI.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шелъ дождикъ уже 4-й день. Два раза перемѣнивъ лошадей и въ полтора часа проскакавъ 30 верстъ по грязной вязкой дорогѣ, Болховитиновъ во второмъ часу ночи былъ въ Леташевкѣ. Слѣзши у избы, на плетневомъ заборѣ которой была вывѣска: „Главный штабъ“, и бросивъ лошадь, онъ вошелъ въ темныя сѣни.

— Дежурнаго генерала скорѣе! Очень важное!—проговорилъ онъ кому-то, поднимавшемуся и сопѣвшему въ темнотѣ сѣней.

— Съ вечера нездоровы очень были, третью ночь не спятъ,—заступнически пропепталъ денщицкій голосъ. Ужъ вы капитана разбудите сначала.

— Очень важное, отъ генерала Дохтурова,—сказалъ Болховитиновъ, входя въ ощупанную имъ растворенную дверь. Деньщикъ прошелъ впередъ его и сталъ будить кого-то.— Ваше благородіе, ваше благородіе,—кульеръ.

— Чтò, чтò? отъ кого?—проговорилъ чей-то сонный голосъ.

— Отъ Дохтурова и отъ Алексѣя Петровича. Наполеонъ въ Ѳоминскомъ,—сказалъ Болховитиновъ, не видя въ темнотѣ того, кто спрашивалъ его, но по звуку голоса предполагая, что это былъ не Коновницынъ.

Разбуженный человѣкъ зѣвалъ и тянулся.

— Будить-то мнѣ его не хочется,—сказалъ онъ, ощупывая что-то.—Больнешенекъ! Можетъ такъ, слухи.

— Вотъ донесеніе,—сказалъ Болховитиновъ;—велѣно сейчасъ же передать дежурному генералу.

— Постойте, огня зажгу. Куда ты, проклятый, всегда засунешь?—обращаясь къ деньщику, сказалъ тянувшійся человѣкъ. Это былъ Щербининъ, адъютантъ Коновницына. Нашелъ, нашелъ,—прибавилъ онъ.

Деньщикъ рубилъ огонь, Щербининъ ощупывалъ подсвѣчникъ.

— Ахъ, мерзкіе!—съ отвращеніемъ сказалъ онъ.

При свѣтѣ искръ Болховитиновъ увидѣлъ молодое лицо Щербинина со свѣчой и въ переднемъ углу еще спящаго человѣка. Это былъ Коновницынъ.

Когда сначала синимъ и потомъ краснымъ пламенемъ загорѣлись сѣрники о трутъ, Щербининъ зажегъ сальную свѣч-

ку, съ подсвѣчника которой побѣжали обгладывавшіе ее прусаки, и осмотрѣлъ вѣстника. Болховитиновъ былъ весь въ грязи и, рукавомъ обтираясь, размазывалъ себѣ лицо.

— Да кто доноситъ? — сказалъ Щербининъ, взявъ конвертъ.

— Извѣстіе вѣрное, — сказалъ Болховитиновъ. — И плѣнные, и казаки, и лазутчики, всѣ единогласно показываютъ одно и то же.

— Нечего дѣлать, надо будить, — сказалъ Щербининъ, вставая и подходя къ человѣку въ ночномъ колпакѣ, укрытому шинелью. — Петръ Петровичъ! — проговорилъ онъ. Коновницынъ не шевелился. — Въ главный штабъ! — проговорилъ онъ улыбнувшись, зная, что эти слова невѣрное разбудятъ его. И дѣйствительно, голова въ ночномъ колпакѣ поднялась тотчасъ же. На красивомъ, твердомъ лицѣ Коновницына съ лихорадочно-воспаленными щеками, на мгновеніе оставалось еще выраженіе далекихъ отъ настоящаго положенія мечтаній сна, но потомъ вдругъ онъ вздрогнулъ: лицо это приняло обычно-спокойное и твердое выраженіе.

— Ну, что̀ такое? Отъ кого? — не торопливо, но тотчасъ же спросилъ онъ, мигая отъ свѣта. Слушая донесеніе офицера, Коновницынъ распечаталъ и прочелъ. Едва прочтя, онъ опустилъ ноги въ шерстяныхъ чулкахъ на земляной полъ и сталъ обуваться. Потомъ снялъ колпакъ и, причесавъ виски, надѣлъ фуражку.

— Ты скоро доѣхалъ? Пойдемъ къ свѣтлѣйшему.

Коновницынъ тотчасъ понялъ, что привезенное извѣстіе имѣло большую важность и что нельзя медлить. Хорошо ли, дурно ли это было, онъ не думалъ и не спрашивалъ себя. Его это не интересовало. На все дѣло войны онъ смотрѣлъ

не умомъ, не разсужденіемъ, а чѣмъ-то другимъ. Въ душѣ его было глубокое, не высказанное убѣжденіе, что все будетъ хорошо; но что этому вѣрить не надо, и тѣмъ болѣе не надо говорить этого, а надо дѣлать только свое дѣло. И это свое дѣло онъ дѣлалъ, отдавая ему всѣ свои силы.

Петръ Петровичъ Коновницынъ, такъ же, какъ и Дохтуровъ, только какъ бы изъ приличія внесенный въ списокъ такъ называемыхъ героевъ 12-го года—Барклаевъ, Раевскихъ, Ермоловыхъ, Платовыхъ, Милорадовичей, такъ же, какъ и Дохтуровъ, пользовался репутаціею человѣка весьма ограниченныхъ способностей и свѣдѣній, и такъ же, какъ и Дохтуровъ, Коновницынъ никогда не дѣлалъ проектовъ сраженій, но всегда находился тамъ, гдѣ было труднѣе всего; спалъ всегда съ раскрытою дверью съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ, приказывая каждому посланному будить себя, всегда во время сраженія былъ подъ огнемъ, такъ что Кутузовъ упрекалъ его за то и боялся посылать, и былъ такъ же, какъ и Дохтуровъ, одной изъ тѣхъ незамѣтныхъ шестерень, которыя, не треща и не шумя, составляютъ самую существенную часть машины.

Выходя изъ избы въ сырую, темную ночь, Коновницынъ нахмурился частью отъ головной усилившейся боли, частью отъ непріятной мысли, пришедшей ему въ голову, о томъ, какъ теперь взволнуется все это гнѣздо штабныхъ, вліятельныхъ людей, при этомъ извѣстіи, въ особенности Бенигсенъ, послѣ Тарутина бывшій на ножахъ съ Кутузовымъ; какъ будутъ предлагать, спорить, приказывать, отмѣнять. И это предчувствіе непріятно ему было, хотя онъ и зналъ, что безъ этого нельзя.

Дѣйствительно, Толь, къ которому онъ зашелъ сообщить

новое извѣстіе, тотчасъ же сталъ излагать свои соображенія генералу, жившему съ нимъ, и Коновницынъ молча и устало слушавшій, напомнилъ ему, что надо итти къ свѣтлѣйшему.

XVII.

Кутузовъ, какъ и всѣ старые люди, мало спалъ по ночамъ. Онъ днемъ часто неожиданно задремывалъ; но ночью, онъ, не раздѣваясь лежа на своей постелѣ, большею частью не спалъ и думалъ.

Такъ онъ лежалъ и теперь на своей кровати, облокотивъ тяжелую, большую, изуродованную голову на пухлую руку, и думалъ, открытымъ однимъ глазомъ присматриваясь къ темнотѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бенигсенъ, переписывавшійся съ государемъ и имѣвшій болѣе всѣхъ силы въ штабѣ, избѣгалъ его, Кутузовъ былъ спокойнѣе въ томъ отношеніи, что его съ войсками не заставятъ опять участвовать въ безполезныхъ, наступательныхъ дѣйствіяхъ. Урокъ Тарутинскаго сраженія и канунъ его, болѣзненно памятный Кутузову, тоже долженъ былъ подѣйствовать, думалъ онъ.

„Они должны понять, что мы только можемъ проиграть, дѣйствуя наступательно. Терпѣніе и время, вотъ мои воины-богатыри!“ думалъ Кутузовъ. Онъ зналъ, что не надо срывать яблока, пока оно зелено. Оно само упадетъ, когда будетъ зрѣло, а сорвешь зелено, испортишь яблоко и дерево, и самъ оскомину набьешь. Онъ, какъ опытный охотникъ, зналъ, что звѣрь раненъ, раненъ такъ, какъ только могла ранить вся русская сила, но смертельно или нѣтъ, это былъ еще не разъясненный вопросъ. Теперь, по присылкамъ Лористона и Бертеми и по донесеніямъ партизановъ, Кутузовъ

почти зналъ, что онъ раненъ смертельно. Но нужны были еще доказательства, надо было ждать.

„Имъ хочется бѣжать посмотрѣть, какъ они его убили. Подождите, увидите. Все маневры, все наступленія!“—думалъ онъ. „Къ чему? Все отличиться. Точно, что-то веселое есть въ томъ, чтобы драться. Они точно дѣти, отъ которыхъ не добьешься толку, какъ было дѣло, оттого что всѣ хотятъ доказать, какъ они умѣютъ драться. Да не въ томъ теперь дѣло“.

„И какіе искусные маневры предлагаютъ мнѣ всѣ эти! Имъ кажется, что когда они выдумали двѣ-три случайности (онъ вспомнилъ объ общемъ планѣ изъ Петербурга), они выдумали ихъ всѣ. А имъ всѣмъ нѣтъ числа!“

Неразрѣшенный вопросъ о томъ, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная въ Бородинѣ, уже цѣлый мѣсяцъ висѣлъ надъ головою Кутузова. Съ одной стороны, французы заняли Москву. Съ другой стороны, несомнѣнно, всѣмъ существомъ своимъ Кутузовъ чувствовалъ, что тотъ страшный ударъ, въ которомъ онъ вмѣстѣ со всѣми русскими людьми напрягъ всѣ свои силы, долженъ былъ быть смертеленъ. Но во всякомъ случаѣ нужны были доказательства, и онъ ждалъ ихъ уже мѣсяцъ и чѣмъ дальше проходило время, тѣмъ нетерпѣливѣе онъ становился. Лежа на своей постели въ свои безсонныя ночи, онъ дѣлалъ то самое, что дѣлала эта молодежь генераловъ, то самое, за что онъ упрекалъ ихъ. Онъ придумывалъ всѣ возможныя случайности такъ же, какъ и молодежь, но съ тою разницей только, что онъ ничего не основывалъ на этихъ предположеніяхъ, и что онъ видѣлъ ихъ не двѣ и три, а тысячи. Чѣмъ дальше онъ думалъ, тѣмъ больше ихъ представлялось. Онъ приду-

мывалъ всякаго рода движенія Наполеоновской арміи, всей или частей ея—къ Петербургу, на него, въ обходъ его, придумывалъ (чего онъ больше всего боялся) и ту случайность, что Наполеонъ станетъ бороться противъ него его же оружіемъ, что онъ останется въ Москвѣ, выжидая его. Кутузовъ придумывалъ даже движеніе Наполеоновской арміи назадъ на Медынь и Юхновъ; но одного, чего онъ не могъ предвидѣть, это того, что̀ совершилось, того безумнаго, судорожнаго метанія войска Наполеона въ продолженіе первыхъ 11-ти дней его выступленія изъ Москвы,—метанія, которое сдѣлало возможнымъ то, о чемъ все-таки не смѣлъ еще тогда думать Кутузовъ: совершенное истребленіе французовъ. Донесенія Дорохова о дивизіи Брусье, извѣстія отъ партизановъ о бѣдствіяхъ арміи Наполеона, слухи о сборахъ къ выступленію изъ Москвы,—все подтверждало предположеніе, что французская армія разбита и сбирается бѣжать; но это были только предположенія, казавшіяся важными для молодежи, но не для Кутузова. Онъ съ своей 60-ти лѣтней опытностью зналъ, какой вѣсъ надо приписывать слухамъ, зналъ, какъ способны люди, желающіе чего-нибудь, группировать всѣ извѣстія такъ, что они какъ будто подтверждаютъ желаемое, и зналъ, какъ въ этомъ случаѣ охотно упускаютъ все противорѣчащее. И чѣмъ больше желалъ этого Кутузовъ, тѣмъ меньше онъ позволялъ себѣ этому вѣрить. Вопросъ этотъ занималъ всѣ его душевныя силы. Все остальное было для него только привычнымъ исполненіемъ жизни. Такимъ привычнымъ исполненіемъ и подчиненіемъ жизни были его разговоры со штабными, письма къ m-me Stahl, которыя онъ писалъ изъ Тарутина, чтеніе романовъ, раздачи наградъ, переписка съ Петербургомъ и т. п. Но

погибель французовъ, предвидѣнная имъ однимъ, было его душевное, единственное желаніе.

Въ ночь 11-го октября онъ лежалъ, облокотившись на руку, и думалъ объ этомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ зашевелилось; и послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

— Эй, кто тамъ? Войдите, войди! Что̀ новенькаго?—окликнулъ ихъ фельдмаршалъ.

Пока лакей зажигалъ свѣчку, Толь разсказывалъ содержаніе извѣстій.

— Кто привезъ?—спросилъ Кутузовъ съ лицомъ поразившимъ Толя, когда загорѣлась свѣча, своей холодной строгостью.

— Не можетъ быть сомнѣнія, ваша свѣтлость.

— Позови, позови его сюда!

Кутузовъ сидѣлъ, спустивъ одну ногу съ кровати и навалившись большимъ животомъ на другую согнутую ногу. Онъ щурилъ свой зрячій глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть посланнаго, какъ будто въ его чертахъ онъ хотѣлъ прочесть то, что̀ занимало его.

— Скажи, скажи, дружокъ,—сказалъ онъ Болховитинову своимъ тихимъ, старческимъ голосомъ, закрывая распахнувшуюся на груди рубашку.—Подойди, подойди поближе. Какія ты привезъ мнѣ вѣсточки? А? Наполеонъ изъ Москвы ушелъ? Воистину такъ? А?

Болховитиновъ подробно доносилъ сначала все то, что̀ ему было приказано.

— Говори, говори скорѣе, не томи душу,—перебилъ его Кутузовъ.

Болховитиновъ разсказалъ все и замолчалъ, ожидая при-

казанія. Толь началъ было говорить что-то, но Кутузовъ перебилъ его. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ лицо его сщурилось, сморщилось; онъ, махнувъ рукой на Толя, повернулся въ противную сторону, къ красному углу избы, чернѣвшему отъ образовъ.

— Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей...— дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ, сложивъ руки. Спасена Россія. Благодарю Тебя, Господи!—И онъ заплакалъ.

XVIII.

Со времени этого извѣстія и до конца кампаніи вся дѣятельность Кутузова заключается только въ томъ, чтобы властью, хитростью, просьбами удерживать свои войска отъ безполезныхъ наступленій, маневровъ и столкновеній съ гибнущимъ врагомъ. Дохтуровъ идетъ къ Малоярославцу, но Кутузовъ медлитъ со всей арміей и отдаетъ приказанія объ очищеніи Калуги, отступленіе за которую представляется ему весьма возможнымъ.

Кутузовъ вездѣ отступаетъ, но непріятель, не дожидаясь его отступленія, бѣжитъ назадъ въ противную сторону.

Историки Наполеона описываютъ намъ искусный маневръ его на Тарутино и Малоярославецъ и дѣлаютъ предположенія о томъ, что̀ бы было, если бы Наполеонъ успѣлъ проникнуть въ богатыя полуденныя губерніи.

Но не говоря о томъ, что ничто не мѣшало Наполеону итти въ эти полуденныя губерніи (такъ какъ русская армія давала ему дорогу), историки забываютъ то, что армія Наполеона не могла быть спасена ничѣмъ, потому что она въ самой себѣ несла уже тогда неизбѣжныя условія гибели.

Почему эта армія, нашедшая обильное продовольствіе въ Москвѣ и не могшая удержать его, а стоптавшая его подъ ногами, эта армія, которая, придя въ Смоленскъ, не разбирала продовольствія, а грабила его, почему эта армія могла бы поправиться въ Калужской губерніи, населенной тѣми же русскими, какъ и въ Москвѣ и съ тѣмъ же свойствомъ огня сжигать то, что зажигаютъ.

Армія не могла нигдѣ поправиться. Она съ Бородинскаго сраженія и грабежа Москвы несла въ себѣ уже какъ бы химическія условія разложенія.

Люди этой бывшей арміи бѣжали съ своими предводителями, сами не зная куда, желая (Наполеонъ и каждый солдатъ) только одного: выпутаться лично какъ можно скорѣе изъ того безвыходнаго положенія, которое, хотя и неясно, они всѣ сознавали.

Только поэтому, на совѣтѣ въ Малоярославцѣ, когда притворяясь, что они—генералы—совѣщаются, подавая разныя мнѣнія, послѣднее мнѣніе простодушнаго солдата Мутона, сказавшаго то, что всѣ думали, что надо только уйти какъ можно скорѣе, закрыло всѣ рты, и никто, даже Наполеонъ не могъ сказать ничего противъ этой, всѣми сознаваемой истины.

Но хотя всѣ и знали, что надо было уйти, оставался еще стыдъ сознанія того, что надо бѣжать. И нуженъ былъ внѣшній толчокъ, который побѣдилъ бы этотъ стыдъ. И толчокъ этотъ явился въ нужное время. Это было такъ называемое у французовъ le Hourra de l'Empereur.

На другой день послѣ совѣта, Наполеонъ, рано утромъ, притворяясь, что хочетъ осматривать войска и поле прошедшаго и будущаго сраженія, съ свитой маршаловъ и конвоя, ѣхалъ посрединѣ линіи расположенія войскъ. Казаки, шны-

рявшіе около добычи, наткнулись на самого императора и чуть чуть не поймали его. Ежели казаки не поймали въ этотъ разъ Наполеона, то спасло его то же, что губило французовъ: добыча, на которую и въ Тарутинѣ и здѣсь, оставляя людей, бросались казаки. Они, не обращая вниманія на Наполеона, бросились на добычу, и Наполеонъ успѣлъ уйти.

Когда вотъ, вотъ les enfants du Don могли поймать самого императора въ серединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ. Наполеонъ, съ своимъ 40-лѣтнимъ брюшкомъ, не чувствуя въ себѣ уже прежней поворотливости и смѣлости, понялъ этотъ намекъ. И подъ вліяніемъ страха, котораго онъ набрался отъ казаковъ, тотчасъ же согласился съ Мутономъ, и отдалъ, какъ говорятъ историки, приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу.

То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ, и войска пошли назадъ, не доказываетъ того, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію, въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона.

XIX.

Когда человѣкъ находится въ движеніи, онъ всегда придумываетъ себѣ цѣль этого движенія. Для того, чтобы итти тысячу верстъ, человѣку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими 1000-ю верстъ. Нужно представленіе объ обѣтованной землѣ для того, чтобы имѣть силы двигаться.

Обѣтованная земля при наступленіи французовъ была

Москва, при отступленіи была родина. Но родина была слишкомъ далеко, и для человѣка, идущаго 1000 верстъ, непремѣнно нужно сказать себѣ, забывъ о конечной цѣли, что нынче я приду за 40 верстъ на мѣсто отдыха и ночлега, и въ первый переходъ это мѣсто отдыха заслоняетъ конечную цѣль и сосредоточиваетъ на себѣ всѣ желанья и надежды. Тѣ стремленія, которыя выражаются въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда увеличиваются въ толпѣ.

Для французовъ, пошедшихъ назадъ по старой Смоленской дорогѣ, конечная цѣль родины была слишкомъ отдалена, и ближайшая цѣль, та, къ которой, въ огромной пропорціи усиливаясь въ толпѣ, стремились всѣ желанья и надежды, была Смоленскъ. Не потому, чтобы люди знали, что въ Смоленскѣ было много провіанта и свѣжихъ войскъ, не потому, чтобы имъ говорили это (напротивъ, высшіе чины арміи и самъ Наполеонъ знали, что тамъ мало провіанта), но потому, что это одно могло имъ дать силу двигаться и переносить настоящія лишенія, они и тѣ, которые знали, и тѣ, которые не знали, одинаково обманывая себя, какъ къ обѣтованной землѣ стремились къ Смоленску.

Выйдя на большую дорогу, французы съ поразительною энергіей, съ быстротою неслыханной, побѣжали къ своей выдуманной цѣли. Кромѣ этой причины общаго стремленія, связывавшей въ одно цѣлое толпы французовъ и придававшей имъ нѣкоторую энергію, была еще другая причина, связывавшая ихъ. Причина эта состояла въ ихъ количествѣ. Сама огромная масса ихъ, какъ въ физическомъ законѣ притяженія, притягивала къ себѣ отдѣльные атомы, людей. Они двигались своей стотысячной массой какъ цѣлымъ государствомъ.

Каждый человѣкъ изъ нихъ желалъ только одного—отдаться въ плѣнъ, избавиться отъ всѣхъ ужасовъ и несчастій; но съ одной стороны сила общаго стремленія къ цѣли Смоленска увлекала каждаго въ одномъ и томъ же направленіи. Съ другой стороны нельзя было корпусу отдаться въ плѣнъ ротѣ, и несмотря на то, что французы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отдѣлаться другъ отъ друга, и при малѣйшемъ, приличномъ предлогѣ отдаваться въ плѣнъ, предлоги эти не всегда случались. Самое число ихъ и тѣсное, быстрое движеніе, лишало ихъ этой возможности и дѣлало для русскихъ не только труднымъ, но невозможнымъ остановить это движеніе, на которое направлена была вся энергія массы французовъ. Механическое разрываніе тѣла не могло ускорить дальше извѣстнаго предѣла совершавшійся процессъ разложенія.

Комъ снѣга невозможно растаить мгновенно. Существуетъ извѣстный предѣлъ времени, ранѣе котораго никакія усилія тепла не могутъ растаить снѣга. Напротивъ, чѣмъ больше тепла, тѣмъ больше крѣпнетъ остающійся снѣгъ.

Изъ русскихъ военачальниковъ никто, кромѣ Кутузова, не понималъ этого. Когда опредѣлилось направленіе бѣгства французской арміи по Смоленской дорогѣ, тогда то, чтò предвидѣлъ Коновницынъ въ ночь 11 октября, начало сбываться. Всѣ высшіе чины арміи хотѣли отличиться, отрѣзать, перехватить, полонить, опрокинуть французовъ и всѣ требовали наступленія.

Кутузовъ одинъ всѣ силы свои (силы эти очень не велики у каждаго главнокомандующаго) употреблялъ на то, чтобы противодѣйствовать наступленію.

Онъ не могъ имъ сказать то, чтò мы говоримъ теперь:

зачѣмъ сраженіе и загораживаніе дороги и потери своихъ людей и безчеловѣчное добиваніе несчастныхъ, зачѣмъ все это, когда отъ Москвы до Вязьмы безъ сраженія растаяла одна треть этого войска; но онъ говорилъ имъ, выводя изъ своей старческой мудрости то, что̀ они могли бы понять,— онъ говорилъ имъ про золотой мостъ, и они смѣялись надъ нимъ, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились надъ убитымъ звѣремъ.

Подъ Вязьмой, Ермоловъ, Милорадовичъ, Платовъ и другіе, находясь въ близости отъ французовъ, не могли воздержаться отъ желанія отрѣзать и опрокинуть два французскіе корпуса. Кутузову, извѣщая его объ ихъ намѣреніи вмѣсто донесенія, они прислали въ конвертѣ листъ бѣлой бумаги.

И сколько ни старался Кутузовъ удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу. Пѣхотные полки, какъ разсказываютъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ ходили въ атаку, и побили и потеряли тысячи людей.

Но отрѣзать — никого не отрѣзали, и не опрокинули. И французское войско, стянувшись крѣпче отъ опасности, продолжало, равномѣрно тая, все тотъ же свой гибельный путь къ Смоленску.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Бородинское сраженіе съ послѣдовавшими за нимъ занятіемъ Москвы и бѣгствомъ французовъ, безъ новыхъ сраженій, есть одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи.

Всѣ историки согласны въ томъ, что внѣшняя дѣятельность государствъ и народовъ, въ ихъ столкновеніяхъ между собой, выражается войнами; что непосредственно, вслѣдствіе большихъ или меньшихъ успѣховъ военныхъ, увеличивается или уменьшается политическая сила государствъ и народовъ.

Какъ ни странны историческія описанія того, какъ какой-нибудь король или императоръ, поссорившись съ другимъ императоромъ или королемъ, собралъ войско, сразился съ войскомъ врага, одержалъ побѣду, убилъ три, пять, десять тысячъ человѣкъ и, вслѣдствіе того, покорилъ государство и цѣлый народъ въ нѣсколько милліоновъ; какъ ни непонятно почему пораженіе одной арміи, одной сотой всѣхъ силъ народа, заставило покориться народъ, — всѣ факты исторіи (насколько она намъ извѣстна), подтверждаютъ справедливость того, что большіе или меньшіе успѣхи войска

одного народа, противъ войска другого народа, суть причины или, по крайней мѣрѣ, существенные признаки увеличенія или уменьшенія силы народовъ. Войско одержало побѣду и тотчасъ же увеличились права побѣдившаго народа въ ущербъ побѣжденному. Войско понесло пораженіе, и тотчасъ же, по степени пораженія, народъ лишается правъ, а при совершенномъ пораженіи своего войска совершенно покоряется.

Такъ было (по исторіи) съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени. Всѣ войны Наполеона служатъ подтвержденіемъ этого правила. По степени пораженія австрійскихъ войскъ, Австрія лишается своихъ правъ и увеличиваются права и силы Франціи. Побѣда французовъ подъ Іеной и Ауритетомъ уничтожаетъ самостоятельное существованіе Пруссіи.

Но вдругъ въ 1812 году французами одержана побѣда подъ Москвой, Москва взята и вслѣдъ затѣмъ безъ новыхъ сраженій не Россія перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армія, потомъ Наполеоновская Франція. Натянуть факты на правило исторіи, сказать, что поле сраженія въ Бородинѣ осталось за русскими, что послѣ Москвы были сраженія, уничтожившія армію Наполеона,—невозможно.

Послѣ Бородинской побѣды французовъ не было ни одного не только генеральнаго, но сколько-нибудь значительнаго сраженія, и французская армія перестала существовать. Чтò это значитъ? Ежели бы это былъ примѣръ изъ исторіи Китая, мы бы могли сказать, что это явленіе не историческое, (лазейка историковъ, когда чтò не подходитъ подъ ихъ мѣрку); ежели бы дѣло касалось столкновенія не продолжительное, въ которомъ участвовали бы малыя количества войскъ,

мы бы могли принять это явленіе за исключеніе; но событіе это совершилось на глазахъ нашихъ отцовъ, для которыхъ рѣшался вопросъ жизни и смерти отечества, и война эта была величайшая изъ всѣхъ извѣстныхъ войнъ...

Періодъ кампаніи 1812 года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія французовъ доказалъ, что выигранное сраженіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія;—доказалъ, что сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ-то другомъ.

Французскіе историки, описывая положеніе французскаго войска предъ выходомъ изъ Москвы, утверждаютъ, что все въ Великой арміи было въ порядкѣ, исключая кавалеріи, артиллеріи и обозовъ, да не было фуража для корма лошадей и рогатаго скота. Этому бѣдствію не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сѣно и не давали французамъ.

Выигранное сраженіе не принесло обычныхъ результатовъ, потому что мужики Карпъ и Власъ, которые послѣ выступленія французовъ пріѣхали въ Москву съ подводами грабить городъ и вообще не выказывали лично геройскихъ чувствъ, и все безчисленное количество такихъ мужиковъ не везли сѣна въ Москву за хорошія деньги, которыя имъ предлагали, а жгли его.

Представимъ себѣ двухъ людей, вышедшихъ на поединокъ со шпагами по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства: фехтованіе продолжалось довольно долгое время; вдругъ, одинъ изъ противниковъ, почувствовавъ себя раненымъ понявъ, что дѣло это не шутка, а касается его жизни, бро-

снялъ шпагу и, взявъ первую попавшуюся дубину, началъ ворочать ею. Но представимъ себѣ, что противникъ, такъ разумно употребившій лучшее и простѣйшее средство для достиженія цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевленный преданіями рыцарства, захотѣлъ бы скрыть сущность дѣла и настаивалъ бы на томъ, что онъ по всѣмъ правиламъ искусства побѣдилъ на шпагахъ. Можно себѣ представить, какая путаница и неясность произошли бы отъ такого описанія происшедшаго поединка!

Фехтовальщикъ, требовавшій борьбы по правиламъ искусства, были французы; его противникъ, бросившій шпагу и поднявшій дубину, были русскіе; люди, старающіеся объяснить все по правиламъ фехтованія, — историки, которые писали объ этомъ событіи.

Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни подъ какія прежнія преданія войнъ. Сожженіе городовъ и деревень, отступленіе послѣ сраженій, ударъ Бородина и опять отступленіе, пожаръ Москвы, ловля мародеровъ, переимка транспортовъ, партизанская война, — все это были отступленія отъ правилъ.

Наполеонъ чувствовалъ это и съ самаго того времени, когда онъ въ правильной позѣ фехтованія остановился въ Москвѣ и вмѣсто шпаги противника увидалъ поднятую надъ собой дубину, онъ не переставалъ жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всѣмъ правиламъ (какъ будто существуютъ какія-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы французовъ о неисполненіи правилъ, несмотря на то, что русскимъ, высшимъ по положенію людямъ казалось почему-то стыднымъ драться дубиной, а хотѣлось по всѣмъ правиламъ

стать въ позицію en quarte или en tierce, сдѣлать искусное выпаденіе въ prime и т. д.,—дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьихъ вкусовъ и правилъ, съ глупой простотой, но съ цѣлесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе.

И благо тому народу, который не какъ французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаютъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью.

II.

Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей жмущихся въ кучу. Такого рода дѣйствія всегда проявляются въ войнѣ, принимающей народный характеръ. Дѣйствія эти состоятъ въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы становиться толпой противъ толпы, люди расходятся врозь, нападаютъ по одиночкѣ и тотчасъ же бѣгутъ, когда на нихъ нападаютъ большими силами, а потомъ опять нападаютъ, когда представляется случай. Это дѣлали гверильясы въ Испаніи; это дѣлали горцы на Кавказѣ; это дѣлали русскіе въ 1812-мъ году;

Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что, назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ, такого рода война не только не подходитъ ни подъ какія правила, но прямо противоположна извѣстному и, признанному за непогрѣшимое, тактическому правилу. Правило это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска съ тѣмъ, чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе противника.

Партизанская война (всегда успѣшная, какъ показываетъ исторія) прямо противоположна этому правилу.

Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ численностью. Военная наука говоритъ, что чѣмъ больше войска, тѣмъ больше силы. Les gros bataillons ont toujours raison.

Говоря это, военная наука подобна той механикѣ, которая, основываясь на разсмотрѣніи силъ только по отношенію къ ихъ массамъ, сказала бы, что силы равны или не равны между собою потому, что равны или не равны ихъ массы.

Сила (количество движенія) есть произведеніе изъ массы на скорость.

Въ военномъ дѣлѣ сила войскъ есть также произведеніе изъ массы на что-то такое, на какое-то неизвѣстное *x*.

Военная наука, видя въ исторіи безчисленное количество примѣровъ того, что масса войскъ не совпадаетъ съ силой, что малые отряды побѣждаютъ большіе, смутно признаетъ существованіе этого неизвѣстнаго множителя и старается отыскать его, то въ геометрическомъ построеніи, то въ вооруженіи, то, самое обыкновенное,—въ геніальности полководцевъ. Но постановленіе всѣхъ этихъ значеній множителя

не доставляетъ результатовъ, согласныхъ съ историческими фактами.

А между тѣмъ стоитъ только отрѣшиться отъ установившагося, въ угоду героямъ, ложнаго взгляда на дѣйствительность распоряженій высшихъ властей во время войны для того, чтобы отыскать этотъ неизвѣстный *x*.

X этотъ есть духъ войска, т.-е. большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасностямъ всѣхъ людей, составляющихъ войско, совершенно независимо отъ того, дерутся ли люди подъ командой геніевъ или не геніевъ, въ трехъ или двухъ линіяхъ, дубинами или ружьями, стрѣляющими 30 разъ въ минуту. Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя и въ наивыгоднѣйшія условія для драки.

Духъ войска—есть множитель на массу, дающій произведеніе силы. Опредѣлить и выразить значеніе духа войска, этого неизвѣстнаго множителя, есть задача науки.

Задача эта возможна только тогда, когда мы перестанемъ произвольно подставлять, вмѣсто значенія всего неизвѣстнаго *X*, тѣ условія, при которыхъ проявляется сила, какъ-то: распоряженія полководца, вооруженіе и т. д., принимая ихъ за значеніе множителя, а признаемъ это неизвѣстное во всей его цѣльности, т.-е. какъ большее или меньшее желаніе драться и подвергать себя опасности. Тогда только, выражая уравненіями извѣстные историческіе факты, изъ сравненія относительнаго значенія этого неизвѣстнаго, можно надѣяться на опредѣленіе самого неизвѣстнаго.

Десять человѣкъ, батальоновъ или дивизій, сражаясь съ пятнадцатью человѣками, батальонами или дивизіями, побѣдили пятнадцать, т.-е. убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ

безъ остатка и сами потеряли четыре, стало быть, уничтожились съ одной стороны четыре, съ другой стороны пятнадцать. Слѣдовательно, четыре были равны пятнадцати, и слѣдовательно, $4x=15y$. Слѣдовательно $x:y=15:4$. Уравненіе это не даетъ значенія неизвѣстнаго, но оно даетъ отношеніе между двумя неизвѣстными. И изъ подведенія подъ таковыя уравненія историческихъ различно взятыхъ единицъ (сраженій, кампаній, періодовъ войнъ) получатся ряды чиселъ, въ которыхъ должны существовать и могутъ быть открыты законы.

Тактическое правило о томъ, что надо дѣйствовать массами при наступленіи и разрозненно при отступленіи, безсознательно подтверждаетъ только ту истину, что сила войска зависитъ отъ его духа. Для того, чтобы вести людей подъ ядра, нужно больше дисциплины, достигаемой только движеніемъ въ массахъ, чѣмъ для того, чтобы отбиваться отъ нападающихъ. Но правило это, при которомъ упускается изъ виду духъ войска, безпрестанно оказывается невѣрнымъ и въ особенности поразительно противорѣчитъ дѣйствительности тамъ, гдѣ является сильный подъемъ или упадокъ духа войска,—во всѣхъ народныхъ войнахъ.

Французы, отступая въ 1812-мъ году, хотя и должны бы защищаться отдѣльно по тактикѣ, жмутся въ кучу, потому что духъ войска упалъ такъ, что только масса сдерживаетъ войско вмѣстѣ. Русскіе, напротивъ, по тактикѣ должны бы были нападать массой, на дѣлѣ же раздробляются, потому что духъ поднятъ такъ, что отдѣльныя лица бьютъ безъ приказанія французовъ и не нуждаются въ принужденіи для того, чтобы подвергать себя трудамъ и опасностямъ.

III.

Такъ называемая партизанская война началась со вступленія непріятеля въ Смоленскъ.

Прежде, чѣмъ партизанская война была офиціально принята нашимъ правительствомъ, уже тысячи людей непріятельской арміи—отсталые мародеры, фуражиры—были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этихъ людей такъ же безсознательно, какъ безсознательно собаки загрызаютъ забѣглую бѣшеную собаку. Денисъ Давыдовъ своимъ русскимъ чутьемъ первый понялъ значеніе той страшной дубины, которая, не спрашивая правилъ военнаго искусства, уничтожала французовъ, и ему принадлежитъ слава перваго шага для узаконенія этого пріема войны.

24-го числа августа былъ учрежденъ первый партизанскій отрядъ Давыдова и, вслѣдъ за его отрядомъ, стали учреждаться другіе. Чѣмъ дальше подвигалась кампанія, тѣмъ болѣе увеличивалось число этихъ отрядовъ.

Партизаны уничтожали великую армію по частямъ. Они подбирали тѣ отпадавшіе листья, которые сами собою сыпались съ изсохшаго дерева—французскаго войска, и иногда трясли это дерево. Въ октябрѣ, въ то время какъ французы бѣжали къ Смоленску, этихъ партій различныхъ величинъ и характеровъ были сотни. Были партіи, перенимавшія всѣ пріемы арміи, съ пѣхотой, артиллеріей, штабами, съ удобствами жизни; были однѣ казачьи, кавалерійскія; были мелкія, сборныя, пѣшія и конныя, были мужицкія и помѣщичьи, никому неизвѣстныя. Былъ дьячокъ начальникомъ партіи, взявшій въ мѣсяцъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ; была старостиха Василиса, побившая сотни французовъ.

Послѣднія числа октября было время самаго разгара партизанской войны. Тотъ первый періодъ этой войны, во время которой партизаны, сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными французами и, не разсѣдлывая и почти не слѣзая съ лошадей, прятались по лѣсамъ, ожидая всякую минуту погони, уже прошелъ. Теперь уже война эта опредѣлилась, всѣмъ стало ясно, что̀ можно было предпринять съ французами и чего нельзя было препринимать. Теперь уже только тѣ начальники отрядовъ, которые съ штабами, по правиламъ, ходили вдали отъ французовъ, считали еще многое невозможнымъ. Мелкіе же партизаны, давно уже начавшіе свое дѣло и близко высматривавшіе французовъ, считали возможнымъ то, о чемъ не смѣли и думать начальники большихъ отрядовъ. Казаки же и мужики, лазившіе между французами, считали, что теперь уже все было возможно.

22-го октября Денисовъ, бывшій однимъ изъ партизановъ, находился съ своей партіей въ самомъ разгарѣ партизанской страсти. Съ утра онъ съ своей партіей былъ на ходу. Онъ цѣлый день по лѣсамъ, примыкавшимъ къ большой дорогѣ, слѣдилъ за большимъ французскимъ транспортомъ кавалерійскихъ вещей и русскихъ плѣнныхъ, отдѣлившимся отъ другихъ войскъ и подъ сильнымъ прикрытіемъ, какъ это было извѣстно отъ лазутчиковъ и плѣнныхъ, направлявшимся къ Смоленску. Про этотъ транспортъ было извѣстно не только Денисову и Долохову (тоже партизану съ небольшой партіей), ходившему близко отъ Денисова, но и начальникамъ большихъ отрядовъ съ штабами: всѣ знали про этотъ транспортъ и, какъ говорилъ Денисовъ, точили на него зубы. Два изъ этихъ большихъ отрядныхъ начальниковъ — одинъ полякъ,

другой нѣмецъ — почти въ одно и то же время прислали Денисову приглашеніе присоединиться, каждый къ своему отряду, съ тѣмъ, чтобы напасть на транспортъ.

— Нѣтъ, бг'атъ, я самъ съ усамъ,—сказалъ Денисовъ, прочтя эти бумаги, и написалъ нѣмцу, что, несмотря на душевное желаніе, которое онъ имѣлъ служить подъ начальствомъ столь доблестнаго и знаменитаго генерала, онъ долженъ лишить себя этого счастія, потому что уже поступилъ подъ начальство генерала-поляка. Генералу же поляку онъ написалъ то же самое, увѣдомляя его, что онъ уже поступилъ подъ начальство нѣмца.

Распорядившись такимъ образомъ, Денисовъ намѣревался, безъ донесенія о томъ высшимъ начальникамъ, вмѣстѣ съ Долоховымъ атаковать и взять этотъ транспортъ своими небольшими силами. Транспортъ шелъ 22 октября отъ деревни Микулиной къ деревнѣ Шамшевой. Съ лѣвой стороны дороги отъ Микулина къ Шамшеву шли большіе лѣса, мѣстами подходившіе къ самой дорогѣ, мѣстами отдалявшіеся отъ дороги на версту и больше. По этимъ то лѣсамъ, цѣлый день, то углубляясь въ средину ихъ, то выѣзжая на опушку, ѣхалъ съ партіей Денисовъ, не выпуская изъ виду двигавшихся французовъ. Съ утра недалеко отъ Микулина, тамъ, гдѣ лѣсъ близко подходилъ къ дорогѣ, казаки изъ партіи Денисова захватили двѣ, ставшія въ грязи, французскія фуры съ кавалерійскими сѣдлами и увезли ихъ въ лѣсъ. Съ тѣхъ поръ и до самого вечера партія, не нападая, слѣдила за движеніемъ французовъ. Надо было, не испугавъ ихъ, дать спокойно дойти до Шамшева и тогда, соединившись съ Долоховымъ, который долженъ былъ къ вечеру пріѣхать на совѣщаніе къ караулкѣ въ лѣсу (въ верстѣ отъ Шамшева),

на разсвѣтѣ пасть съ двухъ сторонъ какъ снѣгъ на голову и побить и забрать всѣхъ разомъ.

Позади, въ двухъ верстахъ отъ Микулина, тамъ, гдѣ лѣсъ подходилъ къ самой дорогѣ, было оставлено шесть казаковъ, которые должны были донести сейчасъ же, какъ только покажутся новыя колонны французовъ.

Впереди Шамшева, точно такъ же Долоховъ долженъ былъ изслѣдовать дорогу, чтобы знать, на какомъ разстояніи есть еще другія французскія войска. При транспортѣ предполагалось 1,500 человѣкъ. У Денисова было 200 человѣкъ, у Долохова могло быть столько же. Но превосходство числа не останавливало Денисова. Одно только, что еще нужно было знать ему, это то, какія именно были эти войска; и для этой цѣли Денисову нужно было взять *языка* (т.-е. человѣка изъ непріятельской колонны). Въ утреннее нападеніе на фуры, дѣло сдѣлалось съ такою посиѣшностью, что бывшихъ при фурахъ французовъ всѣхъ перебили и захватили живымъ только мальчишку барабанщика, который былъ отсталый и ничего не могъ сказать положительно о томъ, какія были войска въ колоннѣ.

Нападать другой разъ Денисовъ считалъ опаснымъ, чтобы не встревожить всю колонну, а потому онъ послалъ впередъ въ Шамшево бывшаго при его партіи мужика Тихона Щербатова захватить, ежели можно, хоть одного изъ бывшихъ тамъ французскихъ передовыхъ квартиргеровъ.

IV.

Былъ осенній, теплый, дождливый день. Небо и горизонтъ были одного и того же цвѣта мутной воды. То падалъ какъ будто туманъ, то вдругъ припускалъ косой, крупный дождь.

На породистой, худой, съ подтянутыми боками лошади, въ буркѣ и папахѣ, съ которыхъ струилась вода, ѣхалъ Денисовъ. Онъ такъ же, какъ и его лошадь, косившая голову и поджимавшая уши, морщился отъ косого дождя и озабоченно присматривался впередъ. Исхудавшее и обросшее густой, короткой, черной бородой лицо его казалось сердито.

Рядомъ съ Денисовымъ, также въ буркѣ и папахѣ, на сытомъ, крупномъ донцѣ ѣхалъ казачій эсаулъ—сотрудникъ Денисова.

Эсаулъ Ловайскій — третій, также въ буркѣ и папахѣ, былъ длинный, плоскій какъ доска, бѣлолицый, бѣлокурый человѣкъ съ узкими, свѣтлыми глазками и спокойно самодовольнымъ выраженіемъ и въ лицѣ, и въ посадкѣ. Хотя и нельзя было сказать, въ чемъ состояла особенность лошади и сѣдока, но при первомъ взглядѣ на эсаула и Денисова видно было, что Денисову и мокро, и неловко, — что Денисовъ человѣкъ, который сѣлъ на лошадь; тогда какъ, глядя на эсаула, видно было, что ему такъ же удобно и покойно, какъ и всегда, и что онъ не человѣкъ, который сѣлъ на лошадь, а человѣкъ вмѣстѣ съ лошадью—одно увеличенное двойною силой существо.

Немного впереди ихъ шелъ насквозь промокшій мужичокъ-проводникъ, въ сѣромъ кафтанѣ и бѣломъ колпакѣ.

Немного сзади, на худой, тонкой, киргизской лошаденкѣ съ огромнымъ хвостомъ и гривой и съ продранными въ кровь губами, ѣхалъ молодой офицеръ въ синей, французской шинели.

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ гусаръ, везя за собой на крупѣ лошади мальчика въ французскомъ оборванномъ мундирѣ и

синемъ колпакѣ. Мальчикъ держался красными отъ холода руками за гусара, пошевеливалъ, стараясь согрѣть ихъ, свои босыя ноги и, поднявъ брови, удивленно оглядывался вокругъ себя. Это былъ взятый утромъ французскій барабанщикъ.

Сзади, по трое, по четверо, по узкой, раскиснувшей и изъѣзжанной лѣсной дорогѣ, тянулись гусары, потомъ казаки, кто въ буркѣ, кто въ французской шинели, кто въ попонѣ, накинутой на голову. Лошади, и рыжія, и гнѣдыя, всѣ казались вороными отъ струившагося съ нихъ дождя. Шеи лошадей казались странно тонкими отъ смокшихся гривъ. Отъ лошадей поднимался паръ. И одежды, и сѣдла, и поводья, все было мокро, склизко и раскисло такъ же, какъ и земля и опавшіе листья, которыми была уложена дорога. Люди сидѣли нахохлившись, стараясь не шевелиться, чтобы отогрѣвать ту воду, которая пролилась до тѣла, и не пропускать новую, холодную, подтекавшую подъ сидѣнья, колѣни и за шеи. Въ серединѣ вытянувшихся казаковъ двѣ фуры на французскихъ и подпряженныхъ въ сѣдлахъ казачьихъ лошадяхъ громыхали по пнямъ и сучьямъ и бурчали по наполненнымъ водою колеямъ дороги.

Лошадь Денисова, обходя лужу, которая была на дорогѣ, потянулась въ сторону и толкнула его колѣнкой о дерево.

— Э, чог'тъ! — злобно вскрикнулъ Денисовъ и, оскаливъ зубы, плетью раза три ударилъ лошадь, забрызгавъ себя и товарищей грязью. Денисовъ былъ не въ духѣ: и отъ дождя, и отъ голода (съ утра никто ничего не ѣлъ), и, главное — отъ того, что отъ Долохова до сихъ поръ не было извѣстій, и посланный взять языка не возвращался.

„Едва ли выйдетъ другой такой случай какъ нынче напасть на транспортъ. Одному нападать слишкомъ рисковано, а отложить до другого дня, — изъ-подъ носа захватитъ добычу кто-нибудь изъ большихъ партизановъ“, думалъ Денисовъ, безпрестанно взглядывая впередъ, думая увидать ожидаемаго посланнаго отъ Долохова.

Выѣхавъ на просѣку, по которой видно было далеко направо, Денисовъ остановился.

— Ѣдетъ кто-то,—сказалъ онъ.

Эсаулъ посмотрѣлъ по направленію, указываемому Денисовымъ.

— Ѣдутъ двое, — офицеръ и казакъ. Только не *прeдположительно*, чтобы былъ самъ подполковникъ,—сказалъ эсаулъ, любившій употреблять неизвѣстныя казакамъ слова.

Ѣхавшіе, спустившись подъ гору, скрылись изъ виду и черезъ нѣсколько минутъ опять показались. Впереди усталымъ галопомъ, погоняя нагайкой, ѣхалъ офицеръ—растрепанный, насквозь промокшій и съ взбившимися выше колѣнъ панталонами. За нимъ стоя на стременахъ рысилъ казакъ. Офицеръ этотъ, очень молоденькій мальчикъ, съ широкимъ, румянымъ лицомъ и быстрыми, веселыми глазами, подскакалъ къ Денисову и подалъ ему промокшій конвертъ.

— Отъ генерала,— сказалъ офицеръ, — извините, что не совсѣмъ сухо...

Денисовъ, нахмурившись, взялъ конвертъ и сталъ распечатывать.

— Вотъ говорили все, что опасно, опасно,—сказалъ офицеръ, обращаясь къ эсаулу, въ то время, какъ Денисовъ читалъ поданный ему конвертъ.—Впрочемъ, мы съ Комаровымъ,—онъ указалъ на казака,—приготовились. У насъ но

два писто... А это что жъ?— спросилъ онъ, увидавъ французскаго барабанщина,—плѣнный? Вы уже въ сраженіи были? Можно съ нимъ поговорить?

— Г'остовъ! Петя! — крикнулъ въ это время Денисовъ, пробѣжавъ поданный ему конвертъ.—Да какъ же ты не сказалъ кто ты?—и Денисовъ съ улыбкой, обернувшись, протянулъ руку офицеру.

Офицеръ этотъ былъ Петя Ростовъ.

Во всю дорогу Петя приготавливался къ тому, какъ онъ, какъ слѣдуетъ большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будетъ держать себя съ Денисовымъ. Но какъ только Денисовъ улыбнулся ему, Петя тотчасъ же просіялъ, покраснѣлъ отъ радости и забывъ приготовленную офиціальность, началъ разсказывать о томъ, какъ онъ проѣхалъ мимо французовъ и какъ онъ радъ, что ему дано такое порученіе, и что онъ былъ уже въ сраженіи подъ Вязьмой и что тамъ отличился одинъ гусаръ.

— Ну, я г'адъ тебя видѣть, — перебилъ его Денисовъ и лицо его приняло опять озабоченное выраженіе.

— Михаилъ Ѳеоклитычъ, — обратился онъ къ эсаулу,— вѣдь это опять отъ нѣмца. Онъ пг'и немъ состоитъ. — И Денисовъ разсказалъ эсаулу, что содержаніе бумаги, привезенной сейчасъ, состояло въ повторенномъ требованіи отъ генерала-нѣмца присоединиться для нападенія на транспортъ.— Ежели мы его завтг'а не возьмемъ, онъ у насъ изъ-подъ носа выг'ветъ,—заключилъ онъ.

Въ то время, какъ Денисовъ говорилъ съ эсауломъ, Петя, сконфуженный холоднымъ тономъ Денисова и предполагая, что причиною этого тона было положеніе его панталонъ, такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, подъ шинелью по-

правлялъ взбившіеся панталоны, стараясь имѣть видъ какъ можно воинственнѣе.

— Будетъ какое приказаніе отъ вашего высокоблагородія?—сказалъ онъ Денисову, приставляя руку къ козырьку, и опять возвращаясь къ игрѣ въ адъютанта и генерала, къ которой онъ приготовился,—или долженъ я оставаться при вашемъ высокоблагородіи?

— Пг'иказанія?.. — задумчиво сказалъ Денисовъ.— Да ты можешь ли остаться до завтг'ашняго дня?

— Ахъ, пожалуйста... Можно мнѣ при васъ остаться?— вскрикнулъ Петя.

— Да какъ тебѣ именно велѣно отъ генег'ала — сейчасъ вег'нуться?—спросилъ Денисовъ.—Петя покраснѣлъ.

— Да онъ ничего не велѣлъ, я думаю можно? — сказалъ онъ вопросительно.

— Ну, ладно,—сказалъ Денисовъ. И обратившись къ своимъ подчиненнымъ, онъ сдѣлалъ распоряженія о томъ, чтобы партія шла къ назначенному у караулки въ лѣсу мѣсту отдыха, и чтобы офицеръ на киргизской лошади (офицеръ этотъ исполнялъ должность адъютанта), ѣхалъ отыскивать Долохова, узнать, гдѣ онъ и придетъ ли онъ вечеромъ. Самъ же Денисовъ съ эсауломъ и Петей намѣревался подъѣхать къ опушкѣ лѣса, выходившей къ Шамшеву съ тѣмъ, чтобы взглянуть на то мѣсто расположенія французовъ, на которое должно было быть направлено завтрашнее нападеніе.

— Ну бог'ода,—обратился онъ къ мужику-проводнику,— веди къ Шамшеву.

Денисовъ, Петя, эсаулъ, сопутствуемые нѣсколькими казаками и гусаромъ, который везъ плѣннаго, поѣхали влѣво, черезъ оврагъ, къ опушкѣ лѣса.

V.

Дождикъ прошелъ, только падалъ туманъ и капли воды съ вѣтокъ деревьевъ. Денисовъ, эсаулъ и Петя молча ѣхали за мужикомъ въ колпакѣ, который легко и беззвучно ступая своими вывернутыми въ лаптяхъ ногами, по кореньямъ и мокрымъ листьямъ, велъ ихъ къ опушкѣ лѣса.

Выйдя на изволокъ, мужикъ пріостановился, огляделся и направился къ рѣдѣющей стѣнѣ деревьевъ. У большого дуба, еще не скинувшаго листа, онъ остановился и таинственно поманилъ къ себѣ рукой.

Денисовъ и Петя подъѣхали къ нему. Съ того мѣста, на которомъ остановился мужикъ, были видны французы. Сейчасъ за лѣсомъ шло внизъ полубугромъ яровое поле. Вправо, черезъ крутой оврагъ, виднѣлась небольшая деревушка и барскій домикъ съ развалеными крышами. Въ этой деревушкѣ и въ барскомъ домѣ, и по всему бугру въ саду, у колодцевъ и пруда, и по всей дорогѣ въ гору отъ моста къ деревнѣ, не болѣе какъ въ 200-хъ саженяхъ разстоянія виднѣлись въ колеблющемся туманѣ толпы народа. Слышны были явственно ихъ нерусскіе крики на выдиравшихся въ гору лошадей въ повозкахъ и призывы другъ другу.

— Плѣннаго дайте сюда,—негромко сказалъ Денисовъ, не спуская глазъ съ французовъ.

Казакъ слѣзъ съ лошади, снялъ мальчика и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ Денисову. Денисовъ, указывая на французовъ, спрашивалъ, какія и какія это были войска. Мальчикъ, засунувъ свои озябшія руки въ карманы и поднявъ брови, испуганно смотрѣлъ на Денисова и, несмотря на видимое желаніе сказать все, что онъ зналъ, путался въ сво-

ихъ отвѣтахъ и только подтверждалъ то, что̀ спрашивалъ Денисовъ. Денисовъ, нахмурившись, отвернулся отъ него и обратился къ эсаулу, сообщая ему свои соображенія.

Петя, быстрыми движеніями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на эсаула, то на французовъ въ деревнѣ и на дорогѣ, стараясь не пропустить чего-нибудь важнаго.

— Пг'идетъ, не пг'идетъ Долоховъ, надо бг'ать!.. А? — сказалъ Денисовъ, весело блеснувъ глазами.

— Мѣсто удобное,—сказалъ эсаулъ.

— Пѣхоту низомъ пошлемъ—болотами,—продолжалъ Денисовъ: — они подлѣзутъ къ саду; вы заѣдете съ казаками оттуда,—Денисовъ указалъ на лѣсъ за деревней,—а я отсюда, съ своими гусаг'ами. И по выстг'ѣлу...

— Лощиной нельзя будетъ,—трясина,—сказалъ эсаулъ.— Коней увязишь, надо объѣзжать полѣвѣе...

Въ то время, какъ они вполголоса говорили такимъ образомъ, внизу, въ лощинѣ отъ пруда, щелкнулъ одинъ выстрѣлъ, забѣлѣлся дымокъ, и послышался дружный, какъ будто веселый крикъ сотенъ голосовъ французовъ, бывшихъ на полугорѣ. Въ первую минуту и Денисовъ, и эсаулъ подались назадъ. Они были такъ близко, что имъ показалось, что они были причиной этихъ выстрѣловъ и криковъ. Но выстрѣлы и крики не относились къ нимъ. Низомъ, по болотамъ, бѣжалъ человѣкъ въ чемъ-то красномъ. Очевидно по немъ стрѣляли и на него кричали французы.

— Вѣдь это Тихонъ нашъ,—сказалъ эсаулъ.

— Онъ! онъ и есть!

— Эка шельма,—сказалъ Денисовъ.

— Уйдетъ!—щуря глаза сказалъ эсаулъ.

Человѣкъ, котораго они называли Тихономъ, подбѣжавъ къ рѣчкѣ, бултыхнулся въ нее такъ, что брызги полетѣли, и, скрывшись на мгновенье, весь черный отъ воды, выбрался на четвереньках и побѣжалъ дальше. Французы, бѣжавшіе за нимъ, остановились.

— Ну, ловокъ,—сказалъ эсаулъ.

— Экая бестія!—съ тѣмъ же выраженіемъ досады проговорилъ Денисовъ.—И что онъ дѣлалъ до сихъ пог'ъ?

— Это кто?—спросилъ Петя.

— Это нашъ пластунъ. Я его посылалъ языка взять.

— Ахъ, да, — сказалъ Петя съ перваго слова Денисова, кивая головой, какъ будто онъ все понялъ, хотя онъ рѣшительно не понялъ ни одного слова.

Тихонъ Щербатый былъ одинъ изъ самыхъ нужныхъ людей въ партіи. Онъ былъ мужикъ изъ Покровскаго подъ Гжатью. Когда, при началѣ своихъ дѣйствій, Денисовъ пришелъ въ Покровское и, какъ всегда, призвавъ старосту, спросилъ о томъ, что̀ имъ извѣстно про французовъ, староста отвѣчалъ, какъ отвѣчали и всѣ старосты, какъ бы защищаясь, что они ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ. Но когда Денисовъ объяснилъ имъ, что его цѣль бить французовъ, и когда онъ спросилъ, не забредали ли къ нимъ французы, то староста сказалъ, что *міродеры* бывали точно, но что у нихъ въ деревнѣ только одинъ Тишка Щербатый занимался этими дѣлами. Денисовъ велѣлъ позвать къ себѣ Тихона и, похваливъ его за его дѣятельность, сказалъ при старостѣ нѣсколько словъ о той вѣрности Царю и Отечеству и ненависти къ французамъ, которую должны блюсти сыны отечества.

— Мы французамъ худого не дѣлаемъ,—сказалъ Тихонъ, видимо оробѣвъ при этихъ словахъ Денисова. — Мы только такъ, значитъ, по охотѣ, баловались съ ребятами. *Міродеровъ* точно десятка два побили, а то мы худого не дѣлали...— На другой день, когда Денисовъ совершенно забывъ про этого мужика, вышелъ изъ Покровскаго, ему доложили, что Тихонъ присталъ къ партіи и просился, чтобы его при ней оставили. Денисовъ велѣлъ оставить его.

Тихонъ, сначала исправлявшій черную работу раскладки костровъ, доставленія воды, обдиранія лошадей и т. п., скоро оказалъ большую охоту и способность къ партизанской войнѣ. Онъ по ночамъ уходилъ на добычу и всякій разъ приносилъ съ собой платье и оружіе французское, а когда ему приказывали, то приводилъ и плѣнныхъ. Денисовъ отставилъ Тихона отъ работъ, сталъ брать его съ собою въ разъѣзды и зачислилъ въ казаки.

Тихонъ не любилъ ѣздить верхомъ и всегда ходилъ пѣшкомъ, никогда не отставая отъ кавалеріи. Оружіе его составляло мушкетонъ, которое онъ носилъ больше для смѣха, пика и топоръ, которымъ онъ владѣлъ, какъ волкъ владѣетъ зубами, одинаково легко выбирая ими блохъ изъ шерсти и перекусывая толстыя кости. Тихонъ одинаково вѣрно, со всего размаха, раскалывалъ топоромъ бревна и, взявъ топоръ за обухъ, выстрагивалъ имъ тонкіе колышки и вырѣзывалъ ложки. Въ партіи Денисова Тихонъ занималъ свое особенное, исключительное мѣсто. Когда надо было сдѣлать что-нибудь особенно трудное и гадкое — выворотить плечомъ въ грязи повозку, за хвостъ вытащить изъ болота лошадь, ободрать ее, залѣзть въ самую середину французовъ, пройти въ день по 50-ти верстъ,—всѣ указывали, посмѣиваясь, на Тихона.

— Что ему, чорту, дѣлается, меринина здоровенный,—говорили про него.

Одинъ разъ французъ, котораго бралъ Тихонъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и попалъ ему въ мякоть спины. Рана эта, отъ которой Тихонъ лѣчился только водкой внутренно и наружно, была предметомъ самыхъ веселыхъ шутокъ во всемъ отрядѣ, и шутокъ, которымъ охотно поддавался Тихонъ.

— Что, братъ, не будешь! Али скрючило?—смѣялись ему казаки, и Тихонъ, нарочно скорчившись и дѣлая рожи, притворяясь, что онъ сердится, самыми смѣшными ругательствами бранилъ французовъ. Случай этотъ имѣлъ на Тихона только то вліяніе, что послѣ своей раны онъ рѣдко приводилъ плѣнныхъ.

Тихонъ былъ самый полезный и храбрый человѣкъ въ партіи. Никто больше его не открылъ случаевъ нападенія, никто больше его не побралъ и не побилъ французовъ; и вслѣдствіе этого онъ былъ шутъ всѣхъ казаковъ, гусаровъ и самъ охотно поддавался этому чину. Теперь Тихонъ былъ посланъ Денисовымъ въ ночь еще въ Шамшево для того, чтобы взять языка. Но или потому, что онъ не удовлетворился однимъ французомъ, или потому, что онъ проспалъ ночь, онъ днемъ залѣзъ въ кусты, въ самую середину французовъ и, какъ видѣлъ съ горы Денисовъ, былъ открытъ ими.

VI.

Поговоривъ еще нѣсколько времени съ эсауломъ о завтрашнемъ нападеніи, которое теперь, глядя на близость французовъ, Денисовъ, казалось, окончательно рѣшилъ, онъ повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ.

— Ну, б'гатъ, тепег'ь поѣдемъ обсушимся,—сказалъ онъ Петѣ.

Подъѣзжая къ лѣсной караулкѣ, Денисовъ остановился, вглядываясь въ лѣсъ. По лѣсу, между деревьевъ, большими легкими шагами шелъ на длинныхъ ногахъ, съ длинными мотающимися руками человѣкъ въ курткѣ, лаптяхъ и казанской шляпѣ, съ ружьемъ черезъ плечо и топоромъ за поясомъ. Увидавъ Денисова, человѣкъ этотъ поспѣшно швырнулъ что-то въ кустъ и, снявъ съ отвисшими полями мокрую шляпу, подошелъ къ начальнику. Это былъ Тихонъ. Изрытое оспой и морщинами лицо его съ маленькими узкими глазами сіяло самодовольнымъ весельемъ. Онъ высоко поднялъ голову и, какъ будто удерживаясь отъ смѣха, уставился на Денисова.

— Ну, гдѣ пг'опадалъ?—сказалъ Денисовъ.

— Гдѣ пропадалъ? За французами ходилъ,—смѣло и поспѣшно отвѣчалъ Тихонъ, хриплымъ, но пѣвучимъ басомъ.

— Зачѣмъ же ты днемъ полѣзъ? Скотина. Ну что-жъ, не взялъ?

— Взять-то, взялъ,— сказалъ Тихонъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Да я его взялъ сперва на-перво на зорькѣ еще,—продолжалъ Тихонъ, переставляя пошире плоскія вывернутыя въ лаптяхъ ноги, — да и свелъ въ лѣсъ. Вижу не ладенъ. Думаю, дай схожу, другого поаккуратнѣе какого возьму.

— Ишь шельма, такъ и есть,—сказалъ Денисовъ эсаулу.— Зачѣмъ же ты этого не пг'ивелъ?

— Да что-жъ его водить-то,—сердито и поспѣшно перебилъ Тихонъ,—ногожающій. Развѣ я не знаю какихъ вамъ надо?

— Эка бестія!.. Ну?..

— Пошелъ за другимъ,—продолжалъ Тихонъ,—подполозъ я такимъ манеромъ въ лѣсъ, да и легъ. — Тихонъ неожиданно и гибко легъ на брюхо, представляя въ лицахъ, какъ онъ это сдѣлалъ.—Одинъ и навернись,—продолжалъ онъ.— Я его такимъ манеромъ и сгребъ. — Тихонъ быстро, легко вскочилъ.—Пойдемъ, говорю, къ полковнику. Какъ загалдитъ. А ихъ тутъ четверо. Бросились на меня съ шпажками. Я на нихъ такимъ манеромъ, топоромъ; что вы, молъ, Христосъ съ вами,—вскрикнулъ Тихонъ, размахнувъ руками и грозно хмурясь, выставляя грудь.

— То-то мы съ горы видѣли, какъ ты стрѣчка задавалъ, черезъ лужи-то, — сказалъ эсаулъ суживая свои блестящіе глаза.

Петѣ очень хотѣлось смѣяться, но онъ видѣлъ, что всѣ удерживались отъ смѣха. Онъ быстро переводилъ глаза съ лица Тихона на лицо эсаула и Денисова, не понимая того, что все это значило.

— Ты дуг'ака-то не пг'едставляй,—сказалъ Денисовъ сердито покашливая.—Зачѣмъ пег'ваго не пг'ивелъ?

Тихонъ сталъ чесать одной рукой спину, другой голову, и вдругъ вся рожа его растянулась въ сіяющую, глупую улыбку, открывшую недостатокъ зуба (за что онъ и прозванъ Щербатый). Денисовъ улыбнулся и Петя залился веселымъ смѣхомъ, къ которому присоединился и самъ Тихонъ.

— Да что, совсѣмъ несправный,— сказалъ Тихонъ.—Одеженка плохонькая на немъ, куда же его водить-то? Да и грубіянъ, ваше благородіе. Какъ же, говоритъ, я самъ анаральскій сынъ, не пойду, говоритъ.

— Экая скотина!—сказалъ Денисовъ.—Мнѣ г'азспг'осить надо...

— Да я его опрашивалъ,— сказалъ Тихонъ. — Онъ говоритъ плохо *знакомъ*. Нашихъ, говоритъ, и много, да все плохіе; только, говоритъ, одна названія. Ахнете, говоритъ, хорошенько, всѣхъ заберете,—заключилъ Тихонъ, весело и рѣшительно взглянувъ въ глаза Денисова.

— Вотъ я-те всыплю сотню гог'ячихъ, ты и будешь дуг'ака-токог'чить,—сказалъ Денисовъ строго.

— Да что же серчать-то, — сказалъ Тихонъ, — что жъ я не видалъ французовъ вашихъ? Вотъ дай позатемняетъ, я табе какихъ хошь, хоть троихъ приведу.

— Ну, поѣдемъ,—сказалъ Денисовъ, и до самой караулки онъ ѣхалъ сердито нахмурившись и молча.

Тихонъ зашелъ сзади и Петя слышалъ, какъ смѣялись съ нимъ и надъ нимъ казаки о какихъ-то сапогахъ, которые онъ бросилъ въ кустъ.

Когда прошелъ тотъ, овладѣвшій имъ, смѣхъ при словахъ и улыбкѣ Тихона, и Петя понялъ на мгновенье, что Тихонъ этотъ убилъ человѣка, ему сдѣлалось неловко. Онъ оглянулся на плѣннаго барабанщика и что-то кольнуло его въ сердце. Но эта неловкость продолжалась только одно мгновеніе. Онъ почувствовалъ необходимость повыше поднять голову, подбодриться и разспросить эсаула съ значительнымъ видомъ о завтрашнемъ предпріятіи съ тѣмъ, чтобы не быть недостойнымъ того общества, въ которомъ онъ находился.

Посланный офицеръ встрѣтилъ Денисова на дорогѣ съ извѣстіемъ, что Долоховъ самъ сейчасъ пріѣдетъ, и что съ его стороны все благополучно.

Денисовъ вдругъ повеселѣлъ и подозвалъ къ себѣ Петю.

— Ну г'азскажи ты мнѣ п'го себя,—сказалъ онъ.

VII.

Петя при выѣздѣ изъ Москвы, оставивъ своихъ родныхъ, присоединился къ своему полку и скоро послѣ этого былъ взятъ ординарцемъ къ генералу, командовавшему большимъ отрядомъ. Со времени своего производства въ офицеры и въ особенности съ поступленія въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ участвовалъ въ Вяземскомъ сраженіи, Петя находился въ постоянно счастливо-возбужденномъ состояніи радости на то, что онъ большой, и въ постоянно восторженной поспѣшности не пропустить какого-нибудь случая настоящаго геройства. Онъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ и испыталъ въ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему все казалось, что тамъ, гдѣ его нѣтъ, тамъ-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И онъ торопился поспѣть туда, гдѣ его теперь не было.

Когда 21-го октября его генералъ выразилъ желаніе послать кого-нибудь въ отрядъ Денисова, Петя такъ жалостно просилъ, чтобы послать его, что генералъ не могъ отказать. Но отправляя его, генералъ, поминая безумный поступокъ Пети въ Вяземскомъ сраженіи, гдѣ Петя, вмѣсто того, чтобы ѣхать дорогой туда, куда онъ былъ посланъ, поскакалъ въ цѣпь подъ огонь французовъ и выстрѣлилъ тамъ два раза изъ своего пистолета, отправляя его, генералъ именно запретилъ Петѣ участвовать въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ Денисова. Отъ этого-то Петя покраснѣлъ и смѣшался, когда Денисовъ спросилъ, можно ли ему остаться. До выѣзда на опушку лѣса Петя считалъ, что ему надобно, строго исполняя свой долгъ, сейчасъ же вернуться. Но когда онъ

увидалъ французовъ, увидалъ Тихона, узналъ, что въ ночь непремѣнно атакуютъ, онъ, съ быстротою переходовъ молодыхъ людей отъ одного взгляда къ другому, рѣшилъ самъ собою, что генералъ его, котораго онъ до сихъ поръ очень уважалъ,—дрянь, нѣмецъ, что Денисовъ герой и эсаулъ герой, и что Тихонъ герой и что ему было бы стыдно уѣхать отъ нихъ въ трудную минуту.

Уже смеркалось, когда Денисовъ съ Петей и эсауломъ подъѣхали къ караулкѣ. Въ полутьмѣ виднѣлись лошади въ сѣдлахъ, казаки, гусары, прилаживавшіе шалашики на полянѣ и (чтобы не видѣли дыма французы) разводившіе краснѣвшій огонь въ лѣсномъ оврагѣ. Въ сѣняхъ маленькой избушки, казакъ, засучивъ рукава, рубилъ баранину. Въ самой избѣ было три офицера изъ партіи Денисова, устроивавшіе столъ изъ двери. Петя снялъ, отдавъ сушить, свое мокрое платье и тотчасъ же принялся содѣйствовать офицерамъ въ устройствѣ обѣденнаго стола.

Черезъ десять минутъ былъ готовъ столъ, покрытый салфеткой. На столѣ была водка, ромъ въ фляжкѣ, бѣлый хлѣбъ и жареная баранина съ солью.

Сидя вмѣстѣ съ офицерами за столомъ и разрывая руками, по которымъ текло сало, жирную, душистую баранину, Петя находился въ восторженномъ дѣтскомъ состояніи нѣжной любви ко всѣмъ людямъ и вслѣдствіе того увѣренности въ такой же любви къ себѣ другихъ людей.

— Такъ что̀ же вы думаете, Василій Ѳедоровичъ,—обратился онъ къ Денисову,—ничего что я съ вами останусь денекъ.—И не дожидаясь отвѣта, онъ самъ отвѣчалъ себѣ:—вѣдь мнѣ велѣно узнать, ну, вотъ я и узнаю... Только вы меня пустите въ самую... въ главную... Мнѣ не нужно на-

градъ... А мнѣ хочется...—Петя стиснулъ зубы и оглянулся, подергивая кверху поднятой головой и размахивая рукой.

— Въ самую главную...—повторилъ Денисовъ улыбаясь.

— Только ужъ, пожалуйста, мнѣ дайте команду совсѣмъ, чтобы я командовалъ,—продолжалъ Петя, ну что вамъ стóитъ? Ахъ, вамъ ножикъ?—обратился онъ къ офицеру, хотѣвшему отрѣзать баранины. И онъ подалъ свой складной ножикъ.

Офицеръ похвалилъ ножикъ.

— Возьмите, пожалуйста, себѣ. У меня много такихъ...—покраснѣвъ сказалъ Петя.—Батюшки! Я и забылъ совсѣмъ,—вдругъ вскрикнулъ онъ.—У меня изюмъ чудесный, знаете, такой безъ косточекъ. У насъ маркитантъ новый и такія прекрасныя вещи. Я купилъ десять фунтовъ. Я привыкъ, что-нибудь сладкое... Хотите?..—И Петя побѣжалъ въ сѣни къ своему казаку, принесъ торбы, въ которыхъ было фунтовъ пять изюму.—Кушайте, господа, кушайте.

— А то не нужно ли вамъ кофейникъ?—обратился онъ къ эсаулу. Я у нашего маркитанта купилъ чудесный! У него прекрасныя вещи. И онъ честный очень. Это главное. Я вамъ пришлю непремѣнно. А можетъ-быть еще, у васъ вышли, обились кремни,—вѣдь это бываетъ. Я взялъ съ собою, у меня вотъ тутъ...—онъ показалъ на торбы,—сто кремней. Я очень дешево купилъ. Возьмите, пожалуйста, сколько нужно, а то и всѣ...—И вдругъ испугавшись, не заврался ли онъ, Петя остановился и покраснѣлъ.

Онъ сталъ вспоминать, не сдѣлалъ ли онъ еще какихъ-нибудь глупостей. И перебирая воспоминанія нынѣшняго дня, воспоминаніе о французѣ-барабанщикѣ представилось ему.—„Намъ-то отлично, а ему каково? Куда его дѣли? Покормили ли его? Не обидѣли ли его?“ подумалъ онъ.

Но замѣтивъ, что онъ заврался о кремняхъ, онъ теперь боялся.

„Спросить бы можно? — думалъ онъ, — да скажутъ: самъ мальчикъ и мальчика пожалѣлъ. Я имъ покажу завтра, какой я мальчикъ! Стыдно будетъ, если я спрошу? — думалъ Петя. — Ну, да все равно! — и тотчасъ же, покраснѣвъ и испуганно глядя на офицеровъ, не будетъ ли въ ихъ лицахъ насмѣшки, онъ сказалъ:

— А можно позвать этого мальчика, что взяли въ плѣнъ? дать ему чего-нибудь поѣсть... можетъ...

— Да, жалкій мальчишка, — сказалъ Денисовъ, видимо не найдя ничего стыднаго въ этомъ напоминаніи. — Позвать его сюда. Винцентъ Боссъ его зовутъ. Позвать его.

— Я позову, — сказалъ Петя.

— Позови, позови. Жалкій мальчишка, — повторилъ Денисовъ.

Петя стоялъ у двери, когда Денисовъ сказалъ это. Петя пролѣзъ между офицерами и близко подошелъ къ Денисову.

— Позвольте васъ поцѣловать, голубчикъ, — сказалъ онъ. — Ахъ, какъ отлично! какъ хорошо! — И, поцѣловавъ Денисова, онъ побѣжалъ на дворъ.

— Боссъ! Винцентъ! — прокричалъ Петя остановясь у двери.

— Вамъ кого, сударь, надо? — сказалъ голосъ изъ темноты. Петя отвѣчалъ, что того мальчика француза, котораго взяли нынче.

— А! Весенняго? — сказалъ казакъ.

Имя его Винцентъ уже передѣлали казаки — въ Весенняго, а мужики и солдаты въ Висеню. Въ обѣихъ передѣлкахъ это напоминаніе о веснѣ сходилось съ представленіемъ о молоденькомъ мальчикѣ.

— Онъ тамъ у костра грѣлся. Эй, Висеня! Висеня! Весеннiй! — послышались въ темнотѣ передающiеся голоса и смѣхъ.—А мальчонокъ шустрый,—сказалъ гусаръ, стоявшiй подлѣ Пети. — Мы его покормили давеча. Страсть, голодный былъ.

Въ темнотѣ послышались шаги и, шлепая босыми ногами по грязи, барабанщикъ подошелъ къ двери.

— Ахъ, это вы!—сказалъ Петя.— Хотите ѣсть? Не бойтесь, вамъ ничего худого не сдѣлаютъ,—прибавилъ онъ робко и ласково дотрогиваясь до его руки.—Входите, входите.

— Благодарю,—отвѣчалъ барабанщикъ дрожащимъ почти дѣтскимъ голосомъ и сталъ обтирать о порогъ свои грязныя ноги. Петѣ многое хотѣлось сказать барабанщику, но онъ не смѣлъ. Онъ, переминаясь, стоялъ подлѣ него въ сѣняхъ. Потомъ въ темнотѣ взялъ его за руку и пожалъ ее.—Входите, входите,—повторилъ онъ только нѣжнымъ шопотомъ.

— Ахъ, что̀ бы мнѣ ему сдѣлать! — проговорилъ самъ съ собою Петя и, отворивъ дверь, пропустилъ мимо себя мальчика.

Когда барабанщикъ вошелъ въ избушку, Петя сѣлъ подальше отъ него, считая для себя унизительнымъ обращать на него вниманiе. Онъ только ощупывалъ въ карманѣ деньги и былъ въ сомнѣнiи, не стыдно ли будетъ дать ихъ барабанщику.

VIII.

Отъ барабанщика, которому по приказанiю Денисова дали водки, баранины и котораго Денисовъ велѣлъ одѣть въ русскiй кафтанъ съ тѣмъ, чтобы не отсылая съ плѣнными, оставить его при партiи, вниманiе Пети было отвлечено прiѣз-

домъ Долохова. Петя въ арміи слышалъ много разсказовъ про необычайныя храбрость и жестокость Долохова съ французами и потому съ тѣхъ поръ, какъ Долоховъ вошелъ въ избу, Петя, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него и все больше подбадривался, подергивая поднятою головой, съ тѣмъ, чтобы не быть недостойнымъ даже и такого общества, какъ Долоховъ.

Наружность Долохова странно поразила Петю своей простотой.

Денисовъ одѣвался въ чекмень, носилъ бороду и на груди образъ Николая чудотворца и въ манерѣ говорить, во всѣхъ пріемахъ высказывалъ особенность своего положенія. Долоховъ же, напротивъ, прежде, въ Москвѣ, носившій персидскій костюмъ, теперь имѣлъ видъ самаго чопорнаго гвардейскаго офицера. Лицо его было чисто выбрито, одѣтъ онъ былъ въ гвардейскій ваточный сюртукъ съ Георгіемъ въ петлицѣ, и въ прямо надѣтой, простой фуражкѣ. Онъ снялъ въ углу мокрую бурку и, подойдя къ Денисову, не здороваясь ни съ кѣмъ, тотчасъ же сталъ разспрашивать о дѣлѣ. Денисовъ разсказывалъ ему про замыслы, которые имѣли на ихъ транспортъ большіе отряды, и про присылку Пети, и про то, какъ онъ отвѣчалъ обоимъ генераламъ. Потомъ Денисовъ разсказалъ про все, что онъ зналъ о положеніи французскаго отряда.

— Это такъ. Но надо знать какія и сколько войскъ,—сказалъ Долоховъ;—надо будетъ съѣздить. Не зная вѣрно сколько ихъ, пускаться въ дѣло нельзя. Я люблю аккуратно дѣло дѣлать. Вотъ, не хочетъ ли кто изъ господъ съѣздить со мной въ ихъ лагерь. У меня и мундиръ съ собою.

— Я, я... я поѣду съ вами!—вскрикнулъ Петя.

— Совсѣмъ тебѣ не нужно ѣздить,— сказалъ Денисовъ, обращаясь къ Долохову, — а ужъ его я ни за что не пущу.

— Вотъ прекрасно!— вскрикнулъ Петя,— отчего же мнѣ не ѣхать?..

— Да оттого что не зачѣмъ.

— Ну ужъ вы меня извините потому что... потому что... я поѣду, вотъ и все. Вы возьмете меня? — обратился онъ къ Долохову.

— Отчего жъ?..—разсѣянно отвѣчалъ Долоховъ, вглядываясь въ лицо французскаго барабанщика.

— Давно у тебя молодчикъ этотъ?— спросилъ онъ у Денисова.

— Нынче взяли, да ничего не знаетъ. Я оставилъ его пг'и себѣ.

— Ну, а остальныхъ ты куда дѣваешь? — сказалъ Долоховъ.

— Какъ куда? Отсылаю подъ г'асписки!—вдругъ покраснѣвъ, вскрикнулъ Денисовъ.— И смѣло скажу, что на моей совѣсти нѣтъ ни одного человѣка. Г'азвѣ тебѣ тг'удно отослать 30-ли, 300-ли человѣкъ подъ конвоемъ въ гог'одъ, чѣмъ маг'ать, я пг'ямо скажу, честь солдата.

— Вотъ молоденькому графчику въ 16 лѣтъ говорить эти любезности прилично,—съ холодной усмѣшкой сказалъ Долоховъ, а тебѣ-то ужъ это оставить пора.

— Что жъ, я ничего не говорю, я только говорю, что я непремѣнно поѣду съ вами,—робко сказалъ Петя.

— А намъ съ тобой пора, братъ, бросить эти любезности,— продолжалъ Долоховъ, какъ будто онъ находилъ особенное удовольствіе говорить объ этомъ предметѣ, раздражавшемъ

Денисова.—Ну этого ты зачѣмъ взялъ къ себѣ,—сказалъ онъ покачивая головой,—зачѣмъ, что тебѣ его жалко? Вѣдь мы знаемъ эти твои расписки. Ты пошлешь ихъ сто человѣкъ, а придутъ 30. Помрутъ съ голоду или побьютъ. Такъ не все ли равно ихъ и не брать?

Эсаулъ, щуря свѣтлые глаза, одобрительно кивалъ головой.

— Это все г'авно, тутъ г'азсуждать нечего. Я на свою душу взять не хочу. Ты говог'ишь—помг'утъ. Ну, хог'ошо. Только бы не отъ меня.

Долоховъ засмѣялся.

— Кто же имъ не велѣлъ меня двадцать разъ поймать? А вѣдь поймаютъ,—меня и тебя съ твоимъ рыцарствомъ, все равно, на осинку.—Онъ помолчалъ.—Однако надо дѣло дѣлать. Послать моего казака съ вьюкомъ. У меня два французскихъ мундира. Что жъ, ѣдемъ со мной?—спросилъ онъ у Пети.

— Я? Да, да, непремѣнно,—покраснѣвъ почти до слезъ, вскрикнулъ Петя, взглядывая на Денисова.

Опять въ то время, какъ Долоховъ заспорилъ съ Денисовымъ о томъ, что̀ надо дѣлать съ плѣнными, Петя почувствовалъ неловкость и торопливость; но опять не успѣлъ понять хорошенько того, о чемъ они говорили. „Ежели такъ думаютъ большіе, извѣстные, стало-быть такъ надо, стало быть это хорошо“, думалъ онъ. „А главное надо, чтобы Денисовъ не смѣлъ думать, что я послушаюсь его, что онъ можетъ мной командовать. Непремѣнно поѣду съ Долоховымъ во французскій лагерь. Онъ можетъ, и я могу!“

На всѣ убѣжденія Денисова не ѣздить, Петя отвѣчалъ, что онъ тоже привыкъ все дѣлать аккуратно, а не наобумъ Лазаря, и что онъ объ опасности себѣ никогда не думаетъ.

— Потому что—согласитесь сами — если не знать вѣрно сколько тамъ, отъ этого зависитъ жизнь, можетъ быть, сотенъ, а тутъ мы одни, и потомъ мнѣ очень этого хочется и непремѣнно, непремѣнно поѣду, вы уже меня не удержите,— говорилъ онъ, только хуже будетъ...

IX.

Одѣвшись въ французскіе шинели и кивера, Петя съ Долоховымъ поѣхали на ту просѣку, съ которой Денисовъ смотрѣлъ на лагерь, и, выѣхавъ изъ лѣса въ совершенной темнотѣ, спустились въ лощину. Съѣхавъ внизъ, Долоховъ велѣлъ сопровождавшимъ его казакамъ дождаться тутъ и поѣхалъ крупной рысью по дорогѣ къ мосту. Петя, замирая отъ волненія, ѣхалъ съ нимъ рядомъ.

— Если попадемся, я живымъ не отдамся, у меня пистолетъ,—прошепталъ Петя.

— Не говори по-русски,—быстрымъ шопотомъ проговорилъ Долоховъ, и въ ту же минуту въ темнотѣ послышался окликъ „кто идетъ?“ и звонъ ружья.

Кровь бросилась въ лицо Пети, и онъ схватился за пистолетъ.

— Уланы 6-го полка,—проговорилъ Долоховъ, не укорачивая и не прибавляя хода лошади. Черная фигура часового стояла на мосту.

— Пароль? Долоховъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

— Скажите, здѣсь ли полковникъ Жераръ?—сказалъ онъ.

— Пароль,—не отвѣчая сказалъ часовой, загораживая дорогу.

— Когда офицеръ объѣзжаетъ цѣпь, часовые не спраши-

ваютъ пароль!.. — крикнулъ Долоховъ, вдругъ вспыхнувъ, наѣзжая лошадью на часового.—Я спрашиваю, тутъ ли полковникъ.

И, не дожидаясь отвѣта отъ посторонившагося часового, Долоховъ шагомъ поѣхалъ въ гору.

Замѣтивъ черную тѣнь человѣка, переходящую черезъ дорогу, Долоховъ остановилъ этого человѣка и спросилъ, гдѣ командиръ и офицеры?.. Человѣкъ этотъ, съ мѣшкомъ на плечѣ, солдатъ, остановился, близко подошелъ къ лошади Долохова, дотрогиваясь до нея рукою, и просто и дружелюбно разсказалъ, что командиръ и офицеры были выше на горѣ съ правой стороны на дворѣ фермы (такъ онъ называлъ господскую усадьбу).

Проѣхавъ по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой звучалъ отъ костровъ французскій говоръ, Долоховъ повернулъ во дворъ господскаго дома. Проѣхавъ въ ворота, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ большому, пылавшему костру, вокругъ котораго, громко разговаривая, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ котелкѣ съ краю варилось что-то, и солдатъ въ колпакѣ и синей шинели, стоя на колѣняхъ, ярко освѣщенный огнемъ, мѣшалъ въ немъ шомполомъ.

— Охъ, этотъ жестокъ, не проваришь,—говорилъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ тѣни съ противоположной стороны костра.

— Онъ заставитъ ходить кроликовъ (франц. поговорка),— со смѣхомъ сказалъ другой. Оба замолкли, вглядываясь въ темноту на звукъ шаговъ Долохова и Пети, подходившихъ къ костру съ своими лошадьми.

— Здравствуйте, господа!—громко, отчетливо выговорилъ Долоховъ.

Офицеры зашевелились въ тѣни костра и одинъ высокій офицеръ съ длинной шеей, обойдя огонь, подошелъ къ Долохову.

— Это вы, Клеманъ?—сказалъ онъ.—Откуда чортъ...—но онъ не докончилъ, узнавъ свою ошибку и слегка нахмурившись, какъ съ незнакомымъ, поздоровался съ Долоховымъ, спрашивая его, чѣмъ онъ можетъ служить. Долоховъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ догонялъ свой полкъ и спросилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, не знали ли офицеры чего-нибудь о 6-мъ полку. Никто ничего не зналъ; и Петѣ показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

— Если вы разсчитываете на ужинъ, то вы опоздали,— сказалъ съ сдержаннымъ смѣхомъ голосъ изъ-за костра.

Долоховъ отвѣчалъ, что они сыты и что имъ надо въ ночь же ѣхать дальше.

Онъ отдалъ лошадей солдату, мѣшавшему въ котелкѣ, и на корточкахъ присѣлъ у костра рядомъ съ офицеромъ съ длинной шеей. Офицеръ этотъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ: какого онъ былъ полка? Долоховъ не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ вопроса, и, закуривая коротенькую французскую трубку, которую онъ досталъ изъ кармана, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ впереди ихъ.

— Эти разбойники вездѣ,—отвѣчалъ офицеръ изъ-за костра.

Долоховъ сказалъ, что казаки страшны только для такихъ отсталыхъ какъ онъ съ товарищемъ, но что на большіе отряды казаки вѣроятно не смѣютъ нападать, прибавилъ онъ вопросительно. Никто ничего не отвѣтилъ.

„Ну теперь онъ уѣдетъ“, всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ разспрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ, сколько плѣнныхъ. Спрашивая про плѣнныхъ русскихъ, которые были при ихъ отрядѣ, Долоховъ сказалъ:

— Скверное дѣло таскать за собой эти трупы. Лучше бы разстрѣлять эту сволочь,—и громко разсмѣялся такимъ страннымъ смѣхомъ, что Петѣ показалось, французы сейчасъ узнаютъ обманъ, и онъ невольно отступилъ на шагъ отъ костра. Никто не отвѣтилъ на слова и смѣхъ Долохова, и французскій офицеръ, котораго не видно было (онъ лежалъ укутавшись шинелью), приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и крикнулъ солдата съ лошадьми.

„Подадутъ или нѣтъ лошадей?“ думалъ Петя, невольно приближаясь къ Долохову.

Лошадей подали.—Прощайте господа,—сказалъ Долоховъ.

Петя хотѣлъ сказать bonsoir и не могъ договорить слова. Офицеры что-то шопотомъ говорили между собою. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла; потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ. Петя ѣхалъ подлѣ него, желая и не смѣя оглянуться, чтобъ увидать, бѣгутъ или не бѣгутъ за ними французы.

Выѣхавъ на дорогу, Долоховъ поѣхалъ не назадъ въ поле, а вдоль по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился прислушиваясь. „Слышишь?“ — сказалъ онъ. Петя узналъ звуки русскихъ голосовъ, увидалъ у костровъ темныя фигуры русскихъ плѣнныхъ. Спустившись внизъ къ мосту, Петя съ Долоховымъ проѣхали часового, который, ни слова

не сказавъ, мрачно ходилъ по мосту, и выѣхали въ лощину, гдѣ дожидались казаки.

— Ну, теперь прощай. Скажи Денисову, что на зарѣ, по первому выстрѣлу,—сказалъ Долоховъ и хотѣлъ ѣхать, но Петя схватился за него рукою.

— Нѣтъ!—вскрикнулъ онъ, вы такой герой. Ахъ, какъ хорошо! какъ отлично! Какъ я васъ люблю!

— Хорошо, хорошо,—сказалъ Долоховъ, но Петя не отпускалъ его, и въ темнотѣ Долоховъ разсмотрѣлъ, что Петя нагибался къ нему. Онъ хотѣлъ поцѣловаться. Долоховъ поцѣловалъ его, засмѣялся и, повернувъ лошадь, скрылся въ темнотѣ.

X.

Вернувшись къ караулкѣ, Петя засталъ Денисова въ сѣняхъ. Денисовъ въ волненіи, безпокойствѣ и досадѣ на себя, что отпустилъ Петю, ожидалъ его.

— Слава Богу!—крикнулъ онъ. Ну слава Богу!—повторялъ онъ, слушая восторженный разсказъ Пети. —И чог'тъ тебя возьми, изъ-за тебя не спалъ!—проговорилъ Денисовъ.—Ну, слава Богу, тепег'ь ложись спать. Еще вздг'емнемъ до утг'а.

— Да... Нѣтъ,—сказалъ Петя. Мнѣ еще не хочется спать. Да и я себя знаю, ежели засну, такъ ужъ кончено. И потомъ я привыкъ не спать передъ сраженіемъ.

Петя посидѣлъ нѣсколько времени въ избѣ, радостно вспоминая подробности своей поѣздки и живо представляя себѣ то, что̀ будетъ завтра. Потомъ, замѣтивъ, что Денисовъ заснулъ, онъ всталъ и пошелъ на дворъ.

На дворѣ еще было совсѣмъ темно. Дождикъ прошелъ, но капли еще падали съ деревьевъ. Вблизи отъ караулки

виднѣлись черныя фигуры казачьихъ шалашей и связанныхъ вмѣстѣ лошадей. За избушкой чернѣлись двѣ фуры, у которыхъ стояли лошади, и въ оврагѣ краснѣлся догоравшій огонь. Казаки и гусары не всѣ спали; кое-гдѣ слышались, вмѣстѣ съ звукомъ падающихъ капель и близкаго звука жеванія лошадей, не громкіе, какъ бы шепчущіеся голоса.

Петя вышелъ изъ сѣней, огляделся въ темнотѣ и подошелъ къ фурамъ. Подъ фурами храпѣлъ кто-то, и вокругъ нихъ стояли, жуя овесъ, осѣдланныя лошади. Въ темнотѣ Петя узналъ свою лошадь, которую онъ называлъ Карабахомъ, хотя она была малороссійская лошадь, и подошелъ къ ней.

— Ну, Карабахъ, завтра послужимъ,—сказалъ онъ, нюхая ея ноздри и цѣлуя ее.

— Что, баринъ, не спите?—сказалъ казакъ, сидѣвшій подъ фурой.

— Нѣтъ: а... Лихачевъ, кажется, тебя звать? Вѣдь я сейчасъ только пріѣхалъ. Мы ѣздили къ французамъ. — И Петя подробно разсказалъ казаку не только свою поѣздку, но и то, почему онъ ѣздилъ, и почему онъ считаетъ, что лучше рисковать своей жизнью, чѣмъ дѣлать наобумъ Лазаря.

— Что же, соснули бы,—сказалъ казакъ.

— Нѣтъ, я привыкъ, отвѣчалъ Петя. — А что у васъ кремни въ пистолетахъ не обились? Я привезъ съ собою. Не нужно ли? Ты возьми.

Казакъ повысунулся изъ подъ фуры, чтобы поближе разсмотрѣть Петю.

— Оттого, что я привыкъ все дѣлать аккуратно, — сказалъ Петя.—Иные такъ, кое-какъ, не приготовятся, потомъ жалѣютъ. Я такъ не люблю.

— Это точно,—сказалъ казакъ.

— Да еще вотъ что̀, пожалуйста, голубчикъ, наточи мнѣ саблю, затупи... (но Петя боялся солгать) она никогда отточена не была. Можно это сдѣлать?

— Отчего же, можно.

Лихачевъ всталъ, порылся въ вьюкахъ, и Петя скоро услыхалъ воинственный звукъ стали и бруска. Онъ влѣзъ на фуру и сѣлъ на край ея. Казакъ подъ фурой точилъ саблю.

— А что̀ же спятъ молодцы?—сказалъ Петя.

— Кто спитъ, а кто такъ вотъ.

— Ну, а мальчикъ что?

— Весенній-то? Онъ тамъ въ сѣнцахъ завалился. Со страху спится. Ужъ радъ-то былъ.

Долго послѣ этого Петя молчалъ, прислушиваясь къ звукамъ. Въ темнотѣ послышались шаги и показалась черная фигура.

— Что точишь?—спросилъ человѣкъ, подходя къ фурѣ.

— А вотъ барину наточить саблю.

— Хорошее дѣло,—сказалъ человѣкъ, который показался Петѣ гусаромъ.—У васъ что ли чашка осталась?

— А вонъ у колеса.—Гусаръ взялъ чашку.—Небось скоро свѣтъ,—проговорилъ онъ зѣвая и прошелъ куда-то.

Петя долженъ бы былъ знать, что онъ въ лѣсу, въ партіи Денисова, въ верстѣ отъ дороги, что онъ сидитъ на фурѣ, отбитой у французовъ, около которой привязаны лошади, что подъ нимъ сидитъ казакъ Лихачевъ и натачиваетъ ему саблю, что большое, черное пятно направо — караулка, и красное, яркое пятно внизу налѣво — догоравшій костеръ, что человѣкъ, приходившій за чашкой, — гусаръ, который хотѣлъ пить; но онъ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать этого. Онъ былъ въ волшебномъ царствѣ, въ кото-

ромъ ничего не было похожаго на дѣйствительность. Большое черное пятно можетъ быть точно была караулка, а можетъ быть была пещера, которая вела въ самую глубь земли. Красное пятно можетъ быть былъ огонь, а можетъ быть глазъ огромнаго чудовища. Можетъ быть онъ точно сидитъ теперь на фурѣ, а очень можетъ быть, что онъ сидитъ не на фурѣ, а на страшно высокой башнѣ, съ которой ежели упасть, то летѣть бы до земли цѣлый день, цѣлый мѣсяцъ—все летѣть и никогда не долетишь. Можетъ быть, что подъ фурой сидитъ просто казакъ Лихачевъ, а очень можетъ быть, что это—самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человѣкъ на свѣтѣ, котораго никто не знаетъ. Можетъ быть это точно проходилъ гусаръ за водой и пошелъ въ лощину, а, можетъ быть, онъ только что исчезъ изъ виду и совсѣмъ исчезъ, и его не было.

Чтò бы ни увидалъ теперь Петя, ничто бы не удивило его. Онъ былъ въ волшебномъ царствѣ, въ которомъ все было возможно.

Онъ поглядѣлъ на небо. И небо было такое же волшебное какъ и земля. На небѣ расчищало и надъ вершинами деревъ быстро бѣжали облака, какъ будто открывая звѣзды. Иногда казалось, что на небѣ расчищало и показывалось черное, чистое небо. Иногда казалось, что эти черныя пятна были тучки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается надъ головой; иногда небо спускалось совсѣмъ, такъ что рукой можно было достать его.

Петя сталъ закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шелъ тихій говоръ. Лошади заржали и подрались. Храпѣлъ кто-то.

— Ожигъ, жигъ, ожигъ, жигъ... свистѣла натачиваемая

сабля, и вдругъ Петя услыхалъ стройный хоръ музыки, игравшей какой-то неизвѣстный, торжественно сладкій гимнъ. Петя былъ музыкаленъ, такъ же какъ и Наташа, и больше Николая, но онъ никогда не учился музыкѣ, не думалъ о музыкѣ и потому мотивы, неожиданно приходившіе ему въ голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла все слышнѣе и слышнѣе. Напѣвъ разростался, переходилъ изъ одного инструмента въ другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое фуга. Каждый инструментъ, то похожій на скрипку, то на трубы—но лучше и чище чѣмъ скрипки и трубы—каждый инструментъ игралъ свое и, не доигравъ еще мотива, сливался съ другимъ, начинавшимъ почти то же, и съ третьимъ, и съ четвертымъ, и всѣ они сливались въ одно и опять разбѣгались, и опять сливались, то въ торжественно церковное, то въ ярко блестящее и побѣдное.

— „Ахъ да, вѣдь это я во снѣ", качнувшись напередъ, сказалъ себѣ Петя. „Это у меня въ ушахъ. А можетъ быть это моя музыка. Ну, опять. Валяй моя музыка! Ну!.."

Онъ закрылъ глаза. И съ разныхъ сторонъ, какъ будто издалека, затрепетали звуки, стали слаживаться, разбѣгаться, сливаться, и опять все соединилось въ тотъ же сладкій и торжественный гимнъ.—Ахъ, это прелесть что такое! Сколько хочу и какъ хочу,—сказалъ себѣ Петя. Онъ попробовалъ руководить этимъ огромнымъ хоромъ инструментовъ.

— Ну, тише, тише, замирайте теперь.—И звуки слушались его.—Ну, теперь полнѣе, веселѣе. Еще, еще радостнѣе.—И изъ неизвѣстной глубины поднимались усиливающіеся, торжественные звуки.—Ну, голоса, приставайте!—приказалъ Пе-

тя. И сначала издалека послышались голоса мужскіе, потомъ женскіе. Голоса росли въ равномѣрномъ торжественномъ усиліи. Петѣ страшно и радостно было внимать ихъ необычайной красотѣ.

Съ торжественнымъ побѣднымъ маршемъ сливалась пѣсня, и капли капали, и вжигъ, жигъ, жигъ... свистѣла сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя въ него.

Петя не зналъ, какъ долго это продолжалось: онъ наслаждался, все время удивлялся своему наслажденію и жалѣлъ, что некому сообщить его. Его разбудилъ ласковый голосъ Лихачева.

— Готова, ваше благородіе, на двое француза распластаете.

Петя очнулся.

— Ужъ свѣтаетъ, право свѣтаетъ!—вскрикнулъ онъ.

Невидныя прежде лошади стали видны до хвостовъ и сквозь оголенныя вѣтки виднѣлся водянистый свѣтъ. Петя встряхнулся, вскочилъ, досталъ изъ кармана цѣлковый и далъ Лихачеву, махнувъ, попробовалъ шашку и положилъ ее въ ножны. Казаки отвязывали лошадей и подтягивали подпруги.

— Вотъ и командиръ,—сказалъ Лихачевъ.

Изъ караулки вышелъ Денисовъ и, окликнувъ Петю, приказалъ собираться.

XI.

Быстро въ полутьмѣ разобрали лошадей, подтянули подпруги и разобрались по командамъ. Денисовъ стоялъ у караулки, отдавая послѣднія приказанія. Пѣхота партіи, шлепая сотней ногъ, прошла впередъ по дорогѣ и быстро скрылась между деревьевъ въ предразсвѣтномъ туманѣ. Эсаулъ что-то приказывалъ казакамъ. Петя держалъ свою лошадь въ поводу, съ нетерпѣніемъ ожидая приказанія садиться.

Обмытое холодною водой, лицо его, въ особенности глаза горѣли огнемъ, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ и во всемъ тѣлѣ что-то быстро и равномѣрно дрожало.

— Ну, готово у васъ все? — сказалъ Денисовъ. Давай лошадей.

Лошадей подали. Денисовъ разсердился на казака за то, что подпруги были слабы, и, разбранивъ его, сѣлъ. Петя взялся за стремя. Лошадь, по привычкѣ, хотѣла куснуть его за ногу, но Петя, не чувствуя своей тяжести, быстро вскочилъ въ сѣдло и, оглядываясь на тронувшихся сзади въ темнотѣ гусаръ, подъѣхалъ къ Денисову.

— Василій Ѳедоровичъ, вы мнѣ поручите что-нибудь? Пожалуйста... ради Бога...—сказалъ онъ. Денисовъ, казалось забылъ про существованіе Пети. Онъ оглянулся на него.

— Объ одномъ тебя пг'ошу,—сказалъ онъ строго:—слушаться меня и никуда не соваться.

Во все время переѣзда Денисовъ ни слова не говорилъ больше съ Петей и ѣхалъ молча. Когда подъѣхали къ опушкѣ лѣса, въ полѣ замѣтно уже стало свѣтлѣть. Денисовъ поговорилъ что-то шопотомъ съ эсауломъ, и казаки стали проѣзжать мимо Пети и Денисова. Когда они всѣ проѣхали, Денисовъ тронулъ свою лошадь и поѣхалъ подъ гору. Садясь на зады и скользя, лошади спускались съ своими сѣдоками въ лощину. Петя ѣхалъ рядомъ съ Денисовымъ. Дрожь во всемъ его тѣлѣ все усиливалась. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, только туманъ скрывалъ отдаленные предметы. Съѣхавъ внизъ и оглянувшись назадъ, Денисовъ кивнулъ головой казаку, стоявшему подлѣ него.

— Сигналъ! — проговорилъ онъ. Казакъ поднялъ руку, раздался выстрѣлъ. И въ то же мгновеніе послышался то-

потъ впереди поскакавшихъ лошадей, крики съ разныхъ сторонъ и еще выстрѣлы.

Въ то же мгновеніе, какъ раздались первые звуки топота и крики, Петя ударилъ свою лошадь и выпустивъ поводья, не слушая Денисова, кричавшаго на него, поскакалъ впередъ. Петѣ показалось, что вдругъ совершенно, какъ середь дня, ярко разсвѣло въ ту минуту, какъ послышался выстрѣлъ. Онъ подскакалъ къ мосту. Впереди по дорогѣ скакали казаки. На мосту онъ столкнулся съ отставшимъ казакомъ и поскакалъ дальше. Впереди какіе-то люди — должно быть это были французы—бѣжали съ правой стороны дороги на лѣвую. Одинъ упалъ въ грязь подъ ногами Петиной лошади.

У одной избы столпились казаки что-то дѣлая. Изъ середины толпы послышался страшный крикъ. Петя подскакалъ къ этой толпѣ и первое, что̀ онъ увидалъ, было блѣдное съ трясущейся нижней челюстью лицо француза, державшагося за древко направленной на него пики.

— Ура!... Ребята... наши...—прокричалъ Петя и, давъ поводья разгорячившейся лошади поскакалъ впередъ по улицѣ.

Впереди слышны были выстрѣлы. Казаки, гусары и русскіе оборванные плѣнные, бѣжавшіе съ обѣихъ сторонъ дороги, всѣ громко и нескладно кричали что-то. Молодцеватый, безъ шапки, съ краснымъ нахмуреннымъ лицомъ, французъ въ синей шинели, отбивался штыкомъ отъ гусаровъ. Когда Петя подскакалъ, французъ уже упалъ. „Опять опоздалъ“, мелькнуло въ головѣ Пети, и онъ поскакалъ туда, откуда слышались частые выстрѣлы. Выстрѣлы раздавались на дворѣ того барскаго дома, на которомъ онъ былъ вчера ночью съ Долоховымъ. Французы засѣли тамъ за плетнемъ въ густомъ, заросшемъ кустами саду и стрѣляли по казакамъ, столпившимся

у воротъ. Подъѣзжая къ воротамъ, Петя въ пороховомъ дыму увидалъ Долохова, съ блѣднымъ, зеленоватымъ лицомъ, кричавшаго что-то людямъ.—Въ объѣздъ. Пѣхоту подождать!— кричалъ онъ въ то время, какъ Петя подъѣхалъ къ нему.

— Подождать?... Ураaa!... — закричалъ Петя и, немедля ни одной минуты, поскакалъ къ тому мѣсту, откуда слышались выстрѣлы и гдѣ гуще былъ пороховой дымъ. Послышался залпъ, провизжали пустыя и во что-то шлепнувшія пули. Казаки и Долоховъ вскакали вслѣдъ за Петей въ ворота дома. Французы въ колеблющемся густомъ дыму, одни бросали оружіе и выбѣгали изъ кустовъ навстрѣчу казакамъ, другіе бѣжали подъ гору къ пруду. Петя скакалъ на своей лошади вдоль по барскому двору и, вмѣсто того, чтобы держать поводья, странно и быстро махалъ обѣими руками и все дальше и дальше сбивался съ сѣдла на одну сторону. Лошадь, набѣжавъ на тлѣвшій въ утреннемъ свѣтѣ костеръ, уперлась, и Петя тяжело упалъ на мокрую землю. Казаки видѣли, какъ быстро задергались его руки и ноги, несмотря на то, что голова его не шевелилась. Пуля пробила ему голову.

Переговоривши съ старшимъ французскимъ офицеромъ, который вышелъ къ нему изъ-за дома съ платкомъ на шпагѣ и объявилъ, что они сдаются, Долоховъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ неподвижно, съ раскинутыми руками, лежавшему Петѣ.

— Готовъ,—сказалъ онъ, нахмурившись, и пошелъ въ ворота навстрѣчу ѣхавшему къ нему Денисову.

— Убитъ?!—вскрикнулъ Денисовъ, увидавъ еще издалека то знакомое ему, несомнѣнно безжизненное положеніе, въ которомъ лежало тѣло Пети.

— Готовъ,—повторилъ Долоховъ, какъ будто выговари-

ваніе этого слова доставляло ему удовольствіе, и быстро пошелъ къ плѣннымъ, которыхъ окружили спѣшившіеся казаки.—Брать не будемъ!—крикнулъ онъ Денисову.

Денисовъ не отвѣчалъ; онъ подъѣхалъ къ Петѣ, слѣзъ съ лошади и дрожащими руками повернулъ къ себѣ запачканное кровью и грязью, уже поблѣднѣвшее лицо Пети.

„Я привыкъ что-нибудь сладкое. Отличный изюмъ, берите весь“, вспомнилось ему. И казаки съ удивленіемъ оглянулись на звуки, похожіе на собачій лай, съ которыми Денисовъ быстро отвернулся, подошелъ къ плетню и схватился за него.

Въ числѣ отбитыхъ Денисовымъ и Долоховымъ русскихъ плѣнныхъ былъ Пьеръ Безухій.

XII.

О той партіи плѣнныхъ, въ которой былъ Пьеръ, во время всего своего движенія отъ Москвы, не было отъ французскаго начальства никакого новаго распоряженія. Партія эта, 22-го октября, находилась уже не съ тѣми войсками и обозами, съ которыми она вышла изъ Москвы. Половина обоза съ сухарями, который шелъ за ними первые переходы, была отбита казаками, другая половина уѣхала впередъ; пѣшихъ кавалеристовъ, которые шли впереди, не было ни одного больше; они всѣ исчезли. Артиллерія, которая первые переходы виднѣлась впереди, замѣнилась теперь огромными обозами маршала Жюно, конвоируемаго вестфальцами. Сзади плѣнныхъ ѣхалъ обозъ кавалерійскихъ вещей.

Отъ Вязьмы французскія войска, прежде шедшія тремя колоннами, шли теперь одной кучей. Тѣ признаки безпорядка, которые замѣтилъ Пьеръ на первомъ привалѣ изъ Москвы, теперь дошли до послѣдней степени.

Дорога, по которой они шли, съ обѣихъ сторонъ была уложена мертвыми лошадьми; оборванные люди, отсталые отъ разныхъ командъ, беапрестанно перемѣняясь, то присоединялись, то опять отставали отъ шедшей колонны.

Нѣсколько разъ во время похода бывали фальшивыя тревоги, и солдаты конвоя поднимали ружья, стрѣляли и бѣжали стремглавъ, давя другъ друга, но потомъ опять собирались и бранили другъ друга за напрасный страхъ.

Эти три сборища, шедшія вмѣстѣ, — кавалерійское депо, депо плѣнныхъ и обозъ Жюно,—все еще составляли что-то отдѣльное и цѣльное, хотя и то, и другое, и третье быстро таяло.

Въ депо, въ которомъ было 120 повозокъ сначала, теперь оставалось не больше 60-ти; остальныя были отбиты или брошены. Изъ обоза Жюно тоже было оставлено и отбито нѣсколько повозокъ. Три повозки были разграблены набѣжавшими отсталыми солдатами изъ корпуса Даву. Изъ разговоровъ нѣмцевъ Пьеръ слышалъ, что къ этому обозу ставили караулъ больше, чѣмъ къ плѣннымъ, и что одинъ изъ ихъ товарищей, солдатъ, нѣмецъ, былъ разстрѣлянъ по приказанію самого маршала, за то, что у солдата нашли серебряную ложку, принадлежавшую маршалу.

Больше же всего изъ этихъ трехъ сборищъ растаяло депо плѣнныхъ. Изъ 330-ти человѣкъ, вышедшихъ изъ Москвы, еперь оставалось меньше ста. Плѣнные еще болѣе, чѣмъ сѣдла кавалерійскаго депо и чѣмъ обозъ Жюно, тяготили конвоирующихъ солдатъ. Сѣдла и ложки Жюно, они понимали, что могли на что-нибудь пригодиться, но для чего было голоднымъ и холоднымъ солдатамъ стоять на караулѣ стеречь такихъ же голодныхъ и холодныхъ русскихъ, ко-

торые мерли и отставали дорогой, которыхъ велѣно было пристрѣливать,—это было не только не понятно, но и противно. И конвойные, какъ бы боясь въ томъ горестномъ положеніи, въ которомъ они сами находились, не отдаться бывшему въ нихъ чувству жалости къ плѣннымъ и тѣмъ ухудшить свое положеніе, особенно мрачно и строго обращались съ ними.

Въ Дорогобужѣ, въ то время, какъ заперѣвъ плѣнныхъ въ конюшню, конвойные солдаты ушли грабить свои же магазины, нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ солдатъ подкопались подъ стѣну и убѣжали, но были захвачены французами и разстрѣляны.

Прежде введенный, при выходѣ изъ Москвы, порядокъ, чтобы плѣнные офицеры шли отдѣльно отъ солдатъ, уже давно былъ уничтоженъ; всѣ тѣ, которые могли итти, шли вмѣстѣ, и Пьеръ съ третьяго перехода уже опять соединился съ Каратаевымъ и лиловой, кривоногой собакой, которая избрала себѣ хозяиномъ Каратаева.

Съ Каратаевымъ, на третій день выхода изъ Москвы, сдѣлалась та лихорадка, отъ которой онъ лежалъ въ московскомъ гошпиталѣ, и по мѣрѣ того, какъ Каратаевъ ослабѣвалъ, Пьеръ отдалялся отъ него. Пьеръ не зналъ отчего, но съ тѣхъ поръ, какъ Каратаевъ сталъ слабѣть, Пьеръ долженъ былъ дѣлать усиліе надъ собой, чтобы подойти къ нему. И, подходя къ нему и слушая тѣ тихіе стоны, съ которыми Каратаевъ обыкновенно на привалахъ ложился, и, чувствуя усилившійся теперь запахъ, который издавалъ отъ себя Каратаевъ, Пьеръ отходилъ отъ него подальше и не думалъ о немъ.

Въ плѣну, въ балаганѣ, Пьеръ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для

счастія, что счастіе въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастіе происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка; но теперь, въ эти послѣднія три недѣли похода, онъ узналъ еще новую, утѣшительную истину—онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ бы несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданій и граница свободы и что эта граница очень близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно такъ же страдалъ, какъ страдалъ онъ теперь, засыпая на голой, сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую; что, когда онъ бывало надѣвалъ свои бальные, узкіе башмаки, онъ точно такъ же страдалъ какъ и теперь, когда онъ шелъ уже босой совсѣмъ (обувь его давно растрепалась) ногами, покрытыми болячками. Онъ узналъ, что когда онъ, какъ ему казалось, по собственной своей волѣ, женился на своей женѣ, онъ былъ не болѣе свободенъ, чѣмъ теперь, когда его запирали на ночь въ конюшню. Изъ всего того, что потомъ и онъ называлъ страданіемъ, но которое тогда онъ почти не чувствовалъ, главное, были босыя, стертыя, заструпѣлыя ноги. (Лашадиное мясо было вкусно и питательно, селитряный букетъ пороха, употребляемаго вмѣсто соли, былъ даже пріятенъ, холода большаго не было, и днемъ на ходу всегда бывало жарко, а ночью были костры; вши, ѣвшія его, согрѣвали его тѣло). Одно было тяжело въ первое время—это ноги.

Во второй день перехода, осмотрѣвъ у костра свои болячки,

Пьеръ думалъ невозможнымъ ступить на нихъ, но когда всѣ поднялись, онъ пошелъ прихрамывая и потомъ, когда разогрѣлся, пошелъ безъ боли, хотя къ вечеру страшнѣе еще было смотрѣть на ноги. Но онъ не смотрѣлъ на нихъ и думалъ о другомъ.

Теперь только Пьеръ понялъ всю силу жизненности человѣка и спасительную силу перемѣщенія вниманія, вложенную въ человѣка, подобно тому спасительному клапану въ паровикахъ, который выпускаетъ лишній паръ, какъ только плотность его превышаетъ извѣстную норму.

Онъ не видалъ и не слыхалъ, какъ пристрѣливали отсталыхъ плѣнныхъ, хотя болѣе сотни изъ нихъ уже погибли такимъ образомъ. Онъ не думалъ о Каратаевѣ, который слабѣлъ съ каждымъ днемъ и очевидно скоро долженъ былъ подвергнуться той же участи. Еще менѣе Пьеръ думалъ о себѣ. Чѣмъ труднѣе становилось его положеніе, чѣмъ страшнѣе была будущность, тѣмъ независимѣе отъ того положенія, въ которомъ онъ находился, приходили ему радостныя и успокоительныя мысли, воспоминанія и представленія.

XIII.

22-го числа, въ полдень, Пьеръ шелъ въ гору по грязной скользкой дорогѣ, глядя на свои ноги и на неровности пути. Изрѣдка онъ взглядывалъ на знакомую толпу, окружающую его, и опять на свои ноги. И то, и другое было одинаково свое и знакомое ему. Лиловый, кривоногій Сѣрый весело бѣжалъ стороной дороги, изрѣдка, въ доказательство своей ловкости и довольства, поджимая заднюю лапу и прыгая на трехъ и потомъ опять на всѣхъ четырехъ, бросаясь съ лаемъ на вороньевъ, которые сидѣли на падали. Сѣрый былъ весе-

лѣе и глаже, чѣмъ въ Москвѣ. Со всѣхъ сторонъ лежало мясо различныхъ животныхъ—отъ человѣческаго до лошадинаго, въ различныхъ степеняхъ разложенія; и волковъ не подпускали шедшіе люди, такъ что Сѣрый могъ наѣдаться сколько угодно.

Дождикъ шелъ съ утра и казалось, что вотъ-вотъ онъ пройдетъ и на небѣ расчиститъ, какъ вслѣдъ за непродолжительной остановкой припускалъ дождикъ еще сильнѣе. Напитанная дождемъ дорога уже не принимала въ себя воды, и ручьи текли по колеямъ.

Пьеръ шелъ оглядываясь по сторонамъ, считая шаги по три и загибалъ на пальцахъ. Обращаясь къ дождю, онъ внутренно приговаривалъ: ну ка, ну ка еще, еще наддай.

Ему казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ; но далеко и глубоко гдѣ-то, что-то важное и утѣшительное думала его душа. Это что-то было тончайшее духовное извлеченіе изъ вчерашняго его разговора съ Каратаевымъ.

Вчера, на ночномъ привалѣ, озябнувъ у потухшаго огня, Пьеръ всталъ и перешелъ къ ближайшему, лучше горящему костру. У костра, къ которому онъ подошелъ, сидѣлъ Платонъ, укрывшись, какъ ризой, съ головой шинелью, и разсказывалъ солдатамъ, своимъ спорымъ, пріятнымъ, но слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ, знакомую Пьеру исторію. Было уже за полночь. Это было то время, въ которое Каратаевъ обыкновенно оживалъ отъ лихорадочнаго припадка и бывалъ особенно оживленъ. Подойдя къ костру и услыхавъ слабый, болѣзненный голосъ Платона и увидавъ его ярко освѣщенное огнемъ жалкое лицо, Пьера что-то непріятно кольнуло въ сердце. Онъ испугался своей жалости къ этому человѣку и хотѣлъ уйти, но другого костра не было, и Пьеръ, стараясь не глядѣть на Платона, подсѣлъ къ костру.

— Что, какъ твое здоровье?—спросилъ онъ.

— Что здоровье? На болѣзнь плакаться—Богъ смерти не дастъ,—сказалъ Каратаевъ, и тотчасъ же воротился къ начатому разсказу.

— И вотъ, братецъ ты мой, — продолжалъ Платонъ съ улыбкой на худомъ, блѣдномъ лицѣ и съ особеннымъ, радостнымъ блескомъ въ глазахъ. —Вотъ, братецъ ты мой...

Пьеръ зналъ эту исторію давно, Каратаевъ разъ шесть ему одному разсказывалъ эту исторію и всегда съ особеннымъ радостнымъ чувствомъ. Но какъ ни хорошо зналъ Пьеръ эту исторію, онъ теперь прислушался къ ней, какъ къ чему-то новому, и тотъ тихій восторгъ, который, разсказывая, видимо испытывалъ Каратаевъ, сообщился и Пьеру. Исторія эта была о старомъ купцѣ, благообразно и богобоязненно жившемъ съ семьей и поѣхавшемъ однажды съ товарищемъ, богатымъ купцомъ, къ Макарью.

Остановившись на постояломъ дворѣ, оба купца заснули и на другой день товарищъ купца былъ найденъ зарѣзаннымъ и ограбленнымъ. Окровавленный ножъ найденъ былъ подъ подушкой стараго купца. Купца судили, наказали кнутомъ, и выдернувъ ноздри—какъ слѣдуетъ по порядку,—говорилъ Каратаевъ,—сослали въ каторгу.

— И вотъ, братецъ ты мой (на этомъ мѣстѣ Пьеръ засталъ разсказъ Каратаева), проходитъ тому дѣлу годовъ десять или больше того. Живетъ старичокъ на каторгѣ. Какъ слѣдоваетъ покоряется, худого не дѣлаетъ. Только у Бога смерти проситъ. — Хорошо. И соберись они, ночнымъ дѣломъ, каторжные-то, такъ же вотъ какъ мы съ тобой, и старичокъ съ ними. Зашелъ разговоръ, кто за что страдаетъ, въ чемъ Богу виноватъ. Стали сказывать, тотъ душу

загубилъ, тотъ двѣ, тотъ поджегъ, тотъ бѣглый, такъ ни за что. Стали старичка спрашивать: ты за что молъ, дѣдушка, страдаешь? Я, братцы мои миленькіе, говоритъ, за свои, да людскіе грѣхи страдаю. А я ни душъ не губилъ, ни чужого не бралъ, акромя, что нищую братію одѣлялъ. Я, братцы мои миленькіе, купецъ; и богатство большое имѣлъ. Такъ и такъ, говоритъ. И разсказалъ имъ, значитъ, какъ все дѣло было по порядку. Я, говоритъ, о себѣ не тужу. Меня, значитъ, Богъ сыскалъ. Одно, говоритъ, мнѣ свою старуху и дѣтокъ жалко. И такъ-то заплакалъ старичокъ. Случись въ ихъ компаніи тотъ самый человѣкъ, значитъ, что купца убилъ. Гдѣ, говоритъ, дѣдушка, было? Когда, въ какомъ мѣсяцѣ? все разспросилъ. Заболѣло у него сердце. Подходитъ такимъ манеромъ къ старичку—хлопъ въ ноги. За меня ты, говоритъ, старичокъ, пропадаешь. Правда, истинная; безвинно, напрасно, говоритъ, ребятушки, человѣкъ этотъ мучится. Я, говоритъ, то самое дѣло сдѣлалъ и ножъ тебѣ подъ голову сонному подложилъ. Прости, говоритъ, дѣдушка, меня ты ради Христа“.

Каратаевъ замолчалъ, радостно улыбаясь, глядя на огонь и поправилъ полѣнья.

„Старичокъ и говоритъ: Богъ молъ тебя проститъ, а мы всѣ, говоритъ, Богу грѣшны. Я за свои грѣхи страдаю, самъ заплакалъ горючьми слезьми. Что же думаешь, соколикъ“, все свѣтлѣе и свѣтлѣе, сіяя восторженной улыбкой, говорилъ Каратаевъ, какъ будто въ томъ, что̀ онъ имѣлъ теперь разсказать, заключалась главная прелесть и все значеніе разсказа,—„что же думаешь, соколикъ, объявился этотъ убійца самый по начальству. Я, говоритъ, шесть душъ загубилъ (большой злодѣй былъ), но всего мнѣ жальче ста-

ричка этого. Пускай же онъ на меня не плачется. Объявился: списали, послали бумагу какъ слѣдоваетъ. Мѣсто дальнее, пока судъ да дѣло, пока всѣ бумаги списали какъ должно, по начальствамъ значитъ. До царя доходило. Пока что, пришелъ царскій указъ: выпустить купца, дать ему награжденья сколько тамъ присудили — пришла бумага, стали старичка разыскивать. Гдѣ такой старичокъ безвинно страдалъ? Отъ царя бумага вышла. Стали искать". Нижняя челюсть Каратаева дрогнула. „А его ужъ Богъ простилъ—померъ. Такъ-то соколикъ", закончилъ Каратаевъ и долго, молча улыбаясь, смотрѣлъ предъ собой.

Не самый разсказъ этотъ, но таинственный смыслъ его, та восторженная радость, которая сіяла въ лицѣ Каратаева при этомъ разсказѣ, таинственное значеніе этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера.

XIV.

— По мѣстамъ!—вдругъ закричалъ голосъ. Между плѣнными и конвойными произошло радостное смятеніе и ожиданіе чего-то счастливаго и торжественнаго. Со всѣхъ сторонъ послышались крики команды, и съ лѣвой стороны, рысью, объѣзжая плѣнныхъ, показались кавалеристы хорошо одѣтые, на хорошихъ лошадяхъ. На всѣхъ лицахъ было выраженіе напряженности, которая бываетъ у людей при близости высшихъ властей. Плѣнные сбились въ кучу, ихъ столкнули съ дороги; конвойные построились.

— Императоръ! Маршалъ! Герцогъ!..—и только что проѣхали сытые конвойные, какъ прогремѣла карета цугомъ, на сѣрыхъ лошадяхъ. Пьеръ мелькомъ увидалъ спокойное, красивое, толстое и бѣлое лицо человѣка въ треугольной шляпѣ.

Это былъ одинъ изъ маршаловъ. Взглядъ маршала обратился на крупную, замѣтную фигуру Пьера, и въ томъ выраженіи, съ которымъ маршалъ этотъ нахмурился и отвернулъ лицо, Пьеру показалось состраданіе и желаніе скрыть его.

Генералъ, который велъ депо, съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ, погоняя свою худую лошадь, скакалъ за каретой. Нѣсколько офицеровъ сошлось вмѣстѣ, солдаты окружили ихъ. У всѣхъ были взволнованно-напряженныя лица.

— Что онъ сказалъ? Что жъ сказалъ?.. слышалъ Пьеръ.

Во время проѣзда маршала плѣнные сбились въ кучу и Пьеръ увидалъ Каратаева, котораго онъ не видалъ еще въ нынѣшнее утро. Каратаевъ въ своей шинелькѣ сидѣлъ, прислонившись къ березѣ. Въ лицѣ его, кромѣ выраженія вчерашняго радостнаго умиленія при разсказѣ о безвинномъ страданіи купца, свѣтилось еще выраженіе тихой торжественности.

Каратаевъ смотрѣлъ на Пьера своими добрыми круглыми глазами, подернутыми теперь слезою и, видимо подзывалъ его къ себѣ, хотѣлъ сказать что-то. Но Пьеру слишкомъ страшно было за себя. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ будто не видалъ его взгляда, и поспѣшно отошелъ.

Когда плѣнные опять тронулись, Пьеръ оглянулся назадъ. Каратаевъ сидѣлъ на краю дороги, у березы; и два француза что-то говорили надъ нимъ. Пьеръ не оглядывался больше. Онъ шелъ, прихрамывая, въ гору.

Сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ, послышался выстрѣлъ. Пьеръ слышалъ явственно этотъ выстрѣлъ, но въ то же мгновеніе, какъ онъ услыхалъ его, Пьеръ вспомнилъ, что онъ не кончилъ еще начатое предъ проѣздомъ маршала вычисленіе о томъ, сколько переходовъ оставалось до Смоленска. И онъ сталъ считать. Два французскіе солдата, изъ

которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ снятое, дымящееся ружье, пробѣжали мимо Пьера. Они оба были блѣдны и въ выраженіи ихъ лицъ—одинъ изъ нихъ робко взглянулъ на Пьера—было что-то похожее на то, что̀ онъ видѣлъ въ молодомъ солдатѣ на казни. Пьеръ посмотрѣлъ на солдата и вспомнилъ о томъ, какъ этотъ солдатъ третьяго дня сжегъ, высушивая на кострѣ, свою рубаху и какъ смѣялись надъ нимъ.

Собака завыла сзади, съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ Каратаевъ. „Экая дура, о чемъ она воетъ?“ подумалъ Пьеръ.

Солдаты, товарищи, шедшіе рядомъ съ Пьеромъ, не оглядывались, такъ же какъ и онъ, на то мѣсто, съ котораго послышался выстрѣлъ и потомъ вой собаки; но строгое выраженіе лежало на всѣхъ лицахъ.

XV.

Депо и плѣнные, и обозъ маршала остановились въ деревнѣ Шамшевѣ. Все сбилось въ кучу у костровъ. Пьеръ подошелъ къ костру, поѣлъ жаренаго лошадинаго мяса, легъ спиной къ огню и тотчасъ же заснулъ. Онъ спалъ опять тѣмъ же сномъ, какимъ онъ спалъ въ Можайскѣ послѣ Бородина.

Опять событія дѣйствительности соединялись съ сновидѣніями, и опять кто-то, самъ ли онъ или кто другой, говорилъ ему мысли и даже тѣ же мысли, которыя ему говорились въ Можайскѣ.

— Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ. Все перемѣщается и движется, и это движеніе есть Богъ. И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь, любить Бога. Труднѣе и блаженнѣе всего любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій.

— Каратаевъ!—вспомнилось Пьеру.

И вдругъ Пьеру представился, какъ живой, давно забытый, кроткій старичокъ учитель, который въ Швейцаріи преподавалъ Пьеру географію.—„Постой“,—сказалъ старичокъ. И онъ показалъ Пьеру глобусъ. Глобусъ этотъ былъ живой, колеблющійся шаръ, не имѣющій размѣровъ. Вся поверхность шара состояла изъ капель, плотно сжатыхъ между собой. И капли эти всѣ двигались, перемѣщались и то сливались изъ нѣсколькихъ въ одну, то изъ одной раздѣлялись на многія. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другія, стремясь къ тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались съ нею.

— Вотъ жизнь,—сказалъ старичокъ учитель.

„Какъ это просто и ясно“, подумалъ Пьеръ. „Какъ я могъ не знать этого прежде. Въ серединѣ Богъ, и каждая капля стремится расшириться, чтобы въ наибольшихъ размѣрахъ отражать Его. И растетъ, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходитъ въ глубину и опять всплываетъ. Вотъ онъ, Каратаевъ, вотъ разлился и исчезъ.— Вы поняли мое дитя,—сказалъ учитель.

— Вы поняли, чортъ возьми,—закричалъ голосъ, и Пьеръ проснулся.

Онъ приподнялся и сѣлъ. У костра, присѣвъ на корточкахъ, сидѣлъ французъ, только что оттолкнувшій русскаго солдата, и жарилъ надѣтое на шомполъ мясо. Жилистыя, засученныя, обросшія волосами, красныя руки, съ короткими пальцами, ловко поворачивали шомполъ. Коричневое, мрачное лицо, съ насупленными бровями, ясно виднѣлось въ свѣтѣ угольевъ.

— Ему все равно,—проворчалъ онъ быстро обращаясь къ

солдату, стоявшему за нимъ...—разбойникъ! Право!—И солдатъ, вертя шомполъ, мрачно взглянулъ на Пьера. Пьеръ отвернулся, вглядываясь въ тѣни. Одинъ русскій солдатъ плѣнный, тотъ, котораго оттолкнулъ французъ, сидѣлъ у костра и трепалъ по чемъ-то рукой. Вглядѣвшись ближе, Пьеръ узналъ лиловую собачонку, которая, виляя хвостомъ, сидѣла подлѣ солдата.

— А, пришла?—сказалъ Пьеръ.—А Пла...—началъ онъ и не договорилъ. Въ его воображеніи вдругъ, одновременно связываясь между собой, возникло воспоминаніе о взглядѣ, которымъ смотрѣлъ на него Платонъ, сидя подъ деревомъ, о выстрѣлѣ, слышанномъ на томъ мѣстѣ, о воѣ собаки, о преступныхъ лицахъ двухъ французовъ, пробѣжавшихъ мимо него, о снятомъ дымящемся ружьѣ, объ отсутствіи Каратаева на этомъ привалѣ, и онъ готовъ уже былъ понять, что Каратаевъ убитъ, но въ то же самое мгновенье въ его душѣ, взявшись Богъ знаетъ откуда, возникло воспоминаніе о вечерѣ, проведенномъ имъ съ красавицей-полькой, лѣтомъ, на балконѣ своего кіевскаго дома. И все-таки, не связавъ воспоминаній нынѣшняго дня и не сдѣлавъ о нихъ вывода, Пьеръ закрылъ глаза, и картина лѣтней природы смѣшалась съ воспоминаніемъ о купаньи, о жидкомъ колеблющемся шарѣ и онъ опустился куда-то въ воду, такъ что вода сошлась надъ его головой.

Передъ восходомъ солнца его разбудили громкіе, частые выстрѣлы и крики. Мимо Пьера пробѣжали французы.

— Казаки!—прокричалъ одинъ изъ нихъ и черезъ минуту толпа русскихъ лицъ окружила Пьера.

Долго не могъ понять Пьеръ того, что̀ съ нимъ было. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ вопли радости товарищей.

— Братцы! Родимые мои, голубчики!—плача кричали старые солдаты, обнимая казаковъ и гусаръ. Гусары и казаки окружали плѣнныхъ и торопливо предлагали—кто платья, кто сапоги, кто хлѣба. Пьеръ рыдалъ, сидя посреди ихъ, и не могъ выговорить ни слова; онъ обнялъ перваго подошедшаго къ нему солдата и плача цѣловалъ его.

Долоховъ стоялъ у воротъ разваленнаго дома, пропуская мимо себя толпу обезоруженныхъ французовъ. Французы, взволнованные всѣмъ происшедшимъ, громко говорили между собой, но, проходя мимо Долохова, который слегка хлесталъ себя по сапогамъ нагайкой и глядѣлъ на нихъ своимъ холоднымъ, стекляннымъ, ничего добраго не обѣщающимъ взглядомъ, говоръ ихъ замолкалъ. Съ другой стороны стоялъ казакъ Долохова и считалъ плѣнныхъ, отмѣчая сотни чертой мѣла на воротахъ.

— Сколько?—спросилъ Долоховъ у казака, считавшаго плѣнныхъ.

— На вторую сотню,—отвѣчалъ казакъ.

— Проходите, проходите,—приговаривалъ Долоховъ, выучившись этому выраженію у французовъ, и, встрѣчаясь глазами съ проходившими плѣнными, взглядъ его вспыхивалъ жестокимъ блескомъ.

Денисовъ съ мрачнымъ лицомъ, снявъ папаху, шелъ позади казаковъ, несшихъ къ вырытой въ саду ямѣ, тѣло Пети Ростова.

XVI.

Съ 28-го октября, когда начались морозы, бѣгство французовъ получило только болѣе трагическій характеръ замерзающихъ и изжаривающихся на смерть у костровъ людей и

продолжающихъ въ шубахъ и колясках ѣхать съ награбленнымъ добромъ императора, королей и герцоговъ; но, въ сущности своей процессъ бѣгства и разложенія французской арміи нисколько не измѣнился.

Отъ Москвы до Вязьмы изъ 73-хъ тысячной французской арміи, не считая гвардію (которая во всю войну ничего не дѣлала, кромѣ грабежа),—изъ 73-хъ тысячной арміи осталось 36 тысячъ (изъ этого числа не болѣе пяти тысячъ выбыло въ сраженіяхъ). Вотъ первый членъ прогрессіи, которымъ, математически вѣрно, опредѣляются послѣдующіе. Французская армія, въ той же пропорціи таяла и уничтожалась отъ Москвы до Вязьмы, отъ Вязьмы до Смоленска, отъ Смоленска до Березины, отъ Березины до Вильно, независимо отъ большей или меньшей степени холода, преслѣдованія, загражденія пути и всѣхъ другихъ условій взятыхъ отдѣльно. Послѣ Вязьмы войска французскія вмѣсто трехъ колоннъ сбились въ одну кучу и такъ шли до конца. Бертье писалъ своему государю (извѣстно, какъ отдаленно отъ истины позволяютъ себѣ начальники описывать положеніе арміи), онъ писалъ:

„Считаю долгомъ донести вашему величеству о состояніи различныхъ корпусовъ, осмотрѣнныхъ мною въ различныхъ переходахъ эти послѣдніе три дня. Они почти въ разбродѣ. Едва четвертая часть солдатъ остается при знаменахъ своего полка, прочіе идутъ сами по себѣ по разнымъ направленіямъ, стараясь сыскать пропитаніе и избавиться отъ дисциплины. Всѣ думаютъ только о Смоленскѣ, гдѣ надѣятся отдохнуть. Въ послѣдніе дни замѣчено было, что много солдатъ побросали патроны и ружья. При такомъ состояніи дѣлъ, какія бы ни были ваши дальнѣйшія намѣренія, во имя успѣшной службы, вашему величеству требуется собрать

корпуса въ Смоленскѣ и отдѣлить отъ нихъ негодныхъ въ строю, какъ-то спѣшенныхъ кавалеристовъ, безоружныхъ, лишніе обозы и часть артиллеріи, ибо она теперь не въ соразмѣрности съ числомъ войскъ. Необходимо продовольствіе и нѣсколько дней покоя; солдаты изнурены голодомъ и усталостью; въ эти послѣдніе дни многіе умерли на дорогѣ и на бивакахъ. Такое бѣдственное положеніе безпрестанно усиливается и заставляетъ опасаться, что если не будутъ приняты быстрыя мѣры для предотвращенія зла, мы скоро не будемъ въ состояніи управлять войскомъ во время сраженія. 9 ноября, въ 30-ти верстахъ отъ Смоленска".

Ввалившись въ Смоленскъ, представлявшійся имъ обѣтованной землей, французы убивали другъ друга за провіантъ, ограбили свои же магазины и, когда все было разграблено, побѣжали дальше.

Всѣ шли, сами не зная куда и зачѣмъ они идутъ. Еще менѣе другихъ зналъ это геній Наполеона, такъ какъ никто ему не приказывалъ. Но все-таки онъ и его окружающіе соблюдали свои давнишнія привычки: писались приказы, письма, рапорты, расписаніе дня; называли другъ друга: ваше величество, братъ мой, принцъ Экмюльскій, король Неаполитанскій и т. д. Но приказы и рапорты были только на бумагѣ, ничто по нимъ не исполнялось, потому что не могли исполняться, и, несмотря на именованіе другъ друга величествами, высочествами и двоюродными братьями, всѣ они чувствовали, что они жалкіе и гадкіе люди, надѣлавшіе много зла, за которое теперь приходилось расплачиваться. И несмотря на то, что они притворялись будто заботятся объ арміи, они думали только каждый о себѣ и о томъ, какъ бы поскорѣе уйти и спастись.

XVII.

Дѣйствія русскаго и французскаго войскъ во время обратной кампаніи отъ Москвы и до Нѣмана подобны игрѣ въ жмурки, когда двумъ играющимъ завязываютъ глаза и одинъ изрѣдка звонитъ колокольчикомъ, чтобы увѣдомить о себѣ ловящаго. Сначала тотъ, кто ловитъ, звонитъ, не боясь непріятеля, но когда ему приходится плохо, онъ, стараясь не слышно итти, убѣгаетъ отъ своего врага и, часто думая убѣжать, идетъ прямо къ нему въ руки.

Сначала Наполеоновскія войска еще давали о себѣ знать— это было въ первый періодъ движенія по Калужской дорогѣ, но потомъ, выбравшись на Смоленскую дорогу, они побѣжали, прижимая рукой язычокъ колокольчика, и часто, думая, что они уходятъ, набѣгали прямо на русскихъ.

При быстротѣ бѣга французовъ и за ними русскихъ и вслѣдствіе того изнуренія лошадей, главное средство приблизительнаго узнаванія положенія, въ которомъ находится непріятель, разъѣзды кавалеріи, не существовало. Кромѣ того, вслѣдствіе частыхъ и быстрыхъ перемѣнъ положеній обѣихъ армій свѣдѣнія, какія и были, не могли поспѣвать во-время. Если второго числа приходило извѣстіе о томъ, что армія непріятеля была тамъ-то перваго числа, то третьяго числа, когда можно было предпринять что-нибудь, уже армія эта сдѣлала два перехода и находилась совсѣмъ въ другомъ положеніи.

Одна армія бѣжала, другая догоняла. Отъ Смоленска французамъ предстояло много различныхъ дорогъ; и казалось бы, тутъ простоявъ четыре дня, французы могли бы узнать гдѣ непріятель, сообразить что-нибудь выгодное и предпринять что-нибудь новое. Но послѣ четырехдневной остановки тол-

ны ихъ опять побѣжали не вправо, не влѣво, но, безъ всякихъ маневровъ и соображеній, по старой, худшей дорогѣ, на Красное и Оршу—по пробитому слѣду.

Ожидая врага сзади, а не спереди, французы бѣжали, растянувшись и раздѣлившись другъ отъ друга на 24 часа разстоянія. Впереди всѣхъ бѣжалъ императоръ, потомъ короли, потомъ герцоги. Русская армія, думая, что Наполеонъ возьметъ вправо за Днѣпръ, что̀ было одно разумно, подалась тоже вправо и вышла на большую дорогу къ Красному. И тутъ, какъ въ игрѣ въ жмурки, французы наткнулись на нашъ авангардъ. Неожиданно увидавъ врага, французы смѣшались, пріостановились отъ неожиданности испуга, но потомъ опять побѣжали, бросая своихъ, сзади слѣдовавшихъ, товарищей. Тутъ, какъ сквозь строй русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части французовъ, сначала вице-короля, потомъ Даву, потомъ Нея. Всѣ они побросали другъ друга, побросали всѣ свои тяжести, артиллерію, половину народа, и убѣгали, только по ночамъ справа полукругами обходя русскихъ.

Ней, шедшій послѣднимъ (потому что, несмотря на несчастное ихъ положеніе или именно вслѣдствіе его, имъ хотѣлось побить тотъ полъ, который ушибъ ихъ, онъ занялся взрываніемъ никому не мѣшавшихъ стѣнъ Смоленска),—шедшій послѣднимъ, Ней, съ своимъ 10-ти тысячнымъ корпусомъ, прибѣжалъ въ Оршу къ Наполеону только съ тысячью человѣками, побросавъ и всѣхъ людей и всѣ пушки; и ночью, украдучись, пробравшись лѣсомъ черезъ Днѣпръ.

Отъ Орши побѣжали дальше, по дорогѣ къ Вильно, точно такъ же играя въ жмурки съ преслѣдующей арміей. На Березинѣ опять замѣшались, многіе потонули, многіе сдались, но

тѣ, которые перебрались черезъ рѣку, побѣжали дальше. Главный начальникъ ихъ надѣлъ шубу и сѣвъ въ сани, поскакалъ одинъ, оставивъ своихъ товарищей. Кто могъ,— уѣхалъ тоже, кто не могъ,—сдался или умеръ.

XVIII.

Казалось бы, въ этой-то кампаніи бѣгства французовъ, когда они дѣлали все то, что только можно было, чтобы погубить себя, когда ни въ одномъ движеніи этой толпы, начиная отъ поворота на Калужскую дорогу и до бѣгства начальника отъ арміи, не было ни малѣйшаго смысла,—казалось бы, въ этотъ періодъ кампаніи невозмо...но уже историкамъ, приписывающимъ дѣйствія массъ волѣ одного человѣка, описывать это отступленіе въ ихъ смыслѣ. Но нѣтъ! Горы книгъ написаны историками объ этой кампаніи и вездѣ описаны распоряженія Наполеона и глубокомысленные его планы—маневры, руководившіе войскомъ, и геніальныя распоряженія его маршаловъ.

Отступленіе отъ Малоярославца тогда, когда ему даютъ дорогу въ обильный край и когда ему открыта та параллельная дорога, по которой потомъ преслѣдовалъ его Кутузовъ, ненужное отступленіе по разоренной дорогѣ, объясняется намъ по разнымъ глубокомысленнымъ соображеніямъ. По такимъ же глубокомысленнымъ соображеніямъ описывается его отступленіе отъ Смоленска на Оршу. Потомъ описывается его геройство при Красномъ, гдѣ онъ будто бы готовится принять сраженіе и самъ командовать, и ходитъ съ березовой палкой и говоритъ:

— Довольно уже я былъ императоромъ, теперь время быть генераломъ.—И, несмотря на то, тотчасъ же послѣ этого

бѣжитъ дальше, оставляя на произволъ судьбы разрозненныя части арміи, находящіяся сзади.

Потомъ описываютъ намъ величіе души маршаловъ, въ особенности Нея,—величіе души, состоящее въ томъ, что онъ ночью пробрался лѣсомъ въ обходъ черезъ Днѣпръ и безъ знаменъ и артиллеріи и безъ девяти десятыхъ войска прибѣжалъ въ Оршу.

И наконецъ послѣдній отъѣздъ великаго императора отъ геройской арміи представляется намъ историками какъ что-то великое и геніальное. Даже этотъ послѣдній поступокъ бѣгства, на языкѣ человѣческомъ называемый послѣдней степенью подлости, которой учится стыдиться каждый ребенокъ,—и этотъ поступокъ на языкѣ историковъ получаетъ оправданіе.

Тогда, какъ уже невозможно дальше растянуть столь эластичныя нити историческихъ разсужденій, когда дѣйствіе уже явно противно тому, что все человѣчество называетъ добромъ и даже справедливостью, является у историковъ спасительное понятіе о величіи. Величіе какъ будто исключаетъ возможность мѣры хорошаго и дурного. Для великаго—нѣтъ дурного. Нѣтъ ужаса, который бы могъ быть поставленъ въ вину тому, кто великъ.

— Это величественно (c'est grand)!—говорятъ историки, и тогда уже нѣтъ ни хорошаго, ни дурного, а есть „grand" и „не grand". Grand—хорошо, не grand—дурно. Grand есть свойство, по ихъ понятіямъ, какихъ-то особенныхъ животныхъ, называемыхъ ими героями. И Наполеонъ, убираясь въ теплой шубѣ домой отъ гибнущихъ не только товарищей, но (по его мнѣнію) людей, имъ приведенныхъ сюда, чувствуетъ que c'est grand, и душа его покойна.

„Отъ величественнаго до смѣшного только одинъ шагъ“, (онъ что-то величественное видитъ въ себѣ) говоритъ онъ. И весь міръ 50 лѣтъ повторяетъ: величественное! великое! Наполеонъ великій. Отъ величественнаго до смѣшного только шагъ.

И никому въ голову не придетъ, что признаніе величія, не измѣримаго мѣрой хорошаго и дурного, есть только признаніе своей ничтожности и неизмѣримой малости.

Для насъ, съ данной намъ Христомъ мѣрой хорошаго и дурного, нѣтъ неизмѣримаго. И нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды.

XIX.

Кто изъ русскихъ людей, читая описанія послѣдняго періода кампаніи 1812 года, не испытывалъ тяжелаго чувства досады, неудовлетворенности и неясности. Кто не задавалъ себѣ вопросъ: какъ не забрали, не уничтожили всѣхъ французовъ, когда всѣ три арміи окружали ихъ въ превосходящемъ числѣ, когда разстроенные французы, голодая и замерзая, сдавались толпами и когда (какъ намъ разсказываетъ исторія) цѣль русскихъ состояла именно въ томъ, чтобы остановить, отрѣзать и забрать въ плѣнъ всѣхъ французовъ.

Какимъ образомъ то русское войско, которое слабѣе числомъ французовъ, дало Бородинское сраженіе, какимъ образомъ это войско, съ трехъ сторонъ окружавшее французовъ и имѣвшее цѣлью ихъ забрать, не достигло своей цѣли? Неужели такое громадное преимущество передъ нами имѣютъ французы, что мы съ превосходными силами, окруживъ, не могли побить ихъ? Какимъ образомъ это могло случиться?

Исторія (та, которая называется этимъ словомъ), отвѣчая на эти вопросы, говоритъ, что это случилось оттого, что Кутузовъ, и Тормасовъ, и Чичаговъ, и тотъ-то, и тотъ-то не сдѣлали такихъ-то и такихъ-то маневровъ.

Но отчего они не сдѣлали всѣхъ этихъ маневровъ? Отчего, ежели они были виноваты въ томъ, что не достигнута была предназначавшаяся цѣль,—отчего ихъ не судили и не казнили? Но, даже ежели и допустить, что виною *неудачи* русскихъ были Кутузовъ и Чичаговъ и т. п., нельзя понять всетаки почему и въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились русскія войска подъ Краснымъ и подъ Березиной (въ обоихъ случаяхъ русскіе были въ превосходныхъ силахъ), почему не взято въ плѣнъ французское войско съ маршалами, королями и императорами, когда въ этомъ состояла цѣль русскихъ?

Объясненіе этого страннаго явленія тѣмъ (какъ то дѣлаютъ русскіе военные историки), что Кутузовъ помѣшалъ нападенію, неосновательно потому, что мы знаемъ, что воля Кутузова не могла удержать войска отъ нападенія подъ Вязьмой и подъ Тарутинымъ.

Почему то русское войско, которое съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ надъ непріятелемъ во всей его силѣ, подъ Краснымъ и подъ Березиной въ превосходныхъ силахъ, было побѣждено разстроенными толпами французовъ?

Если цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы отрѣзать и взять въ плѣнъ Наполеона и маршаловъ, и цѣль эта не только не была достигнута, а всѣ попытки къ достиженію этой цѣли всякій разъ были разрушены самымъ постыднымъ образомъ, то послѣдній періодъ кампаніи совершенно справедливо представляется французами рядомъ побѣдъ и совер-

шенно несправедливо представляется русскими историками побѣдоноснымъ.

Русскіе военные историки, настолько, насколько для нихъ обязательна логика, невольно приходятъ къ этому заключенію и, несмотря на лирическія воззванія о мужествѣ и преданности и т. д., должны невольно признаться, что отступленіе французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова.

Но, оставивъ совершенно въ сторонѣ народное самолюбіе, чувствуется, что заключеніе это само въ себѣ заключаетъ противорѣчіе, такъ какъ рядъ побѣдъ французовъ привелъ ихъ къ совершенному уничтоженію, а рядъ пораженій русскихъ привелъ ихъ къ полному уничтоженію врага и очищенію своего отечества.

Источникъ этого противорѣчія лежитъ въ томъ, что историками, изучающими событія по письмамъ государей и генераловъ, по реляціямъ, рапортамъ, планамъ и т. п., предположена ложная, никогда не существовавшая цѣль послѣдняго періода войны 1812 года,—цѣль, будто бы состоявшая въ томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ маршалами и арміей.

Цѣли этой никогда не было и не могло быть, потому что она не имѣла смысла и достиженіе ея было совершенно невозможно.

Цѣль эта не имѣла никакого смысла, во-первыхъ, потому, что разстроенная армія Наполеона со всей возможной быстротой бѣжала изъ Россіи, т.-е. исполняла то самое, что могъ желать всякій русскій. Для чего же было дѣлать различныя операціи надъ французами, которые бѣжали такъ быстро, какъ только они могли?

Во-вторыхъ, безсмысленно было становиться на дорогѣ людей, всю свою энергію направившихъ на бѣгство.

Въ-третьихъ, безсмысленно было терять свои войска для уничтоженія французскихъ армій, уничтожавшихся безъ внѣшнихъ причинъ въ такой прогрессіи, что безъ всякаго загораживанія пути онѣ не могли перевести черезъ границу больше того, что онѣ перевели въ декабрѣ мѣсяцѣ, т.-е. одну сотую всего войска.

Въ-четвертыхъ, безсмысленно было желаніе взять въ плѣнъ императора, королей, герцоговъ, — людей, плѣнъ которыхъ въ высшей степени затруднилъ бы дѣйствія русскихъ, какъ то признавали самые искусные дипломаты того времени (J. Maistre и другіе). Еще безсмысленнѣе было желаніе взять корпуса французовъ, когда свои войска растаяли на половину до Краснаго, а къ корпусамъ плѣнныхъ надо было отдѣлять дивизіи конвоя, и когда свои солдаты не всегда получали полный провіантъ и забранные уже плѣнные мерли съ голода.

Весь глубокомысленный планъ о томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ арміей, былъ подобенъ тому плану огородника, который, выгоняя изъ огорода потоптавшую его гряды скотину, забѣжалъ бы къ воротамъ и сталъ бы по головѣ бить эту скотину. Одно, что можно бы было сказать въ оправданіе огородника, было бы то, что онъ очень разсердился. Но это нельзя было даже сказать про составителей проекта, потому что не они пострадали отъ потоптанныхъ грядъ.

Но кромѣ того, что отрѣзываніе Наполеона съ арміей было безсмысленно, оно было невозможно.

Невозможно это было, во-первыхъ, потому, что, такъ какъ

изъ опыта видно, что движеніе колоннъ на пяти верстахъ въ одномъ сраженіи никогда не совпадаетъ съ планами, то вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Кутузовъ и Витгенштейнъ сошлись во-время въ назначенное мѣсто, была столь ничтожна, что она равнялась невозможности; какъ то и думалъ Кутузовъ, еще при полученіи плана сказавшій, что диверсіи на большія разстоянія не приносятъ желаемыхъ результатовъ.

Во-вторыхъ, невозможно было потому, что, для того, чтобы парализировать ту силу инерціи, съ которой двигалось назадъ войско Наполеона, надо было безъ сравненія большія войска, чѣмъ тѣ, которыя имѣли русскіе.

Въ-третьихъ, невозможно это было потому, что военное слово: отрѣзать, не имѣетъ никакого смысла. Отрѣзать можно кусокъ хлѣба, но не армію. Отрѣзать армію—перегородить ей дорогу—никакъ нельзя, ибо мѣста кругомъ всегда много, гдѣ можно обойти, и есть ночь, во время которой ничего не видно, въ чемъ могли бы убѣдиться военные ученые хоть изъ примѣровъ Краснаго или Березины. Взять же въ плѣнъ, никакъ нельзя безъ того, чтобы тотъ, кого берутъ въ плѣнъ, на это не согласился, какъ нельзя поймать ласточку, хотя и можно взять ее, когда она сядетъ на руку. Взять въ плѣнъ можно того, кто сдается какъ нѣмцы, по правиламъ стратегіи и тактики. Но французскія войска совершенно справедливо не находили этого удобнымъ, такъ какъ одинаковая голодная и холодная смерть ожидала ихъ на бѣгствѣ и въ плѣну.

Въ-четвертыхъ же и главное, это было невозможно потому, что никогда, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, не было войны при тѣхъ страшныхъ условіяхъ, при которыхъ она происходила въ 1812 году, и русскія войска въ пре-

слѣдованіи французовъ напрягли всѣ свои силы и не могли сдѣлать большаго, не уничтожившись сами.

Въ движеніи русской арміи отъ Тарутина до Краснаго выбыло пятьдесятъ тысячъ больными и отсталыми, т. е. число, равное населенію большого губернскаго города. Половина людей выбыла изъ арміи безъ сраженій.

И объ этомъ-то періодѣ кампаніи, когда войска безъ сапогъ и шубъ, съ неполнымъ провіантомъ, безъ водки, по мѣсяцамъ ночуютъ въ снѣгу и при 15-ти градусахъ мороза; когда дня только 7 и 8 часовъ, остальное ночь, во время которой не можетъ быть вліянія дисциплины; когда не такъ какъ въ сраженіи, на нѣсколько часовъ только люди вводятся въ область смерти, гдѣ уже нѣтъ дисциплины, а когда люди по мѣсяцамъ живутъ, всякую минуту борясь со смертью отъ голода и холода; когда въ мѣсяцъ погибаетъ половина арміи,—объ этомъ-то періодѣ кампаніи намъ разсказываютъ историки: какъ Милорадовичъ долженъ былъ сдѣлать фланговый маршъ туда-то, а Тормасовъ туда-то, и какъ Чичаговъ долженъ былъ передвинуться туда-то (передвинуться выше колѣна въ снѣгу), и какъ тотъ опрокинулъ и отрѣзалъ, и т. д. и т. д.

Русскіе, умиравшіе наполовину, сдѣлали все, что можно сдѣлать и должно было сдѣлать для достиженія достойной народа цѣли, и не виноваты въ томъ, что другіе русскіе люди, сидѣвшіе въ теплыхъ комнатахъ, предполагали сдѣлать то, что было невозможно.

Все это странное, непонятное теперь противорѣчіе факта съ описаніемъ исторіи происходитъ только отъ того, что историки, писавшіе объ этомъ событіи, писали исторію прекрасныхъ чувствъ и словъ разныхъ генераловъ, а не исторію событій.

Для нихъ кажутся очень занимательны слова Милорадовича, награды, которыя получилъ тотъ и этотъ генералъ, и ихъ предположенія; а вопросъ о тѣхъ 50.000, которыя остались по госпиталямъ и могиламъ, даже не интересуетъ ихъ, потому что не подлежитъ ихъ изученію.

А между тѣмъ стóитъ только отвернуться отъ изученія рапортовъ и генеральныхъ плановъ и вникнуть въ движеніе тѣхъ сотенъ тысячъ людей, принимавшихъ прямое, непосредственное участіе въ событіи, и всѣ, казавшіеся прежде неразрѣшимыми вопросы, вдругъ, съ необыкновенной легкостью и простотой получаютъ несомнѣнное разрѣшеніе.

Цѣль отрѣзыванія Наполеона съ арміей никогда не существовала, кромѣ какъ въ воображеніи десятка людей. Она не могла существовать, потому что она была безсмысленна, и достиженіе ея было невозможно.

Цѣль народа была одна: очистить свою землю отъ нашествія. Цѣль эта достигалась во-первыхъ сама собою, такъ какъ французы бѣжали и потому слѣдовало только не останавливать это движеніе. Во-вторыхъ, цѣль эта достигалась дѣйствіями народной войны, уничтожавшей французовъ, и, въ-третьихъ, тѣмъ, что большая русская армія шла слѣдомъ за французами, готовая употребить силу въ случаѣ остановки движенія французовъ.

Русская армія должна была дѣйствовать какъ кнутъ на бѣгущее животное. И опытный погонщикъ зналъ, что самое выгодное держать кнутъ поднятымъ, угрожая имъ, а не по головѣ стегать бѣгущее животное.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Когда человѣкъ видитъ умирающее животное, ужасъ охватываетъ его: то, что есть онъ самъ—сущность его, въ его глазахъ очевидно уничтожается—перестаетъ быть. Но когда умирающее есть человѣкъ и человѣкъ любимый—ощущаемый, тогда, кромѣ ужаса передъ уничтоженіемъ жизни, чувствуется разрывъ и духовная рана, которая такъ же, какъ и рана физическая, иногда убиваетъ, иногда залѣчивается, но всегда болитъ и боится внѣшняго, раздражающаго прикосновенія.

Послѣ смерти князя Андрея, Наташа и княжна Марья одинаково чувствовали это. Онѣ, нравственно согнувшись и зажмурившись отъ грознаго, нависшаго надъ ними облака смерти, не смѣли взглянуть въ лицо жизни. Онѣ осторожно берегли свои открытыя раны отъ оскорбительныхъ, болѣзненныхъ прикосновеній. Все: быстро проѣхавшій экипажъ по улицѣ, напоминаніе объ обѣдѣ, вопросъ дѣвушки о платьѣ, которое надо приготовить, еще хуже — слово неискренняго, слабаго участія, болѣзненно раздражало рану, казалось оскорбленіемъ и нарушало ту необходимую тишину, въ которой онѣ обѣ старались прислушиваться къ незамолкшему еще

въ ихъ воображеніи страшному, строгому хору, и мѣшало вглядываться въ тѣ таинственныя безконечныя дали, которыя на мгновенье открылись передъ ними.

Только вдвоемъ имъ было не оскорбительно и не больно. Онѣ мало говорили между собой. Ежели онѣ говорили, то о самыхъ незначительныхъ предметахъ. И та и другая одинаково избѣгали упоминанія о чемъ-нибудь, имѣющемъ отношеніе къ будущему.

Признавать возможность будущаго казалось имъ оскорбленіемъ его памяти. Еще осторожнѣе онѣ обходили въ своихъ разговорахъ все то, что могло имѣть отношеніе къ умершему. Имъ казалось, что то, что онѣ пережили и перечувствовали, не могло быть выражено словами. Имъ казалось, что всякое упоминаніе словами о подробностяхъ его жизни нарушало величіе и святыню совершившагося въ ихъ глазахъ таинства.

Безпрестанныя воздержанія рѣчи, постоянное старательное обхожденіе всего того, что могло навести на слово о немъ: эти остановки съ разныхъ сторонъ на границѣ того, чего нельзя было говорить, еще чище и яснѣе выставляли передъ ихъ воображеніемъ то, что̀ онѣ чувствовали.

Но чистая, полная печаль такъ же невозможна, какъ чистая и полная радость. Княжна Марья по своему положенію одной, независимой хозяйки своей судьбы, опекунши и воспитательницы племянника, первая была вызвана жизнью изъ того міра печали, въ которомъ она жила первыя двѣ недѣли. Она получила письма отъ родныхъ, на которыя надо было отвѣчать; комната, въ которую помѣстили Николушку, была сыра и онъ сталъ кашлять. Алпатычъ пріѣхалъ въ Ярославль съ отчетами о дѣлахъ и съ предложеніями и совѣтами переѣхать въ Москву въ Воздвиженскій домъ, который остался цѣлъ и

требовалъ только небольшихъ починокъ. Жизнь не останавливалась, и надо было жить. Какъ ни тяжело было княжнѣ Марьѣ выйти изъ того міра уединеннаго созерцанія, въ которомъ она жила до сихъ поръ, какъ ни жалко и какъ-будто совѣстно было покинуть Наташу одну,—заботы жизни требовали ея участія, и она невольно отдалась имъ. Она повѣряла счеты съ Алпатычемъ, совѣтовалась съ Десалемъ о племянникѣ и дѣлала распоряженія и приготовленія для своего переѣзда въ Москву.

Наташа оставалась одна и, съ тѣхъ поръ какъ княжна Марья стала заниматься приготовленіями къ отъѣзду, избѣгала и ея.

Княжна Марья предложила графинѣ отпустить съ собой Наташу въ Москву, и мать и отецъ радостно согласились на это предложеніе, съ каждымъ днемъ замѣчая упадокъ физическихъ силъ дочери и полагая для нея полезнымъ и перемѣну мѣста, и помощь московскихъ врачей.

— Я никуда не поѣду,—отвѣчала Наташа, когда ей сдѣлали предложеніе, только пожалуйста оставьте меня,—сказала она и выбѣжала изъ комнаты, съ трудомъ удерживая слезы, не столько горя, сколько досады и озлобленія.

Послѣ того, какъ она почувствовала себя покинутой княжной Марьей и одинокой въ своемъ горѣ, Наташа большую часть времени, одна въ своей комнатѣ, сидѣла съ ногами въ углу дивана и, что-нибудь разрывая или переминая своими тонкими, напряженными пальцами, упорнымъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на то, на чемъ останавливались глаза. Уединеніе это изнуряло, мучило ее; но оно было для нея необходимо. Какъ только кто-нибудь входилъ къ ней, она быстро вставала, измѣняла положеніе и выраженіе взгляда и

бралась за книгу или шитье, очевидно, съ нетерпѣніемъ ожидая ухода того, кто помѣшалъ ей.

Ей все казалось, что она вотъ-вотъ сейчасъ пойметъ, проникнетъ то, на что съ страшнымъ непосильнымъ ей вопросомъ устремленъ былъ ея душевный взглядъ.

Въ концѣ декабря, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, съ небрежно связанной пучкомъ косой, худая и блѣдная, Наташа сидѣла съ ногами въ углу дивана, напряженно комкая и распуская концы пояса, и смотрѣла на уголъ двери.

Она смотрѣла туда, куда ушелъ онъ, на ту сторону жизни. И та сторона жизни, о которой она прежде никогда не думала, которая прежде ей казалась такою далекою, невѣроятною, теперь была ей ближе и роднѣе, понятнѣе, чѣмъ эта сторона жизни, въ которой все было или пустота и разрушеніе, или страданіе и оскорбленіе.

Она смотрѣла туда, гдѣ она знала, что былъ онъ; но она не могла его видѣть иначе какъ такимъ, какимъ онъ былъ здѣсь. Она видѣла его опять такимъ же, какимъ онъ былъ въ Мытищахъ, у Троицы, въ Ярославлѣ.

Она видѣла его лицо, слышала его голосъ и повторяла его слова и свои слова, сказанныя ему, и иногда придумывала за себя и за него новыя слова, которыя тогда могли бы быть сказаны.

Вотъ онъ лежитъ на креслѣ, въ своей бархатной шубкѣ, облокотивъ голову на худую блѣдную руку. Грудь его страшно низка и плечи подняты. Губы твердо сжаты, глаза блестятъ и на блѣдномъ лбу вспрыгиваетъ и исчезаетъ морщина. Одна нога его чуть замѣтно быстро дрожитъ. Наташа знаетъ, что онъ борется съ мучительной болью. „Что̀ такое эта боль? Зачѣмъ боль? Что̀ онъ чувствуетъ? Какъ у него болитъ?“

думаетъ Наташа. Онъ замѣтилъ ея вниманіе, поднялъ глаза и, не улыбаясь, сталъ говорить.

— Одно ужасно,—сказалъ онъ:—это связать себя на вѣки съ страдающимъ человѣкомъ. Это вѣчное мученье.—И онъ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее. Наташа какъ и всегда отвѣтила тогда прежде, чѣмъ успѣла подумать о томъ, что̀ она отвѣчаетъ; она сказала: это не можетъ такъ продолжаться, этого не будетъ, вы будете здоровы—совсѣмъ.

Она теперь сначала видѣла его и переживала теперь все то, что̀ она чувствовала тогда. Она вспомнила продолжительный, грустный, строгій взглядъ его при этихъ словахъ и поняла значеніе упрека и отчаянія этого продолжительнаго взгляда.

„Я согласилась“, говорила себѣ теперь Наташа, что было бы ужасно, если бы онъ остался всегда страдающимъ. Я сказала это тогда такъ только, потому что для него это было бы ужасно, а онъ понялъ это иначе. Онъ подумалъ, что это для меня ужасно бы было. Онъ тогда еще хотѣлъ жить—боялся смерти. И я такъ грубо, глупо сказала ему. Я не думала этого. Я думала совсѣмъ другое. Если бы я сказала то, что думала, я бы сказала: пускай бы онъ умиралъ, все время умиралъ бы передъ моими глазами, я была бы счастлива въ сравненіи съ тѣмъ, что я теперь. Теперь... ничего, никого нѣтъ. Зналъ ли онъ это? Нѣтъ. Не зналъ и никогда не узнаетъ. И теперь никогда, никогда уже нельзя поправить этого“. И опять онъ говорилъ ей тѣ же слова, но теперь въ воображеніи своемъ Наташа отвѣчала ему иначе. Она останавливала его и говорила: ужасно для васъ, но не для меня. Вы знаете, что мнѣ безъ васъ нѣтъ ничего въ жизни, и страдать съ вами для меня лучшее счастіе. И онъ бралъ ея руку и жалъ ее такъ,

какъ онъ жалъ ее въ тотъ страшный вечеръ, за четыре дня передъ смертью. И въ воображенiи своемъ она говорила ему еще другiя нѣжныя, любовныя рѣчи, которыя она могла бы сказать тогда, которыя она говорила теперь. — Я люблю тебя!.. тебя... люблю, люблю...—говорила она, судорожно сжимая руки, стискивая зубы съ ожесточеннымъ усилiемъ...

И сладкое горе охватывало ее и слезы уже выступили на глаза, но вдругъ она спрашивала себя: кому она говоритъ это? Гдѣ онъ и кто онъ теперь? И опять все застилалось сухимъ, жесткимъ недоумѣнiемъ и опять, напряженно сдвинувъ брови, она вглядывалась туда, гдѣ онъ былъ. И вотъ-вотъ ей казалось, она проникаетъ тайну... Но въ ту минуту, какъ ей уже открывалось, казалось, непонятное, громкiй стукъ ручки замка двери болѣзненно поразилъ ея слухъ. Быстро и неосторожно съ испуганнымъ, не занятымъ ею выраженiемъ лица, въ комнату вошла горничная Дуняша.

— Пожалуйте къ папашѣ, скорѣе, — сказала Дуняша съ особеннымъ и оживленнымъ выраженiемъ. — Несчастiе, о Петрѣ Ильичѣ... письмо,—всхлипнувъ проговорила она.

II.

Кромѣ общаго чувства отчужденiя отъ всѣхъ людей, Наташа въ это время испытывала особенное чувство отчужденiя отъ лицъ своей семьи. Всѣ свои: отецъ, мать, Соня, были такъ ей близки, привычны, такъ будничны, что всѣ ихъ слова, чувства казались ей оскорбленiемъ того мiра, въ которомъ она жила послѣднее время, и она не только была равнодушна, но враждебно смотрѣла на нихъ. Она слышала слова Дуняши о Петрѣ Ильичѣ, о несчастiи, но не поняла ихъ.

— Какое тамъ у нихъ несчастiе, какое можетъ быть не-

счастіе. У нихъ все свое старое, привычное и покойное,—мысленно сказала Наташа.

Когда она вошла въ залу, отецъ быстро выходилъ изъ комнаты графини. Лицо его было сморщенно и мокро отъ слезъ. Онъ, видимо, выбѣжалъ изъ той комнаты, чтобы дать волю давившимъ его рыданіямъ. Увидавъ Наташу, онъ отчаянно взмахнулъ руками и разразился болѣзненно-судорожными всхлипываніями, исказившими его круглое, мягкое лицо.

— Пе... Петя... Поди, поди, она... зоветъ...—И онъ, рыдая какъ дитя, быстро сѣменя ослабѣвшими ногами, подошелъ къ стулу и упалъ почти на него, закрывъ лицо руками.

Вдругъ какъ электрическій токъ пробѣжалъ по всему существу Наташи. Что-то страшно больно ударило ее въ сердце. Она почувствовала страшную боль; ей показалось, что что-то отрывается въ ней и что она умираетъ. Но вслѣдъ за болью она почувствовала мгновенно освобожденіе отъ запрета жизни, лежавшаго на ней. Увидавъ отца и услыхавъ изъ-за двери страшный, грубый крикъ матери, она мгновенно забыла себя и свое горе. Она подбѣжала къ отцу, но онъ, безсильно махая рукой, указывалъ на дверь матери. Княжна Марья, блѣдная, съ дрожащей нижней челюстью, вышла изъ двери и взяла Наташу за руку, говоря ей что-то. Наташа не видѣла, не слышала ее. Она быстрыми шагами вошла въ дверь, остановилась на мгновеніе, какъ бы въ борьбѣ съ самой собой, и подбѣжала къ матери.

Графиня лежала на креслѣ, странно, неловко вытягиваясь, и билась головой о стѣну. Соня и дѣвушки держали ее за руки.

— Наташу, Наташу!..—кричала графиня.—Неправда, неправда... Онъ лжетъ... Наташу!—кричала она, отталкивая

отъ себя окружавшихъ.—Подите прочь всѣ, неправда! Убили!.. ха-ха-ха!.. неправда!

Наташа стала колѣномъ на кресло, нагнулась надъ матерью, обняла ее, съ неожиданной силой подняла, повернула къ себѣ ея лицо и прижалась къ ней.

— Маменька!.. голубчикъ!.. Я тутъ, другъ мой. Маменька!—шептала она ей, не замолкая ни на секунду.

Она не выпускала матери, нѣжно боролась съ ней, требовала подушки, воды, разстегивала и разрывала платье на матери.—Другъ мой, голубушка... Маменька—душенька,— не переставая шептала она, цѣлуя ея голову, руки, лицо и чувствуя, какъ неудержимо ручьями, щекоча ей носъ и щеки, текли ея слезы.

Графиня сжала руку дочери, закрыла глаза и затихла на мгновеніе. Вдругъ она съ непривычною быстротой поднялась, безсмысленно оглянулась и, увидавъ Наташу, стала изъ всѣхъ силъ сжимать ея голову. Потомъ она повернула къ себѣ ея морщившееся отъ боли лицо и долго вглядывалась въ него.— Наташа, ты меня любишь?—сказала она тихимъ, довѣрчивымъ шопотомъ. — Наташа, ты не обманешь меня? Ты мнѣ скажешь всю правду.

Наташа смотрѣла на нее налитыми слезами въ глазахъ, и въ лицѣ ея была только мольба о прощеніи и любви.

— Другъ мой, маменька,— повторяла она, напрягая всѣ силы своей любви на то, чтобы какъ-нибудь снять съ нея на себя излишекъ давившаго ее горя.

И опять въ безсильной борьбѣ съ дѣйствительностью мать, отказываясь вѣрить въ то, что она могла жить, когда былъ убитъ цвѣтущій жизнью ея любимый мальчикъ, спасалась отъ дѣйствительности въ мірѣ безумія.

Наташа не помнила, какъ прошелъ этотъ день, ночь, слѣдующій день и слѣдующая ночь. Она не спала и не отходила отъ матери. Любовь Наташи упорная, терпѣливая, не какъ объясненіе, не какъ утѣшеніе, а какъ призывъ къ жизни, всякую секунду какъ будто со всѣхъ сторонъ обнимала графиню. На третью ночь графиня затихла на нѣсколько минутъ, а Наташа закрыла глаза, облокотивъ голову на ручку кресла. Кровать скрипнула, Наташа открыла глаза. Графиня сидѣла на кровати и тихо говорила.

— Какъ я рада, что ты пріѣхалъ. Ты усталъ, хочешь чаю?—Наташа подошла къ ней.—Ты похорошѣлъ и возмужалъ,—продолжала графиня, взявъ дочь за руку.

— Маменька, что̀ вы говорите!..

— Наташа, его нѣтъ, нѣтъ больше.—И, обнявъ дочь, въ первый разъ графиня начала плакать.

III.

Княжна Марья отложила свой отъѣздъ. Соня, графъ старались замѣнить Наташу, но не могли. Они видѣли, что она одна могла удерживать мать отъ безумнаго отчаянія. Три недѣли Наташа безвыходно жила при матери, спала на креслѣ въ ея комнатѣ, поила, кормила ее и, не переставая, говорила съ ней, говорила, потому что одинъ нѣжный, ласкающій голосъ ея успокоивалъ графиню.

Душевная рана матери не могла залѣчиться. Смерть Пети оторвала половину ея жизни. Черезъ мѣсяцъ послѣ извѣстія о смерти Пети, заставшаго ее свѣжей и бодрой 50-ти лѣтней женщиной, она вышла изъ своей комнаты полумертвой и не принимающей участія въ жизни старухой. Но та же

рана, которая наполовину убила графиню, эта новая рана вызвала Наташу къ жизни.

Душевная рана, происходящая отъ разрыва духовнаго тѣла, точно такъ же, какъ и рана физическая, какъ ни странно это кажется, послѣ того какъ глубокая рана зажила и кажется сошедшейся своими краями, рана душевная, какъ и физическая, заживаетъ только изнутри выпирающей силой жизни.

Такъ же зажила рана Наташи. Она думала, что жизнь ея кончена. Но вдругъ любовь къ матери показала ей, что сущность ея жизни — любовь — еще жива въ ней. Проснулась любовь, и проснулась жизнь.

Послѣдніе дни князя Андрея связали Наташу съ княжной Марьей. Новое несчастье еще болѣе сблизило ихъ. Княжна Марья отложила свой отъѣздъ и послѣднія три недѣли, какъ за больнымъ ребенкомъ, ухаживала за Наташей. Послѣднія недѣли, проведенныя Наташей въ комнатѣ матери, надорвали ея физическія силы.

Однажды княжна Марья въ серединѣ дня замѣтивъ, что Наташа дрожитъ въ лихорадочномъ ознобѣ, увела ее къ себѣ и уложила на своей постели. Наташа легла, но когда княжна Марья, опустивъ сторы, хотѣла выйти, Наташа подозвала ее къ себѣ.

— Мнѣ не хочется спать. Мари, посиди со мной.

— Ты устала—постарайся заснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ. Зачѣмъ ты увела меня? Она спроситъ.

— Ей гораздо лучше. Она нынче такъ хорошо говорила,— сказала княжна Марья.

Наташа лежала въ постели и въ полутьмѣ комнаты разсматривала лицо княжны Марьи.

„Похожа она на него? — думала Наташа. — Да, похожа

и не похожа. Но она особенная, чужая, совсѣмъ новая, неизвѣстная. И она любитъ меня. Чтò у ней на душѣ? Все доброе. Но какъ? Какъ она думаетъ? Какъ она на меня смотритъ? Да, она прекрасная".

— Маша,—сказала она робко, притянувъ къ себѣ ея руку—Маша, ты не думай, что я дурная. Нѣтъ? Маша, голубушка. Какъ я тебя люблю. Будемъ совсѣмъ, совсѣмъ друзьями.

И Наташа, обнимая, стала цѣловать руки и лицо княжны Марьи. Княжна Марья стыдилась и радовалась этому выраженію чувствъ Наташи.

Съ этого дня между княжной Марьей и Наташей установилась та страстная и нѣжная дружба, которая бываетъ только между женщинами. Онѣ безпрестанно цѣловались, говорили другъ другу нѣжныя слова и большую часть времени проводили вмѣстѣ. Если одна выходила, то другая была безпокойна и спѣшила присоединиться къ ней. Онѣ вдвоемъ чувствовали большее согласіе между собой, чѣмъ порознь, каждая сама съ собою. Между ними установилось чувство сильнѣйшее, чѣмъ дружба: это было исключительное чувство возможности жизни только въ присутствіи другъ друга.

Иногда онѣ молчали цѣлые часы; иногда, уже лежа въ постеляхъ, онѣ начинали говорить и говорили до утра. Онѣ говорили большей частью о дальнемъ прошедшемъ. Княжна Марья разсказывала про свое дѣтство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтанія; и Наташа, прежде съ спокойнымъ непониманіемъ отворачивавшаяся отъ этой жизни преданности, покорности, отъ поэзіи христіанскаго самоотверженія, теперь, чувствуя себя связанной любовью съ княжной Марьей, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятную ей прежде сторону жизни. Она не думала при-

лагать къ своей жизни покорность и самоотверженіе, потому что она привыкла искать другихъ радостей, но она поняла и полюбила въ другой эту, прежде непонятную ей, добродѣтель. Для княжны Марьи, слушавшей разсказы о дѣтствѣ и первой молодости Наташи, тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вѣра въ жизнь, въ наслажденія жизни.

Онѣ всѣ точно такъ же никогда не говорили про *него* съ тѣмъ, чтобы не нарушать словами, какъ имъ казалось, той высоты чувства, которая была въ нихъ, а это умолчаніе о немъ дѣлало то, что понемногу, не вѣря этому, онѣ забывали его.

Наташа похудѣла, поблѣднѣла и физически такъ стала слаба, что всѣ постоянно говорили объ ея здоровьѣ, и ей это пріятно было. Но иногда на нее неожиданно находилъ не только страхъ смерти, но страхъ болѣзни, слабости, потери красоты, и невольно она иногда внимательно разглядывала свою голую руку, удивляясь на ея худобу, или заглядывалась по утрамъ въ зеркало на свое вытянувшееся, жалкое, какъ ей казалось, лицо. Ей казалось, что это такъ должно быть, и вмѣстѣ съ тѣмъ становилось страшно и грустно.

Одинъ разъ она скоро взошла наверхъ и тяжело запыхалась. Тотчасъ же невольно она придумала себѣ дѣло внизу и оттуда вбѣжала опять вверхъ, пробуя силы и наблюдая за собой.

Другой разъ она позвала Дуняшу и голосъ ея задребезжалъ. Она еще разъ кликнула ее, несмотря на то, что она слышала ея шаги,—кликнула тѣмъ груднымъ голосомъ, которымъ она пѣвала, и прислушалась къ нему.

Она не знала этого, не повѣрила бы, но подъ казавшимся ей непроницаемымъ слоемъ ила, застлавшимъ ея душу, уже

пробивались тонкія, нѣжныя молодыя иглы травы, которыя должны были укорениться и такъ застлать своими жизненными побѣгами задавившее ее горе, что его скоро будетъ невидно и незамѣтно. Рана заживала изнутри.

Въ концѣ января княжна Марья уѣхала въ Москву и графъ настоялъ на томъ, чтобы Наташа ѣхала съ нею, съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться съ докторами.

IV.

Послѣ столкновенія при Вязьмѣ, гдѣ Кутузовъ не могъ удержать свои войска отъ желанія опрокинуть, отрѣзать и т. д., дальнѣйшее движеніе бѣжавшихъ французовъ и за ними бѣжавшихъ русскихъ, до Краснаго, происходило безъ сраженій. Бѣгство было такъ быстро, что бѣжавшая за французами русская армія не могла поспѣвать за ними, что лошади въ кавалеріи и артиллеріи становились, и что свѣдѣнія о движеніи французовъ были всегда невѣрны.

Люди русскаго войска были такъ измучены этимъ непрерывнымъ движеніемъ, по 40 верстъ въ сутки, что не могли двигаться быстрѣе.

Чтобы понять степень истощенія русской арміи, надо только ясно понять значеніе того факта, что, потерявъ ранеными и убитыми во все время движенія отъ Тарутина не болѣе пяти тысячъ человѣкъ, не потерявъ сотни людей плѣнными, армія русская, вышедшая изъ Тарутина въ числѣ ста тысячъ, пришла къ Красному въ числѣ пятидесяти тысячъ.

Быстрое движеніе русскихъ за французами дѣйствовало на русскую армію точно такъ же разрушительно, какъ и бѣгство французовъ. Разница была только въ томъ, что рус-

ская армія двигалась произвольно, безъ угрозы погибели, которая висѣла надъ французской арміей, и въ томъ, что отсталые, больные у французовъ оставались въ рукахъ врага, а отсталые русскіе оставались у себя дома. Главная причина уменьшенія арміи Наполеона была быстрота движенія, и несомнѣннымъ доказательствомъ тому служитъ соотвѣтственное уменьшеніе русскихъ войскъ.

Вся дѣятельность Кутузова, какъ это было подъ Тарутинымъ и подъ Вязьмой, была направлена только къ тому, чтобы,—насколько то было въ его власти, — не останавливать этого гибельнаго для французовъ движенія (какъ хотѣли въ Петербургѣ и въ арміи русскіе генералы), а содѣйствовать ему и облегчить движеніе своихъ войскъ.

Но, кромѣ того, со времени выказавшихся въ войскахъ утомленія и огромной убыли, происходившихъ отъ быстроты движенія, еще другая причина представлялась Кутузову для замедленія движенія войскъ и для выжиданія. Цѣль русскихъ войскъ была—слѣдованіе за французами. Путь французовъ былъ неизвѣстенъ, и потому, чѣмъ ближе слѣдовали наши войска по пятамъ французовъ, тѣмъ больше они проходили разстоянія. Только слѣдуя въ нѣкоторомъ разстояніи, можно было, по кратчайшему пути, перерѣзывать зигзаги, которые дѣлали французы. Всѣ искусные маневры, которые предлагали генералы, выражались въ передвиженіяхъ войскъ, въ увеличеніи переходовъ, а единственно разумная цѣль состояла въ томъ, чтобы уменьшить эти переходы. И къ этой цѣли, во всю кампанію отъ Москвы до Вильны, была направлена дѣятельность Кутузова — не случайно, не временно, но такъ послѣдовательно, что онъ ни разу не измѣнилъ ей.

Кутузовъ зналъ не умомъ или наукой, а всѣмъ русскимъ

существомъ своимъ, зналъ и чувствовалъ то, что чувствовалъ каждый русскій солдатъ, что французы побѣждены, что враги бѣгутъ и надо проводить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, заодно съ солдатами, всю тяжесть этого, неслыханнаго по быстротѣ и времени года, похода.

Но генераламъ, въ особенности не русскимъ, желавшимъ отличиться, удивить кого-то, забрать въ плѣнъ для чего-то какого-нибудь герцога или короля, — генераламъ этимъ казалось теперь, когда всякое сраженіе было и гадко и безсмысленно, имъ казалось, что теперь-то самое время давать сраженія и побѣждать кого-то. Кутузовъ только пожималъ плечами, когда ему, одинъ за другимъ, представляли проекты маневровъ съ тѣми дурно обутыми, безъ полушубковъ, полуголодными солдатами, которые въ одинъ мѣсяцъ, безъ сраженій, растаяли до половины и съ которыми, при наилучшихъ условіяхъ продолжающагося бѣгства, надо было пройти до границы пространство больше того, которое было пройдено.

Въ особенности это стремленіе отличиться и маневрировать, опрокидывать и отрѣзывать проявлялось тогда, когда русскія войска наталкивались на войска французовъ.

Такъ это случилось подъ Краснымъ, гдѣ думали найти одну изъ трехъ колоннъ французовъ и наткнулись на самого Наполеона съ 16-ю тысячами. Несмотря на всѣ средства, употребленныя Кутузовымъ для того, чтобы избавиться отъ этого пагубнаго столкновенія и чтобы сберечь свои войска, три дня у Краснаго продолжалось добиваніе разбитыхъ сборищъ французовъ измученными людьми русской арміи.

Толь написалъ диспозицію: первая колонна направится туда-то... и т. д. И, какъ всегда, сдѣлалось все не по дис-

позиціи. Принцъ Евгеній Виртембергскій разстрѣливалъ съ горы мимо бѣгущія толпы французовъ и требовалъ подкрѣпленія, которое не приходило. Французы, по ночамъ обѣгая русскихъ, разсыпались, прятались въ лѣса и пробирались, кто какъ могъ дальше.

Милорадовичъ, который говорилъ, что онъ знать ничего не хочетъ о хозяйственныхъ дѣлахъ отряда, котораго никогда нельзя было найти, когда его было нужно, рыцарь безъ страха и упрека, какъ онъ самъ называлъ себя, и охотникъ до разговоровъ съ французами, посылалъ парламентеровъ, требуя сдачи, терялъ время и дѣлалъ не то, что̀ ему приказывали.

— Дарю вамъ, ребята, эту колонну,—говорилъ онъ подъѣзжая къ войскамъ и указывая кавалеристамъ на французовъ. И кавалеристы на еле двигающихся лошадяхъ, подгоняя ихъ шпорами и саблями, рысцой, послѣ сильныхъ напряженій, подъѣзжали къ подаренной колоннѣ, т.-е. къ толпѣ обмороженныхъ, закоченѣвшихъ и голодныхъ французовъ; и подаренная колонна кидала оружіе и сдавалась, чего ей уже давно хотѣлось.

Подъ Краснымъ взяли 26 тысячъ плѣнныхъ, сотни пушекъ, какую-то палку, которую называли маршальскимъ жезломъ, и спорили о томъ, кто тамъ отличился, и были этимъ довольны, но очень сожалѣли о томъ, что не взяли Наполеона, или хотя какого-нибудь героя, маршала, и упрекали въ этомъ другъ друга и въ особенности Кутузова.

Люди эти, увлекаемые своими страстями, были слѣпыми исполнителями только самаго печальнаго закона необходимости; но они считали себя героями и воображали, что то̀, что они дѣлали, было самое достойное и благородное дѣло.

Они обвиняли Кутузова и говорили, что онъ съ самаго начала кампанiи мѣшалъ имъ побѣдить Наполеона, что онъ думаетъ только объ удовлетворенiи своихъ страстей и не хотѣлъ выходить изъ Полотняныхъ Заводовъ потому, что ему тамъ было покойно, что онъ подъ Краснымъ остановилъ движенiе потому, что, узнавъ о присутствiи Наполеона, онъ совершенно потерялся, что можно предполагать, что онъ находится въ заговорѣ съ Наполеономъ, что онъ подкупленъ имъ *) и т. д., и т. д.

Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили такъ,—потомство и исторiя признали Наполеона grand, а Кутузова—иностранцы: хитрымъ, развратнымъ, слабымъ придворнымъ старикомъ; русскiе чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какой-то куклой, полезной только по своему русскому имени.

V.

Въ 12 и 13 годахъ Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь былъ недоволенъ имъ. И въ исторiи, написанной недавно по высочайшему повелѣнiю, сказано, что Кутузовъ былъ хитрый придворный лжецъ, боявшiйся имени Наполеона и своими ошибками подъ Краснымъ и подъ Березиной лишившiй русскiя войска славы полной побѣды надъ французами **).

Такова судьба невеликихъ людей, не grand-homme, которыхъ не признаетъ русскiй умъ, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнiя, подчиняютъ ей свою личную волю. Ненависть и презрѣ-

---

*) Записки Вильсона.

**) Исторiя 1812 года Богдановича, характеристика Кутузова и разсужденiе о неудовлетворительности результатовъ Красненскихъ сраженiй.

ніе толпы наказываютъ этихъ людей за презрѣніе высшихъ законовъ.

Для русскихъ историковъ,—странно и страшно сказать,— Наполеонъ — это ничтожнѣйшее орудіе исторіи, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства, Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга; онъ grand. Кутузовъ же, тотъ человѣкъ, который отъ начала и до конца своей дѣятельности въ 1812 году, отъ Бородина и до Вильны, ни разу ни однимъ дѣйствіемъ, ни словомъ не измѣняя себѣ, являетъ необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и, говоря о Кутузовѣ и 12 годѣ, имъ всегда какъ будто немножко стыдно.

А между тѣмъ, трудно себѣ представить историческое лицо, дѣятельность котораго такъ неизмѣнно постоянно была бы направлена къ одной и той же цѣли. Трудно вообразить себѣ цѣль болѣе достойную и болѣе совпадающую съ волею всего народа. Еще труднѣе найти другой примѣръ въ исторіи, гдѣ бы цѣль, которую поставило себѣ историческое лицо, была бы такъ совершенно достигнута, какъ та цѣль, къ достиженію которой была направлена вся дѣятельность Кутузова въ 12 году.

Кутузовъ никогда не говорилъ о 40 вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству, о томъ, что̀ онъ намѣренъ совершить или совершилъ: онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи. Онъ писалъ письма своимъ дочерямъ и m-me

Сталь, читалъ романы, любилъ общество красивыхъ женщинъ, шутилъ съ генералами, офицерами и солдатами и никогда не противорѣчилъ тѣмъ людямъ, которые хотѣли ему что-нибудь доказывать. Когда графъ Растопчинъ на Яузскомъ мосту подскакалъ къ Кутузову съ личными упреками о томъ, кто виноватъ въ погибели Москвы, и сказалъ: „Какъ же вы обѣщали не оставлять Москвы, не давъ сраженія?“ Кутузовъ отвѣчалъ: „Я и не оставлю Москвы безъ сраженія“, несмотря на то, что Москва была уже оставлена. Когда пріѣхавшій къ нему отъ государя Аракчеевъ сказалъ, что надо бы Ермолова назначить начальникомъ артиллеріи, Кутузовъ отвѣчалъ: „Да, я и самъ только что говорилъ это“, хотя онъ за минуту говорилъ совсѣмъ другое. Какое дѣло было ему, одному понимавшему тогда весь громадный смыслъ событія, среди безтолковой толпы, окружавшей его, какое ему дѣло было до того, къ себѣ или къ нему отнесетъ графъ Растопчинъ бѣдствіе столицы? Еще менѣе могло занимать его то, кого назначатъ начальникомъ артиллеріи.

Не только въ этихъ случаяхъ, но безпрестанно, этотъ старый человѣкъ, дошедшій опытомъ жизни до убѣжденія въ томъ, что мысли и слова, служащія имъ выраженіемъ, не суть двигатели людей, говорилъ слова совершенно безсмысленныя,—первыя, которыя ему приходили въ голову.

Но этотъ самый человѣкъ, такъ пренебрегавшій своими словами, ни разу во всю свою дѣятельность не сказалъ ни одного слова, которое было бы не согласно съ тою единственною цѣлью, къ достиженію которой онъ шелъ во время всей войны. Очевидно, невольно, съ тяжелою увѣренностью, что не поймутъ его, онъ неоднократно въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ высказывалъ свою мысль. Начи-

ная отъ Бородинскаго сраженія, съ котораго начался его разладъ съ окружающими, онъ одинъ говорилъ, что *Бородинское сраженіе есть побѣда,* и повторялъ это и изустно, и въ рапортахъ, и въ донесеніяхъ, до самой своей смерти. Онъ одинъ сказалъ, *что потеря Москвы не есть потеря Россіи.* Онъ въ отвѣтъ Лористону на предложенія о мирѣ отвѣчалъ, *что мира не можетъ быть, потому что таковая воля народа;* онъ одинъ во время отступленія французовъ говорилъ, что *всѣ наши маневры не нужны, что все сдѣлается само собою лучше, чѣмъ мы того желаемъ, что непріятелю надо дать золотой мостъ, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сраженія не нужны, что съ чѣмъ-нибудь надо придти на границу, что за десять французовъ онъ не отдастъ одного русскаго.*

И онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, какъ намъ изображаютъ его, человѣкъ, который лжетъ Аракчееву съ цѣлью угодить государю,—онъ одинъ, этотъ придворный человѣкъ, въ Вильно, тѣмъ заслуживая немилость государя, говоритъ, что *дальнѣйшая война за-границей вредна и безполезна.*

Но одни слова не доказали бы, что онъ тогда понималъ значеніе событія. Дѣйствія его—всѣ безъ малѣйшаго отступленія, всѣ направлены къ одной и той же троякой цѣли: 1) напрячь всѣ свои силы для столкновенія съ французами, 2) побѣдить ихъ и 3) изгнать изъ Россіи, облегчая, насколько возможно, бѣдствія народа и войска.

Онъ, тотъ медлитель Кутузовъ, котораго девизъ есть терпѣніе и время, врагъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ даетъ Бородинское сраженіе, облекая приготовленія къ нему въ безпримѣрную торжественность. Онъ, тотъ Кутузовъ, который въ Аустерлицкомъ сраженіи, прежде начала его, говоритъ,

что оно будетъ проиграно, въ Бородинѣ, несмотря на увѣренія генераловъ о томъ, что сраженіе проиграно, несмотря на неслыханный въ исторіи примѣръ того, что послѣ выиграннаго сраженія войско должно отступать,—онъ одинъ, въ противность всѣмъ, до самой смерти утверждаетъ, что Бородинское сраженіе — побѣда. Онъ одинъ во все время отступленія настаиваетъ на томъ, чтобы не давать сраженій, которыя теперь безполезны, не начинать новой войны и не переходить границъ Россіи.

Теперь понять значеніе событія, если только не прилагать къ дѣятельности массъ, цѣлей, которыя были въ головѣ десятка людей, легко, такъ какъ все событіе съ его послѣдствіями лежитъ передъ нами.

Но какимъ образомъ тогда этотъ старый человѣкъ, одинъ въ противность мнѣнія всѣхъ, могъ угадать такъ вѣрно значеніе народнаго смысла событія, что ни разу во всю свою дѣятельность не измѣнилъ ему?

Источникъ этой необычайной силы прозрѣнія въ смыслъ совершающихся явленій лежалъ въ томъ народномъ чувствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и силѣ его.

Только признаніе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, въ немилости находящагося старика, выбрать его, противъ воли царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующій, направлялъ всѣ свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ.

Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься въ ту лживую форму европей

скаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія.

Для лакея не можетъ быть великаго человѣка, потому что у лакея свое понятіе о величіи.

VI.

5 ноября былъ первый день такъ называемаго Красненскаго сраженія. Передъ вечеромъ, когда уже послѣ многихъ споровъ и ошибокъ генераловъ, зашедшихъ не туда, куда надо; послѣ разсылокъ адъютантовъ, съ противу-приказаніями, когда уже стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ, и сраженія не можетъ быть и не будетъ, Кутузовъ выѣхалъ изъ Краснаго и поѣхалъ въ Доброе, куда была переведена въ нынѣшній день главная квартира.

День былъ ясный, морозный. Кутузовъ съ огромной свитой недовольныхъ имъ, шушукающихся за нимъ генераловъ, верхомъ на своей жирной, бѣлой лошадкѣ ѣхалъ къ Доброму. По всей дорогѣ толпились, отогрѣваясь у костровъ, партіи взятыхъ нынѣшній день французскихъ плѣнныхъ (ихъ взято было въ этотъ день 7 тысячъ). Недалеко отъ Добраго огромная толпа оборванныхъ, обвязанныхъ и укутанныхъ чѣмъ попало плѣнныхъ гудѣла говоромъ, стоя на дорогѣ подлѣ длиннаго ряда отпряженныхъ французскихъ орудій. При приближеніи главнокомандующаго говоръ замолкъ, и всѣ глаза уставились на Кутузова, который въ своей бѣлой съ красным околышемъ шапкѣ и ватной шинели, горбомъ сидѣвшей на его сутуловатыхъ плечахъ, медленно подвигался по дорогѣ. Одинъ изъ генераловъ докладывалъ Кутузову, гдѣ взяты орудія и плѣнные.

Кутузовъ казался чѣмъ-то озабоченнымъ и не слышалъ

словъ генерала. Онъ недовольно щурился и внимательно и пристально вглядывался въ тѣ фигуры плѣнныхъ, которыя представляли особенно жалкій видъ. Бо̀льшая часть французскихъ солдатъ были изуродованы отмороженными носами и щеками, и почти у всѣхъ были красные, распухшіе и гноившіеся глаза.

Одна кучка французовъ стояла близко у дороги, и два солдата,—лицо одного изъ нихъ было покрыто болячками,—разрывали руками кусокъ сырого мяса. Что-то было страшное и животное въ томъ бѣгломъ взглядѣ, который они бросили на проѣзжавшихъ, и въ томъ злобномъ выраженіи, съ которымъ солдатъ съ болячками взглянувъ на Кутузова, тотчасъ же отвернулся и продолжалъ свое дѣло.

Кутузовъ долго внимательно поглядѣлъ на этихъ двухъ солдатъ; еще болѣе сморщившись, онъ прищурилъ глаза и раздумчиво покачалъ головой. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ русскаго солдата, который, смѣясь и трепля по плечу француза, что-то ласково говорилъ ему. Кутузовъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ покачалъ головой.

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ у генерала, продолжавшаго докладывать и обращавшаго вниманіе главнокомандующаго на французскія взятыя знамена, стоявшія передъ фронтомъ Преображенскаго полка.

— А, знамена! — сказалъ Кутузовъ, видимо, съ трудомъ отрываясь отъ предмета, занимавшаго его мысли. Онъ разсѣянно оглянулся. Тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ, ожидая его слова, смотрѣли на него.

Передъ Преображенскимъ полкомъ онъ остановился, тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Кто-то изъ свиты махнулъ, чтобы державшіе знамена солдаты подошли и поставили ихъ

древками знаменъ вокругъ главнокомандующаго. Кутузовъ помолчалъ нѣсколько секундъ и, видимо неохотно, подчиняясь необходимости своего положенія, поднялъ голову и началъ говорить. Толпы офицеровъ окружили его. Онъ внимательнымъ взглядомъ обвелъ кружокъ офицеровъ, узнавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Благодарю всѣхъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ и опять къ офицерамъ. Въ тишинѣ, воцарившейся вокругъ него, отчетливо слышны были его медленно выговариваемыя слова: — благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки!—Онъ помолчалъ, оглядываясь.

— Нагни, нагни ему голову-то, — сказалъ онъ солдату, державшему французскаго орла и нечаянно опустившему его передъ знаменемъ преображенцевъ.—Пониже, пониже, такъ-то вотъ. Ура! ребята,—быстрымъ движеніемъ подбородка, обратясь къ солдатамъ проговорилъ онъ.

— Ура-ра-ра!—заревѣли тысячи голосовъ.

Пока кричали солдаты, Кутузовъ, согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ, блескомъ.

— Вотъ что братцы...—сказалъ онъ, когда замолкли голоса.

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнились: пересталъ говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старый человѣкъ, очевидно что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— А вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей,

отдохнемъ тогда. За службу вашу, васъ царь не забудетъ. Вамъ трудно, да все же вы дома; а они—видите, до чего они дошли,—сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ.—Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ ребята?

Онъ смотрѣлъ вокругъ себя и въ упорныхъ почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читалъ сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ. Онъ помолчалъ и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову.

— А и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ, м... и... в. г...., — вдругъ сказалъ онъ, поднявъ голову. И, взмахнувъ нагайкой, онъ галопомъ, въ первый разъ во всю кампанію, поѣхалъ прочь отъ радостно хохотавшихъ и ревѣвшихъ ура, разстроивавшихъ ряды солдатъ.

Слова, сказанныя Кутузовымъ, едва ли были поняты войсками. Никто не сумѣлъ бы передать содержанія сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое, то самое чувство величественнаго торжества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и сознаніемъ своей правоты, выраженнаго этимъ, именно этимъ стариковскимъ, добродушнымъ ругательствомъ,—это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата и выразилось радостнымъ, долго неумолкавшимъ крикомъ. Когда послѣ этого одинъ изъ генераловъ съ вопросомъ о томъ, не прикажетъ ли главнокомандующій пріѣхать коляскѣ, обратился къ нему, Кутузовъ, отвѣчая, неожиданно всхлипнулъ, видимо, находясь въ сильномъ волненіи.

VII.

8-го ноября, въ послѣдній день Красненскихъ сраженій, уже смерклось, когда войска пришли на мѣсто ночлега. Весь день былъ тихій, морозный, съ падающимъ легкимъ, рѣдкимъ снѣгомъ; къ вечеру стало выясняться. Сквозь снѣжинки виднѣлось черно-лиловое звѣздное небо, и морозъ сталъ усиливаться.

Мушкатерскій полкъ, вышедшій изъ Тарутина въ числѣ 3000, теперь въ числѣ 900 человѣкъ пришелъ однимъ изъ первыхъ, на назначенное мѣсто ночлега, въ деревнѣ на большой дорогѣ. Квартиргеры, встрѣтившіе полкъ, объявили, что всѣ избы заняты больными и мертвыми французами, кавалеристами и штабами. Была только одна изба для полкового командира.

Полковой командиръ подъѣхалъ къ своей избѣ. Полкъ прошелъ деревню и у крайнихъ избъ на дорогѣ поставилъ ружья въ козлы.

Какъ огромное, многочленное животное, полкъ принялся за работу устройства своего логовища и пищи. Одна часть солдатъ разбрелась, по колѣно въ снѣгу, въ березовый лѣсъ, бывшій вправо объ деревни, и тотчасъ же послышались въ лѣсу стукъ топоровъ, тесаковъ, трескъ ломающихся сучьевъ и веселые голоса; другая часть возилась около центра полковыхъ повозокъ и лошадей, поставленныхъ въ кучку, доставая котлы, сухари и задавая кормъ лошадямъ; третья часть разсыпалась въ деревнѣ, устраивая помѣщенія штабнымъ, выбирая мертвыя тѣла французовъ, лежавшія по избамъ и растаскивая доски, сухія дрова и солому съ крышъ для костровъ и плетни для защиты.

Человѣкъ пятнадцать солдатъ за избами, съ края деревни, съ веселымъ крикомъ раскачивали высокій плетень сарая, съ котораго снята уже была крыша.

— Ну, ну, разомъ, налегни!—кричали голоса, и въ темнотѣ ночи раскачивалось съ морознымъ трескомъ огромное, запорошенное снѣгомъ полотно плетня. Чаще и чаще трещали нижніе колья, и наконецъ плетень завалился вмѣстѣ съ солдатами, напиравшими на него. Послышался громкій грубо-радостный крикъ и хохотъ.

— Берись по двое! рычагъ подавай сюда! вотъ такъ-то. Куда лѣзешь-то?

— Ну, разомъ... Да стой ребята!... Съ накрика!

Всѣ замолкли и негромкій бархатно-пріятный голосъ запѣлъ пѣсню. Въ концѣ третьей строфы, въ разъ съ окончаніемъ послѣдняго звука, двадцать голосовъ дружно вскрикнули: „уууу! Идетъ разомъ! Навались дѣтки!...“ но, несмотря на дружныя усилія, плетень мало тронулся и въ установившемся молчаніи слышалось тяжелое пыхтѣнье.

— Эй вы, шестой роты! Черти, дьяволы! Подсоби... тоже мы пригодимся.

Шестой роты человѣкъ двадцать, шедшіе въ деревню, присоединились къ тащившимъ; и плетень, саженей въ пять длины и въ сажень ширины, изогнувшись, надавя и рѣжа плечи пыхтѣвшихъ солдатъ, двинулся впередъ по улицѣ деревни.

— Иди, что-ли... Падай, эка... Чего сталъ! То-то...

Веселыя, безобразныя ругательства не замолкали.

— Вы чего?—вдругъ послышался начальственный голосъ солдата, набѣжавшаго на несущихъ.

— Господа тутъ; въ избѣ самъ анаралъ, а вы, черти,

дьяволы, матершинники. Я васъ!—крикнулъ фельдфебель и съ размаху ударилъ въ спину перваго подвернувшагося солдата.—Развѣ тихо нельзя?

Солдаты замолкли. Солдатъ, котораго ударилъ фельдфебель, сталъ покряхтывая обтирать лицо, которое онъ въ кровь разодралъ наткнувшись на плетень.

— Вишь, чортъ, дерется какъ! Ажъ всю морду раскровянилъ, — сказалъ онъ робкимъ шопотомъ, когда отошелъ фельдфебель.—Али не любишь?—сказалъ смѣющійся голосъ; и, умѣряя звуки голосовъ, солдаты пошли дальше. Выбравшись за деревню, они опять заговорили такъ же громко, пересыпая разговоръ тѣми же безцѣльными ругательствами.

Въ избѣ, мимо которой проходили солдаты, собралось высшее начальство, и за чаемъ шелъ оживленный разговоръ о прошедшемъ днѣ и предполагаемыхъ маневрахъ будущаго. Предполагалось сдѣлать фланговый маршъ влѣво, отрѣзать вице-короля и захватить его.

Когда солдаты притащили плетень, уже съ разныхъ сторонъ разгорались костры кухонь. Трещали дрова, таялъ снѣгъ, и черныя тѣни солдатъ туда и сюда сновали по всему занятому, притоптанному въ снѣгу, пространству.

Топоры, тесаки работали со всѣхъ сторонъ. Все дѣлалось безъ всякаго приказанія. Тащились дрова про запасъ ночи, пригораживались шалашики начальству, варились котелки, справлялись ружья и амуниція.

Притащенный плетень осьмой ротой поставленъ полукругомъ со стороны сѣвера, подпертъ сошками и передъ нимъ разложенъ костеръ. Пробили зорю, сдѣлали разсчетъ, поужинали и размѣстились на ночь у костровъ,—кто чиня обувь, кто куря трубку, кто до нага раздѣтый, выпаривая вшей.

VIII.

Казалось бы, что въ тѣхъ, почти невообразимо тяжелыхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ находились въ то время русскіе солдаты, — безъ теплыхъ сапогъ, безъ полушубковъ, безъ крыши надъ головой, въ снѣгу, при 18° мороза, безъ полнаго даже количества провіанта, не всегда поспѣвавшаго за арміею, — казалось, солдаты должны бы были представлять самое печальное и унылое зрѣлище.

Напротивъ, никогда, въ самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, войско не представляло болѣе веселаго, оживленнаго зрѣлища. Это происходило отъ того, что каждый день выбрасывалось изъ войска все то, что начинало унывать или слабѣть. Все, что было физически и нравственно слабаго, давно уже осталось назади: оставался одинъ цвѣтъ войска— по силѣ духа и тѣла.

Къ осьмой ротѣ, пригородившей плетень, собралось больше всего народа. Два фельдфебеля присѣли къ нимъ, и костеръ ихъ пылалъ ярче другихъ. Они требовали за право сидѣнья подъ плетнемъ приношенія дровъ.

— Эй, Макѣевъ, что жъ ты, ... запропалъ, или тебя волки съѣли? Неси дровъ-то!—кричалъ одинъ краснорожій, рыжій солдатъ, щурившійся и мигавшій отъ дыма, но не отодвигавшійся отъ огня. — Поди хоть ты, ворона, неси дровъ,—обратился этотъ солдатъ къ другому. Рыжій былъ не унтеръ-офицеръ и не ефрейторъ, но былъ здоровый солдатъ, и потому повелѣвалъ тѣми, которые были слабѣе его. Худенькій, маленькій, съ вострымъ носикомъ, солдатъ, котораго назвали вороной, покорно всталъ и пошелъ было исполнять приказаніе, но въ это время въ свѣтъ костра

вступила уже тонкая красивая фигура молодого солдата, несшаго беремя дровъ.

— Давай сюда. Во, важно-то!

Дрова наломали, надавили, поддули ртами и полами шинелей, и пламя зашипѣло и затрещало. Солдаты, придвинувшись, закурили трубки. Молодой, красивый солдатъ, который притащилъ дрова, подперся руками въ бока и сталъ быстро и ловко топотать озябшими ногами на мѣстѣ.

— Ахъ, маменька, холодная роса, да хороша, да въ мушкатера... — припѣвалъ онъ, какъ будто икая на каждомъ слогѣ пѣсни.

— Эй, подметки отлетятъ! — крикнулъ рыжій, замѣтивъ, что у плясуна болталась подметка.—Экой ядъ плясать.

Плясунъ остановился, оторвалъ болтавшуюся кожу и бросилъ въ огонь.

— И то, братъ,—сказалъ онъ; и сѣвъ, досталъ изъ ранца обрывокъ французскаго синяго сукна и сталъ обвертывать имъ ногу.—Съ пару зашлись, — прибавилъ онъ, вытягивая ноги къ огню.

— Скоро новые отпустятъ. Говорятъ, перебьемъ до конца, тогда всѣмъ по двойному товару.

— А вишь, сукинъ сынъ, Петровъ, отсталъ-таки, — сказалъ фельдфебель.

— Я его давно замѣчалъ,—сказалъ другой.

— Да что, солдатенокъ...

— А въ третьей ротѣ, сказывали, за вчерашній день девять человѣкъ не досчитали.

— Да, вотъ суди, какъ ноги зазнобишь, куда пойдешь?

— Э, пустое болтать!—сказалъ фельдфебель.

— Али и тебѣ хочется того же?—сказалъ старый солдатъ

съ упрекомъ обращаясь къ тому, который сказалъ, что ноги зазнобилъ.

— А ты что же думаешь?—вдругъ приподнявшись изъ-за костра, пискливымъ и дрожащимъ голосомъ заговорилъ востроносенькій солдатъ, котораго называли ворона.—Кто гладокъ, такъ похудаетъ, а худому смерть. Вотъ хоть бы я. Мочи моей нѣтъ,—сказалъ онъ вдругъ рѣшительно, обращаясь къ фельдфебелю;—вели въ госпиталь отослать; ломота одолѣла, а то все одно отстанешь...

— Ну, буде, буде,—спокойно сказалъ фельдфебель.

Солдатикъ замолчалъ, и разговоръ продолжался.

— Нынче мало ли французовъ этихъ побрали; а сапогъ, прямо сказать, ни на одномъ настоящихъ нѣтъ, такъ, одна званье,—началъ одинъ изъ солдатъ новый разговоръ.

— Все казаки поразули. Чистили для полковника избу, выносили ихъ. Жалости смотрѣть, ребята,—сказалъ плясунъ. Разворочили ихъ; такъ живой одинъ, вѣришь ли, лопочетъ что-то, по своему.

— А чистый народъ, ребята,—сказалъ первый.—Бѣлый, вотъ какъ береза бѣлый, и бравые есть, скажи, благородные.

— А ты думаешь какъ? У него отъ всѣхъ званій набраны.

— А ничего не знаютъ по нашему, съ улыбкой недоумѣнія сказалъ плясунъ. Я ему говорю: „чьей короны?"—а онъ свое лопочетъ. Чудесный народъ!

— Вѣдь то мудрено, братцы мои,—продолжалъ тотъ, который удивлялся ихъ бѣлизнѣ,—сказывали мужики подъ Можайскимъ, какъ стали убирать битыхъ, гдѣ страженья то была, такъ вѣдь что, говоритъ, почитай мѣсяцъ лежали мертвые ихніи-то. Что жъ, говоритъ, лежитъ, говоритъ, их-

ній-то, какъ бумага бѣлый, чистый, ни синь пороха не пахнетъ.

— Что жъ, отъ холода что ль?—спросилъ одинъ.

— Эка ты умный! Отъ холода! Жарко вѣдь было. Кабы отъ стужи, такъ и наши бы тоже не протухли. А то, говоритъ, подойдешь къ нашему, весь, говоритъ, прогнилъ, въ червяхъ. Такъ, говоритъ, платками обвяжемся, да отворотя морду, и тащимъ: мочи нѣтъ. А ихній, говоритъ, какъ бумага бѣлый; ни синь пороха не пахнетъ.

Всѣ молчали.

— Должнò отъ пищи,—сказалъ фельдфебель,—господскую пищу жрали.

Никто не возражалъ.

— Сказывалъ мужикъ-то этотъ, подъ Можайскимъ, гдѣ страженья то была, ихъ съ десяти деревень согнали, 20 дёнъ возили, не свозили всѣхъ, мертвыхъ-то. Волкòвъ этихъ чтò, говоритъ...

— Та страженья была настоящая,—сказалъ старый солдатъ. — Только и было чѣмъ помянуть; а то все послѣ того... Такъ только народу мученье.

— И то, дядюшка, позавчера набѣжали мы. Такъ куда те, до себя не допущаютъ. Живо ружья покидали. На колѣнки. Пардонъ — говоритъ. Такъ только примѣръ одинъ. Сказывали, самого Полiона-то Платовъ два раза бралъ. Слова не знаетъ. Возьметъ, возьметъ. Вотъ на те, въ рукахъ, перекинется птицей, улетитъ да и улетитъ. И убить тоже нѣтъ положенья.

— Эка врать здоровъ ты, Киселевъ; посмотрю я на тебя.

— Какое врать, правда истинная.

— А кабы на мой обычай, я бы его изловимши, да въ

землю бы закопалъ. Да осиновымъ коломъ. А то что народу загубилъ.

— Все одно конецъ сдѣлаемъ, не будетъ ходить,—зѣвая сказалъ старый солдатъ.

Разговоръ замолкъ, солдаты стали укладываться.

— Вишь звѣзды-то страсть, такъ и горятъ! Скажи, бабы холсты разложили,—сказалъ солдатъ, любуясь на млечный путь.

— Это, ребята, къ урожайному году.

— Дровецъ-то еще надо будетъ.

— Спину погрѣешь, а брюха замерзла. Вотъ чуда.

— О, Господи!

— Что толкаешься-то, — про тебя одного огонь что ли? Вишь... развалился.

Изъ-за устанавливающагося молчанія послышался храпъ нѣкоторыхъ заснувшихъ; остальные поворачивались и грѣлись, изрѣдка переговариваясь. Отъ дальняго, шаговъ за сто, костра послышался дружный, веселый хохотъ.

— Вишь грохочатъ въ пятой ротѣ,—сказалъ одинъ солдатъ.—И народу что—страсть!

Одинъ солдатъ поднялся и пошелъ къ пятой ротѣ.

— То-то смѣху,—сказалъ онъ, возвращаясь.—Два хранцуза пристали. Одинъ мерзлый вовсе, а другой такой куражный, бяда! Пѣсни играетъ.

— О-о пойти посмотрѣть... — Нѣсколько солдатъ направились къ пятой ротѣ.

IX.

Пятая рота стояла подлѣ самаго лѣса. Огромный костеръ ярко горѣлъ посреди снѣга, освѣщая отягченныя инеемъ вѣтви деревьевъ.

Въ серединѣ ночи, солдаты пятой роты услыхали въ лѣсу шаги по снѣгу и хряскъ сучьевъ.

— Ребята, вѣдмедь,—сказалъ одинъ солдатъ. Всѣ подняли головы; прислушались, и изъ лѣса, въ яркій свѣтъ костра, выступили двѣ, держащіяся другъ за друга человѣческія странно одѣтыя фигуры.

Это были два, прятавшіеся въ лѣсу, француза. Хрипло говоря что-то на непонятномъ солдатамъ языкѣ, они подошли къ костру. Одинъ былъ повыше ростомъ въ офицерской шляпѣ и казался совсѣмъ ослабѣвшимъ. Подойдя къ костру, онъ хотѣлъ сѣсть, но упалъ на землю. Другой маленькій, коренастый, обвязанный платкомъ по щекамъ, солдатъ былъ сильнѣе. Онъ поднялъ своего товарища и, указывая на свой ротъ, говорилъ что-то. Солдаты окружили французовъ, подстелили больному шинель и обоимъ принесли каши и водки.

Ослабѣвшій французскій офицеръ былъ Рамбаль; повязанный платкомъ былъ его деньщикъ Морель.

Когда Морель выпилъ водки и доѣлъ котелокъ каши, онъ вдругъ болѣзненно развеселился и началъ, не переставая, говорить что-то непонимавшимъ его солдатамъ. Рамбаль отказывался отъ ѣды и молча лежалъ на локтѣ у костра, безсмысленными красными глазами глядя на русскихъ солдатъ. Изрѣдка онъ издавалъ протяжный стонъ и опять замолкалъ. Морель, показывая на плечи, внушалъ солдатамъ, что это былъ офицеръ, и что его надо отогрѣть. Офицеръ русскій, подошедшій къ костру, послалъ спросить у полковника, не возьметъ ли онъ къ себѣ отогрѣть французскаго офицера; и когда вернулись и сказали, что полковникъ велѣлъ привести офицера, Рамбалю передали, чтобы онъ шелъ. Онъ всталъ

и хотѣлъ итти, но пошатнулся и упалъ бы, если бы подлѣ стоящій солдатъ не поддержалъ его.

— Что? Не будешь? — насмѣшливо подмигнувъ, сказалъ одинъ солдатъ, обращаясь къ Рамбалю.

— Э, дуракъ! Что врешь нескладно. То-то мужикъ, право мужикъ, — послышались съ разныхъ сторонъ упреки пошутившему солдату. Рамбала окружили, подняли двое на руки, перехватившись ими, и понесли въ избу. Рамбаль обнялъ шеи солдатъ и, когда его понесли, жалобно заговорилъ:

— О молодцы! О мои добрые, добрые друзья. Вотъ люди! О мои храбрые, добрые друзья,—и, какъ ребенокъ, головой склонился на плечо одному солдату.

Между тѣмъ Морель сидѣлъ на лучшемъ мѣстѣ, окруженный солдатами.

Морель маленькій, коренастый французъ, съ воспаленными, слезившимися глазами, обвязанный по-бабьи платкомъ сверхъ фуражки, былъ одѣтъ въ женскую шубенку. Онъ, видимо, захмѣлѣвъ, обнявши рукой солдата, сидѣвшаго подлѣ него, пѣлъ хриплымъ, перерывающимся голосомъ французскую пѣсню. Солдаты держались за бока, глядя на него.

— Ну-ка, ну-ка научи, какъ? Я живо перейму. Какъ?..— говорилъ шутникъ пѣсенникъ, котораго обнималъ Морель.

— „Да здравствуетъ Генрихъ IV! Да здравствуетъ сей храбрый король..!“ пропѣлъ Морель, подмигивая глазомъ. Ce diable à quatre...

— Виварикà! Вифъ серувару! сидяблякà... повторилъ солдатъ, взмахнувъ рукой и дѣйствительно уловивъ напѣвъ.

— Вишь ловко! Го-го-го-го-го! поднялся съ разныхъ

сторонѣ грубый, радостный хохотъ. Морель, сморщившись смѣялся тоже.

— Ну, валяй еще, еще!

„Имѣвшій тройную способность,—
Пить, драться
И быть любезникомъ...“

— А вѣдь тоже складно. Ну, ну, Залетаевъ!..

— Кю...—съ усиліемъ выговорилъ Залетаевъ.—Кью-ю-ю... вытянулъ онъ, старательно оттопыривъ губы,—летриптала де бу де ба и детравагала,—пропѣлъ онъ.

— Ай, важно! Вотъ такъ хранцузъ! ой... го-го-го-го.— Что жъ еще ѣсть хочешь?

— Дай ему каши-то; вѣдь не скоро наѣстся съ голоду-то.

Опять ему дали каши; и Морель, посмѣиваясь, принялся за третій котелокъ. Радостныя улыбки стояли на всѣхъ лицахъ молодыхъ солдатъ, смотрѣвшихъ на Мореля. Старые солдаты, считавшіе неприличнымъ заниматься такими пустяками, лежали съ другой стороны костра, но изрѣдка, приподнимаясь на локтѣ, съ улыбкой взглядывали на Мореля.

— Тоже люди,—сказалъ одинъ изъ нихъ, уворачиваясь въ шинель.—И полынь на своемъ кореню растетъ.

— Оо! Господи! Господи! Какъ звѣздно, страсть! Къ морозу...—И все затихло.

Звѣзды, какъ будто зная, что теперь никто не увидитъ ихъ, разыгрались въ черномъ небѣ. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, онѣ хлопотливо о чемъ-то радостномъ, но таинственномъ, перешептывались между собой.

X.

Войска французскія равномѣрно таяли въ математически-правильной прогрессіи. И тотъ переходъ черезъ Березину, про который такъ много было писано, была только одна изъ промежуточныхъ ступеней уничтоженія французской арміи, а вовсе не рѣшительный эпизодъ кампаніи. Ежели про Березину такъ много писали и пишутъ, то со стороны французовъ это произошло только потому, что на Березинскомъ прорванномъ мосту, бѣдствія, претерпѣваемыя французской арміей, прежде равномѣрныя, здѣсь вдругъ сгруппировались въ одинъ моментъ,—въ одно трагическое зрѣлище, которое у всѣхъ осталось въ памяти. Со стороны же русскихъ такъ много говорили и писали про Березину только потому, что вдали отъ театра войны, въ Петербургѣ, былъ составленъ планъ (Пфулемъ же) поимки въ стратегическую западню Наполеона на рѣкѣ Березинѣ. Всѣ увѣрились, что все будетъ на дѣлѣ точно такъ, какъ въ планѣ, и потому настаивали на томъ, что именно Березинская переправа погубила французовъ. Въ сущности же результаты Березинской переправы были гораздо менѣе гибельны для французовъ потерей орудій и плѣнныхъ, чѣмъ Красное, какъ то показываютъ цифры.

Единственное значеніе Березинской переправы заключается въ томъ, что эта переправа очевидно и несомнѣнно доказала ложность всѣхъ плановъ отрѣзыванья и справедливость единственно возможнаго, требуемаго и Кутузовымъ и всѣми войсками (массой) образа дѣйствій,—только слѣдованія за непріятелемъ. Толпа французовъ бѣжала съ постоянно усиливающейся силой быстроты, со всею энергіей, направленной на достиженіе цѣли. Она бѣжала какъ раненый звѣрь, и

нельзя ей было стать на дорогѣ. Это доказало не столько устройство переправы, сколько движеніе на мостахъ. Когда мосты были прорваны, безоружные солдаты, московскіе жители, женщины съ дѣтьми, бывшіе въ обозѣ французовъ, все подъ вліяніемъ силы инерціи не сдавалось, а бѣжало впередъ въ лодки, въ мерзлую воду.

Стремленіе это было разумно. Положеніе и бѣгущихъ и преслѣдующихъ было одинаково дурно. Оставаясь со своими, каждый въ бѣдствіи надѣялся на помощь товарища, на опредѣленное, занимаемое имъ мѣсто между своими. Отдавшись же русскимъ, онъ былъ въ томъ же положеніи бѣдствія, но становился на низшую ступень въ раздѣлѣ удовлетворенія потребностей жизни. Французамъ не нужно было имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что половина плѣнныхъ, съ которыми не знали что̀ дѣлать, несмотря на все желаніе русскихъ спасти ихъ,—гибли отъ холода и голода; они чувствовали, что это не могло быть иначе. Самые жалостливые, русскіе начальники и охотники до французовъ, французы въ русской службѣ, не могли ничего сдѣлать для плѣнныхъ. Французовъ губило бѣдствіе, въ которомъ находилось русское войско. Нельзя было отнять хлѣбъ и платье у голодныхъ, нужныхъ солдатъ, чтобы отдать не вреднымъ, не ненавидимымъ, не виноватымъ, но просто ненужнымъ французамъ. Нѣкоторые и дѣлали это; но это было только исключеніе.

Назади была вѣрная погибель; впереди была надежда. Корабли были сожжены; не было другого спасенія, кромѣ совокупнаго бѣгства, и на это совокупное бѣгство были устремлены всѣ силы французовъ.

Чѣмъ дальше бѣжали французы, чѣмъ жалче были ихъ остатки, въ особенности послѣ Березины, на которую, вслѣд-

ствіе петербургскаго плана, возлагались особенныя надежды, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти русскихъ начальниковъ, обвинявшихъ другъ друга и въ особенности Кутузова. Полагая, что неудача Березинскаго петербургскаго плана будетъ отнесена къ нему, недовольство имъ, презрѣніе къ нему и подтруниваніе надъ нимъ выражались сильнѣе и сильнѣе. Подтруниваніе и презрѣніе, само собой разумѣется, выражались въ почтительной формѣ, въ той формѣ, въ которой Кутузовъ не могъ и спросить, въ чемъ и за что его обвиняютъ. Съ нимъ не говорили серьезно; докладывая ему и спрашивая его разрѣшенія, дѣлали видъ исполненія печальнаго обряда, а за спиной его подмигивали и на каждомъ шагу старались его обманывать.

Всѣми этими людьми, именно потому, что они не могли понимать его, было признано, что со старикомъ говорить нечего; что онъ никогда не пойметъ всего глубокомыслія ихъ плановъ; что онъ будетъ отвѣчать свои фразы (имъ казалось, что это только фразы) о золотомъ мостѣ, о томъ, что за границу нельзя притти съ толпой бродягъ и т. п. Это все они уже слышали отъ него. И все, что̀ онъ говорилъ: напримѣръ, то, что надо подождать провіантъ, что люди безъ сапогъ, все это было такъ просто, а все, что они предлагали, было такъ сложно и умно, что очевидно было для нихъ, что онъ былъ глупъ и старъ, а они были не властные, геніальные полководцы.

Въ особенности послѣ соединенія армій блестящаго адмирала и героя Петербурга Витгенштейна, это настроеніе и штабная сплетня дошли до высшихъ предѣловъ. Кутузовъ видѣлъ это и, вздыхая, пожималъ только плечами. Только одинъ разъ, послѣ Березины, онъ разсердился и написалъ Бенигсену, доносившему отдѣльно государю, слѣдующее письмо:

„По причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, извольте, ваше высокопревосходительство, съ полученія сего, отправиться въ Калугу, гдѣ и ожидайте дальнѣйшаго повелѣнія и назначенія отъ Его Императорскаго Величества“.

Но вслѣдъ за отсылкой Бенигсена къ арміи пріѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ, дѣлавшій начало кампаніи и удаленный изъ арміи Кутузовымъ. Теперь великій князь, пріѣхавъ къ арміи, сообщилъ Кутузову о неудовольствіи государя императора за слабые успѣхи нашихъ войскъ и за медленность движенія. Государь императоръ самъ на дняхъ намѣревался прибыть къ арміи.

Старый человѣкъ, столь же опытный въ придворномъ дѣлѣ, какъ и въ военномъ, тотъ Кутузовъ, который въ августѣ того же года былъ выбранъ главнокомандующимъ противъ воли государя, тотъ, который удалилъ наслѣдника и великаго князя изъ арміи, тотъ, который своей властью, въ противность воли государя предписалъ оставленіе Москвы, этотъ Кутузовъ теперь тотчасъ же понялъ, что время его кончено, что роль его сыграна и что этой мнимой власти у него уже нѣтъ больше. И не по однимъ придворнымъ отношеніямъ онъ понялъ это. Съ одной стороны, онъ видѣлъ, что военное дѣло, то, въ которомъ онъ игралъ свою роль, кончено, и чувствовалъ, что его призваніе исполнено. Съ другой стороны, онъ въ то же самое время сталъ чувствовать физическую усталость въ своемъ старомъ тѣлѣ и необходимость физическаго отдыха.

29 ноября Кутузовъ въѣхалъ въ Вильну,— въ свою добрую Вильну, какъ онъ говорилъ. Два раза въ свою службу Кутузовъ былъ въ Вильнѣ губернаторомъ. Въ богатой, уцѣлѣвшей Вильнѣ, кромѣ удобствъ жизни, которыхъ такъ давно

уже онъ былъ лишенъ, Кутузовъ нашелъ старыхъ друзей и воспоминанія. И онъ, вдругъ отвернувшись отъ всѣхъ военныхъ и государственныхъ заботъ, погрузился въ ровную, привычную жизнь настолько, насколько ему давали покоя страсти, кипѣвшія вокругъ него, какъ-будто все, что совершалось теперь и имѣло совершиться въ историческомъ мірѣ, нисколько его не касалось.

Чичаговъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ отрѣзывателей и опрокидывателей, Чичаговъ, который хотѣлъ сначала сдѣлать диверсію въ Грецію, а потомъ въ Варшаву, но никакъ не хотѣлъ итти туда, куда ему было велѣно, Чичаговъ, извѣстный своей смѣлостью рѣчи съ государемъ, Чичаговъ, считавшій Кутузова собою облагодѣтельствованнымъ, потому что, когда онъ былъ посланъ въ 11-мъ году для заключенія мира съ Турціей, помимо Кутузова, онъ, убѣдившись, что миръ уже заключенъ, призналъ передъ государемъ, что заслуга заключенія мира принадлежитъ Кутузову; этотъ-то Чичаговъ, первый, встрѣтилъ Кутузова въ Вильнѣ у зàмка, въ которомъ долженъ былъ остановиться Кутузовъ. Чичаговъ въ флотскомъ вицмундирѣ, съ кортикомъ, держа фуражку подъ мышкой, подалъ Кутузову строевой рапортъ и ключи отъ города. То презрительно-почтительное отношеніе молодежи къ выжившему изъ ума старику выражалось въ высшей степени во всемъ обращеніи Чичагова, знавшаго уже обвиненія, взводимыя на Кутузова.

Разговаривая съ Чичаговымъ, Кутузовъ между прочимъ сказалъ ему, что отбитые у него въ Борисовѣ экипажи съ посудою цѣлы и будутъ возвращены ему.

— Вы хотите мнѣ сказать, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ, могу вамъ служить всѣмъ, даже если бы захо-

тѣли давать обѣды,—вспыхнувъ проговорилъ Чичаговъ, каждымъ словомъ своимъ желавшій доказать свою правоту и потому предполагавшій, что и Кутузовъ былъ озабоченъ этимъ самымъ. Кутузовъ улыбнулся своей тонкой проницательной улыбкой и, пожавъ плечами, отвѣчалъ:—Я хочу сказать то, что говорю, не болѣе.

Въ Вильнѣ Кутузовъ, въ противность волѣ государя, остановилъ бо́льшую часть войскъ. Кутузовъ, какъ говорили его приближенные, необыкновенно опустился и физически ослабѣлъ въ это свое пребываніе въ Вильнѣ. Онъ неохотно занимался дѣлами по арміи, предоставлялъ все своимъ генераламъ и, ожидая государя, предавался разсѣянной жизни.

Выѣхавъ съ своей свитой — графомъ Толстымъ, княземъ Волконскимъ, Аракчеевымъ и другими, 7-го декабря, изъ Петербурга, государь 11-го декабря пріѣхалъ въ Вильно и въ дорожныхъ саняхъ прямо подъѣхалъ къ за̀мку. У за̀мка, несмотря на сильный морозъ, стояло человѣкъ сто генераловъ и штабныхъ офицеровъ, въ полной парадной формѣ, и почетный караулъ Семеновскаго полка.

Курьеръ, подскакавшій къ за̀мку, на потной тройкѣ, впереди государя, прокричалъ: „ѣдетъ!“ Коновницынъ бросился въ сѣни доложить Кутузову, дожидавшемуся въ маленькой швейцарской комнаткѣ.

Черезъ минуту толстая большая фигура старика, въ полной парадной формѣ, со всѣми регаліями, покрывавшими грудь, и подтянутымъ шарфомъ брюхомъ, перекачиваясь, вышла на крыльцо. Кутузовъ надѣлъ шляпу по фронту, взялъ въ руки перчатки, и бочкомъ, съ трудомъ переступая внизъ ступеней, сошелъ съ нихъ и взялъ въ руку приготовленный для подачи государю рапортъ.

Бѣготня, шопотъ, еще отчаянно пролетѣвшая тройка, и всѣ глаза устремились на подскакивающія сани, въ которыхъ уже видны были фигуры государя и Волконскаго.

Все это по 50-ти лѣтней привычкѣ, физически тревожно подѣйствовало на стараго генерала; онъ озабоченно торопливо ощупалъ себя, поправилъ шляпу и въ разъ, въ ту минуту, какъ государь, выйдя изъ саней, поднялъ къ нему глаза, подбодрившись и вытянувшись, подалъ рапортъ и сталъ говорить своимъ мѣрнымъ, заискивающимъ голосомъ.

Государь быстрымъ взглядомъ окинулъ Кутузова съ головы до ногъ, на мгновеніе нахмурился, но тотчасъ же, преодолѣвъ себя, подошелъ, и, разставивъ руки, обнялъ стараго генерала. Опять, по старому, привычному впечатлѣнію и по отношенію къ задушевной мысли его, объятіе это какъ и обыкновенно, подѣйствовало на Кутузова: онъ всхлипнулъ.

Государь поздоровался съ офицерами, съ Семеновскимъ карауломъ и, пожавъ еще разъ за руку старика, пошелъ съ нимъ въ зàмокъ.

Оставшись наединѣ съ фельдмаршаломъ, государь высказалъ ему свое неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о будущемъ походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни возраженій, ни замѣчаній. То самое покорное и безсмысленное выраженіе, съ которымъ онъ, семь лѣтъ тому назадъ, выслушивалъ приказанія государя на Аустерлицкомъ полѣ, установилось теперь на его лицѣ.

Когда Кутузовъ вышелъ изъ кабинета и своей тяжелой, ныряющей походкой, опустивъ голову, пошелъ по залѣ, чей-то голосъ остановилъ его.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ кто-то.

Кутузовъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ въ глаза графу Толстому, который, съ какой-то маленькой вещицей на серебряномъ блюдѣ, стоялъ передъ нимъ. Кутузовъ, казалось, не понималъ, чего отъ него хотѣли.

Вдругъ онъ какъ-будто вспомнилъ; чуть замѣтная улыбка мелькнула на его пухломъ лицѣ, и онъ, низко почтительно наклонившись, взялъ предметъ, лежавшій на блюдѣ. Это былъ Георгій 1-й степени.

XI.

На другой день были у фельдмаршала обѣдъ и балъ, которые государь удостоилъ своимъ присутствіемъ. Кутузову пожалованъ Георгій 1-й степени; государь оказывалъ ему высочайшія почести; но неудовольствіе государя противъ фельдмаршала было извѣстно каждому. Соблюдалось приличіе, и государь показывалъ первый примѣръ этого; но всѣ знали, что старикъ виноватъ и никуда не годится. Когда на балѣ Кутузовъ, по старой Екатерининской привычкѣ, при входѣ государя въ бальную залу, велѣлъ къ ногамъ его повергнуть взятыя знамена, государь непріятно поморщился и проговорилъ слова, въ которыхъ нѣкоторые слышали: „старый комедіантъ“.

Неудовольствіе государя противъ Кутузова усилилось въ Вильнѣ въ особенности потому, что Кутузовъ очевидно не хотѣлъ или не могъ понимать значенія предстоящей кампаніи.

Когда на другой день утромъ государь сказалъ собравшимся у него офицерамъ: „Вы спасли не одну Россію,—вы спасли Европу“, всѣ уже тогда поняли, что война не кончена.

Одинъ Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ свое мнѣніе о томъ, что новая война не можетъ

улучшить положеніе и увеличить славу Россіи, а только можетъ ухудшить ея положеніе и уменьшить ту высшую степень славы, на которой, по его мнѣнію, теперь стояла Россія. Онъ старался доказать государю невозможность набранія новыхъ войскъ; говорилъ о тяжеломъ положеніи населеній, о возможности неудачъ и т. п.

При такомъ настроеніи, фельдмаршалъ естественно представлялся только помѣхой и тормозомъ предстоящей войны.

Для избѣжанія столкновеній со старикомъ самъ собою нашелся выходъ, состоящій въ томъ, чтобы, какъ въ Аустерлицѣ и какъ въ началѣ кампаніи при Барклаѣ, вынуть изъ-подъ главнокомандующаго, не тревожа его, не объявляя ему о томъ, ту почву власти, на которой онъ стоялъ, и перенести ее къ самому государю.

Съ этою цѣлью понемногу переформировался штабъ, и вся существенная сила штаба Кутузова была уничтожена и перенесена къ государю. Толь, Коновницынъ, Ермоловъ получили другія назначенія. Всѣ громко говорили, что фельдмаршалъ сталъ очень слабъ и разстроенъ здоровьемъ.

Ему надо было быть слабымъ здоровьемъ, для того чтобы передать свое мѣсто тому, кто заступалъ его. И дѣйствительно здоровье его было слабо.

Какъ естественно и просто и постепенно явился Кутузовъ изъ Турціи въ казенную палату Петербурга собирать ополченіе, и потомъ въ армію, именно тогда, когда онъ былъ необходимъ, точно такъ же естественно, постепенно и просто теперь, когда роль Кутузова была сыграна, на мѣсто его явился новый, требовавшійся дѣятель.

Война 1812-го года, кромѣ своего дорогого русскому сердцу народнаго значенія, должна была имѣть другое—европейское.

Движенію народовъ съ запада на востокъ должно было послѣдовать движеніе народовъ съ востока на западъ и для этой новой войны нуженъ былъ новый дѣятель, имѣющій другія, чѣмъ Кутузовъ, свойства, взгляды, движимый другими побужденіями.

Александръ первый, для движенія народовъ съ востока на западъ и для возстановленія границъ народовъ, былъ такъ же необходимъ, какъ необходимъ былъ Кутузовъ для спасенія и славы Россіи.

Кутузовъ не понималъ того, что значило Европа, равновѣсіе, Наполеонъ. Онъ не могъ понимать этого. Представителю русскаго народа, послѣ того, какъ врагъ былъ уничтоженъ, Россія освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человѣку, какъ русскому, дѣлать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кромѣ смерти. И онъ умеръ.

XII.

Пьеръ, какъ это бо̀льшею частью бываетъ, почувствовалъ всю тяжесть физическихъ лишеній и напряженій, испытанныхъ въ плѣну, только тогда, когда эти напряженія и лишенія кончились. Послѣ своего освобожденія изъ плѣна онъ пріѣхалъ въ Орелъ, и на третій день своего пріѣзда, въ то время, какъ онъ собрался въ Кіевъ, заболѣлъ и пролежалъ въ Орлѣ три мѣсяца; съ нимъ сдѣлалась, какъ говорили доктора, желчная горячка. Несмотря на то, что доктора лѣчили его, пускали кровь и давали пить лѣкарства, онъ все-таки выздоровѣлъ.

Все, что было съ Пьеромъ со времени освобожденія и до болѣзни, не оставило въ немъ почти никакого впечатлѣнія.

Онъ помнилъ только сѣрую, мрачную, то дождливую, то снѣжную погоду, внутреннюю физическую тоску, боль въ ногахъ, въ боку; помнилъ общее впечатлѣніе несчастій, страданій людей; помнилъ тревожившее его любопытство офицеровъ, генераловъ, разспрашивавшихъ его, свои хлопоты о томъ, чтобы найти экипажъ и лошадей, и, главное, помнилъ свою неспособность мысли и чувства въ то время. Въ день своего освобожденія онъ видѣлъ трупъ Пети Ростова. Въ тотъ же день онъ узналъ, что князь Андрей былъ живъ болѣе мѣсяца послѣ Бородинскаго сраженія и только недавно умеръ, въ Ярославлѣ, въ домѣ Ростовыхъ. Въ тотъ же день Денисовъ, сообщившій эту новость Пьеру, между разговоромъ, упомянулъ о смерти Эленъ, предполагая, что Пьеру это уже давно извѣстно. Все это Пьеру казалось тогда только странно. Онъ чувствовалъ, что не можетъ понять значенія всѣхъ этихъ извѣстій. Онъ тогда торопился только поскорѣе уѣхать изъ этихъ мѣстъ, гдѣ люди убивали другъ друга, въ какое-нибудь тихое убѣжище и тамъ опомниться, отдохнуть и обдумать все то странное и новое, что̀ онъ узналъ за это время. Но какъ только онъ пріѣхалъ въ Орелъ, онъ заболѣлъ. Проснувшись отъ своей болѣзни, Пьеръ увидалъ вокругъ себя своихъ двухъ людей, пріѣхавшихъ изъ Москвы, — Терентія и Ваську и старшую княжну, которая, живя въ Ельцѣ, въ имѣніи Пьера, и узнавъ о его освобожденіи и болѣзни, пріѣхала къ нему, чтобы ходить за нимъ.

Во время своего выздоровленія Пьеръ только понемногу отвыкалъ отъ сдѣлавшихся привычными ему впечатлѣній послѣднихъ мѣсяцевъ, и привыкалъ къ тому, что его никто никуда не погонитъ завтра, что теплую постель его никто не отниметъ и что у него навѣрное будетъ обѣдъ, и чай,

и ужинъ. Но во снѣ онъ еще долго видѣлъ себя все въ тѣхъ же условіяхъ плѣна. Такъ же понемногу Пьеръ понималъ тѣ новости, которыя онъ узналъ послѣ своего выхода изъ плѣна: смерть князя Андрея, смерть жены, уничтоженіе французовъ.

Радостное чувство свободы, — той полной, неотъемлемой, присущей человѣку свободы, сознаніе которой онъ въ первый разъ испыталъ на первомъ привалѣ, при выходѣ изъ Москвы, наполняло душу Пьера во время его выздоровленія. Онъ удивлялся тому, что эта внутренняя свобода, независимая отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, теперь какъ-будто съ излишкомъ, съ роскошью обставлялась и внѣшней свободой. Онъ былъ одинъ въ чужомъ городѣ, безъ знакомыхъ. Никто отъ него ничего не требовалъ; никуда его не посылали. Все, что ему хотѣлось, было у него; вѣчно мучившей его прежде мысли о женѣ больше не было, такъ какъ и ея уже не было.

— Ахъ, какъ хорошо! Какъ славно!—говорилъ онъ себѣ, когда ему подвигали чисто накрытый столъ съ душистымъ бульономъ, или когда онъ на ночь ложился на мягкую чистую постель, или когда ему вспоминалось, что жены и французовъ нѣтъ больше.—Ахъ, какъ хорошо, какъ славно!—И по старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросъ: ну, а потомъ что? что̀ я буду дѣлать? И тотчасъ же онъ отвѣчалъ себѣ: ничего. Буду жить. Ахъ, какъ славно!

То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это-то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастіе.

Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру, — не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога; и вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ, то, что̀ ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ испытывалъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ напрягалъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ туда куда-то, поверхъ головъ окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой.

Онъ не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то и искалъ его. Во всемъ близкомъ, понятномъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безсмысленное. Онъ вооружался умственной зрительной трубой и смотрѣлъ вдаль, туда, гдѣ это мелкое житейское, скрываясь въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ, оттого только, что оно было не ясно видимо. Такимъ ему представлялась европейская жизнь, политика, масонство, философія, филантропія. Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своей слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ то же мелкое, житейское, безсмысленное. Теперь же онъ выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ, и потому естественно, чтобы

видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ через головы людей, и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ. Прежде разрушавшій всѣ его умственныя постройки страшный вопросъ: зачѣмъ? теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ—зачѣмъ? въ душѣ его всегда готовъ былъ простой отвѣтъ: затѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли Котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка.

XIII.

Пьеръ почти не измѣнился въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ. На видъ онъ былъ точно такимъ же, какимъ онъ былъ прежде. Такъ же, какъ и прежде, онъ былъ разсѣянъ и казался занятымъ не тѣмъ, что̀ было передъ глазами, а чѣмъ-то своимъ, особеннымъ. Разница между прежнимъ и теперешнимъ его состояніемъ состояла въ томъ, что прежде, когда онъ забывалъ то, что̀ было передъ нимъ, то, что̀ ему говорили, онъ, страдальчески сморщивши лобъ, какъ-будто пытался и не могъ разглядѣть чего-то, далеко отстоящаго отъ него. Теперь онъ такъ же забывалъ то, что ему говорили, и то, что̀ было передъ нимъ; но теперь съ чуть замѣтной, какъ-будто насмѣшливой, улыбкой онъ всматривался въ то самое, что̀ было передъ нимъ, вслушивался въ то, что̀ ему говорили, хотя очевидно видѣлъ и слышалъ что-то совсѣмъ другое. Прежде онъ казался хотя и добрымъ человѣкомъ, но несчастнымъ; и потому невольно люди отдалялись отъ него. Теперь улыбка радости жизни постоянно

играла около его рта, и въ глазахъ его свѣтилось участіе къ людямъ, — вопросъ: довольны ли они такъ же, какъ и онъ? И людямъ пріятно было въ его присутствіи.

Прежде онъ много говорилъ, горячился, когда говорилъ, и мало слушалъ; теперь онъ рѣдко увлекался разговоромъ и умѣлъ слушать такъ, что люди охотно высказывали ему свои самыя задушевныя тайны.

Княжна, никогда не любившая Пьера и питавшая къ нему особенно враждебное чувство съ тѣхъ поръ, какъ послѣ смерти стараго графа она чувствовала себя обязанной Пьеру, къ досадѣ и удивленію своему, послѣ короткаго пребыванія въ Орлѣ, куда она пріѣхала съ намѣреніемъ доказать Пьеру, что, несмотря на его неблагодарность, она считаетъ долгомъ ходить за нимъ, княжна скоро почувствовала, что она его любитъ. Пьеръ ничѣмъ не заискивалъ расположенія княжны, онъ только съ любопытствомъ разсматривалъ ее. Прежде княжна чувствовала, что въ его взглядѣ на нее были равнодушіе и насмѣшка, и она, какъ и передъ другими людьми, сжималась передъ нимъ и выставляла только свою боевую сторону жизни; теперь, напротивъ, она чувствовала, что онъ какъ будто докапывался до самыхъ задушевныхъ сторонъ ея жизни; и она сначала съ недовѣріемъ, а потомъ съ благодарностью выказывала ему затаенныя добрыя стороны своего характера.

Самый хитрый человѣкъ не могъ бы искуснѣе вкрасться въ довѣріе княжны, вызывая ея воспоминанія лучшаго времени молодости и выказывая къ нимъ сочувствіе. А между тѣмъ вся хитрость Пьера состояла только въ томъ, что онъ искалъ своего удовольствія, вызывая въ озлобленной, сухой и по своему гордой княжнѣ человѣческія чувства.

— Да, онъ очень, очень добрый человѣкъ, когда находится подъ вліяніемъ не дурныхъ людей, а такихъ людей какъ я,—говорила себѣ княжна.

Перемѣна, происшедшая въ Пьерѣ, была замѣчена по своему и его слугами — Терентіемъ и Васькой. Они находили, что онъ много попростѣлъ. Терентій часто, раздѣвъ барина, съ сапогами и платьемъ въ рукѣ, пожелавъ покойной ночи, медлилъ уходить, ожидая, не вступитъ ли баринъ въ разговоръ. И большею частью Пьеръ останавливалъ Терентія, замѣчая, что ему хочется поговорить.

— Ну, такъ скажи мнѣ... да какъ же вы доставали себѣ ѣду?—спрашивалъ онъ. И Терентій начиналъ разсказъ о московскомъ раззореніи, о покойномъ графѣ и долго стоялъ съ платьемъ, разсказывая, а иногда слушая разсказы Пьера, и съ пріятнымъ сознаніемъ близости къ себѣ барина и дружелюбія къ нему уходилъ въ переднюю.

Докторъ, лѣчившій Пьера и навѣщавшій его каждый день, несмотря на то, что, по обязанности докторовъ, считалъ своимъ долгомъ имѣть видъ человѣка, каждая минута котораго драгоцѣнна для страждущаго человѣчества, засиживался часами у Пьера, разсказывая свои любимыя исторіи и наблюденія надъ нравами больныхъ вообще и въ особенности дамъ.

— Да, вотъ съ такимъ человѣкомъ поговорить пріятно, не то, что у насъ въ провинціи,—говорилъ онъ.

Въ Орлѣ жило нѣсколько плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, и докторъ привелъ одного изъ нихъ, молодого итальянскаго офицера.

Офицеръ этотъ сталъ ходить къ Пьеру, и княжна смѣялась надъ тѣми нѣжными чувствами, которыя выражалъ итальянецъ къ Пьеру.

Итальянецъ, видимо, былъ счастливъ только тогда, когда онъ могъ приходить къ Пьеру и разговаривать и разсказывать ему про свое прошедшее, про свою домашнюю жизнь, про свою любовь и изливать ему свое негодованіе на французовъ и въ особенности на Наполеона.

— Ежели всѣ русскіе хотя немножко похожи на васъ,— говорилъ онъ Пьеру,—это кощунство воевать съ такимъ народомъ, какъ вы. Вы, пострадавшіе столько отъ французовъ, вы даже злобы не имѣете противъ нихъ.

И страстную любовь итальянца Пьеръ теперь заслужилъ только тѣмъ, что онъ вызывалъ въ немъ лучшія стороны его души и любовался ими.

Послѣднее время пребыванія Пьера въ Орлѣ къ нему пріѣхалъ его старый знакомый масонъ — графъ Вилларскій,— тотъ самый, который вводилъ его въ ложу въ 1807 году. Вилларскій былъ женатъ на богатой русской, имѣвшей большія имѣнія въ Орловской губерніи, и занималъ въ городѣ временное мѣсто по продовольственной части.

Узнавъ, что Безухій въ Орлѣ, Вилларскій, хотя и никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ, пріѣхалъ къ нему съ тѣми заявленіями дружбы и близости, которыя выражаютъ обыкновенно другъ другу люди, встрѣчаясь въ пустынѣ. Вилларскій скучалъ въ Орлѣ и былъ счастливъ, встрѣтивъ человѣка одного съ собою круга и съ одинаковыми, какъ онъ полагалъ, интересами.

Но, къ удивленію своему, Вилларскій замѣтилъ скоро, что Пьеръ очень отсталъ отъ настоящей жизни и впалъ, какъ онъ самъ съ собою опредѣлялъ Пьера, въ апатію и эгоизмъ.

— Вы запускаетесь, мой милый,—говорилъ онъ ему. Несмотря на то, Вилларскому было теперь пріятнѣе съ Пьеромъ,

чѣмъ прежде, и онъ каждый день бывалъ у него. Пьеру же, глядя на Вилларскаго и слушая его теперь, странно и невѣроятно было думать, что онъ самъ очень недавно былъ такой же.

Вилларскій былъ женатый, семейный человѣкъ, занятый и дѣлами имѣнія жены, и службой, и семьей. Онъ считалъ, что всѣ эти занятія суть помѣха въ жизни и что всѣ они презрѣнны, потому что имѣютъ цѣлью личное благо его и семьи. Военныя, административныя, политическія, масонскія соображенія постоянно поглощали его вниманіе. И Пьеръ, не стараясь измѣнить его взглядъ, не осуждая его, съ своей теперь постоянно тихой, радостной усмѣшкой, любовался на это странное, столь знакомое ему явленіе.

Въ отношеніяхъ своихъ съ Вилларскимъ, съ княжною, съ докторомъ, со всѣми людьми, съ которыми онъ встрѣчался теперь, въ Пьерѣ была новая черта, заслуживавшая ему расположеніе всѣхъ людей: это признаніе возможности каждаго человѣка думать, чувствовать и смотрѣть на вещи по своему; признаніе невозможности словами разубѣдить человѣка. Эта законная особенность каждаго человѣка, которая прежде волновала и раздражала Пьера, теперь составляла основу участія и интереса, которые онъ принималъ въ людяхъ. Различіе, иногда совершенное противорѣчіе взглядовъ людей съ своею жизнью и между собою радовало Пьера и вызывало въ немъ насмѣшливую и кроткую улыбку.

Въ практическихъ дѣлахъ Пьеръ неожиданно теперь почувствовалъ, что у него былъ центръ тяжести, котораго не было прежде. Прежде каждый денежный вопросъ, въ особенности просьбы о деньгахъ, которымъ онъ, какъ очень богатый человѣкъ, подвергался очень часто, приводили его въ безвыходныя волненія и недоумѣнія.—Дать или не дать?—спра-

шивалъ онъ себя.—У меня есть, а ему нужно. Но другому еще нужнѣе. Кому нужнѣе? А можетъ быть оба обманщики? И изъ всѣхъ этихъ предположеній онъ прежде не находилъ никакого выхода и давалъ всѣмъ, пока было чтò давать. Точно въ такомъ же недоумѣніи онъ находился прежде при каждомъ вопросѣ, касающемся его состоянія, когда одинъ говорилъ, что надо поступить такъ, а другой—иначе.

Теперь, къ удивленію своему, онъ нашелъ, что во всѣхъ этихъ вопросахъ не было болѣе сомнѣній и недоумѣній. Въ немъ теперь явился судья, по какимъ-то неизвѣстнымъ ему самому законамъ рѣшавшій, чтò было нужно и чего не нужно дѣлать.

Онъ былъ такъ же, какъ прежде, равнодушенъ къ денежнымъ дѣламъ; но теперь онъ несомнѣнно зналъ, чтò должно сдѣлать и чего не должно. Первымъ приложеніемъ этого новаго судьи была для него просьба плѣннаго французскаго полковника, пришедшаго къ нему, много разсказывавшаго о своихъ подвигахъ и подъ конецъ заявившаго почти требованіе о томъ, чтобы Пьеръ далъ ему 4000 франковъ для отсылки женѣ и дѣтямъ. Пьеръ безъ малѣйшаго труда и напряженія отказалъ ему, удивляясь впослѣдствіи, какъ было просто и легко то, что прежде казалось неразрѣшимо труднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же, отказывая полковнику, онъ рѣшилъ, что необходимо употребить хитрость для того, чтобы, уѣзжая изъ Орла, заставить итальянскаго офицера взять денегъ, въ которыхъ онъ, видимо, нуждался. Новымъ доказательствомъ для Пьера его утвердившагося взгляда на практическія дѣла было его рѣшеніе вопроса о долгахъ жены и о возобновленіи или невозобновленіи московскихъ домовъ и дачъ.

Въ Орелъ пріѣзжалъ къ нему главный управляющій, и съ нимъ Пьеръ сдѣлалъ общій счетъ своихъ измѣнившихся доходовъ. Пожаръ Москвы стоилъ Пьеру, по учету главноуправляющаго, около двухъ милліоновъ.

Главноуправляющій, въ утѣшеніе этихъ потерь, представилъ Пьеру расчетъ о томъ, что, несмотря на эти потери, доходы его не только не уменьшатся, но увеличатся, если онъ откажется отъ уплаты долговъ, оставшихся послѣ графини, къ чему онъ не можетъ быть обязанъ, и если онъ не будетъ возобновлять московскихъ домовъ и подмосковной, которые стоили ежегодно 80 тысячъ и ничего не приносили.

— Да, да, это правда,—сказалъ Пьеръ, весело улыбаясь.— Да, да, мнѣ ничего этого не нужно. Я отъ разоренія сталъ гораздо богаче.

Но въ январѣ пріѣхалъ Савельичъ изъ Москвы, разсказалъ про положеніе Москвы, про смѣту, которую ему сдѣлалъ архитекторъ для возобновленія дома и подмосковной, говоря про это, какъ про дѣло рѣшенное. Въ это же время Пьеръ получилъ письма отъ князя Василія и другихъ знакомыхъ изъ Петербурга. Въ письмахъ говорилось о долгахъ жены. И Пьеръ рѣшилъ, что столь понравившійся ему планъ управляющаго былъ не вѣренъ, и что ему надо ѣхать въ Петербургъ покончить дѣла жены и строиться въ Москвѣ. Зачѣмъ было это надо, онъ не зналъ; но онъ зналъ несомнѣнно, что это надо. Доходы его вслѣдствіе этого рѣшенія уменьшались на три четверти. Но это было надо; онъ это чувствовалъ.

Вилларскій ѣхалъ въ Москву, и они условились ѣхать вмѣстѣ.

Пьеръ испытывалъ во все время своего выздоровленія

въ Орлѣ чувство радости, свободы, жизни; но когда онъ, во время своего путешествія, очутился на вольномъ свѣтѣ, увидавъ сотни новыхъ лицъ, чувство это еще болѣе усилилось. Онъ все время путешествія испытывалъ радость школьника на вакаціи. Всѣ лица: ямщикъ, смотритель, мужики на дорогѣ или въ деревнѣ, — всѣ имѣли для него новый смыслъ. Присутствіе и замѣчанія Вилларскаго постоянно жаловавшагося на бѣдность, отсталость отъ Европы, невѣжество Россіи, только возвышали радость Пьера. Тамъ, гдѣ Вилларскій видѣлъ мертвенность, Пьеръ видѣлъ необычайно могучую силу жизненности, ту силу, которая въ снѣгу, на этомъ пространствѣ, поддерживала жизнь этого цѣлаго, особеннаго и единаго народа. Онъ не противорѣчилъ Вилларскому и, какъ будто соглашаясь съ нимъ (такъ какъ притворное согласіе было кратчайшее средство обойти разсужденія, изъ которыхъ не могло ничего выйти), радостно улыбался, слушая его.

XV.

Такъ же, какъ трудно объяснить для чего, куда спѣшатъ муравьи изъ раскиданной кучки, одни прочь изъ кучки таща соринки, яйца и мертвыя тѣла, другіе назадъ въ кучку, — для чего они сталкиваются, догоняютъ другъ друга, дерутся, — такъ же трудно было бы объяснить причины, заставлявшія русскихъ людей, послѣ выхода французовъ, толпиться въ томъ мѣстѣ, которое прежде называлось Москвою. Но такъ же какъ, глядя на разсыпанныхъ вокругъ разореной кучки муравьевъ, несмотря на полное уничтоженіе кучки, видно по цѣпкости, энергіи, по безчисленности копышащихся насѣкомыхъ, что разорено все, кромѣ чего-то

неразрушимаго, невещественнаго, составляющаго всю силу кучки, — такъ же и Москва, въ октябрѣ мѣсяцѣ, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святыни, ни богатствъ, ни домовъ, была тою же Москвою, какою была въ августѣ. Все было разрушено, кромѣ чего-то невещественнаго, но могущественнаго и неразрушимаго.

Побужденія людей, стремящихся со всѣхъ сторонъ въ Москву, послѣ ея очищенія отъ врага, были самыя разнообразныя, личныя, и въ первое время, большею частью — дикія, животныя. Одно только побужденіе было общее всѣмъ, — стремленіе туда, въ то мѣсто, которое прежде называлось Москвой, для приложенія тамъ своей дѣятельности.

Чрезъ недѣлю въ Москвѣ уже было 15 тысячъ жителей, чрезъ двѣ было 25 тысячъ и т. д. Все возвышаясь и возвышаясь, число это къ осени 1813 г. дошло до цифры, превосходящей населеніе 12-го года.

Первые русскіе люди, которые вступили въ Москву, были казаки отряда Винцингероде, мужики изъ сосѣднихъ деревень и бѣжавшіе изъ Москвы и скрывавшіеся въ ея окрестностяхъ жители. Вступившіе въ разореную Москву русскіе, заставъ ее разграбленною, стали тоже грабить. Они продолжали то, что̀ дѣлали французы. Обозы мужиковъ пріѣзжали въ Москву съ тѣмъ, чтобы увозить по деревнямъ все, что было брошено по разореннымъ московскимъ домамъ и улицамъ. Казаки увозили, что̀ могли, въ свои ставки; хозяева домовъ забирали все то, что они находили въ другихъ домахъ и переносили къ себѣ подъ предлогомъ, что это была ихъ собственность.

Но за первыми грабителями пріѣзжали другіе, третьи, и грабежъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ увеличенія грабите-

лей, становился труднѣе и труднѣе и принималъ болѣе опредѣленныя формы.

Французы застали Москву хотя и пустою, но со всѣми формами органически-правильно жившаго города, съ его различными отправленіями торговли, ремеслъ, роскоши, государственнаго управленія, религіи. Формы эти были безжизненны, но онѣ еще существовали. Были ряды, лавки, магазины, лабазы, базары,—большинство съ товарами; были фабрики, ремесленныя заведенія; были дворцы, богатые дома, наполненные предметами роскоши; были больницы, остроги, присутственныя мѣста, церкви, соборы. Чѣмъ далѣе оставались французы, тѣмъ болѣе уничтожались эти формы городской жизни, и подъ конецъ все слилось въ одно нераздѣльное, безжизненное поле грабежа.

Грабежъ французовъ, чѣмъ больше онъ продолжался, тѣмъ больше разрушалъ богатства Москвы и силы грабителей. Грабежъ русскихъ, съ котораго началось занятіе русскими столицы, чѣмъ дольше онъ продолжался, чѣмъ больше было въ немъ участниковъ, тѣмъ быстрѣе возстановлялъ онъ богатство Москвы и правильную жизнь города.

Кромѣ грабителей, народъ самый разнообразный, влекомый — кто любопытствомъ, кто долгомъ службы, кто разсчетомъ, — домовладѣльцы, духовенство, высшіе и низшіе чиновники, торговцы, ремесленники, мужики съ разныхъ сторонъ, какъ кровь къ сердцу, приливалъ къ Москвѣ.

Черезъ недѣлю уже мужики, пріѣзжавшіе съ пустыми подводами для того, чтобы увозить вещи, были останавливаемы начальствомъ и принуждаемы къ тому, чтобы вывозить мертвыя тѣла изъ города. Другіе мужики, прослышавъ про неудачу товарищей, пріѣзжали въ городъ съ хлѣбомъ,

овсомъ, сѣномъ, сбивая цѣну другъ другу до цѣны ниже прежней. Артели плотниковъ, надѣясь на дорогіе заработки, каждый день входили въ Москву, и со всѣхъ сторонъ рубились новые и чинились старые, погорѣлые дома. Купцы въ балаганахъ открывали торговлю. Харчевни, постоялые дворы устраивались въ обгорѣлыхъ домахъ. Духовенство возобновило службы во многихъ не погорѣвшихъ церквахъ. Жертвователи приносили разграбленныя церковныя вещи. Чиновники прилаживали свои столы съ сукномъ и шкафы съ бумагами въ маленькихъ комнатахъ. Высшее начальство и полиція распоряжались раздачею оставшагося послѣ французовъ добра. Хозяева тѣхъ домовъ, въ которыхъ было много оставлено свезенныхъ изъ другихъ домовъ вещей, жаловались на несправедливость своза всѣхъ вещей въ Грановитую палату; другіе настаивали на томъ, что французы изъ разныхъ домовъ свезли вещи въ одно мѣсто, и оттого несправедливо отдавать хозяину дома тѣ вещи, которыя у него найдены. Бранили полицію; подкупали ее; писали вдесятеро смѣты на погорѣвшія, казенныя вещи; требовали вспомоществованій. Графъ Растопчинъ писалъ свои прокламаціи.

XVI.

Въ концѣ января, Пьеръ пріѣхалъ въ Москву и помѣстился въ уцѣлѣвшемъ флигелѣ. Онъ съѣздилъ къ графу Растопчину, къ нѣкоторымъ знакомымъ, вернувшимся въ Москву, и собирался на 3-й день ѣхать въ Петербургъ. Всѣ торжествовали побѣду; все кипѣло жизнью въ разореной и оживающей столицѣ. Пьеру всѣ были рады; всѣ желали видѣть его и всѣ разспрашивали его про то, что онъ видѣлъ. Пьеръ

чувствовалъ себя особенно дружелюбно расположеннымъ ко всѣмъ людямъ, которыхъ онъ встрѣчалъ; но невольно теперь онъ держалъ себя со всѣми людьми насторожѣ, такъ, чтобы не связать себя чѣмъ-нибудь. Онъ на всѣ вопросы, которые ему дѣлали, — важные или самые ничтожные, — спрашивали ли у него: гдѣ онъ будетъ жить? будетъ ли онъ строиться? когда онъ ѣдетъ въ Петербургъ и возьмется ли свезти ящичекъ?—онъ отвѣчалъ: да, можетъ быть, я думаю, и т. д.

О Ростовыхъ онъ слышалъ, что они въ Костромѣ, и мысль о Наташѣ рѣдко приходила ему. Ежели она и приходила, то только какъ пріятное воспоминаніе давно прошедшаго. Онъ чувствовалъ себя не только свободнымъ отъ житейскихъ условій, но и отъ этого чувства, которое онъ, какъ ему казалось, умышленно напустилъ на себя.

На третій день своего пріѣзда въ Москву, онъ узналъ отъ Друбецкихъ, что княжна Марья въ Москвѣ. Смерть, страданія, послѣдніе дни князя Андрея часто занимали Пьера и теперь, съ новой живостью, пришли ему въ голову. Узнавъ, за обѣдомъ, что княжна Марья въ Москвѣ и живетъ въ своемъ, не сгорѣвшемъ домѣ на Воздвиженкѣ, онъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ ней.

Дорòгой къ княжнѣ Марьѣ Пьеръ, не переставая, думалъ о князѣ Андреѣ, о своей дружбѣ съ нимъ, о различныхъ съ нимъ встрѣчахъ и въ особенности о послѣдней въ Бородинѣ.

„Неужели онъ умеръ въ томъ злобномъ настроеніи, въ которомъ онъ былъ тогда? Неужели не открылось ему передъ смертью объясненіе жизни?“ думалъ Пьеръ. Онъ вспомнилъ о Каратаевѣ, о его смерти, и невольно сталъ сравнивать этихъ двухъ людей, столь различныхъ и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, столь похожихъ по любви, которую онъ имѣлъ къ обоимъ, и потому, что оба жили и оба умерли.

Въ самомъ серьезномъ расположеніи духа Пьеръ подъѣхалъ къ дому стараго князя. Домъ этотъ уцѣлѣлъ. Въ немъ видны были слѣды разрушенія, но характеръ дома былъ тотъ же. Встрѣтившій Пьера старый официантъ со строгимъ лицомъ, какъ будто желая дать почувствовать гостю, что отсутствіе князя не нарушаетъ порядка дома, сказалъ, что княжна изволила пройти въ свои комнаты и принимаетъ по воскресеньямъ.

— Доложи; можетъ быть примутъ,—сказалъ Пьеръ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ официантъ; пожалуйте въ портретную.

Черезъ нѣсколько минутъ къ Пьеру вышли официантъ и Десаль. Десаль отъ имени княжны передалъ Пьеру, что она очень рада видѣть его и проситъ, если онъ извинитъ ее за безцеремонность, войти наверхъ, въ ея комнаты.

Въ невысокой комнаткѣ, освѣщенной одной свѣчей, сидѣла княжна и еще кто-то съ ней, въ черномъ платьѣ. Пьеръ помнилъ, что при княжнѣ всегда были компаньонки, но кто такія и какія онѣ, эти компаньонки, Пьеръ не зналъ и не помнилъ. „Это одна изъ компаньонокъ,“ подумалъ онъ, взглянувъ на даму въ черномъ платьѣ.

Княжна быстро встала ему на встрѣчу и протянула руку.

— Да,—сказала она, всматриваясь въ его измѣнившееся лицо, послѣ того, какъ онъ поцѣловалъ ея руку,—вотъ какъ мы съ вами встрѣчаемся. Онъ и послѣднее время часто говорилъ про васъ, — сказала она, переводя свои глаза съ Пьера на компаньонку съ застѣнчивостью, которая на мгновеніе поразила Пьера.—Я такъ была рада, узнавъ о вашемъ

спасенье. Это было единственное, радостное извѣстіе, которое мы получили, съ давняго времени. — Опять еще безпокойнѣе княжна оглянулась на компаньонку и хотѣла что-то сказать, но Пьеръ перебилъ ее.

— Вы можете себѣ представить, что я ничего не зналъ про него,—сказалъ онъ.—Я считалъ его убитымъ. Все, что̀ я узналъ, я узналъ отъ другихъ, черезъ третьи руки. Я знаю только, что онъ попалъ къ Ростовымъ... Какая судьба!

Пьеръ говорилъ быстро, оживленно. Онъ взглянулъ разъ на лицо компаньонки, увидалъ внимательно-ласковый, любопытный взглядъ, устремленный на него, и, какъ это часто бываетъ во время разговора, онъ почему-то почувствовалъ, что эта компаньонка, въ черномъ платьѣ, милое, доброе, славное существо, которое не помѣшаетъ его задушевному разговору съ княжной Марьей.

Но когда онъ сказалъ послѣднія слова о Ростовыхъ, замѣшательство въ лицѣ княжны Марьи выразилось еще сильнѣе. Она опять перебѣжала глазами съ лица Пьера на лицо дамы въ черномъ платьѣ и сказала:

— Вы не узнаете развѣ?

Пьеръ взглянулъ еще разъ на блѣдное, тонкое, съ черными глазами и страннымъ ртомъ, лицо компаньонки. Что-то родное, давно забытое и больше чѣмъ милое, смотрѣло на него изъ этихъ внимательныхъ глазъ.

„Но нѣтъ, это не можетъ быть“, подумалъ онъ. „Это строгое, худое и блѣдное, постарѣвшее лицо? Это не можетъ быть она. Это только воспоминаніе того“. Но въ это время княжна Марья сказала: „Наташа“. И лицо, съ внимательными глазами, съ трудомъ, съ усиліемъ, какъ отворяется

заржавѣвшая дверь,—улыбнулось, и изъ этой растворенной двери вдругъ пахнуло и обдало Пьера тѣмъ давно забытымъ счастіемъ, о которомъ, въ особенности теперь, онъ не думалъ. Пахнуло, охватило и поглотило его всего. Когда она улыбнулась, уже не могло быть сомнѣній: это была Наташа, и онъ любилъ ее.

Въ первую же минуту Пьеръ, невольно и ей, и княжнѣ Марьѣ, и главное — самому себѣ, сказалъ неизвѣстную ему самому тайну. Онъ покраснѣлъ радостно и страдальчески-болѣзненно. Онъ хотѣлъ скрыть свое волненіе. Но чѣмъ больше онъ хотѣлъ скрыть его, тѣмъ яснѣе,—яснѣе, чѣмъ самыми опредѣленными словами,—онъ себѣ и ей, и княжнѣ Марьѣ говорилъ, что онъ любитъ ее.

„Нѣтъ, это такъ, отъ неожиданности“, подумалъ Пьеръ. Но только что онъ хотѣлъ продолжать начатый разговоръ съ княжной Марьей, онъ опять взглянулъ на Наташу, и еще сильнѣйшая краска покрыла его лицо, и еще сильнѣйшее волненіе радости и страха охватило его душу. Онъ запутался въ словахъ и остановился на серединѣ рѣчи.

Пьеръ не замѣтилъ Наташи, потому что онъ никакъ не ожидалъ видѣть ее тутъ, но онъ не узналъ ея потому, что происшедшая въ ней съ тѣхъ поръ, какъ онъ не видалъ ея, перемѣна была огромна. Она похудѣла и поблѣднѣла. Но не это дѣлало ее неузнаваемой: ее нельзя было узнать въ первую минуту, какъ онъ вошелъ, потому что на этомъ лицѣ, въ глазахъ котораго прежде всегда свѣтилась затаенная улыбка радости жизни, теперь, когда онъ вошелъ и въ первый разъ взглянулъ на нее, не было и тѣни улыбки; были одни глаза внимательные, добрые и печально-вопросительные.

Смущеніе Пьера не отразилось на Наташѣ смущеніемъ, но только удовольствіемъ, чуть замѣтно освѣтившимъ все ея лицо.

XVII.

— Она пріѣхала гостить ко мнѣ,—сказала княжна Марья.— Графъ и графиня будутъ на-дняхъ. Графиня въ ужасномъ положеніи. Но Наташѣ самой нужно было видѣть доктора. Ее насильно отослали со мной.

— Да, есть ли семья безъ своего горя?—сказалъ Пьеръ, обращаясь къ Наташѣ.—Вы знаете, что это было въ тотъ самый день, какъ насъ освободили. Я видѣлъ его. Какой былъ прелестный мальчикъ!

Наташа смотрѣла на него, и въ отвѣтъ на его слова только больше открылись и засвѣтились ея глаза.

— Чтò можно сказать или подумать въ утѣшенье?— сказалъ Пьеръ. — Ничего. Зачѣмъ было умирать такому славному, полному жизни мальчику?

— Да, въ наше время трудно жить было бы безъ вѣры...— сказала княжна Марья.

— Да, да. Вотъ это истинная правда, — поспѣшно перебилъ Пьеръ.

— Отчего?—спросила Наташа, внимательно глядя въ глаза Пьеру.

— Какъ отчего?—сказала княжна Марья.—Одна мысль о томъ, что ждетъ тамъ...

Наташа, не дослушавъ княжны Марьи, опять вопросительно поглядѣла на Пьера.

— И оттого,— продолжалъ Пьеръ,— что только тотъ человѣкъ, который вѣритъ въ то, что есть Богъ, управляющій

нами, можетъ перенести такую потерю какъ ея и... ваша,— сказалъ Пьеръ.

Наташа раскрыла уже ротъ, желая сказать что-то, но вдругъ остановилась. Пьеръ поспѣшилъ отвернуться отъ нея и обратился опять къ княжнѣ Марьѣ съ вопросомъ о послѣднихъ дняхъ жизни своего друга. Смущеніе Пьера теперь почти исчезло; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что исчезла вся его прежняя свобода. Онъ чувствовалъ, что надъ каждымъ его словомъ, дѣйствіемъ, теперь есть судья, судъ, который дороже ему суда всѣхъ людей въ мірѣ. Онъ говорилъ теперь и вмѣстѣ съ своими словами соображалъ то впечатлѣніе, которое производили его слова на Наташу. Онъ не говорилъ нарочно того, что̀ бы могло нравиться ей; но что̀ бы онъ ни говорилъ, онъ съ ея точки зрѣнія судилъ себя.

Княжна Марья неохотно, какъ это всегда бываетъ, начала разсказывать про то положеніе, въ которомъ она застала князя Андрея. Но вопросы Пьера, его оживленно безпокойный взглядъ, его дрожащее отъ волненія лицо, понемногу, заставили ее вдаться въ подробности, которыя она боялась для самой себя возобновлять въ воображеніи.

— Да, да, такъ, такъ... — говорилъ Пьеръ нагнувшись впередъ всѣмъ тѣломъ надъ княжной Марьей и жадно вслушиваясь въ ея разсказъ. — Да, да; такъ онъ успокоился? смягчился? Онъ такъ всѣми силами души всегда искалъ одного: быть вполнѣ хорошимъ, что онъ не могъ бояться смерти. Недостатки, которые были въ немъ—если они были— происходили не отъ него. Такъ онъ смягчился? — говорилъ Пьеръ.—Какое счастіе, что онъ свидѣлся съ вами,—сказалъ онъ Наташѣ, вдругъ обращаясь къ ней и глядя на нее полными слезъ глазами.

Лицо Наташи вздрогнуло. Она нахмурилась и на мгновеніе опустила глаза. Съ минуту она колебалась: говорить или не говорить.

— Да, это было счастіе,— сказала она тихимъ груднымъ голосомъ,— для меня навѣрное это было счастіе. — Она помолчала. — И онъ... онъ... онъ говорилъ, что онъ желалъ этого, въ ту минуту, какъ я пришла къ нему... — Голосъ Наташи оборвался. Она покраснѣла, сжала руки на колѣнкахъ и вдругъ, видимо, сдѣлавъ усиліе надъ собой, подняла голову и быстро начала говорить:

— Мы ничего не знали, когда ѣхали изъ Москвы. Я не смѣла спросить про него. И вдругъ Соня сказала мнѣ, что онъ съ нами. Я ничего не думала, не могла представить себѣ, въ какомъ онъ положеніи; мнѣ только надо было видѣть его — быть съ нимъ, — говорила она, дрожа и задыхаясь. И не давая перебивать себя, она разсказала то, чего она еще никогда, никому не разсказывала: все то, что она пережила въ тѣ три недѣли ихъ путешествія и жизни въ Ярославлѣ.

Пьеръ слушалъ ее съ раскрытымъ ртомъ и не спуская съ нея своихъ глазъ, полныхъ слезами. Слушая ее, онъ не думалъ ни о князѣ Андреѣ, ни о смерти, ни о томъ, что она разсказывала. Онъ слушалъ ее и только жалѣлъ ее за то страданіе, которое она испытывала теперь, разсказывая.

Княжна, сморщившись отъ желанія удержать слезы, сидѣла подлѣ Наташи и слушала въ первый разъ исторію этихъ послѣднихъ дней любви своего брата съ Наташей.

Этотъ мучительный и радостный разсказъ, видимо, былъ необходимъ для Наташи.

Она говорила, перемѣшивая ничтожнѣйшія подробности

съ задушевнѣйшими тайнами, и, казалось, никогда не могла кончить. Нѣсколько разъ она повторяла то же самое.

За дверью послышался голосъ Десаля, спрашивавшаго можно ли Николушкѣ войти проститься.

— Да вотъ и все, все...—сказала Наташа. Она быстро встала въ то время, какъ входилъ Николушка, и почти побѣжала къ двери, стукнулась головой о дверь, прикрытую портьерой, и со стономъ, не то боли, не то печали, вырвалась изъ комнаты.

Пьеръ смотрѣлъ на дверь, въ которую она вышла и не понималъ, отчего онъ вдругъ одинъ остался во всемъ мiрѣ.

Княжна Марья вызвала его изъ разсѣянности, обративъ его вниманiе на племянника, который вошелъ въ комнату.

Лицо Николушки, похожее на отца, въ минуту душевнаго размягченiя, въ которомъ Пьеръ теперь находился, такъ на него подѣйствовало, что онъ, поцѣловавъ Николушку, поспѣшно всталъ и, доставъ платокъ, отошелъ къ окну. Онъ хотѣлъ проститься съ княжной Марьей, но она удержала его.

— Нѣтъ, мы съ Наташей не спимъ иногда до третьяго часа; пожалуйста, посидите. Я велю дать ужинать. Подите внизъ; мы сейчасъ придемъ.

Прежде чѣмъ Пьеръ вышелъ, княжна сказала ему:

— Это въ первый разъ она такъ говорила о немъ.

XVIII.

Пьера провели въ освѣщенную большую столовую; черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги, и княжна съ Наташей вошли въ комнату. Наташа была спокойна, хотя строгое, безъ улыбки, выраженiе теперь опять установилось на ея лицѣ. Княжна Марья, Наташа и Пьеръ одинаково испытывали то чувство неловкости, которое слѣдуетъ обыкновенно

за оконченнымъ, серьезнымъ и душевнымъ разговоромъ. Продолжать прежній разговоръ невозможно; говорить о пустякахъ — совѣстно, а молчать непріятно, потому что хочется говорить, а этимъ молчаніемъ какъ будто притворяешься. Они молча подошли къ столу. Официанты отодвинули и подвинули стулья. Пьеръ развернулъ холодную салфетку и, рѣшившись прервать молчаніе, взглянулъ на Наташу и княжну Марью. Обѣ очевидно въ то же время рѣшились на то же: у обѣихъ въ глазахъ свѣтилось довольство жизнью и признаніе того, что, кромѣ горя есть и радости.

— Вы пьете водку, графъ? — сказала княжна Марья, и эти слова вдругъ разогнали тѣни прошедшаго.—Разскажите же про себя, — сказала княжна Марья, — про васъ разсказываютъ такія невѣроятныя чудеса.

— Да,—съ своей теперь привычной улыбкой кроткой насмѣшки отвѣчалъ Пьеръ.—Мнѣ самому даже разсказываютъ про такія чудеса, какихъ я и во снѣ не видѣлъ. Марья Абрамовна приглашала меня къ себѣ и все разсказывала мнѣ, что со мной случилось или должно было случиться. Степанъ Степановичъ тоже научилъ меня, какъ мнѣ надо разсказывать. Вообще я замѣтилъ, что быть интереснымъ человѣкомъ очень покойно (я теперь интересный человѣкъ); меня зовутъ, и мнѣ разсказываютъ.

Наташа улыбнулась и хотѣла что-то сказать.

— Намъ разсказывали, — перебила ее княжна Марья,— что вы въ Москвѣ потеряли два милліона. Правда это?

— А я сталъ втрое богаче,—сказалъ Пьеръ. Пьеръ, несмотря на то, что долги жены и необходимость построекъ измѣнили его дѣла, продолжалъ разсказывать, что онъ сталъ втрое богаче.

— Что̀ я выигралъ несомнѣнно,—сказалъ онъ,—такъ это свободу... — началъ онъ было серьезно; но раздумалъ продолжать, замѣтивъ, что это былъ слишкомъ эгоистическій предметъ разговора.

— А вы строитесь?

— Да, Савельичъ велитъ.

— Скажите, вы не знали еще о кончинѣ графини, когда остались въ Москвѣ?—сказала княжна Марья и тотчасъ же покраснѣла, замѣтивъ, что, дѣлая этотъ вопросъ вслѣдъ за его словами о томъ, что онъ свободенъ, она приписываетъ его словамъ такое значеніе, котораго они, можетъ-быть, не имѣли.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Пьеръ, не найдя очевидно неловкимъ то толкованіе, которое дала княжна Марья его упоминанію о своей свободѣ.—Я узналъ это въ Орлѣ, и вы не можете себѣ вообразить, какъ меня это поразило. Мы не были примѣрные супруги,—сказалъ онъ быстро, взглянувъ на Наташу, и замѣтивъ въ лицѣ ея любопытство о томъ, какъ онъ отзовется о своей женѣ.—Но смерть эта меня страшно поразила. Когда два человѣка ссорятся—всегда оба виноваты. И своя вина дѣлается вдругъ страшно тяжела передъ человѣкомъ, котораго уже нѣтъ больше. И потомъ такая смерть... безъ друзей, безъ утѣшенія. Мнѣ очень, очень жаль ее, кончилъ онъ, и съ удовольствіемъ замѣтилъ радостное одобреніе на лицѣ Наташи.

— Да, вотъ вы опять холостякъ и женихъ, — сказала княжна Марья.

Пьеръ вдругъ багрово покраснѣлъ и долго старался не смотрѣть на Наташу. Когда онъ рѣшился взглянуть на нее, лицо ея было холодно, строго и даже презрительно, какъ ему показалось.

— Но вы точно видѣли и говорили съ Наполеономъ, какъ намъ разсказывали?—сказала княжна Марья.

Пьеръ засмѣялся.

— Ни разу, никогда. Всегда всѣмъ кажется, что быть въ плѣну, значитъ быть въ гостяхъ у Наполеона. Я не только не видалъ его, но и не слыхалъ о немъ. Я былъ въ гораздо худшемъ обществѣ.

Ужинъ кончался, и Пьеръ, сначала отказавшійся отъ разсказа о своемъ плѣнѣ, понемногу вовлекся въ этотъ разсказъ.

— Но вѣдь правда, что вы остались, чтобъ убить Наполеона?—спросила его Наташа, слегка улыбаясь.—Я тогда догадалась, когда мы васъ встрѣтили у Сухаревой башни; помните?

Пьеръ признался, что это была правда, и съ этого вопроса, понемногу руководимый вопросами княжны Марьи и въ особенности Наташи, вовлекся въ подробный разсказъ о своихъ похожденіяхъ.

Сначала онъ разсказывалъ съ тѣмъ насмѣшливымъ, кроткимъ взглядомъ, который онъ имѣлъ теперь на людей и въ особенности на самого себя; но потомъ, когда онъ дошелъ до разсказа объ ужасахъ и страданіяхъ, которые онъ видѣлъ, онъ, самъ того не замѣчая, увлекся и сталъ говорить съ сдержаннымъ волненіемъ человѣка, въ воспоминаніи переживающаго сильныя впечатлѣнія.

Княжна Марья съ кроткой улыбкой смотрѣла то на Пьера, то на Наташу. Она во всемъ этомъ разсказѣ видѣла только Пьера и его доброту. Наташа, облокотившись на руку, съ постоянно измѣняющимся, вмѣстѣ съ разсказомъ, выраженіемъ лица, слѣдила, ни на минуту не отрываясь, за Пьеромъ, видимо переживая съ нимъ вмѣстѣ то, что̀ онъ разсказывалъ,

Не только ея взглядъ, но восклицанія и короткіе вопросы, которые она дѣлала, показывали Пьеру, что изъ того, что̀ онъ разсказывалъ, она понимала именно то, что онъ хотѣлъ передать. Видно было, что она понимала не только то, что̀ онъ разсказывалъ, но и то, что̀ онъ хотѣлъ бы и не могъ выразить словами. Про эпизодъ свой съ ребенкомъ и женщиной, въ защиту которыхъ онъ былъ взятъ, Пьеръ разсказывалъ такимъ образомъ. Это было ужасное зрѣлище, дѣти брошены, нѣкоторыя въ огнѣ. При мнѣ вытащили ребенка... женщины, съ которыхъ стаскивали вещи, вырывали серьги...

Пьеръ покраснѣлъ и замялся.—Тутъ пріѣхалъ разъѣздъ и всѣхъ тѣхъ, которые не грабили, всѣхъ мужчинъ забрали. И меня.

— Вы вѣрно не все разсказываете; вы вѣрно сдѣлали что-нибудь,—сказала Наташа и помолчала—хорошее.

Пьеръ продолжалъ разсказывать дальше. Когда онъ разсказывалъ про казнь, онъ хотѣлъ обойти страшныя подробности, но Наташа требовала, чтобы онъ ничего не пропускалъ.

Пьеръ началъ было разсказывать про Каратаева (онъ уже всталъ изъ-за стола и ходилъ, Наташа слѣдила за нимъ глазами) и остановился.

— Нѣтъ, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотнаго человѣка—дурачка.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите,—сказала Наташа.—Онъ гдѣ же?

— Его убили почти при мнѣ.—И Пьеръ сталъ разсказывать послѣднее время ихъ отступленія, болѣзнь Каратаева (голосъ его дрожалъ безпрестанно) и его смерть.

Пьеръ разсказывалъ свои похожденія такъ, какъ онъ никогда еще не вспоминалъ ихъ. Онъ видѣлъ теперь какъ будто новое значеніе во всемъ томъ, что̀ онъ пережилъ. Теперь,

когда онъ разсказывалъ все это Наташѣ, онѣ испытывалъ то рѣдкое наслажденіе, которое даютъ женщины, слушая мужчину,—не *умныя* женщины, которыя, слушая, стараются или запомнить, что имъ говорятъ, для того, чтобы обогатить свой умъ и при случаѣ пересказать то же или приладить разсказываемое къ своему и сообщить поскорѣе свои умные рѣчи, выработанныя въ своемъ маленькомъ, умственномъ хозяйствѣ, а то наслажденіе, которое даютъ настоящія женщины, одаренныя способностью выбиранія и всасыванія въ себя всего лучшаго, что только есть въ проявленіяхъ мужчины. Наташа, сама не зная этого, была все вниманіе: она не упускала ни слова, ни колебанія голоса, ни взгляда, ни вздрагиванія мускула лица, ни жеста Пьера. Она на лету ловила еще невысказанное слово и прямо вносила въ свое раскрытое сердце, угадывая тайный смыслъ всей душевной работы Пьера.

Княжна Марья понимала разсказъ, сочувствовала ему, но она теперь видѣла другое, что поглощало все ея вниманіе: она видѣла возможность любви и счастія между Наташей и Пьеромъ. И въ первый разъ пришедшая ей эта мысль наполняла ея душу радостью.

Было три часа ночи. Официанты съ грустными, строгими лицами приходили перемѣнять свѣчи, но никто не замѣчалъ ихъ.

Пьеръ кончилъ свой разсказъ. Наташа блестящими, оживленными глазами продолжала упорно и внимательно глядѣть на Пьера, какъ будто желая понять еще то остальное, что онъ не высказалъ, можетъ быть. Пьеръ въ стыдливомъ и счастливомъ смущеніи изрѣдка взглядывалъ на нее и придумывалъ, что сказать теперь, чтобы перевести разговоръ

на другой предметъ. Княжна Марья молчала. Никому въ голову не приходило, что три часа ночи и что пора спать.

— Говорятъ: несчастія, страданія,—сказалъ Пьеръ.—Да ежели бы сейчасъ, сію минуту мнѣ сказали: хочешь оставаться, чѣмъ ты былъ до плѣна, или сначала пережить все это? Ради Бога, еще разъ плѣнъ и лошадиное мясо. Мы думаемъ, что какъ насъ выкинетъ изъ привычной дорожки, все пропало; а тутъ только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастіе. Впереди много, много. Это я вамъ говорю,—сказалъ онъ обращаясь къ Наташѣ.

— Да, да,—сказала она, отвѣчая на совсѣмъ другое,—и я ничего бы не желала, какъ только пережить все сначала.

Пьеръ внимательно смотрѣлъ на нее.

— Да, и больше ничего,—подтвердила Наташа.

— Неправда, неправда,—закричалъ Пьеръ.—Я не виноватъ, что я живъ и хочу жить; и вы тоже.

Вдругъ Наташа опустила голову на руки и заплакала.

— Что ты, Наташа?—сказала княжна Марья.

— Ничего, ничего.—Она улыбалась сквозь слезы Пьеру.—Прощайте, пора спать.

Пьеръ всталъ и простился.

Княжна Марья и Наташа, какъ и всегда, сошлись въ спальнѣ. Онѣ поговорили о томъ, что̀ разсказывалъ Пьеръ. Княжна Марья не говорила своего мнѣнія о Пьерѣ. Наташа тоже не говорила о немъ.

— Ну прощай, Мари,—сказала Наташа.—Знаешь, я часто боюсь, что мы не говоримъ о немъ (князѣ Андреѣ), какъ будто мы боимся унизить наше чувство, и забываемъ.

Княжна Марья тяжело вздохнула и этимъ вздохомъ признала справедливость словъ Наташи; но словами она не согласилась съ ней.

— Развѣ можно забыть?—сказала она.

— Мнѣ такъ хорошо было нынче разсказать все: и тяжело, и больно, и хорошо. Очень хорошо,—сказала Наташа;— я увѣрена что онъ точно любилъ его. Отъ этого я разсказала ему... ничего что я разсказала ему?—вдругъ покраснѣвъ, спросила она.

— Пьеру? О нѣтъ! Какой онъ прекрасный, — сказала княжна Марья.

— Знаешь, Мари,—вдругъ сказала Наташа, съ шаловливой улыбкой, которой давно не видала княжна Марья на ея лицѣ.—Онъ сдѣлался какой-то чистый, гладкій, свѣжій; точно изъ бани; ты понимаешь?—морально изъ бани. Правда?

— Да,—сказала княжна Марья.—Онъ много выигралъ.

— И сюртучокъ коротенькій и стриженые волосы; точно, ну точно изъ бани... папа бывало...

— Я понимаю, что *онъ* (князь Андрей) никого такъ не любилъ какъ его,—сказала княжна Марья.

— Да, и онъ особенный отъ него. Говорятъ, что дружны мужчины, когда совсѣмъ особенные. Должно-быть, это правда, онъ совсѣмъ на него не похожъ ничѣмъ?

— Да, и чудесный.

— Ну, прощай,—отвѣчала Наташа. И та же шаловливая улыбка, какъ бы забывшись, долго оставалась на ея лицѣ.

XIX.

Пьеръ долго не могъ заснуть въ этотъ день; онъ взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ, то нахмурившись, вдумываясь

во что-то трудное, то вдругъ пожимая плечами и вздрагивая, то счастливо улыбаясь.

Онъ думалъ о князѣ Андреѣ, о Наташѣ, объ ихъ любви, и то ревновалъ ее къ прошедшему, то упрекалъ, то прощалъ себя за это. Было уже шесть часовъ утра, а онъ все ходилъ по комнатѣ.

„Ну что жъ дѣлать; ужъ если нельзя безъ этого? Что жъ дѣлать?! Значитъ такъ надо,—сказалъ онъ себѣ и, поспѣшно раздѣвшись, легъ въ постель, счастливый и взволнованный, но безъ сомнѣній и нерѣшительностей.

„Надо, какъ ни странно, какъ ни невозможно это счастіе,—надо сдѣлать все для того, чтобы быть съ ней мужемъ и женой,—сказалъ онъ себѣ.

Пьеръ еще за нѣсколько дней передъ этимъ назначилъ въ пятницу день своего отъѣзда въ Петербургъ. Когда онъ проснулся, въ четвергъ, Савельичъ пришелъ къ нему за приказаніями объ укладкѣ вещей на дорогу.

— Какъ въ Петербургъ? Что такое Петербургъ? Кто въ Петербургѣ,—невольно, хотя и про себя спросилъ онъ.—Да, что-то такое давно, еще прежде, чѣмъ это случилось, я зачѣмъ-то собирался въ Петербургъ,—вспомнилъ онъ.—Отчего же? я и поѣду, можетъ быть. Какой онъ добрый, внимательный, какъ все помнитъ!—подумалъ онъ, глядя на старое лицо Савельича.—И какая улыбка пріятная!—подумалъ онъ.

— Что жъ, все не хочешь на волю, Савельичъ?—спросилъ Пьеръ.

— Зачѣмъ мнѣ, ваше сіятельство, воля? При покойномъ графѣ, царство небесное, жили и при васъ обиды не видали.

— Ну, а дѣти?

— И дѣти проживутъ, ваше сіятельство: за такими господами жить можно.

— Ну, а наслѣдники мои?—сказалъ Пьеръ. Вдругъ я женюсь... Вѣдь можетъ случиться, прибавилъ онъ съ невольной улыбкой.

— И осмѣливаюсь доложить: хорошее дѣло, ваше сіятельство.

„Какъ онъ думаетъ это легко,—подумалъ Пьеръ.—Онъ не знаетъ, какъ это страшно, какъ опасно. Слишкомъ рано или слишкомъ поздно... Страшно!

— Какъ же изволите приказать. Завтра изволите ѣхать?—спросилъ Савельичъ.

— Нѣтъ; я немножко отложу. Я тогда скажу. Ты меня извини за хлопоты,—сказалъ Пьеръ и, глядя на улыбку Савельича, подумалъ: какъ странно однако, что онъ не знаетъ, что теперь нѣтъ никакого Петербурга и что прежде всего надо, чтобы рѣшилось то. Впрочемъ, онъ вѣрно знаетъ, но только притворяется. Поговорить съ нимъ? Какъ онъ думаетъ?“ подумалъ Пьеръ. Нѣтъ, послѣ когда-нибудь.

За завтракомъ Пьеръ сообщилъ княжнѣ, что онъ былъ вчера у княжны Марьи и засталъ тамъ, можете себѣ представить кого? Наташу Ростову.

Княжна сдѣлала видъ, что она въ этомъ извѣстіи не видитъ ничего болѣе необыкновеннаго, какъ въ томъ, что Пьеръ видѣлъ Анну Семеновну.

— Вы ее знаете?—спросилъ Пьеръ.

— Я видѣла княжну,—отвѣчала она. Я слышала, что ее сватали за молодого Ростова. Это было бы очень хорошо для Ростовыхъ; говорятъ, они совсѣмъ разорились.

— Нѣтъ, Ростову вы знаете?

— Слышала тогда только про эту исторію. Очень жалко.

„Нѣтъ, она не понимаетъ или притворяется", подумалъ Пьеръ. Лучше тоже не говорить ей.

Княжна такъ же приготовила провизію на дорогу Пьеру.

Какъ они добры всѣ, — думалъ Пьеръ,—что они теперь, когда ужъ навѣрное имъ это не можетъ быть болѣе интересно, занимаются всѣмъ этимъ. И все для меня; вотъ, что удивительно".

Въ этотъ же день къ Пьеру пріѣхалъ полицеймейстеръ съ предложеніемъ прислать довѣреннаго въ грановитую палату для пріема вещей, раздаваемыхъ нынче владѣльцамъ.

„Вотъ и этотъ тоже,—думалъ Пьеръ, глядя въ лицо полицеймейстера,—какой славный, красивый офицеръ и какъ добръ! *Теперь* занимается такими пустяками. А еще говорятъ, что онъ не честенъ и пользуется. Какой вздоръ! А впрочемъ, отчего же ему и не пользоваться? Онъ такъ и воспитанъ. Всѣ такъ дѣлаютъ. А такое пріятное, доброе лицо, и улыбается, глядя на меня".

Пьеръ поѣхалъ обѣдать къ княжнѣ Марьѣ.

Проѣзжая по улицамъ, между пожарищами домовъ, онъ удивлялся красотѣ этихъ развалинъ. Печныя трубы домовъ, отвалившіяся стѣны, живописно напоминая Рейнъ и Колизей, тянулись, скрывая другъ друга, по обгорѣлымъ кварталамъ. Встрѣчавшіеся извозчики и ѣздоки, плотники, рубившіе срубы, торговки и лавочники, всѣ съ веселыми сіяющими лицами взглядывали на Пьера и говорили какъ будто: „а, вотъ онъ! Посмотримъ, что выйдетъ изъ этого".

При входѣ въ домъ княжны Марьи на Пьера нашло сомнѣніе въ справедливости того, что онъ былъ здѣсь вчера, видѣлся съ Наташей и говорилъ съ ней. „Можетъ быть это

я выдумалъ. Можетъ быть я войду и никого не увижу". Но не успѣлъ онъ вступить въ комнату, какъ уже во всемъ существѣ своемъ, по мгновенному лишенію своей свободы, онъ почувствовалъ ея присутствіе. Она была въ томъ же черномъ платьѣ, съ мягкими складками, и такъ же причесана, какъ и вчера, но она была совсѣмъ другая. Если бы она была такою вчера, когда онъ вошелъ въ комнату, онъ бы не могъ ни на мгновеніе не узнать ея.

Она была такою же, какою онъ зналъ ее почти ребенкомъ и потомъ невѣстой князя Андрея. Веселый вопросительный блескъ свѣтился въ ея глазахъ; на лицѣ было ласковое и странно-шаловливое выраженіе.

Пьеръ обѣдалъ и просидѣлъ бы весь вечеръ; но княжна Марья ѣхала ко всенощной, и Пьеръ уѣхалъ съ ними вмѣстѣ.

На другой день Пьеръ пріѣхалъ рано, обѣдалъ и просидѣлъ весь вечеръ. Несмотря на то, что княжна Марья и Наташа были очевидно рады гостю; несмотря на то, что весь интересъ жизни Пьера сосредоточивался теперь въ этомъ домѣ, къ вечеру они все переговорили, и разговоръ переходилъ безпрестанно съ одного ничтожнаго предмета на другой и часто прерывался. Пьеръ засидѣлся въ этотъ вечеръ такъ поздно, что княжна Марья и Наташа переглядывались между собою, очевидно ожидая, скоро ли онъ уйдетъ. Пьеръ видѣлъ это и не могъ уйти. Ему становилось тяжело, неловко, но онъ все сидѣлъ, потому что *не могъ* подняться и уйти.

Княжна Марья, не предвидя этому конца, первая встала и, жалуясь на мигрень, стала прощаться.

— Такъ вы завтра ѣдете въ Петербургъ?—сказала она.

— Нѣтъ, я не ѣду,—съ удивленіемъ и какъ будто обидясь, поспѣшно сказалъ Пьеръ.—Да, нѣтъ, въ Петербургъ?

Завтра; только я не прощаюсь. Я заѣду за комиссіями,—сказалъ онъ, стоя передъ княжной Марьей, краснѣя и не уходя.

Наташа подала ему руку и вышла. Княжна Марья, напротивъ, вмѣсто того, чтобы уйти, опустилась въ кресло и своимъ лучистымъ, глубокимъ взглядомъ строго и внимательно посмотрѣла на Пьера. Усталость, которую она очевидно высказывала передъ этимъ, теперь совсѣмъ прошла. Она тяжело и продолжительно вздохнула, какъ будто приготавливалась къ длинному разговору.

Все смущеніе и неловкость Пьера, при удаленіи Наташи, мгновенно исчезли и замѣнились взволнованнымъ оживленіемъ. Онъ быстро придвинулъ кресло близко къ княжнѣ Марьѣ.

— Да, я и хотѣлъ сказать вамъ,—сказалъ онъ, отвѣчая, какъ на слова, на ея взглядъ.—Княжна, помогите мнѣ. Чтò мнѣ дѣлать? Могу я надѣяться? Княжна, другъ мой, выслушайте меня. Я все знаю. Я знаю, что я не стòю ея; я знаю, что теперь невозможно говорить объ этомъ. Но я хочу быть братомъ ей. Нѣтъ, я не этого, не хочу, не могу...

Онъ остановился и потеръ себѣ лицо и глаза руками.

— Ну вотъ,—продолжалъ онъ, видимо, сдѣлавъ усиліе надъ собой, чтобы говорить связно.—Я не знаю, съ какихъ поръ я люблю ее. Но я одну, только ее одну любилъ во всю мою жизнь и люблю такъ, что безъ нея не могу себѣ представить жизни. Просить руки ея теперь я не рѣшаюсь; но мысль о томъ, что, можетъ быть, она могла бы быть моею и что я упущу эту возможность... возможность... ужасна. Скажите, могу я надѣяться? Скажите, чтò мнѣ дѣлать? Милая княжна, — сказалъ онъ, помолчавъ немного и тронувъ ее за руку, такъ какъ она не отвѣчала.

— Я думаю о томъ, чтò вы мнѣ сказали, — отвѣчала

княжна Марья. — Вотъ что̀ я скажу вамъ. Вы правы, что теперь говорить ей о любви...—Княжна остановилась. Она хотѣла сказать: говорить ей о любви теперь невозможно; но она остановилась, потому что она третій день видѣла, по вдругъ перемѣнившейся Наташѣ, что не только Наташа не оскорбилась бы, если бы ей Пьеръ высказалъ свою любовь, но что она одного только этого и желала.

— Говорить ей теперь... нельзя,—все-таки сказала княжна Марья.

— Но что̀ же мнѣ дѣлать?

— Поручите это мнѣ,—сказала княжна Марья.—Я знаю...

Пьеръ смотрѣлъ въ глаза княжнѣ Марьѣ.

— Ну, ну...—говорилъ онъ.

— Я знаю, что она любитъ... полюбитъ васъ,—поправилась княжна Марья.

Не успѣла она сказать эти слова, какъ Пьеръ вскочилъ и съ испуганнымъ лицомъ схватилъ за руку княжну Марью.

— Отчего вы думаете! Вы думаете что я могу надѣяться? Вы думаете?!..

— Да, думаю,—улыбаясь сказала княжна Марья.—Напишите родителямъ. И поручите мнѣ. Я скажу ей, когда будетъ можно. Я желаю этого. И сердце мое чувствуетъ, что это будетъ.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть! Какъ я счастливъ! Но это не можетъ быть... Какъ я счастливъ! Нѣтъ, не можетъ быть!—говорилъ Пьеръ, цѣлуя руки княжны Марьи.

— Вы поѣзжайте въ Петербургъ; это лучше. А я напишу вамъ,—сказала она.

— Въ Петербургъ? ѣхать? Да, хорошо, ѣхать. Но завтра я могу пріѣхать къ вамъ?

На другой день Пьеръ пріѣхалъ проститься. Наташа была менѣе оживлена, чѣмъ въ прежніе дни; но въ этотъ день, иногда взглянувъ ей въ глаза, Пьеръ чувствовалъ, что онъ исчезаетъ, что ни его, ни ея нѣтъ больше, а есть одно чувство счастія. — Неужели? Нѣтъ не можетъ быть,—говорилъ онъ себѣ при каждомъ ея взглядѣ, жестѣ, словѣ, наполнявшихъ его душу радостью.

Когда онъ, прощаясь съ нею, взялъ ея тонкую, худую руку, онъ невольно нѣсколько дольше удержалъ ее въ своей.

„Неужели эта рука, это лицо, эти глаза, все это, чуждое мнѣ сокровище женской прелести, неужели это все будетъ вѣчно мое, привычное, такое же, какимъ я самъ для себя? Нѣтъ, это невозможно...

— Прощайте, графъ,—сказала она ему громко.—Я очень буду ждать васъ,—прибавила она шопотомъ.

И эти простыя слова, взглядъ и выраженіе лица, сопровождавшіе ихъ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ составляли предметъ неистощимыхъ воспоминаній, объясненій и счастливыхъ мечтаній Пьера. „Я очень буду ждать васъ". Да, да, какъ она сказала? Да „я очень буду ждать васъ". Ахъ, какъ я счастливъ!—Чтò жъ это такое, какъ я счастливъ!—говорилъ себѣ Пьеръ.

XX.

Въ душѣ Пьера теперь не происходило ничего подобнаго тому, чтò происходило въ ней въ подобныхъ же обстоятельствахъ во время его сватовства съ Эленъ.

Онъ не повторялъ, какъ тогда съ болѣзненнымъ стыдомъ, словъ, сказанныхъ имъ, не говорилъ себѣ: ахъ, зачѣмъ я не сказалъ этого, и зачѣмъ, зачѣмъ я сказалъ тогда „я васъ

люблю“. Теперь, напротивъ, каждое слово ея, свое, онъ повторялъ въ своемъ воображеніи со всѣми подробностями лица, улыбки, и ничего не хотѣлъ ни убавить, ни прибавить: хотѣлось только повторять. Сомнѣній въ томъ, хорошо ли или дурно то, что̀ онъ предпринялъ, теперь не было и тѣни. Одно только страшное сомнѣніе иногда приходило ему въ голову. Не во снѣ ли все это? Не ошиблась ли княжна Марья? Не слишкомъ ли я гордъ и самонадѣянъ? Я вѣрю; а вдругъ, что̀ и должно случиться, княжна Марья скажетъ ей; а она улыбнется и отвѣтитъ: „какъ странно! Онъ вѣрно ошибся. Развѣ онъ не знаетъ, что онъ человѣкъ, просто человѣкъ, а я?.. Я совсѣмъ другое, высшее“.

Только это сомнѣніе часто приходило Пьеру. Плановъ онъ тоже не дѣлалъ теперь никакихъ. Ему казалось такъ невѣроятно предстоящее счастіе, что стоило этому совершиться, и ужъ дальше ничего не могло быть. Все кончалось.

Радостное, неожиданное сумасшествіе, къ которому Пьеръ считалъ себя неспособнымъ, овладѣло имъ. Весь смыслъ жизни, не для него одного, но для всего міра, казался ему заключающимся только въ его любви и въ возможности ея любви къ нему. Иногда всѣ люди казались ему занятыми только однимъ, — его будущимъ счастіемъ. Ему казалось иногда, что всѣ они радуются такъ же, какъ и онъ самъ, и только стараются скрыть эту радость, притворяясь занятыми другими интересами. Въ каждомъ словѣ и движеніи онъ видѣлъ намеки на свое счастіе. Онъ часто удивлялъ людей, встрѣчавшихся съ нимъ, своими значительными, выражавшими тайное согласіе, счастливыми взглядами и улыбками. Но когда онъ понималъ, что люди могли не знать про его счастіе, онъ отъ всей души жалѣлъ ихъ и испытывалъ же-

На другой день Пьеръ прі- [illegible] что все то, чѣмъ они
[illegible]ѣе оживлена, чѣм[illegible] и пустяки, не стоящіе
[illegible] служить или когда обсуждали какія-то государственныя дѣла и войну, предполагая, что отъ такого или такого-то исхода событія зависитъ счастіе всѣхъ людей, онъ слушалъ съ кроткой соболѣзнующей улыбкой и удивлялъ говорившихъ съ нимъ людей своими странными замѣчаніями. Но какъ тѣ люди, которые казались Пьеру понимающими настоящій смыслъ жизни, т.-е. его чувство, такъ и тѣ несчастные, которые очевидно не понимали этого,—всѣ люди въ этотъ періодъ времени представлялись ему въ такомъ яркомъ свѣтѣ сіявшаго въ немъ чувства, что безъ малѣйшаго усилія, онъ сразу, встрѣчаясь съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, видѣлъ въ немъ все, что было хорошаго и достойнаго любви.

Разсматривая дѣла и бумаги своей покойной жены, онъ къ ея памяти не испытывалъ никакого чувства, кромѣ жалости въ томъ, что она не знала того счастія, которое онъ зналъ теперь. Князь Василій, особенно гордый теперь полученіемъ новаго мѣста и звѣзды, представлялся ему трогательнымъ, добрымъ и жалкимъ старикомъ.

Пьеръ часто потомъ вспоминалъ это время счастливаго безумія. Всѣ сужденія, которыя онъ составилъ себѣ о людяхъ и обстоятельствахъ за этотъ періодъ времени, остались для него навсегда вѣрными. Онъ не только не отрекался впослѣдствіи отъ этихъ взглядовъ на людей и вещи, но, напротивъ, во внутреннихъ сомнѣніяхъ и противорѣчіяхъ прибѣгалъ къ тому взгляду, который онъ имѣлъ въ это время безумія, и взглядъ этотъ всегда оказывался вѣренъ.

„Можетъ быть, — думалъ онъ, — я и казался тогда страненъ и смѣшонъ; но я тогда не былъ такъ безуменъ, какъ казалось. Напротивъ, я былъ тогда умнѣе и проницательнѣе, чѣмъ когда-либо, и понималъ все, что̀ сто̀итъ понимать въ жизни, потому-что... я былъ счастливъ“.

Безуміе Пьера состояло въ томъ, что онъ не дожидался, какъ прежде, личныхъ причинъ, которыя онъ называлъ достоинствами людей, для того, чтобы любить ихъ, а любовь переполняла его сердце, и онъ, безпричинно любя людей, находилъ несомнѣнныя причины, за которыя сто̀ило любить ихъ.

XXI.

Съ перваго того вечера, когда Наташа, послѣ отъѣзда Пьера, съ радостно-насмѣшливой улыбкой, сказала княжнѣ Марьѣ, что онъ точно, ну точно изъ бани, и сюртучокъ, и стриженый, съ этой минуты что-то скрытое и самой ей неизвѣстное, но непреодолимое, проснулось въ душѣ Наташи.

Все: лицо, походка, взглядъ, голосъ, — все вдругъ измѣнилось въ ней. Неожиданныя для нея самой, — сила жизни, надежды на счастіе всплыли наружу и требовали удовлетворенія. Съ перваго вечера Наташа какъ будто забыла все то, что̀ съ ней было. Она съ тѣхъ поръ ни разу не пожаловалась на свое положеніе, ни одного слова не сказала о прошедшемъ и не боялась уже дѣлать веселые планы на будущее. Она мало говорила о Пьерѣ, но когда княжна Марья упоминала о немъ, давно потухшій блескъ зажигался въ ея глазахъ, и губы морщились странной улыбкой.

Перемѣна, происшедшая въ Наташѣ, сначала удивила княжну Марью; но когда она поняла ея значеніе, то пере-

мѣна эта огорчила ее. „Неужели она такъ мало любила брата, что такъ скоро могла забыть его,—думала княжна Марья, когда она одна обдумывала происшедшую перемѣну. Но когда она была съ Наташей, то не сердилась на нее и не упрекала ей. Проснувшаяся сила жизни, охватившая Наташу, была очевидно такъ неудержима, такъ неожиданна для нея самой, что княжна Марья въ присутствіи Наташи чувствовала, что она не имѣла права упрекать ей даже въ душѣ своей.

Наташа съ такой полнотой и искренностью вся отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело.

Когда, послѣ ночнаго объясненія съ Пьеромъ, княжна Марья вернулась въ свою комнату, Наташа встрѣтила ее на порогѣ.

— Онъ сказалъ? Да? Онъ сказалъ?—повторила она. И радостное и вмѣстѣ жалкое, просящее прощенія за свою радость, выраженіе остановилось на лицѣ Наташи.

— Я хотѣла слушать у двери; но я знала, что ты скажешь мнѣ.

Какъ ни понятенъ, какъ ни трогателенъ былъ для княжны Марьи тотъ взглядъ, которымъ смотрѣла на нее Наташа, какъ ни жалко ей было видѣть ея волненіе, но слова Наташи въ первую минуту оскорбили княжну Марью. Она вспомнила о братѣ, о его любви.

„Но что же дѣлать! она не можетъ иначе, — подумала княжна Марья; и съ грустнымъ и нѣсколько строгимъ лицомъ передала она Наташѣ все, что сказалъ ей Пьеръ. Услыхавъ, что онъ собирается въ Петербургъ, Наташа изумилась.—Въ Петербургъ! — повторила она, какъ бы не по-

нимая. Но вглядѣвшись въ грустное выраженіе лица княжны Марьи, она догадалась о причинѣ ея грусти и вдругъ заплакала.—Мари,—сказала она,—научи, что̀ мнѣ дѣлать: я боюсь быть дурной. Что̀ ты скажешь, то я и буду дѣлать; научи меня...

— Ты любишь его?

— Да,—прошептала Наташа.

— О чемъ же ты плачешь? Я счастлива за тебя, — сказала княжна Марья, за эти слезы простивъ уже совершенно радость Наташи.

— Это будетъ не скоро, когда-нибудь. Ты подумай, какое счастіе, когда я буду его женой, а ты выйдешь за Nicolas.

— Наташа, я тебя просила не говорить объ этомъ. Будемъ говорить о тебѣ.

Онѣ помолчали.

— Только для чего же въ Петербургъ?—вдругъ сказала Наташа, и сама же поспѣшно отвѣтила себѣ.—Нѣтъ, нѣтъ, это такъ надо... Да, Мари? Такъ надо...

ЭПИЛОГЪ

ЭПИЛОГЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Прошло семь лѣтъ. Взволнованное историческое море Европы улеглось въ свои берегà. Оно казалось затихшимъ; но таинственныя силы, двигающія человѣчество (таинственныя потому, что законы, опредѣляющіе ихъ движеніе, неизвѣстны намъ), продолжали свое дѣйствіе.

Несмотря на то, что поверхность историческаго моря казалась неподвижною, такъ же непрерывно, какъ движеніе времени, двигалось человѣчество. Слагались, разлагались различныя группы людскихъ сцѣпленій; подготовлялись причины образованія и разложенія государствъ, перемѣщеній народовъ.

Историческое море, не какъ прежде, направлялось порывами отъ одного берега къ другому,—оно бурлило въ глубинѣ. Историческія лица, не какъ прежде, носились волнами отъ одного бéрега къ другому,—теперь они, казалось, кружились на одномъ мѣстѣ. Историческія лица, прежде во главѣ войскъ отражавшія движенія массъ приказаніями войнъ,

походовъ, сраженій, теперь отражали это движеніе политическими и дипломатическими соображеніями, законами, трактатами.

Эту дѣятельность историческихъ лицъ историки называютъ реакціей.

Описывая дѣятельность этихъ историческихъ лицъ, бывшихъ, по ихъ мнѣнію, причиною того, что они называютъ *реакціей*, историки строго осуждаютъ ихъ. Всѣ извѣстные люди того времени, отъ Александра и Наполеона до M-me Staël, Фотія, Шеллинга, Фихте, Шатобріана и проч., проходятъ передъ ихъ строгимъ судомъ и оправдываются или осуждаются, смотря по тому, содѣйствовали ли они *прогрессу* или *реакціи*.

Въ Россіи, по ихъ описанію, въ этотъ періодъ времени тоже происходила реакція, и главнымъ виновникомъ этой реакціи былъ Александръ I, — тотъ самый Александръ I, который, по ихъ же описаніямъ, былъ главнымъ виновникомъ либеральныхъ начинаній своего царствованія и спасенія Россіи.

Въ настоящей русской литературѣ отъ гимназиста до ученаго историка нѣтъ человѣка, который бы не бросилъ своего камушка въ Александра за неправильные поступки его въ этотъ періодъ царствованія.

„Онъ долженъ былъ поступить такъ-то и такъ-то. Въ такомъ случаѣ онъ поступилъ хорошо, въ такомъ дурно. Онъ прекрасно велъ себя въ началѣ царствованія и во время 12-го года; но онъ поступилъ дурно, давъ конституцію Польшѣ, сдѣлавъ священный союзъ, давъ власть Аракчееву, поощряя Голицына и мистицизмъ, потомъ поощряя Шишкова и Фотія. Онъ сдѣлалъ дурно, занимаясь фронтовой

частью арміи; онъ поступилъ дурно, раскассировавъ Семеновскій полкъ, и т. д.“

Надо бы исписать десять листовъ для того, чтобы перечислить всѣ тѣ упреки, которые дѣлаютъ ему историки на основаніи того знанія блага человѣчества, которымъ они обладаютъ.

Что значатъ эти упреки?

Тѣ самые поступки, за которые историки одобряютъ Александра I, — какъ-то: либеральныя начинанія царствованія, борьба съ Наполеономъ, твердость, выказанная имъ въ 12-мъ году, и походъ 13-го года, не вытекаютъ ли изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, — условій крови, воспитанія, жизни, сдѣлавшихъ личность Александра тѣмъ, чѣмъ она была, — изъ которыхъ вытекаютъ и тѣ поступки, за которые историки порицаютъ его, какъ-то: священный союзъ, возстановленіе Польши, реакція 20-хъ годовъ.

Въ чемъ же состоитъ сущность этихъ упрековъ?

Въ томъ, что такое историческое лицо, какъ Александръ I, лицо, стоявшее на высшей возможной ступени человѣческой власти, какъ бы въ фокусѣ ослѣпляющаго свѣта всѣхъ сосредоточивающихся на немъ историческихъ лучей; лицо, подлежавшее тѣмъ сильнѣйшимъ въ мірѣ вліяніямъ интригъ, обмановъ, лести, самообольщенія, которыя неразлучны съ властью; лицо, чувствовавшее на себѣ всякую минуту своей жизни отвѣтственность за все совершавшееся въ Европѣ, и лицо не выдуманное, а живое, какъ и каждый человѣкъ, съ своими личными привычками, страстями, стремленіями къ добру, красотѣ, истинѣ, — что это лицо, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не то что не было добродѣтельно (за это историки не упрекаютъ), а не имѣло тѣхъ воззрѣній на благо человѣ-

чества, которыя имѣетъ теперь профессоръ, смолоду занимающійся наукой, т.-е. читаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лекцій въ одну тетрадку.

Но если даже предположить, что Александръ I, 50 лѣтъ тому назадъ, ошибался въ своемъ воззрѣніи на то, чтò есть благо народовъ, невольно должно предположить, что и историкъ, судящій Александра, точно такъ же по прошествіи нѣкотораго времени окажется несправедливымъ въ своемъ воззрѣніи на то, чтò есть благо человѣчества. Предположеніе это тѣмъ болѣе естественно и необходимо, что, слѣдя за развитіемъ исторіи, мы видимъ, что съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ писателемъ измѣняется воззрѣніе на то, чтò есть благо человѣчества; такъ что то, чтò казалось благомъ, чрезъ 10 лѣтъ представляется зломъ, и наоборотъ. Мало того, одновременно мы находимъ въ исторіи совершенно противоположные взгляды на то, что было зло и что было благо: одни данную Польшѣ конституцію и священный союзъ ставятъ въ заслугу, другіе въ укоръ Александру.

Про дѣятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можемъ сказать, для чего она полезна и для чего вредна. Если дѣятельность эта кому-нибудь не нравится, то она не нравится ему только вслѣдствіе несовпаденія ея съ ограниченнымъ пониманіемъ его о томъ, чтò есть благо. Представляется ли мнѣ благомъ сохраненіе въ 12-мъ году дома моего отца въ Москвѣ, или слава русскихъ войскъ, или процвѣтаніе петербургскаго или другихъ университетовъ, или свобода Польши, или могущество Россіи, или равновѣсіе Европы, или извѣстнаго рода европейское просвѣщеніе — прогрессъ,

я долженъ признать, что дѣятельность всякаго историческаго лица имѣла, кромѣ этихъ цѣлой, еще другія, болѣе общія и недоступныя мнѣ цѣли.

Но положимъ, что такъ-называемая наука имѣетъ возможность примирить всѣ противорѣчія и имѣетъ для историческихъ лицъ и событій неизмѣнное мѣрило хорошаго и дурного.

Положимъ, что Александръ могъ сдѣлать все иначе. Положимъ, что онъ могъ, по предписанію тѣхъ, которые обвиняютъ его, тѣхъ, которые профессируютъ знаніе конечной цѣли движенія человѣчества, распорядиться по той программѣ народности, свободы, равенства и прогресса (другой, кажется, нѣтъ), которую бы ему дали теперешніе обвинители. Положимъ, что эта программа была бы возможна и составлена, и что Александръ дѣйствовалъ бы по ней. Что же сталось бы тогда съ дѣятельностью всѣхъ тѣхъ людей, которые противодѣйствовали тогдашнему направленію правительства,—съ дѣятельностью, которая, по мнѣнію историковъ, хороша и полезна? Дѣятельности бы этой не было; жизни бы не было; ничего бы не было.

Если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни.

II.

Если допустить, какъ то дѣлаютъ историки, что великіе люди ведутъ человѣчество къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, состоящихъ или въ величіи Россіи или Франціи, или въ равновѣсіи Европы, или въ разнесеніи идей революціи, или въ общемъ прогрессѣ, или въ чемъ бы то ни было, то невоз-

можно объяснить явленій исторіи безъ понятій о *случаѣ* и о *геніи*.

Если цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ и безъ нашествія. Если цѣль—величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи и безъ имперіи. Если цѣль—распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это гораздо лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль—прогрессъ цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи.

Почему же это случилось такъ, а не иначе?

Потому что это такъ случилось. „*Случай* сдѣлалъ положеніе; *геній* воспользовался имъ", говоритъ исторія.

Но что̀ такое *случай?* Что̀ такое *геній?*

Слова *случай* и *геній* не обозначаютъ ничего дѣйствительно существующаго, и потому не могутъ быть опредѣлены. Слова эти только обозначаютъ извѣстную степень пониманія явленій. Я не знаю, почему происходитъ такое-то явленіе; думаю, что не могу знать: потому не хочу знать и говорю: *случай*. Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе; не понимаю, почему это происходитъ и говорю: *геній*.

Для стада барановъ тотъ баранъ, который каждый вечеръ отгоняется овчаромъ въ особый денникъ къ корму и становится вдвое толще другихъ, долженъ казаться геніемъ. И то обстоятельство, что каждый вечеръ именно этотъ самый баранъ попадаетъ не въ общую овчарню, а въ особый денникъ къ овсу, и что этотъ, именно этотъ самый баранъ,

облитый жиромъ, убивается на мясо, должно представляться поразительнымъ соединеніемъ геніальности съ цѣлымъ рядомъ необычайныхъ случайностей.

Но баранамъ стоитъ только перестать думать, что все, что дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей; стоитъ допустить, что происходящія съ ними событія могутъ имѣть и непонятныя для нихъ цѣли, и они тотчасъ же увидятъ единство, послѣдовательность въ томъ, что происходитъ съ откармливаемымъ бараномъ. Ежели они и не будутъ знать, для какой цѣли онъ откармливался, то по крайней мѣрѣ они будутъ знать, что все случившееся съ бараномъ, случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды ни въ понятіи *случая*, ни въ понятіи *генія*.

Только отрѣшившись отъ знанія близкой понятной цѣли и признавъ, что конечная цѣль намъ недоступна, мы увидимъ цѣлесообразность въ жизни историческихъ лицъ; намъ откроется причина того несоразмѣрнаго съ общечеловѣческими свойствами дѣйствія, которое они производятъ, и не нужны будутъ намъ слова *случай* и *геній*.

Стоитъ только признать, что цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна, а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ, сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, и что движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій, и намъ не только не нужно будетъ видѣть исключительность и *геніальность* въ характерахъ Наполеона и Александра, но нельзя будетъ представить себѣ эти лица иначе, какъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные; и не только не нужно будетъ объяснять *случайностью* тѣхъ мелкихъ событій, которыя

сдѣлали этихъ людей тѣмъ, чѣмъ они были, но будетъ ясно, что всѣ эти мелкія событія были необходимы.

Отрѣшившись отъ знанія конечной цѣли, мы ясно поймемъ, что точно такъ же, какъ ни къ одному растенію нельзя придумать другихъ, болѣе соотвѣтственныхъ ему, цвѣта и сѣмени, чѣмъ тѣ, которые оно производитъ, точно такъ же невозможно придумать другихъ двухъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить.

III.

Основный, существенный смыслъ европейскихъ событій начала нынѣшняго столѣтія есть воинственное движеніе массъ европейскихъ народовъ съ запада на востокъ и потомъ съ востока на западъ. Первымъ зачинщикомъ этого движенія было движеніе съ запада на востокъ. Для того, чтобы народы запада могли совершить то воинственное движеніе до Москвы, которое они совершили, необходимо было: 1) чтобы они сложились въ воинственную группу такой величины, которая была бы въ состояніи вынести столкновеніе съ воинственной группой востока, 2) чтобы они отрѣшились отъ всѣхъ установившихся преданій и привычекъ и 3) чтобы, совершая свое воинственное движеніе, они имѣли во главѣ своей человѣка, который, и для себя и для нихъ, могъ бы оправдывать имѣющія совершиться обманы, грабежи и убійства, которыя сопутствовали этому движенію.

И, начиная съ французской революціи, разрушается старая, недостаточно великая группа; уничтожаются старыя привычки и преданія; вырабатываются, шагъ за шагомъ,

группа новыхъ размѣровъ, новыя привычки и преданія, и приготовляется тотъ человѣкъ, который долженъ стоять во главѣ будущаго движенія и нести на себѣ всю отвѣтственность имѣющаго совершиться.

Человѣкъ безъ убѣжденій, безъ привычекъ, безъ преданій, безъ имени, даже не французъ, самыми, кажется, странными случайностями, продвигается между всѣми волнующими Францію партіями и, не приставая ни къ одной изъ нихъ, выносится на замѣтное мѣсто.

Невѣжество сотоварищей, слабость и ничтожество противниковъ, искренность лжи и блестящая самоувѣренная ограниченность этого человѣка выдвигаютъ его во главу арміи. Блестящій составъ солдатъ итальянской арміи, нежеланіе драться противниковъ, ребяческая дерзость и самоувѣренность пріобрѣтаютъ ему военную славу. Безчисленное количество такъ называемыхъ случайностей сопутствуетъ ему вездѣ. Немилость, въ которую онъ впадаетъ у правителей французовъ, служитъ ему въ пользу. Попытки его измѣнить предназначенный ему путь не удаются: его не принимаютъ на службу въ Россію, и не удается ему опредѣленіе въ Турцію. Во время войнъ въ Италіи онъ нѣсколько разъ находится на краю гибели и всякій разъ спасается неожиданнымъ образомъ. Русскія войска, тѣ самыя, которыя могутъ разрушить его славу, по разнымъ дипломатическимъ соображеніямъ, не вступаютъ въ Европу до тѣхъ поръ, пока онъ тамъ.

По возвращеніи изъ Италіи онъ находитъ правительство въ Парижѣ въ томъ процессѣ разложенія, въ которомъ люди, попадающіе въ это правительство, неизбѣжно стираются и уничтожаются. И самъ собой для него является выходъ изъ этого опаснаго положенія, состоящій въ безсмысленной, без-

причинной экспедиціи въ Африку. Опять тѣ же такъ называемыя случайности сопутствуютъ ему. Неприступная Мальта сдается безъ выстрѣла; самыя неосторожныя распоряженія увѣнчиваются успѣхомъ. Непріятельскій флотъ, который не пропуститъ послѣ ни одной лодки, пропускаетъ цѣлую армію. Въ Африкѣ надъ безоружными почти жителями совершается цѣлый рядъ злодѣяній. И люди, совершающіе злодѣянія эти, и въ особенности ихъ руководитель, увѣряютъ себя, что это прекрасно, что это слава, что это похоже на-Кесаря и Александра Македонскаго, и что это хорошо.

Тотъ идеалъ *славы* и *величія*, состоящій въ томъ, чтобы не только ничего не считать для себя дурнымъ, но гордиться всякимъ своимъ преступленіемъ, приписывая ему непонятное сверхъестественное значеніе, — этотъ идеалъ, долженствующій руководить этимъ человѣкомъ и связанными съ нимъ людьми, на просторѣ вырабатывается въ Африкѣ. Все, что онъ ни дѣлаетъ, удается ему. Чума не пристаетъ къ нему. Жестокость убійства плѣнныхъ не ставится ему въ вину. Ребячески неосторожный, безпричинный и неблагородный отъѣздъ его изъ Африки, отъ товарищей въ бѣдѣ, ставится ему въ заслугу, и опять непріятельскій флотъ два раза упускаетъ его. Въ то время какъ онъ, уже совершенно одурманеный совершонными имъ счастливыми преступленіями, готовый для своей роли, безъ всякой цѣли пріѣзжаетъ въ Парижъ, то разложеніе республиканскаго правительства, которое могло погубить его годъ тому назадъ, теперь дошло до крайней степени, и присутствіе его, свѣжаго отъ партій человѣка, теперь только можетъ возвысить его.

Онъ не имѣетъ никакого плана; онъ всего боится; но партіи ухватываются за него и требуютъ его участія.

Онъ одинъ, съ своимъ выработаннымъ въ Италіи и Египтѣ идеаломъ славы и величія, съ своимъ безуміемъ самообожанія, съ своей дерзостью преступленій, съ своей искренностью лжи,—онъ одинъ можетъ оправдать то, что̀ имѣетъ совершиться.

Онъ нуженъ для того мѣста, которое ожидаетъ его, и потому, почти независимо отъ его воли и несмотря на его нерѣшительность, на отсутствіе плана, на всѣ ошибки, которыя онъ дѣлаетъ, онъ втягивается въ заговоръ, имѣющій цѣлью овладѣніе властью, и заговоръ увѣнчивается успѣхомъ.

Его вталкиваютъ въ засѣданіе правителей. Испуганный, онъ хочетъ бѣжать, считая себя погибшимъ; притворяется, что падаетъ въ обморокъ; говоритъ безсмысленныя вещи, которыя должны бы погубить его. Но правители Франціи, прежде смѣтливые и гордые, теперь, чувствуя, что роль ихъ сыграна, смущены еще болѣе чѣмъ онъ, говорятъ не тѣ слова, которыя имъ нужно бы было говорить, для того чтобы удержать власть и погубить его.

Случайность, милліоны *случайностей* даютъ ему власть, и всѣ люди, какъ бы сговорившись, содѣйствуютъ утвержденію этой власти. *Случайности* дѣлаютъ характеры тогдашнихъ правителей Франціи подчиняющимися ему; *случайности* дѣлаютъ характеръ Павла I, признающаго его власть; *случайность* дѣлаетъ противъ него заговоръ, не только не вредящій ему, но утверждающій его власть. *Случайность* посылаетъ ему въ руки Энгіенскаго и нечаянно заставляетъ его убить, тѣмъ самымъ, сильнѣе всѣхъ другихъ средствъ, убѣждая толпу, что онъ имѣетъ право, такъ какъ онъ имѣетъ силу. *Случайность* дѣлаетъ то, что онъ напрягаетъ всѣ силы на экспедицію въ Англію, которая очевидно погубила бы

его, и никогда не исполняетъ этого намѣренія, а нечаянно нападаетъ на Мака съ австрійцами, которые сдаются безъ сраженія. *Случайность* и *геніальность* даютъ ему побѣду подъ Аустерлицомъ, и *случайно* всѣ люди, не только французы, но и вся Европа, за исключеніемъ Англіи, которая и не приметъ участія въ имѣющихъ совершиться событіяхъ, всѣ люди, несмотря на прежній ужасъ и отвращеніе къ его преступленіямъ, теперь признаютъ за нимъ его власть, названіе, которое онъ себѣ далъ, и его идеалъ величія и славы, который кажется всѣмъ чѣмъ-то прекраснымъ и разумнымъ.

Какъ бы примѣриваясь и приготовляясь къ предстоящему движенію, силы запада нѣсколько разъ въ 1805, 6, 7, 9-мъ годахъ стремятся на востокъ, крѣпчая и наростая. Въ 1811 году группа людей, сложившаяся во Франціи, сливается въ одну огромную группу съ серединными народами. Вмѣстѣ съ увеличивающейся группой людей дальше развивается сила оправданія человѣка, стоящаго во главѣ движенія. Въ десятилѣтній приготовительный періодъ времени, предшествующій большому движенію, человѣкъ этотъ сводится со всѣми коронованными лицами Европы. Разоблаченные владыки міра не могутъ противопоставить Наполеоновскому идеалу *славы и величія*, не имѣющаго смысла, никакого разумнаго идеала. Одинъ передъ другимъ они стремятся показать ему свое ничтожество. Король прусскій посылаетъ свою жену заискивать милости великаго человѣка; императоръ Австріи считаетъ за милость то, что человѣкъ этотъ принимаетъ въ свое ложе дочь кесарей; папа, блюститель святыни народовъ, служитъ своей религіей возвышенію великаго человѣка. Не столько самъ Наполеонъ приготовляетъ себя для исполненія своей роли, сколько все окружающее готовитъ его къ при-

нятію на себя всей отвѣтственности того, что совершается и имѣетъ совершиться. Нѣтъ поступка, нѣтъ злодѣянія или мелочнаго обмана, который бы онъ совершилъ и который тотчасъ же въ устахъ его окружающихъ не отразился бы въ формѣ великаго дѣянія. Лучшій праздникъ, который могутъ придумать для него германцы, это празднованіе Іены и Ауерштета. Не только онъ великъ, но велики его предки, его братья, его пасынки, зятья. Все совершается для того, чтобы лишить его послѣдней силы разума и приготовить къ его страшной роли. И когда онъ готовъ, готовы и силы.

Нашествіе стремится на востокъ, достигаетъ конечной цѣли — Москвы. Столица взята; русское войско болѣе уничтожено, чѣмъ когда-нибудь были уничтожены непріятельскія войска въ прежнихъ войнахъ отъ Аустерлица до Ваграма. Но вдругъ вмѣсто тѣхъ *случайностей* и *геніальности*, которыя такъ послѣдовательно вели его до сихъ поръ непрерывнымъ рядомъ успѣховъ къ предназначенной цѣли, является безчисленное количество обратныхъ *случайностей*: отъ насморка въ Бородинѣ до морозовъ и искры, зажегшей Москву; и вмѣсто *геніальности* являются глупость и подлость, не имѣющія примѣровъ.

Нашествіе бѣжитъ, возвращается назадъ, опять бѣжитъ, и всѣ случайности постоянно теперь уже не за, а противъ него.

Совершается противодвиженіе съ востока на западъ съ замѣчательнымъ сходствомъ съ предшествовавшимъ движеніемъ съ запада на востокъ. Тѣ же попытки движенія съ востока на западъ какъ въ 1805—1807—1809-мъ годахъ предшествуютъ большому движенію; то же сцѣпленіе въ группу огромныхъ размѣровъ; то же приставаніе серединныхъ на-

родовъ къ движенію; то же колебаніе въ серединѣ пути и та же быстрота, по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

Парижъ,—крайняя цѣль достигнута. Наполеоновское правительство и войска разрушены. Самъ Наполеонъ не имѣетъ больше смысла; всѣ дѣйствія его очевидно жалки и гадки; но опять совершается необъяснимая случайность: союзники ненавидятъ Наполеона, въ которомъ они видятъ причину своихъ бѣдствій; лишенный силы и власти, изобличенный въ злодѣйствахъ и коварствахъ, онъ бы долженъ былъ представляться имъ такимъ, какимъ онъ представлялся имъ десять лѣтъ тому назадъ и годъ послѣ, — разбойникомъ внѣ закона. Но, по какой-то странной случайности, никто не видитъ этого. Роль его еще не кончена. Человѣка, котораго, десять лѣтъ тому назадъ и годъ послѣ, считали разбойникомъ внѣ закона, посылаютъ, въ два дня переѣзда отъ Франціи, на островъ, отдаваемый ему во владѣніе съ гвардіей и милліонами, которые платятъ ему за что-то.

IV.

Движеніе народовъ начинаетъ укладываться въ свои берега. Волны большого движенія отхлынули, и на затихшемъ морѣ образуются круги, по которымъ носятся дипломаты, воображая, что именно они производятъ затишье движенія.

Но затихшее море вдругъ поднимается. Дипломатамъ кажется, что они, ихъ несогласія причиной этого новаго напора силъ; они ждутъ войны между своими государями; положеніе имъ кажется неразрѣшимымъ. Но волна, подъемъ которой они чувствуютъ, несется не оттуда, откуда они ждутъ ея. Поднимается та же волна, съ той же исходной точки движенія — Парижа. Совершается послѣдній отплескъ

движенія съ запада, — отплескъ, который долженъ разрѣшить, кажущіяся неразрѣшимыми, дипломатическія затрудненія и положить конецъ воинственному движенію этого періода.

Человѣкъ, опустошившій Францію, одинъ, безъ заговора, безъ солдатъ, приходитъ во Францію. Каждый сторожъ можетъ взять его; но, по странной случайности, никто не только не беретъ, но всѣ съ восторгомъ встрѣчаютъ того человѣка, котораго проклинали день тому назадъ и будутъ проклинать черезъ мѣсяцъ.

Человѣкъ этотъ нуженъ еще для оправданія послѣдняго совокупнаго дѣйствія.

Дѣйствіе совершено.

Послѣдняя роль сыграна. Актеру велѣно раздѣться и смыть сурьму и румяны: онъ больше не понадобится.

И проходятъ нѣсколько лѣтъ въ томъ, что этотъ человѣкъ, въ одиночествѣ на своемъ островѣ, играетъ самъ передъ собою жалкую комедію, интригуетъ и лжетъ, оправдывая свои дѣянія, когда оправданіе это уже не нужно, и показываетъ всему міру, что̀ такое было то, что̀ люди принимали за силу, когда невидимая рука водила имъ.

Распорядитель, окончивъ драму и раздѣвъ актера, показалъ его намъ.

— Смотрите, чему вы вѣрили! Вотъ онъ! Видите ли вы теперь, что не онъ, а я двигалъ васъ?

Но, ослѣпленные силой движенія, люди долго не понимали этого.

Еще бо̀льшую послѣдовательность и необходимость представляетъ жизнь Александра I, того лица, которое стояло во главѣ противодвиженія съ востока на западъ.

Что̀ нужно для того человѣка, который бы, заслоняя другихъ, стоялъ во главѣ этого движенія съ востока на западъ?

Нужно чувство справедливости, участіе къ дѣламъ Европы, но отдаленное, не затемненное мелочными интересами; нужно преобладаніе высоты нравственной надъ сотоварищами — государями того времени; нужна кроткая и привлекательная личность; нужно личное оскорбленіе противъ Наполеона. И все это есть въ Александрѣ I; все это подготовлено безчисленными такъ называемыми *случайностями* всей его прошедшей жизни: и воспитаніемъ, и либеральными начинаніями, и окружающими совѣтниками, и Аустерлицемъ, и Тильзитомъ и Эрфуртомъ.

Во время народной войны лицо это бездѣйствуетъ, такъ какъ оно не нужно. Но какъ скоро является необходимость общей европейской войны, лицо это въ данный моментъ является на свое мѣсто, и соединяя европейскіе народы, ведетъ ихъ къ цѣли.

Цѣль достигнута. Послѣ послѣдней войны 1815 года Александръ находится на вершинѣ возможной человѣческой власти. Какъ же онъ употребляетъ ее?

Александръ I, умиротворитель Европы, человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ стремившійся только къ благу своихъ народовъ, первый зачинщикъ либеральныхъ нововведеній въ своемъ отечествѣ, теперь, когда, кажется, онъ владѣетъ наибольшей властью, и потому возможностью сдѣлать благо своихъ народовъ, въ то время какъ Наполеонъ въ изгнаніи дѣлаетъ дѣтскіе и лживые планы о томъ, какъ бы онъ осчастливилъ человѣчество, если бы имѣлъ власть, Александръ I, исполнивъ свое призваніе и почуявъ на себѣ руку Божію, вдругъ

признаетъ ничтожность этой мнимой власти, отворачивается отъ нея, передаетъ ее въ руки презираемыхъ имъ и презрѣнныхъ людей, и говоритъ только:

— Не намъ, не намъ, а имени Твоему! Я человѣкъ тоже, какъ и вы; оставьте меня жить, какъ человѣка, и думать о своей душѣ и о Богѣ.

Какъ солнце и каждый атомъ эѳира есть шаръ, законченный въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго человѣку по огромности цѣлаго, такъ и каждая личность носитъ въ самой себѣ свои цѣли и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы служить недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ.

Пчела, сидѣвшая на цвѣткѣ, ужалила ребенка. И ребенокъ боится пчелъ, говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ въ томъ, чтобы жалить людей. Поэтъ любуется пчелой, впивающейся въ чашечку цвѣтка, и говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ во впиваніи въ себя аромата цвѣтовъ. Пчеловодъ, замѣчая, что пчела собираетъ цвѣточную пыль и приноситъ ее въ улей, говоритъ, что цѣль пчелы состоитъ въ собираніи меда. Другой пчеловодъ, ближе изучивъ жизнь роя, говоритъ, что пчела собираетъ пыль для выкармливанія молодыхъ пчелъ и выведенія матки, что цѣль ея состоитъ въ продолженіи рода. Ботаникъ замѣчаетъ, что, перелетая съ пылью двудомнаго цвѣтка на пестикъ, пчела оплодотворяетъ его, и ботаникъ въ этомъ видитъ цѣль пчелы. Другой, наблюдая переселеніе растеній, видитъ, что пчела содѣйствуетъ этому переселенію, этотъ новый наблюдатель можетъ сказать, что въ этомъ состоитъ цѣль пчелы. Но конечная цѣль пчелы не исчерпывается ни тою, ни другою, ни третьею цѣлью, которыя въ состояніи открыть умъ человѣческій. Чѣмъ выше поднимается

умъ человѣческій въ открытіи этихъ цѣлей, тѣмъ очевиднѣе для него недоступность конечной цѣли.

Человѣку доступно только наблюденіе надъ соотвѣтственностью жизни пчелы съ другими явленіями жизни. То же съ цѣлями историческихъ лицъ и народовъ.

V.

Свадьба Наташи, вышедшей въ 13-мъ году за Безухаго, было послѣднее радостное событіе въ старой семьѣ Ростовыхъ. Въ тотъ же годъ графъ Илья Андреевичъ умеръ и, какъ это всегда бываетъ, со смертью его распалась прежняя семья.

Событія послѣдняго года: пожаръ Москвы и бѣгство изъ нея, смерть князя Андрея и отчаяніе Наташи, смерть Пети, горе графини,—все это, какъ ударъ за ударомъ, падало на голову стараго графа. Онъ, казалось, не понималъ и чувствовалъ себя не въ силахъ понять значеніе всѣхъ этихъ событій и, нравственно согнувъ свою старую голову, какъ будто ожидалъ и просилъ новыхъ ударовъ, которые бы его покончили. Онъ казался то испуганнымъ и растеряннымъ, то неестественно оживленнымъ и предпріимчивымъ.

Свадьба Наташи на время заняла его своей внѣшней стороной. Онъ заказывалъ обѣды, ужины и, видимо, хотѣлъ казаться веселымъ; но веселье его не сообщалось какъ прежде, а, напротивъ, возбуждало состраданіе въ людяхъ, знавшихъ и любившихъ его.

Послѣ отъѣзда Пьера съ женой онъ затихъ и сталъ жаловаться на тоску. Черезъ нѣсколько дней онъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Съ первыхъ дней его болѣзни, несмотря на утѣшенія докторовъ, онъ понялъ, что ему не вставать. Графиня, не раздѣваясь, двѣ недѣли провела въ креслѣ у его

изголовья. Всякій разъ, какъ она давала ему лѣкарство, онъ всхлипывая, молча, цѣловалъ ея руку. Въ послѣдній день онъ, рыдая, просилъ прощенія у жены и заочно у сына за разореніе имѣнія — главную вину, которую онъ за собой чувствовалъ. Причастившись и особоровавшись, онъ тихо умеръ, и на другой день толпа знакомыхъ, пріѣхавшихъ отдать послѣдній долгъ покойнику, наполняла наемную квартиру Ростовыхъ. Всѣ эти знакомые, столько разъ обѣдавшіе и танцовавшіе у него, столько разъ смѣявшіеся надъ нимъ, теперь всѣ съ одинаковымъ чувствомъ внутренняго упрека и умиленія, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, говорили: „да, тамъ какъ бы то ни было, а прекраснѣйшій былъ человѣкъ. Такихъ людей нынче уже не встрѣтишь... А у кого же нѣтъ своихъ слабостей?...“

Именно въ то время, когда дѣла графа такъ запутались, что нельзя было себѣ представить, чѣмъ это все кончится, если продолжится еще годъ, онъ неожиданно умеръ.

Николай былъ съ русскими войсками въ Парижѣ, когда къ нему пришло извѣстіе о смерти отца. Онъ тотчасъ же подалъ въ отставку, и, не дожидаясь ея, взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву. Положеніе денежныхъ дѣлъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти графа совершенно обозначилось, удививъ всѣхъ громадностью суммы разныхъ мелкихъ долговъ, существованія которыхъ никто и не подозрѣвалъ. Долговъ было вдвое больше, чѣмъ имѣнія.

Родные и друзья совѣтовали Николаю отказаться отъ наслѣдства. Но Николай въ отказѣ отъ наслѣдства видѣлъ выраженіе укора священной для него памяти отца и потому не хотѣлъ слышать объ отказѣ и принялъ наслѣдство съ обязательствомъ уплаты долговъ.

Кредиторы, такъ долго молчавшіе, будучи связаны при жизни графа тѣмъ неопредѣленнымъ, но могучимъ вліяніемъ, которое имѣла на нихъ его распущенная доброта, вдругъ всѣ подали ко взысканію. Явилось, какъ это всегда бываетъ, соревнованіе—кто прежде получитъ,—и тѣ самые люди, которые, какъ Митенька и др., имѣли безденежные векселя—подарки, явились теперь самыми требовательными кредиторами. Николаю не давали ни срока, ни отдыха, и тѣ, которые, повидимому, жалѣли старика, бывшаго виновникомъ ихъ потери (если были потери), теперь безжалостно накинулись на очевидно невиновнаго передъ ними молодого наслѣдника, добровольно взявшаго на себя уплату.

Ни одинъ изъ предполагаемыхъ Николаемъ оборотовъ не удался; имѣніе съ молотка было продано за полцѣны, а половина долговъ оставалась все-таки не уплаченною. Николай взялъ предложенные ему зятемъ Безухимъ 30.000 для уплаты той части долговъ, которые онъ признавалъ за денежные, настоящіе долги. А чтобы за остававшіеся долги не быть посаженнымъ въ яму, чѣмъ ему угрожали кредиторы, онъ снова поступилъ на службу.

Ѣхать въ армію, гдѣ онъ былъ на первой вакансіи полкового командира, нельзя было потому, что мать теперь держалась за сына, какъ за послѣднюю приманку жизни; и потому, несмотря на нежеланіе оставаться въ Москвѣ въ кругу людей, знавшихъ его прежде, несмотря на свое отвращеніе къ статской службѣ, онъ взялъ въ Москвѣ мѣсто по статской части и, снявъ любимый имъ мундиръ, поселился съ матерью и Соней на маленькой квартирѣ, на Сивцевомъ Вражкѣ.

Наташа и Пьеръ жили въ это время въ Петербургѣ, не имѣя яснаго понятія о положеніи Николая. Николай, занявъ у

зятя деньги, старался скрыть отъ него свое бѣдственное положенiе. Положенiе Николая было особенно дурно потому, что съ своими 1200 рублями жалованья онъ не только долженъ былъ содержать себя, Соню и мать, но онъ долженъ былъ содержать мать такъ, чтобы она не замѣтила, что они бѣдны. Графиня не могла понять возможности жизни безъ привычныхъ ей съ дѣтства условiй роскоши, и безпрестанно, не понимая того, какъ это трудно было для сына, требовала то экипажа, котораго у нихъ не было, чтобы послать за знакомой, то дорогого кушанья для себя и вина для сына, то денегъ, чтобы сдѣлать подарокъ-сюрпризъ Наташѣ, Сонѣ и тому же Николаю.

Соня вела домашнее хозяйство, ухаживала за теткой, читала ей вслухъ, переносила ея капризы и затаенное нерасположенiе и помогала Николаю скрывать отъ старой графини то положенiе нужды, въ которомъ они находились. Николай чувствовалъ себя въ неоплатномъ долгу благодарности передъ Соней за все, что̀ она дѣлала для его матери, восхищался ея терпѣнiемъ и преданностью, но старался отдаляться отъ нея.

Онъ въ душѣ своей какъ будто упрекалъ ее за то, что она была слишкомъ совершенна, и за то, что не въ чемъ было упрекнуть ее. Въ ней было все, за что цѣнятъ людей; но было мало того, что̀ бы заставило его любить ее. И онъ чувствовалъ, что чѣмъ больше онъ цѣнитъ, тѣмъ меньше любитъ ее. Онъ поймалъ ее на словѣ, въ письмѣ, которымъ она давала ему свободу, и теперь держалъ себя съ нею такъ, какъ будто все то, что̀ было между ними, уже давнымъ давно забыто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ повториться.

Положенiе Николая становилось хуже и хуже. Мысль о томъ, чтобы откладывать изъ своего жалованья, оказалась мечтою.

Онъ не только не откладывалъ, но, удовлетворяя требованіямъ матери, должалъ по мелочамъ. Выхода изъ его положенія ему не представлялось никакого. Мысль о женитьбѣ на богатой наслѣдницѣ, которую ему предлагали его родственницы, была ему противна. Другой выходъ изъ его положенія—смерть матери никогда не приходила ему въ голову. Онъ ничего не желалъ, ни на что не надѣялся, и въ самой глубинѣ души испытывалъ мрачное и строгое наслажденіе въ безропотномъ перенесеніи своего положенія. Онъ старался избѣгать прежнихъ знакомыхъ, съ ихъ соболѣзнованіемъ и предложеніями оскорбительной помощи, избѣгалъ всякаго разсѣянія и развлеченія, даже дома ничѣмъ не занимался, кромѣ раскладыванія картъ съ своей матерью, молчаливыми прогулками по комнатѣ и куреніемъ трубки за трубкой. Онъ какъ будто старательно соблюдалъ въ себѣ то мрачное настроеніе духа, въ которомъ одномъ онъ чувствовалъ себя въ состояніи переносить свое положеніе.

VI.

Въ началѣ зимы княжна Марья пріѣхала въ Москву. Изъ городскихъ слуховъ она узнала о положеніи Ростовыхъ и о томъ какъ „сынъ жертвовалъ собой для матери“,—такъ говорили въ городѣ.—„Я и не ожидала отъ него другого“, говорила себѣ княжна Марья, чувствуя радостное подтвержденіе своей любви къ нему. Вспоминая свои дружескія и почти родственныя отношенія ко всему семейству, она считала своей обязанностью ѣхать къ нимъ. Но, вспоминая свои отношенія къ Николаю въ Воронежѣ, она боялась этого. Сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, она, однако, черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда въ городъ пріѣхала къ Ростовымъ.

Николай первый встрѣтилъ ее, такъ какъ къ графинѣ можно было проходить только черезъ его комнату. При первомъ взглядѣ на нее, лицо Николая вмѣсто выраженія радости, которую ожидала увидать на немъ княжна Марья, приняло невиданное прежде княжной выраженіе холодности, сухости и гордости. Николай спросилъ объ ея здоровьѣ, проводилъ къ матери и, посидѣвъ минутъ пять, вышелъ изъ комнаты.

Когда княжна выходила отъ графини, Николай опять встрѣтилъ ее, и особенно торжественно и сухо проводилъ до передней. Онъ ни слова ни отвѣтилъ на ея замѣчанія о здоровьѣ графини. Вамъ какое дѣло? Оставьте меня въ покоѣ, говорилъ его взглядъ.

— И что шляется? Чего ей нужно? Терпѣть не могу этихъ барынь и всѣ эти любезности! — сказалъ онъ вслухъ при Сонѣ, видимо не въ силахъ удерживать свою досаду, послѣ того, какъ карета княжны отъѣхала отъ дома.

— Ахъ, какъ можно такъ говорить, Nicolas, — сказала Соня, едва скрывая свою радость. — Она такая добрая, и maman такъ любитъ ее.

Николай ничего не отвѣчалъ и хотѣлъ бы вовсе не говорить больше о княжнѣ. Но, со времени ея посѣщенія, старая графиня всякій день по нѣскольку разъ заговаривала о ней.

Графиня хвалила ее, требовала, чтобы сынъ съѣздилъ къ ней, выражала желаніе видѣть ее почаще, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда становилась не въ духѣ, когда она о ней говорила.

Николай старался молчать, когда мать говорила о княжнѣ, но молчаніе его раздражало графиню.

— Она очень достойная и прекрасная дѣвушка, — говорила

она,—и тебѣ надо къ ней съѣздить. Все-таки ты увидишь кого-нибудь; а то тебѣ скука, я думаю, съ нами.

— Да я нисколько не желаю, маменька.

— То хотѣлъ видѣть, а теперь не желаю. Я тебя, мой милый, право не понимаю. То тебѣ скучно, то ты вдругъ никого не хочешь видѣть.

— Да я не говорилъ, что мнѣ скучно.

— Какъ же, ты самъ сказалъ, что ты и видѣть ее не желаешь. Она очень достойная дѣвушка и всегда тебѣ нравилась; а теперь вдругъ какіе-то резоны. Все отъ меня скрываютъ.

— Да нисколько, маменька.

— Если бъ я тебя просила сдѣлать что-нибудь непріятное, а то я тебя прошу съѣздить отдать визитъ. Кажется, и учтивость требуетъ... Я тебя просила и теперь больше не вмѣшиваюсь, когда у тебя тайны отъ матери.

— Да я поѣду, если вы хотите.

— Мнѣ все равно; я для тебя желаю.

Николай вздыхалъ, кусая усы, и раскладывалъ карты, стараясь отвлечь вниманіе матери на другой предметъ.

На другой, на третій и на четвертый день повторился тотъ же и тотъ же разговоръ.

Послѣ своего посѣщенія Ростовыхъ и того неожиданнаго, холоднаго пріема, сдѣланнаго ей Николаемъ, княжна Марья призналась себѣ, что она была права, не желая ѣхать первая къ Ростовымъ.

— Я ничего и не ожидала другого,—говорила она себѣ, призывая на помощь свою гордость.—Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до него, и я только хотѣла видѣть старушку, которая была всегда добра ко мнѣ и которой я многимъ обязана.

Но она не могла успокоиться этими разсужденіями: чувство, похожее на раскаяніе мучило ее, когда она вспоминала свое посѣщеніе. Несмотря на то, что она твердо рѣшилась не ѣздить больше къ Ростовымъ и забыть все это, она чувствовала себя безпрестанно въ неопредѣленномъ положеніи. И когда она спрашивала себя, что̀ же такое было то, что̀ мучило ее, она должна была признаваться, что это были ея отношенія къ Ростову. Его холодный, учтивый тонъ не вытекалъ изъ его чувства къ ней (она это знала), а тонъ этотъ прикрывалъ что-то. Это что-то ей надо было разъяснить, и до тѣхъ поръ она чувствовала, что не могла быть покойна.

Въ серединѣ зимы она сидѣла въ классной, слѣдя за уроками племянника, когда ей пришли доложить о пріѣздѣ Ростова. Съ твердымъ рѣшеніемъ не выдавать своей тайны и не выказать своего смущенія, она пригласила m-elle Бурьенъ и съ ней вмѣстѣ вышла въ гостиную.

При первомъ взглядѣ на лицо Николая она увидала, что онъ пріѣхалъ только для того, чтобы исполнить долгъ учтивости, и рѣшилась твердо держаться въ томъ самомъ тонѣ, въ которомъ онъ обратится къ ней.

Они заговорили о здоровьѣ графини, объ общихъ знакомыхъ, о послѣднихъ новостяхъ войны и когда прошли тѣ требуемыя приличіемъ 10 минутъ, послѣ которыхъ гость можетъ встать, Николай поднялся, прощаясь.

Княжна съ помощью m-elle Бурьенъ выдержала разговоръ очень хорошо; но въ самую послѣднюю минуту, въ то время, какъ онъ поднялся, она такъ устала говорить о томъ, до чего ей не было дѣла, и мысль о томъ, за что ей одной такъ мало дано радостей въ жизни, такъ заняла ее, что

она въ припадкѣ разсѣянности, устремивъ впередъ себя свои лучистые глаза, сидѣла неподвижно, не замѣчая, что онъ поднялся.

Николай посмотрѣлъ на нее и, желая сдѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ ея разсѣянности, сказалъ нѣсколько словъ m-elle Бурьенъ и опять взглянулъ на княжну. Она сидѣла такъ же неподвижно, и на нѣжномъ лицѣ ея выражалось страданіе. Ему вдругъ стало жалко ее и смутно представилось, что, можетъ быть онъ былъ причиной той печали, которая выражалась на ея лицѣ. Ему захотѣлось помочь ей, сказать ей что-нибудь пріятное; но онъ не могъ придумать, что̀ бы сказать ей.

— Прощайте, княжна,—сказалъ онъ. Она опомнилась, вспыхнула и тяжело вздохнула.

— Ахъ, виновата,—сказала она какъ бы проснувшись.— Вы уже ѣдете, графъ; ну, прощайте! А подушку графинѣ?

— Постойте, я сейчасъ принесу ее,—сказала m-elle Бурьенъ, и вышла изъ комнаты.

Оба молчали, изрѣдка взглядывая другъ на друга.

— Да, княжна,—сказалъ наконецъ Николай, грустно улыбаясь,—недавно кажется, а сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами въ первый разъ видѣлись въ Богучаровѣ. Какъ мы всѣ казались въ несчастіи, а я бы дорого далъ, чтобы воротить это время... да не воротишь.

Княжна пристально глядѣла ему въ глаза своимъ лучистымъ взглядомъ, когда онъ говорилъ это. Она какъ будто старалась понять тотъ тайный смыслъ его словъ, который бы объяснилъ ей его чувство къ ней.

— Да, да,—сказала она,—но вамъ нечего жалѣть прошедшаго, графъ. Какъ я понимаю вашу жизнь теперь, вы всегда

съ наслажденіемъ будете вспоминать ее, потому что само-отверженіе, которымъ вы живете теперь...

— Я не принимаю вашихъ похвалъ,—перебилъ онъ ее поспѣшно;—напротивъ, я безпрестанно себя упрекаю; но это совсѣмъ неинтересный и невеселый разговоръ.

И опять взглядъ его принялъ прежнее сухое и холодное выраженіе. Но княжна уже увидала въ немъ опять того же человѣка, котораго она знала и любила, и говорила теперь только съ этимъ человѣкомъ.

— Я думала, что вы позволите мнѣ сказать вамъ это,—сказала она.—Мы такъ сблизились съ вами... и съ вашимъ семействомъ, и я думала, что вы не почтете неумѣстнымъ мое участіе; но я ошиблась,—сказала она. Голосъ ея вдругъ дрогнулъ. — Я не знаю почему, — продолжала она, оправившись,—вы прежде были другой и...

— Есть тысячи причинъ *почему* (онъ сдѣлалъ особое удареніе на слово *почему*). Благодарю васъ, княжна,—сказалъ онъ тихо.—Иногда тяжело.

— Такъ вотъ отчего! Вотъ отчего!—говорилъ внутренній голосъ въ душѣ княжны Марьи.—Нѣтъ, я не одинъ этотъ веселый, добрый и открытый взглядъ, не одну красивую внѣшность полюбила въ немъ; я угадала его благородную, твердую, самоотверженную душу,—говорила она себѣ.—Да, онъ теперь бѣденъ, а я богата... Да, только отъ этого... Да, если бъ этого не было...—И, вспоминая прежнюю его нѣжность, и теперь глядя на его доброе и грустное лицо, она вдругъ поняла причину его холодности.

— Почему же, графъ, почему?—вдругъ почти вскрикнула она невольно, подвигаясь къ нему.—Почему, скажите мнѣ. Вы должны сказать. — Онъ молчалъ. — Я не знаю, графъ,

вашего *почему*,—продолжала она.— Но мнѣ тяжело, мнѣ... Я признаюсь вамъ въ этомъ. Вы за что-то хотите лишить меня прежней дружбы. И мнѣ это больно. — У нея слезы были въ глазахъ и въ голосѣ. — У меня такъ мало было счастія въ жизни, что мнѣ тяжела всякая потеря... Извините меня, прощайте.—Она вдругъ заплакала и пошла изъ комнаты.

— Княжна, постойте, ради Бога!—вскрикнулъ онъ, стараясь остановить ее. — Княжна!

Она оглянулась. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли въ глаза другъ другу, и далекое невозможное вдругъ стало близкимъ, возможнымъ и неизбѣжнымъ.

. . . .

VII.

Осенью 1813-го года Николай женился на княжнѣ Марьѣ, и съ женой, матерью и Соней переѣхалъ на житье въ Лысыя Горы.

Въ четыре года онъ, не продавая имѣнья жены, уплатилъ оставшіеся долги и, получивъ небольшое наслѣдство послѣ умершей кузины, заплатилъ и долгъ Пьеру.

Еще черезъ три года, къ 1820-му году, Николай такъ устроилъ свои денежныя дѣла, что прикупилъ небольшое имѣнье подлѣ Лысыхъ Горъ и велъ переговоры о выкупѣ отцовскаго Отраднаго, что составляло его любимую мечту.

Начавъ хозяйничать по необходимости, онъ скоро такъ пристрастился къ хозяйству, что оно сдѣлалось для него любимымъ и почти исключительнымъ занятіемъ. Николай былъ хозяинъ простой, не любилъ нововведеній, въ особенности англійскихъ, которыя входили тогда въ моду, смѣялся

надъ теоретическими сочиненіями о хозяйствѣ, не любилъ заводовъ, дорогихъ производствъ, посѣвовъ дорогихъ хлѣбовъ и вообще не занимался отдѣльно ни одной частью хозяйства. У него передъ глазами всегда было только одно *имѣнье*, а не какая-нибудь отдѣльная часть его. Въ имѣньи же главнымъ предметомъ былъ не азотъ и не кислородъ, находящійся въ почвѣ и воздухѣ, не особенный плугъ и наземъ, а то главное орудіе, чрезъ посредство котораго дѣйствуетъ и азотъ, и кислородъ, и наземъ, и плугъ, т.-е. работникъ-мужикъ. Когда Николай взялся за хозяйство и сталъ вникать въ различныя его части, мужикъ особенно привлекъ къ себѣ его вниманіе; мужикъ представлялся ему не только орудіемъ, но и цѣлью и судьею. Онъ сначала всматривался въ мужика, стараясь понять, чтò ему нужно, чтò онъ считаетъ дурнымъ и хорошимъ, и только притворился, что распоряжается и приказываетъ, въ сущности же только учился у мужиковъ и пріемамъ, и рѣчамъ, и сужденіямъ о томъ, чтò хорошо и чтò дурно. И только тогда, когда понялъ вкусы и стремленія мужика, научился говорить его рѣчью и понимать тайный смыслъ его рѣчи, когда почувствовалъ себя сроднившимся съ нимъ, только тогда онъ сталъ смѣло управлять имъ, т.-е. исполнять по отношенію къ мужикамъ ту самую должность, исполненіе которой отъ него требовалось. И хозяйство Николая приносило самые блестящіе результаты.

Принимая въ управленіе имѣніе, Николай сразу, безъ ошибки по какому то дару прозрѣнія, назначалъ бурмистромъ, старостой, выборнымъ тѣхъ самыхъ людей, которые были бы выбраны самими мужиками, если бы они могли выбирать, и начальники его никогда не перемѣнялись. Прежде чѣмъ изслѣдовать химическія свойства навоза, прежде чѣмъ вдаваться

въ „*дебетъ* и *кредитъ*“ (какъ онъ любилъ насмѣшливо говорить), онъ узнавалъ количество скота у крестьянъ и увеличивалъ это количество всѣми возможными средствами. Сѣмьи крестьянъ онъ поддерживалъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ, не позволяя дѣлиться. Лѣнивыхъ, развратныхъ и слабыхъ одинаково преслѣдовалъ и старался изгонять изъ общества.

При посѣвахъ и уборкѣ сѣна и хлѣбовъ онъ совершенно одинаково слѣдилъ за своими и мужицкими полями. И у рѣдкихъ хозяевъ были такъ рано и хорошо посѣяны и убраны поля и такъ много дохода, какъ у Николая.

Съ дворовыми онъ не любилъ имѣть никакого дѣла, называлъ ихъ *дармоѣдами* и, какъ всѣ говорили, распустилъ и избаловалъ ихъ; когда надо было сдѣлать какое-нибудь распоряженіе насчетъ двороваго, въ особенности когда надо было наказывать, онъ бывалъ въ нерѣшительности и совѣтовался со всѣми въ домѣ; только когда возможно было отдать въ солдаты вмѣсто мужика двороваго, онъ дѣлалъ это безъ малѣйшаго колебанія. Во всѣхъ же распоряженіяхъ, касавшихся мужиковъ, онъ никогда не испытывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Всякое распоряженіе его, — онъ это зналъ, — будетъ одобрено всѣми противъ одного или нѣсколькихъ.

Онъ одинаково не позволялъ себѣ утруждать или казнить человѣка, потому только, что ему этого такъ хотѣлось, какъ и облегчать и награждать человѣка, потому что въ этомъ состояло его личное желаніе. Онъ не умѣлъ бы сказать, въ чемъ состояло это мѣрило того, что̀ должно и чего не должно; но мѣрило это было въ его душѣ твердо и непоколебимо.

Онъ часто говаривалъ съ досадой о какой-нибудь неудачѣ

или безпорядкѣ: *„нашимъ русскимъ народомъ“*, и воображалъ себѣ, что онъ терпѣть не можетъ мужика.

Но онъ всѣми силами души любилъ этотъ *нашъ русскій народъ* и его бытъ и потому только понялъ и усвоилъ себѣ тотъ единственный путь и пріемъ хозяйства, которые приносили хорошіе результаты.

Графиня Марья ревновала своего мужа къ этой любви его, и жалѣла, что не могла въ ней участвовать; но не могла понять радостей и огорченій, доставляемыхъ ему этимъ отдѣльнымъ, чуждымъ для нея міромъ. Она не могла понять, отчего онъ бывалъ такъ особенно оживленъ и счастливъ, когда, вставъ съ зарею и проведя все утро въ полѣ или на гумнѣ, онъ возвращался къ ея чаю съ посѣва, покоса или уборки. Она не понимала, чѣмъ онъ такъ восхищался, разсказывая съ восторгомъ про богатаго хозяйственнаго мужика Матвѣя Ермишина, который всю ночь съ семьей возилъ снопы, и еще ни у кого ничего не было убрано, а у него уже стояли одонья. Она не понимала, отчего онъ такъ радостно, переходя отъ окна къ балкону, улыбался подъ усами и подмигивалъ, когда на засыхающіе всходы овса выпадалъ теплый частый дождикъ, или отчего, когда въ покосъ или уборку угрожающая туча уносилась вѣтромъ, онъ, красный, загорѣлый и въ поту, съ запахомъ полыни и горчавки въ волосахъ, приходя съ гумна, радостно потирая руки, говорилъ: „ну, еще денекъ, и мое и крестьянское все будетъ на гумнѣ“.

Еще менѣе могла она понимать, почему онъ, съ его добрымъ сердцемъ, съ его всегдашнею готовностью предупредить ея желанія, приходилъ почти въ отчаяніе, когда она передавала ему просьбы какихъ-нибудь бабъ или мужиковъ, обращавшихся къ ней, чтобы освободить ихъ отъ работъ, почему онъ, доб-

рый Nicolas, упорно отказывалъ ей, сердито прося ее не вмѣшиваться не въ свое дѣло. Она чувствовала, что у него былъ особый міръ, страстно имъ любимый, съ какими-то законами, которыхъ она не понимала.

Когда она, иногда, стараясь понять его, говорила ему о заслугѣ, состоящей въ томъ, что онъ дѣлаетъ добро своимъ подданнымъ, онъ сердился и отвѣчалъ: „вотъ ужъ нисколько; никогда и въ голову мнѣ не приходитъ; и я для ихъ блага вотъ чего не сдѣлаю. Все это поэзія и бабьи сказки — все это благо ближняго. Мнѣ нужно, чтобы наши дѣти не пошли по міру; мнѣ надо устроить наше состояніе, пока я живъ; вотъ и все. А для этого нуженъ порядокъ, нужна строгость... Вотъ что!—говорилъ онъ, сжимая свой сангвиническій кулакъ.—И справедливость, разумѣется,—прибавлялъ онъ:—потому что если крестьянинъ голъ и голоденъ, и лошаденка у него одна, такъ онъ ни на себя, ни на меня не сработаетъ".

И, должно быть, потому, что Николай не позволялъ себѣ мысли о томъ, что онъ дѣлаетъ что-нибудь для другихъ, для добродѣтели, все, что̀ онъ дѣлалъ, было плодотворно: состояніе его быстро увеличивалось; сосѣдніе мужики приходили просить его, чтобы онъ купилъ ихъ, и долго послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память объ его управленіи. „Хозяинъ былъ... Напередъ мужицкое, а потомъ свое. Ну и потачки не давалъ. Одно слово,—хозяинъ!"

VIII.

Одно, что иногда мучило Николая по отношенію къ его хозяйничанью, это была его вспыльчивость въ соединеніи съ его старой гусарской привычкой давать волю рукамъ. Въ первое время онъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосу-

дительнаго, но на второй годъ своей женитьбы его взглядъ на такого рода расправы вдругъ измѣнился.

Однажды лѣтомъ изъ Богучарова былъ вызванъ староста, замѣнившій умершаго Дрона, обвиняемый въ разныхъ мошенничествахъ и неисправностяхъ. Николай вышелъ къ нему на крыльцо, и съ первыхъ отвѣтовъ старосты, въ сѣняхъ послышались крики и удáры. Вернувщись къ завтраку домой, Николай подошелъ къ женѣ, сидѣвшей съ низко опущенной надъ пяльцами головой, и сталъ разсказывать ей, по обыкновенію, все то, что занимало его въ это утро, и между прочимъ и про богучаровскаго старосту. Графиня Марья, краснѣя, блѣднѣя и поджимая губы, сидѣла все такъ же опустивъ голову и ничего не отвѣчала на слова мужа.

— Этакой наглый мерзавецъ, — говорилъ онъ, горячась при одномъ воспоминаніи. — Ну, сказалъ бы онъ мнѣ, что былъ пьянъ,—не видалъ... Да чтò съ тобой, Мари?—вдругъ спросилъ онъ.

Графиня Марья подняла голову, хотѣла что-то сказать, но опять поспѣшно потупилась и собрала губы.

— Чтò ты? чтò съ тобой? дружокъ мой... — Некрасивая графиня Марья всегда хорошѣла, когда плакала. Она никогда не плакала отъ боли или досады, но всегда отъ грусти и жалости. И когда она плакала, лучистые глаза ея пріобрѣтали неотразимую прелесть.

Какъ только Николай взялъ ея за руку, она не въ силахъ была удержаться и заплакала.

— Nicolas, я видѣла... онъ виноватъ, но ты, зачѣмъ ты! Nicolas!—и она закрыла лицо руками.

Николай замолчалъ, багрово покраснѣлъ и, отойдя отъ нея, молча сталъ ходить по комнатѣ. Онъ понялъ, о чемъ она

плакала; но вдругъ онъ не могъ въ душѣ своей согласиться съ ней, что то, съ чѣмъ онъ сжился съ дѣтства, что̀ онъ считалъ самымъ обыкновеннымъ, было дурно. — Любезности это, бабьи сказки, или она права? — спрашивалъ онъ самъ себя. Не рѣшивъ самъ съ собою этого вопроса, онъ еще разъ взглянулъ на ея страдающее и любящее лицо, и вдругъ понялъ, что она была права, а онъ давно уже виноватъ самъ передъ собою.

— Мари, — сказалъ онъ тихо, подойдя къ ней; — этого больше не будетъ никогда; даю тебѣ слово. Никогда, — повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, какъ мальчикъ, который проситъ прощенія.

Слезы еще чаще полились изъ глазъ графини. Она взяла руку мужа и поцѣловала ее.

— Nicolas, когда ты разбилъ камэ? — чтобы перемѣнить разговоръ, сказала она, разглядывая его руку, на которой былъ перстень съ головой Лаокоона.

— Нынче; все то же. Ахъ, Мари, не напоминай мнѣ объ этомъ.—Онъ опять вспыхнулъ.—Даю тебѣ честное слово, что этого больше не будетъ. И пусть это будетъ мнѣ память навсегда,—сказалъ онъ, указывая на разбитый перстень.

Съ тѣхъ поръ, какъ только при объясненіяхъ со старостами и приказчиками кровь бросалась ему въ лицо, и руки начинали сжиматься въ кулаки, Николай вертѣлъ разбитый перстень на пальцѣ и опускалъ глаза передъ человѣкомъ, разсердившимъ его. Однако же раза два въ годъ онъ забывался и тогда, придя къ женѣ, признавался и опять давалъ обѣщаніе, что уже теперь это было послѣдній разъ.

— Мари, ты вѣрно меня презираешь, —говорилъ онъ ей; — я стòю этого.

— Ты уйди, уйди поскорѣе, ежели чувствуешь себя не въ силахъ удержаться, — съ грустью говорила графиня Марья, стараясь утѣшить мужа.

Въ дворянскомъ обществѣ губерніи Николай былъ уважаемъ, но не любимъ. Дворянскіе интересы не занимали его. И за это-то одни считали его гордымъ, другіе — глупымъ человѣкомъ. Все время его лѣтомъ, съ весенняго посѣва и до уборки, проходило въ занятіяхъ по хозяйству. Осенью онъ съ тою же дѣловою серьезностью, съ которою занимался хозяйствомъ, предавался охотѣ, уходя на мѣсяцъ и на два въ отъѣздъ съ своей охотой. Зимою онъ ѣздилъ по другимъ деревнямъ и занимался чтеніемъ. Чтеніе его составляли книги преимущественно историческія, выписывавшіяся имъ ежегодно на извѣстную сумму. Онъ составлялъ себѣ, какъ говорилъ, серьезную библіотеку и за правило поставлялъ прочитывать всѣ тѣ книги, которыя онъ покупалъ. Онъ съ значительнымъ видомъ сиживалъ въ кабинетѣ за этимъ чтеніемъ, сперва возложеннымъ на себя какъ обязанность, а потомъ сдѣлавшимся привычнымъ занятіемъ, доставлявшимъ ему особаго рода удовольствіе и сознаніе того, что онъ занятъ серьезнымъ дѣломъ. За исключеніемъ поѣздокъ по дѣламъ, большую часть времени, зимой, онъ проводилъ дома, сживаясь съ семьей и входя въ мелкія отношенія между матерью и дѣтьми. Съ женой онъ сходился все ближе и ближе, съ каждымъ днемъ открывая въ ней новыя душевныя сокровища.

Соня со времени женитьбы Николая жила въ его домѣ. Еще передъ своей женитьбой Николай, обвиняя себя и хваля ее, разсказалъ своей женѣ все, что̀ было между нимъ и Соней. Онъ просилъ княжну Марью быть ласковой и доброй съ его кузиной. Графиня Марья чувствовала вполнѣ вину своего

мужа; чувствовала и свою вину передъ Соней; думала, что ея состояніе имѣло вліяніе на выборъ Николая, не могла ни въ чемъ упрекнуть Соню, желала любить ее; но не только не любила, а часто находила противъ нея въ своей душѣ злыя чувства и не могла преодолѣть ихъ.

Однажды она разговорилась съ другомъ своимъ Наташей о Сонѣ и о своей къ ней несправедливости.

— Знаешь что̀,—сказала Наташа:—вотъ ты много читала Евангеліе; тамъ есть одно мѣсто прямо о Сонѣ.

— Что?—съ удивленіемъ спросила графиня Марья.

— „Имущему дастся, а у неимущаго отнимется", помнишь? Она неимущій: за что̀, не знаю; въ ней нѣтъ, можетъ быть, эгоизма,—я не знаю; но у нея отнимется, и все отнялось. Мнѣ ее ужасно жалко иногда; я ужасно желала прежде, чтобы Nicolas женился на ней; но я всегда какъ бы предчувствовала, что этого не будетъ. Она *пустоцвѣтъ,* знаешь, какъ на клубникѣ? Иногда мнѣ ее жалко, а иногда я думаю, что она не чувствуетъ этого, какъ чувствовали бы мы.

И несмотря на то, что графиня Марья толковала Наташѣ, что эти слова Евангелія надо понимать иначе, глядя на Соню, она соглашалась съ объясненіемъ, даннымъ Наташей. Дѣйствительно, казалось, что Соня не тяготится своимъ положеніемъ и совершенно помирилась съ своимъ назначеніемъ *пустоцвѣта.* Она дорожила, казалось, не столько людьми, сколько всей семьей. Она, какъ кошка, прижилась не къ людямъ, а къ дому. Она ухаживала за старой графиней, ласкала и баловала дѣтей, всегда была готова оказать тѣ мелкія услуги, на которыя она была способна; но все это принималось невольно съ слишкомъ слабою благодарностью...

Усадьба Лысыхъ Горъ была вновь построена, но уже не на ту ногу, на которой она была при покойномъ князѣ.

Постройки, начатыя во время нужды, были болѣе чѣмъ просты. Огромный домъ, на старомъ каменномъ фундаментѣ, былъ деревянный, оштукатуренный только снутри. Большой помѣстительный домъ, съ некрашенымъ досчатымъ поломъ, былъ меблированъ самыми простыми жесткими диванами и креслами, столами и стульями изъ своихъ березъ и работы своихъ столяровъ. Домъ былъ помѣстителенъ, съ комнатами для дворни и отдѣленіями для пріѣзжихъ. Родные Ростовыхъ и Болконскихъ иногда съѣзжались гостить въ Лысыя Горы, семьями, на своихъ 16-ти лошадяхъ, съ десятками слугъ, и жили мѣсяцами. Кромѣ того, четыре раза въ годъ, въ именины и рожденья хозяевъ, съѣзжалось до 100 человѣкъ гостей на одинъ-два дня. Остальное время года шла ненарушимо правильная жизнь съ обычными занятіями, чаями, завтраками, обѣдами, ужинами изъ домашней провизіи.

IX.

Былъ канунъ зимняго Николина дня, 5-е декабря 1820 года. Въ этотъ годъ Наташа съ дѣтьми и мужемъ, съ начала осени, гостила у брата. Пьеръ былъ въ Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ по своимъ особеннымъ дѣламъ, какъ онъ говорилъ, на три недѣли, и гдѣ онъ теперь проживалъ уже седьмую. Его ждали каждую минуту.

5-го декабря, кромѣ семейства Безуховыхъ, у Ростовыхъ гостилъ еще старый другъ Николая, отставной генералъ Василій Ѳедоровичъ Денисовъ.

6-го числа, въ день торжества, въ который съѣдутся гости, Николай зналъ, что ему придется снять бешметъ, надѣть

сюртукъ, съ узкими носками узкіе сапоги и ѣхать въ новую построенную имъ церковь, а потомъ принимать поздравленія и предлагать закуски и говорить о дворянскихъ выборахъ и урожаѣ; но канунъ дня онъ еще считалъ себя въ правѣ провести обычно. До обѣда Николай повѣрилъ счеты бурмистра изъ Рязанской деревни, по имѣнью племянника жены, написалъ два письма по дѣламъ и прошелся на гумно, скотный и конный дворы. Принявъ мѣры противъ ожидаемаго на завтра общаго пьянства по случаю престольнаго праздника, онъ пришелъ къ обѣду и, не успѣвъ съ глазу на глазъ переговорить съ женою, сѣлъ за длинный столъ въ 20 приборовъ, за который собрались всѣ домашніе. За столомъ были: мать, жившая при ней старушка Бѣлова, жена, трое дѣтей, гувернантка, гувернеръ, племянникъ съ своимъ гувернеромъ, Соня, Денисовъ, Наташа, ея трое дѣтей, ихъ гувернантка и старичокъ Михаилъ Иванычъ, архитекторъ князя, жившій въ Лысыхъ Горахъ на покоѣ.

Графиня Марья сидѣла на противоположномъ концѣ стола. Какъ только мужъ сѣлъ на свое мѣсто, по тому жесту, съ которымъ онъ, снявъ салфетку, быстро передвинулъ стоявшій передъ нимъ стаканъ и рюмку, графиня Марья рѣшила, что онъ не въ духѣ, какъ это иногда съ нимъ бываетъ, въ особенности передъ супомъ, и когда онъ прямо съ хозяйства придетъ къ обѣду. Графиня Марья знала очень хорошо это его настроеніе и, когда она сама была въ хорошемъ расположеніи, она спокойно ожидала, пока онъ поѣстъ супу и тогда уже начинала говорить съ нимъ и заставляла его признаваться, что онъ безъ причины былъ не въ духѣ; но нынче она совершенно забыла это свое наблюденіе; ей стало больно, что онъ безъ причины на нее сердится, и она по-

чувствовала себя несчастной. Она спросила его, гдѣ онъ былъ. Онъ отвѣчалъ. Она еще спросила, все ли въ порядкѣ по хозяйству. Онъ непріятно поморщился отъ ея ненатуральнаго тона и поспѣшно отвѣтилъ.

„Такъ я не ошиблась,— подумала графиня Марья;— и за что онъ на меня сердится?“ Въ тонѣ, которымъ онъ отвѣчалъ ей, графиня Марья слышала недоброжелательство къ себѣ и желаніе прекратить разговоръ. Она чувствовала, что ея слова были неестественны; но она не могла удержаться, чтобы не сдѣлать еще нѣсколько вопросовъ.

Разговоръ за обѣдомъ, благодаря Денисову, скоро сдѣлался общимъ и оживленнымъ, и графиня Марья не говорила съ мужемъ. Когда вышли изъ-за стола и пришли благодарить старую графиню, графиня Марья поцѣловала, подставляя свою руку, мужа и спросила, за что онъ на нее сердится.

— У тебя всегда странныя мысли: и не думалъ сердиться,—сказалъ онъ.

Но слово *всегда* отвѣчало графинѣ Марьѣ: да, сержусь и не хочу сказать.

Николай жилъ съ своей женой такъ хорошо, что даже Соня и старая графиня, желавшія, изъ ревности, несогласія между ними, не могли найти предлога для упрека; но и между ними бывали минуты враждебности. Иногда, именно послѣ самыхъ счастливыхъ періодовъ, на нихъ находило вдругъ чувство отчужденности и враждебности; это чувство являлось чаще всего во времена беременности графини Марьи. Теперь они находились въ этомъ періодѣ.

— Ну, messieurs et mesdames,—сказалъ Николай громко и какъ бы весело (графинѣ Марьѣ казалось, что это на-

рочно, чтобы ее оскорбить).—Я съ шести часовъ на ногахъ. Завтра ужъ надо страдать, а нынче пойти отдохнуть.—И, не сказавъ больше ничего графинѣ Марьѣ, онъ ушелъ въ маленькую диванную и легъ на диванъ.

„Вотъ это всегда такъ,—думала графиня Марья.—Со всѣми говоритъ, только не со мною. Вижу, вижу, что я ему противна. Особенно въ этомъ положеніи". Она посмотрѣла на свой высокій животъ и въ зеркало на свое желто-блѣдное и исхудавшее лицо съ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, большими глазами.

И все ей стало непріятно: и крикъ, и хохотъ Денисова, и разговоръ Наташи, и въ особенности тотъ взглядъ, который на нее поспѣшно бросила Соня.

Соня всегда была первымъ предлогомъ, который избирала графиня Марья для своего раздраженія.

Посидѣвъ съ гостями и не понимая ничего изъ того, что они говорили, она потихоньку вышла и пошла въ дѣтскую.

Дѣти на стульяхъ ѣхали въ Москву и пригласили ее съ собою. Она сѣла, поиграла съ ними, но мысль о мужѣ и о безпричинной досадѣ его, не переставая, мучила ее. Она встала и пошла съ трудомъ, ступая на цыпочки, въ маленькую диванную.

„Можетъ онъ не спитъ; я объяснюсь съ нимъ,—сказала она себѣ. Андрюша, старшій мальчикъ, подражая ей, пошелъ за ней на цыпочкахъ. Графиня Марья не замѣтила его.

— Милая Мари, онъ, кажется, спитъ, онъ такъ усталъ,—сказала (какъ казалось графинѣ Марьѣ) вездѣ встрѣчавшаяся ей Соня въ большой диванной.—Андрюша не разбудилъ бы его.

Графиня Марья оглянулась, увидала за собой Андрюшу, почувствовала, что Соня права, и именно отъ этого вспых-

нула и видимо съ трудомъ удержалась отъ жестокаго слова. Она ничего не сказала и, чтобы не послушаться ея, сдѣлала знакъ рукой, чтобы Андрюша не шумѣлъ, а все-таки шелъ за ней, и подошла къ двери. Соня прошла въ другую дверь. Изъ комнаты, въ которой спалъ Николай, слышалось его ровное, знакомое женѣ до малѣйшихъ оттѣнковъ дыханіе. Она, слыша это дыханіе, видѣла передъ собой его гладкій, красивый лобъ, усы, все лицо, на которое она такъ часто подолгу глядѣла, когда онъ спалъ, въ тишинѣ ночи. Николай вдругъ пошевелился и крякнулъ. И въ то же мгновенье Андрюша изъ-за двери закричалъ: „Папенька, маменька тутъ стоитъ!“ Графиня Марья поблѣднѣла отъ испуга и стала дѣлать знаки сыну. Онъ замолкъ, и съ минуту продолжалось страшное для графини Марьи молчанье. Она знала, какъ не любилъ Николай, чтобы его будили. Вдругъ за дверью послышалось новое кряхтѣнье, движенье, и недовольный голосъ Николая сказалъ:

— Ни минуты не дадутъ покоя. Мари, ты? Зачѣмъ ты привела его сюда?

— Я подошла только посмотрѣть, я не видала... извини...

Николай прокашлялся и замолкъ. Графиня Марья отошла отъ двери и проводила сына въ дѣтскую. Черезъ пять минутъ маленькая, черноглазая 3-хъ лѣтняя Наташа, любимица отца, узнавъ отъ брата, что папенька спитъ, а маменька въ диванной, незамѣченная матерью, побѣжала къ отцу. Черноглазая дѣвочка смѣло скрыпнула дверью, подошла энергическими шажками тупыхъ ножекъ къ дивану и, разсмотрѣвъ положеніе отца, спавшаго къ ней спиною, поднялась на цыпочкахъ и поцѣловала лежавшую подъ головой руку отца. Николай обернулся съ умиленной улыбкой на лицѣ.

— Наташа, Наташа!—слышался изъ двери испуганный шопотъ графини Марьи.—Папенька спать хочетъ.

— Нѣтъ, мама, онъ не хочетъ спать,—съ убѣдительностью отвѣчала малёнькая Наташа.—Онъ смѣется.—Николай спустилъ ноги, поднялся и взялъ на руки дочь.

— Взойди, Маша,—сказалъ онъ женѣ. Графиня Марья вошла въ комнату и сѣла подлѣ мужа.

— Я и не видала, какъ онъ за мной прибѣжалъ,—робко сказала она.—Я такъ.

Николай, держа одной рукой дочь, поглядѣлъ на жену и, замѣтивъ виноватое выраженіе ея лица, другой рукой обнялъ ее и поцѣловалъ въ волоса.

— Можно цѣловать мама?—спросилъ онъ у Наташи. Наташа застѣнчиво улыбнулась.—„Опять",—съ повелительнымъ жестомъ сказала она, указывая на то мѣсто, куда Николай поцѣловалъ жену.

— Я не знаю, отчего ты думаешь, что я не въ духѣ,—сказалъ Николай, отвѣчая на вопросъ, который онъ зналъ, былъ въ душѣ его жены.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ я бываю несчастна, одинока, когда ты такой. Мнѣ все кажется...

— Мари, полно, глупости. Какъ тебѣ не совѣстно,—сказалъ онъ весело.

— Мнѣ кажется, что ты не можешь любить меня, что я такъ дурна... и всегда... а теперь... въ этомъ по...

— Ахъ, какая ты смѣшная! Не по̀ хорошу милъ, а по̀ милу хорошъ. Это только Мальвинъ и другихъ любятъ за то, что онѣ красивы; а жену развѣ я люблю? Я не люблю, а такъ, не знаю какъ тебѣ сказать. Безъ тебя и когда вотъ такъ у насъ какая-то кошка пробѣжитъ, я какъ будто про-

палъ и ничего не могу. Ну что, я люблю палецъ свой? Я не люблю, а попробуй, отрѣжь его...

— Нѣтъ, я не такъ, но я понимаю. Такъ ты на меня не сердишься?

— Ужасно сержусь,—сказалъ онъ улыбаясь и, вставъ и оправивъ волосы, сталъ ходить по комнатѣ.

— Ты знаешь, Мари, о чемъ я думалъ,—началъ онъ, теперь, когда примиреніе было сдѣлано, тотчасъ же начиная думать вслухъ при женѣ. Онъ не спрашивалъ о томъ, готова ли она слышать его; ему все равно было. Мысль пришла ему, стало-быть и ей. И онъ разсказалъ ей свое намѣреніе уговорить Пьера остаться съ ними до весны.

Графиня Марья выслушала его, сдѣлала замѣчанія и начала въ свою очередь думать вслухъ свои мысли. Ея мысли были о дѣтяхъ.

— Какъ женщина уже видна теперь,—сказала она по-французски, указывая на маленькую Наташу.—Вы насъ, женщинъ, упрекаете въ нелогичности. Вотъ она—наша логика. Я говорю: папа хочетъ спать, а она говоритъ: нѣтъ, онъ смѣется. И она права,—сказала графиня Марья, счастливо улыбаясь.

— Да, да,—и Николай, взявъ на свою сильную руку дочь, высоко поднялъ ее, посадилъ на плечо, перехвативъ за ножки, и сталъ съ ней ходить по комнатѣ. У отца и у дочери были одинаково безсмысленно-счастливыя лица.

— А знаешь, ты можешь быть несправедливъ. Ты слишкомъ любишь эту, — шопотомъ по-французски сказала графиня Марья.

— Да, но что̀ жъ дѣлать?.. Я стараюсь не показать...

Въ это время въ сѣняхъ и передней послышались звуки блока и шаговъ, похожихъ на звуки пріѣзда.

— Кто-то пріѣхалъ.

— Я увѣрена, что Пьеръ. Я пойду узнаю,—сказала графиня Марья и вышла изъ комнаты.

Въ ея отсутствіе Николай позволилъ себѣ галопомъ прокатить дочь вокругъ комнаты. Запыхавшись, онъ быстро скинулъ смѣющуюся дѣвочку и прижалъ ее къ груди. Его прыжки напомнили ему танцы, и онъ, глядя на дѣтское круглое счастливое личико, думалъ о томъ, какою она будетъ, когда онъ начнетъ вывозить ее старичкомъ, и, какъ бывало покойникъ отецъ танцовалъ съ дочерью Данилу Купера, пройдется съ нею мазурку.

— Онъ, онъ, Nicolas,—сказала черезъ нѣсколько минутъ графиня Марья, возвращаясь въ комнату.—Теперь ожила наша Наташа. Надо было видѣть ея восторгъ и какъ ему досталось сейчасъ же за то, что онъ просрочилъ. Ну пойдемъ, скорѣе, пойдемъ! Разстаньтесь же наконецъ,—сказала она, улыбаясь, глядя на дѣвочку, жавшуюся къ отцу. Николай вышелъ, держа дочь за руку.

Графиня Марья осталась въ диванной.

— Никогда, никогда не повѣрила бы,—прошептала она сама съ собой,—что можно быть такъ счастливой.—Лицо ея просіяло улыбкой; но въ то же самое время она вздохнула, и тихая грусть выразилась въ ея глубокомъ взглядѣ. Какъ будто, кромѣ того счастія, которое она испытывала, было другое, недостижимое въ этой жизни счастіе, о которомъ она невольно вспомнила въ эту минуту.

X.

Наташа вышла замужъ ранней весною 1813 года и у нея въ 1820 году было уже три дочери и одинъ сынъ, котораго

она желала и теперь сама кормила. Она пополнѣла и поширѣла, такъ что трудно было узнать въ этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ея опредѣлились и имѣли выраженіе спокойной мягкости и ясности. Въ ея лицѣ не было, какъ прежде, этого непрестанно горѣвшаго огня оживленія, составлявшаго ея прелесть. Теперь часто видно было одно ея лицо и тѣло, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка. Очень рѣдко зажигался въ ней теперь прежній огонь. Это бывало только тогда, когда, какъ теперь, возвращался мужъ, когда выздоравливалъ ребенокъ или когда она съ графиней Марьей вспоминала о князѣ Андреѣ (съ мужемъ она, предполагая, что онъ ревнуетъ ее къ памяти князя Андрея, никогда не говорила о немъ), и очень рѣдко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее въ пѣніе, которое она совершенно оставила послѣ замужества. И въ тѣ рѣдкія минуты, когда прежній огонь зажигался въ ея развившемся красивомъ тѣлѣ, она бывала еще болѣе привлекательна, чѣмъ прежде.

Со времени своего замужества Наташа жила съ мужемъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и подмосковной деревнѣ, и у матери, т.-е. у Николая. Въ обществѣ молодую графиню Безухую видѣли мало, и тѣ, которые видѣли, остались ею недовольны. Она не была ни мила, ни любезна. Наташа не то, что любила уединеніе (она не знала, любила ли она или нѣтъ, ей даже казалось, что нѣтъ), но она, нося, рождая и кормя дѣтей и принимая участіе въ каждой минутѣ жизни мужа, не могла удовлетворить этимъ потребностямъ иначе, какъ отказавшись отъ свѣта. Всѣ знавшіе Наташу до замужества удивлялись происшедшей въ ней перемѣнѣ, какъ чему-то

необыкновенному. Одна старая графиня, материнскимъ чутьемъ понявшая, что всѣ порывы Наташи имѣли началомъ только потребность имѣть семью, имѣть мужа, какъ она, не столько шутя, сколько взаправду, кричала въ Отрадномъ. Мать удивлялась удивленію людей непонимавшихъ Наташи и повторяла, что она всегда знала, что Наташа будетъ примѣрной женой и матерью.

— Она только до крайности доводитъ свою любовь къ мужу и дѣтямъ,—говорила графиня, — такъ, что это даже глупо.

Наташа не слѣдовала тому золотому правилу, проповѣдываемому умными людьми, въ особенности французами, и состоящему въ томъ, что дѣвушка, выходя замужъ, не должна опускаться, не должна бросать свои таланты, должна еще болѣе чѣмъ въ дѣвушкахъ заниматься своей внѣшностью, должна прельщать мужа такъ же, какъ она прельщала не мужа. Наташа, напротивъ, бросила сразу всѣ свои очарованія, изъ которыхъ у ней было одно необычайно сильное—пѣніе. Она оттого и бросила его, что это было сильное очарованіе. Наташа не заботилась ни о своихъ манерахъ, ни о деликатности рѣчей, ни о томъ, чтобы показаться своему мужу въ самыхъ выгодныхъ позахъ, ни о своемъ туалетѣ, ни о томъ, чтобы не стѣснять мужа своею требовательностью. Она дѣлала все противное этимъ правиламъ. Она чувствовала, что тѣ очарованія, которыя инстинктъ ея научалъ употреблять прежде, теперь только были бы смѣшны въ глазахъ ея мужа, которому она съ первой минуты отдалась вся, т.-е. всей душой, не оставивъ ни одного уголка не открытымъ для него. Она чувствовала, что связь ея съ мужемъ держалась не тѣми поэтическими чувствами, которыя

привлекали его къ ней, а держалась чѣмъ-то другимъ, неопредѣленнымъ, но твердымъ, какъ связь ея собственной души съ тѣломъ.

Взбивать локоны, надѣвать роброны и пѣть романсы для того, чтобы привлечь къ себѣ своего мужа, показалось бы ей такъ же страннымъ, какъ украшать себя для того, чтобы быть самой собою довольной. Украшать же себя для того, чтобы нравиться другимъ, можетъ быть, это и было бы пріятно ей,—она не знала,—но было совершенно некогда. Главная же причина, по которой она не занималась ни пѣніемъ, ни туалетомъ, ни обдумываніемъ своихъ словъ, состояла въ томъ, что ей было совершенно некогда заниматься этимъ.

Извѣстно, что человѣкъ имѣетъ способность погружаться весь въ одинъ предметъ, какимъ бы онъ ни казался ничтожнымъ. И извѣстно, что нѣтъ такого ничтожнаго предмета, который бы при сосредоточенномъ вниманіи, обращенномъ на него, не разросся бы до безконечности.

Предметъ, въ который погрузилась вполнѣ Наташа,—была семья, т.-е. мужъ, котораго надо было держать такъ, чтобы онъ нераздѣльно принадлежалъ ей, дому, и дѣти, которыхъ надо было носить, рожать, кормить и воспитывать.

И чѣмъ больше она вникала, не умомъ, а всей душой, всѣмъ существомъ своимъ въ занимавшій ее предметъ, тѣмъ болѣе предметъ этотъ разростался подъ ея вниманіемъ и тѣмъ слабѣе и ничтожнѣе казались ей ея силы, такъ что она ихъ всѣхъ сосредоточивала на одно и то же, и все-таки не успѣвала дѣлать всего того, что̀ ей казалось нужно.

Толки и разсужденія о правахъ женщинъ, объ отношеніяхъ супруговъ, о свободѣ и правахъ ихъ хотя и не назывались еще какъ теперь *вопросами*, были тогда точно такіе

же, какъ и теперь; но эти вопросы не только не интересовали Наташу, но она рѣшительно не понимала ихъ.

Вопросы эти и тогда, какъ и теперь, существовали только для тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ одно удовольствіе, получаемое супругами другъ отъ друга, т.-е. одно начало брака, а не все его значеніе, состоящее въ семьѣ.

Разсужденія эти и теперешніе вопросы, подобные вопросамъ о томъ, какимъ образомъ получить какъ можно болѣе удовольствія отъ обѣда, тогда, какъ и теперь не существуютъ для людей, для которыхъ цѣль обѣда есть питаніе, и цѣль супружества—семья.

Если цѣль обѣда — питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ вдругъ два обѣда, достигнетъ, можетъ быть, бóльшаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ.

Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей, можетъ быть получитъ много удовольствія, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть семьи.

Весь вопросъ, ежели цѣль обѣда есть питаніе, а цѣль брака — семья, разрѣшается только тѣмъ, чтобы не ѣсть больше того, что можетъ переварить желудокъ и не имѣть больше женъ и мужей, чѣмъ столько, сколько нужно для семьи, т.-е. одной и одного. Наташѣ нуженъ былъ мужъ. Мужъ былъ данъ ей. И мужъ далъ ей семью. И въ другомъ лучшемъ мужѣ она не только не видѣла надобности, но, такъ какъ всѣ силы душевныя ея были устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семьѣ, она и не могла себѣ представить и не видѣла никакого интереса въ представленіи о томъ, что̀ бы было, если бы было другое.

Наташа не любила общества вообще, но она тѣмъ болѣе

дорожила обществомъ родныхъ—графини Марьи, брата, матери и Сони. Она дорожила обществомъ тѣхъ людей, къ которымъ она, растрепанная, въ халатѣ, могла выйти большими шагами изъ дѣтской съ радостнымъ лицомъ и показать пеленку съ желтымъ вмѣсто зеленаго пятномъ и выслушать утѣшенія о томъ, что теперь ребенку гораздо лучше.

Наташа до такой степени опустилась, что ея костюмы, ея прически, ея невпопадъ сказанныя слова, ея ревность—она ревновала къ Сонѣ, къ гувернанткѣ, ко всякой красивой и некрасивой женщинѣ — были обычнымъ предметомъ шутокъ всѣхъ ея близкихъ. Общее мнѣніе было то, что Пьеръ былъ подъ башмакомъ своей жены, и дѣйствительно это было такъ. Съ самыхъ первыхъ дней ихъ супружества, Наташа заявила свои требованія. Пьеръ удивился очень этому совершенно новому для него воззрѣнію жены, состоящему въ томъ, что каждая минута его жизни принадлежитъ ей и семьѣ; Пьеръ удивился требованіямъ своей жены, но былъ польщенъ ими и подчинился имъ.

Подвластность Пьера заключалась въ томъ, что онъ не смѣлъ не только ухаживать, но не смѣлъ съ улыбкой говорить съ другой женщиной, не смѣлъ ѣздить въ клубы на обѣды, *такъ,* для того, чтобы провести время, не смѣлъ расходовать деньги для прихотей, не смѣлъ уѣзжать на долгіе сроки, исключая какъ по дѣламъ, въ число которыхъ жена включала и его занятія науками, въ которыхъ она ничего не понимала, но которымъ она приписывала большую важность. Взамѣнъ этого Пьеръ имѣлъ полное право у себя въ домѣ располагать не только самимъ собою, какъ онъ хотѣлъ, но и всей семьею. Наташа у себя въ домѣ ставила себя на ногу рабы мужа; и весь домъ ходилъ на цыпоч-

кахъ, когда Пьеръ занимался—читалъ или писалъ въ своемъ кабинетѣ. Стоило Пьеру показать какое-нибудь пристрастіе, чтобы то, что̀ онъ любилъ, постоянно исполнялось. Стоило ему выразить желаніе, чтобы Наташа вскакивала и бѣжала исполнять его.

Весь домъ руководился только мнимыми повелѣніями мужа, т.-е. желаніями Пьера, которыя Наташа старалась угадывать. Образъ, мѣсто жизни, знакомства, связи, занятія Наташи, воспитаніе дѣтей — не только все дѣлалось по выраженной волѣ Пьера, но Наташа стремилась угадать то, что̀ могло вытекать изъ высказанныхъ въ разговорахъ мыслей Пьера. И она вѣрно угадывала то, въ чемъ состояла сущность желаній Пьера, и, разъ угадавъ ее, она уже твердо держалась разъ избраннаго. Когда Пьеръ самъ уже хотѣлъ измѣнить своему желанію, она боролась противъ него его же оружіемъ.

Такъ въ тяжелое время, навсегда памятное Пьеру, послѣ родовъ перваго слабаго ребенка, когда имъ пришлось перемѣнить трехъ кормилицъ и Наташа заболѣла отъ отчаянія, Пьеръ однажды сообщилъ ей мысли Руссо, съ которыми онъ былъ совершенно согласенъ, о неестественности и вредѣ кормилицъ. Съ слѣдующимъ ребенкомъ, несмотря на противодѣйствіе матери, докторовъ и самого мужа, возстававшихъ противъ ея кормленія, какъ противъ вещи, тогда неслыханной и вредной, она настояла на своемъ, и съ тѣхъ поръ всѣхъ дѣтей кормила сама.

Весьма часто, въ минуты раздраженія, случалось, что мужъ съ женой спорили, но долго потомъ послѣ спора Пьеръ къ радости и удивленію своему находилъ, не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ жены, свою ту самую мысль, противъ которой она спорила. И не только онъ находилъ ту же

мысль, но онъ находилъ ее очищенною отъ всего того, что было лишняго, вызваннаго увлеченіемъ и споромъ, въ выраженіи мысли Пьера.

Послѣ семи лѣтъ супружества Пьеръ чувствовалъ радостное твердое сознаніе того, что онъ не дурной человѣкъ, и чувствовалъ онъ это потому, что онъ видѣлъ себя отраженнымъ въ своей женѣ. Въ себѣ онъ чувствовалъ все хорошее и дурное смѣшаннымъ и затемнявшимъ одно другое. Но на женѣ его отражалось только то, что было истинно хорошо; все не совсѣмъ хорошее было откинуто. И отраженіе это произошло не путемъ логической мысли, а другимъ, таинственнымъ, непосредственнымъ отраженіемъ.

XI.

Два мѣсяца тому назадъ Пьеръ, ужё гостя у Ростовыхъ, получилъ письмо отъ князя Өедора, призывавшаго его въ Петербургъ для обсужденія важныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ Петербургѣ членовъ одного общества, котораго Пьеръ былъ однимъ изъ главныхъ основателей.

Прочтя это письмо, Наташа, такъ какъ она читала всѣ письма мужа, несмотря на всю тяжесть для нея отсутствія мужа, сама предложила ему ѣхать въ Петербургъ. Всему, что было умственнымъ, отвлеченнымъ дѣломъ мужа, она приписывала, не понимая его, огромную важность и постоянно находилась въ страхѣ быть помѣхой въ этой дѣятельности ея мужа. На робкій вопросительный взглядъ Пьера послѣ прочтенія письма она отвѣчала просьбой, чтобы онъ ѣхалъ, но только опредѣлилъ бы ей вѣрно время возвращенія. И отпускъ былъ данъ на четыре недѣли.

Съ того времени, какъ вышелъ срокъ отпуска Пьера, двѣ

недѣли тому назадъ, Наташа находилась въ непереставав-шемъ состояніи страха, грусти и раздраженія.

Денисовъ, отставной, недовольный настоящимъ положе-ніемъ, генералъ, пріѣхавшій въ эти послѣднія двѣ недѣли, съ удивленіемъ и грустью, какъ на непохожій портретъ когда-то любимаго человѣка, смотрѣлъ на Наташу. Унылый, скучающій взглядъ, невпопадъ отвѣты и разговоры о дѣт-ской было все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ отъ прежней волшебницы.

Наташа была все это время грустна и раздражена, въ осо-бенности тогда, когда, утѣшая ее, мать, братъ, Соня или графиня Марья старались извинить Пьера и придумать при-чины его замедленія.

— Все глупости, все пустяки, — говорила Наташа,—всѣ его размышленія, кото̀рыя ни къ чему не ведутъ, и всѣ эти дурацкія общества,—говорила она о тѣхъ самыхъ дѣлахъ, въ великую важность которыхъ она твердо вѣрила. И она уходила въ дѣтскую кормить своего единственнаго маль-чика Петю.

Никто ничего не могъ ей сказать столько успокоивающаго, разумнаго, сколько это трехмѣсячное маленькое существо, когда оно лежало у ея груди, и она чувствовала его дви-женіе рта и сопѣнье носикомъ. Существо это говорило: ты сердишься, ты ревнуешь, ты хотѣла бы ему отмстить, ты боишься, а я вотъ онъ. А я вотъ онъ... И отвѣчать нечего было. Это было больше, чѣмъ правда.

Наташа въ эти двѣ недѣли безпокойства такъ часто прибѣ-гала къ ребенку за успокоеніемъ, такъ возилась надъ нимъ, что она перекормила его и онъ заболѣлъ. Она ужасалась его болѣзни, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей этого-то и нужно было.

Ухаживая за нимъ, она легче переносила безпокойство о мужѣ.

Она кормила, когда зашумѣлъ у подъѣзда возокъ Пьера, и няня, знавшая чѣмъ обрадовать барыню, неслышно, но быстро, съ сіяющимъ лицомъ, вошла въ дверь.

— Пріѣхалъ?—быстрымъ шопотомъ спросила Наташа, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить засыпавшаго ребенка.

— Пріѣхали, матушка,—прошептала няня.

Кровь бросилась въ лицо Наташи, и ноги невольно сдѣлали движеніе; но вскочить и бѣжать было нельзя. Ребенокъ опять открылъ глазки, взглянулъ. „Ты тутъ“, какъ будто сказалъ онъ и опять лѣниво зачмокалъ губами.

Потихоньку отнявъ грудь, Наташа покачала его, передала нянѣ и пошла быстрыми шагами въ дверь. Но у двери она остановилась, какъ бы почувствовавъ упрекъ совѣсти за то, что, обрадовавшись, слишкомъ скоро оставила ребенка, и оглянулась. Няня, поднявъ локти, переносила ребенка за перильцы кроватки.

— Да ужъ идите, идите, матушка, будьте покойны, идите,—улыбаясь, прошептала няня, съ фамильярностью, устанавливающейся между няней и барыней.

И Наташа легкими шагами побѣжала въ переднюю.

Денисовъ съ трубкой, вышедшій въ залу изъ кабинета, тутъ въ первый разъ узналъ Наташу. Яркій, блестящій, радостный свѣтъ лился потоками изъ ея преобразившагося лица.

— Пріѣхалъ!—проговорила она ему на бѣгу, и Денисовъ почувствовалъ, что онъ былъ въ восторгѣ отъ того, что пріѣхалъ Пьеръ, котораго онъ очень мало любилъ. Вбѣжавъ въ переднюю, Наташа увидала высокую фигуру въ шубѣ, разматывающую шарфъ.

„Онъ, онъ! Правда. Вотъ онъ“, проговорила она сама съ собой и, налетѣвъ на него, обняла, прижала къ себѣ, головой къ груди, и потомъ, отстранивъ, взглянула на заиндивѣвшее, румяное и счастливое лицо Пьера. „Да, это онъ; счастливый, довольный...

И вдругъ она вспомнила всѣ тѣ муки ожиданія, которыя она перечувствовала въ послѣднія двѣ недѣли: сіяющая на ея лицѣ радость скрылась; она нахмурилась, и потокъ упрековъ и злыхъ словъ излился на Пьера.

— Да, тебѣ хорошо, ты очень радъ, ты веселился... А каково мнѣ! Хоть бы ты дѣтей пожалѣлъ. Я кормлю, у меня молоко испортилось... Петя былъ при смерти. А тебѣ очень весело. Да, тебѣ весело...

Пьеръ зналъ, что онъ не виноватъ, потому что ему нельзя было пріѣхать раньше; зналъ, что этотъ взрывъ съ ея стороны неприличенъ, и зналъ, что черезъ двѣ минуты это пройдетъ; онъ зналъ главное, что ему самому было весело и радостно. Онъ бы хотѣлъ улыбнуться, но и не посмѣлъ подумать объ этомъ. Онъ сдѣлалъ жалкое, испуганное лицо и согнулся.

— Я не могъ, ей-Богу. Но что Петя?

— Теперь ничего, пойдемъ. Какъ тебѣ не совѣстно. Кабы ты могъ видѣть, какая я безъ тебя, какъ я мучилась...

— Ты здорова?

— Пойдемъ, пойдемъ, — говорила она, не выпуская его руки. И они пошли въ свои комнаты.

Когда Николай съ женою пришли отыскивать Пьера, онъ былъ въ дѣтской и держалъ на своей огромной, правой ладони проснувшагося, грудного сына и тетёшкалъ его. На широкомъ лицѣ его съ раскрытымъ беззубымъ ртомъ, оста-

новилась веселая улыбка. Буря уже давно вылилась, и яркое радостное солнце сіяло на лицѣ Наташи, умиленно смотрѣвшей на мужа и сына.

— И хорошо все переговорили съ княземъ Ѳедоромъ?— говорила Наташа.

— Да, отлично.

— Видишь, держитъ (голову, разумѣла Наташа). — Ну, какъ онъ меня напугалъ.

— А княжну видѣлъ? правда, что она влюблена въ этого...

— Да, можешь себѣ представить...

Въ это время вошелъ Николай съ графиней Марьей. Пьеръ, не спуская съ рукъ сына, нагнувшись поцѣловался съ ними и отвѣчалъ на разспросы. Но очевидно, несмотря на многое интересное, что̀ нужно было переговорить, ребенокъ въ колпачкѣ, съ качающейся головой, поглощалъ все вниманіе Пьера.

— Какъ милъ!—сказала графиня Марья, глядя на ребенка и играя съ нимъ.—Вотъ этого я не понимаю, Nicolas,—обратилась она къ мужу, — какъ ты не понимаешь прелесть этихъ чудо прелестей.

— Не понимаю, не могу, — сказалъ Николай, холоднымъ взглядомъ глядя на ребенка.—Кусокъ мяса. Пойдемъ, Пьеръ.

— Вѣдь, главное, онъ такой нѣжный отецъ, — сказала графиня Марья, оправдывая своего мужа,—но только, когда уже годъ или этакъ...

— Нѣтъ, Пьеръ отлично ихъ нянчитъ, — сказала Наташа,—онъ говоритъ, что у него рука какъ разъ сдѣлана по задку ребенка. Посмотрите.

— Ну, только не для этого, — вдругъ смѣясь сказалъ Пьеръ, перехватывая ребенка и передавая его нянѣ.

XII.

Какъ въ каждой настоящей семьѣ, въ Лысо-Горскомъ домѣ, жило вмѣстѣ нѣсколько совершенно различныхъ міровъ, которые, каждый, удерживая свою особенность и дѣлая уступки одинъ другому, сливались въ одно гармоническое цѣлое. Каждое событіе, случавшееся въ домѣ, было одинаково радостно или печально—важно для всѣхъ этихъ міровъ; но каждый міръ имѣлъ совершенно свои, независимыя отъ другихъ, причины радоваться или печалиться какому-либо событію.

Такъ, пріѣздъ Пьера было радостное важное событіе, и такимъ оно отразилось на всѣхъ.

Слуги, вѣрнѣйшіе судьи господъ, потому что они судятъ не по разговорамъ и выраженіямъ чувствъ, а по дѣйствіямъ и образу жизни, были рады пріѣзду Пьера, потому что при немъ, они знали, графъ перестанетъ ходить ежедневно по хозяйству и будетъ веселѣе и добрѣе, и еще потому, что всѣмъ будутъ богатые подарки къ празднику.

Дѣти и гувернантки радовались пріѣзду Безухаго, потому что никто такъ не вовлекалъ ихъ въ общую жизнь, какъ Пьеръ. Онъ одинъ умѣлъ на клавикордахъ играть тотъ экосезъ (единственная его пьеса), подъ который можно танцовать, какъ онъ говорилъ, всѣ возможные танцы, и онъ привезъ навѣрное всѣмъ подарки.

Николенька, который былъ теперь 15-ти лѣтній худой, съ вьющимися русыми волосами и прекрасными глазами, болѣзненный, умный мальчикъ, радовался потому, что дядя Пьеръ, какъ онъ называлъ его, былъ предметомъ его восхищенія и страстной любви. Никто не внушалъ Николенькѣ особенной любви къ Пьеру, и онъ только изрѣдка видалъ его.

Воспитательница его, графиня Марья, всѣ силы употребляла, чтобы заставить Николеньку любить ея мужа такъ же, какъ она его любила, и Николенька любилъ дядю; но любилъ съ чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія. Пьера же онъ обожалъ. Онъ не хотѣлъ быть ни гусаромъ, ни георгіевскимъ кавалеромъ, какъ дядя Николай, онъ хотѣлъ быть ученымъ, умнымъ и добрымъ, какъ Пьеръ. Въ присутствіи Пьера на его лицѣ было всегда радостное сіяніе, и онъ краснѣлъ и задыхался, когда Пьеръ обращался къ нему. Онъ не проранивалъ ни одного слова изъ того, что̀ говорилъ Пьеръ, и потомъ съ Десалемъ и самъ съ собою вспоминалъ и соображалъ значеніе каждаго слова Пьера. Прошедшая жизнь Пьера, его несчастія до 12-го года (о которыхъ онъ изъ слышанныхъ словъ составилъ себѣ смутное, поэтическое представленіе), его приключенія въ Москвѣ, плѣнъ, Платонъ Каратаевъ (о которомъ онъ слыхалъ отъ Пьера), его любовь къ Наташѣ (которую тоже особенной любовью любилъ мальчикъ) и главное его дружба къ отцу, котораго не помнилъ Николенька, все это дѣлало изъ Пьера для него героя и святыню.

Изъ прерывавшихся рѣчей объ его отцѣ и Наташѣ, изъ того волненія, съ которымъ Пьеръ говорилъ о покойномъ, изъ той осторожной, благоговѣйной нѣжности, съ которой Наташа говорила о немъ же, мальчикъ, только что начинавшій догадываться о любви, составилъ себѣ понятіе о томъ, что отецъ его любилъ Наташу и завѣщалъ ее, умирая, своему другу. Отецъ же этотъ, котораго не помнилъ мальчикъ, представлялся ему божествомъ, котораго нельзя было себѣ вообразить, и о которомъ онъ иначе не думалъ, какъ съ замираніемъ сердца и слезами грусти и восторга. И мальчикъ былъ счастливъ вслѣдствіе пріѣзда Пьера.

Гости были рады Пьеру, какъ человѣку, всегда оживлявшему и сплочавшему всякое общество.

Взрослые домашніе, не говоря о женѣ, были рады другу, при которомъ жилось легче и спокойнѣе.

Старушки были рады и подаркамъ, которые онъ привезетъ, и главное—тому, что опять оживетъ Наташа.

Пьеръ чувствовалъ эти различныя на себя воззрѣнія различныхъ міровъ и спѣшилъ каждому дать ожидаемое.

Пьеръ, самый разсѣянный, забывчивый человѣкъ, теперь, по списку, составленному женой, купилъ все, не забывъ ни комиссій матери и брата, ни подарковъ на платье Бѣловой, ни игрушекъ племянникамъ. Ему странно показалось въ первое время своей женитьбы это требованіе жены—исполнить и не забыть всего того, что онъ взялся купить, и поразило серьезное огорченіе ея, когда онъ въ первую свою поѣздку все перезабылъ. Но впослѣдствіи онъ привыкъ къ этому. Зная, что Наташа для себя ничего не поручала, а для другихъ поручала только тогда, когда онъ самъ вызывался, онъ теперь находилъ неожиданное для самого себя дѣтское удовольствіе въ этихъ покупкахъ подарковъ для всего дома и никогда никого не забывалъ. Ежели онъ заслуживалъ упреки отъ Наташи, то только за то, что покупалъ лишнее и слишкомъ дорого. Ко всѣмъ своимъ недостаткамъ, по мнѣнію большинства: неряшливости, опущенности, или качествамъ, по мнѣнію Пьера, Наташа присоединила еще скупость.

Съ того самаго времени, какъ Пьеръ сталъ жить большимъ домомъ, семьей, требующей большихъ расходовъ, онъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что онъ проживалъ вдвое меньше чѣмъ прежде, и что его разстроенныя послѣднее время, въ особенности долгами первой жены, дѣла, стали поправляться.

Жить было дешевле потому, что жизнь была связана: той самой дорогой роскоши, состоящей въ такомъ родѣ жизни, что всякую минуту можно измѣнить ее, Пьеръ не имѣлъ уже, да и не желалъ имѣть болѣе. Онъ чувствовалъ, что образъ жизни его опредѣленъ теперь разъ навсегда до смерти, что измѣнить его не въ его власти и потому этотъ образъ жизни былъ дешевъ.

Пьеръ съ веселымъ, улыбающимся лицомъ разбиралъ свои покупки.

— Каково!—говорилъ онъ, развертывая, какъ лавочникъ, кусокъ матеріи. Наташа держа на колѣняхъ старшую дочь, и быстро переводя сіяющіе глаза съ мужа на то, что онъ показывалъ, сидѣла противъ него.

— Это для Бѣловой? Отлично.—Она пощупала добрóту.— Это по рублю вѣрно?

Пьеръ сказалъ цѣну.

— Дорого,—сказала Наташа.—Ну, какъ дѣти рады будутъ и maman. Только напрасно ты мнѣ это купилъ,—прибавила она, не въ силахъ удержать улыбку, любуясь на золотой въ жемчугахъ гребень, которые тогда только стали входить въ моду.

— Меня Адель сбила: купить да купить,—сказалъ Пьеръ.

— Когда же я надѣну?—Наташа вложила его въ косу.— Это Машеньку вывозить; можетъ тогда опять будутъ носить. Ну, пойдемъ.

И, забравъ подарки, они пошли сначала въ дѣтскую, потомъ къ графинѣ.

Графиня по обычаю сидѣла съ Бѣловой за гранъ-пасьянсомъ, когда Пьеръ и Наташа съ свертками подъ мышками вошли въ гостиную.

Графинѣ было уже за 60 лѣтъ. Она была вся сѣда и носила чепчикъ, обхватывавшій все лицо рюшемъ. Лицо ея было сморщено, верхняя губа ушла, и глаза были тусклы.

Послѣ такъ быстро послѣдовавшихъ одна за другой смертями сына и мужа она чувствовала себя нечаянно забытымъ на этомъ свѣтѣ существомъ, не имѣющимъ никакой цѣли и смысла. Она ѣла, пила, спала, бодрствовала, но она не жила. Жизнь не давала ей никакихъ впечатлѣній. Ей ничего не нужно было отъ жизни, кромѣ спокойствія, и спокойствіе это она могла найти только въ смерти. Но пока смерть еще не приходила, ей надо было жить, т.-е. употреблять свои силы жизни. Въ ней въ высшей степени было замѣтно то, что замѣтно въ очень маленькихъ дѣтяхъ и очень старыхъ людяхъ. Въ ея жизни не видно было никакой внѣшней цѣли, а очевидна была только потребность упражнять свои различныя склонности и способности. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т. д., только потому, что у нея былъ желудокъ, былъ мозгъ, были мускулы, нервы и печень. Все это она дѣлала, не вызываемая ничѣмъ внѣшнимъ, не такъ, какъ дѣлаютъ это люди во всей силѣ жизни, когда изъ-за цѣли, къ которой они стремятся, не замѣтна другая цѣль приложенія своихъ силъ. Она говорила только потому, что ей физически надо было поработать легкими, языкомъ. Она плакала, какъ ребенокъ, потому, что ей надо было просморкаться и т. д. То, что для людей въ полной силѣ представляется цѣлью, для нея очевидно былъ предлогъ.

Такъ поутру, въ особенности ежели наканунѣ она покушала чего-нибудь жирнаго, у нея являлась потребность посердиться, и тогда она выбирала ближайшій предлогъ,—глухоту Бѣловой.

Она съ другого конца комнаты начинала говорить ей что-нибудь тихо.

— Нынче, кажется, теплѣе, моя милая,—говорила она шопотомъ. И когда Бѣлова отвѣчала:—„Какъ же, пріѣхали", она сердито ворчала.

— Боже мой, какъ глуха и глупа!—Другой предлогъ былъ нюхательный табакъ, который ей казался то сухъ, то сыръ, то дурно растертъ. Послѣ этихъ раздраженій желчь разливалась у нея въ лицѣ, и горничныя ея знали по вѣрнымъ признакамъ, когда будетъ опять глуха Бѣлова и опять табакъ сдѣлается сыръ, и когда будетъ желтое лицо. Такъ же, какъ ей нужно было поработать желчью, такъ нужно ей было иногда поработать оставшимися способностями—мыслить, и для этого предлогомъ былъ пасьянсъ. Когда нужно было поплакать, тогда предметомъ былъ покойный графъ. Когда нужно было тревожиться, предлогомъ былъ Николай и его здоровье. Когда нужно было язвительно поговорить, тогда предлогомъ была графиня Марья. Когда нужно было дать упражненіе органу голоса, — это было большей частью въ 7-мъ часу послѣ пищеварительнаго отдыха въ темной комнатѣ, — тогда предлогомъ были разсказы все однѣхъ и тѣхъ же исторій и все однимъ и тѣмъ же слушателямъ.

Это состояніе старушки понималось всѣми домашними, хотя никто никогда не говорилъ объ этомъ и всѣми употреблялись всевозможныя усилія для удовлетворенія этихъ ея потребностей. Только въ рѣдкомъ взглядѣ грустной полуулыбки, обращенной другъ къ другу между Николаемъ, Пьеромъ, Наташей и графиней Марьей, бывало выражаемо это взаимное пониманіе ея положенія.

Но взгляды эти кромѣ того говорили еще другое; они го-

ворили о томъ, что она сдѣлала уже свое дѣло въ жизни, о томъ, что она не вся въ томъ, что̀ теперь видно въ ней, о томъ, что и всѣ мы будемъ такіе же, и что радостно покоряться ей, сдерживать себя для этого когда-то дорогого, когда-то такого же полнаго, какъ и мы, жизни, теперь жалкаго существа. Memento mori, говорили эти взгляды.

Только совсѣмъ дурные и глупые люди, да маленькія дѣти, изъ всѣхъ домашнихъ, не понимали этого и чуждались ея.

XIII.

Когда Пьеръ съ жёною пришли въ гостиную, графиня находилась въ привычномъ состояніи потребности занять себя умственной работой гранъ-пасьянса и потому, несмотря на то, что она по привычкѣ сказала слова, всегда говоримыя ею по возвращеніи Пьера или сына: „пора, пора, мой милый; заждались. Ну, слава Богу". И при передачѣ ей подарковъ— сказала другія привычныя слова: „Не дорогъ подарокъ, дружокъ. Спасибо, что меня старуху даришь..."—видимо было, что приходъ Пьера былъ ей непріятенъ въ эту минуту потому, что отвлекалъ ее отъ недоложеннаго гранъ-пасьянса. Она окончила пасьянсъ и тогда только принялась за подарки. Подарки состояли изъ прекрасной работы футляра для картъ, севрской ярко-синей чашки, съ крышкой и съ изображеніями пастушекъ, и изъ золотой табакерки съ портретомъ графа, который Пьеръ заказывалъ въ Петербургѣ миніатюристу. (Графиня давно желала этого). Ей не хотѣлось теперь плакать, и потому она равнодушно посмотрѣла на портретъ и занялась больше футляромъ.

— Благодарствуй, мой другъ, ты утѣшилъ меня,—сказала она, какъ всегда говорила.—Но лучше всего, что самъ себя

привезъ. А то это ни на что не похоже; хоть бы ты побранилъ свою жену. Что это? Какъ сумасшедшая безъ тебя. Ничего не видитъ, не помнитъ, — говорила она привычныя слова.—Посмотри, Анна Тимоѳеевна,—прибавила она, — какой сынокъ футляръ намъ привезъ.

Бѣлова хвалила подарки и восхищалась своей матеріей.

Хотя Пьеру, Наташѣ, Николаю, графинѣ Марьѣ и Денисову многое нужно было переговорить такого, что не говорилось при графинѣ, не потому, чтобы что-нибудь скрывалось отъ нея, но потому, что она такъ отстала отъ многаго, что, начавъ говорить про что-нибудь при ней, надо бы было отвѣчать на ея вопросы, некстати вставляемые, и повторять вновь уже нѣсколько разъ повторенное ей: разсказывать, что тотъ умеръ, тотъ женился, чего она не могла вновь запомнить, но они по обычаю сидѣли за чаемъ въ гостиной у самовара и Пьеръ отвѣчалъ на вопросы графини, ей самой ненужные и никого не интересующіе, о томъ, что князь Василій постарѣлъ, и что графиня Марья Алексѣевна велѣла кланяться и помнитъ, и т. д...

Такой разговоръ, никому неинтересный, но необходимый, велся во все время чая. За чай вокругъ круглаго стола у самовара, у котораго сидѣла Соня, собирались всѣ взрослые члены семейства. Дѣти, гувернеры и гувернантки уже отпили чай и голоса ихъ слышались въ сосѣдней диванной. За чаемъ всѣ сидѣли на обычныхъ мѣстахъ: Николай садился у печки за маленькимъ столикомъ, къ которому ему подавали чай. Старая съ совершенно сѣдымъ лицомъ, изъ котораго еще рѣзче выкатывались большіе, черные глаза, борзая Милка, дочь первой Милки, лежала на креслѣ подлѣ него. Денисовъ съ посѣдѣвшими на половину курчавыми волосами, усами и

бакенбардами, въ разстегнутомъ, генеральскомъ сюртукѣ сидѣлъ подлѣ графини Марьи. Пьеръ сидѣлъ между женою и старой графиней. Онъ разсказывалъ то, что,—онъ зналъ—могло интересовать старушку и быть понятымъ ею. Онъ говорилъ о внѣшнихъ общественныхъ событіяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые когда-то составляли кружокъ сверстниковъ старой графини, которые когда-то были дѣйствительнымъ, живымъ отдѣльнымъ кружкомъ, но которые теперь, бо̀льшей частью разбросанные по міру, такъ же какъ она, доживали свой вѣкъ, собирая остальные колосья того, что̀ они посѣяли въ жизни. Но они-то, эти сверстники, казались старой графинѣ исключительно серьезнымъ и настоящимъ міромъ. По оживленію Пьера Наташа видѣла, что поѣздка его была интересна, что ему многое хотѣлось разсказать, но онъ не смѣлъ говорить при графинѣ. Денисовъ, не будучи членомъ семьи, поэтому не понимая осторожности Пьера, кромѣ того, какъ недовольный, весьма интересовался тѣмъ, что̀ дѣлалось въ Петербургѣ, и безпрестанно вызывалъ Пьера на разсказы, то о только что случившейся исторіи въ Семеновскомъ полку, то объ Аракчеевѣ, то о библейскомъ обществѣ. Пьеръ иногда увлекался и начиналъ разсказывать, но Николай и Наташа всякій разъ возвращали его къ здоровью князя Ивана и графини Марьи Антоновны.

— Ну что же все это безуміе и Госнеръ и Тата̀ринова,—спросилъ Денисовъ,—неужели все продолжается?

— Какъ продолжается? — вскрикнулъ Пьеръ. — Сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Библейское общество, это теперь все правительство.

— Это что̀ же, mon cher ami?—спросила графиня, отпившая свой чай и, видимо, желая найти предлогъ для того, чтобы

посердиться послѣ пищи. — Какъ же это ты говоришь правительство; я это не пойму.

— Да, знаете, maman,—вмѣшался Николай, знавшій, какъ надо было переводить на языкъ матери, — это князь А. Н. Голицынъ устроилъ общество, такъ онъ въ большой силѣ, говорятъ.

— Аракчеевъ и Голицынъ,—неосторожно сказалъ Пьеръ,— это теперь все правительство. И какое! Во всемъ видятъ заговоры, всего боятся.

— Что жъ, князь Александръ Николаевичъ-то чѣмъ же виноватъ? Онъ очень почтенный человѣкъ. Я встрѣчала его тогда у Марьи Антоновны, — обиженно сказала графиня, и еще больше обиженная тѣмъ, что всѣ замолчали, продолжала:—нынче всѣхъ судить стали. Евангелическое общество, ну что жъ дурного?—и она встала (всѣ встали тоже) и съ строгимъ видомъ поплыла въ диванную къ своему столу.

Среди установившагося грустнаго молчанія изъ сосѣдней комнаты послышались дѣтскіе смѣхъ и голоса. Очевидно между дѣтьми происходило какое-то радостное волненіе.

— Готово, готово!—послышался изъ-за всѣхъ радостный вопль маленькой Наташи. Пьеръ переглянулся съ графиней Марьей и Николаемъ (Наташу онъ всегда видѣлъ) и счастливо улыбнулся.

— Вотъ музыка-то чудная!—сказалъ онъ.

— Это Анна Макаровна чулокъ кончила, — сказала графиня Марья.

— О, пойду смотрѣть,—вскакивая сказалъ Пьеръ. — Ты знаешь,—сказалъ онъ, останавливаясь у двери, — отчего я особенно люблю эту музыку—они мнѣ первые даютъ знать, что все хорошо. Нынче ѣду: чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ

больше страхъ. Какъ вошелъ въ переднюю, слышу заливается Андрюша о чемъ-то, ну, значитъ все хорошо...

— Знаю, знаю я это чувство,—подтвердилъ Николай.— Мнѣ итти нельзя, вѣдь чулки—сюрпризъ мнѣ.

Пьеръ вошелъ къ дѣтямъ, и хохотъ и крики еще болѣе усилились.

— Ну, Анна Макаровна,—слышался голосъ Пьера,—вотъ сюда на середину и по командѣ—разъ, два, и когда я скажу: три, ты сюда становись. Тебя на руки. Ну, разъ, два...—проговорилъ голосъ Пьера; сдѣлалось молчаніе.—Три!—и восторженный стонъ дѣтскихъ голосовъ поднялся въ комнатѣ.

— Два, два!—кричали дѣти.

Это были два чулка, которые по одному ей извѣстному секрету Анна Макаровна сразу вязала на спицахъ, и которые она всегда торжественно при дѣтяхъ вынимала одинъ изъ другого, когда чулокъ былъ довязанъ.

XIV.

Вскорѣ послѣ этого дѣти пришли прощаться. Дѣти перецѣловались со всѣми, гувернеры и гувернантки раскланялись и вышли. Остался одинъ Десаль съ своимъ воспитанникомъ. Гувернеръ шопотомъ приглашалъ своего воспитанника итти внизъ.

— Нѣтъ, m-r Десаль, я попрошу тетю остаться,—отвѣчалъ такъ же шопотомъ Николенька Болконскій.

— Ma tante, позвольте мнѣ остаться, — сказалъ Николенька, подходя къ теткѣ. Лицо его выражало мольбу, волненіе и восторгъ. Графиня Марья поглядѣла на него и обратилась къ Пьеру.

— Когда вы тутъ, онъ оторваться не можетъ,—сказала она ему.

— Я его сейчасъ приведу, m-r Десаль; прощайте,—сказалъ Пьеръ, подавая швейцарцу руку и, улыбаясь, обратился къ Николенькѣ:—Мы совсѣмъ не видались съ тобой.—Мари, какъ онъ похожъ становится,—прибавилъ онъ, обращаясь къ графинѣ Марьѣ.

— На отца?—сказалъ мальчикъ, багрово вспыхнувъ и снизу вверхъ глядя на Пьера восхищенными, блестящими глазами. Пьеръ кивнулъ ему головой и продолжалъ прерванный дѣтьми разсказъ. Графиня Марья работала на рукахъ по канвѣ; Наташа, не спуская глазъ, смотрѣла на мужа. Николай и Денисовъ вставали, спрашивали трубки, курили, брали чай у Сони, сидѣвшей уныло и упорно за самоваромъ, и разспрашивали Пьера. Кудрявый, болѣзненный мальчикъ, съ своими блестящими глазами, сидѣлъ никѣмъ незамѣчаемый въ уголку, и только поворачивая кудрявую голову на тонкой шеѣ, выходившей изъ отложныхъ воротничковъ, въ ту сторону, гдѣ былъ Пьеръ, онъ изрѣдка вздрагивалъ и что-то шепталъ самъ съ собою, видимо испытывая какое-то новое и сильное чувство.

Разговоръ вертѣлся на той современной сплетнѣ изъ высшаго управленія, въ которой большинство людей видитъ обыкновенно самый важный интересъ внутренней политики. Денисовъ, недовольный правительствомъ за свои неудачи по службѣ, съ радостью узнавалъ всѣ глупости, которыя по его мнѣнію, дѣлались теперь въ Петербургѣ, и въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ дѣлалъ свои замѣчанія на слова Пьера.

— Пг'ежде нѣмцемъ надо было быть, тепег'ь надо плясать съ Татаг'иновой и m-me Кг'юднеръ, читать... Экаг'етгаузенъ и бг'атію. Охъ! спустилъ бы опять молодца нашего Бона-

наг'та. Онъ бы всю дуг'ь повыбилъ. Ну, на что похоже солдату Шваг'цу дать Семеновскій полкъ?—кричалъ онъ.

Николай, хотя безъ этого желанія находить все дурнымъ, которое было у Денисова, считалъ такъ же весьма достойнымъ и важнымъ дѣломъ посудить о правительствѣ и считалъ, что то, что А. назначенъ министромъ того-то, а что Б. генералъ-губернаторомъ туда-то, и что государь сказалъ то-то, а министръ то-то, что все это дѣла очень значительныя. И онъ считалъ нужнымъ интересоваться этимъ и разспрашивалъ Пьера. За разспросами этихъ двухъ собесѣдниковъ разговоръ не выходилъ изъ этого обычнаго характера сплетни высшихъ правительственныхъ сферъ.

Но Наташа, знавшая всѣ пріемы и мысли своего мужа, видѣла, что Пьеръ давно хотѣлъ и не могъ вывести разговоръ на другую дорогу и высказать свою задушевную мысль, ту самую, для которой онъ и ѣздилъ въ Петербургъ совѣтоваться съ новымъ другомъ своимъ, княземъ Ѳедоромъ, и она помогла ему вопросомъ: что же его дѣло съ княземъ Ѳедоромъ?

— О чемъ это?—спросилъ Николай.

— Все о томъ же и о томъ же, — сказалъ Пьеръ, оглядываясь вокругъ себя.—Всѣ видятъ, что дѣла идутъ такъ скверно, что это нельзя такъ оставить, и что обязанность всѣхъ честныхъ людей противодѣйствовать по мѣрѣ силъ.

— Что̀ жъ честные люди могутъ сдѣлать?—слегка нахмурившись, сказалъ Николай,—что же можно сдѣлать?

— А вотъ что̀...

— Пойдемте въ кабинетъ,—сказалъ Николай.

Наташа, давно уже угадывавшая, что ее придутъ звать кормить, услыхала зовъ няни и пошла въ дѣтскую. Гра-

финя Марья пошла съ нею. Мужчины пошли въ кабинетъ, и Николенька Болконскій, незамѣченный дядей, пришелъ туда же и сѣлъ въ тѣни, къ окну, у письменнаго стола.

— Ну что же ты сдѣлаешь?—сказалъ Денисовъ.

— Вѣчно фантазіи,—сказалъ Николай.

— Вотъ что,—началъ Пьеръ, не садясь и то ходя по комнатѣ, то останавливаясь, шепелявя и дѣлая быстрые жесты руками въ то время, какъ онъ говорилъ. — Вотъ что. Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицизму (мистицизма Пьеръ никому не прощалъ теперь). Онъ ищетъ только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ дать только тѣ люди безъ вѣры и совѣсти, которые рубятъ и душатъ все сплеча: Магницкій, Аракчеевъ и tutti quanti... Ты согласенъ, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ только спокойствія, то чѣмъ жесточе бы былъ твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли,—обратился онъ къ Николаю.

— Ну, да къ чему ты это говоришь!—сказалъ Николай.

— Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка: шагистика, поселеніе, — мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ итти. Все слишкомъ натянуто и непремѣнно лопнетъ,—говорилъ Пьеръ (какъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство, вглядѣвшись въ дѣйствіе какого бы то ни было правительства, всегда говорятъ люди).—Я одно говорилъ имъ въ Петербургѣ.

— Кому?—спросилъ Денисовъ.

— Ну, вы знаете кому, — сказалъ Пьеръ, значительно взглядывая исподлобья:—князю Ѳедору и имъ всѣмъ. Со-

ревновать просвѣщенію и благотворительности—все это хорошо, разумѣется. Цѣль прекрасная и все; но въ настоящихъ обстоятельствахъ надо другое.

Въ это время Николай замѣтилъ присутствіе племянника. Лицо его сдѣлалось мрачно; онъ подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

— Отчего? Оставь его, — сказалъ Пьеръ, взявъ за руку Николая, и продолжалъ:—этого мало, я имъ говорю: теперь нужно другое. Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянутая струна; когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа взяться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ, свободныхъ людей, какъ вы и я, совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества: Mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.

Николай, оставивъ племянника, сердито передвинулъ кресло, сѣлъ на него и, слушая Пьера, недовольно покашливалъ и все больше и больше хмурился.

— Да съ какою цѣлью дѣятельность?—вскрикнулъ онъ.— И въ какія отношенія станете вы къ правительству?

— Вотъ въ какія! Въ отношенія помощниковъ. Общество можетъ быть и не тайное, ежели правительство его допуститъ. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентльменовъ въ полномъ значеніи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачовъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей, и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное

поссленіе, — мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одной цѣлью общаго блага и общей безопасности.

— Да; но тайное общество, слѣдовательно враждебное и вредное, которое можетъ породить только зло.

— Отчего? Развѣ тугендбундъ, который спасъ Европу (тогда еще не смѣли думать, что Россія спасла Европу), произвелъ что-нибудь вредное? Тугендбундъ — это союзъ добродѣтели: это любовь, взаимная помощь; это то, что на крестѣ проповѣдывалъ Христосъ...

Наташа, въ серединѣ разговора вошедшая въ комнату, радостно смотрѣла на мужа. Она не радовалась тому, что̀ онъ говорилъ. Это даже и не интересовало ее, потому что ей казалось, что все это было чрезвычайно просто, и что она все это давно знала (ей казалось это потому, что она знала все то, изъ чего это выходило,— всю душу Пьера), но она радовалась, глядя на его оживленную, восторженную фигуру.

Еще болѣе радостно-восторженно смотрѣлъ на Пьера забытый всѣми мальчикъ, съ тонкой шеей, выходившей изъ отложныхъ воротничковъ. Всякое слово Пьера жгло его сердце и онъ нервнымъ движеніемъ пальцевъ ломалъ, самъ не замѣчая этого, попадавшіеся ему въ руки сургучи и перья на столѣ дяди.

— Совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь, а вотъ что̀ такое было нѣмецкій тугендбундъ, и тотъ, который я предлагаю.

— Ну, бг'атъ, это колбасникамъ хог'ошо тугендбундъ, а я этого не понимаю, да и не выговог'ю,—послышался громкій, рѣшительный голосъ Денисова.—Все скверг'но и мег'зко, я согласенъ, только тугендбундъ я не понимаю, а не нг'авится—такъ *бунтъ*, вотъ это такъ. Je suis vot'e homme!

Пьеръ улыбнулся, Наташа засмѣялась, но Николай еще болѣе сдвинулъ брови и сталъ доказывать Пьеру, что никакого переворота не предвидится и что вся опасность, о которой онъ говоритъ, находится только въ его воображеніи. Пьеръ доказывалъ противное и, такъ какъ его умственныя способности были сильнѣе и изворотливѣе, Николай почувствовалъ себя поставленнымъ втупикъ. Это еще больше разсердило его, такъ какъ онъ въ душѣ своей, не по разсужденію, а по чему-то сильнѣйшему, чѣмъ разсужденіе, зналъ несомнѣнную справедливость своего мнѣнія.

— Я вотъ что̀ тебѣ скажу,—проговорилъ онъ, вставая и нервными движеніями уставляя въ уголъ трубку и наконецъ бросивъ ее. — Доказать я тебѣ не могу. Ты говоришь, что у насъ все скверно и что будетъ переворотъ; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дѣло, и на это я тебѣ скажу: что ты лучшій другъ мой, ты это знаешь, но составь вы тайное общество, начни вы противодѣйствовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долгъ повиноваться ему. И вели мнѣ сейчасъ Аракчеевъ итти на васъ съ эскадрономъ и рубить—ни на секунду не задумаюсь и пойду. А тамъ суди, какъ хочешь.

Послѣ этихъ словъ произошло неловкое молчаніе. Наташа первая заговорила, защищая мужа и нападая на брата. Защита ея была слаба и неловка, но цѣль ея была достигнута. Разговоръ снова возобновился и уже не въ томъ непріятно-враждебномъ тонѣ, въ которомъ сказаны были послѣднія слова Николая.

Когда всѣ поднялись къ ужину, Николенька Болконскій подошелъ къ Пьеру, блѣдный, съ блестящими, лучистыми глазами.

— Дядя Пьеръ... вы... нѣтъ... Ежоли бы папа былъ живъ... онъ бы согласенъ былъ съ вами?—спросилъ онъ.

Пьеръ вдругъ понялъ, какая особенная, независимая, сложная и сильная работа чувства и мысли должна была происходить въ этомъ мальчикѣ во время разговора и, вспомнивъ все, чтò онъ говорилъ, ему стало досадно, что мальчикъ слышалъ его. Однако надо было отвѣтить ему.

— Я думаю, что да, — сказалъ онъ неохотно, и вышелъ изъ кабинета.

Мальчикъ нагнулъ голову и тутъ въ первый разъ какъ будто замѣтилъ, чтò онъ надѣлалъ на столѣ. Онъ вспыхнулъ и подошелъ къ Николаю.

— Дядя, извини меня, это я сдѣлалъ—нечаянно, — сказалъ онъ, показывая на поломанные сургучи и перья.

Николай сердито вздрогнулъ.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ онъ, бросая подъ столъ куски сургуча и перья. И, видимо, съ трудомъ удерживая поднятый въ немъ гнѣвъ, онъ отвернулся отъ него.

— Тебѣ тутъ и быть вовсе не слѣдовало,—сказалъ онъ.

XV.

За ужиномъ разговоръ не шелъ болѣе о политикѣ и обществахъ, а напротивъ затѣялся самый пріятный для Николая о воспоминаніяхъ 12-го года, на который вызвалъ Денисовъ, и въ которомъ Пьеръ былъ особенно милъ и забавенъ. И родные разошлись въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Когда послѣ ужина Николай, раздѣвшись въ кабинетѣ и отдавъ приказанія заждавшемуся управляющему, пришелъ въ халатѣ въ спальню, онъ засталъ жену еще за письменнымъ столомъ: она что-то писала.

— Что ты пишешь, Мари?—спросилъ Николай. Графиня Марья покраснѣла. Она боялась, что то, что̀ она писала, не будетъ понято и одобрено мужемъ.

Она бы желала скрыть отъ него то, что̀ она писала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рада была тому, что онъ засталъ ее и что надо сказать ему.

— Это дневникъ, Nicolas,—сказала она, подавая ему синенькую тетрадку, исписанную ея твердымъ, крупнымъ почеркомъ.

— Дневникъ?.. — съ оттѣнкомъ насмѣшливости сказалъ Николай и взялъ въ руки тетрадку. Было написано по-французски:

„4-го декабря. Нынче Андрюша (старшій сынъ), проснувшись, не хотѣлъ одѣваться, и m-elle Louise прислала за мною. Онъ былъ въ капризѣ и упрямствѣ. Я попробовала угрожать, но онъ только еще больше разсердился. Тогда я взяла на себя, оставила его и стала съ няней поднимать другихъ дѣтей, а ему сказала, что я не люблю его. Онъ долго молчалъ, какъ бы удивляясь; потомъ въ одной рубашкѣ выскочилъ ко мнѣ и разрыдался такъ, что я долго не могла успокоить. Видно было, что онъ мучился больше всего тѣмъ, что огорчилъ меня; потомъ, когда я вечеромъ дала ему билетецъ, онъ опять жалостно расплакался, цѣлуя меня. Съ нимъ все можно сдѣлать нѣжностью“.

— Что такое билетецъ?—спросилъ Николай.

— Я начала давать старшимъ по вечерамъ записочки, какъ они вели себя.

Николай взглянулъ въ лучистые глаза, смотрѣвшіе на него, и продолжалъ перелистовать и читать. Въ дневникѣ записывалось все то изъ дѣтской жизни, что для матери каза-

лось замѣчательнымъ, выражая характеръ дѣтей или наводя на общія мысли о пріемахъ воспитанія. Это были большей частью самыя ничтожныя мелочи, но они не казались таковыми ни матери, ни отцу, когда онъ теперь въ первый разъ читалъ этотъ дѣтскій дневникъ.

5-го декабря было написано:

„Митя шалилъ за столомъ. Папа не велѣлъ ему давать пирожнаго. Ему не дали; но онъ такъ жалостно и жадно смотрѣлъ на другихъ, пока они ѣли. Я думаю, что наказывать, не давая сласти, только развиваетъ жадность. Сказать Nicolas“.

Николай оставилъ книжку и посмотрѣлъ на жену. Лучистые глаза вопросительно (одобрялъ или не одобрялъ онъ дневникъ) смотрѣли на него. Не могло быть сомнѣнія не только въ одобреніи, но въ восхищеніи Николая передъ своей женой.

„Можетъ-быть это не нужно было дѣлать такъ педантически, можетъ быть и вовсе не нужно“, думалъ Николай; но это неустанное, вѣчное, душевное напряженіе, имѣющее цѣлью только нравственное добро дѣтей, восхищало его. Ежели бы Николай могъ сознавать свое чувство, то онъ нашелъ бы, что главное основаніе его твердой, нѣжной и гордой любви къ женѣ имѣло основаніемъ всегда это чувство удивленія передъ ея душевностью, передъ тѣмъ, почти недоступнымъ Николаю возвышеннымъ, нравственнымъ міромъ, въ которомъ всегда жила его жена.

Онъ гордился тѣмъ, что она такъ умна и хороша, сознавая свое ничтожество передъ нею въ мірѣ духовномъ, и тѣмъ болѣе радовался тому, что она съ своей душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого.

— Очень и очень одобряю, мой другъ,—сказалъ онъ съ

значительнымъ видомъ. И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—а я нынче скверно себя велъ. Тебя не было въ кабинетѣ. Мы заспорили съ Пьеромъ, и я погорячился. Да невозможно. Это такой ребенокъ. Я не знаю, чтò бы съ нимъ было, ежели бы Наташа не держала его подъ уздцы. Можешь себѣ представить, зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ?.. Они тамъ устроили...

— Да, я знаю,—сказала графиня Марья.—Мнѣ Наташа разсказала.

— Ну такъ ты знаешь, — горячась при одномъ воспоминаніи о спорѣ, продолжалъ Николай. — Онъ хочетъ меня увѣрить, чти обязанность всякаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы итти противъ правительства, тогда какъ присяга и долгъ... Я жалѣю, что тебя не было. А то на меня всѣ напали, и Денисовъ, и Наташа... Наташа уморительна. Вѣдь какъ она его подъ башмакомъ держитъ, а чуть дѣло до разсужденій—у нея своихъ словъ нѣтъ—она такъ его словами и говоритъ, — прибавилъ Николай, поддаваясь тому непреодолимому стремленію, которое вызываетъ на сужденія о людяхъ самыхъ дорогихъ и близкихъ. Николай забывалъ, что слово въ слово то же, что онъ говорилъ о Наташѣ, можно было сказать о немъ въ отношеніи его жены.

— Да, я это замѣчала,—сказала графиня Марья.

— Когда я ему сказалъ, что долгъ и присяга выше всего, онъ сталъ доказывать Богъ знаетъ что. Жаль, что тебя не было, чтò бы ты сказала?

— По моему, ты совершенно правъ. Я такъ и сказала Наташѣ. Пьеръ говоритъ, что всѣ страдаютъ, мучатся, развращаются, и что нашъ долгъ помочь ближнимъ. Разумѣется, онъ правъ,—говорила графиня Марья; но онъ забываетъ, что

у насъ есть другія обязанности ближе, которыя самъ Богъ указалъ намъ, и что мы можемъ рисковать собой, но не дѣтьми.

— Ну вотъ, вотъ, это самое я и говорилъ ему,—подхватилъ Николай, которому дѣйствительно казалось, что онъ говорилъ это самое.—А они свое, что любовь къ ближнему и христіанство, и все это при Николенькѣ, который тутъ забрался въ кабинетъ и переломалъ все.

— Ахъ, знаешь ли, Nicolas, Николенька такъ часто меня мучитъ,—сказала графиня Марья.—Это такой необыкновенный мальчикъ. И я боюсь, что я забываю его за своими. У насъ у всѣхъ дѣти, у всѣхъ родня; а у него никого нѣтъ. Онъ вѣчно одинъ съ своими мыслями.

— Ну, ужъ кажется тебѣ себя упрекать за него нечего. Все, что можетъ сдѣлать самая нѣжная мать для своего сына, ты дѣлала и дѣлаешь для него. И я, разумѣется, радъ этому. Онъ славный, славный мальчикъ. Нынче онъ въ какомъ-то безпамятствѣ слушалъ Пьера. И можешь себѣ представить, мы выходимъ къ ужину, я смотрю, онъ изломалъ въ дребезги у меня все на столѣ, и сейчасъ же сказалъ. Я никогда не видалъ, чтобъ онъ сказалъ неправду. Славный, славный мальчикъ!—повторилъ Николай, которому по душѣ не нравился Николенька, но котораго ему всегда хотѣлось признавать славнымъ.

— Все я не то, что мать,—сказала графиня Марья,—я чувствую, что не то, и меня это мучитъ. Чудесный мальчикъ; но я ужасно боюсь за него. Ему полезно будетъ общество.

— Что жъ не надолго; нынче лѣтомъ я отвезу его въ Петербургъ,—сказалъ Николай.

— Да, Пьеръ всегда былъ и останется мечтателемъ,— продолжалъ онъ, возвращаясь къ разговору въ кабинетѣ, который видимо взволновалъ его. — Ну, какое дѣло мнѣ до всего этого тамъ,—что Аракчеевъ не хорошъ и все,—какое мнѣ до этого дѣло было, когда я женился и у меня долговъ столько, что меня въ яму сажаютъ, и мать, которая этого не можетъ видѣть и понимать. А потомъ ты, дѣти, дѣла. Развѣ я для своего удовольствія съ утра до вечера по дѣламъ и въ конторѣ. Нѣтъ, я знаю, что я долженъ работать, чтобъ успокоить мать, отплатить тебѣ, и дѣтей не оставить такими нищими, какимъ я былъ.

Графинѣ Марьѣ хотѣлось сказать ему, что не о единомъ хлѣбѣ сытъ будетъ человѣкъ, что онъ слишкомъ много приписываетъ важности этимъ *дѣламъ*, но она знала, что этого говорить не нужно и безполезно. Она только взяла его руку и поцѣловала. Онъ принялъ этотъ жестъ жены за одобреніе и подтвержденіе своихъ мыслей и, подумавъ нѣсколько времени молча, вслухъ продолжалъ свои мысли.

— Ты знаешь, Мари, — сказалъ онъ, — нынче пріѣхалъ Илья Митрофанычъ (это былъ управляющій дѣлами) изъ тамбовской деревни и разсказываетъ, что за лѣсъ уже даютъ 80 тысячъ.—И Николай съ оживленнымъ лицомъ сталъ разсказывать о возможности въ весьма скоромъ времени выкупить Отрадное. — Еще десять годковъ жизни, и я оставлю дѣтямъ... въ отличномъ положеніи.

Графиня Марья слушала мужа и понимала все, что онъ говорилъ ей. Она знала, что когда онъ такъ думалъ вслухъ, онъ иногда спрашивалъ ее, что̀ онъ сказалъ, и сердился, когда замѣчалъ, что она думала о другомъ. Но она дѣлала для этого большія усилія, потому что ее нисколько не инте-

ресовало то, что̀ онъ говорилъ. Она смотрѣла на него и не то—что думала о другомъ, а чувствовала о другомъ. Она чувствовала покорную, нѣжную любовь къ этому человѣку, который никогда не пойметъ всего того, что̀ она понимаетъ, и какъ бы отъ этого, она еще сильнѣе, съ оттѣнкомъ страстной нѣжности, любила его. Кромѣ этого чувства, поглощавшаго ея всю и мѣшавшаго ей вникать въ подробности плановъ мужа, въ головѣ ея мелькали мысли, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что онъ говорилъ. Она думала о племянникѣ (разсказъ мужа о его волненіи при разговорѣ Пьера сильно поразилъ ее), и различныя черты его нѣжнаго, чувствительнаго характера представлялись ей; и она, думая о племянникѣ, думала и о своихъ дѣтяхъ. Она не сравнивала племянника и своихъ дѣтей, но она сравнивала свое чувство къ нимъ, и съ грустью находила, что въ чувствѣ ея къ Николенькѣ чего-то недоставало.

Иногда ей приходила мысль, что различіе это происходитъ отъ возраста; но она чувствовала, что была виновата передъ нимъ и въ душѣ своей обѣщала себѣ исправиться и сдѣлать невозможное, т.-е. въ этой жизни любить и своего мужа, и дѣтей, и Николеньку, и всѣхъ ближнихъ такъ, какъ Христосъ любилъ человѣчество. Душа графини Марьи всегда стремилась къ безконечному, вѣчному и совершенному, и потому никогда не могла быть покойна. На лицѣ ея выступило строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души, тяготящейся тѣломъ. Николай посмотрѣлъ на нее. „Боже мой! что съ нами будетъ, если она умретъ, какъ это мнѣ кажется, когда у нея такое лицо“, подумалъ онъ и, ставъ передъ образомъ, онъ сталъ читать вечернія молитвы.

XVI.

Наташа, оставшись съ мужемъ одна, тоже разговаривала такъ, какъ только разговариваютъ жена съ мужемъ, т.-е. съ необыкновенной ясностью и быстротой познавая и сообщая мысли другъ друга, путемъ, противнымъ всѣмъ правиламъ логики, безъ посредствъ сужденій, умозаключеній и выводовъ, а совершенно особеннымъ способомъ. Наташа до такой степени привыкла говорить съ мужемъ этимъ способомъ, что вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что что-нибудь было не ладно между ней и мужемъ, для нея служилъ логическій ходъ мыслей Пьера. Когда онъ начиналъ доказывать, говорить разсудительно и спокойно, и когда она, увлекаясь его примѣромъ, начинала дѣлать то же, она знала, что это непремѣнно поведетъ къ ссорѣ.

Съ того самаго времени, какъ они остались одни, и Наташа съ широко раскрытыми, счастливыми глазами подошла къ нему тихо и вдругъ, быстро схвативъ его за голову, прижала ее къ своей груди и сказала: „теперь весь, весь мой, мой! Не уйдешь!“ — съ этого времени начался этотъ разговоръ, противный всѣмъ законамъ логики, противный уже потому, что въ одно и то же время говорилось о совершенно различныхъ предметахъ. Это одновременное обсужденіе многаго не только не мѣшало ясности пониманія, но, напротивъ, было вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что они вполнѣ понимаютъ другъ друга.

Какъ въ сновидѣніи все бываетъ невѣрно, безсмысленно и противорѣчиво, кромѣ чувства, руководящаго сновидѣніемъ, такъ и въ этомъ общеніи, противномъ всѣмъ законамъ раз-

судка, послѣдовательны и ясны не рѣчи, а только чувство, которое руководитъ ими.

Наташа разсказала Пьеру о житьѣ-бытьѣ брата, о томъ, какъ она страдала, а не жила безъ мужа, и о томъ, какъ она еще больше полюбила Мари, и о томъ, какъ Мари во всѣхъ отношеніяхъ лучше ея. Говоря это, Наташа признавалась искренно въ томъ, что она видитъ превосходство Мари, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она, говоря это, требовала отъ Пьера, чтобы онъ все-таки предпочиталъ ее Мари и всѣмъ другимъ женщинамъ, и теперь вновь, особенно послѣ того, какъ онъ видѣлъ много женщинъ въ Петербургѣ, повторилъ бы ей это.

Пьеръ, отвѣчая на слова Наташи, разсказалъ ей, какъ невыносимо было для него въ Петербургѣ бывать на вечерахъ и обѣдахъ съ дамами.

— Я совсѣмъ разучился говорить съ дамами, — сказалъ онъ,—просто скучно. Особенно я такъ былъ занятъ.

Наташа пристально посмотрѣла на него и продолжала:

— Мари—это такая прелесть!—сказала она.—Какъ она умѣетъ понимать дѣтей. Она какъ будто только душу ихъ видитъ. Вчера, напримѣръ, Митенька сталъ капризничать...

— А какъ онъ похожъ на отца,—перебилъ Пьеръ.

Наташа поняла, почему онъ сдѣлалъ это замѣчаніе о сходствѣ Митеньки съ Николаемъ: ему непріятно было воспоминаніе объ его спорѣ съ шуриномъ и хотѣлось знать объ этомъ мнѣніе Наташи.

— У Николеньки есть эта слабость, что если что̀ не принято всѣми, онъ ни за что не согласится. А я понимаю, ты именно дорожишь тѣмъ, чтобы ouvrir une carrière,—сказала она, повторяя слова, разъ сказанныя Пьеромъ.

— Нѣтъ, главное то, что для Николая,—сказалъ Пьеръ,— мысли и разсужденія — забава, почти препровожденіе времени. Вотъ онъ собираетъ библіотеку и за правило поставилъ не покупать новую книгу, не прочтя купленную — и Сисмонди, и Руссо, и Монтескье, — съ улыбкой прибавилъ Пьеръ.— Ты вѣдь знаешь, какъ я его...—началъ было онъ смягчать свои слова; но Наташа перебила его, давая чувствовать, что это не нужно.

— Такъ ты говоришь, для него мысли—забава...

— Да, а для меня все остальное забава. Я все время въ Петербургѣ какъ во снѣ всѣхъ видѣлъ. Когда меня занимаетъ мысль, то все остальное забава.

— Ахъ, какъ жаль, что я не видала, какъ ты здоровался съ дѣтьми,—сказала Наташа.—Которая больше всѣхъ обрадовалась? Вѣрно Лиза?

— Да, — сказалъ Пьеръ и продолжалъ то, что занимало его.—Николай говоритъ, мы не должны думать. Да я не могу. Не говоря уже о томъ, что въ Петербургѣ я чувствовалъ это (я тебѣ могу сказать), что безъ меня все это распадалось, каждый тянулъ въ свою сторону. Но мнѣ удалось всѣхъ соединить, и потомъ моя мысль такъ проста и ясна. Вѣдь я не говорю, что мы должны противодѣйствовать тому-то и тому-то. Мы можемъ ошибаться. А я говорю: возьмитесь рука съ рукой тѣ, которые любятъ добро, и пусть будетъ одно знамя дѣятельная добродѣтель. Князь Сергій славный человѣкъ и уменъ.

Наташа не сомнѣвалась бы въ томъ, что мысль Пьера была великая мысль, но одно смущало ее. Это было то, что онъ былъ ея мужъ. „Неужели такой важный и нужный человѣкъ для общества—вмѣстѣ съ тѣмъ мой мужъ. Отчего это такъ случилось?—Ей хотѣлось выразить ему это сомнѣніе. „Кто

и кто тѣ люди, которые могли бы рѣшить, дѣйствительно ли онъ такъ умнѣе всѣхъ“, спрашивала она себя и перебирала въ своемъ воображеніи тѣхъ людей, которые были очень уважаемы Пьеромъ. Никого изъ всѣхъ людей, судя по его разсказамъ, онъ такъ не уважалъ какъ Платона Каратаева.

— Ты знаешь о чемъ я думаю? — сказала она, — о Платонѣ Каратаевѣ. Какъ онъ? Одобрилъ бы тебя теперь?

Пьеръ нисколько не удивился этому вопросу. Онъ понялъ ходъ мыслей жены.

— Платонъ Каратаевъ?—сказалъ онъ и задумался, видимо искренно стараясь представить себѣ сужденіе Каратаева объ этомъ предметѣ.—Онъ не понялъ бы, а впрочемъ, можетъ быть, что да.

— Я ужасно люблю тебя! — сказала вдругъ Наташа. — Ужасно! Ужасно!

— Нѣтъ, не одобрилъ бы,—сказалъ Пьеръ, подумавъ.— Что̀ онъ одобрилъ бы, это нашу семейную жизнь. Онъ такъ желалъ видѣть во всемъ благообразіе, счастье, спокойствіе, и я съ гордостью бы показалъ ему насъ. Вотъ ты говоришь—разлука. А ты не повѣришь, какое особенное чувство я къ тебѣ имѣю послѣ разлуки...

— Да вотъ еще...—начала было Наташа.

— Нѣтъ, не то. Я никогда не перестаю тебя любить. И больше любить нельзя; а это особенно... Ну да...—онъ не договорилъ, потому что встрѣтившійся взглядъ ихъ договорилъ остальное.

— Какія глупости, — вдругъ сказала Наташа, — медовый мѣсяцъ и что самое счастье въ первое время. Напротивъ, теперь самое лучшее. Ежели бы ты только не уѣзжалъ. Помнишь, какъ мы ссорились. И всегда я была виновата. Всегда я. И о чемъ мы ссорились, я не помню даже.

— Все объ одномъ,—сказалъ Пьеръ улыбаясь,—ревно...

— Не говори, терпѣть не могу,—вскрикнула Наташа. И холодный, злой блескъ засвѣтился въ ея глазахъ.—Ты видѣлъ ее?—прибавила она, помолчавъ.

— Нѣтъ, да и видѣлъ бы, не узналъ.

Они помолчали.

— Ахъ, знаешь? Когда ты въ кабинетѣ говорилъ, я смотрѣла на тебя,—заговорила Наташа, видимо стараясь отогнать набѣжавшее облако. Ну, двѣ капли воды ты на него похожъ, на мальчика. Она такъ называла сына. Ахъ, пора къ нему итти... Пришло... А жалко уходить.

Они замолчали... на нѣсколько секундъ. Потомъ вдругъ въ одно и то же время повернулись другъ къ другу и начали что-то говорить. Пьеръ началъ съ самодовольствіемъ и увлеченіемъ; Наташа — съ тихой, счастливой улыбкой. Столкнувшись, они оба остановились, давая другъ другу дорогу.

— Нѣтъ, ты что̀?—говори, говори.

— Нѣтъ, ты скажи, я такъ, глупости,—сказала Наташа.

Пьеръ сказалъ то, что̀ онъ началъ. Это было продолженіе его самодовольныхъ разсужденій объ его успѣхѣ въ Петербургѣ. Ему казалось въ эту минуту, что онъ былъ призванъ дать новое направленіе всему русскому обществу и всему міру.

— Я хотѣлъ сказать только, что всѣ мысли, которыя имѣютъ огромныя послѣдствія, всегда просты. Вся моя мысль въ томъ, что ежели люди порочные связаны между собой и составляютъ силу, то людямъ честнымъ надо сдѣлать только то же самое. Вѣдь какъ просто.

— Да.

— А ты что хотѣла сказать?

— Я такъ, глупости.

— Нѣтъ, все-таки.

— Да ничего, пустяки, — сказала Наташа, еще свѣтлѣе просіявъ улыбкой; — я только хотѣла сказать про Петю: нынче няня подходитъ взять его отъ меня, онъ засмѣялся, зажмурился и прижался ко мнѣ,—вѣрно думалъ, что спрятался. Ужасно милъ. Вотъ онъ кричитъ. Ну прощай! — И она пошла изъ комнаты.

Въ то же время внизу, въ отдѣленіи Николеньки Болконскаго, въ его спальнѣ, какъ всегда горѣла лампада (мальчикъ боялся темноты, и его не могли отучить отъ этого недостатка). Десаль спалъ высоко на своихъ четырехъ подушкахъ и его римскій носъ издавалъ равномѣрные звуки храпѣнья. Николенька, только что проснувшись, въ холодномъ поту, съ широко-раскрытыми глазами, сидѣлъ на своей постели и смотрѣлъ передъ собою. Страшный сонъ разбудилъ его. Онъ видѣлъ во снѣ себя и Пьера въ каскахъ, такихъ, которыя были нарисованы въ изданіи Плутарха. Они съ дядей Пьеромъ шли впереди огромнаго войска. Войско это было составлено изъ бѣлыхъ, косыхъ линій, наполнявшихъ воздухъ подобно тѣмъ паутинамъ, которыя летаютъ осенью и которыя Десаль называлъ le fil de la Vierge. Впереди была слава, такая же какъ и эти нити, но только нѣсколько плотнѣе. Они — онъ и Пьеръ — неслись легко и радостно все ближе и ближе къ цѣли. Вдругъ нити, которыя двигали ихъ, стали ослабѣвать, путаться; стало тяжело. И дядя Николай Ильичъ остановился передъ ними въ грозной и строгой позѣ.

„Это вы сдѣлали? — сказалъ онъ, указывая на поломанные сургучи и перья.—Я любилъ васъ, но Аракчеевъ велѣлъ мнѣ, и я убью перваго, кто двинется впередъ". Николенька оглянулся на Пьера; но Пьера уже не было. Пьеръ былъ

отецъ — князь Андрей, и отецъ не имѣлъ образа и формы, но онъ былъ, и видя его, Николенька почувствовалъ слабость любви: онъ почувствовалъ себя безсильнымъ, безкостнымъ и жидкимъ. Отецъ ласкалъ и жалѣлъ его. Но дядя Николай Ильичъ все ближе и ближе надвигался на нихъ. Ужасъ охватилъ Николеньку и онъ проснулся.

„Отецъ, — думалъ онъ. — Отецъ (несмотря на то, что въ домѣ было два похожихъ портрета, Николенька никогда не воображалъ князя Андрея въ человѣческомъ образѣ) отецъ былъ со мною и ласкалъ меня. Онъ одобрялъ меня, онъ одобрялъ дядю Пьера. — Что бы онъ ни говорилъ, — я сдѣлаю это. Муцій Сцевола сжегъ свою руку. Но отчего же и у меня въ жизни не будетъ того же? Я знаю, они хотятъ, чтобы я учился. И я буду учиться. Но когда-нибудь я перестану; и тогда я сдѣлаю. Я только объ одномъ прошу Бога: чтобы было со мною то, что было съ людьми Плутарха, и я сдѣлаю то же. Я сдѣлаю лучше. Всѣ узнають, всѣ полюбятъ, всѣ восхитятся мною. — И вдругъ Николенька почувствовалъ рыданія, захватившія его грудь, и заплакалъ.

— Вы нездоровы?—послышался голосъ Десаля.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Николенька и легъ на подушку. — Онъ добрый и хорошій, я люблю его, — думалъ онъ о Десалѣ.—А дядя Пьеръ! О какой чудный человѣкъ. А отецъ? Отецъ! Отецъ! Да я сдѣлаю то, чѣмъ бы даже *онъ* былъ доволенъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Предметъ исторіи есть жизнь народовъ и человѣчества. Непосредственно уловить и обнять словомъ,—описать жизнь не только человѣчества, но одного народа, представляется невозможнымъ.

Всѣ древніе историки употребляли одинъ и тотъ же пріемъ для того, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали дѣятельность единичныхъ людей, правящихъ народомъ, и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣятельность всего народа.

На вопросы о томъ: какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народы по своей волѣ и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древніе отвѣчали: на первый вопросъ—признаніемъ воли Божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка и на второй вопросъ—признаніемъ того же Божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли.

Для древнихъ вопросы эти разрѣшались вѣрою въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества.

Новая исторія въ теоріи своей отвергла оба эти положенія.

Казалось бы, что отвергнувъ вѣрованія древнихъ о подчиненіи людей Божеству и объ опредѣленной цѣли, къ которой ведутся народы, новая исторія должна бы была изучать не проявленія власти, а причины, образующія ее. Но новая исторія не сдѣлала этого. Отвергнувъ въ теоріи воззрѣнія древнихъ, она слѣдуетъ имъ на практикѣ.

Вмѣсто людей, одаренныхъ божественной властью и непосредственно руководимыхъ волею Божества, новая исторія поставила или героевъ, одаренныхъ необыкновенными, нечеловѣческими способностями, или просто людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ, отъ монарховъ до журналистовъ, руководящихъ массами. Вмѣсто прежнихъ, угодныхъ Божеству, цѣлей народовъ: іудейскаго, греческаго, римскаго, которыя древнимъ представлялись цѣлями движенія человѣчества, новая исторія поставила свои цѣли — блага французскаго, германскаго, англійскаго и, въ самомъ своемъ высшемъ отвлеченіи, цѣли блага цивилизаціи всего человѣчества, подъ которымъ разумѣются обыкновенно народы, занимающіе маленькій сѣверо-западный уголокъ большого материка.

Новая исторія отвергла вѣрованія древнихъ, не поставивъ на мѣсто ихъ новаго воззрѣнія, и логика положенія заставила историковъ, мнимо отвергшихъ божественную власть царей и фатумъ древнихъ, притти другимъ путемъ къ тому же самому: къ признанію того, что 1) народы руководятся единичными людьми, и 2) что существуетъ извѣстная цѣль, къ которой движутся народы и человѣчество.

Во всѣхъ сочиненіяхъ новѣйшихъ историковъ отъ Гибона до Бокля, несмотря на ихъ кажущееся разногласіе и на кажущуюся новизну ихъ воззрѣній, лежатъ въ основѣ эти два старыя неизбѣжныя положенія.

Во-первыхъ, историкъ описываетъ дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, по его мнѣнію, руководившихъ человѣчествомъ (одинъ считаетъ таковыми однихъ монарховъ, полководцевъ, министровъ; другой, кромѣ монарховъ и ораторовъ, — ученыхъ, реформаторовъ, философовъ, поэтовъ). Во-вторыхъ, цѣль, къ которой ведется человѣчество, извѣстна историку (для одного цѣль эта есть величіе римскаго, испанскаго, французскаго государствъ; для другого—это свобода, равенство, извѣстнаго рода цивилизація маленькаго уголка міра, называемаго Европою).

Въ 1789-мъ году поднимается броженіе въ Парижѣ; оно растетъ, разливается и выражается движеніемъ народовъ съ запада на востокъ. Нѣсколько разъ движеніе это направляется на востокъ; приходитъ въ столкновеніе съ противодвиженіемъ съ востока на западъ; въ 12-мъ году оно доходитъ до своего крайняго предѣла—Москвы, и, съ замѣчательной симметріей совершается противодвиженіе съ востока на западъ, точно такъ же, какъ въ первомъ движеніи, увлекая за собой серединные народы. Обратное движеніе доходитъ до точки исхода движенія на западѣ,—до Парижа, и затихаетъ.

Въ этотъ 20-ти лѣтній періодъ времени огромное количество полей не паханы; дома сожжены; торговля перемѣняетъ направленіе; милліоны людей бѣднѣютъ, богатѣютъ, переселяются и милліоны людей христіанъ, исповѣдующихъ законъ любви ближняго, убиваютъ другъ друга.

Чтò такое все это значитъ? отчего произошло это? Чтò заставляло этихъ людей сжигать дома и убивать себѣ подобныхъ? Какія были причины этихъ событій? Какая сила заставила людей поступать такимъ образомъ? вотъ неволь-

ные, простодушные и самые законные вопросы, которые предлагаетъ себѣ человѣчество, натыкаясь на памятники и преданія прошедшаго періода движенія.

За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ здравый смыслъ человѣчества обращается къ наукѣ исторіи, имѣющей цѣлью самопознаніе народовъ и человѣчества.

Ежели бы исторія удержала воззрѣніе древнихъ, она бы сказала: Божество, въ награду или въ наказаніе своему народу, дало Наполеону власть и руководило его волей для достиженія своихъ божественныхъ цѣлей. И отвѣтъ былъ бы полный и ясный. Можно было вѣровать или не вѣровать въ божественное значеніе Наполеона; для вѣрующихъ въ него, во всей исторіи этого времени, все было бы понятно и не могло бы быть ни одного противорѣчія.

Но новая исторія не можетъ отвѣчать такимъ образомъ. Наука не признаетъ воззрѣнія древнихъ на непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества и потому она должна дать другіе отвѣты.

Новая исторія, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ: вы хотите знать, что̀ значитъ это движеніе, отчего оно произошло и какая сила произвела эти событія? Слушайте.

„Людовикъ XIV былъ очень гордый и самонадѣянный человѣкъ; у него были такія-то любовницы и такіе-то министры, и онъ дурно управлялъ Франціей. Наслѣдники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Франціей. И у нихъ были такіе-то любимцы и такія-то любовницы. Притомъ, нѣкоторые люди писали въ это время книжки. Въ концѣ 18-го столѣтія въ Парижѣ собралось десятка два людей, которые стали говорить о томъ, что всѣ люди равны и свободны. Отъ этого во всей Франціи люди стали рѣзать и то-

пить другъ друга. Люди эти убили короля и еще многихъ. Въ это же время во Франціи былъ геніальный человѣкъ — Наполеонъ. Онъ вездѣ всѣхъ побѣждалъ, т.-е. убивалъ много людей, потому — что онъ былъ очень геніаленъ. И онъ поѣхалъ убивать для чего-то африканцевъ, и такъ хорошо ихъ убивалъ и былъ такой хитрый и умный, что, пріѣхавъ во Францію, велѣлъ всѣмъ себѣ повиноваться. И всѣ повиновались ему. Сдѣлавшись императоромъ, онъ опять пошелъ убивать народъ въ Италіи, Австріи и Пруссіи. И тамъ много убилъ. Въ Россіи же былъ императоръ Александръ, который рѣшился возстановить порядокъ въ Европѣ и потому воевалъ съ Наполеономъ. Но въ 7-мъ году онъ вдругъ подружился съ нимъ, а въ 11-мъ опять поссорился, и опять они стали убивать много народа. И Наполеонъ привелъ 600 тысячъ человѣкъ въ Россію и завоевалъ Москву; а потомъ онъ вдругъ убѣжалъ изъ Москвы, и тогда императоръ Александръ, съ помощью совѣтовъ Штейна и другихъ, соединилъ Европу для ополченія противъ нарушителя ея спокойствія. Всѣ союзники Наполеона сдѣлались вдругъ его врагами; и это ополченіе пошло противъ собравшаго новыя силы Наполеона. Союзники побѣдили Наполеона; вступили въ Парижъ; заставили Наполеона отречься отъ престола и послали его на островъ Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уваженіе, несмотря на то, что 5 лѣтъ тому назадъ, и годъ послѣ этого, всѣ его считали разбойникомъ внѣ закона. А царствовать сталъ Людовикъ XVIII, надъ которымъ до тѣхъ поръ и французы и союзники только смѣялись. Наполеонъ же, проливая слезы передъ старой гвардіей, отрекся отъ престола и поѣхалъ въ изгнаніе. Потомъ искусные, государственные люди и дипломаты (въ осо-

бенности Талейранъ, успѣвшій сѣсть прежде другого на извѣстное кресло и тѣмъ увеличившій границы Франціи) разговаривали въ Вѣнѣ и этими разговорами дѣлали народы счастливыми или несчастливыми. Вдругъ дипломаты и монархи чуть было не поссорились; они уже готовы были опять велѣть своимъ войскамъ убивать другъ друга; но въ это время Наполеонъ съ баталіономъ пріѣхалъ во Францію, и французы, ненавидѣвшіе его, тотчасъ же всѣ ему покорились. Но союзные монархи за это разсердились и пошли опять воевать съ французами. И геніальнаго Наполеона побѣдили и повезли на островъ Элены, вдругъ признавъ его разбойникомъ. И тамъ изгнанникъ, разлученный съ милыми сердцу и съ любимой имъ Франціей, умиралъ на скалѣ медленной смертью, и передалъ свои великія дѣянія потомству. А въ Европѣ произошла реакція, и всѣ государи стали опять обижать свои народы".

Напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка, — карикатура историческихъ описаній. Напротивъ, это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ *вся* исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новаго рода исторій *культуры* того времени.

Странность и комизмъ этихъ отвѣтовъ вытекаютъ изъ того, что новая исторія подобна глухому человѣку, отвѣчающему на вопросы, которыхъ никто ему не дѣлаетъ.

Если цѣль исторіи есть описаніе движенія человѣчества и народовъ, то первый вопросъ, безъ отвѣта на который все остальное непонятно,—слѣдующій: какая сила движетъ народами? На этотъ вопросъ новая исторія озабоченно раз-

сказываетъ или то, что Наполеонъ былъ очень геніаленъ, или то, что Людовикъ XIV былъ очень гордъ, или то, что такіе-то писатели написали такія-то книжки.

Все это очень можетъ быть, и человѣчество готово на это согласиться; но оно не объ этомъ спрашиваетъ. Все это могло бы быть интересно, если бы мы признавали божественную власть, основанную на самой себѣ и всегда одинаковую, управляющею своими народами черезъ Наполеоновъ, Людовиковъ и писателей; но власти этой мы не признаемъ и потому прежде, чѣмъ говорить о Наполеонахъ, Людовикахъ и писателяхъ, надо показать существующую связь между этими лицами и движеніемъ народовъ.

Если вмѣсто божественной власти стала другая сила, то надо объяснить, въ чемъ состоитъ эта новая сила, ибо именно въ этой-то силѣ и заключается весь интересъ исторіи.

Исторія какъ будто предполагаетъ, что сила эта сама собой разумѣется и всѣмъ извѣстна. Но, несмотря на все желаніе признать эту новую силу извѣстною, тотъ, кто прочтетъ очень много историческихъ сочиненій, невольно усомнится въ томъ, чтобы новая сила эта, такъ различно понимаемая самими историками, была всѣмъ совершенно извѣстна.

II.

Какая сила движетъ народами?

Частные историки біографическіе и историки отдѣльныхъ народовъ понимаютъ эту силу, какъ власть, присущую героямъ и владыкамъ. По ихъ описаніямъ, событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ или вообще тѣхъ лицъ, которыя описываетъ частный историкъ. Отвѣты, даваемые этого рода историками на вопросъ о той

силѣ, которая движетъ событіями, удовлетворительны, но только до тѣхъ поръ, пока существуетъ одинъ историкъ по каждому событію. Но какъ скоро историки различныхъ національностей и воззрѣній начинають описывать одно и то же событіе, то отвѣты, ими даваемые, тотчасъ же теряютъ весь смыслъ, ибо сила эта понимается каждымъ изъ нихъ не только различно, но часто совершенно противоположно. Одинъ историкъ утверждаетъ, что событіе произведено властью Наполеона; другой утверждаетъ, что оно произведено властью Александра; третій,—что властью какого-нибудь третьяго лица. Кромѣ того, историки этого рода противорѣчатъ одинъ другому даже и въ объясненіяхъ той силы, на которой основана власть одного и того же лица. Тьеръ, бонапартистъ, говоритъ, что власть Наполеона была основана на его добродѣтели и геніальности; Lanfrey, республиканецъ, говоритъ, что она была основана на его мошенничествѣ и на обманѣ народа. Такъ, что историки этого рода, взаимно уничтожая положенія другъ друга, тѣмъ самымъ уничтожаютъ понятіе о силѣ, производящей событія, и не даютъ никакого отвѣта на существенный вопросъ исторіи.

Общіе историки, имѣющіе дѣло со всѣми народами, какъ будто признаютъ несправедливость воззрѣнія частныхъ историковъ на силу, производящую событія. Они не признаютъ этой силы, какъ власть, присущую героямъ и владыкамъ, а признаютъ ее результатомъ разнообразно направленныхъ многихъ силъ. Описывая войну или покореніе народа, общій историкъ отыскиваетъ причину событія не во власти одного лица, но во взаимнодѣйствіи другъ на друга многихъ лицъ, связанныхъ съ событіемъ.

По этому воззрѣнію власть историческихъ лицъ, предста-

вляясь произведеніемъ многихъ силъ, казалось бы, не можетъ уже быть разсматриваема, какъ сила, сама себѣ производящая событія. Между тѣмъ общіе историки, въ большей части случаевъ, употребляютъ понятіе о власти опять какъ силу, саму въ себѣ производящую событія и относящуюся къ нимъ, какъ причина. По ихъ изложенію то историческое лицо есть произведеніе своего времени, и власть его есть только произведеніе различныхъ силъ, то власть его есть сила, производящая событія. Гервинусъ, Шлоссеръ, напримѣръ, и другіе то доказываютъ, что Наполеонъ есть произведеніе революціи, идей 1789 года и т. д., то прямо говорятъ, что походъ 12-го года и другія неправящіяся имъ событія суть только произведенія ложно направленной воли Наполеона и что самыя идеи 1789 года были остановлены въ своемъ развитіи вслѣдствіе произвола Наполеона. Идеи революціи, общее настроеніе произвело власть Наполеона. Власть же Наполеона подавила идеи революціи и общее настроеніе.

Странное противорѣчіе это не случайно. Оно не только встрѣчается на каждомъ шагу, но изъ послѣдовательнаго ряда такихъ противорѣчій составлены всѣ описанія общихъ историковъ. Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что, вступивъ на почву анализа, общіе историки останавливаются на половинѣ дороги.

Для того, чтобы найти составляющія силы, равныя составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной. Это-то условіе никогда не соблюдено общими историками, и потому, чтобы объяснить силу равнодѣйствующую, они необходимо должны допускать, кромѣ недостаточныхъ, составляющихъ еще необъясненную силу, и дѣйствующую по составной.

Частный историкъ, описывая походъ ли 13-го года, или возстановленіе Бурбоновъ, прямо говоритъ, что событія эти произведены волей Александра. Но общій историкъ Гервинусъ, опровергая это воззрѣніе частнаго историка, стремится показать, что походъ 13-го года и возстановленіе Бурбоновъ, кромѣ воли Александра, имѣли причинами дѣятельность Штейна, Метерниха, m-me Staël, Талейрана, Фихте, Шатобріана и другихъ. Историкъ, очевидно, разложилъ власть Александра на составныя: Талейрана, Шатобріана и т. д., сумма этихъ составныхъ, т.-е. воздѣйствіе другъ на друга Шатобріана, Талейрана, m-me Staël и другихъ, очевидно не равняется всей равнодѣйствующей, т.-е. тому явленію, что милліоны французовъ покорились Бурбонамъ. Изъ того, что Шатобріанъ, m-me Staël и др. сказали другъ другу такія-то слова, вытекаетъ только ихъ отношеніе между собой, но не покореніе милліоновъ. И потому, чтобы объяснить, какимъ образомъ изъ этого ихъ отношенія вытекло покореніе милліоновъ, т.-е. изъ составныхъ равныхъ одному A. вытекла равнодѣйствующая, равная тысячѣ A, историкъ необходимо долженъ допустить опять ту же силу власти, которую онъ отрицаетъ, признавая ее результатомъ силъ, т.-е. онъ долженъ допустить необъясненную силу, дѣйствующую по составной. Это самое и дѣлаютъ общіе историки. И вслѣдствіе того не только противорѣчатъ частнымъ историкамъ, но и сами себѣ.

Деревенскіе жители, которые, смотря по тому, хочется ли имъ дождя или вёдра, не имѣя яснаго понятія о причинахъ дождя, говорятъ: вѣтеръ разогналъ тучи и вѣтеръ нагналъ тучи. Такъ точно общіе историки, иногда, когда имъ этого хочется, когда это подходитъ къ ихъ теоріи, говорятъ, что

власть—результатъ событій; а иногда, когда нужно доказать другое, они говорятъ, что власть производитъ событія.

Третьи историки, называющіеся историками *культуры*, слѣдуя по пути, проложенному общими историками, признающими иногда писателей и дамъ силами, производящими событія, еще совершенно иначе понимаютъ эту силу. Они видятъ ее въ такъ называемой культурѣ, въ умственной дѣятельности.

Историки культуры совершенно послѣдовательны по отношенію къ своимъ родоначальникамъ,—общимъ историкамъ, ибо если историческія событія можно объяснить тѣмъ, что нѣкоторые люди такъ-то и такъ-то относились другъ къ другу, то почему не объяснить ихъ тѣмъ, что такіе-то люди писали такія-то книжки? Эти историки изъ всего огромнаго числа признаковъ, сопровождающихъ всякое живое явленіе, выбираютъ признакъ умственной дѣятельности и говорятъ, что этотъ признакъ есть причина. Но, несмотря на всѣ ихъ старанія показать, что причина событія лежала въ умственной дѣятельности, только съ большой уступчивостью можно согласиться съ тѣмъ, что между умственной дѣятельностью и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но уже ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы умственная дѣятельность руководила дѣятельностью людей, ибо такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка, и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія.

Но, допустивъ даже, что справедливы всѣ хитросплетенныя разсужденія, которыми наполнены эти исторіи, допустивъ, что народы управляются такой-то неопредѣлимой си-

лой, называемой *идеей*, существенный вопросъ исторіи все-таки или остается безъ отвѣта, или къ прежней власти монарховъ и къ вводимому общими историками вліянію совѣтчиковъ и другихъ лицъ присоединяется еще новая сила *идеи*, связь которой съ массами требуетъ объясненія. Возможно понять, что Наполеонъ имѣлъ власть, и потому совершилось событіе; съ нѣкоторой уступчивостью можно еще понять, что Наполеонъ вмѣстѣ съ другими вліяніями былъ причиной событія; но какимъ образомъ книга Contrat Social сдѣлала то, что французы стали топить другъ друга,—не можетъ быть понято безъ объясненія причинной связи этой новой силы съ событіемъ.

Несомнѣнно, существуетъ связь между всѣмъ одновременно живущимъ, и потому есть возможность найти нѣкоторую связь между умственной дѣятельностью людей и ихъ историческимъ движеніемъ, точно такъ же, какъ эту связь можно найти между движеніемъ человѣчества и торговлей, ремеслами, садоводствомъ и чѣмъ хотите. Но почему умственная дѣятельность людей представляется историками культуры причиной или выраженіемъ всего историческаго движенія, это понять трудно. Къ такому заключенію могли привести историковъ только слѣдующія соображенія: 1) что исторія пишется учеными, и потому имъ естественно и пріятно думать, что дѣятельность ихъ сословія есть основаніе движенія всего человѣчества, точно такъ же, какъ это естественно и пріятно думать купцамъ, земледѣльцамъ, солдатамъ (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишутъ исторіи), и 2) что духовная дѣятельность, просвѣщеніе, цивилизація, культура, идея,—все это понятія неясныя, неопредѣленныя, подъ знаменемъ которыхъ весьма

удобно употреблять слова, имѣющія еще менѣе яснаго значенія и потому легко подставляемы подъ всякія теоріи.

Но не говоря о внутреннемъ достоинствѣ этого рода исторій (можетъ быть онѣ для кого-нибудь или для чего-нибудь и нужны), исторіи культуры, къ которымъ начинаютъ болѣе и болѣе сводиться всѣ общія исторіи, знаменательны тѣмъ, что онѣ, подробно и серьезно разбирая различныя религіозныя, философскія, политическія ученія, какъ причины событій, всякій разъ, какъ имъ только приходится описать дѣйствительное историческое событіе, какъ, напримѣръ, походъ 12-го года, описываютъ его невольно, какъ произведеніе власти, прямо говоря, что походъ этотъ есть произведеніе воли Наполеона. Говоря такимъ образомъ, историки культуры невольно противорѣчатъ самимъ себѣ или доказываютъ, что та новая сила, которую они придумали, не выражаетъ историческихъ событій, а что единственное средство понимать исторію есть та власть, которой они будто бы не признаютъ.

III.

Идетъ паровозъ. Спрашивается, отчего онъ движется? Мужикъ говоритъ: это чортъ движетъ его. Другой говоритъ, что паровозъ идетъ оттого, что въ немъ движутся колеса. Третій утверждаетъ, что причина движенія заключается въ дымѣ, относимомъ вѣтромъ.

Мужикъ неопровержимъ. Для того, чтобы его опровергнуть, надо, чтобы кто-нибудь доказалъ ему, что нѣтъ чорта, или чтобы другой мужикъ объяснилъ, что не чортъ, а нѣмецъ движетъ паровозъ. Только тогда изъ противорѣчій они увидятъ, что они оба не правы. Но тотъ, который говоритъ,

что причина есть движеніе колесъ, самъ себя опровергаетъ, ибо, если онъ вступилъ на почву анализа, онъ долженъ итти дальше и дальше: онъ долженъ объяснить причину движенія колесъ. И до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ къ послѣдней причинѣ движенія паровоза, къ сжатому въ паровикѣ пару, онъ не будетъ имѣть права остановиться въ отыскиваніи причины. Тотъ же, который объяснялъ движеніе паровоза относимымъ назадъ дымомъ, замѣтивъ, что объясненіе о колесахъ не даетъ причины, взялъ первый попавшійся признакъ и, съ своей стороны, выдалъ его за причину.

Единственное понятіе, которое можетъ объяснить движеніе наровоза, есть понятіе силы равной видимому движенію.

Единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы равной всему движенію народовъ.

Между тѣмъ подъ понятіемъ этимъ разумѣются различными историками совершенно различныя, и всѣ неравныя видимому движенію, силы. Одни видятъ въ немъ силу непосредственно присущую героямъ, какъ мужикъ чорта въ паровозѣ; другіе— силу производную изъ другихъ нѣкоторыхъ силъ, какъ движеніе колесъ; третьи — умственное вліяніе, какъ относимый дымъ.

До тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,— будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры, а не исторія *всѣхъ*, безъ одного исключенія, *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли. И единственное извѣстное историкамъ такое понятіе есть власть.

Понятіе это есть единственная ручка, посредствомъ которой можно владѣть матеріаломъ исторіи при теперешнемъ ея изложеніи, и тотъ, кто отломилъ бы эту ручку, какъ то сдѣлалъ Бокль, не узнавъ другого пріема обращенія съ историческимъ матеріаломъ, только лишилъ бы себя послѣдней возможности обращаться съ нимъ. Неизбѣжность понятія о власти, для объясненія историческихъ явленій, лучше всего доказываютъ сами общіе историки и историки культуры, мнимо отрѣшающіеся отъ понятія о власти и неизбѣжно на каждомъ шагу употребляющіе его.

Историческая наука до сихъ поръ, по отношенію къ вопросамъ человѣчества, подобна обращающимся деньгамъ, — ассигнаціямъ и звонкой монетѣ. Біографическія и частныя народныя исторіи подобны ассигнаціямъ. Онѣ могутъ ходить и обращаться, удовлетворяя своему назначенію безъ вреда кому бы то ни было, и даже съ пользой, до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ вопросъ о томъ, чѣмъ онѣ обезпечены. Стóитъ только забыть про вопросъ о томъ, какимъ образомъ воля героевъ производитъ событія, и исторіи Тьеровъ будутъ интересны, поучительны и, кромѣ того, будутъ имѣть оттѣнокъ поэзіи. Но точно такъ же, какъ сомнѣніе въ дѣйствительной стоимости бумажекъ возникнетъ или изъ того, что такъ какъ ихъ дѣлать легко, то начнутъ ихъ дѣлать много, или изъ того, что захотятъ взять за нихъ золото, — точно такъ же возникаетъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ значеніи исторій этого рода или изъ того, что ихъ является слишкомъ много, или изъ того, что кто-нибудь, въ простотѣ души, спроситъ: какою же силой сдѣлалъ это Наполеонъ? т.-е. захочетъ размѣнять ходячую бумажку на чистое золото дѣйствительнаго понятія.

Общіе же историки и историки культуры подобны людямъ, которые, признавъ неудобство ассигнацій, рѣшили бы, вмѣсто бумажки сдѣлать звонкую монету изъ металла, не имѣющаго плотности золота. И монета дѣйствительно вышла бы *звонкая*, но только *звонкая*. Бумажка еще могла обманывать незнающихъ; а монета звонкая, но не цѣнная, не можетъ обмануть никого. Такъ же какъ золото тогда только золото, когда оно можетъ быть употреблено не для одной мѣны, а и для дѣла, такъ же и общіе историки только тогда будутъ золотомъ, когда они будутъ въ силахъ отвѣтить на существенный вопросъ исторіи: что такое власть? Общіе историки отвѣчаютъ на этотъ вопросъ противорѣчиво, а историки культуры вовсе отстраняютъ его, отвѣчая на что-то совсѣмъ другое. И какъ жетоны, похожіе на золото, могутъ быть только употребляемы между собраніемъ людей, согласившихся признавать ихъ за золото, и между тѣми, которые не знаютъ свойства золота, такъ и общіе историки и историки культуры, не отвѣчая на существенные вопросы человѣчества, для какихъ-то своихъ цѣлей, служатъ ходячею монетой университетамъ и толпѣ читателей—охотниковъ до серьезныхъ книжекъ, какъ они это называютъ.

IV.

Отрѣшившись отъ воззрѣній древнихъ на божественное подчиненіе воли народа одному избранному и на подчиненіе этой воли Божеству, исторія не можетъ сдѣлать ни одного шага безъ противорѣчія, не выбравъ одного изъ двухъ, или возвратиться къ прежнему вѣрованію въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества, или опредѣленно

объяснить значеніе той силы, производящей историческія событія, которая называется властью.

Возвратиться къ первому невозможно: вѣрованіе разрушено, и потому необходимо объяснить значеніе власти.

Наполеонъ приказалъ собрать войска и итти на войну. Представленіе это до такой степени намъ привычно, до такой степени мы сжились съ этимъ взглядомъ, что вопросъ о томъ, почему 600 тысячъ человѣкъ идутъ на войну, когда Наполеонъ сказалъ такія-то слова, кажется намъ безсмысленнымъ. Онъ имѣлъ власть, и потому было исполнено то, что онъ велѣлъ.

Отвѣтъ этотъ совершенно удовлетворителенъ, если мы вѣримъ, что власть дана была ему отъ Бога. Но какъ скоро мы не признаемъ этого, необходимо опредѣлить, что̀ такое эта власть одного человѣка надъ другими.

Власть эта не можетъ быть той непосредственной властью физическаго преобладанія сильнаго существа надъ слабымъ, преобладанія, основаннаго на приложеніи или угрозѣ приложенія физической силы, — какъ власть Геркулеса; она не можетъ быть тоже основана на преобладаніи нравственной силы, какъ то, въ простотѣ душевной, думаютъ нѣкоторые историки, говоря что историческіе дѣятели суть герои, т.-е. люди, одаренные особенной силой души и ума, называемой геніальностью. Власть эта не можетъ быть основана на преобладаніи нравственной силы, ибо, не говоря о людяхъ-герояхъ, какъ Наполеоны, о нравственныхъ достоинствахъ которыхъ мнѣнія весьма разнорѣчивы, исторія показываетъ намъ, что ни Людовики XI-е, ни Меттернихи, управлявшіе милліонами людей, не имѣли никакихъ особенныхъ свойствъ силы душевной, а напротивъ, были по бо̀льшей части нрав-

ственно слабѣе каждаго изъ милліоновъ людей, которыми они управляли.

Если источникъ власти лежитъ не въ физическихъ и не въ нравственныхъ свойствахъ лица, ею обладающаго, то очевидно, что источникъ этой власти долженъ находиться внѣ лица,—въ тѣхъ отношеніяхъ къ массамъ, въ которыхъ находится лицо, обладающее властью.

Такъ точно и понимаетъ власть наука о правѣ, та самая размѣнная касса исторіи, обѣщающая размѣнять историческое пониманіе власти на чистое золото.

Власть есть совокупность воли массъ, перенесенная выраженнымъ или молчаливымъ согласіемъ на избранныхъ массами правителей.

Въ области науки права, составленной изъ разсужденій о томъ, какъ бы надо было устроить государство и власть, если бы можно было все это устроить, все это очень ясно; но въ приложеніи къ исторіи это опредѣленіе власти требуетъ разъясненій.

Наука прáва разсматриваетъ государство и власть, какъ древніе разсматривали огонь, какъ что-то абсолютно существующее. Для исторіи же государство и власть суть только явленія, точно такъ же какъ для физики нашего времени огонь есть не стихія, а явленіе.

Отъ этого-то основного различія воззрѣнія исторіи и науки прàва происходитъ то, что наука прàва можетъ разсказать подробно о томъ, какъ, по ея мнѣнію, надо бы устроить власть и чтò такое есть власть, неподвижно существующая внѣ времени; но на вопросы историческіе о значеніи видоизмѣняющейся во времени власти, она не можетъ отвѣтить ничего.

Если власть есть перенесенная на правителя совокупность воль, то Пугачевъ есть ли представитель воль массъ? Если не есть, то почему Наполеонъ I есть представитель? Почему Наполеонъ III, когда его поймали въ Булони, былъ преступникъ, а потомъ были преступники тѣ, которыхъ онъ поймалъ?

При дворцовыхъ революціяхъ, въ которыхъ участвуютъ иногда два-три человѣка, переносится ли тоже воля массъ на новое лицо? При международныхъ отношеніяхъ переносится ли воля массъ народа на своего завоевателя? Въ 1808 году воля Рейнскаго союза была ли перенесена на Наполеона? Воля массы русскаго народа была ли перенесена на Наполеона во время 1809 года, когда наши войска въ союзѣ съ французами шли воевать противъ Австріи?

На эти вопросы можно отвѣчать трояко:

Или 1) признать, что воля массъ всегда безусловно передается тому или тѣмъ правителямъ, которыхъ онѣ избрали, и что поэтому всякое возникновеніе новой власти, всякая борьба противъ разъ переданной власти должна быть разсматриваема только какъ нарушеніе настоящей власти.

Или 2) признать, что воля массъ переносится на правителей условно подъ опредѣленными и извѣстными условіями, и показать, что всѣ стѣсненія, столкновенія и даже уничтоженія власти происходятъ отъ несоблюденія правителями тѣхъ условій, подъ которыми имъ передана власть.

Или 3) признать, что воля массъ переносится на правителей условно, но подъ условіями неизвѣстными, неопредѣленными, и что возникновеніе многихъ властей, борьба ихъ и паденіе происходятъ только отъ большаго или меньшаго исполненія правителями тѣхъ неизвѣстныхъ условій,

на которыхъ переносятся воли массъ съ однихъ лицъ на другія.

Такъ трояко и объясняютъ историки отношенія массъ къ правителямъ.

Одни историки, не понимая, въ простотѣ душевной, вопроса о значеніи власти, тѣ самые частные и біографическіе историки, о которыхъ было говорено выше, признаютъ, какъ будто то, что совокупность воль массъ переносится на историческія лица безусловно, и потому, описывая какую-нибудь одну власть, эти историки предполагаютъ, что эта самая власть есть одна абсолютная и настоящая, а что всякая другая сила, противодѣйствующая этой настоящей власти, есть не власть, а нарушеніе власти,—насиліе.

Теорія ихъ, годная для первобытныхъ и мирныхъ періодовъ исторіи, въ приложеніи къ сложнымъ и бурнымъ періодамъ жизни народовъ, во время которыхъ возникаютъ одновременно и борются между собой различныя власти, имѣетъ то неудобство, что историкъ-легитимистъ будетъ доказывать, что конвентъ, директорія и Бонапартъ были только нарушеніе власти, а республиканецъ и бонапартистъ будутъ доказывать: одинъ, что конвентъ, а другой, что имперія была настоящею властью, а что все остальное было нарушеніе власти. Очевидно, что такимъ образомъ, взаимно опровергая другъ друга, объясненія власти этихъ историковъ могутъ годиться для дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Признавая ложность этого взгляда на исторію, другой родъ историковъ говоритъ, что власть основана на условной передачѣ правителямъ совокупности воль массъ, и что историческія лица имѣютъ власть только подъ условіемъ исполненія той программы, которую молчаливымъ согласіемъ предписала

имъ воля народа. Но въ чемъ состоитъ эта программа, историки эти не говорятъ намъ, или если и говорятъ, то постоянно противорѣчатъ одинъ другому.

Каждому историку, смотря по его взгляду на то, что̀ составляетъ цѣль движенія народа, представляется эта программа въ величіи, богатствѣ, свободѣ, просвѣщеніи гражданъ Франціи или другого государства. Но, не говоря уже о противорѣчіи историковъ, о томъ, какая эта программа, допустивъ даже, что существуетъ одна общая всѣмъ программа, историческіе факты почти всегда противорѣчатъ этой теоріи. Если условія, подъ которыми передается власть, состоятъ въ богатствѣ, свободѣ, просвѣщеніи народа, то почему Людовики XIV-е и Іоанны IV-е спокойно доживаютъ свои царствованія, и Людовики XVI-е и Карлы I-е казнятся народами? На этотъ вопросъ историки эти отвѣчаютъ тѣмъ, что дѣятельность Людовика XIV-го, противная программѣ, отразилась на Людовикѣ XVI-мъ. Но почему же она не отразилась на Людовикѣ XIV и XV, почему именно она должна была отразиться на Людовикѣ XVI? И какой срокъ этого отраженія? На эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣтовъ. Такъ же мало объясняется при этомъ воззрѣніи причина того, что совокупность воль нѣсколько вѣковъ не переносится съ своихъ правителей и ихъ наслѣдниковъ, а потомъ вдругъ, впродолженіе 50 лѣтъ, переносится на конвентъ, на директорію, на Наполеона, на Александра, на Людовика XVIII, опять на Наполеона, на Карла X, на Людовика Филиппа, на республиканское правительство, на Наполеона III. При объясненіи этихъ быстро совершающихся перенесеній воль съ одного лица на другое, и въ особенности при международныхъ отношеніяхъ, завоеваніяхъ и союзахъ, историки эти невольно

должны признать, что часть этихъ явленій уже не суть правильныя перенесенія воль, а случайности, зависящія то отъ хитрости, то отъ ошибки, или коварства, или слабости дипломата, или монарха, или руководителя партіи. Такъ что бо́льшая часть явленій исторіи—междоусобія, революціи, завоеванія представляются этими историками уже не произведеніями перенесенія свободныхъ воль, а произведеніемъ ложно направленной воли одного или нѣсколькихъ людей, т.-е. опять нарушеніями власти. И потому историческія событія и этого рода историками представляются отступленіями отъ теоріи.

Историки эти подобны тому ботанику, который, примѣтивъ, что нѣкоторыя растенія выходятъ изъ сѣмени въ двудольныхъ листикахъ, настаивалъ бы на томъ, что все, что растетъ, растетъ только раздвояясь на два листка; и что пальма, и грибъ, и даже дубъ, развѣтвляясь въ своемъ полномъ ростѣ и не имѣя болѣе подобія двухъ листиковъ, отступаютъ отъ теоріи.

Третьи историки признаютъ, что воля массъ переносится на историческія лица условно, но что условія эти намъ неизвѣстны. Они говорятъ, что историческія лица имѣютъ власть, только потому, что они исполняютъ перенесенную на нихъ волю массъ.

Но въ такомъ случаѣ, если сила, двигающая народами, лежитъ не въ историческихъ лицахъ, а въ самихъ народахъ, то въ чемъ же состоитъ значеніе этихъ историческихъ лицъ?

Историческія лица, говорятъ эти историки, выражаютъ собою волю массъ; дѣятельность историческихъ лицъ служитъ представительницею дѣятельности массъ.

Но въ такомъ случаѣ является вопросъ, вся ли дѣятельность историческихъ лицъ служитъ выраженіемъ воли массъ

или только извѣстная сторона ея? Если вся дѣятельность историческихъ лицъ служитъ выраженіемъ воли массъ, какъ то и думаютъ нѣкоторые, то біографіи Наполеоновъ, Екатеринъ, со всѣми подробностями придворной сплетни, служатъ выраженіемъ жизни народовъ, чтò есть очевидная безсмыслица; если же только одна сторона дѣятельности историческаго лица служитъ выраженіемъ жизни народовъ, какъ то и думаютъ другіе мнимо философы-историки, то для того, чтобы опредѣлить, какая сторона дѣятельности историческаго лица выражаетъ жизнь народа, нужно знать прежде, въ чемъ состоитъ жизнь народа.

Встрѣчаясь съ этимъ затрудненіемъ, историки этого рода придумываютъ самое неясное, неосязаемое и общее отвлеченіе, подъ которое возможно подвести наибольшее число событій и говорятъ, что въ этомъ отвлеченіи состоитъ цѣль движенія человѣчества. Самыя обыкновенныя, принимаемыя почти всѣми историками общія отвлеченія суть: свобода, равенство, просвѣщеніе, прогрессъ, цивилизація, культура. Поставивъ за цѣль движенія человѣчества какое-нибудь отвлеченіе, историки изучаютъ людей, оставившихъ по себѣ наибольшее число памятниковъ,— царей, министровъ, полководцевъ, сочинителей, реформаторовъ, папъ, журналистовъ, по мѣрѣ того, какъ всѣ эти лица, по ихъ мнѣнію, содѣйствовали или противодѣйствовали извѣстному отвлеченію. Но такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи или цивилизаціи, и такъ какъ связь массъ съ правителями и просвѣтителями человѣчества основана только на произвольномъ предположеніи, что совокупность воль массъ всегда переносится на тѣ лица, которыя намъ замѣтны, то и дѣятельность милліоновъ людей, пере-

селяющихся, сжигающихъ дома, бросающихъ земледѣліе, истребляющихъ другъ друга, никогда не выражается въ описаніи дѣятельности десятка лицъ, не сжигающихъ домовъ, не занимающихся земледѣліемъ, не убивающихъ себѣ подобныхъ.

Исторія на каждомъ шагу доказываетъ это. Броженіе народовъ запада, въ концѣ прошлаго вѣка, и стремленіе ихъ на востокъ объясняются ли дѣятельностью Людовиковъ XIV-го, XV-го и XVI-го, ихъ любовницъ, министровъ, жизнью Наполеона, Руссо, Дидерота, Бомарше и другихъ?

Движеніе русскаго народа на востокъ въ Казань и Сибирь выражается ли въ подробностяхъ больного характера Іоанна IV и его переписки съ Курбскимъ?

Движеніе народовъ во время Крестовыхъ походовъ объясняется ли жизнью и дѣятельностью Готфридовъ и Людовиковъ и ихъ дамъ? Для насъ осталось непонятнымъ движеніе народовъ съ запада на востокъ, безъ всякой цѣли, безъ предводительства, съ толпой бродягъ, съ Петромъ Пустынникомъ. И еще болѣе осталось непонятно прекращеніе этого движенія тогда, когда ясно поставлена была историческими дѣятелями разумная, святая цѣль походовъ — освобожденіе Іерусалима. Папы, короли и рыцари побуждали народъ къ освобожденію Святой земли; но народъ не шелъ, потому что та неизвѣстная причина, которая побуждала его прежде къ движенію, болѣе не существовала. Исторія Готфридовъ и миннезенгеровъ очевидно не можетъ вмѣстить въ себя жизнь народовъ. И исторія Готфридовъ и миннезенгеровъ осталась исторіей Готфридовъ и миннезенгеровъ, а исторія жизни народовъ и ихъ побужденій осталась неизвѣстной.

Еще менѣе объяснитъ намъ жизнь народовъ исторія писателей и реформаторовъ.

Исторія культуры объяснитъ намъ побужденія условія жизни и мысли писателя или реформатора. Мы узнаемъ, что Лютеръ имѣлъ вспыльчивый характеръ и говорилъ такія-то рѣчи; узнаемъ, что Руссо былъ недовѣрчивъ и писалъ такія-то книжки; но не узнаемъ мы, отчего послѣ реформаціи рѣзались народы и отчего, во время французской революціи, казнили другъ друга.

Если соединить обѣ эти исторіи вмѣстѣ, какъ то и дѣлаютъ новѣйшіе историки, то это будутъ исторіи монарховъ и писателей, а не исторія жизни народовъ.

V.

Жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей; ибо связь между этими нѣсколькими людьми и народами не найдена. Теорія о томъ, что связь эта основана на перенесеніи совокупности воль на историческія лица, есть гипотеза, не подтверждаемая опытомъ исторіи.

Теорія о перенесеніи совокупности воль массъ и историческія лица, можетъ-быть, весьма много объясняетъ въ области науки права и, можетъ-быть, необходима для своихъ цѣлей; но въ приложеніи къ исторіи, какъ только являются революціи, завоеванія, междоусобія, какъ только начинается исторія,—теорія эта ничего не объясняетъ.

Теорія эта кажется неопровержимой именно потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существовалъ.

Какое бы ни совершилось событіе, кто бы ни сталъ во главѣ событія, теорія всегда можетъ сказать, что такое лицо стало во главѣ событія, потому что совокупность воль была перенесена на него.

Отвѣты, даваемые этою теоріей на историческіе вопросы, подобны отвѣтамъ человѣка, который, глядя на двигающееся стадо и не принимая во вниманіе ни различной доброты пастбища въ разныхъ мѣстахъ поля, ни погони пастуха, судилъ бы о причинахъ того или другого направленія стада по тому, какое животное идетъ впереди стада.

„Стадо идетъ по этому направленію потому, что впереди идущее животное ведетъ его, и совокупность воль всѣхъ остальныхъ животныхъ перенесена на этого правителя стада". Такъ отвѣчаетъ первый разрядъ историковъ, признающихъ безусловную передачу власти.

„Ежели животныя, идущія во главѣ стада, перемѣняются, то это происходитъ отъ того, что совокупность воль всѣхъ животныхъ переносится съ одного правителя на другого, смотря по тому, ведетъ ли это животное по тому направленію, которое избрало все стадо". Такъ отвѣчаютъ историки, признающіе, что совокупность воль массъ переносится на правителей подъ условіями, которыя они считаютъ неизвѣстными. (При такомъ пріемѣ наблюденія, весьма часто бываетъ, что наблюдатель, соображаясь съ избраннымъ имъ направленіемъ, считаетъ вожаками тѣхъ, которые по случаю перемѣны направленія массъ не суть уже передовые, а боковые, а иногда задніе).

„Если безпрестанно перемѣняются стоящія во главѣ животныя и безпрестанно перемѣняются направленія всего стада, то это происходитъ отъ того, что для достиженія того направленія, которое намъ извѣстно, животныя передаютъ свои воли тѣмъ животнымъ, которыя намъ замѣтны и для того, чтобы изучать движеніе стада, надо наблюдать всѣхъ замѣтныхъ намъ животныхъ, идущихъ со всѣхъ сторонъ

стада". Такъ говорятъ историки третьяго разряда, признающіе выраженіями своего времени всѣ историческія лица, отъ монарховъ до журналистовъ.

Теорія перенесенія воль массъ на историческія лица есть только перифраза,—только выраженіе другими словами словъ вопроса.

Какая причина историческихъ событій?—Власть. Что есть власть?—Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо. При какихъ условіяхъ переносятся воли массъ на одно лицо?—При условіяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т.-е. власть есть власть. Т.-е. власть есть слово, значеніе котораго намъ непонятно.

Если бы область человѣческаго знанія ограничивалась однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ, то, подвергнувъ критикѣ то объясненіе власти, которое даетъ *наука*, человѣчество пришло бы къ заключенію, что власть есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ. Но для познанія явленій, кромѣ отвлеченнаго мышленія, человѣкъ имѣетъ орудіе опыта, на которомъ онъ повѣряетъ результаты мышленія. И опытъ говоритъ, что власть не есть слово, но дѣйствительно существующее явленіе.

Не говоря о томъ, что безъ понятія власти не можетъ обойтись ни одно описаніе совокупной дѣятельности людей, существованіе власти доказывается какъ исторіею, такъ и наблюденіемъ современныхъ событій.

Всегда, когда совершается событіе, является человѣкъ или люди, по волѣ которыхъ событіе представляется совершившимся. Наполеонъ III предписываетъ, и французы идутъ въ Мексику. Прусскій король и Бисмаркъ предписываютъ, и

войска идутъ въ Богемію. Наполеонъ I приказываетъ, и войска идутъ въ Россію. Александръ I приказываетъ, и французы покоряются Бурбонамъ. Опытъ показываетъ намъ, что какое бы ни совершилось событіе, оно всегда связано съ волею одного или нѣсколькихъ людей, которые его приказали.

Историки, по старой привычкѣ признанія божественнаго участія въ дѣлахъ человѣчества, хотятъ видѣть причину событія въ выраженіи воли лица, облеченнаго властью; но заключеніе это не подтверждается ни разсужденіемъ, ни опытомъ.

Съ одной стороны, разсужденіе показываетъ, что выраженіе воли человѣка—его слова суть только часть общей дѣятельности, выражающейся въ событіи, какъ, напримѣръ, въ войнѣ или революціи, и потому безъ признанія непонятной, сверхъестественной силы — чуда, нельзя допустить, чтобы слова могли быть непосредственною причиной движенія милліоновъ; съ другой стороны, если даже допустить, что слова могутъ быть причиной событія, то исторія показываетъ, что выраженія воли историческихъ лицъ въ большей части случаевъ не производятъ никакого дѣйствія, т.-е., что приказанія ихъ часто не только не исполняются, но что иногда происходитъ даже совершенно обратное тому, что ими приказано.

Не допуская божественнаго участія въ дѣлахъ человѣчества, мы не можемъ принимать власть за причину событій.

Власть, съ точки зрѣнія опыта, есть только зависимость, существующая между выраженіемъ воли лица и исполненіемъ этой воли другими людьми.

Для того, чтобы объяснить себѣ условія этой зависимости, мы должны возстановить прежде всего понятіе выраженія воли, относя его къ человѣку, а не къ Божеству.

Ежели Божество отдаетъ приказаніе, выражаетъ свою волю, какъ то намъ показываетъ исторія древнихъ, то выраженіе этой воли не зависитъ отъ времени и ничѣмъ не вызвано, такъ какъ Божество ничѣмъ не связано съ событіемъ. Но говоря о приказаніяхъ — выраженіи воли людей, дѣйствующихъ во времени и связанныхъ между собой, мы, для того, чтобы объяснить себѣ связь приказаній съ событіями, должны возстановить: 1) условіе всего совершающагося: непрерывность движенія во времени какъ событій, такъ и приказывающаго лица, и 2) условіе необходимой связи, въ которой находится приказывающее лицо къ тѣмъ людямъ, которые исполняютъ его приказаніе.

VI.

Только выраженіе воли Божества, не зависящее отъ времени, можетъ относиться къ цѣлому ряду событій, имѣющему совершиться черезъ нѣсколько лѣтъ или столѣтій, и только Божество, ничѣмъ не вызванное, по одной своей волѣ, можетъ опредѣлить направленіе движенія человѣчества; человѣкъ же дѣйствуетъ во времени и самъ участвуетъ въ событіи.

Возстановляя первое упущенное условіе—условіе времени, мы увидимъ, что ни одно приказаніе не можетъ быть исполнено безъ того, чтобы не было предшествовавшаго приказанія, дѣлающаго возможнымъ исполненіе послѣдняго.

Никогда ни одно приказаніе не появляется самопроизвольно и не включаетъ въ себѣ цѣлаго ряда событій; но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другого и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событія.

Когда мы говоримъ, напримѣръ, что Наполеонъ приказалъ

войскамъ итти на войну, мы соединяемъ въ одно одновременно выраженное приказаніе рядъ послѣдовательныхъ приказаній, зависѣвшихъ другъ отъ друга. Наполеонъ не могъ приказать походъ на Россію и никогда не приказывалъ его. Онъ приказалъ нынче написать такія-то бумаги въ Вѣну, въ Берлинъ и въ Петербургъ; завтра,—такіе-то декреты и приказы по арміи, флоту и интендантству и т. д., и т. д.,— милліоны приказаній, изъ которыхъ составился рядъ приказаній, соотвѣтствующихъ ряду событій, приведшихъ французскія войска въ Россію.

Если Наполеонъ во все свое царствованіе отдаетъ приказанія объ экспедиціи въ Англію; ни на одно изъ своихъ предпріятій не тратитъ столько усилій и времени и, несмотря на то, во все свое царствованіе, даже ни разу не пытается исполнить своего намѣренія, а дѣлаетъ экспедицію въ Россію, съ которой, онъ, по неоднократно высказываемому убѣжденію, считаетъ выгоднымъ быть въ союзѣ, то это происходитъ отъ того, что первыя приказанія не соотвѣтствовали, а вторыя соотвѣтствовали ряду событій.

Для того, чтобы приказаніе было навѣрное исполнено, надо, чтобы человѣкъ выразилъ такое приказаніе, которое могло бы быть исполнено. Знать же то, что̀ можетъ и что̀ не можетъ быть исполнено, невозможно, не только для Наполеоновскаго похода на Россію, гдѣ принимаютъ участіе милліоны, но и для самаго несложнаго событія, ибо для исполненія того и другого всегда могутъ встрѣтиться милліоны препятствій. Всякое исполненное приказаніе есть всегда одно изъ огромнаго количества неисполненныхъ. Всѣ невозможныя приказанія не связываются съ событіемъ и не бываютъ исполнены. Только тѣ, которыя возможны, связываются въ послѣдова-

тельные ряды приказаній, соотвѣтствующіе рядамъ событій, и бываютъ исполнены.

Ложное представленіе наше о томъ, что предшествующее событію приказаніе есть причина событія, происходитъ отъ того, что когда событіе совершилось и тѣ одни изъ тысячи приказаній, которыя связывались съ событіями, исполнились, то мы забываемъ о тѣхъ, которыя не были, потому что не могли быть исполнены. Кромѣ того, главный источникъ заблужденія нашего въ этомъ смыслѣ происходитъ отъ того, что въ историческомъ изложеніи цѣлый рядъ безчисленныхъ, разнообразныхъ, мельчайшихъ событій, какъ, напримѣръ, все то, что̀ привело войска французскія въ Россію, обобщается въ одно событіе, по тому результату, который произвелъ этотъ рядъ событій, и, соотвѣтственно этому обобщенію, обобщается и весь рядъ приказаній въ одно выраженіе воли.

Мы говоримъ: Наполеонъ захотѣлъ и сдѣлалъ походъ на Россію. Въ дѣйствительности же мы никогда не найдемъ во всей дѣятельности Наполеона ничего подобнаго выраженію этой воли, а увидимъ ряды приказаній, или выраженій его воли, самымъ разнообразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Изъ безчисленнаго ряда исполненныхъ Наполеоновскихъ приказаній составился рядъ исполненныхъ приказаній для похода 12-го года не потому, чтобы приказанія эти чѣмъ-нибудь отличались отъ другихъ неисполненныхъ приказаній, а потому, что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію; точно такъ же, какъ въ трафаретѣ нарисуется такая или другая фигура не потому, въ какую сторону и какъ мазать по немъ красками, а потому, что по фигурѣ, вырѣзанной въ трафаретѣ, во всѣ стороны было мазано краской.

Такъ что разсматривая во времени отношеніе приказаній къ событіямъ, мы найдемъ, что приказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною событія, а что между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная опредѣленная зависимость.

Для того, чтобы понять, въ чемъ состоитъ эта зависимость, необходимо возстановить другое упущенное условіе всякаго приказанія, исходящаго не отъ Божества, а отъ человѣка, и состоящее въ томъ, что самъ приказывающій человѣкъ участвуетъ въ событіи.

Это-то отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, кому онъ приказываетъ, и есть именно то, что называется властью. Отношеніе это состоитъ въ слѣдующемъ:

Для общей дѣятельности люди складываются всегда въ извѣстныя соединенія, въ которыхъ, несмотря на различіе цѣли, поставленной для совокупнаго дѣйствія, отношеніе между людьми, участвующими въ дѣйствіи, всегда бываетъ одинаковое.

Складываясь въ эти соединенія, люди всегда становятся между собой въ такое отношеніе, что наибольшее количество людей принимаютъ наибольшее прямое участіе и наименьшее количество людей—наименьшее прямое участіе въ томъ совокупномъ дѣйствіи, для котораго они складываются.

Изъ всѣхъ тѣхъ соединеній, въ которыя складываются люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій, одна изъ самыхъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ есть войско.

Всякое войско составляется изъ низшихъ по военному званію членовъ—рядовыхъ, которыхъ всегда самое большое количество, изъ слѣдующихъ по военному званію болѣе высшихъ чиновъ—капраловъ, унтеръ-офицеровъ, которыхъ число

меньше перваго, еще высшихъ, число которыхъ еще меньше, и т. д. до высшей военной власти, которая сосредоточивается въ одномъ лицѣ.

Военное устройство можетъ быть совершенно точно выражено фигурой конуса, въ которомъ основаніе съ самымъ большимъ діаметромъ будутъ составлять рядовые; высшее, меньшее основаніе—высшіе чины арміи и т. д. до вершины конуса, точку которой будетъ составлять полководецъ.

Солдаты, которыхъ наибольшее число, составляютъ низшія точки конуса и его основаніе. Солдатъ самъ непосредственно колетъ, рѣжетъ, жжетъ, грабитъ, и всегда на эти дѣйствія получаетъ приказаніе отъ выше стоящихъ лицъ; самъ же никогда не приказываетъ. Унтеръ-офицеръ (число унтеръ-офицеровъ уже меньше) рѣже совершаетъ самое дѣйствіе, чѣмъ солдатъ; но уже приказываетъ. Офицеръ еще рѣже совершаетъ самое дѣйствіе и еще чаще приказываетъ. Генералъ уже только приказываетъ итти войскамъ, указывая цѣль, и почти никогда не употребляетъ оружія. Полководецъ уже никогда не можетъ принимать прямого участія въ самомъ дѣйствіи и только дѣлаетъ общія распоряженія о движеніи массъ. То же отношеніе лицъ между собою обозначается во всякомъ соединеніи людей для общей дѣятельности, — въ земледѣліи, торговлѣ и во всякомъ управленіи.

И такъ, не раздѣляя искусственно всѣхъ сливающихся точекъ конуса и чиновъ арміи, или званій и положеній какого бы то ни было управленія, или общаго дѣла, отъ низшихъ до высшихъ, обозначается законъ, по которому люди для совершенія совокупныхъ дѣйствій слагаются всегда между собой въ такомъ отношеніи, что чѣмъ непосредственнѣе люди участвуютъ въ совершеніи дѣйствія, тѣмъ менѣе они могутъ

приказывать и тѣмъ ихъ бо̀льшее число; и что чѣмъ меньше то прямое участіе, которое люди принимаютъ въ самомъ дѣйствіи, тѣмъ они больше приказываютъ и тѣмъ число ихъ меньше: такимъ образомъ восходя отъ низшихъ слоевъ до одного послѣдняго человѣка, принимающаго наименьшее прямое участіе въ событіи и болѣе всѣхъ направляющаго свою дѣятельность на приказываніе.

Это-то отношеніе лицъ приказывающихъ, къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность понятія, называемаго властью.

Возстановивъ условія времени, при которыхъ совершаются всѣ событія, мы нашли, что приказаніе исполняется только тогда, когда оно относится къ соотвѣтствующему ряду событій. Возстановляя же необходимое условіе связи между приказывающимъ и исполняющимъ, мы нашли, что, по самому свойству своему, приказывающіе принимаютъ наименьшее участіе въ самомъ событіи, и что дѣятельность ихъ исключительно направлена на приказываніе.

VII.

Когда совершается какое-нибудь событіе, люди выражаютъ свои мнѣнія, желанія о событіи, и такъ какъ событіе вытекаетъ изъ совокупнаго дѣйствія многихъ людей, то одно изъ выраженныхъ мнѣній или желаній непремѣнно исполняется, хотя приблизительно. Когда одно изъ выраженныхъ мнѣній исполнено, мнѣніе это связывается съ событіемъ, какъ предшествовавшее ему приказаніе.

Люди тащатъ бревно. Каждый высказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ и куда тащить. Люди вытаскиваютъ бревно,

и оказывается, что это сдѣлано такъ, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ. Онъ приказалъ. Вотъ приказаніе и власть въ своемъ первобытномъ видѣ.

Тотъ, кто больше работалъ руками, могъ меньше обдумывать то, что онъ дѣлалъ, и соображать то, что можетъ выйти изъ общей дѣятельности, и приказывать. Тотъ, кто больше приказывалъ, вслѣдствіе своей дѣятельности словами, очевидно, могъ меньше дѣйствовать руками. При бо̀льшемъ сборищѣ людей, направляющихъ дѣятельность на одну цѣль, еще рѣзче отдѣляется разрядъ людей, которые тѣмъ менѣе принимаютъ прямое участіе въ общей дѣятельности, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ направлена на приказываніе.

Человѣкъ, когда онъ дѣйствуетъ одинъ, всегда носитъ самъ въ себѣ извѣстный рядъ соображеній, руководившихъ, какъ ему кажется, его прошедшей дѣятельностью, служащихъ для него оправданіемъ его настоящей дѣятельности и руководящихъ его въ предположеніи о будущихъ его поступкахъ.

Точно то же дѣлаютъ сборища людей, предоставляя тѣмъ, которые не участвуютъ въ дѣйствіи, придумывать соображенія, оправданія и предположенія объ ихъ совокупной дѣятельности.

По извѣстнымъ или не извѣстнымъ намъ причинамъ французы начинаютъ топить и рѣзать другъ друга. И соотвѣтственно событію, ему сопутствуетъ его оправданіе въ выраженныхъ воляхъ людей о томъ, что это необходимо для блага Франціи, для свободы, для равенства. Люди перестаютъ рѣзать другъ друга, и событію этому сопутствуетъ оправданіе необходимости единства власти, отпора Европѣ и т. д. Люди идутъ съ запада на востокъ, убивая себѣ подобныхъ, и событію этому сопутствуютъ слова о славѣ Франціи, низости Англіи и т. д.

Исторія показываетъ намъ, что эти оправданія событія не имѣютъ никакого общаго смысла, противорѣчатъ сами себѣ, какъ убійство человѣка, вслѣдствіе признанія его правъ, и убійство милліоновъ въ Россіи для униженія Англіи. Но оправданія эти въ современномъ смыслѣ имѣютъ необходимое значеніе.

Оправданія эти снимаютъ нравственную отвѣтственность съ людей, производящихъ событія. Временныя цѣли эти подобны щеткамъ, идущимъ для очищенія пути по рельсамъ впереди поѣзда: онѣ очищаютъ путь нравственной отвѣтственности людей. Безъ этихъ оправданій не могъ бы быть объясненъ самый простой вопросъ, представляющійся при разсмотрѣніи каждаго событія: какимъ образомъ милліоны людей совершаютъ совокупныя преступленія, войны, убійства и т. д.?

При настоящихъ, усложненныхъ формахъ государственной и общественной жизни въ Европѣ возможно ли придумать какое бы то ни было событіе, которое бы не было предписано, указано, приказано государями, министрами, парламентами, газетами? Есть ли какое-нибудь совокупное дѣйствіе, которое не нашло бы себѣ оправданія въ государственномъ единствѣ, въ національности, въ равновѣсіи Европы, въ цивилизаціи? Такъ что всякое совершившееся событіе неизбѣжно совпадаетъ съ какимъ-нибудь выраженнымъ желаніемъ и, получая себѣ оправданіе, представляется произведеніемъ воли одного или нѣсколькихъ людей.

Куда бы ни направился движущійся корабль, впереди его всегда будетъ видна струя разсѣкаемыхъ имъ волнъ. Для людей, находящихся на кораблѣ, движеніе этой струи будетъ единственно замѣтное движеніе.

Только слѣдя вблизи, моментъ за моментомъ, за движеніемъ этой струи, и сравнивая это движеніе съ движеніемъ корабля, мы убѣдимся, что каждый моментъ движенія струи опредѣляется движеніемъ корабля, и что насъ ввело въ заблужденіе то, что мы сами незамѣтно движемся.

То же самое мы увидимъ, слѣдя моментъ за моментомъ, за движеніемъ историческихъ лицъ (т.-е. возстановляя необходимое условіе всего совершающагося—условіе непрерывности движенія во времени) и не упуская изъ виду необходимой связи историческихъ лицъ съ массами.

Что бы ни совершилось, всегда окажется, что это самое было предвидѣно и приказано. Куда бы ни направлялся корабль, струя, не руководя, не усиливая его движенія, бурлитъ впереди его и будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движеніемъ корабля.

Разсматривая только тѣ выраженія воли историческихъ лицъ, которыя отнеслись къ событіямъ какъ приказанія, историки полагали, что событія находятся въ зависимости отъ приказаній. Разсматривая же самыя событія и ту связь съ массами, въ которой находятся историческія лица, мы нашли, что историческія лица и ихъ приказанія находятся въ зависимости отъ событія. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого вывода служитъ то, что сколько бы ни было приказаній, событіе не совершится, если на это нѣтъ другихъ причинъ; но какъ скоро совершится событіе,—какое бы то ни было, — то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ воль различныхъ лицъ найдутся такія, которыя по смыслу и по времени отнесутся къ событію какъ приказанія.

Придя къ этому заключенію, мы можемъ прямо и положительно отвѣтить на тѣ два существенные вопроса исторіи:

1) Что есть власть?

2) Какая сила производитъ движеніе народовъ?

1) Власть есть такое отношеніе извѣстнаго лица къ другимъ лицамъ, въ которомъ лицо это тѣмъ менѣе принимаетъ участіе въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе оно выражаетъ мнѣнія, предположенія и оправданія совершающагося, совокупнаго дѣйствія.

2) Движеніе народовъ производятъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи и соединяющихся всегда такъ, что тѣ, которые принимаютъ наибольшее прямое участіе въ событіи, принимаютъ на себя наименьшую отвѣтственность; и наоборотъ.

Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи — тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность не мыслима безъ физической, то причина событія находится ни въ той, ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ.

Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины не приложимо.

Въ послѣднемъ анализѣ мы приходимъ къ кругу вѣчности, къ той крайней грани, къ которой во всякой области мышленія приходитъ умъ человѣческій, если не играетъ своимъ предметомъ. Электричество производитъ тепло, тепло производитъ электричество. Атомы притягиваются, атомы отталкиваются.

Говоря о взаимнодѣйствіи тепла и электричества и объ атомахъ, мы не можемъ сказать, почему это происходитъ,

и говоримъ, что это такъ есть потому, что немыслимо иначе, потому что такъ должно быть, что это законъ. То же самое относится и до историческихъ явленій. Почему происходитъ война или революція, мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другого дѣйствія люди складываются въ извѣстное соединеніе, въ которомъ они участвуютъ всѣ; и мы говоримъ, что это такъ есть, потому что немыслимо иначе, что это законъ.

VIII.

Если бы исторія имѣла дѣло до внѣшнихъ явленій, постановленіе этого простого и очевиднаго закона было бы достаточно, и мы бы кончили наше разсужденіе. Но законъ исторіи относится до человѣка. Частица матеріи не можетъ сказать намъ, что она вовсе не чувствуетъ потребности притягиванья и отталкиванья, и что это неправда; человѣкъ же, который есть предметъ исторіи, прямо говоритъ: я свободенъ и потому не подлежу законамъ.

Присутствіе хотя не высказаннаго вопроса о свободѣ воли человѣка чувствуется на каждомъ шагу исторіи.

Всѣ серьезно мыслившіе историки невольно приходили къ этому вопросу. Всѣ противорѣчія, неясности исторіи, тотъ ложный путь, по которому идетъ эта наука, основаны только на неразрѣшенности этого вопроса.

Если воля каждаго человѣка была свободна, т. е. что каждый могъ поступить такъ, какъ ему захотѣлось, то вся исторія есть рядъ безсвязныхъ случайностей.

Если даже одинъ человѣкъ изъ милліоновъ въ тысячелѣтній періодъ времени имѣлъ возможность поступить свободно, т. е. такъ, какъ ему захотѣлось, то очевидно, что

одинъ свободный поступокъ этого человѣка, противный законамъ, уничтожаетъ возможность существованія какихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества.

Если же есть хоть одинъ законъ, управляющій дѣйствіями людей, то не можетъ быть свободной воли, ибо воля людей должна подлежать этому закону.

Въ этомъ противорѣчіи заключается вопросъ о свободѣ воли, съ древнѣйшихъ временъ занимавшій лучшіе умы человѣчества и съ древнѣйшихъ временъ постановленный во всемъ громадномъ значеніи.

Вопросъ состоитъ въ томъ, что, глядя на человѣка, какъ на предметъ наблюденія съ какой бы то ни было точки зрѣнія, — богословской, исторической, этической, философской,—мы находимъ общій законъ необходимости, которому онъ подлежитъ такъ же, какъ и все существующее. Глядя же на него изъ себя, какъ на то, что мы сознаемъ, мы чувствуемъ себя свободными.

Сознаніе это есть совершенно отдѣльный и независимый отъ разума источникъ самопознанія. Черезъ разумъ человѣкъ наблюдаетъ самъ себя; но знаетъ онъ самъ себя только черезъ сознаніе.

Безъ сознанія себя немыслимо и никакое наблюденіе и приложеніе разума.

Для того, чтобы понимать, наблюдать, умозаключать, человѣкъ долженъ прежде сознавать себя живущимъ. Живущимъ человѣкъ знаетъ себя не иначе какъ хотящимъ, т. е. сознаетъ свою волю. Волю же свою, составляющую сущность его жизни, человѣкъ сознаетъ и не можетъ сознавать иначе, какъ свободною.

Если, подвергая себя наблюденію, человѣкъ видитъ, что

воля его направляется всегда по одному и тому же закону (наблюдаетъ ли онъ необходимость принимать пищу, или дѣятельность мозга, или что бы то ни было), онъ не можетъ понимать это всегда одинаковое направленіе своей воли иначе какъ ограниченіемъ ея. То, что не было бы свободно, не могло бы быть и ограничено. Воля человѣка представляется ему ограниченною именно потому, что онъ сознаетъ ее не иначе, какъ свободною.

Вы говорите: я не свободенъ. А я поднялъ и опустилъ руку. Всякій понимаетъ, что этотъ нелогическій отвѣтъ есть неопровержимое доказательство свободы.

Отвѣтъ этотъ есть выраженіе сознанія, не подлежащаго разуму.

Если бы сознаніе свободы не было отдѣльнымъ и независимымъ отъ разума источникомъ самопознанія, оно бы подчинялось разсужденію и опыту; но въ дѣйствительности такое подчиненіе никогда не бываетъ и не мыслимо.

Рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ каждому человѣку, что онъ, какъ предметъ наблюденія, подлежитъ извѣстнымъ законамъ, и человѣкъ подчиняется имъ и никогда не борется съ разъ узнаннымъ имъ закономъ тяготѣнія или непроницаемости. Но тотъ же рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ ему, что полная свобода, которую онъ сознаетъ въ себѣ—невозможна, что всякое дѣйствіе его зависитъ отъ его организаціи, отъ его характера и дѣйствующихъ на него мотивовъ; но человѣкъ никогда не подчиняется выводамъ этихъ опытовъ и разсужденій.

Узнавъ изъ опыта и разсужденія, что камень падаетъ внизъ, человѣкъ несомнѣнно вѣритъ этому и во всѣхъ случаяхъ ожидаетъ исполненія узнаннаго имъ закона.

Но, узнавъ также несомнѣнно, что воля его подлежитъ законамъ, онъ не вѣритъ и не можетъ вѣрить этому.

Сколько бы разъ опытъ и разсужденіе ни показывали человѣку, что въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ онъ сдѣлаетъ то же самое, что и прежде, онъ, въ тысячный разъ приступая въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ къ дѣйствію, всегда кончавшемуся одинаково, несомнѣнно чувствуетъ себя столь же увѣреннымъ въ томъ, что онъ можетъ поступать, какъ онъ захочетъ, какъ и до опыта. Всякій человѣкъ дикій и мыслитель, какъ бы неотразимо ему ни доказывали разсужденіе и опытъ то, что невозможно представить себѣ два поступка въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, чувствуетъ, что безъ этого безсмысленнаго представленія (составляющаго сущность свободы) онъ не можетъ себѣ представить жизни. Онъ чувствуетъ, что какъ бы это ни было невозможно, это есть, ибо безъ этого представленія свободы онъ не только не понималъ бы жизни, но не могъ бы жить ни одного мгновенія.

Онъ не могъ бы жить потому, что всѣ стремленія людей, всѣ побужденія къ жизни суть только стремленія къ увеличенію свободы. Богатство—бѣдность, слава—неизвѣстность, власть—подвластность, сила—слабость, здоровье—болѣзнь, образованіе—невѣжество, трудъ—досугъ, сытость—голодъ, добродѣтель—порокъ тутъ только бо́льшія или меньшія степени свободы.

Представить себѣ человѣка, не имѣющаго свободы, нельзя иначе, какъ лишеннымъ жизни.

Если понятіе о свободѣ для разума представляется безсмысленнымъ противорѣчіемъ, какъ возможность совершить два поступка въ одинъ и тотъ же моментъ времени или

дѣйствіе безъ причины, то это доказываетъ только то, что сознаніе не подлежитъ разуму.

Это-то непоколебимое, неопровержимое, не подлежащее опыту и разсужденію сознаніе свободы, признаваемое всѣми мыслителями и ощущаемое всѣми людьми безъ исключенія, сознаніе, безъ котораго не мыслимо никакое представленіе о человѣкѣ, и составляетъ другую сторону вопроса.

Человѣкъ есть твореніе всемогущаго, всеблагого и всевѣдущаго Бога. Что же такое есть грѣхъ, понятіе о которомъ вытекаетъ изъ сознанія свободы человѣка? вотъ вопросъ богословія.

Дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой. Въ чемъ же состоитъ отвѣтственность человѣка передъ обществомъ, понятіе о которой вытекаетъ изъ сознанія свободы? вотъ вопросъ права.

Поступки человѣка вытекаютъ изъ его прирожденнаго характера и мотивовъ, дѣйствующихъ на него. Чтò такое есть совѣсть и сознаніе добра и зла поступковъ, вытекающихъ изъ сознанія свободы? вотъ-вопросъ этики.

Человѣкъ въ связи съ общей жизнью человѣчества, представляется подчиненнымъ законамъ, опредѣляющимъ эту жизнь. Но тотъ же человѣкъ, независимо отъ этой связи, представляется свободнымъ. Какъ должна быть разсматриваема прошедшая жизнь народовъ и человѣчества, — какъ произведеніе свободной или несвободной дѣятельности людей? вотъ вопросъ исторіи.

Только въ наше самоувѣренное время популяризаціи знаній, благодаря сильнѣйшему орудію невѣжества — распространенію книгопечатанія, вопросъ о свободѣ воли сведенъ на такую почву, на которой и не можетъ быть самаго во-

проса. Въ наше время большинство такъ называемыхъ передовыхъ людей, т. е. толпа невѣжъ, приняла работы естествоиспытателей, занимающихся одной стороной вопроса, за разрѣшеніе всего вопроса.

Души и свободы нѣтъ, потому что жизнь человѣка выражается мускульными движеніями, а мускульныя движенія обусловливаются нервной дѣятельностью; души и свободы нѣтъ, потому что мы въ неизвѣстный періодъ времени произошли отъ обезьянъ, говорятъ, пишутъ и печатаютъ они, вовсе и не подозрѣвая того, что тысячелѣтія тому назадъ, всѣми религіями, всѣми мыслителями не только признанъ, но никогда и не былъ отрицаемъ тотъ самый законъ необходимости, который съ такимъ стараніемъ они стремятся доказать теперь физіологіей и сравнительной зоологіей. Они не видятъ того, что роль естественныхъ наукъ въ этомъ вопросѣ состоитъ только въ томъ, чтобы служить орудіемъ для освѣщенія одной стороны его. Ибо то, что, съ точки зрѣнія наблюденія, разумъ и воля суть только отдѣленія (sécrétion) мозга, и то, что человѣкъ, слѣдуя общему закону, могъ развиться изъ низшихъ животныхъ въ неизвѣстный періодъ времени, уясняетъ только съ новой стороны тысячелѣтія тому назадъ признанную всѣми религіями и философскими теоріями истину о томъ, что, съ точки зрѣнія разума, человѣкъ подлежитъ законамъ необходимости, но ни на волосъ не подвигаетъ разрѣшеніе вопроса, имѣющаго другую, противоположную сторону, основанную на сознаніи свободы.

Если люди произошли отъ обезьянъ въ неизвѣстный період времени, то это столь же понятно, какъ и то, что люди произошли отъ горсти земли въ извѣстный періодъ

времени (въ первомъ случаѣ X есть время, во второмъ происхожденіе), и вопросъ о томъ, какимъ образомъ соединяется сознаніе свободы человѣка съ закономъ необходимости, которому подлежитъ человѣкъ, не можетъ быть разрѣшенъ сравнительной физіологіей и зоологіей, ибо въ лягушкѣ, кроликѣ и обезьянѣ мы можемъ наблюдать только мускульно-нервную дѣятельность, а въ человѣкѣ—и мускульно-нервную дѣятельность и сознаніе.

Естествоиспытатели и ихъ поклонники, думающіе разрѣшать вопросъ этотъ, подобны штукатурамъ, которыхъ бы приставили заштукатурить одну сторону стѣны церкви и которые, пользуясь отсутствіемъ главнаго распорядителя работъ, въ порывѣ усердія, замазывали бы своей штукатуркой и окна, и образа, и лѣса, и не утвержденныя еще стѣны и радовались бы на то, какъ съ ихъ штукатурной точки зрѣнія все выходитъ ровно и гладко.

IX.

Разрѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости для исторіи, передъ другими отраслями знанія, въ которыхъ разрѣшался этотъ вопросъ, имѣетъ то преимущество, что для исторіи вопросъ этотъ относится не къ самой сущности воли человѣка, а къ представленію о проявленіи этой воли въ прошедшемъ и въ извѣстныхъ условіяхъ.

Исторія, по разрѣшенію этого вопроса, становится къ другимъ наукамъ въ положеніе науки опытной къ наукамъ умозрительнымъ.

Исторія своимъ предметомъ имѣетъ не самую волю человѣка, а наше представленіе о ней.

И потому для исторіи не существуетъ, какъ для богосло-

вія, этики и философіи, неразрѣшимой тайны о соединеніи двухъ противорѣчій свободы и необходимости. Исторія разсматриваетъ представленіе о жизни человѣка, въ которомъ соединеніе этихъ двухъ противорѣчій уже совершилось.

Въ дѣйствительной жизни каждое историческое событіе, каждое дѣйствіе человѣка понимается весьма ясно и опредѣленно, безъ ощущенія малѣйшаго противорѣчія, несмотря на то, что каждое событіе представляется частью свободнымъ, частью необходимымъ.

Для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ соединяются свобода и необходимость и что̀ составляетъ сущность этихъ двухъ понятій, философія исторіи можетъ и должна итти путемъ противнымъ тому, по которому шли другія науки. Вмѣсто того, чтобы, опредѣливъ въ самихъ себѣ понятія о свободѣ и необходимости, подъ составленныя опредѣленія подводить явленія жизни, исторія изъ огромнаго количества подлежащихъ ей явленій, всегда представляющихся въ зависимости отъ свободы и необходимости, должна вывести опредѣленіе самихъ понятій о свободѣ и о необходимости.

Какое бы мы ни разсматривали представленіе о дѣятельности многихъ людей или одного человѣка, мы понимаемъ его не иначе, какъ произведеніемъ отчасти свободы человѣка, отчасти законовъ необходимости.

Говоря ли о переселеніи народовъ и набѣгахъ варваровъ, или о распоряженіяхъ Наполеона III, или о поступкѣ человѣка, совершонномъ часъ тому назадъ и состоящемъ въ томъ, что изъ нѣсколькихъ направленій прогулки онъ выбралъ одно, мы не видимъ ни малѣйшаго противорѣчія. Мѣра свободы и необходимости, руководившей поступками этихъ людей, ясно опредѣлена для насъ.

Весьма часто представленіе о большей или меньшей свободѣ различно, смотря по различной точкѣ зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ явленіе; но всегда одинаково, каждое дѣйствіе человѣка представляется намъ не иначе какъ извѣстнымъ соединеніемъ свободы и необходимости. Въ каждомъ разсматриваемомъ дѣйствіи мы видимъ извѣстную долю свободы и извѣстную долю необходимости. И всегда, чѣмъ болѣе въ какомъ бы то ни было дѣйствіи мы видимъ свободы, тѣмъ менѣе необходимости; и чѣмъ болѣе необходимости, тѣмъ менѣе свободы.

Отношеніе свободы къ необходимости уменьшается и увеличивается, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается поступокъ; но отношеніе это всегда остается обратно пропорціональнымъ.

Человѣкъ тонущій, хватаясь за другого и потопляя его, или изнуренная кормленіемъ ребенка голодная мать, крадущая пищу, или человѣкъ, пріученный къ дисциплинѣ, по командѣ въ строю убивающій беззащитнаго человѣка, представляются менѣе виновными, т.-е. менѣе свободными и болѣе подлежащими закону необходимости, тому, кто знаетъ тѣ условія, въ которыхъ находились эти люди, и болѣе свободными тому, кто не знаетъ, что тотъ человѣкъ самъ тонулъ, что мать была голодна, солдатъ былъ въ строю и т. д. Точно такъ же человѣкъ, 20 лѣтъ тому назадъ совершившій убійство и послѣ того спокойно и безвредно жившій въ обществѣ, представляется менѣе виновнымъ, поступокъ его — болѣе подлежавшимъ закону необходимости для того, кто разсматривалъ его поступокъ по истеченіи 20 лѣтъ, и болѣе свободнымъ тому, кто разсматривалъ тотъ же поступокъ черезъ день послѣ того, какъ онъ былъ совершонъ. И точно такъ же каждый

поступокъ человѣка сумасшедшаго, пьянаго или сильно возбужденнаго представляется менѣе свободнымъ и болѣе необходимымъ тому, кто знаетъ душевное состояніе того, кто совершилъ поступокъ, и болѣе свободнымъ и менѣе необходимымъ тому, кто этого не знаетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ увеличивается или уменьшается понятіе о свободѣ и соотвѣтственно тому уменьшается или увеличивается понятіе о необходимости, смотря по той точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается поступокъ. Такъ что чѣмъ бо́льшая представляется необходимость, тѣмъ меньшая представляется свобода, и наоборотъ.

Религія, здравый смыслъ человѣчества, наука права и сама исторія одинаково понимаютъ это отношеніе между необходимостью и свободой.

Всѣ безъ исключенія случаи, въ которыхъ увеличивается и уменьшается наше представленіе о свободѣ и о необходимости, имѣютъ только три основанія:

1) Отношеніе человѣка, совершившаго поступокъ къ внѣшнему міру;

2) ко времени и

3) къ причинамъ, произведшимъ поступокъ.

Первое основаніе есть большее или меньшее видимое нами отношеніе человѣка къ внѣшнему міру, болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ опредѣленномъ мѣстѣ, которое занимаетъ каждый человѣкъ по отношенію ко всему одновременно съ нимъ существующему. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго очевидно, что тонущій человѣкъ менѣе свободенъ и болѣе подлежитъ необходимости, чѣмъ человѣкъ, стоящій на сушѣ; то основаніе, вслѣдствіе котораго дѣйствія человѣка, живущаго въ тѣсной связи съ другими людьми

въ густо населенной мѣстности, дѣйствія человѣка, связаннаго семьей, службой, предпріятіями, представляются несомнѣнно менѣе свободными и болѣе подлежащими необходимости, чѣмъ дѣйствія человѣка одинокаго и уединеннаго.

Если мы разсматриваемъ человѣка одного, безъ отношенія его ко всему окружающему, то каждое дѣйствіе его представляется намъ свободнымъ. Но если мы видимъ хоть какое-нибудь отношеніе его къ тому, что̀ окружаетъ его, если мы видимъ связь его съ чѣмъ бы то ни было, съ человѣкомъ, который говоритъ съ нимъ, съ книгой, которую онъ читаетъ, съ трудомъ, которымъ онъ занятъ, даже съ воздухомъ, который его окружаетъ, съ свѣтомъ даже, который падаетъ на окружающіе его предметы, мы видимъ, что каждое изъ этихъ условій имѣетъ на него вліяніе и руководитъ хотя одной стороной его дѣятельности. И настолько, насколько мы видимъ этихъ вліяній, настолько уменьшается наше представленіе о его свободѣ и увеличивается представленіе о необходимости, которой онъ подлежитъ.

2) Второе основаніе есть: бо̀льшее или мѐньшее видимое временное отношеніе человѣка къ міру: болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ мѣстѣ, которое дѣйствіе человѣка занимаетъ во времени. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго паденіе перваго человѣка, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ происхожденіе рода человѣческаго, представляется очевидно менѣе свободнымъ, чѣмъ вступленіе въ бракъ современнаго человѣка. Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго жизнь и дѣятельность людей, жившихъ вѣка̀ тому назадъ, и связанная со мною во времени, не можетъ представляться мнѣ столь свободною, какъ жизнь современная, послѣдствія которой мнѣ еще неизвѣстны.

Постепенность представленія о большей или меньшей свободѣ и необходимости въ этомъ отношеніи зависитъ отъ бо̀льшаго или меньшаго промежутка времени отъ совершенія поступка до сужденія о немъ.

Если я разсматриваю поступокъ, совершонный мной минуту тому назадъ, при приблизительно тѣхъ же самыхъ условіяхъ, при которыхъ я нахожусь теперь, мой поступокъ представляется мнѣ несомнѣнно свободнымъ. Но если я обсуживаю поступокъ, совершонный мѣсяцъ тому назадъ, то, находясь въ другихъ условіяхъ, я невольно признаю, что если бы поступокъ этотъ не былъ совершонъ,—многое полезное, пріятное и даже необходимое, вытекшее изъ этого поступка, не имѣло бы мѣста. Если я перенесусь воспоминаніемъ къ поступку еще болѣе отдаленному, за 10 лѣтъ и далѣе, то послѣдствія моего поступка представятся мнѣ еще очевиднѣе; и мнѣ трудно будетъ представить себѣ, что̀ бы было, если бы не было поступка. Чѣмъ дальше назадъ буду переноситься я воспоминаніями, или, что то же самое, впередъ сужденіемъ, тѣмъ разсужденіе мое о свободѣ поступка будетъ становиться сомнительнѣе.

Точно ту же прогрессію убѣдительности объ участіи свободной воли на общія дѣла человѣчества мы находимъ и въ исторіи. Совершившееся современное событіе представляется намъ несомнѣнно произведеніемъ всѣхъ извѣстныхъ людей; но въ событіи болѣе отдаленномъ мы видимъ уже его неизбѣжныя послѣдствія, помимо которыхъ, мы ничего другого не можемъ представить. И чѣмъ дальше переносимся мы назадъ въ разсматриваніи событій, тѣмъ менѣе они намъ представляются произвольными.

Австро-прусская война представляется намъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ дѣйствій хитраго Бисмарка и т. п.

Наполеоновскія войны, хотя уже сомнительно, но еще представляются намъ произведеніями воли героевъ; но въ Крестовыхъ походахъ мы уже видимъ событіе, опредѣленно занимающее свое мѣсто и безъ котораго немыслима новая исторія Европы, хотя точно такъ же для лѣтописцевъ Крестовыхъ походовъ событіе это представлялось только произведеніемъ воли нѣкоторыхъ лицъ. Въ переселеніи народовъ никому уже въ наше время не приходитъ въ голову, чтобы отъ произвола Аттилы зависѣло обновить европейскій міръ. Чѣмъ дальше назадъ мы переносимъ въ исторіи предметъ наблюденія, тѣмъ сомнительнѣе становится свобода людей, производившихъ событія, и тѣмъ очевиднѣе законъ необходимости.

3) Третье основаніе есть большая или меньшая доступность для насъ той безконечной связи причинъ, составляющей неизбѣжное требованіе разума, въ которой каждое понимаемое явленіе, и потому каждое дѣйствіе человѣка, должно имѣть свое опредѣленное мѣсто, какъ слѣдствіе для предыдущихъ и какъ причина для послѣдующихъ.

Это есть то основаніе, вслѣдствіе котораго дѣйствія нами и другихъ людей представляются намъ, съ одной стороны, тѣмъ болѣе свободными и менѣе подлежащими необходимости, чѣмъ болѣе извѣстны намъ тѣ выведенные изъ наблюденія физіологическіе, психологическіе и историческіе законы, которымъ подлежитъ человѣкъ, и чѣмъ вѣрнѣе усмотрѣна нами физіологическая, психологическая или историческая причина дѣйствія; съ другой стороны, чѣмъ проще самое наблюдаемое дѣйствіе и чѣмъ несложнѣе характеромъ и умомъ тотъ человѣкъ, дѣйствіе котораго мы разсматриваемъ.

Когда мы совершенно не понимаемъ причины поступка: въ случаѣ ли злодѣйства, добродѣтели или даже безразлич-

наго по добру и злу поступка, мы въ такомъ поступкѣ признаемъ наибольшую долю свободы. Въ случаѣ злодѣйства мы болѣе всего требуемъ за такой поступокъ наказанія; въ случаѣ добродѣтели болѣе всего цѣнимъ такой поступокъ. Въ безразличномъ случаѣ признаемъ наибольшую индивидуальность, оригинальность, свободу. Но если хоть одна изъ безчисленныхъ причинъ извѣстна намъ, мы признаемъ уже извѣстную долю необходимости и менѣе требуемъ возмездія за преступленіе, менѣе признаемъ заслуги въ добродѣтельномъ поступкѣ, менѣе свободы въ казавшемся оригинальномъ поступкѣ. То, что преступникъ былъ воспитанъ въ средѣ злодѣевъ, уже смягчаетъ его вину. Самоотверженіе отца, матери,—самоотверженіе съ возможностью награды болѣе понятно, чѣмъ безпричинное самоотверженіе, и потому представляется менѣе заслуживающимъ сочувствія, менѣе свободнымъ. Основатель секты, партіи, изобрѣтатель менѣе удивляютъ насъ, когда мы знаемъ, какъ и чѣмъ была подготовлена его дѣятельность. Если мы имѣемъ большой рядъ опытовъ, если наблюденіе наше постоянно направлено на отысканіе соотношеній въ дѣйствіяхъ людей между причинами и слѣдствіями, то дѣйствія людей представляются намъ тѣмъ болѣе необходимыми и тѣмъ менѣе свободными, чѣмъ вѣрнѣе мы связываемъ послѣдствія съ причинами. Если разсматриваемыя дѣйствія просты, и мы для наблюденія имѣли огромное количество такихъ дѣйствій, то представленіе наше объ ихъ необходимости будетъ еще полнѣе. Безчестный поступокъ сына безчестнаго отца, дурное поведеніе женщины, попавшей въ извѣстную среду, возвращеніе къ пьянству пьяницы и т. п. суть поступки, которые тѣмъ менѣе представляются намъ свободными, чѣмъ понятнѣе для насъ при-

чина. Если же и самый человѣкъ, дѣйствіе котораго мы разсматриваемъ, стоитъ на самой низкой степени развитія ума, какъ ребенокъ, сумасшедшій, дурачокъ, то мы, зная причины дѣйствія и несложность характера и ума, уже видимъ столь большую долю необходимости и столь малую свободы, что, какъ скоро намъ извѣстна причина, долженствующая произвести дѣйствіе, мы можемъ предсказать поступокъ.

Только на этихъ трехъ основаніяхъ строятся существующая во всѣхъ законодательствахъ невмѣняемость преступленій и уменьшающія вину обстоятельства. Вмѣняемость представляется бо̀льшею или меньшею, смотря по бо̀льшему или меньшему знанію условій, въ которыхъ находился человѣкъ, поступокъ котораго обсуживается, по бо̀льшему или меньшему промежутку времени отъ совершенія поступка до сужденія о немъ и по бо̀льшему или меньшему пониманію причинъ поступка.

X.

И такъ, представленіе наше о свободѣ и необходимости постепенно уменьшается и увеличивается, смотря по бо̀льшей или меньшей связи съ внѣшнимъ міромъ, по бо̀льшему или меньшему отдаленію времени и бо̀льшей или меньшей зависимости отъ причинъ, въ которыхъ мы разсматриваемъ явленіе жизни человѣка.

Такъ что если мы разсматриваемъ такое положеніе человѣка, въ которомъ связь съ внѣшнимъ міромъ наиболѣе извѣстна, періодъ времени сужденія отъ времени совершенія поступка наибольшій и причины поступка наидоступнѣйшія, то мы получаемъ представленіе о наибольшей необходимости и наименьшей свободѣ. Если же мы разсматриваемъ чело-

вѣка въ наименьшей зависимости отъ внѣшнихъ условій, если дѣйствіе его совершено въ ближайшій моментъ къ настоящему и причины его дѣйствія намъ недоступны, то мы получимъ представленіе о наименьшей необходимости и наибольшей свободѣ.

Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ бы мы ни измѣняли нашу точку зрѣнія, какъ бы ни уясняли себѣ ту связь, въ которой находится человѣкъ съ внѣшнимъ міромъ, или какъ бы ни доступна она намъ казалась, какъ бы ни удлинняли или укорачивали періодъ времени, какъ бы понятны или непостижимы ни были для насъ причины, мы никогда не можемъ себѣ представить ни полной свободы, ни полной необходимости.

1) Какъ бы мы ни представляли себѣ человѣка исключеннымъ отъ вліяній внѣшняго міра, мы никогда не получимъ понятія о свободѣ въ пространствѣ. Всякое дѣйствіе человѣка неизбѣжно обусловлено и тѣмъ, что окружаетъ его самымъ тѣломъ человѣка. Я поднимаю руку и опускаю ее. Дѣйствіе мое кажется мнѣ свободнымъ; но спрашивая себя: могъ ли я по всѣмъ направленіямъ поднять руку, я вижу, что я поднялъ руку по тому направленію, по которому для этого дѣйствія было менѣе препятствій, находящихся какъ въ тѣлахъ, меня окружающихъ, такъ и въ устройствѣ моего тѣла. Если изъ всѣхъ возможныхъ направленій я выбралъ одно, то я выбралъ его потому, что по этому направленію было меньше препятствій. Для того, чтобы дѣйствіе мое было свободнымъ, необходимо, чтобы оно не встрѣчало себѣ никакихъ препятствій. Для того, чтобы представить себѣ человѣка свободнымъ, мы должны представить его себѣ внѣ пространства, что̀ очевидно невозможно.

2) Какъ бы мы ни приближали время сужденія ко времени поступка, мы никогда не получимъ понятія свободы во времени. Ибо если я разсматриваю поступокъ, совершонной секунду тому назадъ, я все-таки долженъ признать не свободу поступка, такъ какъ поступокъ закованъ тѣмъ моментомъ времени, въ которомъ онъ совершонъ. Могу ли я поднять руку? Я поднимаю ее; но спрашиваю себя: могъ ли я не поднять руки въ тотъ прошедшій уже моментъ времени? Чтобы убѣдиться въ этомъ, я въ слѣдующій моментъ не поднимаю руки. Но я не поднялъ руки не въ тотъ первый моментъ, когда я спросилъ себя о свободѣ. Прошло время, удержать которое было не въ моей власти, и та рука, которую я тогда поднялъ, и тотъ воздухъ, въ которомъ я тогда сдѣлалъ то движеніе, уже не тотъ воздухъ, который теперь окружаетъ меня, и не та рука, которой я теперь не дѣлаю движенія. Тотъ моментъ, въ который совершилось первое движеніе, невозвратимъ, и въ тотъ моментъ я могъ сдѣлать только одно движеніе, и какое бы я ни сдѣлалъ движеніе, движеніе это могло быть только одно. То, что я въ слѣдующую минуту не поднялъ руки, не доказало того, что я могъ не поднять ея. И такъ какъ движеніе мое могло быть только одно, въ одинъ моментъ времени, то оно и не могло быть другое. Для того, чтобы представить его себѣ свободнымъ, надо представить его себѣ въ настоящемъ, въ грани прошедшаго и будущаго, т. е. внѣ времени, что невозможно и

3) Какъ бы ни увеличивалась трудность постиженія причины, мы никогда не придемъ къ представленію полной свободы, т. е. къ отсутствію причины. Какъ бы ни была непостижима для насъ причина выраженія воли въ какомъ бы то ни было своемъ или чужомъ поступкѣ, первое требованіе

ума есть предположеніе и отысканіе причины, безъ которой немыслимо никакое явленіе. Я поднимаю руку съ тѣмъ, чтобы совершить поступокъ, независимый отъ всякой причины, но то, что я хочу совершить поступокъ, не имѣющій причины, есть причина моего поступка.

Но даже если бы, представивъ себѣ человѣка совершенно исключеннаго отъ всѣхъ вліяній, разсматривая только его мгновенный поступокъ настоящаго и не вызванный никакой причиной, мы бы допустили безконечно малый остатокъ необходимости равнымъ нулю, мы бы и тогда не пришли къ понятію о полной свободѣ человѣка; ибо существо, не принимающее на себя вліяній внѣшняго міра, находящееся внѣ времени и не зависящее отъ причинъ, уже не есть человѣкъ.

Точно такъ же мы никогда не можемъ представить себѣ дѣйствія человѣка безъ участія свободы и подлежащаго только закону необходимости.

1) Какъ бы ни увеличивалось наше знаніе тѣхъ пространственныхъ условій, въ которыхъ находится человѣкъ, знаніе это никогда не можетъ быть полное, такъ какъ число этихъ условій безконечно велико такъ же, какъ безконечно пространство. И потому какъ скоро опредѣлены не *всѣ* условія вліяній на человѣка, то и нѣтъ полной необходимости, а есть извѣстная доля свободы.

2) Какъ бы мы ни удлинняли періодъ времени отъ того явленія, которое мы разсматриваемъ, до времени сужденія, періодъ этотъ будетъ конеченъ, а время безконечно, а потому и въ этомъ отношеніи никогда не можетъ быть полной необходимости.

3) Какъ бы ни была доступна цѣпь причинъ какого бы то ни было поступка, мы никогда не будемъ знать всей цѣ-

ни, такъ какъ она безконечна, и опять никогда не получимъ полной необходимости.

Но, кромѣ того, если бы даже, допустивъ остатокъ наименьшей свободы равнымъ нулю, мы бы признали въ какомъ-нибудь случаѣ, какъ напримѣръ въ умирающемъ человѣкѣ, въ зародышѣ, въ идіотѣ, полное отсутствіе свободы, мы бы тѣмъ самымъ уничтожили самое понятіе о человѣкѣ, которое мы разсматриваемъ; ибо какъ только нѣтъ свободы, нѣтъ и человѣка. И потому представленіе о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы, такъ же невозможно, какъ и представленіе о вполнѣ свободномъ дѣйствіи человѣка.

И такъ, для того, чтобы представить себѣ дѣйствіе человѣка, подлежащее одному закону необходимости, безъ свободы, мы должны допустить знаніе *безконечнаго* количества пространственныхъ условій *безконечно* великаго періода времени и *безконечнаго* ряда причинъ.

Для того, чтобы представить себѣ человѣка совершенно свободнаго, не подлежащаго закону необходимости, мы должны представить его себѣ одного *внѣ пространства, внѣ времени* и *внѣ зависимости отъ причинъ*.

Въ первомъ случаѣ, если бы возможна была необходимость безъ свободы, мы бы пришли къ опредѣленію законами необходимости тою же необходимостью, т. е. къ одной формѣ безъ содержанія.

Во второмъ случаѣ, если бы возможна была свобода безъ необходимости, мы бы пришли къ безусловной свободѣ внѣ пространства, времени и причинъ, которая по тому самому, что была бы безусловна и ничѣмъ не ограничивалась, была бы ничто или одно содержаніе безъ формы.

Мы бы пришли вообще къ тѣмъ двумъ основаніямъ, изъ которыхъ складывается все міросозерцаніе человѣка—къ непостижимой сущности жизни и къ законамъ, опредѣляющимъ эту сущность.

Разумъ говоритъ: 1) Пространство со всѣми формами, которыя даетъ ему видимость его—матерія—безконечно и не можетъ быть мыслимо иначе. 2) Время есть безконечное движеніе безъ одного момента покоя, и оно не можетъ быть мыслимо иначе. 3) Связь причинъ и послѣдствій не имѣетъ начала и́ не можетъ имѣть конца.

Сознаніе говоритъ: 1) Я одинъ, и все, что существуетъ, есть только я; слѣдовательно, я включаю пространство; 2) я мѣряю бѣгущее время неподвижнымъ моментомъ настоящаго, въ которомъ одномъ я сознаю себя живущимъ; слѣдовательно, я внѣ времени, и 3) я внѣ причины, ибо я чувствую себя причиной всякаго проявленія своей жизни.

Разумъ выражаетъ законы необходимости. Сознаніе выражаетъ сущность свободы.

Свобода, ничѣмъ неограниченная, есть сущность жизни въ сознаніи человѣка. Необходимость безъ содержанія есть разумъ человѣка съ его тремя формами.

Свобода есть то, что̀ разсматривается. Необходимость есть то, что̀ разсматриваетъ. Свобода есть содержаніе. Необходимость есть форма.

Только при разъединеніи двухъ источниковъ познаванія относящихся другъ къ другу какъ форма къ содержанію, получаются отдѣльно, взаимно исключающіяся и непостижимыя понятія о свободѣ и о необходимости.

Только при соединеніи ихъ получается ясное представленіе о жизни человѣка.

Внѣ этихъ двухъ взаимно опредѣляющихся въ соединеніи своемъ, какъ форма съ содержаніемъ, понятій, невозможно никакое представленіе жизни.

Все, что мы знаемъ о жизни людей, есть только извѣстное отношеніе свободы къ необходимости, т. е. сознанія къ законамъ разума.

Все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ природы, есть только извѣстное отношеніе силъ природы къ необходимости или сущности жизни къ законамъ разума.

Силы жизни природы лежатъ внѣ насъ и не сознаваемы нами, и мы называемъ эти силы тяготѣніемъ, инерціей, электричествомъ, животной силой и т. д.; но сила жизни человѣка сознаваема нами, и мы называемъ ее свободой.

Но точно такъ же, какъ непостижимая сама въ себѣ сила тяготѣнія, ощущаемая всякимъ человѣкомъ, только настолько понятна намъ, насколько мы знаемъ законы необходимости, которой она подлежитъ (отъ перваго знанія, что всѣ тѣла тяжелы, до закона Ньютона), точно такъ же и непостижимая, сама въ себѣ, сила свободы, сознаваемая каждымъ, только настолько понятна намъ, насколько мы знаемъ законы необходимости, которымъ она подлежитъ (начиная отъ того, что всякій человѣкъ умираетъ, и до знанія самыхъ сложныхъ экономическихъ или историческихъ законовъ).

Всякое знаніе есть только подведеніе сущности жизни подъ законы разума.

Свобода человѣка отличается отъ всякой другой силы тѣмъ, что сила эта сознаваема человѣкомъ; но для разума она ничѣмъ не отличается отъ всякой другой силы. Сила тяготѣнія, электричества или химическаго сродства только

тѣмъ и отличаются другъ отъ друга, что силы эти различно опредѣлены разумомъ. Точно такъ же сила свободы человѣка для разума отличается отъ другихъ силъ природы только тѣмъ опредѣленіемъ, которое ей даетъ этотъ разумъ. Свобода же безъ необходимости, т.-е. безъ законовъ разума, опредѣляющихъ ее, ничѣмъ не отличается отъ тяготѣнія, или тепла, или силы растительности;—она есть для разума только мгновенное, неопредѣлимое ощущеніе жизни.

И какъ неопредѣлимая сущность силы, двигающей небесныя тѣла, неопредѣлимая сущность силы тепла, электричества, или силы химическаго сродства или жизненной силы составляютъ содержаніе астрономіи, физики, химіи, ботаники, зоологіи и т. д., точно такъ же, сущность силы свободы составляетъ содержаніе исторіи. Но точно такъ же, какъ предметъ всякой науки есть проявленіе этой неизвѣстной сущности жизни, сама же эта сущность можетъ быть только предметомъ метафизики,—точно такъ же проявленіе силы свободы людей въ пространствѣ, времени и зависимости отъ причинъ составляетъ предметъ исторіи; сама же свобода есть предметъ метафизики.

Въ наукахъ опытныхъ то, что извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что неизвѣстно намъ, мы называемъ жизненной силой. Жизненная сила есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о сущности жизни.

Точно такъ же въ исторіи, то, что̀ извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости; то, что̀ неизвѣстно, — свободой. Свобода для исторіи есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что̀ мы знаемъ о законахъ жизни человѣка.

XI.

Исторія разсматриваетъ проявленіе свободы человѣка въ связи съ внѣшнимъ міромъ во времени и въ зависимости отъ причинъ, т.-е. опредѣляетъ эту свободу законами разума, и потому исторія только настолько есть наука, насколько эта свобода опредѣлена этими законами.

Для исторіи признаніе свободы людей какъ силы, могущей вліять на историческія событія, т.-е. не подчиненной законамъ, есть то же, что для астрономіи признаніе свободной силы движенія небесныхъ силъ.

Признаніе это уничтожаетъ возможность существованія законовъ, т.-е. какого бы то ни было знанія. Если существуетъ хоть одно свободно двигающееся тѣло, то не существуетъ болѣе законовъ Кеплера и Ньютона и не существуетъ болѣе никакого представленія о движеніи небесныхъ тѣлъ. Если существуетъ одинъ свободный поступокъ человѣка, то не существуетъ ни одного историческаго закона и никакого представленія объ историческихъ событіяхъ.

Для исторіи существуютъ линіи движенія человѣческихъ воль, одинъ конецъ которыхъ скрывается въ невѣдомомъ, а на другомъ концѣ которыхъ движется въ пространствѣ, во времени и въ зависимости отъ причинъ сознаніе свободы людей въ настоящемъ.

Чѣмъ болѣе раздвигается передъ нашими глазами это поприще движенія, тѣмъ очевиднѣе законы этого движенія. Уловить и опредѣлить эти законы составляетъ задачу исторіи.

Съ той точки зрѣнія, съ которой наука смотритъ теперь на свой предметъ, по тому пути, по которому она идетъ, отыскивая причины явленій въ свободной волѣ людей, выра-

женіе законовъ для науки невозможно, ибо какъ бы мы ни ограничивали свободу людей, какъ только мы ее признали за силу, не подлежащую законамъ, существованіе закона невозможно.

Только ограничивъ эту свободу до безконечности, т.-е. разсматривая ее какъ безконечно малую величину, мы убѣдимся въ совершенной недоступности причинъ, и тогда, вмѣсто отысканія причинъ, исторія поставитъ своей задачей отысканіе законовъ.

Отысканіе этихъ законовъ уже давно начато, и тѣ новые пріемы мышленія, которые должна усвоить себѣ исторія, вырабатываются одновременно съ самоуничтоженіемъ, къ которому, все дробя и дробя причины явленій, идетъ старая исторія.

По этому пути шли всѣ науки человѣческія. Придя къ безконечно-малому, математика, точнѣйшая изъ наукъ оставляетъ процессъ дробленія и приступаетъ къ новому процессу суммованія неизвѣстныхъ, безконечно-малыхъ. Отступая отъ понятія о причинѣ, математика отыскиваетъ законъ, т.-е. свойства, общія всѣмъ неизвѣстнымъ безконечно-малымъ элементамъ.

Хотя и въ другой формѣ, но по тому же пути мышленія шли и другія науки. Когда Ньютонъ высказалъ законъ тяготѣнія, онъ не сказалъ, что солнце или земля имѣютъ свойство притягивать: онъ сказалъ, что всякое тѣло—отъ крупнѣйшаго до малѣйшаго, имѣетъ свойство какъ бы притягивать одно другое, т.-е., оставивъ въ сторонѣ вопросъ о причинѣ движенія тѣлъ, онъ выразилъ свойство, общее всѣмъ тѣламъ, отъ безконечно-великихъ до безконечно-малыхъ. То же дѣлаютъ естественныя науки: оставляя вопросъ

о причинѣ, онѣ отыскиваютъ законы. На томъ же пути стоитъ и исторія. И если исторія имѣетъ предметомъ изученіе движеній народовъ и человѣчества, а не описаніе эпизодовъ изъ жизни людей, то она должна, отстранивъ понятіе причинъ, отыскивать законы, общіе всѣмъ равнымъ и неразрывно связаннымъ между собою безконечно-малымъ элементамъ свободы.

XII.

Съ тѣхъ поръ, какъ найденъ и доказанъ законъ Коперника, одно признаніе того, что движется не солнце, а земля, уничтожило всю космографію древнихъ. Можно было опровергнуть законъ, удержать старое воззрѣніе на движенія тѣлъ, но, не опровергнувъ его, нельзя было, казалось, продолжать изученіе Птоломеевыхъ міровъ. Но и послѣ открытія закона Коперника Птоломеевы міры еще долго продолжали изучаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ первый человѣкъ сказалъ и доказалъ, что количество рожденій или преступленій подчиняется математическимъ законамъ, и что извѣстныя географическія и политико-экономическія условія опредѣляютъ тотъ или другой образъ правленія, что извѣстныя отношенія населенія къ землѣ производятъ движенія народа, съ тѣхъ поръ уничтожились въ сущности своей тѣ основанія, на которыхъ строилась исторія.

Можно было, опровергнувъ новые законы, удержать прежнее воззрѣніе на исторію, но, не опровергнувъ ихъ, нельзя было, казалось, продолжать изучать историческія событія, какъ произведеніе свободной воли людей. Ибо если установился такой-то образъ правленія или совершилось такое-то

движеніе народа, вслѣдствіе такихъ-то географическихъ, этнографическихъ или экономическихъ условій, то воля тѣхъ людей, которые представляются намъ установившими образъ правленія или возбудившими движеніе народа, уже не можетъ быть разсматриваема какъ причина.

А между тѣмъ прежняя исторія продолжаетъ изучаться наравнѣ съ законами статистики, географіи, политической экономіи, сравнительной филологіи и геологіи, прямо противорѣчащими ея положеніямъ.

Долго и упорно шла въ физической философіи борьба между старымъ и новымъ взглядами. Богословіе стояло на стражѣ за старый взглядъ и обвиняло новый въ разрушеніи откровенія. Но когда истина побѣдила, богословіе построилось такъ же твердо на новой почвѣ.

Такъ же долго и упорно идетъ борьба въ настоящее время между старымъ и новымъ воззрѣніями на исторію и точно такъ же богословіе стоитъ на стражѣ за старый взглядъ и обвиняетъ новый въ разрушеніи откровенія.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ борьба вызываетъ страсти и заглушаетъ истину. Съ одной стороны является борьба страха и жалости за все, вѣками воздвигнутое, зданіе, съ другой—борьба страсти къ разрушенію.

Людямъ, боровшимся съ возникавшей истиной физической философіи, казалось, что, признай они эту истину, разрушается вѣра въ Бога, въ сотвореніе тверди, въ чудо Іисуса Навина. Защитникамъ законовъ Коперника и Ньютона, Вольтеру напримѣръ, казалось, что законы астрономіи разрушаютъ религію, и онъ, какъ орудіе противъ религіи, употреблялъ законы тяготѣнія.

Точно такъ же теперь кажется, стоитъ только признать законъ необходимости, и разрушатся понятіе о душѣ, о добрѣ и злѣ и всѣ воздвигнутыя на этомъ понятіи государственныя и церковныя учрежденія.

Точно такъ же теперь, какъ Вольтеръ въ свое время, непризнанные защитники закона необходимости употребляютъ этотъ законъ необходимости, какъ орудіе противъ религіи; тогда какъ, точно такъ же, какъ и законъ Коперника въ астрономіи, законъ необходимости въ исторіи не только не уничтожаетъ, но даже утверждаетъ ту почву, на которой строятся государственныя и церковныя учрежденія.

Какъ въ вопросѣ астрономіи тогда, такъ и теперь въ вопросѣ исторіи все различіе воззрѣнія основано на признаніи или непризнаніи абсолютной единицы, служащей мѣриломъ видимыхъ явленій. Въ астрономіи это была неподвижность земли; въ исторіи—это независимость личности—свобода.

Какъ для астрономіи трудность признанія движенія земли состояла въ томъ, чтобы отказаться отъ непосредственнаго чувства неподвижности земли и такого же чувства движенія планетъ, такъ и для исторіи трудность признанія подчиненности личности законамъ пространства, времени и причинности состоитъ въ томъ, чтобы отказаться отъ непосредственнаго чувства независимости своей личности. Но какъ въ астрономіи новое воззрѣніе говорило: „правда, мы не чувствуемъ движенія земли, но, допустивъ ея неподвижность, мы приходимъ къ безсмыслицѣ; допустивъ же движеніе, котораго мы не чувствуемъ, мы приходимъ къ законамъ“, такъ и въ исторіи новое воззрѣніе говоритъ: „правда, мы не чувствуемъ нашей зависимости, но, допустивъ нашу свободу, мы приходимъ къ безсмыслицѣ; допустивъ же свою зависи-

мость отъ внѣшняго міра, времени и причинъ, приходимъ къ законамъ".

Въ первомъ случаѣ надо было отказаться отъ сознанія несуществующей неподвижности въ пространствѣ и признать неощущаемое нами движеніе; въ настоящемъ случаѣ, точно такъ же необходимо отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость.

КОНЕЦЪ.